

Игра воровки
Клятва воина

Игра воровки
Клятва воина

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЖУЛЬЕТ Э.
МАККЕННА

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

JULIET E.

McKENNA

The Thief's Gamble
The Swordsman's Oath

ДЖУЛЬЕТ Э.

МАККЕННА

Игра воровки

Клятва воина

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
М15

Серия основана в 1999 году

Juliet E. McKenna
THE THIEF'S GAMBLE
THE SWORDSMAN'S OATH
1999

Перевод с английского Ю.А. Кряклиной

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора,
издательства Little, Brown & Co UK, Ltd,
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 30.05.03. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 42,84. Тираж 7000 экз. Заказ № 1223.

Маккенна Д.Э.

М15 Игра воровки. Клятва воина: Фантаст. романы / Д.Э. Маккенна;
Пер. с англ. Ю.А. Кряклиной. — М.: ООО «Издательство АСТ»,
2003. — 812, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-019629-6

Эйнаринн.

Мир, которым правит магия — магия, подвластная лишь избранным великим мастерам, живущим на загадочном острове Хадрамал.

Мир, где прошлое и настоящее сплелись в опасной игре, которую, сама того не зная, начала смелая воровка, укравшая один из величайших магических артефактов древности...

Мир, который в силах спасти от зловещей Силы эльетимов — магов Ледяных Островов — лишь бесстрашный воин-одиночка, поклявшийся некогда отомстить эльетимам за смерть друга...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Juliet E. McKenna, 1999
© Перевод. Ю.А. Кряклина, 2001, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Игра воровки

Моим сыновьям, Киту и Йену

ГЛАВА 1

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

Большинство азартных игр вращается вокруг древних рун, используемых для предсказаний и давно отринутых цивилизованными странами. Одни игры основаны на чисто случайном сочетании рун; иные строятся на выбрасывании комбинаций, которые приносят определенное количество очков. И в том, и в другом случае существенное значение имеет натренированная память.

Разумеется, предпочтительнее играть с друзьями, в атмосфере праздника, под хорошее вино, а ставки и условия выплаты долгов следует оговорить заранее. Хозяева приличных постоянных дворов в городах и на головных трактах считают нелишним позаботиться о постоянно действующем игорном столе для путешественников. Игры там, как правило, проходят без эксцессов, и ставки бывают чрезвычайно высоки. Если удача и мастерство вас не подведут, вы можете встать из-за стола с туго набитым кошельком. Однако долги, сделанные в такой компании, должны быть немедленно выплачены, если вы не желаете, чтобы ваши товар и багаж пошли на их оплату.

Не обманитесь случайными развлечениями, царящими в городе во время празднеств. Остерегайтесь доброжелательного незнакомца, который предлагает вам дружескую игру, дабы скоротать скучный вечер в таверне у глухих дорог. Встречаются порой люди, удаленные прочь от очага, лишенные чести и совести, или беглые, которые обводят вокруг пальца неосмотрительных, выигрывая с помощью утяжеленных рун и ловкости рук. Такие уроки ничуть не лучше наемников и воров.

Трактир «Вьючная Лошадь» на дороге к Колу, к югу от Амбафоста, Энсеймин, 12-е предосени

Некоторые возможности следует сопровождать надписью «Слишком хорошо, чтобы быть правдой». Конечно, скажете вы, за те десять лет, что я живу своим умом, я ~~должна~~ бы научиться распознавать их. Я тоже так думала — но увы.

Той ночью, когда такая вот возможность внесла хаос в мою жизнь, я сидела, сытно поужинав, перед ревущим камином и слушала, как ветер терзает уютный трактир. На мне была моя обычная, ничем не примечательная дорожная одежда, и я думала: если повезет, то посетителям пивной не удастся определить мой возраст, пол и род занятий. Быть неприметной — талант, который я культивирую: средний рост, среднее сложение, ничего особенного, если я не решу иначе. Положив ноги на скамеечку и надвинув шляпу на глаза, я, возможно, выглядела дремлющей, но мысленно шагала по комнате и пинала мебель. Где Хэлис? Мы должны были встретиться здесь четыре дня назад, и эта незапланированная остановка пожирала мои средства. Опаздывает на встречу... нет, это не похоже на нее. В тех редких случаях, когда подобное случалось раньше, она всегда присылала записку. Что же мне делать?

Я снова пересчитала деньги, незаметно для всех сунув пальцы в кошелек под рубашкой. Я ношу на себе благородные монеты днем и ночью: мне не раз приходилось бросать свои пожитки, а вот оказаться на улице без денег равносильно катастрофе. У меня было тридцать каладрийских звезд, десять тормалинских крон и, наконец, дарующие радость и утешение три весомые имперские кроны. Более чем достаточно, чтобы играть на Осенней ярмарке в Коле, да еще в номере у меня припрятан тяжелый мешочек простых монет, которые покроют дорожные расходы, задумай я уехать завтра же утром. А если ожидание затянется, то придется платить за дилижанс, что серьезно сократит мои запасы.

Однако существовала проблема: мне не хотелось работать на Осенней ярмарке одной. Это доходное место вполне могло оказаться опасным, и хотя теперь я могу постоять за себя, Хэлис по-прежнему намного искусней меня владеет мечом и ножами. Работа в паре имеет и другие преимущества: если кто-то чувствует невезение в раскладе рун, то ему гораздо труднее понять причину, когда есть два человека, выравнивающих шансы. Более того, никому не придет в голову, что две женщины сообща занимаются азартной игрой, даже в большом городе. Я могла сговориться с другими, но Хэлис лучше многих, а также честнее некоторых.

Вероятнее всего, Хэлис сейчас томится в тюрьме какого-нибудь лорда, ожидая местной разновидности суда. За-

бывшись, я выругалась вслух, но, к счастью, никто не услышал: кроме меня, в пивной было только трое, и они увлеченно разговаривали с хозяином. Судя по одежде, купцы. Здесь был проторенный торговый путь, и, по-видимому, они направлялись в Кол. Мерзкая погода, казалось, удерживает местных у их собственных очагов, и это мне только на руку.

Если Хэлис попалась, я ничем не смогу ей помочь. Назваться ее подругой означает самой угодить в кандалы — и только. Я нахмурилась. Трудно поверить, что Хэлис в западне, из которой не может выбраться. Именно из-за этого мы и работали по большей части в Энсеймине, где торговая конкуренция гарантирует отсутствие таких неудобств, как циркулирующие объявления о награде за поимку или согласованные действия командиров Стражи, которые делают пресные края вроде Каладрии столь негостеприимными; где беда редко бывает настолько серьезной, что ее нельзя оставить позади, пересекая местную границу. А мы всегда заботились о том, чтобы не засиживаться в гостях.

Итак, я пребывала в мучительных раздумьях и потягивала недурное вино, когда за окном простучали копыта. Чуть погодя в пивную вошел промокший до нитки человек и поманил хозяина. Мне было не слышно, о чем они говорят, и это вмиг разожгло любопытство, но я не могла подойти ближе, не привлекая к себе внимания. Верховой передал скрученный в небольшую трубку пергамент, и я услышала звон монет.

Когда он ушел, трактирщик развернул послание, и купцы столпились вокруг него.

— Ну, что там написано? — спросил худой мужчина в грязной желтой тунике.

— Не знаю. Я не умею читать. — Трактирщик пожал толстыми плечами. — Но надо бы узнать, прежде чем вывешивать его, про деньги там или нет.

От досады я закусила губу. Я умею читать благодаря матери: она твердо решила наделить меня всеми возможными преимуществами, дабы компенсировать мое происхождение, — но я не собиралась обнаруживать себя, предлагая помощь.

— Дай-ка мне, — потянулся за пергаментом бородатый компаньон худого и хмуро уставился в текст. — Где этот «Гончий Пес»?

— Это большой постоялый двор на рынке в Амбафосте, — пояснил третий купец, заглядывая через кожаное плечо читающего.

— Там остановился торговец, который интересуется тормалинскими древностями. — Бородач разгладил объявление и, шевеля губами, прочел его до конца. — Здесь говорится, что он даст хорошую цену и что будет покупать в базарный день.

— Он должен преуспевать, чтобы возместить расходы на такие объявления. — Третий купец задумчиво погрыз ноготь. — Сейчас что, большой спрос на древности?

Бородач почесал в затылке.

— Может, у него планы на Осеннюю ярмарку? В Коле есть собиратели, и съедутся торговцы из Релшаза, с Архипелага...

Худой пожирал глазами пергамент.

— Может, и нам попробовать раздобыть несколько стоящих предметов, если цена будет подходящая? ♦

Они сгрудились вокруг стола, и бородач вытащил карту.

Я допила вино и стала обдумывать свои дальнейшие шаги. Случайно я знала, где можно найти очень хорошие изделия Тормалинской Империи, и если мне удастся получить где-то поблизости реальные деньги за одно из них, даже с учетом скидки, на которой будет настаивать торговец, то смогу ждать Хэлис до последней минуты, затем нанять частную карету до Кола, и у меня останутся деньги для крупной игры. Единственная сложность — доставить это изделие торговцу таким образом, чтобы первоначальный владелец об этом не знал, и здесь словно боги для разнообразия улыбнулись мне. Конечно, не следовало быть столь наивной, но в тот миг я думала только о возможной выгоде. Появлялся также шанс на сладостную месть, которая явится существенным вознаграждением. Так стоит ли это риска?

Поглощенные бурным обсуждением, торговцы даже не заметили, как я поднялась наверх. Я открыла ставни и выглянула в окно. По-прежнему шел дождь, но ветер стих, и прибывающий серпик Малой луны мелькал в разрывах туч.

Следует ли мне искушать судьбу? Это будет опасно, зато, надо думать, весьма прибыльно. Что ж, я игрок, и никто никогда не выигрывал, держа свои руны в кармане, не так ли? Соблазн был слишком велик. Я быстро переоделась, сменив домотканую и кожаную одежду на бриджи и тунику из сукна, сапоги, перчатки и короткую куртку с капюшоном, все темно-серого цвета. Черный резок обозначает края, что может привлечь внимание даже в самую темную ночь. Грубые деревянные бревна стены помогли уйти через окно довольно просто, и вскоре я уже трусилась по лесу, окаймляющему дорогу к Боярышнику.

Было холодно и сыро, но мысль о небольшом приключении согревала меня. В те дни я не часто воровала. Очень трудно продать краденое в незнакомом месте, и если утяжеление рун в игре случая может наградить вас поркой, то обнаруженная кража из дома дворянина уготовит вам позорный столб в лучшем случае, а в худшем — вам отрубят кисть. К несчастью, только у дворян есть что-то стоящее. Возможно, вы удивитесь, почему я рисковала в этот раз, но я узнала невзначай, что сего дворянина не должно быть дома, и это прибавило мне шансов. Приверженцы Рэпони-на могут говорить что угодно о правосудии и выравнивании

чаш весов, но вы никогда не увидите меня с пожертвованиями у его гробницы. В конце концов, я играю ради средств к существованию, а не для забавы.

Неделю назад я сидела на лошади под мокрым дубом, наблюдая, как господин и его свита отправляются на север с горами багажа, свидетельствующими о весьма продолжительной остановке в другом месте. Этого господина я узнала бы где угодно, даже спустя десять лет. Нелегко забыть лицо человека, который пытался тебя избить и изнасиловать.

Боярышник был недалеко, и я легко покрыла это расстояние — при моем ремесле необходимо оставаться в хорошей форме. Я счастливо вдыхала влажный, зеленый запах ночи. Я люблю бывать ночью за городом, хотя солнце правит рунами моего рождения. Должно быть, отцовская кровь дает себя знать, несмотря на мое городское воспитание. Деревня казалась темной, только в нескольких деревянных домах тускло светились окна, но это фермерская земля, и большинство здешних обитателей ложатся и встают с солнцем. Более крупные кирпичные и каменные здания вокруг рыночной площади немного активнее проявляли признаки жизни, несмотря на то что миновала полночь, поэтому я нырнула в переулок и, переведя дух, бесшумно поплыла по темным задворкам, прислушиваясь к собакам, которые могли бы объявить о моем присутствии.

Дом стоял сразу за сквером — подходящее место для проживания богатого землевладельца. На высоком фасаде темнели тяжелые дубовые ставни с железными засовами и прочная дверь с дорогим замком. Это не беспокоило меня, я пробралась вокруг дома к переулку с тыльной стороны. Спряталась в тени, исследовала кухню и надворные службы. Моя мать говорила, что в жизни не встречала более бесполезной служанки, чем я, но годы, проведенные в качестве дочери экономки, дали мне бесценные знания о внутреннем устройстве больших домов. Судомойка пыталась бы заснуть в утасажном тепле кухонной плиты, тогда как более везучие старшие слуги имели бы выстуженные и тесные клетушки на чердаке. У кухарки и управляющего были бы комнаты получше, окнами во двор. Я не знала, сколько слуг этот ублюдок взял с собой, а потому мне лучше избегать любого из этих мест.

Нужная мне комната располагалась со стороны фасада на первом этаже так идеально, что было достаточно просто влезть в окно. Я изучила их в прерывистом свете луны и благословила острое ночное зрение, дарованное мне отцом. Окна не выглядели многообещающими, но я не хотела сдаваться; я хотела денег, которые смогу получить, и чем больше думала об этом, тем больше мне нравилась идея поквитаться наконец с мерзкой скоти-

ной, приведшей меня в сей дом. Хотя, если быть точной, меня привела сюда целая череда событий; ублюдок с прекрасной коллекцией серебра просто оказался последним звеном.

Тогда я, к счастью, вырвалась из дома, служившего мне пристанищем: моя мать слишком часто сокрушалась о своей загубленной жизни, обремененной внебрачным ребенком от менестреля, бывшего притом одним из Лесных Людей. Я уже пристрастилась к азартным играм, к которым у меня издавна обнаружились способности, и жульничала понемногу, чтобы прокормиться. У меня не было никаких реальных планов, кроме одного довольно смутного замысла: попытаться найти моего странствующего отца. И теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь, отчего мне потребовалось так много времени, чтобы попасть в беду. Лихорадочные поиски возможности смыться из гостиницы, не заплатив, закончились тем, что меня выбросили на дорогу с избитой задницей и немногими пожитками, отобранными затем в уплату.

Через два дня я пришла в Боярышник, усталая и голодная, грязная и отчаявшаяся. Ни один из приличных постоянных дворов не пустил меня в свои двери, и я очутилась в грязном трактире по соседству с бойней. Я быстро смекнула, почему так много женщин сидит в пивной, и такова была степень моего невежества и уныния, что я решила сама искать клиента. Голод, должно быть, смягчил мои мозги. Я ведь не девственница, подумала я, и моя мать, раз и навсегда решившая, что я не должна повторить ее ошибку, отвела меня к надежной травнице, заметив, как младший садовник ласкает мой зад. Мне не пришло в голову беспокоиться о какой-то там болезни, и, глядя на конкуренток, я почувствовала уверенность, что уж на еду непременно себе заработаю.

Я расчесала пальцами волосы — в те дни я носила длинные — и пощипала щеки, чтобы вызвать румянец. Я до сих пор мою волосы травами, чтобы добавить им рыжины, и крашу глаза, чтобы казались зелеными, а не серыми; несмотря на пятна, мое красное-бурое платье выглядело довольно экзотично в закоптелой пивной. Скорее всего никто из этих мужланов никогда не видел настоящей Лесной Девы, и, вспомнив их репутацию, я решила поднять цену. Следующий посетитель, который стал осматривать ждущих женщин, был высок и темноволос, с резкими чертами лица, но при этом красив. Он быстро обошел всех и поймал мой взгляд. Другие шлюхи отвернулись, перешептываясь между собой. Завидуют, наивно решила я.

— Так-так, значит, ты нездешняя? — Он подошел и жестом потребовал вина, которое я с жадностью выпила.

— Нет, я только прохожу здесь. — Я постаралась выглядеть загадочной и соблазнительной.

— Совсем одна? — Его рука коснулась моей, когда он наливал еще вина.

— Люблю путешествовать налегке, — улыбнулась я с внезапным воодушевлением.

Он был чистый и молодой и на вид богатый, а ведь могло быть намного хуже. Как я уже сказала, в те дни я была слишком наивна.

— Как тебя зовут, дорогуша?

— Мерит.

Вообще-то так звали мою тетку — старую деву, но кому какое дело?

— Это не очень удобный трактир. Могу ли я предложить тебе мое гостеприимство?

Какой-то новый способ выражать *это*, подумала я, но не собиралась спорить. Я улыбнулась ему из-под накрашенных ресниц.

— Уверена, мы могли бы прийти к согласию.

В конце концов, я хотела получить несколько монет, не просто теплую постель и еду.

Он предложил мне руку, и я гордо выплыла из мрачной пивной, принимая внезапный гул голосов позади нас за обманутые надежды.

И вот, десять лет спустя, я стояла и задумчиво смотрела на окна. Это был тот салон, куда он привел меня, я была уверена. Впустил и велел подождать. У меня поднялось настроение при мысли о еде и чистых простынях, и предстоящее дело даже сулило удовольствие. Я обошла комнату, разглядывая прелестные гобелены, полированную мебель и великолепное тормалинское серебро на каминной полке. Баллады, которые пел мой отец, эхом зазвучали в моей голове — добродетельную девушку, на чью долю выпали трудные времена, спасает красивый дворянин и прочая чепуха.

Услышав скрип двери, я повернулась с манящей улыбкой на губах, но мой хозяин не нес обещанный ужин. Он запер за собой дверь и мерзко улыбнулся, поглаживая собачью плетку. Он разделся до рубашки и рейтуз и весь покраснел от предвкушения. Я подвинулась, чтобы между нами оказался стол. Блеск в его глазах выглядел таким красноречивым, что стало ясно: разговорами мне из этого не выбраться. Возможно, я была наивной, но не настолько глупой. Я поняла, что мне грозит серьезная опасность.

— Иди сюда, шлюха! — приказал он.

— Если вы хотите чего-нибудь повеселее, чем просто переспать со мной, то я хочу больше денег, — нахально парировала я. Может, он подумает, что я собираюсь играть, тогда он, возможно, станет небрежен, и я сбегу отсюда, как крыса из горящего амбара.

— Ты получишь то, что я решу тебе дать.

Он говорил не о деньгах; он ринулся на меня, и плетъ хлестнула по моей щеке.

Я громко закричала, но мерзавец лишь засмеялся.

— Моим слугам хорошо платят, чтобы они были глухими, потаскушка. Кричи сколько хочешь! Мне это нравится.

Я видела, ему действительно нравится. Он двинулся, я — тоже, мы обошли вокруг стола, и он нахмурился.

— Иди посмотри, что у меня есть для тебя. — С вождением глядя на меня, он поднял рубашку.

Я бросилась к окну, но он оказался проворнее и схватил меня за волосы. Швырнув меня на пол, стервец поднял плетень, но я перекачилась под стол. Он непристойно выругался и, ухватив меня за лодыжку, начал вытаскивать. Я брыкалась и извивалась, но ублюдок был слишком силен. Свободной рукой он разорвал мои юбки, и моя голова ударилась о ножки стула. Увидев кровь, он засмеялся, и, как ни странно, именно это наконец заставило меня выйти из себя.

Я прикинулась вялой. Когда он ослабил хватку, я подняла колени. Гад снова засмеялся и выпрямился, чтобы распустить шнуровку, и тут я обеими ногами двинула его в живот. Он рухнул, кашляя, а я вскочила, огрела его по голове упавшим стулом и вновь побежала к окну. Возясь с задвижками, я слышала, как он стонет и ругается, но не смела оглянуться, боясь потерять драгоценные мгновения. Ни разу за всю свою жизнь я не была так испугана и думала только о том, чтобы быстрее отворить окно. Спустила целую вечность створка открылась, а за ней и ставни. Я рискнула оглянуться. Ублюдок стоял на коленях с зажмуренными глазами и держался за живот. Я выпрыгнула на дорогу, и впервые за долгое время мне улыбнулась удача — я не ушиблась и побежала как можно дальше и как можно скорее.

Когда я впервые рассказала Хэлис эту историю, она поразилась, что я так спокойно к этому отношусь. Да, я неизменно просыпалась в холодном поту от этих воспоминаний, будучи слишком уставшей и подавленной, что само по себе являлось частью причины, по которой я жаждала мести. А что до остального, то я еще легко отделалась, если верить жутким историям на страницах газет об изуродованных телах и тому ужасному задушенному трупу, который однажды на моих глазах вытащили из реки.

Я уставилась на окно. Меня опять пробирали ужас, но — что было гораздо важнее для моих нынешних целей — я представила себе детали оконных задвижек, словно оттиснутые в моей памяти. В эту минуту я твердо решила поднатореть в области искусств на тот случай, если вдруг снова окажусь без денег. Я знала, что сумею войти, — надо лишь отыскать такое место, где меня никто не заметит. Я обошла вокруг дома и увидела боковое окно, выходящее на глухую стену конюшни, — просто идеально!

Потребовалось даже меньше времени, чем я предполагала, и я очутилась в библиотеке. Вот так сюрприз: кто бы подумал, что эта обезьяна умеет читать! Я осторожно открыла дверь, но ниоткуда не доносилось ни звука, ни света. Дом пах пчели-

ным воском и был пронизан холодом — каминные не протапливались несколько дней. Я пошла по коридору, мои мягкие подошвы бесшумно ступали по натертым половицам. Дверь салона была заперта, но это не надолго задержало меня. Больше мешала темнота, даже настоящий Лесной Народ не может видеть в кромешной тьме, но я все еще помнила планировку комнаты и безошибочно положила руку на камин.

Что же взять? Меня так и подмывало смести все разом в мой подбитый войлоком мешочек. Этот поддоник задолжал мне за шрамы на щеке и на виске и за старика, которого мне пришлось ограбить дальше по дороге. Но я выбросила из головы эту глупость. Возьму что-нибудь одно, поменьше, — хватит. Я провела ладонью по полке и наткнулась на вазу с длинным горлышком. Нет, слишком необычная, я не смогу ее как следует оценить. Далее стоял кубок с выгравированным гербом. Тоже не подойдет: слишком легко опознать. Я пропустила блюдо с ложками, слишком легкими для настоящих, а потом нашарила маленькую пивную кружку. Она была очень простая, если не считать завитков на ручке и крышке, но успокоительно тяжелая. Гладкая ручка аккуратно умещалась в моей ладони; именно такую вещь я бы сама хотела иметь. Стояла она в глубине полки, за двумя вычурными винными кувшинами. Значит ли это, что ее отсутствие не так скоро заметят? Вполне вероятно, но к тому времени я собиралась быть уже далеко. Я спрятала кружку в карман и подняла оставшиеся предметы, чтобы стереть пыль с полки: если не оставлять следов, сонная горничная, возможно, не заметит пропажи несколько дней.

Глаза уже болели от напряжения в тусклом свете, и я быстро удалилась тем же путем, каким пришла. Потребовалось время, чтобы снова закрыть окно, и небо начало светлеть, когда я вернулась в трактир. Меня вдруг посетила мысль, что какого-нибудь несчастного лакея или служанку обвинят в краже, но не скажу, чтобы это меня огорчило; так им и надо, коль работают на такое дерьмо. Я только надеялась, что его страдание, когда он обнаружит пропажу, будет таким глубоким, как я и задумывала. Пока моя месть развивалась успешно. Я легла в постель и остаток ночи спала крепко, без сновидений.

Покои Планира Черного в городе-острове Хадрумале, 12-е предосени

— Распей бутылку с Верховным магом, и либо погибнешь, либо возродишься к жизни — так обычно говорят, да, Отрик? — Тучный мужчина протянул опустевший бокал и звучно захохотал над собственной остротой.

— Думаю, те дни уже давно миновали, еще когда я только приехал сюда, Калион. — Отрик наполнил его бокал до краев, а затем долил и себе. Его твердая рука противоречила высеченным на его лице морщинам и седине, щедро укрывавшей его некогда русую голову и бороду.

— Как давно это было, мастер Туч? — Самый молодой из присутствующих взял бутылку с показной непринужденностью, учитывая достославную компанию, в которой он оказался.

Отрик улыбнулся сомкнутыми губами. Эта его улыбка напоминала маску участника костюмированного бала.

— Более давно, чем я хотел бы помнить, Узара, — мягко ответил он, поднимая бокал. Его ярко-голубые глаза заблестели под угловатыми бровями.

— Все-таки, Верховный, что ты хотел обсудить? — Калион повернулся на мягкой скамье вполоборота к изящно сложенному человеку, который закрывал ставнями высокие окна и наглухо задергивал плотные зеленые портьеры.

— О, ничего жизненно важного, мастер Очага. Ты был в Релшазе на Солнцестояние, не так ли? Тамашние антиквары нашли что-нибудь интересное за последнее время?

Планир зажег две масляные лампы, их желтый свет согрел темные дубовые панели стен, а отблески тут и там выхватывали отборные скульптуры в укромных нишах. В мягком свете ламп сетка тонких морщин вокруг глаз Верховного мага почти исчезла, от чего он стал выглядеть всего на горстку лет старше Узары. Планир поставил лампу на стол.

— Как думаете, нам нужен огонь?

— А как же! — многозначительно произнес Отрик.

Калион с подозрением покосился на тощего старого мага, одетого опрятно, хоть и несовременно, в серое шерстяное сукно. Сам он ограничился тем, что развязал ворот своей новой, сшитой по последнему фасону бархатной мантии модного темно-бордового цвета, с богато выпшитой каймой из языков пламени.

— Видите ли, Узара думает, будто он обнаружил что-то необычное, но с таким же успехом это может оказаться просто потерей времени для всех нас. — Верховный маг шелкнул пальцами, посылая красное пламя на дрова, сложенные в вычищенном до блеска камине. Он подобрал шелковые полы своей черной мантии и сел в кресло, обитое роскошной шафранной парчой. Согревая бокал в длинных пальцах, Планир откинулся на спинку кресла. — Кто хочет кексов? Прошу вас, угощайтесь.

— Что ты там изучаешь, Узара? Напомни-ка мне, — прошамкал Калион, набив рот медовым кексом с изюмом.

Худое лицо молодого мага покрывлось густым румянцем; он явно не гармонировал с песочными волосами, столь безжалостно поредевшими над высоким лбом.

— Я несколько сезонов работаю над закатом и падением Тормалинской Империи, мастер Очага. В прошлом году я познакомился с учеными из Ванамского Университета, когда они работали в библиотеке Морского Зала, и они предложили мне воспользоваться их архивами.

Калион без всякого интереса пожал плечами, некрасиво смяв все свои подбородки, и снова потянулся за вином.

— И что?

Узара пригладил льняные оборки у шеи, бросил быстрый взгляд на Планира, который ободряюще улыбнулся, глядя поверх бокала, и слегка наклонил голову.

— Продолжай, — подбодрил его Верховный маг.

— И вот, когда Саннин была там во время Зимнего Солнцестояния, она пошла на праздник, где вино текло рекой и развязались все языки.

Отрик вдруг засмеялся, его аскетичное лицо осветилось озорством.

— Хорошо зная Саннин, могу предположить, что развязались не только языки. С этой девчонкой на вечеринке не соскучишься.

Под взглядом Планира он умолк, но, чавкая кексом, продолжал хихикать в растрепанную бороду.

Узара раздраженно посмотрел на старика и повысил голос.

— Речь зашла об истории. Кто-то заметил ее ожерелье — фамильную реликвию, Старый Тормалин, — и один из историков якобы спросил, о каких событиях такое ожерелье могло бы рассказать, если б умело говорить.

Отрик поперхнулся кексом и закашлялся.

— Помнится, во времена моего отрочества это был старый прием, чтобы заглянуть в вырез платья девушки!

Узара игнорировал его.

— Там были представители разных наук и пара магов; вот они и стали обсуждать, можно ли найти некий метод, который позволил бы узнать больше о первоначальных владельцах антиквариата.

— И кому от этого будет польза? — Отрик нахмурился и встряхнул пустую бутылку. — У тебя есть еще, Планир?

Верховный маг, не отводя пристальный взгляд серых глаз с Калиона, махнул рукой на коллекцию бутылок в полированном буфете.

Узара между тем продолжал:

— И по ходу обсуждения, как сказала Саннин, у них возникли интересные идеи для исследования.

— А когда наступило похмелье, эти идеи по-прежнему казались им интересными? — с сарказмом промолвил Отрик.

— Когда она рассказала нам все это, мы тоже начали раздумывать. Есть какие-то старинные способы гадания, которые мы могли бы применить, есть некоторые фрагменты рели-

гиозных знаний, возможно, нам удастся их собрать воедино. Таким образом, у нас появилось несколько перспективных линий для дальнейшего исследования.

Узара наклонился вперед, не реагируя на возмущение Отрика, что его обходят в этом разговоре. Он был полон решимости.

— Видите ли, мастер Очага, если мы сможем найти метод применения тормалинских древностей, чтобы заглянуть назад, через десятки поколений, в жизнь простых людей, то получим новые источники, из которых будем черпать исторические сведения. Представляете, как это могло бы помочь моим исследованиям? Во всей зафиксированной на сегодняшний день истории падение Тормалинской Империи было самым грандиозным катаклизмом, когда-либо случавшимся с цивилизацией. Если бы нам посчастливилось найти ниточки, чтобы залатать недостающие фрагменты летописей...

— Все это не более чем сиюминутный интерес, в реальной действительности от него не будет никакой пользы, — с презрением вставил Калион, потянувшись за следующим кексом.

Отрик наконец отыскал штопор, и толстяк вновь наполнил свой бокал.

— Спасибо, мастер Туч.

— Осмысление нашей истории — необходимый фундамент для будущего. — Возразив дородному мастеру Очага, Узара так стиснул губы, что они почти совсем исчезли, и распрямил плечи.

— Не пыжься, молодой человек. Я еще помню, как ты прибыл сюда в испачканных глиной лохмотьях подмастерья, — уничтожающе бросил ему в лицо Калион.

— Знание всегда ценно, мастер Очага. Оно...

— Знание лишь тогда ценно, когда имеет применение, — немилосердно перебил Узару Калион. — Почему мы вообще обсуждаем это, Верховный? — В его голосе слышалось раздражение.

Планир снова пожал плечами и провел рукой по гладко выбритому подбородку.

— Я спрашивал себя, следует ли нам вложить ресурсы в развитие этого проекта.

— Ну разумеется, нет, — ужаснулся Калион, уже порядком захмелевший. — Есть столько всего другого, что Совету нужно обсудить! Вы слышали доклад Имеральда о скоростной плавке, разработанной на севере. Это — реальное дело, в которое и нам следует включиться. А посмотрите, как изменился к лучшему каладрийский скот, стоило лишь большинству лордов огородить свои пастбища! Я мог бы привести еще несколько примеров из других наук, где за последнее поколение было достигнуто больше прогресса, чем за предыдущие пять...

— Избавь нас от утомительной речи, мастер Очага! — Отрик театрально зевнул. — Не забывай, мы были на последнем заседании Совета, мы слушали.

— Ты не можешь отрицать, что кое-кто из моих предшественников зашел слишком далеко в обособлении старших магов, мастер Туч, — деликатно упрекнул Отрика Планир.

— Именно об этом я и говорю уже не знаю сколько сезонов, — заметил Узара.

Багровый оттенок на скулах Калиона немного поблек.

Как можно не учитывать перемены, которые непрерывно происходят на материке? Если мы не определим для себя круг обязанностей, то останемся за бортом. Это предубеждение против вовлечения в политику, например, устаревшее и бессмысленное...

— Я не предубежден. Я просто не вижу для себя выгоды в обустройстве скучной, мелкой жизни мирян. Если я соглашусь тратить свое время на дела, которые отрывают меня от моих исследований, то лишь на моих условиях и только ради того, что нужно мне.

Отрик весьма кстати передал Калиону вино — несколько уменьшил напряженность.

— В любом случае побереги речи для Совета, мастер Очага, там место для серьезных дебатов. Что до тебя, Узара, то можешь тратить сколько угодно сезонов на выяснение, кто чем занимался, когда Империя рушилась вокруг них, — мне не жалко. Я хочу знать одно: способен ли твой маленький проект рассказать мне что-нибудь о магических приемах и искусствах, сгинувших в Темных Поколениях?

— Да, такие познания стоило бы иметь, — согласился Калион, выразительно кивнув.

— Полагаю, мы могли бы многое открыть для себя, если б работали с реликвиями, принадлежавшими магам... — Узара неуверенно посмотрел на Планира, — если найдем способ заглянуть в их деятельность.

Верховный маг наклонился вперед и наполнил бокал молодого мага.

— Если бы мне пришлось поддержать этот проект, я скорее всего предложил бы четче сфокусировать его, и поиск утраченной магии кажется наиболее уместным. — Планир помолчал с задумчивым видом. — Полагаю, ты совершенно прав, Калион, пришло время Совету рассмотреть нашу роль в более широком масштабе, учитывая дух современности. В равной степени есть рациональное зерно и в том, что говорит Отрик: если маги должны активнее включаться в дела за пределами этого острова, дабы из-

бежать ошибок прошлого, то нам необходимо делать это на наших собственных условиях.

— Если бы мы смогли восстановить хоть некоторые из магических искусств, утраченных во время распада Империи, мы бы определенно улучшили нашу позицию, — допустил Отрик.

— Мы могли бы наладить полезные связи, предложив ученым исследование некоторых проблем, относящихся к крушению власти Старого Тормалина, — запальчиво произнес Узара. — Большинство домашних учителей и придворных советников у знати по всему материку вышли из различных университетов.

— Это справедливо. — Планир вопросительно посмотрел на Калиона. — Что думаешь, мастер Очага?

— Возможно, это стоит рассмотреть. Что ты предлагаешь? — ослепчиво спросил дородный маг.

— В Летописях Зала записаны фамилии древних магов. Мы могли бы узнать о наличии в их семьях реликвий, которые они согласились бы продать, — рассуждал Планир. — Тогда Узара со своими учениками сосредоточил бы свои изыскания на них.

— Пустая трата времени и денег, — поморщился Отрик. — Лучше отправить агентов в горы, пусть как следует разузнают о той домне, или как там она называется.

— Да, похоже, она может стать значительной ступенью прогресса, мастер Туч, — согласился Планир. — Однако, если я смогу выделить пару человек, не должно составить большого труда собрать несколько имперских древностей подходящего происхождения. Не так ли? Мы бы скорее выяснили, имеет ли проект Узары какую-то ценность. Как знать, возможно, мы даже обнаружим полезную информацию об утраченной магии.

— А по-моему, мы лишь взвинтим цену на тормалинские древности и окажемся в комнате, полной старых горшков и статуй, — фыркнул Отрик.

— И это возможно, — не стал возражать Верховный маг. — Значит, займемся проверкой, когда у нас будут лишние средства, едва ли стоит отдавать этому приоритет в настоящее время. Ты согласен, мастер Очага?

— Думаю, да. — В голосе Калиона по-прежнему слышалось сомнение.

Часы на камине отбили четыре тихих удара, и мастер Очага посмотрел на них с удивлением.

— Ты должен извинить меня, Верховный, я не заметил, что уже так поздно.

Он осушил бокал и с некоторым усилием поднялся со скамьи.

— Длинные ночи всегда застают меня врасплох после

Солнцестояния, — заметил Отрик, не двигаясь с места.

— Мы должны подробнее обсудить твою речь на Совете, Калион. Пусть твой старший ученик договорится с Лариссой об удобном времени.

Планир поклонился Калиону, и тот ушел в сопровождении мальчишки с лампой, дремавшего на лестнице. Верховный маг тихо закрыл тяжелую дубовую дверь, затем быстро сбросил свою богато расшитую мантию, оставшись в практичных бриджах, мягких кожаных сапогах и легкой льняной рубашке, которую прикрыл поношенным, измазанным чернилами халатом.

— Я хотел спросить: когда ты начал пользоваться тем же портным, что и Калион? — хихикнул Отрик, доедая последний кекс. — Я всегда говорил, платья — для девиц в венках.

На этот раз Планир улыбнулся: сверкнувшие зубы и блеск в глазах определенно придали ему хищный вид.

— Детали важны, Отрик, ты сам меня этому учил.

— Значит, мы правильно сплелись под твою дудку, Верховный? — Казалось, робость Узары исчезла вместе с Калионом. Маг подошел к буфету. — Кто-нибудь хочет ликера?

— Мне мятного, спасибо. — Планир развалился в кресле и, удовлетворенно вздохнув, протянул ноги к камину. — Да, все прошло очень хорошо. Если снова поползут слухи о нашем проекте, эта история их объяснит.

— Ты думаешь? — Узара передал Верховному магу хрустальную рюмочку. — Калион выглядел не слишком-то убежденным.

— Он решил, что это дело не заслуживает большого интереса, — поправил его Планир. — На что я и рассчитывал.

— Как старший мастер Очага он имеет большое влияние в Совете. — Узара все еще сомневался.

— Действительно, — кивнул Отрик. — Но он еще и тот человек, к которому многие здесь идут за сплетнями, не так ли?

Наконец забрезжило понимание, и Узара засмеялся.

— Значит, если любопытные пойдут к Калиону, он скажет, что все об этом знает и что ничего важного здесь нет.

— Хотя ничто так не привлекает внимание, как слухи о тайном проекте с личным участием Верховного мага и старейшего мастера Туч. — Планир с довольной усмешкой потягивал ликер. — Видишь ли, Узара, люди строят всевозможные догадки об обязанностях Верховного мага, но очень немногие понимают, что большая часть его времени уходит на весьма непростое занятие: убедить людей делать то, чего ты от них хочешь, добиваясь при этом, чтобы они думали, будто это была их собственная идея.

— Ты передвигал Калиона как птицу на игровой доске, это точно, — подтвердил Узара.

Отрик по-волчьи ухмыльнулся.

— Никогда не играй в Белого Ворона с этим человеком, Зар. Клянусь, он способен заставить лесных птиц служить ворону, вместо того чтобы его выгнать.

— Я уже много лет не играл в Ворона, мастер Туч. — Планир покачал головой в притворной печали. — Он как-то утратил свою остроту после нескольких сезонов в качестве Верховного мага.

Отрик достал из кармана замшевый кисет.

— Так когда ты расскажешь Совету правду? — Он сунул в рот два листика и с наслаждением принялся жевать.

— Когда сам получу все ответы или когда кто-то достаточно высоко стоящий принесет мне слух, который я не смогу игнорировать. — Планир проницательно взглянул на Узару. — Я бы предпочел первое. Насколько близок ты к прояснению того, что мне нужно?

Узара проглотил ликер и ответил, слегка нервничая:

— Мы сумели усовершенствовать методы опознавания нужных нам предметов.

— Почитай, вовремя. Рассылать так называемых торговцев с мешком денег, чтобы скупали все предметы Старой Империи, которые они смогут найти, — это как раз то, что в первую очередь привлекло внимание, — фыркнул Отрик.

— Это была ошибка. — Узара с достоинством посмотрел в лицо старого мага. — Однако я не помню, чтобы вы предлагали более удачные идеи.

Планир властным жестом остановил спор.

— Наши люди работают над этим почти два сезона, я бы изумился, если б нам это и дальше сходило с рук. И каковы результаты, Зар?

— Информация, которую мы получаем, очень подробная, даже чересчур подробная. Нам нужно поместить ее в контекст. Пробелы в летописях — вот что сдерживает нас в данный момент. — Узара не скрывал досады.

■ Пора доставить сюда одну из Ванамских Хроник, — задумчиво сказал Планир. — Я бы хотел увидеть прогресс в этом деле как можно скорее.

— Мы просили, но так и не уговорили наставников отдать нам один экземпляр. — Признаваясь в неудаче, Узара страдальчески зашаркал ногами.

— Думаю, я преуспею больше. Верховный маг имеет всевозможные рычаги власти, Зар, и само колдовство часто наименее важно. — Глаза Планира полыхнули в свете ламп. — От Казуела Девуара что-нибудь слышно? Когда он должен вернуться?

— Думаю, на Равноденствие, — пожал плечами Узара.

— Я же говорил, что он не годится для этого дела, — презрительно фыркнул Отрик.

— А у нас что — большой выбор? У Казуела три сезона не было учеников, никто по нему не скучает. Он достаточно умен и много знает о Старой Империи, разве не так? И мы никого из них не посвящали во все подробности.

Планир едва заметно улыбнулся Отрику.

— Помнишь ту историю во время Летнего Солнцестояния несколько лет назад? Его решимость превзойти Шиввалана должна была дать ему того рода остроту, в которой он будет нуждаться.

— Ха! — Веселость Отрика пришла и ушла за мгновение. — Если нам нужны ответы, прежде чем Совет начнет задавать неудобные вопросы, мы должны двигаться быстрее. Нам необходимо больше людей.

Планир потянулся за кресло и взял со стола пачку бумаг.

— Думаю, я смогу найти трех-четырёх подходящих агентов, не привлекая излишнего внимания.

Узара нахмурился.

— Им предстоит работать с магом. Наша задача — найти горстку тех, кому можно это доверить, но кто в данный момент не является ничьим учеником.

— Необязательно. Я подцепил Шиввалана Ралсира, когда он пришел проситься ко мне в ученики. Я мог бы взять еще одного, и, думаю, пора нам вовлечь Троанну. Никого не удивит, если она возьмет двоих или троих, особенно из новичков, — предложил Отрик.

— Верно, я подумаю об этом, — медленно произнес Планир. — А ты, Зар, найди ученых, которые способны как можно точнее опознавать те безделушки.

Отрик зевнул и потер глаза.

— Ты будешь моим должником, если завтра у меня разболится голова, Планир. Я уже слишком стар, чтобы равняться с кем-то вроде Калиона — пробка за пробкой.

— Я превращу виноторговца в ящерицу, если утром тебе станет плохо, мастер Туч, — торжественно пообещал Верховный маг. — Учтивая, сколько он содрал с меня за это вино, сие доставит мне истинное наслаждение.

Отрик тяжело вздохнул. Оживление исчезло с его лица, и в первый раз на нем ясно проступили годы.

— Так что станем делать, когда получим все ответы? Если половина того, что мы подозреваем, окажется правдой, жители материка услышат гвалт из Совета даже на той стороне пролива. Каждый, желающий найти этот таинственный спрятанный остров, просто должен будет идти на шум.

— Потрясение тогда велико, когда оно неожиданно. — Планир выглядел безмятежным. — Думаю, я лично уделю проектам Налдета внимание. Это остановит всех, кто хихикает за его спиной, и если его теории получат какое-то хождение, ты, Зар, предложишь ему сотрудничество. Тогда мы сможем контролировать, как и когда новая информация становится всеобщим достоянием.

— Ну, если ты так говоришь... — Неуверенность молодого мага была очевидной.

— Ты играешь с огнем, — сурово предостерег Отрик.

Планир пожал плечами и встал — налить себе еще ликера.

— Это определение, что значит быть Верховным магом, так же справедливо, как всякое другое. В любом случае волк вполне может оказаться собакой при свете дня. Возможно, нам не о чем беспокоиться.

— Я бы предпочел выпитрыпный расклад рун с первого броска, — проворчал Отрик.

— Значит, ты думаешь, что держишь все под контролем? — Узара посмотрел на Планира с надеждой.

Верховный маг обнажил в улыбке белые ровные зубы.

— Надеюсь, нет, Зар, это последнее мое желание. Я просто привожу вещи в движение. Все, чего я жду, — это свободная руна, которая может повернуть игру в нашу пользу. Мы все должны искать ту единственную реальную возможность и постараться не упустить ее.

Трактир «Вьючная Лошадь» на дороге к Колу, к югу от Амбафоста, Энсеймин, 13-е предосеппи

Меня разбудил шум трактира: звяканье упряжи и конский топот во дворе, голоса и стук кружек внизу. Одеваясь для роли бедной, но сравнительно честной селянки, я взглянула на солнце — мне надо было встать намного раньше, но я чувствовала себя отдохнувшей, несмотря на ночную прогулку. Холодная вода окончательно разбудила меня, и я проверила сумку под подушкой, дабы убедиться, что все это мне не приснилось. Кружка была там, и при свете дня я увидела, что выбрала прелестную вещицу. Серебро имело сочный блеск старой тормалинской работы, и клеймо мастера отчетливо виднелось в центре донышка — еще один хороший признак. Клейма я не узнала, и вообще серебро не мой конек, я лучше разбираюсь в живописи. У меня мелькнула мысль: может, самой отвезти ее в Кол, если цены растут? Но я же собиралась только достать деньги, чтобы ждти. Хэлис, и в любом случае мне совсем не хотелось попасться с ней, если кражу обнаружат и местная Стража придет с обыском. Пусть этот торговец, кто бы

он там ни был, забирает ее на здоровье. Все, что нужно мне, — это деньги.

Быстро позавтракав, я вывела наемного коня и поскакала в Амбафост, проклиная неудобные и непривычные юбки. Ближе к полудню дорога стала оживленной, благо дождь, ливший в предыдущие дни, уступил место солнцу. Крестьянские подводы и коляски местной знати громыхали по тракту, время от времени обгоняемые небольшими группами всадников, или тащились за вереницей мулов. Это было и хорошо, и плохо: больше глаз, которые могли запомнить меня, но вместе с тем и больше лиц, среди которых легче затеряться. Стоило бы сменить трактир, но я не хотела пропустить какой-нибудь весточки от Хэлис. Был базарный день, и на площади в Амбафосте царило столпотворение. Ларьки предлагали все — от овощей и мяса до далазорского стекла и алдабрешских шелков; некоторые явно торговали по пути в Кол. Люди пихались и кричали; толчея пахла сырой шерстью и кожей, к ним примешивались запахи пекущегося хлеба над головой и навоза под ногами. Я люблю такие рынки — они дают отличное прикрытие. Несколько нищих без особого успеха просили милостыню, но нигде не видно было Стражи, которая бы их гоняла, что порадовало меня.

Я легко нашла «Гончего Пса» и пробилась сквозь толпу. Только что прибыло несколько дилижансов, и пассажиры перекрикивались друг с другом, выясняя, когда начнется следующий этап их путешествия: одним требовалась пересадка, другие хотели есть, дети плакали, а одна пара устроила крупный семейный скандал в центре холла. Некая рационалистка безуспешно пыталась найти слушателя, дабы поведать ему о прогрессе в магии и науке, благодаря которому можно теперь не опасаться богов.

Я поймала за локоть пробежавшего мимо слугу.

— Где торговец, покупающий древности?

— Кабинет за баром для знатных. — Он стряхнул мою руку и побежал дальше, даже не взглянув на меня.

В баре для знатного люда было тихо. Здесь стояли скамьи, и на полу среди тростника лежали душистые травы. Бармен изучающе посмотрел на меня, но так как я определенно не была ни фермершей, ни пастушкой, решил сомнение в мою пользу. Я одарила его самой лучезарной улыбкой — как говорится, хорошенькая, но тупая.

— Я только что приехала, и мне сказали, здесь есть торговец, желающий купить древности. Можно мне с ним поговорить?

— Я дам ему знать, что вы здесь. Сейчас он занят. — Бармен начищал и без того сверкающий оловянный кубок.

Я не хотела затевать спор, поэтому повторила улыбку.

— Тогда налейте мне вина, пока я жду. На ваш вкус. — Я бросила на стойку марку и, не дожидаясь сдачи, взяла вино.

Сидя в укромном уголке, я видела, как две женщины выходят из кабинета: одна — с самодовольной ухмылкой, другая — пытаюсь скрыть огорчение.

— Какая жалость, моя дорогая, — сказала первая своей тучной спутнице. — Твой отец всегда клялся, что камни настоящие.

Толстушка разгладила голубую парчу платья.

— Все равно оно дорого мне как память. Мне ведь не так нужно было его продать, как тебе.

Первая женщина поджала губы.

— Времена меняются, дорогая. В наши дни в бизнесе нет места для сантиментов.

Они вместе вышли на улицу, и я поймала взгляд бармена, когда он ставил на поднос графин вина и кубки. Бармен поманил меня, и я проворно встала.

— Лучше не тратьте зря его время, — предупредил он, открывая мне дверь.

— Доброе утро, меня зовут Терилла.

Я снова лучезарно улыбнулась и обвела взглядом троих мужчин, сидевших по ту сторону стола в залитой солнцем комнатке. В центре прислонился к стене грубо сколоченный человек в красном суконном плаще, смотревший на меня без улыбки. Он был темно-волос и темноробор, на пальцах — массивные золотые кольца без камней, и, если я не ошибалась, в левом рукаве у него притаился нож. Я не видела под столом его сапог, но он показался мне человеком, который носит при себе не один клинок, что довольно необычно для торговца. Его компаньоны представляли собой очень странную пару: справа сидел долговязый жилистый тип в аляповатой кожаной куртке поверх зеленой льняной рубашки. Этот цвет совершенно не шел к его желтоватой коже и длинным черным волосам, но долговязому, похоже, было все равно. Он лениво бросал руны, и у меня зачесались руки. Второй выглядел так, будто забрел сюда по ошибке, но он пил вино — значит, свой. Может, ученик? На вид юнец, он был одет в простую домотканую одежду коричневого цвета; коротко подстриженные русые волосы и серьезная мина на веснушчатом лице создавали впечатление некой несообразности. Я сомневалась, что он носит клинок, он скорее ранил бы им себя в ногу.

Молчание затягивалось, поэтому я спрятала улыбку и открыла свою поясную сумку.

— Я только что приехала из Соуфорда. Мне сказали, вы покупаете тормалинские изделия, и я хотела узнать, что бы вы дали мне за это. — Я поставила кружку на стол.

Мужчина в красном посмотрел на нее, но в руки не взял.

— Куда вы направляетесь? — Игрок сгреб кости и одарил меня открытой и дружелюбной улыбкой, которой я поверила не больше, чем своей собственной.

— В Дубгор, чтобы присоединиться к актерам лорда Элкита.

Обе эти местности находятся в нескольких днях пути на восток и запад соответственно, так что милости прошу искать меня потом в странствующей труппе актеров. Я выдержала его пристальный взгляд, но краем глаза заметила — тихий парень взял кружку и начал ее рассматривать.

— Работать с актерами, должно быть, ужасно захватывающе. Что вы делаете? — Долговязый наклонился вперед, изображая невероятный интерес.

Не переусердствуй, приятель, мысленно сказала я, наверняка я не выгляжу такой уж неопытной, прямо с фермы.

— Я певица.

По крайней мере это была почти правда. Пение — одно из тех искусств, о которых я упоминала. Несмотря на легкое неодобрение матери, я заучила несколько баллад, составивших неплохой репертуар, и основные танцевальные мелодии для лютни.

— Вы поедете в Кол, на ярмарку?

Босс выжидательно смотрел на парня. Он что — эксперт? А с виду такой молодой.

— Еще не знаю. — Пора бы и мне задать парочку вопросов. — Вы будете торговать на ярмарке? Может, мне лучше самой отвезти туда дедушкину кружку?

Тень беспокойства скользнула по веснушкам юноши. Он посмотрел на босса и что-то невысказанное промелькнуло между ними. Жаль, нельзя с ним сыграть, подумала я, он бы остался без штанов с таким лицом.

— Так это кружка вашего деда? А почему вы хотите продать ее? — Босс улыбнулся мне, как он, вероятно, полагал, ободряюще.

Я хихикнула: юбки, что ли, так действуют на меня?

— О, она моя, будьте уверены, — соврала я не моргнув глазом. — Дедуля отдал ее мне на смертном одре вместо приданого. Я бы ее не продала, но, понимаете, мне нужно удрать из дома. Я хочу петь, а папаша норовит выдать меня за сына своего компаньона. Он торгует мануфактурой, такой жирный и нудный, и думает только о шерсти да атласе. Вот и пришлось сбежать.

Веснушчатый открыл рот, весь полный сочувствия, но на остальных мой рассказ явно не произвел столь сильного впечатления. Возможно, я немного переборщила, но в этом виновато платье.

— Так сколько бы вы дали мне?

— А сколько она, по-вашему, стоит? — Мужчина в красном подался вперед, и я попятилась. Его взгляд был неуютно пронизывающим.

— Гм, ну, вообще-то я не уверена.

Как быть? Согласиться на низкую цену и убраться или показать им, что я знаю ее настоящую стоимость?

— Я дам за нее шесть марок.

— Каладрийских или тормалинских? — В любом случае это предложение было курам на смех.

— Тормалинских, конечно, — заверил он меня, как будто шесть лишних пенни имеют какое-либо значение.

— Наш управляющий всегда говорил, что она очень ценная. — Я широко распахнула глаза, демонстрируя свою удрученность. — Разве нет?

Веснушчатый заерзал на стуле и заговорил бы, но долговязый в зеленом упреждающим жестом заставил его молчать. Босс откинулся на спинку стула и погладил бороду.

— Она стоит ровно столько, сколько я готов заплатить за нее, — вкрадчиво сказал он, — и это — шесть марок. Что, на мой взгляд, более чем щедро, так как я знаю, что она краденая.

Проклятие. Надо быстрее сматываться отсюда. Или попробовать блефовать до конца? Нет смысла, быстро решила я.

— Отлично. Давай деньги, и я пошла. Мне нужно успеть на дилижанс.

Долговязый нарисовал быстрый узор пролитым вином. Кроме нас четверых, в комнате никого не было, но засовы на двери задвинулись за моей спиной. Я похолодела. Двойное проклятие.

— Уверен, у тебя найдется время для небольшой беседы, — невозмутимо промолвил босс, не торопясь доставать деньги. — Почему бы тебе не рассказать нам, где ты ее достала? И назови заодно свое настоящее имя.

— Мне повезло в игре несколько ночей назад. Один малый в трактире поставил эту кружку; я не знала, что она краденая.

Тощий налил мне вина, но я игнорировала его. Пить с магом? Как бы не так!

— Боюсь, не слишком убедительно. — Босс отхлебнул из кубка и вытер бороду. — Эта кружка из маленькой, но ценной коллекции, принадлежащей одному на редкость неприятному торговцу шерстью из Боярышника. Видишь ли, мы обращались к нему, но он заломил слишком высокую цену.

— Почему ты украла именно ее? — Веснушчатый не мог

30 больше сдерживаться.

Недовольный его вмешательством, босс сердито нахмурил брови. Я посмотрела на окна. Нет, быстро выбраться не удастся.

— Успокойся, мы не сделаем тебе ничего плохого. — Долговязый снова подвинул мне вино.

Хорошо ему говорить! Я не доверяю магам — нисколько. Не то чтобы я верила всем этим способностям: нечувствительность к боли, безмерное могущество, чтение мыслей и прочее. Те несколько, кого я знала, были искусны в некоторых заклинаниях, но так же уязвимы, как любой другой, если приставить им нож под ребра. Нет, я считаю, маги опасны, потому что их дела — исключительно их собственные. Они будут что-то искать, куда-то ехать за кем-то, чтобы услышать от него новости или просто узнать, кто его отец, не говоря при этом, для чего им сие понадобилось. Ради своих интересов они пойдут по горячим углям, и если ты выглядишь удобной, уложат тебя вместо мостков.

Я ответила долговязому холодным взглядом.

— Мы-то ничего не сделаем, но вот за местную Стражу не поручусь. — Босс поднял кружку. — Этот торговец — влиятельный человек. Поимка вора принесла бы командиру Стражи немалую выгоду.

Я не собиралась отвечать; он, похоже, предлагает начальную цену, и я готова была биться об заклад, что участвовала в играх с более высокими ставками.

Молчание затягивалось. За стенами трактира шумела рыночная площадь: кричали торговцы, предлагая свои товары, ржали лошади, телеги громыхали по булыжнику. Под окном прощли двое пьяных, шатаясь и бессильно хихикая. Их тени скользнули по нам, ждущим, неподвижным. Напряжение стало таким густым, что хоть втыкай в него ложку и мажь на хлеб. Босс сидел с бесстрастным видом, долговязый улыбался, а веснушки юнца выглядели откровенно несчастными.

— Конечно, мы не обязаны ничего сообщать Страже. — Долговязый усмехнулся и поднял нетронутый кубок за мое здоровье.

Сердито посмотрев на него, босс продолжал:

— Видишь ли, есть другие предметы, которые мы хотели бы приобрести, но владельцы не стремятся продавать их. Как ты думаешь, мы сможем прийти к некоторому соглашению? Ты явно обладаешь талантами, которые мы могли бы использовать.

Так, перешли к делу.

— А почему твой ручной волшебник не может достать их магией?

— Мне нужно точно знать, где они находятся, и увидеть их, — пожал плечами долговязый. — Это не всегда возможно.

Значит, никаких проблем с этикой. Уже легче.

— Как я понимаю, вы предлагаете мне работать на вас или сдадите меня стражникам и позволите им отрубить мне кисть.

Веснушчатый мигнул, и я отметила его как слабое звено в цепях, которые они пытались на меня надеть.

— В основном да. — Взгляд босса становился явно недружелюбным.

— Ты не прогадаешь, — заверил меня долговязый. — Ты получишь хороший процент от стоимости.

— Какой от него прок, если меня поймают?

— Я вытащу тебя из любой тюрьмы. Когда я узнаю тебя получше, то смогу выследить тебя подобно ищейке.

Какая захватывающая перспектива: у меня на хвосте маг, которого я не смогу стряхнуть!

— А если какой-нибудь разъяренный дворянин воткнет в меня меч, чтобы избавить Стражу от хлопот? — возразила я. — Ты и из тюрьмы Сэдрина сможешь меня вернуть? Сомневаюсь, что маги воскрешают из мертвых.

— Если тебяхватило, чтобы найти это, — босс снова поднял кружку, — значит, сможешь позаботиться и о том, чтобы тебя не поймали.

Он сплел пальцы и с довольным видом затрещал костяшками, дав мне еще один повод невзлюбить его.

— Как бы то ни было, думаю, в твоём положении не пристало спорить.

Увы, мне пришлось согласиться. Мы могли бы целый день обмениваться умными замечаниями с долговязым, играющим роль приветливого сторожевого пса у злобной уличной шавки — босса, но я не выйду отсюда, пока они меня не отпустят, какие бы фантастические догадки, почему меня здесь держат, ни возникали у хозяина гостиницы. Я могла дать им категорический отказ, но мне не нравилась перспектива быть переданной Страже. Возможно, мне удалось бы выплакать себе порку или позорный столб, но что, если командир решит поддержать меня, пока этот насильник — погань вонючая — не вернется домой? Я сохранила свою игорную маску приклеенной, но мысленно обругала себя: вот куда привела тебя месть, сонная клуша!

— Ладно, — медленно сказала я. Взяла кубок, осушила его и снова наполнила. Вино сразу подействовало ободряюще. — Так что у тебя за дело? Ты не просто покупаешь и продаешь в компании с магом и ученым. Ради какой такой важности вы должны нанимать стенолаза?

— Тебе незачем беспокоиться об этом. Мое имя Дарни, а мои спутники — Джерис и Шиввалан.

— Просто Шив, — улыбнулся долгоязый. — Так как тебя зовут?

— Терилла, я же сказала.

То была моя вторая тетка, которая вышла замуж за пекаря и стала такой же круглой, как его каравай.

Шив с извиняющимся видом покачал головой.

— Ты снова врешь.

Это обещало стать утомительным. Теперь придется десять раз подумать, прежде чем сообщить о себе какие-то сведения. С другой стороны, должны же они меня как-то звать. Почему бы не настоящим именем?

— Я — Ливак.

Я подняла свой кубок в ироничном тосте, и Шив ответил тем же.

Дарни хохотнул.

— Давно бы так. Хорошо, мы снимем тебе комнату здесь. Утром отправляемся дальше, а до тех пор держись от всех в сторонке.

Я помотала головой.

— Прости, я остаюсь в своем трактире, на большаке. Увидимся утром.

Дарни смерил меня презрительным взглядом.

— Не держи меня за дурака.

— У меня там вещи и неоплаченный счет, — огрызнулась я.

— Я съезжу с ней забрать их, — вызвался Шив, и гневный румянец Дарни немного спал.

— Пока меня не будет, можете подумать о нашей сделке. Я у вас в долгу за то, что не донесете на меня Страже из-за кружки, но не злоупотребляйте этим. Для начала я хочу половину стоимости всего, что украду.

Дарни эта идея явно не понравилась.

— Вернитесь дотемна, — отрывисто приказал он.

Шив отпер дверь — на этот раз как принято у людей — и галантным жестом предложил мне выйти.

— Так какие у тебя были планы? — поинтересовался маг, когда мы оказались на большаке.

Он сидел на коренастом вороном коне, как мешок с зерном. Я заметила потертую сбрую и понурюю голову усталого животного. Мой же наемный конь был свеж и резв, и я мысленно представила себе дорогу впереди. Скоро будет подходящее место, где я могла бы удариться в галоп и потерять его. Я бы поставила мою способность исчезать против его искусства выслеживания, каким бы выдающимся оно ни было. Добро пожаловать к моему багажу в трактире — они бы не нашли там моих следов.

Мы подождали, пока тяжело нагруженный фургон одолеет глупую лужу.

— Надеюсь, мы тебя не слишком побеспокоили, Ливак?

Мне этого почти хватило. Он сам делал из себя удобную мишень для моего неудовольствия.

— Ты ехала в Кол на ярмарку? А воровать там не опасно — ведь можно столкнуться с местным талантом?

Я не ответила. Какой-то осел начал скандалить невесту из-за чего позди нас, и, когда Шив обернулся, я вонзила каблучки в бока моего коня. Свежий после нескольких дней в конюшне, он жадно пошел в галоп, и я припала к холке, чтобы спастись от веток.

Внезапно конь споткнулся и рухнул на землю. Я кубарем выплетела из седла и жестко грохнулась вслед за ним; я так и не освоила этот трюк «расслабься, когда падаешь», о котором говорят вам лошадиные барышники. В первый миг я с ужасом подумала, что конь угодил ногой в кроличью нору; я не хотела иметь на своей совести смерть несчастного животного. Но вот он вскарабкался на ноги, и я сделала то же самое. Ничего не сломано, спасибо Халкарион, однако я буду вся в синяках.

— Прости, но Дарни не слишком бы обрадовался, если б я тебя потерял.

Я подняла голову. Шив застыл на своем вороном, а вокруг его рук светился зеленый огонь.

— Ублюдок, я могла сломать себе шею. — Я выплюнула гнилые листья.

— Нет, я об этом позаботился. — Беспокойство в его голосе казалось искренним. — Я не виню тебя за попытку, Ливак, — заверил он меня.

— Тебе легко говорить.

Я выругалась: конь переступил, вынуждая меня плясать на одной ноге, вторая — в железном стремя.

— Эй! — Шив схватил поводья. — Просто дай слово, что не сбежишь.

— Спасибо, — холодно буркнула я. — Ладно, клянусь. — Я отбарабанила обычную клятву Мизаену.

— Я понимаю, ты злишься, что Дарни втягивает тебя во все это. — Маг упорно старался быть дружелюбным.

— Да неужели? Он тебе угрожал? Он разрушил твои планы? Твои друзья будут беспокоиться, если ты не появишься, как ожидалось?

Шив смутился.

— Нам действительно нужна твоя помощь.

— Не можете разбогатеть? Я думала, чародеи должны оставаться честными со своей магией. Не это ли удерживает нас, простых смертных, от того, чтобы побить вас всех камнями как отъявленных мошенников?

— Дело не в деньгах. Мы скупаем особые предметы для Верховного мага.

На меня так и пахнуло паленым от тех горячих углей.

— Не хочу ничего знать! — отрезала я. — Выполню пару заданий для твоего босса, чтобы выровнять чаши весов, но если ты будешь шпионить за мной — берегись!

Он бесстрашно выдержал мой вызывающий взгляд.

— Согласен. Кстати, Дарни не мой босс. Я могу отменить его решение, если он попытается нечестно воспользоваться преимуществом.

Интересно, что означает для магов понятие «нечестно»?

— А этот парень? У него есть право голоса? Ха, думает, будто он очаровал меня! Посмотрим, что еще он мне расскажет.

— Джерис? — Шив засмеялся. — Он не посмеет.

— Он маг или что? Он твой ученик?

— Нет, он, как ты верно догадалась, ученый. Из Ванамского Университета, знаток тормалинского искусства.

Надо же, как тесен мир. Я тоже из Ванама и знаю мрачный фасад Университета. Это одно из тех зданий, которые выглядят недурно только при мягком освещении или в снегу. Я понятия не имела, каков он внутри: только богатые могут позволить себе обучать там лишних сыновей и дочерей Сэдрин его знает какой бесполезной чепухе. Я решила при случае втереться в доверие к Джерису и вытянуть из него все что можно.

— Ну а Дарни? Он маг?

— Нет, не совсем.

— Как это? Я думала, вы рождаетесь магами.

— Рождаемся постольку, поскольку родство со стихиями — врожденное, но все не так просто.

— Чего-чего?

Шив облагодетельствовал меня своим конфузом.

— Прости. Могущество мага происходит от стихий; способность влиять на стихию — вот что делает тебя магом, и с ней ты рождаешься. Она возникает изнутри и отличается разной степенью силы. Мы до сих пор пытаемся установить, каким образом все это происходит. Действительно могущественные маги весьма редкое явление; большинство людей имеют родство только с одной стихией, и это в любом случае их ограничивает.

— Так что насчет Дарни? — упорствовала я.

— Он обладает двойным родством, что необычно, но оно очень слабое. Его родители живут в Хадрумале: мать стряпает для одного из Залов, отец — пекарь. Живи он в ином месте, никто бы не заметил его таланта. Он был бы просто малым, который умеет ловко разводить огонь и более чутко, нежели другие, ощущать погоду.

Никогда не думала, что в Хадрумале, сказочном городе Верховного мага, есть кухарки и пекари. Это принижает все

истории, рассказанные в возвышенных балладах: интересно, кто там занимается уборкой?

— Когда стало ясно, что его таланты никуда не ведут, он начал работать на агентов Верховного мага, — продолжал Шив. — Это его первое самостоятельное задание, потому он и старается проявить себя.

— Что еще за агенты Верховного мага? — воскликнула я.

Шив посмотрел на меня искоса.

— Планир не сидит в высокой башне в Хадрумале, уставясь в магическую чашу, чтобы получать информацию.

Да, забавное сообщение. По крайней мере радует уже то обстоятельство, что действительно опасные маги благополучно сидят на своем потерянном острове.

— А кто ты? — Я с подозрением оглядела Шива.

— Я маг Морского Зала, адепт воды с воздухом в качестве второстепенного фокуса. Я член Совещательного Круга при Великом Совете.

Для меня это был пустой звук.

— И что это значит?

— Это значит, что большинство магов здесь будут плясать вокруг меня, низкопоклонствовать и делать все возможное, дабы узнать, насколько я на самом деле близок к Планиру. Там, в Хадрумале, я средняя рыба в оживленном пруду.

Показался трактир, в котором началась вся эта ерунда.

— Ты жди снаружи, а я расплачусь и соберу вещи.

Шив покачал головой.

— Я тоже войду. Поедим перед обратной дорогой.

Я раздраженно взглянула на него — когда я даю слово, я держу его. Кто знает, вдруг Мизаен действительно существует? Не хочу, чтобы огненные собаки гнались за мной по всему Иному миру, когда я умру. Мне и так придется действовать достаточно быстро, общаясь с Сэдрином. Я только хотела узнать, не пришло ли письмо от Хэлис, и, в свою очередь, оставить для нее записку.

— Когда-нибудь тебе придется мне доверять, — огрызнулась я.

— Я проголодался, — мягко парировал Шив.

Я быстро зашагала вперед, чувствуя себя немного душой. Взъерошенная белокурая девица за стойкой бара улыбнулась Шиву, а тот в ответ ухмыльнулся и начал ей что-то говорить. Оставив флиртующих, я пошла искать хозяина. Он был в винном погребе, наливал вино из бочки.

— Мне нужно ехать, поэтому я расплачусь сейчас. Могу я оставить лошадь в «Гончем Псе»?

— Ладно. За все три марки.

Я открыла поясную сумку и заплатила ему. Этот трактир был не из дешевых, но решительное отсутствие любопытства у хозяина означало, что мы с Хэлис уже не раз им пользова-

лись. Посмотри на светлую сторону, сказала я себе: если б ты удра-
ла раньше, тебе пришлось бы оставить здесь безнадежный долг,
который загадил бы это гнездышко на будущее.

— Мне ничего не передавали?

Трактирщик покачал головой.

— Сэдриновы потроха!

Что же такое с Хэлис? Кроме всего прочего, я хотела, чтобы
кто-то, кому я доверяю, знал, что со мной случилось.

— Могу я оставить письмо и деньги? — Мы это уже делали, и я
знала, что хозяин — человек надежный.

— Конечно.

Я поднялась в свою комнату и быстро уложила вещи. Если б не
мое неотвязное беспокойство за Хэлис, я уже пробежалась бы мыс-
ленно по всем возможностям в этом неожиданном повороте собы-
тий. Я настрочила Хэлис короткую записку, полную игорного жар-
гона и личных намеков, и запечатала в воск имперскую крону. Это
было лучшее, что я могла сделать, но меня это мало радовало.

— Пишешь кому-то? — Шив вошел без стука.

— Нужно твое разрешение? Хочешь прочесть? — От испуга
мой голос стал пронзительным.

— Это необязательно.

Маг покраснел и резко отвернулся. Как интересно, я умудри-
лась стряхнуть его раздражающее самообладание, хотя не имела
подобного намерения.

Мы в молчании поели и выехали. Шив пустил коня рысью.

— Это письмо моему партнеру. Мы должны были встретиться
в том трактире.

Раз уж я привязана пока к этой троице, то, учитывая отноше-
ние Дарни и кротость мальчишки, лучше бы мне вернуть дружелю-
бие Шива.

Спина мага расслабилась, и он придержал коня, пока я не по-
равнялась с ним.

— Партнеру? Любовнику? — Он поднял бровь.

Я засмеялась.

— Сугубо деловому. Ее зовут Хэлис.

— Значит, она... э... — он подбирал слова, — распоряжается
твоими... гм... приобретениями?

Я уже собиралась оскорбиться, как вдруг осознала его ошибку.

— Нет, я не воровка, разве что в особых случаях. Мы играем в
руны.

— Я сыграю с тобой как-нибудь.

— Играть с человеком, который видит кости насквозь? Как бы
не так! — выпалила я, не успев придержать язык, но Шив не оби-
дился.

— Если ты живешь игрой в руны и работаешь с подру-
гой, то сомневаюсь, что кости всегда падают без вашей по-

моши, — заметил он. — Ты не будешь использовать свое искусство, я — свое. Идет?

— Идет. — Эта перспектива казалась интересной.

— А когда ожидается твоя подруга?

— Боюсь, она уже запаздывает. Вот почему я украла ту проклятую кружку: из-за этой задержки у меня кончались деньги.

Шив осадил коня.

— Ты бы хотела узнать, что случилось с твоим партнером?

Я вытаращила глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Если у тебя есть что-нибудь, принадлежащее ей, или то, что она часто держала в руках, я смог бы ее найти. — Его улыбка меня успокоила. — На то я и ищейка.

— Конечно. — Я должна была это предвидеть. Я порылась в седельных сумках и нашла ее любимый комплект костей. — Это годится?

— Отлично. — Шив поймал брошенный ему мешочек и повернул коня с дороги.

Снедаемая любопытством, я последовала за ним. Маг спешил-ся возле большой лужи. Достав из кармана бутылочку с голубой жидкостью, он присел на корточки и вылил в воду несколько капель. Лужа засветилась зеленым светом. Глядя во все глаза, я встала на колени рядом с Шивом.

Он сомкнул веки и крепко сжал руны; то же самое жуткое свечение собралось вокруг его кулака, и я невольно вздрогнула. Магический свет — это то, что отличает настоящего мага от фальшивого, и за свою жизнь я видела такое лишь несколько раз. Зато я повидала уймищу таких, что утверждали, будто они маги. Какие только причины они ни выискивали, дабы объяснить, почему должны скрывать внешние проявления своей магии! Шив глубоко задыхался, и магическое свечение протянулось от его руки к луже.

— Смотри в воду! — приказал он, открыв глаза.

Я повиновалась и не смогла сдержать восторга.

— Это она, это Хэлис!

Я словно бы смотрела на нее сквозь толстое стекло, но не узнать ее было нельзя. Я закусила губу. Хэлис лежала в постели с закрытыми глазами, спутанные волосы облепили потное лицо. Ее правая нога была в лубках от бедра до стопы, на бинтах темнела кровь. Без сомнения, дело плохо.

— У нее перелом, — излишне заметил Шив. — Можешь определить, где она находится?

Я всмотрелась в расплывчатое изображение, но не нашла особых примет.

— Это какой-то трактир, но где — не могу сказать.

Шив провел линии в воде, и картинка стала меняться, образ Хэлис как бы отодвигался. Вы когда-нибудь сидели в

фургоне, глядя назад, когда лошади несутся галопом? Помните, как все уменьшается? Именно так я описала бы это изменение. Через несколько мгновений мы смотрели на наружную сторону трактира. У меня отлегло от сердца.

— Это «Зеленая Лягушка» в Срединном Рекине, я бы где угодно узнала ту маслобойню.

Это был неплохой трактир, и, что важнее, в этом городке жил надежный аптекарь. Наши друзья, братья Сорград и Соргрэн, познакомили нас, когда довольно сложное предприятие оставило меня с глубокой раной на руке.

Шив наморщил лоб.

— Это на Селеримском тракте? Сразу за Тремя Мостами?

Я кивнула.

— А что?

— Я знаю там кое-кого. Могу попросить, чтобы он позаботился о твоей подруге.

Вряд ли Хэлис поблагодарит меня, если я сдам ее чародею, но, с другой стороны, вряд ли ей очень хочется умереть от загноившейся раны или лихорадки.

— Он не мог бы отвезти ей денег и убедиться, что аптекарь ее лечит? Я отблагодарю, если он немного подождет.

Шив кивнул.

— Конечно. Он и сам умеет врачевать.

Я с облегчением вздохнула — доверию пришлось-таки быть взаимным. Я видела людей, искалеченных на всю жизнь из-за подобных переломов.

— Ты можешь ему написать? Дилижанс отправится в Селериму сегодня или завтра и захватит письмо.

— Нет нужды.

Шив улыбнулся и воздел руки. Слабый зелено-голубой свет зареял вокруг его головы и, подхваченный ветром, поплыл по дороге. Глаза мага были открыты, но пусты. Я помахала рукой, однако Шив даже не моргнул, его разум был в лигах отсюда. Это было доверие с лихвой; я могла бы всадить нож ему в ребра, пока он тут стоял. Или хотя бы попытаться — любой маг, сохранивший толику здравого смысла, наверняка имеет защиту от подобных нападений. По крайней мере я могла бы вскочить на лошадь и в мгновение ока затеряться в лесу. И пусть он потом попробует выследить меня.

Бывают времена, когда я жалею, что не сделала именно так. Мать всегда говорила, что любопытство доведет меня до виселицы. Но меня уже захватила вся эта история, я хотела знать, каким образом ценные древности сводят вместе агентов Верховного мага и ученых из Университета. Ведь я не просто игрок — у нас есть друзья вроде Каролейи, чья роль «леди Эйлерик, лишенной собственности дворянки», приносила нам изрядную прибыль в различных местах. Информация и особенно знание важных

событий современности могли обогатить меня, а участие Верховного мага должно быть важным, не так ли? Хэлис долго еще никуда не поедет, а нянька из меня никудышная, так что я не видела никакого проку в том, чтобы сидеть и держать ее за руку, пока ее нога не сростется.

А эта игра, возможно, обернется в конце концов прибылью.

**Таверна «Старая Бочка», дорога на Ханчет, к востоку
от Дубгора, 13-е предосени**

Оглядев комнатенку, Казуел презрительно фыркнул. Сдернул с кровати мягкие, изношенные льняные простыни и небрежно бросил в угол. Не заметив нигде паразитов, он обрадовался, но предосторожность не повредит. Тщательно осмотрев матрас, набитый конским волосом, прежде чем застелить его собственным накрахмаленным бельем, он щедро побрызгал вокруг кровати уксусной водой.

В дверь постучали, и приглушенный голос что-то спросил.

— Простите, что вы сказали? — Казуел открыл, стараясь говорить беспечно, дабы не выказать свое презрение к седому крестьянину, заискивающему перед ним. Зачем, в конце концов, нервировать этого малого? Нужно быть вежливым к низшим классам, напомнил он себе.

— Хозяин таверны что-то быстро сказал на непонятном диалекте мальчишке, державшему кувшин с горячей водой, и оба подавили усмешку.

— Я спрашивал, — с сильным акцентом продолжал старик, — ваша честь будет ужинать в общей зале или желает снять кабинет? — В его улыбке крылся похотливый намек.

— Мы будем ужинать одни, как это принято, когда путешествуешь со знатной барышней.

Казуел говорил медленно, намеренно подчеркивая чистоту своей дикции. Пример коренного тормалинца должен показать этим деревенщинам, до чего они исковеркали его благородный язык, подумал он с удовлетворением.

— Как пожелает ваша честь.

Старик взмахом руки велел юнцу выйти из спальни и прикрыл за собой дверь, но не до конца.

Зашипев от раздражения, Казуел пошел запереть ее на щеколду и нахмурился: эти двое еще смеют разбирать его по косточкам, с грохотом спускаясь по лестнице.

— Как, по-твоему, дядя, что у него за дело? Думаешь, продает эти книги?

— С такими манерами он не шибко наторгует, в какие бы ряды ни рядился. При таком отношении он даже козлу обедки не продаст.

— А кто эта милашка? Думаешь, он макает туда свое перо?

— Нет, по мне, она не из таких, слишком юная, слишком тихая. Такая вот не стала бы драться с мышью за свой сыр.

Казуел с силой захлопнул дверь, так что пламя свечи задрожало. Он постоял с минуту, обдумывая достойный ответ этому наглому юнцу, затем снял рубашку, чтобы смыть дневную грязь. Он содрогнулся при воспоминании о часах, проведенных в дилижансе, битком набитом один Рэпонин знает какого класса людьми. Первым делом осмотрел свои белые руки и довольно узкую грудь. Не обнаружив блошиных укусов, он несколько смягчился и, взбив пену кисточкой в серебряной оправе, сноровисто намылил лицо.

Поставив свое стальное полированное зеркало под таким углом, чтобы выгоднее падал свет, Казуел изучил свое отражение, утешаясь аристократическими линиями лба и челюсти. Кровь Девуара все еще помечает своих сыновей чертами древней силы, подумал Казуел, чувствуя, как к нему возвращается хорошее настроение. Он осторожно провел вниз острое стальное лезвие, дабы ни капли крови того дворянина — возможно, больше не облагороженной — не осталось на его полотенце.

Поворачиваясь к сумке с туалетными принадлежностями, маг взглянул на скромный подбор выцветших томов, аккуратно сложенных на обшарпанном столе рядом с неровной стопкой пергаментов. Его вдохновение немного погасло: надо бы побольше книг вручить Узаре по возвращении в Хадрумал, не так ли? Казуел в раздумье зачесал назад волнистые каштановые волосы.

В дверь робко постучали.

— Войдите.

Прежде чем войти, Аллин нерешительно заглянула в комнату.

— Хозяйка сказала, что ужин готов, можно подавать? — Неуклюже приседая в реверансе, она спохватилась и неистово покраснела.

— Я же говорил тебе, Аллин, незачем это делать. — Казуел пытался сдерживать досаду, не желая вызвать у девушки еще один приступ плача, особенно сейчас, когда они одни в его спальне и он без рубашки.

— Простите, мессир Девуар, — опутив голову, еле слышно прошептала Аллин и затеребила юбку.

— Не нужно извиняться, — произнес Казуел добродушным, как ему представлялось, тоном. — Помни, быть магом — значит внушать уважение. Ты должна приучить себя к этому.

Он достал из сумки чистую рубашку и хмуро оглядел мятые складки.

— Как твоя спальня? Удобная?

— О да. — Аллин сплела пухлые руки. — Хотя я с радостью спала бы в женской комнате, если так будет лучше.

— Прошли те дни, когда ты делила постель со своими сестрами, не говоря уж о посторонних людях в общей спаль-

не. — Казуел смахнул пылинку с рукава. — Ну, идем ужинать. Я покажу тебе книгу, которую купил сегодня.

Он взял пару томов и свои записи.

Аллин хотела что-то сказать, но промолчала и послушно взяла мага под руку. Ей пришлось почти бежать, чтобы не отставать от него. Сам не более чем среднего роста, Казуел возвышался над ней на целую голову. Улыбнувшись Аллин, он снова подумал, какую обузу на себя взвалил. Эта девчонка должна бы радоваться отдельной комнате, раньше ей и мечтать не приходилось о таком уединении.

Сверкавший чистотой, хоть и просто обставленный кабинет приятно его удивил. Когда они сели за старомодный стол, дверь распахнулась, и толстая женщина, придерживая ее бедром, внесла нагруженный поднос.

— Прошу прощения, ваша честь, — сказала она, отодвигая в сторону книги и бумаги Казуела, чтобы освободить место для своей ноши.

— Позвольте я сам! — Маг схватил драгоценный том, спасая его от расплескивающегося супа.

— Вот бульон, жареная курочка, баранья колбаса, сыр и яблочный кисель, — смачно перечисляла женщина. — Ешьте досыта, голубчики.

И ушла, шелестя домоткаными юбками.

Соблазнительные запахи поднимались от стола. Урчание в желудке мага напомнило о том, как давно они завтракали.

— Выглядит очень-вкусно, — произнес он так, словно не верил своим глазам.

Аллин вскочила, чтобы подать ему курицу.

— Сядь! — рявкнул он и тотчас пожалел об этом, ибо глаза девушки наполнились слезами. Она опустила голову, и Казуелу оставалось только смотреть на косы, аккуратно уложенные в круг на ее макушке.

Он исторг тяжелый вздох.

— Пойми, Аллин, ты — прирожденный маг. Ты обладаешь редким и особым даром. Я понимаю, все это ново и несколько тревожно для тебя, но я отвезу тебя в Хадрумал, и ты поступишь в учение в один из Залов. Твоя жизнь изменилась, и изменилась к лучшему, поверь мне. Я знаю, требуется время, чтобы привыкнуть к этой мысли, но ты больше не забитая младшая дочь, которой все помыкают. А теперь ешь.

Казуел подвинул к ней супницу, и по прошествии долгой минуты Аллин, промокнув глаза уголком шали, нерешительно налила себе бульону. Они поели в неловком молчании.

Девушка всколыхнула тишину робким шепотом, которого маг не понял, ее лескарский выговор все еще резал ухо.

— Прости?

— Я хотела узнать, когда мы поедem в Хадрумал. — Аллин быстро взглянула из-под челки.

Ставни задребезжали под порывом ветра. Пламя свечи заплесало, вспыхнув отблесками на золотом тиснении потрепанного корешка — одного из недавних приобретений Казуела. Баранья колбаса у него во рту стала вдруг жирной и свинцовой на вкус. Это был, бесспорно, старый экземпляр «Минринельского Вестника», заметки на полях выглядели интересными, но едва ли это была редкая книга. Казуел оттолкнул от себя баранину.

— Думаю, после Равноденствия, не раньше. — Он рассеянно зачерпнул ложкой кисель. — Мне нужно найти что-то стоящее для Узары.

— Он очень великий маг? — с опаской поинтересовалась Аллин. Казуел не удержался от смеха.

— Не совсем. Он не намного старше меня, и вряд ли его назовешь внушительной персоной. Он старший маг в Земном Зале, где я учусь, но имеет место в Совете, и ходят слухи, что он пользуется благосклонным вниманием Верховного мага.

— А вы работаете на него?

— Все не так просто. — Казуел отпил глоток эля с тоской по приличному вину. — Вероятно, он испытывает меня, хочет проверить, стоящий ли я ученик, заслуживаю ли того, чтобы работать с ним над особым проектом.

Маг уверенно кивнул.

— Я тормаинец, моя стихия — земля, так же как и его. Кто лучше поможет ему постичь историю краха Империи? Держу пари, я знаю больше о последних днях Империи, чем любая пятерка членов Совета, которых он мог бы назвать.

— Книги, те, что вы купили у моего отца, — для него?

— Именно.

Казуел отбросил недостойную мысль, будто цена за бесспорно желанные тома оказалась выше, чем он ожидал. Тогда он думал, что совершает выгодную сделку; в конце концов тот человек отчаянно желал превратить чудом спасенные им ценности в твердую монету до наступления зимы. Выгнанные из своего лескарского дома неопределенностью летних сражений, родители Аллин бились из последних сил, чтобы прокормить свое многочисленное потомство, когда слышали о заезжем ученом, покупающем книги.

Однако когда Казуел понял, что девочка, которую всегда звали затопить печь, — прирожденный маг, он просто не мог оставить ее там. Кроме того, в доме становилось одним ртом меньше; для ее разоренного отца это было то же самое, что держать в руках деньги. Особенно отсутствие вот такого конкретного рта,

подумал маг, глядя, как Аллин с неэстетичной торопливостью приканчивает кисель.

Он еще немного выпил и наклонился вперед, испытывая потребность с кем-то поделиться.

— Сложность в том, что, я почти уверен, я не единственный, кого послали на материк в связи с проектом Узары. Когда Узара обратился ко мне, я поставил себе целью смотреть в оба за ним и его признанными учениками. И слышал разное. Значат ли что-то эти разговоры или не значат ничего, трудно сказать.

Казуел проткнул ножом сыр и с сомнением понюхал — он подозрительно напоминал приманку, которую его мать клала в мышеловки ради его душевного спокойствия.

— Просто не знаю, как лучше поступить. Быть может, мне выгодно вернуться первым, со скромным началом и несколькими неплохими ходами, потому что тогда Узара, по всей вероятности, официально пригласит меня в ученики. С другой стороны, скоро Равноденствие, начнутся различные ярмарки, люди будут покупать и продавать всяческие вещи, съедутся писцы с запасами редких томов и так далее. Вполне возможно, стоит подождать. Я мог бы найти что-то действительно впечатляющее.

Казуел с остервенением всадил нож в сыр и резко оттолкнулся от стола, так что тот затрясся.

— Хотя не удивлюсь, если окажется, что Шиввалан Ралсир нашел ту же самую вещь на день раньше.

— Вы его не очень любите? — робко произнесла Аллин.

— Я ничего не имею против этого человека лично, — решительно соврал Казуел. — Просто ему слишком легко все достается. Это несправедливо. Шиввалан не проделал и половины той работы, что выполнил я, но в течение трех лет по прибытии в Хадрумал он увивался за магами вроде Рафрида и даже Шаннет. Эта женщина не брала учеников десять лет и вдруг неожиданно наталкивается на Шиввалана Ралсира, не замечая магов, которые по несколько сезонов составляли предложения для изысканий, ожидая, когда их пригласят в ученики.

Поверхность эля в графине перестала качаться и заблестела в пламени свечи. Внезапная мысль отвлекла Казуела от бесконечно-го перечня стандартных обид.

— Видишь ли, я сильно подозреваю, что Шиввалан немного жульничает, используя свои магические способности для личного продвижения. Гадание, например. Шиввалан должен быть силен в этом. И над этим же работала Шаннет, запершись в своей башне, если верить сплетням.

— А я смогу гадать? — Маленькие глазки Аллин оживились.

— Ну, маги, родственные воде, сильнее всех в гадании. У тебя талант к огню, но, думаю, ты должна овладеть им. Я владею.

Девушка посмотрела на Казуела с благоговением, что польстило его ушибленному самолюбию.

Непривычная смелость овладела им. Стараясь не обращать внимания на дрожь в животе от подобной дерзости, Казуел потянулся за тарелкой и налил в нее воды.

— Давай покажу тебе.

Порывшись в письменном ларце, он вытащил чернила и осторожно капнул в тарелку несколько капель. Янтарный свет упрямо мерцал вокруг его пальцев, прежде чем удалось вызвать грязно-зеленый, чтобы тускло осветить воду. Кусая губу, маг представил себе кольцо-печатку Шива — это он мог сделать легко. В конце концов Казуел долго носил его отпечаток на собственной челюсти после того позорного случая на Солнцестояние.

Воспоминание отвлекло его, и пришлось начать заново. Свежие чернильные разводы закружились в воде, а затем возник расплывчатый образ Шиввалана, сидящего в гостинице — хорошей гостинице, не то что эта лачуга с паразитами, раздраженно заметил Казуел.

— Вот он, Ралсир.

— Кто это с ним? — Аллин смотрела в тарелку открыв рот.

Казуел нахмурился, разглядывая веселую рыжую женщину, распивающую с Шивваланом графин эля за игрой в руны.

— Какая-то Лесная девица прямо из леса, просчитывающая свои шансы, — пробормотал он. — Ее ждет сюрприз, если она строит планы на эту ночь.

— Что?

— Ничего, — поспешно ответил Казуел.

На самом деле эта потаскушка выглядела довольно неплохо. Почему он никогда не встречал таких женщин, спросил себя маг, покосившись на незрелую коренастую фигуру Аллин, ее простое круглое лицо и курносый нос.

Мимолетная волна похоти схлынула, когда он узнал человека в дальнем конце комнаты.

— Дарни Фаллион? Что он там делает?

Пораженный, Казуел смотрел, как Шиввалан пересек комнату, дабы перекинуться парой слов с наемником, а потом вернулся к девушке.

Его волнение передалось воде, и видение растворилось в оливково-коричневой мешанине. Казуел игнорировал и ее, и чернила, теперь окрашивающие треснувшую глазурь тарелки.

— Кто он, тот, другой человек?

— Один из агентов Верховного мага, — мрачно обронил Казуел. — Это может быть серьезно. Сам-то Дарни, как говорят агенты, ничего собой не представляет, но если Шиввалан путешествует с ним, значит, к этому как-то причастен Планир.

Казуел не мог упустить такую возможность. Он должен узнать, что происходит.

— Жди здесь.

Оставив Аллин за столом с широко открытыми глазами, Казуел выбежал из комнаты и быстро вернулся с зеркалом. Он действовал с непривычной целеустремленностью: открыл ставни и поставил свечу на подоконник, игнорируя холодный порыв ветра. Аллин поехала, плотнее завернувшись в шаль и хранила молчание по укорежившейся привычке своего едва минувшего детства.

Усевшись на табурет, Казуел щелкнул пальцами, и в тот же миг свеча загорелась ровным оранжевым пламенем. Маг поставил зеркало под углом, чтобы поймать его отражение, и сталь засверкала собственным внутренним сиянием, отбрасывая золотистый свет сначала в сосредоточенное лицо Казуела, а потом в глаза девушки, когда она подошла и стала вглядываться через его плечо в откровения на блестящей поверхности.

— *Так куда мы едем дальше?* — Голос человечка в зеркале прозвучал резко-металлически и в то же время приглушенно в тишине комнаты.

— Кто это? — нерешительно прошептала Аллин.

— Джерис, один несносный тип из Ванамского Университета. Сэдрин знает, что он там делает!

Казуел не сводил глаз с зеркала, где теперь ясно был виден Дарни.

— *Дрид, Эйрог, затем Ханчет.* — Агент выразительно похлопал по карте.

— *Как далеко мы берем с собой девушку?* — Джерис понизил голос, метнув растерянный взгляд на другой конец комнаты.

Дарни пожал плечами.

— *Пока Стража не начнет искать ее, и смотря насколько она окажется полезна. Многое будет зависеть от одного: сумеет она добыть нам ту вещьцу или нет. Если сумеет и мы узнаем в Ханчете то, что нужно, мы вернемся в Фриерн. И там она сможет заработать свои деньги, жадная свинья.*

— *Ты уверен? Это будет очень рискованно.* — Джериса что-то явно удручало, его глаза метались между агентом и играющей в руны парочкой.

Отхлебнув эля, Дарни ответил тихим спокойным голосом:

— *Если травник прав, это те книги, которые нам нужны, и никаким другим путем нам их у Армайла не получить. Ты слышал аптекаря: он уверен, что управляющий живет сейчас в Ханчете и с радостью опишет нам расположение библиотеки в обмен на небольшую сумму и обещание мести. И, если помнишь, я как раз тогда интересовался, где бы нам найти верхолаза, не привлекая внимания.*

— *А если ее поймают?* — Джерис повысил голос, и агент

сердито зыркнул на него.

— Пока лорду Армайлу будет кого упрянуть в тюрьму и повесить, коль он того захочет, он не будет утруждать себя дальнейшими поисками. Да и кто поверит ее рассказам о магах, нанимающих ее ловкие пальцы?

— Все равно мне это не нравится, — с вызовом сказал Джерис.

— Тебе не должно это нравиться, это не твое решение. — Голос Дарни резко зазвенел в металле зеркала. — Либо она достаточно умна, чтобы не попасть в беду, либо пусть принимает руны такими, какие выпадут. В любом случае, если она провалит первое дело, не будет никакого смысла брать ее во Фриерн, не так ли? Расплатимся с ней, и пусть убирается на все четыре стороны!

Казуел остолбенело смотрел на зеркало.

— Ушам своим не верю! Эта девица не только проститутка с пристрастием к лужайкам, она еще и воровка! — Он покачал головой.

Его волнение снова разрушило чары. Казуел выругался и захлопнул ставни от пронизывающего ветра.

— Они замышляют кого-то ограбить? — ужаснулась Аллин.

— Это еще не самое страшное! Подумать только, ведь они могли бы преуспеть! Я всегда подозревал, что Шиввалан плетет интриги ради своего продвижения, а Дарни ничем не лучше простого наемника. Полтора сезона моей кропотливой работы снова пойдут псу под хвост, потому что у этой парочки морали, как у портовых крыс!

Казуел удивленно посмотрел на свои руки, трясущиеся от бесильной ярости.

— Рэпонин! Чума их возьми!

— Что вы теперь будете делать?

Маг хотел сказать «ничего», но остановился с открытым ртом, уставясь в пустоту. Потом кашлянул и задумчиво глотнул эль.

— Ну, если они готовы опуститься до такой низости, то я обязан что-то предпринять, не правда ли? Что, если все пойдет не так? Если их разговор проследят и ниточка приведет к агенту Верховного мага, репутация Хадрумала будет вздернута на виселице вместе с той рыжей дрянью!

Доверчивый, почтительный взгляд Аллин еще сильнее подхлестнул его. Казуел достал из сумки большую толстую книгу.

— Что это?

— Сборник путеводителей, карты главных дорог, — с удовлетворением ответил маг. — Помолчи минуту.

Отыскать нужные дороги оказалось не так-то просто. Пришлось развернуть сразу несколько листов. Казуел шепотом выругался. Ага, Ханчет, вот он где. Маленький городишко, не так ли? Только для того и существует, чтобы обслуживать мосты по обе стороны, поскольку стоит на слиянии двух рек, — не настоящий город в тормалинском смысле слова.

— А знаешь, мы могли бы быть там послезавтра, — выдохнул он наконец.

Дрожащими руками маг сложил карты.

— Нет, будем смотреть на вещи реально. Во-первых, мы понятия не имеем, с кем там надо связаться. Все, что нам известно, — это что они ищут некоего субъекта, раньше служившего управляющим у лорда Армайла.

— Но этого должно хватить. В маленьких деревушках все друг друга знают, — робко заметила Аллин.

Казуел задумчиво воззрился на нее.

— Местные сплетни этим и питаются, не так ли? Моя мать вместе со своим кружком шитья непременно бы об этом судачила. Наверняка там есть трактир, где можно было бы задать вопросы, не вызывая никакого подозрения.

Бешенство комом встало в горле Казуела, и он смысл его долгим глотком эля.

— Да как Ралсир и Дарни посмели даже подумать об ограблении лорда Армайла! Фриерн — одно из немногих феодальных владений, протянувшееся отсюда до Кола, где дороги не утопают в грязи, где кареты не вязнут в ней по оси, а лошади — до поджилок! К слову сказать, дороги эти одни из самых безопасных в округе, коли на то пошло. Помнишь тех разбойников в колодках, которых мы видели перед рыночным домом?

— Да, помню!

Резкий тон девушки удивил Казуела, пока до него не дошло, что означает закон для семьи, выгнанной из своего дома хаосом междоусобной войны.

Его взгляд устремился куда-то вдаль, за побеленные стены комнаты. После долгого молчания маг выпрямился на стуле.

— Я мог бы расспросить этого управляющего, вреда от моего интереса никому не будет. Если окажется, что у лорда Армайла есть нужные Узаре книги, почему бы мне не обратиться к нему открыто? Как говорится, Рэпонин вознаграждает решительных, не так ли?

— Да? — Аллин бессмысленно вытаращила глаза.

Казуел зашагал взад и вперед по неровным половицам. Смелость, рожденная из давно копившихся обид, постепенно одерживала верх над его природной осторожностью.

— Я должен обратить на себя внимание Узары, мне просто необходимо это сделать, но это все равно что бросать руны наугад, не так ли?

Маг остановился, затем энергично повернулся к столу

и полез под камзол за толстым мешочком монет.

— Вероятно, проматывание денег Верховного мага на пьянки в трактирах вынуждает Ралсира красть книги, вместо того чтобы покупать их, как подобает честному человеку.

Презрительно усмехаясь, он разложил перед собой благородные монеты.

— Я попрошу позволить мне взглянуть на библиотеку, а затем предложу справедливую цену за те вещи, что мы ищем. Почему бы нет? Лорд Армайл, несомненно, разумный человек. В конце концов, он благородного происхождения, даже если он всего лишь мелкий энсейминский землевладелец.

Высокомерная улыбка изогнула полные губы Казуела.

— Думаю, ни к чему усложнять дело, сообщая ему, что мы маги. Я нахожу путешествие в качестве книготорговца вполне достаточным объяснением.

Тут его улыбка малость поблекла. Казуел нахмурился.

— Знаешь, Аллин, я бы не хотел, чтоб ты рассказывала кому-либо об этом, когда мы приедем в Хадрумал, по крайней мере до тех пор, пока я не переговорю с Узарой с глазу на глаз. Огласка этого дела может очень скверно отразиться на достоинстве магов. Мой долг — предотвратить осуществление Шивваланом и его сообщниками столь безрассудного замысла в будущем, но не хотелось бы, чтобы все подумали, будто я распускаю сплетни о собрате-ученике. Надо только тщательно выбрать момент. Проект Узары, должно быть, важен, если в нем участвует Верховный маг, пусть и косвенно, а значит, он заслуживает сотрудничества, а не противостояния между магами. Ты понимаешь?

Девушка торопливо кивнула.

— Конечно. Я никому не скажу ни слова.

Казуел одобрительно улыбнулся.

— Тебе понравится в Хадрумале, моя дорогая. У тебя острый ум, и ты серьезно относишься к делу. Я постараюсь, чтобы тебя взяли на обучение в один из лучших Залов.

Что будет нетрудно устроить, когда он произведет впечатление на Узару, стреножит для него коней Шиввалана и получит должное признание, которое необъяснимо ускользало от него столько времени.

От воспоминания о накопившейся боли свело челюсти. Оставался, однако, вопрос с Дарни. Не он ли был тем последним, кто остался на ногах в припортовой таверне Хадрумала, когда моряки вызвали всех посетителей на кулачный бой? Может, было бы лучше, если б Узара не упоминал имени Казуела, когда будет докладывать Планиру об этом позорном факте? Но как же тогда привлечь к себе внимание Верховного мага? Придется над этим как следует подумать.

ГЛАВА 2

ЭНСЕЙМИН

Название Энсеймин — искаженное Эйнар сай Эммин, «земля многих народов», на древнем тормалинском наречии. Множественное число Эйнаринн, что означает «мир», — конечно, более знакомо. Историки, воссоздающие славный путь той погибшей Империи, представляют Энсеймин как провинцию, удерживаемую железной рукой тормалинских правителей, распространявших свою власть на Далазор, Лескар и Каладриу; — но это не так.

Покорив Каладриу, Тормалин простерся до Белой Реки. Эта естественная граница протянулась от залива Пирла до Южных Отрогов Гидестанских гор — самой узкой части, подходящей для обороны. Тогда были впервые установлены официальные связи между Тормалинской Империей и королевством Солура. Король Солтрисс, претендовавший на земли к западу от Великого Леса, направил эмиссаров на эту, еще не востребованную территорию. Среди коренных жителей путешественники натолкнулись на дипломатов от императора Коррела Отважного, который в то время обдумывал план аннексии земель за пределами своей империи.

К счастью для аборигенов, безмятежно живущих на широких равнинах этого плодородного края, каждый могущественный правитель осознал опасность расширения своих владений. Коррел уже продвигал свое войско на север за Далаз, чтобы захватить рудные богатства Гидестанских гор, а Солтрисс не без оснований сомневался в жизнеспособности провинции, которая будет отделена от его королевства непостижимыми тайнами Великого Леса. Бесспорно, Лесной Народ воспринял бы такое окружение как угрозу и сопротивлялся бы всеми колдовскими средствами, имеющимися в его распоряжении.

Так, благодатная земля Эйнар сай Эммин только выиграла, когда вместо конфликта между Тормалинской Империей и королевством Солура наладилась торговля. Маршруты выючных лошадей стали главными торговыми путями с востока на запад: Лесной Народ сам начал путешествовать и торговать: купцы из Гидестана и Солуры, отправлявшиеся на разведку в Драконовы Хребты, привозили металлы и драгоценные камни с севера к морю. Даже торговцы из пустошей Мандаркина за теми неприступными горами рисковали на грозных перевалах, чтобы доставить пушнину и янтарь на рынки юга.

Феодальные поместья, управляемые мелкими лордами с самопожалованными титулами, поднялись и расцвели. Они перемежались городами с самоуправлением, выросшими вокруг слияний дорог и рек, и несколькими безопасными гаванями вдоль побережья, создавая лоскутный характер современного Энсеймина. Конкуренция в стране, слишком зависимой от торговли, препятствовала объединению, и многие ученые видят в этом оборотистость и тормалинской, и солуранской знати, хорошо осознающей выгоду сохранения буфера между такими могучими державами.

«География Востока, являющаяся описанием земель, прежде провинций Тормалинской Империи, составленная Маролом Афмуrom, наставником и ученым Ванамского Университета, и включающая полный перечень основных городов, их ремесел и производимых товаров»

Постоялый двор «Гончий Пес», Амбафост, 14-е предосени

У меня была смутная идея вставать на рассвете и галопом отправляться в путь. Разве не так ведут себя люди в поисках? Но только не эти трое. Когда Шив постучал в мою дверь, солнце давным-давно взошло, я была полностью одета и уже подумывала, а не сбежать ли — ведь данное мною слово относилось лишь ко вчерашнему дню. Мы неторопливо позавтракали в отдельном кабинете. Дарни уписывал говядину с луком, пиво, хлеб, мед, снова хлеб и сладкие кексы. Я попросила овсяную кашу. Дарни развеселился — ну и пусть! Я люблю овсянку и желаю после еды ходить, а не переваливаться. Однако это дало мне повод задуматься. Эти трое не скопидомничали, и я спросила себя, что же агент Верховного мага получает в качестве жалованья и на расходы.

Когда мы наконец тронулись в путь, Шив и Дарни поехали верхом, а я присоединилась к Джерису в опрятной коляске, запряженной парой лошадей. Я села с ним впереди, так как сзади лежал весь багаж и стояли два окованных железом сундука.

Сундуки, особенно запечатые, всегда возбуждают мое любопытство; вопрос только в том, принял ли Шив меры предосторожности, или бесшумная работа с отмычками может оказаться плодотворной. Я сосредоточилась на дороге — не хватало еще, чтобы Шив или Дарни заметили мой интерес.

Джерис умело держал вожжи в руках и со своими гнедыми говорил спокойно. Очевидно, он правил лошадьми много лет, быть может, с детства, что почти наверняка означает благородную кровь; простым людям вроде меня достаются только мулы, и то если повезет. Я два года колесила по стране, прежде чем решила, что все же стоит научиться ездить верхом, и вряд ли я когда-нибудь научилась править, если бы это не требовалось для аферы, которую мы с Хэлвис провернули в Каладрии.

— Великолепная пара, — заметила я через несколько миль дружеского молчания.

— Я приобрел их прошлой весной, — улыбнулся Джерис. — Не правда ли, прелесть? И у них такой хороший шаг, что я купил бы, даже если бы одна была вороной, а другая белой. Я не беспокоюсь о модной масти.

Я люблю дружелюбных, открытых людей вроде Джериса; они расскажут вам намного больше, чем понимают. В Ванаме только богатый может позволить себе так привередничать насчет масти своих лошадей или настолько уверенный в себе, чтобы игнорировать моду, коли на то пошло. Итак, богатый и знатный — два фактора, не всегда связанные. Богатый, знатный, доверчивый и наивный. Ну почему я не встретила его одного? Менее счастливая мысль пришла мне в голову: возможно, именно он финансирует это турне благородных, а не Верховный маг. Однако теперь я могла не бояться выиграть у него слишком много, когда мы будем в следующий раз играть в руны.

— Шив говорит, ты из Ванама, — небрежно заметила я.

— Да, это так.

— Надо же, какое совпадение. Я тоже оттуда.

Я одарила его теплой сестринской улыбкой. Джерис разулыбался в ответ, напомнив мне одну из тех преданных алдабрешских болонок.

— А где ты живешь? Может, у нас есть общие знакомые?

Было весьма забавно смотреть, как его мозг догоняет его язык. В качестве первого шага к вежливой болтовне это был прекрасный вопрос, но это ли он хотел спросить у женщины, у которой купил краденую вещь? На его лице отразилось смущение, когда он увидел разговорную яму, которую только что вырыл перед собой. Меня так и подмывало назвать ему горстку знатных горожан, которых я ограбила. Будет ли это считаться знакомством?

— Сомневаюсь, — сжалась я. — Моя мать — экономка.

— О, у кого?

Опять не самый тактичный вопрос, но на этот раз парень, кажется, не заметил.

— У Эмиса Глашейла. Он живет к востоку от реки, возле Расколотой дороги.

Джерис покачал головой.

— Я совсем не знаю ту часть города. Моя семья живет на Арибоне.

— Да ну?

Мне не пришлось притворяться заинтересованной. Арибон означает деньги, но необязательно старые деньги. Некоторые весьма сомнительные личности покупают себе респектабельность этим адресом.

Джерис взглянул на меня, затем сосредоточился на изгибе дороги, изрезанной глубокими колеями и топкой от недавнего дождя. По лицу ученого было видно, что жажда поболтать борется в нем с предупреждением, несомненно от Дарни, быть сдержанным. Я терпеливо сидела, и мы благополучно одолели поворот. Джерис снова покосился на меня. Его глаза заблестели, задержавшись на моих коленях в бриджах. Я вытянула ноги и откинулась на спинку сиденья, что также помогло плотнее натянуть куртку на моей груди.

— На Арибоне есть красивые дома, — задумчиво сказала я. — Вы давно там живете?

Как я и надеялась, светский кодекс не позволил Джерису игнорировать вопрос дамы, даже такой сомнительной дамы, как я.

— Мой отец построил этот дом около десяти лет назад, когда он... — Джерис заколебался, но вскоре исторгнул беспечный смешок. — А, ладно, ты тоже можешь узнать. Мой отец — Джудал Армигер.

— Не может быть! — изумилась я. — Владелец «Зеркала»? Тот самый Джудал?

Джерис покраснел, но я видела, что он гордится своим происхождением, и неудивительно.

— Почему ты так стыдишься этого? Джудал — величайший актер, какого знал Ванам за три поколения! — Я дала полную волю своему восторгу. — Моя мать рассказала мне, что он создал собственную труппу, вместо того чтобы искать богатого покровителя. Она говорит, все были поражены. А построить затем собственный театр, вместо того чтобы использовать храмы, как делали все остальные, — это было просто гениально.

— Он умный человек. — Джерис выпрямился, исполненный гордости.

— Умный? Не то слово! Люди все еще говорят о премьере его первой пьесы по лескарскому роману. Жрецы при-

шли в ярость. А какое надо было проявить мужество, чтобы пойти и выкупить после этого Солуранский маскарад — просто чтобы показать им, что он о них думает? — Я засмеялась. Ребенком я видела их представления в редкие свободные дни, проведенные в городе со своим отцом, и они до сих пор как живые стоят у меня перед глазами.

— Он и сам пишет, — похвастался Джерис. — Он пережил насмешки, саботажи и подражание и установил тот критерий, по которому судят теперь о мастерстве любой труппы.

Это прозвучало как одна из строк самого Джудала, но я не собиралась придирааться. Он, бесспорно, удивительный человек. И, между прочим, гребет деньги лопатой.

— Знаешь, мы с матерью полдня простояли в очереди, чтобы увидеть «Дочь герцога Марлира».

Джерис энергично повернулся.

— И как? Вам понравилось?

— Моя мать призналась, что никогда не понимала, как женщина, отхлеставшая дочку по заднице, могла бы остановить лескарские войны прежде, чем они начались. — Я засмеялась, вспомнив вдруг ее сухой тон.

— Думаю, это не совсем справедливо, — обиделся Джерис.

— Мне спектакль очень понравился, — заверила я его. — Я в самом деле восхищалась, как принцесса им всем перечила и не позволила распоряжаться своей жизнью, несмотря ни на что.

Джерис смягчился, поэтому я не стала вдаваться в подробности. Может, тогда я и восхищалась строптивой Сулетой, так как сама упрямая, но нынче я больше склоняюсь к мнению моей матери, хоть это звучит невероятно.

— Ну и ну! — Я удивленно покачала головой. — Как же ты оказался на этой увеселительной прогулке со столь своеобразной парочкой? — Я махнула рукой на спины Дарни и Шива.

Джерис немного расслабился.

— Мой наставник в Университете — знаток истории Тормалинской Империи, особенно времен Немита Мореплавателя и Немита Безрассудного. И когда Планиру понадобилось узнать больше о том периоде, он связался с моим учителем. А тот рекомендовал меня Дарни и Шиву.

Я надеялась, что никто не поверяет Джерису ничего жизненно важного. При всех его колебаниях у него просто на лбу было написано: «У меня есть тайна!»

— А ты не хотел поступить в «Зеркало»?

Я продала бы всех своих теток и кузин за подобную возможность. Ладно, если честно, я бы продала их и за гораздо меньшее, но все равно я не понимала, как Джерис мог уйти от такой захватывающей перспективы.

Что верно, то верно.

— Я заинтересовался историей, когда отец писал «Вамира Смелого». Я тоже написал кое-что для сцены, но вышло не очень удачно. Больше всего мне нравилось учиться, пытаться осмыслить старые саги, записи на усыпальницах, Имперские Хроники и всякое такое. Ты знаешь, тормалинцы считают, что поколение — это двадцать пять лет, а солуране говорят — тридцать три года; вот почему так трудно совмещать их летописи.

— А твой отец не возражал?

— Отец всегда твердил, что мы вольны выбирать свой собственный путь. Ему пришлось убежать из дома, дабы он мог делать то что хочет, и он поклялся не быть таким суровым к собственным детям. Обычно ему это удается. К тому же у меня два брата и сестра, которые играют, брат, который пишет действительно хорошо, и сестра, которая взяла в свои руки все бразды правления, так что вряд ли они по мне скучают.

Он улыбнулся, безмятежный, довольный своей судьбой. Интересно, на что похожа семья, где не бывает раздоров?

— Наверное, это звучит глупо, но мне и в голову не приходило, что у Джудала есть семья. По-моему, вообще никто никогда не задумывался о жизни Джудала за кулисами.

— Он был бы рад это слышать.

Джерис пустил лошадей рысью, чтобы догнать Шива и Дарни, исчезнувших за деревьями, которые с обеих сторон обступили дорогу.

— Он не хочет, чтобы его слава мешала нам жить. Моя мать и мои младшие брат и сестры могут ходить по городу, оставаясь неузнанными, и это ее совершенно устраивает.

Сколько же у них детей?

— Должно быть, она настоящая женщина.

— Да, — гордо сказал Джерис.

Я улыбнулась; вряд ли он имел в виду то же, что и я.

Мы миновали придорожный камень, и я нахмурилась, поняв, что мы на Эйрогском тракте.

— Куда это мы едем? Я думала, вы направляетесь в Кол, если интересуетесь древностями.

Улыбка Джериса поблекла, и он неуверенно посмотрел на жесткую спину Дарни. Я не отступала.

— Ты, конечно, смотрел Альманах? Они добавляют лишний день в Равноденствие, чтобы календарь оставался правильным. Это будет грандиознейшая ярмарка за много лет. Вы могли бы найти там самых разных торговцев.

— Ну да, здесь же пользуются тормалинским календарем, не так ли? — помрачнел Джерис. — Они ведь не добавляли один день в то же самое время, что и солуране, три года назад?

Я пожала плечами; мне не хотелось отвлекать Джериса погрешностями в разных методах исчисления года; следить,

кто какую систему использует, и убеждаться, что работаешь по нужному календарю, — все это и так доставляет немалую головную боль.

— Так куда мы едем?

— О, в Дрид, — рассеянно ответил Джерис. — Ты знаешь, что тормалинцы добавляют все дни на Солнцестояние?

— А что в Дриде?

Этот вопрос не имел смысла. Дрид существует лишь потому, что людям надо где-то остановиться среди сплошных полей, дабы промочить горло.

Джерис встряхнулся и бросил календарные подсчеты.

— Не уверен, что имею право говорить с тобой об этом, — признался он.

— Если я собираюсь что-то делать для вас там, мне нужно как можно больше времени, чтобы составить план.

— Не вижу, в чем должна заключаться моя помощь.

— Ну, что я должна красть? У кого? Почему эти вещи так важны?

Джерис заерзал.

— Это чернильница-рог, — сказал он наконец.

— Что?

— Чернильница. В ней держат чернила, и она сделана из рога.

— Да, я знаю, что это такое. Но что в ней особенного? Дарни мог бы купить целую кучу таких чернильниц в Коле.

— Нам нужна именно эта. Владелец не продаст, вот мы и ломали голову, как завладеть ею. Ты появилась как раз вовремя. — Он улыбнулся мне, широко открыв глаза.

Джерис мог сколько угодно меня очаровывать, но, с моей точки зрения, нельзя было выбрать более неудачного времени. Мне вдруг опостылела эта игра.

— Слушай, или ты говоришь мне, что происходит, или я спрыгиваю с этой повозки и убегая в лес прежде, чем ты успеешь поковырять в носу. Попробуй объяснить это Дарни.

Парень моргнул от моего резкого тона.

— Дарни обещал рассказать тебе все что нужно, — взмолился он.

— Джерис, — предостерегающе сказала я, — пока ты будешь звать Дарни, меня уж и след простынет.

— Это сложно, — выдавил он наконец.

— До Дрида полдня езды, и я хорошая слушательница, так что говори.

Парень вздохнул.

— Я говорил, что мой университетский наставник — знаток конца Империи?

Я кивнула.

— Ага, царствования Немита Безрассудного.

— Он собирает старые карты, храмовые книги, современные летописи, все, что можно достать. Торговцы знают его, а несколько лет назад он начал собирать и древности, глав-

ным образом вещи, которые имеют отношение к ученым: футляры для перьев, лупы, обрезки свитков. Ничего особо ценного, как ты понимаешь, но интересно само по себе.

И куда это ведет? Я хранила молчание.

— Это прозвучит действительно необычно, — неохотно промолвил Джерис.

Пришлось бросить на него грозный взгляд.

— Он начал видеть сны. Не просто сны, а очень подробные, живые сновидения. Словно живешь в чьей-то чужой жизни, так он сказал, и, проснувшись, он еще несколько дней помнил каждую деталь. Вряд ли из этого что-нибудь вышло, если бы прошлой зимой, на Солнцестояние, он не пошел на собрание наставников, где все они напились. Там он заговорил об этих необычных снах, и оказалось, что еще двое видят такие же. Орнейл — так его зовут — думал, что от слишком напряженной работы его спящий ум оказывается вовлеченным в его занятия. Он рассказал об этом смеха ради, но у тех двоих словно гора с плеч свалилась. Один — географ, он исследует погодные составляющие, второй — металлург, который пытается выяснить, как имперские монетные дворы очищали белое золото.

Он и несколько тысяч других, подумала я. Жизнь станет очень интересной, если кто-то заново откроет секрет белого золота, благодаря которому монеты Тормалинской Империи остаются пока единственными деньгами, которые нельзя подделать.

— И что?

— Ну, их исследования не имели никакого отношения к истории Империи как таковой. Географ начал спрашивать себя, не сходит ли он с ума; понимаешь, он рационалист и очень крайних взглядов; он говорит, что даже не верит в существование богов. Металлург приписал это воздействию ртутных паров. Короче, они разговаривались, и вскоре выяснилось, что в этих снах появляются люди и события, известные Орнейлу из его исследований, однако те двое никогда о них даже не слышали. Видишь ли, Хроники конца правления Мореплавателя весьма неполны, а царствование Немита Безрассудного было столь коротким, что в Империи, разваливающейся у него на глазах, фактически нечего найти. Тем не менее обнаружился один губернатор в Калифере, и Орнейл — едва ли не единственный человек, хоть что-то знающий о нем из своих изысканий, но Дриссл-металлург смог назвать клички его собак и другие подробности благодаря сновидениям.

Теперь мне ясно, почему из Джериса никогда не выйдет драматург. Я вмешалась, когда он остановился перевести дух.

— И как мы перейдем от странных снов к краже чернильницы в Дриде?

— Видишь ли, им ничего не удалось найти о природе подобных снов ни в каких источниках. Существуют храмовые предания о предсказаниях с помощью снов, но они никуда не привели. Есть гидестанская легенда о человеке, который видел вещие сны, но...

— Джерис, я не хочу всего этого знать, — перебила я его. — Почему я должна красть какую-то чернильницу?

Джерис надулся и помолчал, собираясь с мыслями.

— Они решили найти некий обобщающий фактор, который мог бы иметь значение.

Ученый ум, подумала я, полная загадка для всех остальных.

— Оказалось, что у каждого из них есть маленькая коллекция артефактов Старой Империи. У Дриссла — денежные весы, матрицы печатей и алхимический ящик, а у Марола — карты, шкатулки и макет Алдабрыши, показывающий, как течения движутся между островами и изменяются с сезонами. Это действительно интересно, видишь ли... — Он прикусил губу. — Думаю, об этом ты тоже не хочешь слышать. В общем, они обнаружили, что у каждого есть вещица, к которой они особенно привязаны и которую не продали бы ни за какие деньги. Все эти вещи датированы самым концом Империи с разницей в несколько лет, и все они возникали в снах. Изыскатели решили поставить опыт и обменялись артефактами, но как только эти вещи покинули своих хозяев, сны прекратились. Когда они снова вернулись на место, сны возобновились.

Я посмотрела вперед, мы догоняли Дарни и Шива.

— Ближе к делу, Джерис, — взмолилась я.

— Не найдя объяснения, они решили, будто в этом замешана магия. Поспрашивали вокруг и узнали, что один из магов, Узара, изучает падение Империи и основание Хадрумала. Он полагает, эти сны могут дать ценные сведения, а потому отправил людей, чтобы найти побольше таких древностей.

— И эта чернильница — одна из них?

— Она нужного периода, к тому же из тех маленьких личных предметов, которые, как мы считаем, связаны с подобными снами. И решающим доводом является то, что старик, ее владелец, упорно не хочет ее продавать. Это, как правило, существенно.

— Может, он просто жадный и набивает цену, как тот, с кружкой?

— Кстати о кружке. — Джерис оживился и повысил голос. — Я хотел спросить: почему ты выбрала именно ее? У того торговца много интересных для нас вещей; та кружка и правда красива, но она не самая ценная. Ты долго держала ее в руках? Ты что-то почувствовала, когда брала ее?

— Джерис! — Дарни и Шив остановились перед местом, где взялся сбор. — Я что тебе сказал?

Джерис умолк, когда агент подъехал к нам.

— Придет время, я сам расскажу ей то, что нужно.

Он поехал обратно — спорить со зрителем моста, и я установилась ему в спину с неприязнью.

Мы переправились во Фриерн. Я хранила молчание. У меня было полно вопросов, но они могли подождать. Фриерн — не место для крупного спора с Дарни, который мог кончиться тем, что я оставила бы эту тройцу. Мы миновали таверну «Серый Рогач», а немного погодя остановились у постоянного двора, тоже именуемого «Серый Рогач», чтобы перекусить и дать отдых лошадям. Мне действительно не нравятся места, где каждая гостиница называется по эмблеме местного лорда. Стража лорда Армайла, как обычно, бросалась в глаза, галопируя по дороге без всякого уважения к окружающим. Огораживание этой земли ушло намного дальше, чем в прошлый раз, когда я здесь проезжала: для крестьян дела здесь складывались не слишком-то хорошо, большинство разбивали камни по обочинам дороги за кусок хлеба. Я обрадовалась, поняв: в этом месте мы не задержимся.

Был уже вечер, когда на придорожных камнях появилось название Дрида и дорога побежала по холмам. Недалеко от городка Дарни объявил привал под купами ив, и мы напоили лошадей.

— Так, Шив с Джерисом будут ждать здесь, — отрывисто распорядился агент. — Мы с тобой идем в Дрид. Я покажу дом, и ты проберешься в него, когда стемнеет. Как только украдешь рог, мы уезжаем.

— Куда? — кротко спросила я.

— Я знаю место, где можно остановиться, частный дом, не гостиница. Если поднажмем, к рассвету будем там. Малая луна в последней четверти, света хватит. — Заключение фразу он адресовал Джерису, который собирался возразить из-за своих лошадей.

— На что похож дом этой задницы?

— Чего?

— Ну, этого человека.

— Маленький дом на улице возле бойни.

— А сам он?

— Старый чудак, антиквар. Лет шестидесяти, если у него вообще есть возраст, и у него слабое здоровье. Должно быть, он каждую ночь стучится в дверь Сэдрины.

Я покачала головой.

— Сперва мне нужно осмотреть дом, но сразу могу сказать, что я не буду этого делать, как только стемнеет.

Дарни рассвирепел.

— Ты сделаешь, как я велел.

— Нет, если ты хочешь эту вещицу так сильно, как, я думаю, ты хочешь. Даже при одной Малой луне кругом будут люди, по крайней мере пока она не сядет, даже в таком крохотном

местечке, как Дрид. Это уличный дом, никакого двора, и с обеих сторон вплотную стоят другие дома? Это не легко. Раз он старик, значит, спит чутко, и, позвольте мне угадать, дом набит причудливыми вещами, столы и книги повсюду?

— Точно, — подтвердил Джерис, заработав кислый взгляд агента.

— Я войду перед самым заходом луны. А вы проедете через городок и остановитесь в первом трактире на Эйрогской дороге. На рассвете встретимся и отправимся в путь как невинные путешественники.

— Я думаю...

Шив грубо прервал Дарни.

— Ливак здесь эксперт, поэтому сделаем так, как она говорит. Агент злобно взглянул на него, но смолчал. Интересно, подумала я.

— Итак, кто ходил к старику, когда он не захотел продать?

— Мы с Джерисом, — ответил Шив.

— Тогда Дарни прав, лучше, если он покажет мне место. Давайте поедим, а потом пойдем в город выпить эля.

Я послала агенту ослепительную улыбку, стараясь не допустить в нее торжества, но не произвела на него никакого впечатления. Дуйся сколько хочешь, подумала я, мне-то что.

Мы быстро поели и оставили Джериса и Шива играть в руны под деревом. Они собирались двинуться дальше немного погодя, когда дороги опустеют, и Джерис, казалось, хочет по какой-то причине улучшить свою игру. Я велела им ни с кем не заговаривать. Возможно, старик на полпути к столу Сэдрина, но бьюсь об заклад, он установит связь между незабываемой парочкой, желавшей купить его чернильницу, и ее внезапным исчезновением. Здешняя Стража не отличается особым умом, но зачем идти на риск: ведь кто-то может их опознать и укажет, куда они поехали.

Мы неторопливо пошли в городок. Я подумывала, не взять ли Дарни под руку, честно говоря, в основном чтобы досадить ему, но решила этого не делать — он не стоил таких хлопот. Я с интересом смотрела по сторонам, припоминая, где тут что, так как давненько сюда не заезжала. Дрид — милый городишко с путаницей улиц, застроенных домами из местного желтого камня с шиферными крышами.

— Зеленая дверь, — вполголоса сказал Дарни, — переулочек справа и плещ на фронтоне.

Я покосилась из-под ресниц на дом, о котором он говорил, настраиваясь на решающую для меня информацию.

— Старик живет преимущественно внизу, судя по тому, что видел Шив, — продолжал Дарни. — Ты можешь влезть через чердачное окно.

— Или выломать дверь топором, — подхватила я. — Это было бы быстрее, а шума столько же.

Дарни хотел сказать что-то резкое, но я опередила его, показав на людей, сновавших по улице. Он со своим высокомерием начал страшно мне надоедать.

— Судя по паутине и плющу, это окно не открывалось со времен постройки, — объяснила я ровным, рассудительным тоном. — Поверь, Дарни, я знаю, что делаю. Разве не по этой причине ты втянул меня в ваш маскарад?

Мы пошли дальше к скромному трактирчику на рыночной площади и распили кувшин эля. Я бы не рекомендовала это заведение своим друзьям, но если быть откровенной, возможно, это выражение на лице Дарни сделало пиво кислым.

Солнце зашло. На юге, розовая и светящаяся, показалась Малая луна. Пора. Я встала, и Дарни хватило ума последовать за мной. Мы вышли на Фриернскую дорогу и зашагали в темноту; я шла нога в ногу с Дарни.

— Иди дальше, не оглядывайся, увидимся на рассвете.

Я юркнула в переулок, ведущий к бойне, а Дарни, не сбивая шага, направился своей дорогой. Я покачала головой со смешанным чувством досады и восхищения.

Переулок пах старой кровью, свежим навозом и испуганными животными. Неуютное место для гуляющих парочек, а значит, самое подходящее для меня. По задворкам бойни я пробралась на еще одну узкую улочку. Там села на корточки и принялась наблюдать за домом старика.

Слабый отсвет единственной свечи перемещался время от времени, а затем фасад потемнел. В двух соседних домах вечерняя жизнь шла своим чередом: там готовили еду, ужинали, выливали помои, закрывали ставни. Трубы перестали дымить, и два парня из дома слева пошли к трактиру. Обрато они брели, когда луна стояла высоко в небе. Поднялся небольшой переполох из-за двери, запертой на засов, и мать впустила их внутрь с гневными упреками.

Я сидела и ждала. Вскоре городок затих. Только шуршание крыс доносилось из мусорных куч да время от времени звуки сопротивления, когда кошка ловила свою добычу. Я перешла улицу и крадучись заскользила по переулку. Дровяные сараи, уборные и свинарники теснились на узком пространстве с неровными рядами домов. Судя по отсутствию вони, свинарник старика пустовал. Это хорошо, у свиней отличный слух, к тому же они не в меру любопытны и могут поднять ужасный шум. Нырнув в тень, я осмотрела окна. Вот тут ничего хорошего; створки такие же покоробленные, как на фасаде, и так же намертво закрыты, и плющ точно такой же — буйный. Мне это не нравилось, но придется попробовать дверь. Я встала на колени и изучила грязь — никаких следов когтей или отпечатков лап, никакой собачьей шерсти в растрескавшемся дереве косяка. Пока что это более перспективно.

Я посмотрела внимательнее и возблагодарила Дрианон за то, что она смотрит благосклонно на своенравную дочь. У старика стряслась беда, и он потратился на замок. Я молилась, чтобы, уповав на него, старик отказался от засовов, вытащила инструменты и приступила к работе. Я умею отодвигать засовы, но эта работа в лучшем случае медленная и часто шумная.

Он заплатил хорошие деньги, поняла я, когда время продолжало неумолимо ползти. Замок оказался сложным, возможно, это даже было изделие Горного мастера. Наконец я справилась с последней сувальдой, затем крайне медленно и осторожно потрогала защелку. Она неохотно двинулась по ржавчине и грязи, но никаких засовов на двери не было. Проскользнув внутрь, я остановилась, чтобы осмотреться. Воздух был спертый от древесного дыма, запахов мочи и кислого молока. Из дальнего конца комнаты доносились хрипящие вздохи, и угасающие угли едва высвечивали сгорбившуюся в кресле фигуру у кухонной плиты. Когда глаза привыкли к темноте, я разглядела стол, заставленный немытой посудой с объедками, поленья, небрежно сваленные на полу, тряпье и мусор повсюду. Я подошла к двери в переднюю комнату и очутилась совсем в другом мире.

Всюду лежали книги, но они были подобраны по темам и авторам. Никакая пыль не портила их кожу, а на центральном столе высилась куча пергаментов, исписанных аккуратным почерком. Блестящая подозрительная труба лежала на детальном чертеже ночного неба, а лавку у окна занимали травы и цветы с подробным описанием их применения и мест произрастания. Чернильница стояла на отдельном столике вместе с перьями, ножом и красками. Это была красивая вещь — незнакомый мне рог бледно-медового цвета, оправленный полосками красного золота с изящной гравировкой. Я протянула руку, но замерла в нерешительности. Я не хотела, чтобы видения из темных веков вторгались в мой сон, и почти пожалела, что не осталась в неведении насчет всего этого дела.

Кашель из кухни испугал меня, я схватила чернильницу, и сердце мое заколотилось. Что, если старик находится в разгаре одного из этих жутких снов? Не разбудит ли его перемещение чернильницы? Я вернула ее обратно на стол, как свечу, оплывающую горячим воском. Сердце барабаном стучало в ушах, когда я уставилась на проклятую вещь.

«Возьми себя в руки», — безмолвно приказала я.

Глубоко вдохнув, я осторожно подняла чернильницу и застыла, ожидая реакции в соседней комнате. Зашуршало одеяло, скрипнуло кресло, затем снова послышался ритмичный скрежет дыхания. Легкие старика звучали скверно. И как он переживет зиму?

Ожидая, когда старик погрузится в более глубокий сон, я быстро осмотрела штабеля книг. Джерис и Шив ищут информацию о конце Империи, и жаль будет потерять эти сокровища,

если старик умрет во сне и местные крестьяне все растащат. Одна маленькая стопка посвящалась последним императорам династии Немита, поэтому я сунула их за пазуху и потуже затянула пояс туники. Убедившись, что на кухне все спокойно, я выскользнула из дома. Мне потребовалось время, чтобы снова запереть дверь, стараясь не обращать внимания на учатившийся пульс и пот, щеко-чущий меж лопаток. Ученый непременно заметит кражу, но при отсутствии признаков взлома Стража, если повезет, отмахнется от него как от бестолкового старого идиота.

Довольная своей работой, я затрусила по темным улицам и вышла на большак, оставив Дрид в объятиях Морфея. Дело сделано, но я почему-то чувствовала себя замаранной. Да, знаю, для людей моего ремесла это звучит глупо, но я все время представляла себе горе несчастного старика. Это было не воровство ради выгоды или мести, как с кружкой. И не кража от безысходности у обжиралющегося сливками кота, который не слишком пострадает от нанесенного ему ущерба. Старик жил в большей гармонии со своим разумом, нежели с телом, и я спрашивала себя, что значили яркие сны из далекой эпохи в его убогой жизни, когда его тело и чувства ослабли с возрастом.

«Возьми себя в руки, клуша! — выбрала я себя. — Может, это самый злобный старый хрыч с тех пор, как Мизаен создал солнце и луны».

Скажу Джерису, пусть попросит какого-нибудь сердобольного наставника из Университета позаботиться о старике — ему не место в той лачуге. Я ускорила шаг, и угрызения совести остались позади вместе с дорогой.

Небо бледнело от первых проблесков зари, когда наконец показался трактир. Открыто, но бесшумно я вошла во двор, вопрошая себя, как найду остальных. Мне можно было не беспокоиться: Дарни сидел у двери каретного сарая на тюке соломы и, плотно завернувшись в плащ, дремал. Когда я подошла, он открыл глаза.

— Достала?

Я кивнула и вручила ему сумку с чернильницей.

— Ты всю ночь здесь торчишь? Как же тогда, сонный, будешь сидеть на лошади?

— Не бойся, я отдохнул. Солдатская служба многому учит.

Его настроение, похоже, улучшилось.

— Нельзя ли чего-нибудь съесть на дорожку? — Ночное пробуждение прошло, и навалилась усталость.

Дарни протянул мне хлеб с сыром и подал кружку пива, стоящую на земле рядом с тюком соломы, а потом отдал мне свой плащ.

— Тебе нужно отдохнуть. Я подниму остальных, и мы выедем, как только взойдет солнце.

И не думая спорить с этой неожиданной сердечностью, я закуталась в добротную шерсть, еще теплую от его тела, и калачиком свернулась на соломе.

ГЛАВА 3

ОЛИМЕЙЛ КЕСПР
«ДОЧЬ ГЕРЦОГА МАРЛИРСКОГО»
ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Действие второе, сцена третья
Спальня Сулеты

(Входит Тизель)

Сулета

Скажи, скажи мне, что отец мой — дышит?

Тизель

О дорогая госпожа, он дышит.

Но в каждом вдохе — звон ключей Сэдрина.

Дверь в мир Иной уж скоро отопрется,

Чтоб рыцарскую тень его принять.

Сулета

Я этого не вынесу!

Тизель

Да, тяжело

Легла на плечи хрупкие твои

Та ноша непосильная — однако

Нести ее должна ради него.

Сулета

О горе мне! Зачем на эти муки

В недобрый час я родилась на свет?

Тизель

Не проклинай, дитя, свое рождение;

Несчастья все — от вероломной шлюхи,

Супружеское ложе осквернившей.
Ее и проклинай...

Сулета

Ах, тише, Тизель!

Вне этих стен не смей о королеве
Так говорить — иначе
Тебя от плети мне не уберечь.

Тизель

Лишь правду говорю я, госпожа,
И все о ней наслышаны без меры.
А королева...

Что с нее возьмешь,

Коль оказалась сущей проституткой!
А может, и похуже — ведь с собой
Она своих детей по грязи тащит.

Сулета

О, не напоминай мне о страданиях
Моих несчастных дорогих кузенов!
Поверь, насмешка гнусного ублюдка
Не менее жестокой будет плетью,
Чем та, что их родную мать секла
На площади, нагую, пред толпой.

Тизель

Ах, добрая душа, ты о других страдаешь,
Когда сама пред выбором стоишь!

Сулета

О чем ты?

Тизель

Как же... Разве госпожа,

Ну, матушка... с тобой не говорила?

Я думал...

Сулета

Я не видела ее

С тех пор, как принесли отца домой...

(Входит Албрайс, герцогиня Марлирская)

Тизель (приседая)

Ваша светлость.

Албрайс

Оставь нас, с дочерью хочу побыть наедине.

(Тизель уходит)

Албрайс

Твой отец не успел еще лик отвернуть свой от мира сего,

А хирург говорит мне, что делает это,
пока не забрезжил рассвет.

Нет, уймись, дорогое дитя, мы не можем дать волю слезам,
Мы не можем позволить сейчас эту роскошь себе.
Выйдя замуж, представь, по любви, я отринула все,
Даже статус принцессы — увы! — я презрела тогда.
Но теперь, когда брат мой погиб от руки твоего же отца.
А второго застигли в прелюбодеянии с тою змеей,
Я — единственный отпрыск Герика-короля, живущий на
этой земле.

Я ответить должна зову крови и выполнить долг пред семьей.
Дочь моя, только в жилах твоих эта кровь идеально чиста.
От того, на чьих простынях заалееет она в твою брачную ночь,
Будет зависеть судьба этой бедной, несчастной страны.
Вот их светлости Парнилесс, Драксимал притязанья имеют
на трон, и равны их права.

И рука твоя чашу весов Рэпонины склонит к одному иль другому.
Сулета

Я должна разделиться на части, словно добрая туша мясная?
Албрайс

Не дерзите мне, леди! Ужель я тебя воспитала ущербной,
с недостатком ума?

Сулета

Драксимал — средоточье пороков, горький пьяница,
деспот зловердный,

Три жены от него уж сбежали в ладье Полдриона;
Парнилесс еженощно танцует со своим же учителем танцев
танец женщины!

Ты говоришь, будто я должна выбрать в мужья одного из двоих
И что мне не хватает ума, — но возможно ли это,
Если я ощущаю гадливость — ну просто воротит с души.
Я скажу откровенно тебе: королевская ль кровь течет
в моих жилах,

Иль обычную кровь проливаю на томимую жаждою землю —
Мне не важно, да, мне все едино, пусть не буду иметь ничего!

(Сулета уходит)

К востоку от Дрида на Эйрогском тракте, 15-е предосени

Следующее, что я поняла сквозь сон, это что Шив поднимает
меня в коляску, а Джерис перекладывает багаж, пытаясь освободить
мне местечко.

— Все хорошо. — Я выпуталась из складок плаща. — Я
посижу впереди.

Шив улыбнулся.

— Ты уверена?

Я зевнула.

— Подремлю в дороге, мне не привыкать. Ой! — взвизгнула я — твердый перегілет воткнулся в ребра.

— Что такое? — Джерис путливо огляделся.

— Вот что. — Я полезла за пазуху и вытащила книги. — Здорово же я устала, раз заснула прямо на них!

При виде названий у Шива заблестели глаза, но едва он собрался открыть первый томик, как снова появился Дарни. Маг быстро сунул книги в холщовый мешок и положил в седельную суму.

— Я расплатился, так что поехали. Ливак никто не видел, пусть так и остается. Пусть все думают, будто мы и впрямь торговцы краской.

Если так, то запертые сундуки и охрана обретают смысл. Я с невольным уважением посмотрела на Дарни — возможно, у него есть скрытые таланты.

Коляска выехала со двора, и я задремала. Я могу спать где угодно, пока чувствую себя в безопасности, кроме разве что козел ди-лижанса, но Джерис правил так, будто вез поклажу с яйцами, и дорога была в хорошем состоянии. К полудню, когда мы остановились, чтобы дать отдых лошадям, я открыла глаза и поинтересовалась, какой будет наша следующая остановка в этом безумном путешествии. Ждать пришлось недолго.

Почти у самой границы Эйрога Дарни свернул на проселок. Въехав на холм, мы увидели внизу озеро, окаймленное деревьями, и группку зданий. Над крышами мастерских торчали печные трубы, похожие на луковицы, они выбрасывали в голубое небо клубы грязного дыма.

— Дарни!

Топорно скроенный мужчина в перепачканных глиной рубашке и штанах вышел из низкого сарая и помахал нам. Потом повернулся к озеру и кликнул мальчишку, который ловил рыбу с низкого сука.

— Сейн, мой сын, позаботится о ваших лошадях, — сказал он. — Пойдемте внутрь.

Заметив меня, мужчина учтиво кивнул.

— Я Травор, добро пожаловать в мой дом.

Он помог Дарни с первым сундуком, а Шив и Джерис взяли второй и понесли в солидный кирпичный дом, расположенный в центре этих зданий. Я поплелась за ними в большую кухню, где розоволицая женщина моего возраста вымешивала хлеб на чисто выскобленном столе, а на плиточном полу вокруг ее ног играла стайка таких же чисто выскобленных детей.

— Шив! — При виде мага женщина расцвела и деликатно поцеловала его в щеку, отведя в сторону измазанные мукой руки. — Привет, Дарни! Джерис, как дела?

— Спасибо, хорошо.

— Джерис!

Дети запрыгали вокруг ученого, и я увидела, что их пятеро, начиная от стройной белокурой барышни, доходящей ему до пояса, и кончая шустрым ползунком, уверенным, вопреки очевидности, что умеет ходить. На мой взгляд, все погодки, и, судя по объемистой талии хозяйки, я бы побилась об заклад, что гончар снова имел обжиг в ее печи. Женщина вытерла руки о передник.

— Я Харна, добро пожаловать.

— Ливак.

Мы пожали друг другу руки.

— Вы надолго к нам? — Харна накрыла тесто чистой салфеткой, чтобы подходило, и обернулась к Дарни.

— Переночуем и поедем дальше.

Шив вмешался.

— Думаю, мы немного задержимся, Харна. Видишь ли, Дарни, кроме той вещицы, Ливак достала нам несколько книг. Они нам очень пригодятся, и я хотел бы услышать мнение Коналла.

Дарни бросил на меня первый кислый взгляд за день.

— Ясно. Обсудим это позже, — сказал он тоном, сулящим неприятности, и, постояв, решительно вышел во двор.

Не обращая на него внимания, Харна пристально посмотрела на меня.

— У тебя усталый вид. Пойдем, провожу тебя в твою комнату. Как насчет ванны?

— Это было бы чудесно.

Я с нетерпением пошла за хозяйкой. Джерис стал раздавать детям засахаренные фрукты, а Шив вытаскивал из кладовой хлеб и холодное мясо.

— Все чувствуют себя здесь как дома, — заметила я, когда мы поднимались по узкой лестнице.

Харна засмеялась.

— За последние два сезона я видела Дарни чаще, чем за последние шесть лет. Но я не против, это ради хорошего дела.

Я поборол искушение расспрашивать дальше.

— Что ты с ними делаешь? — Харну явно не мучили сомнения.

— О, то и это.

Она кивнула и оставила тему.

— Вот твоя комната.

Женщина открыла близкую дверь в маленькую спальню под самой стрехой. Я вдохнула лавандовый запах безупречно чистого белья и едва не заснула на месте.

— Здесь очень красиво, спасибо.

Я нисколько не кривила душой. На комодѣ стояли глиняные кувшин и таз, покрытые глазурью, в Ванаме они бы стояли бешеных денег. Побеленные известью стены были нежно-розовые, а оконную створку прикрывали чистые льняные занавески.

— Ванная там.

Харна повела меня вниз по другой лестнице в выложенную плитками комнату с огромной ванной и стоком, хитро вделанным в пол.

— Здорово! — восхитилась я.

Харна улыбнулась.

— Травор любит удобства. Когда купаешь семерых детей, здесь бывает подобно броду на Далазе.

Семерых? Упаси меня Дрианон!

Вошел Травор с огромным чайником кипятка.

— Какой там брод! Скорее уж целый шторм в самом Каладрийском Заливе.

Он вылил кипяток в ванну, и я жадно посмотрела на нее.

— Спасибо. Вы уверены, что я не забираю слишком много горячей воды?

Травор покачал головой.

— Печи сегодня работают, а я построил рядом с ними медные котлы, чтобы тепло не пропадало. Мы можем выкупать вас всех, и еще много останется.

Он ушел, и вновь появилась Харна с мягкими полотенцами.

— Наслаждайся, — сказала она, закрывая дверь.

Так я и сделала. На полке стояли бутылочки с ароматическими маслами, и я нашла экстракт моей любимой золотень-травы. Погрузиться в душистую воду и вымыть волосы — какое это блаженство! Когда вода остыла, я нехотя вылезла из ванны и, завернувшись в полотенце, побежала обратно в спальню, где чистая рубашка и белье завершили мое преображение.

В доме царила тишина. Слышны были лишь голоса детей, играющих где-то у озера, да громыхание телеги, выезжающей со двора. Я растянулась на гусиной перине и достала из сумки книгу, которую утаила от Шива.

«Об утраченных искусствах тормалинцев». Звучит многообещающе.

Открыв ее, я начала продираться сквозь мелкий шрифт. Дело оказалось нелегким. В Энсеймине мы все говорим на обычном тормалинском. Этот же текст был на Старом Высоком наречии — языке, связующем Империю. Я хмурилась над странно произносимыми словами, пытаясь разобрать знаки интонации над строками. Вконец утомившись, зевнула и потеряла глаза. Это было

слишком трудно, поэтому я ограничилась тем, что просмотрела названия разделов: Об астрономии, О математике, Об очистке руды, Об окулизме, О фармакопее, Об искусстве красноречия.

Ничего интригующего. Не знаю, как скоро я заснула, но когда пробудилась от тихого стука в дверь, небо за окном было расцвечено нежно-розовыми и оранжевыми красками.

— Ливак? Это Харна. Я иду звать всех на ужин. Ты придешь?

— Да, спасибо. Буду через минуту.

Спускаясь по лестнице, я услышала на кухне голоса Шива и Дарни и остановилась послушать, о чем они говорят.

— Мне не нравится, что она сама принимает решения, — ворчал агент.

— Ну, вряд ли она могла прийти и получить наше одобрение. Старик заметит, что вещь исчезла, не так ли? А раз исчезли еще и книги, то Стража подумает, будто это было случайное ограбление, кто-то пытал счастья. Отшельники вроде него всегда слывят скопидами. Готов поспорить, половина города уверена, что старик сидит на потайных сундуках с имперскими марками. Если повезет, они решат, будто кто-то вломился и схватил первое, что показалось ценным.

— По-твоему, она заранее все это продумала? А сколько в Дриде найдется тех, кто знает цену этим книгам? — В тоне Дарни слышалось презрение.

— Кому какое дело? Ей хватило ума понять, что эти книги могут пригодиться, а ведь Джерис рассказал лишь половину истории.

— Для нее и этого много. Помни, она — воровка, и это все, для чего она нам нужна.

— Я не согласен, — спокойно, но твердо возразил Шив. — Она умеет воровать, но при этом еще и быстро соображает. Чем больше она будет знать, тем больше у нас шансов, что она найдет нечто такое, что мы наверняка упускаем. Планир велел использовать любые средства, какие только сможем найти.

Я скривилась в темноте. Хотелось ли мне глубже влезать в это? В конце концов, здесь какая-то интрига магов. На меня снова повеяло запахом от тех горячих углей, о которых я уже начала забывать. С другой стороны, дельце сулило неплохую выгоду: половина стоимости той чернильницы — уже приличная кучка денег. Информация тоже имеет ценность.

Ответ Дарни прервался грохнувшей дверью и детским гомоном. Я громко потопала на месте, затем шумно спустилась к ним.

Еда была превосходной и обильной. Харна определенно имела большую практику, так как, помимо нашей группы и своих семейных детей, она кормила еще двоих мужчин — как я поняла, наемных работников Травора в гончарне. Если Острин вдруг

снова решит прикинуться смертным и ходить по домам, проверяя гостеприимство, Харне не о чем беспокоиться, разве лишь о том, что божественный гость поселится у нее надолго. Работники поели, поблагодарили ее и ушли к себе, а Харна начала грозить детям постелью.

— Ну можно мы посмотрим, как Джерис делает фокусы? — попросила старшая девочка, умоляюще распахнув голубые глазенки.

— Я с радостью, — предложил Джерис.

Харна улыбнулась.

— Только недолго.

Она принялась убирать со стола, а Джерис тем временем удивительно ловко крутил в пальцах монетки, заставляя их исчезать, а затем появляться из ушей малышки. Поборов искушение присоединиться к нему, я повернулась к Шиву.

— А ты не боишься, что те двое будут сплетничать за элем о странных гостях своего мастера? — Я показала на дверь, закрывшуюся за работниками. — Харна сказала, вы часто бывали здесь после Равноденствия.

Шив отпил меда, который удался Травору на славу, и покачал головой.

— Они не стапнут болтать.

— Ты так уверен? — Я даже не пыталась скрыть скептицизм.

— Абсолютно. — В его голосе не было и тени сомнения.

Я сама удивилась, поняв, что верю ему.

— Шив, Шив, сотворишь нам иллюзию?

Поперхнувшись медом, я уставилась на мальчугана, который это спросил.

— Харна?

— Ладно уж.

Хозяйка улыбнулась и налила воды в большую плоскую чашу. Шив потер руки, и зеленый магический свет засиял вокруг его пальцев. Мои глаза, должно быть, стали такими же круглыми, как у детей, когда в чаше появились пруд, берега, заросшие травой и камышом, и желтеющие на воде кувшинки.

— Сделай уточек, сделай уточек, — попросил другой малыш.

Чтобы угодить ему, Шив сотворил неправдоподобно желтую птицу с выводком утят, ковыляющих за ней. Вдруг образ задрожал, утята попрятались в камышах и листьях, и мать заметалась по берегу, напрасно созывая их.

Маг расхохотался.

— Харна! — запротестовал он.

Я подняла голову и увидела зеленый свет, мерцающий в ее ладонях, и озорство в ее глазах.

Шив снова собрал своих уток.

— Ну хватит, пора спать.

Дети подчинились, почти не упрямясь. Ну, трюк с утками, несомненно, затмил сказки об Элдричском Народце в качестве развлечения на сон грядущий. Харна и Джерис повели малышей наверх, а Дарни с Шивом пошли проверить лошадей. Интересно, подумала я невзначай, куда делись сундуки?

— Пойдем в кабинет.

Травор встал и проводил меня в соседнюю, аккуратно обставленную комнату. Он разжег камин, открыл полированный шкаф и протянул мне изящную керамическую чашку.

— Вина? Это вересковая ягода, мы сами его делаем. Есть еще можжевеловый ликер, и еще мед.

От фруктовых вин у меня не раз ужасно болела голова.

— Лучше можжевелового.

Травор налил мне полную чашку — понятно, сам он эту гадость не пьет — и украдкой покосился на стол, где лежала большая грифельная доска, покрытая аккуратными чертежами.

— Ты над чем-то работаешь? Тогда продолжай, не обращай на меня внимания.

— Если ты не против.

Он сел, с облегчением отбросив светские приличия.

— Что это? — Я всмотрелась в чертеж, но не поняла его смысла.

— В Гидесте нашли новый способ плавки; Горные Люди придумали штуку под названием домна. — Он призадумался над какими-то расчетами, стер их и начал заново.

Я смотрела через его плечо.

— Значит, Харна — маг? — От ликера у меня развязался язык.

— Угу. — Гончар казался равнодушным.

— Как же... — Я замялась.

Травор поднял голову. Усмешка смягчила его резкие черты.

— Как она оказалась замужем за гончаром у Острина на куличках? — Он явно привык к этому вопросу.

Я засмеялась.

— Что-то в этом роде.

Пожав плечами, Травор вернулся к своей математике.

— У нее есть таланты, но чего она действительно хочет от жизни — так это хорошего брака, счастливого дома и кучу детишек. Мы познакомились, когда она путешествовала с другим магом. Мы продолжали встречаться, а когда выяснилось, что она ждет Сейна, поженились.

Я допила ликер. Этого мне никогда не понять.

Снаружи залаяли собаки, и Травор поднял голову.

— Пойду взгляну, что там с гончими.

Как только он вышел, снова появился Шив.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовалась я.

— Лиса шныряет вокруг уток.

Шив плеснул себе ячменного спирта и со вздохом сел.

— И долго мы здесь прогостим?

— Я послал весточку одному человеку в Эйроге. Его зовут Ко-налл. Он работал с ранними летописями Хадрумала, и я хочу, чтобы он взглянул на твои книги. Это ты здорово сообразила их прихватить.

— Если расскажешь, что происходит, в следующий раз я, глядишь, прихвачу что-то более полезное, — небрежно сказала я. — Если Дарни тебе позволит.

Шив засмеялся и не клонул на наживку.

— Мы пробудем здесь пару дней, так что отдохни как следует. Дальше нас ждет Далазор: ночевки в шатрах, готовка на костре, никаких тебе перин и чистого белья.

— Я думала, в Далазоре нет ничего, кроме травы, овец да прочего скота.

— Ты никогда там не была?

— Шив, я зарабатываю игрой и еду дальше. — Я заново наполнила свою чашу. — Какой мне прок вступать в игру, где наименьшая ставка — десять коз?

Маг снова засмеялся и хлебнул своего спирта. Посмотрев на него, я ощутила теплую дрожь. В мягком свете лампы он выглядел весьма красивым, даже делая скидку на неслабый пыл, который я чувствовала от меда. Я пересекла комнату и подсела к Шиву у камина.

— Харна сказала, что часто видела вас после Весеннего Равноденствия. Это долгий срок, чтобы быть вдали от дома.

Маг потянулся и закрыл глаза.

— Да, — согласился он, — но Перид меня понимает.

Я моргнула.

— Перид?

Ласковая улыбка тронула его губы.

— Мой любовник. Он — художник, работает с переписчиками в Хадрумале. Мы вместе уже шесть лет, так что он привык к моим отлучкам.

Я сделала еще глоток, чтобы скрыть смущение, и лихорадочно соображала, как повернуть разговор. Хорошо хоть, я не успела выставить себя крутлой душой.

— Ты ведь родом не из Хадрумала, не так ли? У вас с Дарни совсем разный акцент, но твоего я не узнаю.

— Нет, я из западной Каладрии, с болот за Кевилом.

Я вспомнила, что Хэлис однажды сказала мне: все рассказывают анекдоты о каладрийцах, а каладрийцы — о жителях Кевила.

— Дрианон! Ты небось был там бельмом на глазу!

Сегодня вечером мой ум определенно не поспевал за языком. Я отставила чашку.

— Что ты имеешь в виду? То, что я — маг, или то, что я... — Шив открыл глаза и озорно усмехнулся. — Как дамочки в Ванаме называют это нынче? Тот, кто душит свои носовые платки? Особа, которая не пересекает танцевальный зал? Или ты предпочитаешь более откровенные определения? Крестец-шуршатель? Задница-мешок? — смачно произнес он.

Ну, если его это не беспокоит, почему я должна беспокоиться?

— Скажем, и то, и другое.

— О, Каладрия — не такая отсталая, как все думают.

— Брось, — хмыкнула я, — в половине каладрийских домов, где я побывала, даже нет печных труб. Сколько человек в твоей деревне пользовались масляными лампами?

— А чем плохи камышовые свечи? Почему их нужно менять?

Его серьезный тон едва не обманул меня, но я вовремя заметила огонек в его глазах.

— А впрочем, ты права, моя семья не знала, что со мной делать. Не было никаких недоразумений, я просто чувствовал себя как свинья в коровнике. У моего дяди был кузен, его жена рекомендовала меня магу в Кевиле, а тот отправил меня в Хадрумал. — Глаза Шива затуманились. — Это было пятнадцать лет назад, половина жизни.

Я совсем забыла, что такое Каладрия: если ваша бабушка знала человека, чьи племянники однажды продали вашему кузену лошадь, то вы уже почти родственники. Это создает трудности для представителей моего ремесла, но в этом есть и положительные стороны: я ни разу не видела там детей, кланчащих милостыню на улицах. И тут я кое-что припомнила.

— Почему же ты заигрывал с каждой служанкой, которая нам попадалась, если ты... э... иной наклонности?

— Они этого ждут, и дружеское расположение девушки может оказаться весьма полезным.

Что правда, то правда; я сама часто строила глазки мужчинам, к которым не собиралась прикасаться, не говоря уж о чем-то большем.

— Ты можешь представить себе Джериса в роли обольстителя? Или Дарни?

Я смеялась, вообразив себе эту картину.

— А что с Дарни? Отчего он такой злющий? У него есть семья?

— О да. Он женился на алхимичке, которая приехала выполнять кое-какую работу для магов, специализирующихся в стихии огня.

— О-о!

А что еще можно на это сказать?

— У них родился первенец как раз после Зимнего Солнцестояния, и я думаю, Дарни не слишком рад, что приходится столько разъезжать сейчас, — промолвил Шив с сочувствием.

Я фыркнула.

— Нечего срывать это на других. Значит, ты знаешь Харну, потому что она маг? Поэтому вы останавливаетесь здесь?

— Ага, и еще потому, что она — кузина Дарни.

— А тебе это не кажется немного зазорным? Если Дарни не стал настоящим магом, а она...

Шив покачал головой.

— Было время, когда Дарни отдал бы душу за половину таланта Харны. Но встреча со Стрелл помогла ему понять, что жизнь — это не только магия.

Мой собеседник зевнул и провел ладонью по волосам.

— Пойду спать. Увидимся утром.

Я тоже подумала, не пойти ли наверх, но, проспав до ужина, я совсем не чувствовала усталости. Я вернулась к столу и пыталась разобраться в вычислениях Травора, когда дверь открылась. Я вздрогнула.

— Прости, не хотел тебя пугать, — виновато вымолвил Джерис.

— Пустяки. — Я зачарованно уставилась на чертеж домны. — Ты это видел?

— Что? Ах да, очень интересно.

Я подняла голову. Для человека, собиравшего любые обрывки бесполезных сведений, Джерис говорил не слишком-то восторженно. Он неуклюже стоял у камина.

— Все хорошо? — полюбопытствовала я.

— О да.

Налив себе полную чашу вина, Джерис выпил ее залпом и сощурился. По-видимому, это придало ему храбрости, которой ему не доставало.

— Знаешь, я ведь не верил, что ты добудешь ту чернильницу.

— Если я за что-то берусь, то делаю это хорошо. — Я услышала неожиданную резкость в своем голосе.

— Нет, я не это имел в виду... то есть я думал, это никому не под силу.

В его широко открытых глазах светилось восхищение, и я спрятала улыбку под артистической маской.

— О?

— Расскажи, как все произошло, — попросил он.

Возможно, это был мой шанс выступить в главной роли в одной из пьес Джудала, хотя бы из вторых рук.

— Ладно.

Я улыбнулась, и мы сели на скамью.

— Ну-с, сначала мы пошли взглянуть на дом, а потом — в трактир, выпить эля...

Возможно, я слегка преувеличила трудности и не слишком много места отвела Дарни в этой истории, но, глядя в умильное лицо Джериса, не могла удержаться.

— Бесподобно! — выдохнул он, когда я завершила свой красочный рассказ. — Мы никогда не сможем в полной мере тебя отблагодарить.

— Еще бы! Кроме тебя мне никто даже спасибо не сказал. — Осознание этого задело меня сильнее, чем я ожидала, и дрожь в моем голосе слегка ошеломила меня.

— Нет, что ты, мы все благодарны. — Джерис немного огорчился. — Когда Шив сказал, что не может добраться до этой вещицы, мы подумали, придется возвращаться без нее. Дарни был в ярости.

— И тут вошла я и решила все ваши проблемы, — хмыкнула я. — Дарни мог бы выказать и побольше признательности.

— Я с ним поговорю, — твердо заявил Джерис, и я не удержалась от смеха.

— Брось, я уже встречала таких.

— Да? — Джерис жаждал еще историй, и, польщенная его интересом, я пустилась в воспоминания, наслаждаясь возможностью похвастаться несколькими наиболее эффектными удачами.

Я не слишком удивилась, когда он по-дружески обнял меня за плечи во время моих объяснений самого последнего плана Каролейи по отделению релшазских властей от части их доходов, и поощрительно прижалась к нему. Я с удовольствием позволила ему поцеловать себя, когда мы сравнивали вывески на разных пивных в Ванаме; его дыхание было сладким от вина, а губы — твердыми и сухими. Вряд ли он надеялся так скоро очутиться в своей постели, столь воспитанный мальчик, но я слишком долго спала одна и решила — хватит с меня одиноких ночей. Правда, в голове мелькнуло, что в последний раз, когда я смешала работу с наслаждением, кругом были сплошные слезы, но нежные руки и страстные поцелуи Джериса быстро прогнали мои сомнения.

Возможно, он был наивным в некоторых отношениях, но, насколько я могу судить, там, в Ванаме, осталось несколько счастливых девочек. Он показал себя хорошим любовником, еще не совсем привычным к игре, чтобы относиться к ней с благоговением, что выглядело довольно трогательно, но уже достаточно опытным, чтобы понимать: удовольствие разделенное — это двойное удовольствие. Чувствительный и отзывчивый, он сделал все

от него зависящее, дабы не просто перекатиться на спину и заснуть, когда мы насытились.

— Спи. — Я смахнула волосы с его потного лба и поцеловала его.

Джерис подоткнул вокруг меня накрахмаленные простыни, когда мы утнезились, прижатые друг к другу как ложки. И я погрузилась в сон с его легким дыханием в моих волосах.

Ханчетский рынок, 15-е предосени

— Тпру, красавица!

Стиснув зубы, Казуел натянул вожжи. Помог расшатавшийся булыжник — он качнулся под копытами, и лошадь, попятившись, остановилась, неодобрительно фыркая.

— Ну то-то же. — Маг опустил тормоз двуколки и, оглядев рыночную площадь, в приятном удивлении поджал губы. — Я ожидал худшего. И добрались мы быстро, — добродушно заметил он.

— Так гораздо удобнее ехать, чем дилижансами. — Последний отрезок пути в открытой повозке придавал одутловатым щекам Аллин привлекательный румянец.

Казуел взглянул по сторонам, высматривая постоянный двор: куда направиться? Рынок еще не кончился, и на городской площади яблоку негде было упасть.

— Эй, вы, освободите дорогу!

Какой-то крестьянин раздраженно махнул палкой в их сторону, и лошадь испуганно шарахнулась. Казуел уже хотел сказать этому олуху, что он о нем думает, когда вдруг понял, что остановился перед поилкой для скота. Презрительно глядя поверх голов нетерпеливых фермеров, ждущих своей очереди, чтобы напоить животных перед возвращением домой, маг щелкнул языком и хлопнул вожжами по крестцу лошади. Повозка накренилась, не трогаясь с места. Казуел вспомнил, что не убрал тормоз.

Где-то возле его колена раздался мальчишеский голос, в котором слышалась надежда.

— Что ты сказал?

В этих деревушках в стороне от главных трактов тот самый искаженный диалект еще сильнее, внезапно понял маг.

— Подержать вашу лошадь за медный четвертак, господин?

Казуел сощурился, но, поразмыслив, полез в карман за монеткой. Это ведь не Кол, в конце концов. Он показал целое пенни, и глаза юнца заблестели.

— Где можно снять комнаты и конюшню на ночь?

— Вон тама, в «Псе». — Мальчишка неуклюже поклонился. — Езжайте за мной.

С горем пополам Казуел направил лошадь через толпу.

— Видишь ли, в Хадрумале у меня не было большой нужды править лошадьми, — объяснил он Аллин, но девушка увлеченно глазела по сторонам и не слышала.

Во дворе трактира царило оживление, однако, увидев подходяще одетого возницу, конюх быстро подбежал к их двуколке.

— Нам нужно жилье и конюшня для лошади на ночь. — Казуел снял багаж и подал его конюху. — Возьми это и закажи нам две спальни.

— Ага, господин, сделаю. — Конюх, изобразив на лице легкий испуг, прижал к груди потрепанный чемодан Аллин.

Казуел спустился морщась — руки, непривычные к вожжам, болели. Посмотрев на толпу, растущую вокруг поилки, он поманил мальчишку.

— Поводи лошадь, пока не остынет, потом напои ее, приведи обратно сюда, и утром, когда я уеду, это пенни будет твоим.

Довольный, что заставил ребенка слушаться, Казуел пошел в трактир. Путаясь в юбках, Аллин слезла с двуколки и побежала следом, натолкнулась на него в дверях, когда он остановился, порядком огорошенный. Перед стойкой в три ряда толпились изнывающие от жажды крестьяне. Казуел неуверенно потоптался и стиснул зубы. Его будущее зависит от того, утешил он себя, что он здесь узнает.

— Простите... С вашего разрешения...

На вежливости далеко не уедешь, понял Казуел, когда чей-то локоть больно врезался ему в ребра и рослый фермер протолкался мимо, чтобы добраться до эля.

— Трактирщик!

Его незнакомый акцент грянул над гулом толпы. Все враз замолчали, устремив взгляды на мага.

— Мне, пожалуйста, кувшин эля. — Покрасневший Казуел стряхнул пыль со складок своего плаща с пелериной и кашлянул, чтобы скрыть смущение.

Вокруг возобновились гул разговоров, и трактирщик бухнул на стойку кувшин и кружки. Усевшись в конце стойки, маг с подозрением уставился на маслянистую поверхность напитка. На лице у Аллин тоже было написано сомнение.

— Знаю. Я бы предпочел вино, но нет смысла даже спрашивать его за пределами более крупных городов в Энсеймине.

Казуел подавил тяжкий вздох ностальгии по своим опрятным комнатам в Хадрумале или, еще лучше, упорядоченному дому родителей.

— Извините. — Он поймал за рукав служанку, спешащую мимо с подносом кружек.

— Еду можете заказать у кухонной двери.

Даже не повернув головы, она попыталась стряхнуть его руку, не теряя при этом своей ноши.

— Нет, я кое-кого ищу, — уточнил Казуел.

— Прачечная в соседнем доме, — перебила его девица, выдерживая локоть.

Казуел глотнул эля и тотчас пожалел об этом. Трактирщик был в дальнем конце стойки, а торговля шла все так же бесперебойно.

— О тихом разговоре здесь можно забыть, — прошептал маг.

Аллин кивнула; на миг онемев, когда жажда превзошла всякие опасения, и попробовала эль. И тотчас закашлялась, сощутив глаза.

— Как думаете, у них не найдется молока? — Она моргнула.

— Не пьете? — Кислый запах ударил в ноздри Казуела.

Обернувшись, он увидел мятого и грязного человечка, который болтался у двери во двор, стреляя глазами из стороны в сторону.

— Не это пошло, — скривился маг.

Оборванец повеселел и потянулся за кувшином.

— Не так быстро. — Казуел чуть отодвинул кувшин. — Я пытаюсь найти кое-кого...

— Прачечная там, — быстро сказал старый бродяга, не сводя глаз с эля.

— Что такого особенного в этой прачечной? — вполголоса спросила Аллин.

Казуел раздраженно покачал головой.

— Легче самим пойти и выяснить. Здесь нам ничего не светит, кроме ночи в отхожем месте.

Он поймал взгляд трактирщика и бросил на стойку несколько медных монет. Оставив эль обрадованному бездельнику, маг с облегчением покинул шумную таверну. На пороге он остановился и всей грудью вдохнул свежий воздух. Аллин пискнула, протиснувшись под его рукой, и потеряла зад.

— Ну, и где ж эта прачечная?

— Вон из тех ставен идет пар. — Девушка показала на другую сторону улочки.

— Идем. Прачки должны знать, кто где живет. Ведь женщинам всегда все известно, не так ли? Моя мать узнает историю жизни каждого въезжающего в квартал еще до того, как он распакует свои сундуки.

Аллин робко улыбнулась. Казуел пошел вперед, но у самой двери остановился, услышав внутри хихиканье. Он никогда не чувствовал себя раскованно с женщинами, особенно когда они собирались вместе. Может, Аллин с ними поговорит? Нет, вряд ли.

Маг расправил плечи и вошел. И тут же едва не повернул обратно, оказавшись лицом к лицу с девушкой, на которой был слишком открытый лиф поверх одной только рубашки. Девушка приветствовала его весьма откровенной улыбкой.

— Чем могу помочь? — Женщина одних лет с его матерью подняла голову от лохани.

— Я бы хотел кое-что узнать.

Казуел попытался игнорировать пот, выступивший на лбу. Конечно, в прачечной должно быть жарко. Неудивительно, что женщины, работающие здесь, одеваются легко.

Губы матроны дернулись в улыбке.

— Что именно?

Маг снял плащ из опасения, что пот может испачкать камзол, и распустил ворот рубашки.

— Я ищу человека, который служил управляющим у лорда Армайла Фриернского.

— Это Терена, что ль? — осведомилась краснощекая толстуха с немигающими глазами и неправдоподобно рыжими волосами, распущенными по плечам. Она посмотрела через плечо Казуела на Аллин и слегка нахмурилась.

— А вы не скажете, где его можно найти, сударыня? — с нарочитой вежливостью спросил Казуел, радуясь, что это оказалось так легко.

Рыжая быстро взглянула на прачку, потом — на Казуела. В глазах у нее затаился смех.

— Знаешь проселочную дорогу к Далазорскому тракту?

— Найду, — уверенно ответил маг.

— Перейдешь мост за рошцей, иди дальше до третьей дороги слева, там усыпальница Полдриона рядом с красным дубом.

— Он там? — Казуел был озадачен.

— Пятая ниша справа, средняя полка.

Рыжая от души расхохоталась и отхлебнула из кожаной фляги, которую прятала в складках юбки. Потом тепло улыбнулась Аллин.

— Мне очень жаль, но он умер и сожжен два с половиной сезона назад, — объяснила прачка, вяло помешивая белье медной палкой.

Казуел отвернулся, удрученный тем, что стал посмешищем для женщин с извращенным чувством юмора.

— Это не шутка для его несчастной жены.

Из задней комнаты вышла девушка со свободно зашнурованным лифом. Она принесла корзину хлеба и сыра и стала раздавать их всем женщинам. Предложила и Аллин, окинув ее долгим, изучающим взглядом.

— Входи, девочка, нечего истаптывать порог.

Мага вдруг осенило.

— У него осталась вдова?

Женщина с флягой посерьезнела.

— Бедняжка осталась с пятью детьми, а до ближайшей родни — три дня ходьбы.

— Трудно быть оторванной от своей семьи в такое время, — сочувственно вздохнула прачка, откусывая хлеб.

— Раз невозможно заключить сделку с ее мужем, то по крайней мере я могу что-то сделать для горемычных сирот, которых он покинул, — торжественно заявил Казуел. — Милосердие — долг каждого сознательного человека.

Рыжая пробормотала что-то с набитым ртом. Из-за этого обстоятельства, внезапно усугубившего местный диалект, маг не понял ни слова.

Прачка задумчиво кивнула. Казуел игнорировал сей неуместный кивок.

— Где я могу найти эту даму?

— Если поторопитесь, то застанете ее у маслобойни, — сообщила девушка с корзиной. — Она продает там сыр для госпожи Доулинг.

Казуел поблагодарил ее изящным поклоном. Ему пришла в голову замечательная мысль.

— А сколько будет стоить чистка моего плаща?

Женщины переглянулись, и рыжая, вдруг закашлявшись, спрятала лицо в фартук. Губы прачки снова дернулись в улыбку, но она ухитрилась ответить довольно учтиво.

— Четыре пенни, ваша честь. — Она улыбнулась Аллин. — А ты, детка, не хочешь освежиться? Почему бы тебе не подождать здесь, пока его честь будет занят?

— Это было бы славно, — пролепетала Аллин, вцепившись в свою шаль.

— Я зайду позже.

Казуел отдал плащ и ушел, немного смущенный взрывом смеха у себя за спиной.

Некогда ему разбираться в странном поведении прачек, проворчал он про себя. Рыночная площадь почти опустела, последние фургоны тащились по проселочным дорогам к фермам или, укрытые брезентом, ждали, когда их владельцы выйдут из трактира, наполненного теперь светом фонарей и шумом голосов. С отвращением пробираясь между соломой, навозом и раздавленными овощами, прикрывшими булыжник, маг направился к опрятной маслобойне под соломенной крышей. Женщины на широких каменных ступенях уже собирали свои корзины, освобождая место птицам, и, увидев это, Казуел ускорил шаг.

— Извините, сударыни.

Он церемонно поклонился, и женщины остановились с испугом и удивлением в глазах.

— Я ишу вдову Терен. — Он изобразил обаятельную улыбку.

— Зачем это? — осторожно спросила одна.

— Я имел дело с ее покойным мужем. — Казуел решил применить властный подход, так как обаяние здесь, похоже, не действовало.

Женщины обменялись долгими взглядами, которые ничего не сказали Казуелу. Потом одна из них оглядела площадь, людей, идущих по своим делам, и кивнула товарке.

— Она с детьми на другой стороне.

— Коричневое платье с голубым передником, — добавила вторая.

Женщины пошли дальше, останавливаясь у колодца в праздной болтовне, пустые корзины покачивались на руках.

Отыскать вдову Казуелу не составило труда — потребовалось лишь быстренько обойти маслобойню. Примерно его лет, с худым усталым лицом, она набивала свои короба остатками хлеба и овощей, которые мать Казуела не дала бы даже своим свиньям.

— Сядь и поддержи Мири, чтобы перестала носиться, слышишь? — прикрикнула она на мальчишку в лохмотьях, гонявшегося за голубями со своей младшей сестрой.

Благоразумно не став перечить, ребенок схватил девочку за поношенную юбку и плюхнулся костлявым задом на нижнюю ступень.

— Разве детям не следует находиться в постели? — нахмурился Казуел, глядя на длинные тени.

— А вам-то что?

Женщина не грубила. Она была в растрепанных чувствах и говорила сообразно этому настроению; она даже не поглядела на него, когда тщетно пыталась затолкать под шарф выбившиеся пряди волос и завязывала тесемки на переднике девочки.

— Простите, разрешите представиться. — Маг низко поклонился. — Казуел Девуар. А вы — вдова Терен?

— Приятно познакомиться с вами, я уверена. — Вдова смущенно выпрямилась.

Дети с открытыми ртами уставились на незнакомца.

— Я надеялся увидеть вашего мужа... — Казуел запнулся, углядев застывшую тоску на этих трех лицах. — Я слышал о вашей утрате, — поспешил он с объяснением, — и надеялся, что смогу вам как-то помочь.

Искра жизни вернулась в темные глаза женщины.

— Дрианон знает, что мы были бы рады любой помощи. Вот. — Она вручила магу прохудившуюся корзину и повесила на плечи связанные короба. — Как вы сказали, этой парочке давно пора быть в постели. Проводите меня до дому, там и поговорим.

Казуел хотел возразить, но тут же закрыл рот. Он должен получить эту информацию, одернул он себя. Если она

важна для Дарни, то для него — важнее вдвойне. Неуклюже держа корзину на вытянутой руке, чтобы острые прутья не рвали одежду, Казуел пошел за женщиной и детьми. К счастью, вдова скоро свернула в узкий проход и постучала в дверь одного из аккуратных домов, стоявших вплотную друг к другу. Открыла старшая девочка с вопящим младенцем на руках, ногой преграждая дорогу шустрому малышу, уже начинающему ходить.

— Берите свой ужин и ступайте в заднюю комнату.

Вдова уселась на низкую скамью возле камина и расшнуровала лиф. Дети послушно наполнили миски густым супом и, взяв по краюхе грубого хлеба, вышли гуськом через узкую дверь.

— Прошу прощения, я подожду снаружи, пока вы кормите ребенка.

Казуел, весь пунцовый, повернулся, чтобы уйти, так как ребенок сосал шумно и с явным наслаждением.

— У меня семья, я с самого рассвета на ногах. — Голос вдовы звучал непреклонно. — Это единственное время, когда я могу посидеть, так что говорите сейчас или уходите.

Казуел откашлялся и впился глазами в скудный огонь.

— Я слышал, ваш муж служил у лорда Армайла.

— Да, служил. Но что вам до этого?

— Я хотел бы заключить сделку с его светлостью — я торгую книгами и манускриптами. Вы случайно не помните, ваш муж когда-нибудь говорил о библиотеке во Фриернском Охотничьем Домике?

Он невольно повернул голову, услышав усталый смех вдовы.

— Это я рассказала о ней мужу. Я через день вытирала пыль в этом проклятом месте.

— Вы тоже были прислугой?

— Старшей горничной, пока милорд не выгнал нас за то, что посмели жениться без его согласия. — Злоба в интонации женщины была подобна звону стального клинка.

Испуганный малыш заревел. Успокаивая его, вдова украдкой смахнула слезы.

Казуел не знал, что сказать. Женщины по-прежнему оставались для него загадкой, а плачущие — и вовсе были выше всякого понимания. К его огромному облегчению, вдова вскоре покачала головой и высморкалась.

— Так что вы хотите узнать?

— Меня интересуют труды, относящиеся к периоду падения Тормалинской Империи. Вы знаете, о чем я говорю? Вы не помните, может, кто упоминал какие-то книги на эту тему?

Вдова положила ребенка на плечо, а когда он громко рыгнул, приложила его к другой груди. Потом задумчиво

развязала шарф и встряхнула рассыпавшиеся по плечам тонкие темные волосы, припорошенные сединой на макушке.

— Думаю, будет лучше, если вы перестанете обращаться со мной как с безмозглой душой, мессир, как вас там... — резко выпалила она наконец. — Я сама перечитала прорву тех книг, пока нас не выгнали, и могу рассказать вам о том, что вам нужно. Но прежде я хотела бы знать, зачем вам это нужно и сколько это могло бы вам стоить.

Казуел замялся, не желая восстанавливать против себя такой неожиданный источник информации. Затем по размышлении здравом неохотно склонился к тому, чтобы открыть как можно меньше правды.

— У меня есть покупатель, который интересуется этим периодом истории. Если у лорда Армайла есть что-нибудь по данной теме, то я обратился бы к нему по поводу продажи. Вы помните какие-нибудь названия, авторов?

— Надеетесь, что он не знает цены своему имуществу? — съязвила вдова. — Не так-то вы честны при всех ваших затейливых манерах. Ну да я не против. Я буду рада подложить его светлости большую свинью, если смогу, сгнои Дрианон его потроха!

Казуел вознамерился было защитить свою честь, но промолчал.

— Что вы можете рассказать мне? — Он достал из кармана волшебную дощечку для записей.

— Сперва договоримся о цене, — парировала женщина, устремив на него суровый взгляд, от которого Казуел почувствовал себя лет на пять старше. — Я хочу увезти детей в свою деревню. Мне нужно оплатить дилижанс и подводу для наших пожитков.

— Пяти марок хватит? Тормалинских? — Маг потянулся за кошельком.

Вдова мигнула.

— Вы очень щедры.

Она поцеловала пушистую головку спящего младенца и положила его в плетеную кровать, затем, к невероятному облегчению Казуела, зашнуровала лиф, глядя на мага с улыбкой, подрагивающей на губах.

— Значит, торговаться о цене за книги не то же самое, что торговаться за лошадей, не так ли?

Казуел отвесил полупоклон.

— Я умею заключать сделки с той же непоколебимостью, как и любой коммерсант, сударыня; мой отец торгует перцем и научил меня своему делу. Однако он человек чести и также внушил мне, что нельзя ловчить и искать выгоду, когда встречаешься со вдовами и сиротами.

Он подумал с некоторым удовлетворением: кроме того, с такими деньгами им будет чем прикрыть свои зады, так что вдове не придется преподносить свою семью родным в качестве нищих.

— И вы не напиваетесь на святые дни и поминаете вашу мать у каждой усыпальницы Дрианон? — Теперь в голосе женщины было больше юмора, чем иронии. — Позвольте мне уложить детей, а потом я расскажу то, что знаю. Все, чего я прошу, — чтобы вы зашили этого ублюдка крепче, чем гузку праздничной птицы.

Она посмотрела на котелок над огнем и закусил губу.

— Вы бы сходили куда-нибудь поесть; нам нечем поделиться, мне очень жаль.

Куранты пробили три часа ночи, когда Казуел наконец приблизился к рыночной площади и трактиру. Ликование переполняло его, несмотря на отрывку от пирога, начиненного, как он сейчас подозревал, кониной. Дунул ветер, принеся с собой теплый мыльный запах.

— Аллин! — вдруг испуганно и вместе с тем виновато воскликнул маг. — А, ерунда, ну что может случиться в прачечной?

Тем не менее он ускорил шаг, но в дверях столкнулся с мужчиной, который, выпив лишку, почему-то решил, что самое время обсудить, во что ему обойдется стирка белья.

— Извините. — Протиснувшись мимо него, Казуел увидел Аллин, поглощенную разговором с прачкой.

— Если он злоупотребляет, можешь остаться здесь. Будешь стирать белье, ничего больше. Мы о тебе позаботимся.

— Добрый вечер, ваша честь, — громко приветствовала его рыжая и встала перед Казуелом с переброшенным через руку плащом.

Аллин вскочила — щеки красные, свежeweмытые волосы завиваются колечками от влажного воздуха.

— Ты готова? — коротко спросил маг, отдавая марку за вычищенный плащ. — Пора возвращаться в трактир. Я хочу выехать рано утром.

Прачка чмокнула Аллин на прощание.

— Ты знаешь, где мы, дорогая.

Казуел нетерпеливо цыкал, пока девушка повязывала шаль.

— Вы нашли вдову? — поинтересовалась Аллин, пробираясь вслед за ним к трактиру в тусклом свете луны.

— Нашел. — К магу вернулось хорошее настроение. — Знаешь, это должно быть весьма просто. По ее словам, лорд Армайл понятия не имеет, что стоит у него на полках. Он унаследовал библиотеку вместе с титулом. Думаю, я должен найти нечто, способное впечатлить Узару, а может, даже Планира.

Кроме того, лишняя марка убедила вдову отрицать, что ей известно об этой библиотеке, если кто-то еще будет спрашивать, — Дарни или Шив, например. Но Казуел решил не обременять девушку этими подробностями.

Он вошел в трактир и удивленно застыл на пороге. Внутри было столь же оживленно, как прежде.

— Простите, я заказывал комнату.

Он протянул руку к служанке. Ее волосы уже выскользнули из шпилек, фартук был испачкан элем и едой.

— Вон дверь на лестницу. Найдете наверху горничную, она покажет.

Девушка прошмыгнула мимо, по пути собрав со стола горсть графинов.

— Извините... — с возмущением вякнул Казуел, но служанка уже ушла.

— Пойдем, — раздраженно бросил он Аллин и протолкался через кутящих фермеров к лестнице.

Наверху он обнаружил свой дорожный мешок, впихнутый под кровать в общей комнате, где разместились еще девять постояльцев.

Маг вышел в узкий коридор и поманил издерганную горничную с охапкой поношенных одеял.

— Все верно, ваша честь. Вы там, а барышня в женской комнате наверху.

— Мы говорили о двух спальнях! — взбеленился он.

— Какие спальни в рыночный день?

Женщина хотела идти дальше, но Казуел не пустил ее, и она раздраженно добавила:

— Скандалить бесполезно. Не нравится эта кровать — не надо, я десять раз могу ее пересдать.

Ее тон вогнал мага в краску.

— Ну, тогда ладно.

Он проводил Аллин наверх, до длинной мансарды, и немного успокоился, увидев там группу чистых, прилично одетых фермерских жен. Затем вернулся к своей кровати и вытащил дорожный мешок, решив сделать заметки перед сном.

От увиденного у Казуела перехватило дыхание. Он разом забыл обо всех мелких неприятностях с этим трактиром.

— Рэпонин! Да чтоб их всех чума взяла!

Кто-то рылся в его вещах! Казуел содрогнулся от отвращения при мысли о грязных подлецах воришках, шаривших в его белье, каким бы незначительным ни был причиненный ими беспорядок.

Он проверил, все ли книги на месте, выложив их на кровать, и полез на дно сумки за пакетом бумаг и писем. На

нем все еще имелась его собственная печать, но, поднеся ближе свечу, маг увидел грязные предательские пятна там, где сургуч был поднят горячим лезвием ножа. Трясущимися от негодования руками он сломал печать и просмотрел свои записи.

— Приветствую вас.

Казуел обернулся, удивленный, что к нему обращаются на странно официальном тормалинском. Невысокий блондин в опрятной дорожной одежде занял соседнюю кровать.

— Вечер добрый, — буркнул маг.

— А вы далеко заехали от дома. — Незнакомец встряхнул одеяла и улыбнулся.

Какое этому коротышке дело, далеко он заехал или нет?

— Путешествую по торговым делам, — сдержанно ответил Казуел.

— Вижу, вы торгуете книгами? — Глаза блондина были голубые и холодные, несмотря на теплоту его улыбки.

— Среди прочего. — Почему бы этому не в меру любопытному типу самому не ответить на несколько вопросов, подумал Казуел. — Я не узнаю ваш акцент, откуда вы?

— Из Мандаркина, — еще шире улыбнулся коротышка. — Здесь явно намного теплее.

Если ты мандаркинец, то я — алдабрещец, мысленно хмыкнул маг. Этой лжи могли бы поверить крестьяне, которые никогда не уезжали дальше чем на десять лиг от своего дома, но Казуел встречал в Хадрумале мандаркинцев, и у них был совсем другой выговор. Коротышка врал как сивый мерин.

Маг нарочито зевнул.

— Извините, я ложусь спать.

Он снял сапоги и бриджи и залез под мягкие одеяла, посулив себе хорошую ванну и полную смену белья в первой же приличной гостинице.

— Одному Рэпонино известно, как можно спать при таком шуме, — проворчал Казуел, так и не дождавшись, когда стихнет гам из пивной.

Пьяные полураздетые мужики начали входить в комнату, и маг съехал под одеялами, дабы хоть как-то отгородиться от этого мерзкого сборища. Постепенно комната успокоилась, густую темноту тревожил только редкий храп, изредка обрываемый пинком с соседней кровати.

Удивительно, он, казалось, едва закрыл глаза, а утренний свет уже струился в щели ставен и горничная стучала в дверь, объявляя завтрак. Казуел неохотно выбрался из одеял. В висках стучало, глаза болели, будто в них насыпали песка, — он совсем не отдохнул после этой ночи, полной странных и неожидан-

ных снов. Разговоры с Узарой и другими магами, которых он знал в Хадрумале, подглядывание за Ралсером и Дарни, всевозможная нелогичная чушь и воспоминания — все смешалось, ворочаясь в его дремлющем уме.

Аллин вскоре оставила попытки занять его разговором во время завтрака, и в путь они отправились в угрюмом молчании.

**Гончарня Травора, Дридский тракт, к западу от Эйрога,
16-е предосени**

Я проснулась рано, тело немного затекло, но я не жаловалась. Джерис еще крепко спал; я нежно поцеловала его взлохмаченную голову и выскользнула из комнаты. Холодная вода окончательно разбудила меня, и я начала улавливать движение в доме. Я вытащила из-под подушки книгу; мне не хотелось объяснять, почему я придержала ее. Как бы узнать, где спальня Шива? Если положить эту книгу к остальным, маг ничего не скажет, я в этом не сомневалась.

За дверью раздались тяжелые шаги. Приоткрыв ее, я увидела спину Дарни, направляющегося к лестнице.

— Так что там с Коналлом? Когда он приезжает?

Ответа я не услышала, но было ясно, что он говорит с Шивом. Как только они спустились, я выскользнула в коридор, тихонько закрыла дверь и заглянула в соседнюю комнату. В ней лежало снаряжение Дарни, поэтому я пошла дальше. В следующей комнате точно жил Шив: на комоде громоздились книги, а возле кровати стояли те таинственные сундуки. Я шмыгнула носом и потерла рукою рот.

«Была любопытна Амит — теперь на веревке висит». Мать частенько рассказывала мне эту милую детскую сказочку, но, боюсь, она так и не подействовала. Хотя один урок я все же выучила, и этим уроком была осторожность. Единственный раз в жизни я пожалела, что мало знаю о магах. Вдруг Шив оплел эти ящики заклятиями, и стоит прикоснуться к ним, как он тут же помчится наверх? Что делал Дарни во дворе трактира — стерег эти сундуки? Или ждал меня, а они были только предлогом?

У меня зачесались руки. Перебирая отмычки, я принялась рассуждать. Что, во имя Сэдрины, я теряю? Я же не собираюсь ничего брать, и даже если Шив узнает и вышвырнет меня из этого представления, — в чем я как-то сомневалась, — мне хуже не будет. Он не нарушит сделку по чернильнице, а половины ее стоимости хватит, чтобы нанять карету и с комфортом доехать до Кола. Сорград и Соргрэн, поди, уже там — поработаю с ними, и дело с концом.

Закрыв дверь, я взялась за ближайший сундук. Замок оказался сложный, но я и не с такими справлялась и вскоре подняла крышку. Внутри, до самого верха, лежали бархатные свертки. Я вытащила несколько и развернула. И озадаченно выдохнула. Там, несомненно, были ценные вещи, кольца и ожерелья из старого золота с драгоценными камнями, вычеркнувшие из моды десять поколений, но они лежали рядом с безделушками, которые можно купить за пару марок: хрустальной кружечкой с серебряной крышкой, цепочкой с ключами, какие носят экономки, ножницами и футлярчиком для ароматического шарика, игольником для заядлой вышивальщицы. Имелась пара кинжалов: один был украшен филигранью и самоцветами до такой степени, что им невозможно стало пользоваться, зато другой оказался простым и полезным ножом, каким режут мясо и хлеб. Самым странным выглядел сломанный меч. Обломки клинка потерялись, но рукоять из оленьего рога была завернута так же тщательно, как бесценный браслет рядом с ней. Истории об исчезнувших мечах, доказывающих право на престол, и сломанные клинки, выкованные заново, являются атрибутами лескарских романов — и лескарская политика недалеко ушла от всего этого, — но я не могла представить, чтобы Шив клюнул на подобного рода чушь.

В коридоре зазвенели высокие голоса, послышался детский топот; я торопливо убрала все на место и заперла сундук. Дети нагрянули к Джерису, а я под шумок спустилась в столовую. Завтрак был беспорядочным, люди входили и выходили, поэтому до меня не сразу дошло, что к нам присоединился седовласый старик с вычурными манерами, не соответствующими его серьезному лицу.

— Шив? — Я вопросительно повела бровью в сторону новоприбывшего.

Маг проглотил недожеванный кусок.

— Прости, то и дело забываю, что ты еще не всех знаешь. Это Коналл.

— Очень приятно. — Я пожала протянутую руку.

— Коналл, это Ливак. Собственно говоря, она — игрок, но любезно помогает нам раздобыть некоторые из труднодоступных вещей.

Думаю, это звучит лучше, чем просто «взломщица», но что значит «любезно помогает»? Ладно, потом разберемся.

— Джерис говорит, ты догадалась прихватить книги? — В глазах Коналла светился интерес.

Упаси меня Сэдрин от магов и ученых! Когда же я наконец смогу вернуться к скромным, простым людям: лошадиным барышникам, мошенникам, игрокам и тому подобным?

— Вы не могли бы перейти в кабинет? Мне нужно убраться.

Харна занялась своими обычными домашними делами, а мы удалились в соседнюю комнату.

— Очень интересно! — Коналл довольно потер руки. — «Альманах» Гериода! Я видел всего одну копию, и то сильно искаженную. — Он пролистал Альманах, жадно всматриваясь в мелкий почерк. — Вы проверили смену сезонов по фазам лун? А что насчет праздников — есть какие-нибудь зацепки? Можем ли мы вообще точно определить это поколение?

— Вот «Анналы» Д'Изеллиона с приложением, которого я никогда раньше не встречал.

Джерис вручил ему другой том, и Коналл на мгновение растерялся, как осел между двумя копнами сена.

— Ты не посмотришь сначала это? — Шив протянул тонкую книжицу в голубом переплете с потемневшими от времени страницами.

С другой стороны стола я едва могла разглядеть бисерный почерк, не говоря уж о том, чтобы что-то прочесть.

Коналл нахмурился, достал из кармана лупу и, тихо мурлыча себе под нос, принялся изучать книгу.

— «Таинства Мизаена»? — Он изумленно поднял голову.

Шив кивнул.

— Дневник, работа вновь посвященного, я думаю.

Джерис извлек откуда-то пачку пергаментов и стал перебирать ее, что-то выискивая.

— Здесь же масса всего по дальновидению, — выдохнул Коналл и посмотрел на Шива. — Я правильно читаю? Здесь говорится, что они могли не только видеть, но и слышать.

— Верно. Посмотри на следующей странице.

— Вот! — Джерис выхватил листок из своих записей. — Есть упоминание о «Морепплавании» Д'Оксира. Думаешь, это та книга, что мы нашли прошлой зимой?

Они с Коналлом склонились над столом. Шив и Дарни терпеливо наблюдали.

— Никто не хочет рассказать мне, в чем все-таки дело? — едко спросила я.

Дарни открыл рот, но Шив опередил его.

— Думаю, тебе можно доверять.

— О да, — ввернул Джерис, бросая на меня нежный взгляд, что меня слегка встревожило.

— Видишь ли, помимо странных снов, есть еще кое-что, что могло бы рассказать нам о падении Тормалинской Империи.

— Хотя и сны важны. — Коналл поднял палец. — Мы только-только начинаем составлять по крупницам фактов те

события, что произошли на самом деле. Столько сведений было утрачено!

— Верно, и не только исторических. — Шив колебался.

— Я слушаю, — напомнила я.

— Мы провели огромную работу в Хадрумале, пытаясь выяснить, почему некоторые предметы вызывают у людей те странные сны. У нас нет заклинания, которое давало бы подобный эффект, но давно известно, что древние тормалинцы умели делать много такого, чего мы еще не научились воспроизводить. И вот теперь благодаря обилию материала появился шанс провести серьезное исследование.

Шив пригладил волосы.

— Не стану утомлять тебя подробностями...

— Премного благодарна, — пробормотала я. — Извини, продолжай.

— Создается впечатление, будто перед нами новая — вернее, древняя — разновидность магии.

У него был вид человека, только что проигравшего в руны свое наследство.

— Не понимаю.

— Она коренным образом отличается от всего, что мы нынче называем магией. Она вообще не основана на стихиях.

— Прости, но до меня все равно не доходит.

Шив досадливо щелкнул языком.

— Ты знаешь, что магия основывается на манипулировании той составной частью...

— Нет, не знаю.

Все уставились на меня как на какое-то невиданное чудо.

— Слушайте, я никогда не имела дел с магами, — стала защищаться я.

— Воздух, земля, огонь и вода, — громко заговорил Дарни из угла кабинета. — Маги являются на свет с врожденной способностью понимать и манипулировать одной из этих стихий. Благодаря обучению они могут управлять остальными. Это и есть магия.

— Ну, это, конечно, не все, но в основном именно так она работает. — Шив устремил на меня серьезный взгляд. — Но магия, окружающая эти вещи, не имеет ничего общего со стихиями.

— Что же она такое?

— Если б я это знал, то претендовал бы на кресло Верховного мага.

— Мы знаем, что она привлекает некоего рода силу, — вмешался Джерис. — В одних местах она сильнее, чем в других, но нам не удалось найти никаких общих факторов. Мы на-

зывается это «эфир» — я имею в виду источник силы. Здесь есть упоминание... — Он перетасовал свои записи.

«Эфир». Милое ученое словечко, означающее, если я правильно запомнила, «разреженный воздух» или «тонкая материя». Надо полагать, простой человеческий язык не столь доверителен.

— Так что вы действительно знаете?

— Единственное, что у нас есть, — это фрагменты старинных тормалинских писаний и искаженные легенды таинственных культов. — Коналл для убедительности наклонился вперед. — И здесь могу пригодиться я. Я — посвященный Полдтриона. Это семейное жречество, усыпальница на нашей земле, а старики здесь, в округе, весьма набожны, поэтому мы поддерживаем традицию. В прошлом году я сломал руку, рана загноилась, и я целый сезон проболел, утешаясь тем, что сравнивал все наши записи.

Умеют же некоторые хорошо проводить время, подумала я.

— Я наткнулся на указания, как производить манипуляции, которые жрецы называют чудесами, и обнаружил, что, следуя им, действительно могу творить чудеса.

— Это звучит невероятно...

Я махнула Джерису, чтобы не перебивал.

— Вовсе нет. Большинство религий — чистейшей воды обман, но я сама видела, как некоторые жрецы делали штуки, которые я не могу объяснить. Продолжай, Коналл.

— Позволь, я тебе покажу.

Старику явно до смерти хотелось выступить со своим фокусом.

— Валий.

Он поставил свечу в центр стола и продекламировал какую-то тарабарщину. Я нахмурилась, когда фитиль затлел.

— Талмия медрала элдрин фрес, — повторил старик, и загорелось пламя.

Когда оно погасло, я повернулась к Шиву.

— Но откуда известно, что Коналл не прирожденный маг и просто не осознавал этого раньше?

— Магический талант невозможно скрыть, обычно он проявляется в детстве.

— Ты поджигаешь свою постель или заставляешь колодец перелиться, — добавил Дарни на удивление бесстрастно.

Шив кивнул.

— Как ни утаивай, это обнаружится. Некоторые таланты проявляются позднее, но самый старший возраст — по записям — по-прежнему семнадцать. Коналлу больше пятидесяти. В любом случае я мог бы определить, если бы это проявилось стихийно. Я бы почувствовал.

Я уставилась на тонкую струйку дыма, выходящую от свечи. Что-то скреблось в глубине моей памяти.

— Ну-ка повтори.

Коналл повторил свой фокус, и я поймала себя на том, что тоже шевелю губами.

— В чем дело? — Джерис внимательно наблюдал за мной.

— Ритм, — медленно ответила я. — Ты не слышишь?

Я взяла перо и постучала им.

— Раз-два-три, раз-два-три, раз-два, раз.

— О чем ты?

Удивляясь их глухоте, я повторила тарабарщину, подчеркивая размер. Я всегда отличалась хорошим чувством ритма, а в счастливые времена даже поигрывала на арфе. Перо в моей руке вспыхнуло ярким пламенем.

— Ах ты! — Я бросила его на стол, и все тупо глазели, как оно выжигает борозду в полированном дереве.

— Проклятие! — Шив загасил его зеленой вспышкой.

Кабинет наполнился едким дымом, и все закашлялись, пока Дарни не открыл окно.

— Ладно, я убедилась, — выдавила я дрожащим голосом.

— Чем так важен ритм? — спросил уязвленный Джерис.

— Не знаю, — протянул Коналл, в раздумье сузив глаза. — Этим стоит заняться. Но как ты его уловила?

— Мой отец был бардом, — нехотя призналась я. — Думаю, я унаследовала его слух. Многие старинные элегии, которые он пел мне перед сном, имели тот же ритм.

— Да? — Коналл порывлся в своих пергаментях, нашел чистый лист и принялся записывать. — Что это были за элегии? Ты помнишь названия?

Я пожала плечами.

— Понятия не имею. Это были просто старые Лесные песни.

Коналл посмотрел на меня так, словно впервые заметил мои рыжие волосы и зеленые глаза.

— Ты — лесной крови?

— Наполовину. Мой отец был менестрелем. Он пришел в Ванам, где и познакомился с моей матерью.

— Где его можно найти? — Коналл жадно поднял перо.

— Уж точно не в Ванаме. Поначалу он оставался с нами, потом вернулся на дорогу. Время от времени приходил, но все реже и реже. Я не видела его с того Равноденствия, когда мне стукнуло девять.

— Как его звали?

— А что? Зачем это тебе?

Я давно научилась жить без отца и не хотела в этом копаться.

— Мы так мало знаем, поэтому что угодно может оказаться важным, — спокойно пояснил Шив. — Нужно разобраться в этом до конца. Лесной Народ путешествует повсюду, но он бережно хранит свои легенды и традиции. Возможно, у них есть нечто, что мы утратили за поколения.

— Если б мы знали имя твоего отца, то по крайней мере смогли бы установить его род.

— Джихол, — отрывисто сказала я.

— Джихол? — Коналл посмотрел на меня выжидательно. — А эпитет?

— Прости?

— Описательная часть его имени. Она важна, если мы намерены найти его.

Я уставилась на него, и что-то шевельнулось в глубине моей памяти.

— Оленьи Голени, — медленно произнесла я. — Так называла его моя бабушка.

Ну, пустозвон было бы более точным эпитетом. Я подавила воспоминание о ее презрении, врывающемся в редкий семейный вечерок на солнышке.

Коналл деловито записывал. Джерис нахмурился, но тут же улыбнулся.

— Выходит, ты... — Он помолчал. — Если ты полукровка, то, выходит, ты Ливак Дочь Оленихи. — Он вымолвил это так, будто объявлял мое право на лескарский трон.

— Ничего подобного, — огрызнулась я.

Мне не нравилось, что этот разговор выставляет напоказ мое невежество, мое незнание собственного наследия. Джерис обиделся, но я не собиралась тратить время на его романтические бредни.

— Вернемся к делу, Шив. Значит, вы нашли иной род магии, ну и что в ней такого?

— Я не знаю, — развел он руками. — Может, это просто любопытный пустячок, а может — угроза для целого мира. Мы просто не знаем, с чем имеем дело, а неведение способно убить.

— Хочешь сказать, вам, магам, не нравится, что другие люди используют магию, не так ли? — Я презрительно хмыкнула. — Чего вы так боитесь? Все равно вы знаете о ней больше, чем все прочие.

— Но магам недоступен этот род колдовства.

— Джерис! — хором воскликнули Дарни и Шив — редкий миг согласия, — и Джерис покраснел.

— Недоступен?

Какой интересный бросок костей! Я вопросительно посмотрела на Коналла.

— Гм, нет. Даже люди с минимальным стихийным талантом оказались абсолютно не способны сотворить те заклинания, которые мы обнаружили.

Я засмеялась, пока не увидела лицо Дарни. Они нашли новый тип магии, но его бесполезных магических талантов все-таки хватило, чтобы не подпустить ее к нему. Просто удар под дых! Понятно, почему временами он напоминает собаку с воспаленным задом.

— Но другие люди могут? Кто может, а кто нет? — заинтересовалась я.

— Мы не знаем. Мы не можем найти никаких общих признаков.

Все погрузились в торжественное молчание.

Вопрос, который давно не давал мне покоя, снова высунул голову.

— Это может как-то объяснить, почему ты сам не решился достать ту чернильницу?

— Прости? — Шив прикинулся непонимающим. Весьма неубедительно.

— Ты сказал, что можешь доставать вещи магией, если видел их и знаешь, где они находятся. Вы с Джерисом ходили к старику, так на кой ляд вам понадобилась я?

— Ты сказал, она шустрая! — засмеялся Коналл.

Я слегка усмехнулась.

— Кажется, существует конфликт между двумя родами магии, — признался Шив. — Это не всегда так, но, несомненно, от сильно заколдованных предметов вроде той чернильницы у меня могут быть серьезные проблемы.

Джерис вознамерился что-то добавить, но я отмахнулась от него.

— Ну хорошо. Теперь я в курсе дела, так, может, расскажете, куда мы едем и зачем? Чем больше я знаю, тем больше от меня проку.

Дарни хотел было возразить, но, видно, решил покориться судьбе. Он вытащил карту из вороха пергаментов Джериса и расстелил на столе.

— Мы едем через Эйрог и по тракту к Далазору. Мне нужно встретиться с одним человеком в Ханчете; возможно, у него есть ценная для нас информация. Дальнейшие планы будут зависеть от того, что он скажет. Но в любом случае я собираюсь отправиться в Инглиз до наступления зимы. Там живет торговец, перебивший нам цену на вещицу, в которой мы особенно заинтересованы, и я хочу ее вернуть. Вот тут-то и пригодишься ты.

Я недоверчиво посмотрела на карту, прикинула расстояние и время, которое на это потребуется.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, — твердо заявил Дарни.

Значит, никакой надежды на Осеннюю ярмарку в Коле в этом году. Ох, ладно, раз уж дело настолько важное, что Верховный маг посылает людей через всю Старую Империю, то кто я такая, чтобы спорить? Лучше помалкивать и ждать своих денег. И попытаться выговорить себе суточную ставку.

Я снова посмотрела на карту.

— А как насчет Каладрии? Там должно быть полно дворян с прелестными безделушками.

Каладрия намного ближе и славится настоящими дорогами, гостиницами и ваннами, которых Далазору заведомо недостает.

— Об этом не волнуйся, — заверил меня Коналл. — Я несколько лет работал там комиссаром по ограждению, и у меня множество связей.

Бьюсь об заклад, у него множество связей, учитывая каладрийскую любовь к бюрократии. Правящий совет, составленный из пяти сотен дворян, занимающих самое высокое положение, содержит изготовителей чернил и пергамента в роскоши. Меня всегда изумляло, как им вообще взбрело на ум огородить страну, но когда сообразишь, насколько это улучшило их скотоводство, все становится ясно. Вы когда-нибудь встречали аристократа, упускающего возможность обогатиться?

— Поэтому мы отправляемся к прелестям Далазора: травы хоть заешься и овец насколько хватает глаз. — Шив радовался этой перспективе не больше моего.

— Коналл, сегодня в Эйроге рыночный день, не так ли? — Дарни смерил меня оценивающим взглядом. — Надо достать тебе лошадь. Я не хочу тратить слишком много времени на Далазор, поэтому купим еще и запасных. Пошли.

Мы оставили Джериса и Коналла возбужденно всматриваться в смазанные чернила, а Шива — реставрировать стол Харны. Произносимые шепотом проклятия составляли существенную часть обоих занятий.

Эйрог был недалеко, и рынок мы застали в полном разгаре. Когда дошло до торга, грозное выражение на лице Дарни, говорящее: «Обманешь — я тебе руки-ноги поотрываю», — оказалось настоящим подарком, и скоро мы приобрели крепкого на вид мула, кухонную утварь, одеяла и шатры. Агент явно знал, что ищет, такой же знаток в своей области, как я — в своей. Предоставив ему все заботы, я развлекалась, наблюдая, как работают местные карманники.

— Ну, что тебе нравится в лошади? — Дарни уверенно зашагал к загонам.

— Отсутствие зубов и неумение лягаться.

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Ты едешь верхом?

— На наемных лошадях, когда очень приспичит.

— Значит, нам не нужно торговаться из-за этого? — Он указал на загон, где черный с белым зверь пытался сожрать помощников аукциониста.

— Только не ради меня, — убеждала его я.

Дарни с завистью посмотрел на норовистое животное.

— Жаль, а я бы хотел заполучить себе одного из этих гидестанских жеребцов.

В конце концов мы выбрали для меня кроткого мерина с шерстью цвета меди и добрыми глазами. Мы также нашли запасных лошадей для всех нас и запасную лошадь для коляски. Окончательная цена заставила меня моргнуть, но Дарни расплатился без видимой скорби.

— Такое время года, — заметил он, когда мы оседлали лошадей и приготовились покинуть город. — Сейчас спрос превышает предложение.

— Он часть моей оплаты или как? — Я погладила шелковистое плечо мерина.

Дарни покачал головой.

— Считай его премией. Планир может себе это позволить.

Я снова подумала о более длительном союзе с агентами Верховного мага.

Следующим утром мы отправились на север. Дарни задал быстрый темп, и оказалось, что ехать на породистой, хорошо обездуженной лошади очень даже приятно.

— Ну, как ты его назовешь? — спросил Джерис, когда мы ждали своей очереди у брода.

— Что? О, я не знаю.

— Можёт, Кисиром? Смотри, какая у него благородная голова. Я засмеялась.

— Джерис, это же лошадь! Ты на ней сидишь, она тебя возит — и это быстрее, чем ходить пешком. И с какой стати награждать его таким именем?

— А что в нем плохого? Кисир был последним истинным королем Лескара.

— Да к тому же законченным болваном!

— Он был героем!

— Он умер на дуэли, защищая честь своей жены, а когда ей пришли сообщить об этом, то нашли ее в постели с его братом!

— Кисир умер, веря в нее!

— И он был последним, кто верил. Его геройство стоило Лескару десяти поколений междоусобиц!

Так мы продолжали спорить, а когда наконец вернулись к лошади, то сошлись на кличке Рыжий.

Несколько дней мы ехали без приключений до того отрезка вересковой пустоши между Эйрогом и Ханчетом, который подходит к каладрийской границе. Был один шекотливый момент, когда Дарни понял, что Джерис намерен разделить со мной шатер, и утащил его в лес якобы за дровами.

— Пойду принесу воды. — Я небрежно подхватила чайник.

— Конечно, — не поднимая головы, согласился Шив, он насаживал мясо на вертел.

Улыбнувшись магу, я бесшумно устремилась в лес. Дарни названивал над Джерисом во все колокола, это несомненно.

— И как она полезет на чердак с двухсезонным животом? Ты об этом подумал? — шипел он.

Джерис пробормотал что-то невнятное. Может, сказать Дарни, что я увидела такую возможность и приняла меры? Нет, не его ума дело. Пусть сам меня спросит, если хватит духу.

Агент раздраженно повысил голос.

— Слушай, мне плевать, что вы набиваете цыпленка десять раз за ночь...

Я вздрогнула от звонкой пощечины и решила — пора уходить. Немного погодя вернулись Дарни и Джерис, как ни странно, с полными охапками дров. Никто ничего не сказал, а я ничего не спрашивала, и вечер прошел довольно мирно, видимо, они как-то разобрались между собой. А я вздохнула, сожалея о простой жизни во время работы с женщинами.

Через два дня после полнолуния, когда Малая уже пошла на убыль, а Большая подросла до последней четверти, мы прибыли в Ханчет. Я с нетерпением ждала настоящей постели и ванны. Увы, городок, лежащий в низине, оказался сплошным разочарованием. Почти все дома из оштукатуренной ивовой лозы; от прошедшего дождя все вокруг утопало в грязи и смердело болотом. Мост выше по дороге смыло в недавнюю бурю, и городок заполонили путешественники и торговцы в ожидании, когда его починят.

Даже за деньг Верховного мага нам не удалось снять приличных комнат, и пришлось возобновить знакомство с разной живностью, которая процветает в дешевых гостиничных постелях. Вани в нашем трактире не было, и, учитывая напряженность в городке, мне не нравилась прачечная через дорогу, вокруг которой слонялось чересчур много «прачек». Нынешний правитель Ханчета — сухая старая дева, неожиданно для себя ставшая наследницей — чрезвычайно строго относилась к коммерческому сексу. Все публичные дома позакрывались, но ее светлость еще не смекнула, откуда вдруг такой бум в местах, где люди стирают одежду и моют тело, если вы меня понимаете.

На следующее утро Дарни оставил нас в пивной за скверным элем и еще более скверной едой, а сам отправился искать своего знакомого. Вернулся он неожиданно быстро и с таким кислым видом, от которого даже вино превратилось бы в уксус.

— Что-то стряслось? — Шив пододвинул ему кувшин, как только агент со вздохом сел.

— Он умер. — Дарни хмуро уставился в свою кружку и что-то вылил из нее.

— Как? — Джерис в испуге широко раскрыл глаза.

— Флюс. Лекарь выдернул зуб, но было уже поздно. Яд проник в кровь, и через два дня... — Дарни пожал плечами.

Я провела языком по зубам, благодарная матери за щель, которая у меня там была. Бьюсь об заклад, остальные сделали то же самое. Один Джерис выглядел неуместно веселым. Я строго посмотрела на него. Парень покраснел и опустил голову.

— Он оставил какое-нибудь сообщение для тебя? — нерешительно спросил Шив. — Твое письмо...

Дарни покачал головой.

— Неизвестно. Вдова все продала и вернулась к своей родне. Ее нельзя винить, несчастная осталась одна с пятью детьми.

Он сердито глянул на свой эль и пошел рутаться с трактирщиком. Меня разбирало любопытство.

— А кто был тот человек? Что Дарни надеялся узнать у него?

— Это уже не важно, — улыбнулся мне Шив, предостерегающе взглянув на Джериса.

Я пожала плечами и выбросила это из головы; раз нет никакой информации и, стало быть, никакой рискованной работы для меня, пусть хранят свои маленькие тайны, если думают, что это придает им значительности. Однако уныние делает людей плохими игроками. Я вытащила руны и весело улыбнулась обоим.

По крайней мере ничто не удерживало нас в грязном Ханчете, и, хотя пришлось сделать большой крюк до следующего моста, все равно к наступлению ночи мы были уже в Далазоре.

ГЛАВА 4

Уверен, господа, что всех нас в детстве развлекали, а порой и пугали наши няньки сказками об Элдричском Народце. Кто-нибудь из вас терял выпавший зуб, как я, и лежал целую ночь без сна, боясь, что голубой человечек выйдет из тени и потребует себе другой зуб вместо его законного подношения? Теперь, как взрослые и ученые люди, мы можем над этим смеяться, считая подобные темы слишком тривиальными для обсуждения. Не стану спорить с теми, кто так считает, но я решил искать какие бы то ни было семена истины, взрастившие такие цветы детской фантазии.

За последние годы благодаря растущей популярности антикварных предметов среди благородных и состоятельных господ было раскопано несколько Элдричских колец. Раскопки принесли занимательные открытия: из найденных костей мы узнали, что ростом те люди действительно были на несколько пядей ниже современных людей; воин, захороненный на землях лорда Эдрина близ Железного Ущелья, имел черные волосы и смуглую кожу, хотя это, возможно, было следствием удивительной сохранности его останков в болотистой почве до осушения, позволившего возделывать эту землю. Сказки о темных человечках кажутся не столь далекими от правды.

Говорят, Люди-Тени ездили верхом на ветре. В кольце, раскопанном в Далазоре прошлой весной, была найдена знатная, судя по одежде, женщина, погребенная с шестью лошадьми, на костях которых сохранились остатки богато украшенной сбруи. Повседневное имущество включало шатры, стеганные одеяла, прялки, ручную мельницу и жаровню, но не было ничего, напоминающего колесную повозку, не найдено даже изображений колеса в Элдричском искусстве. И сегодня, вспоминая бескрайние, открытые всем ветрам равнины Далазора, не так уж трудно представить себе племя, странствующее когда-то по этим землям с табунами лошадей.

Господа, несомненно, пришло время собрать и исследовать полученные данные более научным методом. Наши предки в невежестве своем не видели дальнейшего конфликта с древними народами лесов и гор. Учтите, однако, нынешние выгоды, когда рудокопы Гидесты работают с Горными Людьюми Драконовых Хребтов; те самые ножи, которыми вы пользуетесь за столом, созданы благодаря умению и технике, утраченным нашими кузнецами за многие поколения. Прошлой зимой, когда корковая оспа поразила Хексен, тамошние аптекари сумели облегчить страдания и спасти многих больных с помощью лекарственных трав, целебные свойства которых стали известны благодаря торговле с Лесным Народом.

Наши детские сказки наделяют Элдричский Народец многими чудодейственными способностями, но, увы, не осталось их потомков в нынешнюю эпоху. Их захоронения и артефакты — вот все, что есть у нас для изучения, поэтому я здесь сегодня, чтобы просить вашего сотрудничества и — да, это верно — ваших денег. Если мы сумеем учредить соответствующую программу, то сумеем значительно расширить наши познания о древности, быть может, даже возродим забытые чудеса на благо себе и будущим поколениям.

Уэрал Тандри, «Размышления о Народах Древности». Речь, представленная Селеримскому Обществу Антикваров

Южный тракт, Далазор, 38-е предосени

Глядя на бесконечные пастбища, я невольно поежилась. Травяным утром была мокрая от росы и серебрилась ледяными иглами в тени редких тощих деревьев.

— Озябла?

Джерис раскрыл объятия, и я благодарно спряталась внутри его плаща.

— Когда у нас Равноденствие? Не рановато ли для заморозков?

Поджав губы, ученый порывлся в сундучке и достал три различных Альманаха. Как это типично, подумала я. У остальных в хозяйстве всего один, да и то если повезет.

Джерис полистал Альманахи, сравнивая таблицы прибывающей и убывающей лун.

— Через пять дней, если сегодня ночью не будет Малой луны, — сообщил он наконец. — Мы проделали долгий путь на север, не забывай.

Я откопала свой плащ.

— Значит, в Инглиз мы попадем не раньше постосени. У тебя есть Альманах, охватывающий Инглиз? Что там будет происходить?

Джерис обратился к другой книге, но через минуту развел руками.

— Это касается только гильдий: набор подмастерий и тому подобное.

Во мне проснулось любопытство. Я хотела взглянуть, но тут Дарни позвал нас седлать лошадей. Когда мы выехали, я лиш- ний раз убедилась, что мне совсем не нравится Далазор. Поми- мо всего прочего, здесь почти невозможно найти укрытие, и тебя было видно за несколько лиг. Мне все больше становилось не по себе, по спине побежали мурашки, как у ребенка, уверенно- го, будто в колодезном домике или отхожем месте прячется чу- дище.

Показалась развилка, но, к моему удивлению, Дарни не свер- нул с тракта. Я пустила лошадь, простите, Рыжего, в легкий галоп и догнала агента.

— Разве мы не поплывем по реке? Я думала, это самый быст- рый путь к побережью.

Дарни покачал головой.

— Сейчас все горняки и звероловы уезжают из Гидесты: зима рано приходит в горы. Лодки будут набиты ими, а эти люди и в лучшие времена — грубая компания. К чему нам неприятности?

— А-а, ну ладно. — Я попыталась скрыть разочарование.

Дарни усмехнулся.

— Мечтаешь об игре?

— Говорят, на этих лодках можно сорвать большой куш, если ухитришься уйти без ножа в спине, — сказала я.

— Ну, извини. Придется тебе играть с погонщиками. Глядишь, и выиграешь у них несколько голов скота.

Смех смехом, но несколько дней спустя я таки выиграла пол- быка и партию фуража, когда мы остановились на ночь в лагере гуртовщиков, ведущих животных на юг на убой. Спала я хорошо, несмотря на шум скота, толпящегося вокруг нас, но это была моя последняя приличная ночь.

— Ты очень нервная, — сдержанно заметил Дарни, когда мы пересекали еще один невыразительный кусок равнины и я то и дело оглядывалась через плечо.

— Я не привыкла быть на виду, — призналась я, — и чем ско- рее почувствую булыжник под ногами и увижу стену, за которой можно спрятаться, тем буду счастливее.

Агент широко улыбнулся и глубоко вдохнул бодрящего воздуха.

— Мне здесь нравится.

— А мне нет. Знаю, это звучит глупо, но я уверена, что за мной наблюдают.

Дарни призадумался.

— Может, выбросить оставшееся мясо? Вдруг оно привлечет волков. Здесь, на севере, полно всякого зверья и птиц. А ты что, не видишь их? Разве Лесной Народ не должен чувствовать животных?

Я пожала плечами.

— Понятия не имею. Обычно я не замечаю собак, пока они не вцепятся мне в ногу. Знаю только, что у меня мурашки бегают по хребту.

— А ты уверена, что не прихватила их с собой из Ханчета?

Милая шуточка, но я-то говорила серьезно. Когда мы устроили привал, я пошла помочь Шиву разделить мясо, пока он разводил костер. Маги избавляют вас от бесконечной возни с трупом и кремнем.

— Ты должен искать что-то определенное, когда гадаешь, как тогда, с Хэлис? — небрежно поинтересовалась я. — Или можешь просто поглядеть вокруг?

Шив кивнул.

— А почему ты спрашиваешь?

— Наверное, это глупо, но я не могу избавиться от ощущения, что за нами следят. Дарни думает, будто по мне паразиты ползают, но, по-моему, дело не в этом.

— Ты уверена?

— Безусловно. — Только сейчас я поняла, насколько уверена, и маг услышал это в моем голосе.

— Хорошо, если хочешь, я проверю наш след.

Вытащив свои масла, Шив сотворил заклинание, и мы сгруппировались вокруг него, чтобы взглянуть на заволаживающие образы, которые он вызвал из воды. Маг нашел гуртовщиков, с которыми мы недавно расстались, и мы смотрели, как они переходят брод: крошечные рога покачивались, когда скот бросался в воду.

— Ладно, пойдем назад, — проронил Шив.

Изображение стало стремительно меняться, и я подумала, так ли выглядит земля для птицы — зелено-коричневый гобелен с кружевами сверкающих вод, с крапинами более темной зелени деревьев и пятнами последних летних цветов. На миг мне почудилась долина, и меня замутило.

Мы увидели оленей, мчащихся по равнине. За ними гнались гибкие серые фигурки. Вспугнутая погоней, стая птиц взмыла ввысь. В глубоком овраге ворон клевал останки дикой лошади, но, кроме этого, мы не заметили никаких признаков жизни. Шив вернул изображение к нам.

— Ничего неожиданного, — изрек Дарни, когда показались четыре фигуры, склонившие головы, и лошади, щиплющие траву.

Я заморгала — картинка растворилась в головокружительной спирали.

— Я просмотрел все вокруг, не только наш путь, — заверил меня Шив. — Там никого нет.

— Наверное, почудилось, — с тяжелым сердцем сказала я, покачивая головой.

— Попробуем найти на ночь какое-нибудь укрытие, — утешающе промолвил Джерис, но глаза у него заблестели.

И верно, подумала я, ничто так не способствует хорошему сну, как любовный пыл. Я подмигнула ученому и спрятала улыбку, заметив выражение на лице Дарни.

— Я знаю подходящее место.

Агент подхлестнул коня, и к вечеру я поняла, что он направляется к земляному укреплению, встающему среди лугов, как маленький холм с плоской вершиной.

— Это не Элдричское кольцо? — Разинув рот, я уставилась на Дарни. — Это там ты собираешься разбить лагерь?

— Верно, — с вызовом произнес он. — А что? Боишься, вдруг голубые человечки выйдут из радуги и забросают тебя маленькими зелеными стрелами?

— Они медные, элдричские стрелы, — ввернул Джерис. — Единственное, что они мастерили из металла.

Поток его несущественной информации скрыл тот факт, что я потеряла дар речи и мне удавалось сохранять спокойный вид, пока мы пробрались через валы дерна и разбивали лагерь.

В конце концов Элдричский Народец — просто сказки для детей, и хотя те, кто все еще стоит по колено в навозе, может, и верят в них, мы, более искушенные горожане, выше подобных глупостей. Я без конца повторяла это для себя, но выходило так же убедительно, как у торговца, продающего средства от плешивости.

— А знаешь, они действительно существовали, — услужливо сообщил Джерис, когда мы распаковались, и я почти уверила себя, будто можно отбросить детские страхи.

— Что, серые человечки, которые умеют превращаться в тени? — Я выдавила дрожащий смех.

— Нет, — серьезно ответил ученый. — Но люди жили здесь и в других подобных местах. Один наставник брал своих студентов на раскопки кольца возле Борлета. Они нашли в лодке захоронение мужчины, со всех сторон обложенного сокровищами.

— Ты шутишь! — нахмурилась я. — Борлет — вон где! А выше Трезига баржи провести уже нельзя, разве не так?

— Видимо, раньше можно было. Поблизости есть высохшие причалы.

В эту минуту подошел Шив.

— Почти Равноденствие. — Он указал на одинокий тонкий серпик Большой луны. — Кто-нибудь справляет нынче рождение?

Джерис покачал головой.

— Я предзимний ребенок.

— Мы с Дарни — постосенние. — Шив пожал плечами. — Ладно, авось найдем, за что выпить.

— Ну вообще-то я справляю. Я родилась в постлето. — По какой-то идиотской причине я немного стеснялась признаваться в этом.

— Здесь не очень-то отпразднуешь, — беспокоился Джерис, что и тронуло, и встревожило меня. — Большого торжества для тебя не получится.

— Ладно, мы...

План Шива потонул в пронзительном ржании, и у меня остановилось сердце. На какой-то миг я действительно поверила, что Элдричская семейка воскресла из мертвых.

— Спинами к огню!

Рев Дарни вернул нас к реальности, и я увидела людей на гребне вала, рыжие отсветы костра блестели на обнаженных мечах. Шлемы и кольчуги сопровождали их бег звяканьем, подбитые гвоздями сапоги глухо ударяли о мягкую землю. Они бежали молча, но с такой целеустремленностью, что леденила кровь сильнее, нежели боевой клич. Эффект был немного смазан, когда некоторые поскользнулись на мокром от росы склоне, но, спасибо Сэдрину, это позволило нам собраться с мыслями и понять, что они значительно превосходят нас численностью.

Нашупывая в сумке дротики, я отступила для броска. Икры обдало жаром: еще чуть-чуть — и пойду по углям.

— Поцелуй Сэдринову задницу! — прорычал Дарни, выходя навстречу нападающим.

Их уверенность ужасала, и первый замахнулся, чтобы опустить меч на голову агента. Когда его рука поднялась повыше, Дарни срезал ее у запястья быстрым ударом. Кровь хлынула в лицо второму бандиту, что отвлекло его на мгновение, и его беды пресеклись коротким мечом Дарни, вонзенным в живот. Затем третий рухнул от удара сапогом в пах, и атака потеряла стремительность; мы успели создать оборонительный круг, прежде чем на нас напали вновь.

Мечи встретились в фейерверке искр — удар, защита, выпад, еще удар и темная полоска раны. Отблески пламени вспыхивали на мече Дарни, пока он не исхитрился добраться над щитом до горла противника и перерубить его. Фонтаном брызнула кровь, но агент лишь поморгал и ногой отбросил от себя булькающий труп.

Пляшущие тени от костра мешали целиться. Я метнула дротик, и на одну тошнотворную секунду мне показалось, будто ничего не происходит. Но вот бандит, шатаясь, двинулся

вперед, потом упал на колени, царапая руку, и тут же умер от удушающего кашля. Какая радость: яд не утратил своей силы!

Мои дротики уложили еще двоих, и на этом мои запасы кончались. Дарни бился, словно демон Полдриона, и, держась позади него, я оглянулась — не окружают ли нас. Шив и Джерис стояли с нами спина к спине. Джерису хватало сноровки и быстроты реакции, но он не спешил прикончить врага. Даже я увидела только что упущенный им шанс. Его противник тоже это заметил — злобная рожа расплылась в победной ухмылке. Да, слишком долго занимался Джерис благородным фехтованием, в то время как Дарни убивал по-настоящему. Кровь бежала по рукаву свободной руки ученого, и я поняла, что он привык сражаться со щитом.

Видимо, почувствовав опасность, Джерис стал расторопнее. Стремительными, нещадными ударами он оттеснил нападавшего. Сбитый с толку, тот опустил щит, и Джерис раскроил ему череп.

Вернувшись на нашу сторону костра, я бросила последний дротик и очутилась нос к носу с бородатым злодеем, который решил, что теперь я безоружна. Однако ему не повезло: я незаметно опустила из рукава кинжал и, выждав, когда этот гад замахнется, ударила его в подмышку. Тот завалился. Я не успела вытащить кинжал и, чувствуя холодные щупальца страха, закричала в спину Дарни:

— Мне нужно оружие! Дарни, я без меча!

Агент не глядя пнул мне чей-то валяющийся меч, едва не лишив меня пальцев на ногах. Непристойно бранясь, он отогнал зазевавшегося противника на пару шагов и воткнул клинок ему в живот. Вереща, белобрысый враг упал на колени, а Дарни двинул ему ногой в лицо.

Я встала рядом с агентом, моментально воскресив в памяти свои фехтовальные навыки. Да благословят боги Хэлис за то, что настояла на наших совместных тренировках. Жаль только, у меня нет ее мастерства.

Здоровенный ублюдок с соломенной бородой обошел Дарни, направляясь ко мне как к более слабому противнику. Он был намного сильнее и проворнее меня, и я успевала только защищаться, пока он не поскользнулся на кишках своего друга; тут уж я не мешкала и изо всех сил рубанула клинком по гнусной роже. Зубы и кости блеснули в пламени, когда он нырял головой в костер. Волосы загорелись, источая омерзительную вонь, руки бешено молотили землю. Я словно в лихорадке затопала ногой по его затылку, пока мерзавец не успокоился.

Дарни прикончил еще одного, и наши глаза встретились в безумный миг тишины.

— Как остальные? Что с лошадьми?

Лошади! Если мы их потеряем, придется долго брести домой. Я огляделась и поняла, почему Дарни не потрудился стреножить своего коня. Каурый свирепо вставал на дыбы, лягаясь и кусая с едва сдерживаемой яростью обученного боевого коня, и несколько фигур корчились, истекая кровью, под его копытами.

Шив, как алебардой, рубил лучом янтарного света, и всякий раз, когда этот луч касался врагов, они визжали по-пороссячи. Двое рухнули как подкошенные, даже не дергаясь, и только кровь струилась из-под шлемов.

— Шив! — разъяренным быком проревел Дарни, и маг устремил на нас взгляд.

Едкий огонь ворвался в мою ногу, и я чуть не заплатила окончательную цену за то, что отвлеклась. Я завопила как орел Дрианон, выиграв этим секунду, чтобы взять себя в руки. Дарни сражался теперь сразу с двумя, а я столкнулась с серьезной проблемой. Не такой крупный, как остальные, но быстрый и сильный, этот бандит отражал мои удары с ужасающей легкостью. Он теснил меня шаг за шагом, пока угли не захрустели под моими сапогами и огонь не опалил ноги.

Мой противник ухмыльнулся в свирепом ликовании. Я уже решила, что мне суждено погибнуть. Вдруг сапфировый свет пронесся мимо меня, и торжествующее лицо разлетелось на почерневшие куски. Я тупо разинула рот. Какую-то безумную минуту мы все пребывали в неподвижности, одинаково охваченные ужасом.

— Шевелись!

Дарни толкнул меня через затухавший костер, и мы вдвоем окружили Шива, который плел сверкающий многоцветный узор вокруг кольца земляного вала.

Блеснула вспышка, подобная ветвистой молнии, превратив еще двоих в груды выжженной плоти, и огненное сияние прыгнуло из ладоней Шива к углям костра. Красный свет, яркий, как новый день, победил по земле, добивая раненых, а потом взметнулся в воздух, пламенем венчая гребень кольца. Оттуда понеслись крики боли — подкрепление умирало в страшных муках. Сэдрин, сколько же их там было? Сколько еще ждало снаружи? С трудом подавив нарастающую панику, я сосредоточилась на собственных увечьях, понимая некой бесстрастной крупницей ума, что скулю. Нет уж, дудки, подумала я и, подхватив сквернословие Дарни, завопила во всю глотку.

Внизу, в крови и смерти кольца, пал еще один; его меч превратился в раскаленные докрасна бритвы, искромсавшие его лицо. Оставшиеся поняли, что оказались в ловушке, и, смятая нашу оборону, с удвоенной силой бросились на нас в надежде добраться до Шива и прикончить магию. Теперь они тоже драли

глотку; я не понимала смысла слов, но узнавала злобную ненависть в тоне. Ужас скопился у меня под ложечкой, грозя вырваться проклятиями в любое мгновение. Теперь я поносила не только их, но и себя.

Дарни что-то крикнул. Я не расслышала — что, но Шив бросил пригоршни голубого огня и начал плести многоцветную паутину силы. Вмиг черные тени заструились по нашим клинкам, исчезая в воздухе словно дым. Я ударила стоявшего передо мной бандита — кольчуга на его плече разошлась, плоть под ней таяла подобно жиру и смрадно дымилась. Джерис погнался за своим противником, отпрянувшим от смертоносной тьмы, и едва не получил удар в ребра сбоку. Шив заметил опасность, и тот ублюдок издал пронзительный вопль, когда его кисть распалась под зеленой вспышкой и косточки рассыпались по земле как руны. Он грохнулся на колени, и я прикончила его ударом в затылок.

Мои уши еще звенели от криков, и, расpalенная, я не сразу поняла, что бой кончился. Безумные тени побежали вокруг кольца, как только магическая стена огня ярко вспыхнула в последний раз и погасла. Мы приготовились к новой атаке, но все было тихо. Дарни оторвался от нашей застывшей группы и вскочил на вал, бросая вызов в ночь.

Кто-то схватил мою руку, и внезапный ужас пронзил меня; но это был всего лишь маг. Я не удержала его, и он рухнул на колени — лицо смертельно бледное, вокруг глаз темные круги, как у больного лихорадкой, бешеное дыхание рвется из груди.

— Дарни! — завопила я на грани истерики.

Агент оглянулся с гребня кольца.

— Джерис, помоги Ливак!

Джерис подбежал и помог уложить Шива. Морщась от мерзкого запаха, я выволокла из костра обгоревший труп, подбросила дров на угли и встала, не зная, что делать.

— Спирт, красная бутылка.

Джерис бережно влил глоток магу, и он слабо закашлял.

— Так. Теперь принеси вина и нагрей его с медом.

Трясущимися руками я налила и подогрела вино. Лицо Шива немного порозовело, дыхание замедлилось. Джерис ухаживал за ним с трогательным вниманием, развязал рубашку, проверил, нет ли на нем ран, не обращая внимания на собственную кровоточащую руку.

Черная тень скользнула с вершины кольца, и я схватилась за меч, прежде чем сообразила, что это Дарни. Глаза агента блестели, как у дикой собаки.

— Ну? — Дарни подошел к костру. Лицо его по-прежнему было обращено к ночи.

— Шив изнурен, но хороший сон вернет ему силы, — уверенно ответил Джерис, направляясь к своему кожаному чемоданчику с пергаменатами.

— Что ты делаешь? — растерянно спросила я.

Джерис посмотрел на меня так, словно только-только заметил мое присутствие.

— Кое-что, чтобы помочь Шиву спать.

Он показал мне листок с аккуратно написанными двестишестидесятью и произнес над лежащим магом сложную тарабарщину. Шив задышал глубже и ровнее, напряжение покинуло его длинное тело.

— Это та эфирная магия?

— Да. — Джерис нахмурился. — Раньше она никогда так быстро не действовала. Неужто все дело в этом месте?

— А что еще ты умеешь?

— Не много. Проклятие! В старых книгах говорится, будто они умели залечивать раны, исцелять от лихорадки, да что угодно. А все, что могу я, — это усыпить его. Если бы только...

— Если бы петух нес яйца, он был бы курицей. Хватит плакаться, сон — это как раз то, что нужно Шиву. — Дарни стащил с себя окровавленные тунику и рубашку и начал смывать запекшуюся кровь.

— Мы в безопасности? — тупо спросила я.

— Пока да. Я ничего не заметил, но, возможно, у них перегруппировка. — Дарни обвел взглядом побоище. — Я бы удивился, если б они вернулись, но мы будем наготове.

Он вытерся остатками рубахи, и я увидела на его плечах и груди несколько широких лиловых шрамов. Из свежего пореза на руке медленно сочилась кровь, костяшки пальцев были ободраны. Агент повернулся — на спине не было ни одной отметины.

— Ливак, у меня в сумке лежит зеленый мешочек. Не хотелось бы заляпать все кровью...

Я принесла Дарни мешочек и сочувственно моргнула, когда он вылил неразбавленный спирт на раны, прежде чем перевязать их.

— Эй, помоги мне!

Я быстро наложила повязку, и воин одобрительно хмыкнул.

— Отлично. Теперь посмотрим твою ногу.

Я совсем забыла про свою рану, как ни дико это звучит, но едва Дарни упомянул о ней, навалилась такая боль, словно меня лягнула лошадь с плугом. Я села и застывшим взглядом наблюдала, как он разрезает штанину, обнажая глубокую рану. Огонь опалил мою ногу, она стала такой же безволосой, как ноги дорогостоящей шлюхи, но, к счастью, ожогов не было, уж я-то знаю, как они гноятся.

— Тут нужны швы, — прозаично заметил Дарни. — Хочешь сделать это сама?

— Подождите меня.

Обработав собственный длинный, но неглубокий порез на руке, Джерис подошел к нам.

— Будет больно, — предупредил он, сжимая руками мое бедро.

Дарни обработал края раны смоченным в спирте комочком корпии. Каким-то чудом я сдержала рвоту и не грохнулась в обморок, хоть была близка к этому. Дарни работал быстро, но, когда закончил, я вся тряслась и истекала потом.

— Поспи. Мы с Джерисом посторожим.

— Угу, — промычала я, не доверяя голосу, закуталась в плащ и легла рядом с Шивом.

Мало-помалу сердце перестало бешено колотиться, ужас и ликование боя отступили. Дрожь не утихла дольше, но в конце концов и она прошла, осталась лишь дергающая боль в ноге. Я закрыла глаза, прислушиваясь к треску костра. Он напомнил мне детство, как я болела и лежала на кухне, и я зажмурилась от внезапных слез.

— Ливак?

Тихий оклик Джериса разбудил меня. Я изумленно поморгала, глядя на его лицо, бледное от напряжения и усталости в сером сумраке рассвета.

— Ты не могла бы немного покараулить? Мне нужно поспать.

Я села и, скривившись от боли в ноге, потерла лицо.

— Конечно. А где Дарни?

— Здесь.

Он сидел наверху склона, продолжая следить за окрестностями, бдительный, как хороший охотничий пес.

— Ты не хочешь отдохнуть?

Дарни покачал головой.

— Я бы не смог, после такого боя огонь в крови не угасает часами. Потом отдохну. Не думаю, что они вернуться.

— Кто они такие?

— Бандиты. Вероятно, из Лескара, отряд какого-нибудь лорда, потерпевшего поражение в бою.

Я с прищуром посмотрела на агента: волосы и борода слиплись от крови, лицо бодрое и расслабленное.

— А ладья Полдриона пойдет сегодня перегруженной, — заметила я наконец.

Дарни ухмыльнулся.

— Не думаю, что он их возьмет, не назначив сначала цену.

Интересно, сколько он сбросит за борт на полпути? — Агент безмятежным взором окинул трупы, усеявшие траву.

— Надеюсь, он запишет тебе коммиссионные. Где ты научился так сражаться?

— В Лескаре, в бою за герцога Триолльского десять лет назад.

— Ты хорош.

— Приходится быть в чем-то хорошим.

Я не стала на этом задерживаться.

— А что с Шивом?

— Он истощил себя. Нельзя отдавать столько силы, не расплачиваясь за это.

— Вот как? — удивилась я. — Мне действительно не мешало бы узнать больше о магах.

Состроив гримасу, Дарни вытянул руки за головой и ощупал свои раны.

— Прежде чем они поняли, что мага из меня не выйдет, я сходил на несколько лекций. В Хадрумале есть один грозный старый хрыч по имени Отрик; он — лучший в стихии воздуха. Так вот, он читает лекцию под названием «Почему маги не правят миром?». — Агент кивнул на неподвижного Шива. — Вот одна из причин.

Меня заинтересовали и другие, но спрашивать не захотелось.

— Отрик дает новичкам также практические уроки. Я видел, как некоторых выносили из зала. — Дарни взглянул на меня и улыбнулся. — А знаешь, не быть магом — не так уж и плохо.

Взошло солнце. Джерис проснулся, и мы позавтракали, хотя еда показалась безвкусной из-за пропитанного кровью окружения. Начали слетаться мухи, и мы приступили к отвратительной работе по перетаскиванию мертвых, чтобы лошади могли выйти из кольца, не впадая в истерику. Шив все еще спал, но выглядел уже нормально. Время от времени он шевелился, и веки подергивались — значит, видел сны.

— На всякий случай возьмем доспехи, вдруг снова столкнемся с бандитами, — сказал Дарни, и мы занялись менее изрубленными трупами.

Насилу стащив кольчугу с одного из них, я с удивлением обнаружила, что по длине она мне почти впору. Я с новым интересом взглянула на трупы.

— Коренастый народец, а? Придется соединять две штуки для Шива.

Джерис медленно отложил меч, который только что чистил.

— Шив не может носить доспехи. Все металлическое вокруг него разрушает магию.

Вытащив кинжал, он стал осматривать тела.

— Да, все они довольно низкорослые.

Я с брезгливостью подумала, включают ли его академические интересы анатомирование, но, к счастью, Джерис ограничился лишь разрезанием одежды.

— Дарни, все это очень необычно. — Он прошелся вокруг ложбины, снимая шлемы и подшлемники.

— Что именно?

— Они очень похожи друг на друга. И все как один светловолосые. Ты часто видел такое?

Дарни посмотрел на несколько лиц — бескровных, с серовато-лиловыми губами и языками, или отталкивающе крапчатых, в зависимости от того, как они свалились — и равнодушно пожал плечами.

— Значит, родственники. Ты же знаешь, бандиты часто работают семьями.

— Столько родственников? И почти одного возраста? — удивился Джерис.

— Это просто грабители, пытающие счастья.

Дарни извлек ножницы и начал отрезать лишние кольца на кольчуге, которую я выбрала.

— Но что они искали? Мы же не торговый караван, нагруженный деньгами. — Джерис сел на корточки. — Единственное, что стоило бы украсть, — это лошади, а их-то как раз и не тронули.

— Потому что любой, кто прошел возле них, получил копытом по башке, — усмехнулся Дарни.

Но ученого он не убедил.

— Пойду погляжу окрест.

— Далеко не уходи и будь осторожен. Кричи, если что увидишь. — Я с беспокойством посмотрела ему вслед, думая, не пойти ли и мне с ним, но в этот миг проснулся Шив.

— Вода есть? — просипел он. — У меня во рту, как в перчатке погонщика мулов.

Я принесла ему полную чашку.

— Как себя чувствуешь?

Приподнявшись на локте, маг сделал глоток и сморщил нос: вода отдавала кожей.

— Паршиво, но это пройдет.

— Ты так меня напугал, что я чуть копыта не отбросила.

— Я сам чуть копыта не отбросил. — Он сел и огляделся. — Сэдрин! Какая грязь!

Вернулся Джерис, пасмурнее тучи.

— У них не было лошадей.

— Сообщники отвели их обратно туда, где они прячутся. Вряд ли мы всех прикончили. — Дарни бросил мне кольчугу. —

Я приложила ее к себе, передернувшись от мысли, что придется таскать на плечах такую тяжесть.

— Сойдет.

Дарни начал стягивать кольца кожаным ремнем.

— Это надо бы заклепать, — недовольно пробормотал он.

— Нет, слушайте, — не унимался Джерис, — у них не было лошадей. Говорю вам, они пришли пешком.

— Откуда? Вокруг на много лиг нет никакого жилья. Ты, должно быть, ошибся.

— Я проверил их следы. Я знаю, о чем говорю, — настаивал Джерис с не характерным для него упорством.

Я опустила мечи, которые пробовала на вес.

— Продолжай. — Меня снова охватила тревога.

— Нигде нет следов лошадей. И посмотрите на их обувь — разве она годится для верховой езды? Они шли пешком!

— Значит, прятались где-то поблизости и следили за дорогой. — Дарни тоже стоял на своем. — Лучше убраться отсюда, пока они не вернулись. Ну-ка, за работу.

Слова Джериса подогрели мое любопытство. Я отправилась искать свои дротики и внимательнее посмотрела на ближайшее тело, затем, подавив омерзение, разорвала остатки одежды.

— Странно.

— Что?

Джерис подошел ко мне, и Шив взглянул с интересом.

— Одежда-то старая и поношенная, но под ней он весь чистый. — Я наклонилась ближе. — Смотри, здесь, на белье, старая кровь, я бы сказала, от вшей или блох. А на нем ни пятнышка, нигде ни одного укуса. — Я провела пальцем по мраморно-холодной плоти. — Он слишком чистый, вымытый. — Я перешла к следующему почти целому трупу. — Этот точно такой же.

— Значит, они избавились от паразитов. Что тут загадочного? У тебя когда-нибудь были вши? Поверь, ты с радостью с ними расстанешься.

И Дарни снова занялся кольчугами.

Я присела. Вероятно, Дарни прав, но почему-то мне казалось, что мы неточно прочли эти руны. Что же я упустила?

— Ни у кого из них нет денег.

Отмахиваясь от мух и пытаясь игнорировать запах крови, я порылась в нескольких сумках и карманах.

— И ни у кого нет ничего личного. Ни колец, ни драгоценностей — ничего. А это что?

Я показала Джерису пятно ободранной кожи на руке одного из убитых. Он посмотрел на остальных, но ничего похожего не нашел.

— Задело лучом Шива?

— Они мертвы, и это все, что мне нужно знать. Шевелитесь, я хочу убраться отсюда как можно скорее.

Резкость в тоне Дарни положила конец исследованиям и догадкам. Джерис что-то пробормотал и пошел почищать свой меч, а Шив начал медленно вставать.

Вскоре мы уложили вещи и были готовы вернуться на тракт.

Выезжая из кольца, я помедлила и оглянулась на груды мертвых.

— А с ними ничего не будем делать?

Дарни покачал головой.

— Чтобы достать дров и сжечь их, потребуется слишком много времени. — Он указал на дальнюю сторону вала. — Предоставь это им.

Я взглянула на ждущих воронов и с трудом сглотнула. Тридцать с лишним трупов будут кормить этих птиц добрую половину сезона.

И вот мы уже снова на дороге. Чистый воздух выдул запах смерти из моих ноздрей, и я немного воспряла духом. Мы остановились у следующего брода и разделись, чтобы смыть с себя оставшуюся кровь. Джерис из скромности пытался спровадить меня в заводь ниже по течению, но какая может быть скромность, когда Дрианон его знает, какие бандиты рыщут в округе?

— И все же это странно, — прошептала я Шиву, вытирая волосы.

Дарни в это время мыл бороду и был по уши в мыле.

— Согласен, — кивнул маг, надевая рубашу через голову. — Понять не могу, почему я не увидел их, когда гадал. Если они шли пешком, то мы должны были их засечь.

— Может, они сначала ехали, а потом шли? — с сомнением предположила я.

— Зачем это?

— Понятия не имею.

Мы продолжали путь в кислом молчании.

Фриернский Охотничий Домик, 40-е предосени

Казуел крайне осторожно вышел из кареты, стараясь не ступить в грязь: будет важно произвести хорошее впечатление. Он одернул помятый камзол и хмуро покосился на содранную кожу сапога — какой-то нализавшийся фермер наступил ему на ногу.

— Это он? — Аллин оглянулась на груды кирпичных

— А что, не похож? — с ехидцей ответил маг.

Они усталились на широкий кирпичный фасад дома, надменно глядевшего из-за высоких железных ворот на другой стороне улицы.

— И это — «домик»? — поразила девушка.

И ее нельзя было за это винить. Может, жилище лорда Армайла и начинало свое существование как охотничья резиденция, но с тех пор едва ли что-нибудь осталось от первоначального здания. Казуел задумчиво посмотрел на крестьян, ждущих у калитки, где суровые воины в серых мундирах опирались на алебарды, время от времени подзывая по несколько человек коротким взмахом ладони, чтобы пропустить внутрь.

Сзади затрубил рог.

— Дорогу!

Казуел быстро шагнул в ближайший дверной проем, и карета прогрохотала мимо, забрызгав юбки Аллин грязью из колес. Колыта бойко захрустели по гравии, и, провожая взглядом дилижанс, маг с запоздалым сожалением понял, что его прибытие произвело бы большее впечатление, если б он нанял коляску. Однако это была бы неоправданная трата, не так ли?

— Пойдем, Аллин.

Он перебрался через дорогу и, приосанившись, подошел к стражникам, игнорируя любопытные взгляды крестьян. По его примеру Аллин тоже выпрямила спину и высоко подняла голову. Наконец-то она держится с должным достоинством, порадовался маг.

— Добрый вечер. Я хочу видеть управляющего лорда Армайла.

Казуел отвесил заранее продуманный полупоклон и выжидательно посмотрел на человека с лентой, пришитой вокруг оленьей эмблемы на его куртке.

— Он вас ждет? — осведомился стражник.

— Мы не сговаривались о встрече, нет. — Маг непринужденно улыбнулся.

— Тогда ждите своей очереди.

Высокомерие определенно давалось этим стражникам легче, чем вежливость.

С недрогнувшей улыбкой Казуел полез в карман за письмом, приготовленным заранее.

— Пожалуйста, передайте ему с моими поклонами. Он меня примет.

Стражник неуверенно посмотрел на письмо, на Казуела, потом оглянулся на дом.

— Эй! — махнул он верткому мальчишке в серой ливрее, явно предназначавшейся для человека, по крайней мере на пядь выше ростом. — Отнеси это Армину.

В спешке скользя по гравию, мальчишка помчался вдоль подъездной аллеи.

— Здесь что, такой обычай — сидеть, когда дама стоит?

Казуел грозно уставился на двух стражников, развалившихся на скамье.

— Встать!

Они исподлобья зыркнули на командира, но подчинились. Аллин села, нервно подтыкая под себя юбки. Расплывшись в улыбке, Казуел достал из кармана дощечку и сделал несколько кратких записей; при сем он с удовольствием отметил, что это значительно укрепило атмосферу почтения вокруг него.

Мальчишка вернулся быстро — запыхавшийся и потный, несмотря на прохладный день.

— Он может войти.

— Благодарю. — Казуел наградил стража на воротах снисходительным кивком и серебряным пенни.

— Вот видишь, Аллин, нужно уметь обращаться с этими людьми, — прошептал он.

Ворота за ними закрылись, и, услышав за спиной гул домыслов и предположений, маг подавил улыбку. Однако по дороге к дому его самодовольство быстро испарилось. Обуздывать прислужников с их мелкими злоупотреблениями властью — это одно, а живущий здесь человек мог оказаться конем совсем другого нрава.

— Почему этот дом похож на крепость лескарского дворянина? — опасливо поинтересовалась Аллин.

Окна нижнего этажа недавно были уменьшены до размера узких бойниц, и взобравшиеся на крышу работники возводили зубчатый парапет и сторожевую башню. Цепочка крестьян, припорошенных розовой пылью, складывала кирпичи у главных ворот. Там же лежали готовые бревна для строительных лесов. Откуда-то из-за дома доносился звон молотков и долота.

— О, эти мелкие лорды страшно любят поражать соседей своими укреплениями, — беззаботно сказал Казуел.

— Сюда.

Вслед за мальчишкой они обошли сухой ров, где рослые мужики в сером одеянии устанавливали заостренные колья. У открытой боковой двери их ждал человек в синей ливрее и с пресным лицом. Из-за его спины вынырнула горничная, взявшая их плащи.

— Добрый день.

Получив в ответ вышколенный поклон, Казуел, довольный, пошел за лакеем по коридору, обшитому полированными панелями. Слушая, как звенят их шаги на безупречно чистых плитах, маг все более воодушевлялся. Аллин же, вцепившись в свою шаль, пугливо озиралась по сторонам.

— Прошу сюда.

Лакей с безукоризненной учтивостью распахнул дверь.

Казуел вошел и чуть помедлил, любуясь модным убранством комнаты, затем повернулся к их провожатому.

— Могу я попросить...

Но слуга уже закрыл дверь, оставив их с Аллин одних.

— Не думаю, что мы очень желанны, — скованно прошептала девушка.

Слабый холодок дохнул в затылок Казуела, но он не придал этому значения.

— А, напитки! — обрадовался он и, подойдя к буфету, налил себе полный бокал, дабы успокоить небольшую сумятицу в желудке. — Вот что тебе нужно, моя дорогая. Это придаст румянца твоим щекам, а то, боюсь, тебя укачало в карете.

Отпив глоток, маг в приятном удивлении поднял брови.

— Вот уж не ожидал найти трокайское вино так далеко на западе. У лорда Армайла, несомненно, превосходный вкус.

Он медленно повернулся, осматривая комнату; ее неброская роскошь служила фоном для портрета, висящего над камином. Изображенный в полный рост человек в парадном облачении стоял вполоборота, опираясь рукой на постамент маленькой статуи, как бы свидетельствующей о традиционном служении богу в этой семье.

— Это он? — в страхе выдохнула Аллин.

— Думаю, да. И написано в новейшем тормалинском стиле.

Но, на взгляд Казуела, лицу не хватало привлекательности. Пронзительный взгляд и грубые очертания полного рта являли собой некий вызов, однако жизненный реализм этой картины выделял ее среди остальных, меньшего размера портретов на обшитых панелями стенах. Их более старая, лъстивая манера письма казалась в сравнении с ним неуклюжей и шутовской.

— Пришлось заплатить этому малому кучу денег, чтобы приехал в такую даль, но дело того стоило, не правда ли?

Вздрогнув от неожиданности, Казуел повернулся и увидел, как оригинал выходит из двери, спрятанной в нише.

— Кто... — Маг поперхнулся и откашлялся. — Кто художник?

— Его рекомендовал мессир Ден Илмирал.

Тормалинский лорда Армайла был почти безупречен, его портрета только легкая шепелявость, выдающая лескарский акцент его бывшего гувернера. Он с головы до ног осмотрел Аллин, прежде чем поклониться ей с легким недоумением.

— Впечатляющая работа.

Казуел отпил вина, думая в эту минуту, что художник изрядно потрудился, дабы угодить своему заказчику: смягчил резкие морщины вокруг глаз и рта и уменьшил высокомерный нос.

— В устах образованного человека это истинная похвала, — широко улыбнулся лорд Армайл и развернул письмо Казуела.

— Итак, ты пишешь, что хочешь предложить мне выгодную сделку?

Маг улыбнулся в ответ. При всех его манерах и декоре, подражающих тормалинской моде, перед ним по-прежнему был мелкий энсейминский лорд — никакой утонченности и внешних приличий.

— Верно. — Казуел сел. — Я торгую книгами, сочинениями, древними рукописями. Я слышал, у вас прекрасная библиотека.

— От кого?

Казуел заколебался.

— Это имеет значение?

— Я предпочитаю знать, кто обо мне говорит.

Маг не заметил, что улыбка лорда Армайла не затронула его глаз.

— Не помню, как звали того малого, мы просто беседовали на постоялом дворе. — Казуел сделал глоток. — Дело в том, что у меня есть покупатели, интересующиеся различными текстами, и я подумал, может, у вас найдется что-нибудь из того, что я ищу.

— Кто твои клиенты?

— Ученые и антиквары, детали не важны. — Беззаботный тон не слишком ему удался.

— Детали всегда важны. — Лорд Армайл остановился. — Я не желаю ничего продавать. Можете идти.

И он повернулся к потайной двери.

Казуел от изумления даже перестал дышать, а потом неуклюже вскочил.

— Но, сударь, вы не поняли... то есть я готов предложить вам крупную сумму.

— Мне хватает своего дохода.

— Вы могли бы заслужить благодарность могущественных людей, — в отчаянии взмолился Казуел.

Лорд Армайл оглянулся.

— Я сам — могущественный человек, — мягко промолвил он. — И ты не первый шпион, пытающийся хитростью проникнуть в мой дом.

— Я не шпион! — вскричал маг.

— Тогда кто ты? — Лорд Армайл дважды дернул за шнур звонка, и Казуел услышал за дверью шарканье сапог.

— Путешествующий книготорговец, я ведь уже сказал. — Вспышка негодования угасла, и визитера вдруг пробрал озноб.

— Да неужели? Разве ты побывал у кого-нибудь из моих соседей? В конце концов, у них прекрасные библиотеки.

Нет, не побывал, мне бы об этом доложили. Ты пришел именно ко мне, явился прямо с дилижанса из Маркет Харралла, у вас нет с собой даже сумки! Скажи, как поживает лорд Совел?

— Не имею чести знать этого господина, — натянуто ответил Казуел.

— Нисколько не сомневаюсь. Его презренный сын выполняет ныне всю грязную работу.

Армайл хлопнул в ладоши, и два здоровенных лакея в неизменной серой ливрее распахнули дверь. Испуганно пискнув, Аллин вцепилась в рукав Казуела.

— Вы совершаете серьезную ошибку, — гневно выпалил он. — Я не шпион, я — маг.

Армайл поднял руку, и слуги остановились.

— В самом деле? Докажи.

Казуел моргнул и оторвал пальцы девушки от своего рукава.

— Прошу прощения?

— Докажи! — угрожающе повторил Армайл, и последние остатки мужества покинули мага.

Он потер дрожащие ладони, прежде чем сплести янтарные нити силы в густую сеть. Ободренный испуганным шепотом за спиной, Казуел вызвал глубинные ресурсы и бросил силу в фигуру гигантского пса с горящими глазами и пеной, капающей из пасти и шипящей на полу. Аллин зажала руками рот, чтобы не закричать.

Лорд Армайл невозмутимо взирал на фантом.

— Милый фокус.

Казуел сжал губы. Зверь оглушительно залаял, и колдун с удовлетворением увидел, как руки Армайла невольно метнулись к ушам. Аллин стала белой, как плиты пола.

Дабы отвести опасность от своего господина, слуги шагнули к Казуелу, но он повернул зверя к ним. Пес зарычал, переводя взгляд с одного на другого. Лакеи нерешительно переглянулись — ни тому, ни другому не хотелось выяснять на собственной шкуре, насколько реальны эти клыки длиной с палец.

Смех испугал Казуела, но он удержал сплетенный магический образ.

— Я впечатлен. Должен извиниться, но времена нынче беспокойные.

Настороженно косясь на собаку, лорд Армайл прошествовал к буфету, наполнил бокал и передал его Аллин. Девушка выпила залпом.

— Начнем все сначала.

Армайл дал слугам знак удалиться, что они и сделали весьма охотно.

Казуел на мгновение заморозил пса, затем позволил ему расплестись в сгусток пламени, который устремился к потолку и сквозь него. Увидев, что дорогая лепнина не пострадала, лорд Армайл выдавил улыбку.

— Не окажете ли мне честь отужинать со мной?

— Спасибо, с огромным удовольствием.

Колдун разгладил камзол. Это уже больше походило на прием, которого он заслуживал, даже если пришлось получить его с помощью столь вульгарного представления.

— Тогда пройдемте в библиотеку. Посмотрим, что могло бы вас заинтересовать. Сударыня. — Обаятельно улыбаясь, Армайл со всей учтивостью предложил девушке руку.

Казуел кивнул и, расправив плечи, последовал за лордом.

Библиотека располагалась в длинной комнате окнами в сад. Все ее стены были заняты книгами, и даже в простенках между глубокими окнами стояли книжные шкафы.

— Поразительно! — воскликнул Казуел, не скрывая восхищения. — Мне редко доводилось видеть столь богатую частную библиотеку за пределами Тормалина.

— Благодарю. Мой отец был до некоторой степени ученым.

В голосе Армайла завибрировала наглость, которой маг не уловил.

— Пожалуйста, осмотритесь, а я должен сообщить на кухню, что к ужину будут еще двое.

Лорд Армайл ушел через дверь в панелях, и Аллин проводила его недоуменным взглядом.

— Неужто у него нет слуг, чтобы передавать распоряжения?

— Будь умницей, помолчи.

Казуел жадно обыскивал полки с книгами и свитками, сверяясь с выгравированным в памяти списком.

— О да, великолепный экземпляр «Истории» Меннита. Смотри, «Селеримская фармакопея», «Прошлые годы» Тандри. Очень, очень хорошо.

Вскоре он отыскал несколько других текстов разной сохранности и с различными комментариями и сел за столик — проделать быстрые подсчеты. Взглянув через его плечо, Аллин задыхнулась.

— О, я знал, что сделка будет не из дешевых, но у меня есть худшие копии, которые можно продать, — беззаботно заверил ее Казуел. — Да и денег пока хватает. А теперь, пожалуйста, не мешай мне.

Девушка плюхнулась на диван, крутя в пальцах бахрому шали.

Некоторое время спустя лакей в голубой ливрее открыл дверь, и Казуел, вздрогнув, поднял голову.

— Ужин подан. Прошу вас, следуйте за мной.

Маг взглянул в окно и с изумлением увидел сумерки, сгущающиеся над деревьями.

— Да, спасибо. Пойдем, Аллин.

Он сунул записи в карман и поспешил за слугой.

К его удивлению, ужин подали в маленьком салоне с тяжелой старинной мебелью. Очевидно, пристрастие лорда Армайла к современному не достигло этой части дома. Казуел подавил улыбку; доход от продажи книг можно будет с пользой потратить здесь.

— Много интересного нашли?

Лорд Армайл подал знак лакею, и тот начал открывать различные блюда.

Казуел взял себе голубя и хлеба.

— Спасибо, да. Думаю, я смог бы выполнить заказы.

— На кого, говоришь, ты работаешь?

Армайл кивнул второму лакею, который принялся резать толстый кусок говядины. Аллин, наполнив свою тарелку, расслабилась, что порадовало наставника.

— Я помогаю некоторым членам Совета Магов в их исследованиях, — легко ответил он, решив, будто в достаточной мере упрочил свой статус, чтобы добиться более дружеского расположения. — Колдовство — совместное искусство.

— Эти маги интересуются древностями?

— Среди прочего, — выговорил Казуел величественным тоном, невзирая на битком набитый рот.

— Попробуйте пирог с дичью. — Лорд Армайл поднял палец, и лакей быстро наполнил их бокалы. — Как скоро ты возвращаешься в Хадрумал?

— Пока не знаю. — Казуел потянулся за отбивными котлетами. — Мне еще предстоит закончить ряд дел.

— Но ты — свободный агент и сам распоряжаешься своим временем?

— О да, — кивнул сотрапезник, — я сам себе хозяин.

Лорд Армайл широко улыбнулся, но улыбка лишь углубила резкие морщины вокруг рта и придала ему почти зловещий вид. Маг еще больше восхитился талантливым портретистом.

— Так что интересного ты нашел в моей библиотеке? — Армайл откинулся на спинку стула, потягивая вино.

Казуел торопливо проглотил котлету и вытер рот салфеткой.

— Кое-что интересное есть, вот только не знаю, много ли позволят мне купить мои средства.

Лорд Армайл поднял руку.

— Мой дорогой сударь, я бы и не подумал брать твои деньги, раз Совет Магов нуждается в этих книгах для своих исследований.

Казуел вытаращил глаза.

— Как это? То есть я, конечно, ценю вашу щедрость, но...

— Ты сможешь отблагодарить меня маленькой услугой. — Армайл, не улыбаясь, наклонил голову.

— Какой услугой? — забеспокоился маг и посмотрел на рослого лакея, который стоял у двери, скрестив руки на широкой груди.

— Полагаю, ты не знаешь моего соседа, лорда Совела?

Лорд Армайл шелкнул пальцами, и второй лакей налил в рюмки белого бренди.

Для домашнего слуги он тоже необычайно хорошо сложен, запоздало заметил Казуел.

— Видишь ли, у него есть гравийный карьер, который я хочу купить. Я сделал ему честное предложение, но лорд Совел отказался иметь со мной дело. — Армайл пожал плечами. — Ты можешь уговорить его?

— Зачем вам гравийный карьер?

Благодарный за неожиданное вмешательство, маг удивленно посмотрел на Аллин.

— Чтобы удешевить ремонт дорог, моя дорогая, — ответил Армайл и предложил девушке бренди, от которого та, покраснев, отказалась.

— О, у вас превосходные дороги, милорд, — вставил Казуел, рассудив, что немного лести не повредит. — Ваши торговцы и жители должны быть вам очень благодарны.

— Плевать мне на торговцев, я просто хочу быть уверен, что могу передвигать свою Стражу куда и когда мне нужно, — с суровым видом объяснил лорд Армайл. — Я верю в правление твердой рукой.

Казуел заерзал.

— Я, безусловно, поддерживаю власть закона, но, боюсь, не принято магам вмешиваться в местную политику. Мне очень жаль,

— Мне тоже. — Лорд Армайл шелкнул пальцами.

В тот же миг сильные руки схватили Казуела сзади, и тяжелые железные оковы сомкнулись на его запястьях.

— Это насилие! — прошипел несчастный после тщетной борьбы. — Да и как, во имя Сэдрины, я мог бы уговорить лорда Совела на что-нибудь вообще?

Армайл встал и наклонился над Казуелом. Тот испуганно вжался в спинку стула.

— Пригрози сделать его импотентом или принести в жертву его семью, мне все равно. — Голос его был тих и бесконечно угрожающ. — Делай что хочешь, только убеди его, что опасность

отказа перевешивает невыгоду продажи.

Он сделал поворот и низко поклонился Аллин, которая замерла на стуле с недоеденной тарталеткой в руке.

— Подумай, как лучше помочь мне. У тебя есть время до полуночи.

Армайл быстро вышел из комнаты вместе со своими лакеями, и пленники услышали, как ключ повернулся в замке.

— О нет, — захныкала девушка. — Что они с нами сделают?

Казуел закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул, пока не вернул себе власть над мочевым пузырем и прямой кишкой.

— Помолчи, глупая! — рывкнул он на ломаном лескарском.

Аллин испуганно замолкла. В наступившей тишине они услышали тихие голоса за дверью.

— Что будем делать? Мне попробовать окно? — немного погодя спросила девушка, ее голос еще дрожал, но уже не звенел от истерики.

Казуел почувствовал облегчение, видя, что она использует и свой ум, и язык своей матери.

— Думаю, лорду Армайлу необходим урок. Дабы впредь знал, что нельзя командовать магом, как какой-то служанкой, — нетвердо произнес Казуел.

— Но вы не можете колдовать в оковах; все баллады об этом говорят.

Маг выдавил натянутую улыбку.

— Это простонародное мнение; которое мы никогда не считали нужным исправлять. Конечно, маг с воздушными талантами не смог бы работать в наручниках, и тебе лучше не пытаться колдовать, стоя в воде, но я — маг земли.

Он закрыл глаза и сосредоточился. Усики янтарного света затрещали по оковам. Аллин затаила дыхание, но ничего не произошло. Казуел открыл глаза и в страхе посмотрел на свои руки.

— Не надо было вкладывать столько сил в ту проклятую иллюзию, — с горечью пробормотал он.

— Я думала, маги должны уметь исчезать, проходить сквозь стены и все такое...

Возмущение в тоне девушки породило ответную злость, пробившуюся сквозь панику, которая зарождалась в сердце Казуела.

— Я же не мастер Туч! Все, чего я могу коснуться сейчас, — это моя врожденная стихия, — огрызнулся он.

— И что ты можешь с ней сделать? — Аллин нечаянно перешла на «ты». — Можешь вытащить нас отсюда или как-то позвать на помощь? — Она подошла к окну и всмотрелась в темень.

Приступ тошноты сжал горло Казуела, и он с тоской посмотрел на бренди.

— Дай мне немного времени. Скоро я сниму эти оковы, и замок не составит труда, но я не знаю, как нам пройти мимо тех головорезов.

Девушка оглянулась.

— Ты собираешься выполнить то, что он хочет? Думаешь, он сдержит слово?

— Я не могу этого сделать в любом случае, — печально ответил Казуел. — Даже если бы я придумал, чем запугать лорда Совела, когда Совет услышит об этом — а он услышит, — я окажусь в большей беде, чем ты можешь себе представить!

Аллин загремела ставнями.

— Помогите! Помогите! — в отчаянии закричала она, но единственным ответом был смех из-за двери.

— Заткнись, глупая!

— Тогда сделай что-нибудь сам!

Девушка повернулась, и свечи на столе вспыхнули выше головы, когда ее гнев достиг пламени.

Оба смотрели с разинутыми ртами, как магический огонь пожирает свечи, оставляя горячую лужу воска, губящую полированный стол.

— Успокойся, моя дорогая, — нерешительно произнес Казуел, втайне радуясь, что камин не зажжен.

Ноги Аллин подкосились, и она плюхнулась на скамью с мертвым лицом.

Казуел хотел что-то сказать, но захлопнул рот. Поздно: девушка заметила.

— Что? Ты что-то придумал?

— Нет, не совсем. Это не важно. — Маг сжался от страха при мысли довести до конца ту идею, которая только что пришла ему в голову. Было невыносимо думать об унижении.

— Ты придумал. — Аллин встала. — Что?

Казуел мешкал. Лучше уж унижение, чем позор, разве не так?

— Ну, если ты вызовешь мне пламя и мы найдем что-то блестящее, я мог бы позвать на помощь.

Девушка шагнула к столу и одним махом сдвинула в сторону глиняные горшки и тарелки. Немного не рассчитала — блюдо с хлебом слетело на пол и разбилось. Оба затаили дыхание, но никто не вошел.

— Вот. — Аллин вытерла соус с серебряной крышки, прикрывавшей тарелку. — Это подойдет?

— Давай ее сюда и найди свечу. — Казуел глубоко вдохнул. —

Держи ее прямо, вот так. Теперь сосредоточься на фитиле,

очень нежно. Сфокусируй свои мысли и вызови огонек.

Они усталились на свечу, упорно не желавшую загораться.

— Сосредоточься! — с досадой прикрикнул Казуел.

— Я так и делаю!

Поджав губы, Аллин наклонилась ближе. Внезапный сгусток пламени взметнулся вверх, и одна из ее кудряшек исчезла в дыму. Маг закашлялся от чада сгоревших волос.

— Стой! Стой! Вот так. Убавь его, успокойся, у тебя хорошо получается, — торопливо забормотал он.

Аллин выдавила робкую улыбку, и пламя свечи приняло более приемлемые размеры.

Стиснув дрожащие руки, Казуел сфокусировался на отражении. Приток силы испугал его, пока он не вспомнил о тяжелом железе на своих запястьях. С кем же ему связаться? Он отчаянно искал в памяти каких-нибудь магов в этой округе. Сердце екнуло. При той дальности, на которую он был способен сейчас, разумнее всего связаться с Узарой. По крайней мере будет шанс замять эту прискорбную историю, если выложить все напрямую члену Совета.

Крышку залил яркий янтарный свет, и появился образ. Казуел глубоко вдохнул.

— Узара!

Маг с песочными волосами поднял голову от тиглей и с любопытством огляделся.

— Казуел?

Аллин широко раскрыла глаза.

— Он нас не видит?

Казуел не удостоил ее ответом.

— Узара, пожалуйста, мне нужна твоя помощь.

Маг засучил обтрепанные рукава и сделал пасс. Сияние чар потемнело, воздух затрещал от энергии. Теперь Узара смотрел прямо на них.

— Где ты?

— Меня держит лорд Армайл Фриернский, который хочет использовать мою магию в своих целях, — без обиняков сказал Казуел.

— Как это случилось?

— Потом объясню. — Казуел съежился от страха; объяснит, если только не найдет способ избежать этого. — Пожалуйста, будь я один, я бы его не испугался, но со мной девочка, прирожденный маг, которую я везу в Хадрумал. Думаю, она в опасности.

Узара быстро взглянул на Аллин.

— Этот лорд Армайл действительно заточил вас в тюрьму?

— Ну, вроде того, — молвил Казуел.

— В следующий раз пусть он дважды подумает насчет подобных выходов, — зловеще сказал Узара, всматриваясь из зеркала. —

Приготовьтесь бежать.

— Что...

Вопрос Казуела потерялся в сокрушительном грохоте. Внешняя стена вылетела наружу в каскаде камней и оконного стекла.

— Бежим!

Приказ был излишним. Пока маг, стесненный оковами, карабкался через пролом, Аллин задрала юбки выше колен и бежала подобно зайцу, вспугнутому гончими. Выскочив в темноту, она растерянно остановилась, потирая глаза. Из дома и стоящих впереди зданий доносились крики, хлопали двери, лаяли собаки.

— Сюда.

Казуел отчаянно ударил янтарной энергией по садовым воротам. Выбравшись через рваную дыру, они побежали дальше, пока не наткнулись на густой кустарник.

— Подожди, дай мне снять их.

Маг выругался, но через несколько мгновений оковы открылись. Он схватил дрожащую девушку за плечо, когда она остановилась, судорожно дыша.

— Возьми себя в руки. — Он соткал слабый голубой ореол. — Я выведу нас отсюда невидимыми, если не будешь шуметь.

Аллин кивнула в безмолвном ужасе.

— Вернемся в Маркет Харралл, заберем свои вещи и сядем в первый уходящий дилижанс. — Казуел вложил в свой голос больше уверенности, чем чувствовал. — А как только исчезнем из этого округа, отправимся в Хадрумал.

Где ему придется давать объяснения, мрачно подумал он, продвигаясь через мокрые кусты. А все из-за этого Шиввалана.

Инглиз, 6-е постосени

Остаток пути был не богат событиями, и обе луны прибыли до двойного полнолуния, когда мы наконец достигли вершины холмистой гряды и посмотрели вниз на извилистую ленту реки Далаз, спешащей навстречу океану. Город Инглиз, единственный оплот цивилизации, раскинулся вокруг устья на много лиг в любую сторону. Я вдохнула всей грудью и сказала «прощай» бесконечным пастбищам.

— Вот это похоже на мой тип города, Джерис. Что-то тут да произойдет, нутром чую.

Джерис улыбнулся. По дороге, ведущей вдоль реки, мы стали спускаться в город. Было трудно не глазеть, подобно приехавшему прямо с фермы каладрийцу, на огромные плоты бревен, сталкиваемые шестом вниз по течению, и широкие корпуса речных лодок, возвращающихся из лесов и гор Гидесты. С воды доносились пение, пьяные крики и шум драки; у меня все еще

чесались пальцы от сожаления, что нет никакого шанса насладиться одной из знаменитых игр на борту. Вероятно, Дарни прав: лодки — это неприятности, но ведь и наш путь по равнинам не был усыпан розами. Крики с причаливающей лодки испугали лошадей: какого-то человека выбросили за борт, и он, ругаясь, пытался выбраться на крошащиеся бревна причала. По берегам, выше размыва, тянулись верфи, эхо молотков и пил отражалось от холмов, сбегавших к океану. Я чувствовала запах свежего дерева и смолы и парящую над всем этим дикую соленую свежесть. Я прислушалась и смогла различить тихий шепот волн сквозь шум города.

Конечно, я и раньше видела море — пару раз была в Релшазе и на Береге Пряностей между Пеорлом и Греннетом, — но огороженные воды Каладрийского Залива совсем не то, что открытый океан. Я стояла в стременах, когда мы пробирались к восточным докам, где на фоне утреннего неба покачивались высокие мачты далазорских клиперов. Дорога вилась вдоль доков, и мы ненадолго остановились, пока Дарни и Шив обсуждали, что делать дальше. Я их не слушала; я глазела на прибой, разбивающийся о камни мыса, на массивный волнорез, на солнце, сверкающее на более спокойных водах дельты, и на гладкие очертания океанских кораблей. Они выглядели как быстроногие гончие против шпицев, и я подумала о неповоротливых галерах, которые торгуют между Лескарским морем и Алдабреши. Неудивительно, что тормалинцы запрещают далазорским судам проход вокруг Мыса Ветров; пусти их в южные воды, и они затравят кого угодно.

Страшная вонь и грохот цепей разрушили мое восхищение, едва сменился ветер. Закашлявшись, я обернулась и увидела ряд виселиц, украшающих док. Тела в различных стадиях разложения качались на ветру, упрятанные в клетки от прожорливых птиц.

— Что ты знаешь об Инглизе? — Я поехала рядом с Джерисом, глазевшим по сторонам, как фермерша на своей первой ярмарке. — Кто управляет городом?

Джерис покачал головой.

— Я не уверен, я никогда не заезжал так далеко на север. Дарни, вероятно, знает.

Услышав свое имя, агент оглянулся.

— Что ты сказал?

Я повторила вопрос.

— Позже. Сначала поселимся, затем сядем и составим план. У меня здесь есть кое-какие связи.

— Мне нужно знать все за и против, если я возьмусь за ту работу, которую мы обсуждали, — предупредила я его.

— О, этого купца зовут...

Остальные слова Джериса заглушило ржание: я толкнула Рыжего в его лошадей и сердито посмотрела на парня, чтобы заткнулся.

— Не на улице и не так громко, — прошипела я.

Джерис покраснел, и я с трудом сдержалась, чтобы не утешить его; парень должен научиться осторожности или мы все загремим цепями на потеху чайкам — ведь это Ингл¹³.

Вслед за Шивом мы направились по оживленным улицам в центр города. Дома из добротного белого камня, все похожие друг на друга по стилю и возрасту, вымощенные булыжником улицы с водосточными желобами — от этого места так и несло планированием, порядком и деньгами, и вновь сам собой напрашивался вопрос: кто же тут всем заправляет?

— Пошли прочь!

Дарни замахнулся хлыстом, и мы выехали на широкую площадь, а нищие, сидевшие вокруг изящного фонтана, устремились к нам.

Я бросила несколько пенни бедняге со скрученными от детской болезни ногами — такое не подделаешь. И пожалела о своей щедрости, ибо остальные потянулись ко мне.

— Лишняя медь?

Тощий человек воздел непослушные руки к вожжам Джериса. У него были пустые, с зеленым оттенком глаза любителя тахна.

Я дала пинка ему в спину и подняла кинжал, радуясь, что ношу перчатки, когда увидела слизь, стекающую по его лицу.

— Исчезни, пока я тебя не зарезала.

Он был еще не совсем пропащим, если сумел понять угрозу и отойти, пошатываясь.

— Он тебя не коснулся? — обеспокоенно крикнул Шив.

Я покачала головой.

— Не волнуйся.

Однажды я украла кошелек у пристрастившегося к тахну и промучилась три дня с кровавым поносом; больше не совершу такой глупости, чтобы снова не подхватить эту заразу.

Деньги Верховного мага помогли нам снять чистые, полные воздуха комнаты в респектабельной гостинице. Нежась в горячей ванне, я подумала, что могу и привыкнуть к таким удобствам. Дрианон! Как приятно снять кольчугу — мои плечи были убийственны! Стук в дверь спас меня от погружения в сон в ароматной воде.

— Кто там?

— Дарни снял нам кабинет на втором этаже. — Шив просунул голову в щель. — Он пошел искать своих знакомых, так что можешь не торопиться. Спускайся, когда будешь готова.

Я неохотно вылезла из ванны и оделась во все чистое. А когда сообразила, что в такой гостинице непременно долж-

на быть прачка, еще больше воспрянула. Стирать белье в реке — это лучше, чем ничего, но в результате от тебя все равно несет лягушками. Однако, посмотрев на свою грязную одежду из Эдличского кольца, я скривилась. Я сделала все возможное, но понять, что это кровь, по-прежнему не составит труда. Передать же прачке сию одежду означает вызвать толки. Стало быть, придется ее выбросить. Это меня не обрадовало: испорченная куртка из лосиной кожи была любимой в моем гардеробе. Ее нелегко будет заменить. Тут мне в голову пришла другая мысль, и я поспешила в комнату Джериса.

— Здесь должны быть хорошие торговцы пряностями, не правда ли? — Он улыбнулся, когда я вошла.

Джерис разбирал свою коллекцию полированных ящичков и жестяных коробочек, и я поняла: он не успокоится, пока Инглиз не добавит что-то новое к его запасам трав. Наши бивачные костры чуть ли не каждый вечер оживлялись настоями Джериса. Готовя их, он то смешивал какие-то травы, то пробовал, то колдовал над температурой чайника. Джерис щедро делился результатами, но никто из нас не разделял его восторга от чашки странно пахнувшей горячей воды.

— Мне нужно больше медной соли, — нахмурился ученый. — Как ты думаешь, здесь, на севере, она очень дорогая? Если я куплю весом с крону, это ведь не будет стоить слишком много, а?

Я хотела заметить, что даже по ванамским ценам это количество медной соли обошлось бы моей матери в большую часть жалованья за сезон, но передумала — какой смысл? К тому же экскурсия к травнику могла оказаться полезной — глядишь, Инглиз предложит какие-нибудь интересные «специи» и для моих дротинов. Тут я вспомнила, зачем пришла.

— Не отправляй свою боевую одежду прачке. Нам ни к чему привлекать к себе внимание.

— О, я сжег ее ночью, пока стоял на страже, — беспечно ответил Джерис. — Как ты думаешь, здесь можно достать свежие элевые листья?

Он просто взял и сжег ее. Будто мусор. Шелковую рубашку, тунику из дорогого сукна и сшитые на заказ бриджи! Каково же это — иметь привычку к постоянному богатству?

— Пошли, найдем кабинет Дарни.

— Сейчас, только разберусь, что надо купить.

Ожидая, когда он разберется, я молча подпирала косяк. Могло быть и хуже. Нам ничего не стоило оказаться в Релшазе, где свирепствует настояная мания. По-видимому, там можно нажать состояние на одном лишь ящике необычных трав. Даже пара побочных отравлений не охладила общего энтузиазма. Кстати

сказать, я однажды играла по-крупному с одной из жертв, и вам ни за что не убедить меня, будто его смерть была случайной.

— Когда вернемся в Ванам, свожу тебя к моим любимым торговцам. — Джерис взял меня под руку на лестнице. — Один живет сразу за Железным Мостом, он просто выдающийся. Моя мать тоже покупает у него травы. Она тебе понравится.

Он продолжал весело болтать, но я поняла, что придется найти способ мягко вернуть его на землю. Джерис имел того рода стремление вить гнездо, какое редко встретишь за пределами курятника. Мы были слишком разные, во многих отношениях.

Равноденствие мы провели в стане погонщиков — пора было закупать фураж для лошадей, — и Джерис вытащил нас всех из постели, чтобы послушать цепочку рогов, трубящих над покрытыми ином пастбищами. Он стоял, читая вслух отрывки из своего излишне подробного Альманаха, попутно рассуждая о древних истоках этого обряда и закономерностях солнечного цикла. А помоему, это был просто удобный способ узнать, как далеко от нас другие стоянки и в каких основных направлениях, и я могла бы прекрасно их слышать и под теплыми одеялами. Возможно, в один из этих дней я и положу свои волосы на алтарь Дрианон, но отрезать их будет точно не Джерис. Однако у меня еще найдется время над этим подумать, успокоила я себя.

— Последняя дверь направо. — Шив возник у нас за спиной.

Открыв дверь, мы увидели Дарни и незнакомого юношу; они сидели в изумительной комнате, со вкусом отделанной зеленой парчой.

— Это Фремин Алтанисс. — Дарни махнул рукой на незнакомца. Юноша, открыв рот, боязливо посмотрел на нас.

— Подожди. — Я повернулась к Шиву. — Не хотелось бы, чтоб нас подслушали. Здесь это может плохо кончиться. Придумай что-нибудь. Сможешь?

— Конечно.

Яркими голубыми вспышками он начертил в воздухе несколько рун, и тотчас по комнате пролетели искры, а окна и стены на миг засветились.

— Вот теперь другое дело. — Я уселась во главе стола. — Привет, Фремин, кто ты такой?

— Это агент, которому поручено наблюдать за интересующей нас купчихой.

— А сам он не может говорить, Дарни?

— Он отчитывается передо мной.

Бедняга Фремин съезжился, как мышь меж двух кошек, но я не собиралась отступать.

— Дарни, когда надо кромсать людей на кровавые ломти, ты, бесспорно, лучший из всех, кого я видела. Но, поверь, из тех, кого ты видел или еще увидишь, я лучше всех освобождаю людей от их собственности. Мне нужно знать определенные

вещи, которые ты вряд ли оценишь, поэтому я могу спрашивать тебя, а ты — его, если это тебя осчастливит, но думаю, было бы проще, если б я сама задавала вопросы.

Шив хотел что-то сказать, но передумал. Так мы и сидели молча, ожидая, когда Дарни примет решение. Тишина становилась все более напряженной из-за отсутствия внешних шумов.

— Давай. — Агент хмуро кивнул Фремину, и парень снова задышал.

— Итак, насколько хорошо ты знаешь Инглиз? Как давно ты здесь?

— Я поехал вслед за Йенией — это та купчиха, из Релшаза. Сюда мы прибыли в самом конце постлета.

— А раньше ты бывал в Инглизе?

Он покачал головой, и я подавила вздох. Дело обещало быть довольно трудным, и я надеялась на более осведомленные местные источники.

— Так что ты можешь рассказать о городе? Кто думает, что управляет им, и кто на самом деле управляет?

— Всем управляют гильдии торговцев, — уверенно ответил Фремин. — Разные гильдии отвечают за определенные вещи, но их главы договариваются обо всем между собой.

— А есть какой-нибудь совет или избранники для выражения гласа народа?

— Нет. Любой, кто постоянно живет здесь, должен быть членом одной из гильдий, а свое мнение он может выражать через своего мастера. — Помолчав, он прибавил с некоторым сомнением: — Я так думаю.

— Как это работает?

— Точно не знаю. У каждой гильдии своя система.

Я нахмурилась.

— Насколько сильна их власть? Должны же быть люди, желающие работать на себя.

Фремин снова покачал головой. У меня возникло нехорошее предчувствие, что он собирается часто это делать.

— Любого, кто не присоединяется, изгоняют. И потом, есть смысл состоять в гильдии — например, бесплатный фрахт за товарами на юг приносит ощутимую выгоду. Гильдии заботятся и об управлении городом.

— Но ведь есть и такие, кто не желает платить! — возразила я. — Гильдия требует взносов, а это значит меньше прибыли.

— Вовсе нет. Гильдии не берут денег со своих членов. Те платят взносы услугами — уборка улиц, пожарные дружины и прочее.

Кто-то очень тщательно все продумал. Меня осенила идея.

— Насколько эффективны пожарные дружины? И какова реакция на поджог, если это случится?

— Ливак! — возмутился Джерис, поняв, куда я клоню.

— Слушай, это тебе не Ванам, — успокоила я его. — Здесь же почти все построено из камня.

Фремин жалобно засопел.

— Тебя все равно повесят — деньги-то и товары горят.

— Я мог бы вызвать пожар с безопасного расстояния, — заметил Шив. — Ты ищешь варианты, чтобы отвлечь внимание?

Я кивнула.

— Хитрость здесь не в том, чтобы выполнить саму работу, а в том, чтобы впоследствии выйти сухими из воды.

— Сможешь это сделать?

Беспокойство на лице Дарни стало для меня сюрпризом.

— Не уверена, — откровенно призналась я. — Мне нужно узнать намного больше, прежде чем я смогу ответить тебе. Итак, Фремин... или ты предпочитаешь Фрем?

— Лучше Фрем.

Парень малость успокоился, и я улыбнулась ему. Не его вина, что проку от него, как от евнуха в публичном доме.

— А эта купчиха, чем она промышляет?

— Она торгует мехами и тканями. Меха покупает в верховьях, а шерсть — в Далазоре. Она заключила сделку с семьей, которая изготавливает сукно, после чего она отправляет ткань на юг в Тормалин, а также продает звероловам и всем прочим, когда они спускаются с холмов. А еще она ввозит лен и шелка из Тормалина и Алдабреши.

— Богатая?

— Жутко. Молодая — еще нет и тридцати — и очень хорошенькая.

— Что ты знаешь о ее личной жизни?

— Она вдова. Ее муж был из семьи торговцев сукном, он умер от воспаления легких прошлой зимой. Сейчас ее добиваются несколько мужчин, и все они — крупные фигуры в гильдиях.

— Как ты обо всем этом узнал?

— Проследил, где пьют ее слуги, познакомился с ними, ну и поспрашивал, обычное дело. Я сказал, что представляю группу пастухов, которые ищут новые рынки.

Шив, должно быть, видел меня насквозь.

— Что, дело выглядит слишком трудным?

— Сам посуди: мы имеем видную горожанку, которая сможет призвать всяческую помощь, если у нее стряется беда, такая, допустим, как кража ценного ожерелья. Больше того, пятерка влиятельных людей поднимет на ноги весь город, чтобы

посодействовать вдовушке, надеясь подобным образом оказаться меж ее простыней. Как только она обнаружит пропажу, люди начнут задавать вопросы, и, бьюсь об заклад, все будут искать невысокого парня-южанина с голубыми глазами и каштановыми волосами, который слишком много спрашивает и одевается по прошлогодней релшазской моде.

Фремин побелел, и мне стало жаль его, особенно когда я увидела выражение лица Дарни.

— В следующий раз постарайся узнать как можно больше простым наблюдением. Будь нищим, грязным и все такое или, еще лучше, сумасшедшим. Может, люди и вспомнят, что был какой-то полоумный и он якобы нес чушь о голубых кошках, гонящихся за ним повсюду, но они не вспомнят твоего лица.

— Ты так и делаешь? — с любопытством спросил Шив.

Я ухмыльнулась, откинувшись на спинку стула.

— О, у меня есть очень милая роль: я ищу своих пропавших детей. Я утверждаю, что они должны быть где-то поблизости, и люди выкладывают массу полезного, объясняя, почему они не могут быть в этом доме или том. Узнав все что можно, я становлюсь невероятно странной и в конце концов говорю, что один из детей — коза, а другой — поросенок и им от меня не ударить.

— Ты и здесь собираешься это проделать? — Дарни взглянул на меня с сомнением.

— Нет. Я и носа там не покажу до реальной работы. Фрем, окажи мне одну последнюю услугу, а затем отправляйся домой. Встреться сегодня вечером со своими собутыльниками и узнай все что сможешь об этих поклонниках. Особенно я хочу знать, кто проигрывает гонку и не ссорилась ли она с кем-то из них в последнее время. Потрать сколько нужно, скажи всем, что выгодно продал шерсть и завтра едешь домой. Утром первым делом закажи себе каюту до Тормалина и постарайся, чтобы тебя увидели садящимся на корабль. Затей с кем-нибудь драку в доках или что-то в этом роде.

— Я тебе помогу.

Дарни явно хотел успокоить Фремина, но тот, судя по виду, предпочел бы подраться с портовым грузчиком.

— Шив, здесь должны быть маги. Сможешь выяснить, чем они занимаются и как гильдии смотрят на их деятельность? Если ты будешь колдовать, надо бы убедиться, что Стража об этом ничего не узнает.

Он кивнул.

— Сделаю.

— Вот и славно, а я пойду посмотрю, что еще удастся узнать. Мне нужно освоиться с этим местом, прежде чем составлять план.

— Я с тобой. — Джерис встал.

— Одна я буду меньше бросаться в глаза, поверь мне.

Я бы меньше бросалась в глаза с мулом, выкрашенным в зеленый цвет, но мне не хотелось ранить его чувства.

— Это грубый и опасный город, — возразил он.

— Я сумею постоять за себя, — сказала я как можно мягче. — Я давно этим занимаюсь, Джерис.

— Если Фрем возвращается в Хадрумал, надо послать с ним отчет. И мне нужна твоя помощь, — твердо заявил Дарни. — Мы с тобой останемся здесь, чтобы не мозолить людям глаза и помочь Ливак, если позже она будет в нас нуждаться.

Джерис просветлел, а я незаметно сбежала через двор конюшни. Я решила идти пешком. Пару дней назад Дарни снял швы, и, хотя нога еще побаливала, на своих двоих у меня будет больше свободы.

Я дышала тем вольготнее, чем дальше уходила от всей этой компании. Работа по чужим приказам все еще угнетала меня, и было приятно снова ощутить хотя бы иллюзию свободы. В голове вертелась мыслишка вскочить на корабль, но эта кража уже стала для меня слишком заманчивым вызовом. Меня ждет самая трудная работа, за которую я когда-либо бралась, и я едва подавила острое сожаление о Хэлис, Сорграде, Соргрене и Каролейе. Работай я с ними, я бы вошла и вышла с половиной богатства этой дамы, а она об этом даже не узнала бы. Но нет смысла ругаться из-за тухлого яйца.

Я прошла через городок, держа ухо востро во избежание всего, что позволило бы меня запомнить. Невидимка — вот кем я хотела быть. А что, интересная идея. Коль я работаю с магом, я могла бы иметь всевозможные преимущества, недоступные простому стенолазу. Надо расспросить об этом Шива.

Я искала ту или иную часть города, в которой бы не так ощущалась власть гильдий. В большинстве прибрежных городков это были бы доки, но поскольку Инглиз жил за счет торговли, этот район казался самым упорядоченным и жестко контролируемым. Притворяясь торговкой, я бродила с бесцельным видом и разглядывала вывески. Это был интересный город. Разного рода кузнецы имели собственные кварталы — медь, серебро и золото. Рядом обретались гранильщики, ювелиры и продавцы драгоценных камней. Скорняки и дубильщики работали вместе, их мастерские стояли далеко с подветренной стороны от торговцев мануфактурой и портных, чьи склады и лавки составляли большую часть центрального района, вперемешку со всеми остальными промыслами главного города. Здесь были зеленщики, мясники, гончары, плотники, и у всех шла бойкая торговля. Их покупатели — от из-

нуренных мамаш в простых рабочих халатах, волокущих за собой капризных детей, до элегантных дам в струящихся шелках, перед которыми лебезили подобострастные торговцы. Лоточники с подносами безделушек и еды сновали среди толпы.

Труднее было разглядеть карманных воришек и срезателей кошечек. Мне показалось, я вижу одного; я не заметила, как он совершил саму кражу, но он начал уходить от своей жертвы быстрее остальных в толпе. Когда он повернулся ко мне лицом, я увидела переполох крысы в медвежьей яме: хоть собаки еще не гонятся, но все равно убьют. Я украдкой оглядела площадь и отыскивала несколько стражников в легких доспехах, расхаживавших вокруг мастерских и ларьков. Еще кое-что поразило меня. В наши дни вы почти везде найдете одного-двух рационалистов, доказывающих, что поклонение богам бессмысленно в современную эпоху. Везде, но только не в Инглизе. То ли это была политика, то ли просто следствие того, что новые идеи с трудом добираются в такую даль?

Я все шла и шла и наконец наткнулась на конскую ярмарку. Она меня обнадежила: праздничные гирлянды из цветов и фруктов все еще висели кое-где на дверях и валялись в сточных канавах. Если эти люди не так добросовестно относятся к своим обязанностям по уборке улиц, возможно, они смотрят сквозь пальцы и на другие вещи? Здесь я увидела и жреца, действительно раздающего хлеб и мясо; его усыпальница содержалась столь же отменно, как другие, мимо которых я проходила, но это был первый жрец, увиденный мною в Инглизе, без ящика для пожертвований. На другой стороне широкой и пыльной торговой площади стояло несколько гостиниц. «Восходящее Солнце» явно было публичным домом, а «Скрещенные Мечи» могли быть только кабаком и ничем иным. «Орел» сулил больше и не разочаровал меня. Там было море веселья, но никаких пьяных, и в одной стороне шла оживленная игра в руны. Я не стала вмешиваться: никто не захочет непринужденно болтать, играя в азартные игры. У окна стояли столы с досками для Белого Ворона, туда я и направилась. Я люблю играть в Ворона, но ни Дарни, ни Джерис не умели. А после нескольких партий с Шивом я уже могла сказать, что он не слишком азартный игрок, что в общем-то и понятно.

Было свободное место напротив высокого жилистого мужчины с темными курчавыми волосами и смуглой кожей, которую чаще всего встретишь в южном Тормалине. Он сидел, расслабившись, над кубком вина — ни одной заботы на челе. Но я-то видела напряженность в его глазах, когда он окидывал взглядом лошадиных торговцев и каждого проходящего мимо приезжего. Он носил практичный меч и сидел вполоборота, дабы ничто не

помешало ему, если придется спешить. Настороженный, но не хищный, он заинтересовал меня.

— Ждете партнера? — Я указала на доску.

— Если желаете, можем сыграть. — Он выпрямился и поманил подручного.

— Хотите быть Белым Вороном или Лесными Птицами? — Я стала разбирать истертые фигуры.

— Все равно. Вина?

Я кивнула, расставляя на доске деревья и кусты. Посмотрим, насколько он хорош.

— Интересно, — пробормотал он.

Откинувшись на спинку стула, я потягивала вино — превосходное калиферийское красное, — пока мой партнер выбирал, каких птиц выставить на открытое место.

— Только что прибыли в Инглиз? — Он не поднимал головы, расставляя яблочных дроздов и сорок, — вежливый человек заводит вежливый разговор.

— Сегодня утром.

Зачем врать, если в этом нет нужды?

— Спустились по реке? .

Я покачала головой и наклонилась вперед, чтобы изучить его расстановку, прежде чем поставить на доску ворона. Она была обманчивой в своей простоте, и он придержал соек и сов для следующей комбинации. Если я не буду внимательной, мой белый ворон может оказаться единственным, кого выгонят из леса.

— Значит, вы из Тормалина? Что там нового?

Почему он так хочет узнать, откуда я?

— Нет, я ехала через Далазор, по Южному тракту. Я из Энсеймина. А вы?

— С тормалинского побережья, выполняю кое-какие поручения. А здесь уже десять дней. И, возможно, сумею помочь вам, подсказать, где найти хорошую гостиницу, лучших торговцев.

— Это могло бы пригодиться. — Мы прекрасно поняли друг друга.

Мы сыграли несколько туров, и я выгнала его певчих птиц с западного края доски, прежде чем он использовал ястребов, чтобы оттеснить меня обратно.

— От Энсеймина нуть неблизкий, — заметил мой новый знакомый, подливая мне вина. — Что привело вас сюда?

— Ищу новых возможностей, обычное дело.

— Это не тот городок, где приветствуют личную инициативу, если вы меня понимаете.

Он поднял глаза от доски, и я увидела, что его дружеское предупреждение было искренним.

— Мне он кажется хорошо организованным, — заметила я, как бы соглашаясь. — Я слышала, гильдии управляют всеми службами, Стражей и прочим.

— Да, и делают они это очень умело. Стражники — не обычная кучка неудачников со своим человеком в городском совете; гильдии нанимают их из Лескара каждую зиму, когда бои затихают. Им хорошо платят, и они хорошо тренированы. Вокруг Инглиза ходит масса денег, и гильдии заинтересованы в том, чтобы город был безопасным.

— Они регулярно совершают обходы? Хороши ли они в преследовании? Предположим, мою комнату ограбят, что тогда?

— Они патрулируют повсюду от зари до зари. Если негодяя не удастся сразу схватить, то они его выслеживают, и я рад был узнать, что от них нельзя откупиться. С ними также работают маги.

— Довольно основательная компания, судя по виселицам. Всех вешают или здесь есть и тюрьма?

— Есть башня, откуда сбрасывают пьяниц и дебоширов.

— Приятно знать, что ночью гулять по улицам безопасно.

Мы оба выглядели совершенно довольными этой ситуацией. Я выдала себя неловким ходом и едва не наткнулась на скрытую группу сов.

— Я редко встречал Лесных Людей так далеко на востоке. — Он допил вино и откинулся на спинку стула, пока я изучала доску; положение казалось все более сложным.

— О, мы бываем везде.

— Должно быть, это не очень удобно, что вас узнают по вашей медной макушке.

Я невольно усмехнулась.

— О, вы не представляете, что можно сделать с помощью трав! Если потребуется, я могу стать такой же черной и кудрявой, как вы.

Он мило улыбнулся.

— Готов поспорить, вам бы и это пошло. А лучшее, что я могу сделать, — это выбрить голову и отпустить бороду.

Я тотчас представила себе эту картину.

— И часто вы это делаете?

— Время от времени. Меня, как и вас, всегда интересуют новые возможности.

Мы сделали еще по несколько ходов.

— Если нужно красить волосы, то проще всего это делать блондинам. — Он был очень хорош, эта истина действительно прозвучала так, будто только что пришла ему в голову. — Хотя настоящего блондина не так-то часто увидишь.

— Нет. — Я оглядела бар с его обычным разнообразием русских и каштановых голов и бород. — Цвет у той служанки — прямо из тигля алхимика.

— Знаете, вряд ли я когда-либо видел больше двух действительно соломенных голов одновременно. ♦

Небрежный разговор за дружеской игрой, вот и все, не так ли?

— Я встретила кое-кого по дороге, он сказал, что видел целую группу белобрых.

Честный обмен: он сообщил мне важные сведения о Страже. И потом, мне было интересно узнать причину его любопытства.

— О, когда это было?

— За пару дней до Равноденствия, как раз перед Гуртовой дорогой, из сворачивает на юг, к Лескару.

Он изучил доску, внешне поглощенный своим следующим ходом, но бьюсь об заклад, в мыслях он листал календарь.

— Как выглядит скот в этом году? — Он сделал быстрый ход и запер моего ворона.

— Недурно. Все лето шли дожди, трава росла хорошо.

Итак, наши белобрыхые бандиты были не теми, кем он интересовался.

Мы продолжали игру, болтая о всяких пустяках. Это был хороший поединок, и в конце концов я выиграла, что обрадовало меня больше, чем я ожидала.

Тормалинец встал и протянул руку.

— Спасибо за игру и желаю удачи. Инглиз — приятный город, пока вы не привлекаете излишнего внимания. — Он щелкнул пальцем ворона.

Я допила вино и через несколько минут тоже ушла. Найти тюрьму оказалось довольно просто. Осмотрев ее, я направилась в округ, где жила купчиха Йения. Несмотря на то что я сказала остальным, я хотела увидеть его сама. И хорошо, что увидела, ибо мои прогулки по улицам и осторожное изучение крыш навели меня на мысль, что ее роскошный трехэтажный особняк примыкает задом к торговому дому, которым она владеет, расположенному на соседней улице. Я бы поставила все свои благородные деньги на спор, что между ними есть дверь, и отметила ее как возможный путь внутрь или наружу. В голове возникал вполне осуществимый план.

За остаток дня я изучила во всех подробностях дом гильдии ткачей, фермерский рынок и еще два частных особняка и поболтала за игрой в руны еще в двух трактирах. Не знаю, следил кто за мной или нет, но пока было не время и не место рисковать. В гостиницу я вернулась с приятно оттягивающим карман кошельком, когда колокола звонили первый час ночи. Было так утешительно снова слышать их после столь долгого пре-

бывания в глуши; городские колокола означают цивилизацию, горячую воду и приличную еду.

— Вот и ты!

Джерис с трудом скрыл свое облегчение, и меня тронула его забота.

— Я же сказала, все будет хорошо. — Я быстро поцеловала его. — Давай-ка поужинаем, а когда вернутся остальные, займемся планом.

На мои побочные выигрыши мы купили лучшую еду в гостинице, смеялись и флиртовали, приканчивая вино, когда снова появились Фремин и Шив. Казалось совершенно естественным удалиться в наш отдельный кабинет со спиртом и ликерами, но едва дверь за нами закрылась, я приступила к делу.

— Ну, Фрем, что скажешь?

Оказывается, Йения играла своими поклонниками с величайшим искусством, и я порадовалась, что она не играет в руны. Все ее обожатели прямо сторали от любви, были нетерпеливы и твердо убеждены, что отрежут ей волосы для Дрианон в течение года, если не раньше. Она же тем временем заключала контракты, чтобы увеличить свое и без того уже немалое состояние.

А вот такая новость не доставила мне удовольствия. Я не видела, как можно использовать что-либо из этого для наших целей.

— Есть еще кое-что. — Фремин глотнул вина. — У нее неприязни с племянником покойного мужа. Он подал жалобу в гильдию юристов по поводу завещания. Он считает, что его наследство слишком мало, и хочет большей доли в бизнесе.

— У него были доказательства?

Фремин пожал плечами.

— Трудно сказать, но он говорил всем, кто был готов слушать, будто проиграл тяжбу лишь потому, что один из главных судей добивается руки Йении.

Я ухмыльнулась: вот то, на что я надеялась.

— Что ты задумала? — полюбопытствовал Джерис.

— Ничего, потом расскажу. Шив, что ты узнал о магах?

— Они достаточно уважаемы, — нахмурился он, — и справедливо представлены во всех обычных ремеслах, но они должны быть членами гильдии, как любой другой. И должен сказать, они, вероятно, соблюдают двойную лояльность. Благодаря моему авторитету они закроют глаза на то, что мы делаем — никто из них, к примеру, не наведет на нас Стражу, — но вряд ли мы получим какое-либо активное содействие. Любой маг, перешагивающий эту черту, убирается отсюда на первом же суде, не важно, куда оно идет.

— Об этом не беспокойся, — утешила я его. — Главное, чтобы ты мог немного поколдовать и при этом не указывал на себя пальцем.

— А что ты хочешь?

— Если я дам запереть себя Страже, ты сможешь вытащить меня из тюрьмы, а потом снова туда вернуть?

— Да, если будет время изучить здание. — Шив выглядел заинтригованным.

— А сможешь сделать меня невидимой? — Это был важный вопрос.

— Да. Часа на два.

— Отлично. — Я откинулась на спинку стула и улыбнулась. — А теперь, судари мои, можем заняться планом.

На самом-то деле весь план был довольно прост. Мне нужно незаметно войти и выйти, а также подготовить для Стражи убедительный ложный след, чтобы она пустилась по нему без всяких колебаний, когда Йения поднимет шум. А еще нужна защита, вытесанная в камне, на тот случай, если меня вдруг заметят. Фремин сообщил, когда у ее слуг будет следующий выходной, и Дарни с Джерисом провели эти несколько вечеров с целью завязать пьяную дружбу с обиженным племянником. Они ловко настраивали его на изливание своих жалоб еще громче и безрассудней, чем всегда. Я наблюдала эту операцию как-то вечером из тихого уголка. Сия парочка могла бы выступать со своим номером в «Зеркале»; я не ожидала от них подобных талантов, но они были просто великолепны. Пару ночей проследив за племянником, я вполне ознакомилась с его домиком и его простыми замками. Когда у него в дымоходе отыщутся спрятанные драгоценности Йении, Страже будет чем заняться, а мы отчалим как ни в чем не бывало через пару дней после того, как она перестанет обыскивать каждого, покидающего город.

ГЛАВА 5

Состайр Гериод

*«Альманах фермера для Океанского Побережья,
содержащий всесторонние расписания и указания
для всех земледельческих, скотоводческих
и хозяйственных работ»*

**Перечень сезонов, управляемых лунами,
и их примечательные обычаи**

Зимнее Солнцестояние

*Посвящается Полдриюну.
Большая и Малая луны полные.*

*Гидеста: Распродажа белых шкур. Инглизская Морозная
Ярмарка (Выплачивается премия за убитых волков).*

*Далазор: Омельные Ярмарки. Катание на
Проклятие-лошади.*

Тормалин: Монетные налоги. Зимние суды. Ночь Соулсиз.

Постзима

Посвящается Мизаену.

Длится до конца второго новолуния Большой луны.

*Гидеста: Установление Черепа до 20-го дня;
катание на саях после этого.*

Далазор: Клеймение и благословение стад. Покрытие кобыл.

*Тормалин: Венчание девиц первыми цветами. Благотвори-
тельная раздача товаров от патронów.*

Предвесна

Посвящается Халкариону.

Длится до конца второго новолуния Малой луны.

Гидеста: Обряд Шага Дастеннина, когда ломается лед. Инглизская распродажа мехов.

Далазор: Срезание рогов у барашков. Распродажа фуража на Гуртовой дороге.

Тормалин: Украшение плуга, благословение семян. Укрепление дверных колючек.

Весеннее Равноденствие

Посвящается Рэпонину.

Большая луна убывает, Малая прибывает.

Гидеста: Скрепление горных контрактов.

Инглиз. Аптекарская Ярмарка.

Далазор: День Менестреля. Жеребьевка летних прав на воду.

Тормалин: Налоги со стад. Созыв Домов.

Воспевание цветения.

Поствесна

Посвящается Аримелин.

Длится до двойного полнолуния Большой и Малой лун.

Гидеста: Начало речного судоходства. Праздник Гор у Пика Джеррада.

Далазор: Уплата за право перевозки по Эддричской земле. Состязания Ишелвода.

Тормалин: Исполнение государственных повинностей. Благословение кораблей и сетей.

Предлето

Посвящается Острину.

Длится до последней четверти второй Большой луны.

Гидеста: Распродажа шерсти и Рынок Красок.

Инглиз: Праздники доков.

Далазор: Стрижка овец. Выкуривание Короля-Клеца. Украшение Кольца перьями.

Тормалин: Сенокос. Обезды полей. Дни поминовения в усыпальницах.

Летнее Солнцестояние

Посвящается Сэдрину.

Большая луна в новолунии.

Гидеста: Выборы в гильдиях.

Инглиз: Умиротворение Гор.

Далазор: Молочные ярмарки и сырные состязания.

Костры белых ночей.

Тормалин: Летние суды. Уплата земельных налогов.

Выдача пособий от императора.

Постслето

Посвящается Ларазион.

Длится до второго полнолуния Большой луны.

Гидеста: Аптекарские Рынки. Распродажа сукна.

Дни элевого поминовения в усыпальницах.

Далазор: Коронование Камней. Омовение Стад.

Тормалин: Рынок Роз. Ночи Пробуждения в усыпальницах. Заплетание кукурузной косы.

Предосень

Посвящается Дастеннину.

*Длится все новолуние, пока Большая луна
не начнет прибывать.*

Гидеста: Закрытие горного сезона. Рудная десятина Горам.

Далазор: Праздники Стад. Праздники Кузнецов.

Тормалин: Жатва. Продажа Поросят Острина.

Распродажа морской соли.

Осеннее Равноденствие

Посвящается Дрианон.

Большая и Малая полулуны.

Гидеста: Ярмарка металлов и драгоценных камней.

Инглиз: Распродажа каменной соли.

Далазор: Ярмарки скота на Гуртовой дороге.

Звучание Цепочки Рогов.

Тормалин: Сбор налогов на мясо, молоко и шерсть.

Обход границы.

Постосень

Посвящается Талагрину.

Длится до второго полнолуния Малой луны.

*Гидеста: Прием подмастерий в гильдиях. Выплата денег наемным
рабочим по окончании контракта.*

*Далазор: Втыкание Зимнего кола. Распродажа шкур. Ярмарки
орехов.*

*Тормалин: Коронование пшеницы. Праздники Последнего
Теленка. Открытые сборы дров.*

Предзима

Посвящается Мэвелин.

Длится до второго полнолуния Большой луны.

*Гидеста: Свечные аукционы в течение
охотничьего сезона.*

Инглиз: Ледяные гонки.

*Далазор: Сжигание Чучела Хвори. Украшение
деревьев-Часовых.*

*Тормалин: Украшение усыпальниц зелеными ветками. Связывание
веревками дорог.*

Инглиз, 10-е постосени

Настала ночь для нашего маленького предприятия, и мы с Шивом отправились выполнять свою часть работы. Позже Джерис приведет недоумка племянника к нам в гостиницу для дружеской игры в руны. Шив оставил парочку заклятий, дабы никто потом не вспомнил, что видел этого олуха, а я оставила Джерису весьма специфический комплект костей для контроля за игрой. Несколько дней я обучала его своим приемам, и сочетание его ловких пальцев и наивной манеры могло оказаться вполне опустошительным. Я даже невольно замечталась о нашем с ним общем будущем: совместные ночи на уютной перине весьма способствовали таким идеям.

Ночь выдалась прохладная и темная, но улицы освещались факелами у дверей богачей и фонарями в руках наемных фонаришников. Я глотнула можжевелевого ликера, прихваченного из трактира, а затем полила им одежду и волосы. Но совсем немного: какой смысл превращаться потом в невидимку, если все вокруг начнут принюхиваться и удивляться, откуда так несет перегонным кубом? Мы нашли тихую таверну в респектабельном районе, за которым любят присматривать стражники, и я разыграла свое знаменитое представление пьяной слезливой спорщицы. Может, и мне стоит попробоваться на роль к Джудалу? Прошло немного времени, и хозяин таверны послал мальчишку за подмогой.

— Пошли, дорогуша, найдем тебе славное местечко, чтобы как следует поспать.

— Он сказал, что любит меня, он поклялся!

— Конечно, любит.

Стражник вынес меня наружу и затем решительно сопроводил в тюрьму. Судя по акценту, это был лескарец, к тому же ревностный, судя по блестящей нагрудной пластине.

Я не видела Шива, следующего за нами, но дверь камеры недолго оставалась запертой. Невидимый воздушный вихрь подхватил меня, все закружилось, понеслось, и я сразу зажму-

рилась, а когда открыла глаза, то обнаружила, что стою рядом с магом. Не знаю, как только меня не вырвало, но вряд ли Шив поблагодарил бы меня за свои испачканные башмаки.

— Пошли.

Быстро, но стараясь не привлекать внимания, мы направились к дому Йении.

— Я оставил иллюзию, что ты спишь, — прошептал маг.

— Отличная мысль.

Всегда есть нечто такое, что не приходит тебе в голову. Ах, вот бы уговорить Шива поработать со мной и Хэлис, когда все это закончится.

Мы нашли укромный переулок у дома Йении, где ждал Дарни.

— Она вернулась в семь и еще не выходила. Слуги ушли перед самыми сумерками.

Я помрачнела. Мы знали, Йения должна ужинать со своим юристом, и рассчитывали на то, что она никогда не надевает ту цепь с вечерними платьями.

— Ладно, возвращайся и помоги Джерису.

Дарни ушел, а Шив навел на меня свои чары. Странное это было ощущение: я видела себя, но смутно, будто превратилась в тень. Я сняла плащ и бросила на ноги мага. Он вздрогнул, когда плащ стал видим.

— Возвращайся в гостиницу, — прошептала я.

— А если возникнут трудности? Что, если она вообще не собирается выходить? — Он смотрел куда-то мимо моего правого уха.

— Это уже мое дело. Не хватало еще, чтобы кто-то увидел, как ты тут слоняешься.

Маг удалился, а я перешла улицу и спустилась по лесенке в кухонный двор. Ну что это за веселье, когда не нужно караулить, выжидать и держаться теней? Итак, что теперь: войти или нет? В конце концов, я невидимка и знаю, что слуги ушли. Стоит ли рискнуть, если Йения все еще там? И что она делает одна в пустом доме? А может, она вовсе не одна? Но так ли это плохо? Если она набивает цыпленка с красивым лакеем, вряд ли они услышат, как я играю в домашнюю кошку. Я только надеялась, что эта женщина имеет отдельную гардеробную и не хранит свои драгоценности в спальне. Возможно, страстная любовь и заставляет вас думать, что земля кружится, но она не может заставить шкатулки ни с того ни с сего открываться и вещи плыть по воздуху. Все же я решила войти; если это покажется невозможным, я снова выскользну наружу, и будем придумывать что-то другое.

Внизу царил крошечный мрак, но замки открылись довольно быстро. Скользя по гладким плитам, я пробралась в гулкую темноту кухни. Застарелые запахи стирки и выпечки сме-

шивались с запахом горячего металла плиты, дразня мою память: я выросла в подобном месте. Было незаметно, чтобы здесь готовился ужин, — значит, Йения со своим обожателем не собирается есть дома. Уже легче, но что происходит? Мы следили за ней несколько дней, и она была такой же постоянной, как дожди в Алдабреши. Что-то тут неладно, подумалось мне, когда я обогнула длинный выскобленный стол и направилась к двери. Я уже сожалела, что отпустила Шива. Хорошо бы он ждал меня снаружи, а еще лучше — здесь, внутри.

Крадучись, я поднялась по лестнице в богато обставленный холл. По сравнению с ним, даже погруженным во мрак, тот дом, где я выросла, показался мне вдруг кричаще мишурным; Йения или ее покойный муж обладали не только деньгами, но и вкусом. В нишах поблескивали глянцевые вазы, проносимые за окнами фонари бросали скользящие пятна цвета на картины, развешанные по стенам. Сухие цветы в серебряных подставках наполняли воздух ароматом; дом дышал уверенностью, красотой и безмятежностью. По устланной ковром лестнице я проскользнула на второй этаж. Увы, его хозяйка вызывала теперь совсем иные чувства.

Кто бы ни были эти ублюдки, они не проявили никакого милосердия. Ее изящные пальцы с накрашенными ногтями были зверски сломаны, осколки костей белели в разорванной плоти. На когда-то безупречном лице запеклась кровь из прокушенной губы — красноречивое свидетельство ее безмолвной муки, — и слезы превратили модный макияж в жалкую грязь. Ключья блестящих каштановых волос были выдраны с корнем, а оставшиеся слиплись от крови. Синяки на шее перестали темнеть, когда смерть наконец отпустила ее, но было видно, что удавку затягивали несколько раз. На запястьях и лодыжках виднелись следы чужих пальцев, а кровь и бледные пятна на зеленой атласной сорочке сказали мне почему. Чем было изнасилование для этих гадов — частью пытки или наградой? Удар кинжала в глаз закончил ее мучения, но другой глаз, остекленевший и заплывший кровью, смотрел прямо на меня, его яркая голубизна потускнела после смерти. Этот глаз вопрошал: почему это случилось с ней?

Я зажимала руками рот, пока не пришла в себя настолько, чтобы собраться с мыслями. Это был совершенно неожиданный бросок рун. Теперь надо узнать все что можно и убираться отсюда. Я потянулась к порванной сорочке, чтобы прикрыть истерзанную наготу, но вовремя остановилась. Если маги работают со Стражей, как знать, может, удастся выяснить, кто был здесь и зачем. Мне нельзя ни к чему прикасаться.

С усилием оторвав глаза от бедного трупа, я оглядела комнату. Это был кабинет, и грабители обыскали его сверху

донизу. Пол устилали пергаменты — порванные, растоптанные и окровавленные. Я сощурилась, благословляя свое лесное зрение. Это валялись серьезные документы, важные, даже на мой непросвещенный взгляд, торговые соглашения и денежные ведомости. Я снова взглянула на тело; эта зверская работа потребовала времени. Йенини не вставляли кляп, не зажимали рот, не было вокруг губ синяков от чьей-то руки. Столь жестокое нападение должно было вызвать страшный шум. Почему никто не слышал ее криков? Почему Дарни не слышал ее? Я выглянула в окно. Отсюда был виден вход в переулок, где он караулил. Все произошло, когда она одевалась к ужину. Но где была горничная? Как вошли ее мучители?

У одной стены стоял массивный металлический ящик, если не ошибаюсь, привинченный к ней болтами. Крышка была поднята, но как ее открыли, я, хоть убейте, понять не могла: нигде не обнаруживалось никаких ключей. Крутом валялись бумаги и заманчивая кучка мягких кожаных мешочков. Я ничуть не соблазнилась, но что-то выглядело странным. Разгребая вещи кончиком кинжала, я внимательнее посмотрела на содержимое, а затем присела хмурясь. Здесь точно были деньги, несколько монет затерялись между бумагами, но остальные исчезли. Сохранились кое-какие драгоценности в отдельных бархатных обертках, но восхитительные мешочки отполированных драгоценных камней были не тронуты.

Что же это такое? Взломать сейф, чтобы похитить деньги, — много времени на это не требуется. Войти, выйти и сбыть все с рук в ту же ночь — идеальный план в отношении того, что можно быстро перепродать. Зачем оставлять прекрасные драгоценные камни, которые нельзя проследить, и брать легко опознаваемые украшения? Пытка — работа долгая да и рискованная в таком месте, как Инглиз, а главное, зачем вообще пытаться? Если они хотели выбить информацию о ее торговле и имуществе, то оставили груды этой информации, растоптанной под ногами. Да, Йения была крупным игроком в своем деле, но здесь водилась рыба и покрупнее. Что она могла знать такого, что стоило бы этого риска в городе, где срезателям кошельков вытягивают шею за первую же провинность? Все это пахло очень и очень скверно. Я снова заглянула в сундук: поискать цепь или не стоит? Нет, быюсь об заклад, она давно исчезла вместе с убийцами. Меня пробрал озноб: уж не за этим ли они охотились? Не знаю, почему мне в голову пришла такая мысль, не было для нее никакой причины, но меня охватила странная уверенность, что это именно так. Все, хватит, пора смаывать удочки.

Я последний раз заглянула в ящик: может, взять что-нибудь, подбросить племяннику? Нет, пусть он идиот да к

тому же жадный, но он не заслуживает того, чтобы с головой увязнуть в этой трясине. А что-нибудь полезное для нас тут есть? Нет, ничего такого, что стоило бы риска связаться с этим преступлением.

Я шагнула к двери и застыла, услышав внизу тихий шум. Идиотка, да это же просто кошка. А что, если нет? Я посмотрела на свои руки, по-прежнему довольно призрачные, и обругала себя за то, что не прислушивалась к курантам. Сколько еще я могу полагаться на эту удобную маскировку? Медленно перейдя в темный угол, я наклонилась над перилами. Темнота в колодце лестницы была чернильно-черной, но проходящий фонарь бросил в окно луч света, и я увидела, как тень быстро движется под лестницей. Стоя совершенно неподвижно, я наблюдала, как тень расщепилась, и темная фигура бесшумно побежала по коридору к кухне.

С колотящимся сердцем я тихонько поднялась на следующий этаж, осторожно обходя украшения. То, что раньше казалось изящным убранством, теперь стало просто неудобным загромождением. Я остановилась, чтобы успокоить дыхание, и напрягла слух. Ничего не слышно, но радости от этого мало. Все двери вокруг были закрыты, а я не хотела рисковать — скрип петель мог выдать меня, как это ни маловероятно в таком ухоженном доме. Осторожно ступая по полированным половицам, я пошла по коридору. Которая из дверей в конце ведет к черной лестнице? Я прижимала лицо к каждой щели и была вознаграждена легким поцелуем сквозняка в губы. Я мысленно благословила Халкарион, когда ручка двери бесшумно повернулась и я нашла путь для слуг в подвал.

Там не было никакого света вообще. Даже мое лесное зрение не справлялось с этой чернотой, и пришлось нащупывать ногой каждую ступеньку, подавляя страх, что чья-то рука вдруг вынырнет из тьмы, чтобы схватить меня. Сейчас нельзя было трусить, сейчас главное — выбраться отсюда прежде, чем заклятие Шива перестанет действовать. В левой руке я держала наготове кинжал, а правой вела по стене для равновесия. Палец наткнулся на неровность в дереве, и я остановилась. Что бы это могло быть? Не толще лезвия ножа, щель бежала вокруг лепного украшения панели, и, когда я нажала, панель чуть подалась. Я медленно выдохнула. Неужто дверь склада? Место как раз подходящее. Если я выйду отсюда, придется отложить руны на сезон: я израсходовала слишком много везения.

Трясущимися пальцами я провела вокруг панели; где-то должен быть замок или задвижка. Ничего. Проклятие! Я потеряла руки, пока не унялась дрожь, и попробовала снова. На этот раз я нашла кусочек лепнины, он скользнул вбок, открыв малень-

кую дырку. Замок. Задвижка была бы лучше, но я не потеряла ни минуты, взявшись за отмычку, а темная тишина давила со всех сторон.

Готово. Быстрее, чем крыса выбегает из горящего амбара, я прошмыгнула в дверь и снова заперла ее за собой. Затем обернулась посмотреть, где нахожусь. Крыша терялась во мраке, но удалось разглядеть высокие стеллажи, уходящие от меня ровными рядами. Резко пахло свежей краской. Протянув руку, я нащупала успокаивающую гладкость сукна. Я быстро пошла к дальней стороне, где, точно знала, находятся двери. Я только надеялась, что там нет стражников, частных или нанятых гильдией, — еще одна вещь, которую следовало проверить заранее. Слабый запах, смутно напоминающий мокрую псину, подсказал мне, что вокруг меховые запасы, и я всмотрелась в черноту в поисках выхода.

Впереди раздались шаги. Я застыла. Может, почудилось? Нет, вот он опять, щелчок оправленного сталью каблука по плитам. Я повернула в боковой проход и сунула руку в меха; нельзя ли где-нибудь спрятаться? Похоже, нет. А если забраться наверх? Стеллажи на вид прочные, но выдержат ли? Возможно, но пока я взвешивала риск, голова вдруг закружилась. Я поморгала, но голова кружилась все сильнее и сильнее, словно у меня внезапно начался жар. Я шагнула вперед, но не смогла вспомнить, в какую сторону шла. Я повернула обратно, но и это не казалось правильным; ноги у меня подкосились, руки затряслись. Высокие полки мехов нагнулись, скрещиваясь передо мной, давя на меня сверху вниз, доводя до истерики. Запах усилился до тошнотворной, удушающей вони, в груди захрипело. Пол подо мной накренился, я упала на колени. От страха скатиться с него я вцепилась в плитки. Крик нарастал в горле, но где-то в уголке моего бредового ума билась здравая мысль, что кричать нельзя. Я крепко прикусила язык, и сладкая горечь крови заполнила рот. Боль помогла собрать последние крупинцы воли и нырнуть под нижнюю полку мехов.

Лежа на полу, я отчаянно пыталась осмыслить ситуацию и тут увидела пару черных сапог, тихо следующих по проходу мимо меня. Уши уловили слабый шорох трения кожи о кожу, и я замерла, как статуя на усыпальнице. Когда исчез почти неслышный звук шагов, в голове прояснилось, и я стала соображать, в какой стороне дверь.

Вдали замаячил слабый свет. С мучительной осторожностью я поползла туда, но то, что увидела, заставило меня подумать, будто я снова брежу. Следы блестели на камнях, но не каким-то магическим цветом, а слабым лунным свечением, вроде того, что бывает на кораблях. Я тупо смотрела на них и вдруг в невероятном потрясении поняла, что это мои следы, обведенные контуром для того, кто там на меня охотился. Я изогнулась, чтобы прове-

рить подошвы сапог, но на них ничего не было, поэтому не было смысла снимать их.

Я быстро проползла под стеллажами на другую сторону, стараясь не поднимать слишком много шума, но скорость теперь была важнее, чем тишина. Я встала и лихорадочно огляделась. Шаги раздавались в нескольких рядах позади меня, и я поспешила прочь от них, мысленно выругавшись, когда предательские серебряные следы последовали за мной. Я добралась до больших двойных дверей и нашла боковую дверцу. Пыталась отпереть ее, но отмычки скользили в потных руках. Моих абсолютно видимых руках. Я с ужасом осознала, что заклинание Шива исчезло. Шарканье каблучков донеслось из черноты, и нервы натянулись как тетива. Я выдернула засовы главных дверей и толкнула их — лучше уж попасть в лапы к стражникам, чем кончить как Йения.

Крик сзади созвал охотников, и я побежала во весь дух. Улицы были темные и тихие. Эхо моих шагов отражалось от глухих каменных стен складов. Здесь негде было спрятаться, даже если очень захотеть. Я бежала к центру города, и голова прояснялась в холодном ночном воздухе, спасибо Сэдрину. Почему вокруг нет ни одного стражника, когда он так нужен?

Впереди темнел переулок, и я замедлила бег: свернуть в него или нет? Колебание спасло мне жизнь, ибо одетый в черное чело-век выскочил из-за угла и рубанул мечом по тому месту, где должна была находиться моя голова. Я попятилась, выхватив свой меч. Как, во имя Полдриона, они оказались здесь прежде меня?

Убийца направился ко мне. Я отбила удар, от которого заболели руки, и пришлось двигаться очень быстро во избежание дальнейших ударов. Уронив кинжал, я выхватила из-за пояса запасной; он был пропитан ядом, но, чтобы использовать его, придется подойти вплотную к врагу. Спасибо Сэдрину, Дарни согласился потренироваться со мной после того далазорского столкновения. Мне понадобится все мое искусство, если я хочу выбраться отсюда живой.

Он снова пошел на меня с размашистым ударом, который раскроил бы мне череп, если б я не увернулась. Внимательно наблюдая, я поняла, что он обозначает свои движения свободной рукой, — не много, но даже преимущество в несколько вдохов могло спасти меня в эту минуту. Мы бились, двигаясь по кругу, и, когда я увидела, что он снова замахивается, я метнулась к нему и всадила кинжал в подмышечную щель кольчуги. Он выкрикнул в меня какую-то тарабарщину, и я отскочила, чтобы избежать ответного удара. В этом и заключается проблема с ядами: те, что безопасно носить с собой на оружии, не обязательно самые быстродействующие.

Его следующий замах был медленнее, и он облизнул губы, когда яд начал действовать. Рефлексы подвели его, и следующий мой удар пришелся на его колени. Он рухнул, и я широким взмахом отсекла его голову, и она покатила по улице как шар, шлем отделился, и в лунном свете заблестели соломенные волосы. Все было залито кровью, и я выругалась — уж это точно привлечет Стражу.

Сзади послышался сдавленный крик. Еще трое в одинаковых доспехах направлялись прямо ко мне. Попятившись, я поскользнулась в луже крови и опять выругалась. Быстро поскребла подошвой по булыжнику и повернулась, чтобы бежать, но мир вновь ополчился на меня. Вам знакомы сны, когда вы пытаетесь бежать и не можете, как будто стоите по пояс в воде? Я не сделала и нескольких шагов, как те трое уже настигали меня. Я повернулась к ним лицом. Если я умру, то не от меча в спину.

Убийцы приблизились. Один ухмылялся, сверкая зубами, и это меня разозлило. Изрыгая проклятия, я выставила перед собой меч и кинжал. Если глубоко всадить клинок, яда должно хватить еще на одного, и я заберу с собой столько этих ублюдков, сколько смогу. Прижимаясь спиной к стене, я смотрела, как меня окружают, и невольно подумала, во что обойдется сегодня ночью ладья Полдриона.

— Эй, дерьмо вместо мозгов! Не хотите помериться силами с равными? Или кишка тонка?

Трое мужчин вышли из переулка с лязгом выхватываемых мечей. Грубые и грязные, в сапогах, подбитых гвоздями, они выглядели как смерть, мои герои.

Убийцы растерянно застыли, а мой собственный ум пробудился и подстегнул меня. Я ткнула ближайшего кинжалом в шею и, когда он пошатнулся от силы удара, метнулась в образовавшийся промежуток.

— Помочь, дорогуша? — Лидер моих спасителей шагнул ко мне и улыбнулся как бешеный пес сквозь грязную бородину.

Да, это не лескарский герцог, скачущий мне на помощь, но я не собиралась осуждать его гигиену.

Отвечать мне не пришлось. Убийцы в черном ринулись на новую угрозу. Ринулись одновременно, как вышколенные солдаты. Мои случайные союзники не обладали таким совершенством, но компенсировали это свирепостью, рожденной в глубинах рудников. Рубя своими зазубренными мечами, они шаг за шагом оттесняли убийц. Я все еще возилась с тем, кого ранила: требовалось время, чтобы яд подействовал. Наконец глаза мерзавца закатились, он пошатнулся вперед, и я ударила его кинжалом под подбородок. Он плюхнулся на колени у моих ног — от чисто

выбритого лица неуместно пахло фиалкой, — и кровь хлынула из его вялых губ.

Отбросив ногой труп, я пошла подсобить одному из новоявленных приятелей. Теперь нас было четверо против двоих, и убийцы недолго продержались. Один разбросал мозги по стене, когда меч снес ему полчерепа. Другой завершил земной путь более чисто, так как от внезапного понимания неизбежной участи опустил щит и получил меткий удар в горло.

— Пошли, — заторопил нас Бешеный Пес, прежде чем человек у его ног перестал булькать.

Мы бросились в переулок, который привел нас к еще одной улице складов и торговых дворов. Потом были другие улочки и закоулки, а мы все бежали, пока не оказались на тихой улице пансионов.

— Одного спасибо тут явно не хватит, парни, — пылко сказала я, когда мы перешли на беззаботный шаг.

— Нам подумалось, помощь тебе не помешает, цветик.

— Это вы верно подметили. А что вы там делали?

— Вышли прогуляться.

Мужчины переглянулись, и я поняла, что наш хрупкий союз распадается.

— Мне повезло.

Я потянулась за кошельком. Сколько им дать? Да что там мелочиться, пусть берут все. Я отрезала его кинжалом.

— Выпейте за меня и сделайте одолжение — забудьте о нашей встрече.

Бешеный Пес моргнул.

— Ты не обязана... — неуверенно протянул он.

— За твое здоровье! — Один из его компании забрал у меня кошелек и уважительно взвесил в руке.

Мы медленно пошли дальше, пока не миновали стражника, совершающего обход. Темнота скрыла кровь на наших одеждах, но я все равно нервничала, как жеребенок на тренировочном дворе. На следующем углу я оставила горняков и не оглядываясь побежала в гостиницу. Скользнула через двор конюшни, схватив по дороге плащ, оставленный на седле каким-то дураком. Закуталась в него, чтобы спрятать пятна крови, и поднялась по черной лестнице. Кабинет оказался закрытым.

— Открой, — прошипела я, сердито дергая ручку.

Загремели ключи. Дарни распахнул дверь, и я едва не хлопнулась вперед носом. Оттолкнув агента, я ворвалась в комнату.

— У нас тьма-тьмушая проблем...

— Ты знаешь, где он? — Дарни больно вцепился пальцами мне в плечо.

— Кто? — Я сбросила его руку. — Слушай, это важно.

— Нет, ты слушай. — Агент уже готов был впасть в бешенство, и я поняла, что не хочу этого видеть. — Ты знаешь, где Джерис?

— Джерис? — Я тупо вытаращилась на него. — Должен быть здесь, играть в руны с этим, как его, племянником.

— Его нет.

Оглядевшись, я увидела Шива — он стоял на коленях у сундуков, которые мы везли столько лиг, теперь открытых и пустых.

— Нет? — Я никак не могла уразуметь, о чем они говорят.

— По словам трактирщика, он ушел перед самым моим возвращением. — Лицо Дарни окаменело. — Взял трехсезонную работу и ушел с группой светловолосых мужчин.

У меня отвисла челюсть. Закрыв рот, я круто повернулась, хлопнула дверью и бросилась вон из гостиницы; позади остались возмущенный рев Дарни и испуганные взгляды постояльцев.

Я бежала по темным улицам, бормоча первую, по-настоящему искреннюю молитву моей взрослой жизни.

— Прошу тебя, Халкарион, пусть он будет там. Пусть он будет там. — Прислушается ли ко мне Лунная Дева после того, как я уже истратила столько везения сегодня ночью?

— Вам помочь, сударыня?

Еще один из тех лохотных стражников вышел из дверей, предлагая мне дорогу.

Вовремя заметив блеск нагрудника, я остановилась и погладила ладонью кинжал; мои нервы готовы были лопнуть, как донельзя натянутая струна.

— Что? Нет, спасибо... я просто... опаздываю на свидание, — запинаясь, выдавила я, но он только козырнул и посторонился.

Я вынудила себя идти медленнее. Я все еще была в окровавленной одежде, и объясняться со Стражей — это последнее, чего я хотела. Шума никто не поднимал — похоже, убийство еще не обнаружено, но это продлится недолго; слуги скоро вернутся домой.

Конская ярмарка еще бодрствовала; загоны были полны, и гуртовщики из Далазора и Гидесты сидели вокруг костров, пили и горлачили песни без всякого снисхождения к тем, кто хотел бы спать. В ярко освещенном «Орле» было оживленно, и, придерживая руками плащ, чтобы не распахнулся, я с трудом протискивалась сквозь толпу — высматривала темную курчавую голову и длинные конечности.

Наконец я увидела его. Он играл в Белого Ворона с торговцем лошадьми; их тонко сбалансированная игра собрала круг зрителей.

Когда я подошла, тормаLINEC поднял голову, отблеск ламп вспыхнул золотом в его карих глазах, а я вдруг онемела и стояла столбом, не зная, что сказать.

— Что? У бабули опять приступ? Ладно, иду.

Тормалинец встал и тотчас вывел меня наружу, заботливо поддерживая рукой за плечи. Он на полголовы возвышался над толпой, которая расступалась перед нами.

— В чем дело?

Мы остановились за лошадиными загонами, где никто не мог нас подслушать.

— Ты охотишься за светловолосыми людьми. Уже попал на их след?

— Еще нет, — медленно ответил тормалинец. — Почему ты спрашиваешь?

— Один из моих спутников исчез. Кажется, они его похитили.

— Проклятие! — На миг его хладнокровие дало трещину, безумная ярость сверкнула в глазах, рука невольно дернулась к рукояти меча. — Кто ты? И чем занимаешься?

— Я путешествую с магом и агентом Планира. Они собирают артефакты Тормалинской Империи для одного проекта Верховного мага. С нами был ванамский ученый, Джерис. Мы вышли этим вечером, а когда вернулись, он уже ушел, как нам сказали, с группой блондинов.

— Он не мог уйти сам? И почему ты думаешь, что это те люди, которые мне нужны? — Взгляд его был острым, а лицо — бесстрастным. С таким человеком лучше не играть в руны, когда пьешь.

— По дороге сюда на нас напал отряд этих белобрых, а когда я вышла поработать сегодня ночью, на меня напали еще несколько таких же. Это не совпадение. Ты ищешь их, и дело должно быть важным, коль привело тебя так далеко на север.

— Что это была за работа?

Я замерла в нерешительности — мне не хотелось выдавать слишком много и, что казалось мне странным, признаваться в своей роли ручной воровки мага.

— Так мы поможем друг другу или нет? Я не могу сказать больше, пока не получу твое слово.

— Конечно.

Тормалинец кивнул и принес клятву Дастеннину; интересный выбор.

Когда я излагала голые факты этой истории, пробило полночь. Мой знакомый выругался и огляделся. Торговцы гасили свои костры, а трактирщики провожали до дверей засидевшихся посетителей. Я только-только успела.

— Ночью мы мало что сумеем сделать. — Он провел рукой по волосам. — Давай встретимся на рассвете.

Я повернулась, чтобы уйти; в голове уже не осталось никаких мыслей, и энергия, порожденная ночными потре-

сениями, быстро иссякала. Я споткнулась о засохший лошадиный навоз и упала бы, не схвати он меня за руку.

— Ты не ранена?

Он потер кончики пальцев и понюхал — кровь или нет?

— Это не моя, — объяснила я устало. — Просто ночь выдалась свинская, и я совсем без сил.

— Оставайся у меня, если хочешь.

Я помотала головой.

— Не стоит. Дарни начнет разбирать этот город по камешку, если я тоже исчезну.

— Маг?

— Нет, агент. Кстати, будь осторожнее с ним; он не любит принимать чьи-то идеи.

— Может, тебя проводить?

— Нет, спасибо. Сама доберусь.

Тормалинец пошел обратно в «Орел», но вдруг оглянулся.

— Между прочим; как тебя зовут?

Я захлопала глазами. А ведь правда, мы даже не представились друг другу.

— Ливак. Меня зовут Ливак.

— А я Райшед. — Он подмигнул мне и ободряюще улыбнулся. — Увидимся утром.

Большими шагами долговязый тормалинец стремительно пересек конскую ярмарку и потерялся в сутолоке теней. Подняв капюшон, я медленно побрела к себе в гостиницу, стараясь держаться подальше от света. Миновала полночь, теперь Стража будет глядеть в оба. Возможно, мне следовало принять сопровождение Райшеда: двое привлекали бы меньше внимания. Удивительно, что он не настаивал. Уж и не помню, когда в последний раз мужчина ловил меня на слове, если я говорила, что могу постоять за себя. Какое приятное разнообразие.

Дарни почти грыз стол, когда я вернулась.

— Не смей больше так убегать! — в ярости напустился он на меня. — Куда тебя носило?

— Я знаю человека, который может помочь. Он будет здесь утром.

Я оттолкнула агента и пошла к столу, где сидел Шив, свесив голову над чашей вина.

— Шив! — Я совсем забыла о нем; мы должны были встретиться там, у тюрьмы. — Что...

Он оборвал меня усталым жестом.

— Я отпер замки на нескольких камерах и главной двери. В общей суматохе никто не заметит, что тебя нет.

— Спасибо.

И все же мне лучше поостеречься, хотя вряд ли они упомнят всех своих пьяниц.

— Плевать на тюрьму! С кем это ты болтала? — Дарни схватил меня за плечо.

Во мне закипела злость. Я сбросила его руку.

— Отстань, Дарни. Сегодня ночью меня чуть не убили, ты понимаешь это? Откуда, по-твоему, вся эта кровь? Я делала за тебя твою грязную работу, а ты даже не спросил, как мои успехи!

— Когда мне было спрашивать? Я хотел узнать о Джерисе, но ты вылетела отсюда как ошпаренная! Никогда больше так не делай, ты поняла?

— Не приказывай мне, Дарни, я не одна из твоих тупоголовых ищеек. Ты слышал, что я сказала? Меня чуть не убили, так что теперь мы равны. Я больше не работаю ни на тебя, ни на твоего драгоценного Верховного мага.

— Заткнитесь, вы, оба! Это ничем не поможет Джерису!

Шив встал между нами, и я заметила, какой измученный у него вид. Мой гнев утас, остались только страх и бесконечная усталость. Я глотнула вина из чаши мага, но лучше не стало.

— Ты гадал? Не можешь найти его?

— Никаких следов. Я испробовал все, что только мог придумать. — В его голосе проскользнули страх и досада. — Пошли спать. Утро вечера мудренее.

Я кивнула и ушла, не удостоив Дарни даже взглядом. В своей комнате я разделась, свалив в кучу грязную одежду. Бросилась в постель, завернулась в одеяла и почти сразу заснула. Я до крайности беспокоилась о Джерисе и все еще переживала из-за Йении, блондинов и прочего. Но слишком уж много всего случилось за эту ночь. Я так устала, что не могла даже плакать.

ГЛАВА 6

Именно на седьмом году своего правления Немит, последний представитель этой династии, поддался своему самому безрассудному желанию — покорить Гидесту. Год начался скверно, двойное новолуние на Зимнее Солнцестояние — всегда зловещий знак, но Немит поглумился над традиционными обрядами, призванными умиловить Полдриона в такое время, и унизил оспекса, который пришел сделать предсказания на следующий год. С этого момента его отношения с официальным жречеством резко ухудшились.

Уже на празднествах Имперского Солнцестояния пошли слухи, будто на ближайшее Равноденствие императора провозгласят «Безрассудным». Отсрочка в его провозглашении Великими Домами уже была источником большого раздражения для Немита, и его переписка с генералом Паллерасом свидетельствует о том, что он даже подумывал применить военную силу против некоторых наиболее откровенных своих хулителей. В это, кажется, трудно поверить, но, возможно, именно этим объясняется его беспрецедентное решение не распускать войско на период страды и далее на осенний и зимний сезоны. Нечего и говорить, что такой приказ был крайне непопулярен среди солдат и привел к большим волнениям в лагерях, а также к бедному урожаю и нужде в сельских районах, где не хватало стольких рабочих рук. Это, в свою очередь, взвинтило цены на хлеб в городах и привело к растущей тревоге среди городской бедноты. Принцы Великих Домов несколько раз увещевали императора, пока Немит не показал свое неуважение к Ден Ренниону, подав его письма вместо салфеток на одном из своих распутных приемов. С того момента принцы Собрания отказались от всех приглашений в императорский дворец, но Немит принял это за свидетельство их уступки.

К Равноденствию войско страдало от голода в своих лагерях и грозило бунтом. Немит отчаянно искал кампанию, ко-

торая предложила бы солдатам богатые трофеи и удалила бы их с наиболее процветающих земель за пределы Империи. Полагая, что Каладрия и Далазор усмирены, он направил войско на север через Далаз. Легенды о далеких руслах, полных золота, и отвесных скалах, прошитых пластами серебра, не раз повторялись в его письмах к жене — очевидно, это был мощный стимул. Как показывают императорские счета за тот год, к началу кампании он почти обанкротился, и все принцы Великих Домов отказывали ему в кредите в течение полных двух сезонов. Его действительно провозгласили «Безрассудным» на Собрании в Равноденствие — оскорбление, тем более уязвляющее, что он, конечно, никоим образом не мог отплатить им тем же.

Гидестанская кампания с самого начала развивалась неудачно, так как Горные Люди вышли из своих зимних домов в долину Драконова Хребта и дали отпор захватчикам. Их свирепость потрясла крепостянских рекрутов, привыкших к неприветливой службе в Лескаре и Каладрии. Но более решающим оказался тот факт, что число их было гораздо больше, чем ожидалось. Оттолкнув от себя принцев, патронов и жрецов, Немит оставил свою армию без опытных командиров, необходимой разведки, средств быстрой связи и снабжения. Когда потери возросли, главной проблемой стало дезертирство; Немит ужесточил наказания, но это, конечно, только ухудшило дело. Принцы отказались набирать новых рекрутов среди своих арендаторов и открыто укрывали людей, бегущих с собственных земель императора. Спорный вопрос — мог ли Немит спасти в тот момент свое правление, отведя войска обратно за Далаз. Возможно, мог, но события в Энсеймине и Каладрии скоро сделали данный вопрос чисто академическим.

Сьер Д'Изельон, «Немит Безрассудный — год седьмой и последний». *Анналы Империи*

Инглиз, 11-е постосени, утро

Когда я проснулась, уже совсем рассвело. С минуту я лежала, наслаждаясь мягкой постелью, теплом шерстяных одеял, покоем и тишиной, пока не почувствовала, что рядом не хватает Джериса, и хаос вчерашнего дня обрушился на меня с новой силой.

— Ливак? — Тихий голос Шива из-за двери спас меня от слез.

— Я проснулась, входи. — Я потерла заспанное лицо.

Маг вошел с кувшином горячей воды и поставил его на умывальник. Свесив ноги с кровати, я потянулась за последней чистой рубашкой. Не ради скромности — дело близилось к зиме, и по утрам заметно холодало. Что же касается Шива, то его заигрывания мне нечего бояться, не правда ли?

Он открыл ставни, и я нахмурилась.

— Ты выглядишь разбитым. Велел нам поспать — а сам что делал?

— Хотел еще кое-что попробовать, — застенчиво признался он.

— Ты не должен себя изнурять, — строго попеняла я. — О Дрианон, я говорю, как моя мать! Не вынуждай меня делать это снова!

Шив криво улыбнулся.

— Тебя спрашивает какой-то человек. Зовут Райшед. Он сказал, ты знаешь, в чем дело.

Я мигом вскочила с кровати и быстро оделась.

— Где он?

— В кабинете. Дарни организует завтрак.

Бедные кухонные служанки, мысленно посочувствовала я.

Когда я вошла в кабинет, Дарни сосредоточенно жевал хлеб с мясом, совершенно игнорируя Райшеда. А тот сидел с кружечкой пива и казался равнодушным к волнам враждебности, накатывающим с другой стороны стола.

— Райшед, спасибо, что пришел.

Я посмотрела на стол — чем тут можно подкрепиться? Мясо, хлеб, какие-то остатки со вчерашнего вечера, но никакой овсянки. Я взглянула на Дарни и решила обойтись тем, что есть. Взяла тарелку с фруктовым пудингом и налила в кубок вина, щедро разбавив его водой.

— Ну, и каков твой интерес во всем этом? — с вызовом спросил Дарни, оторвавшись от еды.

— Я преследую светловолосых мужчин, которые напали на родственника моего патрона, — спокойно ответил Райшед. — Мы с Ливак встретились несколько дней назад и обменялись кое-какой информацией. Она говорит, эти люди похитили вашего друга.

— Значит, ты из Тормалина? — заинтересовался Шив.

— Из Зьютесселы. Я — присягнувший мессире Д'Олбриоту.

Райшед полез за пазуху и вытащил бронзовый амулет с отчеканенным гербом.

— И что это значит? — спросил маг.

— Мой меч — его, — просто ответил тормалинец. — Я выполняю его волю.

И титул, и само имя, хоть и не знакомое мне, означали старинный род, и если этот Д'Олбриот считается патроном, то он должен быть крупным игроком в хитросплетениях тормалинской политики.

— Ты его знаешь? — Шив вопросительно глянул на Дарни.

— Я о нем слышал, да и носить знак присягнувшего без полномочий — преступление, оно карается виселицей. —

Воинственности у агента заметно поубавилось, он оценивающе посмотрел на Райшеда. — Мессир Д'Олбриот может проследить свой род на три поколения больше, чем император, и нисколько не скрывает этого:

— Что сделали ему эти люди? — Я подлила себе воды.

— Напали на его племянника, когда тот возвращался домой с пира. Парня избили и оставили умирать; теперь он слеп на один глаз и не владеет одной рукой. Его разум тоже пострадал: он впал в детство. — За бесстрастными словами Райшеда на миг показался гнев, и неосознанным движением тормалинец отдернул плащ с рукояти меча.

— Зачем они это сделали?

— Хотели ограбить, насколько мы можем судить. Он носил фамильные кольца — это единственное, что взяли.

Шив и Дарни переглянулись, и это не ускользнуло от внимания Райшеда.

— Мой патрон желает отомстить за его увечья и вернуть свою собственность. Если я догоню их там, где есть надежное правосудие, я уполномочен передать их властям. Если нет, мне приказано убить их самому.

Пусть убивает, мне не жалко, да и кто будет вставать на пути агента тормалинского принца?

— Хочешь справиться с ними в одиночку? — В голосе Дарни слышался сарказм.

— Я здесь не один, и в бою мы довольно оперативны, — уверенно заявил тормалинец. — Но, если требуется, мы обычно нанимаем местную помощь.

— Какой эпохи эти кольца? — спросил Шив.

— Немита Мореплавателя. — Райшед бросил на меня выжидательный взгляд. — Похоже, вы не единственные, кто собирает древности.

Маг жестом утихомирил Дарни.

— Полагаю, Ливак сказала тебе, что мы работаем на Планира? Райшед кивнул. Наступило неловкое молчание — никто не знал, что говорить дальше. Я нарушила его, грохнув тарелкой по столу.

— Ну ладно, теперь мы все знаем, что работаем на действительно важных людей, и ахать будем после. Надо решить, как станем искать Джериса. Что ты знаешь об этих людях, Райшед?

Тормалинец состроил гримасу и потер ладонью небритый подбородок.

— Не много. Они нездешние, то есть самые настоящие чужеземцы, не имеющие сношения к какой-либо из стран Старой Империи.

— Может, солуране? — предположил Дарни.

Райшед покачал головой.

— Я довольно хорошо знаю Солуру. Нет, те люди не похожи ни на кого из этой части света. Насколько я понимаю, они не говорят ни по-солурански, ни на одном из старых провинциальных языков, ни даже на тормалинском.

Вот это странно: все говорят на тормалинском, как и на языке своей матери, разве нет? Поневоле заговоришь, если захочешь торговать или поступить куда-то в учение.

— Как же они общаются с людьми? — На мой взгляд, Шив выглядел более озабоченным, чем вопрос того заслуживал.

— Никак. Я выслеживал их по всему побережью и не видел никого, кто вел бы с ними прямые торговые дела, во всяком случае, из тех, кто еще жив. Они внезапно появляются, делают свое дело и уходят в ту же ночь.

— И что они делают? — Похоже, я уже знала ответ.

— Главным образом крадут тормалинские древности, — подтвердил Райшед. — И даже не дают себе труда скрывать это. Они нападают на кого-то, бьют до бесчувствия или даже пытаются, а потом забирают старинные драгоценности, или меч, или фамильное серебро, в общем, такого рода предметы. Бессмыслица какая-то! То, что они забирают, не стоит подобного насилия. А когда мы бросаемся в погоню, они исчезают, словно дым на ветру.

— А что еще они вытворяют?

Враждебность Дарни убывала, вытесняемая профессиональным интересом.

Райшед наклонился вперед.

— Возможно, вы найдете в этом больше смысла. Они нападают на усыпальницы и убивают жрецов.

Наши озадаченные лица его явно разочаровали.

— Если они приходят и уходят наподобие болотного газа, то как ты оказался здесь раньше них? — спросил Дарни уже совсем по-деловому.

— Они движутся вдоль побережья почти по прямой и нападают только в крупных городах. После Бремилейна им была одна дорога — в Инглиз, и мы подумали, что на сей раз опередим их. Ждем их здесь полсезона, и вот теперь они снова возникли из ниоткуда и похитили вашего ученого. — Райшед не скрывал своего раздражения.

— Это еще не все. Послушайте-ка, что они сделали с Йенией. Наша жизнь не будет стоять и коровьей лепешки, если Стража начнет искать нас.

Отставив бокал, я поведала историю моего ужасного вечера. От одного воспоминания об этом кошмаре меня пробрала дрожь, и завтрак скис у меня в желудке.

— Это совпадение, или они знали, что вы собираетесь ограбить Йению? — задумчиво спросил Райшед.

Дарни побледнел.

— Они могли выпытать это у Джериса.

— Нет, ее убили еще до того, как мы отсюда ушли, я уверена. — Мне не понравилась мысль о Джерисе в руках людей, которые сделали то, что я видела.

— Расскажи мне еще о той дезориентации, — попросил Шив, подняв глаза от каких-то записей.

Я еще раз подробно описала свои ощущения.

— Это была магия?

— Мне ничего подобного не известно. — Шив выглядел определенно обиженным. Он капнул сургуч на сложенный пергамент и припечатал его своим кольцом. — Сейчас вернусь.

Едва маг вышел за дверь, Дарни посмотрел на меня.

— Ты ведь не привыкла к сражениям, не так ли? Вспомни Элдричское кольцо; ты была в ужасном состоянии после боя. Ты уверена, что не поддалась обычному страху? — Его интонация была подчеркнута нейтральной.

Я покачала головой.

— Дарни, я привыкла красться по темным домам. Я не вздрагиваю от теней, и у меня лесное зрение, не забывай. Конечно, я испугалась, но это лишь обострило мой ум.

Повисло молчание. Все сидели, разглядывая свои руки, и я всерьез подумала, не плюнуть ли мне на них и махнуть обратно в Энсеймин. Ярмарку в Коле я пропустила, но если Хэлис в состоянии путешествовать, я могла бы захватить ее и отправиться в Релшаз, где зимует Каролейя. Я вздохнула. Ну как я могу уйти, не зная, что с Джерисом? Это было бы не по-людски. И какой прок от моего невольного раздражения, что он позволил так глупо себя похитить. Чего еще ждать, когда имеешь дело с дилетантами?

Вернулся Шив.

— Я намерен связаться с Планиром, — категорично сказал он. — Верховный должен узнать, что происходит, и мне нужны инструкции.

— Это еще зачем? — встрепенулся Дарни. — Мы могли бы вернуть Джериса уже сегодня к ночи. Эти люди наверняка оставили след.

— Я охочусь за ними с предлета, но до сих пор никого не нашел, — спокойно напомнил Райшед.

— Джерис не глуп и сумеет освободиться, — стоял на

своем Дарни.

— Если бы! — заметила я. — Хозяину показалось, что Джерис охотно шел с этими людьми. Он с кем-нибудь из них говорил, ты не знаешь?

— Нет, но при чем тут это?

— Ну что ты, Дарни, — как можно дружелюбнее упрекнула его я. — Когда это Джерис куда-нибудь шел или что-нибудь делал, не болтая при этом без умолку? Скорее всего он шел не по своей воле, а это означает магию.

— Нам нужны инструкции, и Совет должен знать, что происходит, — гнул свое Шив.

— Мы и сами справимся, — побагровел Дарни.

— Думаю, Ливак права насчет Джериса. Здесь замешана магия, а значит, решать мне, — отрезал Шив с непривычным металлом в голосе и ушел, хлопнув дверью.

Я не собиралась оставаться и ждать, когда Дарни сорвет на мне свою досаду, поэтому тоже встала.

— Мне нужны деньги, Дарни.

— Зачем? — Резкая смена темы сбила его с толку.

— Половина моей одежды залита кровью, а я не хочу давать прачке эту наваристую кость для Стражи. Еще пара боев, и мне придется разгуливать в бальном платье и туфлях.

Агент полез в сумку и бросил на стол горсть монет, бормоча что-то о женщинах и их капризах.

Я сгребла деньги и улыбнулась Райшеду.

— Пошли, — с готовностью поднялся он.

На улицах шла бойкая утренняя торговля. Никто не обращал на нас внимания, я была в обычных юбках, а Райшед в своем домотканом наряде мог, пожалуй, где угодно сойти за местного.

— Информация, — тихо сказала я. — Кто в этом городишке имеет информацию?

— Проверим сначала газеты.

Райшед явно шел по тому же самому следу.

Рамы перед домом гильдии печатников собрали изрядную толпу. Когда мы протиснулись ближе, я поняла почему. Убийство Йенни обещало стать самой крупной новостью за последнее время, и неудивительно, если одним из самых страстных ее поклонников был крупный игрок среди изготовителей газет. Согласно их сообщениям, ее изнасиловали и задушили. То ли автор получил неверные сведения, то ли Стража нарочно скрывала подробности, чтобы вычислить по ним убийцу.

Райшед постучал по абзацу внизу страницы. Стража хотела знать, не сдавал ли кто комнаты группе мужчин, возможно, братьев, с соломенными волосами и бородой. Меня больше встревожило описание четверых мужчин, которых видели в районе

убийства, судя по одежде — горняков или звероловов, один хрупкого телосложения и рыжеволосый. Я надеялась, что моим спасителям хватит ума не распускать язык. Если повезет, они все еще пропивают мои денежки и слишком пьяны, чтобы с кем-нибудь болтать. Но как бы то ни было, похоже, мне лучше на какое-то время обрядиться в юбки.

Мы направились к лавке с мануфактурой, где Райшед купил мне шаль.

— Так кто пишет эти газеты и где он берет информацию? — заправляя волосы под шаль, поинтересовалась я, радуясь теплу в той же степени, что и маскировке. — Мы дадим ему знать, что у нас есть интерес?

— Возможно, он знает больше, чем написал. Гильдии правят этим городом и Стражей.

Пока я закалывала булавку, Райшед обвел площадь праздным, казалось бы, взглядом.

— У них должны быть источники.

— Тогда давай глядеть в оба.

Я разгладила юбки, и мы отправились в длинный поход за покупками. Мне это доставляло удовольствие, пока мы не прошли мимо палатки, торгующей горячими настоями. Даже думать не хотелось о том, что могло случиться с Джерисом. Я заставила себя сосредоточиться и продолжать наш маскарад.

— А что ты думаешь об этой? — Я взяла сорочку, и Райшед взглянул на нее.

— Очень красивая. Если нравится, дорогая, покупай.

В его глазах застыло отчаяние мужчины, которого потащили делать покупки — тем более белье.

— Ну, не знаю. А как насчет той, с вышивкой?

— Какой? — Райшед вернулся из бесцельного разглядывания дали.

— Ты даже не смотришь! — проворчала я.

Купец тактично развернул несколько подштанников, и я с трудом сохранила бесстрастную мину, когда Райшед подмигнул мне.

— Что-то пить хочется. — Тормалинец поднял руку, упредив мое намерение разразиться пространной бранью. — Купи обе и возьми тот янтарный шелк. Я плачу.

Торговец выглядел страшно довольным, и немудрено, учитывая цену на шелк так далеко на севере. К тому же мне шел этот цвет. Райшед расплатился, и мы отправились дальше с еще одним свертком.

— Ну? — спросила я.

— Тебе нужны бриджи, и лучше, если их куплю я.

— А мне что пока делать?

— Сядь, возьми вина и наблюдай за тем музыкантом.

Райшед направил меня к довольно приятной таверне. Я села снаружи, якобы наслаждаться жидким солнечным светом и еще более жидким вином. Разбирая свои пакеты, я внимательно следила за лютнистом. Сидя у подножия монумента, он играл задорные лескарские танцы. Прохожие бросали ему медяки, а двое нищих остановились поболтать. Каждому из них он вручил немного монет. Что это — просто дружеское сотрудничество среди уличных обитателей?

Подошел стражник, чтобы прогнать его, и лютнист встал, протестуя. Они стояли нос к носу и спорили. Странно, но прежде я не замечала, чтобы Стража занималась уличными людьми. Лютнист никому не мешал; фактически он играл довольно хорошо, иначе не смог бы получить работу в таверне. Стражник толкнул его к статуе. Я ничего не углядела, но — готова поставить лучший меч Дарни — он что-то ему передал. Музыкант ушел с площади, и я с досадой завертела головой в поисках Райшеда; мне не хотелось потерять след.

Когда появился тормалинец, я легко вздохнула и бросилась ему навстречу.

— Ты прав, он явно делает что-то для Стражи. Пойдем за ним? — Я оглянулась, чтобы убедиться — музыкант не скрылся из виду.

— Не сейчас. Он никуда не денется, а Стража не должна заметить наш интерес. — Райшед повел меня в противоположную сторону. — Они теперь в полном составе вышли на улицы и сгребают всех подонков. Большинство получают пинки, но некоторые отделяются слишком уж легко и быстро сматываются.

— Значит, мы дадим нашему другу с шустрыми пальцами собрать все, что он сможет, а уж потом зададим ему парочку вопросов? Предложим на выбор: золото и рот на замке или кинжал в темном переулке, если он донесет на нас Страже?

Райшед улыбнулся.

— Думаю, да. Давай отнесем всю эту кучу, а потом найдем Айтена, моего партнера. Надо сообщить ему, что происходит.

Вернувшись в гостиницу, мы сунули головы в кабинет. Шив разговаривал с юношей в кричащей мантии, явным неврастеником.

— Так кто еще мог изучать магию слежения? — раздраженно попытывался Шив.

— Никто, — обиженно доказывал юнец. — Я опросил всех, кого вспомнил, и никто этим не занимается. Я вообще не понимаю, с чего надо было начать, чтобы добиться такого эффекта. Разве что...

— Ладно, забудь. — Шив посмотрел на нас. — Есть новости?

— Увы. — Я покачала головой. — Мы вернемся позже. Где Дарни?

— Вышел. — Взгляд Шива был красноречивее всяких слов. Я указала на его собеседника.

— Что-нибудь узнал?

— Кажется, Стража крепко взялась за магов. Они убеждены, что именно колдовство помогло убийцам добраться до Йении. — Шив вздохнул. — Я побоялся много расспрашивать. Кто-нибудь мог указать на меня Страже, чтобы спасти свою задницу.

— Тогда до вечера.

Я закрыла дверь и обернулась к Райшеду.

— Ну, куда мы теперь?

— В медвежьи ямы. — Он с пристрастием посмотрел на меня. — Ты могла бы не выглядеть столь респектабельной?

Я распустила волосы, небрежно накинула шаль на плечи и распустила ворот сорочки.

— Так сойдет?

Райшед ухмыльнулся.

— Отлично.

Мы не сразу отыскиали его товарища среди кроважадной толпы на звериных потехах. У меня уже вся кожа болела от щипков, когда Райшед наконец махнул кому-то в людском стаде и жестом указал на дверь. Запах крови и крики раненых животных напомнили мне о Йении. Все-таки я никогда не понимала, в чем прелесть собачьей травли.

— Райшед! Рад тебя видеть!

— Ливак, это Айтен.

Среднего роста, среднего сложения, с обычными каштановыми волосами и карими глазами, Айтен был из тех, кого ваш взгляд совершенно не замечает в толпе. Он смотрел на меня с некоторой робостью, поэтому я захлопала ресницами и прикинулась как можно более дешевой.

Райшед засмеялся.

— Не дай себя одурачить, Айт. Она работает с агентами Верховного мага, а когда ей это наскучит, Д'Олбриот очень много потеряет, если не предложит ей работу.

— Итак, что нового? — деловым тоном спросил Айтен, направляясь к перилам ближайшей арены.

С похвальным лаконизмом Райшед ввел его в курс дела, а я тем временем наблюдала, как любители соколиной охоты испытывают своих птиц.

Айтен насупился.

— Здесь никто ничего не вынюхивал. Стража уже приходила и загребла несколько явных буянов, но это скорее

походило на обычное выметание мусора, чем на поиск кого-то конкретного.

— Выходит, эти ублюдки снова возникли из ниоткуда, растерзали ту беднягу, затем вернулись в свою нору и заперли за собой дверь? — У Райшеда окаменело лицо. — Мне это начинает надоедать.

— Попробую что-нибудь выяснить. — Айтен огляделся. — Начну с соколиной охоты, когда откроются турниры. Мне нужны деньги для ставок.

Райшед вручил ему пухлый кошелек. И почему я никогда не имела дел с богатым покровителем? Потому что слишком часто это означает получать приказы от типов вроде Дарни, напомнила я себе.

— Что, заметил хорошую птицу?

— Совсем никчемную, — рассмеялся Айтен. — Однако поразительно, чего только люди не порасскажут вам, забрав ваши монеты!

— Ступай, найдешь нас на закате.

Райшед взял меня под руку, и мы ушли. Не спеша пообедали на денешки Дарни, выбрав самый дорогой ресторан, а остаток дня болтались по улицам. Лениво прогуливались, заглядывали в лавки, ловко обходя расставленные Стражей лесы и крючки с соблазнительной наживкой для любого, у кого есть что им поведать. Кто бы ни управлял этим городом, он явно знал свое дело.

Кабинет Планира Черного, Хадрумал, 11-е постосени, полдень

Калион сложил свои пергаменты в аккуратную стопку.

— Видишь ли, Верховный, если в следующем сезоне будет такой наплыв учеников, то финансовое положение станет нашей головной болью. — Он выпрямился на стуле с видом бойца, готового броситься в сражение.

— Спасибо, что довел это до моего сведения. — Откинувшись на спинку кресла, Планир мило улыбнулся мастеру Очага. — Думаю, стоит проверить счета всех Залов и посмотреть, как далеко зашла сия проблема. Подозреваю, что она касается всех, и если это так, мы должны выработать общий подход.

Верховный маг закрыл бухгалтерские книги на полированном столе и поднялся, чтобы убрать их на полку под высоким стрельчатым окном.

— Предложим это Совету на следующем заседании. А теперь, коль ты доволен обменом учеников, не стану тебя больше задерживать. У меня еще куча дел.

Планир выжидательно посмотрел на Калиона, но тучный маг не сдвинулся с места.

— Есть еще одна тема, которую я считаю необходимым поднять, Верховный. — Тон у Калиона был строгий, даже слегка неодобрительный.

— О? — Планир снова сел, вопросительно приподняв узкие брови.

— Меня тревожит степень фамиллярности, которую ты позволяешь по отношению к себе.

Калион наклонился вперед, для выразительности покачав головой; при этом затряслись его толстые щеки и все подбородки.

— Обращение к тебе Отрика, да и Узары, коли на то пошло, — просто неподобающее!

Планир потянулся за графином, разделявшим их, и налил себе стакан воды, лениво поворачивая его в луче солнца, прорвавшегося вдруг сквозь осенние тучи и залившего золотом каменные башни Хадрумала.

— Отрик — один из старейших магов в Хадрумале и старший мастер Туч, — мягко сказал он. — Если помнишь, он был членом Совета еще тогда, когда мы с тобой, Калион, оба ходили в учениках. Едва ли будет справедливо с моей стороны настаивать на его почтении к моему рангу. Что до Узары, то он был моим первым учеником. Я считаю его не только коллегой, но и другом.

Добродушные оправдания Планира явно притупили резкое неодобрение Калиона, но мастер Очага не отступал.

— Я говорю не только об Узаре и Отрике. Мне сообщили, что на балу в честь Равноденствия в Зале Уэллери ты танцевал с каждой ученицей, оставшейся без кавалера. Подобные вольности умаляют достоинство поста, который ты занимаешь.

— Если говорить откровенно, мастер Очага, в последнее время достоинство моего поста меня беспокоит меньше, нежели его эффективность, — жестко ответил Планир, устремив на Калиона суровый взгляд.

— Одно неотделимо от другого! — с жаром возразил толстяк.

— Я так не думаю.

Планир поднял руку в кольцах, чтобы Калион не перебивал, и отпил воды.

— Недавно в Совете ты привел убедительные доводы за возвращение магов к активному участию в делах материка. Помнится, ты сказал, будто магам нужно стать менее устрашающими и больше быть на виду. Я согласен и невольно поймал себя на мысли, что то же самое можно сказать и о должности Верховного мага. Если меня считают доступным, равным самому зеленому ученику, то за день я узнаю больше, гуляя по Хадрумалу и болтая

в чайных и библиотеках, чем за неделю, читая просьбы и меморандумы из Залов. А я должен быть в курсе всего происходящего, если намерен с наибольшей эффективностью выполнять обязанности, возложенные на меня Советом.

— Это вопрос уважения... — поколебавшись, молвил Калион.

— Уважение следует заслужить, мастер Очага, а не требовать по какому-то праву, — решительно прервал его Верховный маг. — Жизнь на материке меняется, ты сам это сказал, и наши ученики выросли с этими переменами. Мы не можем ожидать, что, сойдя с корабля, они вдруг отступят на три поколения назад. Здесь не какое-то каладрийское поместье, где мне достаточно надеть короткую накидку, чтобы все схватились за ножницы и обрезали свои плащи.

— Но различия ранга необходимы для поддержания авторитета. — Калион заерзал, бессознательно вертя в руках кольцо со своим символом.

— Не забывай, мы занимаем свои посты только с согласия большинства, Калион, пусть и невысказанного, быть может. В любом случае, ты когда-нибудь видел, чтобы я не смог отстоять свой авторитет в Совете или среди более широкого круга магов?

Планир улыбнулся. Вопрос прозвучал довольно мягко, но Калион покраснел и, не найдя ответа, потупился. Верховный маг взглянул в окно на уходящие к гавани крыши. На лицо легла еле заметная тень печали. Он встал и, скрестив руки, посмотрел сверху вниз на Калиона.

— Ты знаешь пословицу: к собаке, что лает один раз, прислушиваются, а ту, что лает всю ночь, бьют? Не бойся, Калион, я использую свою власть, когда нужно будет, но ты знаешь не хуже меня: Верховные маги со склонностью к тирании оказываются просто-напросто всеми обойденными и забытыми.

В дверь вежливо постучали, и Калион с облегчением обернулся на стук.

— Вероятно, это Узара за консультацией по своим исследованиям. — Планир слегка наклонил голову. — Ты должен нас извинить.

— Конечно, Верховный.

Калион смел документы в папку с красивым тисненым узором, встал и резким жестом разгладил складки своей малиновой мантии.

— Мастер Очага. — Узара вежливо поклонился, пропустив Калиона, когда Верховный маг открыл дверь.

— Входи. — Планир вернулся к столу.

— Я виделся с Шаннет... — затворяя дверь, нетерпеливо произнес Узара, но Верховный маг хмуро оборвал его.

— Погоди, Зар. Скажи, ты знаешь, кто нынче кормит Калиона слухами из Зала Уэллери?

Узара покачал головой.

— Нет. Хочешь, чтобы я поспрашивал?

Планир кивнул.

— Осторожно, конечно. Так что сказала Шаннет?

— Прежде всего она сама попробовала отыскать Джериса, а потом с Отриком — он усилил заклинание. Им повезло не больше, чем нам. — Узара вздохнул.

— Проклятие! — Верховный маг не скрывал гнева. — Она хочет попробовать со мной? Я как раз закончил с Калионом и его несчастной арифметикой. — Он стащил парадное платье и надел поверх рубашки удобный шерстяной камзол.

— Нет, она говорит, привлеки мы даже половину Совета, все равно не будет толку. Шаннет думает, что его как-то экранируют. — Узара досадливо провел рукой по редеющим волосам.

— Что ж, она эксперт, ей лучше знать. Выходит, мы снова столкнулись с эфирной магией. — Верховный маг сжал губы в зловещую линию.

— Боюсь, она права, — согласился Узара.

— Так где мы найдем решение, Зар? — Планир повернулся к книжному шкафу и вытащил несколько томов.

— Отрик пошел в Архив. — Узара взял у Верховного мага тяжелый манускрипт в зеленом кожаном переплете и положил на стол. — Шаннет сказала, что уже сталкивалась однажды с чем-то подобным.

Планир замер с открытой книгой в руках.

— Когда?

— Ты слышал о маге по имени Азазир? — Узара порывлся в карманах испачканных чернилами штанов из буйволиной кожи и сверился с небрежно нацарапанной запиской.

— Да, — медленно ответил Планир. — А что?

— Как сказала Шаннет, он утверждает, будто открыл острова далеко в океане, в сотнях лиг к востоку. Ученик Азазира, Вилтред, был ее другом, и они решили увидеть своими глазами эти острова — убедиться, что Азазир говорит правду. — Узара поднял голову. — Шаннет уверена, точно такой же экран, какой скрывает сейчас Джериса, прятал те острова от нее и Вилтрета все эти годы.

— Она...

Верховный маг недоговорил, ибо дверь вдруг распахнулась и появился Отрик. Тяжело дыша, старик привалился к косяку. Лицо его было таким же белым, как его рубашка.

— Пора ввести обычай, чтобы маги жили на уровне земли, а не карабкались по всем этим чудовищным лестницам! —

Старый маг рухнул в кресло и достал из кармана плаща жевательный листок.

— Ты нашел дневник? — Узара подал Отрику стакан воды.

Старик молча вытащил из-за пазухи небольшой томик.

— Вот. Не говорите архивариусу, что это я его свистнул.

Планир взял книгу и начал быстро листать пожелтевшие страницы, щурясь над мелким почерком.

— Вот это интересно в свете последних известий от Шива. — Верховный маг задумчиво взглянул на Узару. — Слушайте: «Стены замка охранялись часовыми в черных одеяниях, и было очевидно, что наш хозяин имеет постоянный многочисленный вооруженный отряд. Когда я попробовал выйти за пределы укреплений, мне преградили дорогу без слова объяснения или извинения». — Планир перевернул страницу. — И вот еще: «Грапеза была весьма скромной, и мы чувствовали себя неловко из-за упорных взглядов и перешептывания с нижних столов. Могу лишь предположить, что причиной столь необычного внимания стал темный цвет наших волос и кожи. Население здесь все поголовно светловолосое и белокожее».

— Я сказал Шаннет, что Джериса похитили блондины, и это напомнило ей о Вилтредде и рассказах Азазира, — кивнул Узара.

— Выходит, эти люди оттуда? — Глаза у Отрика снова заблестели и щеки порозовели. — С островов за краем карты? Ну, знаете ли, им понадобится магия, чтобы пересечь океан.

— И, похоже, она у них есть. Вспомни, что говорил Шиву тот присягнувший тормалинец. — Планир углубился в свои мысли. — Надо как можно больше разузнать об этих островах и этих людях. Удобнее всего это сделать Шиву и Дарни.

— А как быть с Джерисом? — Узара, просматривавший книгу, поднял глаза.

Верховный маг продолжал листать страницы старого дневника.

— Вероятно, придется смириться с тем, что Джерис погиб, — сказал он наконец. — Эфирная магия больше не является некой древней диковиной, если неизвестные люди с ее помощью пересекают океан и напускают чары, которые мы не можем обнаружить и которым не можем противостоять; если они посылают агентов, чтобы грабить и убивать, какие бы ни были тому причины. Сейчас на кон поставлено больше, чем один ученый из Ванама. Подумайте о последней теории Налдета, об Имперских Хрониках, которые он изучает.

— Шив не захочет бросить Джериса, — хмуро предупредил Отрик, от беспокойства еще больше углубились его морщины. — И я бы не захотел на его месте.

Верховный маг пожал плечами.

— Кто говорит, что они бросают парня? Где лучше искать след, как не на этих загадочных островах?

— Ты правда в это веришь? — с сомнением промолвил Узара.

— Во что я верю — не имеет значения, если я сумею убедить Шива. — Планир захлопнул томик. — Коль Азазир однажды нашел эти острова, то Шиву хватит способностей сделать это снова, когда Азазир поделится с ним тем, что знает.

— И как же этого добиться, — с сарказмом спросил Отрик, — если никто не слышал об Азазире больше поколения?

— Позволю себе не согласиться, мастер Туч. — Слабая улыбка осветила мрачное лицо Планира. — Я слежу за старым безумцем с тех пор, как получил кольцо Верховного мага. Я сумею направить Шива к нему.

— А если Азазир не станет помогать? — подал голос Узара. — Ты же знаешь его репутацию. — Он замолчал, пальцем застолбив то место на тонком пергаменте, где прервал чтение.

— Мы взнуздаем этого коня, когда нужно будет. — Планир внезапно засмеялся. — И если понадобится, я воспользуюсь своей властью. Тогда будет Калиону о чем задуматься.

Инглиз, 11-е постосени, вечер

К заходу солнца я знала все улицы и закоулки Инглиза не хуже родного Ванама. Это может пригодиться, если когда-нибудь мне подвернется вдруг дельце, в котором выгода перевесит опасность; но мы не нашли никаких следов ни Джериса, ни его таинственных похитителей. Усталые, вернулись в гостиницу и еще на лестнице услышали с другого конца коридора громкие голоса Дарни и Шива. Они о чем-то яростно спорили. Я бросилась к кабинету и распахнула дверь.

— Вы что, хотите, чтобы весь город вас услышал? Собаки и те грызутся тише!

Дарни и Шив стояли по разные стороны стола, свирепо глядя друг на друга. Разом повернувшись, они злобно уставились на меня, но по крайней мере я вынудила их заткнуться.

— Чего вы так разорались?

— Мы получили инструкции Верховного мага. — Шив побелел от гнева.

— Я с ними не согласен, — тяжело дыша, вымолвил побагровевший Дарни.

— Ты не должен соглашаться, ты обязан подчиняться, — отрезал маг.

Никогда бы не поверила, что он может говорить таким ледяным тоном.

— И что мы должны делать? — Я села и налила всем вина.

После напряженного молчания полемисты тоже сели.

— Планир хочет, чтобы мы отправились на поиски сумасшедшего старого мага, который давно, поди, сдох в какой-нибудь канаве, — с отвращением сказал Дарни.

— Шив?

— Планир слышал его рассказы о племени светловолосых людей. Этот маг, Азазир, утверждал, что пересек океан и открыл неизвестную землю пару поколений назад. Вроде бы там они и живут.

— Это немного туманно, Шив, — с сомнением протянула я.

— Это еще не все. У Планира есть секретные Имперские Хроники, относящиеся к царствованию Немита Безрассудного. Они тоже упоминают белокурую расу, и, насколько Планир может судить, эти чужеземцы применили магию, чтобы свалить Империю. Они обладают способностями, о которых мы не знаем.

Я поехала, несмотря на тепло в комнате.

— Тормалинская Империя рухнула, потому что стала чересчур огромной. Слишком трудно стало ею управлять. Вот в чем причина, а не в магии, все это знают. — Дарни снова вскочил и агрессивно наклонился через стол к Шиву.

— Так что Планир хочет от вас? — вмешался Райшед, заслужив благодарный взгляд мага.

— Если мы найдем Азазира, он расскажет нам, откуда взялись те люди. И если нам удастся добраться туда, мы сможем узнать, кто они такие и чего хотят.

— Все это маловероятно, — осторожно заметила я. — И потом, как же Джерис? Мы отыскиали здесь кое-какие ниточки, так ведь, Райшед? Их надо размотать до конца.

Тормалинец медленно кивнул.

— Так, но в других местах у меня были зацепки и получше, и они никуда не привели. Если этот маг сможет указать их берлогу, нам лучше обрушиться прямо на того, кто отдает приказы.

— Азазир не мог указать на свой собственный нос, не ткнув себя пальцем в глаз! — Дарни почти кричал. — Ты слышал те же истории, что и я, Шив. Это сумасшедший старый ублюдок, его следовало казнить в тот последний раз, когда он разругался с Советом. Главное, о нем уже много лет ни слуху ни духу. Гниет, поди, где-нибудь в глуши, туда ему и дорога!

Мы с Райшедом неуверенно переглянулись. Магов казнят Верховный маг и Совет? Никогда об этом не слышала.

— И как же ты намерен искать его? — не унимался Дарни.

— Планир установил район, где стихии перекошены; масса воды сконцентрирована таким образом, что это может означать только магию. Об Азазире слышали последний раз в районе Гидесты. Я маг воды; когда мы подедем ближе, я сумею проследить его влияние обратно к источнику.

Это звучало неубедительно даже для моего невежественного уха.

— Но где гарантии? В любом случае ты можешь просто найти какие-то долгосрочные заклятия и его кости. Ладно,

допустим, он еще жив. С какой стати он будет говорить с тобой? Ты собираешься признаться, что работаешь на Планира, не так ли? «Прошу, помоги мне, потому что я работаю на Верховного мага, который угрожал похоронить тебя, если ты еще раз подойдешь ближе чем на десять лиг к какой-нибудь деревне?» — Дарни снова орал во всю мочь.

— А как же Джерис, Шив? — спросила я, не на шутку встревоженная таким поворотом событий. — Они уже опережают нас на сутки, а если мы куда-то уедем, то к нашему возвращению след совсем простынет.

— Планир искал Джериса сам и привлек половину Совета, чтобы усилить заклинание. Если они не нашли его, его никто не найдет. — Шив страдальчески сморщился.

— Значит, самое верное дело — направиться к тому, кто отдает приказы, — невозмутимо заключил Райшед. — Разыщем его и получим больше шансов найти вашего друга.

— Тебя не спрашивали! — Дарни не отводил глаз от мага. — Ты не можешь так поступить, Шив. Мы должны начать поиски Джериса, и немедленно!

— Я не могу не подчиниться Верховному магу, и ты тоже подчинишься, если еще не лишился разума. — Шив уже едва сдерживался. — Я выезжаю на рассвете. Райшед, Верховный маг был бы очень признателен, если б ты присоединился к нам. Ливак, твое обязательство аннулировано, но если ты не против, я бы хотел, чтоб ты поехала с нами.

— Она нужна мне здесь, чтобы найти Джериса! — закричал Дарни.

Шив открыл рот, но говорить ничего не стал, а быстро вышел из комнаты, в сердцах хлопнув дверью.

— Я еще не все сказал! — Дарни бросился за ним.

Дверь снова грохнула, и я подумала, что она сорвется с петель.

— Дискуссия в понимании Дарни — это все громче и громче заявлять о том, что он думает, пока остальные не сдадутся, — объяснила я Райшеду, подливая вина.

— Я таких встречал, — спокойно ответил тормалинец. — Так что ты собираешься делать?

— А ты?

— Мы с Айтеном, без сомнения, едем с Шивом. Возможно, это слабый след, но это лучшее, что у нас было за два сезона.

— Ты не думаешь, что мы могли бы найти ниточку к Джерису? Я не хочу бросать его так.

— Если здесь можно что-то узнать, Стража это узнает. Пятеро влиятельнейших людей в городе дышат им в затылок из-за Йении, не забывай. Если эту банду можно найти, Стра-

жа сделает это так же быстро, как сделали бы мы, и сами найдут Джериса.

— Ты не очень-то в это веришь.

— Нет, — откровенно признался Райшед. — Я начинаю думать, не использовали ли они магию задолго до этого. Ну ты же сама, Ливак, видела, на что они способны. Они могли сразу убить Джериса. А если не убили, то лишь потому, что им от него что-то нужно, а раз так, то его скорее всего доставят к главарю. Ну, сама посуди.

Я вздохнула. Чувства велели мне присоединиться к агенту и перевернуть этот город вверх дном, пока Джерис не отыщется, но здравый смысл говорил — Шив и Райшед правы. Когда дошло до трудного выбора, я вдруг поняла, что доверяю Шиву больше, чем Дарни, хоть он и маг.

— Думаю, мне лучше идти с вами, — недовольно произнесла я.

— Я рад. — Тормалинец встал и как бы в утешение тронул меня за плечо. — Увидимся позже. Я должен сообщить Айту, что мы делаем, и приготовиться к отъезду.

Я проводила его взглядом, а затем облегчила душу, швыряя чашки в стену: почему только Шиву и Дарни должно быть позволено выходить из себя?

Остаток дня я провела в бестолковой суете, пытаюсь напасть на след Джериса вокруг гостиницы, но не добилась ровным счетом ничего. Наконец я пошла скоротать одинокую ночь в своей холодной постели, снова и снова перебирая в уме свой жалкий выбор, пока не заснула, измученная.

Мы окунулись в холодную сырость осеннего утра. Дарни нигде не было видно, и когда мы с Шивом седлали лошадей, я поняла, что не хватает двух лошадей Джериса.

— Где гнедые? — Я с беспокойством оглядела конюшню.

— Дарни о них договаривается. Если нужно, он наймет конюха, чтобы отвести их в Ванам, — объяснил Шив.

Выражение его лица не располагало к дальнейшим расспросам, и я снова повернулась к Рыжему подтянуть подпругу. Глупо, но у меня словно гора с плеч свалилась: не придется выставлять себя на посмеище, настаивая, чтобы о любимых лошадях Джериса позаботились, — и в то же самое время я злилась на Дарни за то, что он взял это дело в свои руки.

Гостиница «Ликорн», Инглиз, 15-е постосени

— Ну, это больше похоже на гостиницу.

Казуел стянул перчатки и с удовольствием оглядел опрятную комнату. Открыл оконную створку, глубоко вдохнул соленый воздух и улыбнулся, окидывая взглядом правильные ряды домов и крыш. Пятый бой курантов как раз затихал вдали.

— Приятно снова вернуться на восток. Знаешь, этот белый камень напоминает мне дом.

Он повернулся с сияющим лицом, но при виде Аллин нахмурился. Девушка скорбно топталась у дверей, сопя в грязный носовой платок.

— Зачем мы сюда приехали? — роптала она. — Я хочу в Хадрумал. Я не думала, что меня потащат через весь Лескар в грязной карете. Почему ты не отвез меня к моему дяде? Мы проезжали соседнюю деревню, и все выглядело совершенно мирным. Теперь до самой весны не будет сражений. Я даже не знаю, хочу ли я еще быть магом.

— Это не вопрос выбора, — отрезал Казуел. Этот разговор начинал ему надоедать. — Скоро мы поедem в Хадрумал.

И я наконец сбдуду ее с рук долой, мысленно добавил он, а вслух сказал:

— Не думаешь же ты, что я стану тратить время на то, чтобы забрать тебя из какой-то грязной деревушки в Лескаре. Что, если бы меня сегодня вызвали?

Аллин захныкала в платок.

— Почему бы тебе не отдохнуть? — в отчаянии предложил Казуел. — Я прикажу горничной принести настой от простуды.

Девушка громко шмыгнула носом и удалилась в смежную спальню. Казуел с облегчением вздохнул. Быстро установил свечу и зеркало и вызвал Узару.

— Ты уже в Инглизе? — без предисловий спросил маг с песочными волосами, посылая свою магическую силу обратно по заклинанию, чтобы упрочить связь.

— Разумеется, — возмутился Казуел, — хотя совсем не понимаю, зачем мы проделали весь этот путь...

— Поверь, Казуел, будь у меня другой выбор, я бы тебя не послал, — твердо заверил его Узара.

Приняв это за извинение, Казуел немного смягчился.

— Ну хорошо, так чего ты от меня хочешь?

Узара потер глаза и зевнул. Казуел удивился. Почему он такой усталый? Если здесь полдень, значит, в Хадрумале середина утра, не так ли? Уж не пристрастился ли он к ночным попойкам с друзьями, подобными Отрику?

Узара щелкнул пальцами над чашкой и, когда над ней поднялся пар, сделал глоток, слегка морщась.

— В этом городе совершено убийство видного купца, точнее, купчихи по имени Йения. Я хочу, чтобы ты связался с местными магами и узнал последние новости. Только, ради Сэдрина, будь осторожен, атмосфера там теперь накалена.

Казуел нахмурился.

— Прости, но ведь есть магические приемы, которые ты мог бы использовать...

— *А ты не думаешь, что мы пытались?* — с досадой перебил его Узара. — *Нет, глаза в переулке — вот что нам нужно сейчас. Постарайся, Казуел, и используй наконец свой проклятый такт.*

— Неужели у тебя нет сыскных агентов для подобных дел? — возразил Казуел. — Тебе не кажется, что это несколько унижает достоинство мага? — добавил он с неприязнью.

Зеркало вспыхнуло ярким золотом и снова потемнело.

— *Может, перестанешь спорить и просто сделаешь, о чем тебя просят, Казуел?* — Тон Узары стал жестче. — *Думаю, ты мне кое-чем обязан после того провала в Фриерне. Но если предпочитаешь, могу обсудить это сначала с Планиром.*

Казуелу захотелось, чтобы янтарный оттенок заклинания скрыл его внезапный румянец.

— Прости. Конечно, мы, маги, должны помогать друг другу. Я буду рад помочь.

Заклинание замерцало, и первых слов Узары Казуел не расслышал.

— *И еще одно, — продолжал маг земли. — Мы ищем группу, возможно, две группы светловолосых мужчин, по горсти человек в каждой, ниже среднего роста и не похожих ни на кого из Старой Империи. Постращивай среди магов, но не привлекай к себе внимания, а главное, будь осторожен. Я не шучу, Казуел; ты же не хочешь, чтобы эти люди охотились за тобой?*

— Ну, если это немного опасно, может, я найду здесь мага, который позаботится об Аллин, пока ее не удастся отправить в Хадрумал? — с плохо скрываемой надеждой спросил Казуел.

— *Нет, так не годится, учитывая обстоятельства, — загадочно ответил Узара. — В любом случае ты ее нашел, ты за нее отвечаешь — тебе известны правила. Так что действуй и свяжись со мной завтра; желательно после того, как я позавтракаю.*

Узара разорвал связь, и от такой внезапности Казуелу обожгло руки. Он зло уставился на пустое зеркало, а затем достал из сумки письменные принадлежности. Не может же он таскаться по городу с шапкой в руке, прося о встрече с магами, которым не был представлен. В конце концов, и Аллин нельзя оставить без присмотра.

— Кому ты пишешь?

Маг обернулся. Аллин стояла в проеме, всклокоченная и жалкая.

— Как там мой настой? — сварливо пробурчала она.

Казуел прикусил губу и направился к колокольчику.

— Похоже, служанки здесь не торопятся откликаться.

Он снова сел и замер в нерешительности, перо повисло над клочком пергамента.

— Кому ты пишешь? — Девушка высморкалась.

— Мне нужна информация от одного из городских магов. — Казуел задумчиво очистил кончик пера.

— Разве маги живут не только в Хадрумале?

Аллин смотрела с недоумением, и Казуелу пришлось напомнить себе, что любой здравомыслящий маг держится подальше от опасных лескарских междоусобиц. Однако Казуел не хотел, чтобы ее невежество бросило на него тень, когда она поступит в учение.

— Те, у кого есть данные для преумножения магических знаний, после обучения остаются в Хадрумале, — менторским тоном пояснил он. — Те же, чьи таланты больше годятся для будничных, менее возвышенных сторон колдовства, как правило, возвращаются на материк и находят работу. А те, что стоят на более высоком уровне, обычно знают кого-то в большинстве городов.

Казуел нахмурился. Кого он знает в Инглизе, кто захотел бы ему помочь? Бывают времена, когда все же полезно уметь заискивать перед людьми, как это делает Шиввалан с такой выгодой для себя. Кажется, здесь живет Каррал, не так ли? Он приехал сюда заниматься чем-то, связанным с рекой, или то были драгоценные камни? Ну да все равно, это не может быть чем-то важным. Казуел настроил записку, приложил палец к палочке сургуча и запечатал пергамент своей печатью.

— Да?

Дверь открылась, и горничная просунула голову в комнату.

— Пусть мальчишка отнесет это письмо. — Порывшись в кармане, Казуел достал монетку.

— Конечно, господин.

— Вы не принесете мне настой? — спросила Аллин, когда служанка собралась уходить. — Что-нибудь от этого гадкого насморка, если есть.

Горничная посмотрела на нее с сочувствием.

— Конечно, сейчас же принесу. Ложись в постель, детка, не то застудишь и грудь.

Вскоре она вернулась с благоухающей кружкой и другой женщиной, постарше. Неумеренно суетясь, они усадили Аллин с этим питьем и носовым платком, sprysnutым ароматическими маслами. Слушая их щебетание, Казуел не мог дожидаться, когда же горничные наконец уйдут и оставят его в покое.

Но вот они ушли. Маг разложил на столе в гостиной свои книги и начал читать в надежде отыскать какой-то ключик, который объяснил бы ему, что замышляет Узара. Почему он так интересуется падением Империи? Что тут может быть важного, а главное, нового? Ведь ученые уже столько поколений изучают

все подробности, причем самым тщательным образом, не так ли? Случайные звуки долетали с улицы: цокот копыт и топот ног по булыжнику, крики и смех — но Казуел не слышал их. Он усердно работал до позднего вечера, методично сверял тексты, делал перекрестные ссылки.

Дверь с грохотом распахнулась, даже петли вылетели из рамы. Два огромных человека с косматыми волосами и свалявшимися бородами ворвались в комнату, схватили Казуела и прижали к стене, дыша влажным зловонием ему в лицо. Маг пытался отстоять свое право на диалог и воздух, но проиграл и то, и другое. Паника охватила его, когда пол стал уходить из-под ног, хотя он по-прежнему смотрел вверх в дикие лица налетчиков. Волна страха смыла из памяти все заклинания, которыми он когда-либо владел, и хилый проблеск исчез в его пальцах.

Вошла вторая пара темноволосых громил. Их грубая кожаная одежда, заляпанная старой кровью, и вонючие недубленые меховые куртки говорили о том, что это звероловы, недавно сошедшие с лодки. Здоровенные и тупые, они встали по обе стороны высокого молодого человека, чье элегантное бархатное одеяние было теперь жалким, измятым и настолько грязным, что никакая стирка уже не могла спасти дорогую ткань. Его небритое лицо поражало чрезмерной бледностью, глаза были красными и опухшими. Казуел взирал на него со страхом и смущением, которое мешало и говорить, и думать.

— Стереги дверь! — приказал молодой человек последнему своему наемнику. — А ты проверь ту комнату.

Он медленно обошел стол и остановился напротив Казуела, глядя ему прямо в лицо. Взгляд его голубых глаз, испещренных красными прожилками, был полон гнева и безумия.

— Кто ты такой, щенок поганый, и какое тебе дело до смерти Йении?

— Я не знаю, о чем ты! — Казуел задохнулся, когда звероловы швырнули его на стену, и подергался, чтобы встать на ноги.

Взбешенный молодой человек помахал пергаментом.

— Не прикидывайся невинной овечкой! Каррал знает, кто коптит его грудинку, он отправил твою записочку прямиком ко мне.

Он схватил Казуела за подбородок.

— Говори.

Его голос был хриплым, и маг с ужасом понял, что разбушевавшиеся эмоции лишили этого человека рассудка.

— Пожалуйста, отпустите меня! — в страхе запищала Аллин.

Казуел собирался сказать то же самое, увидев, как один из скотов вытаскивал ее из спальни крепкой хваткой, — босые ноги под плотной сорочкой едва касались пола.

— Больше никого, Иверн. Только эта голубка. Довольно пухленькая, а? — Скаля желтые зубы, наемник бросил Аллин на стул, и девушка съежилась под его плотоядным взглядом.

— Вы — Стража? — заикаясь, спросил Казуел.

— Скоро ты пожалеешь, что мы — не она! — Человек, именуемый Иверном, неприятно засмеялся. — Нет, зови нас просто обеспокоенными горожанами. Видишь ли, Йения была моим другом.

Голос Иверна дрогнул, и он потерял глаза.

— Какой-то мерзавец убил ее, и я прикончу любого, кто в этом замешан!

— Но я тут ни при чем! — Казуел вознамерился покачать головой и получил затрещину за свою попытку.

— Тогда почему ты вынюхиваешь, мозгляк? Почему тебе так любопытно, какие следы нащупала Стража?

Растрывав все слова, Казуел только молча таращил глаза. Иверн кивнул зверолову слева, и тот мгновенно ударил мага в живот твердым как железо кулаком. Вскрикивая в паническом изумлении, что может существовать такая боль, Казуел, вероятно, согнулся бы, но его крепко прижимали к стене. Отчаянно силясь облегчить боль, он переступил с ноги на ногу.

— Почему ты задаешь вопросы? Боишься, что Стража села тебе на хвост? Я понимаю это именно так.

Молодой человек вытащил из-за пояса тонкие перчатки и натянул их с тщательно продуманной неторопливостью.

Казуел сморгнул слезы с глаз.

— Я просто хотел узнать, что случилось.

Иверн сильно ударил его кулаком в рот.

— Зачем? — гневно закричал он.

Струйка крови защекотала подбородок. Облизнув разбитую губу, маг сморщился от боли, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать. Иверн стоял перед ним, похлопывая ладонью по кулаку. Кровь размазывалась по дорогой коже, но он этого словно не замечал. Из коридора донесся топот бегущих ног, эхом прокатившийся в напряженной тишине комнаты, и Казуел с тоской посмотрел на дверь.

— Ты — тормалинец, не так ли? — задумчиво произнес Иверн. — Ошивались тут двое тормалинцев, все выспрашивали, а потом как сквозь землю провалились. Кто они такие?

— Я правда не знаю! — отчаянно выкрикнул Казуел. — Я даже не представляю, о ком ты говоришь.

— Подумай хорошенько, дерьмо безмозглое, — прошипел Иверн с искаженным от нетерпения лицом. — Я хочу знать, какое они имели к этому отношение. С чего бы еще им исчезать?

Он яростно ударил Казуела кулаком под ребра. У мага перехватило дыхание.

Аллин в голос зарыдала от страха, но так же внезапно умолкла, поняв, что оказалась в центре внимания.

Иверн брезгливо повернулся к ней.

— А ты что мне расскажешь? — Скрутив рукой ее жидкие кудряшки, он рывком запрокинул девушке голову.

— Что ты знаешь? — Иверн наклонился к самому ее лицу и сдвинул брови.

— Ничего, — проскулила Аллин, прижимая руки к груди.

Иверн выпрямился и посмотрел на нее с презрением.

— Ты только согреваешь его простыни, так, что ли?

Он вернулся к Казуелу, прилипшему к стене. Его руки, словно зажатые в тиски, начали неметь, челюсть невыносимо болела.

— Тебе не кажется, что она немного юна для щипания? — усмехнулся Иверн. — Но раз ты такой одержимый, может, пустим ее по кругу? Посмотрим, что она умеет!

— Оставь ее в покое, ты, свинья! — Казуел задергался, тщетно пытаясь вырваться, а в голове неслись беспорядочные мысли, обдавая мага холодным ужасом: что сделает с ним Узара, если эту глупую курицу изнасилуют? — Она тут ни при чем!

Иверн близко придвинул лицо — маг уловил аромат дорогих духов под мерзким запахом пота — и тихо прорычал:

— Убеди меня!

Казуел закрыл глаза, мысленно проклиная тот день, когда оставил Хадрумал.

— Я маг. — Он пытался говорить с достоинством, но исторг лишь отчаянный писк.

— И что? — Иверн чуть отодвинулся, лицо его стало жестким. — Я должен бухнуться тебе в ножки или задрожать от страха? Маги делают то, за что им платят. Собираешься превратить меня в жабу, а?

Выхватив тонкий кинжал, он приставил сверкающую сталь к горлу Казуела.

— Говорят, убийцы Йении использовали магию, чтобы сбегать. Так почему бы мне не убить тебя на тот ничтожный случай, что ты в этом замешан?

Он нажал сильнее, погружая лезвие в кожу. По шее поползла глущая боль. Казуел затрясся.

— Клянусь, я совершенно ни при чем, — просипел он. — Я сожалею о твоей утрате.

От невыносимой муки Иверн закрыл глаза. На ресницах заблестела слезинка. Он отвернулся, взмахнув рукой, и звероловы принялись избивать Казуела с методичной жестокостью многоопытных палачей.

Смутно осознавая вой Аллин, маг попытался свернуться в комок, чтобы защитить живот и пах. Весь его мир сжался до кошмара боли, превосходящей все, что он только мог себе представить.

— Вряд ли он что-то знает, шеф. Мел, заткни эту потаскуху или дай ей что-нибудь, над чем действительно стоит рыдать.

— Эти слова зверолова Казуел услышал сквозь звон в ушах спустя, казалось, целую вечность.

— Ага, шеф, он не из тех, кто держится до конца.

Слезы облегчения смешались с кровью и слизью на щеках Казуела. Он лежал тихо, не смея шевельнуться, лишь приоткрыл глаза. За дверью послышался слабый шорох, и все повернули головы.

Ручка дернулась. Зверолов у двери хмыкнул и хотел отойти, но тут же получил в лицо белыми крашеными филенками и растянулся на полу. Не успел он встать, как вошел кряжистый человек с темной бородой и тотчас ударил его ногой в пах. Выхватив меч, незнакомец угрожающе повел клинком перед собой и свирепо посмотрел на Иверна.

— Отзови своих псов, или мне придется убить их.

— Дарни! — Казуел попытался встать, но закачался на коленях от мучительной боли, пронзившей грудь.

— Бьюсь об заклад, ты никогда не думал, что так обрадуешься мне, Каз! — зло усмехнулся Дарни.

Иверн развел руки и отступил на шаг от кончика меча.

— Ты еще кто такой? — в ярости прошипел он.

Агент небрежно поклонился.

— Кое-кто, говорящий тебе, что ты совершаешь большую ошибку. Тебе повезло, что Карралу хватило ума сообщить мне о письме. Этот жалкий горшок мочи не имеет никакого отношения к смерти Йенин.

— А ты откуда знаешь? — Кинжал Иверна начал подниматься.

— Почему бы тебе не бросить свою зубочистку? — ледяным тоном произнес Дарни. — Давай ее сюда!

Поколебавшись, Иверн бросил кинжал, и маг снова мелко-мелко задышал.

— Я знаю, что он не имеет отношения к ее смерти, так как работает на тех же людей, что и я. — Дарни окинул взглядом звероловов. — Почему бы вам всем не сесть? Я бы предпочел обсудить все разумно. И в конце концов, я здесь единственный с палашом.

Иверн аж зарычал от досады и злости, но все же кивнул.

— Ладно.

Звероловы помогли подняться с пола своему товарищу с серым под грязью лицом, продолжавшему стонать. Потом выстроились у окна позади Иверна.

— И на кого же ты работаешь? — Скрестив руки, Иверн надменно посмотрел на агента.

— На Совет Магов, конечно. — Дарни даже удивился, что кому-то понадобилось об этом спрашивать. — Планир крайне обеспокоен возможностью того, что в этом вопиющем преступлении использовалась магия.

— Он — агент Верховного мага? — Иверн с откровенным сомнением уставился на Казуела.

— Он — нет, но-я — да! Вставай, Каз. — Дарни вытащил из-за ворота рубахи ремешок, на котором висело бронзовое кольцо.

Иверн разинул рот.

— Покажи, — потребовал он.

Сняв ремешок через голову, Дарни бросил ему кольцо.

— Откуда мне знать, что оно настоящее? — Иверн бросил его обратно.

Агент покачал головой.

— Думаешь, кто-то станет рисковать, подделывая его? Люди не обманывают Планира, поверь мне.

Он задумчиво посмотрел на Казуела, который с трудом дополз до стула, все еще держась за ребра.

— Уж и не знаю, что он об этом подумает. Вы сделали настоящее месиво из бедного старины Каза.

— У меня были на то причины, — взъярился Иверн. — Никакой маг не смеет указывать мне, что и как я должен делать в моем собственном городе, Верховный он или нет. У меня был повод думать, что эта пустая трата кожи замешана в убийстве, и я имею право выяснить. Колдовство помогло убить Йению, и если к этому причастен маг, мы загоним все их жалкое сборище в океан. Что сделает твой драгоценный Верховный, если мы закроем город для вас, ублюдков? Гильдиям вы не нужны, мы правим этим городом, так оно и будет.

Дарни лишь снова покачал головой.

— Не выкрикивай бессмысленных угроз. Только вы и проиграете в конечном счете, если выгоните магов.

Он улыбнулся Иверну — за всю свою жизнь Казуел не видел ничего более устрашающего, чем эта улыбка.

— В любом случае, если Планир узнает, что в убийстве замешан маг, тот жалкий гаденыш не сможет скрыться ни на океанском дне, ни в леднике на Драконовых Хребтах, ни под Алдабрешской огненной горой. Медленно утопать в ведре собственного дерьма было бы лучшей участью, чем та, которой подвергнет его сообща Совет. Не правда ли, Каз?

Представив эту мерзкую картину, нарисованную Дарни, маг поперхнулся и безмолвно кивнул.

Иверн поднял руки, но резко оборвал свой жест, когда агент взмахнул мечом, чтобы заблокировать его.

— Кто убил Йению? Как мне найти этих поганных ублюдков? Что делает твой треклятый Верховный маг, чтобы отомстить за нее?

— Это не твоего ума дело, — холодно ответил Дарни. — Но если появится желание, можешь помочь мне. Я охочусь за людьми, которые к этому точно причастны, и, я бы сказал, у нас хорошие шансы схватить их.

— Это они ее убили?

— Нет, но они приведут нас к ее убийцам.

Дарни перебросил меч в другую руку и протянул Иверну открытую ладонь.

— Даю слово. Помоги мне добраться до них, и мы забудем об этом маленьком недоразумении. Заткнись, Каз! — добавил он, когда маг возмущенно открыл избитый рот.

— Ну что, будем сотрудничать? Или хотите, чтобы я расплатился за моего друга? — Дарни свирепо посмотрел на звероловов, они растерянно переглянулись.

Иверн молчал, надежда на его лице боролась с горем. Тишину нарушил глухой стук: Аллин потеряла сознание и хлопнулась на пол.

— О, Дриановы соски! — с досадой воскликнул агент. — Кто она такая, Каз? Сколько бы ты ни платил ей, этого мало!

Напряжение в комнате лопнуло. Иверн опустил голову, стыдливо утирая слезы.

— Хорошо. Но лучше бы ты оказался прав, — предупредил он.

— Поверь, — зловеще ответил Дарни, — я хочу этих людей не меньше тебя.

И это чистая правда, с ужасом понял Казуэл, взглянув на агента. Он почти пожалел этих людей, представив, что может случиться, когда Дарни настигнет их, но эта мысль утонула в море боли, затопившей каждую клеточку тела.

Дорога из Инглиза в Гидесту, 15-е постосени

Путешествие верхом и привалы на открытом воздухе скоро потеряют свое очарование в качестве зимнего времяпрепровождения, кисло решила я после обеда. Лучше нежиться под стеганным одеялом. Я ткнула Рыжего в ребра, чтобы заставить его выдохнуть. Хитрое создание не дышало, пока я седлала его, но дважды в один день этот номер у него не пройдет. Тут же мелькнула утрюмая мысль:

как я смогу забыть Джериса, если езжу на лошади, которой

мы вместе дали имя?

К счастью, прежде чем я окончательно впала в уныние, подъехали Райшед и Айтен на своих грязных каурых скакунах, которые выглядели так, будто примчались прямо из гидестанских степей.

— Куда едем теперь? — Райшед повернул свою лошадь кругом, чтобы оказаться рядом с Шивом.

— Пока вдоль реки, потом на север.

Шив резко пришпорил коня, и Райшед не стал его догонять.

Мы значительно продвинулись, прежде чем солнце начало садиться. Оглянувшись, я увидела сумерки, стелющиеся над блестящим морем. Но вскоре вокруг поднялись холмы и полностью заслонили океан.

Шив ехал впереди. Он явно хотел побыть один, и мы ему не докучали. Слушая довольно сомнительные анекдоты, которыми Айтен потчевал своего друга, я поняла, что он проводил разведку в самых значных местах города; я уже слышала эти анекдоты, но только в публичном доме. Не поймите меня неправильно; многие публичные дома предлагают игру как дополнительный способ избавить дураков от их денег, и несколько лет назад я провела три интересных сезона, помогая паре домов склонять шансы в свою пользу. Это был поучительный опыт, навсегда исцеливший меня от романтических представлений о жизни проститутки, но он не требовал от меня большого искусства; никто из мужчин не уделял игре должного внимания.

Я вполуха слушала, как Айтен делится последними шутками, имевшими хождение в медвежьих ямах. Райшед смеялся и стонал в нужных местах, однако его внимание оставалось прикованным к дороге и лесу вокруг нас. Но, по-видимому, Айтен не считал это чем-то необычным и продолжал рассказывать свои байки; ему еще пришлось поискать ту, которой я раньше не слышала: Инглиз — это город, куда старые шутки приходят умирать. Я тащилась позади с мулом, навьюченным нашими припасами, и пришла к выводу, что Айтен, вероятно, самый веселый из нас.

Шив спешил, окунул руки в реку и задумчиво уставился на приток, к которому мы приблизились.

— Поедем вдоль него.

Впервые с тех пор, как мы потеряли Джериса, его голос звучал мягко, и, обогнав тормалинцев, я поехала рядом с магом, радуясь, что к нему возвращается хорошее настроение.

— Мы следуем за реками? Значит, Азазир — маг воды?

— Разве я не сказал? Да, один из лучших. — Шив слегка улыбнулся.

— Как же он... — Я не знала, как деликатнее задать вопрос, который весь день вертелся у меня в голове.

— Как он рассорился с Советом?

Маг съехал с грязной дороги, и дальше мы пробирались по более сухой траве. Я не торопила его с ответом. Пусть сам решит, что рассказать мне. Когда же он в конце концов ответил, речь его текла медленно и задумчиво.

— Ты должна понять, что для мага вроде Азазира его стихия — самая важная вещь на свете. Он очарован водой, ее влиянием на другие предметы и тем, как сам он может влиять на нее. Многие из действительно могущественных магов таковы.

— А он могущественный? То есть — он опасный? — занервничала я.

— Он очень могущественный, но я не думаю, что он опасен, если не стоять у него на пути.

Лично я предпочла бы побольше уверенности.

— А что Дарни говорил о казни?

Шив нахмурился.

— Азазир всегда был одиночкой. Он уехал из Хадрумала и делал всякие эксцентричные вещи, вроде этого предполагаемого путешествия через океан. Морской Зал полон историй о нем, и трудно сказать, что из них правда. Если верить некоторым членам Совета, Азазир в лучшем случае привирал, в худшем — врал направо и налево. Но последней каплей, закончившейся его изгнанием, стало затопление половины Адрулла.

— Что? — воскликнул Райшед.

Повернувшись в седле, я увидела, что они с Айтеном слушают с таким же интересом, как я.

Айтен засмеялся, и Шив улыбнулся ему.

— В то время было не до смеха. Стояло постлето, и он потопил значительную часть урожая Южной Каладрии. Хлеб той зимой подорожал вдвое, и в некоторых городах вспыхнули бунты.

— Зачем он сотворил это? — спросила я.

— Хотел изучать болото, — просто ответил Шив. — Вот и отвел большую часть Рела в ближайшую низину.

— Насколько низкой стала река?

Неудивительно, что этот маг представлял такую угрозу. Глубина и ширина Рела — это все, что не дает бесконечным кровавым раздорам Лескара перелиться в мягкую стабильность Каладрии.

— Достаточно низкой, чтобы герцог Марлир со своими отрядами совершал набеги за реку, — ответил Шив.

— А что Релшаз? — Райшед был ошеломлен не меньше меня.

— Магистрат поднял на ноги Стражу, как только стало ясно, что река спадает. Они первыми потребовали казнить Азазира.

Оно и понятно — релшазцы очень серьезно относятся к своей независимости и безопасности, учитывая их положение в дельте между Каладрией и Лескаром. Поскольку и то, и дру-

гое зависит от реки, немудрено, что любое предложение, не говоря уж о попытке возвести постоянный мост, карается смертью. В остальном же это радушный город с обилием возможностей для таких, как я. Меня вдруг охватила страстная тоска по теплому южному солнцу и прохладным южным винам, и я не расслышала следующий вопрос Райшеда.

— Нет, Совет не подчиняется приказам других властей. Фактически, если б релшазцы не подняли такой шум, Азазира скорее всего казнили бы. Но Верховный маг не собирался делать ничего, что намекало бы на уступку с его стороны, поэтому Азазира изгнали сюда, на север.

Мне все еще было трудно представить, что маги убивают друг друга.

— Они правда думали о том, чтобы казнить его?

Шив строго посмотрел на меня.

— Беда, которую он причинил, стоила многих жизней, крупных денежных расходов и трех сезонов расчистки. Такого рода дела возбуждают серьезную неприязнь к магам. Мы очень могущественны, и это пугает людей, поэтому мы делаем все возможное, чтобы не дать им этого понять. Когда кто-то вроде Азазира ходит, где хочет, делает, что взбретет ему в голову, без всякой заботы о последствиях, люди беспокоятся. Если Совет будет смотреть на это сквозь пальцы, кончится тем, что дети — прирожденные маги будут обречены на умирание от лихорадки, а магов станут камнями выгонять из деревень. Совет контролирует магов, чтобы ни у кого больше не возникало соблазна делать это.

— Возглас Отрика: «Почему маги не правят миром?» — проормотала я.

Шив услышал и усмехнулся.

— Большинству нет до мира никакого дела. Ничто не должно отвлекать их от действительно важного занятия — изучения их стихии. Правда, время от времени некоторые предпринимают такие попытки, но Совет справляется и с ними.

Мы подъехали к еще одному притоку, и Шив спешил, чтобы снова окунуть руки в воду. Я не могла решить, жаль мне, что ему пришлось прерваться, или нет. Некоторые из этих идей по-настоящему меня пугали.

Холмы становились лесистее и круче, но вдоль реки тянулась разбитая дорога, по ней мы и отправились. Мы хорошо продвигались и вскоре набрели на рудный поселок в нескольких днях пути к северу от Далаза. Для городка на холме он был довольно внушительного размера и обладал необычной атмосферой постоянства, с каменной кузницей и трактиром; он выглядел так,

будто мог предложить нечто большее, чем шлюхи и неразбавленный спирт, растворяющий зубы.

Шив направил коня на площадь. Я бы назвала ее рыночной, хотя никто там ничем не торговал. Мужчины и женщины в грубой рабочей одежде оглядывали нас с легким любопытством. Маг, выпрямившись, сидел в седле и надменно смотрел вокруг. Я не поверила своим глазам: этот мерзавец стал вдруг безупречно чистым в отличие от нас троих, покрытых дорожной грязью. М-да, хорошее заклинание, если умеешь его творить, молча признала я.

— Я — чародей Совета Верховного мага и хочу услышать новости.

Подъехали Айтен и Райшед и встали в один ряд со мной. Легким движением плеч они откинули плащи с мечей и небрежно положили руки на клинки. Обменявшись с ними взглядами, я установилась на грязных местных жителей, ожидая, что они начнут глумиться или швыряться лошадиным навозом, в зависимости от их склонности. Ничего похожего не случилось, что меня изрядно удивило; хотела бы я посмотреть, как какой-нибудь маг опробует этот трюк в Ванаме.

— Что за новости?

Кузнец отошел от горна, вытирая руки ветошью. Он был устращающе мускулистый, лицо и руки — рябые от крошечных ожогов, но голос звучал спокойно и уверенно.

Возможно, мы все-таки узнаем что-то полезное, подумала я.

— Я ишу старого мага по имени Азазир. Он жил здесь несколько лет назад.

Подняв руки, Шив сплел вращающуюся паутину голубого огня в центре площади. Светоносные нити изогнулись вокруг мерцающего воздушного кокона, отбрасывая во все стороны голубые блики. Внезапно нити стали тоньше и, ярко вспыхнув, исчезли, но остался образ, повисший в пустоте над колодцем. Я увидела сухопарую фигуру в половину моего роста, в длинном зеленом плаще поверх оливковой мантии. Редкие седые волосенки, ровно подстриженные у плеч, сутулая спина и узкое лицо, выдающееся вперед, как у цапли. Сходство с ней усугублялось еще и длинным носом. Глаза Азазира сияли зеленым огнем, подол плаща раздувался; образ повернулся кругом, простирая руки, словно мог видеть ошеломленных рудокопов, глядящих на него во все глаза.

Я успела поймать свою челюсть, пока она совсем не отвалилась, и, подражая Айтену и Райшеду, приняла хладнокровную позу. Правда, я чуть было не прыснула, когда Райшед подмигнул мне, но пораженные жители все еще стояли с разинутыми ртами. Я могла бы засунуть руку им в глотки и вытащить их кишки, а они бы даже не заметили.

— Итак, — голос Шива рассек тишину как хлыст, — кто-нибудь знает его?

Толпа зашевелилась, зашептала, и вперед вытолкнули упиравшуюся старуху.

— Ты можешь мне помочь? — наклонился к ней Шив. Его голос стал мягким как шелк и медоточивым.

Неряшливая карга уставилась на него словно кролик на ласку. Затем встряхнулась и ответила с привычной грубостью:

— Бывалоча, приходил энтот за мукой да припасами годов десять назад.

Шив одарил ее улыбкой, в которой благодарность сочеталась со снисходительностью, и сунул в руку монету.

Блеск золота, которое им не придется самим выгрызть из скал, тотчас развязал языки.

— Он жил наверху за дубравами, там, где буки спускаются к реке.

— То было во времена моего отца. А потом он поставил хижину у форелевых заводов.

— Он ушел дальше, идиот. Он жил у озера, когда Эммер поймал ту огромную рыбину, ну, ту, с зеленой чешуей.

— Последний-то раз он бывал тут три года назад, на Летнее Солнцестояние. Я помню, это было перед рождением Нелли. У нас тогда пчелиный рой завелся в соломе на крыше.

— Ага, тока он был старше, да волосом пожиже, да ходил с палкой.

— Мои дядьки говорили, будто встретили его в горах, за границей снегов в позапрошлую зиму. Они сразу смекнули, что это чародей, потому как он был в одной тунике, а мороз стоял такой лютый, что они и собаке не дали бы спать. Простой-то человек давно бы превратился в ледышку.

— Да он уж, поди, умер.

Шив властно поднял руку, и гомон затих.

— Кто-нибудь видел его с прошлой весны?

Толпа, казалось, удвоившаяся с тех пор, как мы прибыли, зашаркала ногами. Все смотрели друг на друга, но никто ничего не говорил.

Шив поклонился с седла и повелительным взглядом обвел площадь.

— Благодарю вас от имени Верховного мага. Могут ли я оказать вам какую-нибудь услугу?

Если раньше я думала, что они ошеломлены, то теперь они были убиты наповал. Мертвую тишину нарушал лишь рокот стремительной реки. Я уже собиралась ударить Рыжего

пятками в бока и вывести нас отсюда, когда чей-то голос пропищал из задних рядов:

— А ты можешь сказать нам, где залегает серебряная жила?

На смельчака зашикали, но маг улыбнулся, и я увидела смех, кипящий за его барственным серьезностью.

— Ищите утес, похожий на медведя, с рябинами наверху и внизу.

Раздав горсть тормалинских марок, Шив поехал прочь. За ним, будто императорский эскорт, двинулись Айтен и Райшед. Остались только мы с мулом.

Я обратилась к стоявшему рядом крестьянину с горделивой интонацией Шива:

— Мы были бы благодарны за хлеб, любые фрукты, которыми вы можете поделиться, и муку, если она у вас есть.

Несколько человек убежали и вернулись с корзинами и мешками. Мул поглядел на меня с укором, но я так обрадовалась свежему хлебу, что решила не обращать на это внимания.

Мул не стал артачиться, и я смогла достойно выехать из городка. Думаю, Шив был самым крупным событием, приключившимся в этом месте со времен последнего оползня.

Айтен ждал меня у извилины дороги над темным и глубоким речным омутом.

— Не хотел потерять тебя, цветик. — Увидев приобретения мула, он ухмыльнулся. — Хорошая идея. Что-то вкусненькое на ужин?

— А где Шив и Райшед?

Пусть лучше не думает, что единственная женщина — непременно кухарка. Я только не знала, сказать ему об этом прямо или подождать, когда он сам отведаёт мою стряпню. Даже Дарни готовил лучше, когда мы шли через Далазор.

— Шив снова моет руки.

Общими усилиями мы убедили мула пройти скользкий участок и направились к кипению порогов, белеющих за деревьями.

— Ты ведь жил здесь, в горах, не так ли?

По примеру Айтена я спешила, чтобы провести Рыжего по берегу, ребристому от оголенных древесных корней.

— Ага, три сезона на золотых приисках к западу от Сельяра. А как ты догадалась?

Я лукаво улыбнулась.

— Если снова увидишь, как я играю в «две марки трижды за ночь», можешь звать меня «цветик». В остальное время мое имя Ливак, идет?

Айтен подождал, когда я догоню его, и я с радостью увидела, что он не обиделся.

— Сам я из маленького городка близ Парнилесса. — Он подал мне руку на скользкой глине. — Мои родители —

фермеры. Меня не прельщала жизнь с мотыгой, поэтому я вступил в Стражу нашего герцога. Один сезон мы вместе с Триоллом сражались против Драксимала, а следующий — с Марлиром против Триолла. Вскоре я сообразил, что его светлость не собирается воссоединять Лескар, которому не хватает какой-то более крупной чумы, убивающей всех прочих, и я решил податься сюда, на север. Добывал тут золотишко, но в этих горах жить не так-то легко. И четыре года назад я отправился на юг.

Мы вышли к реке, и я увидела Шива, изучающего стволы букв, пока Райшед ковырялся в мокрых обломках, задержанных упавшим деревом.

— Здесь уровень паводка еще выше, — сказал Шив.

— Эй, посмотри-ка!

Райшед вытащил что-то из отмели, и мы дружно подошли к нему полюбоваться куском балки с ржавыми гвоздями, на которых все еще висели кровельные дранки.

— Уверена, это страшно интересно, но, может, вы объясните невежественной горожанке, чем именно? — вежливо спросила я.

— Эта река регулярно выходит из берегов, и вода поднимается необычайно высоко, — сказал Шив, как будто от этого все становилось ясно.

— А она не должна? — отважилась уточнить я.

— Конечно, нет. — Маг спохватился и покачал головой. — Прости. Нет, она не должна причинять большого ущерба, поскольку не так близко к верховью.

— Не обижайся, Шив, но я жил в этих горах, — нерешительно молвил Айтен. — Когда тают снега, эти реки вздуваются, как вода в кипящем котелке.

— Я знаю, — заверил его маг. — И все равно это неестественно. Посмотри, есть остатки домов, смытых выше по течению. Это кусок крыши! Каким дураком нужно быть, чтобы строить ниже уровня паводка!

Лично я знавала людей, которые клали ноги в костер, чтобы высушить сапоги, но после того представления в деревне я вынуждена была признать, что Шив знает свое дело. Это напомнило мне кое о чем.

— Как ты узнал об их серебряной жиле, Шив?

Маг засмеялся.

— Планир сказал. Он подумал, что нам может понадобиться кого-нибудь умаслить здесь, в горах. Он по родству — маг земли, поэтому видит такие вещи, когда гадает.

Какой полезный талант! Бьюсь об заклад, у этого мага денег куры не клюют.

— Тогда почему он просто не скажет нам, где этот Азазир?

— Существуют трудности с взаимосвязью стихий на больших расстояниях. Это сложно.

Обычно Шив не любит напускать туману, и, садясь на лошадь, он не смотрел мне в глаза. Он направился глубже в чашу леса, и я задумчиво последовала за ним.

То представленище было лучшим событием дня, и когда мы еще больше удалились от всякой надежды на настоящую постель и ванну, зарядил дождь. Не сильный, а так, изморось, хотя вскоре выяснилось, что от нее намокаешь ничуть не меньше. Мрачно созерцая капли влаги, блестящие на ушах Рыжего, я в десятый раз с тех пор, как мы оставили Инглиз, спрашивала себя, что я здесь делаю. Мы пробирались по сужающимся тропинкам, пока не смерклось настолько, что коварная дорога под ногами стала неразличима, и тогда разбили лагерь. Ночью резко похолодало, и мы проснулись очоленвшими сосульками. Даже мул и тот выглядел обиженным.

Мы забирались все выше и выше, а дождь поливал все пуще и пуще, и все злее становился холод. Мы не успели съесть весь хлеб, как на нем уже завелись большие самодовольные пятна плесени, и потеряли половину фруктов, когда мул упал: намокшие кожаные ремни растянулись, и мешки соскользнули. Мука превратилась в неаппетитную клейкую массу, но мы все же рискнули испечь лепешки. На следующий день нам пришлось расплачиваться за допущенную ошибку: один за другим мы мчались в заросли с мучительными спазмами живота. Два дня во время привалов мы только пили да собирали большие влажные листья, но когда понос прошел, стали продвигаться быстрее.

За свою жизнь я прочла не меньше горсти лескарских романов и слышала в два раза больше баллад о рыцарях, отправившихся в глухомань за магическим амулетом или исчезнувшей принцессой, но нигде не упоминалось, каким жалким может оказаться это занятие. Я уже мечтала снова услышать бульжник под копытами Рыжего. К несчастью, я также мечтала о Джерисе, и только это не позволяло мне поворотить коня и рвануть обратно к теплу и сухой одежде.

Шив ехал себе и ехал, словно ничего не замечая, и готова поклясться, он не намокал так, как остальные. Райшед и Айтен мирились со всеми неудобствами без видимой досады, что лишний раз доказывает, насколько толстокожими бывают мужчины. Наконец одним несчастным вечером и они утратили свое хладнокровие, но мне от этого не полегчало.

Раздраженно поджав губы, Райшед занимался обычным делом: счищал крошечные пятна ржавчины со своего меча.

Айтен отправился в чашу поискать на ужин кроликов или белок. Шив ушел общаться с лужами, а я разбираала багаж, обследовала Рыжего и мула, нет ли нагнетов от сбруи, и соскребала с их ног налипишие комья листьев и грязи.

— Ты правда думаешь, что ее стоит везти дальше?

Я с отвращением посмотрела на заржавленный рулон кольчуги. От одного ее вида у меня заболели плечи, к тому же я бы воняла в ней как мешок старых подков.

Тормалинец пожал плечами.

— На спине мула она бесполезна. Или носи ее, или выброси.

— Она грязная, — проворчала я. — И тяжелая. И воняет. И добавок ко всему в ней холодно.

Райшед протянул мне проволочную щетку.

— Очисти ее и смажь, если хочешь.

Я посмотрела на него, на кольчугу, потом снова на него, уже готовая надуться. Я не нуждалась в практических советах, я нуждалась в сочувствии и понимании, в том, чтобы кто-нибудь сказал мне, что давно пора выбросить эту гадость.

— Ты же не носишь кольчуги, — обвиняюще сказала я.

Он постучал по своему толстому пальто из буйволиной кожи, и я с удивлением услышала твердый стук.

— Там, внутри, пластины, — объяснил он, распахнув полы, чтобы я могла пощупать металлические диски, зашитые между кожей и льняной подкладкой.

— Это удобнее кольчуги! — восхитилась я. — И где можно достать такое?

— По эту сторону Далаза — нигде. Я купил в Зьютесселе.

— Это там, откуда ты родом? Расскажи мне о ней. Правда, что там видно и океан, и Лескарское море одновременно? — Если уж я не могу живьем поехать в нечто теплое, цивилизованное и экзотическое, то хоть послушаю чьи-то воспоминания.

Забыв на минуту о своей работе, Райшед оперся спиной о ствол.

— Видно, если подняться на башню, которую Ден Реннионы возвели на вершине перевала. Но вообще-то эти гавани довольно далеко друг от друга. Они больше похожи на два города, соединенных перевозочным путем с горами посредине. Мы живем на стороне океана, мой отец — каменщик, арендатор мессира Д'Олбриота. Патрон владеет примерно третью земли на этой стороне Зьютесселя и пятой долей перевоза.

Пожалуй, мне все же стоит подумать о работе на него. Райшед говорил о солидном богатстве.

— А много кораблей рискуют идти вокруг Мыса Ветров, чтобы не платить за перевозку груза? — Я вспомнила стройные далазорские корабли в Инглизе.

— Летом кое-кто рискует, но большинство возвращается в виде обломков в осенние шторма.

Райшед последний раз протер меч масляной тряпкой и пошел убирать его в ножны. Меч неожиданно застрял, и тормаинец выругался.

— Ну, что еще не так?

Он сорвал перевязь с ножнами и внимательно их рассмотрел.

— Зубы Даста! — Райшед отстегнул ножны и поднес их к глазам. — Они покоробились! Поверить не могу! Эти ножны у меня пять лет, и одна паршивая поездка в Гидесту портит их.

Он сел и, ругаясь шепотом, принялся распарывать кожу, покрывающую дерево. Тут раздался треск, и на поляну вывалился Айтен, с громкими проклятиями срывавший с себя цепкие клубки растительности.

— Ничегошеньки не нашел, ни одной мелкой твари, — сообщил он. — И даже следов ничьих не видел, кроме водного оленя да дикой козы.

— Я съем козу, — заявила я.

— Не сегодня. — Айтен бросил деревянные обломки со спутанной тетивой в костер, где они зашипели и затрещали.

— Это же твой лук! — воскликнула я.

— И что мне с ним делать? Подкрасться к кому-нибудь сзади и дубасить, пока тот не сдохнет? — Айтен порылся в переметной суме и вытащил фляжку спирта. — Он такой же кривой, как задняя нога мула. А все этот мерзкий дождь. Где Шив? Он же маг воды, пусть сделает что-нибудь с этой треклятой погодой!

Айтен протянул озябшие руки к нашему жалкому костерку. По крайней мере лук вызвал хилые язычки пламени. Оставив тормаинцев вдвоем, я пошла на поиски Шива. Он сидел над глубокой лужей, но, взглянув через его плечо, я увидела только сложный узор рубинового, янтарного, сапфирового и изумрудного света.

Маг встал и потер поясницу.

— Ты что-то хотела?

— Айту не удастся никого поймать на ужин. Он спрашивал, нельзя ли что-нибудь сделать с погодой? Ты можешь остановить дождь хоть ненадолго?

Шив скорчил гримасу.

— Прости, погодная магия мне не по зубам. Она требует целую связь силы и по меньшей мере четверых магов.

Я вздохнула.

— Жаль. А что ты делаешь?

Он снова повернулся к луже.

— Смотрю на искажения стихий в этих местах. Водная сила связана наилучшим образом.

— Как это?

Шив отвел взгляд.

— Это сложно, ты не поймешь.

Сощуриив глаза, я посмотрела на мага. Страшная догадка вдруг привела меня в смятение.

— Ты уверен? А это имеет какое-то отношение ко всем тем вещам, что покоробились, заржавели или сгнили за последнее время?

— Ладно, имеет, — признался он. — Но это значит, что мы на верном пути. Иначе зачем Азазиру так стараться вывести нас из равновесия?

— Должна сказать, ему это здорово удастся, — проворчала я. — А ты хоть представляешь, сколько нам еще ехать?

Маг вышел на берег реки и указал на холмы.

— Видишь тот двойной скальный выступ над осыпью? Думаю, он где-то сразу за ним.

Я посмотрела, но не столько на холм, сколько на серые грозовые тучи, кипевшие над ним. И нахмурилась, пытаясь понять, что с ними не так.

— Шив, те тучи никуда не движутся, — медленно промолвила я. — Смотри, они просто ходят и ходят по кругу. Бред какой-то. Ветер же дует северный и не слабый — смотри, как клонятся верхушки деревьев.

— Да?

Его удивленный вид не обманул меня.

— Ты же сказал, что маг не может творить погоду в одиночку!

— Да, не может. — В голосе Шива проскользнула неуверенность, которая очень задела меня. — Ну, не должен.

ГЛАВА 7

Когда владение Хексена было опустошено, народный страх перед прирожденными магами особенно возрос. Хотя мы, возможно, находим вопиющими эту глупость и честолобие магов Мерселя и Фрельта, утверждения лордов Пеорла и Алджеральского, что их фактически заколдовали, являются не чем иным, как ложью. Хуже того, Избранные Кола ухватились за это жалкое оправдание, рассчитывая открыть, что их участие было навязано заговором магов и жрецов, готовящих план захвата власти. Слухи раздули эту клевету, приведя к массовой панике среди невежественных; даже простые писцы оказались объектом для битья, и несколько школ были разграблены. Официальное жречество распущено, а библиотека Храма сожжена. Поскольку Храм Кола — один из последних оставшихся храмов, переживших хаос Темных Поколений, утрата знаний, которыми он владел, является неизмеримой. Это должно напоминать нам, что никогда нельзя недооценивать опасность ограниченных умов мирян.

Трайдек тогда путешествовал по Каладрии в качестве домашнего учителя. Предубеждения против ученых были распространены не так широко, но невежество по-прежнему оставалось страшным бичом. Тогда считалось закономерным, что дворянин нанимает писца, вместо того чтобы самому учиться читать и писать, и многие библиотеки были оставлены гнить и истачиваться червями. Родиться магом все больше и больше означало странность, если не прямое несчастье, и многие бедняги стали жертвами своих собственных не подготовленных для действия сил. Несколько особо трагичных случаев, таких как сожжение леди Шресс и ее младенца при родах, стали широко известны в ряде искаженных версий. Герцог Триолльский фактически объявил колдовские искусства, как он их назвал, противоправными, а их использование — подлежащим наказанию божьим судом, и другие лескарские дворяне последовали его при-

меру. Конечно, все это должно было наложить невыносимый гнет на совсем необученных, перепуганных юношей и девушек и действительно привело к неизбежным последствиям. Скоро любое природное наводнение, пожар или удар молнии стали приписываться прирожденным магам. Начинались лихорадочные поиски виновного, и, вполне естественно, находился какой-нибудь несчастный с намеком на родство с данной стихией. Если фортуна улыбалась, его просто изгоняли; если нет — что случалось все чаще и чаще — убивали.

Трайдек собрал вокруг себя кружок выселенных прирожденных магов и пробовал обосноваться в различных местах. Молодым человеком я слышал, как в свои последние годы он взволнованно рассказывал о страхе и невежестве, с которыми столкнулась его маленькая группа. Различные маги, которым удалось воспитать и развить свой дар, пытались сопротивляться таким тенденциям в своих местностях. Оглядываясь на прошлое, мы должны признать, что такие действия, как разрушение Джерил Маркета, ослепление лорда Арбеля и особенно Парнилесское Восстание, были неблагоразумны, хотя и понятны. После этого последнего Трайдек наконец согласился совсем уехать с материка по совету Виделлы, позже Первой Госпожи Наводнений Морского Зала.

*Окарн, Третий Мастер Наводнений Зала Уэллери,
«Рассказ об основании Хадрумала»*

Гидеста, 19-е постосени

Дождь, дождь и снова дождь. Чем ближе мы подъезжали к кругу туч, тем сильнее лило. Вскоре та неподвижная гроза выглядела столь же убедительной, как соболезнавание жреца.

Я заметила, что Райшед и Айтен неуверенно переглядываются и с сомнением косятся на Шива. Мы продолжали пробиваться, именно пробиваться. Сплетение деревьев, ежевики и плюща становилось все более плотным, и нам то и дело приходилось останавливаться и с возрастающим раздражением рубить заросли, освобождая себя и животных, или отыскивать тропинку.

Кризис наступил, когда мы остановились на ночлег и никто не смог разжечь костер. Я рылась в сумках мула, надеясь отыскать хоть что-нибудь съестное, что еще не размокло, не сгнило и не протухло. Онемевшими от холода пальцами я пыталась отрезать кусок сушеного мяса, да нож соскользнул, наградив меня мучительной царапиной поперек костяшек. Я уже собиралась залиться злыми слезами, но тут поняла, что Райшед и Айтен вот-вот подерутся, и взяла себя в руки.

— Эй, дай я попробую! Ты все делаешь не так.

— Милости прошу. Этот кремьнь совершенно бесполезен.
— Ты не держал трут под рубашкой, как я велел?
— А что толку? Она такая же мокрая, как и весь я.
— Что ж ты не завернул его в промасленную тряпку?
— А почему все я? Лучше бы сам сделал что-то полезное, а критиковать может любой дурак!

— А кто всю прошлую ночь спал с этой дрянью в штанах? Он был сухой, когда я дал его тебе!

Пора вмешаться, решила я.

— Шив, ты не поможешь нам разжечь костер?

— Прости?

— Костер, Шив, нам нужно съесть и выпить что-то теплое.

— Ты уверена?

Эти слова высекли искру не хуже огнива. Райшед прямо-таки вспыхнул.

— Разумеется, она уверена. Мы все насквозь промокли и заоченели — по крайней мере мы трое. Для нормальных людей дождь не то что вода для гусиной задницы, если ты еще не заметил.

Я опять встряла, пока дело не кончилось мордобоем.

— Просто разожги костер, Шив, пожалуйста.

Маг подошел к наполовину сложенному костру, тоже мокрому хоть выжми, и, закусив губу, простер над ним руки. Наступила долгая, холодная, напряженная тишина.

— Кажется, тут имеется проблема. — Он посмотрел на нас несчастным взглядом.

— То есть? — зловеще спросил Райшед.

— Это стихии. Кажется, огонь в этой области почти полностью заперт.

— Почти — это насколько?

Хорошо, что не мне отвечать Райшеду, мысленно порадовалась я. Вновь повисло молчание.

— Достаточно, чтобы не дать никому разжечь костер — магическим или иным способом.

Я думала, тормалинцы взорвутся от ярости, но этого не случилось.

— Так что будем делать? — Райшед со злостью пнул жалкую кучку хвороста и трута, разбросав их по всей поросшей кустарничком яме, которая выглядела поляной в этих дебрях.

Айтен сунул руку под нос Шиву. Она была совершенно белая и сморщенная, как мокрая тряпка.

— Погляди на мои пальцы! Видишь? Я будто три дня мок в ванне. Я так замерз, что больше уже не дрожу. Если ты ничего не сделаешь, к утру мы все сляжем от холода, если,

конечно, не умрем во сне. Я жил в этих горах, Шив, я видел, как это бывает.

— Может, лучше повернуть обратно?

По взглядам тормалинцев я поняла — они думают о том же, только не хотели первыми это предлагать.

— Нет, пойдем дальше. — Мольба в голосе Шива удивила меня. — Мы не можем сдаться.

Райшед обуздal свою злость, но лицо его оставалось мрачным.

— Ну?

Резкий вопрос Айтена повис в воздухе. Все молчали, боясь взглянуть друг другу в глаза.

— Я не могу разжечь костер, но способен обсушить вас и попытаться не подпускать дождь, — предложил Шив.

Айтен, яростно дергающий шнурки на сапогах, поднял голову.

— Раш, что скажешь?

Райшед вздохнул.

— Нужно как-то выдержать эту ночь. Все равно уже слишком поздно поворачивать в долину.

Теперь, когда решение было принято, все действовали быстро. Пока Райшед и Айтен сооружали навес из самого большого куска промасленной шкуры, я вытащила из постельных свертков одеяла, какие посуше. Сбросив намокшие плащи и туники, мы сели в кружок, колена к колену, дабы делиться друг с другом своим теплом. Сидеть было неудобно, но мы набросили на плечи одеяла таким образом, чтобы их края свисали, и туго их натянули.

— Теперь сидите спокойно и не мешайте.

Шив собрал в ладони слабые уски голубого света и закрыл глаза. Даже я видела, что магия здесь перекошена: обычно при заклинании воздуха его магический свет был прозрачно-лазурным, а теперь он выглядел тусклым, похожим на бирюзу, которую так высоко ценят алдабрешцы.

Я не собиралась мешать, но вскоре поняла, почему маг предостерег нас, когда мерцающие нити силы начали обвиваться вокруг нашей группы. Вода выгонялась из одежды и волос и поднималась струйками пара; они ужасно щекотали. Я зажмурилась, но от этого стало еще хуже, и я снова открыла глаза. Впечатление было такое, будто на мне кишмя кишат блохи или вши; судя по отвращению, заставшему на лице Райшеда, он чувствовал то же самое.

Я уже подумала, лучше оставаться мокрой, но вдруг поняла, что снова чувствую пальцы на ногах. А когда они зачесались и начали гореть, мне пришлось убеждать себя, что это хорошо. Айтен зашаркал ногами, шепотом выругался, но под суровым взглядом Шива затих. Я закусила губу и сосредоточилась на витках пара, улетающих в густые сумерки. Если бы мимо нас пробежал зверь, он мог бы принять нас за компостную кучу.

Первый из двух лунных серпиков уже заскользил над верхушками деревьев, когда Шив тяжело вздохнул и сбросил чары.

— Теперь должно быть лучше.

Я едва видела его в темноте, но уловила в его в голосе неуверенность.

Я пощупала рубашку; она была жесткая под моими шершавыми руками, но вполне сухая, и кончики пальцев разгладились.

— Спасибо, Шив. — Айтен порылся в сумке. — Кто-нибудь хочет тассина?

Если мне нужно возбуждение, я обычно прибегаю к спирту, но тут я решила — пора брать то, что дают.

— Я попробую, спасибо.

Айтен нашел в темноте мою ладонь и вложил в нее круглый орешек.

— Разгрызи его, а мякоть сунь за щеку, — посоветовал он.

— Можно мне? — Шив зажег шарик магического света и протянул руку. — Я не знал, что ты жеватель.

— Как правило, я не жую. — Айтен помолчал, раскалывая зубами прочную скорлупу. — Ношу с собой немного на крайний случай, думаю, это как раз он и есть. Раш, хочешь?

Райшед вздохнул, и в призрачном голубом свете я увидела, как напряглось его лицо.

— Думаю, не помешает. У тебя их много?

— Хватит, чтобы мягко вернуть тебя вниз. — Айтен с сочувственным видом передал два темных орешка.

— Раньше я был жевателем, — объяснил Райшед, шелкая их с привычной легкостью. — Мне потребовалось почти два сезона, чтобы избавиться от этой привычки.

Я была поражена.

— Да это настоящий подвиг!

Райшед скорчил гримасу.

— Не хотел бы его повторять.

Мы сидели и жевали, как кучка молочных коров, и вскоре я почувствовала, как тепло расходится от челюстей к желудку и ногам. Угрюмая злость бесчисленных дней, проведенных в холоде и сырости, растворилась в мелкую досаду, и я начала понимать, почему люди жуют эту дрянь. К моему удивлению, мне захотелось есть, и я пошарила вокруг своих ног, ища припасенное мясо.

— Когда вернемся к цивилизации, куплю себе самый большой кусок говядины, какой только будет в лавке, поджарю его с луком и маслом и слопаю с целым караваном хлеба, — с чувством пробормотала я.

— Молчи, — простонал Райшед.

Мы съели по кусочку мяса со странным привкусом тассина, и настроение заметно улучшилось. Мы знали, что оно искусственное, но через какое-то время нам уже действительно стало все равно.

— Ну, и какова самая плохая еда в вашей жизни? Не считая этой, конечно, — ухмыльнулся Айтен. От орехов его зубы потемнели, а дыхание стало горьким.

Сильно преувеличивая, Шив рассказал о студенческой еде в Хадрумале; по крайней мере я надеюсь, что он преувеличивал. Если нет, то Планир получит мой отчет в письменном виде; вы не заманите меня туда, где кто-то нашел мышь в своем тушеном мясе.

От гибельной еды мы перешли к гибельным поступкам, и Айтен насмешил нас до колик своими рассказами о жизни лескарского наемника. Лично мне больше всего понравилась история о сержанте, который как-то ночью привел свой отряд в засаду. «Живее, парни!» — крикнул он, чтобы заставить людей идти. Ответом был топот бегущих ног и подпрыгивающий фонарь знаменосца, уносящийся от него на предельной скорости! Еще одна глупая смерть.

Райшед, в свою очередь, поведал о том, как трудно убедить стражников-рекрутов использовать щит, не причиняя больше вреда себе, чем врагу, а я ухитрилась довести всех троих до бешенства, предложив им угадать единственную самую надежную защиту от незваных гостей, что мне когда-либо приходилось встречать. Если вам интересно, то это не собаки, не замки и не стражники. Это те проклятые колокольчики на витках проволоки, что вешаются в дверях и окнах. Я выиграла кучу выпивки, пока они угадывали.

Рассвет наступил как-то внезапно, и мы разорвали наш круг. Разминая затекшие ноги, пошли собираться в дорогу, готовясь к следующему этапу этого кошмарного путешествия. Шив сделал все что мог с нашей одеждой и сапогами, но какая это мука — влезать в сырые холодные туники и плащи. Стоит ли говорить, что дождь по-прежнему лил как из ведра и я никогда еще не видела, чтобы у животного был такой сердитый и укоризненный вид, как у нашего мула.

Еще один день рубки, и скольжений, и проклятий на пути сквозь чащу привел нас к гребню, и когда мы забрались на вершину, нашим взорам предстал совершенно иной вид. Внизу лежала долина, заполненная озером, но если большинство озер питаются одним или двумя потоками, то сюда устремлялись сотни. Возможно, мое наблюдение покажется диким, но эти ручьи не просто следовали природе, сбегая с горы, они целились в данное озеро. Бьюсь об заклад, если б мы поискали, то нашли бы другие ручьи, текущие вверх, чтобы попасть сюда. Вода лилась по крутым склонам долины; не многие растения могли укорениться здесь, и

казалось, что трава и почва тоже скоро проиграют битву. Озеро было мутное, темно-зеленое, и густой туман кружил над его поверхностью.

— Это оно? — спросил Айтен.

Шив слегка кивнул, сосредоточенно рассматривая озеро и склоны. Я проследила за его взглядом, но ничего не увидела. Странное беспокойство охватило меня. В чем дело? Источник всегда был для меня счастливой руной; что он пытается сказать мне? Через несколько мгновений я поняла.

— Вы что-нибудь слышите? У меня что-то с ушами или здесь и правда нет никаких птиц?

Все прислушались, но единственными звуками были журчание потоков и глухое бормотание в дальнем конце озера.

— Сюда.

Шив отправился на шум, и мы осторожно пробирались вслед за ним по грязному берегу. У меня стало покалывать в затылке — верный признак, что за нами кто-то наблюдает.

Рыжий фыркнул и пугливо шарахнулся — озеро плеснуло у его ног. Я обругала его и еле уговорила снова двигаться. У меня было по горло работы, так как я еще вела мула; вредное создание решило слушаться только меня. Мне льстило такое доверие, но тем не менее это было уже чересчур. Кое-как я заставила его перейти на утрюмую рысь, а остальные тем временем уехали далеко вперед. Усики тумана стлались по земле между ними и мной, и я внезапно содрогнулась.

— Подождите.

Я ударила каблуками Рыжего, и он скакнул вперед, но туман густел прямо на глазах. За какие-то мгновения Шив и другие стали неясными фигурами, когда холодная и влажная белизна обвилась вокруг нас.

— Подождите меня! — завопила я; неподвижный воздух заглушил мой голос как подушка.

Я посмотрела вниз, где должна быть кромка воды, но копыта Рыжего уже потерялись в поднимающемся тумане. Мерин остановился и захрапел, наострив уши, затем прижал их к голове. Я посмотрела на мула; теперь я могла видеть только его голову, но он тоже прижал свои большие мохнатые уши и вращал глазами, обнажая белки; — что-то испугало его.

Я выпрямилась, заставила себя дышать спокойно и напрягла слух, силясь понять, на что реагируют животные. Жуткий шепот неся со стороны озера, однако не удавалось ничего разобрать. Я задрожала на холодном ветру и сильнее ударила Рыжего в

бока, но он не двигался.

Сзади вдруг что-то затрещало. Испуганный мул прыгнул вперед, наткнувшись на мерина. Рыжий дернул головой и щелкнул на него зубами. Мул огрызнулся, Рыжий встал на дыбы, и я, не удержавшись, шлепнулась в грязь.

— Да стой же ты!

Я беспомощно пыталась ухватить волочащиеся сзади поводья, но проклятое создание исчезло в тумане, который стал теперь густым как паршивое молоко. Кое-как поднявшись, я пугливо огляделась. Хорошо хоть, у меня остался мул. Если тут рыщет кто-то голодный, пусть сожрет его первым. Но какие звери тут могут быть? Волки? Что-то похуже?

— Пошли.

Прижимаясь к лохматому плечу, я взяла мула под уздцы и сделала несколько опасливых шажков. Вокруг ног плеснула вода, и я выругалась. Попятившись, пошла в другую сторону, но через несколько шагов снова зашлепала по воде.

Когда я поворачивала мула кругом, в тумане что-то мелькнуло — темная, неясная фигура, похожая на человека.

— Шив? Райшед? Это ты?

Я медленно двинулась туда, но вокруг был только туман. Сзади на камнях раздался скрежет, и я быстро повернулась, прижимаясь спиной к успокаивающе теплому боку мула. Что-то хлопнуло меня по плечу. Я закричала, но, когда оглянулась, там никого не было.

Все страхи, что хранятся под замками памяти, застучали в двери моего ума. Детский страх перед темным домом, ужас, который гонит тебя до самой постели и безопасности одеял, паника при мысли, что потеряешь родителей на оживленной улице. За ними выползли взрослые страхи, присовокупляя свою тяжесть. Я снова ощутила шок того неотвратимого изнасилования, хныкающую тошноту перед поркой за кражу, перепуг и растерянность, когда потеряла Сорграда во время релшазского бунта. Я задрожала. От теснящихся страхов думать и даже идти становилось все труднее и труднее. Мул тоже дрожал, потел, словно чуя хищников, мотал головой, когда тени мелькали вокруг нас в тумане и зловещий шепот несясь со всех сторон. Я слышала голос бабушки, презирающей мою лесную кровь, щелканье плети, сумасшедший смех насильника. Дрогнув под этим натиском, я опустилась на колени, но по-прежнему цеплялась за поводья мула словно утопающий.

Не знаю, как долго я сидела, парализованная безымянным страхом в тумане. Наконец слабый голос рассудка начал прорезаться сквозь вопиющие ужасы в моей голове. Когда кошмар стал слишком велик, чтобы выносить его с закрытыми глазами, я заметила некоторую перемену в тумане с одной стороны. Там, где раньше он был весь белый, неподвижный, как саван бедня-

ка, теперь появился слабый цвет. Едва заметная голубизна светилась в тяжелом, сыром воздухе.

Я поднялась и заставила свои дрожащие ноги идти к свету, таща за собой упиравшегося мула. На ходу я немного пришла в себя и ускорила шаг. Не могу описать свое облегчение при виде Шива, возникшего в мерцающей сфере прозрачного воздуха. Границы его заклинания расширялись, и когда яркий голубой свет пронесся через меня, я почувствовала, что все страхи смыло; это было почти физическое освобождение.

— Что происходит? — Я поспешила к магу, оглядываясь вокруг, все еще скованная.

Он покачал головой и сосредоточился на заклинании. Свет изменился. Подняв голову, я увидела, что туман над нами тает. Вскоре показался берег озера и ближайшие склоны долины. Я глубоко вдыхала чистый воздух, пока дрожь не унялась.

— Азазир! — Рев мага страшно испугал мула, но я сумела его удержать. — Твои заклятия — мощная защита против неискушенного. Я уважаю твое мастерство, но давай прекратим это испытание! У нас к тебе срочное дело! Мы бы не стали тебе докучать, но это вопрос жизни и смерти!

Раздался грохот, подобный грому на равнинах, и в тот же миг туман исчез. Небесная голубизна и ослепительное солнце ударили по глазам. Сквозь выступившие слезы я увидела долину, залитую ясным светом прозрачного осеннего дня. Но все кончилось так быстро, что я почти усомнилась в собственных ощущениях: тучи вернулись, и снова хлынул дождь.

— Шив!

Айтен и Райшед бежали к нам сквозь завесу ливня, скользя в предательской грязи. Они тоже потеряли лошадей, и оба выглядели бледными и напряженными. Плащ Айтена был измаран рвотой. Я даже думать не хотела, что могло его так напугать. Лицо Райшеда выглядело застывшим, обнаженный меч казался тускло-серым, как тучи над нами.

— То были чары.

Шив протянул руки, и мы встали в круг. Тяжело дыша, мы взялись за руки и черпали друг у друга силу, чтобы убрать отголоски страха из наших умов и душ.

Райшей нарушил тишину.

— Что теперь, Шив?

— Идем дальше, — не допускающим возражений тоном ответил маг и зашагал к озеру.

Держась поближе к мулу, мы пошли за Шивом, без раздумий вытаскивая мечи.

Бормотание стремительных вод стало громче, и теперь, когда туман рассеялся, мы увидели водопад, низвергавшийся по утесу. Облако мельчайших брызг плыло над водами словно пар, а озеро пенилось под натиском водопада.

— Гляньте-ка туда. — Айтен указал на подножие утеса.

То, что я приняла за груды камней, оказалось какой-то постройкой; когда мы подошли ближе, обнаружились грубые окна и потемневшая деревянная дверь. Это определенно было чье-то жилище.

— Пошли.

Райшед обогнал мага, и Айтен припустил за ним.

— Осторожней, нам следует быть терпеливыми, — крикнул им вслед Шив.

Ответа Айтена я не уловила, но это было что-то вроде «Иди ты со своим терпением». Во всяком случае, он быстро подошел к двери и энергично пнул ее. Но вместо желанного грохота послышался отсырелый скрип. Вдобавок пришлось вытаскивать ногу из гниющих бревен, что еще больше подпортило впечатление.

Шив буркнул нечто нелестное и поспешил за ними. Я не торопилась. Сначала привязала мула и лишь тогда вошла, когда стало ясно, что никакой спятивший чародей не собирается превратить их всех в лягушек. Внутри я сторожко огляделась. Это и в самом деле был чей-то дом, только давным-давно заброшенный. Грубую деревянную мебель пожирала плесень, обивка со стульев давно исчезла в мышиных гнездах, лишь кое-где еще висели изжеванные лохмотья. Райшед и Айтен открывали буфеты и сундук, но не нашли ничего, кроме каких-то остатков, размокших в мерзкую кашу. По стенам текла вода, пахло сыростью и болезнью.

— Если это его дом, то твой старик давно помер, — сказала я наконец. — Дарни говорил, он мог оставить после себя сторожевые заклатья. Может, это все, что мы нашли?

Стоя посреди зловонной лачуги, Шив медленно повернулся кругом.

— Нет, та магия — живая, значит, Азазир тоже жив. Здесь должен быть какой-то след.

— Тут что-то есть.

Райшед осматривал дальнюю стену, и когда он обвел рукой контур, мы увидели дверь, вырезанную в скале.

— Дай-ка взглянуть.

Мои спутники столпились возле двери, а я пошла к очагу. Он был сделан прямо в стене с решеткой для жарки и плитами с обеих сторон. Им давно не пользовались, сажу почти полностью смыло. Я заглянула в дымоход. Света не видно — значит, перекрыт где-то выше, возможно, гнездом, свитым еще до того, как

птицы покинули этот неестественный край. Интересно, насколько маги изобретательнее нас, простых смертных, когда бывает нужно спрятать ценности?

— Есть!

Оглянувшись, я увидела, как Шив освещает каменную дверь янтарным светом. Дверь распахнулась, и они втроем заглянули в открывшуюся черноту.

— Пошли.

Маг вызвал шар магического света, и они осторожно вошли в пещеру.

Я засунула руку в дымоход и пошарила там заржавленным железным крюком для чайника и копчения. Не обнаружив ничего необычного, я закатала рукава и осмотрела решетку. В задней стенке очага я ощутила другой сорт камня, глаже на ощупь, чем грубо высеченная скала. Я нажала на него со всех сторон, и, надо же, он повернулся, хоть и туго, на центральном штыре. За ним было углубление; чтобы туда дотянуться, пришлось прижаться лицом к грязным прутьям. Пальцы отдернулись от чего-то холодного и скользкого, но я решительно приструнила свое воображение и вытащила промокший сверток.

Некогда это была тонкая мягкая кожа, но то было много лет назад. Я разорвала смердящие складки и обнаружила длинный белый жезл и изящное серебряное колечко. Я по-прежнему была одна; поэтому быстро повесила кольцо на ремешок, который носила на шее для всякой мелочи, и внимательнее осмотрела жезл. Его украшал узор из шестигранников, похожих на пчелиные соты, и в каждом была резная картинка: крошечные фигурки, чудовишные морды, паучьи сети, снежинки и много чего другого. Сделан он был из длинного куска кости, сглаженного и отполированного, с драгоценными камешками на одном конце. Я поняла, он имеет какое-то отношение к колдовству, ибо это были янтарь, рубин, сапфир, изумруд и алмаз — камни магии стихий.

— Там ничего. — Хлюпая сапогами по раскисшему мусору, Райшед первым вышел из задней комнаты.

— Я кое-что нашла. — Я протянула Шиву жезл.

— Его фокус! — Выхватив у меня находку, маг впился в нее глазами.

— И что? — Айтен попытался разглядеть жезл, но Шив ему не дал.

— Раз его фокус еще здесь, то Азазир должен быть где-то рядом, пробормотал он.

— Что это такое? — полюбопытствовал Райшед.

— Прости? О, это фокус Азазира. Маг создает его во время обучения, когда овладевает разными колдовскими

техниками. Это способ фокусировать свой ум на том, что ты делаешь. — Шив оглядел утрюмый дом-пещеру и нахмурился. — Пошли.

Он вывел нас наружу, и я содрогнулась от дождя, обрушившегося на нас с новой силой.

— Где ты, старый безумец? — Шив нахмурился, всматриваясь сквозь потоки воды.

— Айт, сюда.

Райшед пошел по берегу озера, и в ту же минуту все вокруг нас начало меняться с пугающей быстротой.

Холод резко усилился, дождь превратился в снег, затем в град, и сильный ветер задул из ниоткуда, швыряя его в наши лица. Я вскрикнула, когда градина размером с яйцо ударила меня по руке, и быстро прикрыла голову. Мы бросились к укрытию, но не успели добежать до пещеры, как град кончился и воздух снова стал чистым. Мы остановились и растерянно поглядели друг на друга. У всех с волос и носов капала вода, а на щеке Райшеда расплывался огромный синяк.

У меня по коже снова побежали мурашки, но на сей раз это волосы на голых руках встали дыбом, когда воздух затрещал от энергии. Серые тучи над нами сгустились, почернели и угрожающе вздыбились.

— Бегите!

Голос Шива побудил нас к действию, и мы нырнули в пещеру за миг до того, как первое копьё молнии взметнуло в воздух брызги грязи.

— Азазир! — Шив встал перед нами и воздел руки. — Если хочешь продолжать эту баталию, покажись. Если желаешь испытать меня, я приму твой вызов. Иди и сразись со мной, если осмелишься!

Мы с Райшедом в ужасе переглянулись. Оказаться между двумя магами все равно что заказать билет на ладью Полдриона.

Молчание висело, казалось, полдня, но на самом-то деле прошло всего несколько вдохов, прежде чем напряжение ушло из воздуха и тучи вернулись к своему обычному занятию — ведрами сбрасывать дождь.

Я посмотрела на Шива. Потрясенный, он неотрывно глядел на водопад, затем медленно и удивленно покачал головой. Необъяснимый восторг засветился в его глазах, а губы сложились в жуткую улыбку. Никогда еще он не выглядел таким далеким от нас, простых смертных, и я даже выразить не могу, как это подействовало на меня.

Я облизнула внезапно пересохшие губы.

— В чем дело, Шив? За водопадом есть пещера? Он там?

— О нет, — выдохнул маг. — Ты не видишь? Он и есть водопад!

Пока мы глупо таращились, пытаясь осмыслить его слова, Шив быстро пошел вдоль берега. Я первая двинулась за магом, а следом за мной — Райшед и Айтен, но слишком близко к водопаду никто из нас подойти не рискнул.

Сквозь прищур я уставилась на падающую воду. Там что-то есть или мне мерещится? Один участок стремительного потока казался почему-то неизменным, он бесконечно кружился сам по себе, но не мчался вниз, чтобы исчезнуть в озере.

— Азазир! — Шив послал в водопад зеленую молнию, и непонятное явление исчезло.

Я уже хотела отвернуться, как вдруг человеческая фигура возникла на поверхности озера и прямо по воде зашагала к нам. Вначале такая же прозрачная, как хрустальный водопад, по мере приближения она становилась все более и более отчетливой. Когда она достигла берега, я увидела, что это старик, голый и тощий, одна кожа да кости. Его прилизанные водой борода и волосы были не просто белые, а бесцветные, глаза светлые, пронзительные и, на мой взгляд, совершенно безумные.

— Кто ты?

Голос древнего мага походил на бормотание водопада. Он уставился на Шива не мигая, как рыба.

— Я — Шиввалан, посвященный Морского Зала, адепт воды и воздуха. Я служу Великому Совету, и по полномочию Верховного мага я здесь, чтобы задать тебе вопросы, — спокойно и уверенно ответил Шив.

Легкая хмурь пробежала по лицу Азазира.

— Кто нынче Верховный маг?

— Планир Черный. — Голос Шива даже не дрогнул.

Внезапно Азазир захихикал, от чего мы все подскочили.

— Планир! Я его помню! Сын гидестанского шахтера, угольная пыль на всем, что он имел, вплоть до ссадин на коленях и руках. Планир Черный! Клянусь, это ученики прозвали его так, когда увидели его белье!

Старик покинул воду, и я с облегчением увидела, что соприкосновение с землей придало ему больше плотности и цвета.

— И что нужно от меня его верховности? — Он устремил на Шива свой рыбий взгляд.

— Пойдем куда-нибудь, где поудобнее.

Шив повернулся к пещере, но Азазир сел на корточки прямо в грязь.

— Мне удобно здесь.

Его руки и грудь были украшены узором, который я сначала приняла за чешую, но потом разглядела все те же

картинки-соты — некоторые вытатуированы, но большинство просто процарапаны в коже и оставлены рубцеваться. Я содрогнулась, и не только из-за дождя и холода.

— В молодости ты переплыл океан, — нерешительно начал допрос Шив, — и нашел дом белокурых людей. Нам нужно знать о них все, что ты помнишь.

Старик перевернул несколько плоских камней.

— Почему я должен рассказывать вам мои истории? Тогда никто не поверил мне. Почему я должен помогать Совету сейчас?

Зачерпнув горсть улиток, он сунул их в рот и захрумкал раковинами. Айтен вскрикнул от омерзения и отвернулся.

— Эти люди путешествуют по Тормалину и Далазору. Они грабят и убивают. Нам нужна твоя помощь, — все так же спокойно и убедительно пояснил Шив.

— Это меня не касается.

Азазир ковырялся в грязи, и меня вдруг прорвало.

— Отлично. Мы проделали весь этот путь, чтобы увидеть тебя, и терпели все твои дурацкие фокусы, но раз тебе неинтересно, можешь проваливать. Только сделай одолжение, останови этот проклятый дождь, чтобы мы могли разжечь костер и приготовить еду. Потом мы уйдем, и можешь играть в свои грязевые замки сколько захочешь.

Азазир поднял голову, и первый проблеск человечности мелькнул в его бесстрастных неподвижных глазах.

— Если вам хватило ума не поддаться магии и выжить, возможно, с вами будет интересно поговорить.

Он встал и направился к остаткам своей лачуги, сердито глядя на поломанную дверь. Чем дальше мы уходили от озера, тем более земным становился его облик, а подходя к пещере, Азазир уже слегка дрожал. Как только он вошел, стены засветились холодным зеленым светом: дом узнал своего хозяина.

— Можно зажечь камин? — с надеждой спросил Айтен.

Старик медленно кивнул.

— Дымоход засорился, — остановила я тормалинца, прежде чем он начал высекать искру.

Мы пошли наружу, чтобы прочистить трубу с крыши. Когда вернулись, Райшед уже развел огонь и разбивал остатки двери, складывая их сушиться у очага.

Завернувшись в плащ Шива, Азазир внимал его рассказу о событиях, которые привели нас сюда.

Мы поели, еда была скромной, но я бы отдала все свои благородные деньги за чашку горячего бульона, поэтому не жаловалась. Даже мул повеселел — мы привязали его у двери с кучей травы.

— Так ты расскажешь нам о своем путешествии? — спросил наконец Шив.

Все с интересом посмотрели на старого мага.

Азазир уперся локтями в костлявые колени, опустил подбородок в ладони и уставился в прошлое.

— Я искал пропавшую колонию, — вымолвил он наконец. — Я тормалинец, а мы не забываем свои семьи, даже когда магический дар уводит нас от долга перед нашим родом.

— Из какой ты семьи? — вмешался Райшед и поежился от недовольного взгляда Шива.

— Т'Алеон. — Старик улыбнулся своим воспоминаниям. — Азазир эсквайр Т'Алеон, потомок Хрустального Древа, так меня звали.

Я видела, для Райшеда и Айтена это что-то значит, но поняла — с расспросами придется подождать.

— В Старой Империи мы были могущественной семьей, — продолжал Азазир. — Мы обладали властью и богатством, мы состояли в родстве с половиной императоров дома Немита и восходили к дому Тарла. Мы могли бы основать следующую династию, но мой предок заболел поисками земель за океаном. Когда Ден Феллэми-он повел свои корабли к Кель Ар'Айену, мы отправились с ним и помогли возвести новые города Империи за морем. Мои предки сидели за верхним столом с Немитом Мореплавателем и бороздили с ним океаны. Мы собирались властвовать над новыми землями. Мы имели право и веление крови.

Гнев и презрение исказили лицо старика.

— Немит Безрассудный, так называют его историки. Конечно, честнее было бы его назвать Немит Потаскун, но что возьмешь с жалких лизоблюдов! Когда они появились, те белокурые люди, Люди Льдов, колонисты слали сообщение за сообщением с просьбой о помощи, но помощь так и не пришла. Немит последний был слишком занят: он ввергал Империю в пожары, чтобы удовлетворять неудержимую страсть к золоту и шлюхам. Безумно честолюбивый, он предпочел сражаться с Горными Людьми ради покорения Гидесты. Держу пари, он обрадовался, что ему не придется противостоять роду, в десять раз более достойному править, чем его собственный. Мои предки сделали все что могли. Они истратили все до последней кроны, но было слишком поздно. Колония погибла, Империя развалилась, а моя семья впала в нищету, тогда как меньшие дома разжирели, копошась в отбросах на руинах тормалинской славы.

Азазир зло уставился в огонь, размышляя над несправедливостью, постигшей его род двадцать поколений назад.

— Ты знаешь, как найти эту колонию? — мягко напомнил Шив.

— Мы сохранили свой архив. Моя семья потеряла многое, но мы сохранили нашу историю, не то что эти подонки без роду без племени, которые пришли после нас.

Голос Азазира задрожал от негодования.

— Никто не поверил нам. Другие семьи, что плавали по океанам, давно сгинули, а вместе с ними — их знания. Моего отца называли выжившим из ума стариком, осмеивали за ученость. Я выжидал, пока учился, но твердо верил, что однажды узнаю, как пересечь открытые моря подобно моим предкам и потребовать то, что они завещали мне.

Старик посмотрел на нас. Его глаза горели одержимостью.

— Я был рожден, чтобы сделать это, чтобы вернуть богатства моей семьи. Для чего еще мне было становиться магом?

Обида вновь ожесточила его тон.

— Я думал, маги будут другими, непредубежденными, но они так же прогнили от зависти, как все остальные. Никто не помогал мне, все ополчились против меня. Никто не хотел, чтобы я добился успеха. Я мог бы стать величайшим магом своего поколения, если б мелкие умишки не мешали мне. Я должен был стать Верховным магом, но никому из них не достало прозорливости.

— Но ты все же пересек океан? — Шив попытался отвлечь Азазира от его тирады.

— Да! — торжествующе возгласил старик. — Я годами изучал течения и тайны океанских пучин. Я разговаривал с рыбами и морскими тварями и даже с драконами южных вод. Они открыли мне свои секреты, и наконец я нашел ученика-провидца, чтобы он присоединил свою силу к моей и совершил со мной этот переход.

— Кто это был? — машинально спросил Шив и тут же прикусил язык.

Азазир помрачнел.

— Вилтред, так он звался. Он пошел со мной, но струсил под конец. Когда дошло до настоящей магии, он оказался таким же бесхребетным, как все остальные. Ни у кого из них нет преданности, какой дворянская кровь требует от своих сынов.

Старик продолжал злобствовать, и Шив уныло взглянул на меня.

— И ты совершил этот переход? — спросил он наконец, когда Азазир задумался и умолк.

— Да. Это невозможно, утверждали они, но я доказал, что могу повелевать течениями и штормами.

Старый маг с гордостью расправил плечи и высоко поднял голову.

— Кель Ар'Айен оказался землей островов, разделенных проливами с песчаными берегами и окруженных глубо-

ким океаном. Те люди, жители льдов, эльетиммы — так звались они на старом наречии — плодились как кролики. Они были везде, они рыскали по бесплодной земле. Я не нашел ничего от тормалинских городов, все сгнуло без следа. Остались только эти дикари с их соломенными головами и плодливymi лонами. — Печаль в голосе старика звучала почти человечно.

— Почему ты так уверен, что это был Кель Ар'Айен? — вкрадчиво спросил Шив.

Азазир вскинул голову, глаза его вновь засверкали от гнева.

— Города пали, но я нашел там реликвии наших погибших предков. Я сообщил о себе правителю того края, где мы высадились, и сначала он обращался с нами как с почетными гостями — подобающе. Богатство его дома включало серебро, оружие и другие ценности, которые могли прийти только из Старой Империи. Его предки, должно быть, грабили мертвых, как дикари.

Плотнее натянув плащ на костлявые плечи, старик снова устоялся в огонь.

— Но вскоре та собака показала свое истинное нутро. Нас взяли под стражу, запретили покидать комнаты, — только подумайте! — а когда мы возмутились, нам пригрозили цепями. Ему не стоило этого делать, я не какой-то там крестьянин, чтобы кланяться петуху на навозной куче. Он не имел права задерживать меня или владеть собственностью семей, в десять раз более знатных. Я забрал те сокровища, которые смог найти, и мы ушли. Я не собирался терпеть оскорбления, я, кто должен был бы править теми островами, держа ему подобных под плетью, чтобы возделывали землю и благодарили за свою презренную жизнь.

— Ты привез сокровища домой?

Настойчивый вопрос Райшеда не произвел никакого впечатления на Азазира, и он продолжал свою бессвязную тираду.

— Очень трудно быть уверенным в реликвиях Старой Империи, наверняка это просто копии, — громко сказала я, сочетая покровительственный скептицизм с толикой жалости, как раз достаточной, чтобы досадить.

Азазир проглотил наживку и выпрямился, устремив на меня холодный взгляд зеленых глаз.

— Невежественная девка, что ты знаешь о таких вещах?

— Не огорчайся, дедуля. Если тебе так хочется, будем называть их имперскими сокровищами.

Маг вскочил с проклятием и побежал в заднюю комнату.

— Во что это ты играешь? — зашипел он на меня.

Я отмахнулась, так как Азазир вернулся с тканевым свертком. Где бы старик ни хранил его, место было надеж-

ным, поскольку сверток оставался сухим и благоухал консервирующими средствами.

— Если кто-нибудь из вас разбирается в таких ценностях, можете посмотреть сами, — надменно сказал он, разворачивая ткань. Это оказался плащ, поколение назад вышедший из моды.

Оставив Шива вести дальнейшие расспросы, я жадно посмотрела на содержимое. Райшед присоединился ко мне, стал перебирать драгоценности, оружие, ящичек писца и много маленьких личных предметов, столь похожих на те, с которыми исчез Джерис.

— Что ты об этом думаешь? — Я поднесла к свету маникюрный наборчик.

— Они тормалинские, будь уверена. Конец Империи. — Райшед провел пальцами по гербу на серебряном кубке. — Это герб Д'Алсеннена, то — Ден Ренниона, а то, по-моему, — побочной линии Тора Приминая.

Все эти имена мне мало о чем говорили.

— Что это за история с пропавшей колонией? — вполголоса спросила я.

Райшед нахмурился.

— Все это немного странно. Есть предания о колонии, основанной Немитом Мореплавателем, но все историки утверждают, что ее основали в Гидесте, когда дом Немита пытался расширить Империю на север. Я читал некоторые летописи; что бы Азазир ни говорил, она определенно была не на островах. Там писалось о непроходимых лесах, новых залежах меди и золота и о реке с гравийными отмелями, полными самоцветов.

Я беззвучно присвистнула.

— Неплохо было бы снова это найти, чтобы разрушить монополию алдабрешцев.

— Согласен. — Райшед присел на корточки с мечом в руках. — Как могли историки ошибаться?

— И что, по их утверждению, случилось с этой колонией?

— Она была завоевана Горными Людьми. В то время их жило в Гидесте намного больше, и они вытеснили Империю. Немит Безрассудный поклялся отомстить и послал армию за Далаз, но он ввязался в эту кампанию без определенных целей. Он был настолько одержим присоединением Гидесты к Империи, что оставил прочее гнить. Империя пала, магия была почти утрачена, пока Трайдек не основал Хадрумал, и никто так и не стал править Гидестой.

Я обмозговала эту историю.

— Ты когда-нибудь встречал Горных Людей, Раш?

Он покачал головой.

— Не думаю. Они редко заезжают на юг.

— Я знаю двух братьев из старого Горного рода. Чистой крови, из какой-то северной долины возле самой границы с Мандаркином.

— И что?

— Они тоже невысокие — один с меня ростом, второй еще ниже. У Сорграда волосы песочные, но Соргрэн намного светлее, почти такой же белобрысый, как те загадочные люди, за которыми мы охотимся. Что, если ваши историки просто ошиблись, спутав войну Немита на севере с битвой за те заморские острова? Если колонии, как утверждает Азазир, уничтожены, то и летописи исправить было некому.

Райшед выглядел неубежденным.

— Это ужасный скачок в невежество, Ливак. В любом случае эти острова никак не могли быть той колонией, слишком уж разнится описание.

Я собиралась ответить, но что-то в складках плаща привлекло мое внимание. Это был длинный тонкий кинжал с тремя клинками, соединенными вместе, чтобы наносить страшные треугольные раны.

— Что это? — Я протянула его Райшеду.

Тормалинец покачал головой.

— Никогда не видел ничего подобного.

Услышав его слова, Айтэн поднял голову и подошел посмотреть нашу находку.

— За этим кроется изощренный ум. — Он не мог скрыть восторга.

— Вещь не тормалинская, и, бьюсь об заклад, это работа и не Горных Людей. — Порывшись в груди, я нашла странно изогнутый нож. — А что скажете об этом?

Райшед пожал плечами.

— Два неизвестных оружия мало что значат.

Внезапный переполох оборвал наш спор.

— Так вы пришли, чтобы ограбить меня? — Азазир вскочил и свирепо уставился на Шива.

— Нет, я только спросил...

— Ты веришь мне не больше других. Все, что ты хочешь, — это украсть последние мои сокровища и обогатиться. Не верю я ни в каких чужеземных захватчиков. Ты лжешь мне, как все остальные!

Костлявая рука Азазира ударила Шива по лицу. Маг вздрогнул от боли, а потом закашлялся, потому что рот вдруг наполнился кровью, и выругался, коснувшись разбитого носа.

— Клянусь, мы говорим правду. — Райшед вытащил из-под рубашки свой медальон. — Я — присягнувший мессира Д'Олбриота, посланный отомстить тем чужеземцам за тяжкое оскорбление, нанесенное его роду. Вот его герб и полномочие использовать мой меч от его имени.

— Д'Олбриот? Из Зьютесселы? Они так высоко поднялись?

— Мессир Д'Олбриот — один из самых доверенных советников императора, — твердо ответил Райшед.

— Кто нынче император? Тадриолу удалось удержать этот трон за своим родом? Кто из его сыновей был избран? — Гнев Азазира исчез так же быстро, как возник.

— Тадриол, третий сын Тадриола Благоразумного. Провозглашения еще не было, поэтому у него нет прозвища.

Я с интересом посмотрела на Райшеда. Если б он знал заранее, как тормаинские патроны решат прозвать своего императора, мы могли бы выиграть кругленькую сумму в игорных домах Релшаза или других подобных местностей. Надо будет обсудить это с ним потом.

Пока Райшед отвлекал Азазира, Шив взял себя в руки, и сообщая они успокоили возмущенного старого безумца. Ценой его хорошего настроения стало терпеливое выслушивание его бессвязного хуления всех и каждого, кто когда-либо перечил ему, и скоро мне это надоело. Особенно меня взбесили его рассуждения о женщинах, годных, мол, только для кухни, уборки да любовных утех, и я отправилась спать, дабы избежать искушения высказать старому фанатику, что я о нем думаю. Я ощутила роскошь сухих одеял возле теплого очага и вскоре отправилась к Теням.

Серебряный переулок, Инглиз, 19-е постосени

— И зачем мне тут торчать, да еще вторую ночь подряд? — проворчал Казуел, глубже прячась в мех капюшона.

Такой же бездушный, как звезды, мерцающие высоко над головой в эту морозную ночь, Дарни пристально всматривался в узкий переулок, находившийся в некотором удалении от их позиции на балконе.

— Кончай стонать, Каз, просто будь готов бросить заклятие на ту дверь, когда я тебе скажу, — прошептал он. Пар от его дыхания поднимался в холодном воздухе, как дым.

— Ты, кажется, забыл, что у меня сломаны ребра? — прошипел Казуел раздраженно.

— Чушь собачья, — фыркнул Дарни. — Треснувшие — это еще возможно. Будь они сломаны, ты бы лежал пластом, воя в чашку с настоем тахна. Я знаю — на себе испытал.

Бить на жалость бесполезно, понял маг. Надувшись, он замолчал, но через какое-то время решил попробовать снова.

— Ну сколько можно здесь сидеть — в тесноте, на ледяном ветру? Уже давно за полночь, я устал и хочу есть. И перестань называть меня Каз, ты прекрасно знаешь, я этого не люблю.

— А по-моему, я заслужил право звать тебя так, как мне хочется, если взвесить все факты на весах Рэпонины. Кстати, ты еще не сказал мне спасибо за то, что я тебя спас.

Усмешка в голосе Дарни еще больше разозлила мага.

— Спасибо, я очень благодарен, — натянуто выдавил он. — Но это не меняет того факта, что мне не следует здесь быть; аптекарь сказал, у меня могут быть и внутренние повреждения.

— Не волнуйся, эти звероловы свое дело знают, — скучным тоном заметил агент. — Ты же не писаешь кровью, нет? Ну так перестань ныть.

— Я должен лежать в постели. — Казуел возмущенно повысил голос. — Аптекарь сказал...

— Тише. — Дарни грозно повернулся к нему. В тусклом свете луны глаза его казались особенно темными и неприветливыми. — Тебе надо тренироваться, наращивать мускулы, тогда в следующий раз и ребра уцелеют.

— Следующего раза не будет, — пробормотал Казуел в воротник.

— А это зависит от того, как долго ты будешь на меня работать, — насмешливо блеснул зубами Дарни.

При мысли о том, что он снова может угодить в такую же передрягу, у Казуела прихватило живот. Сжимая ягодицы, он зашаркал ногами и задел цветочный горшок в нагромождении посуды, выставленных сюда до весны. Горшок звякнул о перила.

— Хватит ерзать! — тихо зарычал Дарни.

Казуел сунул руки под плащ и осторожно потыкал ребра, пока не задохнулся от внезапной острой боли. Тогда он сложил руки во избежание соблазна проверять дальше.

— Все равно не понимаю, что мы здесь делаем. Ты еще вчера обещал рассказать, а я до сих пор жду.

— Мне нужен маг, которому я могу доверить запечатать ту дверь, — мягко сказал Дарни, не перемещая взгляд. — Может, местные маги и подозревают, что я оторву им ноги и изобью до смерти их собственными сапогами, если они подведут меня. Ты же знаешь это наверняка. — Он зловеще захихикал и подмигнул Казуелу.

— Не вижу ничего смешного, — сердито буркнул маг. — И ты все еще не сказал мне, зачем мы здесь.

Дарни осторожно отодвинулся от перил и потер рукой бороду, чтобы удалить влагу, оседающую вокруг рта.

— Та лавка внизу, с зеленой дверью, которую ты должен запретить заклятием, принадлежит меняле. Вчера после полудня к нему заглянул белообрый недомерок, пожелавший обменять порядочную сумму в лескарских марках.

— Кто-то не проверил деньги до дна мешка, получая за что-то плату? — фыркнул Казуел. — Быть настолько глупым, чтобы тебе всучили больше горсти свинцовых монет, — это необычно, я допускаю, но едва ли подозрительно.

Дарни воззрился на него с недоумением.

— Ты когда-нибудь слушаешь что-либо, кроме звука собственного голоса? Ты же был там, когда Иверн объяснял, что эти старые кусачки для монет — тоже антикварные, или мне это привиделось? Похоже, у него есть какие-то древности, за которыми охотится Планир. Мы знаем, что соломенные макушки тоже охотятся за ними. Вот мы и ждем их.

— Мне должны были сказать об этом деле с тормалинскими артефактами. — Казуел забыл про боль в груди, поглощенный новой обидой. — Как я могу эффективно работать с Узарой, если мне ничего не говорят?

— Чем меньше знаешь, тем меньшей опасности подвергаешься, — закрыл тему Дарни. — Ты не слишком далеко ушел с лордом Армайлом, не так ли?

— Как ты об этом узнал? — вспыхнул маг. — Ты не можешь связываться с Узарой, у тебя нет этого таланта!

— Аллин рассказала.

Агент наклонился ближе, и Казуел вжался в складки плаща.

— А еще она сказала, что вы были в Ханчете. Интересно, с кем же ты там встречался?

К досаде Казуела, слова подвели его. Он вздрогнул — остекленная дверь на балкон медленно и со скрипом открылась.

— Пока никого. — Иверн проскользнул в щель и сел на корточки рядом с Дарни. — По-моему, это пустая трата времени.

— Командир Стражи так не думает, — отрывисто ответил Дарни. — Он дал нам людей и разрешение дежурить пять ночей, если нужно.

— Так ты считаешь, они придут?

— Да. — Агент не отрываясь смотрел на переулочек.

— И приведут нас к тем, кто убил Йению?

— Да.

— Ты уверен?

— Для них же лучше, если приведут, иначе сразу же отправятся в поездку с Полдрионом. — Дарни мрачно уставился на дверь.

Казуел зашипел от неудобства и подвинулся в тщетной попытке восстановить чувствительность в онемевших ягодицах. Иверн сердито обернулся к нему, но прежде чем успел заговорить, Дарни напрягся, как охотничий пес, почуявший добычу.

— Каз, иди сюда, — приказал он, взяв потайной фонарь. — Зажги его.

Зажечь удалось только со второй попытки — пальцы у мага дрожали.

— Я слишком замерз, — сказал он неубедительно.

Дарни и Иверн игнорировали его, сосредоточенно наблюдая за тайными передвижениями внизу, на улице. Несколько человек бесшумно прошли по восточному желобу, а когда пересекали боковой переулок, на непокрытой голове заблестели под звездами светлые волосы.

— Там! — Иверн указал на краткую вспышку света в дальнем окне.

Дарни хмыкнул и в ответ отодвинул заслонку на своем фонаре.

Пытаясь увидеть, что происходит, маг дернул Иверна за локоть.

— Извини, — с досадой обронил он.

Не обращая на него внимания, Иверн пошел к двери.

— Я буду со стражниками.

Дарни кивнул, неотрывно глядя вниз.

— Каз, приготовься! — скомандовал он.

— Они прошли мимо, — возразил маг. — Они...

Агент упреждающе поднял руку.

— Просто сделай это, когда скажу.

Казуел поджал губы и через балюстраду посмотрел на дверь, которая казалась теперь просто темной заплатой на серой стене. Он сотворил небольшое заклинание, чтобы лучше видеть, нехотя признавшись себе, что боится последствий, если подведет Дарни. Уловив неясное движение, Казуел отчаянно потянулся вниз, к земле, которая давала ему магическую силу. Прикосновение к камню и почве успокоило его и восстановило пошатнувшееся душевное равновесие. Глаза его остекленели, когда он ощупью пробирался вокруг каменной приступки, протянув к ней шупальца силы, и приготовился к броску по команде Дарни.

Шаги эхом отозвались в голове Казуела — ноги в сапогах с высокой шнуровкой осторожно прошли по булыжнику и остановились у двери. Два человека встали по обе стороны проема, еще один наклонился к замку, и дверь беззвучно от-

крылась без ключа и отмычки — в этот момент маг ощутил странное пощипывание. Сапоги быстро шагнули внутрь. Тут же еще два человека быстро пересекли дорогу — железные гвозди их каблучков выбивали искры из колдовства Казуела — и без колебаний вошли в дом.

— Давай! — Дарни словно тисками сжал руку мага.

С беззвучным восклицанием Казуел бросил вниз заклинание, приказывая камню подчиниться, бесшумно и напрочь сомкнуться с деревом двери и ставен, чтобы никакой обычной силе не была подвластна эта связь. Он потянулся глубоко в волокна брусьев с целью расширить заклинание и придать дереву прочность камня.

— Пошли. — Агент вскочил.

— Нет, я подожду...

Не дав магу договорить, Дарни грубо схватил его и потащил, задыхающегося, через балконную дверь и вниз по лестнице.

— Бежим.

Агент побежал, резво и удивительно легко для человека столь могучего сложения.

Мгновение поколебавшись, Казуел бросился за ним. Опасность, быть может, таящаяся в черных переулках, страшила мага больше, чем та, что поджидала его в доме. По крайней мере там, внутри, он всегда мог спрятаться за спину Дарни.

Иверн нагнал их, и Казуел увидел отблески фонаря на нагрудных латах, когда стражники на бегу отбросили за спину плащи, чтобы не стесняли движений. Отделение собралось у двери. Изнутри раздались громкие удары, эхом отражавшиеся от плотно прилегающих друг к другу домов.

— Каз, убери шум! — тотчас приказал Дарни.

Маг повозился с воздухом, голубая молния сорвалась с его пальцев, и шум стал глуше. Казуел вздохнул с облегчением, но тут же скорчил гримасу от стреляющей боли в боку.

Агент кивнул Иверну.

— Видишь, и от магов бывает прок.

— Ты, — Иверн указал на стражника, а потом на окно, где показался слабый желтый отсвет, — кто бы это ни был, скажи, чтоб возвращался в кровать, что все под контролем.

— Все под контролем? — сурово спросил Дарни.

Иверн коротко дунул в серебряный свисток. С крыш донеслись ответные свисты, и еще одна любопытная свеча тотчас потухла в доме напротив.

— Готовы, — подтвердил Иверн.

— Тогда пошли. — Агент строго посмотрел на Казуела.

Маг приложил дрожащую ладонь к двери. Магия завибрировала под его пальцами, и дверь, послушная ему, распахнулась. Раздался глухой звук падения — она толкнула того, кто колотил по ней изнутри, и стражники бронированным потоком хлынули внутрь.

Выхватив кинжал, заблестевший в лунном свете, Дарни встал на пороге и преградил путь мрачному Иверну.

— Мы сделаем это по-моему, — предупредил он, прежде чем убраться руку. — Каз, оставайся за мной.

— Я подожду здесь, если тебе все равно, — поспешно сказал маг.

— Мне не все равно. Иди внутрь и дай нам свет! — грозно потребовал Дарни.

Казуел закусил губу и нерешительно шагнул вслед за агентом в тесный дом, вздрагивая от чмокающих ударов кулаками по плоти и мычания, как только ответные удары натыкались на неожиданную броню. Быстрого заклинания хватило, чтобы осветить комнату голубоватым магическим светом, и, не решаясь идти дальше, Казуел остановился в дверях. Живот заходил ходуном в предчувствии еще большего насилия.

Теперь, когда стражники могли видеть грабителей, они набросились на них с утроенной жестокостью. Двоих уже прижали к стене и связывали. Маг вскрикнул: белокурый юноша упал на пол, избитый дубинкой до такой степени, что кровь лилась по его лицу. Еще один упал под градом ударов и в отчаянии полез под стол, но, выволоченный, исчез под грудой доспехов.

Казуел нахмурился. Их сходство с человеком, которого он встретил в Ханчете, просто поражало, но ему не хотелось заводить с Дарни разговор о той поездке. Да и вряд ли это теперь актуально.

— Полегче! — зарычал агент. — Они должны говорить!

Один вполне еще мог говорить и говорил — вернее кричал — что-то непонятное, но, без сомнения, бранное, отбиваясь стулом от троих стражников. Они бросились на него, но блондин оказался проворнее и ударом повалил одного из них на колени. Второй удар в лицо, теперь сапогом — и несчастный солдат рухнул под ноги своих товарищей, выплевывая кровь и зубы, а сломанная челюсть беспомощно повисла.

Дарни заходил сбоку, и в этот миг нож просвистел мимо уха Казуела, испугав его вспышкой серебра, и вонзился в горло буяна. Блондин упал на колени, его крик оборвался и превратился в булькающий хрип — кровь хлынула изо рта. Он закачался, отчаянно царапая шею, нащупал лезвие, схватился за него и, скользя на собственной крови, тщетно пытался встать.

— Проклятие! — Иверн бросился к нему, схватил сзади за волосы и мощным ударом перерезал горло.

— Они нужны нам живые, ты, придурок! — закричал Дарни на Иверна.

— Нечего мне приказывать, я тебе не подчиняюсь, — огрызнулся тот. — Посмотри, что он сделал с Ярлом!

Агент даже не взглянул на раненого стражника, которого выводил из дома один из его товарищей.

— Они нужны нам живые, чтобы ответить на вопросы. Еще раз такое сделаешь, и я сам тебя убью!

Все замерли, переводя взгляд с Дарни на Иверна и обратно. Казуел зажал ладонями рот, изо всех сил сдерживая рвоту: его охватила паника, когда он подумал о боли в треснувших ребрах.

Иверн первым отвел взгляд и повернулся к выпучившим глаза пленникам.

— Ладно, задавай свои вопросы, — буркнул он.

Дарни аккуратно обошел лужу грязи и крови, скопившуюся вокруг трупa, и приблизился к самому юному пленнику. Тот вяло висел в ремнях, не падая только благодаря рослому стражнику, прижимавшему его к стене.

— Как твое имя? — Дарни помахал рукой перед его белым лицом. — Он в отключке, посмотрите на его глаза, — произнес он с отвращением. — У вас, парни, слишком тяжелые руки для этой работы.

Следующий пленник разглядывал его настороженно. Когда агент заговорил с ним, он ответил быстрой россыпью резких слов. Двое других напряглись в руках стражников, их лица окаменели. Дарни утихомирил его звонким ударом в рот, но даже Казуел увидел новую волну решимости на белокожих лицах, когда их глаза устремились на товарища, который лежал в собственной крови, наполнявшей комнату запахом склепа.

— Расскажите нам то, что нас интересует, и с вами будут обращаться хорошо! — громко объявил Дарни, отойдя назад, чтобы поочередно посмотреть на пленников. — А станете молчать, вам же будет хуже.

Казуел уставился на блондинов, гадая, что случится теперь, и отчаянно надеялся, что это не будет слишком грязно. Тишина ожидания нарушалась только тяжелым сопением, звяканьем лат и поскрипыванием кожи, когда стражники переступали с ноги на ногу.

Пленники ответили Дарни дерзким молчанием.

Агент покачал головой. Затем повернулся к ним спиной, посмотрел на Иверна и поднял брови, чуть отведя голову назад. Иверн нахмурился и еле заметно кивнул.

— Что ж, придется уговорить Каза малость поколдовать и вывернуть их головы наизнанку, — небрежно заметил Дарни. — Я бы предпочел, чтоб они сохранили свои мозги, но мы всегда можем перерезать им глотки, когда он закончит.

Казуел открыл рот, собираясь заявить, что это невозможно, но Иверн тяжело наступил ему на ногу.

— Тот, справа. — Иверн шагнул вперед, глядя на указанного человека с ненавистью, которая не нуждалась в переводе. — Он моргнул, а те двое посмотрели на него.

— Та-ак.

Дарни встал перед коротышкой, почти касаясь бородой его носа, и медленно вытер свой окровавленный кинжал о его домотканую куртку — сначала одну сторону, затем другую. Потом зловеще усмехнулся.

— Тебе будет гораздо больше, чем мне, приятель.

— Что ты собираешься делать? — дрожащим голосом спросил Казуел, замороженный блестящим лезвием.

— Хочу помочь нашему другу разговориться. — Дарни медленно занес кинжал за ухо блондина. — Видишь ли, есть всякие мелочи, которые человеку совершенно не нужны — по крайней мере для того, чтобы говорить.

Тонкая струйка крови сбежала по лезвию, и Казуел выскочил за дверь, жадно хватая ртом холодный ночной воздух. Едва он успокоил свой взбунтовавшийся желудок, как из дома донесся отчаянный вопль. Испуганный маг поспешно соткал горсти воздуха, чтобы заткнуть уши, и крепко зажмурился.

— И как меня угораздило влипнуть во все это? — жалобно простонал он. Никакое признание, никакое продвижение, ни даже место в Совете не стоили этого кошмара.

Мало-помалу Казуел взял себя в руки и, дрожа от холода и напряжения, бессильно привалился к стене дома. Далекие куранты пробили шесть раз, и несчастный маг подумал: а не пойти ли уже домой, в постель? Нет, не стоит, решил он неохотно. Сейчас лучше не злить Дарни.

— Ну что, порядок?

От хлопка по плечу Казуел едва не наложил в штаны, но, к счастью, вовремя понял, что это один из стражников. За ним вышли остальные, таща с собой согнутых пленников, слабо скребущих сапогами по булыжникам.

— Вот ты где, Каз, — на сувенир! — Дарни высунулся из проема и бросил ему окровавленный комок плоти.

Маг взвизгнул от гадливости и отпрянул, а увидев, что это, едва сдержал тошноту. Перед ним лежало человеческое ухо.

— Ты это сделал? — Он задохнулся от ужаса.

— Нет, я этого не сделал. — Дарни поднял жалкий кусок и бросил его обратно в дом. — Прости, не удержался. У тебя была такая физиономия там, внутри... — Он широко ухмыльнулся.

— Тогда, тогда...

Казуел не знал, что и думать, но тут вышел Иверн, а за ним стражник с последним вялым пленником на плече.

— Мы отвели его в заднюю комнату и сказали, что будем отрезать по кусочку от его товарищей, пока он не заговорит. — Агент с довольным видом вытер руки перепачканным вдрызг полотенцем. — Они кричали весьма убедительно, когда мы зажимали им яйца каминными щипцами. А мы отрезали кусочки от мертвого, чтобы показать ему.

— Ты отвратительный ублюдок, не так ли? — Восхищение в тоне Иверна боролось с уважением и нешуточным страхом.

— Худший из всех, — согласился Дарни. — Пошли домой, Каз!

Спотыкаясь, маг побрел за агентом, который пружинистым шагом шел по тихим улицам. Казуел хотел спросить, как человек может делать подобные вещи, но не осмелился.

Заспанная служанка со свечой впустила их в «Ликорн» и вскрикнула испуганно, углядев кровь на одежде Дарни.

— Не бойся, цыпочка, это не моя, — улыбнулся ей агент, и девица нервно попятилась. — Нельзя ли чего-нибудь съесть? Беспокойная выдалась ночь.

Безмолвно присев в реверансе, служанка зажгла свечи на соседнем столе и стремглав убежала на кухню.

— Ты хочешь есть? — не поверил Казуел. Он держался за свои ноющие ребра и желал лишь одного: лечь наконец в постель. — Ладно. Что ты узнал?

Дарни жестом велел ему молчать, так как служанка вернулась с тяжелым подносом.

— Спасибо, цыпочка. На, купи себе новую ленту. А это мы возьмем наверх.

Казуел пошел впереди с подсвечником, а потом ждал с растущей досадой, пока агент жевал холодную оленью ногу, макая ее в душистый соус.

— Могу я лечь спать? — спросил он наконец.

Дарни покачал головой.

— Прости, ты мне нужен, чтобы связаться с Узарой или Отриком, — невнятно прошамкал он, так как рот его был набит хлебом.

— Только не сегодня! — застонал Казуел. — А что ты должен им сказать?

— Эти бледнорожие — с каких-то островов далеко в океане. — Дарни оторвался от еды. — Что ты об этом думаешь?

Маг сел и рассеянно потянулся за вином.

— Очень интересно, — произнес он через какое-то время.

— Почему? — изучающе глянул на него Дарни.

— Я наткнулся на несколько странных мест в рукописях, которые изучал. Эти места имели бы больше смысла, если б за океаном существовали острова. — Казуел без всякого интереса огляделся, думая о своих книгах.

— Ну, что касается меня, то считаю: главное, мы теперь знаем, куда везут Джериса. — Агент зубами разорвал мясо.

— О да, — задумчиво протянул Казуел. — Он сказал, что им здесь нужно?

Дарни покачал головой.

— Нет. Признался, что выслеживают и крадут тормалинские древности, и все. Только он назвал это возвращением их собственности и все бубнил о кровных врагах.

— Эти люди, с которыми уехали Шиввалан и девушка... ты сказал, они — присягнувшие мессира Д'Олбриота, так?

Казуел сходил за картой и, развернув ее, придвинул ближе свечи.

— И что? — Испустив блаженный вздох, Дарни оттолкнул поднос и налил себе еще вина.

— А то, что он заинтересован в этом деле. И еще важнее то, что он имеет вложения по всему океанскому побережью. — Маг поднял глаза на Дарни. — Он мог бы дать нам корабль.

С минуту агент смотрел на него, потом засмеялся. Казуел стиснул зубы, мечтая хотя бы раз в жизни стереть эту покровительственную улыбку с бороды Дарни.

— Нет, ты послушай. — Маг постарался скрыть досаду. — Конечно, мы скажем Узаре, но что бы ни решили в Хадрумале, если ты хочешь спасти этого Джериса, тебе понадобится корабль, чтобы туда доплыть. Чем быстрее мы организуем его, тем лучше.

И тем вернее будут его шансы заслужить одобрение Узары, возможно, даже Планира, мысленно прибавил Казуел. Ведь пока ему похвастаться нечем. И услужить патрону вроде мессира Д'Олбриота тоже выгодно: над тобой не будут насмехаться.

Дарни покачал головой.

— Нет, я не хочу вовлекать больше людей, чем это абсолютно необходимо. К тому же мы потеряем большую часть сезона, пока доберемся до Зьютесселы.

Казуел подсунул ему карту.

— Все принцы будут в Тормейле в течение предзимы. В это время года совершается вся серьезная политика: урожай

собран, а моря слишком бурные для торговли. Если мы до-

беремся до Бремилейна, то сможем послать сообщение Императорской курьерской почтой. Эти парни покрывают пятнадцать лиг в день; мы получим ответ меньше чем через четыре дня.

Дарни скептически уставился на карту.

— Чего ради Императорская почта станет брать мое письмо, пусть даже с печатью Планира?

— Я могу его послать. — Казуел показал свое кольцо-печатку. — Мой отец платит достаточно налогов.

Дарни откинулся на спинку стула, отхлебнул вина.

— Все время забываю, что ты тормалинец, — заметил он, поглаживая бороду, темные глаза задумчиво буравили мага.

— Судя по тому, что ты говорил, мессир Д'Олбриот уже вовлечен из-за нападения на его племянника, — продолжал Казуел. — И раз его люди работают с Шивваланом, Планир все равно должен с ним связаться, ведь так?

Дарни покачал головой и хихикнул.

— Знаешь, Каз, ты такой же открытый, как яйца у кобеля. Ну хорошо, уговорил, едем в Бремилейн.

Казуел даже растерялся.

— Ты серьезно?

Дарни осушил бокал.

— Иверн уже сказал, что здесь нам корабля не достать. Никто не выйдет в море в это время года. Ладно, отправляйся спать. Уза-ре все расскажем утром. Горсть часов ничего не изменит.

Озеро Азазира, 20-е постосени

Не знаю, поколдовал ли Шив над очагом, но огонь все еще горел. Я проснулась тем утром, заваленная травой Сэдрин знает откуда. Мои спутники еще храпели, Азазира в доме не было. Подбросив дров на угли, я взяла чайник и вышла за водой. Мул покоился на меня с обычным равнодушием, а дальше по берегу раздалось приветственное ржание. Это Рыжий и остальные лошади паслись там на высыхающей траве. Азазир явно не забыл все, что знал о нормальной жизни, ибо они были расседланы, кое-как почищены и стреножены, а сбруя и снаряжение свалены у двери. Я быстро проверила его. Все на месте, только покрыто репейником и зацепками от колючек; должно быть, магия Азазира поймала бедняг, когда они в ужасе удирали из тумана. Это действительно было хорошей новостью, так как я предполагала, что они уже на полпути к Далазу.

Я с сомнением посмотрела на озеро: безопасно ли из него пить?

Из пещеры, зевая и потягиваясь, вышел Шив.

— Где Азазир? — спросила я.

Маг покачал головой.

— Не знаю. Он ушел сразу после полуночи. Наверное, снова где-то в воде.

Шив содрогнулся — и не от холода.

— Я слышал о магах, одержимых своей стихией, но до сих пор не совсем понимал, что это значит. Сделай одолжение, Ливак, если ты когда-нибудь увидишь, что я свернул на этот путь, воткни в меня один из своих кинжалов — ну, из тех, быстродействующих.

Он уставился на водопад, теперь на его лице было написано отвращение.

— Что ты еще узнал о Ледяных Людах? — поспешно спросила я. Мне не понравился страх в его взгляде.

— А? Ну, думаю, Совет сумеет отыскать эти острова после дальнейшего исследования. Теперь уже можно не сомневаться — эти люди приплыли оттуда. Райшед полагает, что семьи, пострадавшие от них в Тормалине, — это потомки тех, кто вместе с Мореплавателем основал колонию, значит, связь есть. Хотя я не знаю, куда это нас приведет.

— Совет что-нибудь сделает? И как быть с Джерисом?

Ответ Шива потерялся в бурном всплеске воды. Из озера прямо перед нами извергся Азазир, его бледное нагое тело снова казалось неземным, а глаза горели безумной яростью.

— Вы мне соврали или вы просто дураки? — зашипел он. — Говорили, что охотитесь за этими людьми, но я вижу, они охотятся за вами! Вы считаете меня идиотом?

— Что? Покажи!

В мгновение ока Шив сплел заклинание, и озеро вскипело у его ног. Я побежала к пещере и пнула Райшеда в ногу.

— Просыпайтесь! Гости идут.

Пока они возились с сапогами, одеждой и мечами, я поспешила обратно к Шиву. Он смотрел в гладь озерной воды, а Азазир посылал в заклинание свой собственный поток изумрудного света, безмерно увеличивая глубину и четкость изображения.

Собравшись вокруг, мы смотрели, как в заколдованной воде показалась группа теперь хорошо знакомых нам соломенных голов, пробирающихся сквозь заросли ежевики в самой чаще леса.

— Как они узнали, где мы? — Я хмуро глядела на воду. — А вдруг Дарни у них? Он бы сказал им?

Шив покачал головой.

— Он бы скорее умер.

В это я могла верить, но, несмотря на мои разногласия с агентом, надеялась, что до этого не дошло.

— По-моему, они охотятся за Азазиром, — немного погодя сказал Райшед. — Вернее, за тормалинскими ценностями, которые он у них украл.

— Но почему теперь, спустя столько лет? — спросила я, раздосадованная всеми этими тайнами. — И почему именно тогда, когда мы оказались здесь?

Мои вопросы остались без ответов. Все следили за приближающимися врагами. В отличие от нас перед ними лежал прямой путь, они не колеблясь шли по нашему следу. Даже там, где мы не оставили никаких следов или где тропинки расходились, они не задерживались, чтобы обсудить направление.

— Снова магия, — пробормотал Райшед.

— Я ее не ощущаю. — Азазир подозрительно уставился на изображение, лицо его стало жестким. — Ну-ка посмотрим, как они справятся с моими преградами.

Продвижение врага замедлилось — вереск, сплетаясь, набросился на них со всех сторон, корни деревьев выкручивались из земли, хватая их за ноги, низкие ветки били по глазам и запутывались в волосах. Мы не слышали, что они говорят, но, бьюсь об заклад, пугались по-черному.

— Подожди-ка, — сказал Шив, и Азазир остановил атаку.

Один из эльетиммов, — думаю, теперь мы уже можем их так называть, — поднял руку и как будто скандировал: его рот открывался более широко. У меня отвисла челюсть, когда на наших глазах плотный клубок растений расплелся и расступился перед ними.

— Что это было?

Азазир выглядел озадаченным.

— Точно не контрмагия, ибо не коснулась моего заклатья. Он обращался прямо к деревьям.

Недоумение на его лице сменилось негодованием.

— Посмотрим, как ему понравится это!

Пока злобный старик бросал все новые и новые препятствия на пути врагов, я изучала фигурки в изображении. Их колдун был одет точно так же, как остальные: кольчуга поверх черной кожи и меч в руке. Очевидно, металл ничуть не мешал его магии.

— Райшед, как были одеты те люди, за которыми вы гнались?

— В основном они были в местной одежде. Мы выяснили, что они крадут ее из прачечных и тому подобное. — Он нахмурился. — А ваши?

— Те, что в Инглизе, были в коже, как эти, но обретавшиеся в Далазоре напялили на себя домотканое и льняное старье.

— Значит, их — не одна группа? Но как они ухитряются передвигаться с такой скоростью?

Я все еще думала над ответом, когда раздался крик Айтена. Пока мы изучали захватчиков, он следил за берегом.

— Смотрите, там!

С другой стороны озера к нам направлялась весьма целеустремленная группа людей в коричневой домотканой одежде. Зато мечи их блестели на солнце и — о диво дивное! — так же блестели их головы. Крик зазвенел над озером, и я увидела еще одну группу, она шла в обход другим путем.

Оба мага прекратили гадание и повернулись навстречу новой угрозе. Айтен и Райшед, выхватив мечи, рванулись вперед. Зеленый огонь из ладоней Азазира пронесся над водой и, коснувшись двух эльетиммов, заморозил их, заключив в толстый серо-зеленый лед. Шив закрутил воздух над озером и направил в отряд огромный водяной смерч. Грязь и камни взлетели в небо, и многих эльетиммов разорвало на куски, вода на краткий миг покраснела.

Только я подумала, что все кончится прежде, чем они доберутся до нас, как Шив вскрикнул. Кровь брызнула из раны на руке, невидимая сила ударила его по голове, и маг рухнул на колени. Я побежала к нему, но снова ощутила ту сковывающую замедленность, знакомую мне по Инглизу.

— Можешь определить, кто это делает? — крикнула я в отчаянии. — Порази их чем-нибудь. Останови тех, кто скандирует.

Руки Азазира безвольно повисли в воздухе, на лице проступила нерешительность. Я выругалась, увидев порез, неведь откуда возникший на тыльной стороне моей руки.

— Вижу одного в задних рядах. В плаще с капюшоном.

Я оглянулась. Райшед изучал нападающих в подозрную трубу. Его рука оставалась твердой, несмотря на кровь, сочившуюся из под обшлага.

Ледяные Люди зашатались, двое упали на колени, вода безостановочно лилась из их носов и ртов. Они начали задыхаться и вскоре замерли навеки на прочном берегу. Мои ноги снова заработали, однако, хоть Азазир остановил их магию, нам еще предстояло встретиться с их мечами.

Потянувшись за дротиками, я выругалась. Снова бой, а я опять без кольчуги. К счастью, Райшед и Айтен облачились в свою броню, и я спряталась за ними, присматривая себе мишени. Эти люди оказались такими же восприимчивы-

ми к моему яду, как все прочие, и всего горстка из первой группы уцелела, чтобы вступить в бой.

Один по глупости бросился на Азазира, и его меч прошел сквозь истощенное старческое тело. Нет-нет, он не рассек его пополам, он прошел сквозь него: плоть открывалась и закрывалась за клинком, и только рябь расходилась по белой коже. Эльетим в шоке застыл, а маг погрузил внезапно ставшую жидкой руку в его открытый рот и утопил прямо на месте.

Я помогла Шиву отойти назад, тогда как Райшед с Айтеном показали эльетимам, на что способны хорошо обученные тормалинские воины. Очевидно, давно привыкшие работать в паре, они защищали друг друга, сильными, экономными ударами врубаясь в гущу противника, двигаясь ловко, с гибельной скоростью. Упавший враг был все равно что мертвый, и те, что добежали до нас первыми, выхаркивали свои жизни в грязь, пока их товарищи отступали под бешеной атакой двух тормалинцев.

Я поискала глазами вторую группу. Они все еще топтались в нерешительности на дальней стороне вытекающей из озера реки. Азазир повел кистью, и гроза с градом обрушилась на них, повергая в ужас. Один шагнул к озеру и что-то швырнул туда. Азазир выругался, сиганул в воду и скрылся с головой, даже не подняв ряби.

Группа раскололась. Кто-то бросился наутек, но большинство направились к нам. Райшед и Айтен пошли им навстречу, и тут вода в озере вдруг запенилась, стремительно поднялась вывысь и с грохотом упала обратно, открыв блестящую зеленую чешую, гребень из алых шипов и гибкое тело водяного дракона. Его длинная голова завертелась из стороны в сторону, а вокруг блестящих белых зубов размером с мечи замелькал язык. Крылья, как паруса океанского корабля, развернулись, сияя на солнце, и секли воздух; дракон изогнулся и встал на хвост на самой поверхности озера. Пронзительный вой эхом пронесся меж окрестных холмов; все пораженно застыли.

Айтен первым пришел в себя.

— Это же только иллюзия. Надо ударить по ним, пока те не очухались.

Они с Райшедом побежали вперед, а за ними вдогонку — и мы с Шивом. Я была несколько осмотрительнее.

Дракон зашипел и ринулся на ближайшего к озеру человека. Блеснули огромные зубы, они сомкнулись на его голове, как медвежий капкан. Отшвырнув рваные останки подобно какому-то гигантскому, жуткому коту, дракон схватил второго эльетима и разорвал его пополам, затем схватил третьего.

Райшед и Айтен стояли как вкопанные, а уцелевшие Ледяные Люди в страшной панике бросились бежать. Я едва не присоединилась к ним, когда дракон повернулся, разинул пасть с висящими на зубах кровавыми ошметками плоти и зашипел, разглядывая нас своими пылающими малиновыми глазами с кошачьими зрачками-щелочками, черными как деготь. Мы застыли на месте, боясь шелохнуться, а он вдруг сложил массивные крылья и исчез в мутных водах озера.

— Это какая-то иллюзия! — дрожащим голосом сказал Райшед. Айтен недоверчиво покачал головой.

— Последнего дракона убили во времена моего деда, он служил на одном из последних драконобойных судов, а потом удрал с него. И как мог дракон жить здесь, на севере? Это теплолюбивые животные!

— Это Азазир? — спросила я Шива; он выглядел таким же ошеломленным, как и все мы.

Маг нахмурился и медленно окунул руки в воду, но тут же отдернул их, словно это был кипяток.

— Нет, Азазир в озере, но там же и дракон. Они определенно автономны.

— Но драконы никогда не забирались так далеко на север, — настаивал Айтен, перед лицом невозможного цепляясь за то, что знал.

— Я думаю, — нерешительно вымолвил Шив, — думаю, Азазир как-то создал этого дракона. В конце концов, они — творения стихий.

— Забудьте о драконе, — вмешался Райшед. — Ведь мы теряем лучший шанс догнать убийц.

— Они бегут в панике, — согласилась я, — и могут привести нас прямо к своей базе.

— Шив, следи за ними, а мы приведем лошадей, — велел Райшед.

Маг остался над лужей, а мы побежали обратно и лихорадочно набросили на животных сбрую и вьюки. Почуввав спешку, Рыжий вдруг заартачился. Я прикрикнула на него и дернула за уздечку — миндальничать было некогда, эти люди могли привести нас даже к Джерису, если он еще жив.

Когда мы вернулись к Шиву, он стоял на коленях, плетя среди камней сложный узор янтарного света. Маг поднял голову, и холодное торжество окрасило его улыбку.

— Я пометил их след. Теперь им от нас не уйти. — Он посмотрел мимо меня на Райшеда. — Реликвии у тебя?

230 Райшед, сядя на лошадь, кивнул.

— Азазир отдал свои сокровища? — не поверила я. — Как тебе удалось?

— Я сказал, что, если б я занялся их изучением и неотступно следовал приказам Верховного мага, у меня вряд ли нашлось бы время поведать Планиру о возне Азазира с реками и погодой здесь, в горах.

Тон Шива был таким же зловещим, как его лицо.

— Разумеется, это было до того, как мы узнали о драконе. Я не уверен, что смогу сберечь эту тайну.

Я содрогнулась и беспокойно посмотрела на озеро.

— Давайте двигаться, а?

Шив поехал впереди, отыскивая дорогу по своей магии, а я очутилась рядом с Райшедом. В облике тормалинца что-то изменилось.

— На тебе один из тех мечей Азазира?

Он усмехнулся с некоторой робостью.

— Шив велел. Не скажу, что это очень приятно — иметь у себя на боку чье-то фамильное сокровище ценой в пару тысяч крон.

Мои брови поползли вверх. Я знала, старинные мечи весьма ценны, но чтобы настолько... Может, потребовать себе долю его стоимости, как с чернильницей? Нет, вряд ли из этого что-то получится — а жаль.

Скоро голые склоны кончились и начался обычный лес. Нас остановила поднятая рука Шива.

— Мы почти наступаем им на пятки, — тихо сказал он. — Лучше принять меры предосторожности.

Воздух вокруг нас замерцал, как солнечный свет, играющий на воде.

— Мы невидимы? — поинтересовался Айтен.

Шив покачал головой.

— Нет, нас просто трудно увидеть. Если будем соблюдать дистанцию и не шуметь, они не должны нас заметить.

День тянулся медленно. Час за часом мы пробирались по лесу вслед за удирающим врагом. Через какое-то время их паническое бегство замедлилось, но и после этого они все шагали и шагали без усталости, невзирая на гористую местность.

— Мы идем на восток, не так ли? — спросила я Райшеда, пытаюсь увидеть солнце сквозь плотный золотой полог осеннего леса.

— Пока да, — ответил он. — Думаю, они направляются к побережью.

Спустились сумерки. Тонкие серпики лун почти не освещали дорогу, но эльетиммы все продолжали свой равномерный марш. Я забеспокоилась: а собираются ли они вооб-

ше отдыхать? Но вот Шив сделал знак остановиться, и я тихо вздохнула от облегчения.

Маг спешился и подошел к нам.

— Они разбивают лагерь на полянке сразу за тем холмом, — тихо сказал он. — Будем следить за ними по очереди, но сомневаюсь, что они куда-нибудь уйдут.

Райшед, стреноживая лошадь, поднял голову.

— Если не возражаете, я посторожу первым.

— Я с тобой.

Я хлопнула напоследок Рыжего, и мы крадучись отправились на гребень.

Райшед шел через валежник почти так же бесшумно, как я, и, поймав его взгляд, я одобрительно усмехнулась. Последний отрезок мы проползли на четвереньках и на самой вершине легли, всматриваясь вниз, в лошину. Ночь выдалась холодная, но сухая и тихая, и мы не испытывали особых неудобств.

Эльетиммы собрались вокруг костерка, но, понаблюдав за ними, я нахмурилась.

— Не очень-то они разговаривают друг с другом, ты заметил? — прошептала я.

Райшед кивнул.

— Кажется, они делают все по муштре.

Скоро я поняла, что он имеет в виду. Половина из десяти уцелевших ели, пока остальные стояли на страже, они поочередно собирали дрова, ходили за водой и даже раздевались и мылись по очереди — сначала одна пятерка, потом вторая. От этого зрелища я содрогнулась: меня считают малость помешанной на личной чистоте, но даже я не решалась мыться на открытом воздухе в такую погоду.

В невысказанном согласии отряд завернулся в одеяла, а двое сели сторожить, молча уставясь в черноту лесной ночи, пока их товарищи спали. Через какое-то время некий инстинкт или тренировка разбудили другую пару, которая сменила в карауле тех двоих, — и все без единого слова.

— Они потеряли своего офицера, — объяснил Райшед. — Никто не отдает приказов, никто не обсуждает, что делать дальше. Нет у них старшего.

Я прикусила язык, чтобы не выругаться вслух.

— Мы забыли проверить тела, верно?

Темная фигура Райшеда пожала плечами.

— Времени не было. Думаю, в командирах у них состоят те, что совершают магию. А эти просто делают все по заученному — ничего другого им не остается.

— И куда это нас приведет?

Райшед улыбнулся, в темноте блеснули его зубы.

— Держу пари, они топают напрямиком к главарю, который их посылал, или кратчайшим путем домой. Пospорим на несколько крон?

Я замотала головой, прежде чем вспомнила, что он, вероятно, не видит меня.

— Никакого пари, Раш.

Той ночью ничего не случилось, если не считать очевидного факта, что эльетиммы спали больше, чем мы четверо, и я мысленно добавила это к их долгу мне. Жуя холодный завтрак, я смотрела, как они готовятся к дневному маршу, а Райшед и остальные сворачивали лагерь. Становилось почти скучно, пока я не напонила себе, что натворили эти эльетиммы. Удивительно, как люди с полным отсутствием инициативы могли столь продуманно истязать Йению. А если они только следовали приказам, то что за человек мог их отдавать? Нет, это большая удача, если мы убили его у озера.

Тот день и несколько следующих прошли так же непримечательно: мы тащились за приунывшим отрядом все дальше и дальше на восток. Их темп замедлился, они стали более небрежны. Путешествие не было тяжким испытанием, погода стояла холодная, но солнечная и сухая, а затем ветер принес соленый запах океана, и я поняла, что мы почти у побережья.

ГЛАВА 8

Плавание вдоль океанского побережья — совершенно иное дело, чем кораблевождение в Лескарском Заливе или Алдабрешском Архипелаге. Каждый моряк, выходящий в океан, должен заново учиться искусству мореплавания или погибнуть. Погода намного суровее, со штормовыми ветрами, приходящими прямо из глубины океана. Волны и крупнее, и сильнее, поэтому суда значительно уже, более глубокой осадки, с огромным множеством парусов и такелажа. Галеры не могут использоваться в этих водах, так как свирепые шторма нередко налетают из ниоткуда. Однако, учитывая отсутствие береговых путей и продолжительность времени, которое требуется для перевозки товаров по внутренним маршрутам, моряк, научившийся выживать, быстро извлечет впечатляющую прибыль. А кто не научится — утонет.

Океанские течения — главный бич судоходства у этого побережья. Каждый моряк, рискующий выйти за пределы видимости суши, должен быть бдителен, иначе подвергнет себя опасности оказаться унесенным с намеченного курса. Не так уж трудно определить местоположение, если вы окажетесь слишком далеко на севере или юге, но на это не стоит безоговорочно рассчитывать. Вдоль береговых утесов сравнительно мало бухт, и они в основном доступны лишь рыболовным судам. Вот почему необходимо нанимать лоцмана с отличным знанием береговой линии, ее опасностей, ее ориентиров и источников пресной воды. Не ко всякой бухте легко подойти, особенно при встречном ветре, и многие имеют мели на входе. Опытные моряки стоят хорошего вознаграждения. Бывшие пираты — полезные члены команды, пока их число ограничено.

Оказаться унесенным слишком далеко на восток почти всегда становится так или иначе фатальным. Течения дви-

жуются быстро, и бесполезно определять протяженность пути по суточной скорости путешествия. Каждый начальник гавани с ходу перечислит вам корабли, пропавшие в любом сезоне да так и не вернувшиеся в бухту, даже в зимние шторма. Течения, которые циркулируют южнее Бремилейна, особенно стремительны и могут унести судно на десятки лиг с его курса. Если корабль избегает такого течения, то есть опасность, что господствующие попутные ветра быстро погонят его на запад и выбросят на береговые скалы, и это особенно сопряжено с риском, если подход к берегу происходит ночью. Многие рыбацкие семьи довольно часто зарабатывают дополнительные деньги, вылавливая груз, прибитый к берегу.

Уже к югу от Зьютесселы погода мгновенно портится, и течения становятся весьма непредсказуемы. Пытаться обогнуть Мыс Ветров — это для сумасшедших или отчаянных, не для серьезных моряков. Перевоз товаров с одной стороны Зьютесселы на другую менее дорог, чем потеря корабля и груза. Большинство торговцев ставят перевоз условием любого соглашения с моряком. Ни один здравомыслящий человек не одолжит денег на покупку груза, если в контракт не вписан перевоз.

*«Наставления Д'Оксайра по кораблевождению
вдоль океанского побережья»*

Бухточка Шолвин, Гидеста, 26-е постосени

Над верхушками деревьев послышались крики чаек, а за ними все усиливавшийся ветер принес к нам звуки человеческой деятельности — скрип и плеск весел, стук молотков и обрывки разговоров.

Привязав лошадей, мы пошли к опушке.

— Осторожней, — предостерег Шив.

Я бросила на него раздраженный взгляд.

— Прости, — склонил голову маг.

С крутого косогора открывался вид на узкую бухточку, вырезанную в береговых скалах бурной рекой, которой Азазир, вероятно, гордился, и расположившуюся на берегу деревню. У мола из темно-зеленого камня покачивались привязанные рыбацкие лодки, сохнувшие сети трепетали на ветру; он приносил теперь крепкий аромат водорослей, рыбьих потрохов и ила — обычные милые запахи морского побережья.

Я нахмурилась, глядя, как эльетиммы открыто идут по деревне, направляясь к большому трехмачтовому судну, пришвартованному у дальнего конца причала на некотором расстоянии от ближайшей лодки, где горстка грязных рыбаков выгружала из трюма корзины с рыбой. Они даже не подняли головы, ког-

да эльетиммы прошагали мимо них стройной колонной — откуда вновь появилась дисциплина.

— Шив, они тоже маскируются магией?

— Понятия не имею.

— Но никто не заговаривает с ними и даже не замечает их. Что происходит?

Между тем отряд промаршировал к сходям и после проверки личности поднимался на борт.

— Сэдрин, это странно.

Не слушая возражений Шива и Райшеда, я начала осмотрительно спускаться по тропинке, прячась за кустами и деревьями, пока не вышла к каменным домишкам, теснящимся у реки, где скопилось немало людей и я уже не так бросалась в глаза.

В отличие от эльетиммов местные не считали меня невидимкой; я, вероятно, казалась им странствующей красавицей.

— Доброе утро.

Седой дед, гревшийся на солнышке у дома, взглянул на меня подозрительно.

Я нацепила лучезарную улыбку — милую, но глупую, — хотя она не слишком вязалась с испачканным плащом и штанами.

— Что это там за корабль, не знаете? — Я указала на трехмачтовый.

Старик озадаченно нахмурился.

— Корабль, говоришь?

— Да, тот, с зелеными вымпелами.

Уж не угораздило ли меня с первой же попытки наткнуться на деревенского дурачка?

Пришурившись, старик всмотрелся в даль, совершенно не замечая огромный парусник прямо у себя под носом.

— Так он прибывает? Глаза мои уже не те, что раньше.

— Пустяки.

Я собралась отойти, когда женщина с грубыми, обветренными руками и таким же лицом открыла дверь домика.

— Папа, с кем ты говоришь?

Она казалась мне острой, как нож для потрошения рыбы в ее руке, и потому я отказалась от любых попыток очаровать ее. Женщины редко клюют на это, когда имеют дело с другой женщиной.

— Я хотела спросить, вы не видели здесь в последнее время каких-нибудь чужеземцев?

Блеск в ее глазах соперничал с блеском серебра, появившегося в моих пальцах.

— Каких чужеземцев?

— Белокожих, светловолосых, как Горные Люди. Чужеземцев, которые держатся особняком.

Она не сводила глаз с монеты, но через минуту покачала головой.

— Нет, таких не видала.

— А как насчет незнакомых кораблей? Океанских, как, например, далазорские?

— На Солнцестояние заходил один торговец из Инглиза, и с тех пор никого не было.

В ее тоне сквозило разочарование, но сомневаться в ее искренности не приходилось. Я бы поверила ей абсолютно, если бы своими глазами не видела корабль со снующими на нем матросами.

— А тот, в конце причала, когда он пришел?

Женщина недоуменно проследила за моим взглядом, но ожилилась, только наткнувшись глазами на рыбацкую лодку.

— Это Мачил с братьями. Они только что вернулись с рыбных банок.

Я вложила две марки в ее склизкую ладонь, дабы отвлечь женщину от излишних раздумий обо мне, и торопливо пошла обратно через деревню, напустив на себя неприступный вид, чтобы отбить охоту приставать ко мне.

Райшед был не слишком доволен мною, когда я вернулась.

— Ну?

— Странно это. Похоже, никто не видит ни сам корабль, ни людей с него, — просто сообщила я.

Оба тормалинца недоуменно вскинули брови, но Шив почему-то встревожился.

— Ты уверена? Прости, глупый вопрос.

Он был так подавлен, будто только что сдохла его собака.

— Это что, так плохо? Но почему?

Маг потер ладонью усталое лицо.

— Одним из магических искусств в Старой Империи был умственный контроль. Мы так и не сумели воспроизвести его в Хад-румале. Думаете, они знают что-то, чего мы не знаем?

С минуту все молчали, а потом разом повернулись к Шиву и заговорили одновременно:

— Что будем делать? Ты можешь выяснить, у них Джерис или нет?

— Как мы доберемся до вашего товарища, если он на корабле?

— Ты можешь вытащить его, как вытащил меня из тюрьмы?

— Да погодите вы! — отмахивался от нас Шив.

Он закрыл глаза и нахмурился, разноцветный магический свет заискрился вокруг его головы.

— Проклятие! Что-то препятствует мне, я вообще не могу заглянуть внутрь корпуса.

Я вздохнула.

— Вот тебе и доказательство, что тут действует другая магия. Мы стояли кружком, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, пока Айтен не взглянул на гавань.

— Зубы Даста, они не теряют времени! Уже отчаливают!

Мы беспомощно наблюдали, как матросы отвязали швартовы, и длинные весла вывели корабль из бухточки.

— Пошли! — резко бросил Шив. — Нам нужна лодка.

Час от часу не легче! И какое божество я прогневила, что вляпалась в эту передрыгу?

Погоня лошадей, мы съехали с холма к причалу, не обращая внимания на любопытные взгляды деревенских жителей.

— Мачил!

Загорелый моряк на палубе поднял голову, явно удивляясь, откуда рыжая незнакомка знает его имя.

Шив снова сотворил заклинание мгновенной респектабельности для общения с крестьянами и с высоты лошади внушительно посмотрел на рыбака.

— У меня спешное поручение Верховного мага, и мне требуется судно. Тебя можно нанять?

Увы, на Мачила это не произвело ровно никакого впечатления. Равнодушно отвернувшись, он продолжал смывать с палубы рыбы потроха и чешую.

— Нет.

Райшед вытащил свой медальон.

— Я служу мессире Д'Олбриоту из Зьютесселы. Он был бы крайне признателен за помощь.

Рыбак пожал плечами.

— А мне-то что? Я не хожу так далеко на юг, не то время года.

Так как призывы к благородству этого человека явно не возыметь успеха, похоже, настала моя очередь.

— Ты не прогадаешь.

Не утруждая себя улыбкой, я погромела сумкой на поясе. Ему незачем знать, что там одни каладрийские пенни; я надеялась, что Шив прихватил у Дарни достаточно монет на расходы, прежде чем пуститься в это сумасшедшее путешествие.

Как говорят, чего только не купишь за деньги! Мачил поставил ведро и поднял брови, все еще без улыбки.

— Да?

Я посмотрела на лодку, на размер улова и величину деревни, и меня осенило.

— Вы не продаете всю эту рыбу здесь, ведь так?

— И что с того? — с подозрением спросил моряк.

— Значит, вы ее солите, коптите, или что там еще, и отвозите в глубь материка? Как насчет рудников? Бьюсь об заклад, там за нее хорошо платят.

Мачил смотрел на меня молча, но выжидательно. Остальным хватило ума сидеть тихо и делать вид, будто точно знают, к чему я веду.

— Вы возите ее сами или сдаете посреднику?

Глаза рыбака метнулись к длинному низкому-строению на другом берегу реки, и я поняла, что он у меня в кармане. Я жестом указала на наших лошадей и мула.

— С тремя верховыми лошадьми и вьючным мулом вы могли бы вытеснить всех остальных и сами получать барыши.

Теперь я усмехнулась и, к счастью, получила в ответ хитроватую улыбку.

— Четыре лошади, и мы, возможно, столкнемся. Я не беру на борт лошадей, так что тебе все равно придется оставить его здесь.

Значит, никакого шанса сохранить Рыжего. Надежда и в лучшем случае была слабой, и я твердо подавила сожаление. Когда догоним Джериса, он мне заплатит за эту сентиментальность.

Приняв недовольный вид, дабы рыбак почувствовал, что выиграл раунд, я медленно кивнула.

— По рукам.

— Тогда считайте, что вы меня наняли. — Он зевнул. — Я буду готов на вечернем отливе. Куда пойдём?

Я вопрошающе посмотрела на Шива. Маг, едва заметно кивнул, и я улыбнулась рыбаку.

— Мы тебе позже скажем.

Мачила это не слишком обрадовало, и я боялась, что у нас возникнут трудности.

Вечером мы явились с таким количеством припасов, какое удалось купить здесь, в небольшом местечке. Нам повезло, что Мачил не захотел показать перед братьями свое неведение; он энергично поманил нас за собой в тесную каюту, пока те погружали и размещали наше снаряжение.

— Так куда мы направляемся? — требовательно спросил он.

— Прямо в океан, — без церемоний ответил Шив. — Я отслеживаю корабль, который отчалил этим утром.

Мачил разинул рот.

— Ты шутишь? Его уже и след простыл.

Шив сделал небрежный жест и осветил мрачные деревянные стены магическим светом.

— Я найду его.

— А за ветра и течения ты тоже ручаешься? — с сарказмом произнес Мачил.

— Конечно. — Шив даже слегка удивился, что рыбак об этом спрашивает.

— Прости, но я не могу взять достаточно припасов для плавания, не зная, как долго оно продлится. И сколько брать пресной воды, мне тоже неизвестно.

Голос Шива зазвенел сталью.

— Оксан полон рыбы, и я могу опреснить воды столько, сколько вам будет нужно.

Мачил провел рукой по сальным волосам. Он явно не поверил, но ему хватило благоразумия не называть мага лжецом в открытую. Покачав головой, моряк решительно заявил:

— Сделки не будет. Можете забирать своих животных. Я не намерен рисковать жизнью.

— Как далеко вы обычно уходите? — мягко спросил Айтен, завязывая узлом кусок шпагата.

— Есть богатые рыбные банки в трех днях пути отсюда, — помолчав, ответил Мачил, настороженно следя за руками Айта.

— Как насчет того, чтобы отвезти нас на такое же расстояние? Если мы обнаружим корабль, который ищем, и погода удержится, то тогда уже обсудим, не пойти ли дальше.

— По-моему, это честная сделка за пять добрых животных и их сбрую. — Я подумала, что напоминание не повредит.

— Ладно. До рыбных банок, а там я решу, идти дальше или нет.

Не дожидаясь ответа, Мачил ушел, и мы услышали, как он выкрикивает приказы братьям.

Айтен усмехнулся Шиву.

— Я так понимаю, что ты сумеешь удержать ветер в нужном направлении, если понадобится идти дальше.

— Все это хорошо, но я не моряк, — вмешалась я. — Без них мы не сможем управлять этим корытом. Что, если они не будут сотрудничать?

Айтен бросил мне завязанный узлом шпагат.

— Я научился у своего деда не одним только морским байкам. Почему, как ты думаешь, он решил поверить мне?

От необходимости искать ответ меня избавил тошнотворный крен пола.

— Похоже, отчалили.

Айтен взбежал по трапу на палубу, а я глубоко вдохнула и села, стиснув зубы.

Райшед поглядел на меня сочувственно.

— Не выносишь качки?

Я выдавила улыбку. Как-то мне довелось плыть от Релшаза до Кола, и всю дорогу меня рвало, а ведь прибрежные воды считаются спокойными.

Гостевой дом при усыпальнице Острина, Бремилейн, 42-е постосени

Дарни снова забегал по комнате, и Казуел скрипнул зубами.

— Не понимаю, почему мы все утро должны торчать здесь и ждать, когда этот человек соизволит зайти, — раздраженно повторил агент.

— Тормалинский принц посещает людей, когда удобно ему, а не им, — устало ответил маг, наверное, в пятнадцатый раз.

— Все, чего мы хотим, это чтобы он разрешил обратиться к одному из его морских капитанов насчет фрахта судна. — Дарни подошел к окну. — Почему он решил прийти сюда сам?

— Откуда мне знать? — Казуел вытер перо и убрал его в футляр.

В такой обстановке нет смысла что-либо делать. Он заткнул пробкой чернила и аккуратно сложил книги на краю основательного, блестящего полировкой стола.

— Я мог бы заниматься другими делами, задавать вопросы. — Дарни отдернул муслиновую занавеску и посмотрел на другую сторону улицы. — Мне не нравится, что мне приказывают терять время ради удобства какого-то дворянина, которого разбирает любопытство.

— Мессир Д'Олбриот — один из ведущих патронов тормалинской жизни. — Выведенный из себя, Казуел повысил голос. — Он управляет делами своего дома, своей семьи в более широком смысле этого слова, своих арендаторов и их клиентов и надзирает за бизнесом примерно двадцатой части страны, по данным последнего взимания налогов. Если он хочет видеть нас, то потому, что считает это важным, а не потому, что ему просто нечем заняться!

Аллин, сидевшая в углу с шитьем, подняла голову.

— Значит, он как герцог?

— Нет, он гораздо важнее. Когда он говорит, что собирается дождь, все, начиная от императора, поднимают капюшоны.

Казуел посмотрел на девушку; сегодня Аллин была опрятно одета, он за этим проследил, но все равно беспокоился из-за ее присутствия здесь. Он надеялся отправить ее с горсткой меди прогуляться по городу, но, как назло, оказалось, что в гостевом доме сегодня день стирки, и не нашлось ни одной свободной горничной, чтобы сопровождать ее в тот единственный раз,

когда Казуел был только рад ее неизменной склонности беседовать со слугами под треск свечи. А здесь ее лескарский акцент звучал бы диссонансом в таком обществе.

— Он самый значительный человек из всех, кого ты когда-либо встретишь, так что сиди смирно и помалкивай, — строго сказал маг.

— Возможно, он самый значительный из тормалинцев, — оглянулся Дарни. — А из всех самый значительный — Планир.

Аллин нервно воткнула иголку в шов.

— Мне с ним тоже придется встретиться?

— Да, но не бойся, он очень доступен. — Агент улыбнулся. — Скоро мы доставим тебя в Хадрумал, я обещаю. Я представлю тебя Стрелл, моей жене. Она — алхимик и знает многих магов огня; она быстро тебя пристроит.

— Спасибо за заботу, Дарни, но устраивать Аллин буду я, — твердо заявил Казуел.

— А что плохого в том, чтобы рассмотреть все предложения? — прикинулся невинным Дарни. — Ты поможешь ей выбрать лучшее.

Девушка перевела взгляд с одного на другого, слабое удивление оживило ее круглое лицо, глазки заблестели.

— Я смогу выбирать?

— Должен сказать, да, — кивнул Дарни. — Сейчас большой спрос на новеньких с родством к огню.

— Думаю, нам следует сосредоточиться на насущном вопросе, — отрезал Казуел.

Аллин вновь склонилась над шитьем, но в уголках ее рта заиграла легкая довольная улыбка.

За окном кипела обычная жизнь. Приходили и уходили постояльцы, люди несли пожертвования к усыпальнице Острина, с рынка за стеной долетали призывы торговцев. Аллин справилась с большей частью штопки для Казуела, а Дарни изучил, должно быть, каждый предмет скромной обстановки в приемной: горстку стульев, стол и ряд гравюр с изображением Острина, под видом простого смертного проверяющего гостеприимство королей и принцев.

Но вот раздалось звяканье парадного колокольчика.

— Наконец-то! — воскликнул Дарни.

— Помни, как следует себя вести, Аллин.

Казуел взволнованно пригладил ладонями волосы и поспешно засунул книги и рабочую корзинку под скамью.

Дверь открылась, вошел юноша в ливрее.

— Мессир Д'Олбриот ожидает вас в гостиной, — объявил он снисходительным тоном.

— Да неужели? — оторопело произнес Дарни, а маг суетливо шагнул вперед.

— Спасибо, голубчик.

Казуел пронесся мимо лакея, сунув ему в руку монету. Опешивший лакей даже забыл, зачем пришел. А когда вспомнил, вынужден был протискиваться мимо Аллин, которая послушной рысцой побежала за магом. За ними, усмехаясь в бороду, неторопливо шел Дарни.

— Мессир Д'Олбриот.

Все еще взвинченный, слуга поклонился с порога. Казуел надменно кивнул лакею, а затем склонился в раболепном поклоне перед четырьмя мужчинами, восседавшими на изящных стульях вокруг полированного стола, украшенного вазой со свежими цветами.

— Мессир, имею честь представиться: Казуел Девуар, маг. Мои спутники — Дарни Фаллион, агент Верховного мага, и Аллин Мере, ученица.

Метя юбками пол, Аллин присела так низко, что чуть не упала. Дарни поймал ее за локоть и удержал, немного неуклюже кланяясь от пояса.

Мужчины встали и вежливо поклонились в ответ.

— Позвольте представить моего старшего брата, сына моей первой сестры и моего младшего сына.

Принц по очереди указал на своих спутников, к огромному облегчению Казуела. Маг снова поклонился, украдкой изучая ведущего патрона и его советников.

Мессир Д'Олбриот оказался человеком пожилым, дородным, с седыми волосами, обрамлявшими лысину, полным лицом и обманчиво водянистыми глазами. Его брат стоял уже на пороге старости, глубокие морщины прочертили толстые щеки, придавая лицу траурный вид, хотя от него еще веяло энергией. Племянник был на несколько лет старше сына, но у обоих уже замечалась склонность к полноте, пока еще удачно скрываемая одеждой от дорогого портного. Помимо неоспоримого семейного сходства, эти четыре лица объединяла привычная самоуверенность, какую могут дать лишь богатство и власть.

— Девуар? — вдруг переспросил племянник. — А ваш отец не торговец ли перцем в Орелвуде?

— Да.

Казуел виновато улыбнулся. Отец не поблагодарит его за такое внимание, если он провалит все дело.

— Значит, вы — брат композитора Амалена Девуара?

Глаза присутствующих с новым интересом уставились на Казуела, и маг опять низко поклонился, превозмогая ост-

рую боль в поврежденных ребрах, все же уступавшую его досаде. Встретит ли он когда-нибудь культурного тормалинца, который признает его самого, вне всякой зависимости от его нахального братца?

— Я слышал в Тормейле новое сочинение вашего брата; ваш отец, должно быть, очень горд, — вежливо сказал мессир Д'Олбриот.

— Мой отец не торговец, и у меня нет братьев, но я подчиняюсь лично Верховному магу. — Официальные приличия явно были не по вкусу Дарни. — Могу ли я узнать ваш ответ на нашу просьбу?

Четыре пары серо-голубых глаз повернулись к агенту. Мессир Д'Олбриот извлек из широкого рукава пергамент.

— Ваше письмо оказалось для нас довольно неожиданным, — заметил он. — Я беспокоился, так долго не получая вестей от Райшеда, но я сознавал, что его расспросы могли удалить его за пределы досягаемости курьерской почты. Вы знаете, где он сейчас?

— Я искал его и наших коллег. — Казуел осторожно шагнул поближе к Дарни. — В настоящий момент все, что нам известно, — это что они на рыбацкой лодке где-то далеко в океане.

— Значит, мы видели его и Айтена в последний раз, — утрумо заметил брат. — Мы будем скорбеть об этой утрате.

— Необязательно, — возразил Дарни. — Наш коллега — маг с большим опытом и водными талантами.

— Вы знаете, куда они направляются? — Племянник подался вперед, явно заинтригованный.

— К островам далеко на востоке. — Казуел незаметно вытер вспотевшие ладони о камзол.

— И что они надеются там обнаружить?

— Мы полагаем, там живет племя светловолосых людей, ответственных за ряд краж и разбойных нападений.

Вопросительно подняв брови, Д'Олбриот обвел взглядом своих родственников. Брат покачал головой, сын пожал плечами, а племянник скривил губы.

— Нам нужен корабль, чтобы догнать их. — Нетерпение Дарни становилось очевидным. — Мы рассчитывали на вашу помощь.

— Детские сказки и старинные легенды по-разному говорят об островах на востоке, — мрачно сказал брат. — Только в одном они согласны: каждого, кто ступит на эти земли, постигнет несчастье.

— Тогда остается надеяться, что Райшеду и Айтену не удастся их найти. — Племянник задумчиво помолчал. — Но высадутся они или нет, им грозит большая опасность, это несомненно.

Мессир перечитал письмо и поднял голову.

— Наверное, вы знаете о преступлениях против нашего рода, в которых повинны эти люди. Каков ваш интерес, помимо естественной любви к справедливости? — Голос его звучал нейтрально, но глаза сверкали.

— Они похитили одного из наших коллег. Он — ученый, работавший по делу Верховного мага. Кроме того, он мой друг. — Дарни с вызовом посмотрел на сидящего принца.

Д'Олбриот ответил ему твердым взглядом.

— Что это за дело такой важности у Верховного мага? Оно касается этого странного белокурого племени?

— Это вам расскажет Верховный маг, если решит, что вам следует об этом знать.

Тон Дарни был достаточно вежливым, но Казуел вздрогнул от его жестких слов.

— Оно очень важное, и я уверен, Планир захочет получить ваш совет, мессир. Оно определенно имеет отношение к безопасности Тормалина и...

Дарни оборвал его свирепым взглядом.

— Безотлагательный вопрос касается корабля. Нам нужно судно, чтобы найти эти острова и помочь нашим и вашим людям вызвать нашего коллегу. Я много слышал о долге верности присягнувшему в Тормалине и полагал, что вы захотите помочь.

— Не тебе учить Д'Олбриота верности, агент мага. — Племянник с легкой неприязнью посмотрел на Дарни.

— Он не хотел никого оскорбить, — поспешил заступиться за агента Казуел и умолк, когда мессир Д'Олбриот поднял руку.

— Что думаешь, брат?

Старик заерзал на стуле.

— Двое присягнувших на рыбацком судне — это разведка, но появление океанского корабля с вымпелом Д'Олбриотов на мачте может быть истолковано как враждебный акт. Существует и такой вопрос: можно ли позволить магам вмешиваться в политику? Полагаю, нам лучше оставить все как есть.

— Дело ваше, но не думайте, что эти люди оставят вас в покое, — невозмутимо промолвил Дарни. — Поспрашивайте сами, господа; вы обнаружите, что ограбили не только вашего племянника, но и многих других людей. Уверен, у вас есть донесения о недавних событиях в Инглизе. А когда вы услышите отчет Райшеда, вы поймете, что эта жестокость — всего лишь прелюдия к чему-то худшему.

И как это у Дарни получается столь убедительно выдавать догадку за простое изложение фактов, удивился Казуел.

— У нас есть обязательство обеспечить месть от имени моего кузена, отец, — в первый раз заговорил сын. — И мы обязаны долгом верности нашим присягнувшим.

Мессир Д'Олбриот пристально посмотрел на отпрыска, затем снова повернулся к агенту.

— Ты намерен идти независимо от моего решения? — Это был в сущности не вопрос.

— Да, — твердо ответил Дарни. — Я не могу бросить коллег в такой ситуации. Я связался с Хадрумалом и получил разрешение Верховного мага.

— И вы намерены взяться за это неизвестное племя втроем? Агент, маг и девушка? — с тонким сарказмом поинтересовался брат.

К огромному облегчению Казуела, Дарни не клюнул на приманку.

— Нет, сударь, Верховный маг сказал, что пошлет и магов, и воинов нам на подмогу. Скоро они будут здесь. Я бы предпочел иметь корабль наготове, чтобы не терять времени.

— Значит, вы планируете вторжение, — заметил старик с неодобрением. — В высшей степени враждебный акт.

— Они первыми совершили агрессию, напав на людей вроде вашего племянника и похитив моего коллегу. — Дарни держал себя в руках, но голос его был холоден как лед. — Я бы назвал это возмездием.

Мессир Д'Олбриот задумчиво скатал письмо и стал рассеянно похлопывать им по колену.

— Разумеется, мы лично заинтересованы в этом деле, господа. — Он смял в кулаке пергамент. — Сотрудничество с магами, без сомнения, вызовет толки, но, полагаю, в данном случае, мы можем допустить это.

Взмахом руки он указал на племянника.

— Эсквайр Камарл устроит вам беседу с моими капитанами. Решение выходить или не выходить в море должно остаться за ними, но я дам знать, что поддерживаю ваше предприятие.

— Вы очень любезны, мессир... — Казуелу пришлось проглотить свои дальнейшие благодарности, так как принц продолжал.

— Я требую от вас вот чего. — Он устремил на Дарни пронизывающий взгляд. — Планир или один из его близких помощников должен не позднее Зимнего Солнцестояния лично посетить меня, дабы полностью прояснить это дело. Если существует угроза территории или интересам Тормалина, я хочу знать о ней заранее и располагать временем для принятия мер. Вы поняли меня? Это условие моего содействия, и оно не подлежит обсуждению. Вы готовы дать заверение, что это будет сделано?

— Конечно, сударь. — Дарни вежливо поклонился, бросив ядовитый взгляд на Казуела. — Уверен, Верховный маг охотно

предоставит вам всю требуемую информацию.

— Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь капитан с большой охотой отправился в океан в это время года. — Брат мессира скрестил руки, считая разговор законченным.

— Вот мы и узнаем, кто крепче всех верит в Дастеннина, не так ли? — В первый раз юмор оживил лицо мессира Д'Олбриота, разрядив напряженную атмосферу. — Возможно, вам стоит сделать пожертвования для усыпальницы Морского Владыки, прежде чем пускаться в плавание.

Дворяне встали.

— Великолепное предложение. — Забыв про ребра, Казуел низко поклонился, но тут же сморщился от боли.

Дарни только засмеялся и протянул руку.

— Хуже от этого не будет, не так ли? Спасибо, мессир.

— Эсквайр Камарл свяжется с вами чуть позже и проводит в доки.

Мессир Д'Олбриот остановился, чтобы учтиво поклониться Аллин. То же сделали и его родственники. Девушка зарумянилась и присела, онемев от смущения, к великой радости мага.

— Позвольте проводить вас.

Пока дворяне выходили, Казуел беспокойно болтался у двери, не обращая внимания на презрительный взгляд агента.

— Я поплыву на корабле по океану? — прошептала Аллин с тревогой на круглом лице.

— Нет, птенчик. — Дарни обнял ее за плечи. — Все будет хорошо. Скоро сюда приедут маги, они о тебе позаботятся.

Дальние пределы океана, вторая половина постосени

Я мало что могу рассказать об этом этапе нашего безумного путешествия, потому что вскоре уже не отрывала глаз от ведра. Никто больше не страдал морской болезнью, но шутки на мой счет быстро кончились: стало ясно, что несколькими часами рвоты дело не ограничится. Горсть дней исчезла в одном расплывшемся пятне тошнотного страдания.

Как-то вечером, когда спустились сумерки, Райшед зашел в каюту проводить меня. Он подержал мне голову, затем помог вымыть лицо. Лимонное масло в воде перебило кислые запахи рвоты, и я ухитрилась выговорить «спасибо».

— Не за что. — Тормалинец нежно вытер мое лицо чистой влажной тканью. — На, выпей воды и пожуй это, глядишь, поможет.

Сделав несколько осторожных глоточков, я протянула руку.

— Это не тассин?

— Нет, засахаренный имбирь. — Он передал мне липкий комок.

Имбирь очистил рот, принес желанное облегчение, но стоило кораблю накрениться, как я снова бросилась к ведру. Вскоре я утратила интерес ко всему остальному, и даже приход Шива не пробудил моего любопытства. Во всяком случае, до тех пор, пока я не поняла, что речь идет обо мне.

— Теперь ее рвет даже от воды, — сообщил Райшед. — Это уже серьезно.

— Что ж ты раньше меня не позвал? — встревожился Шив.

Не чувствуй я себя так ужасно, меня бы тронула его забота.

— Ты был слишком занят. Кстати, а как кормчий реагирует на магические штучки?

— Совершенно доволен и счастлив, хотя я так и не понял, его в самом деле это не беспокоит или он притворяется, чтобы пустить братьям пыль в глаза.

Шив подошел к койке и ласково взял в руки мою голову. Внезапное изумрудное мерцание заставило меня зажмуриться, но это не помогло, так как казалось, будто свет идет из моей головы. Ощущение было столь необычным, что я совсем забыла про тошноту. Но вот свечение угасло, и я поморгала, прогоняя мерцание в глазах.

— Что это было? — просипела я.

— Внутри твоих ушей есть вода, — объяснил Шив. — Отчасти поэтому тебя так мутит. То, что я сделал, должно помочь, а теперь попробуй уснуть.

И правда, мучительная тошнота исчезла. Я глубоко вдохнула и тотчас пожалела об этом, ощутив дикую боль в ободранном горле, в желудке и в плечах. Голова загудела, как наковальня самого Ми-заена.

— Кто бы мог подумать, что я родилась с южным морским ветром в рунах? — ухитрилась я слабо пошутить.

— На, пожуй еще имбирь. — Райшед отдал пакетик из промасленной бумаги.

От имбиря мне вроде полегчало. Я глотнула воды; когда она осталась в желудке, я сделала еще один большой глоток и съела сухарик. Немного погодя решила, что могу и поспать. К моему удивлению, я проснулась ярким солнечным днем в пустой каюте и с мирными внутренностями, спасибо Дрианон.

Спустя некоторое время появился Райшед с галетами.

— Выйди на палубу, — посоветовал он. — На свежем воздухе тебе сразу станет лучше.

Вслед за тормалинцем я поднялась по трапу. Ноги еще дрожали, но тошнота не возвращалась — похоже, магия

Шива работала. Я оглядела судно. Айтен, раздетый по пояс, не смотря на холод, помогал рыбакам вытаскивать сеть, а маг что-то обсуждал с кормчим.

— Паруса!

Подняв голову на крик, я увидела высоко на мачте тощего мальчишку. Мачта раскачивалась из стороны в сторону, и от этого зрелища меня снова замутило. Я тотчас перевела взгляд на море.

— Где они? — спросила я Райшеда.

— С палубы не увидишь.

Он оглянулся на Шива. Маг кивнул, и я поняла, что лодка замедляет ход.

— Мы останавливаемся? — с беспокойством спросила я, осмотревшись, — со всех сторон нас окружала нескончаемая вода.

— Нет, просто стараемся, чтобы нас не увидели. Мы будем оставаться позади, и кривизна океана спрячет нас.

— Прости?

— Океан закруглен. — Тормалинец изобразил в воздухе дугу. — Если мы останемся здесь, нас не увидят. А так как у них более высокий корабль, мы можем следовать за верхушками их мачт.

Должно быть, я выглядела совершенно бестолковой, потому что Райшед присел и водой нарисовал картинку на палубе.

— Вот поверхность океана; некоторые говорят, будто она закруглена, как вода в полном бокале, а иные даже считают, что мир — это сфера. Во всяком случае...

Я замахала руками. Это начинало походить на разговор с Джерисом, и я решила: чем меньше знаю об океанах, тем лучше.

— Верю тебе на слово. Меня интересует только одно — когда мы увидим сушу?

Никто не смог мне ответить, но казалось, всем на это наплевать. Мачил согласился идти дальше в океан, когда понял, как хорошо Шив умеет управлять ветрами и водой вокруг судна, и когда стало ясно, что он будет выглядеть очень глупо перед братьями, если пойдет на попятную, — Айтен отлично поработал, перетянув их на нашу сторону. Никто из рыбаков не спрашивал, что мы затеяли, а так как Шив никакой информацией не делился, мы тоже помалкивали.

Так и продолжалось наше плавание — еще десять дней, еще горстка. Вскоре моей главной бедой стала скука, так как я мало чем могла помочь, даже если б захотела. Погода портилась, штормило все сильнее, но это никого не тревожило. Пришлось и мне поверить, что мы не пойдем вот-вот ко дну; главное — меня больше не тошнило. Шив следил за вражеским кораблем,

Райшед с Айтеном помогали команде. Я ухитрилась сыграть несколько партий в руны, но, выиграв во второй раз судовой запас крабовых панцирей, потеряла интерес к игре.

К тому времени, когда луны показали наступление предзимы, я уже стала бояться, что мы будем идти, пока не увидим, как эльетиммский корабль падает с края мира, и вдруг мальчишка на мачте поверг всех в немоту криком: «Земля!»

Мачил проворно вскарабкался к нему. Ветер срывал его слова, поэтому мы не слышали, о чем они говорят. Когда Мачил спустился, на его лице застыла странная смесь удивления и страха, отраженная на лицах его братьев.

— Впереди земля.

Он явно не верил, что мы что-то найдем.

Моряки посмотрели друг на друга. Они испытывали тревогу, но говорить не решались.

— Тогда давайте поставим еще парус и подойдем ближе.

Айтен шагнул к снастям, однако никто не последовал за ним.

— Я не хочу подходить, — сказал вдруг мальчишка-наблюдатель, самый младший из братьев, и тут же покраснел.

Против обыкновения никто на него не цыкнул.

— Почему? — осторожно спросил Шив.

Я видела, он обеспокоен таким поворотом событий.

Мальчишка выпятил челюсть.

— Если в такой дали в океане есть земля, то это, верно, та, где живут тени.

Он вызывающе оглядел стоявших кружком братьев. Те вновь обменялись непроницаемыми взглядами, но промолчали.

— Тени? — Я старалась не выдать особого любопытства.

Мальчишка открыл рот и тут же его закрыл. Воцарилась неловкая тишина, пока Мачил наконец не ответил мне.

— Есть старые предания об островах, где живут тени утопших. Говорят, если причалишь там, то назад не воротиться.

Моряк обвел нас дерзким взглядом, и я поняла, что у нас возникла проблема.

— Вы же не верите детским сказкам... — насмешливо произнес Айтен.

Зря он насмехался. Лица вокруг нас окаменели.

— Тени существуют, иногда они попадают в сети, если зайдешь слишком далеко за северные рыбные банки. — Теперь говорил один из старших братьев, человек, как будто начисто лишенный воображения.

— Понятно. Как они выглядят? — со всей серьезностью спросил Шив.

Мачил пожал плечами.

— Как все утопшие, но сразу видно, что это тени, потому что они совсем бесцветные — и волосы бесцветные, и кожа.

Мне не нужно было смотреть на других, чтобы понять: все мы думаем об одном и том же. Почему мы не рассказали этим людям о своих заботах и не спросили, известно ли им нечто такое, что заинтересует нас. А теперь, когда эта мысль о тенях и утопленниках овладела рыбаками, все, что бы мы ни сказали, покажется ложью, придуманной ради их спокойствия.

Шив посмотрел на их утрюпые лица и быстро принял решение.

— Высадите нас в шлюпку. — Он указал на корабельную гребную лодчонку. — А сами можете возвращаться.

— Ну нет, ты нам нужен, чтобы вызвать попутный ветер. — Мачил был непреклонен.

— Я наложу заклятие, которое доставит вас домой, — ответил ему Шив очень авторитетно.

Мачил отвернулся, ворча, что целый караван мулов не стоит этого плавания, но приказал двум своим братьям спустить шлюпку. Я бросилась за магом в каюту.

— Шив, — волнуясь, промолвила я, — что это ты задумал?

Он строчил письмо, но, услышав мой вопрос, поднял голову.

— О, я и не собирался подводить корабль прямо к берегу. Лучше высадиться незаметно и оглядеться, а уж потом решать, что делать. Правда, я рассчитывал, что мы подойдем поближе, но это пустяки.

— Не уверена. — Его спокойное объяснение оказало на меня совершенно противоположный эффект. — Как же мы вернемся домой? Эти парни рванут на запад прежде, чем мы вытащим весла.

— Я доставлю нас домой. Если раздобудем лодку, это будет легко. На худой конец переброшу нас, как тебя в Инглизе.

Я вытаращила глаза. Перенести меня через одну каменную стену и пол-улицы — это одно, но о скольких лигах он говорит теперь?

Неожиданная мысль отвлекла меня.

— Ты хочешь сказать, что можешь переноситься куда угодно с помощью магии? И что мне вовсе незачем было выворачивать свои кишки?

Шив покачал головой.

— Прости, я могу доставить нас только туда, где я уже бывал. И целый день после этого я буду для всех бесполезен. Сложные заклинания такого рода действительно истощают.

Он запечатал пергамент и адресовал его Планиру.

Я лихорадочно соображала, что еще можно на это возразить. Как убедить мага не покидать эту ставшую вдрут

прелестной лодку и ее очаровательную команду посреди океана? Увы, я не смогла придумать ничего такого, что Шив не отмел бы с подобной же легкостью. И тут я вспомнила: это одна из многих причин, по которым я предпочитала не связываться с магами.

И вот мы пересели в шлюпку. В этой скорлупке я оказалась так близко к воде, что от страха екнуло сердце. Одно утешало: Райшед с Айтенем тоже нервничали. Не зная, с чем мы столкнемся на берегу, они на всякий случай надели свои доспехи, но плавать в них смогли бы не лучше мешка с зерном. А это значило, что у меня будет подходящая компания, если мы перевернемся. Живя в далеком от всех морей Ванаме, я так и не удосужилась научиться плавать.

Хорошо хоть грести не пришлось. Шив сел на нос, опустил руку в воду и сосредоточился. Шлюпка тихо заскользила по волнам, и вскоре я увидела, как туманные формы на горизонте обретают цвет и предметность. Тускло-зеленые холмы над сланцево-серыми берегами выглядели неприветливо и совершенно непривлекательно. Мы бесшумно вошли в мелкий, усыпанный галькой заливчик и сидели с минуту, глядя друг на друга и гадая, что делать дальше.

— Выходим. — Райшед решительно вылез из лодки. — Мы пришли за ответами, так давайте их получим.

По настоянию Айтена мы втащили лодку на берег и обложили камнями. Будь моя воля, я как можно скорее отправилась бы домой, а Шив пусть отсыпается, сколько ему там нужно. Но я ничего не сказала. Все слишком нервничали, чтобы затевать спор. Однако было приятно ощутить под ногами твердую почву и получить хоть какое-то занятие для ума.

— Что теперь? — спросила я, когда мы спрятали припасы в углубление среди камней.

— Прежде осмотримся, а уж потом будем строить планы, — заявил Райшед. — Поглядим, как живут эти люди, и попробуем отыскать главного.

Это пришлось мне больше по вкусу.

— Если найдем его дом, я проберусь туда, может, удастся что-нибудь разузнать.

— Не думаю, что нам следует разделяться... — деликатно произнес Шив.

Райшед махнул рукой.

— Обсудим это, когда придет время.

Он пошел через галечные наносы на неуютно открытую пустошь, заросшую невысоким кустарничком. Я посмотрела вокруг и насупилась.

— Здесь совсем нет укрытия, Раш.

Редкие, согнутые ветрами деревца если и могли кого скрыть, то лишь худосочного поросенка.

Не тратя времени на ответ, тормалинец повел нас к длинной гряде выветренных скал. По разбитым камням было трудно идти, но хоть было где спрятаться. Мы шли уже довольно долго, и вот наконец впереди показался дым — значит, там люди. Мы пошли с большей осмотрительностью.

— Костры из навоза. — Айтен сморщил нос, но я лишь пожала плечами — что здесь еще жечь?

Мы взобрались на высокий утес. Сверху открывался приятный вид на маленькое поселение, цеплявшееся за неровную береговую линию. Вокруг вытащенных на серый песок лодок работали люди. Что-то непонятное, огромное и черное лежало поодаль.

Райшед вытащил подзорную трубу и не смог сдержать восклицания.

— Зубы Даста, это рыба!

— Можно мне? — Шив взял трубу. — Нет, это кит, морское животное.

— Как дракон? — поежилась я. Хорошо, что я не вспомнила о нем, когда мы были еще в лодке.

— Нет, с виду они похожи на рыб, но это животные, настоящие. Они выкармливают своих детенышей.

Маг передал мне трубу, и я увидела группу белокурых людей, сдирающих шкуру и мясо с массивной кровавой туши. Это зрелище вызвало спазмы в желудке, поэтому я повернула трубу — что там еще происходит? Повсюду кипела работа; китовое мясо сохло на вешалках, дети копались в песке за деревней, взрослые чинили сети, потрошили рыбу, разбирали снасти.

Шив протянул руку за трубой, и я неохотно отдала ее.

— Азаир был прав: они плодятся как крысы. В этой деревушке в три раза больше народу, чем в той, откуда мы приплыли, — заметила я.

Айтен караулил на другой стороне. Он оглянулся через плечо.

— Идите и посмотрите сюда.

Я подошла к нему. Внизу, на открытых отливом камнях, копошились мужчины и женщины. Одни собирали моллюсков, другие набивали корзины морскими водорослями, третьи тащили эти корзины в глубь острова, где еще больше людей закапывали содержимое корзин в землю на плохоньких полях, устроенных в виде террас на склонах холмов с серыми каменными стенами.

— Они передвигаются, как рабы, — прошептал Айтен. — Ну точно как в Алдабреши.

— Только не так жарко, как в парилке, и нет джунглей, ты хотел сказать? — поддразнила его я.

К нам присоединился Райшед.

— Это не рабы, — возразил он. — Нет никаких надсмотрщиков, не так ли? Никого с плетью или палкой. Они делают это потому, что хотят.

Я оглянулась на унылый пейзаж и вздрогнула от холодного ветра, непрерывно дующего с моря.

— Они делают это, чтобы не помереть с голоду. Мизаен, что за место для жизни!

— Им выбирать не приходится, — резюмировал Шив, возвращая Райшеду трубу. — С этих островов не уехать без магии.

В общем, мы сидели и наблюдали, как эти люди с мрачными лицами выполняют свою утомительную работу. Прибытие флотилии одноместных лодчонок вызвало подъем активности и возбуждения; в сетях, натянутых между лодками, трепыхалась рыба. Вскоре подошли две лодки побольше, двух- и четырехместные, и я невольно ойкнула, увидев, что к ним привязано нечто, ужасно похожее на тела. Райшед успокоил меня, объяснив, что это тюлени, такие же водятся у южных берегов Тормалина. Я заметила, мое незнание морей и их обитателей вылезает наружу всякий раз, когда появляется что-то новое, а потому решила впредь помалкивать и разбираться с тем, что увижу, по ходу дела.

— Где они берут дерево для лодок? — пробормотал Айтен, наблюдая, как их вытаскивают на берег и запирают в длинных низких сараях.

Райшед снова смотрел в трубу. Надо и мне раздобыть такую, решила я.

— Вряд ли они используют дерево, — заявил он вскоре, шелчком складывая трубу. — Те лодки — из кожи, натянутой на костяные каркасы.

Мы посмотрели на китовую тушу, от которой остался теперь один кровавый остов массивных ребер.

— У них все идет в дело, не так ли?

В восхищении Шива ощущалось беспокойство, и я поняла почему. Эти люди мало что имели, но даже эту малость использовали наилучшим образом. Бедность и изобретательность — опасное сочетание. Мы крадучись перебрались под укрытие серой скалы. Приятно было уйти от ветра, но холод все равно пробирал нас до самых костей. Только бы не полил дождь, иначе быть беде.

Настал полдень, и меняющийся ветер принес к нам дразнящие запахи печеной рыбы.

— Умираю с голоду, — застонал Айтен. — Вы только понюхайте!

Он оценивающе посмотрел на меня.

— А слабо тебе прокрасться вниз и стащить что-нибудь?

— Будь серьезнее! — Я состроила скорбную мину. — Я бы торчала там, как евнух в публичном доме.

— Я думал, евнухи-то как раз нигде не торчат, — ухмыльнулся Айтен.

— Да тихо вы! — прошипел маг, не оценивший нашего юмора.

Пожалуй, это и впрямь было не самое подходящее время для глупых шуток.

— Гляньте-ка туда!

Райшед все еще изучал деревню, и мы проследили за его взглядом. Возле домов собралась группа мужчин. Они взваливали себе на спины вьюки, настолько тяжелые, что, даже издали глядя на них, хотелось поморщиться.

— Идем за ними.

Мы осторожно обошли скалистую гряду, окружавшую эту деревушку, а носильщики тем временем построились в затылок и двинулись гуськом по берегу. Мы шли параллельно им и вскоре оказались на более плоской и менее каменной земле. Здесь опять не хватало укрытия, и пришлось перебегать от каменных стен к канавам, вырытым среди скошенной травы, да полагаться на магию Шива, которая заставляла любой случайный взгляд скользить поверх нас.

Носильщики вышли к реке, где еще больше народу ковырялось в иле дельты; там были расставлены сети для ловли рыбы, приносимой приливами. На другой стороне реки высился утес. Маленькие фигурки на его уступах собирали яйца из гнезд морских птиц, а встревоженные птицы бросались на них, пронзительно крича, и энергично атаковали когтями и клювами. Я содрогнулась. Что за ужасное восхождение — камни мокрые, руки заняты, да еще птицы гадят тебе на голову!

Подождав, пока носильщики благополучно переправятся на другую сторону, мы бесшумно ступили на мокрый песок. Маг шел впереди, указывая дорогу, чтобы мы не угодили в скрытые ямы. Мои сапоги не промокали, но все мы уже основательно замерзли, и я с облегчением увидела, что дальше наш путь лежит в глубь острова. С двух сторон поднимались холмы, укрывая от ветра, а вскоре мы наткнулись на выровненную дорогу, по которой идти было намного легче, хотя нам по-прежнему приходилось бросаться в растущие вдоль дороги кусты всякий раз, когда магия Шива обнаруживала, что кто-то приближается.

В один из таких разов я сидела и сосала руку, ободранную густыми шипами, и вдруг заметила что-то на одном из каменных столбов, которыми помечают дорогу. Это был грубый рисунок из углов и линий, помещенных в квадрат. Я уже видела та-

кой, но где? На рыбацких лодках. Тогда я решила, что это просто украшение.

Мы пошли дальше, и теперь я видела этот символ на всех дорожных столбах. Я столь увлеклась версиями о его предназначении, что едва не налетела на спину Райшеда. Дорога в этом месте повернула, и нашим взорам предстала группа зданий. В центре стоял большой двухэтажный дом, обнесенный высокой стеной, вдоль которой расположились дома поменьше. Здесь было так же оживленно, как в той деревне на берегу, но дома не так прижимались друг к другу; вероятно, пространство означало богатство, и каждый клочок пригодной к употреблению земли должен возделываться. Высоко над воротами, у которых стояли стражники в коричневых мундирах, была установлена плита все с тем же вырезанным символом.

— А вот и дом главаря, — прошептала я, придвигаясь ближе к Райшеду.

Тормалинец хмуро оглядывался по сторонам.

— Местечко для обороны не слишком удобное. Нападающие могли бы подняться на эту высоту и просто валить туда камни или стрелы.

— Ты же не знаешь, какие магические защиты у них есть. — Шив изрек напоминание, без которого я могла бы обойтись.

Мы спрятались в пещерке и следили, как носильщики терпеливо ждут в очереди. Никто из них не сел и не сбросил свои выюки. Они просто стояли, пока их не вызывали вперед, — тогда их ношу забирали мужчины из главного дома. Во всех складах и мастерских кипела работа. Я слышала звонкие удары кузнечного молота и еще какой-то звук, происхождения которого никак не могла понять, пока не увидела мужчин в мучной пыли, выносивших мешки из низкого строения. Вот чего совсем не было, так это звука воды или столба дыма из кузницы.

— Как они заставляют работать мельницу? — шепотом спросила я Шива.

Маг задумался и, положив ладони на камни, закрыл глаза. Наморщил в замешательстве лоб, а потом сообщил:

— Жар идет из-под земли, так же как горячая вода и пар. Они это как-то используют.

Широко открыв глаза, мы посмотрели друг на друга; эти люди определенно изобретательны.

— Должно быть, огненные горы создали эти острова, — пророчил Райшед. — Как Архипелаг, в конце концов.

Очередь носильщиков зашаркала вперед, и я вспомнила, что должна делать. Какой-то человек составлял список на деревянной дощечке, и я неотрывно наблюдала за ним; мы нуж-

дались в информации, а потому я хотела увидеть, куда эту дощечку понесут. Наконец он прикрыл список чехлом и направился к главному дому. Он вошел без всяких церемоний или оклика часовых.

— Ты сможешь туда пробраться?

Райшед передал мне подозрную трубу, и я изучила поселение.

— Если все, о чем придется беспокоиться, — стены и окна, то это плевое дело. — Я повернулась к Шиву. — Ты можешь определить, есть там магическая защита или нет?

Маг беспомощно пожал плечами.

— Стихийных нет, а вот насчет эфирной ничего сказать не могу.

Я погрустнела.

— Я не против риска, но хочется быть уверенной, что игра стоит свеч.

Райшед опередил мой следующий вопрос.

— Ты можешь узнать, есть ли там какие-нибудь вещи, что вы украли?

Шив уже доставал из заплечного мешка свои гадальные масла.

— Сейчас посмотрим.

Пока он бормотал и водил руками над маленькой серебряной чашей, погасив ради безопасности весь магический свет, мы продолжали караулить. Наконец маг хлопнул меня по спине, и я подползла к нему.

— Думаю, я нашел некоторые книги Дарни, пару томов по истории Уэрала Тандри. Они в кабинете на другой стороне, верхний этаж.

— А Джериса там нет? — спросила я, глупо надеясь на победу с первого же броска рун.

Шив со вздохом покачал головой.

— Даже намека нет.

— Какие-нибудь помещения экранируются, как тот корабль? — поинтересовался Райшед.

— Нет, я осмотрел весь дом.

— А ты не мог бы показать мне, что внутри? Тогда бы я управилась гораздо быстрее.

Маг замялся.

— Я бы предпочел не показывать, если ты надеешься справиться. Быстрый просмотр — это одно, а детальный требует времени и сил. Вспомни, те люди на озере узнали во мне мага. Я подозреваю, что у них есть какой-то способ обнаруживать магию стихий, хотя мы их магию не ощущаем.

Увы, пришлось согласиться с его доводами.

— Если нет никаких экранов, то скорее всего нет и эфирных защит, — пытался ободрить меня Райшед.

Я скептически подняла брови; это был довольно шаткий аргумент, но все же лучше, чем ничего.

Вот так мы сидели и ждали, когда закончится день. Становилось скучно, тело затекало, да еще донимал голод. Баллады о великих приключениях слишком много опускают, подумала я. Вам приходилось слышать, чтобы менестрель распевал о том, как его герой изнывает от скуки в ожидании какого-нибудь происшествия, отсиживает себе ноги или до костей промокает в ливень? Хорошо хоть, у нас пока обошлось без ливня; я едва не сказала об этом Райшеду, но вовремя решила, что лучше не искушать Дастеннина.

Гостевой дом при спальнице Острина, Бремилейн, 1-е предзимы

Дарни со злостью дернул ручку, и колокольчик лихорадочно зазвякал.

— Организуйте какой-нибудь обед, — бросил он через плечо испуганному прислужнику, отворившему дверь.

— Добрый день, простите моего коллегу.

Казуел торопливо поклонился и поспешил за агентом. Следом с задумчивым видом вошел эсквайр Камарл.

— Что-то не так? — Аллин судорожно схватила за шитье, глядя на мужчин, сбросивших плащи, влажные от постоянной мороси.

Дарни заходил по комнате.

— Мы не нашли ни одного капитана, готового выйти с нами в океан.

Казуел растерянно посмотрел на перечень имен.

— Нам выдали все возможные отговорки, начиная с коварных течений и кончая морскими змеями.

— Должен признаться, мне начинает надоедать, что люди, воняющие морскими водорослями, обращаются со мной как с идиотом. — Камарл провел рукой по волосам, липким от принесенной с ветром соли.

— Они просто трусы! — взорвался Дарни.

— Нет, они осторожны, и в это время года иначе нельзя, — напомнил эсквайр. — Мы же просим их рисковать жизнью.

Словно подтверждая его правоту, внезапный порыв ветра ударил в окно. Стекло задребезжало.

— Мы предлагаем им достаточно денег! — Дарни плюхнулся в кресло. — Почему мессир Д'Олбриот не может просто взять да приказать одному из них отвезти нас?

— Они не слуги, а свободные люди, даже если плавают на принадлежащих ему судах. — В голосе Камарла проскольз-

нуло слабое раздражение. — Они сами решают, как им поступать, и мессир не имеет ни средств, ни желания принуждать их.

— Мы должны подготовить корабль до того, как прибудут люди Планира. — Досада снова подняла Дарни на ноги.

Камарл посмотрел на мага — тот угрюмо сидел, держась за ребра.

— Вы не знаете, когда их следует ждать, эсквайр Девуар?

Казуел устало покачал головой.

— Сначала им нужно переправиться на материк, а зимой это всегда проблема. Хотя по суше, через Лескар, они доберутся быстро — в это время года там не будет сражений.

— Зато дороги будут в жутком состоянии, — не унимался Дарни. — Шив и остальные за это время сто раз могут оказаться в опасности.

— А могут уже направляться домой, пока мы тут говорим. — Камарл нахмурился. — Я бы не высадився на незнакомом берегу без надежных средств для отступления. Они ведь не отпустили свое судно, как вы думаете?

— Сомневаюсь, что Шиввалану придет в голову беспокоиться о возвращении, — кисло пробормотал Казуел.

— Ты знаешь, что сейчас с твоими друзьями? — Аллин закончила аккуратную штопку и откусила нитку.

— Ну, Каз? Ты ведь гадал, а? — Дарни наклонился над столом.

— Вообще-то нет, только в тот последний раз, когда ты меня просил и они еще были на том судне. — К возмущению в голосе мага прибавилась оборонительная резкость.

— А тебе что — все нужно говорить? — Дарни развел руками.

— Ты каждый час велишь мне связываться с Хадрумалом! — вспылил Казуел. — Откуда, по-твоему, у меня возьмутся силы на что-то еще?

— Прояви какую-нибудь инициативу, Сэдрин тебя побери! — Агент начал повышать голос.

В дверь постучали, и Аллин бросилась открывать.

— Эсквайр просил настоев. — Служанка в коридоре испуганно присела.

— Спасибо.

Камарл смотрел, как девушка поставила поднос на стол и топорливо вышла.

— Не думаю, что взаимные упрёки окажутся очень плодотворными, — заметил он, взяв заварочный шар. Насыпал туда ложечкой сушеных трав из фарфоровых чашечек, стоявших на подносе, и защелкнул половинки сферы. — Я поговорю с дядей, может, он вспомнит еще каких-нибудь моряков, к которым можно обратиться.

Камарл положил серебряный с дырочками шар в чашку и налил кипятка из кувшина.

— Я не хочу слишком распространяться о нашем деле. — Дарни потянулся за чашкой. — Мы знаем, блондины были в этой части страны. Кто сказал, что у них здесь не осталось шпионов?

— Никаких светловолосых людей тут сейчас нет, — неожиданно вмешалась Аллин. Отложив штопку, она занялась чаем.

Дарни ошеломленно посмотрел на девушку.

— Откуда ты знаешь?

— Я говорила со служанками. — Она покраснела и покрутила в чашке заварочный шар. — Я сказала, что моя мать хочет купить белокурые волосы для парика, и попросила сказать мне, если они увидят кого-нибудь с действительно светлыми волосами. Не важно, женщину или мужчину, так как у мужчины может оказаться сестра, готовая продать свои волосы, если собирается вскоре замуж.

Аллин взглянула из-под ресниц на присутствующих. Все трое разом уставились на нее: Казуел — с раздраженным неверием, Камарл и Дарни — с удивленным одобрением.

— Я только хотела чем-то помочь. — Девушка спрятала лицо в чашку с ароматным напитком.

— Я же велел тебе не сплетничать с прислугой... — гневно произнес маг.

— Заткнись, Каз, и приготовь себе настой. — Дарни толкнул к нему поднос.

— А что, если из-за нее нас всех раскроют?

— Ну, знаешь, ты... — Дарни хотел сказать что-то очень грубое, но, увидев вежливое презрение на лице эсквайра, передумал. — Будь ты чуть мокрее, на твою голову садились бы утки, Каз.

Аллин усмехнулась, и Камарл провел рукой по лицу, сдерживая внезапную улыбку.

Обиженный маг занялся чаем. На него вдруг накатила отчаянная тоска по уютной гостинной матери и ее чайному подносу с новеньким серебряным сервизом, купленным во время последнего Солнцестояния. Он привык к лучшему, чем это собрание разношерстных древностей, ворчал про себя Казуел.

Эсквайр Камарл кашлянул.

— Если нет известий о наших противниках, то можно пока о них не думать. Однако, на мой взгляд, было бы полезно узнать, что делают Райшед и ваши друзья. Эсквайр Девуар, вы уже достаточно отдохнули, чтобы попробовать «гадание» — кажется, вы так

это называете?

Побуждение утаить свои таланты из чистого протеста боролось с желанием Казуела снискать расположение столь влиятельного господина.

— Могу попробовать, но я очень устал, — сказал он, немного подумав.

— Спасибо. — Камарл учтиво поклонился.

Маг потер ладони.

— Мне нужна широкая плоская миска и холодная вода.

Аллин послушно сбегала за посудиною.

— У тебя есть что-нибудь, принадлежащее Шиву или той женщине? — спросил маг. — При таком расстоянии мне нужно на чем-то сфокусироваться.

Дарни порывлся в карманах.

— Вот. — Он вручил Казуелу руну-кость. — Я забрал ее у Ливак, когда далазорские пастухи начали на нее злиться.

— Что он делает? — шепотом обратился эсквайр к Аллин, увидев, как маг положил в миску странно тяжелую руну, налил воды и, наклонившись к ней, глубоко вдохнул, о чем тотчас же пожалел, ибо ребра пронзило болью.

— Он собирается вызвать в воде образы людей, которых вы ищите, что-то вроде отражения. — Девушка пытливо следила за манипуляциями мага.

— А ты так умеешь? — Камарл был заинтригован.

— Еще нет, но я научусь. — Ее глаза блестели решимостью.

— Могу я попросить немного тишины? — отбрил собеседников Казуел.

Тусклый зеленый свет постепенно собрался на дне миски. Становясь ярче и прозрачнее, он поднялся к поверхности воды, осветил искаженное лицо Казуела и замерцал, бросая странные тени на его скулы.

— Есть! — Маг стиснул зубы, изо всех сил цепляясь за вызванный образ. — Во всяком случае, они высадились.

Дарни, Аллин и Камарл жадно склонились над столом, разглядывая нагромождение серых камней.

— Там, — разорвал тишину агент, — в пещере.

Эсквайр всматривался в изображение.

— Они прячутся, но от кого — не ясно.

— Джериса с ними нет, — угрюмо констатировал Дарни.

Аллин бессознательно натянула шаль на плечи.

— Как там мрачно. И, кажется, холодно.

Камарл кивнул.

— Вопрос в том, намного ли ближе они к северу или просто очень далеко на востоке?

— Покажи нам больше, Каз! — приказал Дарни.

— Попробую, — выдавил маг сквозь сжатые зубы.

Изображение стало медленно меняться, словно бы они поднимались ввысь. Острые скалы, голые каменистые осыпи, приземистые дома, бросающие вызов лютой непогоде, — все больше пространства постепенно открывалось взору.

— Думаете, они следят за этим? — Камарл указал на дом.

— Не прикасайся к воде, — с усилием проговорил Казуел, и эсквайр поспешно отдернул руку.

Дарни зашипел сквозь зубы.

— Интересно, там ли Джерис? Если они вытащат его, им надо будет бежать с тех скал, и очень быстро. Сэдрин, какая досада!

— А нельзя с ними поговорить? — нерешительно спросила Аллин.

— Не с этим заклинанием и не на таком расстоянии, — ответил Казуел; пот заблестел на его лбу.

Дарни что-то пробурчал, но все уловили слово «никчемный».

— Может, сам попробуешь? — огрызнулся маг.

Колдовской свет замерцал и потускнел.

— Воистину, это просто удивительно, — деликатно вмешался эсквайр Камарл. — У меня еще не было случая нанять мага, и я не представлял, что вы способны творить такие чудеса.

Здрав подборода, Казуел бросил на агента торжествующий взгляд, смешанный с презрением, и вновь сосредоточился на заклинании.

— Вы не покажете нам больше этих островов? — Камарл начал делать заметки на обрывке пергамента. — Пригодится, когда мы высадимся.

— Мы? — Дарни вопросительно глянул на молодого дворянина.

Тот в ответ усмехнулся.

— Кто-то ведь должен представлять интересы Д'Олбриотов, когда вы доберетесь до этих островов. Мессир не станет упускать благоприятных для семьи возможностей и рассчитывает на меня.

— Мы собираемся спасти друзей, а не делать вашего принца еще богаче, — насутился Дарни.

— Одно другому не мешает, — возразил Камарл. — Кроме морских богатств, там могут быть и другие ресурсы.

— Кто-нибудь следит за этим? — сварливо прервал его Казуел, и все снова усталились на воду.

Изображение покрытой льдом горы уменьшилось, показались занесенные снегом склоны. Под ними тянулись каменистые осыпи — они переходили в мрачные долины, поросшие чахлым кустарничком — и бедные пастбища. Все люди и животные исчезли из виду, спасаясь от холода и инея, уже заблестевшего на

голых стенах утесов, и в сгущающихся сумерках деревушка отличалась от окрестных скал лишь россыпью огней. Еле видимые тропки вели от нее к неровным полям, которые казались лоскутным одеялом, раскинувшимся до самого берега, где холодное серое море плескалось о гальку.

— Нам нужна бухта, чтобы подвести корабль к острову, — озадаченно молвил Камарл.

Маг исторгнул дрожащий вдох, и изображение заскользило вдоль берега. Появился узкий залив, защищенный от моря длинным каменным валом. За ним показался второй остров, мыс и узкий пролив с цепью каменных столбиков.

— Это не скалы, это укрепления, — заметил Дарни. — Смотрите, это, должно быть, патруль.

На их глазах пять крошечных фигурок перешли дамбу над отмелями и исчезли за неправильной формы оградой маленькой сторожевой башни.

— Что они так защищают? — размышлял Камарл. — Эсквайр Деуар, вы не могли бы последовать по тому проливу?

Казуел молча кивнул, теперь он дышал короткими резкими вдохами. Море серебрилось под лунами, но серая земля выглядела все более неясной, по мере того как сгущались сумерки.

— Глядите, верфь! — воскликнул вдруг Камарл.

Все взгляды устремились на огороженную территорию. Вокруг длинных низких сараев там высились штабеля бревен, вдоль квадратного дока двигались крошечные огоньки — значит, патрулировала стража, — а в конце длинного причала покачивался на волнах целый выводок высоких судов.

Дарни и Камарл переглянулись.

— Где они берут дерево для таких кораблей? — вырвалось у них одновременно.

— В Гидесте или Далазоре? — сомкнул губы агент.

— Они крадут его или покупают? — мрачно поинтересовался эсквайр. — Что за плацдарм у них здесь?

Изображение вдруг задрожало — Казуел повел его вверх по склону утеса. Внизу заблестело ледяное поле, и красноватое свечение начало рассеивать мрак.

— Огненные горы! — выдохнул Дарни.

— Как Архипелаг. — Казуел трясущейся рукой вытер лоб.

Земля на картинке ускорила движение, пока не ушла в кипящее море. Огромные клубы пара поднимались от границы земли и воды — огненная река извергала расплавленный камень в бурлящий кипяток. Немного дальше из моря вставал небольшой остров. Изящная симметрия его конуса резко контрастировала с хаосом вод вокруг его основания.

— Мизаен все еще занят здесь, — заметил Камарл.

— Я чувствую силу земли, пришедшую ко мне по заклинанию. — Казуел поморгал, стряхнув капельки пота с ресниц. — Это место живое, свободное от необузданных стихий огня, морей и тому подобного.

Дарни прищурился.

— Можешь перебросить меня туда, Каз?

— Ты же знаешь, маг способен перемещать только в те места, которые он физически посетил, — огрызнулся Казуел.

Свет заклинания неумолимо тускнел.

— Отрик сочетал это с гаданием, — возразил Дарни, от бессилия сжимая кулаки.

Маг покачал головой, и вода внезапно опустела.

— Как Отрик еще не убил себя — одна из великих неразгаданных тайн современной магии.

Дрожащими руками Казуел обхватил свою чашку с настоем и залпом выпил ее.

— По крайней мере прямо сейчас опасность им не угрожает, — скривился Дарни.

— Ты просто злишься, что они добрались туда раньше тебя, — съязвил Казуел.

— Ты знаешь, что дело не в этом! — яростно рявкнул Дарни.

— Главное... — эсквайр Камарл повысил голос, дабы утомить обоих, — ...главное, что мы обеспечим им помощь, когда они будут нуждаться в ней.

Дарни и Казуел посмотрели на него.

— Как? — произнесли они в унисон.

Камарл задумался.

— Боюсь, пока что я понятия не имею.

Острова эльетиммов, 1-е предосени

Стемнело, стража на воротах сменилась. Новый контингент вышел из казарм на ближней стороне ограды, и я мысленно сказала себе, что нужно держаться от них подальше. После того как офицеры обменялись ключами, одного солдата раздели, отвели к деревянной раме и привязали. Я вздрогнула от шелканья плети, эхом прокатившегося по ложине в холмах. Даже без подозрительной трубы Райшеда мы могли видеть кровь, обогрившую спину парня. Когда же они наконец закончили, несчастный висел неподвижно, как мертвый.

— И ты опять скажешь, что это не похоже на Алдабреши? — подавленно пробормотал Айтен.

Райшед покачал головой.

— Наказание в войске, пусть и жестокое, — это одно, а массовые репрессии, которые устраивают воеводы, — совсем другое, и здесь ничего подобного нет. Если ты ждешь помощи от местных крестьян, то лучше забудь об этом.

Напоминание о нашей изоляции и подстерегающей кругом опасности заставило всех замолчать. Мы сидели утрюмые, а темнота вокруг сгущалась. Становилось все холоднее и холоднее, и я забеспокоилась, как буду открывать замки такими окоченевшими пальцами.

— На.

Шив передал мне камешек, и я удивилась, почувствовав исходящее от него тепло.

Маг усмехнулся.

— Я не силен в магии земли, но кое-что делать умею.

Я посмотрела на звезды. Корона Халкарион находилась в другой части неба, но я внимательно наблюдала за ней. Поняв, что уже далеко за полночь, я медленно встала, потянулась, разминая затекшие ноги, и сменила сапоги на мягкие кожаные башмаки.

— Я не хочу, чтобы ты следил за мной, если это кого-то беспокоит, — прошептала я Шиву, — но ты можешь усилить свой слух?

Маг кивнул, и я с облегчением вздохнула.

— Если меня схватят, буду вопить во всю мочь. Как услышишь, сразу вытаскивай меня оттуда.

Я осторожно сползла по склону. Повсюду валялись камни и мелкий гравий, а я не хотела выдать себя даже слабейшим звуком. Однокомнатные домишки, разбросанные вокруг дороги, и ворота служили удобным прикрытием, и, прячась в их тени, я проскользнула вокруг ограды к самой дальней стороне казарм. Стена была каменная, сухой кладки, и взобраться на нее не составляло большого труда. Я повисла как белка и всмотрелась поверх стены, нет ли опасности. Убедившись, что все тихо, словно в сейфе у скряги, я перекатилась через верх и бесшумно прыгнула во двор. Никто не закричал, не замахах руками. Казалось, все стражники собрались в караулке, через открытую дверь которой виднелась светящаяся жаровня. Я не позавидовала им, пусть себе греются, лишь бы не высовывались наружу.

Окна в главном доме были высокие и узкие, с деревянными решетчатыми створками, но вместо стекла там были вставлены роговые пластины. Я искренне удивилась. Без сомнения, тут это считалось роскошью, а ведь нынче у нас даже фермер застекляет окна. Я пошла вокруг дома на ту сторону, где, по словам Шива, находится кабинет, и проверила нижнюю створку. Она чуть подалась, но, бьюсь об заклад, внутри были ставни, хотя бы лишь ради тепла в этом суровом климате. Я встревожилась. Глупо рис-

ковать, когда не знаешь, что за ними. Даже самый тупой слуга поднимет шум, если кто-то продефилирует по дому среди ночи. Я направилась дальше к боковой двери. Она запиралась на грубый замок, который я могла бы открыть и жесткой соломинкой. Но так как со мной были мои отмычки, я очутилась внутри уже через несколько вдохов и бесшумно прикрыла за собой дверь.

В коридоре было тихо и темно. Осторожно, стараясь ни на что не наткнуться, я двигалась к лестнице. Когда глаза привыкли к темноте, я разглядела ниши в стенах и двери по обе стороны. Останавливалась у каждой и прислушивалась, но не услышала ничего, даже намек на присутствие там спящих людей. В нишах стояли металлические кубки, кувшин, посредственная керамика — по местным понятиям, бесспорно, сокровища, но ничего такого, что я стала бы красть ради кувшина эля у себя дома. Единственное, что мне понравилось, это настенные драпировки, сотканые из мягкой шерсти, с тем же символом, что и на воротах.

Одна дверь была приоткрыта, и я заглянула в комнату. Там стояли сундуки, и я сама не заметила, как оказалась внутри — это запертые ящики так на меня действуют. Раздумывая, открыть один или нет, я потрогала крышку. Не заперт. А что внутри? Металлический лом — никуда не годные кусочки и отслужившие свой век изделия из старого железа и бронзы. Я вспомнила деревню, где все сделано из камня или кости, и снова посмотрела на рухлядь, которую наши кузнецы не стали бы держать ни минуты. Здесь же подобное хранилось в доме главаря как серебро или золото. Если у них это считается богатством, то здешний народ опаснее, чем я думала, ведь теперь они знают, как преодолеть океан и достичь материка.

Ноги больше не мерзли, и я опасливо приложила руку к каменному полу. Однако он не пронизывал холодом, а был теплым на ощупь. Это озадачило меня, пока я не вспомнила слова Шива о жаре из-под земли. Расставшись с сундуками, я подошла к лестнице и с беспокойством посмотрела вверх. Оттуда сочился тусклый свет. Он не перемещался, значит, никто его не нес, но если вы оставляете на ночь горящие лампы, то лишь потому, что кто-то должен будет там появиться. Я на цыпочках поднялась на верхний этаж и обрадовалась, увидев под ногами ковер — он хорошо приглушает шаги. В середине коридора на отполированном до блеска каменном столе горел масляный светильничек. Вне всяких сомнений, здесь располагались жилые комнаты. Я помедлила, пытаюсь сориентироваться, и быстро направилась к кабинету, дабы убраться с глаз, прежде чем кому-то приспичит посетить уборную.

Кабинет тоже оказался не запертым. Просто поразительно, насколько этот человек уверен в своей безопасности,

если учесть беспечность стражи на воротах. Эти люди просто не ждали беды, по крайней мере не той, которую мы с собой несли. Но я не изменила своей привычке всегда быть начеку и заперла за собой дверь, после чего оглядела опрятную комнату с кипами документов и аккуратных записей. Это был не ленивый правитель, как, скажем, Армайл Фриернский, выжимающий каждую полушку из своих подданных, чтобы выбросить ее на свою обожаемую Стражу или прихотливых шлюх. Крестьяне возделывали землю и ловили рыбу или кого там еще, а этот человек управлял мельницей, кузницей, складами и делал много чего другого. Сотрудничество означало выживание для всех в здешних условиях, и от этого враг становился еще опаснее. Содрогнувшись, несмотря на тепло в комнате, я приступила к обыску.

Кто бы ни управлял этим краем, ему следовало бы понимать, что запирает один ящик, когда все остальное открыто, все равно что указать на вывеске о нахождении в нем чего-то важного. В одно мгновение древний дубовый сундук был открыт, и я вытащила книгу. Под ней лежали другие, но для чтения было слишком темно, поэтому я неохотно потянулась за маленькой лампой, наполненной маслом, от которого смердело рыбой. Ставни на окнах закрыты, а при горящей лампе в коридоре под дверью не видно будет предательской полоски света, поэтому я решила рискнуть.

Я увидела, что книги написаны на старом тормалинском, а покопавшись в сундуке, нашла исторические труды, о которых говорил Шив. Жаль только, некому было сказать торжествующим тоном: «Я же тебе говорила!» Но что действительно сверх всякой меры обрадовало меня, так это заметки на полосках пергамента, засунутых между страницами. Они были написаны азбукой Горных Людей или чем-то очень похожим. Сорград и Соргрэн научили нас с Хэлис этому языку, чтобы писать письма, которые никто посторонний не сможет прочесть, поэтому я знала, что не ошибаюсь. О чем шла речь в заметках, я не поняла. Мой словарный запас в горном языке довольно специфичен и касается главным образом игры, а также различных ценностей, домов и лошадей. Однако я заметила, что этот язык имеет сходство с горным примерно в такой степени, как, скажем, далазорский с каладрийским или тормалинским с лескарским; если вы знаете один, то, вероятно, сможете понять смысл сказанного на другом при медленном произношении.

Под книгами были сложены большие листы пергамента. Заинтересовавшись, я вытащила их и расстелила на столе. С трудом разбирая имена на генеалогическом древе, целиком занимающем один лист, я узнала несколько знатных тормалинских домов, упоминаемых Азайром и Райшедом. Возле некоторых

имен стояли названия городов, возле других — непонятные значки. Пара была зачеркнута, и я призадумалась, что бы это могло означать. Другие убористо исписанные листы напоминали донесения. Их заглавия тревожили сходством с именами алдабрешских воевод. Я очень мало знаю об Архипелаге. Это еще одно место, где никто не использует денег, а кроме того, у них отвратительная привычка казнить незваных гостей. Однако всем известно, что воеводы охотно напали бы на побережья Тормалина и Лескара, если бы думали, что это сойдет им с рук, и мне не понравилась мысль об эльетиммах, ищущих союзников там, на юге. Похоже, на Планира Черного надвигалось гораздо больше несчастий, чем он себе представлял. Я поискала взглядом, на чем бы сделать копии, но оказалось, чернила и письменные принадлежности здесь столь драгоценны, что имеют свой собственный запертый шкафчик, — стало быть, их пропажу непременно заметят. Я не посмела делать ничего, что выдало бы мой визит, а потому старалась как можно больше запомнить.

На столе лежали морские карты. Их я тоже изучила, не сразу сообразив, что на них нанесен этот самый остров; я даже отыскала деревню и дорогу, по которой мы шли. А разглядев детали, я беззвучно присвистнула. Чуть ли не каждый камень был там обозначен. Остров когда-то поделили между тремя владельцами, и символ, который мы видим повсюду, — своего рода герб. Каждое владение помечено собственным символом, и я запомнила ориентиры вокруг главных крепостей каждого из них. Если мы когда-нибудь найдем Джериса, бьюсь об заклад, это случится в одной из крепостей.

Я просмотрела карты, стараясь не нарушить порядок, пока не нашла одну, меньшего масштаба, которая содержала всю группу островов. У меня упало сердце, когда я увидела размеры суши и прикинула в уме количество населения, если в каждой деревне было столько же народу, как в той, что мы видели. Возможно, в общей сложности эти острова занимали площадь, уступающую половине территории Каладрии, но я бы побилась об заклад, что населения здесь в четыре раза больше, чем в Энсеймине, а он ведь считается перенаселенным краем. Единственной хорошей новостью была здешняя степень раздела: даже песчаные берега в более мелких проливах между островами помечались значками собственности, иногда несколькими. Многие значки на границах владений были тщательно соскоблены и заменены другими; некоторые изменения выглядели свежими, при такой бедной земле даже несколько длин плуга являются ценной прибавкой, не так ли? Это свидетельство конфликта было единственным светлым пятном среди всеобщей довольно мрачной перспективы.

Но и эта слабая искорка хороших известий потухла, когда на следующей карте я увидела отрезки далазорского и тормалинского побережий. Я отыскала Инглиз и — в отдельном квадратике — Зьютесселу. Далазорское побережье было вычерчено очень подробно, с многочисленными линиями и пометками на море, вероятно, что-то значащими для моряков. Меня затрясло. Инглиз — единственный реальный центр силы и власти в тех краях, и если эти люди решат дружно сесть на корабли и захватить себе приличной земельки для разнообразия, выгнать их оттуда будет совсем нелегко. Остается надеяться, что у них слишком мало кораблей — если в идеале, то лишь тот единственный, что мы видели. Значит, в первую очередь необходимо потопить его, а затем и все остальные подобные суда. Что ж, видно, Шиву придется возвращать нас домой при помощи магии.

Где-то в коридоре хлопнула дверь, и я застыла. Потом быстро загасила пальцами фитиль и присела за стол, зализывая обожженную кожу. Не было слышно никаких шагов; я встала на колени и заглянула в щель плохо пригнанной двери. Маленький ребенок в длинной ночной рубашке волочил за собой по коридору какое-то шерстистое животное. Он вошел в комнату в дальнем конце, и я услышала тихий шепот взрослых голосов, успокаивающих малыша, готового зареветь. Сердце мое неистово колотилось, пока я сидела под дверью, казалось, целую вечность, но, похоже, они предпочли оставить ребенка у себя, а не пытаться вернуть его в собственную постель. Однако родители маленьких детей спят заведомо чутко, поэтому мне следовало убираться отсюда как можно скорее. Я вернула все на место и вышла с удесятенной осмотрительностью. К счастью, Дрианон, видимо, решила, что это мать малыша заслуживает ночного покоя, и я выбралась из дома, никого не потревожив. Я перелезла через стену в ближайшем месте и далеко стороной обошла остальные дома, чтобы вернуться к своим спутникам. Теперь, когда я получила такую ценную информацию, безопасность была важнее времени.

Райшед высмотрел меня, когда я ползла к пещерке в склоне холма. Дрожа на холодном ветру, я с благодарностью приняла протянутый им плащ.

— Мы должны... — вымолвила я, ища в своем мешке что-нибудь съестное.

Он прижал палец к моим губам.

— Тс-с, потом. Уходим отсюда, пока темно.

Он вмиг растолкал Шива и Айта. Последний не слишком жаждал куда-то идти, но маг согласился, и вскоре мы уже пробирались через кусты к другому холму. Там отыскалась еще одна пещерка, и мы с Райшедом легли поспать, пока Шив и

Айтен караулили. Я проснулась, вся одеревеневшая от холода, в сером сумраке рассвета, и пока мы ели, рассказала о своих находках.

— Хорошо бы отыскать тот корабль и потопить, — заключила я.

— Сначала нам придется вернуться за припасами, — недовольно произнес Айтен, жуя полоску сушеного мяса.

— Нужно связаться с Планиром и передать добытую тобой информацию, — сказал Шив. — Она слишком важна, чтобы ждать.

Слишком важна, чтобы потерять ее, если мы угодим в плен, меланхолично подумала я.

Зажав в ладонях голубой кристалл, Шив закрыл глаза и сосредоточенно сдвинул брови.

— Ты можешь сделать для нас карту? — внезапно спросил Райшед. — Покажи для начала, где находятся владения этих других дворян.

— Попробую.

Я процарапывала линии в дерне, обозначая камешками холмы и деревни, но тут услышала, как Райшед и Айтен выругались почти одновременно, хотя караулили в разных направлениях.

Я подняла голову.

— Что такое?

— Люди. Идут сюда большим отрядом.

Райшед сбежал со склона, едва не столкнувшись с Айтенем. Его лицо источало тревогу.

— Может, охотники? — нерешительно спросил Айтен.

— На кого здесь охотиться, кроме нас? — Райшед потряс мага за плечо.

Шив с проклятием открыл глаза.

— В чем дело? — рассердился он. — Я едва установил связь.

— Погоня, — коротко ответил Райшед, надевая заплечный мешок.

Мы что было духу побежали по неглубокой долине, уводящей от преследователей. Я рискнула разок оглянуться, но различила только две группы темных фигур. Они бесшумно спускались по склону, разворачиваясь веером. Несмотря на тусклый свет и на то, что — могу поклясться любым богом по вашему выбору — мы не оставили никаких следов, они направлялись прямо к долине.

— Подождите, — проронил Райшед, и мы присели среди россыпи валунов в мелком ручье.

Меж тем охотники стремительным броском атаковали пещеру со всех сторон. Все совершалось почти беззвучно: их дисциплина была такой же твердой, как камни вокруг нас.

Никого не обнаружив, они построились в бдительные шеренги, а двое начали рыскать вокруг низины, как гончие в поисках следа. Слабое в неподвижном холодном воздухе, ритмичное скандирование понеслось над тихим ландшафтом.

— Пошли.

Вслед за Шивом мы пробирались по руслу ручья. Слабые струйки тумана поднимались от воды, но я видела, как они свиваются вокруг кистей Шива, подчиняясь его воле. Мои глаза улавливали по бокам какое-то поблескивание, и хотя я догадалась, что это еще одна маскировочная магия, оно страшно отвлекало, как мелодия на грани слуха, которую не удастся толком расслышать.

— Проклятие, цветик, смотри, куда идешь! — прошипел Айтен, поскольку я наступила ему на пятку.

Я церемонно извинилась, и мы поспешили за Райшедом и Шивом.

Долина кончилась. Впереди расстилалась совершенно голая травянистая равнина: Райшед огляделся в чуждой для него нерешительности, затем повернул к холму, поросшему редким кустарником. Мы бежали пригнувшись, у всех уже болела спина, но выпрямиться никто не смел из опасения быть замеченным на фоне неба, как бы там Шив ни колдовал.

Светлело. Первое золото восхода окрашивало верхушки холмов. Я еще не была испугана, пока нет, но от осознания, что, возможно, у меня есть повод для серьезного страха, очень скоро защипало затылок — как зуд, когда нельзя почесаться. Мне определенно не нравилась перспектива оказаться схваченной в таком изолированном месте, где никакое бегство через границу невозможно.

С дальней стороны холма донеслось позвякивание колокольчиков.

— Ложись!

Райшед бросился ничком в кусты, и мы последовали его примеру. Тормалинец медленно пополз вперед, и я едва удержалась, чтобы тоже не поползти: чем больше движения, тем больше шансов быть замеченным. Я удивилась, отметив, насколько доверяю Райшеду, но я и в лучшие времена не любила отдавать свою судьбу в чужие руки, а эта история обещала быть одной из худших.

Райшед поманил нас за собой. Я ухитрилась разжать челюсти и, отталкиваясь локтями и коленями, поползла через ягодник, царапавший кожу и одежду. Поравнявшись с тормалинцем, я посмотрела вниз. Слева от нас зевающий и потирающий глаза мальчишка выгонял из грубых загонов стадо удивительно лохматых коз, которых доили там две женщины. Мальчишка направлялся вверх по левому склону, а мы поползли вниз, направо. Хорошая новость: под защитой холма росли более высокие деревья,

среди которых можно было встать. А вот и плохая новость: единственная причина, по которой козы оставили их в покое, были шипы длиною с палец — они впивались в нас при любой возможности. Стараясь не обращать на них внимания, мы пошли быстрее.

— Стойте! — приказал Айтен, прикрывавший наши спины, и мы застыли.

Я оглянулась: наши преследователи обрушивались на козы загон с той же четкостью, что и раньше. Женщины подняли руки, показывая, что безоружны, и, назвав себя, стояли прямо, без всякой боязни, и не было никаких поднятых мечей или криков, когда главари подошли расспросить их.

Как только первые лучи солнца осветили долину, я увидела блеск стальных медальонов на шеях этих двоих. Еще не время для настоящего страха, решила я, ограничимся пока серьезным опасением.

— Видишь медальоны? — шепнула я Айтену. — Этим лучше бы первыми пасть, если дело кончится боем.

Райшед что-то спросил у Шива, и я повернулась, чтобы услышать ответ.

— Ты прав, — поразмыслив, сказал маг. — Видимо, они как-то улавливают живые тела, распознавая при этом людей, так как никто не пошел за козами.

— Значит, нужно быть среди людей, — мрачно изрек Райшед.

— Это страшно рискованно, — с сомнением пробормотал Айтен, но мне пришлось согласиться с Райшедом. Вор, спрятавший жемчуг в банке с сахарным драже — история старая, но она сбывалась во все времена.

Я мысленно просмотрела карту острова и обругала себя за то, что не засекала, куда мы направлялись.

— Там внизу есть деревня.

Мы шли быстро, однако новый день уже вступал в свои права и стали видны вырубки, слишком оголяющие место нашего пребывания. Мы свернули в более густые заросли на склоне, но на скользкой лиственной прели были вынуждены замедлить шаг.

Повседневные звуки деревни, рано начинающей день, просочились сквозь листву, и мы подкрались ближе, согбенные, как старые ревматики. Вскоре показались грубые каменные крыши с толстыми низкими трубами; Райшед жестом велел нам замереть, а сам с мучительной осторожностью, шаг за шагом, пошел вперед. Я уставилась ему в спину и тщетно убеждала себя не шевелиться.

«Глупая баба, ты же никого не слышишь, никого не видишь, ну так не рискуй — затем чтобы кто-то увидел тебя, когда

будешь двигаться. Айт охраняет тыл, доверься ему».

Шив был напряжен до предела, и я поняла, слабый звук, долетающий до меня, — это скрежет его зубов. Он действовал мне на нервы, как скрежет ножа по глиняной посуде. Я вся съежилась и уже стала думать, что больше не выдержу, как вдруг Райшед поманил нас, и я облегченно выдохнула.

Мы пробрались через заросли на склоне холма, защищавшего деревню, и Райшед повел нас к кольцу стоячих камней. Последний отрезок мы ползли на животе, но, оказавшись в кромлехе, мы получили какое-то укрытие и, что важнее, могли видеть всю деревню, путь, которым мы пришли, и другую дорогу из нее. Айтен удалился прикрывать дальний подступ, а Райшед лег рядом со мной.

— Сделаешь снова ту карту, а? Может, они потеряют нас на время, но нам надо знать, куда идти.

— Нужно идти к береговому поселению, когда стемнеет, — оглянувшись со своей позиции, тихо сказал Шив. — Если украдем китобойную лодку, я доставлю нас домой.

— А просто магией ты не можешь нас отсюда вытащить? — Молящая нотка проскользнула в моем голосе, и я задумалась над картой, которую нацарапала на дерне.

— Можешь? — тотчас оглянулся Айтен, но Шив с сожалением покачал головой.

— Если до сумерек мне не придется творить других заклинаний, я смогу отправить назад только одного из нас.

Айтен вопросительно посмотрел на Райшеда. Тот пожал плечами.

— Лучше бы это была Ливак.

— Нет! — неосмотрительно воскликнула я и покраснела от ярости на себя, когда остальные зашикали.

— У тебя одной та информация, что нужна Планиру.

Райшед устремил на меня суровый взгляд, и я проглотила свое деликатное возражение. По правде говоря, я, привыкшая всегда заботиться сначала о себе, испытала животную радость от неожиданной возможности убраться из этой переделки. Но тут новая привычка работать в этой команде вероломно пнула меня в голени. Я еще не могла решить, кем тогда стану: бессердечной скотиной или надежным агентом Планира, — но я поняла, что мне ненавистна мысль оставить эту троицу Полдрион его знает какой участи.

Однако у меня еще будет время об этом беспокоиться, когда Шив достаточно отдохнет и восстановит силы для магии, на что лично я не слишком бы рассчитывала. Так ничего и не ответив им, я переместилась, чтобы видеть деревню меж двух огромных камней. Напряжение спало, однако расслабляться было не только глупо, но и опасно. И чтобы не терять бдительности, я стала внимательно изучать все, что меня окружало.

Заметив на камне вырезанные письма, я невольно подумала: а какое значение имеет этот каменный круг? Почему такая хорошая земля пропадает без дела в такой бедной стране? Разбирая буквы в перерывах между слежкой за деревней, я пришла к выводу, что это — список имен.

Ужасное подозрение зародилось в моей голове и неумолимо крепло. Не в силах больше им пренебрегать, я пощупала дерн, на котором сидела, провела пальцами под сплетением сухой летней поросли, а затем поползла вокруг на коленях. Так и есть, вот она — ровная граница, где дерн вырезали и подняли. Граница, которая дает закругленный контур примерно с человеческий рост и в половину его ширины. Я помолилась Мизаэну в надежде, что ни у кого из обитателей деревни не возникнет вдруг желания пойти и пообщаться с предками.

Райшед следил за мной с откровенным недоумением. Я поползла к нему и тихо сказала:

— Мы в могильном круге.

Он ошеломленно мигнул, и я вспомнила, что последователи Дастеннина хоронят своих мертвых в море, а не сжигают, как это принято у нас.

— Станный народ.

Его лицо отразило мое собственное отвращение. О Сэдрин, дай мне умереть где-нибудь в цивилизованном месте и получить приличный, горяченький погребальный костер и миленькую урну в усыпальнице, пока я не узнаю, что может предложить мне Иной мир!

ГЛАВА 9

ЖРЕЧЕСКАЯ МАГИЯ

До того, как падение Дома Немита привело Темные Поколения в наш несчастный мир, колдовские искусства тормалинских жрецов были многочисленны и удивительны. Хотя мы можем сетовать об утрате многого из того, что внесло изящество и красоту в жизнь погибшей Империи, таким искусствам, как эти, лучше навсегда остаться скрытыми в темноте Хаоса.

Говорят, жрецы могли заглянуть в разум человека и прочесть его мысли. Большинство могли делать это лицом к лицу, но, что еще ужаснее, некоторые адепты способны были делать это, находясь за несколько комнат от своей жертвы или даже, хотя в это трудно поверить, за много лиг от нее. Что именно читали жрецы — сие зависело от их опыта. Послушник улавливал лишь настроение своей жертвы, ее страх или наслаждение. Более искусный жрец мог увидеть, куда направлены эти эмоции, и определить объект ужаса или вожделения. Самым искушенным удавалось выбирать слова из голов несчастных субъектов, чтобы рассказать им их сокровенные мысли и тайны. Некоторые умели вторгаться даже в сны человека, похищая его воспоминания и желания, оставляя свои жертвы страдающими от боли.

С помощью таких методов власть и влияние жрецов, особенно жрецов Полдриона и Рэпонины, росли и распространялись. Приведенные отвечать на обвинения в некоем преступлении, не многие имели смелость отрицать свидетельства, предоставленные жрецами, а если кто-то отрицал, то как ему могли поверить, когда все присутствующие знали силу их магии? Можем ли мы поверить,

что этой силой никогда не злоупотребляли, что ложное свидетельство никогда не давалось, если ни одному человеку, противоречившему жрецу, не могли верить? Увы, подверженность ошибкам человеческой натуры — это единственное, что не изменилось за поколения.

Когда юноша вступал в касту, он жил согласно приказам высших жрецов. Страшные клятвы давались в обрядах, теперь утраченных для нас, но, несомненно, настолько ужасных, что никакие записи не сохранялись, дабы не быть открыты непосвященным глазам. Пост и лишения использовались, чтобы очистить тело и сломить дух, склоняя волю прислужника к повелениям его господина. Если юноша сожалел о своем решении и пытался бежать, магия помогала жрецам сплести сеть вокруг него.

Известно, что они обладали способностью говорить друг с другом за много лиг, от усыпальницы до усыпальницы. То, что видел один жрец, могло открыться другому, и лицо человека, разыскиваемого кастой, переносилось через Империю за считанные дни. Сами его шаги могли быть выслежены колдовством, невосприимчивым к капризам погоды или попыткам обмана. Эманация, оставленная его душой, бывала обнаружена таинственными средствами — непрерываемый след. И неудивительно, что так мало людей оставляли жречество в те дни.

*Аргулеммин Озера Таннат,
«Утраченные искусства Тормалина», глава 7*

Острова эльетиммов, 2-е предзимы

Солнце поднялось выше, а преследователей нигде не было видно. Хорошо, но немного загадочно. Деревня жужжала активностью и, к счастью, нужды живых в этом месте перевешивали почитание мертвых. Так близко к Солнцестоянию и так далеко на севере дни оказались короче, чем где бы то ни было. Когда полдень пришел и ушел с невероятной скоростью, я начала подумывать, что, пожалуй, мы сможем дождаться сумерек и отправиться на поиски лодки. Мы сидели и смотрели, как мужчины в упряжках тащат плуги по неподатливой земле за деревней, и я поняла, что нигде не видела животных, крупнее коз. Пожалуй, неспроста люди, напавшие на нас в Далазоре, не имели лошадей. Сбившиеся в группы женщины собирали траву, весьма напоминавшую крапиву, и, не обращая внимания на жалящие листья, сваливали ее в длинный каменный лоток. Другие опорожняли этот лоток и принимались мочить ее, как мы дома мочим лен для полотна. Было как-то странно и чуть тревожно видеть подобное усердие, направленное на изготовление ткани из травы, которую у нас дома просто игнорируют или скашивают как сорняк.

Дети, даже самые маленькие, тоже не сидели без дела — убирались, что-то приносили или уносили. Я видела опрятные дворики позади одного скопления домов, и в каждом был загон для неких пушистых зверушек — не кроликов, но примерно такого же размера и с длинными пушистыми хвостами. Дети же очищали от опавших листьев резервуары для дождевой воды, и у каждого дома имелся пятачок двора, где девочки и мальчики постарше ухаживали за зеленью. Эти огородики примыкали друг к другу толстыми стенами с выложенными внутри дымоходами; струйки голубого дыма поднимались в укрытый от ветра воздух ленивыми завитками. Не буду биться об заклад, но они не выращивали экзотические цветы, как неистово соперничающие ботаники Ванама. Эти люди не тратили топлива, чтобы багрецы расцвели на неделю раньше, чем у всех остальных, здесь это направлено на выживание.

Мысль о Ванаме всколыхнула мое безотлучное беспокойство о Джерисе, и наше бездействие начало давить на меня еще сильнее; но тем более досадно становилось оттого, что я знала: сейчас бездействие — самое разумное, что нам оставалось. Солнце неумолимо маршировало по небу, и я заволновалась, что меня заставят в конце концов вернуться в одиночестве.

Должно быть, Райшед заметил мое ерзанье и подсел ко мне.

— Все при деле, не так ли? — прошептал он, кивнув на деревню.

— Есть тут что-то странное, вот только не пойму — что.

Мы вновь усталились на склон, и тут до меня дошло.

— Где старики?

Хотя мы видели тут и там несколько лысых голов, пару седых и совсем белых, таких же занятых, как все другие, не было нигде пожилых людей, судачащих на скамейках, каких вы найдете в самой маленькой деревушке у нас дома.

— Если на то пошло, где калеки и нищие?

Теперь Райшед наклонился вперед, хмуро глядя на людскую суету. Он передал мне трубу, и я увидела, что он прав. Не было никаких искривленных конечностей, никаких уродств от старой болезни или несчастного случая, никакого признака повседневного несчастья, которое Мизаен вкладывает в столько рун рождения.

— Или у них очень хорошая медицина, или очень плохая.

Активность обитателей привлекла мой взгляд, и я повернула трубу к группе, занятой вокруг навозной кучи. Что-то белело в навозе, и я заприметила косточки, ужасно похожие на маленькую кисть. Смысл этого открытия был так неприятен, что появление на вершине холма людей в коричневых мундирах оказалось желанным отвлечением.

— Не двигайтесь! — предупредил Шив.

Мы присели в высокой траве, как зайчата, напуганные охотниками.

Вся деятельность прекратилась, когда охотничья группа вошла в деревню. Главари с медальонами что-то крикнули, и жители собрались, не протестуя, но и не обмирая от страха: никто не снимал шапок и не дергал чубов, как было бы там, дома. Главари что-то коротко спросили, и я с облегчением вздохнула, когда жители стали в ответ пожимать плечами и качать головами. Отряд постоял минуту в напряженной нерешительности, затем, по команде главарей, все разошлись среди жителей деревни — видимо, они расслаблялись каким-то питьем из предложенных кружек. Лучше б они не делали этого, так как я немедленно ощутила зверскую жажду.

— Пора уходить, — прошептал Райшед, и мы поползли на животе к дальней стороне круга.

Шив первым достиг щели, глядящей на прибрежную дорогу, которую мы приметили раньше, но белый огонь вдруг полыхнул между камнями. Проклятые штуковины зазвенели, как храмовые колокола — мощный, гулкий звук, словно удар молота Мизаена. Шив с проклятием отскочил, обхватив себя руками, лицо его скривилось от боли.

— Засранцы!

Айтен с разбега бросился на щель, будто собирался вышибить дверь, и неожиданно исчез за краем холма, не встретив никакого сопротивления.

Наступило минутное замешательство, когда мы с Райшедом вознамерились схватить Шива за плечо и затем остановились, что-бы дать это сделать другому.

— Да шевелитесь вы! — прикрикнул Шив, и мы все вместе побежали вниз по тропинке.

Под холмом скатившийся кубарем Айтен стряхивал с себя пыль. Он был на ногах и в сознании — это все, что мне нужно было знать, — поэтому я пробежала мимо него и помчалась впереди всех по прибрежной дороге. Звуки погони замерли позади, но я знала, очень скоро эти собаки снова будут у нас на хвосте.

— Как это случилось? — бормотал на бегу Шив. — Там не было никакой магии, те камни так же мертвы, как кости, что лежат под ними. Я, конечно, не адепт земли, но это-то могу определить. Что они сделали?

— А тебе не все равно? — бросила я через плечо неожиданно визгливым голосом. — Просто беги.

Мы повернули за бугор, и я едва не налетела на козу — мы столкнулись с еще одним из тех неудобных пастушков.

Айтен выхватил меч.

— Не трать времени.

— Забудь. Они и так знают, где мы, — одновременно крикнули мы с Райшедом, и Айтен удовольствовался тем, что обругал мальчишку и толкнул его в колючий куст.

Бросив на него взгляд, я поняла: Айтен по крайней мере решил, что пришло время всерьез перетрухнуть. С этим было трудно не согласиться, но я видела, Шив все еще переживает в большей степени из-за своих обожженных рук и ущемленной гордости, а Райшед ухитряется сохранять свою обычную маску хладнокровия, хоть и немного обтрепанную по краям. Я решила, что могу подождать, пока паника не овладеет большинством, прежде чем бросать мой жребий.

Трава уступила место песку и гальке, и мы выбежали на открытый берег, где закатное солнце золотило мели широкого пролива, разделенного на несколько протоков песчаными наносами. Самый конец отлива; должно быть, Дастеннин решил послать Райшеду или Айтену счастливый бросок.

— Подождите. — Я огляделась, тщетно выискивая межевые знаки в пейзаже, на первый взгляд столь же разнообразном, как поле пшеницы. Проклятие, я же видела карту! Я вынудила себя замедлить дыхание, игнорировать бешено колотившееся сердце и сосредоточиться. Ага, вот они — шеренга сложенных из камней пирамидок, марширующих вниз с неприветливых холмов напротив, и массивное каменное нечто в середине пролива.

— Трубу! — потребовала я и стала изучать камни.

Все верно, символ уже другой.

— Если перейдем пролив, то окажемся в другом владении, — объяснила я.

Райшед понял и тотчас кивнул.

— Нарушение границы — это, вероятно, не то, что делается легко. Даже если они не повернут назад, им понадобится послать сообщение или получить приказ, ведь так?

Мы переговаривались на бегу, и Шив первым вошел в ледяную морскую воду, внимательно всматриваясь под поверхность, чтобы найти безопасный путь.

— Засранцы!

К занявшему тыл Айтену вернулась частица его обычного самообладания, поэтому я подавила улыбку, когда мои спутники на миг остановились, задохнувшись, — студеная вода достигла паха.

Мы спешили. Вперив взгляд меж лопаток мага, я шагала по мягкому невидимому дну, стараясь игнорировать ползущие страхи, предупреждавшие об опасности внезапного рывка течения. Вскоре уровень воды понизился, но намного лучше нам от этого не стало, так как вечерний бриз обдувал мокрую одежду и охлаждал нас, как завернутое в муслин мясо в леднике. Однако как

только выбрались на песчаную отмель, мы обрели способность бежать, неуклюжие в мокрых сапогах и одежде, но по крайней мере это хорошенько взбодрило кровь.

Раздался топот сапог по гальке. Я оглянулась: так и есть — удача нам изменила. Крики грянули над водой. Главарь с медальоном и его помощник посылали людей за нами в воду. Ненавистное торжество светилось на вражеских физиономиях, вызывая желание двинуть ногой в их ухмыляющиеся зубы, как вдруг первые двое исчезли, затянутые под воду, даже не успев ойкнуть.

— Шив! — завопила я.

Но маг не смотрел в мою сторону, его руки безвольно повисли по бокам. Немой ужас застыл на его лице, и, проследив за его взглядом, я поняла почему. Передовой отряд в блестящих черных кожах поднялся на вершину гряды на той стороне пролива, и беловолосый человек с черным жезлом стоял впереди. Его руки были воздеты над головой и, когда ветер переменялся, до нас донеслось нестройное звучное скандирование. Страх камнем упал в желудок — я вспомнила столкновение в Инглизе и узнала усеянные заклепками мундиры.

Всякая паника в наших первоначальных преследователях испарилась в мгновение ока. Я вздрогнула: словно из ниоткуда, над головой зашипели стрелы. Некоторые попали, но остальные отскочили, не причинив вреда, от какого-то невидимого полога. Те, что в кожах, ответили из собственных луков и на удивление эффективных пращей, но после второго залпа они были рассеяны, так как горсть упала на землю, будто зарезанный скот, из ушей и носов текла кровь.

Человек с жезлом что-то крикнул, и некий прислужник присоединился к скандированию. Внезапно группа его людей исчезла, а сзади раздалась крики. Я оглянулась. Каким-то чудом они оказались на другой стороне пролива и врубались в личную охрану вокруг Главаря с медальоном. Несколько нападавших упали с кровавым месивом вместо лиц, но Главарь был вынужден совершить свой собственный легкий прыжок далеко назад, на холм. Теперь, когда он оказался незащищенным, обладатель жезла послал заряды силы прямо на него. Земля и камни взлетели в воздух, и одного несчастного солдата буквально разорвало на куски. Казалось, Беловолосый не обращает внимания на судьбу своего отряда; они вдруг застыли, и их резали прямо на месте. Разделавшись с отрядом, Главарь ответил врагу стрелами бело-голубого огня. Они ударились о невидимый щит вокруг Беловолосого, ярко вспыхнули и разлетелись во все стороны, легко ранив несколько человек, и прямо

мо на моих глазах эти порезы и царапины превратились в глубокие рваные раны. Еще один прислужник шагнул впе-

ред и присоединился к скандированию — голос его был гибельный и резкий.

— Уходим.

Выхватив меч, Райшед покинул отшель. Я питала слабую надежду, что наступающие с обеих сторон отряды будут больше интересоваться друг другом, чем нами. Возможно, мы ошиблись, начав двигаться, нас определенно заметили.

Невидимые руки вдруг потянули меня вверх, и я закричала от испуга. Когда ноги оторвались от земли, Райшед схватил меня за бедро, а я вцепилась в его плечи и курчавую голову. Бело-голубые искры затрещали в моих волосах, но ледяной порыв ветра сбил меня обратно на песок. Странные ломаные лучи света заметались из стороны в сторону, они отражались на каждом проходе сверкающим голубым огнем из ладоней Шива. Зеленые проблески вокруг нас настигли наступающих солдат; куда бы они ни шагнули, песок становился жидким и ненадежным под их сапогами.

— Ну давай, пробуй свою старую книжную магию, — свирепо бормотал Шив. — Я в своей стихии.

Чувствуя необъяснимое головокружение, я уцепилась за Райшеда. Мы прижались друг к другу, когда Шив плел мерцающую сеть силы вокруг нас, и Айтен выхватил меч вызывающим жестом. Люди в коричневом и черном наступали теперь с двух сторон. Тогда Шив начал метать в них копыя молний, и их обутленная плоть шипела в лужах воды. Слезы досады посылались вскоре в проклятиях Шива — вместо каждого, отправленного им Сэдрину, эфирные чары переносили через пролив еще двоих. Обе стороны отказались атаковать друг друга в пользу настоящего приза. Поняв это, я спросила себя, не настала ли пора для малодушного ужаса, но почему-то он не казался стоящим того.

Мы отступили, плечом к плечу, глядя в лицо надвигающейся смерти, — мечи обнажены и руки тверды. Кишки выворачивались наизнанку внутри меня, и крик пытался вырваться прямо из груди, но я ощутила сумасшедший прилив гордости.

Шив на мгновение ослабил атаку, и в этот миг некто невидимый сбил его с ног. Огромный багровеющий кровоподтек выступил на лбу, и маг рухнул навзничь, словно тряпичная кукла, на россыпь камней, спрятанных в песке. Вода за его головой покраснела; я шагнула к нему, но так и не дошла.

Ноги заскользили и увязли. Я бешено изогнулась и повисла в немыслимой позе в пустом воздухе, пригвожденная как рыба, выпотрошенная и подвешенная для копчения. Я беспомощно замахала руками, было такое ощущение, будто я барахтаюсь в густом меду; вскоре я вообще утратила всякую способность двигаться.

Из последних сил повернула голову, чтобы увидеть Райше-

да и Айтена. Они также были пойманы и удерживались в неподвижности на полпути между шагом и падением. Голова Айтена висела над самой водой; я видела на поверхности рябь от его дыхания.

Боевые кличи зазвучали вокруг нас, и теперь, когда мы были абсолютно беспомощны, завязалось настоящее сражение. Пески заалели, пролив наполнился запахом бойни, смешанным с соленым запахом моря и пота обезумевших от крови людей. Высоко над головой закричали морские птицы, привлеченные неожиданным пиром. Какая бы там магия ни поразила мои ноги, она ползла вверх по телу; я чувствовала, что все более и более отдаляюсь от жестокой схватки вокруг меня. Однажды мать дала мне дозу алдабрешского болеутоляющего сиропа, после того как лекарь вскрыл нарыв у меня на спине. Глубокой ночью я проснулась и увидела ее у моей кровати. С искаженным лицом она следила за каждым моим вздохом, но я была так же далека от ее страдания тогда, как теперь от людей, умирающих вокруг меня.

Я смутно осознавала, что крики меняются, слова теряют всякий смысл и связность. Вот один в коричневом набросился на своего соседа и, забыв про меч, атаковал подобно зверю зубами и ногтями. Когда ему было заметить, что они вместе тонут в пене прилива! Небольшие волны прокатали труп мимо меня, его руки крепко сжимали кинжал, которым этот человек проткнул собственное горло. Двое, пошатываясь, прошли перед моим ословелым взглядом; они истекали кровью от горсти смертельных ран, но безумие в глазах гнало их сражаться дальше.

Грубые руки схватили меня и перебросили через одетое в кожу плечо. Голова моя беспомощно подпрыгивала, заклепки царапали щеку. В тот момент, когда меня передавали кому-то другому, я увидела путь, по которому мы шли так недавно. Трупы в коричневых мундирах лежали на гальке, и Главарь с медальоном ходил среди раненых. Некоторым помогал встать, но, подойдя к своему помощнику, только качнул головой и кинжалом в глаз отправил его в какой бы там ни было Иной мир, ждавший этих людей. Простирая окровавленные руки, он выкрикнул проклятие, которое охладило даже мой оцепеневший и ничего не понимающий ум, но шаг одетых в черное людей, несущих нас, даже не дрогнул. Повернувшись спиной к побежденным врагам, они уходили, пиная их, мертвых, с явным презрением.

В голове промелькнула смутная мысль, что это должно испугать меня, но, когда я попыталась разобраться почему, ползущее онемение захватило мой ум целиком, и все растворилось в черноте.

Прошло немало времени, прежде чем до меня дошло, что я в сознании. Я не могла двигаться — даже глаза не двигались — и не сразу поняла, что невыразительная белизна, которую я вижу, на самом деле оштукатуренный потолок. По мере того как мой ум медленно просыпался, я начала замечать крошечные трещины, недоступные угол. Я как раз начала интересоваться структурой потолка, когда поняла, что и слух возвращается, а я и не понимала, что до сих пор его не было. Быстрые шаги протопали по половицам, по-видимому, сбоку от меня, и непонятный грохот донесся откуда-то снизу. Я силилась определить, что могут означать эти звуки, хотя мои мозги были так же бесполезны, как мозги пьяницы после трехдневного запоя, но вдруг неистовый вопль разорвал тишину, оборвавшись с ужасающей внезапностью.

Он разбудил меня основательнее, чем ведро ледяной воды. Это был не крик негодования, но пронзительный человеческий вопль беспредельного ужаса. Тревога за моих спутников пронзила меня, но тут же исчезла в страхе за себя; мысленно я подпрыгнула от того крика на два моих роста, но в действительности не шевельнула ни единым мускулом. Я была такой же беспомощной, как оглушенный боров, ждущий ножа мясника.

В этот самый миг, словно моя мысль послужила сигналом, дверь отворилась, и сапоги тихо заскрипели по половицам. Я тщетно пыталась повернуть голову, но могла не утруждать себя: человек подошел ко мне и наклонился, чтобы я увидела его лицо.

Это был тот, Беловолосый, обладатель жезла. По-своему он был даже красив. Гладко натянутую кожу угловатого лица украшал узор крошечных морщинок и несколько шрамов. Его глаза, темно-карие, почти черные, были столь же безжалостны и столь же чужды мне, как глаза орла, бесстрастно взирающего на свою добычу.

Он заговорил, но его слова ничего не значили. По интонации и звучанию они слегка напоминали горную речь, но он произносил их так быстро, что я ничего не могла понять. Я без всякой надежды пожимала плечами, распахивала глаза, оттопыривала губу, стараясь выразить мое непонимание. Неприятное веселье заискрилось в глазах моего тюремщика, и он проговорил более медленную тарбаршину с неуловимо знакомым ритмом.

Чувствительность вернулась к рукам и ногам. Я ощутила тугие ремни на лодыжках и запястьях, пристегнувшие меня к жесткому столу. Скрученные мускулы немедленно запротестовали, и я обнаружила, что могу теперь гримасничать от боли. Смя-

тение внутри черепа начало проходить, оставляя привкус худшего в моей жизни похмелья, и мне пришлось сосредоточиться на том, чтобы меня не вырвало: рвота — плохое занятие, когда лежишь на спине. Беловолосый все еще склонялся надо мной, надменное веселье плясало в его глазах, и я решила, если меня вырвет, то уж постараюсь попасть ему в лицо.

— Итак, я должен приветствовать тебя в моем доме. Надеюсь, мы сможем достичь соглашения относительно твоего визита сюда.

Он говорил на тормалинском, но не на Старом Языке книг и пергаментов, который мог бы почерпнуть из первоисточников, а на повседневном наречии той страны — безупречный южный акцент, диалект торгового сословия. Идея о мелочном жесте вызова показала мне вдруг нелепой.

— Вы незваными явились в мои владения, а у меня на этот счет довольно строгие правила, — ласково произнес он. — Однако вы из Трен Ар'Драйена, а он сейчас представляет для меня интерес. Полезная информация, вполне возможно, уменьшит тяжесть ваших проступков.

Я задумалась над незнакомым названием: Трен Ар'Драйен? Горы Рассвета? Во всяком случае, что-то вроде того. Однако все же странно, что у этих людей есть тормалинское название для нашей родины.

Одетый в кожу кулак ударил по столу у моей головы, кольчужные колечки царапнули по дереву.

— Пожалуйста, будь внимательнее, когда я с тобой говорю. — Его мягкий тон резко контрастировал с жесткостью его удара. — Ты путешествуешь с магом Хадрумала и двумя наемными воинами, — спокойно продолжал он. — С какой целью вы прибыли сюда?

Я не смогла придумать полезного ответа и потому молчала. Он поднял брови в красноречивом разочаровании.

— Ты работаешь на Планира Черного. Что ты делаешь для него?

Я оставалась такой же безмолвной, как статуя на усыпальнице.

— Вы встречались с вором Азазиром. Что он рассказал вам о землях Кель Ар'Айена?

Когда я снова не ответила, он наклонился ближе, и на меня пахло мылом и ароматными маслами. Его дыхание было свежим от трав, а ощеренные в угрожающем рычании зубы — ровными и белыми.

— Если будешь отвечать, все кончится для тебя хорошо. Если станешь упираться — тысячу раз пожалеешь, что не умерла, прежде чем я позволю отпустить тебя к Теням.

Возможно, это напоминало те угрозы, которые любой злодей в черном плаще произносит в лескарской драме, но Беловолосый выговаривал каждое слово серьезно, и я это поняла.

Должно быть, он увидел страх в моих глазах; улыбнулся спокойно, удовлетворенно и, отвернувшись, принялся размеренно ходить по комнате.

— Что ты можешь рассказать мне о тормалинской политике в настоящее время? Кто из патронов имеет реальное влияние? Кто пользуется благосклонным вниманием императора?

Почему он спрашивает меня? Я понятия не имела и даже не могла придумать убедительную ложь.

— Что насчет Планира? Каковы его отношения, скажем, с Релшазским Магистратом, Каладрийским Советом, Герцогствами?

Что я знала обо всем этом? Шив и Райшед могли бы иметь какое-то представление, но...

Едва я об этом подумала, как сапоги, шаркнув, остановились.

— Хорошо, по крайней мере некоторые из вас имеют нужные связи. Ну а что ты знаешь из интересующего меня?

Я лихорадочно пыталась опустошить свой ум, но он быстрыми шагами пересек комнату и схватил мою голову, сдавливая пальцами череп; его теплое дыхание обдавало мое лицо, капельки слюны жалили щеки.

— Не пытайся со мной бороться, женщина. Я могу войти и выйти из твоего разума, когда захочу, и взять то, что хочу. Если будешь сопротивляться, тебе просто станет больно, поэтому будь пайнкой и не шуми, и, возможно, пока я не убью тебя.

Это были слова насильника, и он насильно мой ум основательнее, чем тот извращенец в Боярышнике мог когда-либо обесчестить мое тело. Он сорвал самообладание моей взрослой жизни и оголил ребенка, которым я была, — то испуганным, то мятежным, когда стремилась приспособиться к миру, где у других были полные семьи и собственные дома. Он пронесся через драгоценные воспоминания о счастливых временах с отцом и матерью, оскверняя их своей насмешкой. Сведя меня к плачущему ребенку, он вернулся к моей встрече с Дарни и Шивом, взламывая мои воспоминания, чтобы извлечь какое бы то ни было знание, которое могло бы стать ему полезным. Его презрение к моему незнанию их планов опалило меня, но прежде чем он успел перейти к моей деятельности, я почувствовала, как в меня вторглось его сальное любопытство. Интимные подробности моих отношений с Джерисом и другими лежали перед ним как на ладони, и я ощутила его похотливое веселье, проникавшее в мой ум; я почувствовала себя невероятно измаранной. Мой ум сам по себе запульсировал, избитый, распухший и порванный, но он продолжал вталкивать в меня ищущий разум, пока я не испугалась за свой рассудок. Казалось, эта попытка длится часами, но сомневаюсь, что на это потребовалось больше нескольких вдохов.

Шок освобождения стал почти физической болью. Беловолосый стоял надо мной, омерзительное удовлетворение и пресыщение играло на его тонких губах. Я стиснула зубы, чтобы перестать просить, умолять не причинять мне боли, не делать это снова, но не смогла удержать слезы, сбегавшие по моим вискам, увлажняя волосы.

Он снова наклонился и доверительно прошептал мне на ухо, как любовник:

— Это еще не все, что мне нужно. Теперь решай, расскажешь сама или хочешь, чтобы я снова искал это в твоей голове. Или предпочитаешь, чтобы я передал тебя моим стражникам? — Он безжалостно ущипнул мой сосок, и я задохнулась от боли. — Есть масса способов заставить людей говорить, и, поверь, я использую все.

Он внезапно ушел, и я услышала, как дверь за ним закрылась. И тотчас ремни на моих запястьях и лодыжках развязались, но когда я села, чтобы потереть их, то не увидела никаких ремней. Я устала на красные полосы, вдавившиеся в кожу, и затряслась, поняв, что путы, с которыми я боролась, существовали только в моем воображении. Дыша тяжело и часто, как загнанный в угол зверь, я сражалась с истерикой, угрожавшей затопить меня. Не знаю, как долго я сидела так, не в силах ни думать, ни шевелиться, но в конце концов страх отступил, и я начала различать звуки, которые просачивались в узкое окно моей тюрьмы. Моя бабушка называла это кровожадностью, мать — упрямством; я всегда предпочитала называть это силой характера. Называйте это как хотите, но оно наконец подняло меня на ноги.

Я подошла к окну и осмотрела створку — забита наглухо, стало быть, никакой надежды на побег. К тому же подо мной были четыре этажа отвесной каменной стены, принадлежавшей замку — квадратному и удобному для обороны, судя по тому немногому, что я смогла увидеть, вытянув шею. Внизу лежал шумный двор, огороженный толстой стеной с зубчатым парапетом и регулярными патрулями. Кажется, мы находились далеко от любых высот да к тому же на холме; кто бы ни построил этот замок, он знал толк в обороне.

Я постучала по стеклу. Оно было неровным и малость помутневшим, но все же это было стекло. За южной стеной замка, в окруженном изгородью саду блестели крыши теплиц. Я перевела взгляд на патрулирующих стражников. Их черную кожаную форму украшал узор из блестящих металлических заклепок. По местным стандартам, это огромное богатство, а следовательно,

мы в руках главного игрока, что имело всяческие тревож-

ные значения — для нас, в нашем нынешнем положении, и позже для Планира и кого-то еще, кто мог бы найти этих парней на своем приморском бульваре. Я поняла, высокие палки, торчавшие вдали, — это мачты кораблей, притом океанских кораблей.

Так что теперь? Признаюсь, я очень близко подошла к тому, чтобы просто сдаться. Я не видела выхода, кроме как рассказать то небольшое, что мне известно, и надеяться на быструю смерть. К счастью, во мне всегда господствовал игрок, и он напоминал мне: игра не кончена, пока не выйдут все руны. В конце концов я начала прислушиваться. Подошла к двери и осмотрела замок. Хорош, но я все равно лучше. Я собиралась отцепить язычок с пряжки пояса — полезная, кстати сказать, отмычка, — когда услышала в коридоре шаги. Я бросилась в угол, села, уткнувшись лицом в колени, и закрыла руками голову — истинная картина страха и отчаяния.

Это был не Беловолосый, а шестеро его пехотинцев; вероятно, их послали, чтобы запугать меня, так как они наверняка уже знали, что я не маг. Я выглядела должным образом напуганной и, поверьте, это было не трудно. Они молча вывели меня. Мы спустились на три лестничных марша и прошли по побеленному коридору. К еще одной пустой комнате. Там старик в мягкой серой мантии раздел меня с холодным презрением и устроил самый тщательный обыск за всю мою жизнь. Стражники наблюдали за этим процессом со случайными вспышками похоти, но к этому времени изнасилование стояло уже далеко в конце списка вещей, которых я боялась. Со мной бывало и похуже, когда мне пришлось посетить аптекаря из-за дурной чесотки в мои более юные, более невежественные годы. Наконец старик в серой мантии и с ледяными пальцами закончил. Меня повели вниз по другой лестнице и бросили в самую чистую темницу, какую я когда-либо видела. Меня не заковали; видно, сочли, что абсолютно голую рыжую женщину будет легко заметить, если я попытаюсь сбежать.

Я осмотрела мою новую тюрьму. Размером со стойло, она освещалась через решетку под самым потолком, глядящую во двор. Стены были побелены и вычищены, но пятна подсказали мне, что кровь когда-то образовала лужу на полу и забрызгала стены. Имелось ведро, кувшин чистой воды с костяными кубками и корзина хлеба с сыром. Пол здесь тоже был теплый. Я только успела подумать, что предпочла бы грязную лескарскую кутузку, где у меня был бы хоть какой-то шанс сбежать, когда дверь снова открылась и в нее втолкнули Айтена.

— Ливак!

— Он был такой же голый, как я, но в гораздо худшем состоянии; свежие раны и кровоподтеки резко выделялись на светлой коже, один глаз лиловел. Он уставился на меня, и непосиневшие кусочки его лица заалели — он замахал руками в тщетной попытке прикрыться.

— Не будь дураком! — бросила я. — Ни у кого из нас нет ничего нового, чтобы прятать, не так ли?

Как это типично, что Айтен с его запасом сомнительных шуток оказался столь же стесняющимся обнаженной плоти, как девственница, давшая обет Халкарион.

Эту неловкость нарушило прибытие Райшеда; видимых ран на нем не было, но выглядел он потрясенным и изможденным и подобно мне вел себя так, будто отсутствие одежды беспокоило его в самую последнюю очередь. Его отросшая за несколько дней борода казалась особенно черной на непривычно бледном лице.

— Как ты? — хором спросили мы с Айтенем, помогая Райшеду сесть.

Я принесла чашку воды, но Райшед отмахнулся от нее с отвращением.

— Вас уже водили к Беловолосому? — нетвердо спросил он, опасаясь встретить наши озабоченные взгляды.

— Меня — да. — Мой голос невольно дрогнул.

Райшед поднял голову, и я увидела мою собственную пытку, отраженную в его теплых янтарных глазах. Это мгновение разделенного опыта придало мне сил, и ответная искра решимости вспыхнула в глазах Райшеда.

Айтен взирает на нас со страхом.

— Я так понимаю, что это плохо.

— Да, — медленно промолвил Райшед. — И я полагаю, мы должны рассказать тебе, насколько плохо, чтобы страх сделал это в десять раз худшим. — Необычная сталь послышалась в его голосе. — Поэтому я не расскажу. Это плохо, Айт, очень плохо, но ничего такого, с чем ты не сможешь справиться.

Убежденность в его тоне удивила меня и, судя по страху, оставшемуся на лице Айтена, его тоже.

— А с тобой что приключилось? — Мне захотелось отвлечь его и выяснить, с чем я могу столкнуться в следующий раз.

Айтен пожал плечами.

— Меня передали горстке громил, а те постарались избить до бесчувствия. Когда они решили, что обработали меня, какой-то старый огузок начал задавать вопросы, зачем мы здесь и тому подобное. Я ничего не сказал, и тогда меня раздели, обыскали... — он неистово покраснел, — и бросили сюда.

— Не переживай, Айт. — Я видела, это беспокоит парня больше всего. — Шестеро стражников могут поклясться теперь, что я настоящая рыжая. Они делают это, чтобы сломить нас.

Райшед оторвал глаза от пола, как будто только сейчас до него дошло, что мы нагие. Он уставился на меня как задумчивый лошадиный барышник.

— Кто-нибудь из них что-то пытался? Думаешь, кого-нибудь можно было уговорить...

— Раш! — возмутился Айтен.

— Все в порядке, Айт, честное слово. — Я успокаивающе сжала его руку. — Не пойми меня неправильно, но я бы позволила всем шестерым набивать меня до Солнцестояния, если бы думала, что это вытащит нас отсюда. Но никто из них не позволил себе даже мгновенного шипка.

Райшед криво улыбнулся.

— Выходит, у них дисциплина лучше, чем в большинстве войск, когда-либо встреченных мною.

— Увы, — согласилась я со слабой усмешкой.

Райшед встал и начал осматривать камеру. Когда он взглянул вверх на решетку, дверь снова открылась, и к нам бесцеремонно бросили Шива. К счастью, Айтен был рядом и сумел поймать его, поскольку маг был без сознания, волосы, все еще слипшиеся от крови, а одежда испачкана морской водой.

— Как ему удалось сохранить штаны? — недовольно пробормотал Айтен, бережно укладывая Шива. Потом снял с него куртку, чтобы подложить под голову.

— Просто нет смысла унижать человека, если он без сознания. — Райшед встал на колени рядом с ним. — А значит, он не приходил в себя с тех пор, как нас захватили.

С мрачным видом тормалинец осмотрел раны на затылке Шива, осторожно раздирая длинные черные волосы, покрытые коркой запекшейся крови.

Я содрогнулась.

— Я была бы счастливее, если бы кто-то не давал себе труда так все продумывать.

Райшед сел на корточки.

— Умный мерзавец, этот здешний правитель. Вы думаете, почему нас собирают вот так, одного за другим? Все рассчитано на то, чтобы запугать, поколебать нас. Так что боритесь с этим.

Не знаю, подслушивали ли нас как-то — либо наши слова, либо наши мысли, но я не верю, что это было совпадением: мигом позже дверь снова открылась, и стражники бросили внутрь еще одно вялое тело.

Я узнала отделанный мехом плащ еще до того, как Райшед перевернул труп и открыл то, что осталось от доброго веснушчатого лица Джериса. Я подавилась на полпути между воем и криком и зажала руками рот, чтобы сдержать любой дальнейший взрыв.

Райшед подошел и обнял мои трясущиеся плечи.

— Это Джерис? — тихо спросил он, уже зная ответ.

Я безмолвно кивнула и разрыдалась. Я страшилась этого момента. Логика говорила: следует ожидать этого — но игрок во мне продолжал верить в чудо, в тот неправдоподобный конец, что Джудал обычно придумывает в «Зеркале». Мне приходилось терять друзей, но тогда опасность была частью ставки, частью игры, и мы все участвовали в ней с открытыми глазами. Я не смогла отделаться от убеждения, что Мизаен как-то позаботится о Джерисе, как заботится о пьяницах и маленьких детях. Он был слишком славным человеком, чтобы с ним случилось нечто действительно плохое.

Горе забило ключом внутри меня и затопило мой разум. Оно подпитывалось тревогой о моей собственной судьбе, потрясением от насилия, которое я перенесла, ощущением провала нашей миссии для Планира и едким страхом того, что может случиться, когда этот Беловолосый поведет своих проклятых блондинов через океан. Иррациональное чувство вины захлестнуло меня: я знала, как жесток мир, и должна была позаботиться о невинном человеке вроде Джериса. Мои способности, мой труднопобедимый оптимизм, надежда, что мы как-то переживем это, полностью рухнули. Я плакала, как никогда в жизни, рыдала, словно маленькая девочка, чей мир рухнул из-за сломанной куклы. Я плакала, пока не почувствовала себя пустой внутри, дрожащей от выплеснувшихся эмоций. В голове стучало, опухшие глаза горели. И не существовало ничего, кроме всеохватывающей боли этой минуты.

Постепенно буря прошла, как проходят все потрясения. Я достигла той точки, где вой был потворством, а не облегчением, и стала осознавать сильные руки Райшеда, обнимающие меня, его мужской запах и тонкие курчавые волосы на груди, вымоченные моими слезами. Я глубоко, с содроганием, вдохнула и позволила ему усадить меня к стене. В некоем отдаленном уголке ума до меня дошло, что мы все должны стесняться этого, но я действительно могла не переживать. Райшед принес мне воды, а Айтен молча протянул лоскуток, оторванный от рубашки Шива. Я вытерла лицо и устало откинулась на стену. И снова подумала, не следят ли за нами, и слабая искра гнева начала бороться с холодной мертвенностью горя в моем уме.

Я посмотрела на Айтена. Его глаза метались от Шива к Джерису, стыд и вызов смешались на лице. Почувствовав мой взгляд, он прикусил губу, но не отвернулся.

— Им ведь не нужна вся их одежда, верно? Если честно, я смогу думать гораздо лучше, если мои яйца не будут раскачиваться на ветру.

— Конечно.

Я заставила себя говорить спокойно, но внутри все кричало, чтобы он убрал свои глупые руки от моего друга и моего любовника.

Райшед взглянул на меня так, словно понимал мои чувства.

— Мы не можем устроить Джерису сожжения, но можем обмыть его и совершить над ним обряд, — мягко сказал он. — Он это заслужил.

И вот мы раздели Джериса, омыли, как смогли, его бедное разбитое тело и завернули в его хороший шерстяной плащ, до боли пахнувший травами, которыми он освежал свое белье. Я снова заплакала, когда увидела, во что превратились изящные нежные руки, что доставляли мне столько наслаждения; все пальцы были сломаны, один полностью отрезан. Ни на руках, ни на ногах не осталось ногтей, а на подошвах и ладонях темнели полосы от многократных ударов твердым тонким прутот. Пузыри и ожоги на лице, внутренней стороне рук, бедер и паха показывали, где кожу прижигали каленым железом. Его твердые полные губы, словно созданные для поцелуев, были разбиты; одна рука сломана в двух местах, челюсть и лицевые кости тоже сломаны. Он лишился большей части зубов, либо выбитых, либо вырванных с корнем из десен. Слезы медленно катились по моему лицу, когда я закрывала мягкие карие глаза, которые привыкла видеть настороженными от любопытства и живыми от невинного вожделения.

Моя скорбь не уменьшилась, но мой гнев возрос, когда мы не нашли той единственной вещи, которую я искала, — окончательного кинжального удара, милосердного удара, который избавил бы Джериса от мук. Его не было, и во мне запылала решимость как-то отплатить этому беловолосому ублюдку с ледяным сердцем, отомстить каким-то образом, прежде чем я умру. Глядя на истерзанный труп, бывший когда-то Джерисом, я наконец поняла, что нам не уйти отсюда живыми.

Конечно, ни у кого из нас не было денег, поэтому мы соскребли грязь с сапог Джериса, развели ее водой и оставили свои имена на его ладони, чтобы Полдрион мог записать его долг нам. Я добавила имя Шива и, поколебавшись, Дарни — думаю, он не стал бы возражать. Мы произнесли слова прощания, обря-

ды Дастеннина оказались в достаточной мере похожими на церемонии Дрианон, к которым я привыкла, и я решила — Полдрион поймет, чего мы хотим. Я в последний раз покрыла его лицо капюшоном плаща и села, склонив голову, у его бока. Это был самый скверный момент в моей жизни.

— Расскажи мне о нем.

Зашнуровывая бриджи Джериса, Райшед передал мне тунику Шива и сел возле меня.

Я покачала головой в немой боли, но Райшед сжал мою руку, и, посмотрев вверх, я увидела слезы в его глазах.

— Поговори со мной, расскажи, каким он был, вспомни хорошее, вспомни счастливые времена. — Слеза скатилась по его щеке, оставшись незамеченной. — Если ты этого не сделаешь, ты всегда будешь вспоминать его только таким. Я сидел с моей сестрой, когда она умирала от пятнистой лихорадки, и, поверь мне, я знаю. Я больше года не мог представить ее себе без предсмертных страданий. Из-за этого я и пристрастился к тассину.

Мне ничто не лезло в голову, но Райшед настаивал.

— Я никогда не знал его. Думаешь, мы стали бы друзьями? Каким человеком он был?

— Хорошим. Хорошим и по-настоящему добрым, — промолвила я в конце концов. — Совсем невинным в некоторых отношениях — никакого, например, понятия о реальной стоимости денег — и слишком доверчивым. Он был верным, любящим... — Мой голос дрогнул.

— Вы были... — Райшед замаялся, но я поняла, что он хочет спросить.

— Мы были любовниками, но больше по случаю, чем как-либо еще, — откровенно призналась я. — Боюсь, для Джериса это значило больше, чем для меня. Он из большой семьи и, насколько я видела, любил детей. Возможно, он рассчитывал осесть со мной, но это бы никогда ни к чему не привело.

Сожалеть об утрате того, чего я никогда не хотела, было глупо, но все равно это резало меня ножом.

— Сэдрин, кто расскажет его семье?

Новые слезы покатались по моему лицу — и откуда они только взялись?

— Они были близки?

— Думаю, да. Он много говорил о них.

Я вдруг засомневалась. Что я действительно знала о Джерисе? Прежде это не казалось важным, но теперь я подумала: что я могла бы узнать, если б дала себе труд спросить?

Я рассказала Райшему о Джудале и «Зеркале», о бесконечном любопытстве Джериса, его простодушной болтовне

о чем угодно — о календарях и альманахах, о различных системах избрания королей, о писателях, десять поколений назад умерших и сожженных. По мере того как я говорила, я вдруг поняла, что многого не знала о Джерисе: где, например, началось его увлечение этими дурацкими настоями? Я вспомнила бой у Элдричского кольца, храбрость Джериса и его неожиданное хладнокровие в критической ситуации. Где он научился такой отваге?

Когда эмоции захлестывали меня, угрожая задушить, Райшед сам начинал рассказывать — о своих братьях и покойной сестре, о лошадях, которыми он владел, и ученых, которых встречал, о чем угодно — как бы в продолжение того, о чем говорила я.

Не знаю, как долго мы говорили, но уже спустилась ночь, во дворе зажгли факелы, и их отсвет разогнал темноту в нашей камере. Сейчас я была спокойна, и Джерис снова ожил в моих воспоминаниях; я видела его таким, каким знала, а не тем истёрзанным трупом, что лежал у стены. Джерис как-то сказал мне: алдабрешцы верят, что никто по-настоящему не умирает, пока не умрет последний из знавших его людей. Теперь я, кажется, поняла, что они имеют в виду.

Гостевой дом при усыпальнице Острина, Бремилейн, 2-е предзимы

Аллин вздохнула над треугольной прорехой на бриджах Дарни. Она сидела у окна, подняв колени, и время от времени поглядывала на темную от дождя улочку. Она думала, что избавилась от скучной работы, вроде этой нескончаемой штопки, и тосковала по суровым ясным зимам Лескара, так не похожим на эту серую морось. Стук в дверь испугал ее. Девушка поспешно опустила ноги и расправила юбки.

— Войдите.

— Добрый день.

Человек примерно тех же лет, что ее отец, открыл дверь, откидывая мокрый капюшон. У него были аккуратно подстриженные темные волосы и чисто выбритое лицо.

— Ты — Аллин?

— Разумеется, она Аллин.

Второй мужчина, пониже ростом, протолкнулся к камину, чтобы согреться у скудного огня. Он сбросил потрепанную накидку, обнажив спутанные седые волосы и нечесаную бороду, и обратил пронзительные голубые глаза на Аллин.

— Что за паршивый огонь, милочка! Позвони, чтобы принесли еще угля!

Аллин не хотелось признаваться, что она не осмеливалась это сделать.

— Не беда. — Темноволосый улыбнулся, его серые глаза лучились добротой. — Мы здесь, чтобы увидеть Казуела и Дарни.

Если не учитывать его гидестанский выговор, он напомнил Аллин ее дядю Уоррина.

— Боюсь, их обоих сейчас нет, господин. Передать им, что вы заходили? Вы могли бы оставить записку.

Она отложила шитье, вспоминая светские приличия, которым ее обучила мать.

— Не желаете вина или настоя?

— Спасибо, вино — это замечательно!

Темноволосый повесил их плащи на вешалку и пошел погреться. Его руки были белые от холода, а ногти — голубые.

Аллин поднялась и подошла к звонку для прислуги. Эхо далекого колокольчика прокатилось в тишине комнаты.

— Вы мореходы? — Аллин осмелилась завязать вежливый разговор.

— В некотором роде. — Коротышка лукаво усмехнулся, и девушка с досадой почувствовала, как предательский румянец заливает ее щеки.

— Мы маги, коллеги Дарни и Казуела. — Темноволосый улыбнулся каким-то своим мыслям.

Грохот двери избавил Аллин от необходимости искать ответ.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, Каз! — Дарни ворвался в комнату.

— Добрый день.

Темноволосый повернулся от камина, и глазам Аллин представило редкое зрелище: Дарни, потерявший дар речи.

— Нет никак... — Вошедший следом Казуел умолк на полуслове. — Планир?

Он поспешно поклонился. Аллин испуганно присела в реверансе, но задрожавшие колени подломились, и она тяжело плюхнулась на скамью.

— Верховный маг, мастер Туч. — Дарни отвесил самые глубокие и искренние поклоны, каких Аллин еще не наблюдала у него. — Добро пожаловать.

— Как дела с кораблем? — сердито воззрился на него Отрик.

Дарни набычился.

— Никто не хочет рисковать, сражаясь с течениями, штормами, морскими чудовищами и прочим.

— Мессир Д'Олбриот обещал посмотреть, нельзя ли устроить что-нибудь для нас, — торопливо добавил Казуел.

— Уверен, кое-кто переменял бы тон, если б мессир отдал прямой приказ, — проворчал Дарни.

— В Тормалине так дела не делаются, — огрызнулся Казуел и, спохватившись, виновато посмотрел на Планира. — Прости, Верховный.

Не утруждая себя ответом, Дарни повернулся к Отрику.

— Кто еще с вами? Сколько мечей?

— В данный момент нас только двое. Мы подумали, что нам следует пойти вперед, — ответил Планир с оттенком властности, которая остановила вопросы, готовые сорваться с губ Дарни. — Я беспокоился о возможных трудностях с кораблем в это время года.

— Но мы справимся. Мессир Д'Олбриот предложил нам всяческое содействие, и я уверен, он получит для нас разрешение обратиться к другим морякам, — утверждал Казуел.

— Если моряки Д'Олбриота отказываются выйти в море, то я не представляю себе, чьи еще могли бы согласиться.

Тон Планира был достаточно мягок, но Казуел все равно выглядел так, будто его пнули в голени.

— Верно, а потому нам лучше обратиться к кое-кому другому. — Отрик радостно потер руки.

— Кому другому? — Дарни был явно озадачен.

— К пиратам! — смачно заявил Отрик.

Прежде чем кто-либо успел ответить, дверь открылась, и служанка с любопытством оглядела комнату.

— Пожалуйста, принесите вина, — чуть слышно сказала Аллин. — И еще угля.

— Могу я спросить, как ваша дискуссия связана с пиратами? — Эсквайр Камарл обошел служанку и неторопливо повесил на стул свой мокрый плащ.

— О эсквайр, то есть, ну, бог мой... — Казуел переводил взгляд с Отрика на молодого дворянина в крайней растерянности.

— Эсквайр Камарл Д'Олбриот, — торжественно провозгласил Дарни, — позвольте представить вам Планира, Верховного мага Хадрумала, и Отрика, мастера Туч Нового Зала.

Камарл низко поклонился, Планир — тоже, а Отрик ограничился небрежным кивком.

— Я говорил, единственный способ достать корабль в это время года — нанять пирата. — Глаза мастера Туч сверкали вызовом.

— Интересное предложение, — осторожно промолвил эсквайр.

Прибыло вино. Камарл все так же неторопливо добавил себе теплой воды и меда. Верховный маг присоединился к нему, что несколько сдержало велеречивость Дарни.

— Вполне возможно, пират согласится выйти в море, когда обычный моряк — ни за что. — Эсквайр сделал глоток. — Однако нам пришлось бы заплатить грабительскую цену за эту довольно сомнительную честь.

— Деньги — не проблема, — буркнул Дарни и, отказавшись от воды, залпом выпил свой кубок.

— Должен признаться, я не знаю, как установить связь с пиратом. — Камарл с легкой улыбкой покачал головой. — Мое знакомство с ними ограничивается созерцанием их на виселицах в порту.

— Предоставьте это мне. Я плавал с половиной рубителей такелажа в этих водах. — Отрик ухмыльнулся, довольный произведенным эффектом.

— Вижу, вас пугает это предложение, — безмятежно произнес Планир, оглядывая комнату. — Однако если ни у кого нет других идей, боюсь, это единственный выход.

Повисло угрюмое молчание. Все обменивались вопрошающими взглядами и покачивали головами.

— Но что помешает какому-то пирату просто увезти нас подальше от суши, перерезать горло и выбросить за борт? — взорвался вдруг Казуел.

— Для начала — я, — проворчал Дарни. — Сэдриновы потроха, Каз, ну что ты за маг?

— Осторожность, конечно, хорошо, Казуел. — Верховный маг поспешил разрядить неловкую тишину. — Однако твои коллеги в большой опасности, и, если мы хотим спасти их, нужно действовать быстро.

— О чем ты? — Дарни ошарашенно посмотрел на Верховного, а потом напустился на Казуела. — Разве ты не видел их?

— Их взяли в плен, дурень.

Ростом Отрик был даже ниже Казуела, но тот все равно съехал под презрительным взглядом старого мага.

— Я видел... то есть я хотел, но было так мало времени... — Голос Казуела возвысился до отчаянного блеяния.

— Кажется, это произошло довольно внезапно. — Планир сел за стол, разбив круг, смыкавшийся вокруг незадачливого мага. — Вот почему мы пошли вперед.

— И потому, что так ты мог избежать всевозможных неудобных вопросов в Совете! — хихикнул Отрик, вновь наполняя свой кубок.

Казуел ужаснулся, а Дарни и Камарл засмеялись вместе с мастером Туч.

296 — Увы, это тоже верно.

Планир подмигнул Аллин, которая слушала весь разговор с широко открытыми глазами. Девушка издала смешок, захваченная врасплох, и униженно прижала ладони ко рту.

— Ну-с, если ты закончил флирт с этим новым талантом, о достопочтенный Верховный маг, тогда пошли. — Отрик осушил свой кубок. — А тебе, цветик, лучше остаться. Если я приведу такую хорошенькую девчущку в те места, куда мы идем, то как бы мне не пришлось платить, чтобы вернуть тебя обратно!

Отрик подхватил свой плащ и быстрым шагом вышел из комнаты. Отвесив Аллин пышный поклон, Планир неторопливо последовал за Дарни и Камарлом, оставив Казуела болтаться в дверях плохо вышколенным лакеем.

Молодой маг задрал подбородок, безуспешно пытаясь нацепить на себя маску судьи.

— Не лезь ни в какие глупости, — бросил он.

Аллин подождала, когда он отойдет подальше, и засмеялась.

Выскочив из гостиницы, Казуел завертел головой, пока не увидел доблестный зеленый плащ эсквайра Камарла, направляющегося вниз по холму. Маг бросился вдогонку, скользя на мокром булыжнике крутой улицы.

— Сюда.

Вслед за Отриком они свернули в узкую улочку, где дома походили на груды валунов, неведь каким образом отрастивших трубы. Грязь под ногами становилась все более едкой, а в кучах мусора нагло шуршали крысы. Трактирные вывески в этом районе явно были не в моде, но их отсутствие с успехом компенсировал дверной косяк, представлявший собой грубо вырезанную деваху с бутылью меж голых грудей.

— А вот и мы! — Отрик фамильярно хлопнул шлюху по гладкому деревянному заду.

Они вошли внутрь гуськом. Планир улыбался, как будто вспомнил некогда услышанную удачную шутку; Камарл держался с нарочитым бесстрастием; Дарни хмурился, а Казуел не скрывал своего ужаса.

Все разговоры в трактире смолкли. Казуел наступил Дарни на пятку, когда агент остановился со скрещенными руками и исподлобья оглядел собравшееся общество.

— Не смотри так вызывающе, Дарни, словно ждешь, чтобы кто-то плюнул тебе в глаз, — язвительно молвил Отрик. — Если бы я хотел затеять драчку, то привел бы мастифа.

Дарни повернулся к женщинам, отиравшимся возле шаткой лестницы, и взгляд его стал плотоядным. Одна шлюха подошла к Отрику — из-за присборенного грязного кружева корсажа выступали розовые соски.

— Привет, старичок! Давненько тебя не видела.

Вблизи под румянами стали видны морщины.

— Я был занят, дорогуша. — Отрик экспансивно махнул рукой.

Дарни, весь начеку, опустился на лавку у стены. Эсквайр и Верховный маг, излучая спокойствие, присели на табуреты, хотя Камарл все же утратил на миг самообладание, когда его внезапно шлепнули по плечу; он обернулся и вперил взгляд прямо в ложбинку меж грудей помятой блондинки, наклонившейся, чтобы предложить ему вина.

— Спасибо. — Он взял кубок и протянул девице медную монетку.

Многозначительно подмигнув, блондинка опустила ее за корсаж.

— Этой стороны Бремилейна я прежде не видел, — прошептал эсквайр Казуелу, который сидел в плотно запахнутом плаще, сжав колени.

Маг кивнул и рассеянно пригубил вино. Отвращение на его лице сменилось изумлением.

— Не ожидал, Каз? — засмеялся Отрик. — На то она и беспопытная торговля, чтобы доставать самые лучшие товары, не платя денег посредникам!

Проститутка, сидевшая на коленях у Отрика, захихикала как девочка и погладила его бороду.

— У нас здесь все самое лучшее.

— Наше время ограничено, Отрик, — напомнил Планир старому магу. — В бархатной мягкости голоса звякнула сталь.

— Ладно, дорогуша. — Старик обхватил проститутку за талию. — Я ищу Песчанку.

В глазах шлюхи появилась настороженность.

— Он заглядывал сюда пару ночей назад, но с тех пор я его не видела.

Отрик с выразительной усмешкой сжал ее бедро.

— Просто скажи ему, что его искал Дикий Гусь.

— Если увижу — скажу, — пообещала женщина.

Планир встал и поклонился.

— Спасибо за вино, мадам.

Он вручил ей скромную горсть серебра, вызвавшую шорох юбок вокруг лестницы. Сняв шлюху с колен, Отрик тоже встал и, сжав на прощание ее ягодицы, поцеловал взасос. Остальные выбрались наружу и ждали его, жмурясь от дневного света.

— Намереваешься вернуться позже, Дарни? — Отрик вытер бороду, голубые глаза засверкали озорством.

— Я женатый человек, мастер Туч, — засмеялся агент. — Вряд ли Стрелл поблагодарила бы меня за тот подарочек, который я мог бы здесь для нее заполучить.

Вскоре они вернулись на более широкие улицы более приятного квартала и смогли идти в ряд.

— Мне любопытно, мастер Туч, — нерешительно произнес Камарл. — Песчанка и Дикий Гусь — это ведь названия птиц, не так ли?

— Стал бы ты называться своим настоящим именем, если бы промышлял контрабандой? — вопросом на вопрос ответил Отрик.

Снова наступило молчание.

— И все-таки, что ты делал с этими пиратами? — деликатно полюбопытствовал Планир. — Всем интересно, но только мой ранг дает мне право спрашивать, и мне сдается, эта история не для ушей юной Аллин.

Отрик хихикнул.

— Ты не добьешься звания мастера Туч, сидя под деревьями и бросая горсти листьев на ветер. Там, в океане, я узнал о ветрах больше, чем любой маг из ныне живущих. А как еще, по-твоему, мы пойдем за Шивом и вашими людьми?

Камарл обернулся к Планиру.

— Я как раз хотел спросить об этом. Я действительно не понимаю, как мы можем рассчитывать прибыть на эти острова вовремя, чтобы чем-либо помочь. — Лицо эсквайра посерьезнело, властные нотки зазвучали в его голосе. — Я не понимаю, как можно надеяться совершить такой переход меньше чем за двадцать пять дней.

Прежде чем ответить, Планир небрежно огляделся.

— Поверьте, эсквайр, если нужно, мы пересечем этот океан за считанные часы.

Он произнес эту фразу тоном, не допускающим возражений.

Камарл склонил голову набок.

— Итак, что мы делаем дальше?

— Мы полагаем, старый приятель Отрика свяжется с нами и приготовит все для путешествия, — решительно заявил Планир. — Тем временем я свяжусь с Калионом и еще кое с кем в Совете. Будем надеяться, они найдут эту менестрельскую историю достаточно интригующей, чтобы присоединиться к потехе.

Замок Ледышки, острова элетиммов,

3-е предзимы

Мы бы и дальше продолжали говорить, но тут Шив застонал и зашевелился. Айтен, позаимствовав его штаны, молча сидел подле мага, время от времени проверял его дыхание и сердцебиение и выжимал воду ему в рот с полотняного лоскутка.

— Как он? — Я взяла руку Шива, снова чувствуя свою беспомощность.

Айтен покачал головой.

— Пока не очнется, не узнаем, в этом вся трудность с ранениями головы. Но перелома я не чувствую, и потом, если б он собирался умереть, думаю, он бы ослабевал, а не шевелился.

Его спокойный тон утешил меня.

Но все равно, казалось, миновало полдня, прежде чем Шив наконец с трудом открыл затуманенные глаза; зрачки были разного размера. При попытке сесть маг начал беспомощно рыгать. Мы дали ему воды, устроили поудобнее, но прошло немало времени, прежде чем он смог заговорить.

— Просто расслабься и не дергайся, — велел Айтен. — Твои мозги были на полпути к Сэдрину, и нужно время, чтобы они вернулись на место.

Увидев безвольную досаду на лице Шива, я сжала его руку.

— Мы никуда не идем.

Я надеялась, что никакие эльетиммские солдаты не ворвутся сейчас в нашу камеру, дабы сделать из меня лгунью.

Маг закашлялся.

— Мы находимся в каком-то замке? — В его вопросе слышался слабый проблеск прежнего юмора.

Я пожала плечами.

— В сравнении с некоторыми тюрьмами, где я сидела. Я останавливалась в трактирах похуже этой конуры, но, в общем, да, мы заперты, это верно.

Шив с видимым усилием сфокусировался на Айтене.

— Или ты угодил под стадо свиней, или из тебя пытались выбить информацию.

— Боюсь, эти парни чересчур энергичны со своими вопросами. — Райшед заколебался. — А еще они умеют проникать тебе в голову.

Шив застонал, и не от боли.

— Значит, они пользуются эфирной магией? Мы были правы?

— Увы.

— Так что теперь? — Райшед вопросительно посмотрел на каждого из нас.

Я подняла руку.

— Стоит ли нам говорить? Я уверена, Ледышка, тот беловолосый ублюдок, как-то подслушивал мои мысли.

Айтен и Райшед неуверенно глянули друг на друга, потом на меня.

— Уже далеко за полночь, — слабо пробормотал Шив, закрыв глаза. — Я не чувствую поблизости ни одного бодрствующего ума.

Да и какой у нас выбор? Мне неохота сидеть здесь в молча-

нии, пока за нами снова придут.

— Мы сможем выбраться отсюда? — Айтен с сомнением уставился на решетку, теперь едва заметную на фоне неба, так как факелы наверху были потушены. — И куда мы пойдем, если выберемся?

Я пошла осмотреть дверь. По здешним меркам ее замок считался очень надежным, но для меня он был только вызовом, так как работать придется без инструментов. Я задумчиво посмотрела на костяные кубки. Если попробовать разбить один, не слишком ли это будет шумно и трудно?

Шив с усилием подвинулся и скорчил гримасу.

— Если мы выберемся из этой темницы, нам нужно будет найти нору, чтобы спрятаться, пока я не свяжусь с Планиром. Когда установлю связь, он призовет Совет, сообщая они сольют через него силу, и тогда я смогу передать им хотя бы наше предостережение.

— А вернуть нас домой они не смогут? — Я вовсе не хотела, чтобы мой голос звучал так умоляюще.

Шив вздохнул.

— Может, и смогут, но маловероятно. Я не вправе вам лгать.

Айтен и Райшед умело скрыли свое разочарование, но я и в самом деле воспряла духом. Какой-то шанс лучше, чем никакого, а я — игрок. Пока Шив не сказал, насколько малы эти шансы, я могла внушать себе, что они стоят броска; в конце концов, только долгая игра приносит солидные деньги.

— Ты мог бы нас спрятать, Шив? — спросил Райшед, немного подумав.

— Полагаю, да, — медленно ответил маг. — Я размышлял над тем, как им удастся отслеживать нас, и, пожалуй, сумею создать иллюзию, чтобы на какое-то время сбить их со следа.

Райшед приободрился.

— Если мы останемся в замке или возле него, они не должны так легко нас найти.

— В каждом замке, в котором я бывал, водились тайники и потайные ходы. — Лицо Айтена наконец посветлело, и я не стала его разочаровывать замечанием, что основа этого плана примерно такая же прочная, как гарантия лошадиного барышника.

— Надо провести разведку. — Я посмотрела на Шива. — Ты не сможешь быстро передвигаться, поэтому нам надо знать, куда идти. Если мне удастся выйти, я смогу высмотреть, где тут что, пока все спят, и поискать хорошее место, где можно спрятаться.

Райшеда мои слова явно не убедили, и мне показалось, что он догадывается о моих истинных намерениях. Не встречаясь с ним взглядом, я пошла к двери и снова осмотрела замок.

— Айт, ты не попробуешь разбить один из этих кубков? Мне нужны длинные щепки, желательно не слишком тонкие на концах.

Шив слабо кашлянул.

— Я думаю, мы можем сделать проще. Из здешней тюрьмы явно убегают не часто; любая Стража там, дома, никогда бы не оставила мне сапоги.

Он тихо захихикал, и я посмотрела на него с легкой досадой.

— Проверь швы, Ливак, внутренние и внешние.

Внезапная надежда согрела меня — я расковыряла ногтями стезжи и выдвинула четыре тонких стальных стержня с аккуратно оформленными концами.

Мы повернули головы к двери в едином движении: не ворвется ли какой-нибудь подслушивающий ублюдок? Но спустя долгую минуту сковывающей тишины я мягко поцеловала мага в лоб.

— С этими штучками я проникну куда угодно. Возможно, мы даже сможем совсем выбраться отсюда.

— Будь осторожна. — Райшед строго посмотрел на меня.

Я подарила ему слабое отражение моей прежней улыбки.

— Когда я бываю другой?

Прежде чем Райшед успел разобраться в своих подозрениях и остановить меня, я уже вышла и бесшумно ступала босыми ногами по коридору. По обе стороны располагались другие камеры, но казалось, мы единственные гости Беловолосого в данный момент — уже легче. Холодные сквозняки напомнили мне, что я все еще в одной шерстяной тунике, но сейчас это не имело значения. У меня были дела поважнее, и с отмычками Шива я могла сделать намного больше, чем надеялась.

Я непременно поищу место, где мы могли бы спрятаться, и, что важнее, найду самый быстрый выход отсюда. Что бы Шив ни говорил, я не верила в его способность скрыть нас на сколь-нибудь долгое время. Не то чтобы я не доверяла его талантам, просто наши тюремщики обладали умениями, о которых мы ничего не знали. Как, во имя Сэдрины, Шив должен им противостоять? Уверенность Ледышки убедила меня в превосходстве его странной магии, и мы находились в самом сердце его земель. Даже если выберемся отсюда, куда мы пойдем? Его собаки догонят нас, прежде чем мы одолеем пол-лиги, и, поскольку Шив еле держится на ногах, мы будем раненым оленем, ждущим последних стрел.

Возможно, Дрианон улыбалась нам, поэтому стоило попробовать, но я намеревалась с большей пользой потратить то время, пока буду на свободе в спящем замке. Я быстро поднялась по задней лестнице, решительно подавляя страх, когда проходила мимо комнаты, где меня держали, — не было времени для колебаний. Останавливаясь у каждой двери, я чутко прислуши-

валась, нет ли внутри кого спящего? Здесь это было легко — за окнами не шумел оживленный ночной город, и вскоре я убедилась, что ни одна из комнат на данном этаже не занята; это были комнаты для дела, не для проживания. Ко мне снова возвращалась уверенность после того, как я столько времени чувствовала себя запасной лошадкой, привязанной к задку фургона. Шив мог бы заколдовать меня, если бы захотел, и мне никогда не сравняться с Райшедом или Айтмом в умении владеть мечом, но я по-прежнему непревзойденная в разведке.

Однако проверить не помешает — осторожность спасает жизнь. Почти не дыша, я поднялась еще на один этаж. Ковер там был толще и мягче. Я провела ногой из стороны в сторону и обнаружила, что он доходит до самых стен коридора. Это была роскошь — значит, тут жилые комнаты? Мои глаза уже привыкли к слабому свету, проникавшему в узкие щели ставен, и я успела заметить и теплый блеск полированного дерева, и яркий отблеск голубой керамики, и сверкание бронзового зеркала на дальней стене. Возможно, там, дома, наш хозяин считался бы средне богатым, но на этой навозной куче он был самым крупным петухом. Следовательно, он не только имел честолюбие, но и таланты, магические и прочие, с помощью которых добивался своего.

Я тихонько подкралась к ближайшей двери и прислушалась. Сначала долго стояла тишина, потом слабо зашуршали простыни, скрипнула кровать, — кто-то пошевелился, — затем снова воцарилась тишина. Может, это беловолосый ублюдок с ледяным сердцем, имеющий власть над этим местом. Я согнула руки и только тут вспомнила, что у меня нет клинка. Имей я оружие, я была бы там и перерезала ему горло без всяких раздумий. А возможно, хорошо, что я была безоружна, хотя и не уверена в этом. Вероятно, я лишилась бы жизни, но и тогда, и сейчас я отдала бы мешок дворянских монет за шанс погрузить лезвие в шею этого мерзавца. Способна на это дело и одна из отмычек, если запустить ее в глаз или ухо. Возможно, но твердой уверенности не было, а потому рисковать не стоило. Хороший игрок знает, когда бросать руны, а когда придержать. В любом случае я понятия не имела, что еще здесь живет; не исключено, что мне пришлось бы заставить замолчать какую-то женщину или ребенка, а я не люблю ненужных убийств.

Поддавив бессмысленную досаду, я бесшумно спустилась на один этаж, настороженно прислушиваясь к каждому звуку. Не было даже намека на патрулирующую стражу внутри замка, а прижавшись глазом к щели ставен, чтобы посмотреть во двор, я увидела лишь двух часовых, притоптывающих ногами от холода. В каком-то безотчетном порыве я пообещала себе, что если некоей

божьей милостью мы выберемся отсюда, то я вернусь с Хэлис, Сорградом и Соргреном, да и с Каролейей, если она будет свободна, и общищу это место в пух и прах, чтобы проучить хорошенько ублюдка, который не видит смысла в принятии должных мер предосторожности.

Преодолев нерешительность, я занялась дверью комнаты, соседней с той, где меня держали. Чтобы Беловолосый услышал мои мысли и так быстро пришел ко мне, он должен был оставаться где-то рядом. Но не в этой комнате, решила я, открыв второй комплект бухгалтерских книг. Сэдрин знает, о чем они были, но цифры есть цифры, тормалинского они или горного письма. Я осмотрела дверь напротив. Она вселяла больше надежд. Ее стальной, хорошо смазанный замок превосходил все, что я встречала за пределами Релшаза. Он был хорош, но я — лучше, и скоро мои усилия были вознаграждены. Это наверняка кабинет или библиотека. Я проскользнула внутрь и заперла за собой дверь; я не хотела, чтобы мне мешали.

Гобелены из некрашеной шерсти смягчали стены и приглушали сквозняки. Было бы невежливо критиковать их скромную цветовую гамму, так как они были красиво сотканы, с замысловатыми узорами всех оттенков коричневого — от почти черного до бледно-бледно-бежевого. Толстые коврики ласкали до боли озябшие пальцы, резная деревянная мебель сияла воском. Страшно мешала темнота, и я подумала об источнике света; вскоре отыскала огарок в изящном серебряном подсвечнике гидестанской работы и решила рискнуть. Станет ли какой-нибудь часовой удивляться свету в кабинете своего господина, который бы ни был час?

Я огляделась в тщетных поисках огнива, кремня или кресала — чего угодно. Раздраженно стала открывать ящики стола, но нашла только перья, чернила да ножи. Я выбрала самый острый — все лучше, чем ничего. Запах пчелиного воска дразнил мою память, и меня вдруг осенило. Уставясь на фитиль, я прошептала:

— Талмия меграла элдрин фрес.

Радость, вовсе не соответствующая нашему положению, охватила меня, когда фитиль вспыхнул. Образумься, одернула я себя, ты хотела свет, ну так используй его! Мое настроение безотчетно поднялось, наверное, в первый раз за много сезонов.

С подсвечником в руке я осмотрела набитые книжные полки. Тома по истории Старого Тормалина располагались по хронологии правления. Собрания писем, работы по естествознанию, этике, драме, бесконечные тома... Я узнала некоторые названия, слышанные от Джериса, и поняла, многие книги и сокровища, которые Ледышка украл у нас, должны быть здесь. Но я находилась не в той ситуации, чтобы требовать их обратно.

Я вернулась к столу и, усевшись в мягкое кресло, начала просматривать аккуратные стопки пергаментов. Я не слишком беспокоилась, что оставлю следы; в конце концов, что могло со мной случиться? Меня схватят и станут пытаться? Тоже мне новость! Я по-прежнему была убеждена: все мы умрем здесь; единственное, чего я хотела, — как-то выбить чеки из этого фургона, прежде чем он выедет на дорогу. Отчасти — для Планира, а отчасти — в широком смысле для моих друзей, которые могли бы столкнуться с этими людьми во время их вторжения. Но главным образом я жаждала отплатить ублюдкам за то, что они сделали со мной, и за одинокую мучительную смерть Джериса. Я игнорировала робкий внутренний голосок, который хотел напомнить мне: именно месть и привела меня сюда.

Я подумывала о грандиозном поджоге, но решила прежде разведать выход из замка для всех нас. А сейчас нелишне посмотреть, не найдется ли здесь какой-нибудь полезной информации. Казалось, аккуратность культивируется в этих людях, как длинные ноги у борзых, и скоро я определила тематические стопки записей. Ледышка имел почти ту же самую информацию о побережье Инглиза, что и главарь коричневых мундиров, но меньше по Тормалинскому побережью — и это было слабым намеком на хорошие новости. Зато у него имелся большой лист, посвященный развалу Империи, с перечнем лет, записанных посередине, и событий — с обеих сторон. Он явно работал над ним немало времени: края слегка обтрепались, и записи были сделаны разными чернилами. Казалось, его особенно интересовала деятельность различных дворянских семей, которые, по словам Азазира, участвовали в основании Кель Ар'Айена. Ниже я нашла генеалогии и другие записи, явно состыкованные по кусочкам за долгий период.

Еще на одном листе перечислялись названия тормалинских, далазорских и даже некоторых каладрийских городов. К каждому городу прилагался список имен, а возле каждого имени стояли цифры. Мне это ни о чем не говорило; я отложила лист в сторону и взяла другой — с перечнем эльетиммских владений здесь, на островах, где тоже перечислялись, как я в конце концов решила, имена. Некоторые были зачеркнуты, а сбоку тоже были проставлены цифры.

Я устала на оба списка, пока не возникла новая картина, напоминавшая некоторые алдабрешские резные изделия, где с одной стороны было изображено дерево, а с другой — лицо. Если я рассчитываю покинуть эти скалы посреди океана, мне следует искать информацию о том месте, куда я направляюсь; думаю, Беловолосый имел изрядную сеть шпионов у нас

дома и, судя по цифрам, хорошо платил им. Я задумчиво посмотрела на второй список. Здесь явно процветала конкуренция, но так как соперники предпочитали не встречаться лицом к лицу, я бы побилась об заклад, что предательское убийство было популярным вариантом. Может, да, может, нет. Но не значит ли это, что у них стоят стражники до самых стропил, как у лескарских дворянок, пытающихся избежать «брака» путем похищения? Я не заметила никаких признаков этого. Может, все дело в магических защитах? Пожав плечами, я отложила списки в сторону — для этого не было времени.

В следующей стопке лежали листы, озаглавленные по названиям эллетиммских владений. Я не поняла ни слова, поэтому оставила их и потянулась за стопкой, судя по оттенку чернил, более свежей. Мороз пробежал у меня по коже, когда я узнала имя Райшеда и разобрала слова «Зьютессела», «Д'Олбриот» и «Тадриол». Зная методы Ледышки, я не могла винить Райшеда за выдачу информации, но встревожилась, увидев, как много всего этот ублюдок выудил из его головы. Лист, озаглавленный «Ай-тен», содержал несколько кратких строк, и казалось, Ледышка не добыл много стоящего и из меня. Да и не знаю я ничего стоящего, не так ли?

Я перевернула страницу, и рука внезапно задрожала — имя Джериса бросилось мне в глаза. У меня не хватило духу разбирать запись его допроса, поэтому я быстро отложила лист и тупо уставилась на то, что лежало под ним. Несколько листов покрывал каллиграфический тормалинский, и я узнала полученный дорогим образованием почерк Джериса. Что я нашла?

«Успокойся», — одернула я себя.

Усмирив дрожащие руки, я стала медленнее дышать, пока слова не возникли из бессмысленной путаницы строк. Это оказался подробнейший трактат по крушению Империи. Я пропустила ссылки на произведения и людей, о которых ничего не знала, но в тщательной аргументации так явственно слышались энтузиазм и эрудиция Джериса, что слезы навернулись на глаза. Сердито поморгав, я начала просматривать документ, ища что-нибудь полезное для тех, кто еще жив. Упоминание эфира привлекло мой взгляд, и я прочла полностью весь отрывок.

«Из работ Трел'Митриа и анналов, хранимых орденом, известным как «Молоты Мизаена» (ныне не существующим в Западных Землях), видно, что в Старой Империи преобладала магия, о которой мы теперь говорим как об эфирной. Магия стихий была второстепенной наукой, не имеющей, как считалось, большой практической пользы. Эфирная магия черпает потенциал для силы, содер-

жащейся в умах индивидуумов, что объясняет ее родство с формами мысленной связи и умственного контроля, которые необычны в магии стихий».

— Ближе к делу, Джерис, — проронила я вслух, опуская несколько параграфов, содержавших рассуждения о мысленной связи в легендах и преданиях.

«Эта сила увеличивается, когда несколько умов фокусируются на одном объекте. Свидетельство Аргулемена и Немита Ученого доказывает, что религия обеспечивала этот фокус и в Старой Империи, и в культуре древних эльетиммов, что объясняет, почему жрецы были главными практикующими этой магии в те дни».

И объясняет, почему эти ублюдки сровняли с землей каждую усыпальницу, встреченную ими на пути. Дальше шел сложный отрывок рационалистского аргумента, и Джерис даже выдвигал предположение, что наши идеи богов, возможно, произошли от древних и особенно искусных жрецов, владеющих эфирной магией. Имелось еще много в том же самом духе, но я пошла дальше, пока упоминание Кель Ар'Айена не остановило меня.

«Из этих отрывков, взятых из эльетиммских исторических трудов, явствует, что существование восточного континента и местонахождение там тормалинской колонии Кель Ар'Айен более не может отрицаться. Если следующее свидетельство из «Анналов» Герирода может быть принято как точное, то оно говорит о том, что битва за власть над этими землями была ожесточенной и сильно полагалась на магию».

Я проскочила весьма подробные доказательства этого, мало что для меня значившие, и готова была поверить Джерису на слово.

«Если принять поправки Гара Претзена и добавить летописи эльетиммов, становится ясно, что, когда тормалинские поселенцы оказались в ловушке, они нанесли удар не по магии, которой владели эльетиммы, но каким-то образом по источнику их силы. Однако при этом они не только уничтожили основы вражеской магии, но и основы Тормалинской Империи у себя на родине. Эфирная магия в западных землях так и не оправилась в хаосе, воцарившемся после распада Империи, и в последующие Темные Поколения. Клановая система эльетиммов, однако, продолжала обеспечивать мысленный фокус для верности населения и, таким образом, резерв силы, хотя серьезно уменьшенный, для практикующих эфирную магию, которые были и жрецами, и правителями».

Далее Джерис подробно описывал состояние религии в Тормалине и других местах у нас дома — я это пропустила. Если нам нужны жрецы и верующие, чтобы дать нам эфирную магию для борьбы с этими ублюдками, то мы проиграли еще до того, как эльетиммы высадились. Я не могла вспомнить никого

из своих знакомых моложе среднего возраста, кто делал что-нибудь более благочестивое, чем справлять те или иные праздники да клясться тем или иным божеством. Жрецам не стоило беспокоиться о доводах рационалистов, отвращающих людей от религии; апатия сама по себе отлично справлялась с этим.

Я была сильно подавлена и остальное читать не стала. Итак, теперь я получила ответы. Помогло мне это? Поможет это Планиру, даже если допустить, что мы сумеем передать ему что-то из этой информации? Сможет ли он добиться какого-нибудь содействия от императора? Если да, то смогут ли Тормалин и маги остановить вторжение, подкрепленное неизвестной магией? Половина герцогов в Лескаре, вероятно, перейдут на сторону эльетиммов, просто чтобы получить преимущество над своими соперниками, и к тому времени, когда Каладрийский Совет Дворян обсудит этот вопрос, эльетиммы уже встанут лагерем у их сторожек. Сэдрин его знает, что будут делать алдабрешцы, но готова поклясться, это будет все что угодно, только не сотрудничество.

Когда я поправляла кипы документов, новая мысль разогнала во мне гнев, прогнав эти бесплодные размышления. Джерис работал здесь, ему разрешили пользоваться этими книгами, попросили написать заключение. Ему пришлось сотрудничать. Он не смог бы повернуть такую работу, если бы Ледышка контролировал его мозг. Я не могла винить Джериса за это, учитывая положение, в котором он оказался. Продал ли он свою ученость за свободу? Возможно, но, думаю, очутиться среди такого количества информации само по себе было могучим искушением.

Понимал ли Джерис, что его убьют, когда он закончит работу? Думаю, нет. Если бы я, например, ожидала худшего, то, вероятно, тянула бы время в надежде на счастливый бросок рун, который вытащит меня отсюда. С точки зрения Беловолосого, убийство Джериса имело смысл: зачем рисковать, что он расскажет все сопернику или, сбежав, доставит информацию эльетиммов домой. Все это так, но, если Джерис сотрудничал, зачем понадобилось его пытаться? Не было для этого никакой разумной причины, кроме дурной болезни ума. Проклятие, мне некогда распускать нюни! Я схватила бумаги, которые могли бы пригодиться — в крайнем случае обменяю их на кусок хлеба, — потушила свечу и ушла.

Я стояла в коридоре, раздумывая, куда пойти, и вдруг заметила еще один добротный замок. Учитывая мою историю с запертыми дверями и сундуками, неудивительно, что я была внутри через несколько вздохов. Улыбка растрескала мои сухие губы — я увидела нашу одежду и кое-что из снаряжения. Я-то думала, все это давно растащили в качестве трофеев, но, видно, Ледышка держал своих ратников в узде или хранил наше присутствие в стро-

жайшей тайне. Некоторые вещи оказались распороты или порезаны на куски, но, к счастью, рубашки и штаны во всем мире одинаковы и не представляли большого интереса. Я натянула свои бриджи и сапоги быстрее, чем любовник, заслышавший, как подъезжает лошадь мужа; собрала бриджи и сапоги Райшеда и Айта.

Сэдриновы потроха, здесь не было оружия! Я оглядела комнату. Оно должно быть где-то рядом, я не сомневалась в этом, сама не знаю почему. Подойдя к окну, чтобы приоткрыть ставни и впустить немного света, я обнаружила в нише большой деревянный сундук. Когда я подняла крышку, сталь, серебро и золото заблестели под звездами.

— Спасибо, Полдрион! — выдохнула я, ликуя.

Мечи были не наши, но меня бы устроило что угодно с рукояткой и острыми краями. Я отобрала два хороших клинка — тяжелых и подлиннее обычных — и горсть кинжалов. Не хватало еще ножен и перевязей, но, делать нечего, придется обойтись без них; по мечу в руке — это определенно подняло мой боевой дух.

Шум снаружи приморозил меня к половицам. Сквозь щелку в ставнях я увидела, как часовые встретились над лестницей, ведущей к парпету. Им на смену поднималась вторая пара. Наверху они постояли, обмениваясь впечатлениями, после чего первая пара поспешила вниз — к теплу, еде и сну. Скосив глаза, я увидела яркий отсвет жаровни — это они вошли в сторожку у ворот. Я посмотрела на звезды: Арфа Тримона висела прямо над головой — если стражники снова меняются, то рассвет уже не за горами. Ночи здесь, может, и длинные, но лишнего времени у меня нет. Я в темпе перерыла бархатные свертки на дне сундука. В одном оказались кольца, и я надела по две-три штуки на каждый палец: должны же здесь быть люди, берущие взятки.

Я обежала комнату на случай, если что-нибудь пропустила, но нашла только частную уборную в нише за занавеской. Я уже отворачивалась, как вдруг меня осенило. Я снова посмотрела на сиденье, на кувшин воды для смыва, а затем всмотрелась в открытый сток, уходящий в темноту. Я слышала о водяных уборных, хотя никогда их не видела, но эта, казалось, находится на полпути между ними и сиденьем, ведром и ящиком золы, чтобы сгрести за собой, — порядок, к которому я привыкла.

Вода. Мы не встретили по пути никаких водоемов с пресной водой. Те ручьи, что мы переходили, были совсем мелкие, а в деревне на каждой крыше стояли резервуары для дождевой воды, но не было ни одного колодца, во всяком случае, на открытом месте. Эта семья была из богатых, но хотя они, возможно, имели лишнюю воду для промывания уборной, я бы побилась об заклад, что она после употребления направлялась для даль-

нейшего использования. Я решила следовать и за этой мыслью, и за стоками.

Я быстро спустилась на нижний этаж, соблюдая осторожность — вдруг откуда-нибудь появятся слуги. Их отсутствие бросалось в глаза и даже немного удивляло. Меня едва не хватил удар, когда вышедшая на охоту кошка молча потерлась о мои ноги, но, кроме нас двоих, вокруг не было ни души. Я не знаю, где находились кухни; на самых нижних этажах замка располагались ванны и прачечные. Как я и надеялась, все они имели большие водостоки, установленные в середине наклонных полов, а уж поднять решетку — минутное дело. Я проверила несколько труб — действительно, все они направлялись на юг. Собрав все свое мужество, я залезла в один из стоков, но время теперь неотступно било по моему затылку.

Водостоки были большие, как и следовало ожидать в месте, предназначенном для мытья. Маленькие отпечатки рук и ног в наносах ила говорили о том, что несчастные служанки или дети посылались сюда вниз для чистки этих водостоков. Я передвигалась по ним довольно легко, но немного беспокоилась за остальных. С Айтенем проблем быть не должно, как и с тощим Шивом при всем его росте. А вот Райшеду придется туговато, но если встанет выбор: несколько царапин или плен, — уверена, он предпочтет первое. Я заторопилась. Надежда возрастала по мере того, как водостоки соединялись и направлялись дальше на юг. Обоняние подсказало мне, что в поток влилась грязная вода из уборной, но я не могла позволить ей меня остановить. Я лишь постаралась избегать грязи и подумала, что надо будет предупредить Айтена: это дерьмо не должно попасть в его раны — они мигом загнойт.

Согнувшись в три погибели, я шла дальше со своей тяжелой ношей. Спина люто болела, глаза бесполезно напрягались в темноте, и когда я уперлась в стену, то подумала сначала, что это поворот. Осторожно поводила рукой. Нет, тупик. Куда же уходит вода? Я неохотно опустила руку в грязь и нащупала отверстия меньших труб. Итак, дальше хода нет. Но зачем здесь столько места? Почему бы трубам не разойтись раньше?

Поломав голову в течение, казалось, целой вечности, я пошарила над своей макушкой. После нескольких неудачных попыток я нашла то, о чем подозревала: должно быть, здесь — люк. Я осторожно нажала. Не заперт. Приоткрыла крышку, посмотрела вверх и поняла, что нахожусь в обнесенном стеной огороде с теплицами. Подавив радостное восклицание, я огляделась: куда мы могли бы отсюда пойти? Ступать придется очень осторожно, поняла

я. Со всех сторон стояли померзшие, свернутые кольцом

стебли кукурузы, обвитые остатками бобовых, а землю устилали плоские листья чего-то мне не знакомого. Три культуры на одной и той же земле; в других обстоятельствах это вызвало бы восхищение, но сейчас я думала только о шуме, который может вызвать такая плотная масса сухой растительности.

Я определила, какая из стен наружная, и обрадовалась, увидев в ней калитку. Она была заперта на замок и засовы от незваных гостей, но это пустяки: мы же будем выходить, а не входить. Нежелательный скрип сапог на стене напомнил мне о часовых и обуздал мое ликование. Я задумалась — хватит ли Шиву сил скрыть нас иллюзией хотя бы на время, чтобы миновать калитку и уйти по-дальше от стен?

Я поспешила назад, стараясь не слишком шуметь, и строго выбранила себя, почувствовав наполняющий меня оптимизм. Я нашла выход, я нашла одежду и оружие и начинала думать, что, возможно, у нас действительно есть шанс убраться из этой медвежьей ямы.

«Будь реалисткой, — разозлилась я. — Что у тебя есть нового, так это шанс умереть на своих ногах с клинком в руке, не более того».

Может, и так, но все равно это лучше, чем умирать от рук Ледышки, когда он раздирает твою голову, или под раскаленным железом его домашнего палача. Я содрогнулась, вспомнив некоторые места в трактате Джериса; пачка с его записями холодила кожу, словно жестокость слов впиталась даже в пергамент.

ГЛАВА 10

Хотя набегι эльетиммов на земли западного континента начались сравнительно недавно, они знали о нашем существовании со времен битвы за земли Кель Ар'Айена, и их исторические хроники имеют непрерывность, которой мы можем лишь позавидовать. Следующее письмо было написано главой клана Черного Утеса главе клана Рыбных Отмелей в двухлетний период между смертью Феорла Последнего и Анархией Кровавых Топоров. Позиция, которую оно иллюстрирует, кажется, не изменилась в значительной степени вплоть до нынешнего поколения:

«Последняя неудача жрецов и их магии привела многих людей к сомнению в богах, мой брат, но не позволяй поколебать себя. Мы — Молоты Мизаена и должны оставаться верными. Столько лет ограничиваться этими островами было действительно трудно, особенно для тех из нас, чьи старики еще помнят вкус сладкой зелени Кель Ар'Айена. Не забывай эту просторную и плодородную землю, мой брат, лучше скажи своему деду, чтобы отполировал свои воспоминания и хранил их яркими — зеркало обещания Мизаена нам. Не позволяй сомнению отравить твой разум. Мизаен проверяет нас, очищает нас, отчищает наш характер от грязи, которая привела к нашему падению от рук проклятых людей Рассветных Земель. Боги остаются истинными, Мизаен остается создателем. Он продолжает приносить огонь из наших гор; позволим ли мы погаснуть огню в наших сердцах? Я не позволю, ни мои сыновья, ни сыновья моих сыновей, пока мой род не погаснет в холодном пепле Последнего Шторма. Наша сталь будет закаляться в его огне, не разбиваться холодным укусом морей.

Я даю тебе это обещание, священную клятву на могилах моих предков, ступавших когда-то по золотым пескам Вос-

тока. Мы вернем себе власть над Океаном. Мы заберем силы ума и духа от хныкающих жрецов, предавших нас. Мы пойдем на восток и снесем города Кель Ар'Айена, пока не оставим камня на камне. Мы пойдем на запад и выследим тормалинских захватчиков, пока их кланы не рассеются по ветру.

Эпоха жрецов прошла; мы не дети, нуждающиеся в няньках. Мизаен ждет воинов, владеющих мечами руки и ума. Такие воины получают земли для покорения и с той, и с другой стороны: пустоту Кель Ар'Айена, чтобы заполнить их сыновьями, и чернь Трен Ар'Драйена, чтобы поработить. Не думай, будто Мизаен сверг нас; он не сверг. Скорее он показал нам нашу судьбу и запер нас, как атлетов перед состязанием, чтобы мы тренировались и одержали победу, заслужив ее».

Любопытно, что все эльетимские названия Тормалина включают упоминание «рассвета», учитывая, что их острова сами находятся на востоке. Смотрите раздел 8 для дальнейшей аргументации, говорящей о том, что это племя зародилось на землях Горных Людей.

Последний труд Джериса Армигера, покойного ученого Ванамского Университета, подготовленный с примечаниями Орнейла Скривенера, его наставника и друга

Замок Ледышки, острова эльетиммов, 3-е предзимы

Я быстро вернулась в темницу. Все лежали тесной кучкой; сапоги Шива и складка туники создавали впечатление достаточного количества ног и голов для всякого любопытного стражника. Я увидела, как они напряглись, когда я отперла дверь.

— Это я! — выдавила я тихий шепот, и Айтен с Райшедом сразу вскочили.

Я бросила Айтену его одежду. Его первоначальная благодарность поубавилась, когда он обнаружил, что все вещи немного влажные и дурно пахнут.

— Где ты была? — Райшед поспешно одевался, игнорируя состояние своих штанов.

— В водостоках, — коротко ответила я. — У нас есть выход.

Я посмотрела на Шива, он медленно зашнуровывал сапоги.

— Тебе хватит сил, чтобы спрятать нас ненадолго? Нам нужно пройти калитку.

Шив поднял голову и усмехнулся.

— Хватит.

Я с облегчением увидела, что его глаза фокусируются на мне как положено, но лицо по-прежнему выглядит страшно изможденным.

— Тогда пошли.

Айтен вышел первый с мечом наготове, а Шив согнул пальцы, готовясь в случае чего сотворить заклинание. Пока они стерегли коридор, я запирала дверь. Но бросила мгновенный взгляд на завернутое в саван-плащ тело Джериса, и отмычки заскользили в моих ослабевших пальцах. Что эти мерзавцы сделают с ним теперь? Зароют в холодную землю на корм червям или просто бросят в навозную кучу? Почему они не могут использовать очищение огнем, как цивилизованные люди?

Твердая рука Райшеда сжала мое плечо, и я вздрогнула. Оглянувшись, увидела его сочувственные глаза.

— Это не Джерис, Ливак, — мягко сказал он. — Джерис уже спасся.

Я кивнула, не доверяя своему голосу, мысленно встряхнулась и повела всех в ближайшую посудомойню, где оставила крышку стока лежать слегка криво. Когда мы залезли в трубу, я задышала легче, несмотря на зловоние, и сосредоточилась на насущной задаче.

Айтен поскользнулся и выругался. В ограниченном пространстве его голос прокатился резким эхом. Райшед цыкнул на него, и дальше мы карабкались в сравнительной тишине. Я надеялась, что наверху нет никого, кто мог бы услышать шарканье сапог и скрежет меча в тот миг, когда Райшеду встретился узкий поворот, но теперь было поздно об этом беспокоиться.

Мне пришлось замедлить шаг, поскольку мои спутники не ориентировались в темноте, и на одну ужасную минуту я сама растерялась, встретив разветвление.

«Прими решение и держись его, правильное оно или нет», — молча велела я себе и через несколько шагов была вознаграждена болью — мои вытянутые пальцы царапнули по тупиковой стене водостока. Бледная полоска виднелась в темноте, где я воткнула корень под крышку люка, и я выдохнула, немного успокоившись. Я буду должна Дрианон половину моего дохода в следующем году за такое везение.

— Айт? Шив? — Ищущая рука Райшеда коснулась моего плеча, и я уцепилась за нее. Внезапная слабость охватила мои колени, но его ободряющее пожатие ответило дрожи в моих пальцах и придало мне мужества.

Мы кое-как втиснулись в каменный ящик.

— Что за маскировка нам нужна и как надолго?

Шив протолкался ко мне, и вместе мы бесшумно подняли крышку люка.

Я указала на калитку и стену с бессистемно патрулирующими часовыми. Осмотрев весь огород, маг понимающе кивнул.

— Будем выбираться по одному, без суеты. Когда выйдем, сможем двигаться быстрее. Сколько тебе нужно времени, что-

бы отпереть калитку?

— А сколько нужно времени, чтобы помочиться? Я не знаю, Шив!

— Прости, глупый вопрос. Ладно, подождем, пока наш друг в шикарных кожах не уйдет на другую сторону.

Ленивый ублюдок не торопился идти обратно, но как только он ушел, я первая вылезла, легла под побитые морозом листья какой-то культуры, еще не выкопанной из почвы. Свежий запах холодной влажной земли прочистил ноздри, радуя меня своей обычностью. Когда мы выбрались наружу и присели, как кролики на грядках с салатом, Шив молча начертил на земле какие-то узоры и велел двигаться. Короткий бросок — и мы под защитой стены. Никакой предупредительный крик не разорвал ночь, чтобы выдать нас.

Я нетерпеливо потянулась к засовам, но вовремя остановилась. Они заросли ржавчиной и грязью и завизжали бы как ночная сова. Я уставилась на них в бессильной ярости, а потом принялась за замок, лихорадочно думая, как быть. Райшед и Айтен нетерпеливо шаркали ногами у меня за спиной, и я с трудом сдержалась, чтобы не обругать их.

— Шив, от этих засовов шуму будет — ужас! Сделай что-нибудь.

Сначала он не понял, но потом быстро положил руки на верхний засов, и когда я потянулась к нижнему, почувствовала, что воздух вокруг него стал плотным и сырым. Я одобряюще посмотрела на мага, и мы вытащили их одним стремительным и бесшумным рывком. Проскользнули в калитку и бегом побежали по голому склону холма под стенами замка. Я посмотрела на медленно бледнеющее небо: сколько времени у нас есть, прежде чем нас хватят? Ликование свободы боролось во мне со страхом погони и повторного плена.

«Не трусь, — приказала я себе. — Сперва он должен тебя найти».

Мы долго бежали, но вот перешли на равномерный ритм. Я беспокоилась, что нам следует двигаться быстрее, однако настолько измоталась, что меня поддерживали только эмоции. Я с тревогой оглянулась на Шива и Айта. В размытом свете ранней зари маг выглядел непривычно бледным, а Айтен явно страдал от полученных побоев. На рубашке темнели пятна — некоторые раны снова открылись.

— Надо бежать, Айт, — твердо сказала я. — Морская вода хорошо заживляет раны, ты же знаешь.

Он кивнул — глаза усталые, рот сжат в тонкую линию.

Райшед взял инициативу в свои руки и направился к лесу высоких махт, вырисовывающихся на фоне бледно-ро-

зового неба. Он увел нас с главной дороги на заросший кустами холм, с которого просматривалась вся гавань. Это был узкий неровный залив, далеко вдающийся в берег, и довольно глубокий, судя по размеру судов, стоявших там на якоре. Несмотря на ранний час, на палубах и той стороне гавани, где складывается и сортируется груз, уже сновали люди. Всплески, отчетливо разносившиеся в холодном воздухе, говорили о невидимых нам шлюпках, курсирующих между кораблем и берегом по черной воде. Не знаю, был это прилив или отлив, но момент был важный, так как в окнах многих лачуг вокруг залива горели теплые желтые огни.

— Вряд ли мы добудем здесь лодку, — с сомнением заметила я.

Громко заиграла дудка, испугав нас. С единодушной тревогой мы наблюдали, как из двери помещения, видимо, служившего таверной, вывалилась группа солдат. Промаршировав до неприметной хибарки, они сменили прятавшееся там отделение. Я шепотом выругалась: если вы пытаетесь куда-то войти, то нужно это делать, когда стража заканчивает смену, усталая и изнывающая от скуки, а не когда она только что сменилась и так же ревностна, как псы на бойне в начале дня.

Райшед потянулся за подзорной трубой и выругался, вспомнив, что она осталась в замке в качестве трофея Беловолосого.

Я увидела достаточно.

— Здесь нам лодку не раздобыть. Надо искать рыбацкую деревянную или что-то в этом роде.

— Нет, погоди, — сказал Айтен.

Я обозревала береговые дороги, ведущие из гавани, и даже не потрудились повернуть головы.

— Мы должны убраться отсюда. Рассветет скорее, чем ты думаешь.

— Это надо обговорить, — предложил Райшед. — Нам нужен план.

Я оглянулась и мысленно вздохнула. Права была моя мать, мужчины вечно вылезают с неуместными идеями в самое неподходящее время.

— Сначала надо уйти отсюда. Пошли! — прошипела я ему.

— А когда обнаружится наше исчезновение, нас выследят в один миг, и мы вернемся туда, откуда начали, — парировал Шив.

— Нам понадобится отвлечение, — категорично заявил Райшед. — Причем хорошее отвлечение.

— Ладно, но оно поможет, если мы не станем закапываться еще глубже в яму с дерьмом, — подхватила я эту мысль. — Я сама думала о небольшом рациональном поджоге.

Шив покачал головой.

— Огонь для меня сейчас труден. Я должен экономить силы — на случай, если нам понадобится еще одна прикрывающая иллюзия.

Я махнула рукой.

— Помнишь стол Харны? Я нашла список заклинаний Джери-са; я сама могу его вызвать.

— Эфирные заклинания? А его записи? Книжки? Что еще ты нашла? — с надеждой спросил Шив.

— Позже, — перебил его Айтен. — Нам нужно нечто большее, чем костры. Я знаю, о чем говорю; есть некоторые лескарские приемы, которые нам следует использовать. Мы можем обрушить беду на их головы, и пусть они думают, что это сделали их собственные враги. Ты говорила, у них постоянные споры из-за границ. Надо заставить того ублюдка думать, будто это сделали те, в коричневом.

— Слишком сложно, — возразила я. — Нет у нас времени умирать.

— Только послушай, ладно?

Айтен повысил голос, и я заткнулась. Не надо было отдавать ему сапоги — теплые ноги явно отводили кровь от его головы.

— Когда я сражался за Парнилесса, наш отряд угодил в капкан между людьми Триолла и фортom, удерживаемым Драксималом. Нас раздавили бы как орех с наступлением рассвета, поэтому пятеро ветеранов выскользнули, пока было темно, и нашли бивак сторонников Триолла. Они зарезали шлюх и оставили эмблему Драксимала из наших трофеев, лежащих вокруг. И пока отряды Триолла наступали на войска Драксимала, которые, по их разумению, сделали это, мы сумели уйти.

— Ты просто хочешь отплатить им той же монетой, Айт. Месть — игра для дураков. — Так как Халкарион не покарала меня за лицемерие, я продолжала: — Я не собираюсь затевать какую-то ненужную резню. И не желаю участвовать в состряпанном наобум убийстве, но в любом случае я не могу придумать более быстрого способа разбудить замок, разве что найти охотничий рог и протрубить в него.

Какое-то время царила тишина, пока Райшед не предложил новый план.

— Если не хочешь убийств, то как тебе идея с заложником? Мы могли бы захватить женщину, или ребенка, или, если повезет, одного из тех офицеров, с цепями.

Я не поверила своим ушам.

— Я думала, это Шив повредился рассудком! Ты хоть представляешь, сколько хлопот с заложниками? Единственный заложник означает, что один из нас полностью занят, при-

смастривая за ним. Нас всего четверо, и Шив еще не собрал все свои кусочки на доске, не так ли?

— Если возьмем заложника, нам будет чем торговаться, — настаивал Райшед. — Если нас догонят, мы смогли бы им откупиться.

— А если уйдем, заложник мог бы дать Планиру бесценную информацию, — задумчиво сказал Шив, и я с ужасом поняла, что и он задул в ту же дуду.

Я вытащила из-за пазухи пергамент.

— Вот эфирные заклинания. — Я выразительно помахала листком. — Я могу сотворить их, Раш, я могу поджечь издали, как написано у Джериса. Хотите, подпалю вон те корабли? Это не заставит их подумать на соперника?

Никакого впечатления.

— Давайте сначала уберемся отсюда, — взмолилась я. — Вы все играли в Ворона, не так ли? Вы же не бросаетесь на всех лесных птиц сразу, вы разбираетесь сперва с одной стаей, потом с другой, а уж потом с третьей.

Небо между тем становилось ярче, и срочность придала силу моему голосу.

— Ладно. Уходим. А потом возьмемся за того, кого там за нами пошлют. — Решительное согласие Райшеда сломало угрюмое молчание, будь он ближе, я бы его расцеловала.

Высокий берег справа скрывал от замка полосу прибоя, и мы поспешили туда по скошенной траве и песчаным тропинкам. У меня мурашки бегали по коже — я ждала крика, который мог выдать нас, но магия Шива снова заставляла любой случайный взгляд скользить мимо. Добравшись до дюн, мы укрылись за ними, чтобы без всяких помех сориентироваться.

— Сюда. Там мы скорее найдем лодку.

Уж не знаю, что внушило Айтену такую уверенность, но он вырос на побережье, поэтому мы последовали за ним. Когда дюны стали выше, а изгиб берега круче, мы спустились вниз и бросились бежать по твердому песку.

— Подождите. Мне нужно отдышаться.

Я обернулась — Шив сильно отставал. Его лицо было по-прежнему серым, тогда как у остальных щеки порозовели на свежем ветере.

— Ты все еще поддерживаешь иллюзию? — внезапно спросил Райшед, и я стала корить себя за непонимание, до какой степени магия истощает силы Шива.

— Придется идти без нее, — решительно сказал тормалинец, и маг устало кивнул.

Воздух вокруг нас затрещал, освобождаясь от чар. Я почувствовала себя неуютно голой.

— Давайте держаться ближе к дюнам.

Я повела их обратно за полосу прилива, к пескам, в которых увязали сапоги. Шив продолжал отставать, и я поняла — он попал в безвыигрышную игру; пробиваться через песок было для него не менее утомительно, чем магия.

— Зубы Даста, ты совсем готов?

Айтен схватил Шива под одну руку, Райшед поспешил поддержать его с другой стороны и с досадливой гримасой оглянулся на меня.

— Разведай немного впереди, Ливак. Узнай, что там.

Для лучшего обзора я поднялась выше в дюны.

Сюда мы дошли резво, но обратной стороной руны являлась неспособность остальных быстро реагировать, если кто-то на нас наткнется. Мои глаза выпучились как у лягушки — я пыталась охватить взглядом все окрест. Можно было не стараться так, ибо это мой нос предупредил об опасности, когда порывы ветра донесли до меня тошнотворно сладкий запах навозных костров. Я остановилась и подождала, пока остальные поравняются со мной у подножия дюн.

— Впереди деревня. Поднимайтесь сюда, а я схожу посмотрю.

Шив благодарно плюхнулся на мягкий песок, и мы с Райшедом обеспокоенно переглянулись. Чуть отойдя от них, я поползла на животе через пучки колочей травы, снова воскрешая в памяти каждый урок, когда-либо полученный мною, и двигалась так, чтобы меня не увидели. Я нашла углубление на краю дюн и зорко смотрела сквозь пучки травы.

Ручей вился через пески, и один лишь взгляд на него пробуждал жажду. Я заставила себя сосредоточиться и заметила, что он пробирается по впадине посреди небольших холмов, которые, постепенно повышаясь, уходят вдаль, чтобы присоединиться к цепи крутых скал. За ближайшим пригорком виднелись крыши, покрытые той же грубой травой, что окружала меня. Из пары труб тянулся дымок. Логично. Под защитой более высокой земли деревня всегда оставалась укрытой от штормов, приходящих с океана. Я жадно вглядывалась в длинное и низкое каменное строение на обращенной к морю стороне холма. Никто не станет там жить, когда за углом прячется уютная деревушка. Строение имело маленькие окна без ставен и огромные широкие двери, занимавшие большую часть передней стены, — лодочный сарай, не иначе, и я поползла чуть вперед, настороженно косясь на деревню.

С самого края дюны я увидела три длинные серо-коричневые лодки, притулившиеся рядом с сараем. Я ухмыльнулась; Дастеннин только что заслужил себе долю того, что окажется в моем кошельке в следующий раз, когда я буду проходить

мимо одной из его усыпальниц. Это были не китобойные лодки. Они больше походили на тюленьи, те, что мы видели в первой деревне, кажется, полжизни тому назад. Но я не собиралась привередничать — это все-таки лодки, а я дошла уже до того, что готова была пуститься в море на пустотелом бревне.

Я поползла обратно через пески и траву к остальным.

— Ну? — озабоченно спросил Райшед.

Я взглянула на Шива. Вид у него был далеко не прекрасный.

— Там невысокие холмы, за ними — домишки. Но главное, я видела лодки, думаю, на них добывают тюленей. Они наверняка привязаны, но если вы подождете на краю дюн, то я проберусь к ним и попробую отвязать одну, прежде чем дружно выходить на открытое место.

При этом известии все оживились, даже Шив стал выглядеть лучше. Мы тихонько спустились к краю травы. Айтен и Райшед разошлись, чтобы лучше видеть деревню, а я сделала круг в поисках самого короткого пути вдоль открытой прибрежной полосы.

Я оглянулась на Райшеда, он кивнул, и я, пригибаясь, побежала к лодкам.

Ледяные брызги ручья подхлестнули меня, и, когда я примчалась к лодкам, сердце бешено колотилось, холодный воздух резал грудь. Я оглянулась на спутников и с тревогой заметила позади них далекие зубцы замка. На другой стороне дюн белела примятая в дерне тропинка, ведущая из гавани; она разветвлялась: одна тропка шла к деревне, а другая — прямо ко мне.

Я выбросила ее из головы как неуместную и осмотрела кожаные лодки, лежавшие на гальке вверх дном. На мой сухопутный взгляд, все они выглядели годными для плавания, спасибо Дастенину, ведь это мог оказаться и ремонтный двор. Я заглянула под лодки. Весел нигде не было, но у нас есть Шив, а значит, надежда, что это не будет проблемой. А вот что грозило ею стать, так это плетеная веревка из промасленной кожи, которой лодки привязывались к железному кольцу, прочно вбитому в каменный столбик. Потрогав языком трещинку в губе, я проверила на этой веревке кинжал: узел был слишком тугой и сложный — нечего и думать о том, чтобы его развязать. Я плюнула с досады — эта дрянь была такой же твердой, как сушеное мясо, и резать ее предстоит долго и трудно.

Я половчее взяла кинжал, дабы сильнее нажать, и тут что-то стукнуло меня по голове. Испуганно оглянувшись, я увидела Шива: он стоял на коленях и готовил второй камешек, чтобы привлечь мое внимание. Он лихорадочно замахал рукой назад, за себя, и я увидела отблеск встающего солнца на металлических заклепках. В одно мгновение я прыгнула за лодки и с досадой,

прогнавшей любые мысли о страхе, увидела отделение солдат, одетых в черное, четко марширующих по главной дороге. Они исчезли за пригорком, и я торопливо прикинула свои ограниченные возможности.

Вернуться к остальным я не могла — враг увидит меня, когда стану перебегать открытое место по обе стороны ручья. Как только они достигнут развилки, я предстану перед ними у лодок, если не спрячусь под одной из них. Это был идиотский выбор; я бы побилась об заклад, что их послали стеречь лодки, а значит, наш побег уже обнаружен. Я посмотрела на далекие башни замка Беловолового; там не наблюдалось никакой суматохи, но, с другой стороны, суматоха действительно не в его стиле.

Я бросилась к сараю — он предлагал лучшее укрытие — и, обжевав его, увидела в дальнем конце дверцу. Как кошка, удирающая от собак-крысоловок, я прошмыгнула внутрь. Это действительно был лодочный сарай; в центре на козлах стоял похожий на скелет каркас новой лодки, а скамейки по обе стороны были завалены резными костями, горшками с клеем, жилами, иглами и обрезками кожи. Я подкралась к главным дверям и посмотрела в щель.

Эльетиммы спускались по тропинке средним шагом, но теперь, когда они приблизились, я видела их более отчетливо и поняла, что это не та вымуштрованная команда, которую мы ожидали. Их вел тип в длинном черном плаще — даже осанка говорила о его высокомерии. За ним по пятам следовал широкоплечий верзила с серебряными цепями вокруг верхней части рукавов куртки. Он держался с обычной чванливостью заместителя командира. Все это производило сильное впечатление; четверо, следующие за ними, выглядели весьма бдительными и тренированными. Явно портил их строй некий толстяк, пыхтевший в хвосте. Он ковылял с грацией беременной свиньи и отставал все больше и больше.

Оряд остановился, и тот, кого я назвала бы сержантом, закричал на Толстяка, напомнив мне о причинах, по которым я избегала служить в организованной Страже. Уловив обрывки гортанной брани, я поняла, ветер дует с суши. Это хорошо. Любой шум, который мы издадим, будет уноситься от них, и длинная тень лодочного сарая протянулась слева от меня, значит, солнце будет светить им в глаза. Мы должны использовать все возможные преимущества; и я взглядела в надежде найти нечто такое, что тут может пригодиться.

Через минуту я стащила с полки хорошо выдубленную шкуру и схватила ножницы, чтобы отрезать пращу. Это не отравленные дротики, но по крайней мере будет чем угостить ублюдков, до того как мы сойдемся в рукопашной. Я откромсала еще одну

полосу, вырезала посередине дыру, и получился кожаный плащ, у которого было больше шансов повернуть клинок, чем у шерстяной туники. Больше ничего полезного не нашлось, если не считать связки тяжелых гарпунов из дерева, кости и кожи. Поглядывая в щель, я подняла гарпун и с сомнением взвесила его в руке. С тем же успехом я могла бы метать весла, но, возможно, он сойдет за пику — тоже полезное оружие, пока ты удерживаешь ублюдка, мечтающего нарезать тебя ломтиками, на заостренном конце.

Я подперла гарпунами дверь и стала искать камушки для пращи на галечном полу, одним глазом наблюдая, как сержант идет назад по тропинке, чтобы дать Толстяку персонального пинка.

Движение на дюнах привлекло мое внимание — это Райшед высунул голову из высокой травы. Я отодвинула засов, приоткрыла дверь и взмахом руки велела ему лечь, быстро соображая. Эльетиммы пришли сторожить лодки, и если они меня обнаружат, мне — конец. Вчетвером мы могли бы справиться с семейными, но Шив не годился для кулачного боя. Что нам было нужно, так это собраться вместе и задержать их ровно настолько, чтобы столкнуть лодку в воду и сбежать. А теперь необходимо их отвлечь, вот только бы Райшед удержал Айта, пока я буду это делать.

Боковое окно выходило на хижину, но над пригорком виднелась лишь серо-зеленая солома крыши. Поджог всегда был моим излюбленным вариантом, когда надо было отвлечь внимание, а здесь он принесет нам дополнительную пользу, так как займет всех, кто живет в этой деревушке, ибо я не хотела, чтобы к солдатам присоединились еще и люди, привыкшие протыкать гарпунами плавающих морских животных.

Я со всей силой сконцентрировалась на клочке крыши и выкрикнула слова заклинания, интуитивно подбирая ритм. Тошнотворно долгую минуту ничего не происходило, затем я увидела серую дымку, потянувшуюся в небо, и жадные языки пламени, лижущие солому. Я снова приоткрыла дверь. Мои спутники уже сидели на самом краю дюн. Благослови их Сэдрин, они явно готовились сделать бросок, чтобы поддержать меня, не считаясь с риском.

Я выставила ладонь, приказывая им не двигаться, а сама следила за отделением эльетиммов. Сержант стоял теперь нос к носу с Толстяком и в дополнение к словам тыкал его в грудь. Офицер в плаще наблюдал за ними с гордой отчужденностью, а из оставшейся четверки двое явно наслаждались экзекуцией над кем-то

322 другим. Вдруг один заметил огонь, взметнувшийся над кры-

шами, и закричал, вынудив остальных вздрогнуть. Я едва не засмеялась, когда они тронулись с места, остановились, дико посмотрели друг на друга и бросились бежать по правой развилке дороги.

Я распахнула дверь и призывно махнула своим мужчинам. Сердце неистовствовало, пока я стояла, беспомощно неподвижная, с прашей в руке, а они мчались по открытому участку. Айтен и Райшед поддерживали Шива, его руки лежали на их плечах, и, бьюсь об заклад, его сапоги остались сухими, когда тормалинцы перебежали ручей. Они уже были у лодок, и я подумала, что успеют, но тут какой-то бдительный ублюдок оглянулся на море, увидел их и завопил, заглушая ропот паники из хижин.

Когда мои спутники добежали до дверей сарая, солдаты повернулись к нам лицом, и я увидела, как золотая цепь на горле офицера вспыхнула в лучах солнца.

— Спасибо, Морской Владыка, — проронил Айтен со свирепым удовлетворением.

— За что? — нервно спросила я, увидев, как он целеустремленно сжимает меч.

— Это тот самый ублюдок, что командовал, когда крушили мои ребра.

Айтен жаждал боя, и его трудно было за это винить.

— Послушай, Айт, нам нужно только задержать их, чтобы столкнуть лодку, — предупредила я его. — Мы не можем ввязываться в бой.

— Я справлюсь с лодкой. — Шив выглядел скованным, но бодрым, и я улыбнулась ему.

— А я помогу. — Райшед вручил Айтену гарпуны. — Попробуй испортить ими чей-нибудь день.

Айтен усмехнулся с жестокостью, которую я никогда прежде не видела на его добродушном лице, и поднял массивное оружие с легкостью, свидетельствующей об опыте. Я приготовила горсть камней, и мы присели в дверях.

— Они нас не видят? — удивленно прошептала я, когда эльетиммы подошли и стали обследовать все вокруг лодок и сарая, а тот, что поднял тревогу, жестикулировал им.

Сержант все еще давал тычки Толстяку, и это явно отвлекало остальных.

— Мы же в тени. И солнце светит им в глаза.

Айтен оценивающе прищурился, затем с криком встал, чтобы метнуть гарпун.

— Лови, дерьмо тупоголовое!

То ли от неожиданности, то ли из-за слепящего его солнца, но первый эльетимм стоял себе неподвижно, пока тяжелый гарпун не пробил его грудь; булькая кровью, он грохнулся на-

земь. Прочие потрясенно застыли, и Айтен успел метнуть второй гарпун. Вот тогда солдаты очухались и, поняв, что им грозит, побежали. Но прежде еще один упал, визжа как поросенок, с наконецником гарпуна в ноге.

Резкие, но странно музыкальные слова зазвучали над визгом, и я поняла — офицер начал читать заклинание, а Райшед и Шив бросились к лодкам. Маг занялся веревкой на одной из них, пока Райшед протыкал мечом днище двух других.

«Ах ты, сонная тетеря, ведь цепь означает магию, забыла?» — сердито проворчала я про себя и тотчас раскрутила прашу с камнем величиной с яйцо. Забудьте всякую чушь о том, чтобы ударить прямо в лоб, я целилась в грудь. Камень полетел сильно и правильно, и офицер, согнувшись пополам, упал на колени с хриплым криком, сулящим по крайней мере сломанное ребро.

— Верно, ублюдки, я собираюсь убить вас! — Айтен бросился из проема с мечом в одной руке и кинжалом в другой.

— Постой! — бессмысленно закричала я.

Я посмотрела на Шива и заморгала: сложные узлы сами собой развязывались под его ладонью. Райшед помог ему перевернуть лодку и побежал на подмогу Айтену, который сходиллся с двумя передовыми эльетиммами.

— Зубы Даста!

Так как Шив довольно быстро сталкивал лодку в воду, я побежала за этими кровожадными идиотами. Райшед пошел за сержантом, а Толстяк пятился с ужасом, поэтому я направилась к Айтену — он рубился с двумя оставшимися пехотинцами.

Горловое шипение насторожило меня. Офицер смотрел на меня с колен — ненависть горела в его глазах. Я застыла в немом ужасе, когда узнала его. Его волосы были темны и кожа без морщин, но каждая косточка его лица говорила мне, что именно так, должно быть, выглядел Ледышка поколение назад.

Он выпалил мне что-то в мерном ритме, но, прежде чем добрался до конца заклинания, я, выхватив кинжалы, прыгнула на него, опрокинув на землю с бездумной силой паники. Он выругался и схватил меня за запястье, пока другой мой кинжал тщетно ерзал по кольчуге на его спине. Оттолкнувшись бедрами, он ухитрился перекатиться вместе со мной, но мне доводилось вести более грязные схватки, и я вывернулась из-под него, пнув сбоку по колену. Вновь оказавшись сверху, я боднула его в нос и почувствовала теплую кровь в моих волосах; попытавшись заговорить, он чуть не подавился ею. Боль опалила кожу головы — он в ответ укусил меня, но я ухитрилась высвободить руку и потянулась ногтями к его глазам. В судорожном движении он едва не сбросил меня; я успела зацепиться ногой,

но он снова схватил мою руку своей железной хваткой. Мы перекатались еще раз, песок набивался в глаза, нос и рот — каждый боролся за преимущество над другим.

Начал довлекать его больший вес, и я уже думала, что поймала волка в крысоловку, когда он вдруг задохнулся и, отпустив меня, схватился за горло. Затем приобрел своеобразный голубой оттенок и рухнул без сознания поперек меня. Сбросив его, я рассеянно смахнула песок с лица. Шив стоял неподалеку, глядя на лишившегося чувств офицера с удивительным самодовольством.

— Что случилось?

— Я вынул воздух из его легких, — злобно сказал Шив.

Я уставилась на Золотошеего.

— Он мертв?

— Нет, и не умрет, пока я не захочу.

Я оглянулась. Айтен и Райшед стояли над Толстяком. Бросив меч, несчастный упал на колени и простирали руки в мольбе. Живот его качался, словно бурдюк с элем.

— Он расскажет им, куда мы ушли! — Айтен явно настаивал на смертном приговоре.

— А заодно сообщит, что у нас твой приятель с золотой цепью, — парировал Райшед. — Я же говорил, хороший заложник нам бы не помешал.

Айтен процедил что-то Толстяку, и они оставили его скорчившимся на песке, а я помогла Шиву подтащить Золотошеего к лодке.

— Ну, Раш, ты получил своего заложника, и Айт поубивал врагов. Если все довольны и счастливы, может, уберемся наконец из этого проклятого места?

Райшед и Айтен ухмыльнулись мне, садясь в лодку, и я больше не могла поддерживать свое притворное раздражение.

— Тебе незаслуженно везет! — Я покачала головой, обращаясь к Райшеду.

— Дастеннин благоволит мне, что я могу поделаться? — Он широко раскрыл глаза.

— Молись, чтоб и дальше благоволил. — Шив провел руками по бортам, и лодка шустро заскользила по воде. — Нам надо пересечь пол-океана, прежде чем можно будет говорить о какой-либо безопасности.

Бремилейские доки, 3-е предзимы

Казуел шагал по набережной. У него был такой угрожающе мрачный вид, что даже ленивые грузчики уступали ему дорогу. С бессильным гневом он сжимал пакеты из вошеной бумаги с травами и сушеными фруктами. Он — маг, кипятился Казу-

ел, и заслуживает большего уважения. Конечно, эсквайр Камарл привык командовать слугами и, несомненно, не хотел оскорбить его этим, но Казуел не лакей, и Камарлу не следовало посылать его с такими поручениями. Почему Дарни не бежит вверх и вниз по крутым улицам, собирая бессмысленные свертки, как служанка? Маг посмотрел на дальнюю сторону гавани, где у причала мягко покачивался корабль — стройное судно с высокими мачтами, крутыми бортами и ищущим носом, крошечные фигурки Дарни и Камарла готовились вместе с командой к отплытию.

Стайка краболовных суденышек обогнула дамбу и заплесала на блестящих водах гавани. Люди с корзинами в руках потекли на причал, чтобы первыми выбрать улов. В предвкушении свежего омара Казуел повеселел: на океанском побережье они были намного вкуснее. Еда в гостевом доме оказалась на удивление хорошей, вот только жилье было немного старомодным и без особых удобств. Отбросив плащ с плеча, маг сунул пакеты под мышку. Хорошо хоть сегодня нет дождя; небо сияло свежевывытой голубизной, и мягкий ветерок катил над головой пушистые облака. Казуел вовсе не собирался рисковать жизнью в океане, но надеялся, что плавание не будет слишком бурным, раз уж сам Отрик взялся управлять ветрами.

— Казуел, мы снова встретились!

Изумленный таким приветствием, маг остановился и повернул голову. Невысокий белокурый мужчина вышел из-за сохнувших сетей, расплывшись в улыбке.

— Что-то не припомню вас, сударь.

Казуел прикинулся беспечным, но мысли его мчались наперегонки. Это был враг! Как позвать на помощь? Дарни? Камарла?

— Мы встречались в Ханчете, — весело произнес блондин. — Ты был очень полезен; злоба и зависть делают ум таким легким для чтения.

Казуел раскрыл рот и вознамерился бежать, но мужчина схватил его руку словно тисками, и сталь блеснула в другой его руке. Ужасная боль вспыхнула в голове Казуела; его глаза, застывшие и беспомощные, удерживал тот ледяной зеленый взгляд. Пренебрежительное касание, грубое и поверхностное, обыскивало его разум.

— Значит, это — ваш корабль, а то — твои союзники; спасибо, это все, что я хотел знать.

С презрительной усмешкой враг взглянул на покупки под локтем Казуела и внезапно ударил его ножом над пряжкой пояса. Маг согнулся, а убийца быстрым движением толкнул его в сети.

Задышавшись, Казуел лихорадочно сжал руки вокруг рукоятки

и захныкал, когда зловещая струйка крови потекла из кишок. Блондин постоял, глядя на него, затем исчез в собирающейся толпе.

— Помогите! — просипел Казуел. — Помогите мне!

Он ухитрился сесть, наполовину повиснув в сетях, мышцы судорожно сжимались в тщетной попытке сделать что-нибудь с этой раскаленной болью, исходящей из диафрагмы. Теплая кровь на пальцах была липкой и одновременно скользкой. Визжа как собака, которую пнули, Казуел пополз вперед на ягодицах, прокусив губу — боль опалила его. Высвободив ноги из сетей, он отдохнул, дыша часто и тяжело. Его кровь бежала по булыжникам, образуя лужу вокруг истертых сапог, на обертках пакетиков блестели алые капли.

Заслышав шаги, Казуел с надеждой поднял голову.

— Помогите, меня...

Он уставился непонимающим взглядом, когда рыбак перешагнул его ноги и как ни в чем не бывало пошел дальше.

— Ах ты, ублюдок! — отчаянно пискнул Казуел.

Нож был раскаленным добела прутот, тянущимся от живота к хребту, железным ломом палящей боли, и раненая плоть плавилась вокруг него. Остальное его тело остывало с каждым вздохом, холодный, липкий пот коченел на лбу.

Казуел закричал от новой боли — кто-то наступил ему на лодыжку. Он отдернул ногу, и живот словно опалил огнем.

— Смотри, куда идешь! — со смехом бросила торговка рыбой своей спутнице, их юбки прошелестели мимо изумленных глаз мага.

Они не видели его! Они не сознавали, что он здесь! Но как такое возможно? Вокруг него нет никаких чар! С пустыми от страха глазами Казуел привалился к шесту. Он умрет здесь!

Движение на причале привлекло его взгляд. С лодок выгружали корзины вяло шевелящихся ракообразных; торговки рыбой и горожане подходили ближе, договаривались о цене.

Стон отчаяния сорвался с губ Казуела, но он относился не к боли в животе. Несколько белокурых голов проталкивались сквозь толпу к стоявшему у дальнего причала пиратскому судну. Маг потянулся к земле — пустое усилие, железо в его животе искажало и рассеивало магию. Он схватился за рану в глухом ужасе; казалось, весь живот разрывается на части внутри него.

— Казуел! — Белое от ужаса лицо Аллин смотрело через сеть. — Помоги мне Халкарион!

— Враг... здесь!

Слова сопротивлялись ему. Голова кружилась, каждая клеточка тела трепыхалась от конвульсий.

Обежав сети, Аллин бросилась на колени, с шумом уронив корзину, и быстро оторвала полосу ткани от нижней юбки.

— Не шевелись, — приказала она, складывая подушечку из полотна. Слабый запах лаванды приплыл к ноздрям Казуела и поднялся над могильным запахом крови как дуновение лета.

— Вот.

Девушка прижала полотно к ране, и Казуел задохнулся от боли. Он схватился за рукоятку ножа, но Аллин, не обращая внимания на кровь, сильно сжала его пальцы.

— Нет, не трогай, пока мы не доставим тебя к лекарю.

Девушка властно убрала его руку и огляделась, ее круглое лицо было бледным, но решительным.

— Смотри! — Непослушной, трясущейся рукой маг указал на корабль, в слабом голосе дрожало отчаяние.

На борту пиратского судна творилось невероятное. На глазах испуганной Аллин один из огромных реев рухнул на палубу, паруса рвались с громоподобным звуком, вопли придавленного человека смешались с пронзительными криками чаек. Рваное полотнище накрыло двоих и превратилось вдруг в живое, душасщее существо; их приглушенная борьба становилась все более и более лихорадочной, а рваные края струились злобой, когда существо все туже и туже обертывалось вокруг них. Человек свалился с самой высокой мачты, канаты извивались за ним, как змеи. Второй упал, но был пойман, не долетев до палубы, — смертельный аркан затянулся на его горле, и он повис в вантах, как птица со сломанной шеей. А рядом мирно покачивалась у причала краболовная лодка, ее команда, ничего не замечая, весело торговалась с кучкой заядлых покупателей.

— Приведи Планира.

Казуел задохнулся, но Аллин уже туго затягивала свой кушак вокруг грубой повязки, наложенной на его рану.

— Не двигайся и, ради Сэдрины, не трогай нож, — приказала она и побежала со всех ног по набережной, не обращая внимания на удивленные взгляды людей, спокойно занимающихся своими делами.

Всасывая слабые вдохи, Казуел привалился к шесту и широкими от страха и отчаяния глазами наблюдал за хаосом на их судне. Теперь он безошибочно мог видеть темноволосого Дарни в красном плаще. Радостный солнечный свет плясал на его мече, когда он колол какого-то невидимого врага и замахнулся на еще одного противника. Вот он повернулся кругом и нанес удар одному из матросов, но, презрев случайную жертву, стал преследовать видимых ему одному фантомов. Его меч качался и подсказывал, затем рубанул пустой воздух. Дарни снова нанес удар, но

его движения становились все более и более рваными — близкий к панике, он огляделся вокруг, атакуемый теперь с двух сторон, нет, с трех и даже больше.

Камарл, пригнувшись, медленно пятился вдоль кормовых перил, держа перед собой кинжал. Другой рукой эсквайр тянулся назад, проверяя свое положение, и не сводил глаз с какой-то невидимой угрозы. Он бросился вперед, потом назад и вбок, как бы избегая воображаемого удара. Вот он вздрогнул от боли, прижал руку к плечу, тело согнулось, чтобы защитить рану, которую представлял себе его ум, рука беспомощно повисла, клинок выпал из онемевших пальцев. Снова пытаясь, Камарл внезапно сорвал свою зеленую накидку и бросился за борт, нырнув в быстрые воды гавани. Маг увидел, как его голова снова на миг появилась, но с ужасом понял — молодому дворянину никак не удастся плыть из-за внушенной ему убежденности, что его рука бесполезна.

Еще несколько белых сгустков пены на тускло-зеленой воде сообщили об участии тех, кто упал со снастей. Рей и паруса океанского корабля бешено раскачивались взад и вперед, словно пойманные в какой-то маниакальный вихрь, тогда как ярко окрашенные паруса рыбацких лодок мягко полоскались на легком ветерке. Канаты набрасывались под невозможными углами, чтобы опутать руки и ноги, инструменты и рангоут снимались с палубы, чтобы дубасить незащищенные головы. Бочка с водой вылезла из подставки и покатила на двоих парней, съезжившихся у рубки, безжалостно давя их. И все это время вокруг кровавой бойни весело кипела повседневная жизнь порта, ничего не замечая.

— Проклятие!

С трудом подняв отяжелевшую голову, Казуел увидел Отрика, взирающего на него сверху вниз. Гнев и ужас смешались на лице старика. Казуел поднял окровавленную руку, чтобы указать на зарпуженный людьми причал.

— Белые головы, — выдавил он сквозь стиснутые зубы.

Отрик наклонился вперед, глаза сузились.

— Ну я покажу этим ублюдкам!

Женщины, ждущие своей очереди брать корзины с серо-голубыми панцирями, заозирались, когда пальцы ветра дернули за их шарфы и шали. Двое рыбаков недоуменно взглянули на ясное голубое небо. Порывы ветра хватали за юбки и плащи, и напор толпы начал ослабевать. Вода потекла по причалу, тут и там зазвучали восклицания — женщины сердились из-за внезапно намокших чулок и оглядывались посмотреть, кто это так небрежно выливает помой, или же мусор забил один из наклонных стоков, идущих поперек причала. Несколько женщин споткнулись о

невесту от чего расшатавшиеся булыжники. Одна безымянная фигура поскользнулась и упала, смятение кругами расходилось по толпе: наткнувшись на ту женщину, кто-то еще упал, а покати́вшаяся корзина поймала третью неосторожную жертву. Веселое настроение утра поколебалось, люди оглядывались, недоумевающие и смущенные.

— Вот так-то!

Отрик шелкнул пальцами, и яркий голубой свет затрещал в его глазах, вспыхнувших на солнце. Блондины почти достигли океанского корабля, но растущее волнение среди толпы на причале сдерживало их, хотя по-прежнему казалось, будто никто не видит чужеземцев; однако с соломенными волосами, сияющими над абсолютно черной одеждой с матовыми от морской соли серебряными заклепками, их нельзя было не заметить. Внезапная чмокающая волна оторвала гроздь краболовных суденышек от причала, канаты лопались, ждущие горожане отпрянули от брызг и оставили одетых в черное людей раскрытыми. Вода заклокотала вокруг их ног, белая пена закипела меж булыжников. Разверзлись щели, хватая их подбитые железом каблуки. Чужеземцы зашатались, словно под зимним штормовым ветром, хотя женщины всего в нескольких шагах от них могли двинаться беспрепятственно. Крики тревоги и досады раздавались над шумным плеском воды и криками чаек. Темная туча выросла из ниоткуда и заслонила солнце.

— Просто сбей их с ног, я не хочу ничего слишком драматического.

Появился Планир с Аллин, идущей за ним по пятам, и поднял руку, когда Отрик собрал искрящийся голубой свет вокруг своих пальцев.

— Нам не нужен бунт. Мне и так придется слишком много объяснять мессии!

Старый маг неодобрительно фыркнул, но чернота растаяла, и блондины просто упали на булыжники, словно избитые дубинками.

Торговки и моряки вдруг заметили чужаков — истошные вопли понеслись со всех сторон. Одни начали убежать прочь, другие двинулись ближе, но подходить не решались и встали, удивленно жестикулируя.

— Корабль! — Аллин ткнула дрожащим пальцем.

Хаос на судне и не думал стихать. Вспокоившиеся пираты жались в кучки, отбиваясь от канатов и парусины, рангоута и груза, а неодушевленные предметы вокруг них продолжали атаковать. Иные матросы пытались добежать до перил и прыгнуть в воду, но незакрепленные брусья раскачивались на канатах, злобно кося любого, кто решался на такую попытку.

— Кто ж это делает? — пробормотал Планир и, сжав губы, повернулся, осматривая набережную и холм, ведущий к городку.

— Я не чувствую этой магии. Как сии ублюдки ее творят? — Отрик скривился от досады.

— Там, — указал Планир, и неопределенного вида фигура, полуспрятанная за ларьком, согнулась пополам. — Ищи того, кто никуда не бежит.

— И у кого на руках кровь Казуела, — добавила Аллин. — Вы могли бы его найти?

Отрик потер ладони и нахмурился.

— Вижу одного, там, у трактира.

Женщина закричала — какой-то мужчина растянулся во весь рост на булыжниках, чуть не сбив ее с ног. Она пнула его мимоходом и побежала дальше. Настоящая паника покатилась теперь по толпе, и несчастный исчез под множеством ног в сапогах и домо-тканых юбок. Когда толпа схлынула, он лежал растоптанной куклой, на испачканном плаще отчетливо виднелись отпечатки подошв, светлые волосы потускнели от грязи и крови.

Хаос на пиратском судне враз прекратился. Дарни вышел из группы матросов и сбежал по трапу, держа перед собой обнаженный меч. С трясущейся головой, раскинув руки, он помчался по причалу, и испуганные рыбаки отскакивали с его пути. Не обращая на них внимания, агент то обшаривал глазами толпу — кого бы законно усмирить, то поглядывал вниз, на воду, не видно ли где тех, кто упал или спрыгнул.

— Дарни, сюда! — Планир не повышал голоса, но воин, очевидно, услышал его через гавань и направился в их сторону.

— Где эти ублюдки? — прорычал он, лицо алое, орошенное потом, словно на дворе вовсе не зима. — Я им все кишки выпущу!

— С этим успеется. — Озабоченно нахмуренный, Планир встал на колени рядом с Казуелом. — Дай посмотреть.

Придерживая рукой повязку, он осторожно, стараясь не задеть костяную рукоятку ножа, развязал кушак, быстро взглянул под промокшее полотно и снова затянул его.

— Нам нужен хирург, и немедленно, — мрачно произнес он.

— Свяжись с Хадрумалом, — настаивал Дарни. — Поговори с теми, кто работал с Джерисом, они изучали целительство.

Планир посмотрел на Аллин, которая свертывала еще одну подушечку из оторванного полотна.

— А ты молодец.

— Многому приходится учиться, когда глупые мужчины проводят половину лета, умирая в спорах из-за оград, — безрадостно молвила девушка, встав на колени, чтобы наложить новую повязку. — Как мы его понесем?

— Вот. — Дарни снял плащ, расстелил на земле. — Каждый возьмет по углу, и пойдем не спеша.

— Позвольте помочь. А что это с Казом?

Открыв затуманенные глаза, маг увидел эскайра Камарла, выглядывающего из-за плеча Дарни; его мокрые волосы висели крысиными хвостами, по лицу стекали капли воды.

Казуел хотел что-то сказать, что-нибудь, последнее слово, но сумел выдать лишь плачущий шепот.

— Скажите моей матери, что я ее люблю.

— Сам скажешь, я тебе не мальчик на побегушках, — пробурчал Дарни; его грубые слова не соответствовали той осторожности, с которой он перенес Казуела на толстую шерсть. — Хорошо, что плащ красный, Каз, но ты все равно сможешь оплатить этот проклятый счет за стирку.

— Где самый лучший хирург? — обратился Планир к Камарлу.

— Моллюсковый Холм, — подумав, ответил эскайр. — Сюда.

— Проклятие! — Восклицание Отрика остановило их через пару неуклюжих шагов.

Проследив за его рукой, Аллин увидела, что уцелевшие матросы с пиратского корабля собрались вокруг поверженных врагов. В руках мелькали импровизированные дубинки, иной раз вспыхивало лезвие, сапоги били с дружной, ломающей кости решимостью. Одна группа матросов перевернула изорванный труп к краю причала и столкнула в пенистую воду, сбивающую мусор вокруг скользких деревянных свай.

— Сэдриновы потроха! — Верховный маг покачал головой. — Ну, они лишь копыеносцы, не так ли? — И, перехватив плащ одной рукой, указал направление. — Камарл, вон те двое, которые нам нужны. Найди, чем связать их.

Перекатившись вбок, Казуел не сдержал тихий стон.

— Ага, вижу.

Камарл отошел, и Казуел услышал, как он требует помощь командным тоном тормалинского аристократа.

— Ты и ты, те люди — преступники, держите их! Ты, принеси мне веревку, да поживее. Капитан, найдите гонца, мне нужно связаться с патроном Д'Олбриотом!

— Пошли. — Дарни не мог скрыть беспокойства. — Каз совсем плох.

Они пошли, медленно, неуклюже, шаркающими шажками по неровным булыжникам.

— Ободритесь, — внезапно изрек мастер Туч, — наш юный Каз наконец-то ухитрился совершить что-то полезное.

Одурелым взглядом Казуел уставился на старого мага и заморгал, качаясь между четверыми и глядя вверх на голо-

вкружительный рисунок спин, крыш и облаков. Встревоженные голоса эхом метались вокруг него, но обескровленный мозг не понимал их слов.

— О чем ты? — Раздражение в голосе Планира выдало мучившую его боль сострадания.

— Ты, кажется, спрашивал, как убедить Совет поддержать тебя? — отдуваясь на крутом подъеме, продолжал Отрик. — Теперь не будет никаких проблем. Эти люди напали на мага, и не какого-то тайного изготовителя любовных зелий, а на одного из наших, даже если это Казуел. Когда нечто подобное последний раз осталось безнаказанным? Ни разу со времен Хаоса, если я правильно помню мою историю!

Дряблые щеки Отрика побагровели от усилия, когда он посмотрел вниз, в серое, изможденное лицо Казуела.

— Надо же, Каз, ты сделал такое, чего не смог сделать даже Верховный маг. Теперь Совет пойдет за нами через любой океан и обратно, чтобы все зарубили у себя на носу — подобные вещи им с рук не сойдут. Мы сотрем этих ублюдков в порошок, не беспокойся.

— А как насчет корабля и команды? — угрюмо спросил Дарни. — Без них мы никуда не уйдем, а в данную минуту они выглядят весьма дерьмово. Что твой приятель-птицелов собирается с этим делать?

— Проклятие!

Ускользая под волны боли и головокружения, Казуел возмущался: неужели последнее, что он должен слышать, это как ругается Верховный маг — словно наемник с пятилетним стажем.

Океанские пределы, острова эльетиммов, 3-е предзимы

Лодка торопливо уходила в море, подгоняемая магией Шива. Возле берега мы неприятно подпрыгивали на пенящихся бурунах, но скоро оказались среди огромных катящихся валов открытого океана. Я с облегчением оглянулась и увидела, как исчезают позади черные пески и сухие пастбища. Только вершины серых гор долго оставались видны, то появляясь, то исчезая, когда наша лодка то поднималась на гребни, то снова опускалась к подошвам темно-зеленых волн. Это зрелище грозило вызвать у меня тошноту, и я поспешила отвернуться. Райшед, с опытным видом сидевший у руля, действовал на меня успокаивающе: он направлял лодку — а Шив стоял на коленях на носу, устремив все внимание вперед, и каждую крупницу своей силы использовал на то, чтобы мы ушли.

Впервые в жизни я была рада оказаться в лодке — вот до чего я страшилась повторного плена. Брызги с вершушек волн подхватывались ветром, и вскоре все мы вымокли и продрогли, но никто не жаловался. Я сидела позади Шива, и когда однообразный вид качающегося океана приелся, что случилось довольно скоро, я повернулась и увидела, как Айтен задумчиво тычет ногой нашего пленника. Его бесцеремонно сбросили на дно лодки, и, по мне, он мог оставаться там весь путь до дома.

— Он все еще вне игры?

Я не собиралась приближаться к Золотошеему, если могла избежать этого, не важно — без сознания он или нет.

— Совершенно снят с доски, — широко ухмыляясь, подтвердил Айтен. — А знаешь, цветок, я ведь не думал, что мы улизем оттуда.

— Я тоже.

Я покачала головой, сама не веря в нашу удачу.

— Мы еще не ушли, — резонно напомнил Райшед, с хмурой сосредоточенностью направляя лодку через крутящиеся волны.

— Мы ушли с тех проклятых островов, и это уже хорошо, — заявил Айтен, и я обнаружила, что улыбаюсь.

— Знаешь, Раш, единственная убедительная вещь, которую я когда-либо слышала от рационалистов, это: «Наслаждайся моментом, когда он приходит». Этот момент кажется мне весьма приятным.

Райшед одарил меня сдержанной улыбкой, а когда Шив повернулся услышать, о чем мы говорим, я увидела, что и на его лице напряжение несколько уменьшилось.

Что бы он ни собирался сказать, оно потерялось бы во внезапном урчании из живота Айтена.

— Зубы Даста, я помираю с голоду!

Едва он это произнес, как я тоже ощутила зверский голод. Страх наполняет живот, пока вы боитесь, но чтобы одолеть океан, одного свежего воздуха нам явно не хватит.

Шив потер ладони, и лодка замедлила ход.

— В чем дело? — спросила я. В моем тоне проскользнуло больше тревоги, чем мне хотелось бы слышать.

— Я не могу толкать лодку, держать нашего друга без сознания и одновременно призывать рыбу, — объяснил Шив. — Я все еще не пришел в форму.

Райшед нахмурился.

— Сейчас главное — как можно быстрее двигаться. Если мы его свяжем, — он ткнул Золотошеего носком сапога, — ты сможешь заткнуть ему пасть, чтобы он не смог околдовать нас?

У Шива оживились глаза.

— Я могу наложить воздушные ленты вокруг его рта. Если мне не придется держать его без сознания, мы поплывем намного быстрее.

Я потянулась за плетеной кожаной привязью.

— Что ж ты сразу не сказал?

Сложив веревку вдвое, я сделала посередине передвижную петлю, надела на шею пленника, а концами связала его руки и ноги. Чем больше он будет биться, тем скорее задушит себя и покончит с любой угрозой, которую захочет представлять.

Айтен восхищенно свистнул.

— А ты умешь связывать зверей!

Я изо всех сил дернула за конец, чтобы затянуть узел.

— У меня талантов много.

Моя невозмутимость была немного поколеблена, когда жирная рыба шлепнулась возле меня на дно лодки, — я вздрогнула.

— Как ты насчет потрошения?

Я повернулась — Шив бросал через плечо еще одну мокрую добычу.

— Бесполезна. — Я с отвращением посмотрела на бьющееся существо. — А приготовить ее никак нельзя?

— Такую свежую рыбу? Это еще зачем?

Айтен вытащил кинжал, проверил лезвие и несколькими ловкими ударами очистил улов. Положил рыбу на среднее сиденье лодки и срезал с костей водянисто-тонкие ломтики мяса.

— Попробуй. — Он протянул мне ломтик.

Поскольку ничего другого не было, я положила его в рот и постаралась проглотить, не жуя. Действительно, это оказалось не слишком противно, но меня не очень радовала перспектива весь путь до дома просидеть на сырой рыбе и простой воде.

Айтен передал несколько кусочков Райшеду, который съел их без комментариев и без всякого выражения. Он увидел, что я смотрю на него, и засмеялся в первый раз с тех пор, как мы сбежали.

— Я предпочел бы к ней перечный соус или приличное вино, но я вполне равнодушен к свежей рыбе.

— В Зьютесселе знают множество способов ее приготовления, не так ли? — Шив потянулся за рыбой без особого энтузиазма, что меня немного порадовало.

— Тонко нарезанная с травяной пастой, вымоченная в кислом вине или соке цитрусов, свернутая с перечным соусом и черной солью. — Айтен мечтательно зажмурился. — Когда вернемся, я свожу вас в самый лучший рыбный ресторан на восточном побережье.

Я закашлялась от оставшегося во рту вкуса моря.

— Ты не опреслишь нам водички, Шив?

Мы все огляделись в поисках чего-то, что могло бы заменить ведро.

— Всегда есть наши сапоги, — с сомнением предложил Айтен.

— Обойдемся ладонями, — твердо сказал маг и, когда мы зачерпнули пригоршни морской воды, наполнил ее голубым сиянием, освобождая от соли.

Процесс питья был чрезвычайно медленным; вода казалась странно мертвой и безвкусной, но я не собиралась жаловаться. Когда Райшед после нас с Айтеном наклонился к ладоням, я вдруг подумала, что не мешало бы рулить по очереди.

— Может, тебя сменить?

Райшед покачал головой.

— Не пойми меня превратно, но у тебя нет опыта с лодками. Мы с Айтом сами справимся.

Я не собиралась спорить или обижаться. Холодная вода и сырая рыба тяжело лежали в желудке, поэтому я села на дно, чтобы укрыться от ветра и брызг, и бережно развернула записки Джериса. Если больше нечем заняться, почему бы не поискать нечто полезное, дабы сократить время нашего плавания.

Прошла, должно быть, большая часть утра, и когда я оторвалась от пергамента, то увидела, что Золотошей смотрит на меня из своего неудобного положения в брюхе лодки и негодование полыхает в его зеленых глазах. Я с вызовом уставилась на него, но он не отвел взгляд.

Райшед поднял брови, заметив мое напряженное лицо. Я кивнула на Золотошеего.

— Как думаешь, что нам с ним сделать? — небрежно спросила я.

Глубоко вдохнув, Райшед подмигнул мне и ответил таким же непринужденным тоном:

— Можем разрезать его на наживку или просто съесть его сами, если желаешь теплого мяса.

— Что?

Я игнорировала удивленное восклицание Айтена — страх вспыхнул в травяных глазах, Золотошей тщетно пытался освободиться от пут.

— Я полагаю, наш друг говорит по-гормалински. — Я повернулась к Шиву. — Ты не можешь заткнуть ему еще и уши?

— Мне следовало раньше это сделать, не так ли?

Шив прикусил губу от досады и сплел тугую ленту искрящейся голубизны вокруг головы беспомощного пленника. Тогда на его лице появился настоящий ужас, вытеснивший весь его гнев, и я наклонилась ближе, чтобы грозно уставиться в его бледные глаза. На сей раз он отвел взгляд и опустил веки.

— Так-то лучше. Не переживай, Шив, мы тоже должны были об этом подумать.

Удовлетворенная, я вернулась к запискам Джериса.

— Слушайте, тут есть кое-что, надо бы попробовать. Здесь описан способ прятать следы.

— Какой прок от этого на воде? — пожал плечами Райшед.

— Не думаю, что речь идет о реальных следах, но что бы это ни было, именно таким способом эфирные колдуны находят след. — Я постучала пальцем по документу. — Я в этом совершенно уверена.

— Попробовать не повредит, — согласился Айтен.

Я застенчиво откашлялась и вначале молча прочитала слова, прислушиваясь к их ритму.

— Ар мел сидис, ранель марклене, — проскандировала я, но ничего как будто не произошло.

— Оно работает? — любопытно спросил Райшед.

Я чувствовала себя круглой душой.

— Понятия не имею.

Ну что тут еще скажешь...

До самого вечера мы сидели, меланхолично наблюдая, как серые валы поднимаются навстречу серому небу, закручиваясь барашками, пока наша лодка бежала по волнам. К концу дня мы уже сами стали казаться себе серыми-серыми.

Я не заметила, как заснула, но было уже утро, когда Шив хлопал меня по плечу. Растерянно моргая, я в смущении посмотрела на него.

— Смотри, моя магия работает!

Я повернула голову. Прямо к нам большими прыжками, целиком выпрыгивая из воды, направлялась стая огромных рыб. Увидев улыбку на лице Шива, я проглотила страх и спросила себя, что же это может быть.

— Гончие Дастеннина! — радостно вскричал Айтен.

Райшед тоже улыбался во весь рот, и я перестала нервничать.

Огромные рыбы резвились вокруг носа лодки, и мне пришлось признать, что у них весьма дружелюбные морды — длинные, похожие на клюв, с привлекательно изогнутыми ртами. Они издавали своеобразные скрипучие звуки, высываясь из воды, чтобы посмотреть на Шива, и рты их были заполнены эффектными зубами.

Я поневоле вздрогнула, когда одна рыбина всплыла рядом со мной и окатила меня теплыми зловонными брызгами из дыры в голове.

— Кто они такие? — не сдержавшись, спросила я.

Шив, кормивший свою рыбину, оглянулся.

— Это дельфины, морские животные, как киты, только меньше. Я посмотрела на лоснящиеся тела, которые сновали в воде, треугольными плавниками разрезая пену.

— Ты позвал их?

Шив кивнул.

— Они многое могут рассказать мне о водах, где мы находимся. Для начала мне нужно знать, когда мы достигнем главного течения, направленного на юг; чтобы его пересечь, мне потребуется каждая капелька силы, какой я располагаю. Если мы наткнемся на него прежде, чем я это пойму, мы можем, сами того не зная, проскочить мимо Мыса Ветров и оказаться далеко на юге.

— Хватит с нас и одного нового континента. — Райшед протянул руку за борт и погладил любознательную голову.

— Как ты их назвал? — Я понемногу привыкала к этим веселым созданиям, но свои руки держала при себе.

— Гончие Дастеннина. Священные животные. — Айтен тоже скармливал им объедки. — Говорят, они могут путешествовать между этим и Иным миром, когда захотят, не только в снах или смерти.

Веселая морда высунулась из воды и посмотрела на меня с бесконечно умным видом.

Я поклонилась ей и попросила церемонным тоном:

— Если вы можете добраться до Дастеннина или любого из богов, пожалуйста, попросите их доставить нас домой.

Мои спутники улыбнулись, но никто не засмеялся. Как сказал Айт, попробовать не повредит.

Дельфины вдруг оставили свои шалости и разом нырнули в глубину. Разинув рот, я вопросительно посмотрела на Шива.

— Я послал их выяснить, где мы находимся относительно здешних течений, — объяснил он. — Они будут возвращаться время от времени и проверять, не сбились ли мы с курса.

Он указал на сплошной облачный покров над нами и однообразие вздымающихся волн вокруг нас. Дальнейших объяснений не требовалось. Я без восторга позавтракала холодной сырой рыбой, озабоченная вопросом: как мы переживем океанский переход в открытой лодке на такой диете?

Невольно содрогнувшись, и не только от холодного ветра, я снова съехала на дне в скромном укрытии за бортами лодки. Я взглянула на Золотошеего и увидела изучающий взгляд в его темно-карих глазах. Я уже видела этот взгляд, и воспоминание охладило меня основательнее, чем ветер или вода. Он увидел, что я на него смотрю, и ненависть зажглась в тех черных глубинах, выплевывая яростный, беспомощный огонь, — я отчаянно перегнулась через сиденье и мощным ударом в челюсть отпра-

вила его в нокаут. Обычно мне такое не удается, но целый кулак золотых и серебряных колец, прихваченных из замка, придал убедительный вес моему аргументу.

— Ливак!

Все усталились на меня.

— Это был не он, — забормотала я, сжимая руки, чтобы успокоить боль в костяшках. — Это был не он. То были не его глаза; у него зеленые, а я видела карие, почти черные. Это был тот ублюдок, Ледышка, тот, из замка, его отец или кто там еще.

Мы все с тревогой посмотрели на неподвижное тело, и я подумала, уж не подох ли он от того удара. Это никогда не угадаешь заранее, и немало народу за такое кончило виселицей.

— Главарь, ну, тот, что допрашивал нас, он смотрел через глаза этого типа? — спросил Райшед после долгого молчания.

Я выразительно кивнула.

— Уверена.

— Значит, он знает, где мы?

— Понятия не имею. — Я пожала плечами. — Просто я не хотела, чтобы он на меня пялился.

— Может, лучше бросить его за борт? — нерешительно спросил Шив.

— Если нас догонят, мы могли бы выкупить за него свою свободу, — напомнил Райшед.

Айтен полуобернулся с открытым ртом, но ничего не сказал. Недоумение пробежало по его лицу. Он моргнул, и свет его добродушных карих глаз потух, как свеча. Мертвенная чернота посмотрела оттуда на меня, лицо его стало дряблым и чужим.

— Айт! — в ужасе закричала я, увертываясь от меча, который раскроил бы мой череп как репу.

Я шлепнулась на задницу, и только это спасло меня от второго удара.

Шив чуть замешкался, и следующий удар обрушился на его руку — кость хрустнула, как сухая ветка. Маг закричал. Я ухватила за сиденье и ударила обеими ногами, отбросив то, что всего минуту назад было Айтенем, к корме.

Голубое сияние вспыхнуло со всех сторон — Шив потянул меня к себе через заклинание, сплетенное из чистого инстинкта. Когда ослепительный блеск угас, я почувствовала стену воздуха, защищающую нас.

— Райшед, он захватил Айта, этот ублюдок вошел в его голову!

Тормалинец не ждал, когда ему велят обнажить клинок, но существо, которое раньше было Айтенем, уже повернулось к нему с поднятым мечом.

На мгновение они замерли, готовые к удару, но когда Ледышка сделал свой ход, он не послал меч Айтена в Райшеда; он вогнал его прямо в дно лодки, прорезая затвердевшую от масла кожу, будто ситец.

— Ах ты, скотина! — крикнул Шив, хватаясь за сломанную руку.

Его лицо перекошилось от боли, он задышался от напряжения, но я увидела, как зеленые светящиеся нити снова стягивают дыру в шкурах, удерживая нас на плаву.

Я оторвала свой рукав и разрезала его на грубые повязки. Кровь лилась по пальцам Шива, смешиваясь с водой, плещущей вокруг наших ног.

— Дай перевяжу, — коротко приказала я.

Маг подвинул пальцы, я затянула полотно на его ране. Шив взвыл от боли, и я беспомощно выругалась.

— Айт, Айт, борись, вышвырни этого ублюдка, борись с ним. В голосе Райшеда звучало страдание.

Подняв голову, я увидела, как их мечи столкнулись с лязгом — удар высек искры из клинков.

Ужас завязывал узлом мои кишки: невозможно было смотреть, как марионетка, в которую этот ублюдок Ледышка превратил его друга, снова и снова нападает на Райшеда. Не было ничего похожего на обычную искусность Айтена — это были удары новобранца; может, Айт сражается, чтобы вернуть себе власть собственных мозгов, подумала я.

Лицо Райшеда искажилось от боли, на рубашке проступила кровь. Я похолодела, осознав, что Райшед не атакует, ограничиваясь чисто оборонительными ударами. В то время как Ледышка активнее проявлял свою хватку на Айтене и черпал все больше из его мастерства, Райшед отвечал слишком медленно. Страх ранить друга парализовал его и одновременно обрекал.

Это придется сделать мне. Если Райшед падет, одной мне не справиться с опытным воином, кто бы ни контролировал его ум. Шив едва сохранял сознание, и я даже думать боялась, что может случиться, если он потеряет власть над своими чарами.

Я вытащила кинжал и, подойдя к краю магического барьера, тревожно оглянулась. Маг кивнул. Он силился не лишиться чувств, но он знал, что я должна сделать. Я медленно продвинулась дальше — так, чтобы не выпасть из дико качавшейся лодки и не насторожить врага.

Райшед бросился вперед, и Айтен чуть не растоптал меня, попятившись от удара в лицо. Райшед ударил его рукоятью. Подхваченная ветром, кровь хлестнула меня по лицу вместе с морскими брызгами. Я увидела отчаяние на лице Райшеда —

тот удар должен был сразу отправить его друга в Иной мир. Должно быть, эфирная магия держала его на ногах. Отчаяние едва не стоило Райшеду жизни. Меч Айтена рассек пустоту с прежней скоростью, оставив кровавую прорезь на руке Раша.

Я стиснула кинжал, ужасно сожалея, что нет со мной моих ядов или каких-нибудь дурманов, способных мгновенно свалить человека. Времени не оставалось. Я изучила спину Айтена, но удар в сердце был слишком рискованным. Когда лодка трясется под ногами и Айтен делает выпады назад и вперед, можно попасть в ребро, что для меня будет скорее всего фатальным. Это должен быть удар в большие кровеносные сосуды на шее или ноге, который быстро свалит Айта. Но достаточно ли быстро? Остается только молиться, что Райшед поймет мои намерения.

Айтен расставил ноги, чтобы обрести устойчивость в лихорадочно раскачивающейся лодке. Он пошел на Райшеда, пытаясь нанести ему сокрушительный удар по голове. Когда он двинулся, я всадила кинжал меж его ног вверх к внутренней стороне бедра, в артерию возле паха. Айтен пошатнулся. Увидев алый поток, Райшед бросился к другу и в свирепом объятии прижал его руки к бокам. Они вместе рухнули на колени, и вскоре Айт перестал бороться. Его голова упала вперед, на грудь Райшеда, затем вбок; чернота агрессии исчезла из глаз, уступая место знакомому спокойному карему цвету, пронзившему мне сердце. Айтен приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, но только недоуменно вздохнул в последний раз и закрыл глаза, как усталый ребенок.

Райшед скривился от невыносимой боли, и я зажмурилась, чтобы не видеть его беспомощных слез.

«Ах ты, сукин сын, ублюдок, гад поганый, вонючий засранец, пятно дерьма на заднице мира!»

Я выплеснула ненависть к Ледышке в бесполезной брани, но облегчения не обрела. Тогда я снова открыла глаза, чтобы встретить воочию жестокую реальность, но обнаружила, что ничего не вижу.

— Ты выражаешься, как вульгарная проститутка. Однако это позволило мне найти тебя, так что я не стану жаловаться.

Мрак вокруг меня осветился жутким бесцветным огнем, и я увидела Ледышку, медленно идущего ко мне через свертывающуюся спиралью темноту. Я задохнулась от ужаса. Что он сделал? Где я? Я лихорадочно схватилась за кинжал, чтобы поразить Ледышку, но кинжал был бледным и нереальным в моей руке. Дрожа как дерево в бурю, я поняла, что этот ублюдок поймал меня в ловушку внутри моей собственной головы. Не знаю, как я поняла это, просто поняла — и все.

— *Ты очень проницательна*, — подтвердил ненавистный голос.

Он звучал так ясно, словно Ледышка был рядом со мной; губы плывущего образа шевелились. Я помрачнела. Первоначальный шок прошел, и негодование потеснило страх. Я увидела, что фигура Ледышки неотчетлива, размыта по краям, и это придало мне сил, но, приближаясь ко мне, она становилась светлее на фоне черноты, целее и ужаснее.

— *Мне следовало уделить тебе больше внимания*, — вздохнул он. — *Но Джерис так усердно убеждал меня, что ты не более чем согревательница постели, служащая маленькой услугой ему и вашему другу-волшебнику*. — Отвратительное нетерпение исказило его тон. — *Теперь, когда я знаю правду, я найду в твоём разуме намного больше интересного для меня, не так ли?*

Страх перед ним внутри моего ума снова был выше любого ужаса, когда-либо испытанного мною. Он мог делать все что угодно с моим телом; плоть заживает, на худой конец, есть мир Иной, но представить, что он снова врывается в мой разум, было невыносимо.

— Талмия меграла элдрин фрез, — выплюнула я в него магические слова, и мрак ярко вспыхнул алым, образ на миг поблек.

— *Дерзкая свинья!*

Я вздрогнула — плоть боли хлестнула в моей голове, — но повторила заклинание. На этот раз темнота на минуту рассеялась, и я лихорадочно принялась вспоминать, что можно еще использовать, снова и снова швыряя в него эту волшебную формулу.

— *Ты жалкая. Я был внутри тебя один раз, и я сделаю это снова.*

Я нажала на витки злобы, которые угрожали опутать меня, и отгородила от него свой разум. Он знал мой ум, но обратная сторона той руны означала, что я знаю его; я боролась инстинктивно, не понимая, как или почему, но изо всех оставшихся сил. Что мне было терять?

Я выругала себя за то, что перескакивала по заклинаниям в списке Джериса, пропуская непроницаемые слова. То, что удалось вспомнить, я произносила, задыхаясь, и по мере того как проговаривала отрывки этой вроде бы тарабарщины, я чувствовала, что плоть его разума немного слабеет, ищущая хватка на краях моего ума соскальзывает. Ритмы слов пробудили воспоминания, погребенные где-то глубоко внутри, и я ощутила новый прилив надежды.

— Мармол, элрил, сенил, дексил, врем, тедрен, фатен, ардрен, парлен, врек.

Я пропела считалку Леса, уже для самого Народа ставшую почти чушью, но ее по-прежнему заучивали, передавая от поколения к поколению, как мой отец передал ее мне. Я

выкрикнула древние слова, а затем вспомнила песню с названиями лесных птиц; Ворон был игрой Народа задолго до того, как ее узнал остальной мир. Я повторяла их снова и снова, возвращая из своего детства бессмысленные слова и каденции, которые почему-то не давали этому кошмару под названием Ледышка овладеть мною снова.

Я могла чувствовать его гнев и — слабее — его замешательство. Для него я была просто ребенком, который заткнул уши и горланит дерзкую песню, чтобы заглушить отцовские упреки. Это было все, что я могла сделать, но, как скажет вам любой трехлетка, подобную тактику трудно победить.

Темнота вокруг меня отступила, и ужасающий образ Ледышки заколыхался, будто дым на ветру. Я ощутила жжение в запястьях и холод в ступнях и удвоила усилия, осознав, что по-прежнему владею своим телом.

— Ливак! Ливак! — Хриплый голос Райшеда раздался в моих ушах, и проклятия Ледышки эхом прокатились в моей голове в последнем взрыве ярости.

Тьма перед глазами рассеялась, и я увидела измученное болью лицо тормалинца, нос к носу с моим. Я задохнулась от боли — он как тисками сжимал мои запястья.

— Это ты?

— Мои глаза — мои?

Райшед посмотрел в глубь меня, и спустя долгую напряженную минуту подозрение ушло с его лица.

— Это был он?

— Если он будет искать тебя, читай огненное заклинание, старые баллады, древние молитвы, старинную литургию — все что вспомнишь. В этих словах есть сила, не знаю почему.

Холодный ветер пробирал меня, а я была вся насквозь мокрая от пота и дрожала, как изнуренный зверь, бежавший изо всех сил. Колени подломились, и я рухнула на скамью, тошнотворно-сладкий запах крови поднимался со всех сторон, когда лодчонку швыряли туда-сюда равнодушные волны.

— Раш, я должна была, ты понимаешь? Это был не он, это был тот ублюдок. Раш, это был единственный выход...

Я подняла голову. Райшед не смотрел на меня. Беспредельное отчаяние, какое бывает только у человека на виселице, заполнило его глаза. Ничего не понимая, я обернулась и, когда высокая зеленая волна подняла нас, увидела лес мачт, выходивших из бледных восточных небес. Ветер раздувал паруса, и длинные вымпелы с эмблемой Ледышки тянулись к нам, облизываясь, как жадные языки.

— Тримон, спаси нас! — выдохнул Шив, взывая к богу путешественников, и сжал пальцами борт, так что побелели костяшки.

Я даже воспряла духом, когда нос лодки повернулся и мы заскользили через пенящийся гребень волны, затем еще одной и еще.

— О Перид, — тихо промолвил маг, в полном изнеможении роняя голову на грудь.

Я бросилась вперед, чтобы не дать ему выпасть из лодки, но, хотя я схватила его, снова двинуться уже не посмела, боясь, что опрокину лодку. Она теперь встала боком к катящимся волнам и сильно качалась, угрожая всех вывалить. Тело Айтена поворачивалось в воде, неуклонно собирающейся вокруг наших ног; мы начинали тонуть, когда заклинание Шива утрачивало силу и тускнело.

— Всех нас они не получат!

С внезапной яростью Райшед наклонился, взвалил на плечо бедный труп — последняя кровь друга испачкала спину — и бросил его в океанский простор.

— Прими тебя, Дастеннин, Айт, и доброго тебе пути. Следуй за его гончими в Иной мир, куда твои деяния дошли раньше тебя. Мы сохраним о тебе светлую память, пока сами не присоединимся к тебе.

Он задохнулся на словах прощания, и я протянула свободную руку. Райшед схватил ее, и мы держали друг друга без слов, без сил, без надежды.

Мы оба вздрогнули, когда наш пленник вдруг исчез, унесенный каким-то эфирным заклинанием, но, честно говоря, мне было уже все равно. Я крепче вцепилась в Шива — лодка встала на дыбы и завертелась от волн, взбиваемых ветрами вокруг нас — и наконец подумала, не лучше ли просто отдаться алчным волнам, хотя бы назло Ледышке. Я содрогнулась — это будет ужасная смерть.

Мачты приблизились, и стали видны длинные темные корпуса трех эльбетимских кораблей. Наша лодка снова вздыбилась, но уже не от волн. Последовал еще один толчок, и я увидела гибкую фигуру, скользящую у борта.

— Дельфины! — Райшед посмотрел на меня с удивлением.

Заостренные плавники прорезали пену и начали толкать нашу посудину к западу. Лоснящаяся голова высунулась из воды возле Шива и кивнула ему, устремляясь ближе, словно желала его коснуться. Я испугалась, что животное всех нас потопит, и протянула вялую руку мага к ищущему носу.

— Кто ты такая, во имя Сэдрина? — Звучный голос заполнил воздух вокруг меня, когда дельфин коснулся ладони Шива.

Я дико огляделась и по изумленному лицу Райшеда поняла, что он тоже это слышал.

Воздух над головой Шива замерцал голубизной и стал непрозрачным. Я увидела лицо старика с острыми чертами, взлохмаченными ветром волосами и нечесаной бородой, затуманенное и искаженное, словно он смотрел на нас сквозь толстое стекло.

— Ты кто? — растерянno спросила я.

— Я Отрик, — решительно сообщило лицо, словно этим все было сказано. — Кто ты и что делает на твоей руке магическое кольцо силы?

Я тупо посмотрела на набор колец и в первый раз заметила среди них серебряный ободок, похищенный у Азазира.

— Надо же...

— Надень его на палец Шиввалана и опусти его руку в воду.

Я боролась с кольцом, со своими холодными мокрыми пальцами и вялыми руками Шива. Когда я закончила, зеленый свет поднялся из глубины вокруг нас и погнал лодку вперед на пугающей скорости. Пенная волна собралась у носа, и дельфины, перестав толкать, помчались рядом, прыгая через нее с невероятной прытью.

Мне уже не хватало рук: левой я поддерживала Шива, а правую держал Райшед. Я была рада этому утешению, но хотела сама вцепиться в борт лодки. Должно быть, Райшед увидел неуверенность на моем лице; он сел рядом, обняв меня одной рукой, и схватился за скамейку за нас обоих.

Это была самая дикая гонка в моей жизни. Дрожа от страха, который еще во мне остался, я поклялась, что никогда ноги моей больше не будет даже на речном пароме, пускай хоть полсезона уйдет на то, чтобы найти мост.

— Что это? — сказал Райшед, и я открыла глаза. С закрытыми было не так ужасно.

— Туман? — язвительно спросила я.

— Да? И часто ты видела такие туманы?

Искра жизни снова озарила его глаза, и я с новым интересом посмотрела на белую пелену. Это был плотный вал, и он несся, презирая ветер и волны, к нам. Я оглянулась. Эльетимские корабли неумолимо приближались. Уже можно было различить отдельные фигуры на снастях и головы людей на палубах. Успеem ли мы скрыться в тумане, прежде чем нас поймают? И кто послал его? Отрик?

С захватывающей дух скоростью белая мгла помчалась к вражеским кораблям, и я увидела, что она опирается на кулаки карающих ветров. Эльетимские корабли остановились, как лошади которых осадили на всем скаку, морская волна завертела их, са бесполезно захопалаи.

— Смотри!

Ну вечно я смотрю не в ту сторону. Я повернулась: хищные очертания далазорского океанского корабля выходили из вала тумана. Наша лодчонка устремила к нему, словно подтягиваемая веревкой, окруженная зеленым сиянием воды.

Мертвенный белый свет отразился от неприступной стены тумана, испугав нас, и эльетимские корабли снова ринулись вперед. Голубые огни заплесали вокруг них, замысловатые паутины силы были сотканы в небесах, вновь сия живым цветом на фоне пасмурных серых туч. Я застонала. Хоть сеть заклинаний стала плотнее, по-прежнему было видно, что некий барьер защищает корабли; если маги не смогут пройти сквозь него, им не удастся коснуться эльетиммов.

Наша лодка закачалась — огромный вал, вобравший в себя все волны, устремился на корабли погони. Рушащаяся пена расплескала изумрудный свет над носами эльетимских кораблей, и один беспомощно накренился под этим ударом, выходя за эфирную защиту. В тот же миг вода и воздух объединились в смерч, промчавшийся прямо через середину злополучного судна. Паруса и мачты взлетели высоко в небо, обшивка раскалывалась, как дрова под топором, тела и безымянные обломки разбросало по темным волнам. В реве белой пены нос пошел ко дну, и крики враз замолкли. Корма поднялась высоко в воздух, сбрасывая остатки снастей, неподвижно повисла на миг, прежде чем затонуть и присоединиться к остальному кораблю на далеком океанском дне. Вода забурилась, выбрасывая из глубины нелепые ошметки.

При виде такого зрелища эльетиммы дрогнули, и неудивительно. Зондирующий голубой свет, который наматывал кольца вокруг остальных кораблей, нашел слабину в их эфирной защите; из сердитых туч сверкнула молния, разбив самую высокую мачту на втором судне. В мгновение ока огонь охватил паруса, и все три мачты вспыхнули, как деревья на лесном пожаре. Все вокруг осветилось ярко-оранжевым, но, уничтожив парусину, огонь не вернулся к дереву. Теперь жадные языки пламени стали багровыми, что свидетельствовало о колдовстве. Они забегали взад и вперед по палубам, увлекая каждого в свою ловушку. Они перепрыгивали через пустоту, хватались за тросы, одежду и волосы, пожирая все, к чему прикасались, обращая все в пепел с устрашающей скоростью.

У меня внезапно пересохло в горле: заколдованное пламя сжало корабль в смертельной хватке, преследуя даже тех, кто прыгал за борт в тщетной попытке сфастись, сжигая их живьем, когда воды отказывались гасить пламя стихии. Тучи окрасились заревом в жуткой пародии на закат, и мне показалось, будто я

чувствую жар на своем лице. Дым завивался кольцами, уходя высоко в небо, и скручивался в немыслимые узоры ветрами, выполняющими волю магов, которые стремились остановить третий корабль; он, по-прежнему невредимый, шел вперед.

— Смотри, Раш, дельфины. — Я указала на треугольные плавники, рассекающие хаос обломков.

Райшед нахмурился и медленно вдохнул.

— Нет, я так не думаю.

Я присмотрелась: И впрямь кое-что было иным: плавники шли парами, и меньшим оказался тянущийся сзади хвост.

— Акулы! — Райшед вскочил и повернулся к кораблю магов.

— Эй вы, там, быстрее кидайте веревку! — заорал он. — Акулы собираются, а у нас раненные.

Я не понимала его паники, пока одна из длинных серых форм не наткнулась на наш дразнящий след. Она проплыла мимо борта, и я увидела жабры настоящей рыбы, холодные, тусклые глаза без всякой искры разума или сострадания, изогнутый рот с двумя рядами зубов, подобных зубцам на капкане. Лодка закачалась. Эта акула была длиннее нашей тонкокожей лодчонки более чем на пядь.

— Она нападет? — крикнула я Райшеду, вставшему у руля с мечом наготове.

— Ясное дело, — мрачно ответил он. — Их привлекает кровь.

Его крики подстегнули активность на корабле магов. Матросы спускали за борт сеть, а высокая фигура в грубых одеждах размахивала над головой сложенной витками веревкой. Веревка пропела в воздухе, и, когда Райшед поймал ее, группа матросов начала подтаскивать нас. Акулы набросились на более легкую добычу, барахтающуюся среди обломков двух кораблей, и я заткнула уши от истошных криков.

Третий корабль спешил дальше, игнорируя тонущих, которых затягивало в его кильватер. Он подходил все ближе и ближе, несмотря на многоцветную сеть вокруг него, когда маги с талантами всех уровней бились, чтобы проникнуть сквозь силу, которая его защищала. Он надвигался на нас; мы были почти у далазорского корабля, но, когда я потянулась к сети, матросы вдруг попадали со снастей, как убитые морозом птицы. Люди на палубе забегали в панике от чего-то мне невидимого: это эльетиммы ударили в ответ эфирной магией.

Удар грома расколол небеса. Тучи над эльетиммским кораблем разошлись, показав клочок голубого неба. Через мгновение просвет закрылся, тучи заходили по кругу, клубясь, темнея, спиралью свиваясь вниз, к кораблю. Второй удар грома заложил уши, и яркая белая вспышка вылетела из сердца туч.

Это был дракон, воздушный дракон, порождение туч и грома. Огромный, вдвое больше водного дракона Азазира, он закружил в вышине, и по сравнению с ним черный корабль показался карликом. Брюхо дракона было серебряным, покрытым золотой рябью, как тонкие облачка на зимнем восходе, а остальное тело — чисто белым, как парящие на горной высоте облака равнин. Он полетел вниз и вокруг корабля магов, вытянув к нему свою морду. Мы были близко, достаточно близко теперь, чтобы видеть шипы на его гребне, прозрачные, как сосульки, серо-голубую полоску чешуи вдоль узкого хребта, окаймленную инеем, поразительную лазурь его глаз, сощурившихся, когда он вдруг устремился к вражескому судну. Непостижимо паря на широких полупрозрачных крыльях, он хлестнул по мачтам своим мощным хвостом. Дерево, паруса и тросы рухнули с громким треском, вконец перепутавшись.

Крики обреченных эльетиммов потерялись в неземном вое торжествующего дракона; он взмыл в вышину, описал круг и ястребом бросился вниз, разрывая все на своем пути сияющими белыми челюстями. Когти размером с мечи разметали оборону из кучки солдат, превратив их в кровавые ломти.

Удар ветра от крыльев взбил воду, гоня волны; они швырнули нас к борту корабля магов. Я вцепилась в сеть, как скряга в завязки своего кошелька.

— Помогите! Сэдриновы потроха, помогите нам!

Над перилами показались лица, и руки потянулись вниз, чтобы втащить меня на корабль. Я задрожала на холодном ветру, когда шок наконец запустил в меня свои когти, но оттолкнула заботливые руки, желавшие завернуть меня в одеяла и увести.

— У нас там человек без сознания... — выдавила я, стуча зубами.

Два гибких матроса, не мешкая, перелезли через борт. Темная курчавая голова Райшеда появилась над перилами, и он наполовину влез, наполовину упал на палубу.

— Ливак!

Мне чудится или обладатель этого резкого голоса действительно стоит позади меня?

— Привет, Дарни. — Я с трудом верила, что снова вижу его.

Агент смотрел на матросов, осторожно поднимающих на одеяле Шива, и меня порадовало искреннее беспокойство в его глазах. В палубе открылся люк, и когда мага опустили вниз, Дарни исторг вздох облегчения. Потом кинулся к перилам и заглянул в нашу хрупкую лодчонку.

— Джерис? — Его голос дрогнул.

Я устало покачала головой.

— Мы нашли его, но уже мертвого.

Эти слова комом встали в горле, грозя задушить меня. Я потеряла глаза, внезапно наполнившиеся слезами от резкого ветра, изнурения и того постоянного горя.

У Дарни вытянулось лицо. Не зная, что сказать, я полезла за пазуху и вытащила документы, испачканные солеными брызгами и потом.

— Я нашла кое-что из его работ. Это важно — один из ваших магов должен это увидеть.

Дарни игнорировал пергамент.

— Я бы предпочел снова увидеть Джериса, — грубо ответил он.

Едва сдержавшись, чтобы не затолкать эти пергаменты ему в глотку, я собиралась высказать ему все, что думаю о его неблагодарности. В эту минуту Райшед набросил мне на плечи одеяло. Я с удовольствием закуталась.

— Как вы очутились здесь так вовремя? Это невероятно счастливое совпадение.

Он крепко сжал в ладонях чашку, от которой поднимался пар, и я жадно протянула руку за другой такой же чашкой, которую нес мне тепло одетый матрос. Это было сдобренное пряностями вино, и желанное тепло опалило меня до самых пальчиков ног.

— Ха, совпадение, как же! Это вам не фантастическая баллада какого-нибудь там менестреля. — Дарни надменно поднял голову. — Я говорил, что можно найти след в Инглизе, и был прав. Те ублюдки в черных кожах исчезли одновременно с вами, но я не пожалел времени, чтобы установить некоторые связи в Инглизе. Все пытались заслужить награду за донос на убийц Йеннии, и мы выследили ту группу, которая пыталась смешиваться с жителями благодаря местной одежде. Ты помнишь, Ливак?

Я вспомнила его скептицизм, когда мы с Джерисом говорили об этом, но промолчала. Теперь это уже не имело значения.

— Я подумал, они достаточно отчаянные, чтобы, проиграв другой группе, решиться еще на одну попытку. Я узнал, у кого в этом городе есть тормалинские артефакты, и тогда пошел к Страже. Я — агент Верховного мага, не забывайте, с эмблемой для доказательства и Советом для поддержки. Главы гильдий жаждали разделаться с ними так же, как Планир, поэтому мы внимательно следили за всеми возможными жертвами.

Гордый своими достижениями, Дарни замолчал и перевел дыхание. Желание бросить «Я же вам говорил!» — пусть даже невысказанное — было написано у него на лице. Но мне было все равно. Пусть раздувается от самодовольства, как жеребец-производитель на конюшне. Мы раньше него добрались до ост-

ровов и нашли Джериса, хоть и поздно, пока он тут запугивал мелкую сошку силой чьей-нибудь чужой магии. Я зажмурилась от усталых слез.

— Но как вы оказались здесь именно тогда, когда нужно?

В тоне Райшеда звучало любопытство, однако ему не хватало восхищения, которого Дарни явно ожидал.

Более старый, более резкий голос ответил ему:

— Шиввалан — мой ученик. Когда я узнал, что он здесь, в океане, найти эти острова было сравнительно легко.

В тощем беловолосом старике, подходившем к нам, я узнала Отрика. Он был ниже ростом, чем я думала — примерно такой же, как я, — и в своих грубых холщовых штанах и коротком грязном голубом плаще больше походил на пирата, чем на знаменитого мага. Меня так и подмывало спросить, почему он не сделал этого раньше, коль это было так легко. Горсть дней существенно изменила бы судьбу Джериса, а если бы нас нашли до рассвета, Айтен бы спасся. Я оттолкнула внезапное воспоминание о его теплой крови, разливающейся по моей руке.

— Как вы отыскиали нашу лодку? — спросил Райшед, определенно обрадованный тем, что нашлось кого благодарить, кроме Дарни, — чувство, которое я искренне разделяла.

— Должен признать, это оказалось потруднее. У меня все киты и дельфины по эту сторону Мыса Ветров обыскивали моря.

Отрик зубасто ухмыльнулся, но меня поразил блеск его сапфировых глаз.

— Тот дракон, — молвила я внезапно, — он был настоящим или иллюзией?

Лукавая улыбка тронула губы старика.

— Как знать, сударыня моя, как знать. Но он свое дело сделал, не правда ли?

Мы разом посмотрели на усеянное обломками море. Стоны умирающих эльетиммов сменились тонкими криками морских птиц, налетевших неведь откуда подбирать добычу.

— Поздравления Планира, Отрик, но не мог бы ты спуститься?

Худой парень в теплом плаще появился у его локтя. Он ухитрялся говорить одновременно и угодливо, и раздраженно. Неодобрительное выражение казалось привычным на его морщинистом, но довольно красивом лице. Кожа была болезненно-зеленой, и двигался этот человек таким образом, словно нес в своем животе ужасную боль, и я подумала: возможно, у него есть причина для такого настроения.

— Что тебе, Казуел? Ах да, пошли. Вам тоже лучше спуститься и переодеться.

Мы с Райшедом последовали за Отриком, оставив неудовлетворенного Дарни на палубе. Уйти с пронизывающего ветра в теплую сухую каюту было одним из величайших наслаждений, что я когда-либо испытывала, и это включая Летнее Солнцестояние в «Золоченой Розе» в Релшазе.

Крепкая розоволицая девушка с длинными каштановыми волосами, лет на десять младше меня, нашла мне сухую одежду, и хотя я предпочла бы бриджи, толстые шерстяные чулки и четыре нижние юбки надежно оберегали от холода. Я надела великоватые мне сорочку и лиф и завернулась в шаль.

— Куда теперь?

Страх и напряжение испарились, и меня одолела зевота. Я тоскливо взглянула на койку с периной.

— Планир хочет с тобой познакомиться, — извиняющимся тоном сказала моя благодетельница. — Он просил тебя привести.

— Ты маг? — с любопытством спросила я.

По виду ей еще полагалось сидеть в классной комнате где-нибудь в лескарской глуши, акцент выдавал ее.

— Нет пока. — Девушка еще сильнее порозовела. — Но собираюсь ею стать.

В ее возрасте я бы, наверное, прыгала от восторга из-за чего-то подобного, но тогда я была занята попытками выжить, дабы доказать моей матери, что совсем не нуждаюсь в ней.

— Что ж, vedi, — сказала я с ограниченным энтузиазмом — на большее просто была не способна. — Прости, не расслышала твоего имени.

— Аллин.

По лабиринту лестниц и деревянных переборок мы пришли в большую каюту, где пять фигур склонились над столом, а остальные стояли вокруг, внимательно наблюдая. Двое подняли головы, когда мы вошли, и один устремился навстречу, протягивая мне руку.

— Я Планир. Очень рад с тобой познакомиться.

Верховный маг был не слишком высок, темноволос и гибок, с угловатыми чертами лица; их смягчали теплые серые глаза и подкупающая улыбка. Его голос с переливчатым акцентом гидестанской юности звучал ласково и задушевно, струился сквозь меня, обдавая теплом. Я вдруг вспомнила про свои спутанные волосы и свой вид, напоминавший, наверное, неубранную постель. Лет ему можно было дать сколько угодно — от сорока до шестидесяти; тонкие морщинки расходились веером от глаз, залысины на лбу, но я бы побилась об заклад, что он может разговорить любую женщину, какую только захочет, под пологом своей крова-

ти. Вот кем он совсем не выглядел, на мой взгляд, так это Верховным магом.

Я заставила свой ум вернуться к делу.

— Мы не спасли Джериса, но я нашла кое-что из его работ. Они могли бы помочь.

— Узара? — Верховный маг взмахнул властной рукой.

Худошавый парень в коричневом оторвался от стола и жадно схватил мятый пергамент.

— Где именно...

Кто-то из магов резко перебил его.

— Планир, ты нам нужен.

Они оба вернулись к столу. Поскольку мне ничего иного не сказали, я последовала за ними.

Изображение парило теперь над грубым деревом. У меня перехватило дыхание. Уж на что меня потряс утиный пруд Шива и Харны, но он казался детским рисунком в песке по сравнению с этим. Я узнала острова эльетиммов, но это была не просто карта, а идеальный до мельчайших подробностей план местности, где я увидела каждый кусочек побережья, деревню и укрепление. Я поежилась, разглядев крошечные фигурки, застывшие в образе. Это и значит быть богом?

— Если расширишь ту трещину, Калион поднимет лаву, а я займусь ледником.

Говорила крепко сбита женщина-маг в одеждах каладрийской фермерши. Дряблый живот и шербатые зубы свидетельствовали о том, что она с лихвой исполнила свой долг по деторождению. Но, несмотря на это, взгляд ее был острый, а лицо — властное, когда она всматривалась в крошечный, покрытый льдом пейзаж перед собой.

Планир нахмурился, изучая кратер вулкана.

— Узара, ты можешь открыть для меня тот канал?

Янтарный свет скользнул по изображению, и Узара уверенно кивнул.

Маги склонились над созданным ими миниатюрным миром, готовя гибель для эльетиммов. Склон горы мелко задрожал под магическим светом Планира и резкими толчками сдвинулся в сторону. Маг по имени Калион откашлялся и, щелкнув пальцами, послал в разлом короткие красные вспышки. Яркий огонь вырвался оттуда, кипящий белый камень потек по горному склону, остывая до темно-красного. Редкая растительность вспыхивала, обращаясь в пепел, пока он полз к ничего не ведающей деревушке.

— Узара, ты можешь немного разредить это? — пробормотал Калион.

От напряжения пот выступил у него на лбу, и толстяк рассеянно стер его рукавом своего роскошного бархатного платья, которое выглядело бы уместнее на лескарском ростовщике.

— Не так быстро! — приказала женщина.

Она что-то делала со стеной льда с другой стороны горы, где Планир открывал еще один канал в скале. Оранжевое свечение хлынуло под лед, и я содрогнулась, представив, сколько воды вырвется на свободу, чтобы смыть убогие поселения несчастных крестьян. Я надеялась, что некоторые из их складов с тщательно накопленными запасами уцелеют; эльетиммов ждал голодный и холодный сезон.

Я вздрогнула, услышав сзади звук открывающейся двери. Человек по имени Казуел нерешительно заглянул внутрь и явно обрадовался, увидев меня.

— Ты Ливак? — тихо спросил он.

— А кто хочет знать? — осторожно поинтересовалась я, не горя желанием откликаться на призывы — от Дарни, например.

— Мне нужно услышать твой рассказ. Пойдем со мной. Я хочу подготовить отчет для Совета, чтобы сэкономить время.

Он озабоченно взглянул на магов, сгрудившихся над столом, но они уже не обращали на нас внимания.

Я тяжело вздохнула. Я не хотела, чтобы какой-то другой маг опять мне приказывал, особенно этот, в плаще. С другой стороны, спорить просто не было сил.

— А это не может подождать? Вроде я никуда не уйду!

Он зло поджал рот. Я устала смотреть на него без всякого выражения.

— Думаю, может, — нелюбезно проронил он наконец. — Поговорю сначала с Шивваланом.

— Казуел! — Толстяк Калион поднял голову. — Ты не пришьешь сюда Аллин, а? Пусть поглядит, как это делается.

Казуел небрежно поклонился.

— Конечно, мастер Очага. — Он протянул мне тонкую руку. — Увидимся позже.

«Не увидимся, если успею заметить тебя первой, грубиян неотесанный», — мысленно ответила я, проталкиваясь мимо него.

Следуя за своим носом, я отправилась к камбузу, а затем нашла на палубе тихий уголок, чтобы съесть хлеб и мясо, выпрошенные у сговорчивого кока.

— А я уже начал беспокоиться, что они с тобой сделали.

Райшед появился из-за бочки и сел рядом со мной. Я протянула ему краюху.

— Я познакомилась с Планиром, но он слишком занят. Они пытаются потопить те острова, судя по тому, что я видела.

Райшед кивнул, жадно жуя, и передал мне оловянную кружку с элем. Я сделала большой глоток, прежде чем вспомнила, что не люблю пива.

— Похоже, у всех есть дело, кроме нас?

— По-моему, мы и так уже достаточно сделали, — натянуто усмехнулся Райшед.

Я выдавила полуулыбку.

— Кто-нибудь сказал, куда мы плывем?

— Корабль идет в Хадрумал, но, думаю, им придется еще где-то пристать к берегу, возможно, в Тормалине. Там я и сойду, — твердо сказал он.

— Ты возвращаешься домой? — Мне почему-то не хотелось расставаться с Райшедом. — Я думала, нас всех заставят торчать в Хадрумале, пока из нас не выжмут все до последней детали.

— На это может уйти полсезона. Нет, я не подчиняюсь приказам магов, даже Верховных. Мой первый долг — представить отчет мессире Д'Олбриоту, а уж его писари могут сделать копию для Планира. — Райшед скорчил гримасу и забрал у меня эль. — А потом я должен поехать к семье Айта и рассказать, как он умер.

Мы посидели в молчании.

— А ты? — спросил Райшед спустя какое-то время. — Я бы хотел показать тебе Зьютесселу, да и мессир Д'Олбриот захочет вознаградить тебя.

— За что? — с любопытством спросила я, и тормалинец указал на мои руки.

— Это его кольца, те, с древом пламени на гербе. — Он взял мою руку и нежно повернул золотые ободки. — Они стоят найма принца.

Я засмеялась, сняла кольца и вручила ему.

— Кто бы мог подумать! Не знаю, Раш, у меня ведь тоже есть своя жизнь. Хэлис, наверное, думает, что я свалилась с края мира, и мы должны были встретиться с друзьями в Коле. Мне бы лучше всего отправиться в Релшаз. Если маги подбросят меня до Берега Пряностей, то дальше я бы поехала по Перечному Тракту.

Я зевнула, несмотря на бодрящий холод ветра.

— Но в Хадрумал я точно не хочу. Не хватало еще провести всю зиму с магами и учеными, выворачивающими мои мозги наизнанку. Пусть заплатят, что мне причитается, плюс процент за чрезмерный риск, а больше мне с ними делать нечего.

Мы снова посидели в молчании.

— Однако должна сказать, что не люблю бросать дело на половине. Это ведь еще не конец, так?

— Нет, я не думаю, что это конец, но моя мать всегда говорит: единственная вещь в мире без свободных концов — это новый гобелен. — Райшед вздохнул. — Я тебя понимаю, я чувствую

354 то же самое, но у меня есть другие обязанности.

Я взяла его за руку. Так мы и сидели, спрашивая себя, как лучше всего поступить. Долгое низкое грохотание докатилось к нам по океану, и мы вопросительно посмотрели друг на друга широко открытыми глазами.

— Шив! — Я замахала рукой, когда маг шел мимо, поглощенный своими мыслями.

— Не ожидал увидеть тебя на ногах! — Райшед предложил ему эль с широкой усмешкой облегчения.

Шив присоединился к нам в нашем укрытом от ветра уголке и потер толсто забинтованную руку.

— Один из этих ученых занимается целительской магией, которую практикуют в Солуре. Кажется, она тоже эфирная. Но что бы это ни было, оно снова склеило меня, поэтому я не спорю.

Я изучающе смотрела на его лицо. Оно было уже не столь бледным, но все еще изможденным и напряженным, и Райшед выглядел не намного лучше. Интересно, что я обнаружу, когда в следующий раз случайно наткнусь на зеркало?

— А мы тут думаем, что делать дальше. У тебя есть идеи?

Шив устало покачал головой.

— Я должен вернуться в Хадрумал. Чтобы соединить в одно целое всю историю нашего маленького приключения, потребуется масса работы. Совету будет что обсуждать, а затем им придется что-то предпринять. Одна фракция будет требовать, чтобы мы сами со всем справились, другая выступит за союз с Тормалином, будут также все оттенки мнений посередине. Одни предпочтут потопить эльетиммские острова, другие захотят подождать, пока эльетиммы сами уйдут отсюда. Планиру предстоит как следует потрудиться, чтобы решение было принято до Весеннего Равноденствия.

Шив тяжело вздохнул.

— Но это его проблема. Я же хочу вернуться домой к Периду и запереть дверь до самого нового года.

Эта перспектива казалась более радужной.

— Мы будем дома на Солнцестояние? Я потеряла счет дням.

Шив улыбнулся.

— Да. Как будем праздновать? Не съездить ли нам в один из игорных домов Релшаза?

Я собиралась засмеяться, но маг по имени Казуел неожиданно возник в люке — ну прямо испуганный кролик.

— Шиввалан, вот ты где! Скорее, нам нужна твоя помощь.

Появились другие маги, и мы встали. Разинув рот, я смотрела, как прямо на нас несется огромная волна. Колдовство соткало вокруг корабля сияющую изумрудную завесу — мы морской птицей въехали на гигантский холм, и мое сердце перестало отчаянно колотиться, грозя выскочить сквозь ребра. Минуту

поглаблядав, все маги вернулись к своим делам, и я поразились прозаичности их отношений.

— Тебе следует быть готовым к приказам Верховного мага, Шиввалан, — произнес Казуел высокомерным тоном, и я пообещала себе зашить рыбу в его матрас, если придется провести с ним какое-то время.

— Ты забываешь, Каз, что я ученик Отрика.

Шив очаровательно улыбнулся Казуелу, от чего тот, казалось, страшно разозлился, но, заметив выходящего на палубу Узару, торопливо ушел, чтобы увиваться вокруг него. Шив покачал головой и щелкнул ему вслед пальцами в чисто каладрийском жесте презрения.

Мы снова сели.

— Вы не ладите, как я погляжу, — обронил Райшед, которого позабыл этот маленький диалог.

— М-да, не ладим. — Шив с горестной улыбкой покачал головой и потянулся за элем. — Он, конечно, не самый приятный тип в мире, но это отчасти и моя вина.

Его слегка пристыженный вид заинтриговал меня.

— Как это?

Шив долго молчал, прежде чем решился ответить.

— Это было пару лет назад, на Солнцестояние. Я выпил лишку, и у меня возникла одна из тех идей, что кажутся такими хорошими, пока не протрезвеешь.

Мы с Райшедом с притворной торжественностью покивали, и Шив засмеялся.

— Понимаете, никто никогда не видел Каза с девушкой. Он всегда был очень замкнутым, и мне пришло в голову, что, возможно, он... э... моего сорта. Я слышал, его семья — настоящие рационалисты по своим убеждениям, а вы знаете, что это такое...

— Если бы природа хотела, чтобы мужчины спали с мужчинами, то зачем вообще женщины и так далее, и тому подобное, — заметил Райшед.

Я вытаращила глаза на Шива.

— Ты стал приставать к нему?

— Нет, я не приставал! — возмутился Шив. — Мы с Перидом не глядели на сторону. Я всего лишь предложил познакомить его с другом Перида, который гостил у нас во время праздника...

— Но этот, как там его, воспринял твоё предложение так, будто ты намеренно покушаешься на его мужественность, — высказал догадку Райшед, широко ухмыляясь.

— И полез на меня с кулаками! — грустно признался Шив. —

Он-то промахнулся, а я — нет, и, одно за другим, все это малость вышло из-под контроля.

Я засмеялась и покачала головой.

— Ты идиот!

— Гляньте! — Райшед указал рукой назад, в направлении далеких островов.

Серое облако пепла поднималось высоко в небеса. Это зрелище жестоко вернуло нас к действительности.

— Я лучше пойду, — пробормотал Шив и удалился.

— Я бы сказала, Планир со своей компанией нашли, чем заняться Ледышку на ближайшее время, — неуверенно пошутила я.

Райшед кивнул, но лицо его оставалось напряженным.

— Это его не остановит. Думаю, мессир Д'Олбриот выставит дозорных, чтобы следить за черными кораблями на ветрах Весеннего Равноденствия.

Я содрогнулась. Райшед открыл мне свои объятия — я прижалась щекой к теплой сухой шерсти его куртки и закрыла глаза, расслабляясь в первый раз после Инглиза. Он крепко обнял меня и с долгим вздохом зарылся лицом в мои волосы. Как-то сами собой мои губы поднялись к его губам, а потом мы просто сидели, черпая друг у друга утешение, пока корабль летел по волнам к дому.

ГЛАВА 11

ПЕСНЯ-СЧИТАЛКА ЛЕСНОГО НАРОДА

Уже из этой песни ясно, что Лесной Народ — древнее племя. С ее помощью детей учат словам, которые некогда употреблялись для счета: мармол, эдрил и так далее, теперь бессмысленные сами по себе, ибо язык изменился за поколения.

*Один — это солнце, парящее в вышине,
Мармол, цикл очага, который мы все разделяем.
Два — это луны в танце могущества,
Эдрил, в воздухе соткана их паутина.
Три племени делят гору, равнину и лес,
Семи, на всем теплый солнечный лик
Четыре — это ветры, приносят они добро или зло,
Дексил, дыхание жизни; покоя или бури.
Пять — это пальцы для арфы и лука,
Врем — это дни праздника менестреля.
Шесть — это реки, что сбивают со следа врага,
Тедрен, когда удары копыт зеленый лес сотрясают.
Семь, Мудрые розу ветров прядут,
Фатен, пустота, место страхов.
Восемь — это сезоны, каждый начинает
Адрен, новое дерево на Древе Лет.
Девять — это Святые, Три Трех,
Парлен, палочки — судьбы глупая насмешка.
Десять — это пальцы без оружия,
Врек, двойное рукопожатие дружбы.*

Многое из первоначального смысла этого древнего стихотворения было утрачено, ибо Лесной Народ имеет только устное предание истории, и оно варьируется от рода к роду, каждый сосредоточивается прежде всего на своих собственных членах. Понятия, некогда хорошо знакомые, становятся неясными от повторения и изменяющихся обстоятельств. Лесной Народ не обеспокоен этим, ибо рассматривает историю как вечно меняющееся, вечно распространяющееся обрамление для жизни, корнящееся в создании и расширении с каждым новым сезоном, — фактически Древо Лет.

Распространение и разделение считаются здоровым и естественным явлением; семейные группы путешествуют по бескрайним пределам Великого Леса, соединяясь в одни сезоны, отделяясь в другие. Узы редко постоянны, и совершенно приемлемо, чтобы члены семьи оставляли свою собственную родню на сезон или больше, путешествуя с другой группой или совсем уходя из Леса. Именно эта традиция делает менестрелей Лесного Народа хорошо знакомым зрелищем на стольких дорогах, сочетая их неисправимую страсть к путешествиям с любовью к музыке этого народа, которая проистекает из их опоры на песню и эпическую поэзию вместо письменной истории.

Благодаря изобилию Великого Леса Народ способен легко удовлетворять все свои нужды, делясь и не конфликтуя между собой. Соответственно это приводит к отсутствию официальных границ и понятий собственности. По тем же причинам Лесной Народ редко искусен в физическом бою, развивая лишь навыки, которые необходимы для охоты в диком лесу, а не для прямой конфронтации из-за земель или ресурсов. Однако неосторожный путешественник, оставляющий большаки через Великий Лес, рискует нечаянно остановить стрелу с наконечником, пропитанным смертельным ядом, если забредет на место охоты.

Лесной Народ — в значительной степени терпимый народ, живущий близко к природе. Гармония — между племенами, между личностями и, конечно, в музыке — ценится очень высоко. Когда им нужно решить любой спор о господстве или авторитете между собой, это обычно делается в поэтическом или песенном состязании. Считается, что унизить противника — значит причинить ему гораздо больший вред, нежели действительно убить его. Однако перед лицом крайней опасности Лесной Народ проявляет стойкую решительность, на которую способны не многие народы, древние или современные.

Прогулка была недолгой и пошла мне на пользу после шести дней, проведенных в каретах. Трактирщик в «Зеленой Лягушке» без труда вспомнил Хэлис и ее сломанную ногу и рассказал, как пройти к маленькому коттеджу, который она снимала с начала сезона. Поблагодарив его, я отправилась упругим шагом по дороге мимо широких неогороженных полей. Погода стояла сухая и ясная, под ногами лежал снег, а когда опустится ночь, иней будет твердым как железо. Но пока что ветра не было, и послеполуденное солнце ласково согрело лицо.

Каждая лига пути отдаляла меня от пережитых испытаний, но меня все еще мучили странные приступы вины, и я спрашивала себя, как там идут дела. Надеюсь, Райшед был сочувственно принят его патроном. Я не хотела думать о том приеме, который ждет его в семье Айта. Может, надо было предложить поехать с ним? Только это значило бы переживать весь испытанный ужас снова и снова; это и в первый раз было слишком плохо и не улучшится от пересказывания. Нет, Айтен перешел в мир Иной, и ничто его не вернет. Его семья может горевать о нем и без моей помощи. Люди живут, люди умирают; Мизаен создает их, Полдрион перевозит, такова жизнь.

Как поживает Райшед? Ловит ли он себя на мысли обо мне? Согревают ли внезапные приливы вожделения его кровь так же, как мою? Что-то превратило тот теплый поцелуй дружбы в опаляющую вспышку страсти, которая оставила нас обоих трепещущими, как охваченных желанием девственниц. Уединение — вещь весьма дефицитная на океанском корабле, битком набитом любопытными магами, но мы ухитрились найти уединение, чтобы удовлетворить эту неожиданную страсть, обуявшую нас.

Однако, как ни хорошо нам было вместе, даже в тех неподручных условиях я стояла на корме и наблюдала за высадкой Райшеда в Зьютесселе. Совершила я ужасную ошибку или избавила нас обоих от чего-то, о чем мы бы потом жалели, как мои родители? Это был еще один вопрос, на котором я не хотела долго задерживаться. Я поскользнулась на замерзшей луже, сохранившейся в тени во время короткого полдневного тепла, и печально улыбнулась. Ни один мужчина не действовал на меня так ни разу за последние десять лет.

Но как все-таки трудно оказалось отряхнуть прах этого неожиданного приключения. Оставалось множество вопросов об эльетиммах, о той погибшей колбнии, тех снах и прочих частях головоломки Планира. Меня снедало любопытство, но, как говорила моя мать, «Была любопытна Амит — теперь на ве-

ревке висит». Забудь это, твердо велела я себе; тормалинские принцы и все маги Хадрумала разберутся в этом сами, без твоей помощи. Это не твоя борьба, она едва не убила тебя. Да, было бы приятно немного отплатить за Джериса, но месть — для дураков; из-за нее-то все и началось, и посмотри, куда она привела тебя! Уходи от этого, Ливак, сурово приказала я себе; уходи и не оглядывайся.

Я свернула на грязный затененный проселок, колеи были в инее и твердые как камень. Наконец показалась группа уютных коттеджей с крышами из пшеничной соломы, и я поискала зеленую дверь. Если Хэлис сама о себе заботится, то ее нога не так уж плоха, верно? Я начала повторять все доводы, которые приготовила заранее, чтобы объяснить, почему я сошла со своего пути. Одна беда — все они звучали как-то неубедительно, кроме приглушенного звяканья монет в тяжелом мешочке, выпирающем из-под куртки. Я нежно похлопала его, как иные беременные похлопывают свой живот. А еще в моей котомке лежала запечатанная сургучом бутылка идеального вина; это должно помочь, что бы Хэлис обо мне ни думала.

Постучав, я открыла дверь. Бодрые слова приветствия умерли у меня на губах, когда я увидела Хэлис в кресле с двумя невысокими белокуроыми мужчинами, стоявшими перед ней.

— И тогда я говорю: «Слушай, как много вреда, по-твоему, я могла причинить?»

Хэлис разразилась своим неповторимым лающим смехом — светловолосая пара повернулась взглянуть, кто вошел.

— Ливак!

Соргград и Соргрэн бросились обнимать меня, но я попятилась, дрожа, борясь со страхами, нахлынувшими из воспоминаний. Братья остановились, встревоженные.

— Ты здорова? — Знакомый голос Сорграда рассеял ужасные иллюзии, и я улыбнулась.

— Конечно, простите, видно, подхватила сквозняк от плаща Полдриона.

— Иди согрейся.

Хэлис не встала, и я увидела костыль, прислоненный к ее креслу. Ее нога была укрыта одеялом, и мне хотелось знать, как она заживает. Ну, Хэлис расскажет мне, насколько она плоха, когда сама захочет, но она явно пополнила за время ожидания, когда перелом залечится.

Я подошла к очагу и потеряла руки над раскаленными углями, вдыхая привычные запахи пекущегося хлеба, мяса, жарящегося на вертеле, дома и безопасности.

— Так где ты была? — Соргрэн снял с решетки кувшин и налил мне вина.

— Знаете ту единственную игру, о которой вы вечно треплетесь, когда напьётесь, игру, которая обеспечит вас на всю жизнь? — Я ухмыльнулась, смакуя пряное тепло.

— Ты нашла ее? — Темные глаза Хэлис отражали свет очага, веселье соперничало с надеждой на ее обветренном лице.

— Нет. — Я покачала головой и полезла под куртку. — Я думала, что нашла, но не тут-то было. Однако она весьма хорошо окупилась при всем при том.

Я бросила на стол замшевый мешок, и он упал с глухим звоном, который прямо кричал о благородных деньгах. Соргрэн приподнял его, и удивление отразилось на его лице.

— Сколько тут?

— Достаточно, чтобы надолго запомнить это Солнцестояние! Как вы смотрите на то, чтобы нанять резвую упряжку и махнуть в Кол? — Я осушила чашку и потянулась за кувшином, чтобы налить еще вина. — Мы могли бы поспеть на конец Солнцестояния.

— Отличный план. — Сорград улыбнулся мне. — Так что ты все-таки делала? Хэлис получила послание от какого-то чародея с известием, что ты уехала работать на Верховного мага.

— Это долгая история, я не хочу рассказывать ее сейчас, — твердо заявила я. — Возможно, позднее, не знаю. Одно скажу, это не было похоже на какую-то слабоумную менестрельскую балладу. Это было смертельно опасно, и я чудом вернулась.

— Однако же вернулась, и тебе хорошо заплатили, — весело сказал Соргрэн, развязывая мешок, и принялся складывать монеты из белого золота в блестящие столбики. Он всегда предпочитал жить сегодняшним днем.

— Деньги только тогда чего-то стоят, если ты жив, чтобы потратить их, Грен, — заметила я. — Это моя доля и доля мертвого человека. Его игра принесла ему лишь переезд с Полдрионом.

Меня пробирала дрожь, и я превратила ее в театральное действие. — Я скорее займусь честным делом, чем снова буду работать на Верховного мага!

Хэлис пристально посмотрела на меня. Может, она и выглядит как старшая сестра деревенского дурачка, но она вовсе не дура.

— Тогда поехали в Кол, потратим его золото и забудем его, — ободряюще промолвила она. — У парней есть несколько интересных идей для обращения небольшого количества монет в Лескаре.

— Ладно. — Я повернула вертел, и капли жира затрещали в пламени. — Вот съедим этого поросенка и составим план. Я за то, чтобы он включал теплые пивные, знакомый комплект костей в моей руке и несколько хорошо контролируемых игр в руны с глупыми фермерами. Только одно маленькое добавление: что бы мы ни делали, это не должно иметь ничего общего с магами!

Клятва воина

Стиву, самому строгому критику и самой верной опоре

•

..

ГЛАВА 1

От Планира, Верховного мага Хадрумала; мессиру Гальелу Д'Олбриоту, сьеру Дома Д'Олбриотов и хранителю Чести Имени, распорядителю Собрания Принцев и патрону Империи, с поздравлениями по случаю Солнцестояния и наисердечнейшими пожеланиями здоровья и процветания в наступающем году.

Дорогой сьер,

Я очень признателен Вам за поиски эльетиммских кораблей, разбитых у ваших берегов в течение предзимнего сезона. Я не забыл, как Ваш человек и мой едва спаслись в недавнем столкновении с тем племенем, и могу всецело уверить Вас, что прекрасно сознаю угрозу Вашим владениям и миру всей Империи. Помимо таких важных, но неизбежно обезличенных проблем, я бы осмелился напомнить Вам и о вопросах личного свойства: подобно тому, как Вы потеряли присягнувшего в Айтене, я потерял ученого в Джерисе, человеке большой эрудиции, который мог бы помочь нам обоим противостоять этой угрозе, хотя, конечно, ничто не перевесит утрату их жизни. Я не забываю такие долги на чаше весов, как, уверен, и Вы.

Ваше письмо позволяет мне думать, что мы оба сознаем общность наших интересов в этом деле. Подобно тому, как Вы стоите перед реальной опасностью высадки вражеских сил, на ваши берега или, того хуже, их скрытного размещения в ненаселенных просторах Далазора или Гидесты, я стою перед угрозой вражеской магии, тайны которой мы в Хадрумале все еще разгадываем. Кстати, позвольте заверить Вас, что никакой позор и никакая вина не могут быть возложены на Вашего человека Айтена за нападение на моего мага Шиввалана. Не будь его разум поработан грязными чарами эльетимма, он бы, несомненно, сражался до конца, защищая свою честь и Ваше Имя.

Благодарю за проявленный Вами интерес к Шиввалану. Он вполне поправился и жаждет внести свою лепту в расстройство эльетимских планов. Вы также упомянули об удовольствии, с каким Вы получили найденный мною меч, скрываемый, как это ни прискорбно, одним престарелым и немного эксцентричным магом. Но Ваши благодарности излишни. Довольно того, что Вы одобрили мое предложение подарить сей клинок Вашему присягнувшему Райшеду Тателю. На меня произвели огромное впечатление его находчивость и отвага перед лицом ужасных испытаний, и я думаю, эта фамильная реликвия вновь сможет послужить делу защиты Империи в руках представителя столь Великого Дома.

Кстати, хочу просить Вас об одолжении. Я продолжаю исследовать тайны этой древней магии. Но, как Вы, вероятно, знаете по судьбе Вашего племянника, это привлекает нежелательное внимание тех эльетиммов, что свободно разгуливают по нашим землям. Хотя мои маги обладают многими способностями, они — не воины. Если б Вы согласились временно отдать в мое распоряжение Вашего человека Райшеда, то я, безусловно, мог бы использовать его неоспоримое дарование, как того заслуживает Ваш Дом. Ибо чем больше мы узнаем об эльетиммах и чем скорее это сделаем, тем лучше для всех нас.

Большак, ведущий к Коутскому мосту, в лескарском герцогстве Марлир, 8-е поствесны, Второй год правления Тадриола Предусмотрительного.

Как бы вы стали извиняться перед убитой горем матерью за то, что не вы убили ее сына? Иные руки обгарились кровью Айтена, но меня все равно жег стыд, что я не смог поднять меч на своего давнего друга, чтобы освободить его, пусть даже такой страшной ценой, от подлого колдовства, захватившего его разум и волю. Я попытался оправдать свое тщедушие, но мои неуклюжие, сбивчивые слова повисли в воздухе. Не был ли вообще тот визит к семье Айтена ужасной ошибкой? Нет. Так велела мне моя честь, поскольку, бреясь у зеркала по утрам, я хотел видеть там человека, верного своей клятве, и не бояться смотреть ему в глаза.

Немного полегчало, когда отец и братья Айтена решили, что утонуть в домашней яблочной водке — лучший способ почтить его память. Каждый рассказывал свою историю про Айтена, и некоторые из них вызывали у меня смех, даже когда я потом вспоминал их будучи трезвым. Угрюмое похмелье на следующее утро, с мутой в голове, подобной зимнему туману, и вкусом портянок во рту, было ничтожной расплатой.

Моя улыбка погасла, как только я мысленным взором увидел Тирсу, сестру Айтена. Девушку с каштановыми во-

лосами, мягкими карими глазами и приятной улыбкой. Сколь угодно таких девчушек можно встретить на рынках по всей Старой Империи. Но я распознал бы ее за сто шагов в самой гуще праздничной толпы; всякий раз при мысли о Тирсе мое сердце разрывалось — так она была похожа на брата.

А разве можно забыть скорбное лицо матери Айтена, когда она прижимала к груди сверток с его пожитками, вдыхая родной запах?

Думая об этом, я невольно отвлекся и не заметил бандитов, притаившихся в живой изгороди. Все утро дождь то лил как из ведра, то утихал, небо было под стать моему настроению, и хотя понемногу прояснялось, капюшона я не снимал. Однако ничто не оправдывает моей оплошности. Я должен был помнить о лескарских дорогах, которые представляют наибольшую опасность в сезоны боевого затишья, — все навыворот в этой объятый мраком стране.

Не успел я прийти в чувство и взяться за поводья, как один из головорезов уже схватил мою лошадь под уздцы. Испуганно заржав, та встала на дыбы, копыта заскользили в размокшей грязи. Я выдернул ноги из стремян и прыгнул, едва устояв на ногах. Лошадь вся дрожала и щелкала зубами; наконец ей удалось вырваться из рук бандитов, и она ускакала, вся в мыле, вверх по дороге, оставив меня лицом к лицу с мерзкой бандой.

— Гони деньгу, приятель, тады, глядишь, пропустим, — заявил главарь, ухмыляясь щербатым ртом.

Я покачал головой. Эти жалкие ошметки чьей-то разгромленной милиции я не считал для себя достойными противниками. Изможденные и тощие, со спутанными волосами, в грязных лохмотьях, они были вынуждены рыться в отбросах подобно оголодавшему лисам после долгой зимы. И все же отчаянные люди опасны, напомнил я себе.

Я отступил на несколько шагов по изрезанной колеями дороге, вынуждая бандитов идти за мной. Надо было убедиться, что их только четверо. Пустоголовые лескарцы! Они никого не поставили сзади, дабы отрезать мне путь. Если задам стрекача, им меня не догнать! Но я вовсе не горел желанием пробираться по неведомым загаженным проселкам в стороне от большака. Моя рука потянулась к мечу, и пергамент в кармане захрустел, напоминая мне о моем долге и наказах патрона.

К тому же я не видел нужды в бегстве. Зубы Даста, почему я должен бежать? Кроме того, мне хотелось вернуть мою лошадь, породистое животное из конюшни мессира. Я проезжал на ней не больше восьми лиг в день — берег ее силы.

— Прости, друг, ты не сказал, кто дал тебе полномочия собирать деньги, — мирно возразил я.

— Вот все мои полномочия! Чаво еще надо?

Потрясая зазубренным мечом, главарь вызывающе выпятил грудь. Видно, хотел поразить меня своим ржавым нагрудником, под которым болталась такая же ржавая кольчуга.

Его банда заухмылялась. До чего же они смелые в остатках плохо подогнанной брони! Глупцы. Под буйволиной кожей моего толстого пальто слой металлических пластин скрывал те уязвимые места, которые я примечал у своих противников, пока они скалили зубы. Я не ношу кольчугу — она привлекает внимание, а чтобы быть полезным моему принцу, не следует бросаться в глаза. Я положил руку на меч. Он мерцал серебром на оголовке, и полированные ножны блестели в жидком солнечном свете, пробившемся сквозь облачную пелену, едва прекратился дождь.

— И какова твоя цена? — с невозмутимым видом осведомился я, мысленно просчитывая следующие шаги.

Я потратил долгие сезоны, чтобы вдолбить милиции, набранной для Дома Д'Олбриотов: нет проку и достоинства в бое, если его можно избежать, — но лескары, начиная с их воинственных герцогов, всю жизнь учатся противоположному, к величайшему несчастью их растерзанной, истекающей кровью страны.

Главарь в конце концов уловил незнакомый акцент.

— Дак ты тормаинец? Мудреные слова, изукрашенная лошадь да клинок. А ну-ка поглядим, чо там у тебя в кошеле, энто и будет ценой за дорогу!

Без сомнения, у этого типа ума не больше, чем Дастеннин подарил камбале.

— Я дам цену обеда, — зловеще улыбнулся я. — И благодарите за это Морского Владыку.

Судя по всему, троем голодранцам мысль о еде, за которую можно будет заплатить, а не сражаться, показалась соблазнительной. Но главарь нахмурился, не склонный отступать.

— А мы уделим Талагрину монету-другую в свонной усыпальнице, кода продадим твою лошадь да прочее добро. Спасибо Охотнику, что послал нам такого жирненького голубя.

— Хочешь пощипать мои перья? — Я выхватил меч. Блестящий, он выскользнул из ножен со стальным дребезжанием, и ржавое оружие, направленное мне в лицо, заколебалось. — Зачем? У меня ничего нет, кроме писем от моего патрона.

Я бы нё перекидывался словами со всяким сбродом по пути к родным Айтена, имея при себе достаточно тормаинского золота законной чеканки, дабы скупить половину этого жалкого герцогства. Тогда бы я защищал не только свою честь, но и деньги, равноценные тому значению, какое мессир Д'Олбриот придает теперь клятве Айтена, когда его смерть потребовала своего

выкупа. Я усилием воли снял с себя бремя собственной вины, пока не справлюсь с этими паразитами.

— Дак ты присягнувший? — хохотнул главарь, столь уверенный в себе, что даже опустил немного меч и поскреб свою завшивленную голову. — Лижешь задницу толстомясому прынцу, покуда он торчит мордой в жбане, да подтираешь евовную блевотину?

Его дружки заржали, но давно миновали те дни, когда дешевые оскорбления бесили меня. Настоящий воин знает: слепая ярость губит вернее, чем холодная сталь. Я отступил еще на шаг, вынуждая главаря выйти из-под сомнительной защиты его банды. Милицию мессира — с тех пор как я натаскал ее — так легко ни в жизнь не обмануть.

— Чо скажешь, кучерявый? А ну гони сюда деньги да ту сумку для началу! Эй, чо молчишь, чума тя побери? Аль, поди, в портки наклал?

Мое упорное молчание уже начало нервировать сообщников Сквернослава, как я того и хотел.

— Лады, парни, кончай с ублюдком! — Выставив ржавый клинок, он смело шагнул вперед.

Я свирепо посмотрел на бандита, что стоял ближе всех к Сквернослову, и тот невольно попятился. Глупость собиралась убить их вожака, глупость и мой меч, но если кто-нибудь из них решит бежать, я не стану тратить время на погоню.

Размахивая свободной рукой, Сквернослов ринулся на меня. Я шагнул в сторону, отбив его клинок плоской стороной меча. Главарь снова замахнулся, намереваясь раскроить мне череп, и я тут же всадил отточенную сталь ему под мышку. Сквернослов рухнул, как прорванные винные мехи, на губах запенилась кровь, заглушая крики паники и боли. Остальные выругались на гортанном лещарском, и один бросился ко мне — видно, роднили его с главарем не только вши, но и тупость. Уверенно стоя на ногах, я рубанул мечом на уровне живота. Инстинктивно парируя, разбойник пошатнулся, но быстро вернул равновесие и снова рьяно начал атаковать. Я с легкостью уклонился от удара и нацелился на его колени, но мерзавец вовремя отпрыгнул вбок, и я вдруг оказался один против двоих: его сообщник обнаружил в себе некое подобие мужества.

Будь у них больше выучки, нежели просто знания, с какого конца у меча рукоять, мне пришлось бы несладко, но несколько стремительных ударов повергли первого на колени, и он сжал кровавый обрубок, который был когда-то его правой рукой. Я врезал ему кулаком, и он уполз в кусты, воя сквозь разбитые губы. Тем временем второй бандит, который до сих пор не решался вступить в бой, бросился наутек как ошпаренный пес, сколь-

зя по кромешной грязи. Он так спешил унести свою обезображенную шкуру, что даже не догадался поймать мою лошадь.

Я смотрел на оставшегося парня. Слезы прорезали бледные бороздки на его чумазом лице, из кривого носа текли слюни; он в ужасе пыхтел сквозь сломанные зубы. Жизнь пинала малого в лицо еще до того, как он научился ходить.

Я с трудом обуздал свой гнев. Это был длинный и не очень счастливый для меня сезон, что не могло служить оправданием моей безотчетной ярости, даже если она воспламенилась из-за безвременной гибели Айтена, — я не имел права потворствовать таким чувствам.

Я быстро огляделся. Моя лошадь мирно паслась на клочке молодой травы, и у меня мелькнула мысль просто отпустить мальчишку. Но нет, прокляни его Даст, он ничем не заслужил подобной милости. Я сделал финт и, пока этот щенок впустую махал своим дрожащим оружием, приставил клинок к его горлу. Парень выронил неопрятный меч, и пар заклубился вокруг его ног — со страху малявка намочил штаны.

— П-пощадите, п-пощадите, — взмолился он. — П-пожалуйста, ваша честь, я больше не буду, клянусь любой клятвой, какой хотите, пощадите, сжальтесь, Сэдрин спаси меня...

Я вдавил лезвие в мягкую кожу, чтобы заставить парня умолкнуть. Можно ли ему доверять? Я сомневался. Что этот малый знает о чести в стране, где так называемые дворяне меняют верность с каждым проходящим сезоном, дерясь за преимущество с соперниками-герцогами, которые ухлопали десять поколений на пустую борьбу за ничего не стоящий трон?

— Я клянусь, — проскулил он, отчаянно пытаясь сглотнуть и при этом не перерезать себе горло.

Однако вопрос здесь стоял не о его чести, но о моей честности и самоуважении. Как я могу убить какого-то глупого мальчишку, который умоляет о пощаде, лихорадочно предлагая мне свою ничтожную клятву?

— Ложись! — рявкнул я, и парень тут же плюхнулся в грязь.

Тяжело придавив сапогом его шею, я зашвырнул его меч в самую гущу колючек. Затем приложил свой клинок к его лицу. Красный, покрытый коркой глаз, мигая, косился на окровавленное острие, когда я медленно провел по щеке мальчишки холодной сталью.

— Лежи и не шевелись, пока не услышишь стук копыт моей лошади. Если снова увижу тебя по эту сторону Иного мира, выпотрошу как селедку, понял?

Он лихорадочно закивал, зыркая на своего бывшего главаря, лежащего смятой грудой, — жизнь вытекала из него в

залепахуюсь грязь. Я попытлся, готовый прикончить щенка, если он хоть пальцем шевельнет. Но ему все-таки хватило ума лежать неподвижнее, чем все еще подергивающийся труп рядом с ним.

Убедившись, что за неухоженной живой изгородью больше не таится никаких сюрпризов, я медленно направился к лошади, дабы не спугнуть ее запахом крови. Но она пошла ко мне довольно охотно: за полсезона в пути успела понять, что я означаю корм и воду. У меня словно гора с плеч свалилась: возможности добыть в Лескаре новую лошадь так же малы, как шансы того мальчишки умереть в своей постели.

У изгиба дороги, прежде чем заросли скрыли меня из виду, я оглянулся. Парень обчищал труп своего вожака. Равнодушно отвернувшись, я поехал дальше. Если щенок и догонит меня, убить его не будет ни великим трудом, ни бесчестьем, так как он потерял бы всякое право на пощаду вместе со своей клятвой. Лошадь остановилась и, задрав хвост, вывалила на дорогу парящую кучу — будто поставила совершенно уместную точку.

Огонь в крови, порожденный боем, даже таким пустяковым, согрел меня на какое-то время, да и погода к середине весны заметно смягчилась. Но злость на себя, что я так попался, опалила меня не хуже огня. Полуденное солнце засияло высоко в небе, вытягивая из промокшей земли струи пара. Весенний воздух был полон зеленых обещаний новой жизни, но меня охватила внезапная грусть. Я сдержал лошадь, чтобы глотнуть воды и смыть ком в горле.

Когда же я смогу думать об Айтене без этой удушающей боли? Одиночество — вот в чем причина, вдруг осенило меня. После десяти лет, проведенных бок о бок, мне просто не хватало Айтена, его неисчерпаемого запаса сомнительных шуток, его надежного клинка. Мы защищали друг друга в любой драке, если не могли избежать ее разговорами. А теперь, без Айтена, я потерял уверенность. Один из краугольных камней моей жизни исчез, оставив скрытую яму, грозящую затянуть меня в свое жерло.

Я развязал ворот пальто, на весеннем солнце в нем становилось жарко. Пальцы запутались в ремешке медальона; его я ношу как вещественное напоминание о клятвах, которые я принес моему принцу, а он, в свою очередь, — мне. Со мной был и медальон Айтена, бронзовый диск, зашитый внутри моей перевязи и ждущий, чтобы я взыскал двойной счет кровью с мерзавца, виновного в его смерти. Я только не решил, что будет лучше, запихнуть его в глотку этому колдуну или забить ему в задницу? Но как бы то ни было, сначала я заточу края. По правилу требовать или прощать тот долг обязан наш господин, но я дал личный обет мести и, чтобы подтвердить его, глубоко вбил гвоздь в дверь

усыпальницы Дастеннина. Мы не приносим друг другу официальных клятв, как нашему патрону, но верность между присягнувшими не менее сильна.

Нет, велел я себе, пора двигаться дальше. После того как в юности я едва не потерялся в безграничной скорби по сестре, умершей от лихорадки, я обрел смысл жизни, поступив на службу к мессире, не так ли? Мой меч — его меч, и мой долг — исполнять его приказы.

Дорога привела на взгорок, и внизу показалась одна из тех крысиных лачуг, что в Лескаре сходят за трактир. Я все еще держал в руке липкий от крови меч, поэтому отпустил поводья у колоды с водой и разложил на расшатанной скамье масло и тряпки, чтобы очистить подарок моего патрона. Мессир преподнес его мне на Солнцестояние в знак приятия и в утешение за тяжкие испытания, что выпали на мою долю в минувшем году на службе Дому Д'Олбриотов.

А вот вам еще одна иллюстрация того, что представляет собою Лескар. Отнюдь не вид человека, чистящего окровавленное оружие, испугал розоволицую служанку, которая выносила ведро с помоями, но мой акцент: я учился лескарскому, выполняя поручения мессира на границе. Я не мог понять ее беспокойства, ибо девица знала всего с десяток тормалинских слов, хотя вряд ли сумела бы их сосчитать. В конце концов я заключил, что свежего жаркого здесь нет, поэтому взял хлеб из грубой муки, смешанной с песком, и кислый сыр, но отказался от сероватого тушеного мяса, застывшего в горшке со вчерашнего вечера. Явно превысив счет золотыми тормалинскими пенни, я заслужил испуганную улыбку, когда отказался от сдачи в виде половинок и четвертушек монет, настойчиво предлагаемых девицей. Мне совершенно ни к чему лескарские деньги, будь они даже целые.

Приступая к еде, я вытащил письмо, доставленное Императорской Курьерской почтой, чтобы избавить меня от страданий безутешной семьи Айтена. Оно заставило меня скакать по пустынным дорогам Лескара в течение всего праздника Равноденствия, однако это было лучше, чем принимать вместе с братьями чопорных дочерей матушкиных подруг по кружку шитья. Я взял письмо, и описание на внешней стороне вновь привлекло взгляд, в который раз вызвав у меня улыбку.

Райшед Татель. Размах рук и четыре пальца ростом,¹ сложения худощавого, но мускулистый: Волосы черные, курчавые, глаза карие, смуглый, гладко выбрит. Говорит мягко, но манера решительная.

Мой отец выразился бы иначе. «Упрямый как мул, если упрется копытами в землю — с места не сдвинешь» — вот что он сказал обо мне офицеру мессира. Последнее предложение было написано другой рукой. Итак, Камарл стремительно поднимается в советники мессира, раз ему позволили добавлять свои примечания к письмам сьера. Дай-то Сэдрин, чтобы прошло много лет, прежде чем мужчины семьи должны будут избрать нового главу Дома Д'Олбриотов, но, похоже, я мог бы выиграть кругленькую сумму, поставив на Камарла. Возможно, так мне и следует поступить, причем в самое ближайшее время, пока шансы стать преемником у младшего сына сестры еще не велики.

Райшеду Тателю, присягнувшему, от мессира Д'Олбриота. Писано в его тормейльской резиденции 26-го дня предвесны.

Я шлю тебе мои приветствия и пожелания, чтобы эта поездка принесла утешение и тебе, и семье, пережившей такую утрату. Пользуясь случаем, хочу повторить, что вместе с ними скорблю о гибели Айтена, и снова напомнить о том уважении, которое я питал к нему. Прошу тебя еще раз передать мои соболезнования его родителям.

Когда этот визит закончится, твое присутствие в Тормейле больше не потребуется. Я получил письмо от Верховного мага Хадрумала Планира Черного с просьбой, чтобы ты поехал в Каладрию и присоединился к некоему Шиввалану Ралсиру, магу. Ты найдешь его с отшельником по имени Вилтред Серн, который живет в лесах севернее Коута, усадьбы лорда Эдрина, на большаке к Абрею.

Сей маг просит твоего содействия в продолжении охоты, в которой вы вместе участвовали в конце предзимы. Когда же маг Ралсир больше не будет нуждаться в тебе, не мешкая возвращайся в Тормейл. А до тех пор держи меня в курсе своих передвижений либо письмами через Императорскую Курьерскую почту, либо другими средствами, которые сочтешь надежными.

Уверен, ты исполнишь сие поручение с обычным своим тщанием.

Ровные строчки были написаны умелой рукой личного писаря мессира. Я живо представил себе, как сьер сидит над кипой документов, расправляясь с каждым краткими приказами. Настроение мое поднялось; я достаточно долго работаю на мессира, чтобы читать между строк. Я должен стать его глазами и ушами, его связью с планами Верховного мага по одолению Ледяных Людей. Это сулило лучшие перспективы отпущения за Айтена, чем

проверка ложных слухов о чужеземцах в глуши океанского побережья, на которую я потратил вторую половину зимы.

До прошлогодней встречи с Шивом я не имел с магами никаких дел; мы в Тормалине предпочитаем держать их на расстоянии. Любопытно, что затевает нынче Шив? Мы с ним обязаны друг другу жизнью после того кошмарного плавания на Ледяные острова. Однако, напомнил я себе, его верность Планиру означает, что цели у нас могут оказаться разными.

Поев, я направился к реке. Надежда на полуденное солнце не оправдалась — снова заморосил дождь. Остатки разграбленной деревни смердели горелым деревом, гниющим после долгой зимы и роняющим черные слезы на выжженную землю. Вот вам и герцогство Марлир, где жизнь считается намного безопаснее, чем в большинстве других мест. Меня вдруг охватила ужасная тоска по чистому запаху соли в океанских бризах там, дома.

Я окинул взглядом долину, рощицы из орешника и ясеня, деревню с крытыми дерном лачугами, раскинувшуюся среди полосатого одеяла неогороженных полей, неровный общинный выгон и голую скалу за ним, на которой местный барон воздвиг свой замок из красноватого камня. Тормалинские деревни теснятся вокруг господских имений, под защитой своего патрона. Так повелось со времен Хаоса, когда оставшиеся без господина и земли бродяги рыскали по развалинам Старой Империи. Лескарские крестьяне возделывают по мере возможности свою землю и надеются, что сражения минуют их. Я заметил новую зубчатую стену, возводимую вокруг замка, — солома и глина, защищавшие от морозов недостроенные укрепления, уже были сняты. Мессиру эти сведения могли бы пригодиться. Что за угрозу увидел Марлир, когда Равноденствие открыло сезон боев? Я знал, что герцог Триолльский со всех сторон укрепил свое родовое гнездо после тяжелых потерь в прошлогодних боях с Парнилессом. Уж не нацелился ли он теперь на эти земли?

Уже вечерело, когда я подъехал к реке. У моста томилась утрюмая очередь крестьян: спасенные пожитки в узлах и на ручных тележках, маленькие дети, коим неведомы улыбки, и дети постарше, озирающие все широко открытыми глазами. То и дело поглядывали они на родителей, ища одобрения, но редко его получали. Я вздохнул. Сколько раз проезжал я мимо таких вот жалких групп по всему Лескару, устало бредущих, с понуренными головами. Завидев чужаков, местные прекращали работу, хватаясь за мотыги и палки от сохи, дабы прогнать любого, кто вздумает остановиться.

Мой собственный кошелек изрядно полегчал за время пути.

376 Простые деньги ушли к тем, кто их брал, или же были по-

трачены на хлеб. Я покупал столько, сколько мог увезти с собой, чтобы предлагать тем, кто все еще цеплялся за последние крохи своего достоинства.

Я поехал к голове очереди, не собираясь ввязываться в перебранки, вспыхивающие тут и там среди ждущей толпы.

— Осади.

Закованный в броню солдат опустил пику, преграждая мне дорогу, и весь отряд перестал лениво бродить вдоль парапетов.

— Добрый тебе день, — кивнул я, спешиваясь. — Надо платить, чтобы перейти мост?

Стражник окинул меня подозрительным взглядом.

— Смотря кто ты такой.

Ну разумеется. Одно дело — отчаявшийся крестьянин, готовый расстаться с частью своих жалких сбережений, и совсем другое — беглый наемник, который может стоять порки за нерадивую охрану моста, если проскользнет мимо стражи и будет пойман на грабеже или чем-нибудь похуже. Каладрийские лорды отлично понимают, что кровавый хаос Лескара давно перелился бы на их земли, если бы не глубина да коварные водовороты Рела, и потому очень серьезно относятся к охране немногочисленных мостов.

— Я — присягнувший тормалинского принца, — показал я свой амулет.

Стражник разинул рот.

— А что за дело у тебя в Каладрии?

— Дело моего патрона, — вежливо, но твердо отрезал я.

Не зная, что сказать, стражник замолчал, но пику не опустил.

— Вот. — Я протянул ладонь, и он сжал грязные пальцы на паре надежных тормалинских марок, а не хрупких свинцовых монет Лескара. — Почему бы тебе не пропустить бесплатно какую-нибудь одинокую женщину с детьми, а?

Его рот-растрескался в усмешке.

— Пожалуй, и пропущу.

Он поставил пику на торец, и копыта моей лошади застучали по доскам широкого моста. Старые тормалинские опоры по-прежнему стойко бросали вызов мутному течению могучего Рела, а обновляемый время от времени деревянный настил был темным от свежего слоя смолы. Отряд с пиками выстроился по сторонам, готовый отразить любую угрозу. Я остановился возле парня, с виду не доросшего даже до бритвы, не говоря уже о мече для защиты владений его господина.

Я заметил цвета и герб на великоватом ему мундире.

— Ты служишь у лорда Эдрина?

Малый опасливо кивнул.

— Ага.

— Мне нужна местность под названием Коут. По какой дороге ехать?

Он нахмурился.

— А в который Коут, сударь?

Теперь я был озадачен.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, если в Верхний Коут, Коут-на-Ключах, Коут-в-Глине и Малый Коут, то езжайте вверх по течению, в Лесной Коут и Коут-под-Холмом — вниз по течению, а в Нижний Коут и Красный Коут — то уж по западному большаку.

Это Каладрия. Парень не водил меня за нос, он искренне старался помочь.

— Где главная резиденция лорда Эдрина?

— Он гостит в Дари, у родни его жены. Он там с Равноденствия.

— А где он живет, когда нигде не гостит?

— Везде.

Без сомнения, этот малый учился языку у кого-то из местных ученых, ибо его старательный тормалинский имел странный акцент, и я не был уверен, что мы понимаем друг друга. Мне лучше всего знаком побережный диалект каладрийского; чем дальше в глубь страны, тем больше может возникнуть путаницы.

— Спасибо.

Я запоздало вспомнил, почему у нас в Тормалине каладрийцы слывут воплощением безмозглости. Этот малый звезд с неба точно не хватал.

Съехав с моста, я пришпорил лошадь, чтобы скорей убраться от толкущихся там крестьян. Вокруг дорожной развилки теснились деревянные оштукатуренные дома, крытые дранкой, — подобная деревушка могла бы стоять где угодно от океанского побережья до Западного Энсеймина, самой дальней провинции, которую Империя так и не смогла прибрать к рукам и выпустила первой. Я напрасно искал придорожные камни, что указали бы мне путь, и в конце концов вытащил из кармана свою счастливую палочку-руну. Я покатал ее в ладонях — сверху вышел Барабан, и я отправился на север.

**Дом Вилтреда Серна, к западу от Коута-в-Глине,
Каладрия, 9-е поствесны**

Крепкая бревенчатая избушка ютилась под невысокой скалой на ровной лесной поляне, а перед ней группа мужчин окружила своего пленника — иссохшего старика, убеленного сединами. Он лежал, привязанный спиной к свежесрубленному

бревну, щепки и сучки впивались в тело не по чьему-то злому умыслу, а по обычной небрежности. Туго связанные запястья почернели от засохшей крови, вытекшей из ран, когда старик корчась вырывался из пут. Со скучающим видом наблюдали за ним его мучители, одетые в черную кожу и металл, — все одинаково белокурые и коренастые. Их главарь стоял у головы несчастной жертвы, спокойный, как железо, подогреваемое на костерке. Дым уходил, свиваясь, в чистое голубое небо, на деревьях зеленели первые листочки новой весны. Из перебитых рук медленно капала кровь, зазубренные кости торчали из сломанных пальцев, ногти были сорваны с рассчитанной жестокостью. Мучительный спазм вдруг сотряс пленника, мертвенно-белая грудь задергалась, как недобитая птица, и так же резко успокоилась, а из выжженных глазниц текли кровавые слезы.

— Жуткая перспектива, согласен с тобой, Вилтред.

Говорящий с трудом глотнул, не сводя глаз с этой страшной картины. Она парила внутри блестящего алмаза, который висел на конце выкованного из меди полумесяца. Сам полумесяц стоял на столе, у нижнего конца горела свеча, освещаая алмаз пляшущим языком пламени.

— Когда ты впервые увидел эту судьбу в своих предсказаниях?

Прокашлявшись, человек оглянулся на обыденный беспорядок избушки, словно желая убедить себя, что явленное видение муки и злобы — не более чем мерзкая иллюзия.

— Четыре дня назад, — проворчал старый маг, утрюмо взирая на образ своей мучительной смерти в двух шагах от собственного порога. — Так что ты думаешь об этом, Шиввалан? Как это связано с твоим внезапным появлением? Дольше целого поколения могущественные маги Хадрумала гнушались мною, считая то ли лжецом, то ли дураком. Когда я был учеником Азазира и мы совершили известное всем путешествие, никто не поверил, что мы нашли острова в далеком океане. — Он показал узловой рукой на драгоценный камень. — Острова, где жило племя светловолосых людей, столь же похожих на этих, как гончие из одной своры. И вот приезжаешь ты, дабы сообщить мне, что мудрые и благородные маги Хадрумала сами обнаружили эти острова и наконец-то соизволили мне поверить. Это просто совпадение, что я вижу сейчас тех шапок, охотящихся за мной? В какую беду ввергнет нас всех теперь Верховный маг? — Старик вжался в потертые, выцветшие подушки, устилающие его тяжелое дубовое кресло.

Шив поскреб рукой желтоватый подбородок, темные глаза его смотрели задумчиво.

— Надо немедленно сообщить Планиру. Поверь, Вилтред, я говорил правду. Верховный маг послал меня узнать,

что ты помнишь о вашем с Азазиром плавании к Ледяным островам. Прости, мне следовало объяснить. Дело в том, что эти островитяне, эльетиммы, как они называют себя, владеют колдовством, о котором нам в Хадрумале ничего не известно. Worse того, они сыграли некую роль в падении Тормалинской Империи, скорее всего средствами магии, но ты же знаешь, сколько вещественных доказательств погибло в Хаосе. Планир надеется восстановить что-то из того знания. Клянусь, мы понятия не имели, что те люди тоже тебя ищут, но, очевидно, это так.

Помолчав, молодой маг торопливо продолжал:

— Но, располагая этим предостережением, мы можем постараться его предотвратить. Как часто предсказания сбываются во всех деталях? Не чаще одного раза в горсти, может, реже.

— Я бы предпочел больше шансов дотянуть до Солнцестояния, нежели четыре из пяти. — Вилтред судорожно вздохнул, и видение в кристалле, задрожав, растворилось.

С видимым усилием взяв себя в руки, старый маг снова наклонился вперед и, облокотясь на стол, медленно повернул алмаз мерцающими пальцами лазурного света, который выдавал его связь с окружающим воздухом. Ответное янтарное свечение, разгоравшееся в сердце драгоценного камня, говорило о магии, рожденной из земли, и когда мерцающая дымка растаяла, на блестящей поверхности возникли новые образы.

Изображение стало четче: группа людей, собравшихся в просторной комнате. В рамке открытого окна мягко покачивались от невидимых волн мачты с прямоугольными парусами на толстых реях.

— Вон и ты, Вилтред, живой и здоровый, — с облегчением вздохнул Шив.

— Да, только вконец уставший и до бровей облепленный дорожной грязью. Хотя это, конечно, лучше, чем жариться на вертеле вместо праздничного борова, — пробормотал Вилтред.

— Такие галереи ходят в Каладрийском Заливе, — задумчиво произнес молодой маг.

— Лично я хочу знать, кто все эти люди? — буркнул старик.

Шив сосредоточенно изучал крошечные фигурки в колдовском видении.

— Женщину с рыжими волосами зовут Ливак. Она нутешествует по Энсеймину; дама обладает многими талантами, но по большей части игрок.

Вилтред фыркнул.

— Звучит подозрительно.

Шив спрятал улыбку.

— Высокий мужчина сзади — присягнувший мессира Д'Олбриота, Райшед, который должен быть здесь со дня на день. Я говорил тебе о нем, помнишь?

— Я не настолько выжил из ума, чтобы к вечеру забывать то, что мне говорили с утра, — едко изрек старый маг. — А кто эта дурнушка с плечами, как у фермера?

— Хэлис, — медленно произнес Шив. — Подруга Ливак. Последние несколько сезонов она лежала со сломанной ногой.

— И по какой же такой причине я могу очутиться в Релшазе со столь разношерстной компанией? — недовольно проворчал Вилтред. — И прежде чем ты спросишь, скажу: я узнал светящийся маяк. В молодости я неплохо знал этот город.

— У того, другого мужчины лицо обветрено как парусина, и, судя по шрамам от канатов на руке, он наверняка моряк, — анализировал Шив. — А те пергаменты, что Ливак придавливает пивными кружками, вероятно, карты, как ты считаешь? Мы куда в общем-то плывем? Бесспорно, Релшаз — самый крупный порт на западной стороне Залива, но это еще ни о чем не говорит. А может, мы кого-то встречаем?

Вилтред молча пожал плечами, его морщинистое лицо под ключеватыми седыми бровями оставалось мрачным. Погруженный в раздумья, Шив неподвижно сидел за темным дубовым столом, потом вдруг хлопнул ладонями по испарапанному дереву.

— Нет смысла строить догадки. Однако противоречивые видения как правило означают, что достижение одного исхода предотвращает другой, верно? А потому положим хорошее начало, собирая вместе всех, кого видим, и Райшед уже в пути.

— Попридержи свой энтузиазм, Шиввалан, толкуя мне о вещах, известных любому ученику. Я проходил все это, когда тебя еще на свете не было. Но все же как ты рассчитываешь за это приняться? — Слабая надежда боролась с недоверием в поблекших глазах старика.

— Собираюсь по крайней мере найти Хэлис, а она должна знать местонахождение Ливак.

Шив повернулся к старомодному буфету у себя за спиной, достал оттуда кувшин и вытащил из кармана бриджей серебряный пузырек. Вилтред молча смотрел, как молодой маг капает в воду черные капли чернил. Зеленоватое свечение поднялось из кувшина и, перелившись через край, тонкими струйками потекло по бокам, впитываясь в испачканную столешницу.

— Один мой друг помогал лечить ее ногу, — все более воодушевляясь, пояснил Шив. — Он нашел у себя ее сапожную пряжку и передал мне: мол, как знать, может, тебе приспичит когда-нибудь кого-то найти.

Закусив нижнюю губу, он бросил пряжку в воду и сосредоточенно склонился над кувшином.

— Только бы у тебя получилось, — пробормотал Вилтред.

Внезапно рев ветра и хлещущей воды наполнил комнату. Шив резко выпрямился. Взгляды магов встретились, и в глазах старика он увидел отражение собственного ужаса.

— Ты установил предупреждающие заклęcia по пути сюда? — дрожащим голосом пролепетал Вилтред. — Может, это едет тот воин?

— Нет, боюсь, мои заклęcia сотканы только на эльетиммов, — прохрипел Шив. — После тех проклятых островов у меня нет желания снова угодить в лапы мерзавцев. Одного из нас постигла участь, от которой мы должны спасти тебя.

— Тогда нужно перенестись в деревню, там безопаснее, — наконец собрался с мыслями Вилтред. — Ты достаточно овладел воздухом, чтобы совершить это?

Шив досадливо нахмурился.

— Мы не успеем собрать все твои ценности, и если просто перенесемся отсюда, то не узнаем, что делают эльетиммы и куда идут. — Он быстро пересек пыльную комнату и, приоткрыв лакированные ставни, посмотрел наружу. — Но если останемся здесь, то окажемся в ловушке, как крысы в бочке. Нет, мы спрячемся в лесу, откуда сможем все наблюдать, — решительно заявил он. — Большой луны нет, Малая на ущербе. Это самая темная ночь сезона, что на руку не только им, но и нам.

— Увижу, что они подходят, унесусь прямо в Хадрумал, если смогу, — хмуро предупредил Вилтред.

Как только седовласый маг неуклюже выбрался из кресла, Шив отодвинул засовы, подхватил невысокого старика под руку и, распахнув дверь, тотчас потащил его под деревья, в спасительный мрак, сгущающийся по мере того, как солнце на западе медленно садилось в тучу.

— Погоди, — сказал запыхавшийся Вилтред.

Шив наклонился к нему.

— В чем дело?

— У меня тут расставлены свои заклęcia. Против диких зверей, но можно переделать их и против двуногих.

Он потер распухшие костяшки, и слабое голубое свечение собралось в шар между его ладонями. Резким жестом Вилтред отпустил его, и шар, словно болотный огонек, поплыл вдоль опушки, тут и там спускаясь на траву, чтобы оставить на ней маленький, мгновенно исчезающий отпечаток.

— Мы должны спрятаться, — настойчиво прошептал Шив. — Я смогу обмануть их колдовство, если мы не будем шевелиться.

Вилтред кивнул, и оба мага устремились дальше в лес. Едва видимое разноцветное мерцание окружило их и исчезло, превратив обоих в неразличимые темные контуры, слившиеся с сумерками.

Последний луч солнца золотыми бликами рассыпался по водопаду, который низвергался с утеса в ручей, но все остальное окрест было окутано в мириады оттенков серого. Вдруг по поляне к избушке, низко пригибаясь, побежал человек, весь черный, как тени под пологом леса. Крик разорвал ночное безмолвие — из-под ног человека вырвалась молния и отбросила его назад. Встревоженный, пришелец уполз под защиту деревьев, а дым поплыл прочь на холодном дыхании ночи.

Долгую минуту стояла тишина. Потом еще две фигуры медленно зашагали по траве, исчезая в тени избушки. Неожиданно оконная рама озарилась голубой вспышкой, и тут же раздались испуганные проклятия и торопливое шиканье. Потом все стихло, и наконец из укрытия деревьев решительно вышла личность в капюшоне и встала посреди лужайки. За ней почтительно трусила горсть солдат.

Крепкая дверь избушки беззвучно разлетелась на тысячи щепок. Люди в черном ринулись внутрь, только слабые отблески звезд вспыхивали на мечах и одной светлой, непокрытой голове. Из-за разрушенной двери просочились слабые звуки: шарканье подбитых гвоздями сапог по половицам, тяжелый скрежет передвигаемой мебели, грохот разбивавшейся глиняной посуды, глухой стук от злобно швыряемых на пол книг. На пороге показался солдат — ссутуленные плечи и опущенная голова выдавали невезение и страх. Человек в капюшоне нетерпеливо пересек лужайку и ударил его с отворачиванием. За солдатом вышли остальные. Один что-то показал и тем самым остановил карающую руку главаря. Взмахнув плащом, человек в капюшоне повел свой отряд прочь, растворяясь вместе с ним в лесной ночи.

Бледный серпик Малой взошел над утесом. Из двери и окон избушки поползли струйки дыма. Следом за ними, пугающе оранжевые во тьме, жадные языки пламени лизнули бревна. Через невероятно короткое время крыша обвалилась, и ярко-красный огонь затмил своим полыханием мягкий свет звезд Короны Халкарион, равнодушно стоящей в небесной выси. Пушистые кучки пепла закружились по поляне, под выгоревшей травой дымилась голая земля. И вдруг пожар в одночасье угас, остались только обломки почерневшего дерева.

Пестрая кошка выбежала на поляну, но, испугавшись чего-то, вскочила на дерево. Немного переждав, снова на-

правилась к беспорядочной гряде обугленных бревен и, принявшись, осматривательно обошла кругом, время от времени трогая лапой головешки. Вскоре появилась вторая кошка — уши прижаты, хвост подрагивает у полосатого серого бока. Какое-то время животные исследовали края развалины, воздух вокруг них странно мерцал, размер и окраска созданий менялись, пока заклинание не растаяло, открывая магов в их собственном обличье. Ни тот, ни другой не обратили на это внимания и продолжали что-то искать, растаскивая в стороны обломки.

— Дай-ка я.

Шив сдвинул почерневшую балку, под которой обнаружился люк. С трудом сдерживая кашель от заклубившегося вокруг пепла, Вилтрэд изо всех сил потянул за искореженную, обгоревшую крышу. Молодой маг помог ему расчистить проход и вознамерился спуститься по вырезанным в камне ступенькам.

— Нет, — буркнул Вилтрэд, — это все еще мой дом, то, что от него осталось.

Подобрав полы линялого камзола, старик неуклюже сошел по крутой лестнице. Шив ждал со скрещенными руками и, нетерпеливо постукивая ногой, поднимал с земли хлопья сажи.

Немного погодя снизу донесся резкий кашель Вилтрэда, и старик вылез из погребца.

— Ну-с, Верховный маг не узнает ничего нового об этих таинственных островах, их злобных жителях и заумном колдовстве из тех немногих сокровищ, что оставил мне Азазир. — Маг сплюнул в пыль и шлак. — Они забрали все до последней вещицы. Вот и скажи теперь, Шиввалан, что надежды Планира не рассыпались в прах!

Большак между Верхним Коутом и Коутом-на-Ключах, Каладрия, 10-е поствесны

— Райшед!

Я так поразился, что меня окликают по имени на этой пустынной ранним утром дороге, что дернул поводья словно новичок. Лошадь прыгнула вперед и возмущенно затрясла головой, даже кольца на сбруе задребезжали.

— Райшед, я здесь!

— Шив?

Оглядевшись, я увидел машущего рукой мага. Такой же долговязый и костлявый, каким я его помнил, с прицепившимися к штанам листьями, он вышел из рощицы, в которой — готов поклясться — не было никого крупнее белки.

— Что, во имя всего святого, ты тут делаешь?

Следом появилась вторая, сгорбленная, фигура, и Шив повернулся, чтобы подать ей руку.

— Позволь представить моего спутника, Вилтрета Серна. Вилтред, это Райшед, присягнувший, о котором я тебе говорил.

На службе у принца быстро учишься не выказывать удивления, поэтому я лишь поклонился, совершенно невозмутимо, хотя внутри сторал от любопытства, что же за человек был учеником одного из самых печально известных и опасных магов, когда-либо вскормленных таинственным городом Хадрумалом. Странно было видеть усталого старика с нечесаной бородой и запавшими глазами, в поношенном плаще, грязном и помятом, словно после холодной ночевки под открытым небом. Хотя чему удивляться? Прошло ведь больше поколения с тех пор, как Азазиру предоставили выбор: изгнание в глушь Гидесты или смерть от рук Совета Магов за его безответственное колдовство.

— Шиввалан, мне нужны тепло и еда, пока мои суставы окончательно не развинтились в этой сырости! — Старик угрюмо выглядывал из-под облезлого меха своего капюшона.

— Что случилось, Шив? — беспокоился я. — Почему вы идете пешком и даже без вещей?

Маг покачал головой.

— Это долгая история. Что смогу — расскажу. Только прежде давай найдем какое-нибудь местечко с очагом и приличным элем.

Я отложил на время расспросы, спешился и помог запихнуть старого мага в седло. Усевшись будто мешок с зерном, он с кислым видом забрал поводья.

— Тут недалеко есть таверна, я недавно ее проезжал.

— Отлично, — кивнул Шив. — Все равно нам ехать на юг. Ну давай показывай дорогу.

Как бы потактичнее напомнить магу, что я ему не слуга, а он мне не хозяин? Мессир дает мне поручения, но я привык сам решать, как мне действовать.

Вскоре мы свернули в чисто выметенный двор недавно побеленной таверны, и Вилтред с трудом слез с лошади. Разглядев под редкой бородой его серую кожу, я вдруг понял, что маг гораздо старше, чем мне казалось, и протянул ему руку. Пронзительно глянув на меня, старик все же принял помощь и заковылял в пивную, где Шив очаровывал розовощекую служанку, чтобы она пустила нас в отдельный кабинет рядом с общим залом.

Когда мы разместились в уютной комнатке, даже обшитой деревянными панелями, я налил в кружки густого темного эля, а Шив тем временем закрывал тяжелые ставни на мутном оконце. Вилтред щелкнул пальцами, и загорелись свечи,

делая едва заметным слабое голубое мерцание, расходящееся от вытянутых рук Шива.

— Ну вот, теперь нас никто не подслушает, — объявил маг, когда заклинание исчезло в полированном дереве и штукатурке стен.

Разумная предосторожность. Любой, кто видел, как он закрывает ставни, верно, уже наострил уши от любопытства.

— Может, попробуешь гадание, а, Вилтред? Так было бы проще все объяснить, — продолжал Шив.

Старик вздохнул, но согласился.

— У тебя найдется огарок? — Он достал из внутреннего кармана сверток и, развернув промасленную кожу, извлек оттуда медный полумесяц на маленькой подставке.

Я твердо решил ничему не удивляться и молча наблюдал. В Тормалине мы редко пользуемся магией, но мне довелось видеть, на что она способна. Было это минувшей осенью, когда мы с Ливак и Шивом бежали по пустынным Ледяным островам, спасая свою жизнь. Я вспомнил, что с нами маг, чьи силы связаны главным образом со стихией воды, — случайный природный дар, который спас нас тогда от безжалостного океана, спасибо Дастеннину.

От эля щеки Вилтрета порозовели, и я тоже отхлебнул из своей кружки. Горький от доброго хмеля, напиток был вполне хорош, раз уж нельзя достать приличного тормалинского вина. И, конечно, этот эль был несравнимо лучше той кислятины, что мне подавали в Лескаре.

Шив прикрепил сальный огарок к нижнему концу полумесяца. В этот момент он не следил за своим лицом и выглядел усталым, как сторожевой пес публичного дома, которого будили за ночь десять раз. Вилтред аккуратно повесил на верхний крючок некий драгоценный камень, а Шив, щелкнув пальцами, зажег свечу. В алом магическом пламени было видно, что это алмаз, крупнее любого в императорской короне, и я прикусил язык, чтобы не ахнуть.

Вилтред откашлялся.

— Ныне я живу тихой жизнью, почти не практикую магию, но есть одна услуга, которую я оказываю местным в обмен на еду и прочее, — предсказания на будущие сезоны.

Я с сомнением поглядел на старика. Все те ворожеи да предсказатели, что съезжаются обычно на ярмарки, только глупцов могут одурачить своей ложью. И тут вспыхнул янтарный свет, образы заплесали внутри алмаза, притягивая как магнит. Казалось, они захватили меня целиком, и все остальное стало не более важным, чем рама зеркала.

Грань камня потемнела, словно ее затянуло дымом. Но вот он рассеялся, осталось лишь чадающее дыхание факелов

вокруг разрушенного зала. Алчное пламя пожирало там груды прекрасных картин, любовно вышитых драпировок, мехов и платьев, натасканных Дастеннин знает откуда. Темная дубовая мебель, заботливо полируемая в течение поколений, валялась, порубленная на куски, выдолбленные пазы белели в старом дереве, как кости в смертельной ране. Сердце заколотилось у меня в груди, когда я узнал сие место. Это был Зал для аудиенций в Императорском дворце в Тормейле. Скрежеща зубами от бессильной ярости, я смотрел, как фигуры в черных мундирах шагают по разбитым плитам пола с охапками награбленного добра, чтобы бросить его в ненасытное пламя. Холодный ужас боролся во мне с горячей злостью, когда я понял, что это Ледяные Люди, сородичи тех злодеев, что прошлым летом ограбили и искалечили племянника мессира. То насилие направило нас с Айтеном на тропу мщения, которая в конце концов привела к смерти моего друга.

В одном углу сгушался темный дым: прожорливый огонь набросился на большую деревянную колонну у дверей в Тронный Зал. Их тяжелые створки, лишенные золотого убранства, распахнулись, пропуская светловолосого человека в окровавленном мундире. Он торжествующе размахивал своим ужасным трофеем.

Голова, насаженная на пику. Лицо распухло от зверских побоев; прежде чем отправить пленного в Иной мир, негодяи переломали ему все кости. Но я все равно узнал его, я видел это юное, когда-то красивое лицо просветленным от радости, глаза, теперь тусклые и безжизненные, горящими от возбуждения. Это был мой император, Тадриол, третий сын Тадриола Благоразумного, пятый император Дома Тадриолов, еще не так давно занявший этот трон и пока лишь ожидающий провозглашения от принцев Великих Домов, которое торжественно узаконит их одобрение или неодобрение в том эпитете, каким наградит его Собрание.

Не удержавшись, я взглянул на Шива. На миг наши глаза встретились, и его лицо окаменело. Я понял вдруг, что мои руки сжались в кулаки, а ногти впились в ладони, и потянулся за кружкой, пытаюсь смочить пересохшее горло, причем не сразу заметил, что сосуд пуст. Магия Вилтреда замерцала. Старик повернул драгоценный камень дрожащими от заклинания пальцами.

Мягкая серая дымка растаяла, и открылись стены из белого камня, согретые светом тонких восковых свечей. Я увидел себя стоящим на возвышении в большом зале какого-то тормалинского принца, пышно убранном для празднования либо Солнцестояния, либо Равноденствия. Очевидно, мы все процветали: я вырядился будто аптекарь публичного дома в темно-бордовый бархат и тонкий лен, на груди поблескивала золотая цепь. Жутко было

видеть себя таковым — ведь таким видят меня посторонние. Я с усилием подавил трепет и перевел взгляд на племянника мессира, Камарла, стоящего впереди. Его полное лицо светилось добродушием, но глаза цепко взирали на собеседника — кого-то из младшей линии Д'Азенаков. Скользнув взглядом дальше, я изумленно приоткрыл рот: в поле зрения попала Ливак, окруженная толпой поклонников из благородной молодежи. Она была невероятно соблазнительна в темно-синем шелковом платье с жемчугами, мерцающими на шее, с красиво уложенными волосами. Любуясь ее непривычной элегантностью, я вдруг понял, что Ливак подбивает своих кавалеров делать ставки, бросая изящный комплект рун из яблоневого дерева, а потом деликатно убирает золотые и серебряные монеты в бархатную сумочку, свисавшую на ленте с пояса.

Шив стоял внизу, в основной части зала, высокий и изысканный в зеленом льняном наряде. Лицо его было гладко выбрито, длинные темные волосы сзади собраны в хвост. Он выглядел спокойным и расслабленным со скрещенными на груди руками и над чем-то смеялся с одной из племянниц мессира. Бедняжка явно не подозревала, что ее очевидный интерес к нему обречен на разочарование. Рядом Вилтред горячо спорил с двумя дворянами. Его черная парадная мантия, неуместная в этой обстановке, придавала старику неожиданно внушительный вид: он взмахивал рукой, а в другой корявой руке сжимал посох, которым ударял по полу для пушей убедительности своих слов.

— То, что ты видишь, — это альтернативные варианты будущего, — начал объяснять Шив.

— Что все это значит? — перебил его я; любые проблемы магов подождут, если всему, с чем я связан клятвой, грозит опасность.

— Мы не знаем.

Откровенное признание Вилтрета меня ошарашило.

— Вы не приняли никаких мер? — От нетерпения мой голос зазвучал резко, и я заставил себя говорить мягче. — Перед лицом столь серьезной угрозы императору?

— Принимать меры, основываясь на предсказаниях, дело весьма рискованное. — Как ни странно, Вилтред не рассердился и не стал оправдываться. Он просто казался уставшим до мозга костей. — Каждое событие зависит от такой цепи причин и следствий, что активными действиями можно выковать роковое звено, способное привести к той самой катастрофе, которой ты пытаешься избежать.

— Ты видел там себя и Ливак, а это значит, что вы оба играете некую роль в положительном исходе. — Шив указал на безжизненный теперь драгоценный камень. — Думаю, наша

важнейшая задача — как можно быстрее собрать вместе всех, кто был в том видении.

— Ты знаешь, где Ливак?

— Она со своей подругой Хэлис, — сказал маг, подливая себе эля. — Я искал ее прошлой ночью и сегодня, как тебя. Таким образом мы и узнали, по какой дороге ты едешь.

Ну конечно, эти трюки с магическими заклинаниями и цветными чернилами позволяют Шиву следить даже за незнакомыми людьми. Интересно, как давно он подглядывает за мной? Но этот вопрос отступил под натиском более неотложных проблем. Итак, Шив пытается найти Ливак. Женщину, которая убила Айтена и спасла жизнь мне, женщину, чью жизнь спасал я, искусного игрока, ловкую воровку, наконец — мою любовницу, когда внезапный ураган страсти настиг нас обоих на пути домой. Я не из тех, кто бросается за каждой юбкой, в молодости я достаточно погулял, но Ливак — нечто иное, первая женщина, всерьез покорившая мое сердце более чем за десять лет. Одно воспоминание о ней, горячей и темпераментной, воспламенило мою кровь. Что я скажу ей? Чего я от нее хочу? И захочет ли она чего-то от меня, кроме сладостных утех? Надежды и сомнения, которые не имели ничего общего с моими обязанностями, боролись внутри меня.

Я поскреб отросшую за день щетину, но эта мелкая досада не задержалась в моем сознании.

— Что еще мне нужно знать?

Шив заколебался.

— Позапрошлой ночью эльетиммы напали на дом Вилтреда. Возможно, это совпадение, но не исключено, что это я привел их туда.

При мысли о моих врагах и врагах мессира, безнаказанно рыскающих на нашей стороне океана, волосы у меня на голове встали дыбом.

— Что случилось?

— Они вломились в избушку, похитили сувениры, которые Вилтрэд привез из плавания с Азазиром, а потом сожгли ее. Мы спрятались в лесу.

— Повезло, Шив, что ты оказался там.

Но повезло ли? Или эльетиммы надеялись поймать двух кроликов в один силлок?

— Они идут по Пряному тракту. — Шив допил эль. — А мы рванули напрямик, когда увидели, что ты подъезжаешь к реке.

Я поднял руку.

— Шив, в прошлом году этих мерзавцев было так же легко выследить, как корабль во время шторма. Откуда у тебя такая уверенность?

— Мы искали украденные вещи. Вилтред хранил их в своем погребе больше поколения. При обычных обстоятельствах он нашел бы их даже на другой стороне Каладрийского Залива.

— А где эльетиммы сейчас, вы знаете?

— Не настолько близко, чтобы представлять для нас реальную угрозу, но это, пожалуй, лучшее, что можно сказать. — Судя по гримасе, Шива это так же не удовлетворяло, как и меня. — Мы хотим найти Ливак и Хэлис, затем снова напасть на след, догнать Ледяных Людей и выяснить, что они затевают. А заодно попытаться вернуть украденное, и тут нам пригодится Ливак.

Я не разделял уверенности Шива, что Ливак захочет ему помочь. Наоборот, у меня сложилось твердое впечатление, что, поворачивая несколько раз для магов, Ливак на всю жизнь возненавидела это ремесло. Она бы и в прошлом году отказалась, если бы Шив ее не шантажировал.

— Откуда нам известно, что этим людям не нужен сам Вилтред? — нахмурился я. — Брать его с собой — значит подвергать еще большей опасности. Не найдется ли какое-то надежное место, куда бы он мог поехать?

— Ты теперь здесь и защитишь его. — Шив отвел взгляд. — Верховный маг считает, что нам лучше оставаться вместе. Все это связано с его проектом, в который посвящено всего несколько человек.

Я взглянул на унылое лицо Вилтреда с опущенными уголками рта. Старик знает нечто такое, чего Шив не говорит мне, или у него просто болят суставы? М-да, слишком много вопросов остается без ответов. Подавив назойливую досаду, я допил эль.

— Вам нужно поесть и достать лошадей. Хотелось бы поскорее вернуться на дорогу, чтобы не терять целый день.

Может, Шив и бежал от эльетиммов в одной рубашке, но под ней был припрятан туго набитый кошель. Снабдив магов верховыми лошадьми — вороным с толстой шеей и чалой, — мы бодро затрусили по сельской Каладрии. После Лескара было приятно смотреть на дюжих фермеров, с весенним азартом пахущих свои поля, и аккуратные кучи гашеной извести для удобрения почвы. На выгонах, за ровно подстриженными живыми изгородями, пасся тучный скот, из жирной черной земли пробивалась молодая пшеница. Возможно, впечатление оказалось бы сильнее, если б я не слышал однажды, как мессир объяснял Камарлу, что вся хваленая каладрийская наука возникла напрямую из необходимости лескарских герцогов кормить своих наемников. Да, мало что из этих щедрот перепадет тем несчастным душам, коих я миновал на большаке Марлира.

Партии крестьян вырубали лес, корчевали пни, и я приметил характерные шарфы на головах у женщин.

— Это лескарцы? — Я повернулся к Шиву.

Маг кивнул.

— Лорд Эдрин разрешает некоторым переходить мост каждую весну, чтобы расчищать землю и селиться между Речной дорогой и Релом. Если они преуспеют, он получит ренту, а в случае набегов из-за реки его собственные арендаторы отделаются намного легче.

Оставалось надеяться, что стоический оптимизм тех, кто так усердно работает, будет вознагражден.

— И много случилось набегов в последнее время?

— Не очень, и лорд Эдрин начеку. — Шив привстал в стремених и указал на дальнюю мельницу. — Если крылья у мельницы остановлены прямым крестом, то это сигнал милиции, что стервятники перешли реку. Мало кому из этих подонков удастся спасти свою шкуру.

Я одобрительно усмехнулся. Надо будет упомянуть мессире про лорда Эдрина. По всему видно, это человек умный и держит в своих руках стратегически важный мост.

Мы ехали до самых сумерек, а как стемнело, остановились в придорожном трактире, не желая рисковать лошадьми: узкие серпики лун — убывающей Малой и нарождающейся Большой — совсем не освещали дорогу. Вилтред за целый день ни разу не пожаловался, но все больше и больше горбился над своими поведьями. Когда мы остановились, он едва сумел разогнуться. Шив повел старика в нашу спальню, а я заглянул в пивную — поболтать со скучающим трактирщиком. Выяснив, что никаких необычных путников, в том числе белокрысы, поблизости нет, я немного успокоился, а заодно узнал, что отсюда до Коута-под-Холмом, где Шив ожидал найти Хэлис, всего полдня езды.

Наконец, отчаянно зевая, я отправился наверх в надежде на более хороший сон, чем те, какими Аримелин награждала меня в последнее время. По пути взял у сердобольной хозяйки завернутый во фланель горячий кирпич и, радуясь теплу в озябших ладонях, поднялся в одних чулках по узкой лестнице, засунув сапоги под мышку. Шив и Вилтред уже спали, когда я тихо пробирался к свободной кровати сквозь тяжелый дух поношенных сапог и резкий свежий запах теплой мази для растираний. Сон долго не приходил. Каждый раз, закрывая глаза, я видел Ледяных Людей, громящих самое сердце тормалинской державы.

Огромный дом из белого камня, полный гулкового эха

Утро выдалось холодное и ясное. В тех закутках двора, куда еще не проникло солнце, поблескивал иней, и почерневшие стебли поздних осенних цветов, недосмотренные управляющим, жалко поникли в старинной вазе.

Зазвякал колокольчик. Резво потирая руки в холоде глубоко затененного входа, привратник открыл калитку и впустил юношу. Напряженный и бледный, он нервно крутил на пальце кольцо с сапфиром, но не забыл поклониться слуге, следуя привитым с детства манерам. Его начищенные до блеска сапоги защелкали по плитам — юноша направился в дом, очевидно, не нуждаясь в проводнике.

Войдя в приемную, Темар тяжело вздохнул и оглядел себя в зеркале. Лицо, которое он увидел, поразительно контрастировало с богатым одеянием. Худое, с высокими скулами и длинной, узкой челюстью, оно, на взгляд юноши, больше подходило доспехам или рабочей одежде. И в том, и в другом Темар чувствовал бы себя гораздо уютнее, чем в этом тесном, редко носимом парадном платье. Голубые глаза, настолько бледные, что казались почти бесцветными, уставились на него из-под тонких черных бровей. Строгость взгляда усугублялась длинными черными волосами, зачесанными назад и сколотыми на шее. Так требовала мода, пусть ему это и не шло.

Темар поправил воротник рубахи и раздраженно пытался смахнуть соринку с малинового камзола, пока не сообразил, что это изъян в серебрении зеркала. Всего несколько лет назад его хватило бы, чтобы отправить негодную утварь прямо в комнаты прислуги. Понимание этого лишь укрепило решимость Темара, пока он ждал вызова, чтобы предстать перед дедом.

Не перед дедом, напомнил себе юноша. Нынче утром старик исполнял свою роль главы Дома Д'Алсенненов. Хотя теперь это мало что значило: не было никаких посетителей, нетерпеливо ждущих на полированной скамье, дабы подать прошение или предложить услуги своему патрону.

— Эсквайр!

Камергер с изящным поклоном распахнул двойные двери, ухитряясь делать вид, что выполняет сию обязанность только в честь Темара, а не потому, что семья вынуждена обходиться теперь без услуг лакея.

Юноша вежливо поклонился и, внутренне напряжись, вошел в салон. Он давно здесь не был и невольно сбился с шага, заметив пустые ниши, в которых прежде покоились статуи, и выгоревшие на солнце шелковые портьеры. Слабенький огонь храбро трепетал в массивном камине, ничего не согревая, но лишь привлекая нежелательное внимание к холодной атмосфере.

— Темар, я рад тебя видеть.

Внушительный в своей парадной мантии из темно-бордового бархата, дед восседал в старинном кресле черного дуба, водруженном на возвышении в конце длинной комнаты. Не-

смотря на белые, поредевшие волосы и глубокие морщины, выцветшие глаза старика были ясными и настороженными.

— Сьер.

Исполнив церемониальный поклон, Темар опустился на колено и склонил голову.

— Это официальный визит? — В интонации старика проскользнуло веселье.

— Да, — твердо ответил юноша.

Опущенная голова не позволила ему увидеть тревогу, на мгновение удвоившую груз прожитых лет на лице деда.

— Тогда изложи свое дело. — Голос сьера стал жестким и даже немного суровым.

— Я прошу разрешения плыть с мессиром Ден Феллэмионом, — громче, нежели намеревался, объявил Темар.

Эта просьба прогремела на весь зал подобно требованию, и юноша заставил себя не шевелиться, воззрившись в нежные изгибы охровых и кремовых плиток на полу.

— Продолжай, — велел старик.

Растерявшись, Темар невольно поднял голову.

— Докажи свою правоту, эсквайр. — Сьер без улыбки глядел на него с возвышения. — Объясни, почему я должен разрешить последнему отпрыску моего рода рисковать собою в какой-то неведомой земле за океаном.

Юноша украдкой вздохнул. Он ожидал противоборства, спора, тайне рассчитывая, что это поможет ему бросить вызов деду.

— Мне известно, что я последний мужчина из рода Д'Алсенне-нов, и, движимый долгом крови, я обязан восстановить богатство нашей семьи, ее положение среди равных нам. За последние годы, по мере того как Империя отступала из провинций, мы одно за другим потеряли земли, состояние и положение. Я не вижу никакой реальной перспективы их возвращения и потому искал другие средства поднять наш Дом до его былой славы. — Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Император объявил новый рекрутский набор, дабы отбить Лескар у тех самопровозглашенных герцогов. — Лицо старика было непроницаемым.

Темар посмотрел на него в упор.

— Ни один Великий Дом не послал своих рекрутов ни по одному из наборов, объявленных с начала года, мессир, и этот набор не будет иным. У меня не больше уверенности в командирах Императорских когорт, чем в своре дворовых псов, и все эсквайры, служившие в прошлом году, скажут то же самое своим старшим. Вы знаете не хуже меня, что Немит Безрассудный будет последним императором в своем роду и скорее всего мертвым и

сожженным еще до конца сезона — при его-то пристрастии к вину и шлюхам.

Сьер медленно наклонил голову.

— Это верно, и когда все принцы соберутся, дабы избрать нового императора, у эсквайров даже незначительных Домов будет масса возможностей заручиться его покровительством. Я уже слишком стар для придворных плясок, а ты не сможешь сделать это за полмира отсюда.

Холод пола начал проникать в колени Темара, икры сводило судорогой. Обрутав себя глупцом за церемониальную позу, юноша попытался игнорировать неудобство, но оно проскальзывало в его все более отрывистых фразах.

— Мы — не единственный Дом, пострадавший из-за отступления Империи, дедушка. Почему я должен стоять в очереди с ведром, чтобы кто-то другой пожаловал мне место у высыхающего колодца? Мессир Ден Феллэмион говорит о необъятных землях за морем, плодородных и никем не занятых, о бескрайних лесах, где еще не стояли капканы, о недрах, богатых железом, золотом и даже драгоценными камнями.

— Это больше напоминает речи твоего друга, молодого Ден Ренниона, — угрюмо возразил старик. — Скажи-ка мне, как нынче обстоят дела с долгами у сего доброго эсквайра? Уверен, его отец с великой радостью отправит свое чадо к любому берегу, где нет игорных притонов и публичных домов, лишь бы спасти свой кошелек!

Неужто дед нарочно не хочет его понимать? Как бы то ни было, Темар не собирался ввязываться в пустой спор о последней глупости Вахила; он не опустил взгляд.

— Мессир Ден Феллэмион предлагает место на своем корабле всем желающим, высланным или бегущим с развалин провинций. Он дает им возможность построить новую жизнь, если они присоединятся к нему для создания второй империи по другую сторону океана.

— И ты желаешь ковыряться в грязи вместе с бездомными да безземельными? Должен ли я напомнить, что ты ни то, ни другое?

Сьер наклонился вперед, сердито глядя с кресла своих предков. Сотворив над собой усилие, Темар надел на лицо маску спокойной рассудительности.

— Мессир Ден Феллэмион ищет людей с опытом командования, способных руководить колонистами, организовывать труд, координировать и направлять их работу. Думаю, ты еще не забыл, что я три года управлял нашими имениями в Далазоре, к твоему полному удовлетворению. Когда Горные Люди перешли реку, я служил положенный срок в когортах, и мне поручили

командование моим собственным отрядом в пределах сезона. Я могу использовать обретенные навыки и получить за это признание и награду. Разве это не более достойное занятие для сына Д'Алсеннена, чем околачиваться при дворе и драться за высочайшую милость подобно псу, выпрашивающему объедки?

— Нет, если ты впряжешься в ярмо к особам вроде Ден Ренниона и Ден Феллэмюна. Кто они такие, как ты думаешь? Что, не хочешь говорить? Ну так я тебе скажу: стареющий мечтатель, паразитирующий на угасшей славе, добытой давным-давно в походах с Немитом Мореплавателем, и человек, надеющийся заставить свой Дом пожалеть, что его обошли при выборе сьера. С таким же успехом ты мог бы расплавить эту тарелку и возвращать наши богатства, пытая счастья в бордельных играх, как тот молокосос Ден Реннионов!

— Мессир Ден Реннион действительно разбирается в торговле, дедушка. — Впервые в голосе Темара послышалась резкость гнева. — Он бы не поддержал идею колонии, если б не рассчитывал на жизнеспособность и прибыльность. Он сам намерен отправиться в плавание, построить дом и будущее для своей семьи, и он планировал это еще до смерти своего отца. Его брат, сьер, полностью его поддерживает.

— Стало быть, долги и впрямь гнетут его, коль он готов бежать за океан, чтобы спастись от кредиторов! Нет, пока сам не увижу, как Ден Реннион поднимает на борт свою задницу вместе со своей монетой, ни за что не поверю. Тебе не кажется, что он всего лишь проворачивает быстрые деньги, играя на чаяниях легковверных? Судя по тому, что я слышу, ему придется возместить изрядную сумму, дабы поспевать за тратами твоего дружка Вахила.

Почему старик все время поминает Вахила? И Темар вдруг понял, потрясенный своим открытием, что у деда нет ни одного стоящего возражения, он лишь пытается закончить разговор, провоцируя ссору. Юноша уставился на старика и заморгал — то, что он видел, внезапно изменилось, словно под воздействием какой-то зловещей алхимии. Сейчас перед ним был не внушительный, гордый глава некогда Великого Дома, с поводами многих жизней в своих руках, время от времени сдерживавший одних и отпускавший других, чтобы вся упряжка бежала ровно, не даже тот неиссякаемый источник ободрения и безопасности, на который Темар привык рассчитывать, пока рос, слишком рано возмужав, — к своим обязанностям и долгу. Это был просто дряхлый человек, усталый и испуганный, лишенный своих сыновей и будущего своего Дома, одиноко и неуверенно стоявший перед лицом старческой немощи.

Темар встал, с гримасой потер колени. Потом сел на ступеньку возвышения, как часто делал ребенком, когда этот зал был полон арендаторов и клиентов, а его дяди ходили в толпе, пока съер разбирался с просителями. Устроившись поудобнее, юноша посмотрел вверх, на деда.

— Я правда хочу это сделать, дедуля. Корчить из себя шута при дворе, выведывая сплетни, чтобы обратить их в преимущество и золото, — все это не по мне. Ты же знаешь, я привык говорить открыто, как ты сам меня учил. Я устал спасать наши деньги и достоинство от каждой волны бедствий, постоянно чувствуя, что, когда император в очередной раз заблажит, я снова буду по горло в свежем дерьме.

Старик потер лицо. На какой-то миг глаза его затуманились отчаянием.

— Лучше уж барахтаться в дерьме, чем сгинуть в океанской пучине. Или я должен напомнить тебе, сколько кораблей ушло с Немитом Мореплавателем, да так и не вернулось?

— Мессир Ден Феллэмион вернулся, деда, и с тех пор не раз повторил тот путь. Я ему доверяю.

Темар пытался избежать укорительной интонации. Не удалось.

— Что это значит? — Былой огонь ярко вспыхнул в глазах съера. — Ты доверяешь ему? Тебе больше по вкусу ехать его форейтором, нежели хозяином собственной упряжки? Уж не думаешь ли ты отречься от собственного имени и взять его?

Темар рывком встал, отбросив непривычную покорность.

— О будущем моего Имени я и забочусь, мессир. Я хочу, чтобы мои сыновья и внуки почитали мой прах и благословляли наследство, которое я завещаю им. — Он бессознательно сжал кулаки и почувствовал, как отцовское кольцо вдавилось в кожу.

— А что ты будешь тогда делать с моей урной для праха? Подпирать ею дверь? Неблагодарный мальчишка! — Съер поднял искривленную руку и едва не ударил юношу. — Разве я виноват, что сначала оспа украла сыновей моего Дома, а затем этот спившийся развратник профукал наши земли в погоне за своими ненасытными амбициями?

Темар открыл рот, чтобы ответить в том же духе, в обычной манере семейных разговоров Д'Алсенненов, но что-то в обличье деда остановило его. Неизбывное горе лежало под гневом в глазах старика, и продолжать этот спор показалось вдруг бессмысленным.

— Я не хотел оскорбить тебя, деда, совсем не хотел. Я отлично знаю, что наш Дом мог бы пеплом развеяться по ветру много лет назад, если б не ты.

Старик хотел ответить, но его слова потерялись в приступе кашля. Темар торопливо огляделся, в поисках воды или вина.

— Оставь.

Из складок мантии сьер извлек колокольчик, и на его серебристый звон прибежал камергер.

— Я обдумую твоё прошение, эсквайр. — Ухитрившись сдерживать кашель, старик поднял глаза на внука, обманчивый румянец здоровья выступил на его щеках. — А пока меня ждут другие дела. Загляни в мой кабинет перед обедом.

С некоторым трудом он выбрался из кресла, но раздраженно отмахнулся от стоявшего над душой камергера и с высоко поднятой головой спешно покинул салон.

Глядя ему вслед, Темар не мог понять, обеспокоило его поведение деда или скорее раздосадовало. Какие у старика могут быть другие дела? По всей видимости, он просто откладывал решение, собираясь вздремнуть. «Ну и ладно, а мне-то зачем полдня торчать в этом склепе?» — подумал Темар со свойственной ему решительностью. Он стремительно вышел из комнаты и с силой захлопнул тяжелые двери. Огонек в камине испуганно трепыхнулся, выпустив перышко дыма. Юноша тем временем направился к черной лестнице, ведущей на кухню. Его каблуки сердито цокали по каменным ступеням.

— Темар, утенок мой, как же я рада тебя видеть! — Сухошавая женщина в чистом, хоть и выцветшем фартуке отвернулась от дверцы буфета, держа в руке наполовину заполненную травами банку.

— Джетта! Ну, знаешь, я рад, что ты все еще здесь, — с нарочитой небрежностью произнес Темар, но его слова не произвели ожидаемого впечатления. Юноша тяжело рухнул на стул и утормо уставился на сучок в высокобленной добела столешнице, ковыряя его обломанным ногтем. — Я уж думал, все распродано и вся прислуга укладывает вещи.

— Что, наверху стало немного голо, да? — сардонически протянула кухарка, и Темар удивленно вскинул голову.

— Кабы не знал, то сказал бы, что у нас побывали люди от ростовщика! — горько ответил он. — Что делает этот старый дурень? Платит алхимику за зелья? Надеется заполучить проститутку, чтобы она родила ему лучшего наследника?

— Он дает кров и пищу своим обездоленным арендаторам, юноша. — У Джетты подозрительно заблестели глаза. — Сьер всегда помнит об обязательствах Дома.

— Думаешь, я не помню? Нечего меня обвинять! — огрызнулся Темар. — Я все лето работал как проклятый с утра до поздней ночи, чтобы сохранить остатки имений, дающих хоть

какой-то доход. Легче было бы доить свиней ради сыра, и результат был бы весомее! Почему я так долго не приезжал сюда, как ты думаешь?

— Нечего на меня нападать, юноша! Сам чувствуешь себя виноватым, а мне отдуваться? Я шлепала тебя, когда ты носил мягкие башмачки, и отшлепаю снова, если будет нужно. — С улыбкой, противоречащей ее словам, кухарка поставила перед Темаром тарелку кексов.

— Спасибо.

Он взял кекс и вдруг ощутил необъяснимое умиротворение.

— Ты здесь обедаешь? — Джетта закрыла буфет и пошла к очагу, повесить чайник над огнем.

— Кажется, да. Дед велел мне зайти перед этим к нему в кабинет. — Сарказм Темара несколько утратил свою остроту.

Джетта засопела.

— И чем же ты его так расстроил?

— С чего ты взяла, что он расстроен? — виновато краснея, возмущился эсквайр.

— А с чего бы еще господину Отнейлу звонить вниз требуя колокольчиковый отвар? — Джетта указала на открытую дверцу подъемника в углу кухни.

— Он болен? — У Темара екнуло сердце.

— Не больше, чем любой в его годы, но его зимний кашель начался рано, к тому же твой дед слишком много времени проводит в кабинете и слишком мало в постели.

А он-то думал, старику нечем заняться. Не зная, что сказать, юноша раздраженно выдернул из волос заново отполированную серебряную заклепку.

— А как поживает твоя матушка? — Джетта достала чашки и налила в них кипятка.

— Спасибо, хорошо, — ласково улыбнулся Темар. — Отращивает волосы для свадебной косы.

— Да что ты? — Кухарка тоже заулыбалась, сжимая в руке банку с травами. — И кто же отрежет ей косу, чтобы положить на алтарь Дрианон?

— Райан Тор Олдер. Слышала о таком?

Джетта на миг задумалась.

— Он торгует шерстью, да? — вспомнив, выпалила она. — Семья держит овец в горах на Бремилейнской дороге?

— Он самый. Они дружат уже пару лет, и он наконец-то уговорил маму выйти за него. Я так рад за них. Райан хороший человек, он может сделать маму счастливой.

— Я привяжу ленту к двери Дрианон, чтобы пожелать добра твоей матушке. Уж она-то заслуживает счастья! — Ку-

харка ловко завязала душистые травы в лоскут муслина и опустила узелок в чашку с кипятком. — Ты сказал сьеру?

— Нет еще. — Темар помешал настой серебряной ложкой. — Лучше, если мама сама ему скажет, но она всегда так нервничает из-за него. Боится, как бы дед не решил, что она предает память отца и имя Д'Алсенненов.

— Чушь! — Джетта энергично покачала головой. — Он будет только рад за твою матушку, да и твой отец вовсе не хотел бы, чтоб она так долго оставалась вдовой, особенно после того как провела поминальный год в заботе о сьере.

Темар выловил из чашки намокший узелок с травой и осторожно отпил горячего настоя.

— Я ей сказал то же самое. — Он невидяще уставился в огонь. — Эх, знать бы, что бы он мне посоветовал... Я имею в виду отца.

— О чем? — Джетта накрыла его руку своей.

— Я хочу присоединиться к колонии мессира Ден Феллэмиона. Кухарка широко открыла глаза.

— За этим ты и пришел к деду?

Темар кивнул.

— Я должен что-то сделать, Джетта, или сойду с ума от безнадёжности. Дела идут все хуже и хуже, и будь я проклят, если примкну к остальным стервятникам, разгребаящим вонючую падаль, в которую превратилась Империя.

— Ты говоришь скорее как твой дядя Арвил, чем как твой отец. — Кухарка сморгнула непрошеное воспоминание.

— Что сделал бы отец, как ты думаешь? — Эсквайр не сводил с нее глаз.

— Он сделал бы то, что считал лучшим для Дома. — Джетта стиснула руку юноши. — Но он был бы достаточно честен, дабы понимать: это должно быть то, что он считает правильным и для самого себя.

— Уверен, я тоже так делаю, — вздохнул Темар. — Но иногда спрашиваю себя, не ишу ли я повод просто куда-то сбежать, уйти от всех этих обязанностей и долга.

— Трудно быть единственным наследником Имени, — сочувственно покивала женщина. — Знаешь, когда твой дед перейдет в Иной мир, не Сэдрин будет задавать вопросы, прежде чем отпереть дверь. Сьер сам потребует ответа на вопрос, для чего была послана та проклятая чума. Ему придется быть убедительным!

Темар улыбнулся.

— Думаешь, старик и у Полдриона потребует бесплатного проезда? За то, что наш Дом и так уж слишком много ему уплатил?

— Я бы и не заикалась об этом после него! — засмеялась Джетта. — Ну, коли ты остаешься на обед, то нечего без-

дельничать. Поди принеси уголь со двора, а потом можешь браться за овощи.

Юноша отвесил ей комичный поклон.

— Слушаюсь, госпожа.

Физическая работа помогла Темару расслабиться. Он даже ухитрился отложить до поры до времени все мысли о будущем, долге и конфликте, когда вдруг наверху, в доме, резко зазвенел колокольчик. Юноша жалобно посмотрел на Джетту.

— Думаю, это меня.

Кухарка обошла стол и вытерла Темару руки тряпкой, словно он все еще был ребенком.

— Постарайся не поддаваться, ты же знаешь, что за человек твой дед. Если ты уверен в своем желании, ему придется с этим смириться.

Джетте легко говорить, сумрачно думал Темар, взбираясь по узкой лестнице к парадным покоям. Когда такое бывало, чтобы человек, носящий имя Д'Алсеннен, так просто сдавался? Скорее сука оценится котятками, чем дед уступит.

Перед кабинетом юноша вспомнил, что надо собрать волосы. Вытащив из кармана заколку, он помедлил, глядя на блестящее серебро. Потребовалась уйма времени, чтобы устранить тусклость из глубоко вырезанных листьев. Темар вздохнул: о, как они блестели в свете свечей, когда отец, пожелав детям спокойного сна, поворачивался к двери! Ну что ж, раз нельзя спросить совета у отца, остается быть верным себе и своему Имени.

Собравшись с духом, эсквайр постучал в черную дверь.

— Входи, — послышался твердый голос деда.

Лицо старика было решительным, но уже не столь сердитым.

Темар закрыл дверь и с бесстрастным видом сел напротив, гадая, какую роль все эти книги и свитки на столе будут играть в их дискуссии.

— Я обдумал твое прошение, — официальным тоном произнес сьер. — Поскольку ты — единственный наследник Дома, то первым моим соображением должна быть забота о будущем Имени. Однако я понимаю, что обязан считаться и с твоими собственными желаниями и нуждами.

Он помолчал. Темар сидел тихо, изображая внимание и почтительность.

— Я не вижу никакой пользы в том, что ты один присоединишься к Ден Феллэмиону и пересечешь океан.

С вызовом глядя на Темара, старик отпил вина, но эсквайр не клюнул на эту наживку, даже не шелохнулся.

Сьер фыркнул, возвращая бокал на серебряную подставку.

— Однако вполне возможно, что те заморские земли предложат нам поместья и положение взамен всего, что мы потеряли за последние годы. Я не могу это игнорировать. Я решил позволить тебе примкнуть к сей затее, но на определенных условиях. Если согласишься с ними, то, возможно, поплывешь с моим благословением.

— И каковы ваши условия, мессир? — вежливо осведомился Темар, изо всех сил стараясь не выдать ликования.

— Многие наши арендаторы лишились дома, а те, что остаются на наших землях, испытывают нужду в теперешних напряженных условиях. — Старик принялся раскладывать перед внуком пергаменты. — Тебе нужно увидеть цифры, чтобы понять всю картину.

Юношу так и подмывало напомнить деду, что именно он, Темар, и составлял большинство этих гроссбухов и отчетов, но он вовремя прикусил язык и посмотрел на указательный палец сьера.

— Видишь тут и тут? Сравни цифры хотя бы с прошлогодними. — Старик откинулся в кресле. — Это хорошие люди, страдающие без всякой своей вины, и если ты намерен любым путем исполнить свои обязательства перед арендаторами, то должен предоставить им шанс присоединиться к тебе.

Темар во все глаза глядел на деда. Он и представить себе не мог, что старик способен такое придумать.

— Мы можем собрать капитал на покупку двух кораблей и, проявив небольшую изобретательность, снарядить их из собственных наших запасов. — Сьер извлек свежий список. — Хочу, чтобы ты посмотрел его, вдруг я что-нибудь пропустил?

Эсквайр ошарашенно взял пергамент, но, начав читать, невольно ухмыльнулся.

Ответная улыбка сняла целое поколение лет со старика, в его глазах блеснуло озорство.

— Нечего сказать, мой мальчик? Должен заметить, на тебя это не похоже.

Юноша оторвал взгляд от списка.

— Ты предлагаешь нам играть главную роль в этом походе. А как же Ден Реннион и Ден Феллэмион?

— Это уж твоя забота, мой мальчик. Если ты хочешь сделать это, то сделаешь так, чтобы принести выгоду своему Дому, или вообще ничего не сделаешь.

Забыв про заколку, Темар запустил пальцы в волосы и поморщился, когда она больно царапнула кожу.

— Я принимаю твои условия, — вымолвил наконец эсквайр, внутренне содрогаясь от мысли, какую ношу он на себя взвалил.

— Вот и умница. Я знал, что ты меня поймешь.

Сьер встал и налил обоим вина. Юноша рассеянно пригубил, все еще пытаюсь осмыслить новую ситуацию. Потом слегка отстранил бокал и посмотрел на него внимательнее.

— Калиферийское вино?

— Урожай последнего года перед оспой, — кивнул дед, смакуя ярко-рубиновую жидкость. — Последний графин, и как нельзя кстати.

Темар не нашелся, что ответить, поэтому молча допил вино.

— У меня есть еще кое-что, и пора тебе его получить. Поставив свой бокал, старик заторопился к длинному сундуку. Снял с шеи цепочку, на которой висело кольцо с маленькими ключами, и, отперев замок, вытащил длинный полотняный сверток. Вернулся с ним к столу и смахнул документы на пол, освобождая место.

— Это меч, который я заказал для твоего дяди Арвила. Я был уверен, что он станет следующим сьером Д'Алсенненом, когда мне придет время отойти от дел. — Негнушимися пальцами старик начал развязывать льняные тесемки, но отмахнулся от помощи внука. — Сам справлюсь.

Он развернул ткань. Внутри лежал меч в темно-зеленых ножнах с замысловато резной гардой. Но это был не просто парадный меч. Рукоять удобно лежала в ладони, и, когда сьер вытащил клинок, он заблестел, яркий и безупречный, с узором из листьев, вьющимся по всей его длине.

— Держи.

Темар взял меч и проверил его великолепный баланс, в радостном восхищении открыв рот.

— Это просто чудо, дедушка! — выдохнул он, делая несколько осторожных выпадов.

— Надо думать, если вспомнить, во что он мне обошелся, — грубовато фыркнул старик. — Только не руби им дрова в тех заморских лесах.

— Ну что ты! — засмеялся Темар.

Сделав еще выпад, юноша остановился, и лицо его вдруг стало торжественным.

— Это царский подарок, мессир. Даже не знаю, как вас благодарить.

— Добейся успеха в этой экспедиции, дай нашим арендаторам новую жизнь, а нашему Дому — новое будущее. Вот та благодарность, которой я требую.

Старик устремил на Темара горящий взгляд. Оба напряженно замерли, словно придавленные грузом обязательств и неуверенности в будущем.

В коридоре зазвенел серебряный колокольчик, и чары рассеялись.

— Не мешало бы тебе подумать и о продолжении рода. Не пора ли присмотреть какую-то девицу? Ты ведь не можешь позволить себе пристрастия твоего дяди Сайнела!

Темар захохотал над шуткой деда и последовал за ним в столовую.

Коут-под-Холмом, владения лорда Эдрина, Каладрия, 11-е поствесны

Проснулся я рано, весь разбитый после неясных снов о каких-то людях и спорах. Недовольно щурясь на тусклый свет, сочащийся в ставни, я решил, что нет смысла валяться в постели, когда вопросы гоняются друг за дружкой в голове, как крысы, снующие наверху, в соломе. И вновь заснуть вряд ли удастся, поскольку Шив храпел в своем углу как целая корзина поросят.

От окна тянуло утренней сыростью. Вздрагивая от холодно-го прикосновения льна к голой коже, я торопливо натянул бриджи и куртку. Затем подхватил сапоги и, удивляясь мимоходом, как это я не расшиб себе лоб о балки вчерашним вечером, тихо пробрался мимо груды неподвижных одеял, под которыми покоился Вилтред.

Сидя в одних чулках, я завтракал в пивной, когда ко мне присоединился Шив.

— Жаль, что я до этого не додумался, терпеть не могу надевать мокрые сапоги, — с чувством вымолвил он, кивая на мою обувь, надеваю на каминные железяки.

— Каждый солдат знает, как важны сухие ноги, — пожал я плечами, в то время как маг потянулся за хлебом и мясом. — А еще ему нужна информация. Ты многого не говоришь мне, Шив.

— Клянусь, я рассказал тебе все, что знаю наверняка. А в остальном я и сам не уверен, — Шив вздохнул. — Предполагалось, что поездка будет быстрой. Мне надо было только выяснить, не знает ли Вилтред чего полезного, и забрать любые остатки, которые Планир мог бы дать своим ученым для работы.

Я хотел уточнить, что он имеет в виду, но вместо этого зевнул, едва не вывихнув челюсть.

— Устал? — озабоченно спросил Шив.

Я кивнул.

— С самого Солнцестояния не спал как следует.

— У хозяйки полно всяких трав, — робко предложил маг. — Вилтред стряпает себе какое-то зелье.

— Нет, — отрезал я. — Нет, спасибо.

После смерти сестры я начал жевать тассин, чтобы хоть как-то притупить ту удушающую боль. Будучи молодым, высокомерным и уверенным в себе, я и сам тогда не заметил, как увяз с головой. Потребовалось два сезона ночного пота и иссушающей жажды, чтобы избавиться от этой привычки, и я не желаю вновь пристраститься к чему-нибудь подобному. Заметив обиду в глазах Шива, я перевел разговор на другое.

— Почему Вилтред так упорно зовет тебя Шивваланом?

Маг скривился.

— А Сэдрин его знает! Меня так звала моя мать, и когда я слышу это имя, до сих пор чувствую себя так, будто еще не сбрил свои первые бакенбарды для алтаря Мизаена. Да, кстати о Вилтреде. Мой уважаемый и почтенный коллега просил горячей воды для настоя.

Не знаю, что старик намешал в свое утреннее варево, но это было что-то весьма мощное, ибо он оказался в седле куда быстрее, чем я ожидал. После сухой ночи дороги стали лучше, и лошади резво бежали сквозь тающие туманы разгоравшегося дня.

— Тут мы и должны найти Хэлис, — объявил Шив некоторое время спустя, когда мы огибали заросший лесом холм.

Солидные каменные фермочки, каждая с участком старательно возделанной земли, раскинулись вокруг рынка и усыпальницы по другую сторону холма. Люди занимались своими делами, не обращая на нас внимания. Шив свернул в проулок к типичному длинному дому с толстыми стенами под замшелой соломенной кровлей. Во дворе крепкая женщина в суконном коричневом платье, из-под которого виднелось опрятное белье из небеленого льна, поднимала воду из колодца. Как только мы остановились, она положила мускулистые руки на ведро и с вызовом уставилась на нас. Вокруг ее костяшек и предплечий я заметил слабый узор серебристых шрамов. Мускулы — это не редкость, но сомневаюсь, что найдется много фермерш со шрамами от меча. К тому же из всех женщин, виденных нами за день, она оказалась первой с непокрытой головой, ее темно-русые волосы были коротко подстрижены.

— Что нужно?

Шив поклонился.

— Ты Хэлис?

Женщина разглядывала нас без улыбки, ее темные глаза на крупном лице были непроницаемы.

— А кто спрашивает?

— Шив Ралсир. Я ищу Ливак.

— Она не захочет тебя видеть, маг, — беззлобно изрекла Хэлис.
— Я рискну, — тепло улыбнулся Шив, но на женщину его обаяние не очень-то подействовало.

Потянувшись за спину, он вытащил из сумки бутылку.

— Помнится, Ливак говорила, что ты равнодушна к далазорскому вину.

Тонкие губы Хэлис дрогнули в улыбке.

— Что ж, оставайтесь, поешьте с нами. Могу зажарить вам курицу, которая перестала нестись. Лошадей поставьте в хлев. Ливак ушла на соседнюю ферму, скоро вернется.

Она потянулась за костылем, который стоял, невидимый, с другой стороны колодца: Когда женщина пошла к дому, я заметил, что одна ее стопа едва выглядывает из-под нижних юбок и при этом вывернута вбок — результат серьезного перелома и неправильно сросшейся кости.

Я спешил и бросил поводья Шиву.

— Дай помогу.

Хэлис остановилась, смерила меня взглядом и протянула ведро. Потом оглядела кур, бестолково кружащих по двору, и не торопясь поймала одну.

— Как вы, чародеи, насчет того, чтобы оципать и выпотрошить свою еду?

Небрежным движением она скрутила птице шею и, повернувшись спиной к негодующему Вилтреду, тяжело захромала к дому, где широкий проход отделял хлев от его жилой половины.

Я отдал ведро Шиву.

— Неси, а я займусь лошадьми.

В хлеву стоял застарелый, тяжелый запах скота, но чувствовался и более недавний запах и признак лошадей: в яслях лежало сено, стоял наготове ларь с зерном, а на полу была постелена солома. Видно, женщины не сидели здесь сиднем всю зиму. Я разбирал сбрую, когда появился Шив.

— Как там Вилтред?

— Отлично, теперь у него есть очаг, где можно погреться. А эта Хэлис — крепкий орешек, да? — Он грустно покачал головой.

— Ага, и не признает ничьей жалости. — Я взвалил на плечо мою седельную сумку. — Она не служила раньше наемницей в Лескаре?

— Служила, Ливак мне как-то рассказывала. — Шив подобрал свой новый ранец. — Еще она говорила о самом большом преимуществе Хэлис. И знаешь, в чем оно? Стоит людям разок взглянуть на Хэлис, и они начинают обращаться с ней, как с глупой сестрой деревенского дурачка.

Я улыбнулся.

— Их можно понять. Как она сломала ногу?

— Упала вместе с лошадыю на каменистой дороге. — Маг скорчил сочувственную гримасу. — Ей еще повезло, могла бы и вовсе остаться без ноги.

Не успел я согласиться с этим, как женщина собственной персоной возникла в дверях. Мы с Шивом вздрогнули, словно ученики-прогульщики. Должен признать, для калеки она передвигалась на редкость бесшумно.

— Ну, кто наколет дров?

— Позволь мне, — дружелюбно улыбнулся Шив, взмахнув хорошо наточенным топором.

Я вышел за ними на задний двор. Раздевшись до рубашки, маг сноровисто принялся за дело, и на лице Хэлис отразилось ничем не прикрытое удивление. Однако, заметив мой взгляд, наемница тотчас отвернулась, а лицо ее вновь стало безразличным. Я складывал в корзину расколотые поленья, когда услышал сзади ровные шаги.

— Ливак! — тепло воскликнул маг, опираясь на топор.

Она остановилась и долго не закрывала рот. Я позволил себе роскошь полюбоваться ее грудью, которую живописно облегалая тесная куртка. Ливак похудела с тех пор, как мы виделись в последний раз. Отросшие рыжие волосы были небрежно заплетены в косу, от чего зеленые глаза казались особенно яркими на бледном лице: Лесная кровь ее бродячего отца проявлялась явственнее, чем я помнил. В руках у нее белел завернутый в муслин прессованный творог.

— Привет, Шив. Некому больше надоедать?

Она решительно вошла в уютное тепло выстланной плитами кухни, где Вилтред дремал у очага, положив бороду на грудь. Когда хлопнула дверь, старик тотчас проснулся и с любопытством уставился на дерзкую женщину в бриджах из буйволовой кожи. Ливак не удостоила мага даже взглядом.

— Упаси меня Дрианон от твоей назойливости, Шив, честное слово, — проворчала она, посылая мне мгновенную улыбку, обдавшую меня теплом, как глоток спирта.

Хэлис повернулась от очага, занимавшего всю дальнюю стену, и Ливак едва заметно подняла брови. В ответ бывшая наемница чуть поджала губы. Мне эти ужимки ни о чем не говорили, но я знаю, что моя мать со своими сестрами тоже ухитряются одним взглядом говорить друг другу больше, нежели сотней слов. Вопрос в том, насколько Ливак прислушивается к мнению подруги.

— Так чем ты занималась всю зиму? — Шив складывал

дрова в аккуратную поленницу.

— Чего бы ты, Шив, ни хотел, ты вытянул не те руны, — предупредила его Ливак.

— Как я понимаю, на днях ты была за границей?

Непринужденный тон мага не обманул меня, но Ливак подозрительно глянула на Хэлис. Та медленно покачала головой, давая понять, что ни о чем не болтала. Я промолчал. Я определю свой курс, когда узнаю, куда дует ветер.

— Мы работали в вербовочных лагерях вдоль Рела: я, Сорград и Соргрэн, два брата, наши знакомые, — медленно подтвердила Ливак. — Все наемники только и ждут, как бы напиться да показать руны, пока не установится хорошая погода, чтобы начать сражения, и командиры корпусов не подпишут контракты. Мы стригли барашков, трусящих завербоваться на службу, чьи бестолковые головы набиты идиотскими балладами.

Она дерзко усмехнулась Шиву, но была вознаграждена плохо скрытым фырканьем отвращения с другого конца кухни — то Вилтред заерзал на скамье. Ливак обернулась к нему, провокационный огонек вспыхнул в ее глазах.

— Посмотри на это так, старик: если какой-то молодой дуралей, подрядившийся на чужую войну, потеряет свои деньги и амуницию прежде, чем поступит на службу, то по крайней мере он останется жив, — с нарочито грубым энсейминским акцентом процедила Ливак и ухмыльнулась.

Вилтред воззрился на нее неожиданно стальным взглядом.

— Барышня, наше дело гораздо...

— Всею свое время, — мягко перебил его Шив. — Что ты думаешь о перспективах в Лескаре в этом году?

Его поза была непринужденной и беззаботной, угловатое лицо — открытым и привлекательным. Со своим мягким говорком Кевильских болот он выглядел типичным каладрийцем в представлении всех неместрелей — крепко привязанным к земле и семье и не слишком далеким. Это было очень убедительно, вернее, было бы, если б вы никогда не видели, как он швыряет вокруг горсти силы, отправляя Ледяных Людей прямиком в Иной мир, причем так быстро и далеко, что, поди, избавляет их от переговоров с Полдрионом о цене за перевоз.

— Герцог Парнилесский умер при весьма темных обстоятельствах, и трое его сыновей спорят о том, кто станет наследником, — в тон ему молвила Ливак, но глаза выдавали ее настороженность. — Их земли будет легко захватить, если они не наскребут денег на какой-нибудь хороший корпус.

Это интересные сведения. Казалось бы, старший сын должен получить титул без всяких там споров и разговоров. В конце концов, именно это упрямое лескарское настояние на праве

наследования по линии крови и положило начало всем их бесмысленным войнам.

— Судя по тому, что я слышала, старого герцога наверняка отравили, — заметила Хэлис, ловко вешая над огнем уже разделанную и насаженную на вертел курицу. Затем бросила щепоть соли в чугунок, кипящий в тагане на углях. — Сорград уверен, что его сыновья развяжут свою собственную маленькую войну еще до Солнцестояния.

Я тут же подумал, как лучше переслать отсюда письмо мессирю и нельзя ли предупредить семью Айтена.

— Шиввалан, — рявкнул Вилтред, — дело Планира гораздо важнее, чем обыденные склоки Лескара!

Воцарилось неловкое молчание, пока Ливак не заговорила. Ее голос сочился сарказмом.

— Да, Шив, изложи свое дело. Только позволь дать тебе одну руну бесплатно: нет такой силы по эту сторону Иного мира, которая заставила бы меня снова связаться с Верховным магом.

В ее тоне не было и тени компромисса. Что же за кости припрятал в руке Шив, если надеется склонить ее снова работать на магов?

— У Вилтрета, — Шив кивнул на скамью, — украли кое-какие ценности, вот мы и хотели спросить, не поможешь ли ты нам выследить воров и вернуть его добро?

Услышав имя старика, Ливак невольно вздрогнула, но по обыкновению бросилась в атаку.

— Уж не тот ли это Вилтред, что якшался с полоумным Азазиром?

Старик нахмурился.

— Азазир, барышня, был одним из величайших умов за десять поколений магов...

— Азазир настолько потерял рассудок, что не нашел бы его даже с подозрительной трубой, и позволь тебе сказать...

Шив торопливо вмешался.

— Пожалуйста, Ливак, нам правда нужна твоя помощь. Эти грабители — Ледяные Люди.

Ливак побледнела.

— У тебя что — шляпа на ушах? Нет!

— Ты не прогадаешь, — настаивал маг.

— Мне не нужны твои деньги, Шив, равно как и деньги Верховного мага, — отрезала женщина.

— Подумай, Ливак. — Шив красноречиво повел рукой. — Эти люди здесь совсем недавно, ибо весенние шторма только-только закончились. Мы напали на их ранний след — и можем выкопать мерзавцам здоровущую яму!

Никогда еще я не видел у Шива такого напряженного лица.

— Да? И если Планир Черный решит, что его медвежьей яме не хватает приманки, он просто сграбастает ближайшее теплое тело, а я лично не намерена болтаться поблизости, чтобы играть роль козла.

Ливак пошла к очагу и встала рядом с подругой, всей своей позой выражая непреклонность. Но меня поразила та сосредоточенность, с какой Хэлис уставилась на Шива.

Маг попробовал зайти с другого боку.

— Есть обстоятельства, которые ты просто не можешь игнорировать, предсказания...

— Жульничество чистой воды, — перебила его Ливак. — Я не желаю ничего знать. И ты меня не заставишь. В этот раз у тебя ничего на меня нет. Скорей я рискну прогуляться голой по дикому лесу.

Шив поджал губы.

— Неужто тебе не хочется отомстить за Джериса?

— Я делила с ним постель, Шив, но я вовсе не обязана разделять его участь. — В тоне Ливак сквозило презрение. — Забудь об этом. Вот поедим, и можете катиться отсюда на все четыре стороны.

С этим заявлением, еще звенящим в воздухе, она вынеслась из кухни, хлопнув дверью. Стряхнув внезапную рассеянность, Хэлис снова занялась стряпней. Шив хотел встать, но я его остановил. Маг выглядел пристыженным — и поделом. Попытаться сыграть на чувстве вины Ливак из-за гибели парня — прием, достойный лошадиного барышника. Я с горечью вспомнил об одинокой, мучительной смерти Джериса в руках эльетиммов. Я не мог осуждать Ливак за отказ, но предсказания утверждали, что без нее нам не отвести беду от Империи. Значит, я должен сделать все возможное, дабы убедить ее присоединиться к нам, не так ли? Я вышел из кухни, надеясь лишь на то, что не занимаю деньги под пустой кошелек.

Стук вил привел меня в хлев.

— Помощь не требуется?

Ливак хмыкнула, явно не веря в мой добровольный порыв.

— Ведро. — Она безапелляционно ткнула в угол.

Прихватив ведро, я отправился за ней к колодцу.

— Рад снова тебя видеть, — заметил я, крутя ворот.

Ливак улыбнулась. От ее улыбки мое сердце взвыгло, но я знал, что уговорить эту женщину разделить со мной жизнь будет еще труднее, чем убедить ее снова работать на Шива.

— Я иногда думала, не приведут ли тебя дела когда-нибудь и к нам, сюда, — небрежно промолвила Ливак.

— Почему ты не выслушаешь Шива? Эти его предсказания стоят внимания. — Я налил прозрачной холодной воды в подставленные ведра. — Верховный маг предупреждал, что Империи грозит серьезная опасность.

Ливак только фыркнула.

— Все эти блестящие когорты и Империя не смогут выгнать кучку эльетиммов, пытающихся стянуть овец из Далазора?

— Блестящие когорты не слишком эффективны против тех проклятых заклинаний, — честно ответил я. — И вряд ли эльетиммы станут врубаться в чащобы Гидесты или захватывать пару далазорских рыбацких деревень, когда на юге — всего в нескольких неделях плавания — их ждут богатые города, приличные гавани и хороший климат. Ну же, Ливак, ты видела, где они живут: голый камень, скудная трава. Они не останутся там, раз нашли способ добраться до материка.

Ливак схватила ведро, расплескивая воду на утоптанную землю двора.

— Меня это не касается, — сурово бросила она через плечо.

— Зато касается меня. — Я взял второе ведро и пошел за ней. — Многие из старых принцев не желают признавать это, но дни, когда тормалинские когорты держали под своей пятой шесть провинций, давным-давно прошли. А если добавить угрозу эльетиммской магии, то было бы глупо для нас не принять помощь, когда ее предлагает Верховный маг.

— И у вашего императора хватит духу это признать? — с вызовом спросила Ливак.

— Может, Тадриол и молод, но он знает, когда принимать совет, да благослови его Дастеннин. — Я придвинулся ближе к Ливак, чтобы тайнственно прошептать ей на ухо, вдыхая лавандовый аромат ее белья. — Ходит слух, что на Летнее Солнцестояние должно состояться его провозглашение. Мессир выступает за «Тадриола Предусмотрительного», но держит это при себе.

У Ливак сверкнули глаза.

— Сделайте подходящие ставки на этот титул, пока Собрание его не утвердило, тогда Шив сможет купить своему Вилтреду любые безделушки, какие тот захочет, и пусть забудет о возвращении тех, что он украл.

— Ну, ему их точно нипочем не вернуть, если ты не поможешь. — Я хотел обнять ее за плечи, но Ливак отошла, бормоча что-то на незнакомом мне энсейминском диалекте.

— Верховный маг не скупится и платит надежной монетой, — попробовал я другую гирию, чтобы склонить чашу весов.

— Почему все думают, что меня можно купить? — набычилась Ливак. — А этот самый Планир так щедр лишь

потому, что выплачивать обещанное ему приходится всего один раз из десяти. Остальные кончают тем, что любят внутренним глянцем в своей урне.

Я стал раскидывать солому.

— Ты отложила что-нибудь из прошлогодних денег на черный день?

— Как та умная полевая мышка, что прятала на зиму каждое второе зернышко? Твоя мать рассказывала тебе эту сказку? Она и сама так поступает? — Издевка в голосе Ливак задела меня. — Нет, мы все потратили в Зимнее Солнцестояние. Устроили себе праздник, чтобы запомнися на всю жизнь. Накупили вчетвером новой одежды, пили хорошее вино, вкусно ели, в общем, десять дней всего самого лучшего, что могла предложить «Кавалькада» в Коле. — Ливак посмотрела на меня вызывающе. — Деньги Верховного мага, может, и надежный металл, но слишком много на них крови, чтобы держать их в своем кошельке. Однако ты прав, мне следовало найти им лучшее применение. Надо было потратить все на благовоения Тримону, чтобы сбросил Шива вниз головой в какой-нибудь глубокий овраг, если он снова попытается меня найти!

Видно, и мне придется сделать пожертвование богу путешественников, чтобы помог вытащить на дорогу нашу разношерстную пятерку.

— Лагерь наемников скоро закроются, — напомнил я Ливак. — Где ты тогда возьмешь деньги? С такой ногой Хэлис не примут ни в один приличный корпус.

— Что-нибудь придумаем, но я точно не собираюсь охотиться с вилами на сверчков для Шива, когда нужна Хэлис здесь.

Вонзив вилы в тюк, Ливак вышла во двор и с остервенением принялась швырять в корзину щепки на растопку. Я проглотил досаду и начал помогать.

— Не понимаю, как ты можешь! — взорвалась она через несколько минут. — Как ты можешь снова связываться с магами?

— Я выполняю волю моего патрона, — как можно мягче ответил я.

— Он посылает тебя за дичью будто собаку? — Ливак покачала головой, ее тон был опасно близок к насмешке. — Прибегай и убегай по его свистку или отведаешь плетки? Скажи, в его своре уже есть другой несчастный взамен Айтена? Исполнение хозяйской воли не принесло ему большой пользы, не так ли?

Я зажмурился от внезапного воспоминания: тело Айтена в моих руках посреди безжалостного океана, из его ноги хлещет теплая кровь. Ливак перерезала ему вену и тем убила моего друга, чтобы спасти остальных, когда эльетимские чары похитили разум Айтена и заставили его напасть на нас.

— Я должна была так сделать, и ты это знаешь, верно? — резко спросила Ливак с побелевшим лицом. — Иначе он бы всех нас убил.

— Я знаю. — Наши глаза встретились, и я приложил немало усилий, чтобы голос мой звучал ровно. — Я знаю и не виню тебя. И Айтен бы не винил. Мне только стыдно за себя, за то, что свалил на тебя эту ношу. Вынудил делать то, чего сам сделать не смог.

— Я отвечу за это Сэдрину, вот что я знаю. — Изумрудные глаза Ливак вдруг налились слезами, и она сердито заморгала. — Это было то самое убийство, о котором предупреждают все старые наемники, убийство, которое остается в твоих снах, и ты просыпаясь с запахом крови в ноздрах.

— Ты не обязана мне это рассказывать. Я здесь столько же ради Айтена, сколько ради чего угодно. — Я и сам испугался своей злобы. — Мы клялись одинаковыми клятвами и жили по ним. Я верен тем клятвам.

— А я верна своим друзьям, не каким-то лицемерным словам и потускневшей бляхе, — огрызнулась Ливак, тыча пальцем в мой медальон. — Я слишком высоко ценю свою свободу.

Страдая от жгучей боли, я сжал кулак с горстью щепок и почувствовал, как деревяшка впиалась в ладонь.

— Свободу умереть нищей в канаве? Ни один присягнувший с таким увечьем, как у Хэлис, не был бы предоставлен милости своих друзей! Сьер серьезно относится к возложенным на него обязательствам.

— Однако сам он ничем не рискует, не так ли? — гневно возразила Ливак и повернулась ко мне спиной, чтобы снова пересечь двор. — Это не то, что я называю ответственностью.

— Да что ты знаешь об ответственности! Ты, кто никогда не задерживается в одном месте больше чем на полсезона!

Я стиснул зубы, чтобы остановиться. Я мог лишь предположить, что только постоянное недосыпание способно вызвать во мне неводержанность и спровоцировать гнев. Я вытащил занозу из ладони, пососал царапину и, немного успокоившись, вновь отыскал Ливак — она собирала яйца в высокой траве под ягодными кустами. Поросяенок протрусил в свой загон, сопя, обнюхал стену, поднял к нам свой вонючий пяточок и разочарованно захлопал ушами, поняв, что у нас нет еды.

— Я не должна была идти с Шивом в прошлом году, сгноил Дрианон его глаза, — забормотала Ливак себе под нос. — Я ведь знала, что Хэлис больна. Так нет же, поддалась как последняя дура на его уговоры. Шив сказал, что у него есть друг, который о ней позаботится. Отрезать бы ему яйца для рогатки!

— Даже императорский аптекарь в Тормейле ничего бы не смог поделаться с таким переломом, — возразил я. — Ты не можешь винить Шива или себя, коли на то пошло.

Ливак подняла голову.

— Помнится, я говорила тебе то же самое об Айтене.

— Это другое дело! — огрызнулся я, не сдержавшись.

— Неужели?

Ливак стала выдергивать первые весенние ростки на ухоженном огорожке, и у меня невольно потекли слюнки. Дома я успел вкусить ранней зелени, прежде чем приказы мессира снова отправили меня на север, где холодная земля еще ждала улыбки Ларазион. Однако сейчас не время предаваться мечтам.

— Ты можешь остановиться хоть на минуту? — Во мне пробудилась внезапная ярость.

Ливак подняла глаза — темные, как бурное море зимой. Я едва овладел собой.

— Ты нужна нам, Ливак...

— Ты нужна нам, Ливак! — с издевкой повторила она. — Я нужна тебе? Ты говоришь, Райшед, ну прям как благородный рыцарь из плохой солурской баллады, обхаживающий свою даму!

Этот неожиданный поворот совершенно сбил меня с толку.

— Я-то надеялась, ты сам захочешь найти меня, а не потому, что Планир тебе свистнул. Ну, и каков твой следующий шаг? Приударись за мной, чтобы уговорить идти с вами, как какой-нибудь солдат, трясущий перед горничной своими причиндалами? Забудь об этом. Хватит того, что мать так попалась!

— О чем ты?

— Я думала, что дорога тебе. Едем, познакомишься с моей семьей, вот что ты говорил в прошлом году.

— Но ты же сама не захотела! — возмутился я. — Я лишь просил тебя поехать со мной в Зьютесселу на Солнцестояние, но ты отказалась!

Ливак покачала головой.

— И сколько бы прошло времени, прежде чем твоя мать начала вышивать ленты для волос, предлагая мне починить белье? Если бы я хотела быть чьей-то служанкой, я бы осталась дома!

— Ну, решайся! — Я был сыт по горло этим разговором, что, должно быть, проявилось на моем лице.

— Ладно, забудь. — Ливак покраснела и протиснулась мимо меня обратно в дом.

Я прикусил несколько отборных ругательств и потопал за ней, тяжело дыша от злости.

Когда мы вошли, Хэлис беседовала с магами.

— Нам нужно кое-что сделать до завтрашнего отъезда. — Она захромала к буфету за грифельной доской. — Поросенка мы продадим легко, но, думаю, кур правильнее будет нарезать и приготовить мясо.

— О чем это ты толкуешь? — грозно спросила Ливак.

— Я еду с этими магами. — Видно, Хэлис служила в тех корпусах, что специализируются на штурме укреплений. — Если им нужен вор, а ты не желаешь помочь, то в Релшазе найдутся охотники за подходящую плату.

Миска с яйцами упала на чистые плиты и разлетелась вдребезги. Не обратив на это внимания, Ливак яростно напустилась на подругу.

— Чего ради ты вздумала связаться с чародеями? Ты же знаешь, что случилось! Из-за них я оказалась на другом конце океана, на островах, о которых никто никогда не слышал, со злобным мерзавцем, который чуть не вытолкнул мои мозги через нос своей магией, о которой никому ничего не известно. Спроси-ка Райшеда, как ему это понравилось? Разве Шив знает, как они это делали? Бьюсь об заклад, Планир со всеми его бесполезными магами до сих пор не нашли разгадку. Беднягу Джериса замучили до смерти, ты забыла, что я тебе рассказывала? Я вышла живой только потому, что Дрианон подарила мне трехсезонное везение! С тех пор я делаю пожертвования у всех ее усыпальниц, а ты знаешь, что я не набожна...

У Ливак кончились слова, а может, дыхание, и наступила долгая пауза, пока Хэлис не заговорила спокойным, как будто заученным тоном, хоть и не поднимала глаз, дабы не встретиться взглядом с Ливак.

— Все, что я помню, так это твой рассказ о том, как Шиву сломали руку. Удар меча начисто перерубил кость, говорила ты. — Под тихими словами голос наемницы был жестким. — Большинство врачей отрезали бы ее у плеча, пока рана не загноилась. Все равно такой рукой нельзя было бы пользоваться, даже если б удалось ее спасти. Но те маги ее спасли, не так ли? Он только что держал в ней топор и колот дрова, Ливак, да не какие-то сухие чурочки, а здоровенные поленья. Я помогу им выследить воров, а за это они починят мне ногу.

Оба мага и я сидели не шевелясь, ибо понимали, как опасно встывать между двумя ссорящимися женщинами.

— Две здоровые ноги не стоят такого риска, Хэлис! Поверь мне, я знаю. Эти Ледяные Люди — убийцы, палачи...

Голос Ливак задрожал от бешеной злобы, и я услышал ответный гнев, нарастающий в тоне Хэлис.

— Ты понятия не имеешь, на что я готова пойти ради двух здоровых ног, Ливак, вообще никакого понятия! Ты хоть представляешь, как я ненавижу здесь торчать? С козой и то нашлось бы больше о чем говорить, чем с нашей шлюхой-соседкой, а она — самая смышленная на лиги вокруг. Попробуй-ка заикнись кому-нибудь в деревне о любом местечке, до которого дольше одного дня пути, и они вылупятся на тебя, будто ты поющая свинья. Вы с братьями уходите и развлекаетесь вовсю, отделяя идиотов от их кошельков, а я должна сидеть в собственной моче как увечная старая бабка и просто брать у вас четвертую долю. Это я взяла тебя на твою первую игру в лагерь наемников, а теперь должна слушать, как ты рассказываешь о последних планах в лагерях, кто из командиров корпусов заключает контракты, кто собирает отряд для набегов, и все это время я знаю, что никогда не смогу вернуться к этой жизни со своей проклятой ногой, которая скручена сильнее, чем притязания на лескарский трон! Да лучше бы зеленая гниль купила мне проезд с Полдрионом!

Ливак круто повернулась, вся алая от ярости и боли, и выбежала вон из кухни. На сей раз я не видел смысла идти за ней, а потому остался сидеть, разглядывая бронзовый амулет, сверкающий на полотне моей рубахи. Шив со скрежетом отодвинул стул и направился к вину, брезгливо обходя мезиво из разбитых яиц и зелени. Я двинулся следом к буфету и достал глиняные кубки, думая о бесспорной справедливости выступления Хэлис. Подобных увечий мы, присягнувшие, боимся больше смерти и быстрой переправы в Иной мир.

— Ты сделаешь это? Исправишь ей ногу? — тихо спросил я Шива.

— Конечно. Сэдрин запрет меня между этим миром и следующим, если я обману. — Маг простодушно раскинул руки.

Он только что принес убедительную клятву, и я рассудил, что она не позволит магу смошенничать.

— Надеюсь, Шивалан, твой мешочек с деньгами Планира еще довольно увесист, потому что нам нужно купить легкую коляску, — внезапно заявил Вилтред.

— Зачем это? — покосился на него Шив.

— Затем, что я не могу сидеть на лошади, пока вы не выправите мне ногу, — с завидным спокойствием ответила Хэлис.

— С коляской мы будем привязаны к большакам, — покачал головой Шив. — Да еще сменные лошади... Нет, мы должны двигаться быстро и...

— Если нужна коляска, значит, покупаем коляску, — сказал как отрезал я, заметив непоколебимость в глазах наемницы. — Эльетиммам тоже придется держаться большаков.

Кроме местных путей к рынкам, все остальные проселки будут в непролазной грязи.

Шив досадливо поджал губы.

— Я не вижу...

— Я не могу ехать верхом до самого Релшаза со своей больной спиной. — Вилтред безапелляционно махнул рукой. — Делай, как тебе говорят, Шиввалан.

Избегая встречаться взглядом с Шивом, я раздал всем вино и, глядя на опухшие костяшки Вилтреда, невольно подумал, сколько же мучений доставляет старику его спина.

— Ну ладно, — нехотя сдался Шив, — если думаете, что найдете здесь что-то подходящее.

— У меня есть на примете несколько человек, у которых можно спросить, особенно если мы предложим им поросенка как часть оплаты, — заверила его Хэлис.

Вспыхнувшая в огне капля жира напомнила о курице, которая уже успела зарумяниться. Поели мы в молчании. В какой-то момент Шив хотел мне что-то сказать, но прикусил язык, когда Вилтред сощурился и покачал головой.

— Спасибо за великолепную еду. — Старик положил ложку в тарелку, вытер свой нож и, встав, церемонно поклонился Хэлис. — А теперь, если вы извините нас, мы с Шивваланом пойдем во двор и попробуем поискать наших грабителей, — добавил он непререкаемым тоном, и Шив покорно отодвинул стул.

Как только они ушли, Хэлис неуклюже опустилась на колени перед разбитой миской.

Я принес ведро.

— Что будет делать Ливак, если ты поедешь с нами? Останется с этими братьями?

Хэлис забрала у меня тряпку.

— Сомневаюсь. Они хотят идти за денежным сундуком Драксимала. В последний раз, когда заезжали сюда, только об этом и говорили. Сорград узнал, который из корпусов будет его получать и где заступать на службу. — Ее голос задрожал от обиды. — Он еще говорил, как, мол, жаль, что мы не можем пойти с ними. Ни один, мол, командир не возьмет меня с такой ногой, а Ливак если и возьмут, то только на перине, о чем она вряд ли мечтает. Нарядившись шлюхой, она проберется в лагерь, но она сама знает, сколь опасно долго играть подобную роль, не желая при этом лечь.

Я очень надеялся, что Хэлис права, но строго напомнил себе, что связан другой верностью, особенно если Ливак займет столь непреклонную позицию. Дастеннин покарай эту женщину, ну почему она так упряма? Но все равно, сведения об этом заговоре будут ценны для мессира, не так ли?

— Какой корпус получает эти деньги?

— «Железный Каблук», по пути на юг, чтобы охранять границу от герцога Триолльского. — Хэлис покачала головой. — Я не хочу в этом участвовать. Их командир, Кис, служил под моим началом несколько лет назад, и я многим ему обязана.

Выходит, за свою карьеру наемницы Хэлис не только месила ногами грязь, если имеет таких друзей. Большинство корпусов держатся пару сезонов, прежде чем развалиться из-за споров о награбленном добре или из-за того, что их слишком часто втаптывали в дерьмо. Наберется всего с горсть отрядов, столь же хороших, как этот «Железный Каблук», который выбивает звонкую монету из лескарских страданий уже более семи лет.

— Как эти братья надеются в одиночку захватить сундук с деньгами?

— Не знаю. — Хэлис полоскала тряпку в ведре, заодно посматривая на меня. — Я тут и сама могу управиться, почему бы тебе не заняться чем-то полезным для нашего отъезда?

Я понял намек.

— Здесь где-нибудь есть переписчик, который торгует картами?

— Иннел, живет возле Рива.

Оставив Хэлис доказывать свою независимость уборкой без посторонней помощи, я отправился в деревню.

Я довольно легко отыскал писца Иннела и, немного потолковав с ним, решил, что ему можно доверить письмо для мессира. Иннел переправит его лорду Эдрину с просьбой отослать дальше Императорской Курьерской почтой. Я дважды запечатал письмо, но не слишком беспокоился, что кто-нибудь его прочтет. Все секретные сведения я изложил на южном тормалинском диалекте океанского побережья — повседневном языке нашего родного города Зьютесселы. Если бы здесь, в пределах сотни лиг, нашелся хоть один человек, способный его понять, я бы слопал мой сургуч еще горячим. Однако благоприятный отзыв о лорде Эдрине я написал на официальном тормалинском — на случай, если его любопытство одержит верх над чувством чести. У Иннела нашлось на продажу несколько томов карт, которые я тщательно сравнил, пока не убедился, что они достаточно совпадают. Я всегда настороженно отношусь к картам, составленным за пределами Тормалина; можно здорово заплутать, если сведения картографа устарели или попросту выдуманы. Но эти карты были хороши, достойны самого Тормейла.

Проходя через деревню, я быстро осмотрел трактир, усыпальницу, женщин, продающих свои изделия вокруг маслобойни. Ливак нигде не было видно, и она не вернулась домой к

тому времени, когда я принес книги. Шив отправился покупать лошадь и коляску, а Вилтред показывал Хэлис предсказания. Бывшая наемница бесстрастно взидала на ужасы. Ее лицо оставалось неподвижным, и лишь неровное дыхание выдавало ее потрясение. Я не стал смотреть второй раз, не нуждаясь в напоминании о моем долге, как бы Ливак к нему ни относилась. Вскоре вернулся Шив в сопровождении опрятного шарабана, запряженного длинномордой лошадью с грубой зимней шерстью буланой масти. Я помог ее распрячь и отвести в хлев.

— Усердно поторговался? — с легкой усмешкой спросил я мага, раскидывая солому. — Планир не остался в большом убытке?

— Сделка была честная. Оказывается, на поросят здесь, в округе, самый большой спрос, — заверил меня Шив, к нему явно вернулось хорошее настроение.

Я посмотрел на лошадь. Она показалась мне какой-то уж слишком покорной, но я ничего не сказал. Когда мы пошли спать, Ливак все еще не вернулась, и на этот раз мне долго мешала уснуть досада. Что я мог сделать, если единственная женщина, которая нам нужна, наотрез отказывается сотрудничать с нами, а та, что обещает повиснуть гирей на шее, полна решимости идти?

ГЛАВА 2

Копия письма, посланного лордам всех владений Эглином, бароном Шейлхолом, позднее Первым Председателем Каладрийского Парламента, взятая из библиотеки Парламента и обычно датируемая 7-м годом Хаоса.

Я пишу сие воззвание в надежде, что Каладрия еще может спастись от бедствий, кои со всех сторон осаждают нашу несчастную землю. Каждый день я слышу жалобы голодных, вижу отчаяние избитых и горе обездоленных; я не в силах больше это выносить. Сэдрин зрит горе простых людей и помнит, что, принимая их верность, мы приняли на себя и обязательство защищать их от подобных страданий. Нет сомнения, что он задаст немало жестких вопросов, прежде чем позволит некоторым из нас войти в Иной мир. Но все, что я слышу от равных мне, это бесплодные оханья да раскольнические споры о том, какой способ правления нам следует перенять у тех, кто живет вокруг нас.

Есть такие, кто отступил бы на поколение назад и посадил на трон императора или короля. Но что бы это дало? Как избрать такого человека? Какие качества мы хотим видеть в кандидате, чтобы доверить ему такую большую власть? Что касается меня, боюсь, тени моих предков обратились бы с петицией к Аримелин, где просили бы наслать демонов в мои сны, если я сознательно подчинюсь тирании, против которой они так долго и упорно боролись и которую в конце концов свергли. Возможно, мы должны подражать самопровозглашенным герцогам Лескара и позволить сильнейшим захватить все, что они сумеют, пока никто не осмелится бросить им вызов. Роскошные дворцы их светлостей, возможно, выглядят прекрасно теперь, когда поля сражений заросли травой, но давайте не

забывать, что сами они мало чем отличаются от разбойников, предъявляющих права на лесное убежище. Так же, по локоть в крови, раздирают они щедроты Лескара, как браконьеры — тушу убитой оленихи. Я слышу, вы спрашиваете меня: неужто нам осталась лишь одна перспектива раздела и распрей, кои терзают Энсеймин? Неужто нашим сыновьям и дочерям предстоит смотреть, как наша любимая страна распадается на лоскутное одеяло мелких царьков и алчных городов, грызущихся между собой, будто помет голодных дворняжек? Клянусь молотом Мизаена, я не допущу этого и призываю всех честных людей помочь мне.

Почему мы ищем ответ за нашими пределами? Давайте искать у себя, у мудрости наших предков. Прежде чем Коррел, так называемый Миротворец, послал свои когорты, чтобы растоптать нашу землю под пятою тормалинского господства, мы были мирным и прилично управляемым народом. Наши предки знали, сколь опасно отдавать много власти в руки одного или даже нескольких человек, и правили сами, честно и справедливо, через Собрание Мужей. Все собственники могли говорить, все люди доброй воли могли работать вместе на общее благо. Никакой тиран, великий или малый, не мог задушить свободы, которые являются исконным правом всех людей. Те самые свободы, коих наши отцы вновь добились для нас, когда сбросили проржавевшую железную руку Дома Немитов. Мы сумели возродить многое из того, что было потеряно до нас. Так давайте же снова вместе войдем в Собрание Мужей и возьмем свою судьбу в наши собственные руки.

На юг по Речной дороге, владения лорда Эдрина, Каладрия, 12-е поствесны

Ливак появилась только утром, когда мы с Шивом обсуждали маршрут, а Хэлис, пропуская мимо ушей повелительные указания Вилтреда, запрягала лошадь в шарабан. Утро выдалось прекрасное, в ясном голубом небе высоко белело единственное тонкое облачко.

— Что там у вас? — с ходу спросила Ливак.

— Путеводители.

Если она не хотела обсуждать свои решения, то и я не хотел. Найдя том, который показывал ближайшие отрезки Речной дороги, я развернул длинную карту.

— Их случайно не рационалист чертил, а? — с ехидцей поинтересовалась Ливак. — Если он, то вы скоро заблудитесь. Все расстояния и детали будут искажены в угоду их представлениям о

порядке и равновесии.

— Нет, карты точные. — Я не собирался заглатывать ее наживку и указал на группу нарисованных деревьев с толстыми ветвями. — Что ты знаешь об этом месте, Прозайнской Пуше?

Ливак глянула поверх моей руки.

— Это где земли лорда Эдрина встречаются с владениями других лордов, Тивайса и Дарди. Они сохранили лес как охотничий заповедник.

Я постучал пальцем по реке.

— На мой вкус, она чересчур близко.

Шив кивнул.

— Убежище для оленей и кабанов отлично сгодится и лескарским беглецам. Возможно, там и не столь опасно, но лучше бы присоединиться к какой-нибудь крупной группе.

— Зима была долгая, суровая, — согласился я.

Ливак показала на голубой кружок у дороги.

— Вот хорошее место, чтобы остановиться и напоить лошадей. Обычно народ собирается там, прежде чем пересечь Пушу.

— Не худо бы заодно поспрашивать об эльетиммах. Может, удастся напасть на след... — вслух размышлял я.

— Это идея, — подхватил Шив. — Надеюсь, их будет довольно легко проследить. Они должны бросаться в глаза как пугала на каладрийских огородах.

Ливак рядом со мной шевельнулась.

— Скажи-ка, Шив, каладрийцы расценивают как простое невезение необходимость отправляться за округ, где ты родня половине жителей, или это считается действительно безнравственным?

— О, и то, и другое, — весело заверил ее маг.

Ливак фыркнула, но в уголках ее губ задрожала слабая улыбка.

— А чародеи путешествуют с шиком, да? — Она пренебрежительно уставилась на маленький опрятный экипаж. — Где вы его достали?

— У Коротышки Меррика. — Хэлис хлопнула упряжную лошадь по крестцу и неуклюже забралась на сиденье.

— И что Коротышка с ним делал? Не репу же в нем возил?

— Его покойная жена была из Абрея. Дороги там куда лучше, вот она и привыкла к шикарнейшей жизни, которая ее муженьку была не по карману, — сухо ответила бывшая наемница.

Я с облегчением увидел, что обе женщины примирительно усмехнулись.

— А работка-то хреновая, — фыркнула Ливак, ковыряя ногтем кусок отваливающейся инкрустации.

— Да кто ты такая, чтобы судить? — возмутился старик Вилтред, глядя на нее с высоты шарабана.

— Повозка — та же столярная работа, маг, только с колесами. А за свою жизнь в Ванаме я наполировала столько дорогой мебели, что могу считаться лучшим судьей деревянных изделий во всей здешней округе. — Ливак подбоченилась и, задрав голову, дерзко уставилась на него.

— В общем, Ливак, ты поедешь на лошади Вилтреда, — торпливо вмешался Шив. — Да пошевеливайтесь, пока погода держится. Если отправимся сейчас, к полудню должны выехать на большак.

Вскоре у Хэлис был полон рот хлопот с упряжной лошастью, которая определенно освободилась от того, чем ее там кормили, дабы смягчить ее норов. Вилтреду стало вовсе не до смеха, когда его чуть не опрокинули в живую изгородь, и поначалу все ехали молча. Утро медленно тянулось, но в конце концов Хэлис приоткрылась к животному и, к моему облегчению, завязался какой-то разговор. Я вовсе не горел желанием ехать три сотни лиг в компании четырех человек, которые не общаются друг с другом, и меня опять мучила тоска по Айтену.

— Скорей бы уж выбраться на приличную дорогу, — заметил я, обращаясь к Ливак, когда мы преодолели особенно топкое место под пологом ранней листвы.

— Ага, — согласилась она, убеждая свою чалую обойти лужи. — Если б у нас дома кто-то позволил своей изгороди так разрастись, то платил бы изрядный штраф Купеческому Конклаву.

И неудивительно, ведь торговля — источник жизненной силы Ванам и других крупных городов-государств Энсеймина. Однако Ливак права. У мессира Д'Олбриота тоже есть управляющий дорогами, который шесть сезонов из восьми разъезжает по его землям и следит за ремонтом. Но, похоже, каладрийские лорды иначе понимают свои обязанности и только клюют носом в этом своем Парламенте, как те черные птицы, что сушат крылья по краям причалов. С другой стороны, они быстро умеют договариваться, когда заходит речь о новых налогах, вроде этого налога на очаг — еще одного способа грабить крестьян и наряжать своих дамочек в атласы.

— Шив говорил, будто для каладрийских дам считается вполне respectable наносить визиты в повозке, запряженной волами, если местные проселки так плохи. — Я покачал головой, все еще сомневаясь, не водил ли он меня за нос.

Ливак мимолетно улыбнулась.

— А мне все равно нравятся высокие деревья. И не только в рощах и садах.

Я поддакнул, спросив себя, не отголосок ли это ее Лесной крови. Так или иначе, а проблема сия всегда будет сто-

ять между нами. Может, это старая шутка, но из всего, что я видел, неоспоримо верно единственное: чтобы заставить лесного жителя усидеть на одном месте, надо прибить его ногу к полу. Пускай Великий Лес стоит на другом краю Старой Империи, отделяя западные пределы Энсеймина от королевства Солура, — лесные менестрели всегда являлись обычным зрелищем в Тормалине. Мало кто из других народов забредает в такую даль ради простого любопытства и страсти к путешествиям.

Я вспомнил, что рассказывала мне Ливак в прошлом году, прежде чем вопросы долга и независимости разлучили нас. Ее отец тоже был лесным менестрелем, соблазнившим ее мать-горничную, когда Западный тракт через Энсеймин привел его в Ванам. Насколько я понял, он находился рядом, пока Ливак была маленькой, успев за это время передать дочери больше наследия своего Лесного племени, чем она себе представляет, через те песни, что пел ей, бывало, перед сном. Но едва Ливак подросла, он вновь откликнулся на зов странствий, оставив ее мать одну с ребенком, как вечным напоминанием о горькой утрате возлюбленного, и одну-одинешеньку перед насмешками семьи. Неудивительно, что у Ливак сложилось предвзятое мнение о семейной жизни.

Если подумать, то ее отказ провести со мной Солнцестояние был, вероятно, только к лучшему. Успокоить мою мать после моего весьма приукрашенного рассказа о нашей прошлой годней поездке оказалось нелегким делом. И вряд ли было бы уместно знакомить ее с моей любовницей, одетой в мою запасную куртку и бриджи, с ее прошлым, которое не поддается благопристойному описанию. Мать все еще надеется, что один из нас приведет домой скромную девушку в юбке с собственной вышивкой и длинными косами для алтаря Дрианон. По мне, это прекрасно, пока сию почетную обязанность исполняет кто-то из моих братьев. Хенси или Риднер вполне могут отложить на время свои колотушки да зубила, если Мисталь слишком занят своей учебой.

— Знаешь, у меня есть собственное дело в Релшазе, — внезапно сообщила Ливак чуть погодя. — И если уж Шив ухитрился втравить Хэлис в свои планы, почему бы мне не доехать туда вместе с вами? Как ты сам говорил, дороги опасны для одиночки.

В устах женщины, которая сбежала из дома с пустыми руками, едва выйдя из девичества, это прозвучало не слишком убедительно.

— Что за дело? — с умеренным любопытством спросил я в надежде, что она не замышляет ничего слишком бесчестного. Кое-какие приемы, которыми Ливак зарабатывала на жизнь, плохо уживались с моей совестью.

— Есть один тип, его зовут Арл Кордайнер. — Ее глаза стали далекими и холодными.

— И что он тебе?

— Он мне должен, — твердо ответила Ливак. — Кордайнер — мошенник, один из лучших, потому что выстраивает других в очередь к позорному столбу или на виселицу, если что-то идет не так. Нас четверых едва не повесили из-за него в Селериме где-то с год назад. Он не смог бы опустить нас в большее дерьмо, даже если б оставил по шею в выгребной яме.

— Думаешь найти его в Релшазе?

— Я видела его на Речной дороге сразу после Равноденствия. — Лицо женщины пылало решимостью. — Он весь был разодет, как тормаинский торговец шелком, и с окладистой бородой. Но я никогда не забуду его рук и ушей.

Я ободряюще кивнул. Знает ли этот Кордайнер, что Рэпонин собирается потребовать с него счет, дабы подвести баланс в гроссбухах правосудия?

— Я поеду с вами до Релшаза, — продолжала Ливак. — Хочу убедиться, что Шив сдержит слово. Что бы ты ни говорил, я все равно не доверяю магам.

Вот мы и добрались до сути дела, решил я.

— Если нападем на след воров с этих Ледяных островов, я постараюсь вернуть сокровища Вилтреда, но только пока буду уверена, что риск того стоит. И если маги будут у меня в долгу, то пусть заплатят его, починив ногу Хэлис. — Ливак хмуро посмотрела на спины магов, едущих впереди нас, но злость в ее глазах сменилась болью, как только ее взгляд упал на подругу. — Это должно уладить любые счета между ней и мною, хотя все выигрышные руны опять достанутся Шиву. Но если вдруг снова запахнет бедой, как в прошлый раз, я смоюсь оттуда быстрее чем кошка, пойманная у миски со сливками.

— А я, вероятно, побегу следом. — Я отважился на теплую улыбку, которую Ливак вернула, хоть и с саркастическим блеском в глазах.

— Сэдриновы потроха! — Громкие ругательства Хэлис оповестили нас о том, что шарабан угодил колесом в болотистую колею.

— Как тебе лошадь? — поинтересовался Шив у Ливак, когда экипаж выбрался на сравнительно твердый грунт.

— Отлично. — От улыбки ямочки заиграли у нее на щеках. — Но что годится для Вилтреда, для меня и подавно сойдет, разве нет?

— В молодости, барышня, я был выдающимся наездником... — встрепенулся маг, словно старый кот-мышелов, разбуженный нахальным котенком.

— Мы попадем на большак около полудня, верно? — Я оглянулся, обращаясь к Шиву, который ехал теперь замыкающим.

Иронично улыбнувшись старику, Ливак прищипорила лошадь и легким галопом умчалась вперед.

— Верно.

Шив перевел сердитый взгляд с исчезающей спины Ливак обратно на Вилтреда. Потом ударил коня в бока и рысью поехал рядом со мной.

— Ты не можешь сказать Ливак, чтобы кончала его подначивать? — тихо спросил он.

Я пожал плечами.

— Сказать-то могу, но пока он продолжает заглатывать червячка, она будет его дразнить, если не найдет чего-то позабавнее. А почему бы тебе не намекнуть Вилтреду, чтобы перестал обращаться с ней как со служанкой, уволенной за флирт с лакеем? Это могло бы помочь.

Шив что-то проворчал, но я не вслушивался. Дорога начала взбираться на длинный склон, и шарабан замедлил ход. Мы ехали шагом, слушая, как Вилтред пытается узнать что-нибудь о Хэлис. Так как на все расспросы наемница отвечала одним словом, самое большее двумя, старик все сильнее раздражался, и его вопросы в конце концов перешли от дерзких к оскорбительным.

— Я думал, женщине твоего возраста давно пора остепениться и завести детей. — Вилтред покосился на Хэлис, чтобы увидеть ее реакцию. — В мое время считалось несчастьем, если девица встречала свой праздник поколения незамужней.

— А я руководствуюсь солурскими поколениями, — неожиданно заявила Хэлис. — И это тридцать три года, а не двадцать пять по тормалинскому календарю. У меня в запасе еще два года, прежде чем надо будет беспокоиться.

Вилтред заткнул рот, а мы с Шивом усмехнулись. Интересно, нельзя ли убедить мою матушку поступать, как Хэлис? С тех пор как ей перевалило за пятьдесят, она отчаянно жаждет внуков.

Старый маг не сразу оправился от того щелчка, но спустя некоторое время стал потчевать нас все более скучными историями из своей молодости, швыряясь знатными именами, как идущий за плугом крестьянский парень, бросающий камни в ворон.

— Кто этот Фелмат из Широкого Эйла? — прошептал я Шиву.

— Понятия не имею, — покачал головой маг.

Я наморщил лоб.

— Лорда Уотрела я знаю, но его жену зовут Майла. Эйбрин была его матерью.

Я говорил достаточно громко, чтобы Вилтред услышал.

— Ты присягнувший мессира Д'Олбриота, не так ли? — Старик все больше пыжился от гордости. — Ты должен передать мои поклоны его очаровательной жене, госпоже Кориан. Я имел удовольствие познакомиться с ней несколько лет назад.

Я не знал, что на это ответить, ибо дама, о которой шла речь, уже девятнадцать лет пребывала пеплом в урне. К счастью, Вилтред не ждал ответа, предпочитая бахвалиться своими высокими связями.

— Да, мы познакомились, когда я гостил у Сульеллы, герцогини Парнилесской. Весьма любезная дама, знаете ли, элегантная, и хозяйка чудесная.

Хэлис взмахнула кнутом, чтобы привлечь внимание запряженной в шарабан буланой.

— Вдовствующая герцогиня, ты хочешь сказать.

— Прошу прощения? — надулся старик, недовольный, что его перебили.

— Герцогиня — Лайфиналь, жена герцога Морлина. Сульелла живет на своих вдовьих землях в Тарборне.

— Кажется, ты хорошо осведомлена... — промолвил Вилтред.

— Я три года командовала личной стражей герцога Марлирского, — отрезала Хэлис и щелкнула кнутом по шее лошади.

То ли ее замечание, то ли внезапная тряска образумили Вилтрета, и он замолчал, но я был до смерти рад, что он оставил свои попытки произвести на нас впечатление. Я надеялся, что темп погони в ближайшее время ускорится, но пока это было так же интересно, как сопровождать незамужних тетюшек мессира в их ежегодном объезде семейных поместий, давая им возможность поучать младших дам Имени, как следует воспитывать детей.

Выбравшись на большак, мы поехали быстрее и вскоре достигли того озера. Я позаботился прежде о собственной лошади, затем помог Вилтреду сойти с шарабана, после чего достал и пристегнул свой меч. Я не вспоминал о нем с тех пор как оставил Лескар, но если в этой Пуше скрываются разбойники, я буду готов. Рассматривая других путешественников, толпящихся на берегу, я увидел Шива с каким-то незнакомцем. Я приблизился, но не настолько, чтобы вмешаться в их разговор, — вдруг магу удастся узнать что-то полезное для нас.

— Райшед! — Шив замахал мне, и я сделал вид, будто только что его заметил. — Это Найл, капитан Стражи у того торгового каравана. Они направляются на юг.

Незнакомец коротко кивнул.

— Мы везем товары для Сершана и сыновей из Дари в Релшаз, готовые шерстяные ткани и гончарные изделия.

Говорят, первых людей Мизаен вылепил из глины, и этот человек поразительно напоминал одну из ранних попыток бога-кузнеца. Из-за короткой шеи казалось, что плечи капитана начинаются сразу под ушами, а его фигуре в любой комнате было бы тесно. Рослый, на несколько пальцев выше меня, этот Найл был такой мускулистый, что издали выглядел приземистым. В его глазах застыла вечная настороженность охотничьей собаки, сходство с которой усиливалось его квадратной челюстью и отвислыми щеками, а также жесткими пегими волосами.

— Сколько вам нужно времени, чтобы пересечь Пущу? — продолжал Шив.

— Послезавтра уже будем в «Парящем Орле» у Южного Вариса. Там мы дадим лошадям отдохнуть, а после отправимся дальше. — Найл подмигнул магу. — Уж поверьте мне, вы не захотите пересекать Пущу в одиночку.

— Не в это время года, — согласился Шив.

— Платите хозяину мулов, марка за голову.

Найл пошел к следующей группе путешественников, и я услышал, как он повторяет свое предложение защиты.

В пути караван стоит денег, зарабатывают они лишь тогда, когда приедут и продадут свои изделия, поэтому владелец каравана уже поторапливал своих работников, чтобы выводили мулов после остановки на водопой. Более сорока животных заставили погонщиков изрядно попотеть за свой хлеб.

— Найл сказал, чтобы мы ехали между мулами и фургонами, так как у шарабана колеса меньше. — Шив подъехал на своем вороном, едва не сбросившем его с седла, когда мулы потянулись на большак под аккомпанемент разноголосых криков и людской ругани.

Следом тронулись мы, а за нами — еще восемь разных повозок, присоединившихся к горсти караванных фургонов. Вскоре старый маг снова одаривал нас своей житейской мудростью.

— Чем увеличивать список своих доходных земель, лучше бы лорд Эдрин подрядил тех попрошаек-лескарцев разбивать камни для ремонта дорог, — проворчал он, когда пашни остались позади и мы въехали на окраины самой Пущи, где дорога вновь стала хуже.

Постепенно низкорослые кустарники сменились крупными деревьями, окутанными зеленой дымкой над коврами ярких цветов. Мишистый запах весенниц поднимался со всех сторон. В их голубых лепестках словно отражалось небо, виднеющееся сквозь ажур веток и новой листвы, а в придорожной траве стали попадаться кремовые оборки кружева Ларазион. Мы ехали без приключений, но из-за узкой дороги приходилось двигаться по боль-

шей части гуськом. Неожиданно я поймал себя на том, что мой ум блуждает от скуки.

— Райшед?

Лошадь шаррахнулась в сторону, и я испуганно схватился за поводья.

— Зубы Даста, Ливак, ты что делаешь?

— Пытаюсь не дать тебе сломать шею при падении с лошади, — схибно ответила она.

Я провел перчаткой по лицу.

— Прости?

Странные обрывки полусна о какой-то погоне по бескрайним лугам вертелись в моей голове. Неужто Аримелин мало губить мои ночи, что она насылает на меня сны даже днем? Должно быть, я задремал, чего никогда раньше не случалось со мной на лошади, но, с другой стороны, я никогда еще не чувствовал себя таким усталым, по крайней мере в последнее время. Уж не значит ли это, что я заболел? Или чем-то прогневил богиню? Тут, разгоняя мои путанные мысли, вдоль вереницы мулов понеслись крики, и я понял, что мы останавливаемся на ночлег. Для лагеря Найл выбрал большую травянистую поляну, как видно, хорошо знакомую ему. Когда Хэлис повернула шарабан с большого, Стража уже расходилась срубать ранний подлесок. Погонщики втыкали колья и натягивали веревки для своих животных, обкладывая загон колючими ветками. Мы направились к удобному месту, а вслед за нами на поляну тянулись фургоны и подводы, становясь в защитный круг, и скоро их брезенты были уже надежно зашнурованы.

Мы разбивали внутри круга наш собственный маленький лагерь. В это время к Шиву подошел Найл.

— Я хочу, чтобы все поили своих животных у тех ив. — Он указал на речушку на дальней стороне поляны. — А для отхожего места используйте тот овраг.

Он говорил с Шивом, но то и дело поглядывал на меня. Мне это показалось странным, и позже, когда мы с Ливак кружили по поляне, собирая хворост, я поделился с ней своим наблюдением.

Ливак пожала плечами.

— Вряд ли Найл зарится на твоё тело, он не похож на тех, кто пьёт с обеих сторон чашки. По-моему, тебе просто мерещатся эдирические человечки в тених. Это все от усталости.

Спорить я не стал, но чувствовал себя по-прежнему неспокойно.

— Как вы думаете, здесь очень опасно? — спросил я за ужином, всматриваясь в сгущающийся под деревьями мрак.

— Мелким бандам такой лагерь не по зубам. — Хэлис задумчиво оглядела поляну. — Все зависит от того, насколько суровой была тут зима.

— По словам одного погонщика, местные лорды каждую весну посылают своих лесничих выкуривать отсюда бродяг, прежде чем оленихи начнут телиться, но мы явились немного раньше, — прошамкал Шив, обглаживая куриную ножку. — Найл не рискует, он выставляет полную Стражу.

Вокруг костров смыкалась ночь. Мы позаботились о лошадях, решили, кто где будет спать, и теперь смотрели, как стражники отработывают свои деньги, обходя дозором поляну.

— Люблю видеть часовых, зная, что мне не придется дежурить, — широко улыбнулась Хэлис, заворачиваясь в одеяла.

Шив уже мелодично храпел, и Ливак зевала над стаканом вина. Свернув плащ вместо подушки, я подоткнул под себя одеяла и закрыл глаза, прислушиваясь к голосам вокруг больших костров. Откуда-то доносились нескончаемые куплеты далазорской песни, в которой перечисляются все парни, пытающиеся залезть под одеяло к девственнице. Время от времени пение терялось во взрывах смеха за дружеской игрой в руны. Пряный запах древесного дыма смешивался с влажным дыханием пробуждавшегося леса, и я задремал, смутно надеясь, что Ливак не соблазнится игрой с нашими попутчиками.

Из сна меня вырвали настырные крики; мой оцепенелый мозг не мог уловить их сути. Я машинально сел и тупо уставился на черноволосого незнакомца, стоявшего передо мной. Его бледно-голубые глаза на узком лице были широко распахнуты, он упорно протягивал руку, чтобы поднять меня, и в сапфировом перстне блестело пламя костра. Я потянулся к нему, но, должно быть, неверно оценил расстояние — мои пальцы сомкнулись в пустоте. Незнакомец снова заговорил, но я опять не понял ни слова. Вроде это был тормалинский, но какой-то совсем неизвестный мне диалект.

Сзади раздался крик. Круто повернувшись, я увидел, как из-под ближайшего фургона, выставив перед собой зазубренные серпы и ржавые мечи, вылезают трое грязных оборванцев, в глазах — жадный блеск, на лицах — горечь лишений. От троицы разило немытым телом, перегаром и жевательной травой. Ну ничего, еще недолго ветру надувать их паруса. В Гидесте мне встречались типы и пострашнее.

Выхватив меч, я пошел на оборванцев, мельком глядя по сторонам. Шив бежал к центру поляны, магический шар тускло светился в его пальцах, а сам чародей вертел головой, выискивая, кому бы помочь. Вилтреда я не увидел, но решил, что

он где-то возле Шива, вероятно, с кучкой женщин и детей, жмущихся у главного костра. Решетка сапфирового света неожиданно возникла вокруг самых уязвимых, пугая их немногочисленных защитников.

Хэлис уже была на другой стороне поляны, где двое ошеломленных стражников пытались удержать большую группу бандитов, вылезающих из ручья. Должно быть, черноволосый незнакомец разбудил наемницу первой, не зная о ее ноге. Мокрые и отчаянные, бродяги слепо рубились за вожаки за деньги и еду. Изможденные и грязные, все они имели жалкий вид, у многих были старые раны или болячки, но не знали пощады их ржавые клинки, и только смерть пылала в их глазах. Я поискал взглядом незнакомца, но его нигде не было видно.

Человек с крысиным лицом в грязных лохмотьях пошел на меня, бешено размахивая утыканной гвоздями дубинкой, но я скосил его ударом в бедро. Падая, он дал подножку юнцу позади себя, и тот воспользовался случаем, чтобы удрать. Третий оказался слепленным из более сурового теста или был просто отчаяннее. Он продолжал идти, тыча без устали некогда прекрасным клинком, который нынче выглядел так, будто им кололи дрова. Я сделал финт, парировал, снова сделал финт и, как только бандит слишком далеко вынес руку, хватил его по костяшкам. Если б он сохранил тот здравый смысл, что дал ему Мизаен, он бы сбежал, но, перехватив меч другой рукой, бродяга снова набросился на меня с искаженным от боли лицом. Я закончил его страдания одним ударом, который отхватил ему ухо и уложил глупца на месте. Тень мелькнула у моего плеча, я отскочил, но, к счастью, там никого не было, просто игра неверного света, половинка Большой луны не могла самостоятельно рассеять мрак. Однако это было невольным напоминанием о том, как обнажен мой фланг без Айтена.

Внезапный удар сзади повалил меня в повозку, и я пополз вперед, спасаясь от копыт обезумевшей кобылы: она мчалась в панике от звуков боя и тошнотворного запаха крови, лопнувший недоуздок болтался у нее на шее, а из загона неслись проклятия — погонщики из всех сил старались удержать мулов, но ужас распространялся среди животных со скоростью лесного пожара. Их тонкое ржание и вопли испуганных детей пронзали ночное небо.

— На помощь, сюда! — прорвался сквозь гвалт вопль Хэлис.

Выглянув из повозки, я увидел, что бывшая наемница одна противостоит двоим разбойникам. Стражники не могли помочь, они сдерживали нападающих, ломившихся в щели между фургонами. Искалеченная нога Хэлис пригвождала ее к месту не хуже капкана, и левый рукав уже был в крови. Ругаясь на чем свет стоит, я начал пробиваться через свалку.

Я был уже недалеко, когда блестящий нож прорезал тент фургона и темно-рыжие волосы мелькнули в свете костра. Низкорослый юнец, который, пытаясь, насмеялся над Хэлис, упал с придурочным криком. Пена заполнила его нос и рот, голова в непроизвольной судороге дернулась назад, а из шеи, среди нарывов, торчал кинжал — справедливое возмездие, по-моему. Спрыгнув с повозки, Ливак всадила второй клинок в почки звероподобного громилы — его тяжелый тесак кромсал защиту Хэлис. Он схватился за бок, разинув рот в беззвучном удивлении, да так и застыл, ожидая, когда яд ускорит его конец. А Хэлис между тем двинула мечом в физиономию его испуганного сообщника. Падая в брызгах крови и раздробленных зубов на собственный охотничий нож, он выпустил себе кишки.

Еще двое стражников с суровыми лицами вышли из-за моей спины и бросились на бандитов, внезапно замешкавшихся на другой стороне костра. Я тотчас схватил Хэлис за талию и поволок из свалки. От неожиданности женщина выругалась.

— Заткнись, Хэлис, пусть он поможет.

Ливак пошла с нами, напряженно всматриваясь в темноту. Свой кинжал, поблескивающий масляными пятнами, она держала в вытянутой руке подальше от тела.

Я тащил ее подругу задом наперед. Прыгая, чтобы удержаться на ногах, Хэлис поливала меня бранью как бывалый солдат.

— А я-то думал, куда ты подевалась, — пропыхтел я.

Ливак с отвращением покачала головой.

— Когда ты последний раз вступал в бой в Каладрии? Все мои яды лежали на дне сумки, дважды запечатанные воском и свинцом!

— Вы не ранены?

Оглянувшись, я увидел возле себя Шива.

— Где ты был? — напустилась на него Ливак. — Не пора ли хоть малость поколдовать?

— И кого ты предлагаешь мне принести в жертву? — съязвил маг, и я увидел в его глазах отражение моей собственной досады на этих женщин.

Я остановился, чтобы Хэлис могла вернуть равновесие, и мы вчетвером дружно огляделись. В трех сторонах поляны стражники отбивались от атакующих.

— Я не знаю, с кем мы путешествуем — как прикажешь мне отличать друзей от врагов? — Шив крутанулся на месте, резко взмахнув рукой.

Я воззрился на мерцающий полусвет и увертливые тени за окрестностью костров и вынужден был согласиться с ним.

— Ко мне!

Рев Найла посрамил бы разъяренного быка. Его квадратная голова возвышалась впереди стражников, державших оборону, когда неистовый натиск бандитов угрожал пробить кордон у последней щели.

Я побежал по траве, увертываясь от животных и охваченных паникой купцов. Еще один оборванец с кровоточащими язвами на руках выскочил из-под фургона, норовя зацепить меня ржавой косой. Но прежде чем я успел поднять меч, копье голубого огня швырнуло бандита на землю — лицо его почернело, волосы дымились. Не оглядываясь, я благодарно помахал Шиву и встал в строй на место купца, схватившегося за рассеченный живот.

По-далазорски держа тяжелый меч обеими руками, Найл размахивал им, сея вокруг смерть. Кровь брызнула в него, когда сверкающий металл снес противнику пол-лица, но Найл даже не моргнул. Выпучив глаза, он яростно ринулся в брешь и превратил еще одного бандита в воющий бесформенный клубок. Видимо, тот гаденьши когда-то обучался фехтованию, но без милицейских доспехов оно не помогло ему защитить кишки. Шаг за шагом Найл продвигался вперед, подбитые гвоздями сапоги уверенно стояли на скользкой земле, отшвыривая в сторону любого, кто не мог снова подняться. Сражаясь плечом к плечу, мы все ощутили прилив отваги и, образовав клин за гибельным острием Найла, начали оттеснять бандитов к ручью.

Длиннолицый тип с выжженным клеймом угонщика скота на щеке пошел на меня. Он парировал один мой удар, затем другой, но старый тормаинский прием, который я оттачивал всю зиму, выбил зазубренный меч из его руки; я прикончил врага, рубанув между шеей и плечом. От этого зрелища у его сообщника сдали нервы, и он побежал. И тут же смелость, порожденная выпивкой и отчаянием, покинула остальных. Их строй рассыпался, как кегли в детской игре. Те, кто соображал слишком медленно, расплачивались за это: их прямо на бегу рубили в спину. Самые быстрые устремились к ручью, но едва добежали до него, как вспышка магического света выгнала ночь из-под деревьев. Панические крики смешались с ехидным смехом стражников, и под аккомпанемент странного треска разносились вопли умирающих. Я немного постоял, затем повернулся спиной к моим соратникам. Зачем попусту рисковать собой? Пусть рискуют те, кому за это платят. Бандиты отогнаны, остальное — не моя забота.

— Тише, тише, — мягко успокаивала Хэлис наших лошадей словами и сушеным яблоком, пока Ливак рылась в шарабане в поисках какой-нибудь тряпки, чтобы вытереть свои кинжалы.

— Знаешь, Райшед, я как-то слышала, что Аримелин заставляет людей ходить во сне, но не знала, что она за-

ставляет их сражаться. — Ее зеленые глаза казались огромными в свете костра.

— О чем это ты?

— Как ты узнал, что они подходят?

Хэлис оглянулась через плечо. Она привязала лошадей и занялась своей раной: держа зубами один конец повязки, туго затянула узел и выплюнула изо рта кусок тряпки.

— Что ты говорил, когда будил меня? Я не сильна в тормалинском среди ночи.

Я заморгал, не понимая, о чем она толкует, но в эту минуту подошел Шив, смахивая с перчаток что-то похожее на иней.

— Ну, думаю, это убавит работы лесничим лордов.

Маг казался весьма довольным собой, хотя у него сочилась кровь из длинной раны ниже локтя.

Хэлис закатала ему рукав и, бесстрастно взмахнув ножом, сорвала рубашку.

— Это надо зашить, — отрывисто предупредила она и повернулась к шарабану.

— Сэдриновы потроха!

Хэлис попятилась, а я в мгновение ока выхватил кинжал, но это был только Вилтред, вылезавший из своего плаща, как бабочка из кокона.

— Ты все это время был тут? — недоверчиво спросил я.

— Я не воин, — с потрепанным достоинством изрек старик. — Я подумал, что лучше оставаться в стороне, и сделался невидимым.

Все просто онемели. Придя в себя, я взглянула на Шива, ожидавшего, когда Хэлис прокалит изогнутую иглу в пламени головешки.

— А ты что сделал?

— Большинство пытались уйти по ручью, не знаю уж почему. Вот я и заморозил воду, чем удержал их весьма прочно для Найла и его людей.

Маг засмеялся, но тут же задохнулся от боли. Ливак протянула ему фляжку.

— Что это? — поинтересовалась Хэлис.

— Белое бренди. Я прихватила его в последнем лагере, но мы так и не собрались его распить. — Ливак покосилась на меня из-под ресниц. — А еще у меня есть комплект новейших гравюр о любовной жизни герцога Триольского.

Гравюры обещали быть весьма забавными, если не откровенно непристойными. Я посмотрел на ивы у ручья, но темнота скрывала следы кровавой бойни под ними. Так и не решив, нравится ли мне идея захватывать людей в ледяные ловушки, чтобы их убивали там, как хищников в капканах, я выбросил из головы

эти мысли. Мертвый есть мертвый, а Шив не одного стражника спас от ран, а то и от верной смерти.

— Ты знаешь эти звезды? — спросил я Ливак. — Который теперь час?

Она посмотрела вверх.

— Корона Халкарион уже прошла зенит, стало быть, рассвета ждать недолго.

Интересно, сколько запросит Полдрион с мертвых бандитов за то, что они появятся в его владениях на стороне полуночи? Тем временем Хэлис покончила с рукой мага, и швы получились аккуратные.

— У хирурга мессира и то выходило хуже, — заметил я. — Мало кто из солдат овладевает этим искусством.

— Я выросла в пяти днях ходьбы от Остриновых куличек, — прозаично ответила женщина. — Мне не было еще и десяти, а я уже много чего умела.

Запах свежей смерти, исходящий со всех сторон, страшно беспокоил животных, и мы принялись наводить порядок. Я предпочел оттаскивать ближайшие трупы за кольцо фургонов. Работенка не из приятных, но мертвый грабитель не причинит тебе вреда, тогда как нервная лошадь, отдавившая тебе ногу, способна вывести из строя на много дней — урок, который я давно и накрепко выучил на службе у мессира.

На всякий случай я осмотрел убитых — нет ли у кого соломенных волос, — но никого, похожего на эльетиммов, не нашел. Дальше я разглядывать не стал. Эти люди вытащили свои руны и должны примириться с их раскладом. Единственный труп вызвал у меня раздумья: это был тощий парень, которого я перекатил на спину, чтобы ловчее ухватиться за его порванную куртку. Он давно потерял половину кисти и большую часть мяса с руки, вероятно, в одном из тех волчьих капканов, что фермеры ставят вдоль опушек леса. Если у него и был свой заработок, то наверняка он потерял его вместе с пальцами. Но какова бы ни была его история — крестьянина или вора, честного или подлого, — чей-то меч пропел ее последний куплет, когда вошел в его ребра: в зияющей ране на груди белели осколки костей. Глупый мерзавец, подумал я, волоча труп по пропитанной кровью земле.

Я остановился на краю оврага и посмотрел на Хэлис — она неуклюже стояла на коленях со своей искривленной ногой. Опуститься так, как этот парень, ей не позволят Ливак и остальные ее друзья, они держат ее на плаву, но жизнь, которую она знала и которой наслаждалась, кончилась, и я увидел это понимание на ее лице. В каком-то смысле она была такой же погибшей, как этот несчастный с его кишками, тянущимися по траве, когда я скатил его по склону в овраг, чтобы лежал вместе со всеми

в путанице мертвых конечностей. Неудивительно, что Хэлис достало отчаяния согласиться работать на магов.

— Предлагаю выпить.

Я вернулся к костру и взял фляжку с бренди. Сделав глоток, глубоко вдохнул, дабы освободить ноздри от запаха крови и опорожненных кишок, но тут же закашлялся: от крепости спиртного перехватило дыхание. Мы передавали фляжку по кругу, пока остатки жидкости, примерно с палец, не заплескались на дне.

— Не так я хотела выпить отличнейшее белое бренди ценой в четыре кроны, — заметила Ливак, делая большой глоток.

— Я рад, что оно у тебя есть. — Шив прижимал руку к груди, но, похоже, спиртное неплохо притупляло боль.

— Ну, не то чтобы я за него платила, — великодушно призналась Ливак.

— А мы не пользуемся большой любовью, — весело заметил Вилтред, передавая мне фляжку, его глаза блестели на морщинистом лице.

И точно, купцы, спавшие ближе всех к нам, сгрудились теперь на дальней стороне своего костра и старались отодвинуться как можно дальше. Особенно подозрительные взгляды доставались Шиву. Два дородных возчика завернулись в плащи, готовясь провести оставшиеся ночные часы на сиденье повозки.

Но я их не винил. Видеть, как магия убивает и помогает убивать другим, — это действительно потрясение, никто не спорит. Мы, тормалинцы, не слишком жалуем магов, но в любой порядочного размера деревне отыщутся торговцы любовным зельем и хироманты, и среди них довольно много настоящих. Я вспомнил девочку с соседней улицы, которая оставила нашу маленькую школу, чтобы заниматься с магом в большей половине города на стороне Залива. Да, у многих из нас есть знакомые, друзья или родственники, чей рыболовный нюх или садоводческое чутье оказались магическим даром. Просто человек не представляет себе, что они пустят молнию из пальцев, оставляя бандита хрустящим, как печеная рыба. Однако это проблема Шива, не моя, во всяком случае, в данную минуту. Я зевнул, закутался в плащ и лег, чтобы ухватить свою долю недолгого сна, что нам еще предлагался.

Просторная тормалинская усадьба, стоящая среди садов на травянистом склоне холма

Темар глядел, все больше досадуя, как еще одно стадо костлявых коров, мычащих и фыркающих, втягивается в загоны. Пастухи перекрикивались, торопливо связывали переносные загородки, чтобы ни одно унрямое животное не отбилося и не погубило их дневную работу.

— Где мне найти эсквайра Лачальда? — грубовато спросил у Темара смуглый гуртовщик.

— В доме, — коротко ответил юноша. — Нет, погоди, я сам тебе покажу.

Пора поговорить с Лачальдом, решил он внезапно, пора разъяснить, что имел в виду сьер, когда писал распоряжения, привезенные Темаром. Он быстро зашагал через сад к воротам, ведущим в заросший травой внутренний двор. Невысокому гуртовщику приходилось едва ли не бежать, чтобы не отставать от длинноногого юноши. Эсквайр дал выход раздражению, сильным толчком распахнув дверь длинного одноэтажного дома, окружавшего лужайку.

— Чем могу помочь? — поднял голову Лачальд.

Он сидел за столом, почти невидимый из-под пергаментов, испещренных цифрами и пометками, нередко зачеркнутыми и исправленными. Его толстые пальцы были испачканы чернилами, а редкие белокурые волосы торчали в разные стороны.

— Мое почтение, ваша честь. — Гуртовщик неуверенно покосился на Темара, однако продолжал: — Мы пригнали стада с западного пастбища, и это, считай, последний скот. Овцы шли сразу за нами, должны быть здесь через час, от силы два.

— Спасибо, Ран. — Лачальд порывлся в пергаментах и втиснул пометку на узкое поле листа. — Ступай поешь. Да, передай управляющему, что я велел открыть для всех бочонок вина. Нет смысла тащить его обратно в Тормалин, если можно выпить здесь, не так ли?

— Очень вам благодарен, ваша честь. — Ран поспешно наклонил голову и исчез, радуясь возможности сбежать от ощутимого раздражения Темара.

— У вас что-то важное, эсквайр? — Лачальд чинил перо, не поднимая головы. — Я очень занят.

— Почему мы медлим? Почему ждем, когда пастухи приведут еще одно стадо тощих коров и паршивых овец? — Темар даже не потрудился умерить свою досаду. — Я ведь сказал, что главное — это лошади, они намного ценнее для сьера. Мы должны были уехать еще несколько дней назад.

— Сьер приказал мне вывезти его движимое имущество и арендаторов с этой окраины Далазора в том порядке, какой я сочту наилучшим. — Лачальд положил ладонь на пергамент, на котором Темар разглядел личную печать деда. — Я не собираюсь жертвовать будущим семей, преданно работавших на это поместье в течение поколений, только ради того, чтобы удовлетворить ваше желание получить быстрые деньги.

— Деньги — это то, что нужно сьеру, — сердито парировал Темар.

Лачальд справился с пергаментом.

— Он объяснил, что желает финансировать участие в создании новой колонии, и я всецело доверяю его решению. Однако моя задача — обеспечить, чтобы каждый, кто уезжает отсюда, увез с собой как можно больше своего имущества и чтобы каждое животное, которое удастся найти, было взято.

— Какой прок собирать изголодавшийся за зиму скот? У него же мясо жесткое как подметка!

— Он еще откормится на пастбищах вокруг Великого Западного тракта. — Лачальд склонился над своими документами, давая понять, что разговор закончен.

— Но это значит, что его не продать до второй половины лета!

Упершись ладонями в стол, Темар наклонился вперед и зловеще уставился на Лачальда. Но толстяк и бровью не повел.

— Ден Феллэмион хочет отплыть еще до конца поствесны, а нам будет нужен целый сезон на подготовку, если мы намерены присоединиться к нему.

— Пусть мессир Ден Феллэмион отплывает, когда захочет. — Сталь, спрятанная под жирком Лачальда, зазвенела в его голосе. — Доходы от продажи скота помогут обосноваться арендаторам по эту сторону океана. Желание сьера, чтобы никто не остался в нужде, совершенно понятно.

— Они не останутся в нужде, они могут поехать со мной в новую колонию, если, конечно, мы когда-нибудь купим и снарядим судно! — с презрительной гримасой процедил Темар. — Вот почему нам следует возвращать лишь ту ценную собственность, которую можно немедленно превратить в деньги: племенных животных, лошадей для когорт, вино и спирт, в меру зрелые для продажи. Нам необходимо двигаться быстро, а мы не сможем двигаться быстро, если будем останавливаться через каждые пол-лиги из-за телящейся коровы!

— А как же быть с теми, кого сьер заставляет уезжать отсюда, но кто не желает рисковать жизнью в океане в поисках неведомой земли, полной Талагрин знает каких опасностей? — Теперь в голосе толстяка слышалось раздражение. — Бросить их здесь вместе с разбитыми кухонными горшками?

— Если они хотят остаться, в то время как благоразумные Дома отступают из Далазора, пусть остаются. В любом случае уже через пять лет не будет никакого тормалинского присутствия по эту сторону Астовых болот.

— И какое это имеет отношение к делу?

Онемев от неожиданности, юноша молча буравил Лачальда взглядом, затем резко повернулся и шагнул к двери.

— Знаете, эсквайр Д'Алсеннен, если вы намерены когда-либо стать достойным сьером нашего Дома, вам придется научиться по-человечески поступать с людьми. — Толстяк откинулся на стуле и с насмешливым видом скрестил руки.

Раскрыв рот, Темар полуобернулся, удивление на его лице несколько опередило закипающий гнев.

— Меня послали сюда с конкретным заданием, а ты...

Юноша теперь кричал, но Лачальд все так же бесстрастно сидел за столом со скрещенными руками.

— Да заткнись ты! — рявкнул он во все горло, легко заглушив запальчивые обвинения Темара.

Теперь молодой эсквайр клокотал от злости, разрываясь между двумя желаниями — продолжать спор или уйти, хлопнув дверью.

— Возьми-ка вина и обсудим наш выбор как разумные люди, — едко промолвил Лачальд. — Он повернулся к полке и достал из-за книг два зеленоватых кубка и бутылку вина. — Риэль считает, что я слишком много пью в течение дня, — объяснял толстяк, протягивая Темару кубок. — Если я позвоню, она пришлет одно слабое пиво. Ну, сядешь, что ли?

Мгновение поколебавшись, Темар взял вино и отыскал табурет под стопой гроссбухов.

— Так-то лучше. — Сделав долгий глоток, Лачальд прикрыл глаза, обведенные серыми кругами усталости. — Я знаю, что именно верховые лошади, быки, бараны и так далее заработают кроны на покупку вашего корабля. Я желаю вам всего наилучшего, и мы воскурим благовоние Дастеннину, когда вы отплывете. — Он поднял тост, и юноша нехотя отпил из своего все еще полного кубка.

— Тогда почему мы не... — взговорил Темар.

Но Лачальд перебил его.

— Меж тем я должен посмотреть на игру в целом, видеть, куда упадут руны. Я не требую, чтобы ты ждал стада и запряженные волами повозки, когда мы минуем Астовы болота. Желаете снять сливки? Пожалуйста, как только мы снова будем под защитой когорта. Но до тех пор нам нужно держаться вместе, иначе одно нападение жителей равнин порубит нас на куски. Будь я также проклят, если оставлю здесь хоть что-нибудь, что эти сучьи дети смогут использовать против других поселений в округе. Если б я не думал, насколько дурно это повлияет на дух людей, я бы поджег усадьбу накануне завтрашнего отъезда!

— Почему ты мне раньше этого не сказал? — в сердцах упрекнул его Д'Алсеннен.

— А почему ты не спрашивал? — бросил в ответ Лачальд, сверкнув темными глазами. — Почему ты не захотел принять во внимание тот факт, что я хорошо знаю свое дело, почти поколение управляя этими пастбищами для сьера?

— Примите мои извинения, эсквайр, — натянуто выговорил Темар.

— Принимаю, эсквайр, — с ироничной церемонностью ответил толстяк.

Юноша осушил кубок и деликатно поставил его на край стола.

— Увидимся за ужином, — твердо произнес он, направляясь к выходу.

Покачив ему вслед головой одновременно с досадой и смехом, Лачальд вновь склонился над бесконечными списками, порожденными этим отъездом.

В колоннаде за дверью конторы Темар в нерешительности остановился. Из-за низких черепичных крыш неслись усталые крики людей и недовольное мычание скота. Юноша посмотрел на ссадину от веревки, тянущуюся поперек ладони, синяки на обеих руках и решил, что выполнил за один день достаточно тяжелой работы для процветания своего Дома.

Солнце пряталось за главным зданием, когда Темар шагал к нему прямо по траве, и в темнеющей голубизне неба золотились облака, гонимые вечными ветрами Далазора. Отломив веточку жарпера, растущего в одной из ваз, расставленных вдоль колоннады, юноша остановился, растер в пальцах листья и вдохнул резкий аромат. На минуту закрыв глаза, он подумал о матери, она любила добавлять эту траву в свои настои. Ее свадьба на Зимнее Солнцестояние была единственным приятным событием за последнее время, когда не велись споры по поводу экспедиции Ден Феллэмиона.

Темар вошел в большую прихожую. Эхо его шагов отражалось от голых стен. Затеиливые драпировки, демонстрировавшие качество выращенной здесь шерсти, были уже упакованы и сложены на повозку. Со всех сторон доносились звуки хлопотливой деятельности, и у юноши мелькнула виноватая мысль, что он продолжал работать со скотом лишь для того, чтобы не таскать оставшуюся мебель. Из одной двери торопливо вышла горничная. Она удивилась, увидев Темара, как, впрочем, и он — увидев ее, и быстро сделала книксен.

— Извините, — пробормотала горничная, прошмыгнув мимо с охапкой книг и дорожной конторкой Риэль.

Должно быть, они наконец освобождают личные апартаменты, заключил эсквайр. Новая мысль осенила его, и Темар потянул носом, повернув голову к кухонному крылу. В доме совсем не пахнет ужином, мрачней, понял он. Стук ско-

вородок и глиняной посуды, вероятно, означал, что их тоже складывают, дабы везти с собой. В этом случае они потащатся с большим числом фургонов, чем если бы везли поклажу в императорском поезде.

Вернувшись в колоннаду, юноша направился кругом к усыпальнице и закрыл за собой дверь. Две статуи воззрились на него с мраморной бесстрастностью. Темар взял стул и сел, задумчиво глядя на фигуры высотой в половину человеческого роста.

Талагрин был не тем богом, которому он привык поклоняться. Благосклонность владыки диких мест кажется немного неуместной, когда живешь в одном из крупнейших городов Тормалина. Эсквайр внезапно испугался: не услышал ли бог эту невольную непочтительность? Безусловно, милость Талагрина придется весьма кстати, когда они будут врубаться в дебри той далекой земли. Юноша открыл ящик в постаменте фигуры, задрапированном в шкуру давно забытого хищника, и вынул благовонную палочку. Она была свежая и еще липкая, а в чаше для пожертвований перед богом серел недавний пепел. Видно, не один Темар искал божественной защиты от опасностей предстоящих путешествий. Эсквайр высек огнивом искры на скрученную прядь сухой шерсти и зажег благовоние. Чуть погода юноша вдохнул ароматный дым, чувствуя, как он снимает напряжение за глазами, которое весь день грозило взорваться головной болью.

Ларазион взидала на него поверх охапки цветов, фруктов и голых веток, пока Темар готовил второе пожертвование. В свое время он сделал их немало, с печальной улыбкой подумал юноша: то просил ясную погоду, намереваясь провести часок на лужайке с хорошенькой девицей, то молил о холодных ветрах и дожде, если некая практичная барышня приглашала его на семейное торжество, дабы представить своим родителям. Что было, то было, но своевременный дождь и солнце для обильного урожая будут означать успех или провал колонии Ден Феллэмюна, а не просто прибыль и убыток в гроссбухах Д'Алсенненов. Юноша с серьезным видом зажег благовоние и посмотрел на строгое прекрасное лицо богини, надеясь, что она поймет его невысказанные мольбы.

Дверь открылась, и внутрь заглянуло овальное личико, обрамленное золотыми косами.

— О Темар, я прервала твои молитвы?

— Нет-нет, Дарья, входи.

Темар встал, и девушка проскользнула в усыпальницу, принесла с собой аромат духов, который вместе с благовонием составил пьянящую смесь. Дарья улыбнулась и грациозно села на стул.

— Тетя Риэль весь день нагружала меня работой в кладовой. — Она обмахнулась чуть испачканной рукой, при-

чем изящный маникюр на ней нисколько не пострадал. — Одна Халкарион знает, как я теперь отчищу пальцы.

Девушка предложила Темару осмотреть несколько незначительных пятен и для этого оставила свою руку в его немного дольше, чем было необходимо.

— Я подумала, что найду здесь тишину и покой и избавлюсь хоть ненадолго от новой работы, — призналась она, бросив шаловливый взгляд из-под накрашенных ресниц.

— Как и я, — с подчеркнутой любезностью ответил Темар.

Дарью отправили на пару сезонов сюда, на север, после некой выходки на Солнцестояние. Поговаривали о меднике или о ком-то вроде того, но, несомненно, она переступила за рамки, предписанные дочерям из добродетельных семей.

Девушка зевнула и вытянула руки над головой. Широкие рукава платья упали, открыв соблазнительную молочную кожу. Она напонила Темару бледно-золотистую кошку, что была когда-то у его матери, кокетливую и ласковую, и эсквайру стало интересно, как поведет себя Дарья, если ее погладить.

— Я проголодалась, — заявила вдруг девушка. — Никто не вспоминает об ужине, ты знаешь?

— Почему бы мне не сходить за хлебом и мясом? Найдем тихий уголок и поужинаем, только мы вдвоем... — Темар наклонился вперед и был вознагражден волнующим промельком нежных выпуклостей.

Дарья понимающе улыбнулась.

— А я принесу вина. Никто не хватится бутылки-другой во всей этой неразберихе. Встретимся у огородной калитки.

Выходя вслед за девушкой из усыпальницы, эсквайр оглянулся на статуи и неожиданно улыбнулся. Что бы там ни думали Талагрин или Ларазион, Халкарион явно благоволил ему.

В результате Темар чувствовал себя бодрым и даже веселым, возвышаясь в седле и глядя, как фургоны выкатываются за ворота в раннем свете следующего утра. Стада уже пошли, пыль клубилась в холодном воздухе, отмечая их путь на юг.

— Никого не забыли? — Лачальд неуклюже сжимал список вместе с поводьями. На его виске чернело пятно — он снова укладывал за ухо угольную палочку.

— Нет, все на месте.

Проследив за упаковкой статуй из усыпальницы, Риэль устремилась к своей коляске. Высокая, худощавая, с угловатым лицом, она, как говорят, не терпела вздора ни от кого, начиная с императора. Темара изрядно удивило ее требование, чтобы статуи последними покинули усадьбу, — якобы это поможет отвести беду. Когда лакей распахнул дверцу коляски, эсквайр увидел внут-

ри Дарью. Вид у девушки был недовольный. Но, заметив Темара, она посветлела и заговорщицки улыбнулась. Юноша с облегчением вздохнул. Ему бы очень не хотелось думать, что их вчерашние утхи не доставили Дарье удовольствия. Жаль, из нее не выйдет хорошая жена, размышлял эсквайр. Хоть ей не занимать очарования, необходимого для дамы сьера, Темар не имел охоты вступать в брак со столь доступной девицей.

Затрубивший рядом рог испугал его лошадь, и юноша чуть не свалился с седла. Колонна фургонов медленно тронулась в путь. Мычание недовольных волов, скрипы неподатливого дерева и кожи слились в одно монотонное гроыхание, когда повозки выехали на проселок. Темар огляделся, высматривая своих разведчиков, и кивнул Рану, которого отметил еще раньше как полезного человека, несмотря на отсутствие почтительности. Ран поднял вымпел на пике, прочно водрузив ее в стремя. Темар прищипорил лошадь и легким галопом поскакал вдоль колонны. Отряд собирался позади него: назначенные в охрану мужчины оставляли свои семьи и пожитки. Юноша повел их на взгорок, откуда хорошо были видны повозки, извивающейся вереницей катящие среди безбрежных луговых просторов.

— Я не вижу никакой реальной опасности, но будет разумнее оставаться начеку, — заметил Темар.

— А как же жители равнин? — нервно спросил кто-то из молодых пастухов.

Остальные выказывали то же самое беспокойство.

— Последние настоящие жители равнин были изгнаны когортами более двадцати поколений назад, — твердо произнес Темар и, услышав из задних рядов скептические шепотки, слегка повысил голос: — Конечно, есть налетчики, грабящие порядочных, трудолюбивых пастухов, таких, как вы сами, и они не против воспользоваться отъездами вроде нашего, поэтому всем нужно смотреть в оба. Не думаю, что у них больше храбрости, чем у четвероногих падальщиков, и если они увидят, что мы готовы защищаться, то удерут, поджав хвосты, обратно в свои берлоги.

Это вызвало неоднозначную реакцию, кто-то хохотнул, и Темар поспешил разбить своих людей на пары, объявив каждому расписание дозоров. К счастью, проснувшись ночью по нужде, эсквайр вспомнил, что его еще нужно составить. Он быстро нашел лампу, пергамент и стал вспоминать установленный Лачальдом порядок следования, стараясь разместить своих стражников возле их семей и имущества, дабы они не теряли бдительность. Темар ухмыльнулся. Свет лампы разбудил Дарью, и она приняла его в тепло постели со своим собственным заново разожженным огнем.

Его хорошее настроение вмиг испарилось, когда сзади какой-то парень сообщил вполголоса своему другу:

— Это только так говорится, что все жители равнин померли аля ушли. Я слышал, были середь них такие, что могут вернуться из Иного мира. Эдричский Народец, так они зовутся. Вот как выскочат счас из теней да забросают тебя всего своими маленькими медными стрелами.

Темар повернулся к прыщавому юнцу.

— Что за чушь ты несешь? Иди вон да пугай своими байками детишек вокруг костра, пока женщины не смогут их успокоить. Бьюсь об заклад, твоя мать выдрала бы тебя, если б услышала, какой вздор ты мелешь.

Малый покраснел до ушей, а его товарищи засмеялись, может, чуть принужденно, но достаточно громко, чтобы отбить у него охоту и дальше рассказывать эти сказки.

— Беритесь за дело, — приказал Темар и с удовлетворением наблюдал, как мужчины разбегались — немного неуклюже из-за непривычного меча на поясе, и все напряженно всматривались в равнины.

— Давай разведем, что впереди, — велел он Рану, пуская лошадь в галоп.

С завидной легкостью держа и вымпел, и поводья, пастух устремился за ним. Темар направился прочь от дороги, подальше от навоза и пыли, остающихся за стадами. Ран наклонил пику с развевающейся на ней алой тканью. Ответная вспышка красного дала знать, что охрана не дремлет.

Обозрев горизонт, юноша сдвинул брови. Его взгляд привлечло рукотворное возвышение среди однообразия пастбищ.

— То кольцо — единственное укрытие на много лиг вокруг. Надо убедиться, что там никто не прячется.

Не дожидаясь ответа Рана, он ударил шпорами, радуясь поводу промчаться галопом. Но уже вблизи земляного укрепления его стихийный порыв заметно угас. Эсквайр осадил лошадь и осторожно поехал кругом, держась на безопасном расстоянии, что позволит ему спастись, если по какой-то ничтожной случайности за травянистыми стенами действительно притаились грабители.

— Здесь никого, — уверенно молвил Ран. — А если кто и был, то давно.

Из отверстия в подветренной стороне вала потянуло старым костром, и Темар насторожился.

— Давай-ка проверим.

Он приблизился к проходу, но, прежде чем въехать, вытащил меч. Как и ожидалось, внутри не было ни налетчиков, ни человечков, возвращающихся через тени из Иного мира.

Темар улыбнулся. Однако в короткой траве темнел выжженный круг. Эсквайр спешил и, покопавшись в золе, вытащил осколок почерневшей кости.

— Это старинный способ готовить мясо, традиционный для жителей равнин, — неожиданно сказал Ран.

Темар с любопытством поднял голову.

— Объясни.

— Ты убиваешь животное, опустошаешь его желудок и кладешь в него мясо, срезанное с костей. Из очищенных костей разводишь костер, вешаешь над ним желудок и ждешь, пока мясо упрееет.

Темар посмотрел на коренастого скотовода, темнокожего и черноволосого, и вспомнил дневник молодого Д'Алсеннена, служившего в когортах во время покорения Далазора. Из него юноша узнал о жизни коренных обитателей этого края.

— В твоей семье течет кровь равнин, да, Ран? — спросил он с полуулыбкой.

— Трудно сказать. — Черные глаза Рана были непроницаемы. — Знаю только, что мы — пастухи и всегда ими были.

— И все же для чего жители равнин использовали эти места? — Темар встал и медленно повернулся кругом, разглядывая земляные стены.

— Для переговоров и обрядов, брачных да погребальных, — пожал плечами Ран. — Умиротворяли духов.

Он показал на растрепанные перья, воткнутые в ряд слева от входа.

— Так благодарят небесных орлов за взятие падали.

С минуту эсквайр смотрел на оголенные концы птичьих перьев, затем, решительно отбросив назойливую тревогу, вернулся к насущным делам.

— Когда, по-твоему, жгли этот костер?

— Дня три-четыре назад.

— Тогда беспокоиться не о чем. Но остальным скажем, что нашли недавний след налетчиков, чтобы не расслаблялись.

Вскочив в седло, юноша направился обратно к фургонам, растянувшимся теперь на добрые пол-лиги.

Этот нескончаемый день и следующий прошли без всяких событий. Первоначальное возбуждение Темара от того, что наконец-то они тронулись в путь, неизбежно убывало, особенно когда он понял, сколь частый и долгий отдых требуется волам. Стремительно теряя энтузиазм, юноша с обидой заключил, что его роль командира так называемой стражи придумана Лачальдом лишь

затем, чтобы он, Темар, не путался под ногами.

— При таких темпах Ден Феллэмион отплывет прежде, чем мы дотащимся до Астовых болот, — пожаловался Темар тем вечером толстяку, встав перед ним со скрещенными руками.

— Съезди-ка погляди, не вышли ли стада к броду. — Лачальд взял у жены миску тушеных овощей, заправленных крупой. — Спасибо, моя дорогая.

Эсквайр шепотом выругался и зашагал к лошади. Глядя ему вслед, толстяк покачал головой.

— Капитан? — Ран отставил свою миску.

— Ешь, — буркнул юноша, рывком повернув голову упирающегося животного.

Дымы многочисленных навозных костров свивались в безбрежной пустоте неба, когда Темар ехал мимо фургонов и стреноженных волов, с тупым довольством щиплющих траву. Юноша в раздражении поджал губы. Солнце еще не коснулось горизонта, а они уже остановились на ночлег. Въехав на вершину холмистой гряды, он увидел серебристую ленту реки, петлявшую среди зелени. Стада переходили брод, шлепая по замутненной воде.

— Неужто так трудно выполнить даже самый простой приказ? — кипятился эсквайр, срывая досаду на боках несчастной лошади.

— Ты что делаешь? — крикнул он пастуху на другом берегу. — Лачальд же сказал, что мы перейдем реку все вместе, завтра!

— Поди скажи это коровам. — Пастух, очевидно, не узнал Темара. — Они начали переходить...

Его заглушили настойчивые вопли и мычание пасущегося скота.

— Вот болваны! — выругался эсквайр и галопом поскакал по воде в поисках людей, которые должны были охранять скот.

Свернув в небольшую ложбину, юноша сразу наткнулся на них — перепуганные, они сидели вокруг костра, жарили на вертеле грубо нарезанные куски мяса.

— Поднимайте свои задницы и вытаскивайте мечи! — зарычал он, угрожая ближнему малому плоской стороной клинка.

Перебивая друг друга, стражники начали наперебой оправдываться, пока Темар не заставил их замолчать непристойной солдатской бранью.

— Живее!

Он первый выехал из речного оврага и увидел группу оборванцев, отрезающих часть встревоженного стада. Темар закричал, но, углядев стражников, налетчики растворились в сгущающейся тьме и ложбинах пастбища. Юноша только открыл рот, чтобы разделить под орех свой никчемный отряд, когда с другой стороны стада послышались крики о помощи.

— Мерзавцы! — выругался он, не веря своим ушам, и стал прокладывать дорогу через толкущихся животных.

Охрана бросилась следом, но все напрасно, только зря разогнали всю скотину. Налетчиков и след простыл, и лишь один, полувивший дубиной по голове, лежал, окруженный испуганными животными. Теперь среди них поднималась настоящая паника, и люди Темара закружили вокруг стада, чтобы вновь согнать его и как-то успокоить.

— Сколько мы потеряли? — напустился Темар на пастуха.

— Не знаю, что угнано, а что разбежалось... — беспомощно залепетал пастух.

Не удовлетворенный ответом, эсквайр грозно насунился. В сером вечернем небе затрубил рог Рана. Даже не взглянув, есть ли кто с ним, Темар галопом поскакал обратно к броду. От вереницы неподвижных фургонов неслись крики и вопли. Оранжевое пламя вспыхнуло в сумерках — это горящая головня вылетела из темноты и разогнала стайку визжащих женщин. Мелькнув силуэтом на фоне костра, пролетел всадник, на всем скаку хватая вертел с половиной туши. Неистовый лай из-за фургона вдруг затих, а плач испуганного ребенка превратился в пронзительный визг. Рука Темара потянулась к метательным ножам, но юноша вовремя одумался. В такой неразберихе легко попасть в друга вместо врага. В этот самый момент кучка серых фигур украдкой проскользнула вокруг костра. Заметив, где они остановились, Темар завертел головой, пока не углядел Рана, легким галопом скачущего вдоль колонны в поисках стражников. Выехав навстречу, эсквайр схватил его лошадь под уздцы и без всяких извинений потащил в промежуток между двумя повозками.

— Они выжидают за головным фургоном. Возьми несколько человек и поезжай кругом, чтобы отогнать их.

Не нуждаясь в дальнейших указаниях, Ран усккал, а Темар галопом помчался в другую сторону, к позиции Лачальда. Чья-то повозка стояла брошенная, задние дверцы раскачивались, мешки и бочонки вывалились на дорогу, пока ее испуганный возница в спешке тащил семью под защиту Лачальда. Когда юноша пронесся мимо, маленькая фигура выскочила из-под осей и исчезла в ночи, жадно прижимая к груди свою безымянную добычу.

— Вы целы? — крикнул Темар, с облегчением увидев коляску Лачальда в кругу с двумя фургонами и людей, что держались поблизости с обнаженными мечами.

— Возьми кого сможешь и скачи к реке! — проревел Лачальд. — Мы слишком растянулись.

Темар круто повернул лошадь и указал на прыщеватого

— Дуй к голове вереницы, вели им запрягать волов и двигаться к броду. Постой! — раздраженно крикнул он, когда малый уже убежал. — Скажи, чтобы действовали группами, не разделялись.

Отворачиваясь, эсквайр уловил какое-то движение: некие темные фигуры обходили коляску Лачальда.

— Пошла! — Он вонзил шпоры в кровоточащие бока лошади и с яростью налетел на оборванца, не вовремя сброшенного с седла норовистым конем. Темар успел полоснуть бандита по спине, но дальше мог только наблюдать да ругаться, когда грабитель, усмирив коня, исчез, проглоченный спасительной тьмой. Все в Темаре протестовало, требуя идти за разбойником, но юноша сумел сдержаться.

— Оставляйтесь здесь, отгоняйте их, но не выходите за свет костра, — приказал он кучке запоздало подъехавших вооруженных мужчин.

Он начал еще один объезд колонны и наконец заставил своих стражников работать эффективными группами, каждая защищала свою часть фургонов от изматывающих налетов. Сам Темар с маленьким отрядом поскакал защищать брод. Когда повозки сдвинулись в оборонительный круг, нападения прекратились, но юноша оставался начеку, пока небо на востоке не заалело. А как только восходящее солнце озарило пустые со всех сторон пастбища, Темар, дрожа от навалившейся усталости, отправился на поиски Лачальда.

— Каковы потери? — спросил он, жадно глядя на котелок с овсянкой, булькающей над костром Ризель.

— Убитых нет, есть несколько раненых, но легко, — отрывисто промолвил Лачальд. — Кое-что из еды и припасов похищено, еще больше рассыпано или испорчено.

Темар с облегчением вздохнул.

— Нам повезло.

— Ты хочешь сказать, тебе повезло. Если б налетчики захотели, они бы искромсали нас в лапшу, — беспощадно осадил его Лачальд. — Ты командуешь охраной, а в ней царил полный кавардак.

Люди стали оборачиваться на повышенный голос толстяка, а юноша стоял с открытым ртом, неспособный опровергнуть это обвинение.

— Я думал, ты должен высылать разведчиков! Какие приказания ты отдал на случай нападения? Почему сразу не сообщил мне, что скот перешел реку? Ты знаешь, куда добрались лошади и овцы? Пойди и выясни!

Темар не произнес ни слова, повернулся кругом и, избегая любопытных взглядов, нашел свежую лошадь. Вонзив в нее шпоры, юноша мигом ускакал, на этот раз благодарный вечному далазорскому ветру, который остудил его щеки, пылающие от унижения.

Речная дорога от Прозайнской Пуши до Южного Вариса, Восточная Каладрия, 13-е поствесны

Настало утро, но вывести караван на дорогу оказалось не так-то просто. Пока разместили по фургонам раненых и изменили порядок следования с учетом поредевшей охраны, солнце уже поднялось высоко над деревьями. Владелец мулов, лысоватый коротышка, едва не подрался с надменным типом в дорожных сапогах, теперь совершенно грязных и исшарканных. Как я понял, это торговый посредник, и он волнуется из-за задержек, которые могут дорого стоить им в Релшазе. В конце концов вмешался Найл, чтобы помирить скандалистов. Его хмурый взгляд удержал их от дальнейших споров. Я с интересом наблюдал за перепалкой, но отвернулся, когда Найл заметил, что я смотрю. По какой-то причине капитану это не понравилось, и он всю дорогу косился на меня, проверяя время от времени, не делся ли я куда. К концу дня мне это стало надоедать.

Либо по лесу разошелся слух, либо мы прикончили единственную группу бандитов, но остальную Пушу караван одолел без помех. Солнце садилось за западные холмы, и тени деревьев протянулись через дорогу, когда впереди показался «Парящий Орел». Это было добротное, с пристройками здание из местного камня и кирпича, окруженное широкими загонами и конюшнями из крепкого просмоленного дерева. За ним лежало скромное озерко, а на другой его стороне раскинулся сам Южный Варис — типичный каладрийский городок с опрятными фермочками и аккуратными мастерскими, сияющими свежей побелкой. Лампы в домах гасли, местные жители ложились спать вместе с солнцем.

Подкованные копыта зацокали по булыжникам, нагруженные повозки с грохотом вкатили в арку конюшенного двора, и Найл с владельцем мулов зычно призывали слуг. Посредник спешился с кислой миной на худощавом лице и, оставив свою лошадь мальчишке, зашагал, не оглядываясь, к передней двери. Через минуту оттуда донесся его властный голос, требующий его постоянную спальню и горячую ванну. Появились конюхи и подсобили вновь прибывшим разгрузить выючных животных, а также развести их, ржущих и фыркающих, по конюшням.

— Я помогу Хэлис с багажом и поставлю шарабан. Ливак, вы с Шивом найдите кого-нибудь, чтобы позаботился

о лошадях. Вилтред, отыщи трактирщика или кто тут распоряжается и добудь нам комнаты, пока их всех не разобрали.

Старый маг, явно не привыкший получать приказы, укоризненно глянул на меня, но безропотно заковылял к главной двери. Это меня обрадовало, я не собирался всю дорогу нянчиться с его самомнением, как с протекающей лодкой.

Я спешился и зевнул. Нет, это просто смешно — легкая дневная поездка в ясную погоду не должна так утомлять меня. Одна надежда, что хороший сон в удобной постели вернет мне силы.

— Если найдется свободный конюх или скотник, попробуем узнать, не видели ли они каких-нибудь необычных путешественников. — Шив оглядел конюшенный двор.

— Подмогнуть вам, судари? — Сутулый старик, весь пропахший лошадыми, подошел бочком из соседнего хлева. — Вам, дамочки, самим не обойтиться, — изрек он и с плохо скрываемым любопытством уставился на ногу Хэлис.

— Нет, обойдемся, — с понятной резкостью возразила бывшая наемница.

— Думаю, мы справимся, если вы нужны в другом месте, — смягчил я ее слова вежливым кивком. При таком наплыве постояльцев было важно, чтобы с нашими животными хорошо обращались.

Конюх прислонился к косяку и заискивающе улыбнулся, обнажив редкие желтые зубы.

— Да покудова нигде не нужен. А вы, стал быть, едете на юг?

Ливак повернулась к нему — очаровательная простота с широкими, доверчивыми глазами и лучезарной улыбкой.

— Да, в Релшаз, — ответила она с хорошо рассчитанным придыханием. — У дедули там инвестиции, и оба наших дяди тоже вложили туда деньги, поэтому наши кузены поехали с нами.

Я поймал взгляд Шива, давая ему понять, что надо предупредить Вилтреда об этой новой цепочке родства, и быстро отвернулся, чтобы мы оба смогли сохранить бесстрастное лицо.

Глаза старого сплетника загорелись.

— И че за дело у вас тама?

Он уже представлял себе все самые заманчивые возможности — пряности, шелка, драгоценные камни, бронзу. Релшаз — главный порт восточной Каладрии, и большинство алдабрешцев торгуют там же.

— Фураж. — Ливак даже меня едва не провела своим энтузиазмом. — Ячмень, овес и все такое. Видишь ли, корма слишком обьемисты, возить их невыгодно, но зерно — совсем другое дело. Если правильно выбрать время, можно получить изрядную прибыль, переправляя его в Архипелаг.

— О-о. — Старый конюх заметно потерял интерес.

— Ага, если только алдабрешцы сами не начнут ввозить его, — кисло встала Хэлис. — Я слышала, одна группа вынюхивала что-то под Требином. Ты не видал их на этой дороге? Человек шесть, все в черном и держатся особняком?

Я мысленно отдал крону находчивости Хэлис, но старик с искренним неведением покачал головой. Сам не знаю, что я почувствовал — облегчение или разочарование.

Я протянул серебряную марку.

— Присмотри, чтобы все лошади были поставлены и сбруя почищена.

— Счас кликну мальчика.

Конюх немного разочарованно взял монету и, ссутулясь, пошел прочь, резким свистом подзывая двух парней, лениво разбрасывающих для мулов тук соломы.

— Ливак, может, в следующий раз заранее договоримся, какую балладу ты будешь петь? — Голос Шива звучал приглушенно, ибо маг наклонился к своему коню, чтобы ослабить подпругу.

— А ты что собирался делать? Стоять тут с хитрым видом, дабы он навоображал себе невесту что? — Качая головой, Ливак повела животных к конюшням.

— Здесь не о чем спорить. — Шив пошел за ней, твердо решив настоять на своем.

Я разгрузил сиденье шарабана и потянулся вниз за багажом.

— Ничего страшного не случилось. Надо лишь обрадовать Вилтреда, что он только что стал дедом.

Засунув меч под клапан моей сумки, я передал ее Хэлис, а сам нагнулся за сумкой Вилтреда.

Хэлис с завистью присвистнула. Я обернулся — она восхищенно разглядывала изящное тиснение ножен.

— Может, и мне стоит присягнуть какому-нибудь тормалинскому патрону, если после этого я буду носить на своем поясе фамильную вещь некоего принца?

Я не собирался отвергать ее первое дружеское обращение за целый день и протянул ей меч.

Хэлис повертела им туда-сюда и улыбнулась, ощутив его превосходный баланс. Выдвинула немного клинок и осмотрела блестящую сталь.

— Это не фамильный меч Д'Олбриотов, это добыча от сумасшедшего старого мага, которого Вилтред когда-то знал, — объяснил я.

— Это тот самый меч Азазира? — Некрасивое лицо наемницы осветилось любопытством. — То-то Вилтред так

жаждет догнать воров. Ты не в курсе, что именно у него украли? Пара таких мечей потянула бы на приличный слиток золота.

— Давай спросим его, — любезно предложил я и снова зевнул во весь рот. — Зубы Даста, надеюсь, здесь найдутся чистые постели! Кажется, я с Солнцестояния толком не спал.

— Не ты один, — резко заметила Хэлис, когда мы пошли искать остальных.

Вилтред обнаружился в уютной пивной. Старик говорил с полнотелой девицей в белоснежном переднике и с лоснящимися волосами. Служанка ничуть не возражала против его покровительственной манеры, лишь бы та сопровождалась надежной монетой.

— А, вот и вы все наконец-то. Ну-с, я снял нам три спальни, одну для девочек, а ты, Райшед, переночуешь с Шивом. Ужин вот-вот будет готов, мы как раз успеем умыться.

Если Вилтред и дальше будет так обращаться с нами, то никто не усомнится, что мы — его внуки. По крайней мере до тех пор, пока Ливак не обольет его супом или чем-нибудь похлеще.

— Ваши комнаты — с видом на озеро, — сообщила служанка, соблазнительно улыбаясь Шиву. — А грелки я принесу позже.

Хорошо бы мне вместо грелки согреть простыни для Ливак, но надежды на это было мало. Я вздохнул. А ведь тогда бы я точно спал крепко.

Вслед за Вилтредом мы гуськом поднялись по лестнице — ну прямо как благодетельные потомки — и набились в его комнату.

— Думаю, нам всем не мешало бы знать, что забрали у тебя эти Ледяные Люди, — начал я разговор.

— В таких трактирах часто торгуют краденым, — вставила Ливак. — Если мне кто-то предложит кольцо за две марки, которое должно стоить десять, то хотелось бы знать, не твое ли оно.

— Это хороший вопрос, — согласился Шив.

— Так что вы с Азазиром свистнули у эльетиммов? — без обиняков спросила Хэлис.

Старый маг оскорбился за то, что его посчитали вором, но смолчал и с минуту разглаживал перед своего линялого бархатного камзола.

— Было четыре меча, две рапиры для ношения при дворе и два палаша. Еще два парадных кинжала, кольцо с ключами, несколько простых золотых колец-печаток, жемчужное ожерелье, несколько кубков и пивных кружек с фамильными гербами, дощечка для записей дворянина, чернильница...

Я поднял руку.

— Пока хватит, да, Ливак? Пошли есть.

Мы насладились великолепным ужином из десяти блюд и немного задержались за отличным портером. Я принял

ванну, с удовольствием сбрил отросшую за несколько дней щетину и все равно оказался в кровати прежде, чем донесся слабый бой полночных курантов из Южного Вариса. Спал я плохо, только не могу сказать отчего: то ли из-за нескончаемого храпа Шива, то ли от досады при мысли о Ливак, спящей по другую сторону оштукатуренной стены.

Разбудил меня грохот повозок во дворе. Одеваясь, я открыл ставни, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

— А я бы не прочь дать той рыжей пару оборотов на вертеле.

Одинокий голос из группы конюхов, лениво бросающих руны, прозвучал во время той непредсказуемой паузы, которая возникает как бы специально для непристойных замечаний. Я повернул голову вправо и увидел Ливак, облокотившуюся на подоконник.

— Идем завтракать? — засмеялся я. — Или хочешь поймать его на слове?

— Нечего ухмыляться, — проворчала женщина, отступив от окна, но ей не удалось сохранить бесстрастный вид. — Рано или поздно я обязательно пройду по Великому Западному тракту и обыщу тот проклятый лес, пока не найду кого-нибудь, кто скажет мне, действительно ли Лесной народ так ненасытен в постели, как утверждает молва, — прибавила она, когда мы спускались по лестнице. — Представляешь, каково жить с такой репутацией? Просто ужас один!

— Ну, не скажи. Ты могла бы узнать что-то полезное, если та компания будет больше следить за пуговицами на твоём корсаже, чем за тем, что они говорят.

— Это было бы не в первый раз, — с бесстыжей улыбкой призналась Ливак.

Мы сидели в пивной, уплетая свежий хлеб, лучший из тех, что я ел со дня отъезда из дома, с вареньем, которое моя мать постыдилась бы дать свиньям, и наблюдали за проезжающими. После завтрака мы вышли позагорать на скамье перед конюшненным двором и развлекались, угадывая, откуда и куда держат путь все эти экипажи и вьючные животные. Немного погодя с юга прикатила целая толпа местных купцов и независимых торговцев. Один из них, в фургоне с релшазскими колесами, высадил у ворот темноволосяную девицу в открытом платье, а сам направился к конюшням. В конце концов, езда ради езды — обычная сделка, ни больше ни меньше, стало быть, эта девица как раз того сорта, что я ищу. Меж тем она, не оглядываясь, пошла к задней двери трактира, и я решительно встал.

— Думаю, пора заняться расспросами.

Если мы охотимся, то самое время заняться поисками следа. Ливак понимающе кивнула и ослабила немного во-

рот сорочки, изображая из себя распутницу с большими глазами и крошечными мозгами.

— А я поболтаю с возчиками, что приехали нынче утром.

Она неторопливо удалилась, заманчиво покачивая бедрами.

Я пошел вокруг трактира к кухонной двери. На цепи у столба сидела собака; я опасливо покосился на нее и тут же скорчил гримасу — с задворок воняло помойкой. Из-за угла донеслись голоса, и я остановился в надежде, что собака не станет возражать, хотя она следила за мной наострив уши.

— Я буду работать за остатки еды и хлеба, но пока не смогу уехать отсюда.

Меня восхитило отсутствие просительных ноток в голосе девицы с повозки.

— Мы не нанимаем, — с презрением отрубила служанка, которая нас обслуживала.

— Я не ищу постоянного места, просто немного еды в обмен на то, чтобы на денек-другой облегчить тебе работу. По мне, этот дом выглядит порядком набитым.

Молодец, девица, подумал я, не упрасивает, а делает разумное предложение.

— Ну ладно. Можешь помочь нам сегодня вечером, но спать будешь в конюшнях.

Послышались быстрые шаги по кухонным плитам, затем шарканье каблучков, когда служанка, что-то вспомнив, повернула назад.

— Занимайся своими делами во дворе, я не хочу, чтобы ты докучала посетителям в пивной. А вздумаешь красть, пошлю в Варис за Стражей, чтобы выпороли тебя на рыночной площади.

Я прислонился к бочке для дождевой воды, ожидая, когда темноволосая девица выйдет из-за угла.

— Ты едешь на север? — Смерив меня взглядом, она остановилась в двух шагах от бочки.

Я покачал головой.

— На юг и интересуюсь дорогой.

Засунув большие пальцы за пояс, я колыхнул висящий на нем кошелек. Монеты тихо звякнули.

— И что тебя интересует? — насторожилась девица.

Оно и понятно. Эти смазчицы осей или упряжечные медяшки, называйте их как хотите, живут опасной жизнью, один Дастеннин знает, каковы бывают награды. Девица имела обычную нечистокровную наружность, была излишне худая и лицом старовата для своих лет.

— Меня зовут Райшед. — Я протянул руку.

— Ларрель. — Она держала свои руки оборонительно скрещенными.

— Я ищу горсть мужчин, путешествующих вместе, все в черных мундирах и с соломенными волосами. Мы думаем, они на дороге к югу отсюда.

— И что это стоит?

По глазам девицы я понял — она их видела.

— Смотри что ты можешь сказать мне? — Я тоже скрестил руки и небрежно улыбнулся.

— Их было шестеро, все шли пешком, один в длинном плаще и налегке, остальные нагружены, будто конники, потерявшие лошадей.

По ее ответной улыбке стало ясно: она не дура и, что важнее всего, не лгунья, по крайней мере в этом вопросе.

Я полез в кошелек.

— Марка за название ближайшей деревни и марка за то, когда это было.

— Тормалинские марки, не каладрийские, — предупредила она, — пять пенни в марке, не четыре, я, знаешь ли, не такая тупица.

— Договорились, — пожал я плечами; два лишних медяка ничего для меня не значат, но обеспечат этой бродяжке вожаденную горячую еду.

— Они были в половине дневного пути к югу от Армангара, позавчера.

Ларрель протянула руку, и я отдал деньги.

— Спасибо.

Удивление вспыхнуло в глазах девицы, когда она засовывала деньги в кошелек на талии. Проводив ее взглядом, я нашел кость в мусорной куче, бросил ее собаке, а сам отправился на кухню поболтать с тамошним персоналом в перерыве между завтраком и полуденной суетой. Увы, никто из них не видел даже полированной заклепки с элетьимского мундира. Хотя что в этом странного? Ледяные Люди не походили на тех путешественников, что каждый вечер останавливаются в ближайшем трактире побалагурить за элем. Размышляя, я пошел искать остальных.

Во дворе трактира было поразительно тихо, но откуда-то из-за конюшен доносился нарастающий шум голосов. Я направился туда. У ограды пустого загона толпились местные попеременно с заезжим людом. Шив увидел меня и помахал.

— Ну, узнал что-нибудь о черных мундирах? — Маг облокотился на жердь и рукой пригладил волосы.

Я передал ему услышанное и огляделся по сторонам.

— А где Вилтред?

— Отдыхает в своей комнате.

Двое местных перелезли через ограду, один нес на плече две полированные палки длиной с руку, другой помахивал связкой надутых пузырей.

— При таком гомоне он не очень-то поспит. — От усталости в моем тоне проскользнула насмешка.

— Он же старик, измученный и больной, — мягко попенял мне Шив. — Будь снисходительнее, ему осталась всего горсть лет до третьего праздника поколения.

Я изумленно воззрился на мага, пытаясь вспомнить, знал ли я еще кого-нибудь такого же старого. Придется нам сделать для Вилтреда скидку, раз он несет в своем кошельке целых семьдесят лет. Дядя мессира Д'Олбриота, бывший до него сьером, примерно этого возраста, но я вынужден был признать, что он вряд ли способен усидеть на лошади, не говоря уж о том, чтобы ехать куда-то день за днем.

В обоих концах поля мужики связывали рамы для подвешивания пузыря.

— Они готовят бей-башку, да? Это такая грубая игра, как я слышал?

— Бывает и грубой, — хмыкнул Шив. — Если кто-нибудь из игроков захочет свести с кем-то счеты на поле.

У ворот загона собирались две команды. Побродив немного взад и вперед, игроки разбились на местных торговцев и фермеров с одной стороны и стражников и возчиков с дарийского каравана — с другой. Обе команды проходили на поле и выстраивались друг против друга. По четырнадцать участников в каждой — таково было число, на котором наконец все сошлись.

— Только игроку с палкой нельзя заходить за линию броска или всем? — поинтересовался я, глядя, как мужчины, размечающие поле, проводят глубокую черту в неровном дерне по обеим сторонам площадки.

— Только тому, что с палкой. Разве вы в Тормалине не играете в башку? — удивился Шив.

— На севере играют и на западных границах, но не забывай, что я из Зьютесселы. Если пройдешь чуть дальше на юг, то свалишься с Мыса Ветров.

Началась игра. Люди из каравана явно привыкли играть вместе и вскоре лихо передавали палку друг другу, обегая местных парней. Зрители дружно охнули, когда их человек бросил битую в подвешенный пузырь, но промахнулся всего на палец. Пятеро игроков сбились в кучу, дерясь за палку, но добыл ее кто-то из конюхов, и действие переместилось по полю к нам.

— Попробую найти Ливак. — Шив оттолкнулся от ограды. — Ты идешь?

— Нет, побуду здесь. — Я не сводил глаз с поля. — Здорово, правда?

Маг засмеялся и скрылся в толпе, а я внимательно следил за игрой. Мы в Тормалине не увлекаемся командными соревнованиями, мы предпочитаем состязаться в личном мастерстве. Я начал прикидывать, как мое мастерство в метании копья пригодилось бы в такой игре. Вся штука в том, чтобы получить возможность его использовать, решил я. Но вот игрок, уже готовый к броску, исчез под грудой пыльных курток. Одному не удалось встать так же быстро, как остальным, и он захромал с поля, придерживая руку на груди. После короткой заминки другой погонщик мулов перепрыгнул через ограду, чтобы занять место пострадавшего.

— Есть охота войти в команду? — раздался над ухом голос Найла. Я обернулся. Что нужно от меня этому человеку?

— А как насчет твоих друзей? — продолжал он. — Нам бы не помешал хороший бегун.

Я пожал плечами.

— Это надо спросить у них.

— Ты тормалинец, верно? На востоке играют в бей-башку?

— Там, где я живу, — нет. А ты будешь играть позже? — Я не хуже других умею вести праздный разговор, но мне было интересно, ради чего он затеян.

— О да. — Найл придвинулся чуть ближе и наклонился вперед. — Просто я хотел сперва поговорить с тобой. Я тоже помаленьку торгую — так, для себя, — в основном оружием. Я заметил твой меч — Старый Тормалин, верно? А ты часом не думал о продаже?

— Вообще-то нет. — Я снова пожал плечами.

— Я мог бы дать хорошую цену. У меня есть знакомый, который ищет как раз такой клинок.

Возможно, Найл не расслышал мой ответ из-за криков с поля, но колючий взгляд его серо-стальных глаз заставил меня усомниться в этом. Так что же это такое — просто случайная встреча или чьи-то гончие напали на наш след, пока мы вынюхивали свою добычу?

— Прости, друг, но он не мой, чтобы его продавать.

Я позаботился, дабы в моих словах звучала только скука и никакого подозрения, и вновь сосредоточился на игре. На поле разгорались страсти — команды бурно выясняли, переступил возчик линию броска, прежде чем выпустить биты из руки, или нет.

— Ты мог бы заработать своему патрону целый сундук золота. Подумай об этом. В нем был бы толстый кошелек и для тебя, полное сезонное жалованье.

— Нет, спасибо.

С поля донесся крик — один из местных заехал кому-то кулаком, — и погонщики завопили, призывая Найла. Его широкие ноздри раздувались от плохо скрываемого раздражения.

— Еще увидимся. — Капитан выдавил любезную улыбку, но взгляд его оставался жестким; этот человек явно не собирался принимать отказ за окончательный.

Он сиганул через жерди и с ходу включился в игру, предложив мне размышлять об этом странном разговоре. Толпа взревела — Найл завладел палкой и побежал с ней. Для такого здоровяка он двигался на редкость проворно. Какой-то незадачливый скотник попытался отнять биту — Найл отбросил его вращением палки так, что бедняга влетел прямо в зрителей.

— Отлично сработано! Гидестанский прием. Неудивительно, что такого здесь еще не видели. — Хэлис протолкалась сквозь все прибивающую толпу и тяжело облокотилась на ограду рядом со мной.

Что делал Найл в Гидесте? Он не похож на горняка, зверолова или лесоруба, а никакой другой работы в северных горах нет. И акцент у него не гидестанский. Впрочем, какое мне до этого дело?

— Где Ливак?

— Принимает ставки.

Хэлис махнула рукой на другую сторону загона, и я увидел медную макушку Ливак в центре разгоряченной кучки людей, размахивающих кошельками.

— Что она им дает?

— Два к пяти за караван мулов, три к семи за местных, — сообщила бывшая наемница, задумчиво наблюдая за игрой. — Лучше, если они выиграют больше, чем пятью головами.

— Головами? — озадаченно переспросил я.

Хэлис показала на пузырь — из тех, что слегка раскачивались на ветерке.

— Горные Люди подвешивали взятые в битве головы, когда придумали эту игру. Соргрэн говорит, будто так они оттачивали свои боевые искусства. Он клянется, что еще его дед видел, как в нее играли с головами рудокопов, слишком далеко зашедших в горы, а я сама видела, как в Западной Гидесте использовали головы свиней.

Наемница смачно причмокнула и покосилась на меня — как яотреагирую.

Я скорчил гримасу и засмеялся.

— Какая гадость!

Фермеры наконец-то сыгрались и дружно рванули к нашему концу загона. Пятеро сбивали с ног каждого погонщика, стремящегося отнять биту, и таким образом их человеку

удалось сделать бросок. Палка пролетела, крутясь в воздухе, и разбилась пузырь точно пополам.

— Ты нашла кого-нибудь, кто встречал по дороге эльетиммов?

Хэлис не услышала. Толкнув ее локтем в ребра, я повторил вопрос, стараясь говорить не слишком громко, хотя из-за общего шума нас вряд ли могли подслушать.

— Что? Ах да. Двое видели мужчин, ночующих в шатрах там, где Овражный большак отходит от Речной дороги. Думаю, это были они — возчик сказал, все они были блондинами, этим и запомнились ему.

Я помрачнел.

— Во что они были одеты?

Хэлис досадливо щелкнула языком.

— Он не говорил, а я не догадалась спросить. Но думаю, в обычную одежду. Он бы упомянул про мундиры, разве не так?

— Ты можешь уточнить?

Раздался крик, и кто-то замахал большими песочными часами, показывая, что пора сделать перерыв. Когда удалось привлечь всеобщее внимание, наступило некоторое затишье, шум голосов приглушался звоном кружек — со всех сторон утоляли жажду элем.

— Между прочим, тот стражник, Найл, спрашивал меня о твоём мече, — обронила Хэлис. — Кажется, он приторговывает оружием на стороне.

— Меня он тоже спрашивал. Даже не знаю, что об этом и думать.

Команды обновили состав. Несколько человек, видимо, решили, что с них хватит, и захромали прочь, оберегая ушибленные руки, расквашенные носы и разбитые рты.

— Что он предлагает? — Хэлис вопросительно подняла брови.

— Не имеет значения. — Я покачал головой. — Мессир получил его от Планира и преподнес мне на Солнцестояние. И не просто так, а в качестве вознаграждения за ту небольшую прогулку к Ледяным островам с Ливак и Шивом.

Я невольно вздрогнул, услышав далекое эхо моих собственных криков в плену эльетимского главаря. Да, это воспоминание сотрется из памяти не быстрее пиратских татуировок.

— Почувствуй сквозняк от плаща Полдриона? — пошутила Хэлис, но глаза ее смотрели задумчиво.

— Что-то в этом роде. — Я вновь уставился на поле, где свежие люди ускоряли темп, как того требовала игра.

— Значит, твой мессир высокого мнения о тебе?

— Стараюсь его не разочаровывать.

Это прозвучало слишком напыщенно, но Хэлис осталась невозмутимой.

— А как случилось, что ты присягнул ему? Это семейная традиция? Ты идешь по стопам отца?

— Нет, — улыбнулся я. — Мой отец — каменщик. Два моих старших брата тоже взялись за зубила, потому он и позволил моему третьему брату и мне идти своим путем. И за год до того, как пятнистая лихорадка унесла Китрию, они вдвоем вырезали больше камня и облицевали больше зданий, чем все прочие каменщики в городе. Моя мать по полдня обливалась слезами в спальню Халкарион, а Мисталь совсем сбежал из города. Я же перепробовал все средства, какие только мог, в тщетной надежде заглушить боль ее потери.

— Давно ты дал свою клятву?

— Этим летом будет двенадцать лет.

Мне как-то не приходилось думать об этом. Двенадцать лет прошло с тех пор, как я провел все Солнцестояние, пьяный от неразбавленного спирта и обалделый от тассина, в руках дешевых шлюх. Очнувшись с кровоточащими деснами, раскалывающейся головой и дурной чесоткой, я понял: надо что-то делать, и немедленно, иначе Полдрион скоро начнет возить меня взад и вперед в тених между мирами, пока я не придумаю, как оправдаться перед Сэдрином за пустую трату моей жизни.

— Ливак рассказала мне, что случилось там, на Ледяных островах. — Хэлис внезапно отвернулась от игры.

— Тогда ты знаешь все, что тебе нужно знать.

Возможно, эта женщина не слишком меня жалует, но я не собирался обсуждать с ней те испытания.

— Я знаю больше, чем думает Ливак.

Такое заявление показалось мне странным, и я тоже отвернулся от поля.

— Что ты имеешь в виду?

— Она рассказала о Ледышке, о том, как он вламывался в ваши умы. — Глаза бывшей наемницы казались темными и бездонными. — Но она очень мало говорила о тебе, и это вынуждает меня думать, что ты запал ей в голову, если никуда больше.

Возвышаясь над Хэлис, я вперился в нее с откровенным вызовом, но взгляд наемницы не дрогнул.

— Ливак девушка умная, малый не промах, но время от времени появляется мужчина, и она совершенно теряет свои руны. Я же стараюсь быть рядом, чтобы помочь их собрать и оплатить любые счета, именно так, знаешь ли. Ты ведь не хочешь, чтобы она пожалела, что встретила тебя, верно?

Толпа взревела, заглушая последние слова. Я оглянулся: какого-то несчастного, схватившегося за ребра, уносили с поля. Когда я снова повернулся к Хэлис, ее уже не было.

Я потерял лицо, не зная, как понимать сей разговор. Когда-то меня тоже спрашивали о моих намерениях. Пару раз это были напыщенные отцы, несколько раз — добродушные тетки с оценивающими глазами, и однажды, в тот расхристанный период моей юности, меня предупредили в глухом переулке трое сердитых братьев с топориками в руках, и все по причине чрезмерной уверенности, внушенной тассином.

Но вопрос Хэлис больше смахивал на угрозу, и я не мог решить, возмущаться мне или радоваться, что у Ливак есть подруга, которая печется о ней и ее интересах. Хорошо хоть, наемница не ждала ответа. Я и сам еще не знал, куда могу пойти с Ливак, кроме ближайшей постели, конечно, если представится такая возможность. Интересно, что Хэлис говорила своей подруге? Дастеннин проклял эту женщину, почему она лезет не в свое дело? Я шепотом выругался. Я даже не знаю, что чувствует ко мне Ливак, и пока не знаю, могу ли обойтись без Хэлис, встречающей между нами.

В это время с поля закричали:

— Нам нужны еще трое или мы проиграем людям Найла!

До сих пор не пойму, что меня толкнуло, но я вдруг решил, что эта игра — отличный способ выпустить хоть часть раздражения, скопившегося за поездку. Вместе со мной через ограду перелезла горсть мужиков, но местные предпочли меня парню из Южного Вариса, такому жирному, словно его кормили на убой. Песочные часы были перевернуты, игра вступила в новую фазу. Я очутился в самой гуще схватки: я был достаточно высокий, чтобы меня видели все, кто хотел передать палку и спастись от тумачков. К счастью, у меня верная рука, а многолетние занятия фехтованием помогли выработать хорошую маневренность, и теперь я ускользал от большинства противников. Качаясь и увертываясь на бегу, я закричал от переполнявшего меня веселья, обогнал всю свору и помчался к линии броска в дальнем конце поля.

Один погонщик-верзила ухитрился схватить конец биты. Странно, неужто никто не сказал ему, что палка — это оружие о двух концах? С торжествующим рыком здоровяк дернул битку к себе, а я ему в этом помог, навалившись всем телом на другой конец. Палка ударила беднягу в ребра, и он рухнул как мешок с зерном. Я прошел прямо по нему и когда увидел его позже, то узнал отпечаток своего сапога на его груди. Еще один дюжий возчик ринулся на меня с кулаками, и я подумал, что меня расплющат, словно зарывшуюся в ил рыбу, но кто-то возник неведомо откуда у моего локтя и уложил этого малого, вдарив ему тяжелым плечом прямо в пах, что намекало на личный интерес.

Двое местных парней, наращивавших мускулы не иначе как борясь с волами, доказали, что и здоровяки способны

сделать рывок, если нужно, и поравнялись со мной. А навстречу уже бежали Найл и еще кто-то из каравана. Я завертел головой, проверяя, где скотники. Один улыбнулся мне, сверкая зубами, кивнул брату, и я уперся каблуками в дерн, чтобы пропустить их мимо себя. Как горная лавина налетели братья на Найла с возчиком, и поле впереди очистилось. Услышав сзади тяжелый топот, я понял, что у меня есть всего мгновение. Забыв обо всех правилах метания копья, я так зашвырнул биту, что она стала вращаться спиралью в воздухе и затем подбросила пузырь высоко над рамой, прежде чем погоня со страшной силой — словно ее там было полкогорты — ударила меня в поясницу.

Когда я снова увидел дневной свет, мой рот был набит травой и какими-то засохшими комочками, которые мне совсем не хотелось рассматривать, но мое ощущение восторга было несокрушимо.

— Хороший бросок! — Голос Ливак прорезался сквозь рев толпы, и я заметил у самой ограды ее рыжие волосы и оживленное лицо.

Помахав, я послал ей экстравагантный воздушный поцелуй и торопливо встал, пока меня не втоптали в глину. За дальнейшую игру я умудрился добыть еще очко и помог выбить еще три, перехватив возчиков, которые отбирали биты. Наконец, после девяти периодов, команды сдались: все уже слишком устали, а замен больше не было. Но я не сожалел. Еще немного, и дело кончилось бы потасовкой. Кстати, в том числе из-за подобных инсинуаций, в Тормалине на эту игру смотрят неодобрительно. Пятнадцать — двадцать один, таков был окончательный счет, и с ним все согласились. Семь голов проиграл моей команде караван фургонов, но, судя по настроениям, никто не чувствовал себя опозоренным. Мы кое-как соскребли с себя грязь и всей толпой двинулись в пивную, где началась грандиозная пьянка. Я с надеждой огляделся по сторонам, мне не терпелось узнать, много ли заработала Ливак на ставках.

— Сюда! — замахал Шив из-за углового стола, и я протолкался к нему, стараясь не задерживаться для поздравлений от товарищей по команде.

Хэлис налила мне эля. Я залпом проглотил его и схватил вторую кружку. Но ее пил уже медленнее, после такой нагрузки не стоило слишком быстро напиваться.

— Ужина нынче придется подождать. — Ливак появилась со стороны кухни и пододвинула ко мне табурет.

— Доходный был денек? — ухмыльнулся я.

— Еще какой! — Она торжествующе похлопала выпирающий из-под рубахи вал, и тот приглушенно звякнул.

— Давайте ближе к делу, — потребовал Шив. — Кто что слышал о наших друзьях с востока? — Маг даже понизил голос, Дастеннин знает зачем, при таком шуме его бы все равно не услышали.

— Я получил хороший след одной группы в черном в полутора днях пути к югу отсюда, но Хэлис так же ясно указали на каких-то белобрысых путников возле Овражного большака. — Я потянулся за элем, стараясь вернуть свой ум к теме охоты.

— Когда я принимала ставки, то сделала вид, что спрашиваю после безнадежного долга, и мне поведали обе версии, — добавила Ливак.

— Где там ваши карты? — ввернула Хэлис. — Может, это одна и та же группа? — Однако в ее голосе не чувствовалось уверенности.

— А разделиться они не могли? — предположил я.

Шив покачал головой.

— Сомневаюсь. Вилтред гадал, он уверен, что все украденное по-прежнему вместе.

— Я проверила, та компания, о которой я слышала, точно была в местной одежде, а не в мундирах, — вспомнила Хэлис. — Я бы сказала, теперь нам надо беспокоиться о ворах и еще одной группе.

— Но они охотятся за нами, за Вилтредом или за другой компанией в черном, — заметила Ливак.

— Или шлятся по совершенно не связанному со всем этим делу? — Я налил себе еще кружку. — Такое тоже возможно.

— Пойду потолкую с Вилтредом. Может, отыщет этот другой отряд, если знает округу. — Шив с сожалением взглянул на Ларрель, девицу с повозки, она совершала обход с подносом хлеба и нарезанного мяса, чтобы успокоить голодных посетителей.

Ливак поймала его руку.

— Не так скоро. Тот капитан Стражи, Найл, горит желанием купить меч Райшеда. Ты знал об этом?

Маг пожал плечами.

— И что тут удивительного? Это меч Старой Империи, на такие клинки всегда спрос.

— Не прикидывайся лопухом, Шив, я слишком хорошо тебя знаю. — Ливак покачала головой. — Тут неподалеку случайно нет никого вроде Дарни, а? Подбивающего людей продавать фамильные ценности, чтобы Планир мог изучать их, втягивая идиотов вроде меня в ваши сумасшедшие планы? Ты ведь не думаешь, что я забуду, как попалась тогда, а? — Ее слова прямо-таки со-

— Сомневаюсь, — молвил Шив. — Могу проверить, если хочешь, но думаю, Верховный маг предупредил бы меня, не так ли?

— Найл сказал, что у него есть знакомые, которые ищут такие мечи, — не отступала Ливак. — В прошлом году эльетиммы охотились за древностями Старой Империи, разве нет?

И крали их, мрачно подумал я. Племянника мессира так избили, что малый лишился разума, а все из-за попытки защитить фамильные кольца, за которыми охотились эти подонки.

— Сам Найл может этого и не знать, но что, если его покупатель связан с ними? — подхватила Хэлис. — Что, если он расскажет им об этом мече, которым не сумел завладеть? По-моему, нам стоит всерьез задуматься о продаже. Я не хочу оказаться вдруг не на той стороне охоты.

— Я знаю, Раш, что это подарок твоего мессира, но из-за него нам всем может грозить опасность. Не лучше ли было бы его продать?

Ливак устремила на меня вопрошающий взгляд, и я уклончиво пожал плечами. Они с Хэлис явно что-то замыслили.

— Не думаю, что это так необходимо, — заявил Шив, но уж как-то слишком твердо.

Я взглянул на него с любопытством. Эйфория, принесенная мною из загона, стремительно таяла. Похоже, здесь шла своя игра, а я пропустил несколько решающих моментов.

— Ты не хочешь, чтобы он продавал, верно? А Райшед знает, что именно он носит? — Изумрудные глаза Ливак впились в мага, но Шив отвел взгляд.

— Это меч Старой Империи, Райшед знает.

— А как насчет его трудностей со сном? — вмешалась Хэлис.

— Ты случайно не надеешься услышать все о каких-то необычных снах, а, Шив? — гнула свое Ливак.

— О чем это ты? — Я схватился за кружку, мысленно кляня собственную глупость. Как же это я забыл: Верховный маг запросил мог поручить Шиву тралить совсем другую рыбу, чем мы все!

— Расскажи ему, или я скажу, — пригрозила Ливак.

— Помнишь, я говорил, что Планир изучает тормалинские древности? Что именно за ними он и отправил меня к Вилтреду?

Шив почесал ухо, подыскивая слова, и у меня возникло нехорошее предчувствие, что мне не понравится то, что я сейчас услышу.

— Но я, кажется, не упомянул, что некоторые из этих древностей вызывают у своих владельцев странные сны, подробные сцены падения Империи. Верховный маг хочет с их помощью больше узнать об основании Хадрумала, которое произо-

шло где-то поколение спустя, когда магия, управляющая стихиями, впервые начала развиваться по-настоящему.

— Ах, этот таинственный город чародеев, спрятанный Тримон знает где, чтобы хранить секреты магии от простых смертных! — саркастически протянула Хэлис.

У Шива дернулись вниз уголки рта, выдавая его раздражение.

— Это город, где Верховный маг и большинство могущественных магов живут и занимаются своими исследованиями. И ничего такого таинственного там нет.

— Он только держит магов подальше от честного люда, — съязвила Ливак.

— Большинство магов находят, что он освобождает их от соблазнов жизни среди не магов, — надулся Шив.

— А при чем тут мой меч? — нетерпеливо вмешался я.

— Помнишь, в минувшем году, когда мы выслеживали эльетиммов до их островов, мы нашли доказательство, что тормалинская колония, исчезнувшая во время падения Империи, все-таки была не в Гидесте? — в свою очередь, спросил маг. — И что старые тормалинцы тоже пользовались этой древней магией, эфирным колдовством, которое эльетиммы напустили на нас тогда, чем бы оно там ни было?

— Да, конечно. — Я взглянул на него с подозрением. — Похоже, эта колония была где-то за океаном. Мессир говорил о том, чтобы попробовать найти ее, если будет на то воля Дастеннина. Ближе к делу, Шив.

— По-видимому, эльетиммы напали на колонистов, но те как-то ухитрились разрушить магию Ледяных Людей, не осознавая, что в результате рухнет крыша всей Империи, которая тоже держалась на этой старой магии.

Я изумленно воззрился на Ливак.

— Ты знала об этом?

Женщина ощетибилась.

— А ты — нет? Тот старый маг, Отрик, сказал, что они сообщат все Д'Олбриоту и прочим из Тормалинского Собрания.

Шив потер губы.

— За зиму мы установили, что те артефакты, историю которых мы смогли проследить, происходят из семей, участвовавших в этой колонии. Мы думаем, они действительно принадлежали тем поселенцам.

— И что?

Как же тогда они вернулись обратно через океан, в недоумении подумал я.

— Мы надеемся, что сны дадут ключ к разгадке, как удалось колонистам разрушить эльетиммскую магию. Мы

изучаем то небольшое, что знаем об эфирных заклинаниях, но пока не можем ни обнаружить их, ни противостоять им.

— И вы хотите узнать, как уничтожить их колдовство, если эльетиммы решат атаковать всеми своими силами в придачу с эфирной магией в качестве поддержки?

Это не лишено смысла, надо отдать магам должное. Но зачем так скрытничать? Если не все Собрание, то хотя бы мессира-должны были поставить в известность.

— Никому из нас это теперь не повредит, разве что озадачит старых жрецов, когда им перестанут удаваться чудеса, — пожал плечами Шив. — Для всех по эту сторону океана эфирная магия умерла вместе с Империей.

— Выходит, мне дали этот меч в надежде, что я увижу во сне ответы для Планира? — Я был возмущен до глубины души: как смеют эти чародеи использовать мессира будто птицу на игровой доске?

— Мы, то есть Планир и Совет Магов, пытаемся подобрать к этим древностям людей, похожих на их первоначальных владельцев. — Шив оживился. — Ты — воин. Ты видишь странные сны? Мы вполне могли бы узнать что-то важное, если б ты постарался вспомнить их.

— Ты хочешь сказать, вместо того чтобы вышвыривать их из своего ума? Я ведь уже начал бояться, не превращаются ли мои мозги в воду, а то вытекут струйкой из ушей, и все. — Я старался не повышать голос, так как спор привлек бы к нам излишнее внимание.

— Не понимаю, с чего ты это взял? — неестественно удивился Шив.

Легко ему говорить, эльетиммский колдун не выворачивал его голову наизнанку. При мысли о магии, вторгающейся в мой спящий ум, мурашки побежали по коже, как вши под рубахой нищего. Первым моим желанием было отдать Шиву меч, но нет — ведь это подарок мессира мне на Солнцестояние, знак его восхищения. И я не отдам его никакому магу. И плевать мне на любые сны, да будет на то воля Аримелин.

— Что бы ни сделали колонисты, эльетиммам стоило потратить время, чтобы тоже это узнать, — рассуждала Хэлис. — Вдруг им удалось бы все перевернуть? Это увеличило бы их силу? Даже просто не позволив нам ничего выяснить, они сохраняют свое тактическое преимущество. Может, потому они и охотились за Вилтредом?

Я запустил руки в волосы и поморщился, зацепив колтун, который давно следовало выстричь.

— Надо залезть в воду, пока я еще могу шевелиться.

Я резко встал, не слушая ободряющих изречений Шива. Служанка с лоснящимися волосами проходила мимо, и я схватил ее за руку.

— Я хочу ванну и побольше горячей воды в моей спальне, да поскорее.

Девушка испуганно вырвала руку. Видно, я слишком сильно ее сжал.

— Прости.

— Распожусь, как только выдастся минутка, — не очень уверенно пообещала она, и я отправился наверх ждать.

Расхаживая по комнате, я чувствовал, как меня начинает знобить. Все тело ломило, и я запоздало понял, что должен смердеть, как загнанная лошадь. Наконец прибыла вода. Приятно горячая, она расслабила мускулы и помогла смягчить негодование от только что услышанного, но не скажу, что я был намного счастливее, когда вода начала остывать. Одно дело — выслеживать Ледяных Людей, такая работа меня вполне устраивала. Но эта новость, что мы, возможно, стали добычей, была определенно скверной, а уж о том подозрении, что из меня сделали ягненка, привязанного к колышку для приманки волков, не хотелось и думать. Но интересно, чья это была идея? Шива? Или это все с самого начала — задумка Планира? Что все-таки сказал мессире Верховный маг? Объяснил этот хитрый чародей ситуацию со снами или просто намекнул, что меч стал бы достойным подарком от благодарного патрона? Наверняка просто намекнул. Все прочее нарушило бы клятвы, что связали Д'Олбриота и меня. Те же самые клятвы обязывали меня хранить этот клинок и продолжать работать с Шивом. Я не мог уклониться от задания, но будь я проклят, если не вытрясу из Шива все, что мне нужно знать.

Я пристроил зеркало на коленях и, бреясь, принялся размышлять. Почему бы не разыграть эти руны наоборот? Какая разница, эльетиммы найдут нас или мы — их? Никакой, пока маги за ними следят. И для моей клятвы Айтену это тоже несущественно. Надо лишь оставаться начеку и не терять головы. Мое отражение в полированной стали выглядело уже не столь мрачным, и я вспомнил любимую поговорку моего отца: «Строй для бурь и надейся на солнце». Это достойный лозунг для каменщика, но самое время и мне взять его на вооружение. Я покачал головой. Что подумает отец, когда узнает, во что я ввязался? Надеюсь, он примет все со своим обычным спокойствием. Он непременно поймет меня, когда познакомится с Ливак. Я очень рассчитывал на него, чтобы переубедить маму.

Стук в дверь распугал мои мысли. Обернувшись, я увидел, как щеколда поднимается.

— Спинку потереть не надо? — Ливак проскользнула в комнату и прислонилась к двери. Она улыбалась, но в глазах проглядывала неуверенность.

— Не откажусь.

Я сместился вперед и глубоко вдохнул от удовольствия, когда Ливак начала оттирать мои ноющие плечи грубой полотенечной тканью.

— Еще я прихватила у Вилтреда масло для растираний. — Ливак наклонилась, коснувшись губами моих волос. — Я подумала, что оно пригодится.

— Хорошая мысль.

Я вышел из воды, расстелил полотенце на кровати. Ложась, услышал, как Ливак запирает дверь на засов, и улыбнулся в подушки: пусть Шив ночует на ее постели, целомудрию Хэлис все равно ничто не угрожает.

— О том, что мы говорили внизу... — Ливак села возле меня и закатала рукава.

— Не хочу это обсуждать, не сейчас, — перебил я ее резче, чем намеревался.

— Хэлис попробует что-то выведать у Найла. — Ливак вылила на ладони немного масла, и я почувствовал острый запах листьев драконова дыхания. — Он выглядел довольно страстным, когда они рассуждали о тактике игры.

— Я рад, что этот бугай ей приглянулся, вот только не пойму чем.

Ливак засмеялась и стала втирать масло в мои мышцы.

— Хэлис нравятся мужчины, рядом с которыми она чувствует себя маленькой и женственной.

— Тогда выбор у нее невелик, если поблизости нет заезжей борцовой труппы, — пробормотал я.

— Ты удивишься, но в постели она не так уж плоха.

Ливак наклонилась, и тяжелые груди задела мою спину через мягкое полотно ее рубахи. С мимолетной тоской я подумал, не ограничимся ли и мы одной постелью, без всяких связующих нас уз. Я начал говорить, но Ливак принялась массировать неподатливый бугор мускулов на моем плече, и гусяная перина задушила мои полуоформившиеся слова.

— Что ты сказал?

— Ничего.

Я вытянулся под ее умелыми руками, благодарно мыча, пока она заботливо изгоняла из моего тела невыносимую боль.

— Все еще одеревенелый? — спросила она, закончив процедуру, показавшуюся мне полусезонным удовольствием.

— Только там, где нужно. — Драконово дыхание оказывает на меня такое же действие, как и на большинство мужчин.

Я перевернулся, и Ливак захихикала.

— Вот интересно бы взглянуть, что там делает Вилтрэд с содержательницей пивной.

— Забудь о Вилтреде. — Я схватил ее в охапку и свирепо притянул к себе.

Ливак была такой же горячей, как я, и восхитительно содрогнулась от наслаждения, когда я стянул с нее рубашку. Созерцание ее мягких грудей, наливающихся упругостью в свете лампы, начисто выгнало из моей головы все мысли о разговорах. С растущим желанием я потянулся к этой женщине. Ее ответное прикосновение было уверенным и настойчивым и вновь обожгло меня огненной дрожью. Она жадно отвечала на мои ласки, даря и принимая наслаждение в острой радости взаимного узнавания. При всей новизне ее тела под моими руками, мы сошлись с легкостью пары, женатой не меньше поколения, двигаясь с текучим, инстинктивным ритмом, который так естественно приходил к нам и раньше. Из всех сил я сдерживал свою ненасытную страсть, пока не почувствовал экстаз женщины, и тогда отдался все сметающим волнам неизъяснимого восторга, которые обрушились на меня, затопляя и увлекая за собой. Потом мы отдыхали. Сердце Ливак билось возле моего, и я знал: мой пульс и впредь еще долго будет вторить ее пульсу, каковы бы ни были ее чувства ко мне и что бы там ни сулило нам будущее. Ощущая, как смешиваются наши дыхания, мы погрузились в глубокий, освежающий сон.

ГЛАВА 3

Письмо, взятое из Первого Приложения к сделкам купцов-предпринимателей Кола, том 8, 126-й год Свободы города Кола.

Мои уважаемые братья по коммерции!

Полный самых радужных упований, я надеюсь, что это письмо найдет вас в здравии и процветании. Не сомневаюсь, вас удивят мои слова, принимая во внимание мое последнее сообщение из хаоса Триолла.

Итак, к делу. В дебетных колонках, не скрою от вас, мы несем тяжелые потери. Порт в Триолльской бухте был подчистую разграблен отрядами герцога Драксимала. Товары и прибыли от торговли за этот год между Триоллом и Алдабреши теперь проигрываются в лагерях да идут на украшения грязных солдатских потаскух. Кроме того, эта их война — не просто летняя гроза. Если кто-то говорит вам, что все уляжется к Солнцестоянию, отведите глупца в игорный дом, запишите ставки и сдерите с него все до последней марки, что найдется в его сундуках. Возможно, эта война началась с притязаний на трон, но она превращается в борьбу за самую плодородную землю, доступ к рекам и морю и тому подобное. Я не представляю себе, как Парнилесс избежит участия в ней, а вместе с тем и последняя приличная гавань на этой стороне Тормалина станет не безопаснее пиратского гнезда. Коммерция в Лескаре так же мертва, как человек с ножом в горле.

Откуда тогда взяться надеждам, спросите вы. Позвольте же объяснить. Я пишу сие письмо в деревушке под названием Релшаз. Сама деревушка не более чем скопище грязных лачуг прямо в дельте Рела, и пока у этого места есть только одно достоинство для его рекомендации — его положение. Оцените преимущества порта, таким образом расположенного: Рел судоходен до Абрея

для любых судов, а баржи могут проходить еще дальше, фактически до самого Далазора. Поселение здесь могло бы привлечь торговлю из большей части восточной Каладрии, и если коммерция в Лескаре все же возродится, такой порт идеально подошел бы для хранения товаров и вытекающих прибылей.

Мы должны действовать быстро и дерзко или упустим возможность держать в своих руках всю будущую торговлю в Каладрийском Заливе. По сообщениям моих источников, лорд Метрил из Аттарской бухты хочет расширить свою гавань, и лорд Сетель Пинеринский надумал построить ряд пристаней вдоль Ферлских дорог. Оба плана будут поданы на утверждение Парламенту на сессиях в Равноденствие, и в данном случае я не думаю, что мы услышим бесконечную говорильню, в которой так преуспело то дворянство. Оба лорда интенсивно работают, чтобы обеспечить себе поддержку при голосовании, и сотрудничество было ловким ходом с их стороны. Я постараюсь запустить лисицу в их курятник, а вы тем временем должны найти средства, чтобы начать строительство гавани до прихода зимних штормов. Я знаю, как трудно собрать такие деньги в этот самый скудный из годов, но мы должны смотреть дальше кратковременных потерь на долговременные прибыли.

*Ваш торговый партнер
Джерам Гилтхенд*

Релшазский паром, Каладрия, 27-е поствесны

Никто из нас так и не понял, что стоит за интересом Найла к моему мечу, но скоро эта проблема осталась позади вместе с караваном мулов, ибо мы свернули на Западный тракт к Адруллу. Отчасти для того, чтобы срезать длинный изгиб реки, отчасти — чтобы захватить Овражный большак и посмотреть, не удастся ли напасть на след второй группы эльетиммов. Но ни в одном из трактиров о них и слыхом не слыхивали, и мы пришли к выводу, что эта группа, должно быть, направлялась в Энсеймин, если это и в самом деле были Ледяные Люди. Я не забыл про них, но решил, что можно пока не забивать ими голову.

Наш путь вел нас через те скучные каладрийские рыночные городки, которые вскоре стало трудно отличить друг от друга. Шив выглядел довольным. Каждый вечер маги плескались в своей гадальной чаше, раз за разом убеждаясь, что эльетиммы, ограбившие Вилтреда, по-прежнему направляются в Релшаз.

Чем дальше на юг, тем становилось теплее. В дневную жару мы ехали в одних рубахах, и настроение Вилтреда заметно улучшилось: солнце умалило его боли. Тенденция последнего поколения к огораживанию зародилась в Южной Каладрии, и

эта земля за живыми изгородями и стенами выглядела все более упорядоченной, а скот — более лоснящимся и крепким. Вокруг попадалось все меньше коров и кукурузных полей, зато больше овец и виноградников; города выросли настолько, чтобы обзавестись трущобами и нищими, и движение на дороге заметно оживилось. Я почти убедил себя, что еду под защитой гор на юг, к Зьютесселе.

Я даже повеселел — погода и местность все сильнее напоминали мне родину. С помощью Ливак я спал крепче, но чувства ее, как и прежде, оставались для меня загадкой; мы оба предпочитали радость плотских утех любым тяжелым разговорам об уготованном нам будущем. Наконец утренний ветерок принес из-за холма сырое, пасмурное дыхание великого устья Рела: смесь ила, гниющего дерева, водорослей и рыбы. Въехав на холмистую грядку, протянувшуюся вдоль берега, мы увидели внизу сияющий Релшаз, плотное скопление побеленных зданий, уверенно теснящихся на островах между широкими черными рукавами реки. Илистые воды с холмов Каладрии и равнин Лескара обвивали город и огромным темным пятном уходили в мерцающее море. Под солнцем поздней весны Лескарский Залив казался синим, как крыло зимородка, а с далекого горизонта мягко накатывали волны. Я вдохнул полной грудью, смакуя резкий привкус соли в воздухе. Он не имел той чистой остроты моего родного, бурного океанского побережья, но все же это был запах моря.

Однако вскоре и от того слабого намека на открытую воду не осталось и следа — дорога, петляя, начала спускаться с холмов. Там, внизу, Пряный тракт и Речная дорога встречались на широкой, вытоптанной рыночной площади, где некоторые торговцы предпочитали совершать куплю-продажу, чтобы не тратить время и деньги на переправу в город. Мы с трудом протискивались сквозь толпу людей, галдящую вокруг на разных языках, с мулами, волами и повозками, а из-под ног поднималась пыль, от которой першило в горле.

— Пусти меня вперед.

С тех пор как Хэлис сняла швы с руки Шива, он твердо держал поводья своего коня, и я охотно уступил ему дорогу. Злобный вороной растолкал двух тонконогих мулов, и под брань их владельца я скользнул вслед за магом. К счастью, чалой Вилтреда не хватало мозгов, чтобы пугаться этого хаоса, поскольку Ливак пришлось взять упряжную лошадь под уздцы, дабы заставить ее идти. Хэлис шелкнула кнутом, и упрягое животное нехотя сдвинулось с места.

— Долго нам ждать парома? — перекрикивая гвалт, об-
ратился я к Ливак, когда мы остановились у деревянных

мостков, обвешанных водорослями, под которыми темнела зло-
вонная илистая жижа.

Ливак пожала плечами.

— Час, не меньше.

В этот миг над мутными водами разнесся колокольный звон.

— Люблю быть там, где есть настоящие часы и регулярные
куранты, — заметила она.

Моя городская кровь шептала мне то же самое.

Через реку мы переправились скорее, чем ожидалось, ибо на
этот раз, оценив давку у мостков, я проскользнул вперед и встре-
тил паромщика теплым рукопожатием с вложенной внутрь калад-
рийской маркой. Как только дилижанс прогрехотал по деревянно-
му настилу на широкую палубу парома, оставляя достаточно места
для нас и нашего шарабана, паромщик взмахом руки велел нам
садиться впереди страшно обиженного виноторговца.

— Повезло, — заметил Шив.

— Ничего подобного, — покачал я головой. — Тут главное —
знать, как проворачиваются дела в порту.

Мы стояли у перил и смотрели на закованных в кандалы пот-
ных рабов. Они налегали на дубовые рукоятки, поворачивая гигант-
ские барабаны, на которые наматывались тяжелые цепи, несущие
паром через темные бурные воды реки. За ними, на другой сторо-
не, гомонила еще одна толпа, желающая покинуть город. Облеп-
ленные грязью ребятишки играли на отмелях и копались в мусоре,
а когда паром подошел ближе к берегу, побежали к нему, протяги-
вая ручонки за медяками.

— Кто бы мог подумать, что здесь до сих пор не возвели насто-
ящий мост, — кисло пробурчал Вилтред. — Хотя бы на каладрий-
ской стороне.

Хэлис присоединилась к нам. Сегодня она хромала сильнее
обычного, а все из-за лошади Шива, наступившей на здоровую
ногу.

— Смотри, как бы тебя не оштрафовали за такие речи, — пре-
дупредила она. — Релшазцы носят свою независимость, как
с писаной торбой, а река уже не раз их спасала. Любого, кто возна-
мерится строить здесь мост, казнят.

— Я это слышал...

— Как съедем с парома, направимся в округ Аррил, — занос-
чиво перебил меня Вилтред. — Я буду править, — добавил он и
повернулся спиной к Хэлис, чтобы залезть в шарабан.

— Куда мы едем? — удивился я.

— У меня тут много знакомых, — с раздражающим пре-
восходством улыбнулся старый маг.

— Как и у нас с Ливак, — мягко заметила Хэлис, без суеты уступая вожжи.

— Верно. — Ливак прищипорила свою чалую, которая заартчилась перед мостками. — Мы сэкономим время, если разделимся. Мы с Хэлис разнюхаем, что тут и как, и встретимся с вами. Где?

— Нет, это совершенно исключено, — категорически возразил Шив. — Пока будем держаться вместе. Я должен кое с кем поговорить, прежде чем решу, что делать дальше, и не хочу, чтобы о нашем присутствии разболтали раньше времени.

Взгляды, которыми обменялись подруги, красноречиво говорили о том, что требование мага они примут так же охотно, как кошелек с лескарскими марками. Надо приглядывать за этой парочкой, решил я; Ливак терпеть не может, когда ей приказывают, даже если это делает наш добродушно-веселый Шив. Я смотрел на нее, пока она стояла, пляясь на безымянные обломки, которые вода прибывала к плавучей пристани. Как же нам примирить мои клятвы и долг с ее упрямой независимостью и любовью к рискованной жизни? Дилижанс исторг своих пассажиров на конечной остановке, а следом и мы распрощались с паромом. Проезжая мимо трактира, где на вывеске красовалась шляпа с огромным пером, Хэлис и Ливак что-то шепнули друг другу, печально косясь на спину Шива.

— Там что, хороший эль? — небрежно спросил я.

— Хороший эль, — подтвердила Хэлис. — Сравнительно честная игра, довольно чистые постели и, как правило, достоверные сведения.

— Магия — это, конечно, здорово. — Ливак подвела свою чалую ближе ко мне. — Но хотелось бы подкрепить ее местной информацией, купленной и оплаченной.

— От меня вы не услышите возражений. — Я с любопытством огляделся. — Ты хорошо знаешь Релшаз?

— Мы приезжали сюда пару раз в прошлом году. — Ливак резко осадил лошадь: какой-то человек выскочил на дорогу прямо перед ней. — В основном на праздничную игру, смотря как выпадали руны. Дело в том, что мы знаем здесь людей, а они знают нас.

— Постарайся сказать это Шиву, — решительно посоветовал я.

— А он станет слушать? — кисло парировала Ливак.

Вилтред направлял шарабан по оживленным улицам, часто останавливаясь, когда повозки сбивались в кучу возле узких мостов, переброшенных через неисчислимы каналы Релшаза. Должен признаться: чем больше я видел, тем меньше восторгался. Вблизи знаменитый Белый Город Залива выглядел довольно грязным и обшарпанным, особенно с внутренней стороны. На крашеных стенах зеленели пятна плесени, гниющий мусор плавал в

воде и вонял тем сильнее, чем выше поднималось солнце. В тенях узких улочек и входов прятались вороватые нищие, и я порадовался, что мы не прибыли ночью. Я выпрямился в седле и сдернул плащ с плеча, освобождая меч, чтобы отпугнуть тех, кто вздумает попытаться счастья.

Мы въехали в район складов и мастерских. Взмывенные лошади тянули в упряжках веревки, перекинутые через ряды блоков, поднимая товары на верхние этажи зданий. Женщины толкали ручные тележки с одинаковыми деталями мебели и металлических изделий, частями столов, ножками от стульев к следующей мастерской, чтобы следующий ремесленник заработал свои скудные гроши на сдельной работе. Дети бегали с записками, держали лошадей, подметали перекрестки. Интенсивное движение немного отдалило нас с Ливак от шарабана, и я потерял ее за рукав.

— На что похож этот Аррил?

Ливак покачала головой.

— Я плохо его знаю. Обычно сижу в трактирах и игорных домах, а округ Аррил — это сплошь солидные дома для уважаемых купцов и им подобных. В общем, мы едем в шикарные заведения с видом на Залив.

— А как по-твоему, где Ледяные Люди устроили бы себе логово в этом лабиринте?

— В любом месте. — Ливак повернулась ко мне, лицо ее было сосредоточенным. — Мы с Хэлис знаем людей, которые могли бы все разведать. Шив должен разрешить нам использовать старые связи.

Вилтред свернул на боковую улицу. Шарабан запрыгал по булыжникам между высокими кирпичными домами, сулившими лучшие удобства города. Белые стены сияли свежей краской, на роскошных балконах пестрели цветы в горшках, отовсюду доносились голоса и смех людей, наслаждающихся солнцем. Женщины в тонких шелках проходили мимо, ведя за ручку чистых, порой даже веселых детей, а другие в это время торговались с мелочными торговцами, сплетничали с подругами и подгоняли слуганок.

Вилтред остановился перед высокими широкими воротами в стене из гладкого камня и одеревенело слез с шарабана.

— Подождите здесь.

На его стук немедленно ответил привратник в опрятной ливрее.

— Передайте госпоже, что приехал Вилтред Серн, — промолвил старик на безупречном релшазском, да еще с таким представительным видом, что показался вдруг на пять пальцев выше своего небольшого росточка. Я с удивлением понял, что это

родной язык Вилтрета. Внимая его беглому каладрийскому, я думал, что родина мага — Каладрия.

Ворота распахнулись, и Ливак многозначительно подняла брови. Мы въехали в идеально чистый двор с широким газоном, где среди цветущих фруктовых деревьев сверкали струи фонтана. Из конюшен, что отделяли каменный дом от улицы, прибежали два конюха и взяли наших лошадей, а привратник повел нас к отполированной до блеска двери. Затем проводил в длинный, освещенный солнцем салон с кисейными занавесками, раздувающимися вокруг высоких окон, открытых весеннему ветерку. Мои пыльные сапоги заскребли по полированному полу, но оказалось, не только я избегаю бирюзовых и нежно-зеленых шелковых ковров, лежавших поперек темного дерева. Муаровые шелковые драпировки тех же тонов смягчали стены и обрамляли любопытную коллекцию скульптуры и керамики: ничего особо ценного, но каждый предмет был тщательно подобран к общему убранству комнаты. Элегантность смешивалась с ароматом свежих цветов.

Вилтред проковылял к изящному дивану, обитому шелком, и плюхнулся на него с завидным апломбом.

— Пожалуйста, вина, — махнул он рукой ливрейному лакею, и тот мгновенно удался.

Стараясь выглядеть так же непринужденно, как Вилтред, я присел у столика из шелковистого фруктового дерева, но все время боролся с чувством, что должен стоять навытяжку, как при официальном визите в дом патрона.

— Вилтред, дорогой мой!

Дверь распахнулась, и в облаке духов возникла женщина с изумительной фигурой в шелестящем желтом платье. Она горячо обняла старого мага и грациозно опустилась на диван рядом с ним. После чего окинула нас царственным взглядом.

— Это Меллита.

Вилтред поцеловал ей руку с утонченной галантностью, которая так не вязалась с его пыльной измятой одеждой и усталым лицом, что я едва сдержал улыбку восхищения. Ай да старый ловелас!

— Кто твои спутники? — Меллита изогнула тонко выщипанные брови.

Было трудно определить ее возраст. Несмотря на молодое лицо, безукоризненное, как фарфоровая ваза за ее головой, в каштановых волосах женщины блестела седина, а вокруг пронизательных серых глаз лучились тонкие морщинки.

Маг представил нас. Вернулся лакей с вином и тут же был отпущен — хозяйка сама раздала нам бокалы.

— Как дети? — с неподдельным интересом спросил Вилтред.

— Треф путешествует по Энсеймину, пишет портреты всех этих мелких лордиков с претензиями на величие.

Пригладив на бедрах дорогое шелковое платье, расшитое яркими цветами, Меллита снова села.

— Тиа по-прежнему в Хадрумале со своим отцом, изучает переплетное ремесло. Они решили, что Тиа примет дела через год, когда он удалится на покой. Санан собирается жениться на очень милой девушке из Кола. Ее отец владеет трактирами, и после свадьбы они поедут туда. Патрин служит наемницей в Лескаре, что меня, как ты понимаешь, совсем не радует. Но я получила от нее весточку несколько недель назад. Она вернется в Релшаз на Солнцестояние, и я надеюсь уговорить ее войти со мной в дело.

— Я был бы несказанно счастлив, если б она тебя послушалась, — кивнул Вилтред.

Меллита засмеялась.

— Оставь этот отеческий тон. Сколько раз я тебе говорила, что понятия не имею, твоя ли она дочь!

Ну и ну! Оказывается, наш старый петушок распускал крылья в молодые годы и потряхивал гребешком — поди, заливиисто кукарекал, раз очаровал такую курочку. Меллита явно была женщиной состоятельной и независимой, отнюдь не украшением в шелках и ароматах.

Шив кашлянул.

— Боюсь, это не просто светский визит, сударыня.

Хозяйка улыбнулась, и ямочки на щеках только прибавили ей очарования.

— Я так и не думала. — Она провела рукой по красивой прическе и деловито спросила: — Чем могу вам помочь?

С восхитительной краткостью Шив поведал ей нашу историю. Не помещали даже частые замечания Вилтреда — не все они показались мне уместными. Меллита немного удивила меня, спросив мое мнение, и ее глаза, каким бы самообладанием ни отличалась хозяйка, оставались настороженными. В некотором отношении это напомнило мне беседы с нынешней любовницей моего патрона, госпожой Чаннис, одной из тех ослепительных женщин, чья красота тем не менее не столь ценна, как ее ум. Хэлси и Ливак сидели молча, попивая прохладное белое вино, и время от времени обменивались взглядами. В один из таких моментов я увидел, что Меллита смотрит на них, и понял: эта женщина хочет увидеть обе стороны монеты, прежде чем положить ее в свой кошелек.

— Думаешь, ты сможешь помочь нам? — спросил наконец Шив.

— Я, несомненно, могу навести для вас справки о чужеземцах в черных мундирах. — Меллита пересела за пись-

менный стол, достала гладкую, дорогую папирусную бумагу и чернила. — Такие люди даже в Релшазе должны бросаться в глаза.

— Будь осторожна, не привлекай к себе внимания, — предупредил Шив. — Это опасные люди, убийцы.

— Я — откупщик налогов, — уверенно молвила хозяйка. — Мне положено задавать вопросы, и на меня работает масса людей, которые знают, что такое осмотрительность.

— Хочешь сказать, будто не черпаешь сведения из хитрых заклиний и непогрешимого колдовства? — засмеялся Вилтред. — Именно это я слышал, когда был здесь в последний раз.

— Ты — маг? — удивился я.

— Да, но это не главное мое занятие. Хотя я стараюсь, дабы время от времени меня видели за магическим ремеслом, чтобы и дальше поддерживать сию мельницу слухов. Это очень полезно. — Меллита лукаво улыбнулась. — Большинство людей не видят смысла утаивать свои доходы, если убеждены, что ты способна видеть сквозь их столы и читать их приходные книги.

Ливак засмеялась. Она явно почувствовала себя непринужденнее, узнав в Меллите женщину, слепленную из того же теста, что и она сама. Должно ли это беспокоить меня, криво усмехнувшись, подумал я.

— Мне следует приняться за гадание и поискать воров, — вмешался старый маг. — Вдруг ты увидишь что-то знакомое...

— Это помогло бы направить твоих агентов, — согласился Шив, и я тоже поддакнул.

Меллита встала, оправила платье на пышных бедрах.

— Это можно сделать прямо сейчас. Мне понадобится несколько вещей, а пока я схожу за ними, создайте-ка мне образ этих людей.

Она позвонила в серебряный колокольчик, и двери открылись, впуслав двух служанок; те быстро поставили на буфет уникальный набор обеденных блюд.

Поначалу никто как будто не заметил их. Сев прямо, Вилтред сконцентрировался на образе эльетиммов, и воздух над столом замерцал. Мы с Ливак и Хэлис смотрели во все глаза, как старый маг сплел из мотков голубого света первые жгуты, сделал наброски форм, затем вывязал сами фигуры — плотные, точные до мельчайших деталей и цветовых оттенков. Меллита принесла чашу, графин с водой и несколько пузырьков. Шив с интересом наблюдал за ее приготовлениями.

— Что ты используешь?

— Парфюмерные масла. — Меллита добавила их в воду, отсчитывая капли. — В последнее время я работаю над некоторыми новинками, они дают очень хорошие результаты.

Вилтред подсел к ней, и маги втроем усталились в благоухающую чашу. Внимательно поглядев на образ Ледяных Людей, Меллита закрутила воду, и масла на поверхности заблестели в зеленом свечении ее магии. Темные, неясные образы полусформировались, но вскоре растворились. Какие-то лица вынырнули из глубины и уплыли в никуда. Внезапно появился каменный пол, на удивление отчетливый, и так же быстро исчез.

Я посмотрел на Хэлис и Ливак. Мы дружно пожали плечами и пошли к буфету перекусить.

— Как странно, — озадаченно промолвила Меллита, — я не могу сфокусировать заклинание, хотя знаю, что не делаю ничего необычного. Единственное, что я могу сказать, — они точно в городе, но даже ума не приложу где.

Шив откинулся на спинку стула и пригладил волосы.

— Не думаю, будто ты делаешь что-то не так. Просто что-то мешает заклинанию. Я уже видел такое раньше, то же самое происходило и с нами...

— Ты совершенно уверена, что это внешняя проблема? — попытывался Вилтред.

Меллита смерила его спокойным взглядом.

— Кто здесь маг, родственник воде?

— Ну, и что теперь? — Шив досадливо нахмурился.

Я не мог винить его. Наконец-то мы были в одном месте с нашей добычей, а магия чародеев вновь решила покинуть нас. Теперь вся надежда на приятелей Ливак и Хэлис, но вот скоро ли удастся связаться с ними?

— Погодите минутку. — Меллита подняла руку, сверкающую кольцами. — Знаете, несколько лет назад я уже сталкивалась с чем-то похожим. — Она порылась в ящике стола, перебрав стопку маленьких дневников. Вот он, торговец изящными искусствами, чей доход никак не сходил. Я решила проследить за ним во время его поездки в Тормалин, и что-то путало мою магию в течение первых двух дней.

— Что это было? — жадно спросил Вилтред.

Меллита пожала плечами, лоб ее слегка нахмурился.

— Я так и не поняла толком, — сказала она, листая свои записи. — Все это было довольно странно, он торговал предметами поклонения, статуэтками богов и богинь и прочими вещами, которые люди держат у себя дома. Насколько я могу судить, эта проблема была вызвана одним из его товаров. Я даже сомневалась, что он об этом знал, ибо, как только он распродал все фигуры, гадание стало отчетливым, и я смогла увидеть, сколько денег он зарабатывает сверх того, что указал в декларации для голосования, и где держит их вместе с ювелиром в Тормейле.

В комнате воцарилась тишина. Хозяйка подняла голову и взглянула на каждого из нас по очереди.

— Я сказала что-то важное?

— Это довольно сложно, — замялся Шив.

Меллита устремила на него стальной взгляд.

— Молодой человек, я — один из ведущих налоговых откупщиков в этом городе. Чтобы купить право на сбор налогов, я должна рассчитать предложение и обратиться с ним в Магистрат, а тот, в свою очередь, определит налоги, которые люди станут платить без особых возражений. Расходы — дело самого откупщика, а еще нужно думать и о собственной прибыли, что только добавляет сложности. Я всю свою жизнь имею дело со сложными предметами.

Шив изволил залиться румянцем и начал объяснять, что успел разведать Верховный маг об этой таинственной эфирной магии, которой эльетиммы пользуются с такой пугающей легкостью.

**Океанская гавань в Зьютесселе, еще до того, как
на перевале была возведена сторожевая башня
и когда еще стоял старый рыбный базар**

Гавань была заполнена судами, а не рыбацкими лодками, что обычно покачивались у ее стен. Океанские корабли с высокими бортами и мачтами неуклюже теснились вдоль причалов, построенных для меньших судов, на каждом сновали матросы, ходили туда-сюда люди, занятые погрузкой и укладкой разнообразных припасов и снаряжения.

— Куда это девать, эсквайр? — остановился краснолицый грузчик с тяжелым мешком на плече.

— Это что, бобы? — Темар проверил печать на кожаном ярлыке, затем провел пальцем по своему списку. — Носовой трюм, рядом с бочонками.

Грузчик хмыкнул и пошел дальше, за ним потянулись другие.

— Минутку. — Юноша стал проверять их груз. — Отлично, идите с ним.

Он вернулся к другой цепочке носильщиков, доставляющих сундуки и кожаные мешки на пассажирскую палубу. Следовало убедиться, что на каждой упаковке есть угольная метка, означающая официальное разрешение. Когда последний человек поднялся по трапу, эсквайр тяжело вздохнул и посмотрел на солнце. Из-за всего этого шума он с рассвета не слышал курантов и понятия не имел, который теперь час. Хорошо хоть, что в начале сезона еще не слишком жарко, и дождь, угнетавший их в предыдущие дни, прекратился.

Едва Темар подумал об этом, как случайный порыв ветра донес до его ушей слабый медный звон. Все грузчики и носильщики вопрошающе уставились на него.

— Полуденный перерыв! — громко крикнул эсквайр.

Лица работников посветлели, да и он сам испытал облегчение при мысли об отдыхе и еде.

Темар сунул списки за пазуху тускло-зеленого камзола и направился вместе с толпой к рыбацкому трактиру. Открывая на ходу вощеный блокнот, юноша тщательно зачеркнул выполненные этим утром дела. Невычеркнутых оставалось больше, но все же это был успех. Темар улыбнулся немного печально. Что бы подумал Лачальд, если б увидел его сейчас? Руки в чернилах, простые манжеты рубахи испачканы углем.

— У тебя веселый вид, эсквайр Д'Алсеннен.

Подняв голову, Темар обнаружил, что едва не налетел на художавого мужчину с продолговатым лицом и копной седых волос, зачесанных назад. Бледно-зеленые кошачьи глаза, не мигая, уставились на него.

— Мессир Ден Феллэмион! — Юноша торопливо поклонился и вытер ладонь о бриджи, прежде чем протянуть руку.

— Как идет погрузка? — Ден Феллэмион ответил на обходительность эсквайра кратким рукопожатием.

— Очень хорошо, мессир: к концу дня все сухие продукты должны быть на борту, и почти все вопросы с помещением разрешены.

Ден Феллэмион одобрительно кивнул.

— У тебя есть список текущей погрузки для моих секретарей?

— Будет к закату, — пообещал Темар и, мгновение поколебавшись, снова вытащил из кармана блокнот, чтобы добавить это задание к списку необходимых дел. Лучше выглядеть ребенком, зубрящим буквы в школе, рассудил он, чем ненароком забыть.

Слабая улыбка тронула бледные губы дворянина.

— Выпей со мной прохладительного, Д'Алсеннен.

— Охотно, мессир.

Возможно, это приглашение больше напоминало приказ, но Темар слишком изнывал от жажды, чтобы обижаться.

Ден Феллэмион оглядел пристань и махнул лакею с плетеной корзиной через плечо.

— Давай найдем тихий уголок.

До полуденных курантов это было бы непросто сделать, но теперь причал заметно опустел, ибо усердно работавшая толпа набилась в таверны и шумно требовала еду. Темар направился к

уступу скалы, где раньше видел женщин, которые чинили

ловушки для крабов. Он с благодарностью взял предложенные винные мехи и большими глотками смочил пересохшее горло.

— О, превосходно! — Ден Феллэмион открыл корзину и выложил свежий хлеб, курицу с пряностями, копченый окорок и желтый сыр, завернутый в промасленную ткань, после чего передал Темару блюдо с привязанной и запечатанной крышкой. — Погляди-ка, что там.

Это оказалась смесь фруктов в сладком вине; у юноши заблестели глаза.

— Госпожа Ден Реннион по-прежнему убеждена, что меня нужно откармливать, — засмеялся мессир. — Думаю, здесь хватит на двоих. Угощайся!

— Спасибо.

Темар вытащил из-за пояса нож и отрезал себе щедрый кусок крошащегося сыра.

— Я должен поговорить с тобой кое о чем. — Ден Феллэмион откинулся назад и закрыл глаза, наслаждаясь проблеском весеннего солнца, посеребрившего парчу в его строгой серой одежде.

Эсквайр спешно перебрал в уме все свои обязанности, но не нашел особого повода для беспокойства.

— Да?

Возможно, у мессира есть для него новые поручения.

— Благодаря тому, что твой Дом предоставил четыре корабля да еще снабжает продовольствием несколько чужих и много ваших арендаторов подрядились работать в колонии, вы внезапно стали одними из главных строителей нашей экспедиции, ты это понимаешь?

— Мой дед — глава нашего Дома. Он заслужил эту честь. — Юноша терялся в догадках: к чему клонит Ден Феллэмион?

— Твоего деда здесь нет. Ты есть. — Зеленые глаза открылись и устремились на Темара пронизывающий взгляд. — Многие будут смотреть на тебя как на своего патрона еще до того, как мы отчалим и когда обоснуемся за океаном. Ты получишь обширную клиентуру, если решишь использовать ее. Каковы твои намерения в этой области?

Темар неуверенно развел руками.

— Я как-то не думал об этом.

— Пора подумать, — безапелляционно заявил Ден Феллэмион. — Если ты считаешь, что жить чужим трудом, деря три шкуры со своих арендаторов, в стиле таких Домов, как Немиты, я думаю, наша затея сможет обойтись без тебя, несмотря на ресурсы, которые ты предлагаешь. Если же ты намерен принять безраздельное участие в управлении колонией, взваливать на свои плечи и обязанности, и ответственность, тогда, как мне представля-

ется, ты мог бы стать ценным заместителем Ден Ренниона и моим. Очень мало дворян участвует в этой экспедиции, а народ по привычке будет смотреть на нас, и от того, как мы себя поведем, будет зависеть успех или крах колонии.

Темар не знал, что на это ответить.

— Д'Алсеннены всегда сознавали свой долг перед арендаторами и Империей, — наконец скованно произнес он.

Ден Феллэмион разглядывал его без улыбки.

— Тогда потрудись объяснить, почему ты проверял благосклонность едва ли не каждой девицы, что попадалась тебе на пути, с тех пор как ты прибыл сюда? Есть много устаревших традиций, которые я намерен оставить на этой пристани, и право сьера или его представителя разрешать себе вольности по отношению к арендаторам — определенно одна из них.

Застигнутый врасплох, Темар ляпнул первое, что пришло на ум:

— Дед хочет, чтобы я женился...

— Я не рекомендую выбирать жену, испытывая ее между простынями. Ты испытываешь лошадей перед покупкой, но не женщин, во всяком случае, если хочешь мира в своем доме. — Внезапная улыбка стерла суровость с лица Ден Феллэмиона. — Держи свои бриджи зашнурованными, Темар. Мы — маленькая община, и я не хочу, чтобы ты вызывал ожидания или возмущение, превратно истолковав предназначение девушки.

Юноша покраснел и провел рукой по волосам.

— Конечно, мессир, я не думал...

— Ничего страшного. — Ден Феллэмион вдруг поднялся и помахал кому-то на другой стороне гавани. — Гуиналь, присоединяйся к нам!

Оглянувшись, Темар увидел девушку в серо-голубом плаще, осторожно пробиравшуюся по булыжникам, скользким от брызг. Она была ниже среднего роста, но хорошо сложенная, с открытым лицом в форме сердечка.

— Мессир, эсквайр, — поздоровалась девушка с каждым по очереди, прежде чем спокойно усесться на ловушку для крабов.

— Поешь чего-нибудь. — Ден Феллэмион вытер нож о лоскуток муслина и решительным жестом вложил его в ножны. — У меня много дел, Гуиналь, увидимся в семь у колонийского склада.

— Как вам будет угодно.

Девушка взяла хлеб и зашарила под плащом в поисках собственного ножа.

— Позволь мне. — Темар отрезал ей ломоть. — Сыр, окорок или курицу?

— Сыр, спасибо.

— Окорок очень хорош. — Эсквайр уже занес руку. — Позволь отрезать тебе.

— Не сегодня, спасибо, — вежливо, но твердо ответила Гуиналь. — Возможно, в другой раз.

Подняв голову, она увидела, что Темар весьма озадачен.

— В двойное новолуние я воздерживаюсь от мясной пищи во имя Острина.

— Ты жрица? — Эсквайр не мог представить себе никого менее подходящего в слугители богу кровопролития, чем эта девушка с нежным лицом.

— Прислужница Ларазион, но я соблюдаю обряды всем богам. — Самообладание Гуиналь не дрогнуло, однако в теплых карих глазах вспыхнули золотые искорки.

Темар не знал, что на это ответить, и какое-то время они ели молча. Он смотрел мимо девушки на мол и открытый океан за ним. А неплохо бы взять с собой жрецов и прислужников, думал он, приязнь богов всегда придется к стати. Юноша взглянул на скромный плащ Гуиналь, ее длинные, ничем не украшенные каштановые волосы. Вероятно, эта девушка — одна из подкидышей или сирот, взятых на воспитание большой усыпальницей; без родни у нее не будет никаких уз по эту сторону океана. Темар улыбнулся ей. Без сомнения, она была соблазнительной крошкой.

— Если тебе нужна помощь, или совет, или любые представления, спрашивай, не стесняйся. — Юноша подвинулся чуть ближе. — Тебе есть где жить?

— Спасибо, я уверена, мой дядя обо всем позаботится.

Проследив за ее жестом, Темар увидел узкую спину Ден Феллэмиона, тот упорно тыкал пальцем на что-то в мешке.

— Мессир — твой дядя?

— Его покойная жена была сестрой моего отца.

Гуиналь развязала плащ, чтобы вернуть на место нож. Его простые ножны свисали на золотой цепи с пояса рядом с украшенным драгоценными камнями футлярчиком для ароматического шарика, серебряным сетчатым кошельком, ключами и гравированной серебряной коробочкой для записей. Ее сизое платье, хоть и простого фасона, было сшито из дорогой ткани.

— Я не знал.

Темар лихорадочно пытался вспомнить, что ему известно о семье Ден Феллэмиона. Его жена была дочерью Тора Приминаля, не так ли? Даже будучи из младшей линии Дома Приминалей, эта скромная девушка может требовать превосходства над половиной дворян Собрания, если захочет.

Юноша встал и церемонно поклонился.

— Я должен вернуться к своим делам, но если понадобится — я к вашим услугам.

Гуиналь подняла на него глаза, слегка шурясь от солнца.

— Спасибо, эсквайр, — серьезно произнесла она, но у Темара возникло неприятное ощущение, что за ее полными губами скрывается улыбка.

Он быстро зашагал к кораблю. На причале вновь становилось оживленно, люди спешили закончить работу. Вокруг царила атмосфера ожидания: скоро луны станут посылать двойной отлив, чтобы ускорить их отъезд, и корабли должны быть готовы достичь неизвестных земель с как можно большим запасом лета.

— Темар!

— Не сейчас, Вахил. — Не замедляя шаг, эсквайр продолжал путь.

— Да ладно тебе, пойдем выпьем.

Догнав Темара, Вахил с живым интересом огляделся по сторонам.

— Бьюсь об заклад, эти трактиры с Равноденствия наторговали больше, чем за все последнее поколение, — со смехом заметил он. — Итак, на что похожи эти публичные дома? Куда тут идет рыбак, чтобы бросить свой якорь?

— На твоем месте я бы держался от них подальше, — строго посоветовал Темар. — Не то кончишь с дурной чесоткой или вшами в штанах размером с черных тараканов.

— Ты серьезно? — Квадратная челюсть Вахила слегка отвисла, а светло-карие глаза испуганно округлились.

— Нет, — с усмешкой покачал головой Д'Алсеннен, — я понятия не имею, на что похожи эти бордели. Я не искал шлюх.

— А что, много девиц стремятся начать свои приключения еще до отплытия?

— Я бы и этого не советовал. Это лишь приведет к неуместным ожиданиям или недоразумениям.

Голос Темара не дрогнул, но щеки слегка покраснели, и он был рад, что Вахил смотрит в другую сторону.

— Что же тогда человеку делать для возбуждения? — Младший Ден Реннион повернулся, веселости в нем заметно поубавилось. — Дорога слишком плоха, чтобы за вечер добраться до Залива и обратно, а мать поднимет шум, если меня не будет всю ночь.

Он оглянулся на длинный склон, где обсаженная деревьями извилистая дорога поднималась к низкой седловине, которая разрывала цепь гор, уходящих к Мысу Ветров. Темар

тоже оглянулся, распаленный мыслью о ночных развлечениях, предлагаемых более крупной частью города на той стороне перешейка.

— Я только привез матери письмо от Эльсир, а отец теперь велит остаться здесь до отплытия, — заворчал Вахил, но Темар уже был не волен остановить свои мысли.

— Кому-то предстоит заняться этой дорогой, когда колония укрепится, — медленно произнес он. — Волочить по гравии сани с рыбой, может, и удобно, но для повозок и мулов нам понадобится что-то понадежнее, по крайней мере приличные булжники.

— Сэдрин, упаси меня, ты действительно относишься к этому так серьезно? — Вахил недоверчиво засмеялся.

— Тебе бы не помешало делать то же самое, — ответил уязвленный Темар. — Эта колония — будущее твоего Дома, разве нет?

— О, об этом заботится мой отец, — беспечно отмахнулся Вахил. — Пошли выпьем и поглядим, где тут играют в руны.

Он обнял Темара за плечи, но тот вдруг досадливо стряхнул его руку.

— Меня ждет работа. Я здесь единственный, поскольку Сэдрин счел нужным отыскать свои ключи для моего отца и дядей.

Вахил испуганно остановился, его грубое обветренное лицо вытянулось от раскаяния.

— Прости, я снова покою не в лад, ты ж меня знаешь. Ладно, так чем я могу тебе помочь?

— Возьмешь тот тюк? — с тайным злорадством предложил Темар.

Подняв брови, Вахил неуклюже взвалил груз на плечо и последовал за Д'Алсенненом по причалу.

— Отнеси его в носовой трюм.

Темар вытащил свои списки и начал давать краткие указания грузчикам, которые сходились после перерыва. Поглядев на него долгим взглядом, Вахил пожал плечами, сбросил свой модный, отделанный атласом камзол и присоединился к веренице носильщиков, непрерывно перетаскивавших на суда кипы груза.

— Ты мне будешь нужен как свидетель, — предупредил он Темара некоторое время спустя, когда остановился вытереть пот с лица. — Ты должен поклясться моим родителям, что я честно поработал весь день, именем Мизаена и всем прочим, если нужно будет.

— Полдня, если выдержишь до конца, — поправил его Д'Алсеннен с озорной усмешкой.

— Вижу, мне следовало включиться в это раньше, — крикнул Вахил, поднимая тюк из тающей груды узлов на булжниках, — тогда я мог бы сидеть тут, жуя свое перо!

— Шевелись, не то урежу жалованье. — Темар изящно махнул списком, как бы прогоняя его.

Эта сцена развеселила остальных рабочих, и, к радости эсквайра, весь дневной груз был водворен на судно и надежно убран еще до того, как солнце начало садиться за горы; они понижались к перешейку, а потом снова вырастали, образуя неприступные скалы и рифы вокруг Мыса Ветров.

— Ну теперь-то ты не скажешь, что я не заработал на выпивку? — Вахил уныло разглядывал покрасневшие ладони, пока Темар отпускал грузчиков с благодарностями и распоряжениями на утро.

— Я угощаю, — кивнул он.

Вахил перебросил камзол через плечо, и юноши направились в пивную.

— Знаешь, меня тоже интересует идея этой колонии, — внезапно сказал Вахил. — Империи необходимо нечто подобное, чтобы дать людям надежду, нечто положительное, ради чего стоит работать и на что рассчитывать теперь, когда наш драгоценный император, Немит Безмозглый, умудрился потерять все провинции. Отец говорит, что та земля хороша для посевов и скота, что там есть металлы и даже драгоценные камни, словом, все, что нужно для жизни. Вот там и будет наше будущее, Темар, и, бьюсь об заклад, оно будет грандиознее, чем мы можем себе вообразить.

— Лучше не бейся, а то последнее время тебе что-то не везет в пари. — Темар толкнул кружку через липкий стол.

— Что я слышу? Мул критикует осла за его уши? — Вахил поднял густые брови. — Напомни-ка мне, сколько ты проиграл в том борделе, когда мы последний раз вместе ездили в Тормейл?

От ответа юношу спас посыльный, вовремя похлопавший Вахила по плечу.

— Вас ожидают на ужин с вашими родителями, эсквайр, и Д'Алсеннена тоже. — Лакей поспешно поклонился Темару.

— Зубы Даста, я ведь для того и шел к тебе. Но мы так чудесно развлекались, таская твои мешки, что я напрочь забыл! — Вахил залпом выпил кружку и встал, рывком надевая камзол, который угрожающе затрещал по швам. — Пошли, у нас сегодня ожидается гостья, племянница Ден Феллэмиона, что ли?

— Ну, знаешь, ты действительно безнадежен!

Пока они торопливо шагали за лакеем по городу, Темар нашарил в сумке, висящей на поясе, заколку для волос. Потом одернул измятый камзол и подвернул грязные манжеты.

— Вахил! — Мессир Ден Реннион ждал на пороге скромного дома, который снимал здесь для своей семьи. Его обычно добродушное лицо недовольно хмурилось.

— Я помогал Темару с погрузкой, — не смутился Вахил. — Это изумительный способ нагулять аппетит! Позволь мне только быстро умыться, и мы сразу же спустимся.

— Одолжи Темару чистую рубашку! — крикнул ему отец, когда юноши уже взбегали по лестнице.

— Не спеши, дорогой! — донесся следом безмятежный голос госпожи Ден Реннион. — Все хорошо, Ансель, — успокоила она мужа. — Я отвела им время на опоздание, когда диктовала повару меню.

Темара никогда не переставало изумлять, как такой абсолютно неорганизованный человек мог родиться у столь педантичных и деловитых родителей? Он схватил кувшин и без всяких извинений завладел умывальником.

— Найдешь какое-нибудь чистое белье, а?

— Да, мессир, сию минуту, мессир, что-нибудь еще, мессир? — Вахил выдвинул ящик комода и бросил на кровать пару рубашек.

Ежась, Темар потянулся за той, что лежала ближе. Влез в нее и скривился, глядя на свое отражение в плохоньком зеркале; придется надеть испачканный камзол, а иначе не скрыть, что эта рубаша и коротка ему, и слишком широка в плечах. Но по крайней мере она чистая, и, если повезет, качество будет заметнее, чем несоответствие размера.

— Пошли.

Довольный, Вахил неторопливо рылся в подносе с безделушками.

— Одну минуту, куда ж я ее дел? А! — Он выдернул из волос кожаный ремешок и защелкнул довольно вычурную золотую заклепку в жестких каштановых кудрях. — Безупречный дворянин!

Темар улыбнулся и покачал головой. Вахил испытывал большое удовольствие, штурмуя вершины моды, и при этом нисколько не стеснялся своей полноты или изъеденного оспой жизнерадостного лица.

Зазвенел колокольчик, и молодые люди поспешили вниз, где старший Ден Реннион мирно беседовал у камина со своей гостьей, попивая вино из бокала.

— Это Гуиналь, барышня Тор Приминаль.

Мессир встал и поклонился ей, Темар с Вахилом, приученные с детства манерам, поступили так же. Гуиналь присела в глубоком реверансе, зашелестев шелковыми юбками цвета пламени.

— Как я понимаю, вы уже знакомы, Д'Алсеннен? — Ден Реннион передал Темару неподобный стеклянный кубок ароматного красного вина.

— Знакомы. — Темар приободрился, видя дружелюбную улыбку на лице девушки.

— Не вижу смысла в императорских церемониях, когда мы ужи-
наем в скромной гостиной. Рассаживайтесь сами.

Госпожа Ден Реннион возглавляла череду слуг, несущих тяже-
ло нагруженные подносы. Вопреки всем претензиям на неофици-
альность, она выглядела величественно в сапфировом платье с ши-
рокими юбками, а в ее безукоризненной прическе блестили сереб-
ряные гребни.

— Барышня.

Вахил первым успел подать руку и проводить Гуиналь к удоб-
ному месту подальше от камина. Слегка расстроенный притко-
стью друга, Темар сел напротив девушки, не обращая внимания на
огонь, пригревающий спину.

— Ну, моя дорогая, я слышала, ты недавно прибыла из Сарра-
та. — Госпожа Ден Реннион широко распахнула глаза, на ее пол-
ном напудренным лице проглянуло благожелательное любопытство.

— Два дня назад, — вежливо улыбнулась Гуиналь и положила
себе с блюда скромную порцию пряных бобов.

Темар подал ей тарелку сыров, слегка обжаренных в травах, и
заметил, что на столе представлен непривычно широкий выбор не
мясных яств. Госпожа Ден Реннион отличалась от других женщин
поразительной осведомленностью, хотя мужчины вроде его деда и
называли ее заядлой сплетницей.

— Мы с твоим дядей крайне признательны, что ты согласилась
оставить свои занятия и присоединиться к нам. — Мессир Ден
Реннион с подозрением осмотрел глазированный луковый пиро-
жок и взял вместо него ломтик кровавой говядины. — Мы крайне
нуждаемся в людях, владеющих Высшим Искусством.

Темар чуть не выронил тарелку печеной свеклы, которую про-
тягивал Гуиналь. Откашлявшись, он отпил воды, стараясь не гла-
зеть на девушку.

— Ты же говорил, у вас полно народу, чтобы принимать посла-
ния и тому подобное, — заметил Вахил, подцепив ножом пару лом-
тиков печеного барашка.

— В самом деле? — Внимание Гуиналь слегка обострилось. —
Что это за люди, мессир?

— О, главным образом секретари, экономеры... люди достаточно
обученные, чтобы посылать сообщения другому тренированному
уму, но не более того. — Мессир налил всем вина. — Многие из
них остались без места после сокращения Империи, и, откровенно
говоря, в наше время уже нет большой нужды в таких умельцах.

— А далеко ли можно послать сообщение с помощью Высшего
Искусства? — Вахил выжидательно уставился на девушку.

— Пока мы не обнаружили никаких ограничений относи-
тельно расстояния, — непринужденно ответила Гуиналь. —

Навыки практикующего — вот что определяет дальность и четкость связи с умом другого.

— У нас ведь есть люди с опытом, чтобы посылать сообщения через океан, не так ли? — Слабая тень беспокойства мелькнула в глазах госпожи Ден Реннион, устремленных на мужа. — Мы не будем отрезаны от дома, Ансель?

— Это одна из задач, которую я должна решить по просьбе моего дяди. — Гуиналь улыбнулась с безмятежной уверенностью и потянулась к подносу с фаршированными яблоками.

Темар передал ей чашку лукового соуса.

— Значит, ты не едешь с нами? Конечно, глупо ожидать, чтобы девушка с такими связями в высшем обществе и притом хорошо образованная отказалась от своих преимуществ.

— О, я отказалась, — успокоила его Гуиналь. — Это потрясающая возможность для меня.

— Как так? — удивился Вахил.

Девушка вытерла пальцы салфеткой.

— В наше время Высшее Искусство используется главным образом для того, чтобы посылать сообщения, находить тех, кто пропал или скрывается, или говорить правду в Суде. Все это — нужная работа, и за последние поколения она стала жизненно важной для сохранения Империи. Не подумайте, что я не ценю тех, кто обучен таким приемам, я ценю, но у Высшего Искусства есть гораздо больше возможностей, в которых мы сейчас просто не нуждаемся. Примкнув к вашей колонии, я смогу проверить их эффективность.

У Темара создалось впечатление, что это была заготовленная речь.

— О каких возможностях ты говоришь? — Заинтригованный, Вахил облокотился на стол, отмахнувшись от матери, предлагающей ему курицу.

— Ну, например, есть способы понимать речь людей, которые не знают вашего языка; как прикажете нам опробовать их, когда все по эту сторону Солура говорят по-тормалински? В наше время даже Лесной Народ и Горные Люди используют его как язык торговли и обучения.

— Но в Кель Ар'Айене, той земле за океаном, никто не живет. — Мессир Ден Реннион оторвался от тарелки с легкой тревогой в глазах.

Девушка сдержанно улыбнулась.

— Это лишь один пример. Вы бы сочли полезным, если б я сказала вам, где прячется дичь в лесной чаще? Если там встретятся хищники, волки и тому подобное, вы бы хотели, чтоб я спрятала от них ваш след, установила защитные заклятия, чтобы не подпускать их к вашему скоту?

— Ты могла бы это сделать?

Темар подумал, что Вахил немного перебарщивает со своим острым интересом.

— Талагрин допускает это, — уверенно кивнула Гуиналь. — Есть способы просить Сэдрину открыть проход между мирами и путешествовать из одного в другой или перемещать товары, покрывая много лиг менее чем за вздох. Можно попросить Мэвелин защитить съестные припасы от порчи, очистить воду и, наоборот, ускорить гниение отходов, чтобы удобрить почву. Грамотные молитвы Острину могут остановить кровотечение из смертельных ран или безболезненно свалить с ног животное прямо в стойле — для мясника. Попечение Дрианон может уберечь женщин от зачатия, облегчить им роды, когда они пожелают иметь ребенка, а милость Ларазион не подпустит заморозки к нежным посевам или пошлет дождь во время засухи. Высшее Искусство дает нам средства вызывать такие щедроты.

Девушка обвела взглядом благоговейные лица сидящих за столом и, слегка краснея, положила себе немного соли.

— Я и не подозревала! — Несмотря на светские приличия, госпожа Ден Реннион была откровенно поражена.

— В наше время медицина и хорошее земледелие означают, что у нас есть практические средства для таких вещей, — пожалла плечами Гуиналь. — Во многих отношениях это предпочтительнее.

— И любой может научиться все это делать? — От изумления Вахил даже забыл про еду.

— По какой-то причине Мизаен отмечает для себя отдельных людей, которые не могут, но большинство способны освоить какие-то приемы, если захотят. — В легком тоне Гуиналь таился глубокий подтекст. — Это вопрос обучения, применения своих сил. Требования тем больше, чем сложнее поставленные задачи, и потому естественно, что не столь значительное число людей находят в себе склонность к таким скрупулезным занятиям.

— Но у тебя эта склонность есть. — Глядя на девушку, Темар спросил себя, сойдет ли она когда-нибудь с заоблачных высот учености, чтобы участвовать в обычных, житейских танцах.

— Думаю, есть, — с надлежащей скромностью, но без всякого намека на извинение ответила Гуиналь. Она встретилась с юношей взглядом сквозь пламя свечей, и в ее глазах блеснул вызов.

Эсквайр улыбнулся девушке, достаточно заинтригованный, чтобы не устраситься ее талантов или связей.

— Думаю, ты будешь ценным дополнением к нашей экспедиции, а также одним из прекраснейших ее украшений. — Он

490 галантно поднял бокал.

— Лучше не говори этого при моей сестре! — громко засмеялся Вахил. — Эльсир твердо решила стать законодательницей красоты и моды. Бьюсь об заклад, она только для того и плывет с нами, чтобы удрать от соперничества при дворе.

— Не слушайте его. — Госпожа Ден Реннион оглядела стол. — Если у всех положено, давайте есть.

Дом Меллиты Эстерлин, Релшаз, 28-е поствесны

Должно быть, всему виной был привкус соли в воздухе, пусть и грязном; я понял, что мне снился дом, когда осторожный стук слуги разбудил меня на следующее утро. Вот только странный это был сон, город выглядел как-то не так, но стоило открыть глаза — и все испарилось. Я брился у изящного мраморного умывальника и не смог сдержать улыбку: мой отец был бы наверняка поражен искусством местных камнерезов, и это при том, что город стоит на болоте.

— Привет.

Обернувшись, я увидел Ливак; она наблюдала за мной — свежая в бледно-лимонной льняной тунике поверх свободной рубахи с разрезами в том же алдабрешском стиле, что был в моде прошлым летом у нас дома. Парадоксально, но мягкие складки облегли ее стройные ноги гораздо соблазнительнее обычных бриджей, а цвет приятно оттенял рыжие волосы.

— Хорошо выглядишь, — сказал я.

Ливак коротко улыбнулась, подошла к окну и затеребила кисточки, золотящиеся в лучах раннего солнца. Она пребывала в необычном напряжении, и я слегка встревожился. Меллита, женщина столь же тактичная, сколь и проникательная, отвела нам комнаты не только соседние, но и с общей внутренней дверью; проснувшись один, я просто решил, что Ливак вернулась к себе.

— Кто эта Гуиналь? — спросила она вдруг.

Сей бессмысленный вопрос стал для меня полной неожиданностью.

— Кто?

Ливак устремила на меня испытующий изумрудный взгляд.

— Кто такая Гуиналь? Это ведь тормалинское имя, да? Ты бормотал его ночью во сне.

Забыв о бритве в руке, я покачал головой и выругался, порезавшись.

— Да, имя тормалинское, но я никого такого не знаю.

Я спешно порывлся в памяти. Имя звучало изысканно, но немного устарело, чтобы шляха выбрала его для псевдо-

нима. Нет, у меня никогда не было ни завоеванной, ни купленной дамы сердца, которая бы так звалась.

Ливак пожала плечами.

— Ну и ладно.

Я не был так оптимистичен.

— Но я правда не знаю никого по имени Гуиналь.

Ливак потупилась.

— Я забыла, как звали твою сестру.

У меня перехватило дыхание при внезапном явлении родного лица, уже двенадцать лет как сожженного на погребальном костре, но все еще живого в моей памяти.

— Нет, — отрезал я, — ее звали Китрия.

— Тогда почему ты говоришь о какой-то Гуиналь?

Я с облегчением услышал, что ревнивая нотка в интонации женщины сменилась недоумением.

— Наверно, это был сон. — Я вновь покачал головой, на сей раз держа бритву на безопасном расстоянии.

От этих слов мы оба замерли, и наши глаза снова встретились в обоюдной неуверенности. Я отвернулся первым и натянул рубаху через голову, не желая углубляться в сию догадку.

— Не говори об этом Шиву, — предупредил я Ливак. — Я честно ничего не помню и вообще не уверен, что хочу снова заполучить у себя в голове эту эфирную магию, что бы там ни приказал Верховный маг.

— От меня он ничего не услышит. — Ливак сочувственно взяла меня за руку, когда мы спускались по лестнице.

Она одна знает, сколь гадким может быть вторжение того проклятого колдовства. Шиву повезло: при захвате в плен он был уже без сознания, и тот ублюдок-эльетимм не выворачивал наизнанку его память, но, как верно заметила Ливак, никакое телесное насилие не сравнится с насилием над разумом.

Меллита разбирала стопку писем за завтраку столом, довольно улыбалась над одними и грозно хмурилась над другими. Сегодня она предпочла более строгий стиль, приличествующий ее положению, и смотрелась презентабельно в синем льняном платье с высоким воротом.

— Вчера я отправила кое-кого навести справки, — объявила она без предисловий, когда появился Шив. — Потребуется пара дней, чтобы сложить всю картину, но я слышала, будто рынок тормалинских древностей необычайно оживлен. Цены растут, и торговцы начинают озира́ться вокруг в поисках чего-нибудь, связанного с домом Немита Последнего. Я дала знать, что интересуюсь всеми, кто покупает, и каждым приезжим в городе, кто про-
дает.

— А никому не покажется странным, что ты задаешь вопросы об этих людях? — Вилтред все еще беспокоился.

— Как раз сейчас я составляю предложение для нового контракта, — успокоила его Меллита. — Все откупщики будут задавать вопросы о всех и каждом.

— Мы тоже можем поспрошать. — Ливак посмотрела на Хэлис, и та кивнула в знак согласия, уплетая за обе щеки великолепный мягкий белый хлеб с глянцевым вишневым вареньем.

— Нет, мы не хотим привлекать к себе внимание. — Шив задумчиво кромсал сладкую булочку, превращая ее в несъедобные липкие куски. — Я также не хочу пока, чтобы кто-нибудь из вас ходил поодиночке.

Ливак рассердилась.

— Я думала, весь смысл моего пребывания здесь — это возвращение безделушек Вилтрета! У меня есть связи, чтобы выследить эльетиммов, и именно мне предстоит взламывать ставни. Если я снова рискую шеей ради твоего Планира, то я и буду щелкать кнутом.

— Когда дойдет до кражи, тогда, конечно, именно ты будешь составлять план. — Шив оттолкнул тарелку. — Но прежде я хочу кое с кем поговорить. Возможно, он сумеет помочь нам другими путями.

— Ты имеешь в виду Керрита Осьера? — Меллита закончила свой завтрак, и рука замерла над серебряным колокольчиком рядом с ее бокалом. — Он будет сегодня в храме. У него назначена встреча со жрицей Мэвелин.

Шив вытаращил глаза.

— Как ты узнала, кого я имею в виду?

Меллита встала и набросила на плечи охровую шаль, красочное пятно шелка добавило интересный штрих к ее наряду.

— Я слежу в оба за магами, приезжающими в город. — Она улыбнулась Шиву с самодовольным превосходством. — Я люблю выяснять, что за камни они выкапывают. Вдруг обнаружится нечто интересное! Он здесь с Равноденствия, роется в Архиве и говорит со старыми жрецами.

Она обвела присутствующих властным взглядом.

— Скажите слугам, если вам что-нибудь понадобится. До полудня я буду в своей конторе, потом у меня встречи с членами Магистрата. Ужинать я буду не здесь, но заеду переодеться на закате и дам знать, что я обнаружила.

Она удалилась в вихре кружев нижней юбки, а мы повернулись к Шиву, который смотрел на нас исподлобья.

— Ну, и каковы будут распоряжения?

Мне только почудилось или в словах Хэлис и правда звучал сарказм? Впрочем, это не важно. Судя по выражению на лице Ливак, которое она даже не потрудилась скрыть, Шив тратит средства из очень тощего кошелька, если ждет, что эта пара будет и дальше беспрекословно выполнять его приказы. Придется поговорить с каждым из них об этом, пока наш хрупкий союз не разбился о скалы разногласия.

— Кто такой этот Керрит? — Я передал Ливак фрукты и подвинул Шиву новую булочку.

— Он изучает магию в Тормалинской Империи для Планира. Я мало что знаю об этой стороне работы, но Керрит посещает все главные храмы, пережившие Хаос. Он исследует то, что жрецы называют чудесами. По всей видимости, это единственный пережиток эфирной магии по эту сторону океана.

— Ярмарочные фокусы, — фыркнул Вилтред.

Шив игнорировал его.

— Возможно, он сумеет объяснить, почему наше гадание не может отыскать эльетиммов. Возможно, он знает, как переработать заклинания, чтобы обмануть эфирное воздействие.

Ливак его слова не убедили, но когда она хотела заспорить, я сжал под столом ее колено. Закрыв рот, женщина свирепо глянула на меня и снова повернулась к Шиву.

— Мы послушаем, что скажет этот Керрит, но потом я намерена связаться с моими собственными знакомыми, чтобы они нашли для меня эльетиммов. Мы не можем так терять время, Шив. Мы ничего не знаем об их планах, а вдруг они нынче же уедут? Что ты тогда скажешь Планиру?

Судя по несчастному виду мага, ее слова попали точно в цель.

— Тогда пошли, — огрызнулся Шив, что было для него совсем несвойственно. — Встречаемся у ворот.

Хэлис позвонила в серебряный колокольчик, и появились слуги, чтобы убрать со стола. Мы разошлись по своим комнатам. Я наполнил кошелек и встал с мечом в руке, соображая, надеть его или нет.

— Готов? — Ливак возникла в дверях.

— В Релшазе носят меч до полудня? — Я попытался скрыть нерешительность за легкой насмешкой.

— Эта носит. — Ливак хлопнула свой короткий клинок. — Еще она таскает при себе кучу кинжалов. Но обычно она не отвечает на вызовы у храмов, поэтому нынче утром взяла только два.

Криво улыбнувшись в ответ на ее усмешку, я пристегнул меч и вслед за ней спустился по широкой мраморной лестнице. Я слишком нервничаю из-за этой проблемы с мечом, подумал я, ведь все равно не помню этих проклятых снов. Планир на-

прасно тратит время, пытаясь манипулировать мессиром и мною. Если меч привлечет к нам эльетиммов, ну что может случиться среди бела дня на глазах у множества людей, толпящихся в пределах вытянутой руки? По крайней мере мы нашли бы этих Ледяных Людей, и я не мог представить себе, чтобы Ливак или Хэлис потеряли их след при такой оказии.

Мы пробирались через запруженный народом город, жители спешили по своим утренним делам, и вскоре мы оказались разделены: Шив сопровождал Вилтреда, а мы вдвоем тащились немного позади, Хэлис со своим костылем не могла идти быстро в такой толпе. Я наслаждался видами и звуками города, но заметил, что Шив злится из-за частых остановок — то нас задерживало движение, то давка вокруг пешеходных мостиков через каналы, то, к моему удивлению, старые знакомые Вилтреда, приветствующие его. Воспользовавшись одной из таких задержек, мы с Ливак купили у какого-то старика горсть куриных кусочков, кипящих в котелке на угольной жаровне; вкус растительного масла был приятным напоминанием о доме после целого сезона еды, поджаренной на бараньем жире, если не хуже. Я свирепо посмотрел на женщину, едва не протаранившую мне ребра корзиной, из-за чего чуть не уронил кулечек из грубого папируса, в который было завернуто мясо, но вместо извинения услышал колкость на невнятном релшазском.

— Где живут все эти люди? — пробормотал я.

Мы с Ливак опять остановились, и я вынул из кулечка последний кусок курицы.

— Владельцы домов набивают их как сельдей в бочки. — Облизнув пальцы, она указала на боковую улицу, по обеим сторонам которой стояли многоквартирные дома, такие высокие, что заслоняли солнце от булыжников.

Я моргнул, насчитав шесть рядов окон.

— Здесь только кирпич и дерево... — протянул я. — Мой отец не рискнул бы строить так высоко из лучшего бремилейнского камня.

Хэлис подтвердила мое открытие едким замечанием:

— Некоторые определенно уходят в Иной мир плоскими, как вяленая рыба. Пару раз в году здесь бывает большой обвал, да еще пожары, если особенно не повезет.

Я покачал головой, хотя чему тут было удивляться. Так всегда и происходит в городах, где избранные правители на деле озабочены лишь собственной прибылью. Торговля — это в Релшазе все, товары свозятся за сотни лиг отсюда, покупаются, продаются или превращаются в готовые изделия облюбовавшими чердаки артелями, никогда не видящими и десятой доли цены своей деревянной, бронзовой или стеклянной продукции.

— Значит, твой отец — каменщик? — спросила Ливак.

В этот миг нас остановил своенравный осел, застрявший посреди узкого моста.

— Ты разве не знала?

— Понятия не имела.

— А я, кажется, упоминал об этом. У него свое дело с двумя моими старшими братьями. Следующий мой брат, Мисталь, в Тормейле, готовится стать адвокатом в Суде.

— Да, ты говорил о нем, я помню.

Движение возобновилось, и наш диалог закончился, но, пробираясь дальше по городу, я поймал себя на мысли, как все же мало мы с Ливак знаем друг о друге, о наших семьях и узах, которые связывают или — в ее случае — не связывают нас с домом. Какое значение все это будет иметь для нашего общего будущего, если, конечно, нам суждено быть вместе? Я еще бесплодно размышлял над этими вопросами, когда людской рой впереди неожиданно растаял и мы замерли в благоговейном молчании, застигнутые врасплох этим зрелищем.

Улица осталась позади, и перед нами простерлась мощенная плитами огромная площадь. Я прищурился от яркого солнца и понял, что мы добрались до противоположной стороны города. Массивное беломраморное здание смотрело на нас, обрамленное искрящимся сапфиром залитого солнцем моря. Я таращил глаза, как пастух, впервые спустившийся со своей горы, и не стыжусь признаться в этом. После разрушения большинства главных храмов в Хаосе, усыпальницы в Лескаре и Каладрии преобладают крохотные молельни, в которых служат фактически отшельники, и при всех его размерах я ожидал увидеть в городе что-то более скромное.

Но это роскошное здание могло бы стоять в центре Тормейла, хотя наши императоры, как правило, отличались большим вкусом в архитектуре. Массивные каменные колонны с непомерно вычурными капителями поддерживали длинный фронто́н, украшенный фризом из сказочных листьев. Статуи под черепичной крышей изображали богов в сценах из мифов и легенд, и все это оплетали яркие, даже кричащие узоры. Входы между колоннами достигали в высоту два человеческих роста, резные двери блестели начищенной бронзой. Во всю ширину здания тянулась белокаменная лестница, всасывая толпы с площади.

Вокруг ступеней храма кишели такие же толпы, как вокруг любого императорского дворца. Оборванные нищие, горожане, проталкивающиеся к своим молитвам, пристающие ко всем без разбора жрецы подозрительно цветущего вида... Когда мы подошли ближе, нас со всех сторон осадили лоточники с подно-

сами канонических приношений и благовонных палочек. Они махали горстями в наши лица и нахваливали свой товар, стараясь перещегоолять друг друга. Их крики смешивались с призывами большой группы рационалистов: они перехватывали тех, кто устремлялся к фонтану, мечтая напиться воды. Их попытки преследовать изнывающих от жажды людей, дабы обсудить свои теории о неуместности богов в современную эпоху, чаще всего не имели успеха. Кстати, это были первые рационалисты, которых я встретил с тех пор, как оставил восточный Лескар; видимо, их сложная философия находит мало приверженцев среди прозаичных каладрийцев.

— Надеюсь, мы отыщем Керрита в этом столпотворении, — побуждал Вилтред, распаренный и раздраженный.

Я искренне ему сочувствовал. Для портового города Релшаз казался на удивление безветренным, а припекающее солнце напоминало о том, как далеко на юг мы заехали. Мы все еще были гораздо севернее моей родины, но в Зьютесселе всегда дуют океанские бризы, несущие желанную прохладу.

— Давайте поглядим внутри, — предложил я. — Кажется, Мелита говорила об усыпальнице Мэвелин?

Я протолкался мимо докучных лоточников к лестнице, остальные устремились за мной. Внутри храма царила прохлада, от чего руки покрылись мурашками, и потребовалось несколько мгновений, чтобы глаза привыкли к полумраку. В воздухе висела дымная мгла от свечей и благовоний, и я испугался, что вот-вот чихну — проблема, с которой я часто сталкивался в храмах, к величайшему смущению моей матери.

У нас в Тормалине каждая усыпальница посвящена одному божеству, но релшазцы предпочли затолкать своих богов и богинь в единое место, как свой рабочий люд в те самые тесные дома. Храм имел множество отдельных молелен, в каждой стояла своя статуя, охраняемая зоркими жрецами. Огромное пространство в центре храма было оставлено толпам народа, терпеливо ждущим в очереди, чтобы высказать свои мольбы, и даже здесь их донимали назойливые нищие. Все жрецы носили хорошего покроя мантии, подпоясанные шелковыми шнурами, на шеях висели амулеты с драгоценными камнями. Тихий шепот молящихся сопровождался непрерывным звоном монет. Я покачал головой. Бедняки идут в тормалинские усыпальницы за милостыней от жрецов, а не для того, чтобы обогащать их своими жалкими грошами.

Шив разглядывал лица. Стараясь не отставать от него, Вилтред делал то же самое. Поскольку я в жизни не видел их Керрита, то стал искать Мэвелин среди посвящений, написанных над молельными. Архаичные тормалинские письмена было трудно читать, к тому же они, давно затемненные свечной копотью,

сливались с темнеющим известняком. Я растерялся. Дастеннин, Повелитель Бурь? Такого титула я прежде не видел. Рэпонин — просто Судья. Полдрион, Владыка Света, — это был очень древний титул для Перевозчика. Похоже, со времен падения Империи релшазская религия претерпела несколько собственных изменений. У нас дома сфера Острина — это земледелие, гостеприимство и уход за больными; здесь я видел просто веселого толстяка, отлитого в бронзе, с виноградными листьями в волосах и винными мехами в руке. Рядом с ним стоял суровый Талагрин, увенчанный рогами из черного алдабрешского дерева, охотник с луком и колчаном, его владычество над дикими местами было забыто.

Одна статуя, у которой не обнаружилось ни одного молящегося, привлекла мое внимание, и я подошел ближе. Это был истощенный юноша, жалкий, в рваной набедренной повязке, скверно вырезанный в скверном камне: Дрен Ситарин. Дитя Голода? Упитанного вида жрец подступил ко мне и загремел блюдом для жертвований. Я смерил его враждебным взглядом.

— Что это? Как ты можешь поклоняться богу голода?

— Все силы почитались древними тормалинцами, которые первыми открыли, как управлять ими посредством молитв и подношений. Расширяя свою Империю, они несли просвещение всем покоренным, и все народы научились молиться о помощи и милости в тяготах жизни.

Самодовольство толстяка раздражало. Как всякий человек, я знаю богов назубок, но этот был здесь совершенно не к месту.

— В Империи никогда не существовало культа голода!

Жрец был невозмутим.

— Много мудрости погибло, когда настали темные века Хаоса, но мало-помалу люди возвращаются к истине. Ты видел когда-нибудь такой голод, когда младенцы умирают у груди матери, потому что у той нет молока? Голод — это великая сила во многих землях, и мы стараемся умиловить ту силу, чтобы она не обрушила свою страшную кару на наш народ.

Я не нашел, что ответить, а только фыркнул от отвращения и пошел дальше. С таким приспособленчеством жрецов рационализм, возможно, найдет-таки сторонников в Релшазе.

— За последнее время в Энсеймине было несколько недородов, — заметила Хэлис. — А это всегда ведет к новым культам. Они не долго существуют.

Мы перешли на другую сторону огромного зала, и в глаза бросилась та же смесь знакомого и необычного в названиях женских божеств. Здесь плачущая Аримелин была почему-то Матерью Скорби, а не Ткачихой Снов, что мгновенно отбило у меня охоту возжечь ей благовоние с просьбой расстроить интриги Пла-

нира. Мы пошли дальше, и я увидел Ларазион в венке из пшеницы, вырезанную в красно-коричневом ядре древесины. Она звалась Маладин, Королева Жатвы. Роль Дрианон сводилась тут к помощи беременным женщинам, тогда как незамужние, видимо, девицы стояли в очереди перед холодной и далекой Халкарион в ее более традиционном облике Лунной Девы. Она взирала на балки пустым мраморным взглядом, а рядом с ней бабки терпеливо ждали своей очереди, чтобы возвести молитвы Ахд Мэвелин, Зимней Ведьме; древний дубовый горбыль нес ее примитивно вырезанный образ с резкими чертами.

— Вон он! — облегченно вздохнул Шив, проталкиваясь к сутулому толстяку с бледным лицом.

Когда мы подошли ближе, я с изумлением понял, что этот Керрит всего на горсть лет старше меня или Шива, а не на полпоколения, как казалось издалека. Он толковал о чем-то с кротким старичком в пыльной выпцветшей мантии. Даже странно, как этого древнего служителя еще не отволокли насильно к портному остальные разряженные жрецы.

— Шивалан! — заулыбался Керрит, увидев нашего мага. — Подожди минутку, я сейчас.

Он сердечно простился со стариком и сунул пачку записей в нарядную кожаную сумку, висевшую на плече.

— Ну, что привело тебя в дельтовый город? — Бесцеремонно растолкав паломников, Керрит пробрался к нам.

— Мы можем поговорить в каком-нибудь укромном месте?

Я удивленно взглянул на Шива. Любог, желающий подслушать нас, должен был бы торчать у нас под носом или надеяться, что мы будем орать во все горло.

— Сюда.

Керрит завел нас в сравнительно тихий угол за изображением Сэдрина у двери между мирами. Оно давало отличное укрытие каждому, кто захотел бы к нам подкрасться, но прежде чем я успел встать около изображения, чтобы следить за подходом, этот пост заняла Хэлис. Я добавил это к растущему списку вещей, которые придется обсудить с Шивом, пока он не свел нас всех с ума своей паранойей.

— Ты привез мне письмо от Планира? — Керрит не сводил глаз с изображения Мэвелин, его мысли явно были заняты чем-то другим.

— Нет. Мы отслеживаем Ледяных Людей, укравших некоторые артефакты, — без обиняков выложил Шив, безраздельно завладев вниманием Керрита.

— Они здесь, в городе?

Шив кивнул.

— Но они прикрываются эфирным колдовством, чтобы ускользнуть от нашего гадания.

— Да ну? — выдохнул Керрит, сверкнув глазами. — Очень интересно...

— Ты можешь помочь Шиву обойти это прикрытие? — вмешалась Ливак, отметив, что лицо ученого мага стало задумчиво-отрешенным.

— Что? Увы, нет, моя дорогая. Дело в том, что, поскольку сам я — урожденный маг, эфирные заклинания в моих устах не действуют.

Ливак никогда не отличалась долготерпением, и, понимая, что она может взорваться, я тотчас вмешался, сам едва сохраняя спокойствие.

— У тебя есть заклęcia против их колдовства, которые мог бы использовать один из нас?

Толстяк слегка наморщил лоб.

— Мне бы нужно самому посмотреть, что они делают, но думаю, есть кое-что, что стоило бы попробовать.

— Ты можешь пойти с нами? — вежливо осведомился Шив.

— Вообще это не очень удобно. — Керрит явно смутился. — Видите ли, тот старый жрец знает шесть заклинаний, он называет их чудесами и утверждает, что может исцелять болезни, старые раны, даже некоторые врожденные уродства. Я должен узнать больше подробностей, разобраться...

— А как насчет сломанных костей? — неожиданно спросила Хэлис.

У меня сжалось сердце, когда на ее некрасивом лице промелькнуло облачко отчаянной надежды.

Керрит озадаченно хлопал глазами, пока не заметил ее искривленную ногу и костыль.

— Этого он не сказал. Дело в том, Шив, что заклинания удаются ему в каждой попытке. Мне действительно надо больше узнать о нем и о его работе, осмотреть его больных, выяснить, можно ли с уверенностью говорить об их исцелении.

— Выходит, этот старик — что-то особенное? — Как всегда, любопытство Ливак побеждало. Но по крайней мере оно несколько сдержит ее норы.

— О да! — заверил ее Керрит оживляясь. — Возьмите десять здешних жрецов, попросите их совершить один и тот же ритуал и получите от пяти до десяти различных результатов. Я пытаюсь выяснить почему.

— Я понимаю, это важно... — сказал Шив.

— Старый жрец никуда не денется, — перебил я его. — А эльетиммы того и гляди исчезнут. Уверен, ты сможешь

уделить нам остаток дня, чтобы помочь в таком решающем для Планира деле.

Мысль о том, что ему придется отвечать перед Верховным магом, явно перетянула чашу весов.

— Верно-верно.

— Тогда пошли.

Выйдя из угла, чтобы помочь Хэлис пробиться к дверям, я уловил краем глаза какую-то суматоху. Недалеко от нас в давке молящихся толстая женщина догнала высокого человека в темно-сером плаще, видимо, твердо решив не пропускать его вперед. Когда Вилтред обернулся, этот человек, определенно узнав его, вылупил на старика, и лицо его стало враждебным. Он отпихнул толстуху и, не реагируя на ее крики, направился прямо к старому магу.

— Вилтред, ты знаешь того типа? — Я кивнул головой, надеясь, что вышло не слишком заметно.

— Нет. — Старик помрачнел, в его выпцветших глазах вспыхнул испуг. — Никогда его не видел.

А человек в плаще между тем посмотрел налево, потом направо. С возрастающей тревогой проследив за его взглядом, я увидел, что он не один. Еще трое в сером мелькали в толпе, и когда один протискивался мимо группы детей, его плащ распахнулся, открыв хорошо знакомый мне черный мундир.

— Эльетиммы, — обронил я. — Немедленно уходим.

— Сюда. — Керрит повернулся и быстро повел нас по-за статуями к маленькой двери, предназначенной для жрецов.

Страх узлом завязывался в моем животе, а ставшее вдруг неровным дыхание рвалось из груди. Молча проклиная воспоминание об эльетиммской магии, которое довело меня до такого состояния, я взглянул на Ливак. Одно утешение, что она тоже неестественно бледна и сжимает рукоять меча так, что побелели костяшки.

— Ты можешь спрятать нас? — рявкнул я Шиву.

— Дай мне минутку. — Он остановился, закрыл глаза. Меж его пальцев замерцал голубой свет. — Вилтред, поможешь мне?

Маги стояли, вместе творя заклинание; оно давалось им нелегко, так как приходилось скрывать магический свет, всегда возникающий при манипулировании стихиями. Тем временем люди в серых плащах цепью растянулись по всей длине храма, ища нас подобно загонщикам, вспугивающим дичь для сокола.

— Ну вот, готово.

Воздух вокруг нас заколыхался, как марево над раскаленным солнцем песком. Мы осторожно шагнули в проход и направились к открытой двери. Я затаил дыхание, когда эльетимм с худощавым лицом осматривал толпу вокруг нас, пропуская

магов. Я уже хотел с облегчением вздохнуть, как вдруг его взгляд вернулся к нам. Островитянин заметно вздрогнул: возможно, увидел сквозь маскирующее заклинание. Он оглянулся на своих сообщников и встретился глазами с одним из них. Готов поклясться, они каким-то образом переговаривались, потому что второй начал проталкиваться напрямик в нашу сторону, хотя не мог ясно видеть нас из-за статуй.

— Они заметили нас. Шевелитесь.

Я потянулся к мечу, но передумал: не хотелось обнажать клинок в храме, не зная, как поведут себя жрецы. Не хватало еще, чтобы нас растерзала возмущенная толпа верующих.

— Проклятие!

Грязно ругаясь, Шив сбросил свое заклинание и стал проклядывать путь к двери. Видя, что он отказался от маскировки, серые плащи сделали то же самое. Я шел замыкающим и услышал сзади возмущенное шипение, а затем крики: это один из эльетиммов ответил на увещевания жреца металлическим скрежетом выхваченного меча. Я оглянулся. Люди спешили убраться с дороги, но толпа была достаточно плотной, чтобы мы могли успеть к двери раньше погони.

— Бежим! — скомандовал я.

Мы бросились вниз по лестнице на сравнительно открытое пространство храмовой площади. Ливак схватила Хэлис под руку, и они вместе не то бежали, не то прыгали. Я с трудом сдерживал злость. Это была именно та ситуация, которой я боялся: или бросить калеку, или всем вместе подвергнуться опасности.

Когда между нами и храмом остался фонтан, я рискнул еще раз оглянуться. Люди в серых плащах разошлись, образуя кордон в толпе. Я зыркнул на другую сторону площади — если это загонщики, то где же охотник с соколом? Машинально положил руку на меч, и перед глазами вдруг все поплыло. Голова закружилась, и я, ругаясь, сжал пальцами виски. А когда открыл глаза, то чуть не задохнулся от охватившей меня паники. Куда исчезла людная городская площадь? Вместо нее был глухой лес, кругом деревья, под ногами — пучки травы, а утренняя суета Релшаза сменилась безмятежным пением птиц да клубящимся туманом.

— Возьми себя в руки! — яростно осадил я себя.

Сзади послышался тихий вздох. В одно мгновение выхватив меч, я резко повернулся, но там никого не было. Я стиснул зубы и сосредоточился на злости вместо страха, и окружающий мир вновь растворился, а когда в глазах посветлело, прямо передо мной возникла Ливак — она смотрела на меня с нескрываемым ужасом. Я проглотил внезапный комок тошноты, чувствуя, как холодный пот струится между лопатками.

— Твои глаза, Раш, твои глаза! Они стали совершенно голубые!

Наши взгляды встретились и застыли. Мы оба вспомнили те черные ямы, в которые превратились глаза Айтена, когда эльетимский колдун захватил его разум и тело, чтобы всех нас убить.

— Шив, кто-то снова напускает на нас эфирную магию! — визгливо закричала Ливак, уставясь за мое плечо.

Я оглянулся. Погоня приближалась.

Мне вдруг кое-что припомнилось.

— Цепи! Шив, Вилтред, их колдуны носили цепи на шее. Видите таких? Нет?

Мы встали посреди суетливой толпы, глядя во все стороны: Хэлис и Ливак — с кинжалами наготове, я — положив руку на меч.

— Там!

Я посмотрел, куда указывал Шив, и сердце екнуло: на другой стороне площади появилась еще горсть эльетиммов, и золотое блестело на горле центральной фигуры. Выходит, охотник привел не только загонщиков, но и собак, чтобы приносили ему дичь.

Вилтред глубоко вдохнул и, когда начал вбирать в себя силу, его глаза потеряли фокус.

— Чувствую, без прямых мер нам отсюда не выбраться, — пробормотал он и резко взмахнул руками.

Воздух перед глазами эльетимма вспыхнул и замерцал, ослепляя его. Стоявший рядом с ним островитянин пошатнулся, упал, и даже с такого расстояния было видно смятение на лицах его спутников.

— Воздушная веревка? — добродушно поинтересовался Керрит.

— Вокруг ног, — мрачным тоном подтвердил Шив.

— Может, потом обсудим тонкости магического ремесла? — отпрыгнула Ливак.

— Шевелитесь, шевелитесь! — заторопил их.

Шив без всяких извинений прокладывал дорогу в толпе, и мы быстро двинулись за ним. Увидев впереди еще один серый плащ, Вилтред послал внезапный порыв воздуха, оглушивший этого типа, как дубинка — рыбу. Когда охотник упал, один из сородичей бросился ему на помощь, разбивая строй. Мы тут же ринулись к бреши в кордоне, еще сильнее распихивая народ.

Вдруг старый маг согнулся задыхаясь. Хэлис и Ливак схватили его под мышки, а я огляделся в поисках источника нападения. Один из серых плащей влез на основание фонтана и устоял на нас, губы его шевелились, у ворота блестело серебро. Шив не тратил время на проклятия. Зеленый свет заблестел в его пальцах — длинное щупальце сверкающей воды обхватило колдуна и утянуло в бассейн. Высокая волна взметнулась над основа-

нием; теряющая надежду рука высунулась и снова была увлечена вниз жадными всплесками, окатившими тех, кто стоял рядом. Люди попятились от фонтана, испуганные восклицания резко зазвучали над бормотанием площади.

Я шагнул вперед, но наткнулся на застывшего в смущении Керрита.

— Тот человек не творил вообще никакой магии, — оскорбленно пробормотал он и полез в сумку за бумагой и чернилами.

— Позже! — рывкнул я, хватая его за руку. — Вилтред, как ты?

— Уже хорошо.

Но выглядел он совсем нехорошо: губы синюшные, в глазах — боль и ужас.

— Шив! — выдохнула Ливак, и мы разом повернули головы.

Толпа на миг расступилась, выставив напоказ человека с цепью на шее. Расталкивая людей, он направлялся прямо к нам. Все три мага крикнули что-то бессвязное, и эльетим взорвался в россыпи алых и лазурных огней. Толпа отпрянула от тлеющего трупа, и внезапная паника охватила площадь. Тот, кто прежде толкался, теперь стал отвешивать тумачи, кто прежде шутил, начал ругаться и выкрикивать оскорбления. Шум становился угрожающим, из центра панического бегства понеслись крики, поднимаясь вместе с пылью над усиливающимся топотом подошв по плитам. Нас ударило со всех сторон, швыряло как крабовые лодки, захваченные зимним шквалом, и я с трудом держался на ногах.

— Мы должны оставаться вместе.

Я ухватился за тунуку Керрита и протянул руку Ливак, а та, в свою очередь, схватила под руку Хэлис, расчищавшую себе путь костылем. Шив потащил Вилтреда к нам, пока старик тщетно пытался противостоять толпе.

— Не сопротивляйся, мы должны идти вместе с потоком! — крикнул я ему.

Меньше всего я хотел выделяться в этом сборище. Ни у кого не возникнет сомнений, что именно магия начала панику, и я не хотел, дабы меня поймали на улицах с тремя магами, как только местная Стража примется искать зачинщика. После таких беспорядков непременно останутся трупы, и релшазцы захотят кого-то обвинить. Когда город избирает своих чиновников, ублажение толпы выглядит важнее правосудия, а меня совсем не радовала перспектива оказаться у позорного столба лишь за то, что у меня тормалинский акцент.

Так как мы все равно направлялись к боковой улице, поток бегущих релшазцев вскоре вынес нас в сырой проход между трактиром и игорным домом. Я оглянулся — проверить, все ли целы, — но увиденное было не слишком утешительным.

Вилтред все еще не оправился от нападения, а Ливак поддерживала Хэлис, потерявшую в давке свой костыль.

— Ждите здесь.

Я опасливо пошел обратно по грязной улице, прячась за дверными проемами, брошенными экипажами и ручными тележками. Площадь уже опустела, только две кучки плачущих женщин обступили лежавшие ничком тела да нескольких ошеломленных индивидуумов, пошатываясь, вставали на ноги. Черноголовые чайки кружили над площадью. Те, что посмелее, клевали упавшие фрукты, брошенный каравай и рассыпавшиеся в пыли сладости с подноса лоточника, пока другие выжидательно смотрели на неподвижное тело в грязных лохмотьях. Их тонкие крики внезапно заглушил истошный рев: молотя тонкими ручонками, какой-то ребенок вопил на ступенях храма, а жрица в красной мантии безуспешно пыталась его успокоить. Я поискал глазами серые плащи и с удовлетворением обнаружил, что по крайней мере одного из наших преследователей затоптали. Видимо, он не смог подняться, так как его ноги были связаны закливанием Шива.

— Воздушная веревка — это колдовство, которое рассеял бы любой новичок.

Ну разумеется, эта фраза принадлежала Керриту. Он увязался за мной и теперь, держа ручку во рту, возился с крышкой своей чернильницы-рога.

— Она не должна представлять никаких трудностей для того, кто способен видеть сквозь сложную иллюзию или прямо атаковать с такого расстояния, — бормотал он, ища в своих записях чистую страницу.

— Уходим!

Свирепея от досады, я схватил толстяка за плечо. Чернила выплеснулись ему на штаны, но я не слушал его протесты и тащил обратно к остальным. Доведется ли мне встретить когда-нибудь хоть мало-мальски здравомыслящего мага?

— Шив, сделай все что можешь, только спрячь нас. Мы должны немедленно вернуться к Меллите!

Маг кивнул, и воздух вокруг снова замерцал.

— У меня тут есть кое-что, оно должно спрятать след, — вмешался Керрит.

— Так чего ты ждешь? — крикнул я. — Действуй!

— Ну, я не могу. Видишь ли, это эфирное заклинание. Но я совершенно уверен, что оно должно работать. Если мои записи верны, то оно помешает их магии отыскать нас.

Сияя улыбкой, Керрит протянул страничку с четко написанными слогами. Я потянулся за ней, но внезапные сомнения остановили мою руку.

— Ливак, ты ведь уже делала это раньше, а? Ты что-то говорила о ритме?

Наши взгляды встретились, и в ее зеленых как трава глазах я увидел отражение моей собственной неприязни.

— Дай сюда.

Ливак выхватила листок и на певучий Лесной манер отчеканила слова:

— Ар мел сидит, ранель маркленэ.

Один Дастеннин знает, принесли они пользу или нет. Лично я предпочел бы проверенные методы.

— Вилтред, ты знаешь кружную дорогу к дому Меллиты?

Старый маг устало потер лицо и кивнул.

— Сюда.

Пока мы пробирались обратно через город, медленнее, чем мне хотелось бы, никто не остановил нас для того, чтобы сохранить заклинания, сотканые вокруг нашей группы. На оживленных улицах Аррила люди спокойно занимались своими делами, и всем задышалось легче. Я начал узнавать некоторые дома, однако Вилтред вдруг остановился, и я едва не наступил ему на пятки.

— Я не вернусь к Меллите, прежде чем не удостоверюсь, что нас не преследуют, — решительно заявил он. — Я не хочу привести этих людей к ее дверям.

Его морщинистое лицо было исполнено мрачной непоколебимости. Мне пришлось согласиться, что старик прав.

— Тогда поищем трактир.

Шив хотел было возразить, но я покачал головой, и мы направились к ближайшему трактиру, где расположились под увитым виноградом портиком, потягивая ароматное белое вино с реки Ферл. Вскоре у Вилтреда порозовели щеки, а из глаз Хэлис ушла боль. Но вот над городом разнесся колокольный звон — тут и там куранты отбивали шесть часов дня. Я поймал взгляд Ливак.

— Если б они пошли за нами, то были бы уже здесь. — Она осушила кубок и не наполнила его снова. — Но никто похожий тут не проходил, уж поверьте, я бы их увидела.

Шив смахнул со стола лужицу как бы случайно пролитого вина.

— Я просмотрел соседние улицы. Все чисто и безопасно.

— Ну хорошо, — нехотя уступил Вилтред. — Хотя они могут следить за нами из какого-то другого места.

Я кивнул трактирщику и бросил на стол несколько монет.

— Если следят, то с этим ничего не поделаешь. Пошли.

Едва мы ступили во двор, как из привратничкой выбежала Меллита. Не тратя времени на приветствие или вопросы, она

506 провела нас прямо в кабинет.

— Я слышала, что произошло у храма. Половина моих встреч отменена, весь Магистрат в волнении. Что случилось?

Я посмотрел на Вилтреда, тот — на Шива, а последний оглянулся на Керрита. Пришлось говорить мне. Я кратко изложил события.

— Значит, теперь вы не охотники, а дичь, — сухо заметила Меллита, открыв папку из телячьей кожи, лежавшую на столе. — Я получила несколько интересных донесений, хотя не знаю, насколько они продвинут ваше дело. Кажется, в городе есть две группы этих чужеземцев. По всем свидетельствам, они не работают вместе. Первая группа объявилась здесь накануне последнего полнолуния Малой, и они торгуют тормалинскими древностями. Никто не знает, откуда они. Эти люди носят местную одежду, но акцент у них незнакомый. Я получила несколько различных предположений, и, по мнению большинства, они из Мандаркина.

— Иначе говоря, из такой дали, что никто здесь никого оттуда не видел и отродясь ни с кем оттуда не разговаривал, — кисло уточнил я.

— Именно так, — невозмутимо подтвердила Меллита. — Еще они проводят массу времени в храмах, говорят со жрецами, пока не ясно зачем. Кажется, у них куча денег, и платят они хорошо, а потому особых подозрений не вызывают. Вторая группа прибыла четыре дня назад, думаю, это те самые, что причиняют вам неприятности. Люди их сторонятся. Судя по виду, они солдаты, все в черной коже и все делают пятерками.

Меллита с ехидной улыбкой подняла голову.

— При такой жаре они должны потеть в своих мундирах, как жеребята вокруг племенной кобылы. Но как бы то ни было, их главарь распустил слух, что ищет двух воров и, если вы еще не в курсе, дает весьма точное описание Ливак и Хэлис.

Женщины обменялись печальными взглядами.

— Это не в первый раз, — вздохнула наемница. — Они предлагают награду?

— Пока не слышала, но я отправила запрос. — У Меллиты сверкнули глаза. — Любопытно, как будет она велика?

— Думаю, я могу покрасить волосы, — с вызовом заявила Ливак. — Но тебе, Хэлис, придется торчать здесь, пока мы не найдем портшез. Твоя нога слишком уж заметна.

Хозяйка улыbnулась.

— Между прочим, вы якобы украли ценное оружие, длинный имперский меч с тисненными зелеными ножнами и позолоченной филигранью на рукояти.

Вилтред выругался.

— Он ценный, будьте уверены, тормейльская работа, изготовлен самим Делатаном. Это меч Райшеда.

— Итак, они нашли повод, чтобы схватить нас на улице, — муру заключил я.

— Не думаю, что Магистрат посмотрит на это благосклонно, — вскинула брови Меллита.

Я не был так уверен; несколько монет в рукопожатии обычно устраняют любые возражения, которые мог бы выдвинуть избранный чиновник.

— Я думаю, им нужен только меч. Мы знаем, что он как-то связан с той пропавшей колонией. — Шив взглянул на меня немного виновато.

— Делатан работал во времена Немита Мореплавателя, не так ли? — задумчиво произнесла Меллита.

— В конце его царствования и в самом начале царствования Немита Безрассудного, — подтвердил Вилтред. — А что?

— Чужеземцы, торгующие древностями, тоже интересуются этим периодом. Фактически это единственный общий фактор в их торговле, — объяснила Меллита. — Понимаете, большинство людей собирают драгоценности или серебро, а о клеймах царствования беспокоятся уже потом. Эти же меняют более ранние изделия, стоящие намного дороже, на довольно незначительные предметы последних десятилетий существования Империи. Это вздувает цены, что чужеземцев как будто совсем не волнует.

Шив раздраженно выругался.

— Все, что мы нашли, вызывает еще больше вопросов. Мне нужны ответы.

— Ты можешь поделиться сведениями с этими твоими членами Магистрата, не раскрывая свой источник? — спросил я Меллиту.

— Конечно. Одного моего слова вполне достаточно. Должно быть достаточно, если они не хотят особо тщательной проверки своих grossбухов.

— Дай им знать, что чужеземцы, которые ищут меч, это те самые возмутители спокойствия возле храма, отряд в черных кожах. Одного из них затоптали, и должны найтись свидетели, чтобы подтвердить твои слова.

— Я знаю, почему они за вами охотятся. — Меллита сделала пометку на чистом квадратике папируса. — Всеобщей любви эти люди определенно не вызывают, но Стража не слишком-то стремится быть третейским судьей в частных спорах.

— Лучше бы она вообще не упоминала нас, — заметил Шив.

С этим я был всецело согласен.

— Не впутывай нас. Просто скажи, что они выходили грабить, насиловать, устраивать беспорядки и тому подобное, чтобы им прищемили носы, как только они снова их высунут.

Меллита улыбнулась.

— У нас должны быть выборы на полнолуние Большой. Можно намекнуть, что они наняты парой кандидатов, желающих дискредитировать нынешние власти.

— Это наверняка стреножит их на какое-то время. — Лицо у Вилтреда просветлело от злорадного удовлетворения.

— Нам нужен всего один день. — Ливак нетерпеливо вскочила и, подойдя к окну, уставилась во двор. — Меллита, ты не могла бы отправить служанку купить мне травяной краски для волос? Черной или коричневой, все равно.

— Я хочу, чтобы все оставались здесь и ничего не предпринимали, пока я не свяжусь с Планиром, — горячился Шив.

— Ну так иди и свяжись с ним. — Ливак обернулась к магу с холодным блеском в зеленых глазах.

— Вилтред, Керрит, идемте со мной.

Оба мага последовали за молодым собратом с неожиданной покорностью. Не обращая на них внимания, Ливак взяла со стола Меллиты бумагу и чернила и склонилась над письмом. Закончив, дважды сложила его и беспомощно огляделась по сторонам, пока Меллита не подала ей кружок сургуча.

— Спасибо. — Ливак запечатала послание и быстро нацарапала адрес. — Можешь с кем-нибудь отправить это?

Взглянув на адрес, хозяйка подняла изысканно выщипанную бровь.

— Думаю, один из моих менее надежных конюхов знает эту таверну.

Ливак усмехнулась.

— Такой-то нам и нужен.

Меллита встала.

— Займись этим немедленно.

Я скрестил руки и строго посмотрел на Ливак; она ответила мне безмятежно нахальным взглядом.

— Кому ты писала?

— Тому, кто может распустить слух, что будет выгоднее молчать о нас с Хэлис, чем пробовать разжиться деньгами у эльетимов. — Она зловеще улыбнулась. — Придется Шиву раскошелиться, чтобы заткнуть несколько ртов приличным вином.

Я с сомнением качнул головой.

— Мы здесь всего один день.

— И не меньше горсти знакомых уже успели нас заметить, — откликнулась Хэлис со своего стула в другом конце комнаты. — Если они не услышат иного, то не увидят ничего плохого в том, чтобы вытрясти денежки из Ледяных Людей.

— Мне нужно выйти одной и действовать по-своему, — предупредила меня Ливак. — Если за нами охотятся, то чем быстрее мы найдем их гнездо и утащим побрякушки Вилтреда, тем лучше. Чем скорее я дам знать местным взломщикам, что интересуюсь этими ублюдками, тем скорее кто-то пометит мелом их дверной косяк.

Я вздохнул.

— А ты не можешь подождать, когда Шив свяжется с Планиром?

— Дам ему время до утра и послушаю, что он скажет, — нехотя уступила Ливак, видя мольбу в моих глазах. — Но если он хочет, чтобы я для него воровала, он должен позволить мне сделать все самой, с теми людьми, которых я знаю. Я не желаю качаться на виселице из-за того, что три чародея состряпали какой-то безумный план.

— А если наша помощь не нужна, попробуем отыскать след Арла Кордайнера. Сдается мне, это будет куда прибыльнее, чем оставаться с вашей компанией, — непререкаемым тоном добавила Хэлис и посмотрела на меня с вызовом: посмею ли я упомянуть или хотя бы взглянуть на ее ногу?

ГЛАВА 4

Письмо, взятое из Судебного Архива Магистрата, округ Чарларил, Релшаз, Весенние заседания суда, 3-й год правления императора Периналя Смелого в Тормейле, 15-й год царствования королевы Миреллы Солурской.

Зиндану Ар Уиллану, переулок Мушмулы

Сударь!

В ответ на ваши протесты по поводу вероятных наказаний, грозящих вашему сыну, позвольте напомнить вам, что, поскольку кража — преступление скорее против собственности, нежели против личности, его не подвергнут телесным наказаниям или казни. Но так как стоимость украденного превышает 500 крон (тормалинской чеканки), истец имеет полное право возместить свои убытки через тело вашего сына, если обвинение доказано, а имущество не возвращено. В этом случае вы не вправе требовать от истца продажи вашего сына на открытом рынке, коль он желает продать его городу для службы на галерах или пармах. Я понимаю, что эта угроза очень тягостна для вашей жены, но она не относится непосредственно к данному делу. Если вы решите подать обвинение в преследовании, оно будет рассматриваться как совершенно самостоятельное дело.

Иск о краже будет слушаться во Дворце Правосудия в день полнолуния Большой луны. Если ваш сын полностью отрицает обвинение, вы можете либо нанять адвоката, либо сами доказывать его невиновность. Если ваш сын признает факт кражи, но оспаривает количество украденного, вам нужно будет представить имущество, о котором идет речь, Магистрату для его оценки и подчиниться обыску вашего дома для обнаружения спорных предметов. Истцу, конечно, придется согласиться на такой же обыск и доказать

Магистрату свое право на означенное имущество. Если ваш сын признает факт кражи и полную стоимость украденного, вы получите возможность предложить истцу компенсацию за вашего сына, который будет тогда изгнан из города. Но должен предупредить вас, что истец совершенно волен отвергнуть такое предложение.

При сем возвращаю вам данные под присягой письменные показания, касающиеся присутствия вашего сына на званом обеде в тот вечер, о котором идет речь. Вы можете вызвать свидетелей с любой относящейся к делу информацией во время слушания иска во Дворце Правосудия. Присяжные будут выбраны из списков для голосования утром в день заседания, и я должен напомнить вам, что любая попытка оказать давление на свидетелей или присяжных либо со стороны истца, либо со стороны ответчика приведет к немедленному проигрышу дела.

Позвольте также напомнить, что у вас остается всего пять дней, чтобы передать Магистрату ваши сто марок в качестве залога. Пожалуйста, не стесняйтесь связываться со мной, если вам потребуется любая дальнейшая информация.

*Полагающийся на правосудие Рэпонины,
Магрин Коларин,
Секретарь Магистрата*

Дом Меллиты Эстерлин, Релшаз, 29-е поствесны

Ночью меня опять донимали сны, а проснувшись, я с изумлением понял, что за окном уже белый день: обычно я встаю очень рано. Торопливо бреясь, я вспоминал вчерашние события. Ливак весь вечер была не в духе. Когда мы поднялись наверх после довольно напряженного ужина и я с вопрошающей улыбкой остановился на пороге, она вытащила из кармана запечатанный пакет и помахала им.

— Я крашу волосы.

Улыбнулась с пугающей смесью неповиновения и торжества и прошмыгнула мимо меня в свою комнату с такой скоростью, что разом погасила и мое желание, и мою свечу. Я даже не стал дергать дверь между нашими спальнями.

Дом казался необычно тихим. Я спустился вниз. В утреннем салоне ждал красиво накрытый стол, но, судя по использованным тарелкам и бокалам, аккуратно сложенным на буфете, я оказался последним. Я пожал плечами и с аппетитом позавтракал, прежде чем отправиться на поиски остальных. Большинство звуков доносилось с кухни, поэтому я просунул голову в дверь, уже готовый извиниться после долгого опыта общения с кухарками мессира, свирепо защищающими свою территорию.

— Сударь? — Служанка присела в поспешном книксене и тревожно оглянулась за одобрением.

— Привет, Райшед.

Я немного удивился при виде Хэлис, сидящей у окна с разложенными перед ней ножами, маслом и точильным бруском. Она держалась весьма непринужденно, как видно, обладала еще одним талантом: приспосабливаться к любой обстановке, кроме, пожалуй, детской школы, — тем самым талантом, что помогал Айтену быть столь эффективным агентом для мессира. Не забыть бы потом спросить, какие сведения ей удалось почерпнуть из утренней болтовни слуг. Вполне возможно, найдется нечто, что я мог бы включить в письмо мессире; оно должно стать теперь делом первостепенной важности, напомнил я себе.

— Где все?

— Меллита пошла договариваться о встречах, которые вчера пришлось отменить, Вилтред с Керритом гадают, а Шив ждет, чтобы Планир связался с ним и выдал инструкции. — Хэлис осторожно потрогала большим пальцем лезвие особенно устрашающего ножа.

— А Ливак? — с замиранием сердца поинтересовался я.

— Ушла. — Наемница подняла голову, но лицо ее было непроницаемо. — Шив не знал, когда получит указания от Верховного мага, и Ливак сказала, что не может ждать.

Видно, я крепко спал, коль пропустил тот диалог; вся улица, должно быть, слышала его. Но какой смысл ссориться из-за этого с Хэлис?

— А где Шив?

— В садовой комнате. В конце коридора, за столовой.

Я вежливо кивнул любопытным служанкам и посудомойкам и оставил бывшую наемницу, с ее острыми ножами и еще более острыми ушами, выведывать дальше все, что удастся.

Шив сидел за игорным столом из липового дерева и утрумо переставлял фигуры одного из лучших комплектов Белого Ворона, какие я видел за пределами императорской резиденции.

— Доброе утро, — весело поздоровался я.

Он пожал плечами и буркнул что-то невнятное. Я прошел вокруг стола к окну, чтобы лучше видеть его лицо. Маг выглядел усталым и недовольным.

— Чем занимаешься?

— Жду, когда Планир соизволит связаться со мной, и пытаюсь найти решение, как лучше всего поступить, — выпалил Шив, но меня порадовало то, что его раздражение направлено не на меня.

Он с такой силой шлепнул в центр доски алебастровую фигурку Ворона, что я поморщился. Алебастр — слишком мягкий материал, дабы оценить такое обращение.

— Составить тебе компанию или ты припас для меня более полезное занятие? — Маг первый раз поднял глаза и я улыбнулся.

— Пожалуй, я не прочь с кем-нибудь поговорить, — признался он, бесцельно двигая пальцем витое малахитовое деревце, из тех, что стояли на инкрустированной в столешнице доске. — Планир обещал выдать мне инструкции еще до полудня. Я бы оценил твои соображения по поводу того, что он нам сообщит.

Развалясь на обитом бархатом стуле, я взял в руки одну фигурку, любуясь изысканной работой. Гагат — трудный для резьбы камень, если верить моему отцу.

— Ливак ушла, — вдруг обронил Шив, нервным жестом замыкая круг деревьев с Белым Вороном в центре.

— Хэлис мне сказала. Но Ливак знает город лучше, чем ты или я, и не попадет впросак.

Мне не удалось скрыть досаду, и маг взглянул на меня с едва заметной улыбкой.

— Думаешь, нам не придется скакать ей на выручку в конце пятого куплета, чтобы спасти, как ту девицу из плохой солурской баллады?

Я покачал головой.

— Рыцарь-защитник — это последнее, что Ливак когда-либо потребует.

Должно быть, голос выдал меня, иначе Шив не спросил бы с искренним беспокойством, что удивило меня немного:

— А как же ты?

— Я? А я присягнувший, чья клятва должна преобладать над всеми прочими соображениями. — Я осторожно поставил Ворона рядом с золотистой агатовой Совой. — Пока я довольствуюсь тем, что Ливак готова мне дать, если оно позволяет мне соблюдать мои клятвы. А что до большего, то я даже не знаю, чего она от меня хочет — так зачем делить шкуру неубитого медведя?

Шив понимающе кивнул.

— Мы с Перидом тоже не сразу научились жить вместе — ведь он не маг. Было особенно трудно, когда я начал работать на Совет, но мы нашли компромисс. — Маг уставился в окно, в сторону моря. — Я очень по нему скучаю.

Я не знал, что ответить. Я был шокирован, когда узнал, что Шив предпочитает плясать со своим же полом, но так как я был уверен, что он не станет запускать свои руки под мою рубашку, то не слишком над этим задумывался. Однако обсуждать мне это тоже не хотелось. Я не рационалист, я не присоединяюсь к

их теориям об определяющей логике природы — то есть один мужчина, одна женщина и никак иначе, — хотя немало торمالинцев принимают идеи рационалистов, когда видят обряды и праздники в менее строгих традициях, вынуждая тех, кто чувствует склонность душиать свои носовые платки, делать это очень осмотрительно. Мне нравился Шив, я уважал его как человека и как мага и не хотел бы обидеть его, ляпнув что-нибудь не то или проявив мое собственное неведение, коли на то пошло.

— Может, сыграем пока в Ворона? — Я деликатно вернул фигурки в их гнезда по обе стороны стола.

Шив посмотрел на доску, словно только что ее увидел.

— Нет, спасибо. Я, как правило, не играю.

Что ж, его можно понять, ведь эта игра строится на том, что все птицы выгоняют одну, рожденную не такой, как они.

Я открыл ящик в маленьком шкафчике.

— А несколько партий в руны?

— Вот это пожалуйста. — Шив вытянул над головой свои длинные руки, лицо его немного просветлело.

Я достал бархатный мешочек и закрыл ящик.

— Знаешь, если из-за всего этого мы окажемся по уши в лошадином дерьме и с нами расплатятся в лескарских марках, то стоит подумать об уплате налогов.

— Да, а заплатить нам должны хорошо, — ухмыляясь, согласился маг и перевернул столешницу. Другая ее сторона оказалась обитой бархатом для игры в руны.

Я высыпал на стол девять изящных палочек из моржовой кости. Сдвинув темные брови, Шив воззрился на них с необычайным любопытством.

— Эта инкрустация золотая или бронзовая?

Он взял одну кость, медленно повернул ее, рассматривая угловатые изображения на трех гранях — древние символы Оленя, Дуба и Леса. Я больше привык к торمالинским костям с нарисованными на них картинками.

— Золотая. Итак, во что играем? Три руны, три броска?

Шив бросил небесную кость; на верхних гранях вышли Солнце и Малая луна.

— Значит, мужские руны сильнее, — кивнул я. — Считаем очки или пенни?

Шив улыбнулся. Это была подозрительно широкая и простодушная улыбка.

— Лучше пенни, просто ради интереса.

Я сгреб кости обратно в мешочек и протянул его магу, чтобы тот вытащил три. Первые несколько кругов определенно были интересны. Шив последовательно отказывался от

скромных комбинаций рун из первых бросков ради попытки добиться более высокого счета. Он нисколько не нервничал и скоро стал выигрывать больше, чем проиграл. Я уже был готов заподозрить его в нечестной игре, так как он с первого раза выбросил Волка и Ураган, а все, что сумел наскрести я, это Тростник и Арфа, и то на третьем броске. Когда же мне показалось, что удача повернулась ко мне лицом, я вытащил небесную руну, и она легла с обеими рунами наверху, заканчивая партию.

— У тебя есть на чем записать счет? — ухмыльнулся Шив.

Роясь в шкафчике, я с притворным отвращением покачал головой.

Там нашлось все что нужно: и угольные палочки в элегантных серебряных держателях, и обрезки папируса. Я проверил обратные стороны — они были чистые. Очевидно, Меллита не желала рисковать, если вдруг неприязненные глаза увидят даже самые безобидные записи из ее кабинета.

— Кажется, ты без труда решаешь, как действовать во время игры.

Я поморщился, сложив мои проигрыши. Улучшатся ли дела теперь, когда преимущество будет у женских рун? Учитывая мое везение, я в каждом круге начну вытаскивать Оленя и Барабан.

Шив, лениво перекатывавший в руках кости, остановился.

— Легко быть смелым и безрассудным, когда худшее, что с тобой может случиться, — остаться без сапог, дабы расплатиться с долгами.

— Когда мы искали выход из эльетиммской темницы, тебе хватало находчивости. — Я с дружеской укоризной покачал головой, тщательно выбирая следующие слова. — Не пойми меня предвзято, но пока ты ведешь себя словно кот, который хочет рыбы, да боится замочить лапы.

Лицо у Шива окаменело.

— Прости, если я немного нерешителен. Не так-то легко выполнить то, чего хочет Планир, и при этом самим не попасться в лапы к эльетиммам.

Он с излишней силой запихнул руны в мешочек и с первого броска выкинул Гору, Сосну и Метлу.

— Стало быть, Планир лает тебе на пятки? — Я едва подсчитал свой скудный результат от Орла, Моря и Зефира, решив, что не стану играть с Ливак на что-либо важное, пока мне не будет везти по-крупному.

Шив покачал головой.

— Нет, не совсем. Он даёт подручному знать, какое место занимает его задание на шкале ценностей и сколько времени у него есть, чтобы получить результат, но он всегда выслу-

шает оправдания и даст, если нужно, отсрочку. Я доверяю ему, он крепко держит в руках поводья.

— В этом они с мессиром схожи. — Я бросил кости и, взглянув на расклад, плюнул от досады. — Но если Планир не собирается кусать тебя за ложный след, почему ты держишь Ливак на таком коротком поводке? Позволь ей выполнить за тебя часть работы. Ты же знаешь, у нее нюх на такие вещи.

Шив опустил руны в мешочек, вытащил свои три и откинулся на спинку стула, задумчиво перекатывая их в ладонях.

— В прошлом году, когда я не знал, с чем мы можем столкнуться, рисковать было легче. Теперь я знаю. Может, после того удара по голове у меня не все птицы стояли на доске, но я видел, что те мерзавцы сделали тебе и Ливак. — Он посмотрел на меня. — Вспомни, как ты бледнел при одном упоминании об этом.

Я не собирался возражать.

— Смерть Джериса была ужасной. — Шив гневным жестом швырнул кости на стол. — Никакой допрос или наказание не требуют тех пыток, которым его подвергли. Кто бы ни сделал это, он сделал это, чтобы насладиться зрелищем чужих мук. Я не хочу оказаться в его руках и не пожелал бы этого моему злейшему врагу. Но еще ужаснее была смерть Айтена, потому что магия овладела его разумом, и это магия, которую я не могу ощущать, которой не могу противостоять, которую даже не могу понять. — Его голос зазвенел от обиды. — С тем же успехом я мог бы бросать руны, как моя бабка, ища ответы у очага. Если б я помнил хоть половину того, что она обычно делала, я бы попробовал, клянусь богами, в таком я отчаянии!

Я засмеялся, но тут же подавил смех, увидев, что Шив более чем серьезен. Маг уставился на меня.

— А вы в Тормалине не гадаете на рунах? Но уж руны-то рождения вы должны вытаскивать или нет?

Я замялся.

— Вроде бы моя бабушка, мать моего отца, делала это, когда мы были детьми. — Я перебирал кости, пока одна из них не высекла слабую искру памяти. — Кажется, это она... да, точно, она. Штиль, Барабан и Земля, хоть я понятия не имею, что это должно значить.

Шив машинально кивнул, но продолжал думать о своем.

— Я маг, и хороший маг. Я работаю на Планира, потому что считаю, так от меня больше пользы, однако вздумай я направить свои способности на изучение моей стихии, и года бы не прошло, как меня выбрали бы в Совет за мои собственные заслуги. Но поставь меня против тех мерзавцев с другой стороны зимних штормов, и я буду так же напуган их проклятым колдов-

ством, как безмозглый крестьянин, впервые узревший магический огонь. Я ненавижу это, Раш, я просто ненавижу это!

— Я бы беспокоился, если б ты не боялся, — пожал я плечами. — Я сам готов наложить в штаны при одной мысли об этих гадах, снова проникающих мне в голову. Но дело в том, что ты не можешь позволить страху стреножить тебя или ты даешь им еще одно преимущество.

— Знаю, — с сарказмом ответил Шив. — Это просто то, что я чувствую.

— Так не чувствуй. — Я наклонился вперед и смел забытые руны в сторону. — Запри свой страх в дальний ящик ума и не вытаскивай снова, пока не найдешь для него времени. А что до остального, то почему ты все хочешь делать сам? Хэлис с Ливак знают город, знакомы с множеством местных, а я каждый второй сезон провожу в разъездах, собирая сведения для мессира. Существует двойная горсть дел, которыми мы могли бы заняться, вместо того чтоб сидеть здесь да ковырять в носу в ожидании, когда Верховный маг даст нам тот же самый приказ.

— Ливак так и решила, — кисло заметил Шив.

— Ты удивлен? Думаю, она сосредоточится теперь на отряде в черных кожах. Вряд ли Ливак тепло относится к людям, назначающим цену за ее шкуру. Но я подумал о второй группе — тех, что рядятся под местных. Как насчет того, чтобы показать этот меч торговцам? Может, кто укажет на них? Хотелось бы знать, где они обретаются, просто спокойствия ради. Вдруг да удастся натравить их на ту, другую группу?

— Такая возможность есть, — задумчиво протянул маг.

Я поднялся.

— Тогда я пошел.

— Не забудь, что должен мне за игру! — крикнул Шив мне вслед.

Когда я направлялся во двор, из открытой двери выбежал Вилтред.

— Ты куда?

— Подстричься.

Я не обязан перед ним отчитываться, к тому же мои кудри определенно нуждались в стрижке, если мы были намерены задержаться в этом городе. От одной мысли о паразитах, которые наслаждаются такой скученностью населения, моя голова зачесалась. Ладно, по пути к восточным причалам поищу цирюльника. А на причалах обязательно должен найтись купец, готовый за монету-другую передать письмо Курьерской почтой. Приятно было оказаться на улице без всякого сопровождения. Яркое солнце отражалось от побеленных зданий, но слабый бриз приго-

нял сегодня с Залива высокие облака. Я всегда ненавидел бездействие; по словам отца, когда я был ребенком, то едва не сводил с ума мамушку в скучные, дождливые дни. Идя по улицам, я смотрел в оба и ухо держал востро, но особого беспокойства не ощущал. Релшаз — незнакомый мне город, но за годы работы на мессира я повидал достаточно новых мест. Мусор, гниющий в сточных канавах, обычно везде одинаков.

Письмо обождет, решил я, пока не будет стоящих новостей. Пробираясь к кварталу золотых дел мастеров, я начал искать подходящего торговца, чтобы заинтересовать его мечом. Было бы легче, если б я мог спросить совета у Меллиты, но я был уверен, что справлюсь. Предательский голосок прошептал в моей голове: «Ты всегда мог подождать», — но я запер его в тот дальний ящик, о котором говорил Шиву.

Двое мускулистых парней, подпиравших косяки аукционного дома, свидетельствовали о том, что за крепкими решетками на окнах хранится не одно лишь позолоченное серебро. Я прошел дальше по улице, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться изделиями, выставленными в витрине каждой лавки, и обнаружил, что коллекция аукционного дома действительно была самой богатой на всю длину галереи в обе стороны. Но важнее оказалось то, что они торговали самым разным товаром. Не встречаясь с устрашающим взглядом охранников, дабы не натравить их на себя, я просто вошел и подождал, когда кто-нибудь подскочит и начнет убеждать меня расстаться с деньгами. Не прошло и секунды, как щеголеватый человечек в муаровом голубом шелке бочком приблизился ко мне.

— Чем могу помочь вам, сударь? Вы покупаете или продаете?

— Да вот, видите ли, проходил мимо и захотел узнать, что вы можете сказать мне об этом мече? — улыбнулся я, старательно подражая бесчисленным поколениям благородной крови и еще более благородного воспитания Камарла Д'Олбриота.

— С удовольствием, сударь.

Этот человек обладал приятным умением быть экспансивным без заискивания. Его глаза заблестели, когда я отстегнул меч.

— О, очень интересно! — Его восхищение звучало совершенно искренне. — Этот символ — герб Дома Д'Алсенненов.

Его тормалинский был безупречен; жаль, что я никогда не слышал об этом Доме.

— Как странно. — Я изобразил аристократическое смущение.

Человечек провел пальцем по гербу, выдавленному в ножнах.

— Этот Дом пал во время крушения Империи. Думаю, он остался без наследника, а то, что сохранилось из имущества, вернулось к младшей ветви рода, к Тор Олдеру.

Что-то необъяснимо знакомое послышалось мне в этом имени. Может, этот Тор Олдер был какой-то родней мессуру? Я знал, что семья Д'Олбриотов имеет несколько связей с Домами, которые величаются «Тор», дабы показать, что когда-то они занимали императорский трон, но не думаю, что Тор Олдер был одним из них.

Я вдруг понял — оценщик говорит о гравировке на мече.

— Делатан, да, это, несомненно, его рука, этот кузнец работал в последние годы Империи. Скажите, эсквайр, это — фамильная вещь?

— В некоторой степени, по боковой линии.

Я забрал меч и нарочно копался, пристегивая его, чтобы не встречаться взглядом с этим человечком. Но он не унился до вульгарных расспросов.

— Сколько бы этот меч получил на торгах, просто ради интереса?

Оценщик был достаточно вежлив, чтобы поверить мне на слово, несмотря на мою явно неаристократическую наружность.

— Я бы ожидал предложений свыше двух тысяч крон. Мы могли бы продать его для вас, если по какой-то причине вы желаете с ним расстаться, но я честно обязан сказать: мы, как правило, не торгуем мечами, и вполне возможно, что вы получили бы лучшую цену где-нибудь в другом месте. На самом деле у нас нет клиентов, ищущих такие вещи. Если вы свернете во второй переулок за фонтаном на стороне Залива, то найдете торговцев, которые специализируются на клинках, — добавил он немного неохотно.

— Большое спасибо.

Я помахал на прощание и вышел на улицу, потом, следуя его указаниям, зашагал к Заливу. Когда я увидел лавки, торгующие абсолютно всем, от дамских кинжалов с костяными рукоятками до надежных мечей, способных защитить стражников от любых попыток причинить им вред, мою душу согрело удовлетворение. Займусь поисками небольшого, но хорошего клинка для Ливак, решил я, это будет лучшим поводом находиться здесь. К тому же я давно мечтал сделать ей подарок.

Я отверг длинный аукционный зал, в двух открытых проемах которого с шумным азартом толпилась модная молодежь, пробуя непрактичные рапиры. Это место выглядело слишком оживленным и скорее всего было бы слишком честно сообщить мне больше того, что я уже знал об этом клинке. Тихая мастерская в стороне от главной дороги сулила лучшие перспективы, пока я не увидел группу небритых бездельников в переулке напротив. Когда ушел покупатель, напутствуемый дружеским хлопком по плечу от рябого мастера, от той группы отделился один и неторопливо последовал за беснечным купцом. Я запомнил имя на вывеске,

чтобы передать Меллите, — за эти сведения она наверняка сможет купить услуги Стражи. Небрежно, но открыто положив руку на рукоять меча, я потопал дальше.

На оживленной мостовой остановился, раздумывая, в какую сторону пойти. Первоначальное возбуждение утасло, и знакомая боль утраты кольнула в груди. Как же мне не хватает Айтена, ждущего меня в каком-нибудь проеме, следя за моей спиной, прежде чем в свою очередь задавать вопросы и болтать с людьми, пока я высматриваю того, кто слишком им интересуется. Это была работа для двоих, и поскольку Хэлис связана своей ногой, а маги не надежнее восковой руны, возможно, мне следовало подождать Ливак. «Тогда тебе нечем было бы похвастаться перед ней, когда она вернется с названием трактира, где остановились эльетиммы, и расскажет, что они ели на завтрак».

Я попытался засмеяться, но не смог избавиться от гнетущего беспокойства. Я круто свернул в открытые ворота и прошел задом на боковую улочку. Спрятавшись за повозкой торговца шелком, подождал минуту-другую, не выйдет ли кто из переулочка, разыскивая меня. Никто не вышел, но затылок все равно покалывало.

— Не иначе как элдричский человечек наступил на твою тень, — высмеял я себя с некоторым раздражением.

Мастера этой улочки занимались более обыденным ремеслом. Я перешел на другую сторону к кузнице, за открытыми ставнями которой были выставлены как старые, так и новые клинки самых разных стилей. Я остановился, взлохматил чересчур отросшие волосы и потянул шнуровку на куртке, чтобы малость ее перекосить. Ссутулил плечи и вошел внутрь.

— Доброе утро. — Я старался растягивать слова, как те портывые мальчишки, которыми все детство страдала меня мать.

— Полдень давно уж пробило, друг, — буркнул кузнец, коренастый мужик с мускулистыми руками в шрамах от ожогов и черными глазами, в которых было столько же тепла, сколько его в мокром угле. — Добрый день.

— Я тут хотел спросить, что бы ты мог сказать мне об этом мече? — Я криво усмехнулся и зашаркал ногами по пыльному полу.

Он протянул руку за клинком и разочарованно опустил уголки рта.

— Где ты его достал?

— Одолжил у брата, — хихикнул я, вспоминая, как однажды утащил у Мисталия довольно непристойную резьбу, которую брат прятал в своей сумке с инструментами в мастерской нашего отца.

— Эти выгравированные листья — это стиль Делатана, но это не Старая Империя. — Кузнец равнодушно пожал

плечами. — Впрочем, неплохая копия тормалинской чеканки, я дам за нее двести крон.

— Да это целая куча денег! — бессмысленно заухмылялся я. — Но мне покуда не нужно его продавать.

Кузнец нахмурился и сунул мне клинок обратно.

— Тогда зачем ты тратишь мое время?

Я ссутулился и снова зашаркал ногами.

— Ну, в таком городе трудно знать, когда тебе могут понадобиться несколько лишних монет.

Я похотливо хихикнул, и кузнец широко улыбнулся в ответ.

— Это верно. Если ищешь приятную, чистую девицу, попробуй «Дыру в Стене», возле Фонарного переулка.

Я кивнул с излишним энтузиазмом.

— Спасибо за совет.

Кузнец сделал хитрую попытку изобразить внезапно пришедшую мысль.

— А знаешь, может статься, у меня есть покупатель, который заинтересуется твоим мечом. Где, говоришь, ты остановился?

— В «Шляпе с Пером», — с готовностью ответил я. — Еще раз спасибо.

Волоча ноги, я вышел из мастерской, доплелся до ближайшего угла и, только завернув за него, выпрямился, чем напугал пару прохожих. Но мне было не до них, я понял с досадой, что продолжать эту игру не так-то просто. Будь со мной Айтен, я бы оставил его следить за дружелюбным кузнецом, а сам рванул к «Шляпе». Возможно, Ливак могла бы занять место Айтена, если б не возникала со своими идеями, но меня не прельщала мысль, что она будет слоняться тут в одиночку. Я не мог бы оставаться с ней, не вызывая подозрений, даже если бы мы как-то уговорили Хэлис покараулить в «Шляпе». Нет, я не думал, что Ливак не может постоять за себя — я слишком хорошо знал, на что она способна, — но я не хотел рисковать: ведь какой-то эльетимм заметит ее, покращены ее волосы или нет.

Меня снова охватило беспокойство. Я повернул обратно к концу переулка и, глядя на кузницу, мучительно соображал, как лучше поступить? Однако мысли разбегались, а в горле вдруг пересохло. День стоял теплый, это верно, но я не так давно ушел из дома, чтобы изнывать от жажды. Я потер лицо, но стало только хуже. Перед глазами поплыл туман, уличный шум как-то странно исказился, эхом отдаваясь в ушах, а затем потерялся в грохоте, похожем на грохот прибоя. Меня прошиб холодный пот, рубашка прилипла к телу, и я привалился к стене на вне-

запно ослабевших ногах. Кровь стучала в голове, как молот

Мизаена, паника сдавливала грудь и, угрожая задушить, хватала за горло.

Слева послышались шаги. Вялыми пальцами я сжал рукоять меча; и как только сделал это, Сэдрин открыл двери, и тьма поглотила меня.

Внешний двор Зала Уэллери в скрытом городе-острове Хадрумале, 30-е поствесны

Это был весьма импозантный человек: высокий, в черной бархатной мантии с искусной вышивкой из алых и золотых языков пламени у ворота, указывающей на его власть над огнем даже самому невежественному ученику. Рубин сверкал на его груди, зажатый в пасти дракона-броши, и червонное золото кольца его должности блеснуло на солнце, когда он поднял руку, чтобы поправить темно-бордовый плащ. И плащ, и великолепный покрой его платья удачно скрадывали тучность мага, но, к сожалению, нынешняя мода на высокие тугие воротники безжалостно подчеркивала его толстые щеки и двойной подбородок. Несколько учеников поспешили убраться с его дороги, маг шагал через двор с выражением крайней досады на покрасневшем лице.

— Верховный!

Стройный мужчина в повседневном костюме из темного сукна повернул голову — непримечательная фигура, если бы не исходящий от него магнетизм абсолютной уверенности.

— Мастер Очага. — Планир коротко кивнул и снова повернулся к тройке нервных новичков чародеек.

Калиону ничего не оставалось, как ждать, когда Верховный маг закончит разговор. Мастер Очага стоял, твердо упершись ногами в булыжники. Он недовольно хмурил брови, его свекольный румянец ужасно не сочетался с роскошным нарядом.

— Было приятно с вами поболтать. И помните, моя дверь всегда открыта.

Теплая улыбка Планира углубила морщинки вокруг глаз, задержавшихся на узкой спине и изящных лодыжках одной из учениц, когда девушки торопливо удалялись под грозным взглядом Калиона.

— Доброе утро, мастер Очага. — Верховный маг провел рукой по коротко стриженным черным волосам и повернулся к Калиону. — Давай воспользуемся твоим кабинетом, а? Он ближе всего.

Не дожидаясь ответа, Планир быстро пошел со двора на вымощенный плитами тротуар большака Хадрумала. Калион ринулся за Верховным магом, сжав губы от едва скрываемого

раздражения. Когда они свернули во второй двор между зданиями из светлого камня, он вытащил ключ от двери, ведущей в строгую башню; ее остроконечный шпиль был опоясан языками каменного огня.

— Я весьма обеспокоен тем, что сейчас узнал... — промолвил он, поднимаясь по лестнице.

— Это заметно, — спокойно обронил Планир. — Вот почему я считаю, что лучше обсудить наши проблемы в уединении твоих покоев.

Сапоги Калиона тяжело бухали по дубовым ступеням, восходящим к его роскошно обставленному жилищу.

— Что случилось с этим Райшедом? — спросил он без всяких предисловий, захлопнув за Планиром дверь, и бесцеремонно швырнул свой плащ на дорогой парчовый стул; плащ соскользнул на пол.

— Шиввалан пытается выяснить, мастер Очага, — мягко ответил Верховный маг, поднимая плащ и аккуратно вешая его на крючок.

— «Пытается» — это звучит более чем неопределенно, — фыркнул Калион. — Забрали Ледяные Люди этого человека или нет?

Планир красноречиво развел руками.

— Мы пока не знаем.

— Необходимо узнать, — безапелляционно заявил Калион. — Нужно немедленно поднять этот вопрос в релшазском Магистрате; у меня есть в городе знакомые с достаточным для этого положением. Я должен получить для тебя ответ самое большее за несколько дней.

— Спасибо, мастер Очага, но я думаю, пока в этом нет необходимости. — Под бархатом вежливости Планира чувствовалась сталь.

Но Калиона она не утратила.

— Твой Шиввалан умудрился потерять, возможно, самый значительный из всех обнаруженных нами артефактов, которые имеют отношение к той пропавшей колонии, а ты не думаешь, что необходимы срочные меры. Тот меч — один из немногих предметов, историю которых удалось проследить с абсолютной точностью. Мы знаем без сомнения, что он принадлежал человеку, который отплыл с Ден Феллэмионом один Дастеннин знает куда и затем исчез.

— Я предпочитаю дать Шиввалану время, чтобы найти Райшеда без особой шумихи. — Планир удобно устроился на скамье, обитой темно-малиновой кожей. — Я не хочу, чтобы релшазцы задавали вопросы о значении этого человека и о причинах нашего к нему интереса. Здесь я принимаю решение, Калион.

Голос Верховного мага звучал ровно, но неумолимо. Мастер Очага повернулся к буфету, где в круге бокалов на красной ножке стоял хрустальный графин.

— Ликера?

— Немного сливового. Благодарю.

Планир с улыбкой принял бокал. Калион сел в вычурное резное кресло с высокой спинкой и заботливо поправил складки мантии.

— Если эльетиммы похитили этого человека, то, вероятно, потому, что владеют тайнами, которые этот меч скрывает. — Мастер Очага наклонился вперед, полный решимости. — Мы должны подготовиться, мы должны знать, с чем имеем дело. Я неоднократно говорил, необходимо предпринять более активные поиски в библиотеках на материке, потребовать доступ к архивам существующих храмов, возможно, даже организаций, таких как Союз купцов-предпринимателей или Каладрийский Парламент. Нам нужно знать, есть ли у них информация, которую мы можем использовать, а этого медленного сбора донесений от странствующих ученых попросту недостаточно.

— Я уверен, мы узнаем все, что нам нужно, только спешить надо в пределах разумного. — Планир стер каплю с ножки пустого бокала и осторожно поставил его на полированный винный холодильник. — Но ответь мне, мастер Очага, что ты предполагаешь сказать купцам-предпринимателям Кола, например, требуя доступа к их секретному архиву? Каким было бы твоё объяснение?

— По-моему, такая просьба, подкреплённая авторитетом Верховного мага, не нуждается ни в каком объяснении.

Планир кивнул и поджал губы.

— И как бы ты затем боролся с мириадами слухов, беспрепятственно разлетающихся по всей Старой Империи и через Великий Лес до самого Солура, будто некий тайный замысел вынашивается среди всех могущественных чародеев, которые прячутся за колдовскими туманами их города-острова, охраняемого демонами, вызванными заклинанием. На что бы ты скорее поставил: на план возвести короля-мага на лескарский трон или на наше намерение взять под свой контроль, скажем, алдабрешскую торговлю алмазами?

Калион устался на Верховного мага, в замешательстве морща пухлый лоб.

— Ты недооцениваешь силу невежества, мастер Очага, — решительно заключил Планир. — Когда люди не знают причины какого-то явления, они придумывают свою. А у меня нет намерения рассказывать никому, кроме Совета и наших бли-

жайших помощников, об опасностях, быть может, грозящих восточным землям.

— Но надо же что-то делать. — Калион поднял руку в бессильном жесте досады. — Я два сезона пытаюсь обнаружить действие стихий в этих проклятых эфирных фокусах, и все впустую. С тем же успехом я мог бы зачерпывать ложкой отражение луны.

Верховный маг позволил себе легкую улыбку при упоминании этого образного выражения из детской сказки.

— Возможно, твои усилия не были вознаграждены, но это само по себе значительно увеличивает наши знания. Если ты, старший мастер Очага, с сильнейшим родством к огню за всю летописную историю, не можешь найти применение своей стихии в эфирных методах возжигания пламени, то никто не найдет.

Планир говорил совершенно искренне, и Калион хмыкнул в подтверждение его правоты.

— Все это хорошо, Верховный, но если мы не в силах противостоять поганым колдунам, то угроза, которую они представляют, только возрастает.

— Мы будем вести борьбу с ними их собственными методами, — твердо заявил Планир. — Если мы, маги, не можем использовать эти заклинания, чтобы получить доступ к эфирной силе, чем бы там она ни была, то среди не магов есть умные и надежные люди, чьей поддержкой мы можем заручиться. Ответы найдутся, и я уверен, многие из них содержатся в этих артефактах конца Империи. В этих снах таится много секретов.

— И как ты собираешься добраться до них? — Калион взирал на него без улыбки. — До сих пор, Верховный, твои изыскания были не слишком обнадеживающими. Скажи, та девушка из Ванама уже пришла в себя? Нельзя было погружать ее в такой глубокий сон. Может, она и увидела все, что мы хотим узнать, но пока она без сознания, это никому не известно.

Выражение на лице Планира не изменилось.

— Мы надеемся отыскать средства, чтобы привести ее в чувство. Показания многообещающие, и в своем сне она пока что здорова.

— Выходит, теперь твои поиски знания разделились? Поиск средств, чтобы контролировать эфирную магию, с одной стороны, и исцеление тех, чьи мозги расплетаются, когда твои эксперименты идут не так, — с другой? — жестко спросил Калион. — Но разве это не повод для более спешного розыска всех актуальных материалов?

— Я думаю, именно спешка сыграла главную роль в тех нескольких трагедиях, о которых ты абсолютно справедли-

во напоминаешь мне. — Верховный маг снова наполнил бокал. — Еще ликера?

Но Калион даже не притронулся к напитку.

— Значит, ты намерен продолжать в том же духе? Мое беспокойство не в счет? А что скажет Совет?

Вернувшись на скамью, Планир ободряюще улыбнулся.

— Пока эльетиммы не начнут действовать открыто либо против нас, либо в попытке утвердиться на материке, самая большая опасность от эфирной магии проистекает из нашего стремления овладеть ею с неточными знаниями. Почти все наши сведения получены из снов тех студентов, которых мы набрали в Университетах Ванама и Кола, и особенно тех, кто, по нашим оценкам, наиболее точно соответствует первоначальным владельцам артефактов. Я уверен, Совет поймет, что это долгий и трудный процесс. Мы знаем, требуется время, чтобы сны утвердились, и артефактов у нас больше, чем добровольцев, подходящих для этого проекта, так как мы по определению не можем использовать магов. Мы делаем все возможное, чтобы заинтересовать нужных ученых, но любой открытый набор людей только породит больше слухов, вероятно, о честолюбивых магах, которые втягивают невинных в колдовские ритуалы, служащие лишь прикрытием для разнузданной похоти, — ты ведь и сам знаешь, что выдумывают о нас эти ученые анахореты.

Калион невольно хохотнул.

— Все это хорошо, Верховный, но...

Планир поднял руку.

— Ты не можешь отрицать, Калион, что подобное уже случилось в прошлом. Вспомни истории о Лодере Благодетеле — они все еще живы среди людей. Подумай, насколько ужаснее были бы они, если б видным магам того времени не удалось скрыть худшие из его причуд.

Толстяк содрогнулся от непритворного ужаса, а Планир, не давая ему опомниться, продолжал:

— Ты провел долгие часы в Совете, Калион, очень убедительно доказывая, что пришло время магам играть более важную роль в мире. Я согласен с тобой, и ты это знаешь. Потому мне бы очень не хотелось, чтоб какой-то неразумный шаг, совершенный в тот самый момент, когда мы пытаемся справиться с эльетиммской загадкой, привел к возрождению тех давних предрассудков и страхов, что довели некоторых моих предшественников до, скажем откровенно, чрезмерной изоляции.

Мастер Очага вздохнул.

— Когда мы были учениками, этого хватало, да. Помнишь, как мастера Туч Нового Зала пришлось устранять

то безобразие, которое учинили с погодой в Каладрии Азаир и его клика?

Планир встал.

— Я ценю твое беспокойство, Калион, действительно ценю, но ты должен понять, что у меня в очаге стоит много горшков. Если один убежит, вся алхимия пойдет насмарку.

Калион поднял голову.

— Я всегда говорил, что магам земли не следует играть с огнем, — заметил он с налетом тяжеловесного юмора.

— Будет нужно, заходи.

Без церемоний расставшись с мастером Очага, Планир направился обратно через Хадрумал к собственному жилищу в высокой в древней башне, глядящей на крыши различных Залов, старых и новых, что протянулись вдоль длинного большака, который, извиваясь, спускался к гавани. Казалось, Верховный маг ничуть не спешит, но никто быстрее не покрыл бы это расстояние. Без особых усилий перешагивая через две-три ступеньки, Планир одолел темную лестницу и распахнул тяжелую дверь своего кабинета. Молодой человек вскочил на ноги, едва не опрокинув заваленный пергаментами стол, и только-только успел поймать широкую серебряную чашу. В крутящейся воде внутри нее мелькнул и исчез янтарный проблеск.

— Где человек Д'Олбриота, Узара? — сверкая глазами, напустился на него Планир. — Ближе к делу, где этот треклятый меч?

— Я не знаю.

Голос молодого мага не дрогнул, но предательский румянец поднялся от испачканного чернилами воротника, заливая шею и лицо, чтобы беспощадно светиться сквозь его редкие, песочного цвета волосы.

— Если сам не справляешься, заставь Шаннет это сделать. Это ее специальность, — категорично потребовал Верховный маг.

— Не представляю себе, чем бы это помогло. Она не знает Райшеда, и у нас нет ничего из его вещей, на которых можно было бы сфокусироваться. Я-то хоть встречался с ним на корабле в прошлом году, — дерзко возразил Узара.

— Нам нужно найти его, Зар, и быстро! — В тоне Планира недвусмысленно звучало предупреждение.

— Знаю. — Молодой человек расправил свои тощие плечи. — Я не так давно разговаривал с Шивом, и он убеждал Меллиту воспользоваться любыми ее связями, которые могли бы привести нас на след. Это будет стоить ей массу одолжений, но Меллита уверена, что получит результат.

Верховный маг нахмурился.

— Ее одолжения обойдутся мне в изрядную сумму. Скажи хоть, ей достанет ума не применять для этого магию? Если люди начнут думать о ней как о чародейке вместо налогового откупщика, она перестанет быть нам полезной.

— Не сомневайся в ней. Кстати, тут тебе письмо, пришло с кораблем из Кола. — Узара повернулся к боковому столику и взял толстый пакет с вычурными печатями. — Это герб Д'Олбриота, не так ли?

— Да, Зар, спасибо, думаю, ты прав. — С минуту Планир разглядывал письмо, потом, застонав от досады, хлопнул желтоватым пергаментом о ладонь. — Так что я скажу любезному сьеру? Как объясню, что мы потеряли его фамильный меч и понятия не имеем, куда он делся?

— Мне кажется, его больше беспокоит потеря присягнувшего, — с мягким упреком заметил Узара, избегая взгляда Планира.

— И это тоже, — машинально кивнул Верховный маг. — Когда отплывает корабль? Ты не знаешь, они ждут ответа?

— Ждут. Курьер сказал, что у него есть полномочия задерживать судно так долго, как тебе потребуется.

— А что, если я напишу Камарлу? — размышлял вслух Планир. — Сьер к нему прислушивается, и на его благоразумие можно положиться. Скажи мне...

Что он хотел спросить, так и осталось загадкой, ибо в этот миг обитая гвоздями дверь с грохотом распахнулась. Старик с острым лицом остановился на пороге и, шумно выдохнув, привалился к косяку.

— Налей-ка мне выпить, Зар, и убери эти дурацкие бумаги, чтобы я мог сесть.

— Доброе утро, мастер Туч. Не могу выразить, как я рад, что ты почтил нас своим присутствием, — саркастически молвил Верховный маг, но подал старику руку, пока Узара торопливо стребал со стула пачки документов.

— Не ехидничай, нахальный угольщик, не то превращу тебя в кролика. Спасибо, Зар.

Одним махом осушив рюмку белого бренди, Отрик закашлялся, и гадальная чаша Узары ответила ему слабым звоном. Глубокие морщины на лице старика говорили о долгой и нелегкой жизни, но яркие голубые глаза были так же остры, как у его молодых собеседников.

— Ну, что у нас новенького? — требовательно спросил старый маг.

— Если в ближайшее время мы не добьемся результатов, мне предстоит несколько долгих вечеров убеждать Совет не подерживать требований Калиона о тотальном штурме всех

библиотек, где в каталогах значится больше трех книг; — мрачно изрек Планир.

— Для человека, который хочет видеть магов влиятельными, он, кажется, не слишком ясно представляет себе последствия. — Отрик с презрением покачал головой. — Лучше уж просто отправить гонца к эльетиммам: «Пожалуйста, не нападайте на нас пока, а то мы понятия не имеем, как бороться с вашей магией, и такое нападение было бы просто нечестным».

— Я могу назвать и других, кто был бы только рад узнать, что легендарный Верховный маг не всеведущ, — заметил Узара, просматривая документы. — Летние события в Лескаре и некоторых частях Энсеймина могли бы явно выйти из-под контроля.

— Хотелось бы, чтоб Калион сам до этого додумался, — поморщился Верховный маг. — Слушай, Зар, а ты не мог бы случайно встретить Аллин, ту ученицу мастера Очага?

— Ты имеешь в виду напыщенную девушку из Селеримы с роскошными волосами или ту робкую девчушку из Лескара с родством к огню? — Узара на минуту поднял голову.

— Вторую. Уверен, она ответит на любые вопросы Калиона.

— И как это Калион позволяет ей общаться с тебе подобными, а, Зар? — скабрёзно засмеялся Отрик.

Узара игнорировал старика.

— Я обговорю с ней несколько мелких проблем, — пообещал он Верховному магу. — А когда она донесет их до Калиона и он получит возможность продумать все до конца, надеюсь, он сообразит, что к чему.

Мастер Туч буркнул какую-то непристойность и протянул Узаре свою рюмку.

— А как твои эксперименты, Зар? Что за чудеса эфирной тайны откопала сегодня твоя унылая коллекция книжных червей?

Узара снова наполнил рюмку. Несмотря на слабый румянец, выступивший на его высоких скулах от слов Отрика, рука молодого мага осталась твердой.

— Рад сообщить, мастер Туч, что теперь у нас есть отработанные заклинания для передачи сообщений через весь этот остров.

Отрик комично вытаращил глаза.

— Да ну? За целых шесть лиг!

— Не думаю, что сарказм здесь уместен, старик, — язвительно заметил Планир и тоже потянулся за бренди. — Если только у тебя не появилась некая конструктивная идея, а?

Отрик нахмурился, его угловатое лицо приняло угрожающий вид.

— Да, нам нужны люди со знанием эфирного колдовства, чтобы бороться с эльетиммами, когда — заметьте, «когда», а не «если» — они решат, что материк способен предложить боль-

ше, чем их продуваемые ветром острова. Я знаю, ты заставляешь своих ученых работать напряженно, Узара, и сознаю — некоторые средства связи на расстоянии для не магов могут оказаться жизненно важными, особенно если дело дойдет до всеобщей войны. Но беда в том, что древние-то колдуны умели делать намного больше: находить дорогу, сбивать со следа погоню, извлекать сведения из вражеских умов...

— Ты учишь хозяек крутить прялки в свое свободное время, а, Отрик? — спросил Планир. — Мы все это знаем.

— Лично я знаю только одно: нам необходимо выяснить, как работает эта магия, какова сама основа ее. Только тогда мы сумеем разгадать, как остановить мерзавцев. — Плечи Узары устало поникли.

— Древние, что плавали к Кель Ар'Айену, знали. Именно так называли они свою колонию, это я могу вам точно сказать. — Отрик наклонился вперед, глаза его сверкали подобно сапфирам. — Они знали достаточно, чтобы разрушить фундамент эфирной магии столь основательно, что эльетиммы остались прикованы к своим бесплодным скалам на тридцать поколений, если не больше. Древние были ее мастерами. Они использовали эту загадочную силу, дабы через тысячи лиг сшивать воедино Империю в течение двадцати поколений! Вряд ли они бы послали людей пересечь океан без самой лучшей магической поддержки, какую могли найти. Нам нужно узнать то, что знали они, поэтому я предлагаю найти их колонию и посмотреть, не оставили ли они каких-нибудь записей, ключей или какой-нибудь незаменимый том по эфирной магии, начиная с ее изначальных принципов, какими бы они там ни были.

Планир шумно вздохнул и откинулся на высокую спинку кресла, сцепив длинные пальцы перед гладко выбритым подбородком.

— Возможно, твоей идеей стоит заняться, мастер Туч.

— Ты хочешь сказать, теперь мне надо вытягивать что-то еще из увеличивающегося клубка полузабытых снов и видений? — застонал Узара.

— Да что здесь такого трудного? — отмахнулся старик.

— А ты хотел бы разгадывать правила Белого Ворона, не имея ни доски, ни половины фигур? — с жаром возразил молодой маг.

— Кого мы можем выделить для поиска в архивах? — перебил их Планир. — Мы начнем сопоставлять все упоминания об этой пропавшей колонии в существующих летописях. Это должно дать тебе нить, за которую надо тянуть, чтобы размотать весь клубок, Зар.

— Казуел Девуар, — ответил Узара едва ли не прежде, чем Планир договорил. — Мизаен свидетель, у него есть к

этому талант, и, если повезет, я надолго избавлюсь от его затрудства.

— Вот уж кто настоящий лизоблюд, да? — презрительно фыркнул Отрик. — Однако у малого зоркий глаз на детали, надо отдать ему должное. Так где могут находиться самые лучшие летописи?

— Я собирался отправить мага с визитом к мессире Д'Олбриоту, — задумчиво произнес Планир. — Девуар — тормалинец, не так ли? Вероятно, он хорошо знает там все танцы, чтобы стать надежным посланником, а заодно проведет осторожный обзор тамошних документов.

— Такая работа требует времени, — покачал головой Узара.

— Ну, если эльетиммы явятся прежде, чем мы найдем более тонкий способ остановить их магию, придется отправить их в Иной мир традиционно — огнем и наводнением. — Ухмылка старого мага больше напоминала жуткий оскал.

— Тогда у Калиона определенно нашлось бы полезное занятие, — сухо заметил Планир.

Городская тюрьма, Релшаз, 30-е поствесны

Не могу сказать, что я проснулся, скорее хаос в моей голове улегся настолько, что я снова начал осознавать себя и свое окружение. А когда осознал, то пожалел, что это произошло.

Руки и ноги болели так, словно меня топтала ломовая упряжка, и сердце на миг сжалось от страха, что я не могу пошевелить ни единой конечностью. Холодная паника отступила, когда я заставил правую руку чуть сдвинуться к глазам, но ощущение было такое, словно я тону в патоке, поэтому я отказался от дальнейших усилий, своими глазами увидев пальцы.

И это тоже было сделать нелегко. Кровь, грязь или вместе то и другое толстым слоем покрывали мое лицо, намертво склеивая ресницы. С болью разлепив веки, я поморгал, но это мало помогло. Непрошенная слеза скатилась по носу, и я поморщился: защищало царапину на переносице. По крайней мере нос теперь не казался сломанным, и я ухитрился пробормотать бессвязную хвалу Дастенину за эту незначительную милость. Если б нос был сломан, я бы, наверное, задохнулся в собственной крови, чтобы никогда больше не проснуться.

Коварные страхи выползли из тайников ума. Как я дошел до такого состояния? Уж не была ли это падучая? Насколько я знаю, в нашем роду ею никто не страдал, но всякое в жизни бывает. Возможно, тот эльетиммский колдун, что продирался через мой ум, причинил какой-то вред, который теперь выходит наружу. Что, если это начало какой-то ужасной болезни, и я

потерю ноги, зрение, рассудок, буду пускать слюни в овсяную размазну, как тот старик, что жил с дочерью в конце нашей улицы, и черви пожирали его мозги? Не схожу ли я с ума?

Постепенно я стал осознавать, что лежу вниз лицом на грязном полу, а грубая солома больно колет голую кожу. Это не предвещало ничего хорошего. Я глубоко вдохнул, готовясь встать на четвереньки, и чуть не задохнулся от гремучей смеси старой мочи, пота, гниющей еды и грязной соломы. Безжалостный кашель сотрясал мое тело, пока я не отрыгнул желчью, но это вызвало такие свирепые колики в животе, что я бы непременно упал, если б уже не валялся носом в крысином дерьме.

Меня зверски избили, это очевидно. Но кто это сделал и, во имя Даста, зачем? Я лежал, беспомощный, мечтая о воде, и ждал, когда утихнет пожар в легких и ослабнет этот железный обруч вокруг груди. И в то же время отчаянно подхлестывал свои вялые мозги, чтобы осмыслить окружающие меня звуки, так как это не требовало никаких усилий, могущих причинить мне лишнюю боль.

Сначала я слышал только шепот голосов, в основном мужских, но было среди них несколько юношеских или женских. Потом откуда-то донесся лай быстрого релшазского, который и вызвал шарканье босых ног по земляному полу. Кто-то злобно засмеялся, свистнула плеть, шелкая по обнаженной коже, и вслед за шелканьем раздался придушенный стон. А палач продолжал весело смеяться, явно упиваясь своей властью. Где-то недалеко вспыхнул спор, слова потерялись в рычании и непристойностях. Кулаки зачмокали по плоти, со всех сторон одобрительно завопили, подстрекая дерущихся, пока не лязгнула металлическая дверь и ноги в сапогах не протопали внутрь, чтобы прекратить драку. Я открыл глаза и сощурился на фигуры, мелькающие в скудном свете, что сочился сквозь решетку, установленную высоко в стене, и следил, как дубинки разнимают дерущихся, без разбора нанося удары по грязным телам.

Я был в тюрьме. Конечно, это лучше, чем сидеть в эльетиммской темнице или угодить в лапы релшазских уличных грабителей, но как, во имя всего святого, я сюда попал? Я пытался собраться с мыслями. По какой-то непонятной причине я потерял сознание, и следующий из этого вывод был так ужасен, что мурашки побежали у меня по спине, будто черные тараканы. Хотя, кто знает, в таком месте это могли быть и настоящие тараканы. Я заставил себя сосредоточиться — задачка не из легких, учитывая мое изнеможение и массу болей, отвлекающих внимание.

«Ты тормалинец, присягнувший; возьми себя в руки, — ругался я. — Лежать в куче грязи, рыдая от жалости, — бесполезное занятие».

Если меня нашли упавшим на улице, то какой-то горожанин мог донести на меня Страже, не так ли? А Стража скорее всего решила бы, что я пьян. Из того, что я видел в Релшазе, у меня сложилось впечатление, что пьяных в этом городе оставляют там, где они лежат, но если я загораживал ворота какого-то богача, возможно, Стража бросила меня в камеру протрезветь. Все это выглядело довольно логично, но что я такого сделал, чтобы меня бить, да к тому же ногами? Я прищурился через силу и различил пониже локтя узор сапожных гвоздей. Едва ли я мог стоять, не говоря уж о том, чтобы драться, так зачем избивать меня дальше, бесчувственного?

Стон сорвался с моих губ. Не в силах справиться с отчаянием, я закрыл глаза. Голова закружилась, я опять почувствовал, что ускользаю к теням, но даже не пытался бороться с этим.

Когда я вновь очнулся, в полночной синеве неба мерцали слабые звезды, и Малая луна плыла в вышине, одинокая и недосягаемая за совершенно черными прутьями оконной решетки. Продрогший до костей, но слишком одеревеневший, чтобы двигаться, даже если бы тут и было какое-то теплое место, я с тоской уставился на далекие огоньки, пока мои веки снова не сомкнулись.

— Райшед Татель!

Звук собственного имени, искаженный резким релшазским акцентом, пробудил меня к жизни действеннее, чем плеть.

Моя первая попытка ответить стинула на сухом языке и расстрескавшихся губах. Я слотнул, морщась от мерзкого вкуса во рту, и закашлялся. Все мои ушибы разом проснулись и заныли, закололи, стараясь превзойти друг друга, и я едва не задохнулся от боли.

— Тут! — просипел я и встал, преодолевая боль.

— Выходи.

Я торопливо потер глаза, чтобы разлепить их, и моргнул, увидев в дверях здоровяка в грубом, испачканном мундире. Сквозь решетку в стене лился утренний свет, озаряя широкую камеру, каменные стены и наклонный пол с открытым стоком. Вонь стояла такая, что кошка задохнулась бы. У стен горбились люди, некоторые спали на ревниво оберегаемых кучах соломы, кое-кто был в лохмотьях, но большинство — раздеты, и все с синяками и ранами, свежими и заживающими. Если я выглядел так же, как любой из них, то был в худшем состоянии, чем думал.

— Шевелись! — прорычал стражник, угрожающе вздымая короткую палку.

Я не нуждался в повторении приказа, поэтому смиренно поковылял за тюремщиком на ватных ногах, твердо решив не давать ему повода ударить меня, которого тот явно искал.

Мы пересекли узкий двор, и он втолкнул меня в голую побеленную комнату. Закрыв за собой дверь, тюремщик привалился к ней и с жадным любопытством на покрытой гнойниками роже уставился на мою посетительницу.

— Доброе утро, Райшед.

Меллита чинно сидела на грубой скамье. Сегодня из-под ее верхней юбки не выглядывало кружево, а крепким сапогам была не страшна любая грязь под ногами. Рядом с чародейкой стояла плетеная тростниковая корзина с крышкой, но больше всего меня удивил непринужденный вид этой женщины.

— Доброе утро, сударыня.

Я задрал подбородок, стараясь не думать о том, что стою перед ней в чем мать родила. Хорошо, хоть под грязью не будет заметно румянца, если я случайно и покраснею.

— Сядь. Что, во имя Тримона, ты сотворил? — Меллита заговорила на беглом тормейлском диалекте, за которым стражник едва мог угнаться, и гнев сверкнул в ее серых глазах.

— Не понимаю, о чем ты, — заявил я, пожав плечами.

Слабое недоумение углубило морщинки вокруг ее глаз.

— Последнее, что я помню, это как теряю сознание на улице в квартале кузнецов, — прошипел я. — Что привело меня сюда?

— Ты пытался украсть ценный старинный браслет из аукционного зала. — Меллита покачала головой, будто сама с трудом в это верила. — По-видимому, ты просто вошел, взял его и собирался уйти. Когда антиквар хотел остановить тебя, ты стал драться с ним, но к тому времени его помощник послал за Стражей. Понадобились пятеро, чтобы утихомирить тебя. Ты сильно пострадал?

— Кости не сломаны. Кто бы ни бил меня, он знал, что делает.

Меллита осмотрела мои синяки и рваные раны и полезла в корзину.

— Мазь из тысячелистника. — Она вложила горшочек мне в руку.

Но мне сейчас было не до него.

— Это какая-то бессмыслица. Не стал бы я никого грабить среди бела дня. Да и зачем грабить, когда в мешочке у Шива хватит денег, чтобы купить все, что бы ему там ни приглянулось?

— Всему должно быть объяснение. — Меллита внимательно посмотрела на меня. — Как насчет эльетиммов? Возможно, по какой-то причине они захотели убрать тебя с доски? Ты уже сталкивался с их атаками на твой ум. Мог это быть один из их трюков?

Я решительно покачал головой и лишь потом задумался над ее словами.

— Нет, — медленно выговорил я после долгого молчания. — Ледяные Люди... То определенно было нападение

извне, кто-то прокладывал дорогу в мою голову и захватывал мои мозги. А это... Я просто потерял себя, все расплзлось по швам...

Я невольно задрожал от ужаса, и Меллита, наклонясь вперед, взяла меня за руку.

— Все хорошо, я с тобой.

Она говорила как мать, прогоняющая ночной кошмар, но ее пожатие было ободряющим и придало мне сил.

— Как ты меня нашла?

— Это было нелегко. — Едва заметная улыбка смягчила беспокойство в ее глазах.

— А когда ты меня вытащишь? — Наконец-то я начал схватывать суть.

— Я не могу тебя вытащить, — мрачно ответила Меллита. — Во всяком случае, не сегодня.

Я уставился на нее.

— Но ты ведь должна знать, кому заплатить?

— Все не так просто. — В ее голосе сквозило раздражение. — У нас назначены выборы на следующее полнолуние Большой. Некоторые кандидаты подняли шум по поводу непомерной продажности нынешних членов Магистрата, поэтому никто и слушать ничего не будет, пока не подсчитают голоса.

— Ты говоришь, избранный чиновник не хочет брать взятку? — Я недоверчиво покачал головой. — Релшазские собаки не едят дармовую колбасу? Предложи больше, вот и все. Мессир вернет тебе эти деньги.

— Дело не в деньгах. Что бы вы, тормалинцы, ни думали, но наши выборы производят иногда честных и преданных делу членов Магистрата. И мы считаем, что это лучше, чем прибивать всех к месту арендами и заступничеством патронов ради выгоды тех, кому посчастливилось родиться у нужных родителей. И это именно та вещь, которую рационалисты, на мой взгляд, поняли совершенно правильно.

— Прости.

Я закрыл глаза, пытаясь взять себя в руки. Пока что Меллита — единственный человек, который может мне помочь, и ее ни в коем случае нельзя отталкивать. К чему так выходить из себя!

— И что теперь со мной будет?

— Послезавтра тебя продадут на открытом аукционе рабов. — Меллита подняла крышку своей корзины. — Вот, я принесла тебе одежду, кое-какую еду и воду. Еще я заплатила тюремщику, чтобы перевел тебя в лучшую камеру. Внутри сыра деньги, если понадобится кого подмазать или купить еду, прежде чем я смогу прислать тебе еще. Где же мазь? Ах да, я дала ее тебе...

Меллита продолжала говорить, но ее слова слились в одно бессмысленное бормотание. Я ошеломленно уставился на противоположную стену. Это действительно глупо, но я даже не подумал о подобной торговле, что является, в конце концов, одним из главных фундаментов релшазского богатства, — покупке и продаже рабов.

Мы в Тормалине уже с горсть поколений не торгуем рабами, для нас это — пройденный этап. Но каладрийские лорды никогда не упустят возможности получить причитающееся с должника за счет его тела, а в некоторых случаях и за счет тел его жены и детей. Неплательщики могут проснуться однажды утром и обнаружить, что с них уже снимают мерку для железного ошейника. Затем либо продают прежнему соседу для работы на полях, либо заставляя ковылять по дороге в Релшаз — в зависимости от цен. Лескарские герцоги тоже часто бывают на этом рынке ради двух сотен теплых тел — теперь они смогут снять быстрый урожай вина или хлеба с любой земли, что пару сезонов избегала сражений, и продать его за надежные тормалинские кроны либо каладрийские звезды. С другой стороны, они смогут возместить свои расходы в конце боевых сезонов, продавая пленников, которых удастся захватить, — у тех бедолаг нет богатой родни, готовой заплатить выкуп. Релшаз забирает их всех и продает с прибылью, обычно в Алдабреши, где они живут несколько жалких лет, прикованные к галерам или гнувшие спину на каком-нибудь острове, Тримон знает где.

— Тебе придется заплатить, сколько потребуется, чтобы вытащить меня при продаже, — вмешался я в подробное объяснение Меллиты ее соглашения с тюремщиком.

— Конечно, я сделаю все возможное... — Чародейка даже немного оскорбилась.

— Предлагай, сколько нужно, — настаивал я. — Мессир отдаст долг, поверь мне.

— Я верю. Постарайся не беспокоиться. А когда выйдешь отсюда, мы разберемся в том, что случилось, и найдем ответы.

Меллита говорила точь-в-точь как моя мать, когда утешала меня после пропажи щенка. Но и тогда, и сейчас все утешения были напрасны. Бедный щенок убежал в гавань, где, роясь в отбросах вокруг краболовных лодок, свалился в воду и утонул.

Стражник что-то прорычал. Меллита ответила гневным упреком, но все же встала, суя узел мне в руки.

— Держись, мы вытащим тебя при продаже.

— Узнай, нет ли у Шива каких идей! — крикнул я через плечо, в то время как стражник вытаскивал меня за дверь, больно тыча палкой в почки.

Воняющий чем-то прогорклым тюремщик провел меня через пару дворов к другому крылу тюрьмы. Деньги Меллиты купили мне комковатый тюфяк, набитый грубой шелухой, в камере на втором этаже с деревянным полом и горстью других узников. Я осторожно сел спиной к стене и развязал узел; верхний слой оказался простой льняной рубашкой и парой старых штанов. Судя по одеянию моих сокамерников, ничего другого здесь не дозволялось. Изношенное полотенце было обернуто вокруг кожаной бутылки с водой, свежего хлеба и кремово-желтого сыра. Его острый запах подсказал мне, что я действительно проголодался. Смочив уголок полотенца, я кое-как счистил грязь с лица и рук, но на этом остановился. Вода будет нужна для питья, чтобы не подцепить тюремную лихорадку из той жидкости, что будут давать нам тюремщики. Съеденная половина хлеба придала мне мужества, и в одежде я сразу ощутил себя не столь уязвимым.

Несколько узников разглядывали меня, кто с большим, кто с меньшим любопытством. Я встретил их взгляды без вызова, но с достаточной непреклонностью, чтобы они первыми опустили глаза. Убедившись, что за мной не наблюдают, я на ощупь вынул пакетик вошеной бумаги, вплавленный в сыр, и супул его в штаны. После чего медленно осмотрел своих товарищей по несчастью, стараясь не ловить ничьих взглядов и не смотреть ни на кого слишком долго, чтобы не спровоцировать драку. Остальные узники сидели на своих тюфяках или глазели в зарешеченное окно. Большинство были немногим старше меня и довольно упитанные, с лицами, обветренными от жизни под открытым небом. Никто не разговаривал, поэтому я не мог определить, откуда они родом, но так как я не собирался здесь засиживаться, то не видел никакой пользы в завязывании знакомств.

Двое самых молодых упорно кашляли — тихий, но без конца повторяющийся звук уже стал надоедать. Казалось, их прогнали в дальний конец камеры, мой тюфяк и еще одно пустое место отделяли их от остальных узников. Я покосился на них, раздумывая, как подальше отодвинуться, прежде чем мой сосед с другой стороны начнет возражать?

«Держись стойко, будь терпелив, и Меллита вытащит тебя», — строго наказал я себе. Если я не буду ни с кем общаться и делиться чашкой или чем-то еще, то, возможно, зараза обойдет меня стороной.

Где-то пробили куранты, хорошо слышные через незастекленное окно. К моему большому удивлению, пошел только третий час. Я вздохнул. Очевидно, это будут долгие и томительные два дня.

Небо заволокло тучами, по черепичной крыше дробно забарабанил дождь. Появился другой тюремщик с подно-

сом деревянных мисок, наполненных ячменной кашей. Все миски были покрыты мерзкой коркой из остатков старых каш, и над каждой жадно кружили мухи. Я оставил свою нетронутую, успокоив ворчащий желудок краюхой хлеба с сыром.

Лучше голод, чем понос, рассудил я. Кроме того, чем меньше я буду есть, тем реже мне придется навещать зловонные глиняные горшки у дальней стены: один — для испражнений, чтобы продавать на удобрения, второй — для мочи, чтобы продавать на отбеливатель, брезгливо кривясь, предположил я. Уж кто-кто, а релшазцы из всего найдут способ делать деньги.

После обеда нас ждало развлечение. Пришли двое стражников с хлыстами и согнали всех к окну смотреть на казнь. Потребовалось десять человек, чтобы выволочь дюжего преступника во двор и привязать к раме; он осыпал их непристойной бранью, пока кожаный кляп не заткнул ему рот. В этот момент слезы потекли по зверскому лицу, уже красному и залитому кровью еще до того, как стражники тянули жребий, кому поворачивать колесо, чтобы раздавить осужденному горло.

Я не следил за казнью, ибо с лихвой навидался смертей, чтобы извлечь из них хоть какой-нибудь новый урок. Вместо этого я разглядывал другие окна в высоких зданиях вокруг двора. В самых нижних этажах, по-видимому, располагались камеры, вроде той, где я очнулся: грязные, исхудалые лица со спутанными волосами прижимались к прутьям. Их было много, и все жаждали увидеть представление. На верхних этажах прилично одетые мужчины и женщины смотрели вниз, одни неохотно, другие с немым ужасом. Интересно, сколько они платят за приличную еду и чистоту? Вероятно, больше, чем платили бы, живи они в самом дорогом трактире, которым может похвастаться этот город.

Как только стражники позволили, я вернулся на свой тюфяк.

— Что он натворил? — спросил кто-то из моих сокамерников, потирая рукой пепельное лицо.

Тюремщик нахмурился.

— Насиловал и убивал маленьких девочек.

Меня порадовало, что все в камере скорчили гримасы или сплюнули от искреннего отвращения. Возможно, здесь будет все же безопасно заснуть.

К тому времени, когда наступил вечер, я уже скучал до безумия. Пытался делать какие-то упражнения, чтобы размять ушибленные конечности, но это привлекло всеобщее внимание, и я очень скоро остановился. Доел остатки хлеба и сыра, рассудив, что, пока я сплю, их все равно украдут. Наше окно было обращено на запад, и после ухода дождевых туч мы увидели последние лучи солнца. Глядя, как черные тени от прутьев медленно ползут по

растрескавшейся штукатурке, я сам не заметил, как задремал. Я не мог засыпать так рано с тех летних вечеров, когда моя мать загоняла Мисталя, Китрию и меня в постель, а мы хором протестовали, убеждая ее, что еще светло и что это нечестно: почему Хенси и Риднеру позволено не ложиться спать?

Я проснулся в рассветном холоде утра с ощущением, будто что-то не так. И вдруг понял: кашель прекратился. Я рывком сел и глянул на больных. Один лежал совсем неподвижно — остекленевшие глаза уставились в потолок, на сером лице выделялись почерневшие губы. Второй лежал пластом напротив. Его кожа казалась синеватой, но грудь еще слабо вздымалась, и жилка билась на шее, когда дыхание булькало у него в легких.

Мое резкое движение разбудило еще двоих узников. Один пошел колотить в дверь, ревом призывая тюремщика. Прибыли двое угрюмых верзил; они выволокли труп и больного с одинаковым равнодушием, а их грязные тюфяки остались в камере. Я содрогнулся, надеясь, что никто не умер ни от чего заразного.

Пожалуй, тот день было труднее выдержать, чем первый. Я всегда плохо переносил бездействие и хотя продолжал твердить себе, что надо сохранять спокойствие, что Дастеннин посылает рыбу терпеливому и что я бывал в худших местах, чем нынешнее, — к концу дня все это звучало, увы, неубедительно. Единственным худшим местом, которое я смог припомнить, была эльетиммская темница, но там со мной хотя бы находились люди, с которыми я мог поговорить, там у меня имелись поддержка Айтена, магия Шива и таланты Ливак по вскрытию замков в качестве основы для побега. Это навело меня на мысли о других. Хотелось надеяться, что у них есть план, как обеспечить мою покупку на торгах, но меня беспокоило, не сделали ли эльетиммы новый ход, пока я торчу здесь. Наконец я пришел к выводу, что больше всего в моем нынешнем положении ненавижу не место, в котором я оказался, а необходимость полагаться на других людей и уповать на успешное вызволение. Все это, разумеется, несколько не улучшило мое душевное состояние.

Я вспоминал куплеты одной бесконечной солурской баллады о тупоголовом дворянине, спасающем глупую девицу, у которой волос больше, чем мозгов, когда дверь распахнулась, впуская двух стражников и хорошо одетого человека с книгой под мышкой и ароматическим шариком, который он держал у самого носа. Этому шарик у позавидовал больше, чем его начищенным сапогам. Чиновник оглядел комнату и начал с ближайшего к двери, коим оказался я. Смерив меня взглядом, он кивнул стражнику.

— Раздень его.

Я предпочел упредить стражника и сам скинул рубаху и штаны, незаметно сунув деньги Меллиты под одежду. Человек с шариком осмотрел меня с головы до пят и снова кивнул; на этот раз стражник схватил мою челюсть, чтобы показать ему мои зубы. Рука тюремщика смердела, и, сглотнув, я широко открыл рот, чтобы у этого мерзавца не было повода сунуть свой грязный палец мне в рот. А если б засупул, то я бы его, наверное, откусил, чего бы мне это ни стоило.

Чиновник сосчитал мои зубы, сделал пометку в своем грессбухе, а затем посмотрел мне в глаза.

— У тебя есть какие-нибудь навыки? — спросил он на сносном тормалинском.

Я спешно стал раскидывать мозгами. Что лучше сказать? Не хотелось слишком вздувать мою цену для Меллиты, но в равной мере не хотелось и оказаться проданным в упряжке из десяти полевых рабов первому же покупателю.

— Воин, — отчеканил я.

Он пожал плечами, сделал еще одну пометку и пошел к следующему узнику. Я потянулся за одеждой, но, поймав грозный взгляд надзирателя, просто сел и стал ждать, что будет дальше. По мере того как чиновник обходил камеру, выяснилось, что я нахожусь в компании двух портовых грузчиков, посыльного у торговца шелком и бархатом, клерка, двух сборщиков арендной платы, гончара и пастуха. Один Дастеннин знает, как они все очутились здесь. Когда опрос закончился, нас, по-прежнему нагих, вытолкали в коридор и погнали вниз, к концу длинной очереди из других горемык, коим предстояло войти в длинное низкое здание в дальнем конце тюремной территории. Чуть поодаль выстраивалась другая очередь, выводимая из женских камер, что немного скрасило ожидание. Я посочувствовал некоторым женщинам, вероятно, попавшим сюда безвинными. Они тщетно пытались прикрыть наготу руками и волосами, к ногам многих узниц жались дети, и глаза у всех были пусты от горя. Иные явно проходили через это раньше — они дерзко поглядывали на мужчин, тыкали пальцем и откровенно хихикали. Одна нахалка поймала мой взгляд и медленно подмигнула, но я заметил на ее ладони выжженное клеймо шлюхи, крадущей у своих клиентов, и не стал ей отвечать.

Очередь продвигалась. Стражники с дубинками влихнули нас в дверь, и я оказался перед длинной глубокой ванной, точь-в-точь такой, как в имении мессира на холмах, в которой моют овец. Стражники орудовали своими палками как пастушьими посохами, поэтому я сам прыгнул в ванну, не дожидаясь, когда меня толкнут. В вонючей пенистой воде плавала грязная солома, но

мне было все равно, я тер себя и тер, игнорируя жжение от ран и царапин, к коим присоединились теперь многочисленные укусы насекомых. Потом я вышел в дальнем конце, а человек в длинной тунике равнодушно подтолкнул меня дальше, к скамье, и взялся за ножницы. В общем и целом я получил теперь неплохое представление о том, каково быть бараном, коего готовят к рынку.

Нас снова выгнали во двор, уже через другую дверь, и воздух охлаждал мою остриженную голову. Бесплатная стрижка — это, конечно, хорошо, но я бы предпочел заплатить цирюльнику и получить вдобавок приличное бритье. Я потер рукой щетину на подбородке — она уже отросла до той стадии, когда и колет, и чешется. Боюсь, даже родная мать не узнала бы меня в эту минуту.

Скот, пригоняемый с гор на продажу у нас дома, моют, если ему повезет, затем его взвешивают до тех пор, пока вода в шерсти еще прибавит весу. Релшазцы, по-видимому, действовали тем же путем. Эта очередь медленно продвигалась к весам, вроде тех, на которых в гаванях взвешивают мешки. Двое тюремщиков перетаскивали здоровенные гири, а другая пара подсчитывала, сверяясь с каким-то гроссбухом, и что-то царапала на ярлыках, привязываемых на шею каждого барана. Я покосился на свой ярлык, но веревка была слишком короткая, и он висел под самым подбородком. Почему-то из всего случившегося именно это разозлило меня в большей степени.

На обратном пути в камеру стражник передал мне сверток от Меллиты. Его явно разворачивали, но она положила достаточно хлеба и сыра, дабы и мне что-то осталось, после того как стражники забрали что хотели. Это был единственный отрадный момент за весь день. Мои деньги из тюфяка исчезли, и, по мере того как солнце постепенно уходило из окна, мне пришлось прилагать усилия, чтобы не пасть духом. Несмотря на все попытки отстраниться от событий, над которыми я был не властен, я не мог не чувствовать себя униженным. Но дело было не в наготе и не в безличном обращении со мной как с товаром. Причина крылась в том, как был снова захвачен мой ум.

Что-то вынудило меня потерять сознание, что-то вынудило совершить столь нехарактерный для меня поступок, а я даже не мог вспомнить, что это было. Если б я знал, кого винить, я мог бы хоть злиться на них, но даже в этом я не был уверен. Были ли то эльетиммы? Если да, то чего они пытались добиться? Задавая себе эти вопросы, я невольно забеспокоился: а не случится ли это снова? Разум потеряется в тенях, тело окажется во власти тех, кто будет проходить мимо, и любой сможет меня ограбить или даже убить...

Я почувствовал, что дрожу от ужаса, и невероятной концентрации воли заставил себя прогнать эти мысли.

Темнота за решеткой сгушалась. Подул ветерок, и слабый привкус соли в нем напомнил мне о доме. Смогу ли я объяснить это мессире? Как ни рассказывай сию историю, все равно будешь выглядеть растяпой. Мне никогда не нравились оправдания, которые начинались словами: «Я не мог этого избежать...» Закипая от досады, я старался придумать что-то более убедительное — тщетно. Когда придется давать отчет, моя гордость получит трепку похлеще той, что досталась моему телу, мрачно понял я. А мои надежды перейти от присягнувшего к избранному полетят прямоком в нужник.

Я посмотрел на звезды. Ливак — женщина умная, она не обвинит меня в том, что случилось, но как же не хотелось выглядеть перед ней таким маскарадным шутом! Я шепотом выругался и вздохнул, тщетно ища первый проблеск рассвета, освещающий небо. Со мной никогда бы этого не случилось, если б те проклятые маги не втянули мессира в свои дурацкие планы. Я насупился в темноте. Почему Шив с Меллитой и Вилтредом не могут вытащить меня отсюда? Если верить балладам, которые кормят менестрелей, разве маги не умеют проходить сквозь стены, становиться невидимыми, насылать сон на стражников? Что они делают, пока я торчу здесь, рискуя получить кол в зад или подхватить тюремную лихорадку?

«Какой им смысл тебя выкрадывать? Ведь это будет все равно что побег, — строго осадил я себя. — Рассуждай здраво, глупец. Не прошло бы и часа, как Стража привязала бы все паромы и стала переворачивать город».

Разбудили меня вошедшие стражники. Они быстро подняли всех и согнали по лестнице во двор, где на каждого узника надевали кандалы с пропущенной через них общей цепью, чтобы соединить всех вместе. Осознание того, что я буду закован как преступник, наполнило меня внезапной яростью. Я непроизвольно отдернул руки, осыпая стражника бранью. Тот взрезал мне по лицу и разбил губу. Еще больше взъярившись, я потянулся к гаду, но рухнул от удара дубинкой по бедру. Боль привела меня в чувство. Когда мне наконец удалось подняться, я стиснул зубы и кротко покорился оковам.

«Держи себя в узде, недоумок, — бранился я. — Ты выйдешь отсюда еще до полудня и тогда сможешь найти ублюдка, который тебя сюда зашвырнул».

Эта мысль согрела мне кровь, и я стал размышлять о происходящем, заодно обнаружив, что худшие последствия взбучки незаметно прошли за два праздных дня. Потом нас погнали по вонючим улочкам, и я оказался позади клерка. Стражники смеялись, шутили и делали ставки: кто из рабов получит наи-

высшую цену? Солнце едва выглядывало над красными черепичными крышами, и все мы задвигались быстрее в утреннем холоде.

— Никто не знает, чего за тебя ждать, — заметил клерк, оглядываясь через плечо.

Я ответил с иронией:

— Зато они уверены, что ты пойдешь за приличный мешочек денег.

Клерк улыбнулся.

— Так и будет, если аукционист разрешит мне говорить самому. В прошлый раз это удалось.

— Тебя уже продавали? — Я понятия не имел, что обычно случается с рабами, и самое время было это выяснить.

— Дважды. Первый хозяин умер, и всех нас продали, чтобы оплатить его долги. А второму я пригодился всего на два сезона для сделки с алдабрешским воеводой.

— И что будет теперь?

— Если повезет, уйду к порядочному купцу, который позволит мне зарабатывать монету-другую у задних ворот. Тогда у меня будут кое-какие сбережения, чтобы не помереть в сточной канаве. Пройдет не так уж много времени, прежде чем я стану слишком старым, чтобы стоять постели и хлеба, и меня отпустят на волю.

Худое лицо клерка посерьезнело.

Звякающая колонна достигла широкой рыночной площади с высоким помостом с одной стороны. Нас бесцеремонно затолкали в загон позади него. К моей досаде, оттуда не было видно никого из покупателей. Доносился только шум, и по нему чувствовалось, что толпа собралась изрядная. Очевидно, многие жаждали купить себе слуг, батраков и чернорабочих, которые составляли большинство ранних лотов.

Солнце уже стояло высоко в небе, когда настал черед квалифицированных рабов — вроде меня и моего соседа. В невольничьем загоне было жарко и душно, и я протолкался вперед — парень с ведром и ковшом пошел вдоль шеренг, наливая несвежую воду в жадно подставленные ладони.

— Шагай.

Стражник расковал клерка, и тот энергично взбежал на помост.

— Я клерк и счетовод, владею тормалинским, каладрийским и западным алдабрешским диалектами. Я честный и аккуратный, работал в этом городе пятнадцать лет; вы получите верного слугу и выгоду от моего опыта и связей. Я знаю бронзовую торговлю, судовые перевозки и обмен, налоговые системы каждого порта от Кола до Тормейла и могу давать советы по контрак-

там, составленным как под солурские, так и под тормалинские своды законов.

Его уверенный голос отражался от высоких домов по другую сторону площади. После минутной паузы быстро начались торги. Клерк ушел за тысячу пять крон, и, судя по улыбке, с которой он спускался с помоста, это была хорошая цена.

С меня сняли кандалы, и я медленно взошел по лестнице, чувствуя в животе отвратительную пустоту. Я надеялся, что воины стоят дешевле бухгалтеров, поскольку не хотел, чтобы из-за меня мессир оказался в таком долгу у чародейки.

Площадь подо мной была запружена народом, все лица жадно повернуты вверх. Я поискал глазами Меллиту и едва не запаниковал, не увидев ее. Сзади что-то тараторил аукционист, но я не вслушивался, а отчаянно ждал, когда же начнутся торги, — может, тогда я увижу Меллиту.

Первое предложение исходило от рослого мужчины в темно-коричневом. С перепугу мне показалось, что это Найл, но, посмотрев второй раз, я понял, что ошибся. Однако они были чем-то похожи, и я решил, что верзилы, стоящие за ним, — наемные мечи. Насколько сильно этот тип желал добавить меня к своей конюшне? За пятьдесят крон — вроде бы не очень сильно.

Облегчение затопило меня, когда над головами толпы раздался ясный голос Меллиты. Ее было почти не видно за кучкой хихикающих девиц, которые пришли сюда только затем, чтобы строить глазки полубогаженным мужчинам. Ее сто пятьдесят крон прозвучали как честное начальное предложение.

Но моя эйфория длилась недолго. Предложение Меллиты быстро перекрыла тучная матрона с ястребиным носом и по крайней мере двумя сотнями лишних крон, а за ней — толстяк в голубом бархате, его рука лежала на плече разукрашенного юноши в розовых шелках.

Из задних рядов толпы предложили триста крон, и я весь похолодел, увидев руку в черной перчатке, воздетую над соломенной макушкой. Я лихорадочно поглядел на Меллиту, не смея сделать ей знак, чтобы не выдать ее эльетиммам. Прищурясь, я понял, что этот Ледяной островитянин не из отряда в мундирах, а более старый человек, одетый в простом каладрийском стиле. Однако на его шее блестела золотая цепь колдуна, и от страха я задышал быстрее, а темп торгов возрастал и вскоре перевалил за пятьсот крон. Это значит, что по возвращении домой мне придется все свои сбережения предложить мессиму, хотя бы ради чести.

По неведомой мне причине матрона жаждала заполучить меня, но отпала первой на шестистах кронах, уступив надушенному платку, чей интерес ко мне было слишком легко понять.

Я свирепо уставился в его сторону, пытаясь выглядеть как можно непривлекательнее, и, к моей огромной радости, он сдался на шести с половиной сотнях, а на лице его молодого спутника проступило явное облегчение. Хозяин мечей продолжал невозмутимо поднимать цену, суммы неуклонно росли, и я тревожно посмотрел на Меллиту. С такого расстояния было трудно судить о выражении ее лица, но голос чародейки оставался ровным, когда она парировала каждое предложение. Худошавый мужчина наклонился и что-то прошептал ей на ухо. Меллита кивнула и начала прибавлять по 25 крон, что быстро заставило мастера меча отступить. Он сдался на восьми сотнях, от негодования качая головой. Мое сердце глухо забилося в груди, когда я понял, что мужчина рядом с Меллитой — это Шив; его черные волосы были умашены и завиты, туника секретаря развевалась вокруг коленей.

Но эльетимм по-прежнему оставался в игре. Аукционист продолжал принимать предложения от него и Меллиты, и я в бессильной муке сжал кулаки. Неожиданный переполох в задних рядах прервал торги, и я шепотом выругался: зашевелившийся люд скрыл от меня эльетимма, а потом и Меллиту. Я только увидел, что Шив быстро зашагал через площадь и исчез за домами.

— Две тысячи крон!

Голос с резким акцентом прогремел над рыночной площадью, утихомирив толпу. Большинство повернули головы, чтобы поглядеть на того, кто сделал такое вопиюще расточительное предложение, остальные во все глаза глядели на аукциониста.

Прежде чем кто-либо успел опомниться, этот мерзавец ударил молотком.

— Продано.

Рынок взорвался в безумии предположений и изумленных возгласов. В создавшейся суматохе Меллиты нигде не было видно, и, борясь с тащившими меня стражниками, я отчаянно пытался разглядеть в толпе ее изящную фигуру.

— Шевелись!

От удара по икрам я растянулся на ступеньках, но все же изловчился и встал на ноги.

— Нет, послушайте... — Закованными руками я толкнул стражника в грудь, кипя от бешенства.

Свистнувшая в воздухе плеть обвила меня и привязала руки к бокам. Грудь обожгло словно огнем. Я задохнулся от боли и сложился пополам, а два дюжих молодца ухватили меня под мышки и поволокли за помост.

— Вот он, купленный и оплаченный.

Я поднял голову: скучный релшазец ставил печать на убористо исписанный пергамент. Он потянулся через стол

и сорвал ярлык с моей шеи. Вербка оставила жгучую полосу под рваным воротником, но, не замечая боли, я с разинутым ртом уставился на женщину, сжимавшую квитанцию о моей продаже.

Она была хрупкого сложения, с кожей медного цвета и густыми черными волосами необычно синего оттенка, уложенными вкрут головы. Накидка из тончайшего шелка покрывала ее плечи, открывая спереди изумрудное шелковое платье с глубоким вырезом, облежавшее ее полные груди и узкие бедра, и все это подчеркивалось золотыми и серебряными цепочками, усыпанными драгоценными камнями. С виду она казалась ровесницей Ливак, но трудно было сказать это наверняка из-за ярких красок на заостренном лице, светящемся озорством.

Рослый мужчина, по возрасту годящийся мне в отцы, стоял рядом с ней, морща крючковатый нос, и задумчиво изучал меня своими острыми глазами, спрятанными под густыми черными бровями. Он носил ниспадающую складками шелковую тунику ярко-зеленого цвета, подпоясанную черным кушаком, и черные шаровары с завязками на лодыжках. Кожа у него была значительно темнее, чем у женщины, длинные седеющие волосы и борода блестели, намаженные ароматическим маслом, бесценные камни сверкали в его серьгах, на пальцах и запястьях. Позади этой пары стоял худощавый воин в отличной кольчуге, засунув руки за украшенный драгоценными камнями пояс с двумя мечами и множеством кинжалов. Он взирал на меня с выражением глубочайшей скуки.

Кроме понимания того, что в дальнейшем сопротивлении нет ровно никакого смысла, в моей голове не нашлось ни одной разумной мысли. Меня купил алдабрешский воевода. Никчемная магия Вилтрета не показывала нам ничего подобного, не так ли?

Человек в кольчуге жестом велел мне встать рядом. Я тупо подчинился, и алдабрешцы, довольные, пошли с аукциона. Женщина повисла на руке воеводы, очевидно, благодаря его, и даже смеялась от удовольствия, что меня всерьез обеспокоило. Утешало лишь то, что прохожие, замороженные богатством, сверкающим на этой экзотической паре, не успевали уделить время обыденному рабу в цепях, ковыляющему сзади.

Мы остановились у пешеходного мостика, и я тотчас оглянулся, надеясь увидеть Меллиту и Шива. Человек с мечами зарычал, и я свирепо уставился на него. Но когда он взялся за кинжал, я опустил глаза. Если он хочет быть петухом на этой навозной куче, — пусть. Я не собираюсь бросать ему вызов, пока в моей руке не окажется клинка. Вот когда у меня будет меч, тогда и посмотрим, так ли хороши алдабрешские войны, как утверждают.

Мы свернули в проход между двумя высоченными складами и оказались на причалах перед открытым заливом. Это

были совсем не те грязные причалы, что принимают торговцев из Каладрии и Лескара; здесь царила чистота, мальчишки стояли наготове с метлами, а светлые камни сияли на солнце. Высокие здания с личными покоем под самой крышей надменно взирали на деловую суету внизу, нагруженные ручные тележки и носильщиков, таскающих рулоны шелка, тюки полотна, бочки с вином, тщательно охраняемые шкатулки, окованные железом, и большие сундуки, к которым относились с меньшим вниманием.

Здесь массивные волнорезы уходили далеко в глубокие воды Залива, а приливы и шторма казались не более чем временным неудобством, ибо широкие руки гавани укрывали порт от открытого моря. Огромные галеры мягко покачивались у молов, их вместительные трюмы готовы были принять всю роскошь, что предлагал Релшаз в обмен на алдабрешские драгоценные камни. Строгие мужчины в струящихся шелках стояли, оживленно беседуя, дорогие украшения на их поясах и запястьях горели на солнце. Женщины с раскрашенными лицами, в соблазнительных платьях щебетали и смеялись, а подле них бесстрастно возвышались воины в сияющих кольчугах, до зубов увешанные оружием, которого хватило бы на пол-отряда наемников. Резкие голоса звучали со всех сторон, и я вдруг в изумлении понял, что не могу разобрать ни слова из этих разговоров.

Меня толкали со всех сторон, но народ мгновенно расступался перед моим новым владельцем и его дамой, низко склоняясь в поклонах и широко разводя руки. Воевода шествовал мимо, равнодушно-надменный, но женщина с улыбкой поворачивалась туда и сюда, небрежно разбрасывая серебро из висящей на поясе сумки. Мы направлялись к кораблю с высокими бортами, одному из немногих с тремя рядами весел и ярко-зеленым вымпелом на мачте, несущим абстрактный рисунок из широких черных штрихов. Воевода остановился, быстро заговорил с воином и затем проводил женщину по трапу.

Я поднял брови в немом вопросе. Мой спутник пожал плечами и пошел к другому трапу с легким замешательством в медных глазах. Я заколебался было, но, глянув по сторонам, понял, что бежать бесполезно, — два десятка алдабрешцев погнались бы за мной, как собаки за крысой. Покорно вздохнув, я поплелся следом за воином. Лицо мое было спокойно, но мысли носились в голове хаотичными кругами, как мышь, пойманная в ведро брезгливой служанкой. Дастеннин, помоги мне выбраться из этого!

Уже на палубе мой обвешанный клинками проводник указал на место между двумя тюками и, оборотясь ко мне спиной, отправился на корму. Он скрылся за дверью каюты, и я, с трудом веря в то, что остался без охраны, сделал пару быстрых шагов к сходням. Горсть темнокожих лиц немедленно повернулась

в мою сторону, матросы и носильщики прекратили работу и пожирали меня недружелюбными глазами. Прикидываясь безобидным, я возвратился на отведенное мне место — просто товар, который сам собою грузится, вот кем был теперь я.

Рябь побежала по организованной суете на причале. Я вытянул шею, отчаянно надеясь увидеть темную голову Шива или голубой плащ Меллиты. Но в расступившейся толпе показался отряд мужчин в черных мундирах, с соломенными головами, сиявшими будто маяки среди темных алдабрешских голов. Тяжело дыша, я стоял, беспомощный, и смотрел, как они подходят все ближе и ближе; золотой блеск на шее ведущего был единственным пятном в его одежде. Но вскоре у меня отлегло от сердца: эльетиммы миновали галеру. И тут же сердце мое стало выделять кульбиты, когда я увидел, что они остановились у дальнего причала и главарь подошел к стройной алдабрешке с рыжевато-каштановыми волосами и выразительными руками.

Внезапная тишина повисла над палубой. Я с опаской огляделся — не сотворил ли чего непопозаженного. Но никто не смотрел в мою сторону, все глаза были устремлены на воеводу; он стоял теперь на носу судна и разговаривал с черноволосой женщиной. Взяв у нее маленькую плетеную клетку из ивовой лозы, он выпустил белую морскую птицу. Все, кроме меня, затаили дыхание, когда птица взмыла в небо, покружила вокруг мачты и, плавно махая белыми крыльями с черной и голубой каймой, устремилась на юг.

Алдабрешцы радостно закричали. Палуба накренилась, и я с ужасом смотрел, как матросы бегут сбрасывать цепи, что удерживали галеру у причала. По чьему-то скоростистому крику весла с грохотом упали в подернутую рябью воду, и где-то под ногами, задавая темп, приглушенно забил барабан. Никто не обращал на меня внимания, и я бросился к борту, судорожно сжимая его руками: я заметил наконец долговязую фигуру Шива, оживленно спорящего с каким-то алдабрешцем в ярко-изумрудной тупике. Я в тревоге поискал глазами эльетимма. Тот шел по причалу впереди послушно марширующего отряда, направляясь к магу, который, ничего не ведая, все еще препирался с человеком воеводы.

— Шив! — завопил я.

Но разве способен был мой одинокий голос соперничать с плеском весел, скрипом шпангоутов и криками матросов? Осторожно выбираваясь из оживленной гавани, массивная галера повернулась, и еще один корабль заскользил мимо, заслоняя собою причал.

Я стоял, ругаясь от бессильной ярости, и лишь со второго раза почувствовал резкий хлопок по плечу. Я обернулся, и проклятие застыло на моих губах. Передо мной стоял человек с мечами, глядя на меня ничего не выражающим взглядом. Он отомкнул мои окovy, швырнул их презрительно в море и, повернувшись, по-манил за собой.

ГЛАВА 5

Письмо, найденное в Домовой книге Сидры, леди Метрил, датируемое годом правления императора Леорила Тупицы. Аттарская бухта, Каладрия.

Дорогая моя Сидра,

Ты даже не представляешь, какие у меня потрясающие новости! Херист вернулся из плавания, и он сделал это! Вот я тебе пишу, а в наших теплицах уже пышно растут целые ряды пряных кустиков. Ну это ли не чудо! Больше того, наш главный садовник уверен, что сможет растить их снаружи, когда они достаточно окрепнут. Херист не знает, как скоро эти кусты начнут плодоносить, но, когда это случится, мы начнем продавать всевозможные пряности и сможем разбогатеть. Я уверена, люди куда охотнее будут торговать с нами. В конце концов, мы будем счастливы брать законно отчеканенное золото и серебро и не утруждать себя бесконечными спорами по поводу обмена. Пока островные дикари не усвоят понятие денег, я не представляю себе, как они смогут конкурировать с нами, ведь у нас не будет и расходов на перевозку.

Херист привез удивительный запас историй о своих приключениях среди варваров. Он побывал на многих островах, и принимали его очень тепло; кажется, тамошние жители довольно наивны, почти по-детски в некоторых отношениях. Так как Мизаен в своей неизмеримой мудрости даровал их островам несметные сокровища в виде драгоценных камней, то на всех мужчинах и женщинах, даже самых низших сословий, можно увидеть превосходные самоцветы, и они обмениваются ими на манер детей, меняющихся игрушками на ярмарке в Солнцестояние. Херист привез мне жемчуг — когда ты его увидишь, ты просто умрешь от зависти, моя дорогая, — а отдал за него всего два старых меча да мешок гвоздей.

Все их правители — старики, разжиревшие от потакания своим прихотям и предающиеся всем наслаждениям жизни. Когда я надавила на него, Херист признался, что их аппетиты не ограничиваются едой и вином. Каждый держит при себе толпу женщин; они зовутся женами, но, судя по тому, что говорит Херист, их следовало бы назвать наложницами. Они одеваются в самом скандальном стиле, всегда при румянах и украшениях и не имеют другой цели в жизни, кроме как удовлетворять возжелания мужчин. Можно лишь предположить, что эти неверующие дикарки сами не сознают своего убожества. Херист уверяет, что не поддался искушению, хотя там принято предлагать гостям на выбор любую из этих шлюх.

Кажется, они не имеют никакого понятия о королевском сане или должном правлении. Каждый воевода просто командует островами, которые сумел захватить силой оружия. Они придают большое значение искусству владения мечом и луком, так как не знают других способов разрешения споров, кроме состязания в грубой силе. Поэтому Херисту пришлось быть очень осмотрительным, добывая семена пряных растений, так как его жизнь не стоила бы и пенни, если бы эти невежественные варвары что-то заподозрили в отношении его планов. Однако, как говорит Херист, бык опасен, лишь когда ты его разозлишь, а он вполне сумел перехитрить их тупые мозги.

Дорогая, ты непременно должна приехать и погостить у нас подольше. Мне не терпится показать тебе мои новые драгоценности и прочие вещи, что привез Херист, шелка и любопытные резные работы, которые, кланюсь, вгонят в краску даже самую свободную от предрассудков даму.

Трини, леди Арбел

Писано 11-го дня поствесны в нашем Дерретском Охотничьем Домике.

Галера Шек Кула, выходящая из Лескарского Залива, 33-е поствесны

Я покорно отправился за воином, который привел меня к каюте на корме галеры. Когда он открыл дверь и жестом велел мне войти, слабое сочувствие вспыхнуло в его глазах. Нагнув голову, я робко шагнул внутрь и старался выглядеть как можно безобиднее, что при моих синяках и грязных тюремных лохмотьях было совсем не трудно. Тем временем мой ум лихорадочно работал: что происходит сейчас на причале?

Женщина, виновная в моем нынешнем положении, сидела на груди ярких подушек со сложной вышивкой в руках и с пристрастием подбирала шелка. Она взглянула на меня, и я не

поверил выражению злобного веселья, промелькнувшему на ее остром лице. Она что-то крикнула слащаво-застывшим тоном, и женщина помоложе вбежала через вторую дверь. Как только она увидела меня, возбуждение на ее лице мгновенно превратилось в ужас.

Пока первая с безмятежным видом изучала замысловатый цветок, вторая обвела меня уничтожающим взглядом и закричала на первую. Я наблюдал с острой досадой, как вышивальщица холоднокровно отвечает на ее бурные тирады. Наконец ярость в сочетании с раненой гордостью сломили девушку. Она разрыдалась и бросилась вон из каюты.

Я застыл на месте, не понимая, что мне полагается делать, и вынужден был забыть на время о Шиве и эльетиммах, запретить эту проблему в дальний ящик ума. Остальным придется самим позаботиться о себе; в конце концов, они вместе, у них есть союзники в Релшазе, а главное, Ливак не дура. Мой первый долг теперь — выжить, пока не смогу вернуться на материк. Я здесь один и в немалой опасности.

Я посмотрел на женщину, но она сосредоточилась на вышивке, ее тщательно накрашенные губы слегка изгибались в улыбке, в миндалевидных глазах искрилось удовлетворение. Тайком следя за своей госпожой, воин указал мне на каюту, в которой скрылась плачущая девушка. С бесстрастной миной прошел я через сколоченную из планок дверь, которая все еще раскачивалась после того, как она в гневе покинула комнату.

Я оказался в просторной светлой каюте с выходом на маленькую личную палубу в задней части галеры. Девушка больше не рыдала, но лицо ее было мокрым от слез, стубивших всю ее косметику. Щеки ее покрылись стыдливым румянцем, губы сузились. Смущение боролось с яростью в ее огромных карих глазах. Девушка глубоко вдохнула. Я благоразумно устоял в стену и терпеливо ждал.

Через несколько мгновений она с загадочным вздохом пожала плечами, отбросила с лица длинный черный локон и села на подушки; ее элегантно-янтарное платье зацепилось за драгоценные браслеты на лодыжках. У нее были прелестные лодыжки и несообразно грубые ступни. В целом же она была лакомым кусочком, ростом мне до подбородка, с округлыми бедрами и пышной грудью, которую едва скрывало просторное шелковое платье без рукавов. Сердитая нахмуренность казалась неуместной на ее круглом лице, но я мог поверить, что она привыкла часто надувать свои полные губки. С отрывистым приказом девушка указала на пол и подтянула платье на гладкое коричневое плечо.

Видимо, алдабрешцы не доверяли стульям, поэтому я сел на пол и выдавил заискивающую улыбку.

— Прости, я не понимаю алдабрешского.

Девушка сдвинула брови, пытаясь говорить на релшазском. В немом извинении я пожал плечами. Вот еще новая проблема. В тех редких случаях, когда приходилось иметь дело с провинциальными крестьянами, не знающими тормалинского, мне хватало личных познаний в каладрийском или далазорском, дабы прибегнуть к ним, если припрет. Но я и представить не мог, что мне вдруг понадобится язык Архипелага. Я даже не знал никого, кто мог бы меня научить.

— Ты тормалинец? — нерешительно спросила девушка с сильным алдабрешским акцентом.

Я неуклюже поклонился, не зная, что еще делать.

— Меня зовут Райшед.

Она несколько раз повторила мое имя, разделяя слоги и окрашивая их алдабрешской интонацией.

— Раи Шед.

Значит, придется откликаться на это, пока я не найду выход отсюда.

Понимающе кивнув, девушка указала на себя.

— Я Ляо Шек, Четвертая жена Шек Кула и управляющая его ткачами.

Я снова поклонился — как можно ниже. Я в точности знаю этикет, необходимый при встрече сьера Дома, его наследников и дам, я знаю, как обращаться к лескарскому герцогу или энсейминскому лорду, но я не имел никакого понятия о правилах поведения между хозяином и рабом. Я всегда думал, что любые разговоры здесь совершаются на языке плетки, и не хотел вынуждать Ляо Шек прибегнуть к нему. Лучше выглядеть идиотом и скрести носом по половицам, так как избитому мне не удрать.

Воцарилось неловкое молчание, и я украдкой оглядел каюту. Деревянные стены были покрыты бледно-желтой краской и украшены искусной шелковой вышивкой. Пол отполирован, у дальней стены — низкая кровать с грудой стеганых шелковых одеял, а на ней, среди небрежно брошенных платьев, опасно близко к краю стоял поднос с косметикой.

— Ты воняешь, — поморщилась вдруг Ляо. — Вымойся, прежде чем приступишь к своим обязанностям.

— А какие у меня обязанности? — опасливо поинтересовался я.

Губы Ляо раздраженно сузились, она быстро вдохнула, раздувая изящные ноздри.

— Налей мне вина. — Она указала на графин на низком столике у открытой двери на палубу.

Я наполнил бокал и огляделся — нет ли где подноса. Ляо одоб- рительно кивнула, но лоб ее по-прежнему хмурился.

— Налей себе и сядь, — неожиданно приказала она.

Я так и сделал. Слабый вкус разбавленного напитка не произ- вел на меня никакого впечатления, а Ляо меж тем допила вино и сидела, вертя в руках пустой бокал на тонкой ножке. Яркий лак блестел на ее ногтях.

— Ты родом из восточных земель, верно?

— Да, из Зьютесселы, что в Южном Тормалине.

Ляо отмахнулась от этих подробностей.

— Житель материка, что ты знаешь о наших островах?

Не много. Знаю, что там около сотни кровожадных воевод и каждый правит одним главным островом, а также любым количе- ством меньших островов, насаждая свои законы железным кула- ком, кровью и ужасом. Я вспомнил разные жуткие истории, слы- шанные мною за годы, и твердо солгал:

— Ничего.

Ляо посмотрела на меня оценивающим взглядом.

— Понятно. Как давно ты стал рабом?

— Шек Кул — мой первый владелец. — Я едва не поперхнулся этими словами.

Женщина вновь насупилась и что-то сварливо пробормотала по-алдабрешски, но мне показалось, что гневается она не на меня.

— Не знаю, как Гар уломала Шек Кула купить тебя, но увере- на, она ждет, что ты окажешься плохим рабом. Поскольку и досто- инства, и недостатки личного раба отражаются на его хозяине, она надеется, что ты унизишь меня. Я не намерена этого допустить. Я и так доставила ей слишком много удовольствия своими слезами.

Девушка повела бокалом, и я поспешил снова наполнить его.

— Каковы, по-твоему, твои обязанности здесь?

Я перебрал в уме различные слухи, ходящие на материке, о личных рабах алдабрешских женщин и выбрал менее похотливые.

— Я должен защищать тебя от других мужчин и всячески обере- гать для твоего мужа?

На лице Ляо промелькнуло отвращение.

— Ваши женщины терпят, когда их стерегут, как кур в огороде. Ты не раб моего мужа, ты мой раб, понимаешь?

Я кивнул, ничего пока не понимая.

— Ты должен защищать меня, это верно, — продолжала Ляо, — но не ради моего мужа, а ради меня самой. Если я прикажу, ты будешь сражаться с кем угодно, даже с Шек Кулом. На островах ни один муж не властен над телом своей жены.

Если это правда, тут есть чему поражаться, саркасти- чески подумал я. Из всех известных мне законов лишь Тор-

мейлские отказывают мужчине в брачном ложе, и лишь тогда, когда жена приведет в суд трех независимых свидетелей, готовых поклясться, что видели, как он ее избивает. Однако я обуздал свое лицо до тупого почтения, слушая дальше скороговорку Ляо.

— Слушай меня внимательно. Ты должен учиться быстро, я не собираюсь повторять все по два раза. В Алдабреши жена имеет и положение, и обязанности. Мы управляем собственностью нашего мужа и рождаем ему детей, если хотим этого, в обмен на его защиту и благосклонность. Прибыльные жены делают честь мужчине, брак — это союз семей, а союзы означают власть в Архипелаге. Через своих жен Шек Кул заключил союзы с двумя своими соседями и двумя воеводами с центральных островов; он считается могущественным человеком. Его владения — на юге Архипелага.

Это значит, что мы едем еще южнее Мыса Ветров, и я с омерзением подумал о заведомо жарком и влажном климате Архипелага. Ляо говорила теперь медленно, дабы я усвоил каждое слово, и я покорно внимал. Чем больше я узнаю о тамошних порядках, тем скорее придумаю, как выбраться из этой передрыги. Я вдруг понял с неуместным приливом облегчения, что я здесь совсем один и не должен подчиняться магам или принимать в расчет чьи-то планы. Определенно мессир не сможет послать мне помощь, даже если Планиру взбредет на ум предупредить его о моем положении. Единственное, что связывало Дом Д'Олбриотов с Архипелагом, — это преследование случайных пиратов, которые рискуют пройти на восток сквозь суровые шторма с целью грабить корабли, курсирующие у побережья Залива.

— Первая жена Шек Кула торгует драгоценными камнями и управляет его домом. Ее зовут Каеска Шек, урожденная Каеска Данак. Вторая жена — Мали Шек, урожденная Мали Каазик, она надзирает за фермами на островах Шек Кула, ведет дела с надсмотрщиками и свободными островитянами, а также торгует продукцией. Третья жена — Гар Шек, урожденная Гар Гаска, с северо-запада; она развивает торговлю изящной вышивкой. Эта торговля дала ей видное положение, что хорошо отражается на Шек Куле, вот почему Гар Шек так часто добивается своего в последнее время.

Самодовольная улыбка озарила на миг лицо Ляо.

— Но это ненадолго. Мали беременна, и когда родится малыш, она станет Первой женой и поставит Гар на место. Я — Четвертая жена, до замужества — Ляо Сазак. Я родилась на западно-центральных островах и вышла за Шек Кула чуть больше года назад. Как самая младшая жена в настоящий момент, я руковожу ткачами хлопка, надзираю за их работой и торгую готовой тканью.

Не реже трех раз в году объезжаю все острова Шек Кула и

посещаю острова Каазика Рея. Кроме того, я принимаю агентов и посетителей из других владений. Во время таких визитов ты будешь заботиться обо всех моих нуждах и нуждах моих гостей. Это ясно?

— Вполне, моя госпожа.

Похоже, скабрзные рассказы об алдабрешских дамах, которые сидят взаперти в своих клетках словно декоративные птицы, удовлетворяя экзотические вожделения своих мужей, были малость неточны.

— На людях ты будешь беспрекословно подчиняться моим приказам. Ты не будешь спорить со мной и дерзить мне. Если чего-то не поймешь, жди, пока мы не останемся одни, и тогда спрашивай, но я не отвечу ни на какие вопросы при Шек Куле или Гар. Ты можешь выполнять приказы Мали, но не Гар или Каески. Они не имеют права заставлять тебя и знают это.

Я не мог себе представить, чтобы надменная Гар Шек легко стерпела неповиновение, но по хмурому виду Ляо было ясно, что это не подлежит обсуждению. Я также понял, что ее слова прекрасно слышны в соседней каюте и что Ляо говорит не только мне, но и Гар, как именно лежат руны.

— Я договорюсь, чтобы ты проводил как можно больше времени с Гривалом, который принадлежит Мали. Он расскажет тебе все, что ты должен знать об обязанностях личного раба. Сезарр — личный раб Гар. Он прекрасный воин и сможет потренировать тебя до приемлемого уровня. Постарайся воспользоваться этим временем и разузнать побольше о планах Гар. Тебе придется выучить алдабрешский, я не могу все время довольствоваться твоим варварским языком. Ты должен бегло говорить к концу сезона.

Это также не подлежало обсуждению, и я беспокожно подумал, сколь трудно мне придется. Все алдабрешцы, которых я слышал, звучали так, будто пытались плевать, жуя ногти.

Ляо утерла рукой лицо и покосилась на пятно румян.

— Принеси мне крем. — Она указала на богато инкрустированный сундук, стоявший в углу.

Я подошел, открыл его. Внутри оказался поднос с лоскутками ткани, среди которых прятались тонкая фарфоровая чашка лосьона, накрытая крышкой, и голубой флакон релшазского стекла с чем-то терпковато пахнущим. Ляо одобрительно кивнула, и я встал на колени, чувствуя себя совершенно лишним, в то время как она снимала косметику со своих губ, глаз и щек. Глядя на ее гладкое лицо, я с изумлением понял, что Ляо не больше семнадцати. Учитывая ее манеру держаться и ее уве-

ренность жены воеводы, я думал, что она старше по крайней мере лет на пять.

Стук в дверь прервал ее процедуры. По нетерпеливому жесту Ляо я поднялся с колен и впустил беременную женщину почти с меня ростом, в простом кремовом платье. Она прислонилась к косяку, улыбнулась Ляо и что-то спросила по-алдабрешски — ее низкий сильный голос смягчал резкость языка. Ляо засмеялась и драматическим жестом беспомощности указала на меня. Решено, я выучу этот язык, даже если стану напоминать блюющую собаку. Никакая девчонка почти вдвое младше меня не сможет насмехаться надо мной, чтобы я не понимал ее шуток.

Пока жены болтали, я рассматривал вошедшую. Это была высокая и, даже с учетом беременности, крупная женщина. В отличие от Ляо с ее длинными черными локонами, ниспадавшими по спине, волосы у этой дамы были короткие и росли странными тугими кудряшками, которые усеивали ее голову как зернышки перца. Ее кожа была самой темной из всех виденных мною доселе — нервирующее напоминание о том, какими разными бывают алдабрешцы. К моему облегчению, ее большие темно-карие глаза над широкими скулами светились добродушием, а в уголках глаз прятались морщинки смеха.

Рассмешив чем-то свою гостью, Ляо встала, ее лицо тоже озярлось улыбкой.

— Я побуду с Мали, — заявила она. — Прибери здесь, затем ступай и найди Сезарра. Мы договорим позже.

Шелестя надушенным шелком, Ляо покинула каюту, и я встал, потирая колени. Меня вовсе не радовала перспектива целыми днями ползать по полу, разве что на суше у алдабрешцев будет больше мебели. Я посмотрел на беспорядок, видимо, привычный для Ляо, и вспомнил мою мать, грозившую приучить Китрию к аккуратности ивовым прутom. Похоже, кое в чем все юные дамы одинаковы.

Я потянулся за скользким шелковым платьем и прикинул, куда бы его убрать. Но внезапно во мне что-то взбунтовалось. Мгновенно раскалившись от ярости, я был на грани искушения порвать эту непрочную вещьцу в клочья и посмотреть, как это понравится моему властному цветику. Мои пальцы стиснули нежную ткань, и вдруг я понял, что смеюсь над столь не свойственным мне неразумным гневом. В данный момент я определенно плыл по течению без всякой надежды на ветер, но я должен сохранять спокойствие, если хочу выгрести отсюда. «От присягнувшего — к служанке! Ну, Райшед, ты и преуспел!»

Ляо может сколько угодно называть меня рабом, но никто не заставит меня думать о себе как о рабе. Однако я вполне могу играть эту роль, так же как полсезона изображал при-

дурка, у которого ума не больше, чем у его навозных вил, чтобы распутать мошенничество в сараях для стрижки овец мессира. Я собрал брошенные платья, нашел отведенный для них сундук и, быстро наведя порядок в каюте, отправился на поиски человека, сопровождавшего меня к кораблю. Сезарр — так, кажется, его зовут.

Я отыскивал его на палубе. Он совещался о чем-то с бритоголовым и черноглазым богатырем. Оба были раздеты до пояса и лоснились от пота, и в каждой руке они держали по притупленному клинку. Кивнув друг другу, они продолжали бой, и я торопливо попятился с дороги. Все прочие рассказы, что я слышал об Архипелаге, могут оказаться ложными, но слава воинов, пожалуй, даже преуменьшена. Их мечи были на пядь короче тех, к которым я привык, но, используя их парами вместо кинжала или щита для другой руки, любой алдабрёшец компенсирует ранениями все, чего ему не хватает в достигаемости. Я беззвучно присвистнул, когда эти двое пошли друг на друга со шквалом ударов, звоном и лязганьем клинков, и прекратилось все это лишь в ту минуту, когда Сезарр получил мощный удар по плечу.

Увидев, как багровая полоска мгновенно потемнела до синяка, я невольно поморщился. Сезарр поймал мой взгляд и с грустной усмешкой потер плечо. Второй мужчина что-то сказал и, собрав учебные клинки, засунул их в парусиновый мешок. Должно быть, это и есть Гривал.

— Мы моемся, — сообщил Сезарр на ломаном тормалинском.

Я кивнул и последовал за ним к борту, где Гривал уже поднимал ведра морской воды. Оба раба разделись донага, равнодушные к посторонним взглядам, но матросы, занятые своими делами, не обращали на них никакого внимания. Я тоже разделся, с радостью сбрасывая вместе с лохмотьями все воспоминания о релшазской тюрьме. Я наслаждался пощипыванием чистой прозрачной воды и слегка вздрогнул, когда Гривал принялся тереть мочалкой мою спину, что напомнило о том, как мы с Айтеном оказывали друг другу такую услугу. Я закрыл глаза от внезапно нахлынувшего горя, еще более мучительного в моей нынешней неопределенности.

— На. — Сезарр вручил мне чашку разбавленного жидкого мыла, и я жадно оттер себя дочиستا.

Гривал что-то произнес и, порывшись в мешке, протянул мне горшочек мази. Я стал подозревать, что он вообще не говорит потормалински.

— Для кожи. — Взяв горшочек, Сезарр зачерпнул пальцем мазь и потер свой синяк.

Я начал долгую процедуру смазывания всех своих царапин и шишек. Мазь жгла, но пахла довольно приятно, и

простое осознание того, что я снова чистый и лечу свои раны, сотворило чудо с моим настроением.

Гривал что-то шепнул Сезарру, и оба засмеялись, глядя на меня. Проглотив возмущение, я улыбнулся. Мне нужны союзники, а значит, пора становиться своим для этих парней.

— Он говорит, ты похож на пса, который был у него когда-то, весь в коричневых и белых пятнах, — с широкой улыбкой объяснил Сезарр.

Я посмотрел на свои загорелые руки, бледные бедра и грудь. Выдавил улыбку, показывая, что понял шутку, и вдруг сообразил, что я самый светлокожий человек на корабле. Гривал был с головы до пят цвета старой кожи, и хотя руки Сезарра имели тот же оттенок, что и мои, это был их натуральный цвет, а не прикосновение солнца. Казалось странным выделяться таким образом: разъезжая по северу для мессира, я привык к тому, что люди чаще делают замечания насчет темноты моих волос и кожи. Под ногами качнулась палуба, напоминая мне о моем шатком положении.

Я изобразил скобление лезвием своих щек.

— Бритва?

Сезарр наморщил лоб и обратился к Гривалу. Тот испуганно вытаращил глаза.

— Нет. — Сезарр категорично покачал головой. — Теперь ты островитянин.

Я оглядел корабль — и правда, нигде не видно ни одного гладкого подбородка. Мысленно вздохнув, я улыбнулся и кивнул Сезарру. Мне не раз приходилось отращивать бороду, чтобы изменить внешность, и если вы спросите меня, то я вам честно скажу: сбривание этой проклятой штуки доставляет мало удовольствия. К сожалению, я не мог представить себе, чтобы моя так называемая госпожа позволила мне игнорировать здешнюю моду на волосатые лица.

Гривал дал мне чистую, хоть и поношенную рубашу, а Сезарр отыскал лишнюю пару штанов — и то, и другое из мягкого небеленого хлопка. Щупая незнакомую ткань, я не сдержал улыбку: там, дома, это была дорогая штука. Я огляделся в поисках какой-нибудь обуви.

— Сапоги? — с надеждой спросил я.

Сезарр покачал головой.

— Не на островах. Ноги сопреют.

Вот вам и объяснение загадки изысканных дам с огрубелыми ступнями.

Не глядя на меня, Гривал что-то пробормотал Сезарру.

— Он говорит, ты не урожденный раб, — перевел тот; нерешительность в его голосе боролась с любопытством.

— Нет. — Я дружески улыбнулся.

Возможно, один из этих мужчин располагает той решающей информацией, которая вытащит меня отсюда. И самая убедительная причина для дружбы с ними — это язык, который мне необходимо выучить.

— А что ты делал раньше?

Глаза Сезарра были вопрошающими, и я не винил его. Я бы тоже остерегался, если бы кто-то вдруг навязал преступника в мой караул.

— Я был присягнувшим великому господину, его воином.

Я был далеко не просто воином, но вряд ли сейчас уместно сбрасывать этим людям понятия клятвы и долга.

— Теперь ты служишь жене Шек Кула, нашего Великого Господина. — Сезарр расплылся в улыбке, явно ожидая, что я разделю его восторг.

Я кивнул и вспомнил алдабрешскую резьбу, которую видел в салоне госпожи Чаннис. Смотришь на нее с одной стороны — это дерево, посмотришь с другой — это лицо. Почему бы и мне не смотреть пока на рабство как на некую разновидность службы? Сделанного не воротишь, значит, надо думать о будущем.

Развить эту мысль мне не удалось. С громким восклицанием хлопнув себя по лбу, Гривал заспешил по палубе к куче свертков и бросил мне что-то длинное. Я машинально поймал, недоумевая, что бы это могло быть.

Я увидел свой меч и тупо уставился на блестящую зеленую кожу ножен.

— Хороший клинок, — с одобрением заметил Сезарр и выжидательно протянул руку.

Итак, покупатели на релшазских невольничьих рынках получают свой скот вместе с упряжью, с сарказмом подумал я. Ну-ну, до чего цивилизованно! Я отдал меч и, глядя, как Сезарр крутит над головой сверкающую сталь, молча порадовался, что не стал испытывать против него свою удачу.

Но все же хорошо, что этот клинок будет со мной как постоянное напоминание о моем истинном господине, о моем добровольном служении, о клятвах чести, означавших, что мессир тоже будет делать все возможное, дабы отыскать меня, лишь бы те проклятые чародеи дали ему знать, куда меня продали. Я бы предпочел сам выбраться из этой передраги, но утешало то, что и мои друзья не будут сидеть сложа руки.

Зазвенел колокол. Сезарр и Гривал торопливо убрали снаряжение, и я пошел за ними к камбузу. Оказалось, мы должны подавать дамам обед. Оба раба, а следом за ними и я нагужали подносы тарелками горячей бледно-желтой каши и всякими

мисками с мелко нарезанной снедью, политой разнообразными соусами. Судя по тому количеству, что взял с камбуза Гривал, женщина Мали ела по меньшей мере за шестерых. А Сезарр, казалось, думает, что у Гар слишком толстые ноги.

Вскоре я обнаружил свою ошибку, когда понял, что личный раб питается объедками со стола своей госпожи. О чем болтали женщины, я не ведал, но по их тону и выражению лиц можно было подумать, что все они — самые близкие подруги. Мрачно наблюдая за Ляо, я обнаружил, что ее округлости происходят от здорового аппетита, и мой желудок протестующе заворчал. Мы подали еще слабого вина и фруктов, и, наконец, Мали удалилась отдохнуть, Гар вернулась к своему вышиванию, и я с удивлением увидел, что Ляо уютно устроилась на подушках с письменным ларцом и грудой корреспонденции, убористо написанной на тонкой папирусной бумаге.

— Мы едим. — Сезарр кивнул на дверь, и я последовал за ним и Гривалом на палубу, к нашему, по-видимому, привычному месту.

Беззлобно смеясь, Гривал передал мне пару мисок со своего почти нетронутого подноса. Я благодарно улыбнулся и с опаской посмотрел на их содержимое. В одной лежало что-то подозрительно похожее на мелкие внутренности, а в другой — кучка увядших зеленых листьев. Я ткнул в них пальцем.

— Это турил, — пояснил Сезарр и протянул мне странного вида ложку, более плоскую, чем наши, и с двумя зубцами на конце ручки, напоминающими крошечные вилы. Глядя, как он изображает зачерпывание и накалывание еды, я понял, почему все порезано на такие маленькие кусочки.

— Никаких рук, очень плохо. — Он решительно покачал головой. — Не чисто, дурные привычки жителей материка.

Я вздохнул и подцепил ложкой горсть листьев. В какой-то ужасный миг я решил, что проглотил осу; при том, что я видел цветы в некоторых блюдах, это было единственное, чем я мог объяснить опалющую боль во рту.

— Горная трава. — Сезарр подал мне фруктовый сок. — Очень жгучая.

Со слезящимися глазами я запил ее соком и торопливо набил рот теплой кашей. Она была слегка зернистая, мелкие крупинки так и норовили прилипнуть к зубам и нёбу, но, несмотря на необычно кислый вкус, она была вполне съедобной.

Гривал предложил мне тарелочку с кусочками темного мяса в темно-красном соусе.

— Очень вкусно, — одобрительно кивнул Сезарр.

Выдавив слабую улыбку, я боязливо попробовал соус. Как ни странно, он оказался сладким, почти медовым, с легким привкусом ароматных пряностей. По крайней мере голод мне здесь не грозит, подумал я, жадно опустошая тарелку.

— А что стало с прежним рабом моей госпожи?

Сезарр со смиренным видом пожал плечами.

— Костная лихорадка, очень плохо.

Я посмотрел на тарелку. Голод мне, возможно, не грозит, но сколько других смертельных опасностей поджидает меня в Архипелаге?

Узкий пролив между двумя лесистыми островами в самом сердце далекого океана

Темар проснулся, не понимая, где он и что с ним, плотная чернота душила его со всех сторон. Судорожным рывком юноша сдернул с головы одеяло, заморгал, и мир вернулся к нему: качающийся огонек — фонарь часового, неспешно обходящего лагерь, вокруг — мирное посапывание спящих. Темар сел, опершись руками на холодную траву, и глубоко вдохнул. Ощущение, что он все еще на борту корабля, постепенно исчезало. Эсквайр посмотрел на незнакомые звезды: скоро ли наступит рассвет?

«Боюсь, как бы не слишком скоро», — мысленно улыбнулся он и свернулся калачиком, чтобы успеть отдохнуть перед еще одним днем, наполненным делами и заботами. Да, это точно не увеселительная прогулка, подумал он, незаметно погружаясь в сон.

В следующий раз его разбудили стук котелков и все более громкий шепот. Солнце поднималось над частым лесом, темневшим на длинной косе у дальнего конца пролива, и в лагере готовили завтрак. Тут и там на травянистой полосе, отделяющей воду от зарослей кустарника, горели костры и шипели сковородки. Темар потянул носом, вдыхая аппетитный аромат жарящихся лепешек, смешанный с сочными, зелеными запахами бухты.

— Доброе утро. — Вахил высунул голову из клубка одеял, его жесткие волосы торчали во все стороны, а на красной щеке отпечаталась толстая складка.

Д'Алсеннен зевнул и потянулся за сапогами. Проверил, не заполз ли в них кто за ночь, и только потом надел, морщась от зябкого прикосновения влажной кожи.

— Я пошел умываться, — сообщил он и направился к ручью, который вился в траве к галечному пляжу.

Холодная вода изгнала остатки сна, и юноша начал различать детали окружающего пейзажа. Он остановил взгляд

на Гуиналь. Она сидела возле шатра, заплетая косы, с розовым от омовения лицом; плечи ее прикрывала толстая шаль, наброшенная поверх накрахмаленной льняной рубахи.

— Ну, как себя чувствуешь после ночи на берегу? Лучше? — Стоя рядом, Темар закалывал волосы серебряной отцовской заколкой, потускневшей от соли.

Девушка слегка улыбнулась.

— Да, спасибо. Признаться, я не думала, что мне понадобится так много времени, чтобы сладить с морской болезнью.

— Ты не знаешь, мы долго простои́м здесь?

— Нам нужно запастись водой, любой свежей пищей, какую удастся найти, сделать небольшой ремонт. — Гуиналь состроила гримасу. — Я бы сказала, мы пробудем здесь ровно столько, чтобы я снова успела привыкнуть к суше, и еще горсть дней я проведу над тазом, когда мы снова поплывем, даруй Ларазион мне силы.

Темар улыбнулся, думая о том, насколько она привлекательнее, когда забывает о своем завидном самообладании.

— Завтракать идешь?

— Чуть погодя. — Девушка театрально содрогнулась и покачала головой. Перебросив косу через плечо, она потянулась за платьем, лежавшим на табурете. — Ты не мог бы зашнуровать меня? Эльсир еще не встала, а служанки заняты.

Тщательно скрывая удовольствие, эсквайр смотрел, как Гуиналь надела через голову скромное коричневое платье и оправила его на бедрах, прежде чем повернуться к нему спиной. Вдохнув запах мяты от ее белья, юноша туго стянул края шнуровки.

— Ты не знаешь, где мессир Ден Феллэммон? — Гуиналь преисполнилась деловитости, надев достоинство вместе с платьем.

— Сейчас поглядим. — Темар обвел глазами лагерь. — Там, возле бочек для воды.

Девушка встала на цыпочки и неуверенно сощурилась.

— Ах да, вижу.

С легким сожалением проводив ее взглядом, эсквайр пошел на поиски пищи. Он отмахнулся от арендатора, который направлялся в его сторону с недовольной миной и зажатыми в руке мехами для воды.

Увы, завтрак кончился слишком скоро, и, выскребая из миски остатки каши, Темар уселся за грубо сколоченный стол на козлах, где корабельный эконом ждал его со стопой грассбухов и восковых дощечек. Когда эсквайр запечатлел наконец новейший перечень оставшихся припасов, требуемой воды и всяких мелких повреждений на пяти кораблях, которые везли

арендаторов Д'Алсеннена к их новому дому, солнце уже стояло высоко над зеркальными водами пролива, выжигая из леса утренние туманы.

— Ты подготовил мне список?

Подняв голову, Темар увидел мессира Ден Феллэмиона, поддвигавшего табурет. На худых щеках командующего проглядывал румянец, глаза оживленно блестели. Грубая одежда моряка шла ему гораздо больше, нежели элегантное платье, которое он носил в Бьютесселе.

— Через час закончу. — Юноша одним махом сгреб в кучу нацарапанные записи и потянулся за чернильницей.

— Прекрасно. — Ден Феллэмион непринужденно кивнул. — После этого, если у тебя нет других дел, ты мог бы сходить пострелять дичи на ужин. И возьми с собой молодого Ден Ренниона.

Темар не смог сдержать удивленную улыбку, и мессир засмеялся.

— Думаю, вы оба заслужили небольшой отдых, и поскольку мы пробудем здесь еще горсть дней, все были бы рады свежему мясу.

— А сколько продлится вторая половина перехода?

— С попутными ветрами еще дней двадцать. — Ден Феллэмион встал. — Худшее позади.

Юноша кивнул, вспоминая отвратную погоду, которой пришлось довольствоваться их кораблям.

— Эти острова — истинное благословение Дастеннина, мессир, — нерешительно заметил он. — Но я не помню, чтобы вы упоминали о них до отплытия.

Ден Феллэмион усмехнулся.

— Нет, не упоминал. Предпочитаю, чтобы другие исследователи и дальше мою способность пересечь океан приписывали моему непревзойденному искусству мореплавания и особому расположению Дастеннина. Когда колония упрочится, мы устроим здесь постоянное поселение. Тогда уже можно будет открыть этот секрет.

— Мои комплименты вашей мудрости, мессир. — Темар изобразил церемонный поклон, и командующий захихикал.

— Благодарю за понимание, эсквайр, — ответил он таким же притворно церемонным тоном и пошел совещаться с капитаном одного из судов.

Д'Алсеннен с удвоенным рвением склонился над записями и закончил отчет быстрее, чем ожидал. Он посыпал документ песком и, убедившись, что чернила высохли, аккуратно сложил его, затем сунул за пазуху камзола и отправился на поиски Ден Феллэмиона. Командир вновь стоял у бочек, беседуя с Гуин-
наль и двумя капитанами.

— Спасибо, Темар. — Мессир взял протянутый пергамент. — Думаю, это все, что нам нужно. Гуиналь, почему бы тебе не отдохнуть до вечера? Ведь ты была так занята в последнее время. Воспользуйся этой остановкой, прежде чем мы снова сядем на корабль.

— Спасибо, дядя. — Гуиналь выглядела немного удивленной. — Я только позабочусь о той молочной корове.

— Тебе помочь? — поспешил осведомиться Темар.

— Помоги, если хочешь. — Девушка пошла к прочному загону в другом конце лагеря, где был надежно заперт драгоценный домашний скот экспедиции.

— Вот и вы, моя госпожа, — засуетился пастух, на его грубоватом лице проступило явное облегчение. — У нас уже все готово.

С нескрываемым любопытством Темар последовал за Гуиналь к загородкам из плетней, установленным поодаль от других животных. Там, внутри лежала пестрая корова с белой полосой вдоль спины: глаза остекленели, челюсть отвисла, бока тяжело вздымались. Одна ее передняя нога покоилась в грубом лубке из парусины и сломанной рей.

— Берись за веревки, парень. — Очевидно, пастух не узнал Темара и подтолкнул его к группе мужиков, ждущих с другой стороны крепкой рамы, связанной из свежих бревен.

— Готовы? — Слегка наморщив лоб, Гуиналь повернулась к корове и начала тихое заклинание, от которого волосы на затылке у Темара встали дыбом.

Корова закатила глаза, в горле у нее захрипело.

— Живей!

Помощники потянули за веревки, поднимая животное на раму, а пастух быстро перерезал вены по обеим сторонам шеи. Густая кровь хлынула в подставленный котел с уже насыпанным толочном, травами и сухим жиром.

Гуиналь вздохнула и отвернулась, как только мужчины с длинными ножами вошли в загон, чтобы разделить тушу, — ничто не должно было пропасть даром.

— Все хорошо? — с беспокойством спросил Темар, увидев грустное лицо девушки.

— О да. — Гуиналь потеряла глаза. — Просто я могла бы вылечить ей ногу, но не имела для этого времени. Надо было постоянно следить за курсом, течениями и ветрами. И не скажу, что мне нравилось удерживать это бедное животное без сознания, пока ее нельзя будет здесь зарезать.

— О-о!

Темар совершенно не знал, что тут следует говорить, но девушка, кажется, ничего не заметила. Эсквайр ста-

рался не выдать инстинктивное удовольствие при мысли о кровавой колбасе, к которой успел пристраститься, хоть это и крестьянская пища.

— Беда в том, что у нас просто не хватает людей, обученных Высшему Искусству, по крайней мере чуть больше самого элементарного уровня. — Гуиналь решительно покачала головой. — Это будет первое, что я исправлю, когда мы высадимся.

— Хорошо, — кивнул Темар.

Девушка прищурилась, искра юмора промелькнула на ее лице.

— Я рада, что мой план находит у вас одобрение, эсквайр.

Д'Алсеннен отвесил пышный поклон.

— Ваша мудрость, барышня, уступает только вашей красоте.

Гуиналь засмеялась. Немного веселее, чем хотелось бы Темару, но, во всяком случае, печаль исчезла из ее глаз.

— Чем думаешь заняться сегодня? — добродушно спросил он.

Девушка презрительно скривила губы.

— Вероятно, буду слушать жалобы Эльсир насчет действия морской воды на ее волосы и стенания по поводу того, как мало места для ее гардероба.

Темар прыснул.

— Это на нее похоже.

Гуиналь оценивающе посмотрела на него.

— Ты мог бы сводить ее на один из твоих кораблей, чтобы показать, как большинство людей проводят свое время в этом плавании?

— Зачем?

— Кажется, она возомнила себя ужасно храброй и страдающей дворянкой, которая вынуждена делить со мной каюту и прислугу. С мессиром и ее матерью на борту, а также их личными слугами нам живется куда лучше, чем вам. Но я никак не могу заставить Эльсир понять, что на других кораблях все теснятся как сельди в бочке, что многие в любую погоду остаются на палубе и что ей невероятно повезло: у нее есть место хотя бы для пары смен белья.

— Ладно. — Темар всегда питал слабость к Эльсир. — Меня ее манерность не обманет, я помню Эльсир с тех пор, когда она была еще беззубой приставалой в рваных нижних юбках и грязных башмачках.

Кроме того, наедине с Эльсир он всегда сможет украсть вкус меда с ее мягких, как лепестки, губ. Эта девушка знала каждое па в любовных танцах.

— Темар! — Радостный крик Вахила эхом отразился от крутых высот по обеим сторонам бухты.

Эскайр подавил легкое раздражение, увидев, как его друг вприпрыжку бежит по траве с луком в руке и охотничьей сумкой через плечо.

— Ден Феллэмион сказал, чтобы мы сходили посмотреть, какая дичь прячется в этих лесах. — Вахил хлопнул Темара по спине. — Такой приказ я всегда готов исполнить. Бери лук, человек, и пошли. Надо улизнуть отсюда, пока никто не придумал нам настоящую работу.

Д'Алсеннен стоял в нерешительности. Охота манила, но не хотелось упускать возможности побыть с Гуиналь.

— Можно мне с вами?

Вопрос девушки застал его врасплох.

— Прости?

— Мне хочется увидеть больше этих островов, и я неплохо стреляю из лука. — В ее глазах была мольба.

— Конечно, — решительно кивнул Темар. — Мы будем только рады.

— Я переоденусь. — Гуиналь побежала к своему шатру.

Вахил застонал.

— Я допускаю, что она — прелестный цветок, Темар, но ее еще рано срывать, не так ли? Теперь мы будем слоняться тут целый час, пока она решает, какое платье будет лучше выглядеть в зарослях.

— Это тебе не Эльсир, — покачал головой Д'Алсеннен. — Ставлю полмарки, что она вернется сюда раньше меня.

Не то чтобы Темар нарочно медлил, ища свой короткий лук и колчан, но юноша решил сменить сапоги, хоть они были довольно крепкие даже для таких косогоров. Во всяком случае, он был рад видеть Гуиналь, направлявшуюся к ждущему Вахилу почти в то же время, когда он заканчивал шнуровать отвороты своих охотничьих сапог. Девушка надела узкую, с разрезами юбку тускло-зеленого цвета и рыжевато-коричневую куртку. Ее сапоги с плоскими каблуками выглядели изрядно поношенными, на поясе висел длинный нож, а короткий лук она несла с привычной небрежностью.

— Здесь должна быть звериная тропа, что спускается к водопю, — сказал Вахил, шагая к чаще; к нему снова вернулось его обычное добродушие.

Темар и Гуиналь следовали за ним. Звуки лагеря скоро замерли вдали; охотников окружила плотная зелень влажного леса, где облака цеплялись за верхушки деревьев. Темар остановился и протянул девушке руку, когда они очутились на скользких от теплого тумана камнях.

— Ну разве это не здорово — уйти от всех дел! — с удовольствием заметил он. — Никто не просит тебя разобрать десятую ссору из-за места для багажа и не ждет, что у тебя есть ответы на все вопросы — от тоски по дому до коллик у младенцев.

— Вот чем ты занимаешься, да? — Вахилу было явно смешно.

— Ага, и утешаю кухарку, которая задумывала что-то с яйцами, но куры перестали нестись, и убеждаю людей, что им хватит водного пайка, если не тратить его на стирку, и разбираю по горсти мелких споров в день.

Они с Гуиналь многозначительно переглянулись.

— А я оставил эти дела своему отцу, — засмеялся Вахил. — Моя главная беда — скука.

В глазах девушки мелькнуло слабое раздражение. Темару было приятно это видеть, но он счел своим долгом поддержать друга.

— Я жду не дожусь, когда мы наконец высадимся и начнем устраивать колонию. Тогда у тебя будет полно работы, Вахил.

— Это точно, — застонал Ден Реннион от притворного страха. — Глядите, вот и тропа через тот откос. Будем надеяться, что шум лагеря не распугал там все зверье.

— Тебе лучше идти в середке, — заметил Темар, пропуская Гуиналь вперед. — Вряд ли на таких островах водятся крупные хищники, но осторожность не повредит.

— Спасибо, эсквайр, — серьезно поблагодарила девушка, протискиваясь сквозь кусты за Вахилом, который показывал, как бесшумно он умеет двигаться, когда захочет.

Темар шел последним, его рубаха вскоре намочила от пота и влаги на листьях. Одолев откос, они начали осторожный спуск в мелкую долину, заросшую странными растениями с глянцевыми листьями всех оттенков зелени и пряно пахнущими цветами.

— Впереди поляна, — прошептал Вахил девушке, а она передала его слова назад, Темару.

Едва сдержавшись, чтобы не смахнуть липкий завиток с ее влажного лба, эсквайр счастливо улыбнулся в ответ на улыбку Гуиналь, полную откровенного наслаждения.

— Там! — Выхватив из колчана стрелу, девушка присела на корточки и натянула тетиву.

Молодые люди проследили за ее взглядом: россыпь пушистых созданий мирно паслась в высокой траве в центре поляны. Юноши крадучись разошлись, чтобы занять свои позиции. Темар взглянул на Гуиналь и, как только девушка кивнула, пустил стрелу. Вторая его стрела также нашла свою цель, но остальные животные скрылись в лесу, и только дрожащие листья выдавали их паническое бегство. Охотники встали и отправились на поляну смотреть, что за добыча им досталась.

— Кто они такие, как вы думаете? — Вахил озадаченно покачал головой, умело вытаскивая свою стрелу из умирающего существа.

Темар открыл ножом пасть своей жертвы с большой осторожностью — на тот случай, если она еще жива.

— Судя по зубам, они питаются травой и фруктами, а значит, мясо у них должно быть вкусное.

— Небольшие, а какие тяжелые, да? — Гуиналь оттянула назад широкую тупоносую голову, чтобы перерезать горло животному, которого вторая стрела Д'Алсеннена только ранила. — Похожи на зайцев, что пытаются стать оленями.

Темар засмеялся.

— Это ты здорово сказала.

— Давайте выпотрошим их в другом месте, — предложил Вахил. — Если не оставим здесь слишком много крови, то завтра снова сможем прийти сюда и подкараулить остальных.

Пять упитанных зверей на троих — нелегкая ноша, и Темар был рад сбросить с плеч свою пару. Гуиналь села на россыпь камней чуть выше ручья, бегущего по долине.

— Я нарублю жердей.

Вахил направился к зарослям упругой молодой поросли, а Темар начал потрошить животных, приятно удивленный тем, что Гуиналь делала то же самое, пусть не очень споро, но довольно ловко. Они работали в дружеском молчании, пока вся добыча не была выпотрошена, а внутренности закопаны, чтобы не привлекать мух. Вахил откупорил винные мехи, предусмотрительно захваченные им перед уходом из лагеря. Кашляя от запаха крови, набившегося в ноздри, Темар сорвал несколько лиловатых веточек ползучего тимьяна. Одну он вручил Гуиналь; она приняла ее со спокойной улыбкой, и легкий поцелуй румянца окрасил ее щеки.

— А знаете, Ден Феллэмион намерен создать на этих островах постоянную якорную стоянку, когда колония укрепитя, — заметил Темар, лениво поглядывая вокруг, чтобы не глазеть слишком явно на девушку.

— А что, место для жизни неплохое, — заметил Вахил. — Мягкий климат, обилие леса, зверья для охоты и места для ферм.

— Ты будешь не первым, если поселишься здесь, — неожиданно молвила Гуиналь.

— Нет, тут никто не обитает. — Вахил покачал головой. — Ден Феллэмион сказал мне. Они проверили все пять островов, когда впервые на них наткнулись, и с тех пор не раз возвращались сюда. И никогда не видели здесь человеческих следов. Он бы не позволил нам уйти из лагеря, если б не был уверен.

— Да, я знаю. — В голосе девушки проскользнуло раздражение. — Я сама все проверила с помощью Высшего Искусства и потратила на это больше половины вчерашнего дня. Я только говорю, что когда-то тут жили люди.

Вахил собирался заспорить, но Темар взмахом руки велел ему замолчать.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри вокруг. — Встав с валуна, Гуиналь обвела руками окрестность. — Здесь стояли хижины. Видишь следы от очагов?

Темар поискал глазами, но так и не узрел этих следов.

— Вот.

Гуиналь стала обходить пространство, и внезапно эсквайр увидел почти невидимое углубление в грубом дерне, в центре которого рос куст жгучей крапивы.

— Да, вижу. — Он с уважением посмотрел на девушку. — У тебя зоркий глаз!

Улыбнувшись, Гуиналь протестующе покачала головой.

— Нет, я догадалась вот по этому.

Она бросила юноше глиняный черепок. Темар повертел его в руках: сработанный из песчаной глины, грубый, черный с одной стороны от копоти, он все еще хранил следы пальцев своего изготовителя.

— Люди здесь вели почти первобытный образ жизни. Они охотились в лесах, собирали фрукты в сезон и тому подобное, но не являлись фермерами в нашем нынешнем представлении. Однако у них была музыка, дудки и барабаны, были сказители. Так что речь не идет о стопроцентных дикарях.

— Кусок разбитого горшка не может столько всего рассказать. — Из вежливости Вахил пытался скрыть скептицизм, но тон у него вышел покровительственным.

— Высшее Искусство может. — Девушка долго вертела в руках еще один черепок, и глаза её стали какими-то далекими. — Я как бы улавливаю отзвуки от подобных вещей. Однако это было очень давно.

— Что с ними случилось? — поинтересовался Темар.

— Я не могу разобрать. — Гуиналь задумалась. — Когда разбился горшок, там было пламя, и горе тоже.

— Должно быть, какая-то женщина уронила его в огонь и погубила обед, — засмеялся Вахил. — Или швырнула им в мужа и промахнулась!

— Нет, дело не в этом... — Девушка выглядела уязвленной, но Вахил, допивая вино, ничего не заметил.

— И что ты можешь узнать, глядя на такие изделия? — Темар забрал у нее второй кусочек выветренной посуды и безуспешно пытался сложить их вместе.

— Это зависит от многих факторов: от того, насколько оно старое, насколько оно ценилось его владельцем, от силы вовлеченных эмоций. — Тон ее стал немного наставительным. — Конечно, с помощью Высшего Искусства можно намеренно вселить воспоминания в какой-нибудь предмет, видения, которые адепт может восстановить.

— Сэдриновы потроха! — не подумав, брякнул Темар, мысленно прикидывая, как это можно использовать.

Но Гуиналь презрела его вульгарность.

— Этого трудно добиться, и в прошлом этим нередко злоупотребляли. На некоторых людей вселенные воспоминания оказывают весьма неожиданное действие, — вздохнула она. — Боюсь, не все мастера Высшего Искусства были так щепетильны в применении своих талантов.

— Надо думать! — с неуместным весельем хохотнул Вахил и потянулся за шестом. — Пора идти, а то наше мясо не поспеет к ужину. Пусть мы не успеем как следует повесить его, но если оно протухнет, вряд ли кто-нибудь поблагодарит нас.

Гуиналь держалась ближе к Темару. Они спускались по узкой звериной тропе на берег, но из-за тяжело нагруженного шеста эскавайру было не до разговоров.

— Мне бы хотелось больше узнать о Высшем Искусстве, — отдуваясь, сказал юноша, когда они вернулись в лагерь и отдали свою ношу. — Ты не могла бы рассказать подробнее?

— Могла бы, если ты серьезно интересуешься. — Лицо Гуиналь выражало добродушный скептицизм.

— Еще как серьезно! Я думаю, Высшее Искусство представляет ценность для колонии.

Темар и сам удивился, поняв, что действительно в это верит. Не то чтобы его не посещала мысль побыть наедине с Гуиналь, но если он намерен принять на себя ответственность за целую толпу клиентов, ему понадобятся все ресурсы, которые он сможет найти.

— Странно, что ты не прошел хотя бы элементарного обучения, — заметила девушка, и ее взгляд чуть смягчился.

Темар пожал плечами.

— Наша семья жестоко пострадала от оспы, — просто ответил он. — После этого мой дед утратил всякую веру в целителей и прислужников.

— Прости. — Гуиналь сочувственно коснулась его руки.

Д'Алсеннен хлопнул в ладоши.

— Слушай, я весь провонял от крови и грязи. Хочу помыться перед ужином. Увидимся позже.

ГЛАВА 6

Письмо, которое было найдено среди вещей, спасенных с алдаб-решской галеры, потерпевшей кораблекрушение в Пеорлском Заливе в 278 году Свободы города Кола.

Сегало Риа приветствует дорогую Имир Сазак рукой своего личного раба Кату.

Нам всем любопытно узнать о твоём путешествии в Кол, и мы сердечно приглашаем тебя навестить нас по возвращении. Если тамошние чужеземцы не занимаются грабежами, как паразиты с грязных низин Релшаза, риск столь опасного плавания будет оправдан. Не меньше заботит нас и то, что тебе не доводилось иметь дел с жителями материка, прежде чем горестная кончина уважаемой Иру Сазак не возвысила тебя до чести быть Первой женой. Позволь же поделиться с тобой некоторым опытом, накопленным нами за последние годы.

Уже стало привычным проклинать жителей материка за воровство. Дело здесь не только в том, что они периодически крадут пряные растения и бессовестно отказываются от торговли людьми подветренных побережий. Вот увидишь, все будут обращаться к тебе с просьбой разрешить посещение ваших владений, и, если ты согласишься, они то и дело будут выспрашивать о владельце каждого предмета в вашем доме. Хотя такой вопрос кажется бессмысленным для человека честного, отвечай, что все это — личная собственность Сазака Дега, иначе твои гости с материка украдут все, что только не приколочено.

По прибытии в Кол убедись, что хорошо видны твои триремы — веское доказательство мощи Сазака Дега. Пусть у тамошнего народа не останется никаких сомнений, что любые попытки вторжения в ваше владение кончатся гибелью их кораблей, — ина-

че их неуклюжие суда будут шнырять вокруг ваших земель, красть ваши семена и рабов и вмешиваться в вашу торговлю.

Обмен, с их точки зрения, не согласуется с такими понятиями, как честь и красота. Все, что они хотят, — это назначить каждому предмету свое число металлических бляшек и затем обменять его на как можно меньшее их число. Заключив обмен, не преподноси им в знак вежливости дополнительно превосходный драгоценный камень, как сделала бы с островитянином. Жители материка не понимают сего, для них это лишь повод вымогать у тебя еще и еще драгоценные камни. Также не давай им никаких значительных или достойных внимания камней. Они режут на куски и гранят все, что попадет в их руки, ибо не умеют ценить природную форму камня.

Будь крайне осторожна в отношении качества золота и серебра, которые они тебе предлагают. Во многих слитках велика примесь простых металлов, но ты должна понять: это настолько обычное дело, что даже не считается позором, как было бы среди цивилизованных людей. Лучшие металлы стоит сохранить для твоих ювелиров, но остальное годится только для балласта. Все, что ты можешь сделать, это использовать их, дабы упростить торговлю рабами, — так по крайней мере сбудешь их с рук.

Прикажи, чтобы Денил все время находился с тобой и хранил свои клинки острыми. Жители материка держат своих женщин на привязи и чуть ли не в намордниках и считают себя вправе оскорбить вообще любую женщину. Мы бы не советовали тебе искать развлечений с каким бы то ни было жителем материка; они просто не умеют вести себя. Их пристрастие к наркотикам и спирту подавляет чувство элементарного приличия.

Но как бы то ни было, мы с огромным нетерпением ждем вестей о твоём путешествии и желаем тебе всяческих успехов.

Дворец Шек Кула, Алдабрешский Архипелаг, 5-е предлета

Я стоял, неловко прислонясь к стене, и чувствовал, как пот стекает меж лопаток. Хотя я старался не двигаться, должно быть, чем-то выдавал свое смущение, потому заслужил недовольный взгляд Ляо. Чтобы как-то отвлечься, я уставился на фонтанчик, струящийся в широком керамическом бассейне посреди беломраморного пола. Где-то зажужжало насекомое, и я попытался его разглядеть, не желая, чтобы оно пополнило мою и без того впечатляющую коллекцию зудящих укусов.

— Прости, моя госпожа, но эта нить такая неровная. Она застревает на станке или рвется, и мне очень стыдно за качество ткани.

Ткач, беловолосый тощий старик в чисто выстиранной набедренной повязке, униженно стоял на коленях перед юной женщиной, годившейся ему во внучки.

Счастливчик, подумал я; мои плечи нещадно болели после целого дня в кольчуге, хотя я ничего особенного не делал, а только стоял с воинственным видом, устрашая работников Ляо. Но по крайней мере я стоял прямо.

— Я понимаю твои трудности, и наказания не будет, — прервала Ляо жалобы старика.

Мы весь день слушали одно и то же в разных вариантах. Я уже заходя знал, что скажет этот старец Ляо.

Ее живая, деятельная манера все еще поражала меня несоответствием ее облику: Ляо сидела здесь же в тонком как паутинка шелковом платье, которое мало что из ее чар оставляло воображению. Яркие краски почти скрывали ее лицо, и драгоценностей на ней было больше, чем у всего Дома Д'Олбриотов на свадьбе сьера.

Отвлечшись от их разговора, я посмотрел в открытое окно. Ухоженные сады окружали центральную часть дворца, за ними пригнулись жилища рабов. Дальше возвышались черные стены, патрулируемые днем и ночью бдительными часовыми с короткими, дважды изогнутыми луками. Я посмотрел на лениво колышущийся зеленый вымпел, водруженный на башне над главными воротами, и на виднеющиеся вдаль темно-зеленые холмы соседнего острова, подернутые туманом во влажной жаре. Перспектива шагнута одному за ворота была столь же эфемерна, как возможность шагнуть сквозь радугу, чтобы встретиться с элдрическим человечком.

Над коническими пиками дальних островов громоздились темные тучи. Может, все-таки придут дожди, которые Ляо обещает вот уже несколько дней... Станет ли хоть немного прохладнее? Я постоянно был залит потом. Пока дул ветерок, это еще было терпимо, если, конечно, я не надевал эту треклятую кольчугу. В те дни, когда я ее носил или когда воздух висел тяжелый и неподвижный, мне казалось, будто хожу, завернутый в теплое мокрое одеяло, и не раз я ловил себя на том, что мечтаю о свежих соленых ветрах, дующих с окёана в родных местах, дома.

Стук в дверь вернул меня к действительности. Я открыл — на пороге стояла Гар Шек. В ее золотистых глазах плясало удовольствие, а Сезарр, бесстрастный, как всегда, маячил у нее за спиной.

— Ляо, дорогая, у меня чудные новости, — сладко пропела Гар, скрывая под привычной улыбкой пакость, которую намеревалась сделать. — Хозяин голубей только что принес мне письмо от Каески. Она прибывает домой с вечерним приливом. Это так прекрасно! Она будет здесь во время родов!

Ляо подняла голову и безмятежно улыбнулась.

— Спасибо, что так быстро дала мне знать.

Она взглянула на сложное устройство из зубчатых металлических колес, служившее ей календарем. Старшую жену, Каеску, ждали обрядно не раньше чем через два дня.

Гар кивнула и посмотрела на ткача; он стоял, как полагается, на коленях, прижавшись лбом к полу, — очень трудная поза, должен сказать.

— Твои работники все еще мучаются с той пряжей, что ты обменяла у Тани Каазик? — с невинным участием спросила Гар, не упустив случая напомнить Ляо о ее промахе.

Та пожала плечами.

— Я должна была что-то сделать для бедной девочки. С таким количеством лишней пряжи она просто дошла до точки.

Может, и так, но самой юной жене Каазика все же хватило ума всучить Ляо самый некачественный хлопок. Я вспомнил ту встречу: жадность Ляо и ее безумное желание увеличить количество собственной продукции, дабы приумножить прибыли, одержали верх над здравым смыслом. Ляо не проверила пряжу, и мне здорово досталось на орехи, когда она обнаружила свою ошибку, — выместила на мне свою досаду.

— Уверена, ты найдешь выход из положения, — слащаво улыбнулась Гар.

— Да, мне есть кому предложить ткань, — заверила ее Ляо.

Ее уверенный тон определенно убедил бы меня, если б я не видел накануне, как Ляо носилась по комнатам, без конца твердя, что ей совершенно некуда деть эту ткань.

Не стирая улыбки со своего лица, Гар круто повернулась и легкой походкой пошла по коридору; Сезарр тихо позвякивал доспехами позади нее. Хотя Гар никогда не упускала случая уколоть Ляо, я сам недавно слышал, как она уверяла некоего знатного посетителя, будто Ляо знает, что делает, щедро помогая несчастной Тани Каазик выйти из затруднений, порожденных прискорбной неопытностью этой девочки. Я убедился, что в течение дня алдабрешская дама носит больше различных масок, чем актер в солурском маскараде.

— Вы все свободны! — Ляо кивнула ткачу и другим в коридоре, терпеливо ждущим своей очереди. Они безропотно разошлись, и я с презрением посмотрел им вслед.

— У тебя озадаченный вид. В чем дело? — спросила Ляо, когда мы поднимались по лестнице в ее покои на верхнем этаже дворца.

Мне следовало помнить, что Ляо обладает талантом замечать каждый оттенок тона или выражения и заткнет за пояс даже такого профессионального игрока, как Ливак, — несомненно, результат многолетней подготовки к сложной жизни жены воеводы.

— Твои рабы, ткачи... они очень послушны, — нерешительно сказал я.

Ляо досадливо щелкнула языком.

— Они не рабы, они — свободные островитяне. Пора тебе запомнить такие вещи. Раб — тот, кого купили с материка или обменяли из другого владения.

Лично я назвал бы рабом всякого, кто полностью зависит от воеводы и его жен, торгующих плодами его труда, дающих ему крышу над головой, разрешение жениться, растить детей и делать все прочее, кроме разве что сна и питья. Я покорно кивнул и прибавил это к постоянно растущему списку вещей, которые я должен помнить. Мы добрались до верхнего этажа, и я торопливо открыл дверь в спальню Ляо. Едва переступив порог, она уже снимала платье, затем бросила его небрежно на узорчатый деревянный пол. Я слишком часто видел ее нагой, чтобы смущаться, и просто направился к лестнице — послать одного из пажей за горячей водой.

Когда я вернулся с кувшином, из которого поднимался пар, Ляо снимала краски с лица в выложенной плитками ванной.

— Иди сюда, — приказала она. — Мне нужно поговорить с тобой.

Я вылил кипяток в широкий таз, и Ляо подождала, пока я добавлю холодной воды.

— Каеска — очень умная женщина, но ее власть кончится с рождением ребенка Мали. Поэтому она постарается навредить Мали или малышу.

Я без труда поверил в это. Несмотря на все их бесконечные учтивые танцы друг перед другом, я уже видел достаточно свидетельств алдабрецской жестокости. Ветерок, залетающий в открытые окна, все еще доносил остатки пепла из соседнего владения, где остров, пораженный какой-то чумой — из тех, что гуляют по Архипелагу, был сожжен дотла вместе со всеми домами, растениями, животными и жителями, чтобы остановить заразу.

Ляо нахмурилась, быстро намылила лицо.

— Ты должен все время быть начеку. Нынче вечером мы ужинаем всей семьей, и ты ничем не должен осрамить меня. Ты будешь говорить только по-алдабрецки и только когда к тебе обратятся. Ты не станешь привлекать к себе внимание, что бы ни услышал.

Мыльные пузыри слегка подпортили ее грозный вид, но, не желая вновь ощутить ее палку на своей спине, я подавил смех.

— Какое платье ты наденешь?

Я уже мог спросить это на сносном алдабрецском, а также произнести несколько других небесполезных фраз, но, похоже, нынешний вечер я проведу молча. Меня это не беспокоило. Может, я все еще с трудом говорю на этом языке, хоть он и оказался гораздо проще, чем я думал, зато понимаю все больше и больше — факт, который я тщательно скрывал от окружающих. Чего я

действительно хотел, так это подслушать нечто интересное, то, что проведет меня мимо стражников за ограду дворца и вниз, к гавани. Я все больше и больше убеждался, что ждать спасения от магов — пустая трата времени.

Ляо помолчала, энергично намыливая тело.

— Красное с золотым. Ты согласен?

Я призадумался.

— Лучше кремовое с золотым, особенно если Мали наденет желтое. У Гар есть то новое красное платье, помнишь?

Ляо кивнула.

— Да, это должно напомнить Каеске, что у Мали здесь имеется поддержка.

Запрокинув голову, она вылила на лицо чашу холодной воды и содрогнулась. Ее кожа соблазнительно заблестела, пока вода, закручиваясь, уходила в водосток в наклонном полу.

Я оставил Ляо одну и пошел за платьем, прихватив к нему усыпанные жемчугом украшения из желтого золота для лодыжек, запястий, шеи, талии и волос. Я стал без особого почтения относиться к богатству, которого хватило бы, чтобы скупить половину Зьютесселы. У Ляо стояли целые сундуки этого добра, и, вполне очевидно, она и понятия не имела, что там у нее есть. Я легко мог бы украсть кольцо, пару серег, возможно, тонкую цепочку — это полностью оплатило бы мой проезд через Старую Империю там, дома. Здесь они не провели бы меня даже за первые дворцовые ворота, так как никто, кроме знати, не принимал цены таких вещей. И это было бы даже смешно, если б не было так обидно. Драгоценности Ляо тоже представлялись мне какой-то странной смесью: одни были столь изящны, что их не постыдился бы сам император, другие поражали своей простотой: громадные драгоценные камни, отполированные в их природной форме, выглядели точь-в-точь как необычно окрашенная галька, а не как богатство, способное купить всех рабов в Релшазе.

— С волосами хватит, займись моим лицом, — велела Ляо, тщательно укладывая складки платья.

Я принес краски и поискал благоразумные цвета. Чему бы я ни рассчитывал научиться у алдабрешского воина вроде Сезарра, смешивание косметики туда не входило. Однако обязанности личного раба алдабрешской дамы оказались самым причудливым сочетанием обязанностей стражника, персонального одевальщика, шпиона и лакея. К счастью, прежде чем мы с отцом пришли к выводу, что работа каменщика — не для меня, я достаточно прослужил в учениках, дабы выработать хороший глаз и твердую руку. Могло быть и хуже: от индиго, которым Гар подкрашивает свои волосы, Сезарр постоянно ходит с синими ногтями.

Медные рога громко затрубили в гавани. От неожиданности я едва не уколол Ляо в щеку тяжелой серебряной кистью, и она прошипела что-то — наверняка ругательство.

— Это корабль Каески. Она, конечно же, рано. Шевелись! И умой свое лицо, я не хочу, чтобы ты выглядел чумазым!

Я еще не успел вытереться, а Ляо уже выходила за дверь. Я бросился следом, с тоской думая о том, когда же мне самому удастся вымыться и охладить натруженные плечи. Лучшее, что я пока мог сделать, это туже затянуть пояс на кольчуге, чтобы перенести как можно больше тяжести на бедра.

— Не думаю, что нам нужно спешить, моя дорогая.

Когда мы вышли из центральных дверей дворца, Шек Кул уже ждал на широкой лестнице из полированного черного камня. Его длинная борода лоснилась от масла, и весь он выглядел точь-в-точь как маскарадный варвар в своих просторных шароварах и тунике из белого шелка, щедро вышитого и усеянного драгоценными камнями. Еще больше перлов сверкало на пальцах и запястьях воеводы. Его зачесанные назад волосы тоже были умашены, заплетены и обвиты золотыми цепями — я впервые видел у него такую прическу. Опахало из радужных перьев на золотой ручке вносило завершающий штрих в его оригинальный облик.

— Мы подождем Мали, — улыбнулся он Ляо, нежно беря ее за руку.

— Конечно, — просияла та, и я спросил себя, придется ли мне этой ночью снова выносить свой набитый хлопком тюфяк в коридор, вместо того чтобы спать подобно сторожевому псу у изножья постели Ляо.

— Каеска, как всегда, рано! — Мали осторожно спустилась по лестнице, тяжело опираясь на руку Гривала.

Последние дни мы с Сезарром видели его все реже и реже. Мали вот-вот должна была родить, и Гривал вертелся вокруг нее, как старая сука вокруг своего щенка. Лично я начал задаваться вопросом насчет его нежности к ней, но свои подозрения держал при себе.

— Пойдемте поприветствуем нашу жену, — приказал Шек Кул.

Хрустя галькой, он зашагал по дорожке, вьющейся среди ярких душистых цветов, коими был наполнен сад. Ляо взяла Мали под руку, а Гривал пошел рядом со мной. Сзади грохнула дверь. Я хотел оглянуться, но Гривал сверкнул на меня глазами, и я устоял впереди, сохраняя бесстрастность, когда Гар пробежала мимо нас в суматохе алого шелка. Сезарр занял свое место справа от меня, и мы втроем замаршировали в ногу. Я с облегчением обнаружил, что за пределами дворца все носят легкие кожаные сандалии, но, хотя мои ноги понемногу грубели, я все еще чувствовал каждый камешек сквозь тонкие подошвы.

Как только мы подошли к воротам, я сумел обуздать лицо, но внутри меня все дрожало от ожидания. Мы прибыли ночью и отправились прямо во дворец, поэтому я не смог разглядеть гавань и получить хоть какое-то представление о наличии лодок и основательности их охраны.

То, что я увидел, не придало мне бодрости. Ухабистая дорога змеей спускалась к широкому изгибу бухты. По обеим ее сторонам толпились крохотные домишки. За широко открытыми ставнями были видны люди — они стирали, стряпали, ткали, пряли, короче, жили своей обычной жизнью, равнодушные к наблюдению со всех сторон. Почти у самой кромки воды стояло суровое квадратное здание из шероховатого серого камня. По крыше его ходили караульные, окна — не более чем щели для стрел, единственная двойная дверь — массивная преграда из дерева и железа. Скорее всего внутри оно имело пустое пространство, подобно многим дворцовым зданиям, построенным таким образом для защиты снаружи, — все помещения смотрят внутрь. Огромные двери из черного дерева были распахнуты, смиренные островитяне вносили грузы, выложенные на темный песок флотилией лодок, которые перевозили этот груз с галер, стоявших на якоре в центре бухты. Даже будь у меня возможность украсть один из этих яликов, я бы не рискнул выйти на нем, с его небольшой осадкой и треугольным береговым парусом, в открытое море. Я мысленно вздохнул. Удастся ли когда-нибудь найти реальный план побега?

Я посмотрел на корабли, которые привезли домой плоды долгой торговой поездки Каески Шек. Два из них были галерами вроде той, что привезла меня сюда: широкие в бимсе, с прямыми парусами для попутного ветра, они были гораздо массивнее галер, курсирующих вдоль побережья Лескарского Залива. Каждый гребец на банках имел собственное весло, а не одно на троих в тормалинском стиле, и я знал: алдабрешцы давно позаботились о том, чтобы никто больше не экспериментировал с этой техникой, топя любое судно больше чем с одним рядом весел. Так как все драгоценные камни находились в руках воевод, моряки с материка предпочитали уступать им в этом споре.

Третий корабль был совсем иной: узкий, с тремя рядами весел, расположенных друг над другом; вдоль бортов стояли вооруженные люди, а пенный гребень выдавал длинный таран, разрезающий волны сразу под ватерлинией. Это был военный корабль — одна из наиболее убедительных причин, почему галеры, которые ходят вдоль побережья от Кола до Релшаза и дальше, к Тормейлу, держатся близко к своим берегам и не рискуют заходить в Архипелаг без особого приглашения и флагов на мачте для его подтверждения. Два таких судна присоединились к нашей гале-

ре, как только мы оставили внешние якорные стоянки Релшаза. В нашем долгом продвижении на юг через острова я узнал, что Шек Кул имеет договоры с другими воеводами, по которым его суда могут каждый день приставать к определенным крошечным островам, чтобы взять еду и воду и дать отдых гребцам. На всех этих остановках мы видели в море такие же хищные формы. Держась на расстоянии, они следовали за нами по пятам, пока мы не оставляли воды конкретного владения. Я пришел к выводу, что Дастеннин и впрямь благоволит нам, южным тормалинцам, нагоняя яростные шторма, что ревут вокруг Мыса Ветров и не пускают алдабрешцев в наши воды. В данный момент внутри Архипелага преобладала атмосфера вооруженного доверия, и я искренне надеялся, что мир удержится, пока я не выберусь отсюда.

Маленькая лодка отделилась от борта военного корабля. Гребцы наклонялись к веслам, а на корме сидели трое. Женщина в алых шелках, развевающихся на ветру словно пламя, рядом с ней — мужчина, весь в торжественно черном, короткие белые волосы блестят на солнце. Он был не намного выше женщины, но широкий в плечах и груди. Я уже видел таких людей — в прошлом году и в гадании Вилтреда, где сердце Империи пожиралось пламенем. Я смотрел, как приближается лодка, и растущий страх душил мои инстинктивные отрицания. Эльетим! Я готов был поставить на это свое годовое жалованье.

— Каеска, любовь моя!

Шек Кул пошел на пляж помочь Каеске выйти из лодки. Волны плескались вокруг его лодыжек, но воевода словно не замечал этого.

— Мой уважаемый муж. — Они обнялись, и голос Каески был теплым от любви. — Мали, дорогая моя, тебе следовало подождать в саду, в теньке. Слишком жарко для тебя идти в такую даль столь близко к твоему благословенному часу.

— Я хотела приветствовать тебя, как подобает, ведь тебя так долго не было.

Мали с самым искренним видом поцеловала безупречную щеку Каески, а следом Ляо и Гар шагнули вперед, чтобы обнять ново-прибывшую.

После всех рассказов, что я слышал от Ляо о хитрой, коварной и мстительной натуре Каески, я ожидал чего-то более впечатляющего, нежели эта тонкокостная женщина с оленьими глазами, стройными лодыжками и изящной фигурой. Ее кожа и волосы были светлее, чем у других женщин, локоны, хитро уложенные вокруг головы, явно отливали рыжиной. Что касается ее возраста,

то я решил — она примерно моих лет.

— Какое восхитительное платье, Ляо, милая моя. — Чтобы лучше рассмотреть, Каеска слегка отстранила её. — И твое лицо... какой необычный стиль!

— У Ляо новый раб, — вмешалась Гар, сияя от удовольствия.

— О да, — с девичьим восторгом протянула Ляо, — Гар поступила так умно, выбрав мне жителя материка. Представляешь, он ничего не знал о наших обычаях, даже не умел говорить! Было так забавно всему его обучать!

Я стоял и смотрел прямо перед собой, старательно делая вид, будто их быстрый щебет выше моего разумения. Но я заметил мгновенный взгляд, которым обменялись Гар с Каеской: первая — ища одобрения, вторая — давая его с блеском удовлетворения в светлых глазах. Выходит, они что-то плели между собой — но что?

— Ты привезла нам гостя? — Шек Кул оценивающе разглядывал беловолосого.

— Это Кра Мизак. — Каеска, полуобернувшись, наградила своего спутника коротким кивком. — Он прибыл из далеких северных земель и желает изучить здесь возможности для торговли.

Я мысленно выговорил это имя: Крамизак — так оно звучало бы на цивилизованном языке, но нигде в Империи не было таких имен.

— Добро пожаловать в мои владения!

Шек Кул не поклонился, не протянул руки, но эльетим не встревожился — видно, хорошо знал, чего ожидать.

— Благодарю за гостеприимство. — Он наклонил голову в точно выверенном почтении. Лицо его было открытое и честное, поза — свободная, но маскирующая легкий испуг. Этот человек определенно был хорошо осведомлен: мне потребовался не один день, чтобы выработать правильные поклоны для различных уровней знати. Мои плечи все еще саднили под кольчугой при воспоминании о недовольстве Ляо, когда я смутил ее перед заехавшей в гости подругой.

Эльетим пробежал взглядом по нам с Сезарром и Гривалом. Мы стояли вдвоем как статуи на фасаде усыпальницы, все одинаковые в наших доспехах, с оружием и короткими бородами. Я смотрел прямо перед собой, придав лицу пустое выражение, вколоченное в меня палкой Ляо. Голубые как лед глаза эльетимма были строги, но ничего не выказывали. Он подал Каеске руку, и все начали подниматься к дворцу, сдерживаемые затрудненным шагом Мали.

Я уставился в спину Крамизака: что я упускаю здесь? Каеска говорила с ним, смеялась и улыбалась. Когда она повернулась к нему, я внезапно похолодел, несмотря на изнуряющий зной. Я узнал в ее наклоне головы, в ее профиле ту женщину с релшазского причала. Именно с ней разговаривал эльетим,

который присутствовал на аукционе рабов. Тот покупатель был моложе Крамизака и выше ростом, это я хорошо запомнил, но тут должна быть какая-то связь. Как бы не угодить в релшазскую тюрьму! Эльетиммы знали достаточно, чтобы воспользоваться случаем, не так ли? Если Каеска устроила мою покупку через Гар, то с какой целью? Еще меня удивило отсутствие у Крамизака каких-либо эмблем. Все Ледяные Люди, которых я видел в прошлом году, носили значки, чтобы провозгласить свою верность тому или другому из ожесточенно конкурирующих феодальных владений. Почему этот Крамизак такой таинственный?

Прежде чем я успел развить сию мысль, Сезарр толкнул меня локтем. Это было так необычно, что я невольно отвлекся от всего прочего. Скосив глаза, я увидел, что Сезарр хмурится. Он чуть заметно наклонил голову к Гривалу, и тот немедленно сбился с шага, чтобы я мог увидеть личного раба Каески, вставшего в строй с другой стороны от него.

Раб смотрел прямо вперед, один глаз заплыл в синевато-багровом подтеке, под которым виднелся след прежнего ушиба. Его неровно подстриженная борода слиплась под ухом от запекшейся крови. Плечи под кольчужой были выпрямлены, но напряжение в нем было хрупким от страха. Какая уж тут готовность к бою! На руках краснели полосы от плети или палки, и я подумал: какие еще раны мы увидим, когда он разденется для тренировки с нами? Его кожа была бледной, бледнее моего загара, и хотя его черные волосы росли тугими алдабрешскими завитками, черты лица были явно каладрийскими. Если он смецанных кровей, то, возможно, сохранил какую-то привязанность к материку, которую я мог бы использовать, учитывая, что Каеска так плохо с ним обращалась... Нет, на это надежды мало: его глаза были мертвы, как у собаки, которую слишком давно и слишком часто секут.

Наше продвижение к дворцу замедлилось: так называемые свободные островитяне вышли из своих домов, чтобы низко поклониться Шек Кулу. Они сovali дамам цветы, а многие нежно клали руку на выпирающий живот Мали — подобная бесцеремонность меня весьма удивила. Я заметил, что Мали достается больше всего цветов, причем самых отборных, и хотя Каеска улыбалась, смеялась и кивала направо и налево, продев длинный стебель золотистых цветов в свои волосы, глаза ее оставались жесткими и расчетливыми.

Людской напор отделил господ от нас, телохранителей, и я увидел, как Гривал хлопнул раба Каески по руке.

— Как съездили, Ирит?

Не встречаясь с ним взглядом, тот покачал головой. Сезарр нахмурился и подвинулся ближе. Я тоже.

— Ты болен? — вполголоса спросил Сезарр, явно обеспокоенный.

По-прежнему глядя себе под ноги, Ирит вновь покачал головой, на этот раз издав слабое мычание.

Гривал покосился на Каеску, но она с интересом рассматривала ветку малиновых цветов.

— Ты оскорбил нашу госпожу?

Раб передернулся, словно от внезапной боли, и, повернувшись к Гривалу, разинул рот. Гривал отшатнулся с откровенным ужасом.

— В чем дело? — прошипел Сезарр, но дорога вдруг расчистилась, и нам пришлось возобновить размеренный шаг позади дворян.

Гривал пробормотал незнакомое мне слово, и то же самое испуганное отвращение вспыхнуло в темных глазах Сезарра.

— Сезарр? — Я взглянул на него, обернувшись на изгибе дороги.

— У Ирита теперь нет языка, — ответил он с резкостью, положившей конец расспросам.

Еще одна группа кланяющихся преградила дорогу, и я заметил взгляд Крамизака, устремленный не прямо на меня, но на мой меч. Меня будто громом поразило, когда я осознал, что по этому клинку эльетимм меня наверняка узнает, несмотря на бороду и доспехи. Может, это звучит глупо, но я так старательно вживался в эту новую для меня ситуацию, где малейшая ошибка приводит к побоям, что и думать забыл о мече, с тех пор как попал сюда. Меня в общем-то не тревожили сны; если я спал плохо, то лишь оттого, что Ляо храпела еще хуже Шива. Сохраняя на лице пустое выражение и стараясь не смотреть на Ледяного островитянина, я решил, что лучше поговорить об этом с Ляо, как только мы останемся одни. Если я намекну, что Каеска плетет интриги, Ляо мгновенно проявит интерес.

Когда мы вошли на территорию дворца, один из прислужников повел эльетимма в гостевые покои. Я с облегчением вздохнул и, глядя ему вслед, злобно подумал: что будет, если раб неверно истолкует отсутствие у беловолосого бороды? Вскоре после приезда я понял, почему Сезарр предостерег меня против бритья, когда обратил внимание на ночные визиты двух елейноглазых парней в покои управляющего с гладкими щеками. По крайней мере мне, как воину, полагалось коротко стричь бороду, дабы врагу не за что было ухватиться, но она все равно противно чесалась в этом знойном климате.

— Ужин скоро подадут. — Мали улыбнулась Каеске, с видимым удовлетворением располагаясь под тенистым деревом.

— Поздравляю, дорогая, у тебя все так хорошо организовано, — медоточиво произнесла Каеска. — А ведь ты понятия не имела, когда я прибуду.

— К чему скромничать? — Мали с притворным упреком покачала головой. — Я многому научилась, наблюдая за тобой все эти годы. Мой дозорный на севере острова готов был послать сигнал по цепочке флагов, как только покажется твой вымпел.

— На всех флаг-постах и маяках расставлены люди. — Шек Кул тепло пожал руку Мали. — Все ждут вестей о нашем ребенке.

— У меня есть прелестные вещицы для малыша, — оживилась Каеска, садясь между Ляо и Гар. — Я объехала все наветренные владения.

Затем последовала скороговорка, и я не успевал за их речью, когда они впятером стали говорить о людях и местах, которые ничего для меня не значили. Единственное, что я заметил: Каеска ни разу не упомянула Релшаз. Любопытно, как Ляо воспримет мое утверждение, что Каеска была там в одно время с ними?

Я прекратил вслушиваться и, пустив мысли в свободное плавание, лениво оглядывал сады. Вездесущие садовники подстригали буйно разросшиеся кусты, удаляли засохшие цветы, убирали дорожки. Наконец раздался гонг. По кивку Гривала мы сопроводили наших дам и воеводу в длинную просторную столовую, где по мраморным каналам, проложенным вдоль стен, струилась вода, низвергаясь в центральный декоративный бассейн, в котором обитали странного вида ящерицы. Маленькие курильницы испускали ароматный дым — желанное зрелище, ибо я уже думал, что обязан служить еще и приманкой для насекомых. Не знаю почему, но алдабрешцам эти твари не досаждали с таким усердием, как мне.

Я вдруг сообразил, что вечер будет столь же долгим и скучным, как те вечера, когда Ляо принимала гостей из владения Каазика Рея. Единственное, что меня обрадовало, это отсутствие эльетимма. Я хотел держаться от него как можно дальше, пока не пойму, что ему тут нужно. Конечно, было бы неплохо узнать, чем он занимается, пока все ужинают, но мои обязанности не позволяли отлучаться. Одно блюдо сменялось другим, и меня все больше терзал голод, ибо Ляо забыла поесть в полдень, слишком поглощенная жалобами своих ткачей. Итак, я приносил, подавал, голодал и слушал.

Когда разговор наконец повернулся к неожиданному гостю Каески, я наострил уши, как хороший охотничий пес, которому так часто подражал в последнее время.

— Откуда он? — невинно спросила Гар, не сумев завладеть вниманием Шек Кула.

Каеска дожевала кусочек кислой маринованной рыбы.

— Откуда-то с севера.

Ляо посмотрела на нее задумчиво, но ничего не сказала.

Недавно она расспрашивала меня о точной географии Ста-

рой Империи, но все прочие воспринимали материк как сплошную неразличимую глыбу, и это при том, что могли описать каждый риф и островок Архипелага и назвать к тому же его владельца.

— Житель материка... — На лице Шек Кула отразилось нечто среднее между жалостью и презрением. — Все они одинаковы.

Каеска немного по-кошачьи наклонила голову.

— Его народ живет на островах. Он не такой неотесанный, как большинство жителей материка.

— Что он может предложить для торговли? — Мали подняла глаза. — Его народ интересуется настоящим обменом или они все сводят к кусочкам металла и пустяковым драгоценным камням, как и остальные?

Каеска пожала плечами.

— Север всегда был источником металлов, леса, кожи, разве не так?

Я не мог понять, говорит она так по причине откровенного неведения или нарочно подпускает туману? Придется рассказать Ляо, что Ледяные острова не располагают ни одним из этих ресурсов, как мне, конечно же, известно.

— Дай мне знать, когда выяснишь, на что он желает обмениваться. — Ласково улыбаясь Каеске, Мали небрежно положила руку на свой живот. — Гар и Ляо составляют для меня свои отчеты, и я оцениваю казну.

— Дорогая, а ты посмотрела те сапфиры, что я получил от Рат Тека? — поинтересовался Шек Кул, жуя заостренные зеленые стебли. — Думаю, ты сможешь выгодно продать их, когда мы в следующий раз будем в Релшазе.

Лицо Каески застыло, и даже Ляо моргнула, внезапно поняв, сколько обязанностей Каески берет на себя Мали еще до рождения ребенка.

— Если этот человек из северной страны, возможно, он взял бы ту твою ткань, Ляо. — Гар поспешила заполнить неловкую тишину, ее глаза выдавали непривычное смущение. — Она слишком толстая для наших островов, не говоря уж о плохом качестве.

— О Ляо, дорогая, — мгновенно прониклась сестринской заботой Каеска, — у тебя неприятности с ткачами?

Ляо поспешно отвергла подобное предположение и начала объяснять, что только стремилась помочь глупой Тани Каазик. Каеска сочувственно кивала, поддакивала, но всякий раз, когда Ляо пыталась сменить столь досадную тему, Гар невинно отпускала еще одно колкое замечание. Меня удивило, что Мали держится в стороне от их пикировки, но она погрузилась в обсуждение домашних дел с Шек Кулом, что, казалось, заставляло Каеску все решительнее развивать тему ошибок Ляо.

За окнами сгустилась ночь. Большая луна уже начала убывать и висела над зубчатой стеной, а краешек Малой показался над деревьями. Я пытался вспомнить, когда последний раз видел альманах и сколько дней Императорский летописец отвел для поствесны в этом году. По моим прикидкам выходило, что сейчас уже первые дни предлета, пятый или шестой.

Послышалось строгое приказание Шек Кула, и домашние рабы бесшумно внесли маленькие лампы. Радуюсь, что этот бесконечный вечер наконец-то закончился, я увидел мое собственное облегчение в глазах Ляо. Развеселившиеся Гар и Каеска взялись за руки и первыми направились к широкой центральной лестнице. Однако стоило Каеске оглянуться и узреть, что Шек Кул собственной рукой поддерживает Мали, как удовлетворение на ее лице исчезло. Когда воевода оставил своих жен на площадке этажом ниже их покоев, чтобы уйти к себе, Каеска рывком отпустила руку Гар и театрально зевнула.

— Прости, я так устала. — Она тут же обернулась к собственной свите. — Ирит!

Бедняга помчался по оставшимся ступеням как побитая собака, и Каеска, ни на кого не глядя, стремительно вошла в распахнутую дверь.

Шек Кул что-то пробормотал. Я не расслышал слов, ибо он в это время обнимал Мали. Женщина громко засмеялась и, опираясь на руку Гривала, пошла по коридору. Ее смех наверняка отчетливо доносился сквозь щели в двери Каески, когда Мали проходила мимо.

— В постель!

Шек Кул торопливо поцеловал Гар, затем схватил Ляо за талию столь молниеносно, что все только диву дались. Он поднял ее на руки и запечатлел звонкий поцелуй на ее открытой груди. От удовольствия Ляо захихикала. По ее кивку я тотчас открыл дверь в ее спальню. А когда пропускал воеводу с его извивающейся ношей, то увидел лицо Гар — пунцовое, с блестящими слезинками в глазах. Она круто развернулась и побежала дальше по коридору к своим покоям.

Я надеялся, что она не выместит свою досаду на Сезарре с помощью палки, но беспокоиться о чувствах Гар было уже некогда. Шек Кул спустил платье с плеч Ляо до талии и обхватил руками ее спелые груди. Между тем я выволок в коридор свой тюфяк и сходил за парусиновым мешком, в котором хранились пожитки, какие мне были позволены.

В подобных случаях было невозможно притворяться перед самим собой, что я слуга, а не раб. Я устал, проголодался как волк, спина и плечи немилосердно болели, но для других я

был все равно что дверной косяк. С соколами Шек Кула и то обращались лучше, чем с персональными рабами. Расстегивая ремни на кольчуге, я тихо выругался и наклонился с вытянутыми руками, чтобы снять ее через голову. Грохот ее при падении на полированные половицы эхом прокатился по безмолвным коридорам, и я застыл в ожидании нагоняя от Ляо. Но зря волновался: едва ли имелась пауза в звуках нарастающей страсти, слышимых через тонкую дверь.

Сбросив тяжесть с плеч, я почувствовал себя лучше, но натруженные мышцы по-прежнему кричали от боли. Если б я мог пойти и отыскать Сезарра или Гривала, мы бы помогли друг другу с растираниями, у алдабрешцев есть для этого на редкость эффективные масла. Но теперь я знал, что, когда жена воеводы удаляется на ночь в свои покои, ее рабу положено оставаться с ней. Если, конечно, он не сидит на своей подстилке в коридоре как пес, которому нельзя доверять мебель. Я не мог даже рассчитывать на горячую ванну утром. Ляо как-то недвусмысленно заявила мне: только жители материка барахтаются в собственной грязи, а порядочные люди моются свежей водой. Растирая плечи, я пытался не обращать внимания на шумные требования желудка. Я еще не голодал так с тех пор, как Ляо деспотично оставила меня без еды на полтора дня в качестве наказания за некую провинность во время трапезы, которой я доселе не понял.

Из спальни Ляо доносились восторженные стоны и вскрики. По предыдущим ночам я знал, что, когда дело доходит до преследования змеи через заросли, воевода проявляет завидную для своих лет выносливость, поэтому я крадучись отошел от двери, бесшумно ступая босыми ногами. Пажи, обретавшиеся все дни в каморке у лестницы, всегда запасались водой, и я надеялся раздобыть у них питье, чтобы заглушить ужасные муки голода.

Лестница находилась в углу полого квадрата — центральной части дворца. Вдоль его внутренних стен тянулись анфилады комнат каждой из жен с окнами на центральный сад, который имел какое-то особое значение, мне пока неизвестное. Комнаты Каески соседствовали с комнатами Ляо. Я шел осторожно, дабы Каеска не услышала, что я оставил свой пост. Добравшись до лестницы, я увидел полоски света на темном деревянном полу: лампа в гостиной Каески еще была зажжена. Я молча выругался и присел от страха, что меня обнаружат, когда я буду переходить к комнате пажей.

— Но что ты делаешь, чтобы помочь мне?

Тихие слова Каески прогнали все мои мысли о жажде. Помимо всего прочего, она говорила на сносном тормалинском. Кровь громко застучала в ушах, оглушая меня, и я с трудом унял бешеное сердцебиение.

— Что бы я для тебя ни сделал, это будет целиком зависеть от того, что ты можешь сделать для меня, — последовал непреклонный ответ.

Эльетиммский акцент резал слух, хотя его тормалинский был лучше, чем у Каески.

— Конечно, я сделаю все что смогу, — залебезила женщина. — Разве я уже не преуспела? Ты сказал, что доволен мною, что можешь наградить меня...

— Королеву Безлунных Ночей следует чтить подобающим образом, дабы она вняла твоим молитвам, — презрительно отрезал эльетимм. — Она должна иметь приверженцев в каждом владении.

Я задышал медленно и ровно, боясь пропустить хоть слово. Я никогда не слышал об этой Королеве, да и как часто вы видите пустое небо без всякого следа и той, и другой луны? Может, раз в горсть лет.

— Я буду путешествовать, я буду распространять твоё учение. Я выполнила твоё приказание, не так ли? Я велела Гар купить для Ляо этого раба... — Голос Каески звенел от истерики и был резко оборван пощечиной.

Какую власть имел над ней этот колдун, что посмел ударить жену воеводы и тут же не лишился руки от меча её личного раба?

С мучительной осторожностью я подобрался к углу, потом личком и тихонько пополз к двери, после чего посмотрел в щель между нижними планками. Каеска и эльетимм сидели на подушках лицом друг к другу. На низком столике между ними стояла курильница, под которой трепетала свеча. Но листья в курильнице предназначались не для отпугивания насекомых. Случайный порыв ветра принес дым в мою сторону, и я узнал острый, соблазнительный запах тлеющих листьев тассина. Я затаил дыхание, и не только от дыма. Жевать орехи тассина — это одно; это привычка, которую трудно превозмочь, но, кроме притупления чувств и окрашивания зубов, орехи не причинят вам большого вреда, во всяком случае, при умеренном употреблении. Однако дым — совсем другое дело; любой присягнувший, кто начал его вдыхать, скоро останется с лескарским ломаным грошом вместо своего обычного вознаграждения. Никто не станет доверять воину, который в любой момент может повернуть клинок на воображаемых трехголовых чудищ.

Глаза у Каески стали темными и остекленевшими, её сложный макияж размазался. Пот выступил на лбу, и женщина стерла его неуклюжим жестом, не обращая внимания на струйку крови в уголке рта.

— Покажи мне моего сына, — взмолилась она хриплым шепотом.

Эльетимм покачал головой, кривя губы в жестоком удовлетворении. Он сидел со скрещенными ногами, прямой, раз-

детый до пояса, но на шее его блестела золотая цепь. Странные темные символы покрывали его бледную кожу на груди и руках до самых кистей. Очевидно, их нарисовали. Я хорошо помнил, что раньше на его ладонях ничего не было. Даже в тусклом свете свечи я видел, что глаза колдуна остаются ясными и острыми. Он совсем не цепенел от дыма, и я удивился: как такое возможно? Я надышался уже достаточно, чтобы наслаждаться легкой головой и экзотическими снами, поэтому прижал лицо к полу и старался изо всех сил дышать неглубоко. Кто этот человек, и что он делает здесь со своим проклятым колдовством?

— Прощу тебя... — Каеска униженно протянула дрожащие руки.

— Если я сделаю это, ты должна сделать что-то взамен. Королева Безлунных Ночей во всем требует равновесия.

Он притворялся, что раздумывает, но я видел этого человека насквозь с его фальшивым колебанием. Он точно знал, чего хочет.

— Все что угодно. — Глаза у Каески стали уже широкими и пустыми, рот безвольно приоткрылся, но она по-прежнему смотрела на эльетимма так, будто он держит ключи Сэдрины к дверям в Иной мир.

— Тот раб женщины Ляо, — Ледяной островитянин наклонился вперед, в глазах его читалась одна цель, — он и ему подобные — враги моей Королевы. Мне нужно уничтожить его силы, чтобы ты родила. Обменяй его на что-нибудь. Если он будет твоим, то мы, уезжая, возьмем его с собой, и я расправлюсь с ним как следует.

— Когда родится ребенок, Мали станет Первой женой. — Каеска озабоченно наморщила лоб, соображая с явным трудом. — Это будет ее дело — совершать такие обмены.

— Сделай это до рождения ребенка, — категорично потребовал эльетимм. — Если нужно, я сегодня же покончу с этим мусором. Раздави еще несколько ягод на его деснах, и он даже не проснется.

Он ткнул ногой в то, что я принял за груды подушек и покрывал. На самом деле это был Ирит; он слабо застонал, откатившись от пинка прямо к двери. Сквозь щель я разглядел его лицо, налитые кровью приоткрытые глаза и струйку темной слюны, сочащуюся по подбородку.

— Шек будет недоволен, — заныла Каеска. — Одно дело — наказать раба, и совсем другое — травить его тахном.

Мерзавцы, ублюдки, гады. Я сжал кулаки, едва сдерживая отвращение. Гнев не поможет Ириту, ничто ему теперь не поможет, но мне нужно услышать как можно больше, чтобы убедительно изложить Ляо план заговора и по возможности использовать это для моих собственных целей.

— Если ты поклянешься совершить обмен, я снова покажу тебе твоего сына. — Теперь голос Ледяного островитянина был сладок и приманчив, как мед.

— Клянусь, — дрожащим шепотом ответила Каеска, не сводя глаз с голубых струек, поднимающихся из курильницы. Наркотик уже смешал ее чувства; в голове и душе ее царил полный хаос.

Эльетимм начал тихое скандирование, и волосы у меня на затылке встали дыбом, как у собаки, учуявшей ненавистный запах. Станные слова и ритмы вторили словам и ритмам мелких заклинаний Керрита, но в голосе этого человека звучала уверенность и подлинная, неоспоримая сила. Непрошенное воспоминание о плене на тех далеких, бесплодных островах повергло меня в дрожь: похожие заклинания раздавались в моих ушах, когда я лежал парализованный, голый, связанный по рукам и ногам. Только позже обнаружилось, что те пути никогда не существовали. Такое ощущение создал внутри моей головы человек, которого мы называли Ледышкой.

Дым из курильницы начал свиваться кольцами и странно густеть. Он восставал четко вверх наперекор вечернему бризу, а потом закрутился в вихре. Не прерывая скандирования, эльетимм положил на стол что-то маленькое. Оно блеснуло, когда пламя свечи вспыхнуло до неземной яркости, и стало видно, что это — старинная пряжка от пояса, выполненная в истинно тормалинском стиле. В ней было что-то неуловимо знакомое, но я, хоть убей, не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь ее видел.

Вихрь внезапно исчез, и появился слабый контур лица, сотворенный из дыма и света. Это было совсем не похоже на магию Шива или Вилтреда. Как только кто-то тассина заколыхался над моей головой, я, хоть и старался дышать мелкими вздохами, ощутил колдовство, парящее вокруг моего ума, любопытные пальцы ощупывали края моего разума. К счастью для меня, эльетимм был целиком поглощен Каеской, и это ощущение исчезло прежде, чем я как-то выдал себя. Меж тем участилось дыхание у Каески, как у женщины, испытывающей муки страсти, и я догадался, что это колдовство каким-то непостижимым образом питается ее страхами и желаниями. Лицо ее стало более ясным и отчетливым. Я нахмурился и едва не потерял глаза, чтобы стереть с них дымную пелену, но в последний миг удержал руку, вспомнив о смертельной опасности даже слабейшего шума. Это лицо было не более алдабрешским, чем та пряжка — сделанной на Островах. Сквозь клубы дыма я видел юные черты, вероятно, мальчишки, но, возможно, и девочки на грани зрелости. Волосы были рыжеватые, песочные, и веснушки усеивали бледную кожу. Когда высота скандирования изменилась, неземное видение открыло глаза. Даже на таком расстоянии было видно, что они бледные — голубые или зеленые. Глаза Каески жадно, безумно приковались к этому образу, и дышала она тихими, животными вздохами.

— Сын мой, мой и Шека, — прошептала женщина, — наследник владения и мое будущее.

Возможно, дым притуплял мое сознание, но я разводил достаточно собак, чтобы не сомневаться, что Каеска и воевода не произведут на свет ребенка с лицом, типичным для жителя с бремлиейских холмов, даже если она каждую вторую ночь будет ловить старого барана в свои сети и рожать ребенка каждое Летнее Солнцестояние. Не знаю почему, но внезапно я почувствовал убежденность, что Каеска видит совсем не то, что вижу я.

— И ты родишь его в должный сезон. Твои права Первой жены будут восстановлены, и ты возвысишься над женщинами других владений, когда твоя торговля с моим народом принесет вам металлы и лес, чтобы и дальше укреплять могущество Шек Кула. Тебе больше не придется иметь дело с ворами и дикарями материка, а только с островным народом, как твой собственный, народом, который понимает ценность красоты и чести в торговле. Ты дашь своему мужу влиятельный союз, поставишь его первым среди воевод, когда Острова найдут друзей, которые будут защищать их от грабежей пиратов и мошенников с материка.

Эльетимм наклонился вперед, устремив взор на Каеску.

— И твой сын унаследует все это. Он будет расти и процветать, а ребенок твоей соперницы заболеет и умрет, но только пока Королева получает должное и ты беспрекословно подчиняешься ее жрецу.

То есть ему. Я медленно покачал головой, не сводя глаз с Каески. Когда видение растворилось в грязных клубках дыма, уносимых прочь ночным ветром, жадный свет исчез из ее глаз, и она в отчаянии схватила пальцами последние струйки.

— Прояви достоинство.

Жрец произнес отрывистый приказ, и свеча потухла, последний усик дыма, свиваясь, исчез в темноте. Колдун встал, глядя на Каеску; она растянулась поперек стола, ее плечи сотрясались в безмолвных рыданиях. Усмехнувшись, эльетимм решительно направился к дальней двери, и как только он вышел из комнаты, я тотчас вернулся к своему тюфяку под дверью Ляо. Но прежде довелось приложить немало усилий, чтобы идти бесшумно, ибо я все еще находился под влиянием дыма, которого не мог избежать. С радостью положив голову на мягкий прохладный хлопок, я закрыл глаза. Пол качался подо мной, то опускаясь, то вздымаясь, и запах наркотика продолжал дразнить меня.

Поселение Кель Ар'Айен, Осеннее Равноденствие, Первый год колонии

Темар целеустремленно шагал по людной рыночной площади. Его так и распирало от гордости: тут и там в сгущающихся сумерках желтела свежая каменная кладка. Это ли не предметное доказательство его успеха в разыскании тех каменоломен!

Вокруг танцевальной площадки мрак сдерживался светом факелов и жаровен, а самые решительные уже выстраивались для круговых плясок. Эсквайр с удивлением заметил, что некоторые ремесленники и торговцы, размечавшие эти первые границы их нового поселения, все же нашли время установить необычного размера полубочки и мятые котлы. Все в ярких цветах, эти импровизированные сады маскировали убогость деревянных домишек, приютивших колонистов в их первое лето, и создавали атмосферу праздника.

По меркам Д'Алсенненов это было, конечно, примитивное торжество, но, судя по шуму, который уже разносился эхом по широкому устью, колонисты навсегда запомнят этот праздник, хотя сейчас им, возможно, чего-то не хватало. Темар кивал проходящим мимо людям, махал полузабытым лицам из плавания и надеялся, что теплая улыбка заменит им деньги, которые он обычно раздавал на улицах в такие дни года. Сегодня вечером он нес богатство, предназначавшееся только для одного человека.

Темар остановился у ворот усадьбы Ден Ренниона и глубоко вдохнул, затем посмотрел, не выбились ли волосы из заколки, и с сожалением потрогал потертости на камзоле. Но тут же решительно вздернул подбородок. Не он один будет носить прошлогодний наряд, не так ли?

— Темар!

Вдруг кто-то чувствительно хлопнул его по спине, и юноша едва не растянулся на разбитой дороге.

— Держись, я тебя поймал!

— Вахил, ты идиот!

Темар сбросил руку, спасшую его от падения, одернул рубаху и торопливо проверил карман.

— Входи! — Довольный, Вахил постучал по светлому дереву ворот рукояткой ножа. — Всем не терпится тебя увидеть.

Сторож открыл ворота, и Вахил промчался мимо него с веселым приветствием, что немало удивило Темара.

— Да благословит тебя Дрианон, — неловко пробормотал он этому человеку, когда проходил мимо него.

— И тебя, эсквайр! — Сторож приветливо поднял пивную кружку.

Свернув в сторону от входа, Темар с любопытством посмотрел на изменения, происшедшие за те полтора сезона, которые он отсутствовал. Усадьба все еще была окружена частоколом вместо приличной каменной стены, но сады начали обретать форму. Среди тонких фруктовых деревьев, редко посаженных вдоль идущей к дому аллеи, светились фонари, и виноградные лозы пытались смягчить грубое дерево ограды. Правильной формы клумбы ждали своих растений, но слабый запах уже поднимался от кустов

ков мяты, тимьяна и таволги. Темар изумился мимоходом, откуда взялась галька, хрустящая под ногами на дорожках, а вскоре ему припомнилась груда балласта внизу, у пристани.

— Ваш управляющий не сидел без дела! — заметил он с одобрением.

Вахил покачал головой.

— Это все матушкина работа. Идем выпьем! — Он энергично зашагал к довольно тощей беседке из вьющихся лиан с поразительно алыми цветами, где на столе стояло вино. — Вернее, матушкина и Джейса, привратника. — Он махнул рукой в сторону ворот.

— С каких это пор ты на короткой ноге со слугами? — Темар сам налил себе в кубок золотистого вина, так как никаких слуг, обязанных это делать, не было видно.

Вахил остановился, пожал плечами и потянулся за графином красного.

— Даже не знаю. Просто как-то глупо казалось соблюдать эту официальность. Здесь все по-другому, ты не находишь?

Темар кивнул, отпивая вино, и немного зажмурился от его молодой резкости.

— Думаю, да. Когда мы ходили вверх по реке, все были равны, каждый просто делал свое дело. Ты застал меня врасплох, вот и все.

— Мы были слишком заняты, пока распахали достаточно земли, сеяли и убрали урожай, чтобы беспокоиться, те ли люди сидят за нижним концом стола. — Вахил на миг помрачнел. — После гибели в море тех кораблей нам каждого пришлось усадить за работу.

— Нам? — Темар недоуменно поднял брови.

— Именно.

Вахил не отвел глаз от насмешливого взгляда Д'Алсеннена и произнес с чувством:

— Нам есть, чем гордиться, и мы можем спокойно ждать зимы.

— А что именно делал *ты*? — спросил Темар с ударением на последнем слове.

Вахил отступил на шаг и согнулся в расточительном поклоне.

— Я имею честь представлять Секретаря на Первом Совете Кель Ар'Айена. О, прости! — обратился он к проходящему мимо мужчине, которого едва не облил вином. — Да, Темар, дай мне пару часов, и я покажу тебе списки всего, что было посажено, собрано, ощищено и зарезано с тех пор, как мы высадились здесь.

— Вахил Ден Реннион, первый щеголь в публичном доме, считает бобы? Поверить не могу! — Темар засмеялся.

— Не ты один. — Мессир Ден Реннион появился у плеча Темара; нотка гордости слышалась в его голосе, когда он посмотрел на сына. Однако ее сменила более суровая. — Ты опоздал, Вахил. Твоя мать спрашивала, где ты.

Вахил поклонился и ловко ушел от ответа.

— Пойду извинюсь.

Он стремительно ушел, а отец, тихо вздохнув, проводил его взглядом.

— Идем, Темар, — поспешно пригласил его мессир, отбросив беспокойство. — Здесь есть люди, которые очень хотят услышать от тебя новости.

Эсквайр снова прошупал через камзол карман своей рубахи.

— А барышня Тор Приминаль здесь? — обратился он к спине мессира и вспомнил, что Ден Реннион изрядно глуховат.

Темар пожал плечами и покорно отправился к группе беседующих мужчин.

— Д'Алсеннен! — Один шагнул вперед, приветствуя Темара легким поклоном. — Рад тебя видеть.

— Капитан Гретист, — широко улыбнулся Темар, — как «Орел»?

— В безопасности на берегу. К счастью, те камни не причинили нам особого вреда.

— Допустим. Но если тот большой водопад непроходим, то мы не сможем использовать реку, чтобы добраться в глубь страны. — Худой мужчина с усталыми глазами скрестил руки на этом окончательном утверждении.

— Я слышал, на ремонт «Орла» потребуется целый сезон, чтобы он вновь стал годным для плавания. — Высокий человек с залысинами опустил крючковатый нос в кубок и сделал долгий глоток.

Гретист подмигнул Темару.

— А что морякам делать зимой? Вокруг пока еще нет борделей, не так ли? Мне будет нетрудно засадить парней за работу и не давать роздыху, пока все не проконопатят и не осмолят, если им нигде будет смягчать жесткую веревку.

— Весной мы пошлем экспедиции вдоль побережий, мастер Дессмар, — серьезно сказал Ден Реннион художнику. — Карты мессира Ден Феллэмиона, составленные во время его предыдущих плаваний, показывают несколько устьев, заслуживающих разведки. Пройдет несколько сезонов, прежде чем люди будут готовы самостоятельно плыть отсюда, и к тому времени мы уже сможем предложить им судоходные реки и хорошие участки.

Дессмар кивнул, поджав губы.

— Возможно, они найдут остатки кораблей, рассеянных тем ужасным штормом.

Высокий продолжал, словно никто больше не говорил.

— Это, конечно, приятно, что «Орла» можно починить, но больше половины судов, которые достигли этой земли, сейчас нужно вытаскивать на берег и чистить. Значительное число тросов и парусов нуждаются в починке, а материалы строго ограничены. Страшно подумать, в каком состоянии будут шпангоуты к следующей весне.

— Найти подходящий лес для корабельных плотников и было одной из задач экспедиции Д'Алсеннена, мастер Саттлер, — как бы между прочим сообщил мессир, но Темар заметил в его глазах расчетливый огонек.

— Действительно, — сказал юноша, — мы нашли великолепные участки зрелого строевого леса, верно, мастер Гретист?

— Мы начнем рубить, когда закончится сезон роста и подлесок увянет, — подтвердил моряк. — Я уже велел тем, кого можно было снять с рудников, выкапывать док, а за зиму мы заложим киль и начнем работы.

— Видишь, мастер Саттлер, новые суда будут снова у нас вдоль побережий и по рекам задолго до того, как нынешний флот отслужит свое. — Ден Реннион одобрительно кивнул Темару. — А крупные суда все еще в хорошем состоянии.

— Понадобятся только океанские корабли, если у нас будет что-то стоящее для отправки домой, — нетерпеливо вмешался в разговор мужчина с красным лицом. — Итак, эсквайр, что представляют собой эти рудники? Если мы хотим заинтересовать этой затеей больше людей, нам жизненно важно доказать, что она — не просто несвоевременное истощение ресурсов Империи.

— Мы нашли значительные поверхностные залежи меди в долинах вокруг притоков главной реки, мастер Дарин, — сообщил Темар. — Несколько человек с гидестанским опытом совершили короткую вылазку на плато и думают, там наверняка есть и олово.

— Новости заслуживают внимания, но они не заставят говорить весь Тормейл. — Краснолицый задумчиво посмотрел в свой кубок.

— Да ладно тебе, Сони, еще слишком рано, — ободрил Ден Реннион мастера Дарина, фамильярно хлопнув его по плечу. — Кто знает, что Темар и его люди найдут за следующим холмом, когда придет весна?

— Хорошо бы получить сведения о качестве этой руды... — промолвил мастер Дарин.

— Первоначальные пробы многообещающие. — Помолчав немного, нерешительно сказал Темар. — Боюсь, я в этом мало что смыслю, но горняки выглядели очень довольными.

Он подумал, стоит ли показать этим людям то, что лежит в кармане его рубахи, и решил не показывать. Гуиналь должна увидеть это первой.

— Так мы сможем весной послать на родину слитки? — требовательно спросил Дарин. — Чтобы вдохновить вторую флотилию, новых поселенцев?

— Я в этом уверен, — ответил Темар. — К тому времени у нас будут отличные новости.

— Вот подождите и увидите. — Мессир Ден Реннион широко улыбнулся. — Мы снабдим ремесленников там, дома, всеми материалами, какие они только пожелают, пока наши поселения здесь множатся, а их товары найдут широкий спрос среди наших людей. Нашим парням дома вскоре больше не нужно будет тратить никаких усилий, чтобы продавать их мятежным каладрийцам...

— Пусть это будет не золото и серебро; Империя довольно скоро может стать благодарной за медь и олово, — заявил мастер Саттлер. — Перед нашим отъездом дела в Гидесте шли все хуже и хуже, не так ли? Его Императорскую Бесполезность могли уже выгнать обратно за Далаз.

— Племянница Ден Феллэмиона получала для тебя какие-нибудь известия в последнее время? — обернулся Сони к Ден Ренниону. — Это, конечно, хорошо, когда рядом есть владеющие Высшим Искусством, но что-то я не заметил, чтобы она очень себя утруждала.

— Барышня Тор Приминаль была занята. Она искала растения и травы, дабы пополнить запасы и найти замену лекарствам. — Темар поймал себя на том, что говорит слишком быстро и решительно.

Мессир Ден Реннион спокойно подхватил, желая сгладить неловкость:

— Вы знаете мою свояченицу, Авилу? Она привезла с собой старое наставление по домоводству своей бабки, и женщины пытались справиться со своим новым положением на другой стороне океана с помощью любимого аптекаря.

— Вечно эти дамы первым делом заботятся о собственных удобствах! — усмехнулся мастер Саттлер, поднимая свой крючковатый нос.

Темар засмеялся вместе со всеми, но вспомнил слова Гуиналь и подумал: что запели бы эти люди, если б оказались без мыла для белья, без пижмы для отпугивания вшей и моли из их платьев, без лавровых листьев, не допускающих долгоносиков в муку? Мастер Дессмар начал расспрашивать Гретиста об условиях плавания по реке, а Темар между тем схватил мессира Ден Ренниона за локоть.

— Гуиналь здесь?

Юноша надеялся, что выглядит не слишком нетерпеливым.

— Думаю, да. — Ден Реннион задумчиво посмотрел на Темара. — Авила сказала мне, будто они встретили твою экспедицию в одном из своих путешествий за травами в постлето. Она беспокоилась, что ты слишком задержался, из-за того что провожал их обратно к судам.

Темар глянул на толпу, опасаясь, что румянец может выдать его.

— Мне не хотелось отвечать перед Ден Феллэмионом за исчезновение его любимой племянницы.

— Ну конечно. — Мессир Ден Реннион наклонил голову. — Кажется, она была с моей женой, когда я видел ее последний раз.

— Тогда пойду, засвидетельствую свое почтение. — Темар изумился, увидев, что Ден Реннион усмехается.

— Ступай, мой мальчик. Да, и скажи моей жене, что было бы неплохо для нее провести некоторое время с госпожой Дарин.

Темар кивнул и быстро пошел через сад к новому каменному особняку, встающему из лесов.

— Эсквайр Д'Алсеннен, не так ли? Доброго вам праздника!

Деликатное прикосновение к его руке заставило Темара остановиться. Обернувшись, он увидел смутно знакомое и, несомненно, хорошенькое лицо; оно улыбалось ему. Золотистые волосы были уложены кольцом, старинные драгоценности украшали грудь и плечи, открытые гораздо больше, чем Д'Алсеннен привык видеть на тормалинских дамах.

— Да благословит вас Дрианон. — Темар низко поклонился, отчаянно пытаясь вспомнить имя этой женщины, а когда выпрямился, на его губах играла улыбка. — Мейринн, верно?

— Верно, а я буду звать тебя Темаром, да? — кокетливо молвила она.

У нее были барвинковые глаза, изящный носик и полные, покрашенные в алый цвет губы. Эта дама явно не жалела косметики, заметил юноша.

— Темар, вот ты где! — Вахил приблизился к нему. — Моя матушка желает поговорить с тобой. Извините нас, госпожа Саттлер. — Он схватил друга за локоть и, небрежно поклонившись даме, потащил его за собой.

Темар стряхнул руку Вахила, ему было скорее смешно, нежели досадно.

— Как это старому Саттлеру удастся прятать свой нож в такую шкатулку?

— Мейринн дала ему ключ в обмен на несколько ступенек по общественной лестнице. — Вахил чуть ли не бежал к дому. — Она находилась на «Песне Тростника», двухмачтовом, кото-

рый разбился на барах, а ее муж утонул. Кажется, он был дубильщиком с земель Д'Истрака, но Мейринн помалкивает теперь о своем происхождении, став женой купца. Держись от нее подальше, Темар, она присматривается к перспективным женихам — на случай, если старик Саттлер не переживет зиму.

— Не беспокойся, я бы не клюнул на нее, даже если б нашел голой в своей постели, — засмеялся Темар. — Я нутром чую неприятности. К тому же ты не единственный, кто остепенился.

— Рад это слышать, — улыбнулся Вахил. — Здесь все совсем не так, как дома, здесь все на глазах друг у друга.

Поднявшись по лестнице, они вошли в дом. От повисшего в воздухе дыма щипало глаза и Д'Алсеннен заморгал.

— Разумеется, этот центральный очаг временный, в дальнейшем будут строиться камины. — Госпожа Ден Реннион показывала толпе любопытных гостей костяк своего нового имения. — Каменщик уверен, что они смогут продолжать работы даже в постосень: климат здесь гораздо мягче, нежели дома.

— Да благословит вас Дрианон. — Темар начал отвешивать поклоны, когда хозяйка повернулась к нему, но госпожа Ден Реннион схватила его за плечи и нежно поцеловала, к немалому смущению юноши.

— Темар, дорогой мой, как я рада тебя видеть. Когда ты приехал?

— Нынче после полудня. Пришлось ждать отлива, чтобы спуститься по реке.

Отступив на шаг, Темар обвел взглядом дам и восхищенно раскинул руки.

— Вы все такие элегантные в этих новомодных платьях, что я испытываю неловкость. Простите великодушно!

Несколько женщин покраснели и захихикали. Госпожа Ден Реннион пригласила облегающий лиф серого платья с узкой юбкой; вырез у платья был более пристойный, чем у Мейринн, но все равно значительно ниже, чем диктовала тормейльская мода перед отплытием флотилии.

— У Эльсир обнаружился настоящий талант к шитью, — объяснила она с едва заметной улыбкой, украсившей ямочкой одну щеку, — как только она поняла, что должна получать по два платья с каждого отреза, дабы не лишиться привычного разнообразия в своем гардеробе.

— Ты не застанешь мою сестру в одном и том же наряде дважды за праздник, — ввернул Вахил, широко ухмыляясь. — А что это я слышу насчет нее и мехов?

— Эльсир намерена разбогатеть на мехах. Сначала она раззадорит тормейлских дам экзотическими шкурами, ко-

которые приносят ей звероловы, а затем проследит, чтобы они оставались исключительной редкостью.

Темару почудилось напряжение в голосе госпожи Ден Реннион.

— Ты позволяешь ей заниматься торговлей? — Одна дама с фигурой, коей не очень льстил новый фасон, колебалась между изумлением и завистью.

— На этой стороне океана совсем другая жизнь, не так ли? Столько всего изменилось, почему бы нет? — Госпожа Ден Реннион беззаботно пожала плечами. — А теперь пойдемте, я покажу вам, где мы разместили восточное крыло. Пока это только колышки и веревки, но вы получите представление. Увидимся позже, Темар.

— Хотел бы я увидеть Эльсир в таком платье, — молвил эсквайр, когда женщины удалялись, а их изящные лодыжки мелькали из-под юбок, достаточно коротких, чтобы не касаться грязных полов.

— Да вон она! — указал Вахил своим кубком.

Эльсир стояла возле лесов, поддерживающих дверной проем, увитый праздничными гирляндами из незнакомых цветов. Темар затаил дыхание, сердце, казалось, пропустило удар, а затем помчалось словно прищипоренная лошадь. Эльсир болтала с Гуиной.

Шелковое платье Эльсир было переливчато-зеленым, с красновато-коричневым узором в тон ее блестящим золотисто-каштановым волосам. Облегающий покрой выгодно подчеркивал узкую талию и высокую грудь, фамильное ожерелье из золота и янтаря блестело на молочной шее. Темар одобрительно кивнул другу и озорно ухмыльнулся.

— У нее еще не сошли веснушки, а?

— Цена, которую мы, колонисты, вынуждены платить за наш труд в дневную жару, — беззлобно передразнил сестру Вахил, и Темар засмеялся.

— А Гуиная хорошо выглядит, — заметил младший Ден Реннион, покосившись на друга. — Мы довольно часто видели ее, с тех пор как они с тетей Авилой начали работать над теми старинными рецептами прабабушки.

Не доверяя своему голосу, Темар молча кивнул и направился к девушкам, во все глаза глядя на Гуиную. Она добавила свой собственный штрих к новому фасону: глубокие складки на голубой юбке, отделанные более темным голубым шелком, этот же цвет повторялся и в отделке лифа. Скромный кружевной палантин, сколотый на груди сапфировой брошкой, закрывал плечи. Темар невольно вздрогнул, внезапно вспомнив мягкие молочно-белые груди под ажурным узором листвы.

— Ты слышишь? Гуиналь сказала, будто ты хочешь и зимой изучать с ней Высшее Искусство, — развеселившись, повторил Вахил.

— Что? — Темар поспешил обуздать свои мысли. — Да, верно. Думаю, оно могло бы пригодиться, мы ведь уже планируем исследования на следующий сезон.

— Темар! — От восторженного крика Эльсир гости умолкли. — Как я рада! — Она обняла его, обдав нежным ароматом духов и теплом. — Когда ты вернулся? Я хочу услышать все-все, все подробности. Ты останешься с нами, верно? Ты уже говорил с мамой?

— Привет, Гуиналь. — Темар посмотрел на девушку через плечо Эльсир; в его глазах отражалось то, чего сейчас он сказать не мог.

— Доброго тебе праздника, Темар!

Гуиналь, как всегда, сохраняла самообладание, но Темару было приятно видеть, что щеки ее слегка покраснели.

— Мне нужно еще выпить, — сказал Вахил, — а как вы, барышни...

— Я просто говорил, что эта колония не дает той прибыли, которую мне сулили. — Резкий голос прозвучал во временном затишье, и взгляды присутствующих сосредоточились на кряжистом человеке в броском платье из пурпурного бархата, стоявшем лицом к лицу с Ден Реннионом.

— С самого начала мы ясно дали понять, что плоды этого предприятия будут зависеть от упорной работы. — Тон Ден Ренниона был холодно вежлив. — Упорной работы каждого из нас.

— Я слишком давно закончил свое ученичество, чтобы снова браться за инструмент. — Толстяк демонстративно уперся руками в свои обширные бока. — Я имею право брать комиссионные с моих ремесленников, коли ссужаю им материалы, закупаю их товары и организую перевозку их изделий обратно в Зьютесселу. Разве это не справедливо?

— Но ты не имеешь права бездельничать и лишь взимать процент, чтобы разбогатеть, мастер Свир.

— Отец, не надо! Давай просто наслаждаться вечером. Не говори о делах во время праздника. — Девушка с заурядным лицом тщетно дергала его за локоть; ее длинные белокурые косы, свернутые кольцом на голове, только подчеркивали длину шеи и носа. — Все же смотрят!

— Я вынесу это на Совет! — Не слушая дочь, толстяк наклонился вперед и погрозил пальцем мессире Ден Ренниону.

— Совет уже постановил, что каждый ремесленник волен торговать непосредственно с тем, кто ему нравится, каким бы ни был его прежний статус — арендатора или наемного ра-

ботника. — Мессир Ден Реннион говорил все тем же тоном, но лицо его выдавало презрение. — Скажи мне, мастер Свир, ты был обязан Ден Мюре, не так ли, прежде чем твой сьер разрешил тебе присоединиться к этой затее? Ты будешь посылать весной положенную десятую долю тому Дому?

— Эльсир, ты можешь вытащить оттуда Киндру?

Пораженный отчаянием в голосе друга, Темар снова посмотрел на девушку. Она была костлявая и нескладная в своем лавандовом платье, с худыми бедрами и плоской как доска грудью.

— Конечно. — Воинственный огонь сверкнул в зеленых глазах Эльсир. — Нечего ей снова страдать из-за своего отца.

— Я пойду с тобой.

К ужасу Темара, Гуиналь шагнула за Эльсир, но та ее остановила.

— Нет, ты же знаешь, Киндра тебя боится.

Темар смотрел, как Вахил ломает руки, пока спор увязал в опасной колее.

— Думаю, тебе придется защищать свою позицию перед Советом, а не жаловаться на меня, — говорил меж тем мессир Ден Реннион, сжимая губы от закипавшего гнева. — И потрудись объяснить, зачем ты пытался скупить на зиму провизию и фураж сверх всяких потребностей твоей семьи. Мне будет интересно услышать, как это согласуется со свидетельством некоторых ремесленников, прежде обязанных тебе, которые сейчас считают подходящими условия, прилагаемые к твоим так называемым подаркам.

— Киндра, дорогая моя, пойдем-ка поглядим, что принес мне сегодня один зверолов, — безмятежно защелкала Эльсир, перебив несдержанный ответ Свира. — Этот мех такой мягкий, белый, как горностаевый, но шкурки гораздо больше; он тебе ужасно понравится. Я хочу, чтобы ты сказала мне, хорош ли он для отделки платья или, может, лучше оставить его для капюшонов и муфт. Не то чтобы мы нуждались в них здесь, если только эта зима не окажется очень суровой, но подумай о зимах в Тормейле и на севере, близ Орелвуда. Тебе вообще знакомы те края?

Темар увидел, как все вокруг заулыбались, когда Эльсир взяла Киндру под руку и увела прочь, больше напоминая пастушью собаку, отгесняющую теленка, чем благовоспитанную сопровождающую особу. Как только ее вмешательство весьма эффектно заткнуло рот мастеру Свиру, люди вернулись к прерванным разговорам, тут и там вновь послышался смех.

— Пойду посмотрю, как там Киндра. — Вахил мельком взглянул на отца. — Задержите старика, ладно?

— Что здесь происходит? — Темар вопросительно поднял брови.

Его друг направился в тень забора и кружным путем к Эльсир, которая показывала что-то стайке ахающих девушек.

— Вахил умудрился по уши влюбиться в девушку, чей несносный отец встал поперек горла обоим мессирам еще до того, как мы высадились, — сухо ответила Гуиналь.

— Она не в его вкусе, слишком уж похожа на мышку. Должно быть, он просто охотится за подвязкой, — брякнул Темар, вспоминая ярких шлюх, за коими Вахил имел обыкновение волочиться в Тормейле.

— Это забава, в которой ты отличаешься, не так ли?

Темар готов был дать себе пинка, но с облегчением вздохнул, увидев, что Гуиналь улыбается. Щеки обдало жаром, словно настала его очередь превозмочь стыд.

— Больше нет. После того как встретил тебя. — Сердце его снова бешено забилося. — После того как мы нашли друг друга нынешним летом...

— Темар, об этом... — Гуиналь подняла руку, и внезапная тень омрачила ее глаза.

— Гуиналь, — появилась в проеме госпожа Ден Реннион, — ты не видела Вахила?

— По-моему, он хотел выпить, — слегка насупилась Гуиналь, покосившись на винный стол.

— Ох, дорогая. — Госпожа Ден Реннион посмотрела на Эльсир и ее спутниц, среди которых больше не было видно белокурой головки Киндры. — Уверена, она — милая девушка, и я знаю, что глупо с моей стороны беспокоиться о рангах и тому подобном, когда мы все беремся за одно и то же колесо, но думаю, он мог бы найти себе кого-нибудь получше. Я уж не говорю о его неприятностях с отцом.

— Хотите, я его поищу? — предложила Гуиналь.

— Спасибо, моя дорогая. Просто этот ужасный человек испортил Анселю вечер, и он будет совершенно разъярен, если обнаружит, что Вахил его слушался и разговаривает с ней.

Госпожа Ден Реннион внезапно заметила новых гостей и убежала, чтобы проводить их к закускам и вину. Гуиналь тоже собралась уйти, но Темар схватил ее за руку.

— Мы можем найти здесь укромное место? Я прошу всего минутку.

Гуиналь кивнула.

— Только на минутку, нам нужно поговорить.

Она повела его вокруг дома в затененный угол меж двух стен. Темар потянулся к ней, безумно желая поцеловать, но Гуиналь уперла ладонь ему в грудь и огляделась — не следит ли кто за ними.

— Это тебе не какая-то лесная глухомань, Темар, с Авиллой, закрывающей на все глаза, — упрекнула она юношу. — Люди будут говорить, а сплетни подхватываются здесь быстрее, чем огонь в соломе.

Темар прижал ее пальцы к своим губам, его рука дрожала от страсти.

— Пусть говорят. Да и о чем сплетничать, когда мы будем помолвлены? — Он полез в карман и вложил драгоценный льняной узелок ей в ладони, сжимая ее пальцы на шелковых ленточках.

Девушка развязала подарок и поднесла к глазам драгоценный камень, лунный свет искрился голубым огнем на его гранях. У нее перехватило дыхание.

— Я знаю, эта цепочка не очень хороша, было мало самородного золота в ручьях, но алмаз способен заставить всех девушек по эту сторону океана жевать свои волосы, пока они не получат такой же. — Темар не мог сдерживать ликования и говорил, запинаясь. — Я попросил горняка огранить его для меня. Нас была всего горсть в том путешествии в холмы, и я должен получить хартию от Совета для защиты наших прав. Ты выйдешь за человека достаточно богатого, чтобы удовлетворить твою семью, не сомневайся в этом. Нынче вечером мы объявим о нашей помолвке, а затем поженимся на Солнцестояние. Следующей весной, если захочешь, съездим в Тормейл, навестим твою семью. Если к тому времени, конечно, ты не будешь ждать ребенка.

— О Темар!

Эсквайр и сам не знал, что ожидал услышать в голосе Гуиналь — возбуждение, удовольствие, преданность? — но только не эту смесь сожаления и упрека.

— Что?

— Жаль, что ты не поговорил со мной, прежде чем составлять все эти планы. — В ее тоне послышалась досада. — Ты не продумал это до конца.

Юноша тут же начал каяться.

— Прости, любовь моя. Я должен был сделать это более официально, но после нынешнего лета я не думал, что мне надо посылать сватов просить твоей руки. Я думал, мы оставили это все позади.

— Темар, послушай меня, я тебя умоляю. Я не собираюсь выходить замуж ни за тебя, ни за кого другого!

Эсквайр моргнул и помотал головой, дабы прогнать растерянность.

— Что ты такое говоришь?

— Я не намерена выходить замуж еще много лет, если вообще когда-нибудь выйду.

Гуиналь попыталась вернуть Темару алмаз, но он не взял его.

— Халкарион, спаси нас, почему?

— У меня здесь слишком много дел, слишком много обязанностей, слишком много людей зависят от меня. Я не могу все бросить, чтобы поддерживать огонь в твоём очаге. Мой дядя нуждается во мне...

— Он не может помешать мне жениться на тебе, я этого не допущу! Ты можешь по-прежнему практиковать свое Высшее Искусство, если тебя это беспокоит. Разве я не вбирал в себя то, чему ты меня учила в плавании, разве не приобрел сноровку?

— Высшее Искусство намного сложнее, чем ты думаешь, — возразила Гуиналь. Потом глубоко вдохнула и заговорила спокойнее: — Да не в этом дело! Пожалуйста, постарайся меня понять. Ты говоришь, что хочешь на мне жениться. Ты хочешь, чтобы я рожала тебе детей?

— Я тебя люблю, — запротестовал Темар. — Я хочу создать с тобой семью. Что тут плохого?

— Значит, ты будешь сидеть у очага и качать колыбель, когда мои обязанности отзовут меня из дома? А что, если я умру при родах? — Гуиналь отодвинулась от него и скрестила руки. В тени ее лицо было невозможно разглядеть. — Здесь не Тормейл, где на каждой праздничной ярмарке можно нанять служанок и нянек. Ты много занимался с маленькими детьми? Ты знаешь, сколько забот они требуют? У трех моих сестер есть семьи, и я не собираюсь взваливать на себя такую обузу, пока не буду к этому готова, тем более не в то время, когда у всех по эту сторону океана сразу по три дела на руках и по четыре в рыночный день!

— Я помогу. — Темар начинал злиться. — И ты сама сказала летом, будто можешь использовать Высшее Искусство, чтобы предохраниться от зачатия. Мы все равно можем пожениться; я подожду детей, если ты настаиваешь.

— А все будут считать сезоны и ждать, когда я раздамся в талии. И шушукаться по углам, когда этого не произойдет. Нет уж, спасибо! К твоему сведению, я могу найти лучшее применение своему мастерству. О Темар, пожалуйста, попробуй встать на мое место. Как я понимаю, ты собираешься и дальше вести разведку для моего дяди и мессира Ден Ренниона.

— Конечно, это моя обязанность.

— А что прикажешь делать мне, если ты погибнешь в одной из этих экспедиций? Темар, я была там, когда пришло известие об обвале, в котором погибли Фринн и Юсель; я знаю, какому риску ты подвергаешься. Сэдрин, спаси меня, здесь хватает опасностей даже для тех, кто остается на берегу. — Ее дыхание участилось, но тон оставался спокойным. — Эта колония не мо-

жет поддерживать больше вдов и сирот, и будь я проклята, если меня отошлют обратно к доверенному браку с твоим дедом, как твоим единственным родственником по мужской линии. Я не могу попусту тратить год, выдерживая траур, дабы убедиться, что не ношу твоего ребенка, прежде чем снова буду свободна.

— Никто бы не заставил тебя делать это. — Юноша невольно повысил голос и с трудом успокоился. — Просто смешно подобное слышать.

— Я так не думаю. Ты последний из своего рода. В любом случае, как бы ты ни старался, моя семья будет настаивать на традиционных обрядах.

— Значит, дело в семье, да? — Темар не мог скрыть негодования. — Мое имя недостаточно хорошо для тебя? Ты прекрасно знаешь, что Д'Алсеннены — старинный Дом и...

— Если б я хотела выйти замуж за какого-то холеного жеребца с впечатляющей родословной, я бы десять раз могла это сделать там, в Тормейле, — язвительно перебила его Гуиналь. — У меня имелось немало охотников за деньгами и положением моего отца, с тех пор как Дрианон пустила мне кровь. Как ты думаешь, почему я изучаю Высшее Искусство? Почему напросилась сюда, к моему дяде?

Мерзкое подозрение зашевелилось в душе Темара и овладело его языком прежде, чем он успел прихлопнуть его.

— Ты опять киваешь на дядю? Вы не связаны кровным родством, не так ли? Он не планирует спасти род Ден Феллэмионов благоразумным браком, да? Это было бы очень традиционно!

Гуиналь вlepила Темару жгучую пощечину.

— Не будь отвратительным. Ты просто не можешь смириться с этим! Ты так поглощен собой, что не можешь представить себе девушку, которая не лезет вон из кожи, чтобы выйти за тебя замуж!

— Ты довольно быстро легла со мной этим летом! — От боли, вызванной собственными словами, Темар чуть не заплакал и внезапно обрадовался темноте, скрывшей его лицо.

— То другое дело. То было развлечение, восхитительное развлечение. — Гнев ее смягчился раскаянием. — Но я б никогда этого не сделала, если бы знала, что ты так серьезно это воспримешь. Прости.

Изумление выгнало все прочие мысли из головы Темара.

— Ты хочешь сказать, я у тебя не первый?

— О Темар, я самая младшая дочь в огромной семье. Это мои старшие сестры должны были себя блюсти, дабы убедительно запятнать свадебные простыни. — Тихий смешок слетел с ее губ, и проблеск луны осветил ее улыбку. — Видно, ты не часто имел дело с девственницами.

— Я бы никогда о тебе такого не подумал, — огрызнулся юноша. — Как ты могла!

— О, неужели? — Гуиналь шагнула к нему. — Да какое право ты имеешь меня судить, Темар Д'Алсеннен, эсквайр, от которого все компаньонки предостерегают своих девушек, наказывают им, чтобы не позволяли отводить себя за занавеску? Ты обвинил Вахила в охоте за подвязкой? А каков был твой счет в то Зимнее Солнцестояние? Не ты ли убеждал девушек биться об заклад, что попадешь кинжалом в руно-кость с двадцати шагов? По словам моих братьев, у тебя была лучшая коллекция в когортах, и немало девушек позволили тебе срывать их лепестки, когда ты требовал свой приз, не так ли? Твоя репутация опережает тебя, Темар, ты этого не знал? Я по крайней мере осторожна!

Темар стоял среди обломков своих надежд, злой на Гуиналь, на себя, на весь мир. Он открыл рот, но прежде чем успел заговорить, госпожа Ден Реннион вышла из-за угла и резко остановилась, увидев их.

— Простите, госпожа, я как раз собиралась... — Гуиналь подняла руку ко рту, и только тогда вспомнила, что цепочка все еще обвивает ее пальцы.

— Дорогая моя, что это? — Госпожа Ден Реннион потянулась к руке девушки и подняла ее к фонарю.

— Ах, Темар, как великолепно! — Любопытство вспыхнуло в ее глазах. — Вы отмечаете праздник Дрианон чем-то важным?

— Темар рассказывал мне об открытиях его экспедиции. — Гуиналь попыталась отдать юноше камень, но эсквайр упрямо засунул руки за пояс.

— Это подарок Гуиналь на праздник рождения. — Он выдавил подобие улыбки. — Ведь вы — постлетний ребенок, не так ли, барышня?

Госпожа Ден Реннион повернулась к нему с открытым ртом.

— Ну, не типично ли это! Я ведь спрашивала мессира Ден Феллэмиона, не празднует ли кто-нибудь из его семьи свой год в этот праздник, и он сказал, что Гуиналь родилась в предзиму! Ну-ка, моя дорогая, позволь я возьму твое кружево, ты должна всем показать такую красоту! — Она отколола кружево, прежде чем девушка успела найти подходящее возражение, и застегнула цепочку. Алмаз засверкал, сочный и яркий, на мягкой впадинке ее шеи. — Какой восхитительный подарок, Темар!

— Кажется, мессир ищет вас, госпожа. — Темар указал на Ден Ренниона в арке окна; вертя головой, он стоял у очага.

— О да, думаю, ты прав. — Госпожа Ден Реннион быстро подоткнула кружево Гуиналь вокруг своего выреза. — Пойду узнаю, что ему понадобилось.

— А я найду Вахила.

Гуиналь поспешила уйти, но Темар последовал за ней.

— Пока вы его будете искать, сударыня, я уведу Эльсир от тех глупых девиц. Музыка уже играет, и если я весь вечер протанцую с ней, это вызовет массу сплетен, не так ли? Это должно защитить твою репутацию, Гуиналь. Не беспокойся, я никому не скажу, какая она на самом деле пустая!

Обогнав девушку, Темар схватил Эльсир за талию, отвесил ей экстравагантный поклон и, решительно повернувшись спиной к Гуиналь, увлек Эльсир в более тесное объятие, чем этого требовал танец.

Дворец Шек Кула, Алдабрешский Архипелаг, 6-е предлета

Я проснулся под впечатлением образов из моих ночных видений. Они были столь яркими и отчетливыми, что я мог вспомнить каждую подробность. Молодой человек с черными волосами, стянутыми сзади заколкой из серебряных листьев, и в старинной одежде, как на фамильных портретах мессира. Итак, это был Темар Д'Алсеннен, последний отпрыск исчезнувшего рода, человек, чьим мечом я теперь владею. Но это был больше, чем образ, больше, чем сон. Я покачал головой, вспоминая о его противоречивых надеждах и опасениях, его планах на будущее, рожденных из непреодолимой потребности создать семью взамен той, которую он потерял в детстве. Я чувствовал его боль, вызванную непреклонностью Гуиналь, его смятение, я сочувствовал его показному флирту с Эльсир: мол, смотри, Гуиналь, ты не единственная голубка в голубятне. Во многих отношениях он напоминал мне меня самого двенадцать лет назад. Я узнал ту импульсивность, ту самоуверенность, которая привела меня в сети тассина, а более всего — мощь юношеских чувств, не притушенных еще зрелым опытом.

Я покачал головой и добродушно посмеялся над трудностями Темара с Гуиналь. По крайней мере мы с Ливак сошлись на том, что будем просто получать удовольствие, пока не решим, чего хотим друг от друга и от будущего, если вообще когда-нибудь решим. А интересно, что Ливак делает в эту минуту?

Но мои мысли вновь вернулись к ночным видениям. Станный это был сон... Я как бы видел все глазами Темара, но в то же время чувствовал себя отдельно от него. Я был сторонним наблюдателем, но смотрел прямо в его мечты и страхи любопытнейшим образом. Больше всего меня поразила одна вещь: если б я встретился с Темаром на дороге, то поклялся бы, что он и есть тот самый человек, который разбудил меня, когда на нас напали бандиты в Прозайнской Пуше. Что все это значило? Оче-

видно, тогда это тоже был сон, не так ли? Я также узнал и пряжку, ту самую, вокруг которой эльетиммский жрец, или как он там себя называет, плел для Каески свои заклинания. Пряжка принадлежала Темару. Это тоже должно что-то значить? И не страсть ли Темара, прорывающаяся в мой ум, лишила меня сознания в Релшазе? Логика не согласовывалась с моими мыслями, и тем не менее я был в этом уверен.

Я сел на тюфяк и прислонился к стене. Ранним утром воздух был еще прохладен, сквозь легкие ставни проникали звуки птичьих трелей в садах, и никакие насекомые не донимали меня. Я наслаждался покоем и тишиной, царящей во дворце. Только где-то далеко внизу домашние рабы бесшумно выполняли свою работу. Было это воспоминание о давно прошедшем празднике, того рода воспоминание, на которое рассчитывал Верховный маг Планир? Если да, то я, хоть убей, не мог понять, что в нем такого важного. По мне, это лишь наглядное доказательство того, какие невероятные причины находят люди, чтобы ссориться с любимыми. Я посмотрел на меч. Если это эфирная магия, то она представляется не более чем диковинкой, не идущей ни в какое сравнение со злым колдовством эльетиммов.

Я давно пришел к выводу, что одним из самых досадных обстоятельств в жизни раба было то, что у меня не находилось ни минутки для себя — на мои собственные размышления. Действительно, только я собрался обмозговать эти тайны, как дверь сзади отворилась и вышел Шек Кул — с голой грудью, в свободно завязанных шароварах, с небрежно переброшенной через плечо туникой. Даже без драгоценных камней и украшений воевода вселял страх — слишком мускулистый для своих лет, весь исполненный самообладания. С довольной улыбкой Шек Кул кивнул мне и, тихо насвистывая, легко зашагал по коридору. Я проводил его взглядом, немного завидуя его счастью, немного гневаясь на него и ему подобных с их неоспоримой властью над такими, как я.

Я заглянул в приоткрытую дверь. Ляо крепко спала, лежа на животе, нагая, в ворохе шелковых одеял. Лицо — как у ребенка, волосы упали на глаза; солнечный луч проник сквозь жалюзи, чтобы ласкать ее гладкое бедро. Утренний ветерок зашевелил воздух в комнате, насыщенный от запаха духов и страсти.

Подавив злобное желание с шумом втащить свой тюфяк и начать доскональную уборку, предпочтительно щеткой, скребушей пол, я прикрыл дверь и полез в свой мешок за чистой туникой. В дальнем конце коридора раздались тяжелые шаги. Я испуганно поднял глаза: эльетиммский жрец смотрел на меня с мерзким ожиданием в глазах. Он выглядел довольно миролюбиво в простой, неприметной одежде — тунике и шароварах черного

цвета, аккуратно выстиранных и немного линялых, — обычный проситель в честной торговле. Только глаза выдавали его, опасного, как собака, приученная понимать лишь плетку и жестокость.

— Дай мне посмотреть меч! — внезапно приказал он.

Я туло уставился на него с видом вежливого непонимания, который я совершенствовал на Гар.

— Я знаю, кто ты, тормалинец. — Жрец остановился и, подбоченясь, смерил меня презрительным взглядом. — Ты ничто. Все, что мне надо, — это меч. Отдай его мне, и я позволю тебе жить.

Я встал, сжимая ножны в руке. Жрец был не дурак и держался вне досягаемости клинка. Я взялся за рукоять и увидел странную смесь опасения и ожидания в его светло-голубых глазах, холодных как зимнее небо.

— Я все равно получу и этот клинок, и тебя в придачу, — усмехнулся он, уязвленный моим упорным молчанием. — Ты будешь в моей власти. И прежде чем я покончу с тобой, ты будешь рыдать как высеченный ребенок.

— Думаю, это мне решать, когда и как наказывать мою собственность. — Ляо быстрым движением распахнула дверь и надменно уставилась на эльетимма. Ее царственная манера нисколько не пострадала от того, что из всей одежды на Ляо была одна лишь прозрачная нижняя туника. — Твое поведение едва ли почтительно... для гостя Шек Кула, — добавила она с недвусмысленным ударением.

В мгновение ока с лица эльетимма исчезло всякое выражение. Он низко поклонился Ляо, круто повернулся и быстро ушел обратно по коридору.

— Каков наглец! — Ляо озадаченно покачала головой. — О чем Каеска думала, привозя его сюда?

Я воспользовался моментом.

— Я могу рассказать тебе, что она замышляет. Я подслушал, о чем они говорили прошлой ночью.

У Ляо заблестели глаза.

— Отлично. Я знала, что в конце концов ты научишься быть хорошим рабом. Принеси нам что-нибудь поесть и тогда все расскажешь.

Она открыла балконные створки и выбрала из кучи одежды, лежащей на скамье, простое, свободное платье. То, что Ляо сама все это делала, — лучшее доказательство ее серьезного интереса к моим сведениям. Я молниеносно сходил вниз, на кухню, и вернулся с огромным подносом пресного хлеба, сыра, фруктов и сока. Я оголодал со вчерашнего дня, к тому же приучил себя при всякой возможности обильно завтракать, так как это была самая безобидная еда для моего желудка.

— Итак, что ты слышал? — Ляо села на подушку и потянулась к ягодам. — Рассказывай все.

Я помолчал в нерешительности, не зная, с чего начать. Вряд ли все это дело с мечом вызовет у нее любопытство. Нужно рассказать что-то, непосредственно касающееся ее амбиций.

— Ну, во-первых, я знаю, откуда родом этот человек. Он с островов далеко на северо-востоке, в сердце огромного океана. Это очень бедные земли, там нет ни металлов, ни дерева, ни животных, годных для выделки хорошей кожи. Он лжет Каеске насчет торговли, которую может предложить.

Ляо пожала плечами, но в глазах ее я увидел удовлетворение.

— Тогда она будет выглядеть ужасно глупо, если ничего не достигнет, и совсем утратит свое положение. Продолжай и поешь чего-нибудь. У меня есть дела на утро.

— Торговля — это только предлог. — Я поспешно налил себе сока. — Он говорит Каеске, что поможет ей родить ребенка и вернуть место Первой жены.

К моему удивлению, Ляо искренне засмеялась.

— Тогда он так же глуп, как она. Каеска бесплодна, мы все это знаем.

Следующие слова я выбирал с крайней осторожностью.

— Возможно, она была бесплодна с Шек Кулом, но что, если она хочет взять этого человека в любовники и выдать его ребенка за дитя воеводы?

Ляо призадумалась.

— Шек Кул не имеет трудностей с потомством — женщины в нескольких владениях могут это подтвердить. Мали особо позаботилась, чтобы ее первенец тоже был его крови. Во всяком случае, если б дело заключалось только в подходящем мужчине, Каеска давным-давно бы родила.

Теперь пришла моя очередь недоумевать.

— И Шек Кул не стал бы возражать?

— Я все время забываю, какой ты невежественный! Пойми же, в чем тут смысл: ветер разносит семена, но урожай снимает фермер. — Ляо вздохнула и покачала головой. — Долг жены — рожать детей для мужа, а от кого — ее личное дело. В конце концов, некоторые жены — близкие родственницы своим мужьям, некоторые мужчины не могут заставить женщину забеременеть, иные предпочитают ходить гладко выбритыми. К тому же мы — островитяне; вливание новой крови во владение всегда благотворно. Понятно, что хорошая жена сделает это, по крайней мере с одним из своих детей. Если б мы всегда рожали только друг от друга, то были бы уже все шестипалые и ростом с три меры.

Она бросила на пол оторванный хвостик ягоды и подцепила ложкой темно-зеленый стручок с зернами молочной

спелости. Я капнул меда на кусок жесткой лепешки, сверху положил ломтик белого сыра и, свернув все это, запихнул в рот, пока Ляо продолжала говорить.

— Каеска бесплодна, — твердо повторила она. — Они с Шек Кулом женаты почти двадцать лет, и за все это время она ни разу не забеременела. Если б она только признала этот факт, то легко могла бы вернуть себе статус Первой жены; например, выменяла бы ребенка у островитянина и сама его воспитала. Не стыдно быть бесплодной среди цивилизованных людей. Беда в том, что Каеска не признает этого. Она почти все время проводит вдали от владения и распускает слухи, что именно поэтому и не зачала; она двадцать лет выставляла себя и Шек Кула на посмеище, но он вынужден был ей потакать ради договора с ее братьями, которые души в ней не чают, а заодно извлекают выгоду из ее ранга. Еще она делает все возможное, дабы спровоцировать Шек Кула на какой-то опрошный шаг, что даст ей право развестись с ним, но он слишком умен, чтобы позволить ей выйти сухой из воды. Однако теперь, когда ее братья изгнаны из владений Данака, Шек Кулу больше не нужно защищать ее статус Первой жены. Тот союз мертв, как вчерашняя рыба. Теперь наш муж может наконец занять себе наследников.

Ляо весело хихикнула.

— Они с Мали были заняты прежде, чем кровь Данака Нила высохла на песке. Я буду следующей, и когда Гар оправится от понижения Каески, я думаю, она тоже захочет ребенка. Наш муж еще не решил, как долго он будет воздерживаться от ее постели, дабы она поняла, что он знает об их с Каеской интригах, но думаю, Сезарр сможет выполнить свою обязанность.

Награждать свою хозяйку дитем — одна из обязанностей личного раба? Я не хотел толкать эту корзину крабов!

— Что будет с Каеской?

— Она закончит Четвертой женой, если не совершит какую-нибудь глупость, которая даст Шек Кулу повод развестись с ней. — Ляо наклонилась вперед и внезапно перешла на шепот. — Что именно обещает ей этот чужеземец? Думаешь, она могла бы просчитаться?

— Не уверен, — опасливо ответил я. — Он точно обещает ей ребенка, и я знаю, он использует наркотики, чтобы задурить ей голову.

— Наркотики? — Ляо наморщила лоб. — Я могу здорово дискредитировать Каеску, если дам знать, что она предается грязным порокам жителей материка. Ее переговоры скоро тоже пострадают. А как насчет спиртного? Ничего такого не видел?

Я покачал головой.

— Это было бы хуже?

Ляо раздраженно открыла рот и вдруг улыбнулась.

— Вы — жители материка! Конечно, это было бы хуже. Наркотики и спирт притупляют ум и гноят тело. Любое владение, допустившее их употребление, вскоре окажется с чужими войсками на своих пляжах. — Она нахмурилась. — Однако для развода с Каеской этого мало. Есть еще что-нибудь, что я могла бы использовать против нее?

— Она дает Ириту ягоды тахна, — вспомнил я.

— Что это?

— Это такое растение. Из его листьев целители делают настой, который притупляет боль, но ягоды — очень сильный, даже смертельный наркотик.

Ляо пожала плечами.

— Если Каеска хочет отравить своего раба, это ее дело. Если это войдет у нее в привычку, Шек Кул сможет лишь упрекнуть ее за напрасно растраченный обмен, но больше у него никаких прав в этом вопросе нет.

— Она приказала отрезать бедняге язык! — с жаром возразил я. Ляо подняла тонко выщипанные брови.

— Как странно! Немые вышли из моды еще до моего рождения. Однако мы уходим от сути. Как этот чужеземец предполагает наградить Каеску ребенком?

Я вынудил себя игнорировать эти новые и малоприятные сведения, проливающие свет на алдабрешскую жизнь.

— Думаю, с помощью магии. По всем признакам он — колдун.

— Магии! — выдохнула Ляо, прижимая ладони к лицу, у нее заблестели глаза от ликования.

— Шек Кул может развестись за это с Каеской?

— Он может ее казнить! — Ляо выглядела как ребенок, который проснулся и обнаружил, что Солнцестояние наступило сезон раньше. — Ты получишь щедрую награду, а мы навсегда избавимся от нее за такое преступление!

— Магия карается смертью? — Я чуть не подавился, но Ляо была слишком довольна, чтобы сердиться на меня за невежество.

— О да, она абсолютно запрещена. Стихии священны, они дают нам жизнь и лелеют всех нас. Вмешательство в равновесие — это осквернение, которое можно искупить только жизнью тех, кто к этому причастен.

Я молча возблагодарил Дастеннина за то, что не успел проговориться о моей собственной связи с магами.

— Этот человек давал Каеске дышать дымом тассина, — напомнил я Ляо. — Колдун туманит ее сознание, пока оно не изменит ей, и использует ее отчаяние, чтобы обмануть.

Моя госпожа снова пожала плечами — ее излюбленный жест.

— Ну и дура она! Неведение — вовсе не оправдание для суда Шек Кула.

— И что будет?

— Я обвиню ее, а Шек Кул станет судить и взвешивать твое свидетельство против ее отрицаний. — Ляо откусила сочный красный фрукт и облизнула липкие пальцы. — Затем их обоих казнят.

Слишком уж все просто, подумал я, но постарался скрыть недоверие.

— Воевода примет слово раба с материка против своей собственной Первой жены?

— Теперь ты островитянин, не забывай, — строго напомнила Ляо. — Твое слово так же надежно, как слово Каески.

— Когда ты обвинишь ее? — Я вспомнил, что у меня есть и свои причины для форсирования этого дела, особенно теперь, когда я не хотел объяснять интерес эльетимма к моему мечу.

— Я должна тщательно выбрать время. — Прищулив глаза, Ляо усталилась в пространство. — Думаю, прежде всего нам следует изолировать Каеску. Если мы дадим знать Гар и Мали, что она затевает, Гар сразу захочет устраниться от ее интриг, так как сама рискует быть казненной. Это должно принести нам какие-то ценные сведения.

— Когда ты скажешь Гар?

Ляо обратила на меня раздраженный взгляд.

— Я не скажу Гар. Ты расскажешь Сезарру, а он расскажет ей. Тогда она сможет прийти к нам по собственной воле, показать, что действует, исходя из собственных подозрений, и ведет себя как хорошая жена.

Этого следовало ожидать.

— Ладно. Но этот человек, эльетиммский жрец, требует, чтобы Каеска совершила обмен и я стал ее личным рабом. Он опасен, и если ты хочешь, чтобы я мог давать показания, тебе лучше не тянуть слишком долго.

— Что ему от тебя нужно? — надула губки Ляо, а потом вдруг расхохоталась. — Уж не хочет ли Каеска, чтобы ты стал отцом ее ребенка?

Я опешил: а может, это видение — и в самом деле ребенок Каески? Но нет. Я твердо покачал головой. Эльетимму нужен меч, он ясно это сказал.

Ляо вытерла слезы умиления.

— Так что же нужно от тебя этому чужеземцу?

Я впился зубами в сочный фрукт, чтобы потянуть время и придумать ответ. Не говорить же Ляо, что он хочет завладеть заколдованным мечом, каким-то таинственным образом связанным со мной, и расстроить планы магов Хадрумала.

— Думаю, он знает, что я могу его разоблачить, рассказать всем, как бедны его острова и что ему нечем торговать.

К счастью, идея избавиться от Каески настолько поглотила Ляо, что она приняла как должное это довольно жалкое объяснение. Вероятно, алдабрешская одержимость торговлей заставила его звучать весьма убедительно для Ляо, как будто все, чего добивался Ледяной островитянин, — это вступление в торговлю с Архипелагом.

Стук в дверь испугал нас обоих, но это был всего лишь Гривал. Он стоял на пороге, взбудораженный, как никогда.

— Ребенок, он вот-вот родится, — с дрожащей улыбкой выдал раб. — Мали хочет, чтобы ты пришла, моя госпожа.

— Уже иду.

Схватив первый попавшийся шарф, Ляо завязала волосы и уже в дверях повернулась ко мне.

— Будь осторожен. И поговори с Сезарром прямо сегодня.

Я низко поклонился и, стоя у двери, смотрел, как Ляо легко бежит по коридору, а Гривал деловито шагает рядом.

ГЛАВА 7

Письмо Верховного мага Холариона с реки Имат, написанное в 3-й год правления императора Алеона Храброго (первоначально хранившееся в архиве Верховного мага, библиотека Трайдека, Хадрумал).

Дорогой Дреттен!

Я с интересом прочел твои известия об оживившейся торговле релшазцев с островитянами Алдабрешского Архипелага. Теперь, когда ты живешь в этом городе, для тебя важно понять кое-что из основ их враждебности к магии, хотя бы ради твоей собственной безопасности. Многие скажут тебе, что сия неприязнь происходит из слепого предрассудка; в каких-то случаях это, возможно, и так, но корни столь широко распространенного предубеждения намного глубже. Попробую объяснить, учитывая пределы наших нынешних знаний.

Хотя алдабрешцы не поклоняются богам, как это делаем мы, не стоит принимать их за бездумных варваров. Сложные философии Архипелага сотканы из наблюдений за миром природы, поведением животных, сезонами цветения и плодоношения, изменением конфигураций звезд и лун. Больше того, алдабрешцы верят в невидимые силы, действующие вокруг них. У алдабрешцев нет понятия Иного мира, но они верят, что сущность, дух умершего человека остается неосозаемой частью их дома, их семьи. Не пойми меня превратно, они не поклоняются своим предкам, как варвары дальнего запада, но считают и умерших, и еще не рожденных неразрывно связанными с живущими. Представь себе, скажем, дерево, поваленное бурей, которое позже даст побег и тот зацветет. Смерть, рост и перспектива новой жизни — все заключено в одном растении.

Алдабрешцы верят, что все вещи — материальные и неосозаемые, видимые и невидимые — связаны и взаимозависимы; отсюда их многочисленные и разнообразные методы ворожбы, прак-

тикуемые всеми слоями общества. Воевода вполне осознанно удержит войска или бросит их в бой в зависимости от своего толкования полета стаи птиц. Его виды на женитьбу осуществляются или рухнут по движению драгоценных камней, положенных на горячий лист металла. Алдабрешская астрономия достигла таких высот изощренности, что нам остается лишь завидовать. Островитяне верят, будто действия во время затмения принесут человеку огромную пользу или вызовут гибель врага. На повседневную жизнь влияет бесчисленное множество пустяковых эпизодов, тогда как крупные события — извержения вулканов или ураганы — могут привести к войне, примирению или какому-то другому совершенно неожиданному исходу. Кажется, существует ряд непреложных правил; если это так, то нам еще предстоит открыть их.

Придание такого значения случайным событиям может показаться странным и даже бесполезным нам, с нашими поколениями более сложных наук, но этот принцип веры — главенствующий в алдабрешской жизни, именно в нем заключена разгадка их ненависти к магии. Видеть, что какой-то чародей умышленно манипулирует стихиями, образующими живую материю, — это, на их взгляд, и непристойно, и в высшей степени угрожающе. Магия — хаотическая, разрушительная сила; невозможно представить, чтобы она могла послужить добру. Какое бы временное преимущество магия ни дала, оно было бы ничтожным по сравнению с нанесенным вредом. С тем же успехом можно ставить лампу в угол гобелена, пытаясь осветить его целиком.

Думаю, теперь ты поймешь, почему я советую тебе избегать алдабрешских торговцев. Их враждебность останется непоколебимой, и любая попытка расположить их к себе лишь подвергнет тебя опасности. Не забывай о страшных мучениях, уготованных тем, кто осужден за практику магии на островах Архипелага.

Дворец Шек Кула, Алдабрешский Архипелаг, 6-е предлета

Я посмотрел на беспорядок, который Ляо вечно умудрялась создавать, и наскоро прибрался, не желая упустить единственную возможность самому исследовать территорию дворца. Я пристегнул меч на случай, если Ледяной островитянин сунется ко мне, но кольчугу оставил свернутой в углу — в ней я бы слишком бросался в глаза. С высоко поднятой головой я уверенно спустился по лестнице, кивнув пажам, сидевшим в своей каморке, склонившись над непонятной игрой из цветных камней.

Я вышел из дворца и напрямик направился к главным воротам, мучительно выдумывая какой-нибудь предлог, который позволит мне выйти за стену и поглядеть, что может предложить мне берег для побега. Единственный шанс — если на

посту будет кто-то из молодых, самоуверенных и надменных в свеженачищенных кольчугах, — я хорошо знаю это с тех самых пор, когда муштровал новобранцев мессира. Если я попаду на берег, может, удастся спрятаться на галере из другого владения... Только какой в этом прок?

Дорожка обогнула дерево с глянцевыми листьями; я научился уважать эти листья с острыми как бритва краями и немедленно отступил в его укрытие, когда Каеска Шек вошла на территорию дворца. Она была в простом платье из белого хлопка, голову ее покрывал длинный шарф, который она торопливо сняла при входе. На пороге Каеска оглянулась, затем пошла дальше, не говоря ни слова стражникам; те открыли и закрыли за ней высокие черные ворота. Руки ее были сжаты на груди — прятали что-то маленькое.

— И где же ты ходишь, моя госпожа, когда Мали рожает? — пробормотал я.

Я посмотрел на стражников в воротах: трое мужчин с твердыми лицами, на горсть лет старше меня. Опыта лжи и хитрости таким не занимать, если Ляо не преувеличивала, рассказывая о жизни в Архипелаге. Я оставил надежду выйти за стену и прислушался к тихим шагам Каески по гравии. Чем больше улик я соберу против этой женщины, тем большую безопасность обеспечу себе. Я свернул на дорожку меж густых зарослей ягодных кустов, буйно растущих на плодородной черной почве; их темные листья давали отличное убежище. Медленно продвигаясь, я разглядел сквозь листву яркие волосы Каески и после минутного раздумья понял, что она сидит на каменном краю фонтана, где бесцельно кружит стайка разноцветных рыбок.

Я не видел, что делает Каеска, и стоял неподвижно, досадуя, пока она не встала и не отправилась дальше в сторону главной резиденции. Немного выждав, я пошел следом и по дороге глянул на фонтан. Глянул — и встал как вкопанный. Несколько тусклых, синеватых рыбок плавали на поверхности воды кверху брюшками, их плавники в последний раз слабо шевельнулись и через миг застыли.

Я бросился за Каеской, твердо решив не терять ее из виду, а сам пытался разгадать, для какой игры она ставит доску на этот раз. На территории дворца было несколько фонтанов с рыбками, и Каеска посетила их все в своих видимых блужданиях. Ее путь также пролегал через ту часть сада, где каждая жена держит вольтер с разнообразными птицами: одни — яркие и сладкоголосые, другие — совсем невзрачные, разве что на вкус они лучше, чем на вид. Когда Каеска поднималась по лестнице в главную часть дворца, я подумал, не к тем ли жутким ящерицам в обеденном зале она направляется. Все эти животные имели какое-то значение, которое для меня оставалось загадкой. Пока же я установил

только одно: каждое утро Ляо первым делом выпускает птицу со своего балкона и внимательно изучает ее полет. Капризы пернатой могли существенно повлиять на настроение Ляо в течение целого дня. Я уже научился быть осторожным в те утра, когда глупое создание направлялось к горе, что возвышалась в центре острова.

Но все-таки зачем Каеска травила рыбу? Проверяла действенность того, что прятала на груди, прежде чем сунуть яд кому-то еще? Надо предупредить Ляо, и Гривала тоже, решил я. Уж он сумеет не подпустить Каеску к ребенку! В этом чумном климате новорожденные должны быть еще уязвимее, чем у нас, на материке, и, возможно, Каеска надеется выдать его смерть за естественную трагедию.

Я незамедлительно вернулся во дворец и взбежал по лестнице, радуясь голосам над моей головой. Когда я поднялся на верхний этаж, Мали огибала угол, тяжело опираясь на руку Шек Кула. Гривал поддерживал ее с другой стороны. Женщина посмотрела на меня отсутствующим взглядом: боль скрутила ее, исторгнув хриплый стон из самых глубин ее существа. Следом появились Гар и Ляо. Они промокали роженице лоб, бормотали слова ободрения, растирали спину, пока схватки не прошли. Мали снова начала свое неуклюжее продвижение, шепча умопомрачительный набор непристойностей Гривала. По мне, эта женщина выглядела дошедшей до крайности, но повивальная бабка улыбалась и кивала, и, поскольку никто не паниковал и не кричал, мне пришлось предположить, что они знают свое дело. Я точно не знал: в приличных тормалинских семьях роды — исключительно женская тайна.

Я шагнул к Ляо, надеясь поговорить с ней, но госпожа сердито отмахнулась от меня. Раздосадованный, я отступил, однако настаивать побоялся. Спускаясь по лестнице, я невольно ускорил шаг — от душераздирающего крика Мали задребезжали ставни.

Я повернул за угол на первом этаже и нос к носу столкнулся с эльетиммом. На сей раз, вместо того чтобы запугивать меня, он сам чего-то испугался и, круто повернувшись, побежал по выложенному белыми плитками коридору, который вел к анфиладам гостиных, где каждая жена принимала своих посетителей. Я направлялся в противоположную сторону, когда мною вдруг овладело жгучее любопытство и ноги сами собой понесли меня вслед за эльетиммом в этот лабиринт на нижнем этаже дворца. Опасение боролось с внезапной, железной решимостью узнать, что замышляет сия милая парочка, но я отмахнулся от него, смутно думая, что Айтен высмеял бы меня за столь не свойственное мне поведение.

Впереди захлопнулась дверь, изгоняя спонтанные соображения из моей головы. Это был главный вход в гостиные Каески, и я слышал тихий шепот голосов, который в полной

мере пробудил мою досаду. Бесшумно ступая босыми ногами по мраморному полу, я подкрался к самой двери, но по-прежнему не мог ничего разобрать. Что ж, если за магию здесь казнят, Каеска вряд ли станет орать заклинания во все горло. Внутри опять слышались голоса, и я затаил дыхание, молча проклиная занавеску, задернутую с той стороны двери, — меж черных деревянных планок виднелся ее алый шелк.

— Когда родится ребенок, ты доставишь это письмо моему кузену, Данаку Нилу. Он тебе скажет...

С кем говорит Каеска?

«Сзади!»

В тот миг, когда этот голос раздался внутри моей головы, на стену передо мной упала тень, и, резко оглянувшись, я увидел эльетимского жреца, который вздымал надо мной булаву, чтобы разбросать мои мозги по узорчатым плиткам. Я бросился вперед и с треском проломил тонкие планки двери. Череп спас, но получил мощный удар по бедру, и оказался лицом к лицу с перепуганной Каеской. Она была одна, и, внезапно все поняв, я молча выругал себя. Это ж надо — клюнул как дурак на их приманку!

— Хватай его!

Эльетимм отдернул порванную занавеску, и женщина заметалась как птица в клетке. Она попыталась схватить меня и завизжала от страха и возмущения, когда я сгреб ее за тонкую талию и бросил прямо в колдуна. Оба грохнулись на пол, а я побежал к ставням, открывавшимся в сад, второпях перепрыгнув через кушетку. Но едва моя нога коснулась пола, как ее пронзило нестерпимой болью. Я с криком упал и, катаясь по полу, схватился за бедро. Поглядев сквозь слезы на ногу, я увидел осколки кости, торчавшие из мяса, и кровавые лохмотья кожи. Зубы Даста, как он нанес такую рану всего одним скользящим ударом? Пока я стонал от боли, ублюдок подошел, чтобы позлорадствовать надо мной, и насмешливо стал шептать заклинание.

«Ах ты, навозная рожа!» — рассвирепел я и из последних сил двинул его здоровой ногой по колену — удар, которым я, бывало, калечил противников и покрупнее, чем он. И точно, колдун упал как подкошенный, хрипло вскрикнув, когда изогнутые ножки кушетки подломились под его тяжестью. Я получил слабый удар по почкам от Каески, но это меня не беспокоило. Как только заклинание расплелось, боль в бедре исчезла. Мои руки сжимали посилившую от ушиба, но в остальном невредимую плоть, и я вскарабкался на ноги, дрожа от ярости и ужаса. Этот гад снова путал мой разум, перемешивал мозги, чтобы обмануть меня. Я толкнул Каеску в живот и отбросил к полке изысканных ваз, кои разлетелись вдребезги, и злобно подумал, что эта стерва получила довольно осколков в задницу.

Я зыркнул в коридор — может, кто из слуг прибежал на шум и я получу невольную защиту? — но эта слабая надежда не оправдалась. Я потерял глаза и грязно выругался: ощущение направления растворилось под настойчивым ритмом еще одного заклинания, звенящего в моих ушах, бессмысленные слова отскакивали от стен, и комната поплыла перед моим затуманенным взором. Я повернулся кругом, лицом к жрецу, и потянулся к его расплывчатой фигуре, но колдун успел вернуть себе булаву. Он поднял ее с тревожным опытом, и я отступил. Свободной рукой он выдернул из-за пояса кинжал и бросил Каеске.

— Подрежь ему поджилки.

— Только попробуй, шпюха поганая! — зарычал я, не отрывая глаз от эльетимма.

Тот лишь улыбнулся. И тотчас кровь застучала в моей голове, виски запульсировали, в глазах потемнело, онемевшие ноги подкосились — пол стал наклоняться подо мной. Ничего вокруг не видя, я вслепую нащупал рукоять меча и, положив ослабевшие пальцы на оголовок, услышал в своей голове ясные интонации Гуиналь.

«Конечно, и простые защитные заклятия бывают очень эффективны. Попробуй это: «Тар-райял, тар-райял, тар-райял».

Я услышал, как голос, который не был моим, повторяет бессмысленные слоги, используя мои губы в этом странном фортеле памяти.

Девушка снова заговорила: «Вот видишь, теперь я не могу сковать холодом твои ноги».

В глазах посветлело — я заморгал и глубоко, облегченно вдохнул, увидев, как челюсть жреца отвисла от изумления и ужаса.

— Ты клялась, что у них нет настоящей магии! — бросил он, глядя за мое левое плечо.

Это подсказало мне, где Каеска, и, выхватив из ножен меч, я махнул им вокруг себя по блестящей дуге. Если придется ответить перед Шек Кулом за то, что я ее выпотрошил, — плевать. Сначала я должен выбраться из этой ловушки. Каеска завизжала, и я услышал, как она отскочила назад, а кинжал загремел на пол. Наставив меч на жреца, я молнией устремился к нему — он стоял между мною и бегством в сад. Теперь эльетимм пятился, но при этом сплетал еще одну сложную комбинацию слов, и я почувствовал, как холод смутнения реет вокруг меня, жадные пальцы колдовства срывают хрупкий щит, который дало моему разуму то странное заклинание. Я не мог выиграть этот бой, не на этих условиях.

Ругаясь во все горло, я обеими руками стиснул меч и, подняв над головой, бросился на колдуна. Неудивительно, что эльетимм отпрянул, споткнувшись о низкий табурет. Я оттолкнул

нул его плечом и обрушил меч на тонкую задвижку ставен; они бешено закачались, когда я сбежал в хрупкую безопасность садов. Пробегая мимо удивленных садовников, я направился к тренировочной площадке, схоронившейся за жилищами рабов. Личные рабы делили ее со стражниками. К счастью, Сезарр находился там, сидел, задумавшись, над решеткой, прочерченной в земле: это был некий вариант алдабрешской игры в камешки.

— Твоя нога... — Он бросил свою головоломку, увидев мои порванные шаровары и темнеющие синяки.

— Каеска и ее беловолосый гость, — коротко ответил я и со вздохом облегчения бухнулся на скамью.

С опытом, рожденным долгой практикой, Сезарр оторвал висевшую лохмотьями ткань и протер стремительно распухающее бедро каким-то вяжущим средством, от чего я зашипел сквозь зубы. Но при всем этом я понял: мне еще очень повезло, что я не получил этот удар в полную силу. Колдун мог и в самом деле сломать мне кость, если б ударил как надо, а не просто искалечить меня иллюзией, сотканной внутри моего ума.

— Так что случилось? — настойчиво спросил Сезарр, втирая мазь в глубокие царапины. С тех пор как я прибыл сюда, я довольно часто делал то же самое для него и Гривала.

— Каеска готовит заговор, чтобы убить Мали и ее ребенка. Она уверена, что сможет потом родить своего собственного ребенка и снова стать Первой женой.

Презрительно фыркнув, Сезарр покачал головой.

— Этот человек приехал сюда не для торговли, он приехал помочь Каеске использовать магию против Мали и Шек Кула.

Руки Сезарра замерли. Он поднял голову и уставился на меня, изумленно приоткрыв рот.

— Клянусь, это правда, — молвил я, не отводя от него глаз. — Я уже встречал таких людей и знаю, на что они способны. Их колдовство убило моего друга, который был мне ближе, чем брат. Их магия украла его разум и обратила его клинок против меня.

Боль в моем голосе, когда я говорил об Айтене, более чем компенсировала мои слабые познания в алдабрешском языке. Сезарр не мог сомневаться в правдивости моих слов.

— Ты сказал Ляо?

Я кивнул.

— Она хочет, чтобы Гар узнала прежде, чем Каеску обвинять перед Шек Кулом.

Непередаваемое облегчение отразилось на лице Сезарра.

— Гар никогда бы не участвовала в таком заговоре, ты должен это знать наверняка, — уверял он меня. — Она бы

ни за что не связалась с магией и никогда бы не причинила вред ребенку.

— Конечно, — подтвердил я. — Ляо так и не думала.

— Магия, — с отвращением повторил Сезарр. — Эта Каеска пала так низко... — Не найдя подходящих слов, раб снова покачал головой.

— Они знают, что я могу разоблачить их. — Я указал на свои синяки. — Они убьют меня, если сумеют.

— Не убьют, пока я с тобой, — зловеще пообещал Сезарр. Мысль о дружеском мече у меня под боком была, несомненно, ободряющей. — Идти можешь?

Я кивнул и, встав, последовал за рабом к главным воротам. Он вызвал командира Стражи, коренастого, темнокожего алдабрешца; я не раз видел, как Шек Кул что-то с ним обсуждает. Я мало что понял из торопливых объяснений Сезарра, но суть была очевидна: Стража на воротах удвоилась, и две четверки слуг с обнаженными мечами пошли прочесывать сад.

— Они арестуют Каеску, если найдут ее? — спросил я Сезарра.

Он с суровым видом шагал ко дворцу, держа руку на мече.

— Ей придется объясниться перед Шек Кулом, — ответил раб с угрожающей интонацией.

Мы вошли в апартаменты Каески, где порванная шелковая занавеска одиноко колыхалась на сквозняке и повсюду немым свидетельством валялись обломки мебели.

— Зачем она это делает? — возмутился Сезарр. — Кто этот человек, что имеет над ней такую власть?

— Он колдун. Он умеет проникать в разум человека и подчинять его своей воле. — Справедливости ради стоило напомнить этим людям, что Ледяной островитянин манипулирует Каеской.

Мы вышли из гостиной через двери в сад и видели, как командир Стражи встретился с двумя солдатами и те развели руками. Значит, никого не нашли.

— А еще Каеска травила рыбу, — вдруг вспомнил я. — Как ты думаешь, зачем?

Сезарр побелел от ужаса.

— Она хочет сделать для ребенка дурные предзнаменования! — выпалил он с отвращением. — Покажи мне!

Я повел его к отравленному фонтану, и Сезарр уставился на горсти мертвых рыбок, плавающих на поверхности.

— Ну, с этим мы справимся, — отрубил он.

Подозвав испуганного садовника, раб велел ему слить воду из фонтана и ошпарить его как следует, а сам пошел проверять остальных рыб, птиц и животных. Я не мог бы сказать, хворают ли ящерицы, они сидели, как всегда бесстрастные, на

своих камнях и древесных ветках, глядя вокруг тусклыми глазами; Сезарр заверил меня, что они не пострадали, объяснив заодно, что они имеют некое значение для воеводы, но, должен признаться, я так и не понял — какое. Мертвых птиц заметить было легче, и Сезарр отправился прямо к управляющему, который тотчас послал мальчишку собирать печальные трупики с пола вольеров, принадлежащих Ляо и Мали. По серьезным лицам слуг я понял, что со стороны Каески дело зашло гораздо дальше простой злобы против любимых животных соперницы, но, казалось, никто не хочет это обсуждать.

Управляющий направил свои стопы к воротам — поговорить со Стражей, а я поспешил за Сезарром к морщинистому старику, громко стенавшему над потерями. Его многословные причитания смолкли, только когда Сезарр рассказал о Каеске, которая привезла на остров колдуна. По мере того как все больше людей вовлекалось в разоблачение низкого и ничтожного замысла Каески с животными, весть о ее тайном сговоре с колдуном распространялась, и я с некоторой опаской подумал о том, как отнесется к этому Ляо. Вряд ли ее обрадует, что лучшая руна в ее руке уже разыграна без ее согласия.

С другой стороны, я вскоре понял, что, сам того не желая, заслужил одобрение среди дворцовой челяди. Люди кивали мне, улыбались и отпускали непонятные реплики, в которых тем не менее ясно слышалась благодарность. Я даже вышел за ворота с корзиной мертвых птиц и рыб, коих мы разбросали по кишашему крабами пляжу. Я украдкой озирался по сторонам — нет ли возможности сбежать, — как вдруг со всех сторон послышались возбужденные крики. Все с восторгом смотрели на море, но при этом торопливо отступали под деревья. Захваченный врасплох, я остался один на песке, во все глаза глядя на чудовище, которое плыло по узкому проливу, медленно извиваясь.

Это был морской змей. Все заверения матери, убеждавшей меня в детстве, что таких существ нет, что это только сказки, подобно Элдричскому Народцу, пошли прахом, когда на моих глазах массивные, кожистые кольца поднимались из воды и снова падали. Длинный серовато-зеленый плавник бежал вдоль хребта, рассыпая мириады сверкающих капель: чудовище ломало поверхность моря. Оно не было чешуйчатым, как змеи или рыбы, его кожа, тусклая и шероховатая, казалась маслянистой от воды, стекающей с нее извилистыми ручейками. Огромная голова поднялась над мутными водами, длинная и тупоносая, такая же толстая, как огромное тело, без всякого намека на шею; громадный рот, полный желтых иглоподобных зубов, разинулся на мгновение, крошечные черные глазки разглядывали меня, почти невидимые на темной

коже. Островитяне застыли в благоговейном молчании, а огромное животное резко ушло под взбаламученные воды, шлепнув напоследок хвостом в дальнем конце пролива.

Такого безумия, какое началось на берегу, я никогда в жизни не видел. Восторженные крики звенели в ушах, когда толпа несла меня обратно ко дворцу, а народу все прибывало и прибывало — весть распространялась быстро. Все еще не веря только что увиденному, я думал лишь об одном: если и смоюсь с этого острова, то, конечно, не вплавь.

— Что все это значит? — спросил я наконец Сезарра, пробившись к нему сквозь толпу.

— Видеть Рек-э-нала — это чудесное предзнаменование, великий знак дня, — объяснил он, широко улыбаясь. — Тебя ждет огромная удача.

Я поверю в это, если останусь жив — если моя собственная причастность к магии не будет раскрыта, а эльетимм не вонзит нож мне в спину.

До конца дня Сезарр не отходил от меня ни на шаг — можно было подумать, будто я ношу его кошелёк. К моей безмерной радости, ни Каески, ни эльетимма нигде не было видно. Во время повторных обходов садов, фонтанов и вольеров мы не заметили больше смертей среди птиц и рыб, так как они были заменены новыми, — их несла сюда Талагрин знает откуда непрерывная вереница потрясенных островитян.

У Мали продолжались схватки. Мы слышали прерывистые крики с верхнего этажа, когда наш путь время от времени приводил нас под высокие стены дворца, и обменивались взглядами, которые не нуждались в переводе, и разделяли наше виноватое облегчение, что никому из нас двоих не придется рожать. Солнце, огромное, оранжевое, уже висело над горизонтом, и наконец тонкий, высокий вопль пронзил напряженную тишину, спустившуюся над территорией дворца. Сады взорвались ликующими криками, из всех дверей высыпали люди — ни за что бы не поверил, что здесь их такое количество.

Я старался не отставать от Сезарра, который проталкивался сквозь толпу ко дворцу. Со всех сторон к нему неслись вопросы, и раб смеялся и согласно кивал. Тут и там люди менялись обломками глиняной посуды, и я внезапно понял: возможно, алдабрешцы не пьют ничего более крепкого, чем их дрянное вино, не вдыхают дым и не жуют листья, но они самые страстные игроки, каких я когда-либо знал. Однажды вечером, не так давно, я застал Ляо и Мали, когда они ставили целое состояние в виде драгоценных камней на крошечных желтых ящерах, карабкавшихся по стенам столовой.

Я дернул Сезарра за рубаху.

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, — ухмыльнулся он. — Кто проиграл, пять дней относит тарелки на кухню.

Я засмеялся и взял у него глиняный черепок — залог, покрытый алдабрешской вязью.

Мы поднялись на верхний этаж — Ляо и Гар стояли в коридоре, обе усталые и всклокоченные, в заляпанных кровью одеждах. Гар бросилась к Сезарру и обняла его в удивительном проявлении чувств, слезы блестели на ее щеках. Я неуверенно посмотрел на Ляо: казалось, она сама вот-вот заплачет. Она встряхнулась как котенок, попавший под дождь, и уцепилась за мою руку.

— Пойдем посмотрим нашего нового сына.

Итак, мне пять дней предстоит лавировать с тяжело нагруженными подносами по лестницам и коридорам, чтобы облегчить жизнь Сезарру. Тем не менее я улыбнулся рабу, а он ответил мне ухмылкой над головой Гар и последовал за Ляо к покоям Мали, где новопеченная мать полулежала в своей постели среди свежих одеял, опираясь на плечо Шек Кула. Она баюкала на груди крохотный сопящий сверток, увенчанный хохолком густых черных волос, как доказательством, что это, несомненно, ребенок Шек Кула. Мали выдавила слабую улыбку, и я ухитрился улыбнуться ей, хотя никогда в жизни не видел, чтобы кто-нибудь был настолько измучен и все еще оставался в сознании.

Шек Кул посмотрел на меня и в первый раз, с тех пор как я угодил во всю эту передрагу, обратился прямо ко мне:

— Это мой сын, Шек Най. Ты будешь защищать его, как если б он был плоть от плоти твоей.

Я посмотрел на крошечное, нежное личико, глаза, замуренные от странности этого мира, и кивнул. Уж это не будет ни трудностью, ни угрозой любой другой верности, которую я хранил. Я оглянулся на Ляо. Как скоро она намерена действовать, чтобы устранить опасность, нависшую над этой детской жизнью? Должно быть, Ляо прочла этот вопрос на моем лице, потому что слегка нахмурилась и взглядом велела мне выйти за дверь.

— У Мали все хорошо? — спросил я, держась, как обычно, на шаг позади госпожи, когда мы шли к ее покоям.

Я смутно представлял себе, что может случиться с женщиной во время родов, но среди моих знакомых я видел достаточно мужчин, которые рыдали, ставя малиновую урну в усыпальницу к Дрианон.

— Мали прекрасно все перенесла, повитуха очень довольна, — ответила Ляо. — Аспекты небес тоже весьма благоприятны.

Мы должны проследить, чтобы звезды полностью записали.

Она усталилась в потолок, ее мысли были явно заняты чем-то другим. Я не утерпел и спросил напрямик:

— Когда ты расскажешь Шек Кулу о Каеске и ее маге?

— А? Что? — оглянулась Ляо, взяв кувшин с фруктовым соком. — Вы, жители материка, отмечаете только солнце или какая луна стоит выше, не так ли? Ты знаешь время своего рождения? Мы могли бы составить карту твоих звезд, если знаешь...

Из всех неуместных вопросов, которыми могла заинтересоваться Ляо, тот факт, что я родился под Малой луной, казался наиболее бессмысленным.

— Каеска и маг напали на меня сегодня, погляди на мою ногу. Меня могли убить. Каеска использовала яды, травила птиц и рыб.

Я похолодел от ужаса. Где ползала эта гадюка, пока мы с Сесарром срывали ее планы в саду? Любой напиток, стоявший в комнатах, может быть отравлен. Я выбил фарфоровую чашку из рук Ляо. Чашка разбилась, и липкий сок забрызгал нас обоих. К счастью, Ляо так опешила, что даже забыла меня отчитать.

Проклиная боль в ноге, я встал на колени, макнул палец в лужицу сока, помазал им губу и стал лихорадочно ждать какого-то жжения или онемения, что выдавало бы наличие отравы. А затем рассказал изумленной Ляо, до чего богатым на события был этот мой день.

— Я принесу тебе свежий сок с кухни, тогда мы будем уверены, что он безопасен.

Я немедленно вышел, твердо решив, что Ляо должна обвинить Каеску как можно скорее. Я отказывался и дальше терпеть неуверенность и страх.

Вернувшись, я обнаружил Ляо в ванной комнате — она сдирала свою окровавленную и забрызганную соком одежду. Я протянул ей чашку и удалился в некотором смущении. Было довольно легко игнорировать ее соблазнительные формы, когда я думал, что любая рука, коснувшаяся ее, будет мгновенно отрублена разгневанным воеводой. Казалось, ее утренние откровения сняли оковы с моих желаний — старый пес проснулся и лаял. К счастью, Ляо этого еще не поняла. Она вышла в небрежно подпоясанном желтом халате на голое тело и с замотанными в шелковый шарф волосами. Лицо ее по-прежнему было задумчивым.

— Как только улучишь минутку, попроси у Сесарра растительного масла, ладно? Только первой выжимки, понимаешь? Я знаю, у Гар оно есть.

Удивляясь, почему разговор вдруг свернул к приправам, я тем не менее кивнул и отвернулся, дабы посмотреть на что-нибудь другое.

— Да, такое гораздо вкуснее.

— Райшелд! — чуть не захлебнулась хохотом Ляо.

Я обернулся: она так покраснела, что даже цвет ее кожи

— Не думала, что вы, на материке, увлекаетесь такими вещами! Я неуверенно посмотрел на нее.

— О чем ты?

Ляо потеряла губы. Она уже улыбалась, хотя в глазах ее все еще плясало изумление.

— А ты?

С минуту мы глядели друг на друга, шум веселья в саду вторгался в тишину комнаты.

— Маслом первой выжимки мы приправляем свежие овощи, — осторожно произнес я. — А вы?

— Предохраняемся от зачатия! — захихикала Ляо, прижимая ладони к щекам. — Мне надо чуть больше времени, чтобы подумать о ребенке. Я же видела, как он достался Мали!

Настала моя очередь покраснеть, и я выругался, почувствовав, что щеки обдало жаром.

— А что делают ваши женщины на материке, — у Ляо озорно заблестели глаза, — чтобы оставаться без ребенка?

Я нервно пригладил волосы.

— Не знаю.

Я придушил внезапное воспоминание о горшке соленой кедровой смолы, которую дал мне отец в своей мастерской вместе с откровенным разговором на следующий день после того, как я положил свои первые бакенбарды на алтарь Мизаена.

Ляо подвинулась ближе и положила пальцы на мою голую руку. От ее прикосновения волосы у меня встопорщились как у собаки.

— Коли на то пошло, — промурлыкала она, — что вы, на материке, делаете...

Громкий стук в дверь прервал ее. Сезарр просунул голову в комнату.

— Дерево будет сажаться на восходе луны, — сообщил он Ляо, прежде чем снова исчезнуть.

Нить между нами оборвалась.

— Приготовь мне голубое платье и шаль с узором из перьев, — живо распорядилась Ляо. — Я иду мыть волосы.

Не зная, то ли проклинать Сезарра, то ли благословлять его, я подобрал ей наряд и был приятно удивлен, что мне тоже разрешили вымыться и облачиться в новую одежду — зеленую тунику и шаровары, занесенные Гривалом, — видимо, подарок от Мали.

Когда убывающая половинка Большой луны взошла над горизонтом, заливая черный камень дворца холодным голубоватым светом, я вслед за Ляо спустился во внутренний сад, в сердце резиденции. Я держался близко к своей госпоже, готовый выслушать указание или замечание, так как воздух в саду был насыщен ожиданием и ощущением ритуала. Вдоль стен выстроились

домашние рабы, молчаливые и почтительные. Ляо остановилась рядом с Гар, и мы с Сезарром обменялись мгновенными взглядами. Он едва заметно наклонил голову, и я увидел Каеску на другой стороне сада. За ней, чуть покачиваясь, стоял Ирит — рот безвольно приоткрыт, глаза безжизненные. Эльетимм стоял возле Каески — волосы поразительно белые в ночи, зубы сжаты. Он уставился на меня с ненавистью, ощутимой даже через разделяющее нас расстояние. Я коснулся плеча Ляо и слегка наклонился вперед.

— Знаю, — прошептала она, — жди.

Дальняя дверь распахнулась, и Шек Кул вышел в сад. Гривал рядом с ним нес серебряную чашу, накрытую шелковой салфеткой.

Чуть отведя назад голову, Ляо прошептала мне:

— Это... — она силилась найти нужное тормалинское слово, — это выходит с ребенком, кормит его в лоне.

— Послед.

Какое счастье, что я не Гривал. Моя решимость убраться отсюда подальше, прежде чем Ляо соберется рожать, мгновенно удвоилась.

Шек Кул был в простой зеленой тунике; он без всяких церемоний выкопал глубокую яму в центре группы из пяти деревьев разной высоты. Гривал вывалил в яму свою ношу, а затем кто-то из садовников принес новое молодое деревце, которое Шек Кул посадил с удивительной сноровкой и ногой утрамбовал тучную черную почву. Низко поклонившись, садовник заговорил с воеводой, и тот бросил пораженный и неприветливый взгляд на Каеску. Женщина упорно смотрела в землю, а Ляо насторожилась.

Гар повернула голову, чтобы поймать мой взгляд.

— Рост этого дерева расскажет нам о здоровье и нраве ребенка. А его листья будут использованы для предсказаний.

Я кивнул, не собираясь признаваться, что редко слышал нечто, столь же неправдоподобное.

Ляо снова пошевелилась и, когда Шек Кул вытер руки о полотенце, поданное управляющим, шагнула вперед. Шепот удивления пробежал среди собравшихся, и Ляо вскинула подбородок — истинная жена воеводы.

— О муж мой, так же как ты исполняешь свой долг, чтобы защитить нашего нового сына, надежду владения, так и я должна противостоять серьезной опасности, что гнездится здесь, у нас, как ядовитая змея.

Ее ясный голос отразился от высоких каменных стен, и Каеска тотчас подняла голову. Ее расширенные глаза застыли в безжалостном свете луны — она в ужасе уставилась на Ляо.

— Я обвиняю Каеску Данак в подкупе колдовства для продвижения ее планов убить нашего сына и вернуть ей статус

Первой жены с ребенком, рожденным колдовством.

В голосе Ляо не было торжества, не было ничего из ее утреннего ликования, только одно неумолимое звучание правды. Все вокруг нас разом ахнули и испуганно зашептались.

Шек Кул поднял руку. Воцарилась мертвая тишина.

— Преступление, в котором ты обвиняешь, карается смертью. — Он обращался непосредственно к Ляо, словно она была тут одна. — Каково твоё доказательство?

Ляо указала за свое плечо.

— Слово моего личного раба.

Все взоры устремились на меня, и я стоял, неподвижный, бесстрастный, а сам лихорадочно ждал, что будет дальше.

Воевода посмотрел на Каеску, потом изучающе — на меня. Все кругом затаили дыхание.

— Я выслушаю это дело завтра на закате солнца, — объявил он, бросив наконец полотенце Гривалу.

Едва Шек Кул вернулся во дворец, как толпа загалдела. Ляо пошла впереди меня обратно к лестнице, а я изо всех сил старался держать Каеску в поле зрения. Это было совсем не то, чего я ожидал.

— А что с Каеской? — Я огляделся, тщетно выискивая стражников или домашних рабов. — Где ее будут держать? Где темница воеводы?

Остановясь на ступеньке, Ляо повернулась и посмотрела на меня сверху вниз.

— Каеску никуда не заточат. — В ее тоне слышалось недоумение. — Домашняя Стража будет на чеку, этого хватит, чтобы удерживать ее от любых глупостей.

— Почему же нет? — горячился я. — О чем Шек Кул думает? Теперь она знает, что ее раскусили, и у нее впереди вся ночь и весь день, чтобы сотворить любое зло, какое она пожелает!

— Но не в то время, когда все глаза следят за ней, зная, что она обвинена, — к моему удивлению, заметил Сезарр. — И Шек Кул выслушает это дело как можно скорее, в самом начале дня, следующего за обвинением.

Ну конечно, одной из многих особенностей алдабрешской жизни является то, что они измеряют день от заката до заката.

— Даже самый презренный раб имеет право знать, в чем его обвиняют, и подготовиться к защите, — сурово сказала Ляо. — По крайней мере на островах.

— Может, она решится сбежать? — задумчиво предположила Гар. — Так было бы лучше.

С моей точки зрения — нет. Поднимаясь за Ляо по лестнице, я шепотом выругался. Слишком многого я не знал об этом кошмарном месте, о странных обычаях людей, их своеобразных взглядах. Придется полагаться на Ляо, и мне это совсем не нравилось.

— Как проходит суд? У вас есть адвокаты, говорящие за вас? Кто-нибудь станет доказывать невиновность Каески? И что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Алдабрешское правосудие быстрое и верное, — не раздумывая ответила Ляо. — Шек Кул вызовет тебя, ты встанешь перед ним и расскажешь то, что знаешь. Каеска будет отвечать, и ты можешь оспаривать детали, если нужно. Шек Кул будет слушать, сколько пожелает, а затем вынесет свой приговор. Мы не прячемся за заступниками и состязанием, как жители материка. Истина — это не какая-то падаль, чтобы стервятники выклевывали из нее лучшие куски.

Надо бы это запомнить и использовать как-нибудь против Ми-сталя. Итак, насколько я понял, этот суд будет иметь всю законность тюремных разборок. Остается уповать на то, что легендарная кровожадность алдабрешцев одержит верх и Каеску всё же казнят.

— А как насчет рыб и птиц? Когда ты расскажешь о них Шек Кулу?

— Никогда, и ты тоже будешь молчать. — Ляо мстительным толчком распахнула дверь спальни. — Каеска станет все отрицать, а когда мы признаем факт смертей, может остаться подозрение, что это было истинное предзнаменование.

И если никто не упоминает ящерицу, сидящую посреди обеденного стола, ее, видимо, тоже не существует.

— Я также не хочу, чтобы ты упоминал об их нападении, ибо свидетелей не было, — продолжала Ляо. — Иначе они воспользуются этим и будут доказывать, что между тобою и чужеземцем существует личный конфликт, а твои обвинения — просто злобная клевета.

Взмахом руки Ляо закончила обсуждение, приготовилась, как обычно, ко сну и вскоре уже храпела с завидной безмятежностью. Я лежал на своем тюфяке, держа под рукой обнаженный меч, но спать не мог, мои уши ловили каждый шорох, пока долгая ночь сгушалась, темнела, а после светлела, переходя в день.

Дворец Шек-Кула, Алдабрешский Архипелаг, 7-е предлета

Я стоял на балконе, глядя, как солнце разливает золотое обещание нового восхода по темно-зеленым склонам горы, когда услышал сзади шорох. — Я подавил зевок и обернулся. Ляо выбиралась из шелкового кокона одеял — глаза сонные, лицо по-девичьи мягкое. Как только ее взгляд остановился на мне, лицо ее стало суровым.

— Ты выглядишь ужасно! — Ляо отбросила одеяла. — Всю ночь не спал?

— Я знаю, что задумала Каеска. Я уже имел дело с этими погаными эльетиммами. — Изнурение ударило меня с

хлесткостью пощечины, когда пришлось снова говорить и думать. — Я не собирався позволить ей тихо подкрасться и перерезать нам горло среди ночи!

— Что за нелепость, — с презрением молвила Ляо, натягивая старую малиновую тунику.

Не будь я таким утомленным, я бы нашел какой-нибудь колкий ответ, но сил хватило лишь на то, чтобы нахмурить брови.

— Ты нужен мне бодрый и бдительный, дабы свидетельствовать против Каески сегодня вечером, — продолжала она напряженным от досады голосом. — Залезай. — Ляо отдернула одеяло.

— Что? — заморгал я, слишком усталый, чтобы думать о приличиях.

— Поспи, глупец. — Ее тон предупреждал, что у нее кончается терпение, нога зловеще постукивала.

Я пошел к кровати, утешая себя тем, что Сезарр и Гривал, должно быть, уже встали и дворцовая Стража сменилась на рассвете. В открытом бою они явятся более чем достойными противниками для Каески и ее колдуна. Теперь, когда заговор раскрыт, эльетим не посмеет использовать магию, иначе приговорит их обоих еще до суда. Мои вялые размышления как раз добрались до этого вывода — и шелковая подушка с соблазнительной лаской коснулась моей щеки. Я заснул еще прежде, чем запах Ляо и тепло ее тела, сохранившиеся в постели, успели расшевелить мои притомившиеся чувства.

Из глубин сна меня вынес нарастающий шум в саду. Разлепив глаза, я пытался различить его отдельные элементы, и в эту минуту дверь отворилась. Я тотчас сел, сердце бешено застучало, но это была только Ляо. Она стояла, глядя на меня с раздражением и беспокойством.

— Ты в состоянии говорить связно, не засыпая посреди рассказа? — Она снова постукивала ногой, и я запоздало понял, как много собственного престижа Ляо вложила в мое слово.

— Да, — просто ответил я, — ты была права, мне нужно было поспать.

Если я думал, что мое признание смягчит ее, то ошибся.

— Конечно, я была права, — огрызнулась Ляо. — Вставай, умойся и принеси нам что-нибудь поесть.

Я послушно вскочил. Вид женщины, стоящей посреди комнаты со скрещенными руками и досадой в глазах, нисколько не располагал к тому, чтобы валяться в постели. Подавив мимолетное желание хотя бы на этот раз как следует побриться, я направился вниз, к кухням, но по пути остановился на лестнице, чтобы открыть ставни и по солнцу определить время. Оказывается, уже вечерело, и я увидел всплеск активности в садах. Вчера, после того как разошлась весть о рождении ребенка, я подумал,

что это место битком набито, но вчерашнее столпотворение меркло в сравнении с нынешним. Казалось, сюда съехалась половина владения; я просто не мог поверить, что все эти люди живут на одном острове. Нервная дрожь пробежала по мне, и я злобно прихлопнул попавшееся на глаза насекомое.

— Держи себя в руках, — пробормотал я. — Единственный, кого тебе нужно убедить, — Шек Кул. Представь, что это сьер в дурном настроении.

Но вся беда в том, что я знал сьера и его нрав, тогда как Шек Кул по-прежнему оставался тайной за семью печатями, а кроме того, я мог полагаться на защиту клятв, принесенных сьером, когда он предлагал мне свое покровительство. Я вдруг подумал: что может сделать со мной Шек Кул, если по какой-то таинственной причине решит, будто мои слова — злонамеренная выдумка? Я быстро принес ужин и нетерпеливо ждал, когда Ляо наестся.

— А что случится, если Каеску не признают виновной? — раздраженно спросил я и без разрешения набросился на еду в надежде успокоить сосущее чувство голода под ложечкой.

Ляо встряхнулась и вышла на балкон.

— Об этом не беспокойся, — ответила она надменным тоном, который тем не менее не внушал мне уверенности. — Расскажи все так, как рассказал мне, и Каеска не сможет оправдаться.

В ее голосе отчетливо слышалась нервозность, и она высекла эхо из моих сомнений. Аппетит куда-то пропал — я с отвращением уставился на недоеденную лепешку.

— Поторопись! — внезапно рывкнула Ляо. — Мне нужно одеться и приготовить.

Оттолкнув в сторону поднос, я запихнул ворох подозрений и опасений в дальний угол разума. Если я выкажу свою нервозность, самообладание покинет Ляо, и мы оба попадем в беду. Возможно, у меня есть показания, которые осудят Каеску, но только Ляо знает, как работает эта так называемая система правосудия, какие доводы скорее всего повлияют на Шек Кула, как будет действовать рассудок Каески в попытках избежать своей судьбы. Мне нужна Ляо спокойная и уверенная, со всем ее острым умом, отточенным до совершенства распутыванием сложностей жизни в доме воеводы. Ну, это по крайней мере было в моей власти.

Поэтому я одел Ляо в пышное золотое платье; его шелк отличал ярко-синим, гармонируя с огнем, горящим в сапфирах и алмазах на шее, запястьях и лодыжках. Драгоценными заколками и шпильками я убрал ее волосы вверх, чтобы создать иллюзию более высокого роста и заставить ее высоко нести голову. Ляо сидела неподвижно как статуя, пока я раскрашивал ее лицо в замысловатую маску алдабрешской дворянки, подвел черным

глаза и брови, взмахом от ресниц к вискам нанес лазурь и золото на веки, подчеркнул румянами скулы для эффекта, а губам придал густой красный тон, сулящий несказанные наслаждения. Когда ее рот уступил мягкому поцелую кисточки, моя рука остановилась, и наши глаза встретились.

— Это больше, чем соперничество между женами или избавление Шек Кула от неудобства, — угрюмо промолвила Ляо. — Практика магии — это мерзкое преступление, и оно должно быть наказано. Я бы сделала это, даже если б на месте Каески оказалась Мали, понимаешь?

Я понял, что она говорит серьезно, как бы сам я ни расценивал это так называемое преступление.

— Ты выполняешь свой долг перед Шек Кулом и владением, — ответил я с такой же серьезностью. — Я сделаю все, чтобы поддержать тебя.

Ляо глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Потом вышла на балкон, не обращая внимания на толпы, кружащие внизу, и молча смотрела через пролив на далекие холмы. Она готовилась, и не стоило ей мешать, поэтому я занялся собой. Сначала до серебряного блеска отполировал кольчугу, потом отскреб с рук въевшуюся грязь. Ополоснувшись, надел шелковую куртку зеленого и черного цветов, символизирующих владение; я, как правило, облачался в нее, когда Ляо принимала знатных гостей. Сверху надел кольчугу и уже собирался застегнуть пояс, как вдруг Ляо шевелинулась.

— Посмотри в сундуке у двери, — отрешенно произнесла она, по-прежнему не сводя глаз с далеких высот.

Я обернулся и увидел окованный бронзой ларец из красно-коричневого дерева. Внутри сверху лежал широкий пояс, весь усыпанный камнями — надменно-огромными гагатами и малахитами, оправленными в серебро. Застегнув на запястьях так же украшенные наручи, я вытащил алдабрешский военный шлем, чего до сей минуты мне надевать не приходилось. Шлем был округлый, с тонкой сеткой из металлических колечек для защиты шеи и плеч и подвижной носовой стрелкой. Серебряные полосы, бегущие через макушку и вокруг нее, были инкрустированы эмалевыми строками алдабрешской вязи, и я надел шлем со странным опасением и интересом: что там написано над моими глазами?

— Теперь ты островитянин, — одобительно кивнула Ляо.

Я через силу улыбнулся. Выглядел я подходяще для подобной роли, но мне придется убедить всех присутствующих, что я поистине слуга Ляо на этом маскараде суда, верный ей, Шек Кулу и владению — именно в таком порядке. Вот только как я это сделаю, если сам в это не верю? Я дал клятву задолго до того, как меня привезли сюда, и только я мог взять ее обратно и дать кому-то еще. Моя верность Ляо или Шек Кулу не стоила ломано-

го лескарского гроша, каждую свободную минуту я думал, как бы от них сбежать. Становлюсь ли я клятвопреступником из-за этого притворства? И где достоинство в точном соблюдении чести, если это способно убить меня?

Каково непосредственно мое положение? Я вражду с этим эльетиммом и всей его породой, как-то добившимися моего рабства здесь. Я буду свидетельствовать не ради Ляо или владения, я хочу отомстить за мои собственные беды, даже если эту гадину Каеску ждут Дастеннин знает какие мучения в случае моей победы. Мне вдруг вспомнились образы, показанные Вилтредом, и у меня перехватило дыхание. Эльетиммы угрожают всему, что я клялся защищать, не так ли? Уже одно это должно оправдать мое поведение здесь.

Стану я хоть сколько-нибудь ближе к победе и возвращению к обязанностям, которые избрал по собственной воле? Если да, то будет ли смерть Каески ценой, которую я готов принять, следствием, которое я смогу защитить перед Сэдрином, когда придет время? Слишком поздно для таких вопросов, теперь я связан словом. Пора действовать и пожинать плоды по мере того, как падают руны, — этому учит солдатская жизнь.

Я встал за плечом Ляо, глядя вдаль, на невидимые моря, и вспомнил о Ливак. Что делает она в эту минуту? Солнце неумолимо катилось к горизонту, тени удлинялись. Наконец над нами затрубил глубокий рог. В сгущающихся сумерках я увидел яркие цветы пламени, расцветающие вдоль цепочки маяков, и ответные искорки света с островов вдалеке. Что бы ни происходило здесь сегодня вечером, оно явно вовлекало все владение.

— Идем.

Ляо повернулась и пошла к двери — голова высоко поднята, осанка безупречна. Я выпрямился так, словно был удостоен личной аудиенции у императора, и последовал за ней. Когда мы достигли лестницы, появились Гар и Сезарр, в равной мере великолепные, с одинаково серьезными лицами. Шагая в ногу, мы бок о бок спустились в сад, и толпа расступалась перед нами молчаливыми волнами почтительных поклонов, затем собиралась бурным морем за нашими спинами. Мы пересекли территорию дворца и вошли в огромный зал, где я никогда прежде не бывал. Потребовалась вся моя выдержка, чтобы остаться бесстрастным, когда я посмотрел вокруг.

Я впервые увидел палату для аудиенций Шек Кула, сердце владения, средоточие его власти. Стены этого высокого, с колоннами, зала были из блестящего черного мрамора, инкрустированного декоративными арками из зеленого с прожилками камня. Зажатые в скобах факелы рассыпали золотистый свет из граненых зеркальных ниш. Высоко над нашими головами были распахнуты ставни, и ветер шевелил коллекцию вымпелов, висевших

под центральным сводом крыши. Хлопанье и трепет шелка ясно слышались сквозь перешептывания в толпе. Курильницы наполняли воздух ароматом, и тихий шелест опахал доносился со всех сторон.

Эхо наших шагов прокатилось по залу, исчезая в массах, уже собравшихся вдоль стен, еще больше народу толпилось в широком дверном проеме. Миновав центральный проход, мы остановились посреди огромного абстрактного рисунка, выложенного зеленым мрамором у подножия лестницы из трех широких ступеней. Шек Кул смотрел с возвышения, сидя прямо на черном деревянном троне, инкрустированном серебром и драгоценными камнями. В разительном контрасте с нами, он был одет в простой белый шелк, волосы и борода без всяких украшений, единственный драгоценный камень — огромный изумруд на тяжелой золотой цепи. Скупым жестом воевода указал Ляо и Гар на кресла по левую руку от себя, сохраняя серьезное выражение лица.

Я занял свое место у плеча Ляо. Меня беспокоила простота наряда Шек Кула, и хотелось переглянуться с Сезарром, но для этого я бы должен был повернуть голову. Тем временем тихий шепот пронесся по толпе, и стражники у дверей шагнули в стороны, чтобы пропустить Каеску. Я услышал нотку сочувствия, которая дала мне новый повод для тревоги.

Каеска выглядела жалкой, крошечной в необозримости зала, когда шла по центральному проходу к судилищу, бесшумно ступая босыми ногами по холодному мрамору. Ее волосы были заплетены в простую косу, лицо без косметики казалось голым и уязвимым; вместо дорогих нарядов на ней было скромное платье из небеленого хлопка. Я не позволил себе выказать презрение, но не удержался, чтобы не взглянуть на Шек Кула: как он реагирует на этот покаянный вид? К моему облегчению, я увидел проблеск цинизма в его темных глазах и надеялся, что мне это не почудилось. Эльетиммский жрец следовал за Каеской на хорошо выверенном расстоянии, чтобы не отвлекать зрителей от создаваемого ею образа смиренного долга.

Двери тяжело захлопнулись, прервав мои мысли. Доска упала поперек них с глухим стуком, от которого я почувствовал себя пойманным в ту же ловушку, что и Каеска. Лихорадочный запах ожидания вытеснял душистый аромат ночных садов. Я глубоко вдохнул, когда Шек Кул поднялся, глядя на Каеску твердым взглядом.

— Ты обвиняешься в подкупе колдовства в моем владении, женщина. Что ты ответишь?

— Я отрицаю это.

Тихий ответ Каески прервался на полузадушенном рыдании, породившем шепот сочувствия у ближайших зрителей. Но воеводу это как будто не тронуло.

— Я выслушаю обвинение.

Он посмотрел на меня, чуть смягчив лицо, и я увидел в этом намерение ободрения.

— Встань рядом с Каеской, — едва разомкнув губы, прошептала Ляо.

Я быстро сошел по ступеням, довольный при виде слабого огорчения в глазах Каески, когда я встал рядом, возвышаясь над ней во всех регалиях этого владения. Должен признаться, в таком облачении, обвитый кольцами инкрустации, я чувствовал на себе бремя открытости от испытующих взглядов со всех сторон.

— Говори только правду или понесешь наказание.

Отсюда, снизу, Шек Кул казался еще более неприступным.

Я принял солдатскую позу и начал свой рассказ, черпая все мои знания алдабрешского языка. Я старался говорить медленно, внятно и подавлять любой намек на эмоции, полагаясь на то, что одни факты осудят эту женщину. Толпа то затихала, то громко ахала, пока я продолжал свое повествование, но я смотрел только на Шек Кула, обращался только к нему, словно мы были одни среди продуваемых ветрами далазорских равнин. Когда я умолк, напряжение в воздухе притупило бы сталь.

— Что скажешь ты? — потребовал Шек Кул у Каески.

— Я признаюсь... — Спрятав лицо в ладонях, женщина рухнула на колени, ее рыдания взломали потрясенную тишину огромного зала.

— Ты... — Воевода вскочил, но тут же взял себя в руки и снова сел.

Я посмотрел на Ляо. Она сильно побледнела под косметикой, и я испугался, что она упадет в обморок.

— Не в колдовстве! — Каеска вскинула голову, и, несмотря на слезы, глаза ее были ясными и расчетливыми. — Только не в магии, но, о мой господин, я... — Она поперхнулась на вздохе. — Я признаюсь в роковой слабости, ужасной глупости, в том, что поддалась соблазну дыма жителей материка. Я так давно искала средства от боли в сердце, боли от того, что я не способна рожать детей, что кровь моя падает бесплодной, не принося жизнь во владение...

Ее глаза закрылись от невыносимой муки. Каеска прижала руки к груди, губы ее шевелились, но слова не выходили. Для страдающей женщины она неплохо изъясняется, кисло подумал я.

— В своих путешествиях и торговле, когда я старалась служить владению единственным доступным мне способом, я услышала об этих дымах, о том, как они могут облегчить самую тяжкую ношу. Меня охватило искушение, но я сопротивлялась, ты должен верить мне, я сопротивлялась, пока не услышала, что Мали должна принести благословение на владение, где я потерпела неудачу.

Страдание, зависть, низкая и мелочная ревность терзали

меня, о мой господин, в то время как я должна была радоваться, и я ненавидела себя за свои мерзкие мысли. Я могла жить с болью моего пустого лона, но я не смогла посмотреть в лицо отвратительного существа, коим я стала. Я прибегла к дыму, чтобы спастись от себя, от мук моей совести, от порочности, что грызет меня изнутри!

Ее голос, возвышавшийся в течение всей этой лихорадочной речи, сорвался в истерический плач. Каеска распростерлась на блестящем полу, цепляясь руками за неподатливый камень.

Я стоял не шевелясь, бесстрастный и невозмутимый, но по лицам, находившимся в поле моего зрения, я прекрасно мог оценить воздействие той живой картины, которую мы с ней представляли: Каеска, крошечная, незащищенная, раскрывающая постыдные тайны своей души, и я — показной в моем пышном наряде — возвышаюсь над ней, глаза спрятаны под шлемом, меч нависает над ее голой шеей.

Островитяне зашептались. Их голоса становились все громче и громче, пока разом не смолкли, когда Шек Кул встал и размеренной поступью спустился с возвышения.

— Успокойся.

Его мягкий голос достиг самых дальних уголков зала. Воевода присел возле плачущей женщины, и она замолчала. Взяв Каеску за руку, он поднял ее на колени и шелковым платком ласково вытер слезы с ее лица.

— Но почему этот раб обвиняет тебя в колдовстве?

Я с облегчением выдохнул, услышав жесткость в вопросе Шек Кула.

Каеска беспомощно развела руками.

— Не знаю. Я не могу сказать, мой господин, прости мне мою глупость, мое бессилие! Долгие дни я страдала, раскаиваясь в своей слабости. Я буду тебе хорошей женой — возвысь Ляо и Гар надо мной, и я займу свое место, как самая последняя из твоих женщин. Мои прегрешения ужасны, но я увидела свою ошибку — так позволь мне начать сызнова в тот момент, когда рождение нашего сына открыло новую книгу жизни для владения. Увенчай это радостное время драгоценным даром милосердия.

— Если этот раб не видел колдовства, то что он видел?

Шек Кул встал и, скрестив руки, сурово посмотрел на Каеску. Да, он тонко управлял настроением в зале.

— Можно ли мне сказать?

Запинающиеся слова Ледяного островитянина вызвали шипение у собравшихся, но в глазах Шек Кула я не заметил удивления.

— Я выслушаю тебя.

Эльтимм вышел из тени колонны и шагнул в свет на краю огромного мраморного символа.

— Я должен покорнейше извиниться за свое участие в этом деле. — Он немного помолчал, глядя на коленопреклоненную Каеску. — Это я снабжал твою жену дымом. Я приобрел листья, чтобы отвезти домой. С их помощью наши святые люди открывают свой разум более высокой сфере бытия. Я понятия не имел о тех веских причинах, по которым алдабрешцы не допускают подобные вещи на свои острова, и стремился только облегчить ужасные страдания этой госпожи, поднимая ее дух над ее печальями. Я не знал, что грешу против ваших обычаев, и искренне о том сожалею.

Итак, это его слова я слышал в пламенных стенаниях Каески.

— Раб слушал у двери, не так ли? — Этот змей даже не смотрел на меня. — Ставни были открыты, чтобы впускать воздух, и дверь, как мне помнится, не была занавешена. Думаю, ветер принес дым к рабу, и наркотик повлиял на его разум, вызвал галлюцинации. Такое нередко случается при воздействии дыма на неподготовленный ум. Я виню себя за эту беспечность, я должен был позаботиться, чтобы дым не отнесло ветром.

Шек Кул посмотрел на меня.

— Что скажешь ты?

Я сдержал рвущееся из моих уст опровержение и, прежде чем ответить, медленно сосчитал до трех.

— Нет, это не была галлюцинация.

Мой обдуманый ответ вызвал одобрение в глазах Шек Кула, и я приободрился.

— Прости меня, но откуда у тебя такая уверенность? — Слова Ледяного островитянина звучали вежливо, но я надеялся, что Шек Кул увидит враждебность в устремленном на меня взгляде этого человека. — Ведь галлюцинация во всем подражает реальности, такова ее суть.

— В юности мне случалось вдыхать дым, — ровно и бесстрастно сообщил я. — И те ощущения были совершенно иными.

— Конечно, — кивнул элетим, — ведь ты с материка, не так ли?

Это напоминание достигло своей цели. Островитяне зашептались, и лицо у воеводы стало задумчивым.

— Я личный раб жены воеводы, Ляо Шек.

Это был просто факт — никакого нарушения клятвы с моей стороны.

— Если отложить в сторону вопрос о воздействии наркотика, — вкрадчиво продолжал Ледяной островитянин, — то на чем именно основано твое обвинение в колдовстве и магии? На ритуалах, которые, по твоему признанию, ты видел и слышал? На словах, которые я произносил на языке, как ты сам сказал, неизвестном тебе?

Я молча кивнул, не желая запутаться в его хитроумных доводах. Колдун с удовлетворенным видом наклонил голову и

повернулся к Шек Кулу.

— Как я уже объяснял, наши святые люди применяют дым, чтобы открыть свой разум более высоким состояниям осознания. Я прошел некоторую подготовку в этой сложной и рискованной процедуре. Мы используем песнопения, чтобы сконцентрироваться. Это то, что раб слышал и не понял; это не магия ни в каком смысле.

— То, что я видел, было колдовством. — Я возвысил голос над его тоном спокойной рассудительности, и меня обрадовал шепот, побежавший вокруг зала.

— И снова я спрашиваю, откуда у этого человека такая уверенность? — Эльетимм не сводил глаз с Шек Кула.

— Я уже видел такую магию...

— ...шарлатанов с материка и тех, у кого сама кровь испорчена колдовством? Ты говоришь, что знаком с такими людьми? — Нетерпеливое желание жреца опорочить меня выдало его.

— Я видел эту магию, творимую людьми твоего племени, на островах в далеком океане, где вы обитаете, — открыто заявил я.

Негодяй понял, что я обыграл его этим ходом, и хотел взять реванш.

— Ты говоришь, что посещал мою родину? Как ты оказался там? Что ты делал в далеком океане?

— Я был на рыбацком судне, которое сбилося с курса и его занесло далеко ветрами и течением.

На что рассчитывает этот придурок? Что я начну рассказывать о шпионской поездке в компании с магом Хадрумала, который отчитывается непосредственно перед Верховным магом?

— Так ты не знаешь точно, где вы были?

Мне пришлось признать это, учитывая обстоятельства.

— Много ли ты видел на острове, куда вы прибыли? Как долго вы были там?

— Достаточно, чтобы знать, что на твоих островах нет ничего из тех ресурсов, которыми ты предлагаешь торговать: ни дерева, ни металлов, ни кожи, — решительно отрезал я. — Достаточно долго, чтобы нас встретили враждебностью и атаковали магией.

— Но ты ведь не рыбак? Что ты делал на рыбацком судне?

Эта смена курса на мгновение выбила меня из колеи. Сознавая, что я заколебался, пусть только на одно дыхание, я выбрал правду.

— Как присягнувший Дому Д'Олбриотов, я искал мести за трусливые магические нападения на членов семьи моего господина.

Это прозвучало сильнее, чем мне хотелось. Я мысленно пнул себя, почувствовав неодобрение в атмосфере зала.

— Кажется, твоей госпоже еще предстоит выбить из тебя ту верность, тормалинец. — Эльетимм устремил на меня вы-

зывающий взгляд, но тут же с нарочитой кроткостью пожал плечами. — Думаю, я знаю острова, о которых ты говоришь, но уверяю тебя, я не из их племени.

— Ты выглядишь, как те *колдуны*, ты говоришь на их языке, — настаивал я, сознавая, что это слово — главное свидетельство против него. — Я также видел, что творила ваша магия на материке, как ее использовали в гнусных нападениях на слабых и беспомощных, чтобы калечить и грабить их.

Я не смог воздержаться от гнева, когда вспомнил племянника мессира, ослепленного и истекающего кровью, после того как эти подонки избили его до бесчувствия. Если наглый ублюдок собирается напомнить всем, что я житель материка, то я сделаю все возможное, чтобы перевернуть для него эту руну.

Шек Кул поднял руку и вернулся на возвышение. Все взоры устремились на него, и сердце мое забилось быстрее.

— Я не нахожу обвинение ни поистине доказанным, ни удовлетворительно опровергнутым, — прогремел в тишине зала его низкий голос. — Речь идет о тяжком преступлении, и вопрос должен быть разрешен. Истина подвергнется испытанию в поединке завтра в полдень этим личным рабом, который выдвигает обвинение.

Я тупо уставился на Ляо, но увидел лишь абсолютное потрясение на ее лице. Она вскочила и тем самым пресекла гул предположений, доносившийся со всех сторон.

— Где личный раб Каески Шек, чтобы защищать ее правдивость?

— Да, где Ирит? — Воевода посмотрел на Каеску, которая не смогла сдержать мимолетное самодовольство, прежде чем снова рухнуть с пронзительными воплями.

— Он мертв, мой верный слуга, он погиб из-за моей глупости. Кроме дыма, я приобрела еще и ягоды, которые цепенят ум. Я знала, что их следует есть только по одной и редко, но Ирит нашел их и съел все!

— Командир Стражи осмотрит труп.

Непреклонное заявление Шек Кула потрясло Каеску. Замолчав, она с тревогой уставилась на воеводу. Я не мог понять, о чем она беспокоится. Отравление тахном есть отравление тахном — как тут выяснишь, чья рука вложила в рот отраву?

Эльетимм шагнул вперед, дабы отвлечь внимание от Каески. Весь — смиренная заботливость.

— Поскольку это мои необдуманные действия привели к обвинению госпожи, не могу ли я как-то искупить свою вину, защищая ее честь? Я не воин, но немного владею булавой, если вы, конечно, позволите.

Теперь, когда Шек Кул вынес свой вердикт, он посмотрел на жреца с откровенным презрением.

— Это было бы только справедливо.

Увидев отчаянную мольбу на лице Ляо, я крепко прикусил язык и, кипя от злости, ждал, пока сначала воевода, а затем его жены сойдут с возвышения. Каеска заняла свое место рядом с Гар, упругость в ее походке не поддавалась ядовитому взгляду Ляо. Сезарр шагнул, чтобы встать между мною и эльетиммом, и хорошо сделал: я был так взбешен, что тут же всадил бы острую сталь в кишки ублюдка. Должно быть, Каеска и колдун с самого начала стремились к подобному концу. Мы вернулись во дворец. Мой гнев продолжал гнать меня с такой скоростью, что Ляо приходилось бежать, чтобы оставаться впереди меня.

Едва мы вошли в ее покои, я напустился на нее, не заботясь о том, что кто-то может слышать сквозь тонкие стены и ставни.

— Что еще за поединок? Ты не говорила ни о каких поединках! Ты же была так уверена, что Шек Кул руками и ногами ухватится за возможность избавиться наконец от этой стервы! Что происходит?

Я сорвал шлем и наручи и бросил их, не обращая внимания на камень, выскочивший из оправы.

— Я никак не думала, что Шек Кул выберет это испытание. Такого здесь никогда еще не было.

Ляо заметно расстроилась, но меня беспокоили более важные вещи в то время, когда я сдирал кольчугу.

— Где правосудие в поединке, помоги мне Даст? Я бы убил Ирита, без сомнения, невинна Каеска или виновна — наверное, поэтому они и прикончили беднягу! Теперь я должен сражаться с этим проклятым колдуном, который не только виртуозно орудует булавой, но, бьюсь об заклад, привлечет и магию!

Ляо изо всех сил старалась уследить за моим быстрым и горячим тормалинским.

— Он не посмеет, — возразила она.

— А кто узнает? Кто сообразит, что его скандирование — не боевой клич? Шек Кул остановит бой, если я отступлю и скажу, что этот мерзавец путает мое сознание? Как проходит это испытание истины?

Я обливался потом и с проклятиями выбрался из подбитой ватой куртки.

— Это бой, два человека, каждый с оружием и в доспехах, до смерти. — Ляо была уже на грани слез. — Когда слово дано, его нельзя взять обратно. Один из двоих должен умереть. Любой, идущий на попятную, считается виновным и будет казнен.

— Вот как? Значит, если я вдруг откажусь от этой схватки, то на закате отправлюсь в плавание с Полдрионом?

Ляо в замешательстве развела руками — смысл моих слов ускользнул от нее.

— Испытание — дело серьезное, Шек Кул не потребовал бы его, если б не думал, что оно необходимо. Ты говоришь правду, значит, ты обязан победить!

Я посмотрел на нее и обругал себя болваном за то, что так на нее понадеялся. Теперь я новыми глазами видел ее крайнюю молодость. До сих пор я плыл туда, куда меня направят, — и вот наткнулся на рифы.

— Шек Кул мечтает избавиться от Каески, но не хочет пачкать руки в ее крови, верно? Дело не в истине или правосудии, дело в Шек Куле, который не хочет сам ее приговаривать!

Я был так же зол на себя, как на Ляо. Я так спешил вырвать у эльетимма зубы, что не успел продумать все до конца. Однако это не помешало мне сорвать злость на Ляо.

— Ты была так довольна собой, не правда ли? А теперь мне предстоит сражаться с проклятым колдуном, который сможет засолить мои мозги и разделаться со мной не спеша. Ну, я надеюсь, ты довольна — завтра в это время я буду мертв, а Каеска будет чиста, как ключевая вода, и вольна отравить кого только захочет. Однако посмотри на светлую сторону: вы с Гар сможете совершить приятную прогулку в Релшаз, чтобы купить тебе нового раба. Постарайся лучше заботиться о нем. Если повезет, Мали и ребенок еще будут живы, когда вы вернетесь!

— Ты так шумишь... — дрожащим голосом пролепетала Ляо.

— Нет, голубушка, нет! — Я схватил ее за подбородок и посмотрел прямо в глаза. — Я буду биться с кем угодно в честном бою — с Гривалом, Сезарром, капитаном Стражи. Я положусь на свое мастерство и приму руны, какими они выпадут. Но тут дело другое, это — магия. И не просто честная магия — воздух, земля, огонь и вода. Это колдовство, которое проникает в твой собственный разум и обращает его против тебя. — Я положил тяжелую ладонь на голову Ляо, чтобы придать весомость своим словам, и почувствовал, как женщина вздрогнула. — Один из этих ублюдков уже хозяйничал в моем черепе. Я пытался бороться с ним, и я знаю, что не могу этого сделать!

— Исползуя магию, он бы приговорил и себя, и Каеску... — вымолвила Ляо, не замечая, как слеза скатилась по щеке.

— Я буду мертв прежде, чем кто-нибудь заметит его колдовство! — Я убрал руку и оглядел комнату. Кувшин слабого алдабрешского вина стоял на столике, и я налил себе, прежде чем злобно швырнуть сосуд в стену. — В этой сраной дыре нет даже

приличной выпивки!

Грохот разбившегося кувшина заставил Ляо разрыдаться, но он же привел меня в чувство. Моя ярость разлетелась на куски, как этот глиняный кувшин. Я покачал головой. Ляо так молода, она не могла играть по тем же ставкам, что и Каеска, и выиграть. Мне следовало это знать.

— Ну ладно, хватит плакать.

Я положил руку на ее содрогающееся плечо. Ляо прижалась к моей груди, прожигая слезами тонкий шелк нижней туники.

— Мне так жаль, — прорыдала она. — Это казалось такой хорошей мыслью, удачным способом избавиться от Каески. Я подумала, Шек будет очень доволен, это могло бы компенсировать то, что я не хочу пока рожать, да еще я попала в такую беду с хлопком, но если б Гар захотела помочь, я бы справилась с ней, пока Каеска не причиняла неприятности, и Най такой прелестный, я бы не вынесла, если бы с ним или с Мали что-то случилось, — это была бы моя вина, если б я знала про тайный умысел Каески и ничего не сделала, чтобы остановить ее...

Она сбилась и закашлялась от слез. Вздохнув, я обнял ее и немного испугался, когда Ляо вцепилась в меня словно тонуший котенок.

— Ну, тише, тише. Что сделано, то сделано, в конце концов.

Это не внушало оптимизма, но, чтобы иметь какой-то шанс против колдуна, мне нужно выспаться, а не провести полночи, ускакаивая госпожу.

— Давай-ка спать.

Ляо подняла заплаканное лицо, озадаченно морща лоб.

— Хорошо, если ты хочешь.

Она встала на цыпочки и, прижавшись ко мне, поцеловала прямо в губы. Мое тело отозвалось раньше моего разума, и прежде чем я успел выяснить недоразумение, Ляо обвила руками мою шею и, притянув ближе, маняще открыла рот. Я поцеловал ее резко, с вызовом в губах и языке, наверняка зная, что не стоит этого делать, но в равной мере понимая, что завтра буду сражаться за свою жизнь — с хромой ногой, против колдуна, который будет делать со мной все что захочет. Видимо, Ляо почувствовала сдвиг в моем флюгере и еще крепче прижалась ко мне; мои колебания слабели, а пыл твердел. Зубы Даста, я могу умереть к завтрашнему закату, и если приговоренному не дают плотной трапезы, он возьмет то, что предлагают. Скользя рукой к груди Ляо, я коснулся ее сосков сквозь тонкий шелк платья и почувствовал их реакцию.

Дальше все пошло быстрее. Никто из нас не переставал думать, мы лишь старались потеряться в ощущениях. Ляо знала несколько приемов, приведших меня в изумление: где алдаб-решские девочки получают свое образование? Когда дыха-

ние вернулось ко мне, я осознал, что в ней не было ничего от опытной шлюхи — только откровенная, чувственная радость в ее теле и моем. Как любовный опыт, это было просто замечательно. Потом, долгое время спустя, мы лежали на смятой постели, и пот медленно высыхал на нашей коже. Тогда я натянул на нас одеяло, чтобы не подпускать холод, и так мы заснули. Ляо, конечно, была уникальным наслаждением, но я улыбнулся, поняв, что мои последние мысли были все равно о Ливак.

Кабинет Планира Великого, скрытый город-остров Хадрумал, 7-е предлета

— Не волнуйся, я точно знаю, где Райшед. У нас уже все готово, чтобы его спасти, — уверенно заявил Планир образу Шива, крошечному и золотистому в стальном зеркале, освещенном пламенем единственной свечи. — А у тебя как дела?

Верховный маг был в своей любимой рубаше и старых полинявших бриджах. Он сидел за полированным столом в обшитом панелями кабинете, а в высоком стрельчатом окне розовело вечернее солнце, заходящее за башни Хадрумала.

— Боюсь, с Вилтредом каши не сварить. — В приглушенном, металлически звучащем голосе Шива явственно слышалась досада. — Все, что он хочет, это как можно скорее попасть в Хадрумал. После исчезновения Райшеда он нигде не чувствует себя в безопасности.

— Скажи ему, пусть не волнуется о Райшеде, — повторил Планир, сжав кулак под столом, чтобы собеседник не увидел. — Нам нужен Вилтред, он должен уговорить лорда Финвара отдать нам архив усыпальницы. Надеюсь, этот человек сохранил какое-то уважение к своему старому домашнему учителю. Все прочие наши попытки не увенчались успехом.

— Не представляю, чтобы Вилтред внушил кому-то уважение, — угрюмо ответил Шив. — Он старый, усталый и боится всего — от эльетиммов до Элдричского Народца. Должен найтись кто-то еще, кого ты можешь послать.

— Казуел? Он на пути в Тормейл, чтобы помочь эсквайру Камарлу искать материалы по той пропавшей колонии. Кроме того, нет, Шив, в данный момент я никого не могу послать. — Властная нотка в голосе Планира положила конец спору.

— Если Каз — единственная альтернатива, то Вилтреду придется уступить. — Шив помрачнел и, откинувшись на спинку стула, сплел руки за головой. Его недовольство было очевидным.

— Пожалуйста, попроси Вилтреда сделать что он сможет. Скажи, это моя личная просьба. Я понимаю его опасе-

ния, и как только вы получите архив, я организую связь силы, чтобы перенести вас прямо сюда. — Планир говорил тепло и добродушно, но его пальцы нервно постукивали по колену.

— Я попрошу, но упаси меня Сэдрин снова нянчиться с каким-нибудь дряхлым магом, — вздохнул Шив. — Мы сейчас в Клейте. Тронемся в путь, как только подкуем лошадь Ливак. Отсюда до владений лорда Финвара не больше двух дней пути при хорошей погоде.

— Ты все еще таскаешь с собой женщин? — возмутился Планир. — Зачем?

— Они не собираются уезжать, пока не узнают, что с Райшедом, и воочию не убедятся, что ты делаешь все возможное для его вызволения. — Образ Шива скорбно улыбнулся. — Представляешь, Ливак даже предлагает украсть для нас эти книги, если лорд Финвар действительно упрется! Но это при условии, что весь Совет бросит свои таланты на поиски Райшеда. Возможно, у нас есть и еще одно преимущество. Кажется, Хэлис знакома с капитаном его Стражи, когда-то они вместе служили в наемниках. Так или иначе мы добудем тебе эти документы, Верховный.

Планир усмехнулся.

— Рад, что ты проявляешь чуточку инициативы, Шив. Но смотри не давай Ливак волю раньше времени. Только если не будет другого выхода. Насколько я помню, ее услуги обходятся дорого!

Шив засмеялся, и его образ растаял вместе с заклинанием. Рассеянным словом приказа Верховный маг потушил свечу, устало провел рукой по лицу и, бормоча проклятия, стал растирать шею. В эту минуту раздался стук в дверь.

— Войдите.

— Когда мы наконец получим тот архив Аримелин от Финвара? — без церемоний спросил Узара. При его песочных волосах бледная кожа была бы вполне естественной, но сейчас молодой ученый выглядел серым от усталости.

— А когда ты наконец отыщешь тот проклятый меч? — парировал Верховный маг, поднимаясь с кресла. — Ликера? — Он направился к буфету.

— Да, спасибо, мятного. — С шумным вздохом раздражения Узара рухнул в глубокое кресло и водрузил ноги в грязных сапогах на низкий столик с грудой пергаментов. — Что касается меча, то дело глухо. Мы никак не можем его засечь.

— Знаешь, я начинаю думать, что было бы лучше, если б человек Д'Олбриота все же погиб, — мрачно изрек Планир. — Возможно, тогда мы обнаружили бы этот клинок.

— Только если экранируют Райшеда, а не меч. Вспомни, что поведала нам Меллита и что говорила Шаннет о том давнем гадании, когда они с Вилтредом искали эльетиммские ост-

рова, чтобы подтвердить рассказы Азазира. — Узара отпил ликера, причмокивая от удовольствия. — К тому же я не могу представить, чтобы Д'Олбриот и дальше поддерживал тебя в Тормейле, если все, что он за это получит, — еще один мертвый присягнувший, непогашенная клятва и пропавший фамильный меч в руках неизвестного врага.

— Тут ты прав. — Планир усталился в глубь рюмки. — Как ты думаешь, Вилтред мог бы добавить что-то полезное к гаданию? И убери свои ноги с предложений Калиона по реконструкции водопроводов к городским баням, ладно, Зар?

— Вот еще, — пренебрежительно фыркнул молодой маг. — Подумаешь, помнутся немного, зато Калион решит, будто ты их читал. А что до Вилтрета, нет, я не представляю, чтобы Вилтред чем-то помог. Он был потухшей свечой еще до того, как сбежал в свое каладрийское захолустье, и сомневаюсь, чтобы горстка лет общения с крестьянами его возродила. Однако старик оказал бы нам громадную услугу, если б раздобыл тот проклятый архив. Мы должны найти ключ к этим проклятым снам, чтобы управлять ими, раскрывать их тайны, когда первоначальная связь с артефактом будет установлена. Отрик нашел еще какие-нибудь усыпальницы Аримелин, пережившие Хаос, или эта по-прежнему единственная?

— Прости, что ты сказал? — Взгляд Планира был устремлен на толстую пачку под ногами молодого мага. — Знаешь, Зар, бывают времена, когда меня так и подмывает дать Калиону волю, позволить ему вынести на Совет все его мелочные споры и грандиозные планы по восстановлению авторитета магов. Я мог бы просто сказать: «Ладно, сдаюсь. Принимай пост Верховного мага, мастер Очага, пока не будет проведено должное голосование, и помоги тебе Мизаен!»

Он вытянул руку с тяжелым золотым перстнем своего поста; центральный алмаз таинственно блеснул в угасающем свете дня, отражая и смешивая цвета четырех камней, окружавших его: сапфира, изумруда, рубина и янтаря.

— Воздух, земля, огонь и вода. Мы можем делать с ними что хотим, не так ли, Зар? Во всяком случае, так думает все мирское население. Я — Верховный маг, самый могущественный человек на острове магов с неограниченной властью над самими основами окружающего нас мира. Но все это не имеет ровно никакого значения перед лицом этой загадочной силы, которую мы даже не в состоянии объяснить.

— Я уверен, отгадка найдется. Знание редко теряется, просто кладется не на место или неверно истолковывается.

Узара встал, чтобы налить себе еще ликера, и предложил графин Планиру, но тот отказался. Снова усевшись, молодой маг продолжал:

— Дай нам только Сэдрин найти ее прежде, чем эльетиммы поставят на доску свои первые фигуры и начнут игру всерьез. Да, кстати, насчет Шаннет... Они с Троанной держат друг друга за глотку из-за того парня, Кориана. Все спорят, кто из них первой предложил ему ученичество. И пока они не разберутся, я вряд ли добьюсь от них толку.

Планир застонал.

— Это тот самоуверенный юнец из Дастейта? Такие почтенные маги, как эти дамы, бывают иногда глупее учениц первого сезона. Ты не знаешь, где я могу найти завтра Шаннет?

— Утром она будет работать с Отриком в Новом Зале, — подумав, ответил Узара. — Они читают лекцию по конфликтам воздуха и воды.

— Если улучу минутку, загляну и к Троанне. Должен же я в конце концов посоветоваться с ней, как со старшей госпожой Наводнений, о желании Калиона возиться с водопроводом, а? — Искра юмора оживила глаза Планира.

Узара засмеялся.

— Безусловно, о уважаемый Верховный маг.

Планир начал расхаживать перед пустым камином, возрожденная энергия прогнала усталость с его лица и сняла груз годов с его плеч.

— А когда я разберусь с той драгоценной парочкой, чем я смогу отвлечь Д'Олбриота, пока не выясню, что случилось с его чело-
веком?

— Ты действительно надеешься отыскать Райшеда? — В вопросе Узары звучало скорее удивление, чем сомнение.

— О да, Зар. А ты разве не веришь в безграничные возможности своего Верховного мага? — Планир улыбнулся, зубы его, белые и ровные, блеснули в сгущающихся сумерках. Он щелкнул пальцами, и свечи по всей комнате ярко вспыхнули. — Тебе лучше других должно быть известно, что могущество этого поста основано не на кричащем перстне и его обещаниях колдовства, а на гораздо, гораздо большем. Я жду вестей о Райшеде в ближайшие десять дней.

— Тогда тебе остается беспокоиться только о Калионе. — Морщины, избороздившие лоб Узары, разгладились, лицо просветлело.

— Знаешь, я думаю, один и тот же след вполне мог бы отвлечь их обоих, если умело его проложить. — Планир встал перед окном. — Калион хочет знать, почему мы работаем столько времени без видимого результата. Пожалуй, я доверю ему свою тайну о коварных эльетимских интригах, которые расстраивают каждый наш шаг, связывают все наши усилия в противодействии им. А сьеру Д'Олбриоту отправлю депешу с весьма туманными намеками, чтобы ему было о чем тревожиться, кроме своей пропавшей гончей.

— И что это должны быть за интриги? — Молодой маг невольно улыбнулся.

Планир сделал неопределенный жест.

— Думаю, это будет не так просто объяснить. Что, если мы напомним, будто арест Райшеда в Релшазе — дело рук тех самых эльетиммов?

— Ты правда так думаешь? — Узара удивленно моргнул.

— Нет, я думаю, они просто воспользовались ситуацией. На мой взгляд, Райшеда подвела общность, установившаяся у него с Д'Алсененном. Меллита говорит, что браслет, который он пытался украсть, — старинная вещь с гербом Ден Реннионов. Нет, Зар, истина тут не важна. Главное, когда Калион спросит, передай ему мои слова о Райшеде, только возьми с него клятву молчать. Пусть держит рот на замке плотнее, чем крышку на урне! Мы подозреваем, что эти проклятые Ледяные Люди приложили руку к его исчезновению в Архипелаге, и, несомненно, эта поганая эфирная магия прячет его там. Калион расскажет Эли и Галену — под строжайшим секретом, разумеется, — а они станут распространять свою версию, и мельница слухов наполнится сама собой. Это даст нам время, чтобы вызволить Райшеда, а к его возвращению — да будет на то воля Аримелин — мы должны получить архив и отыскать ключ к снам.

Весьма довольный этими умозаключениями, Верховный маг налил себе белого бренди и торжественно поднял рюмку.

— Да будет воля Аримелин! — подхватил Узара и осушил свою рюмку. — И все равно я беспокоюсь о Райшеде, — трезво добавил он.

Планир кивнул.

— Архипелаг — опасное место. — Его глаза потемнели. — Помог бы только Дастеннин, чтобы с ним не слишком плохо обращались, не морили голодом, не избивали, не заставляли работать в цепях. Боюсь, это лучшее, на что мы можем надеяться.

ГЛАВА 8

Письмо из семейного архива Дома Тор Олдеров, Тормейл. Собрание документов 35-го года правления императора Алеонна Храброго.

Привет Дардьеру, эсквайру Тор Олдеру, от его брата Капреля, сьера Дома.

Очень рад сообщить тебе, что Каррей быстро оправляется от ран. Это огромное облегчение для его матери и для меня; в конце концов последний сын не менее дорог, чем любой другой. Прости мне эту неудачную шутку, всему виной расстроенные нервы, я это признаю.

Нам не удалось выследить разбойников, столь коварно напавших на мальчика и его спутников. Я полагаю, не на что было особенно надеяться спустя столько времени. Тем не менее меня по-прежнему беспокоит, что некий организованный, одетый в мундиры отряд мог совершить такое бесчинство на Императорских большаках и бесследно исчезнуть. Могу лишь предположить, что они намеренно прибегли к маскировке — парики и мундиры были скинуты, как только они выполнили свою задачу. Возможно, они хотели бросить подозрение на Горных Людей, ибо у тех, как правило, светлые волосы и белая кожа, но мало кто из них торгует так далеко от дома в этом сезоне, а потому я не склонен их подозревать.

Больше всего Каррея удручает потеря меча. Вещь и правда фамильная, но в конечном счете не столь уж значимая для Дома. Его мать боится, как бы это огорчение не привело к возвращению ночных кошмаров, что мучили мальчика последний год, и, признаться, я разделяю ее тревогу. Пока он выздоравливает, рецидива не было, но я бы не хотел, чтобы Каррея снова настигла такая беда. Поэтому не мог бы ты попросить своих офицеров поговорить с их товарищами в других Домах? Вдруг кому-нибудь из них предложат купить

это оружие. Если мы сможем вернуть клинок, хорошо, но главная моя забота — убедить Каррея, что он нисколько не виноват в его утрате. Коль скоро ты должен посетить нас, то, если б ты затронул эту тему в частном разговоре с Карреем, я был бы тебе очень благодарен.

Дворец Шек Кула, Алдабрешский Архипелаг, 8-е предлета

Я снова посмотрел на солнце. Казалось, оно уже целый час висит прямо над головой, но сигнального рога мы пока не слышали.

— Еще воды.

Сезарр подал мне чашу, и я послушно выпил. От раскаленного солнцем песка тренировочной площадки исходил жар, как из печи, хоть мы и сидели в тени бани.

— Ну вот, так хорошо. — Гривал последний раз вытер клинок промасленной тряпкой и отложил в сторону точильный брусок.

Он был прав. Я мог бы побриться лезвием, которое он заточил, если бы мне позволили.

— Спасибо.

Я не ожидал, что Гривал придет. Я думал, он останется с Мали и маленьким Наем, но Гривал появился и без всяких церемоний принялся проверять все мое оружие и доспехи. Он положил меч рядом с моей кольчугой. Я не собирался ее надевать до самой последней минуты.

— Этот человек... он старше тебя на несколько лет. Жара, латы, обильный пот — все это утомит его быстрее, — заметил Гривал. — Ты мог бы это использовать.

— Будь это честный бой, тогда, конечно, я бы стремился измотать его, заставляя бы двигаться, пока он не ухайдакается. — Я хмуро посмотрел на круг, обозначенный углем на белом песке. — Но я уверен, что он найдет способ применить магию. Вы не можете вместо меня обратиться к Шек Кулу и попросить его запретить скандирование?

— Я попрошу об этом как о благодеянии, — пообещал Сезарр. — Ты рассчитываешь прикончить его как можно скорее?

— А как твоя нога? Тебе нужно быстро двигаться против булавы. — Гривал вытер пот со лба. — Клинок может скользнуть по кольчуге, но булава оставит синяк, куда бы ни попала. Тебе придется нелегко, если он нанесет слишком много ударов.

— Постараюсь ранить его как можно скорее, — упрямо произнес я. — Пусть истекает кровью от усилий и жары и ослабеет. Если повезет, это приостановит и его магию.

Сезарр и Гривал дружно кивнули. Мысль о колдовстве, оскверняющем поединок, омрачила их лица.

— Старайся не пролить его кровь за пределами круга, — предупредил Гривал. — Ты здесь для того, чтобы защищать владение, а не просто отстаивать истину.

Я не понял, что он имеет в виду, и снова посмотрел на небо. Казалось, солнце не сдвинулось ни на волосок.

— Кто-нибудь из вас сражался так, в испытании истины?

Сезарр помотал головой.

— Оно случается очень редко. Я понимаю, почему Ляо не ожидала такого исхода.

Я поморщился от скрытого упрека, только теперь осознав, что они с Гар должны были слышать всю мою рутань прошлой ночью. К счастью, они продолжали относиться ко мне точно так же, как всегда, да и в любом случае я был слишком озабочен предстоящим боем, чтобы чувствовать особую неловкость.

— Я видел такое испытание во владении Лиз Изата. — Гривал, убравший набор для чистки меча в хлопковый мешочек, поднял голову. — Оно должно было доказать обвинение в убийстве, но это произошло три года назад.

— Как вы думаете, почему Шек Кул выбрал это испытание?

— Оно известит все владения о том, что магия не будет терпима ни в каком виде, — объяснил Сезарр с явным удовлетворением.

— Если эти колдуны замыслили проникнуть в наши земли, то вряд ли Каеска — единственная дурочка, которую они обольстили, — добавил Гривал. — Ее судьба даст другим повод задуматься.

Мне понравилась уверенность в его тоне, его убежденность, что гибель Каески — дело решенное. Но прав ли он, что есть другие эльетиммы, пытающиеся подкупить тех, кто имеет влияние среди алдабрешцев, и если да, то что они задумали? Я запрятал этот вопрос подальше, ко всем остальным. Возьмусь за них после того, как отвечу на нынешний вызов.

— Ты когда-нибудь сражался так на материке, один на один? У тебя есть опыт?

Нерешительный вопрос Сезарра удивил меня, учитывая их вечное стремление напоминать мне, что я теперь островитянин, а вся прошлая жизнь исчезла так же безвозвратно, как утренние туманы с гор.

Я прислонился к стене бани и закрыл глаза, пытаюсь вызвать воспоминание о свежих морозах тормейлской зимы среди тяжелой и влажной жары Архипелага.

— Иногда мы сражаемся один на один, чтобы проверить свое мастерство, когда все Великие лорды собираются для заключения договоров друг с другом.

Вряд ли Гривал с Сезарром это поймут. С тем же успехом можно рассказывать им о Собрании Принцев на Зимнее Солнцестояние.

— Каждый лорд выставляет своих людей, а поединок определяет самого лучшего.

Айтен победил в прошлом состязании, на котором мы оба присутствовали, и унес тяжелый кошель, быстро полегчавший после наших празднований. Эсквайр Камарл, племянник мессира, спросил меня с глазу на глаз, не хочу ли я побороться на этот раз, и мгновенно понял, когда я сказал, что у меня не хватит духу.

Я резко открыл глаза. Сейчас не время предаваться воспоминаниям о доме, хотя я наказал себе следить, чтобы этот мерзавец не ударил меня по голове. В официальных состязаниях, к коим я привык, такие удары запрещались, и я не хотел быть застигнут врасплох, усыпленный чаением, что те же правила действуют и здесь.

— Ты уже убивал раньше? — Гривал не выказал ни тени сомнения на сей счет.

— Да, когда должен был. — Мой бесстрастный ответ вызвал удовлетворение на лицах обоих.

Затрубил сигнальный рог, и мы разом вздрогнули. Я встал и начал разминаться, чтобы встретить этот вызов хорошо подготовленным. На тренировочную площадку гуськом потянулись люди; те, что прибыли раньше, занимали лучшие места под раскидистыми деревьями. Несколько жадных юнцов решили покинуть тенистый уголок в надежде на лучший обзор и забрались на крышу бани, делясь карманами орехов и мехами с водой. Я огляделся: большинство свободных островитян собрались здесь — еще одно событие, когда главные ворота открыты и в них толпится народ, тогда как у меня нет ни единого шанса выскользнуть незамеченным. Я выбросил из головы несвоевременные мысли, ибо Сезарр и Гривал начали надевать на меня доспехи, и полностью сосредоточился на предстоящей схватке.

Поднимавшийся со всех сторон шум известил о прибытии Шек Кула и его жен. Три кресла были установлены под широким балдахином на дальней стороне тренировочной площадки, и Гар с Ляо хладнокровно заняли свои места, подтыкая шелковые юбки вокруг лодыжек. Каждая была в скромном, повседневном платье, почти без косметики и драгоценностей. Ляо слегка взмахнула рукой, и я кивнул ей, отметив спокойствие на ее лице и в осанке. Несмотря на всю ее распутную страсть прошлой ночью, сегодня утром она обращалась со мной точно так же, как всегда, и, должен признаться, я был этому только рад.

Шек Кул, одетый столь же скромно, как женщины, встал в центре угольного круга, раб у его локтя держал резную

выдолбленную тыкву. Взяв тыкву, воевода выпустил из нее ящерицу. Все взоры устремились на чешуйчатое создание, заматавшееся туда-сюда, прежде чем окончательно броситься под пышно цветущий куст. Одобрительный шепот пробежал по толпе, и Гривал с Сезарром закивали, улыбаясь мне. Что бы эта чушь ни означала, кажется, она работала на меня.

Толпа потеряла интерес к кусту и расступилась, чтобы выпустить Каеску и Ледяного островитянина. Каеска была в таком же платье, как Ляо и Гар, но ее лицо скрывала длинная и довольно плотная вуаль, закрепленная богато украшенными шпильками. Я посмотрел на другую сторону площадки — Ляо и Гар обменялись вопросительными взглядами и непонимающе пожали плечами.

— Почему она закрыла лицо? — спросил я Гривала, туго шнуrowавшего мою кольчугу. — Так принято? — Я затянул пояс еще на одну дырочку, затем снова ослабил его, так как он слишком стеснял дыхание.

Гривал казался озадаченным.

— Нет, насколько я знаю, обряд этого не требует. Может, она боится, что лицо как-то может выдать ее?

Сезарр сдержал слово: он пересек круг и заговорил с Шек Кулом. Воевода с серьезным видом кивнул, его взгляд последовал за рукой Сезарра, направленной на эльетимма. Повелительным взмахом подозвал жреца и, резко жестикулируя, что-то приказывал ему. Эльетимм наклонил голову в знак покорности — слишком охотно он соглашался для моего душевного спокойствия, если учесть, что колдовство должно быть частью его стратегии. Медленно направляясь к своему месту внутри черного круга, я сжал пальцы в облегających перчатках, гадая, с чего этот ублюдок собирается начать.

Мне ничего не поведало его лицо, едва видимое под шлемом, который доходил до шеи и загибался, заслоняя щеки. Я изучил его доспехи: металлические пластины защищали плечи и живот поверх вареной кожаной основы. От подкладки, которую я мог видеть под ней, он будет потеть как ломовая лошадь, однако и мне не избегать этой неприятности, а потому создастся равновесие рун. Моя борода уже намокла от пота, но я игнорировал это противное ощущение. Не время сейчас отвлекаться на мелочи. Гибкий кожаный панцирь покрывал бедра жреца над стальными поножами. Как всегда, его колени оставались самым уязвимым местом. В общем, мои кольчуга и шлем давали мне больше защиты, да еще усеянные заклепками кожаные гамаша, которые Гривал извлек неизвестно откуда, но я нес намного больше тяжести, и в эту жару да при той потере воды, что будет выходить из нас вместе с потом, это непременно скажется, если бой продлится слишком долго. Больше, чем когда-либо, я вознамерился закончить все как мож-

но быстрее, решительно напялил шлем на голову и опустил носовую стрелку, заперев ее в нужном положении.

Когда мы оба заняли свои места, Шек Кул сел между Гар и Ляо, а Каеска, наклонив голову, пристроилась сбоку на низком табурете. Воевода хлопнул в ладоши — этот резкий хлопок эхом отразился от окружающих зданий. Я глубоко вдохнул и сосредоточился на эльетимме. Долгую минуту никто из нас не шевелился, затем колдун осторожно шагнул вбок, и бой начался.

Я двигался медленно с мечом на изготовку, оценивая возможности противника. Эльетимм использовал длинную булаву, оружие пехотинца. Она имела металлическую голову с воротником из шипов и рукоятку из черного дерева, укрепленную полосками стали. Просто разрубить ее никак не удастся. Однако я не привык видеть столь сложное предохраняющее приспособление на булаве: оно почти целиком охватывало его кисть, обеспечивая костяшкам непреступную защиту. Я заметил также кинжал у него на поясе и решил не забывать о его левой руке, также защищенной тяжелой латной рукавицей, обшитой металлическими пластинами, которая по крайней мере не позволит ему быстро выхватить кинжал.

Заребая ногами песок, мы продолжали идти по кругу, пот уже выступал на наших лицах. Я присматривался к его коленям, но не собирался рисковать и наклоняться, чтобы не получить булавой по голове, независимо от наличия на ней шлема. Эльетимм стремительно шагнул ко мне, а я с той же скоростью отступил с поднятым мечом. Колдун остановился и с издевательской ухмылкой покачал головой. Пусть себе ухмыляется, я не зеленый новобранец, чтобы отвлекаться на насмешки. Будет возможность, плюну ему в рожу, поглядим, как ему это понравится. Потеря самообладания убивает чаще, чем потеря оружия — напомнил я себе слова командира там, дома.

Я перестал кружить и качнулся с ноги на ногу, приглядываясь к его равновесию и позе. Удар слева вниз почти достал его, но жрец поймал булавой мой меч и старался повернуть ее, чтобы сломать клинок между шипами, а я с равным упорством пытался его выдернуть. Я высвободил меч, но колдун успел отпрыгнуть назад и тем самым спасся от удара в щель между плечом и шлемом, который снес бы ему голову, попади я туда. И снова мерзавец поймал мой клинок, удерживая меня всеми силами, пока я вновь не вырвался на свободу. Теперь я сам отступил на шаг в поисках следующей возможности. Против другого меча я спровоцировал бы молниеносный обмен ударами, используя любое колебание в ответе. Но против булавы это явно не годилось. Мне стало казаться, что Ледяной островитянин намеренно затягивает бой, пока жара и тяжесть доспехов не начнут замедлять мои движения. Я

уже мог сказать, что реагирую чуть быстрее, чем он, что мои удары чуть сильнее, а ноги чуть легче в сухом песке. Но я сознавал опасность излишней самоуверенности.

Я сделал выпад, жрец парировал. Я быстро замахнулся, он отбил меч, и когда мой клинок скользнул по древку его булавы, я навалился на него, толкая назад, почти сбивая с ног. Я развил свое преимущество градом стремительных ударов, от которых колдун мог только защищаться, и не давал ему возможности снова поймать в ловушку мой клинок. Обманув эльетимма финтом, я со всего маху рубанул его в бок — отлично наточенное лезвие вдавилось в черную кожу, больно ударив в ребра. Когда жрец отступал по кругу, я пытался низким взмахом достать его колени, заставляя отпрыгнуть, прежде чем самому увернуться от ответного удара.

И вот тогда я впервые почувствовал это: царапанье, постукивание — настойчивые пальцы ощупывали двери к моему разуму. Стиснув зубы, я пошел на убудка, делая короткие финты в обе стороны, пока его защита не дрогнула, а тогда двинул мечом ему в живот. Но эльетимм вовремя повернулся боком, и я порывисто налетел на него. Когда мы стояли, почти соприкасаясь шлемами, с зажатыми меж тел руками, я увидел, что его губы за щечными пластинами не шевелятся. Значит, никакие его слова не будили того демона, который, ускользнув от бдительного ока Полдриона, вламывал мое сознание. Едва я подумал это, как грызущее ощущение усугубилось.

Я отбросил от себя эльетимма, но он вернулся с утроенной силой. Теперь мне было некогда удивляться, кто же творит это проклятое колдовство. Я упорно оборонялся, надеясь взять инициативу в свои руки. И все это время грызущее ощущение становилось все сокрушительнее, барьеры вокруг моего разума неужержимо крошились. В порыве отчаяния я бросил на эльетимма шквал ударов, жертвуя собственной защитой в решительной атаке, сам получил несколько ушибов, но сумел оставить столько же впечатляющих порезов на руках и ногах жреца. Я отступил, удовлетворенный, старательно избегая коварных участков залитого кровью песка. Теперь можно позволить эльетимму вернуться к обороне, кровоточащие раны будут истощать его силы.

Страшный треск разорвал мою голову. Холодные когти вонзились в мой разум и сжались. Перед глазами все поплыло, горячий солнечный свет угас, и почва стала уплывать из-под ног. Гул толпы стих до невероятного безмолвия, я задохнулся, шатаясь на слабых ногах, голова закружилась. Какой-то инстинкт отдернул меня от удара булавы, от которого мои мозги задрезбжали бы в черепе, но я мог только наблюдать, как мерзавец готовится к следующему удару, как черные железные шипы несутся к моим

затуманенным глазам, а я стою, не в силах пошевелиться, борясь с цепкой ненавистью, терзающей когтями мой ум.

Мой меч встретил булаву и плавно отвел ее в сторону. Мои ноги развили это движение, повернув мое тело, легкое и сбалансированное, пока мои руки резкими ударами продолжали бой. Я мог лишь смотреть на это в изумлении, сцепившись в лихорадочной борьбе за собственный разум, ибо чей-то чужой ум вступил во владение моим телом и защищал его от всего, что делал Ледяной островитянин. Я смутно осознавал длинную, призрачную кисть, наложенную на мои собственные, загрубевшие от работы пальцы, когда она обвилась вокруг рукояти меча, огромный голубой камень кольца-печати сверкал на солнце. Мой ум спотыкался на шаг-другой позади тела, борясь с цепкими руками магии, пытающейся утащить меня в черноту. Чьи-то чужие эмоции бежали по моим венам, делая жесткими сухожилия, управляя каждым моим движением. Я чувствовал пыл, решимость, юношескую энергию, а больше всего — непримиримую ненависть к моему противнику и всему его роду, но я был как-то отделен от этого, словно потерялся в горячечном бреде.

Ослабевший от полученной взбучки, жрец упал, поскользнувшись на липком песке. Я следил из некоего отдаленного уголка ума, как длинные руки наносят удар за ударом по спине, голове и плечам эльетимма, а он, брыкаясь, перекачивается туда-сюда и размахивает булавой, пытаясь избежать острого как бритва клинка, который втыкается в его доспехи, его кожу, его красную, истекающую кровью плоть. Голос, который не был моим, исторгся из моих уст, тормалинские слова звенели архаичным ритмом, который я слышал только в поэзии и в судах.

— Возвращайся к своему господину и передай ему, что эта земля наша! Мы все до единого человека будем удерживать то, что отвоевали у дикой природы!

Жрец в ужасе посмотрел вверх, его лицо побледнело под маской из крови и пота. Он пробормотал заклинание и внезапно исчез, оставив лишь разрытый кровавый песок перед моими глазами.

Толпа вокруг взревела, но все, что я слышал, это отчаянный крик внутри моей головы: «Что это? Кто ты? Где я?»

Я упал на колени, сорвал шлем, рукавицы и, схватившись за голову, призвал все свои силы, чтобы вытолкнуть то, охваченное паникой, присутствие из моего ума. С внезапностью, от которой я задохнулся, оно ушло, и я почувствовал в голове пустую тишину посреди оглушающего гама. Я посмотрел на руки. Они снова были мои, никакие тени не затуманивали их, но на среднем пальце правой руки белела вмятина. Любой мог бы сказать, что

я носил широкое кольцо с центральным камнем, теперь куда-то исчезнувшее.

— Рай-шед, куда ты ранен?

Подняв голову, я узрел капитана Стражи; он озабоченно всматривался в меня широко открытыми глазами.

— Я не ранен, только малость помят.

Я удивился, почему Гривал с Сезарром не оказались первыми возле меня. Но то, что я увидел, меня более чем удовлетворило. Повалив Каеску лицом в песок, Гривал стоял коленями на ее бедрах и крепко связывал ей руки. А Сезарр, оттянув за волосы голову, затыкал ей рот ее проклятой вуалью. Гадина, шлюха, змея подколодная: то ядовитое колдовство, несомненно, было ее работой. Неудивительно, что она нацепила вуаль. Плохо только, что колдун избежал своей участи, оставив Каеску одну на неведомо какие муки.

— Райшед! — внезапно призвал меня Шек Кул.

В воцарившейся тишине можно было слышать беззаботный щебет птиц на дальнем дереве. Я поднялся и, слегка пошатываясь на непослушных ногах, миновал кровавый песок, чтобы встать перед воеводой.

— Истина осуждает женщину Каеску, и она понесет наказание, — объявил Шек Кул бесстрастным голосом. — Ты оправдан, но меня многое тревожит в этом деле. Сей маг выбрал тебя, и ты говоришь, что между его народом и тем, что был прежде твоим, существовал раздор. — Воевода повысил голос, чтобы донести свои слова до последних рядов жадно внимающей толпы. — Я искренне верю, что ты неповинен ни в какой магической скверне, знамение Рек-э-нала ясно говорит об этом. Однако есть реальная опасность, что эти люди станут искать тебя, дабы отомстить за своего сородича. Я не могу оставить тебя здесь, так как рискую привести скверну в это владение.

Ляо шевельнулась в своем кресле, но тут же замерла, когда Шек Кул чуть повернул голову, словно собирался посмотреть на нее. Я глядел во все глаза на воеводу, не понимая, что, во имя Дастеннина, он говорит. Шек Кул скрестил руки, изучая меня.

— Ты уедешь отсюда, как только свершится казнь.

Круто развернувшись, воевода покинул ристалище. Гар схватила Ляо под локоть и потянула за собой, а Гривал с Сезарром потащили Каеску, безжалостно держа ее за плечи, и даже не позволили встать, когда она споткнулась, — так и поволокли дальше, ссаживая ей колени на гравийной дорожке. Чья-то рука сунула мне мехи с водой, и я осушил их в несколько жадных глотков, прежде чем взять чашку разбавленного вина у управляющего; его широкая улыбка опровергалась страхом, стоявшим в глазах.

— Идем.

Я оцепенело последовал за капитаном Стражи к казармам, где разделся и вымылся в тихом углу. Мои мысли пребывали в полном беспорядке от такого поворота событий. Обнаружив, что никто не смеет ко мне приблизиться, я сам смазывал ушибы и царапины, но удивленный шепот заставил меня оглянуться. Все стражники куда-то испарились, и только Шек Кул стоял, задумчиво глядя на меня.

— Позволь мне.

Воевода протянул руку, и я дал ему горшочек мази, не зная, что еще делать. Повинуясь его жесту, я повернулся и почувствовал, как он втирает резко пахнущий бальзам в ужасный кровоподтек на моем плече.

— Ты оказал мне великую услугу, избавил меня от Каески, — сказал Шек Кул. — Я всегда знал, что она станет еще опаснее, если ее брата убьют. Когда я перестал нуждаться в союзе с ней, она поняла, что я принесу владению наследника и перестану потакать ее вздору. Во многих отношениях ты очень хороший раб. Я знаю, Ляо думает так же, и ты многому мог бы научить ее, будь у тебя время. Но ты напоминаешь мне сокола, который был у меня когда-то. Его взяли диким слишком поздно и обучали только жестокостью. Это была прекрасная птица, храбрая и бесстрашная, она быстро улетала, но медленно возвращалась к приманке.

Шек Кул отдал мне баночку, и я повернулся к нему лицом.

— Я видел, что сокол ищет горных высот, даже когда сидит под колпачком в клетке. В конце концов я сам развязал путы на его ногах и позволил ему лететь. Думаю, это единственная награда, какую я могу тебе дать, награда, которая что-то значила бы для тебя.

Я открыл рот, но Шек Кул воздел руку, требуя молчания.

— Самого по себе этого не хватило бы, чтоб меня убедить, но тут замешана магия. — Его жесткие глаза смотрели на меня в упор. — Было что-то неладное в том поединке, что-то недоброе висело вокруг тебя. Я не знаю, что оно означало, но будь на твоём месте кто-то другой, не появись великий змей, когда ты стоял один на песке, я бы приказал убить тебя по подозрению в колдовстве. Однако я позволю тебе уйти, если поклянешься самым святым для тебя, что не вернешься.

У меня внезапно пересохло в горле.

— Клянусь. Пусть Дастеннин утопит меня и выбросит голым на берег, если я нарушу клятву.

Воевода кивнул, по-видимому, удовлетворенный.

— Этот знак обеспечит тебе безопасный проезд через

Он вручил мне золотой медальон, украшенный драгоценными камнями, который обеспечит мне еще и безбедную отставку, если я когда-нибудь привезу его домой.

— Спасибо, — сказал я просто, совершенно не зная, что еще придумать.

— Теперь оденься, и мы покончим с изменницей, — сурово приказал воевода. — Твоя ответственность, как ее обвинителя, завершится только с ее смертью.

Я натянул одежду и покорно последовал за Шек Кулом, думая с омерзением, что же мне предстоит увидеть. Мы вышли за ограду дворца и направились к берегу. Каеска лежала, привязанная за руки и ноги, на широкой деревянной платформе, закрепленной у столбов на самой границе прилива. Я постарался не реагировать, когда увидел, что ее глаза и рот запечатаны воском, а на коже краснеют глубокие ожоги. Раздувая ноздри, женщина лихорадочно втягивала в себя воздух. С минуту Шек Кул бесстрастно взирал на нее, затем поднял большой камень с черного песка пляжа и решительно положил ей на грудь. Каеска вздрогнула, словно это был горячий уголь, но, крепко привязанная, не могла его сбросить. Воевода кивнул мне, я нехотя подобрал камень величиной с кулак, положил рядом с его камнем и отвел взгляд от страдальческих, слепых гримас Каески.

— Ты останешься с ней, пока она не умрет.

Не оглядываясь, Шек Кул зашагал прочь, а я остался стоять столбом, наблюдая, как непрерывная череда островитян добавляла свою тяжесть к наказанию Каески. Одни обливались слезами, другие открыто злорадствовали, но все увеличивали груз, который медленно толкал ее к смерти.

Гар пришла ближе к вечеру, когда Каеска, болезненно-бледная, трудилась над каждым вдохом.

— У тебя все хорошо? — Гар встала рядом в береговой тени, после того как с угрюмым лицом положила свой камень средней величины.

Я кивнул.

— Скажи, зачем все это нужно? — Обдуманная жестокость казни ужасала меня. — Почему бы просто не отрубить ей голову?

— Тогда ее кровь осквернила бы землю, — объяснила Гар. — Ее рот запечатан, чтобы она не могла никого проклясть, а глаза закрыты, чтобы ее взгляд ничего не сглазил. Каеска совершила тяжкое преступление против этого владения, против этого народа и этой земли, и потому все участвуют в ее казни. Когда она умрет, все ее пожитки будут уложены на труп и сожжены, дабы уничтожить все, что когда-либо связывало ее с этим местом. Море унесет пепел, а вместе с ним и скверну. — Гар вздохнула. —

Я знаю, что вы, жители материка, говорите о нас как о кровожадных дикарях, вечно воюющих друг с другом. На самом деле мы ценим жизнь, высоко ценим — вот почему, когда нам приходится ее отбирать, мы делаем так, чтобы смерть сама сказала своё заключительное слово.

Подобно Шек Кулу, Гар без оглядки ушла с пляжа, пробираясь через островитян, которые все приходили, чтобы принять участие в этом необычном ритуале. Ляо появилась некоторое время спустя, когда очередь слегка поредела. Она несла большой камень — должно быть, из самого дворца, — который потребовал всех ее сил. Пыхтя, Ляо подняла его к груди и с силой бросила на кучу, уже закрывшую туловище Каески. Слабый стон вырвался у мученицы, и Ляо отскочила как ужаленная, испуганно заозиралась по сторонам. Увидев меня, подошла и села рядом на сухой песок под растущими вдоль берега деревьями.

— Я хотела закончить ее страдания, — тихо прошептала она.

— Это поможет, — заверил я ее.

— Куда ты поедешь? — Ее голос дрогнул.

Я успокаивающе сжал ее маленькую руку, совсем не заботясь о приличиях.

— Со мной все будет хорошо, когда я уеду с Островов. Я вернусь к своему прежнему господину, — вымолвил я с мрачной улыбкой.

Ляо указала на гавань, где несколько больших галер покачивались на якоре, в то время как другие скользили по каналу между островами.

— Видишь малиновый вымпел? Это корабль Сазака Джоя. Я поговорю с капитаном, и он возьмет тебя на борт. Я прослежу, чтобы все твои вещи были погружены. — Ляо задрала подбородок, чтобы губы не дрожали.

— Ты очень любезна.

— Не совсем, — призналась она с налетом прежней надменности. — Шек Кул велел мне убедиться, что ты не оставишь здесь ничего, что могло бы навести порчу на владение.

Это имело смысл. Ляо поднялась, смахнула песок с платья.

— Я пришлю Сезарра с едой, — бросила она через плечо.

— Спасибо! — крикнул я и, вынудив себя забыть о жалости, снова проверил пульс на шее Каески. Ее кожа была липкой на ощупь, но слабое биение жизни все еще толкалось под моими пальцами. Я вздохнул и сел дальше пережидать это трагичное бдение.

Каеске потребовалось три долгих дня и три ночи, чтобы

**Побережье к востоку от поселения Кель Ар'Айен,
34-е поствесны, Второй год колонии**

— Как речное дно, капитан? — Темар оторвался от убогих записей в своем дневнике.

Коренастый загорелый моряк стоял перед ним, широко расставив ноги на палубе, легкие волны мягко покачивали корабль.

— Довольно твердое, якорь удержится. Старый «Орел» совет себе здесь безопасное гнездышко на какое-то время. — Моряк ласково похлопал мачту, улыбка смягчила его доселе хмурое обветренное лицо. — Я поставил Мейга следить за отливом и речным течением.

— Хорошо.

Эскайр встал со своего места возле кормовой мачты с козым парусом и повел затекшими плечами. Солнце уже припекало, и ему хотелось сбросить с себя плотный, сшитый из шкур камзол. Юноша оглядел широкое устье, густо заросшие лесом холмы, круто спускавшиеся к открытым пляжам из гальки и кустарника на берегах широкой коричневой реки, которая предлагала доступ к глубинным тайнам страны. Порывистый ветер принес весенние запахи распускающегося леса, и Темар жадно вдыхал их.

— Они бы наверняка зашли сюда, чтобы пополнить припасы, да, мастер Гретист?

Капитан кивнул.

— У них были неплохие копии карт, составленных съером еще в то время, когда они вместе с Мореплавателем исследовали береговую линию. У нас точно такие же копии, они будут годны для шестидневного плавания отсюда. Это место отчетливо помечено как хорошая якорная стоянка с дичью и пресной водой.

Озадаченный, Темар перегнулся через перила.

— Где же они тогда? Попали в беду? Думаю, тут многое изменилось, появились новые бары и тому подобное. Тем картам, должно быть, лет восемнадцать или девятнадцать.

— Я знаю капитана Халовиза. — Скрестив руки, моряк тоже смотрел на береговую линию. — Он умеет быть осторожным в незнакомых водах. И если б они попали в беду, мы бы увидели какие-то признаки. Мы нашли обломки «Музыки Ветра», не так ли? А ведь он погиб почти год назад. Но мы нашли его даже после целой зимы штормов — его груз разбросало по всему берегу.

— Они тоже могли угодить в шторм, — рассуждал Темар. — Они отплыли в самом начале весны. Погода стояла хорошая, и никто не хотел ждать Равноденствия.

— Каким же должен быть шторм, чтобы все три корабля пошли ко дну и ни одного уцелевшего не вынесло на берег? — Гретист упрямо покачал головой. — И мы бы все равно увидели следы такого шторма — вывороченные с корнем деревья и прочее.

Темар пожал плечами.

— Что же, по-твоему, с ними случилось? Заболели, пали жертвой диких зверей, когда сошли на берег? Там же было восемьдесят человек, помоги им Дастеннин!

— Я спущу баркас. — Капитан выпятил квадратную челюсть, заросшую седой бородой. — Если они здесь высаживались, то на берегу должны остаться ямы от костров и другие следы, по которым можно будет определить, когда они высадились и сколько их было. Это подскажет нам, над чем работать. Может, они отправились вверх по реке? С виду она судоходная. Они ведь за этим сюда и шли?

— Наверное, ты прав. — Темар согласился — это было весьма разумное предположение. — Однако мы не знаем, кто рыщет в этих лесах, верно? Распорядись, чтобы гребцы взяли с собой оружие: мечи, у кого они есть, и корабельные топоры, у кого нет мечей. Не будем рисковать.

Он стоял рядом с Гретистом, наблюдая, как команда опускает шлюпку на зеркальную поверхность устья. Эхо от удара весел прокатилось по далеким холмам.

— Темар, можно тебя на минутку?

— Барышня! — Эсквайр повернулся и с наигранной учтивостью поклонился Гуиналь.

Девушка ответила на его иронию насмешливым реверансом, больше подходящим к шелковым нарядам, чем к ее практичному платью из серой шерсти.

— Здесь что-то неладно, — уже серьезно заявила она. — Я чувствую нечто необычное, некую угрозу.

— Пожалуйста, тише.

Темар огляделся — не услышал ли кто нечаянно это нервующее заявление — и с облегчением вздохнул, убедившись, что оставшиеся матросы сосредоточенно наблюдают за баркасом, который медленно продвигался к берегу.

— О чем ты говоришь?

— Я сама точно не знаю, — призналась Гуиналь, досадливо засунув руки за плетеный кожаный пояс. — Я не могу этого понять, но что-то не так. Мы с Авилой пытались с кем-нибудь связаться. Возможно, экспедиция погибла, но я не верю, что никто не выжил...

662 — Но вы никого не нашли, — перебил ее Темар.

— Не в том дело, — нахмурилась Гуиналь. — Я будто смотрела сквозь туман. Авила говорит, это все равно что кричать в вуали.

— Ты сама утверждала, что Высшее Искусство, создаваемое на корабле, вызывает странные эффекты. Быть может, на этой стороне океана заклинания работают иначе. Помнишь то дальновидение к рудникам, когда все шло не так?

— То было редко используемое заклинание в едва обученных руках, — настаивала девушка. — Я — одна из лучших практикующих Высшее Искусство во всей Империи, и это — заклинание, которым я овладела давным-давно. Тут другое. Темар, поверь мне. Где-то рядом опасность, и всем нужно быть начеку. Авила тоже ее чувствует, совсем немного, но достаточно, чтобы убедить меня в ее реальности.

Д'Алсеннен остановил ее взмахом руки.

— Хорошо, я верю тебе на слово. Но тогда что я должен сделать? Ты говоришь, мы в опасности, но не можешь сказать, в какой и почему. Оглянись вокруг, эти люди и без того обеспокоены, что до сих пор не нашли никаких следов. У них были друзья, братья на тех кораблях, которые мы ищем. — Его слова прозвучали жестче, чем хотелось бы, и юноша попытался смягчить тон. — Пожалуйста, пойми меня. Не думай, что я тебе не верю, я верю, честное слово. Просто я не желаю ухудшить и без того плохую ситуацию, давая предупреждение о некой туманной опасности. Когда у тебя будет нечто определенное, что я смогу объяснить команде, я буду действовать. А до тех пор, пожалуйста, молчи об этом. У нас и так хватает забот, чтобы добавлять к ним еще и необоснованные страхи.

Гуиналь поджала губы, щеки ее порозовели от гнева.

— Конечно, эсквайр, как прикажете. Я сделаю что смогу.

Она круто повернулась, вся напружинившись от досады, и быстро пошла прочь, шурша мягкими башмаками по полированному настилу.

Д'Алсеннен смотрел ей вслед с горечью, смешанной с раскаянием и злостью. Когда же они с Гуиналь смогут поговорить, не обижая друг друга? Темар делал все возможное, чтобы избежать ее, так как девушка ясно дала понять, что не желает иметь с ним отношений, но, учитывая серьезность ситуации, Ден Феллэмион настоял на том, чтобы взять на поиски Гуиналь и самых искусных ее учеников.

— У барышни для тебя какие-то известия? — Отрывистый вопрос Гретиста откинул прочь личные неурядицы Темара.

— Нет, ничего важного. — Эсквайр изобразил убедительную улыбку.

Моряк вытащил кисет из кармана грубой парусиновой туники и отправил в рот жевательный лист, прежде чем запоздало предложить кисет Д'Алсеннену.

— По прибытии сюда мы так и не нашли ответов, и парни начинают задавать вопросы. Ты слышал, как дела у той, другой экспедиции, что отправилась на юг?

— Да, конечно. — Темар помотал головой, отказываясь от листьев, и мысленно упрекнул себя за то, что сразу не поделился новостями. — Прости, я должен был сказать тебе. Они сообщили, что побережье тянется точно на юг на сто шестьдесят лиг, а затем изгибается на северо-восток и идет вдоль длинного залива, питаемого крупной рекой. Его протяженность восемьдесят—девятьдесят лиг. Судя по отзывам, там прекрасная земля для скота — лесов не так много, как в этих северных и восточных пределах.

У капитана заблестели глаза.

— Это хорошо, будет куда отвезти молодняк, родившийся в нынешнем году.

— Да, это выглядит весьма перспективно, — согласился Темар. — Мессир Ден Реннион уже говорит о закладке там нового поселения еще до конца года. По его прикидкам, оттуда до порта всего сотня лиг по суше, а до рудников — и того меньше.

— Может, и так, но на этой сотне одни сплошные кручи! — Гретист тем не менее засмеялся. — Я схожу туда поглазеть на своем «Орле», пока они не построят приличный большак.

Темар улыбнулся.

— Захвати и меня с собой, мастер.

Крик сверху отвлек капитана, и Д'Алсеннен вернулся к своему дневнику, чтобы найти известия о южной экспедиции, которые Гуиналь передала ему после того, как они отчалили. Известия пришли от одного из ее недавно обученных адептов, не так ли? Высшее Искусство прочно связало ту, другую флотилию с портом, и сведения передавались каждый второй или третий день. Что же приключилось с этой северной экспедицией? Почему корабли исчезли без следа, не оставили даже намека от адептов на борту? Что могло повлиять на Высшее Искусство? Сколь опытны были адепты, присоединившиеся к северной экспедиции? Темар теперь сожалел о вынужденном решении отказаться от занятий Высшим Искусством в течение зимы. Но он просто не мог каждый день находиться в такой близости к Гуиналь.

— Паруса!

Эсквайр в изумлении вскинул голову. Подталкиваемый нетерпеливыми матросами, он пробился к борту, чтобы увидеть трехмачтовый корабль, на всех парусах огибающий дальний мыс.

— Кто это? — закричал откуда-то сзади матрос, раздосадованный тем, что ничего не видит.

— Похож на «Лосося»! — Ответ был поддержан довольными криками со всех сторон.

Темар прищурился, ища руну на носу быстро приближавшегося судна, скрытую летящей пеной, а матросы махали отовсюду и радостно свистели.

— Темар! Темар!

Истощенный крик Гуиналь оторвал юношу от борта. Он протолкался по трапу на ют, где взбудораженная девушка стояла рядом с капитаном. Моряк насупил густые брови. Заслонив ладонью от солнца глубоко посаженные глаза, он вглядывался в корабль.

— У них нет никакого флага, нет даже вымпела. Нелишним был бы и сигнальный флажок, учитывая ситуацию, — с сомнением пробормотал Гретист.

— Я не могу связаться с ними, Темар. — Гуиналь схватила юношу за рукав. — На том корабле происходит что-то ужасное!

Д'Алсеннен посмотрел мимо нее на капитана.

— Я вижу наших парней, и довольно отчетливо, — медленно продолжал Гретист, — но они не работают тросами, не управляют парусами.

— Все разумы на том корабле закрыты для меня, Темар, — твердила Гуиналь. — Я знаю кое-кого из той команды и должна была бы связаться с ними отсюда!

— Поднять сигнал, Мейг! — проревел вдруг капитан. — Они что же, не видят, что мы на якоре?

Давно разыскиваемый корабль продолжал идти к ним на безрассудной скорости, и команда забеспокоилась.

— Темар! — Гуиналь, переполненная одновременно страхом и раздражением, затеребила его руку.

— Они врежутся в наш борт, если не... — Гретист в смятении покачал седой головой. — Мейг, руби якорь! Поднять паруса! Держитесь, сударыня.

Капитан спрыгнул с юта, и команда бросилась к вантам, чтобы привести в движение свой корабль, но второе судно хищно устремилось на него. Одной рукой Темар схватился за борт, другой потянулся к Гуиналь, и тут корабли столкнулись с сокрушительным грохотом. Девушку совсем сбило с ног, Д'Алсеннен упал на колени, а несколько человек полетели со снастей в пенящиеся воды, и крики их потерялись в нарастающем ропоте на палубе. Суда, бешено раскачиваясь, отошли друг от друга, их паруса беспорядочно хлопали. Темар изо всех сил пытался встать на ноги. Ища объяснение такому повороту событий, он увидел, что матросы с «Лосося» падают, как оглушенные животные, и другие фигуры выпрыгивают из люков, намереваясь бросить кошки и притянуть суда друг к другу. Матрос, отчаянно цеплявшийся за борт, был раз-

давлен между высокими деревянными стенами, а воюющие фигуры в черной коже прыгали через перила, держа наготове короткие мечи и топоры. Чтобы защищаться, моряки хватали нагели и тросы, все, что попадало под руку, и в отчаянии поднимали поясные ножи.

Выхватив свой длинный меч, Темар перепрыгнул ограждение юта и застиг нескольких захватчиков врасплох — настил стал скользким от их крови. Остальные, немного отступив, оценивающе сверлили его холодными голубыми глазами. Эсквайр раздумывал, куда бы ударить, свирепо глядя на соломенные головы над заклепками кожаных доспехов. Это солдаты, вдруг понял Д'Алсеннен. Откуда они взялись?

— Рубите канаты! — Рев Гретиста вознесся над суматохой. Этот рев мог быть услышан и в самый страшный шторм.

Темар бросился вперед, чтобы защитить горсть матросов, бешено пиливших туго натянутую пеньку, которая крепко держала железные кошки. Он чуть не споткнулся о захватчика, в агонии упавшего к его ногам с вонзившимся в глаз нагелем. Эсквайр ударом сапога вогнал металл глубоко в череп и ногой отпихнул труп. Когда новые противники повалили через борт, юноша стал увертываться, отражая удары, — мастерство, обретенное долгой практикой, спасало его от чего-то худшего, нежели жгучая царапина на руке: шальной клинок распорол рукав. Это напоминание об отсутствии у него защиты немного отрезвило Темара, хотя в кожаном камзоле и бриджах из буйволовой кожи он все равно был в лучшем положении, чем матросы в холщовых туниках и штанах. Даже скользящий удар мог прорезать холст, а каждая кровоточащая рана будет ослаблять.

Эсквайр рубанул по занесенному топору и, когда солдат покачнулся, ловко ударил его между шеей и плечом. Презрев усеянную заклепками кожу, острый клинок глубоко вошел в плоть и кость. Топор рухнул на палубу, его звон потерялся в общем шуме, а захватчик вывалился за борт.

— Берегите ноги! — крикнул Д'Алсеннен, отпихнув назад освободившийся топор, которым сможет воспользоваться первый же схвативший его матрос.

Когда следующая жертва Темара, оставшись без ног, свалилась в лужу крови, сразу двое пошли на него, но он тут же достал их своим более длинным клинком, а двое горячих моряков прикончили раненых ножами. Дальнейшая атака захлебнулась на наскоро устроенной преграде из рангоута и захваченного оружия, когда команда сплотилась для поддержки Темара, привнеся в битву всю жестокость портовых драк. Матросы пинали, долбили, пле-

666 • вались и кусались и, увертываясь от мечей и топоров, обру-

шивали на врага свое грубое оружие. Дрожь пробежала по судам: это «Орел» боролся за свое освобождение.

Крик сзади отвлек Д'Алсеннена от схватки. Обернувшись, он увидел, как один матрос ухитрился освободить кошку, сильно поранив при этом кисть. Потом он шлепнулся на колени и, крича, схватился за голову, а в глазах застыли паника и боль. Второй упал и завыл, корчась в судорогах. С ужасом глянув на них, эсквайр дико огляделся, пытаясь найти объяснение столь неожиданным приступам.

— Темар! — прорвался сквозь хаос крик Гуиналь.

Юноша отыскал ее мгновенно. Она стояла на коленях на палубе юта — юбки грязные, руки по локоть в крови — и пыталась помочь умирающему матросу. Темар лихорадочно поискал глазами одетую в черное фигуру, которая угрожала бы ей, но никого не увидел.

— Это он, тот человек на носу. Тот, с Высшим Искусством! — хрипло выдавила из себя Гуиналь и вдруг издала резкий вопль — ее собственные руки поднялись, чтобы выпарапать ей глаза, прежде чем она сумела овладеть ими. Упав ничком, девушка отдувалась с минуту, показавшуюся Темару вечностью, потом снова выпрямилась — зубы сжаты, глаза на белом лице огромны. — Убей его! — закричала она пронзительно, как раненый ястреб.

Д'Алсеннен посмотрел на неподвижную фигуру высоко на носу «Лосося» и быстро огляделся, чтобы оценить ситуацию. Команда «Орла» удерживала борт, поливая врага бранью. Потом Темар заметил трепыхание цвета над головой: наверху, на снастях, Мейг и двое матросов поднимали сигнал, чтобы вернуть баркас с подкреплением и оружием. Эти негодяи захватчики стояли за мысом, ожидая, когда «Орел» наполовину ослабнет, понял эсквайр с бессильной яростью. Гуиналь не видела их, но тот гад в длинном плаще как-то шпионил за тормалинским кораблем, дергая за нитки марионеток, в которых были превращены невинные колонисты. Стоило юноше подумать об этом, как Мейг полетел с мачты вниз головой, даже не пытаясь спастись, и грохнулся на палубу, превратившись в сломанную груды.

Темар схватился рукой за трос и поднял ногу на качающийся борт. Суда бились насмерть, обшивка раскалывалась, канаты скрипели от напряжения, парусина громко хлопала. Но юноша стоял твердо, с мечом на изготовку; его острый как бритва край серебрился сквозь запекающуюся кровь, забившуюся в желобок.

— Кто со мной? — крикнул он.

«Лосось» снова качнулся в разбитый борт «Орла», и щель стала еще уже.

Распаленный кровожадным ревом за своей спиной, Темар прыгнул, вложив все силы в этот прыжок, и упал на четвереньки на дальней палубе, не выпуская из руки меч. Глухие стуки позади него объявили о прибытии горсти матросов с «Орла», жаждущих использовать захваченное оружие.

— Рамсен!

Кто-то из людей Д'Алсеннена опустил топор и устался на фигуру, перекатываемую туда-сюда качкой.

— Они погибли! — жестко закричал Темар, у него тоже защемило под ложечкой, когда он узнал одно дряблое и белое лицо из павшей команды «Лосося». — Берегитесь!

Враг быстро опомнился от неожиданной контратаки, и плотно сбитый отряд, подняв клинки, устремился к корме. Эсквайр взял себя в руки и приготовил меч, чтобы защищаться и нападать, но краем глаза следил за высокой фигурой на баке. Белокурые волосы развевались на ветру. На шее у колдуна ярко блестела золотая цепь. Все свое внимание и мастерство он сконцентрировал на атаке на другом корабле.

Топор, сверкнувший в воздухе, метил в голову Темара, но юноша с легкостью блокировал удар, в свою очередь, вынудив противника попятиться. Эсквайр рвался вперед, но так, чтобы не обгонять своих бойцов, рубил и резал, делал финты и парировал, не только для того, чтобы убивать, но и заставить сопротивляющихся постепенно отступать к носу судна. Он сосредоточил все свои усилия на людях перед собой, полагаясь на матросов сзади и прочную защиту корабельных перил слева. Шаг за шагом Д'Алсеннен и его люди приближались к вражескому колдуну, а он вдруг повернулся к ним с перекошенным от ненависти лицом и, подняв руки, заговорил на незнакомом, лающем языке.

Воздух перед Темаром замерцал и зарябил, лица исказились, словно видимые сквозь плохое стекло. Палуба под ногами внезапно стала неровной и разбитой, будто каменистая дорога. Эсквайр сделал шаг вперед, но настил выскользнул из-под ног, а со всех сторон стало доноситься рычание хищников, нетерпеливое и кровожадное. Волосы у Темара встали дыбом, инстинкт велел ему бежать, сзади он слышал испуганные крики своих людей. Юноша затряс головой в испуганном отрицании и яростно рылся в памяти, пытаясь отыскать охранные заклятия, коим Гуиналь учила его, прежде чем их дружба пошла ко дну.

— Тар райал мин аммель! — выкрикнул он, всего на миг зажмурясь, чтобы собраться с силами и выбросить прикосновения колдуна из своего разума.

Задыхавшись, эсквайр открыл глаза — он снова видел ясно.

И матросы за его спиной, казалось, тоже пришли в себя.

Темар даже удивился: что за сила заключена в этом полузабытом заклинании?

Крики врага там, на борту «Орла», стали громче, но теперь в них звучал испуг, а не ликование. Глухая дрожь пробежала по палубе — к ногам Темара прикатилось еще одно безжизненное тело. Чтобы не упасть, он отринул жалость и пнул его в сторону. На другом корабле внезапно раздались победные кличи и торжественные насмешки, пересыпанные непристойностями и проклятиями. Д'Алсеннен оглянулся: несколько одетых в черное захватчиков побросали оружие и полезли обратно через перила, чтобы спастись от какой-то угрозы, которую только они могли видеть; один свалился за борт, исчезнув в мутных водах, когда корабли разошлись и снова с грохотом столкнулись. Солдаты, которые стояли перед Темаром и его людьми, отступили к трапу, ведущему наверх, к баку, готовые теперь скорее защищаться, чем атаковать.

Эсквайр снова посмотрел на вражеского колдуна: ненависть и страх читались на худом морщинистом лице, обращенном к Гуиналь, находившейся сейчас на юте. Защищенная кольцом матросов, она насылала незримую погибель на нападающих. Горсть солдат бросились с криками к ней, но погибли, даже не успев коснуться своими клинками кольца защитников. Колдун угрожающе поднял руку, но палуба вдруг накренилась, лишив его равновесия. Темар и сам вынужден был схватиться за перила, но все же засмеялся, пронзительно и зло.

— Баркас! — Какой-то матрос потормошил Д'Алсеннена за плечо, и эсквайр кивнул с мрачным удовлетворением: вернувшийся экипаж шлюпки перелезая через дальний борт «Орла». Его свежий гнев вылился на захватчиков, подобно освободившемуся ото льда морю, сметая черные фигуры в сторону, как плавающие обломки крушения. Палуба под Темаром снова качнулась, и юноша понял, что почти все кошки отцеплены.

— Нам нужно вернуться на «Орел»! — крикнул он через плечо, и матросы ответили одобрительными возгласами.

Они отступили, медленно, с поднятым оружием, готовые к неожиданному броску врага. Одетые в черное противники шли за ними по палубе, не приближаясь под удар меча, и отпускали насмешливые реплики на своем неразборчивом языке.

— Не обращай внимания. — Темар покачал головой, глядя на моряка, потрясавшего захваченным топором, — он жаждал снова ввязаться в драку.

Эсквайр нащупал за пазухой камзола метательный кинжал. Отступление — это хорошо, но оно было слишком медленным. По мере того как суда корчились в своих канатных путях, то и дело раздавались щелканье и свист рвущейся пеньки, и каж-

дый порыв ветра, дергающий паруса «Орла», опасно натягивал оставшиеся тросы. Темар спрятал в руке кинжал, когда они поравнялись с оставшимися кошками, и с облегчением услышал нетерпеливые крики с «Орла» — им предлагали помощь.

— Приготовьтесь уйти, — скомандовал он, оценивая расстояние и ветер. Удастся ли это сделать?

— Когда? — спросил матрос, стоявший рядом.

— Сейчас! — ответил Темар.

Шагая вперед, он размахнулся и послал блестящий клинок через все судно. Вспыхнув на солнце, серебро вонзилось в грудь колдуна. Его крик остановил отряды на палубе, которые собирались броситься на матросов, энергично карабкавшихся обратно через перила двух кораблей и неспособных защищаться. Пока белокурые головы поворачивались во все стороны, Темар и его люди воспользовались минутой нерешительности, чтобы сбегать на «Орел», где ждущие их люди ножами перерубали последние волокна канатов с целью освобождения судна.

— Поднять паруса! Идем на открытую воду! — проревел капитан Гретист, и матросы полезли на снасти, их руки все еще были липкими, одежда в собственной и чужой крови. На вздымающихся крыльях белой парусины «Орел» двинулся от «Лосося», оставив его дрейфовать во власти ветра и течения, пока темные фигуры воевали с его тросами.

— Мы не можем бросить «Лосося»! — запротестовал кто-то.

— И как ты собираешься отбить его? — иронично поинтересовался Гретист, но лицо его было искажено негодованием. — Нет, пусть эти ублюдки присматривают за ним, но совсем недолго — ровно столько, сколько потребуется нам, чтобы вернуться в порт, поднять флотилию и отправить всех этих маскарадных болванов прямо к ногам Дастеннина!

Этот прогноз вызвал восторженные крики. Оскорбления посыпались с обоих бортов, когда «Лосось» наконец пришел в движение и, кренясь, направился к дальнему мысу.

— Д'Алсеннен!

Темар посмотрел на корму, пытаясь узнать голос, и увидел высокую сухошавую фигуру Авилы Тор Арриал — она из последних сил поддерживала лишившуюся чувств Гуиналь.

— Пустите меня! — Эсквайр протолкался к юту и поднял девушку на руки, встревоженный ее чрезвычайной бледностью.

— Неси ее в нашу каюту.

От повелительного взгляда Авилы перепуганные матросы умолкли, и женщина поспешила открыть дверь в задней части корабля.

Темар бережно опустил Гуиналь на узкую койку и в безотчетном страхе сжал кулаки, когда Авила проворно развяза-

ла у девушки пояс, ослабила высокий ворот платья и проверила пульс на шее. Потом наклонилась к самому лицу и удовлетворенно хмыкнула, ощутив дыхание Гуиналь на своей щеке.

— Все будет хорошо. Она просто изнурила себя.

Авила ласково положила руку на ее лоб, испачканные травмами пальцы женщины казались коричневыми на фоне белой кожи.

Темар сам не знал, какие чувства преобладали в нем — облегчение или негодование от того, что Гуиналь донельзя его напугала.

— Она вечно думает, что все может сделать сама! — взорвался юноша. — Это первый раз, когда она так надорвалась? Почему она не может рациональнее рассчитывать свои силы?

Авила наливала воду в миску и остановилась с льняным лоскутом в руке.

— Гуиналь приходится так много работать из-за отсутствия других обученных рук, которые сняли бы с нее эту ношу, — объяснила она. — Если бы побольше людей захотели постигать Высшее Искусство, ее жизнь была бы намного легче. Проблема в том, что слишком много таких, кто начинает, а потом бросает, как только возрастают требования.

Она даже не потрудилась скрыть презрение в голосе и в глазах, посмотрев через тесную каюту на Темара. Тыльной стороной руки она смахнула со лба прядь седеющих волос.

— У меня были свои причины, и у меня есть свои обязанности, — огрызнулся Темар. Он бросил взгляд на Гуиналь, ее щеки начали слегка розоветь. — Мессир Ден Феллэмион слишком много требует от нее, — нехотя сказал он, ненавидя себя за критиканство.

— Мессир Ден Феллэмион болен. — Авила побрызгала на льняную ткань ароматического масла из крошечного флакончика и положила ее на лоб девушки. — Высшее Искусство Гуиналь — это, пожалуй, единственное, что держит его сейчас на ногах.

Темар вытаращил глаза.

— Вы это серьезно?

— Как чумные пятна, эсквайр! — отрезала Авила, вытирая руки о платье. — Если б не Гуиналь, он бы не пережил этот год. Потому ей приходится тратить время и силы и на него, и на все прочие возложенные на нее обязанности.

— А мне что прикажете с этим делать? — возмутился Темар скорее для того, чтобы защититься, нежели в расчете на ответ.

Тем не менее Авила ответила:

— Перестань цепляться за любой повод оставить порт и увезти с собой свои обиды на Гуиналь. — Она грозно посмотрела на юношу. — Ты очевидный преемник Ден Феллэмиона, парень! Оставайся и учись у него, возьми на себя часть настоящей

работы в колонии, прекрати шляться по рекам да горам всякий раз, как кто-то предложит тебе такую возможность. Если у Ден Феллэмиона будет меньше работы, ему меньше придется требовать от Гуиналь, и она перестанет бесконечно тратить силы со дна своего кошелька. Возьми себя в руки, Д'Алсеннен! Я видела, как ты ведешь себя с Гуиналь. Дрианон, спаси меня, ты не единственный парень, которого когда-либо отвергли. Гуиналь не первая женщина, которая видит перед собой более важные цели, чем быть просто женой и матерью!

Затаенная обида вырвалась у Темара, прежде чем он успел прикусить язык.

— И я должен благодарить вас, что она выбрала эти цели, не так ли? Гуиналь постоянно упоминала ваше имя, когда я пытался узнать, что настроило ее против меня. То, что вы сами предпочли не выходить замуж, еще не дает вам права мешать счастьем других людей.

Авила разглядывала его спокойно, но ее голубые глаза увлажнились.

— Я бы вышла замуж, Д'Алсеннен, если б мой жених не умер от той самой оспы, что забрала столько из твоего Дома в Иной мир. Отец мой тоже умер, а мать осталась инвалидом. Следующие четыре года мне, как самой младшей и неожиданной дочери, пришлось ухаживать за ней. К тому времени да при таком количестве умерших у меня уже не было шанса выйти замуж. Но ты прав, это я посоветовала Гуиналь хорошенько подумать, прежде чем обременять себя мужем, детьми и всеми ожиданиями света. Никакого среднего пути не будет — не здесь, не сейчас. У Гуиналь есть образование и возможности, о которых я могла только мечтать, и мне бы очень не хотелось видеть, как она жертвует ими ради эгоистичного парня, которому еще надо взрослеть и взрослеть!

Гуиналь зашевелилась на койке, рассеянно потянулась рукой ко лбу. Темар смотрел на нее долгую минуту, затем, не в силах вымолвить хоть слово, повернулся и, хлопнув дверью, вышел из каюты.

Торговый островок во владении Сазака Джоя, Алдабрешский Архипелаг, 20-е предлета

Я выпрыгнул из ялика на песок и вытащил свой багаж. Ни одна рука не поднялась, чтобы помочь мне.

— Спасибо, — только и сказал я, но ответа не получил и, не оглядываясь, пошел прочь.

Несмотря на столь явную нелюбезность, на алдабрешцев трудно было сердиться. Как бы ни посылали они сооб-

щения своими флагами и маяками, весть о судьбе Каески разошлась по всему Архипелагу, как огонь по сухому валежнику, и медальон Шек Кула, хоть и обеспечивал мне проезд на любом судне по моему выбору, также, несомненно, выставлял меня напоказ, как жителя материка, который начал всю эту историю. Неудивительно, что, куда бы ни приехал, я оказывался таким же долгожданным, как какой-нибудь бродяга, потерявший нос и половину пальцев от ползучего лишая. Я побрел вдоль пляжа, глядя на сигнальные вымпелы, реявшие на мачтах. Я искал желтый с малиновым узором, обозначающий следующее владение, которое мне нужно пересечь в этом болезненно медленном продвижении по Архипелагу. Его нехотя показал мне капитан последней галеры. Я вздохнул. Солнце садилось за скалистый островок, и меня не прельщала еще одна ночь беспокойного сна в углублении, вырытом в песке, когда оставалось лишь надеяться, что никто не ограбит меня и не пырнет ножом, пока я дремлю.

— Далеко ты заехал от дома, тормалинец!

Неожиданное приветствие было вполне дружелюбным, и я сразу не потянулся за мечом. Мои недавние испытания оставили ужасный след в душе, и я уже боялся использовать этот клинок против чего угодно, кроме открытого нападения целого отряда эльетимов. Обернувшись, я увидел невысокого меднокожего человека в потрепанной тунике, с усмешкой глядевшего на меня. Он был безбород и лыс как яйцо — его голова блестела под вечерним солнцем, — но в подобающей одежде и при наличии минимума волос он мог бы сойти с любого причала вдоль побережья Лескарского Залива. В его смешанной крови явно чувствовалась лескарская примесь, да и тормалинская тоже.

— Я мог бы сказать то же самое и о тебе, не так ли? — Я следил за темными глазами незнакомца, дабы оценить искренность его ответа.

— Возможно, но сейчас у меня нет дома, кроме моего корабля. Вон он, «Эмигал»! — Коротышка гордо махнул рукой на одно из меньших судов, стоявших на якоре в узком проливе. Несмотря на алдабрешскую оснастку и незнакомое расположение мачты и парусов, оно походило на те суда, что курсируют по рекам и на тормалинской стороне Залива: перевоза значительный груз, они требуют для управления всего пару человек. Это было интересно само по себе, учитывая преобладание массивных галер со всех сторон, но более интригующей оказалась коллекция обшитых белым вымпелов, спускающихся на длинном тросе с верхушки мачты. Это суденышко и его неизвестный капитан имели право торговать в двойной горсти владений.

Я скрестил руки и бесстрастно посмотрел на меднокожего — его усмешка не дрогнула.

— Что тебе от меня нужно? — с вызовом спросил я, пытаюсь избежать случайного разговора.

— Я думал, это тебе нужны мои услуги, — с нарочитым подобострастием ответил он. — Я знаю, кто ты, тормалинец. Ты раб юной Ляо Шек, который помог ей отправить стерву Каеску пеплом в море. — Он вытер рот машинальным жестом — такой я слишком часто видел в последнее время, когда люди вокруг меня вдруг начинали понимать, кто я такой. — Я бы сказал, что ты щедро заплатишь за скорый путь домой, вместо того чтобы прыгать целый сезон с галеры на галеру, рассчитывая, что никто не выбросит тебя за борт просто из опасения, что ты действительно осквернен магией.

Если таково его представление о переговорах, то как этот коротышка зарабатывает себе на жизнь, хотел бы я знать? Увы, по сути он был прав.

— Куда ты мог бы отвезти меня? — спросил я без улыбки.

— Достаточно близко к материку, чтобы ты мог пересечь на корабль, идущий в каладрийский порт, Аттар или Клейт, — выбирай, какой хочешь.

Я задумался. Прошло не меньше поколения с тех пор, как самый северный воевода изгнал каладрийцев с прибрежных островов, и, судя по тому, что я слышал, около горсти лет назад там возобновилась мирная торговля. Аттар и Клейт находятся совсем не на том конце Лескарского Залива, что мне нужен. Но хотел ли я пересекать всю ширь Архипелага этим бессистемным образом, дабы потом охотиться за одним из немногих кораблей, готовых рискнуть опасным, хоть и выгодным переходом к Зьютесселе, борясь с ветрами и течениями, бушующими вокруг Мыса? Если я доберусь до Каладрии, путь домой будет долог, особенно теперь, когда сезон сражений в Лескаре в самом разгаре. Но по крайней мере можно будет отправить мессире письмо Курьерской почтой, и всегда есть шанс прямого проезда через Залив от Релшаза до Тормейла. Я вспомнил драгоценный клад, который нашел на дне своего мешка, — прощальный дар Ляо. Я мог бы купить себе галеру, если б захотел, — при условии, что удастся вернуться в какое-то цивилизованное место.

Я снова посмотрел на коротышку. Интересно, что он понимает под щедрой платой?

— Как тебя зовут? — спросил я, немного расслабив позу.

— Дэв.

Он протянул руку ладонью вверх — чисто лескарский жест.

Только в этой стране считается хорошим тоном показать, что ты не прячешь в рукаве клинок.

Я пожал ему руку.

— Рад познакомиться, Дэв. Я Райшед.

Я оглядел пляж, заполненный людьми и товарами. Между берегом и ждущими галерами сновали маленькие ялики, перевозившие туда-сюда грузы и пассажиров. От костерков и жаровен, разместившихся под деревьями, исходили запахи стряпни, и в животе у меня заурчало.

— А еще я хочу есть. Эта скотина капитан высадил меня на берег прежде, чем его команда села ужинать.

Подобное случалось со мной не раз за время сего путешествия, и поскольку в этом невежественном обществе просто не существовало такого понятия, как плата за услугу, у меня не было никакой возможности купить еду, сколько бы ее ни готовилось вокруг меня, богатство в моем мешке — насмешка да и только.

— Можешь поесть со мной.

Дэв подошел к навесу, сплетенному из свежих веток, где толстая алдабрешка ловко налиwała взбитое тесто на шипящую сковородку, а потом завертывала в готовые блины ложку любой снеди, какую просили, из ряда горшков, булькающих на краю ее широкой жаровни.

— Что тут менее острое? — осторожно спросил я Дэва, наблюдая, как он просит положить ему мясо, приправленное жгучими красными стручками. Откуда бы этот капитан ни приехал, он, видимо, уже давно мотается в Архипелаге, и его язык продубился, как старая кожа.

— Рыба, я бы сказал, — беззлобно засмеялся Дэв.

Он сообщил женщине название своего корабля, и она с удовлетворением кивнула, заметив вымпелы на мачте.

— А что такое «эмигал»? — поинтересовался я, опасливо откусывая от своего блина. К моей радости, начинка оказалась вполне съедобной, хотя я все равно не понимал, почему алдабрешцы не могут есть простую рыбу.

— Птица с этих островов, — жуя, ответил капитан. — Полгода она летит на юг, а на следующие полгода возвращается обратно — бесшабашное создание.

— И ты делаешь то же самое?

— Почти, хотя я не захожу дальше владений Неку Рисса. — Быстро проглотив последний кусок, Дэв подал женщине знак, чтобы принесла еще один блин. — Так как получилось, что ты решил за Шек Кула его давнюю проблему, а?

Все сидевшие вокруг нас подняли головы. Люди узнали это имя и достаточно владели тормалинским, чтобы понять суть вопроса. Листья на земле зашуршали — это те, кто сидел ближе всех, боязливо отодвинулись. К подобной реакции я тоже

успел привыкнуть. Коротко повествуя о событиях, я подумал, что неплохо бы распространить как можно больше страха перед эльетиммами по всему Архипелагу. Когда я в первый раз упомянул Каеску, Дэв положил руку на мое запястье.

— Вытирай порчу со своих губ, когда упоминаешь это имя, — вполголоса предупредил он, — и никогда не называй ее Каеской Шек. Теперь она не имеет связи ни с каким владением.

Я кивнул и сделал, как он велел, сердито вопрошая себя, сколько еще обид и подозрений собралось вокруг меня за это путешествие только потому, что я ничего этого не знал. Решено: чего бы ни захотел Дэв в качестве оплаты, если у меня оно есть, он его получит. Мне захотелось как можно скорее отделаться от этих кошмарных островов и их безжалостного народа.

— Как же ты все-таки угодил на релшазский аукцион рабов? — Дэв пронизательно глянул на меня, когда я закончил свой рассказ.

— Я был в Релшазе по делам моего патрона, — смущенно пожал я плечами. — На меня напали, думаю, уличные грабители. Один ударил сзади, и я очнулся уже в тюрьме. Все свидетели клялись Сэдрину, что я ограбил какого-то поганого купца, которого и в глаза не видел. Эти жадные мерзавцы не удовлетворились тем, что нашли у меня в кошельке, и решили продать мою шкуру.

— Никогда бы не подумал, что присягнувшего так просто захватить. — Дэв насмешливо покачал головой.

— Не ты один. — Я без всякого труда изобразил отвращение к себе. — Может, патрон и согласится посмотреть на это сквозь пальцы, но в казармах будут напоминать мне об этом до тех пор, пока я не состарюсь и не поседею.

— Пошли.

Дэв встал, и мы направились к вытасненной на берег лодчонке. Мальчишка-перевозчик опирался на воткнутое в песок весло, к которому она была привязана. Повернувшись ко мне, Дэв засунул руки за обтрепанный кусок веревки, заменявшей ему пояс.

— Так что ты предлагаешь за свой проезд, тормалинец? — спросил он, склонив голову набок.

— А что ты просишь?

— Как насчет той безделушки? — Его глаза алчно уставились на золотой с изумрудами медальон, который дал мне Шек Кул. Всю дорогу этот медальон красовался у меня на груди, не раз спасая от кровожадных островитян.

Я нахмурился и процедил сквозь зубы:

— Это моя единственная защита, пока я на островах.

676 Без нее моя жизнь не стоит и сгоревшей свечки.

— Со мной тебе ничто не грозит. — Дэв не отрывал глаз от блестящего драгоценного камня.

— Что, если я дам его тебе, как только окажусь на каладрийском берегу или на борту каладрийского корабля? — нехотя предложил я после долгой паузы.

Дэв скорчил гримасу, но задумался.

— Даешь слово? — потребовал он в конце концов.

— Даю, и пусть Дастеннин утопит меня, если я его нарушу. А коль Дастеннин не отомстит мне, то мой патрон — мессир Д'Олбриот. Ты ведь слышал о нем, не так ли? Едва ли мне захочется обмануть тебя, чтобы отвечать потом перед ним.

Капитан тотчас взбодрился.

— Это верно. Тогда пошли.

Я был рад, что мы оба удовлетворены: Дэв тем, что получит мою единственную, как он думал, ценность, а я — что не пришлось упоминать о существовании сокровищ, которые Ляо выловила наугад из своих сундуков и завернула в старую тунику, укладывая мой мешок.

Мы добрались до корабля Дэва, и я поднялся следом за ним на палубу, озираясь в тщетных поисках команды.

Дэв засмеялся.

— Здесь только ты да я, тормалинец. Моего помощника недавно зарезали в драке. Придется тебе отрабатывать свой проезд домой. Раз ты из Збютесселы, то должен разбираться в лодках.

— А это не значит, что ты должен мне платить? — запротестовал я с полуулыбкой.

— Поздно, сделка уже заключена.

Я позволил ему насладиться этим маленьким триумфом.

— Что ж, как скажешь.

— Давай-ка выпьем.

Дэв поднял люк в носу корабля, под которым оказалось тесное хранилище, битком набитое бочонками. Скатившись по трапу, он подал мне один бочонок, и мы перебрались в не менее тесную каюту на корме, где я убрал свой мешок внутрь гамака, на который указал Дэв. Очевидно, этот корабль был оборудован для перевозки максимального количества груза, и если мне предстоит управлять им, то свободного времени у меня будет немного.

Дэв извлек табурет из-под откидного стола, вынул затычку из бочонка и рукой завсегдатая налил вино. Я взял предложенную чашку и жадно глотнул, после чего сильно закашлялся. Напиток оказался чем-то вроде темного бренди, а вовсе не тем слабым алдабрешским вином, коего я ожидал.

— Бьюсь об заклад, ты давно не брал в рот настоящую выпивку, — засмеялся Дэв, глядя, как я утираю слезы.

— Что это такое? — Я задержал дыхание, чтобы остановить кашель, и второй раз глотнул осторожнее.

— Ром из медового тростника.

Дэв плеснул себе вторую порцию, я же отказался. Найдется не очень много людей, кому бы я доверял настолько, чтобы напиваться с ними, а Дэв не приближался даже к концу этого списка. Однако было приятно вновь ощутить вкус настоящего спиртного.

— Я думал, алдабрешцы не пьют ничего, кроме той лошадиной мочи, которую они называют вином.

— Всегда есть спрос на то, что запрещено, — хихикнул Дэв.

Не скажу, чтобы его шутка пришлась мне по нутру. Меня вовсе не прельщала перспектива оказаться на судне, груженном контрабандой.

— А ты не ходишь по лезвию ножа с этой торговлей?

— Я смотрю, куда ставлю ногу, — беззаботно ответил капитан.

Я налил себе еще. Будем надеяться, Дэв не сделает промаха, пока я на борту. Если сделает — что ж, медальон Шек Кула еще при мне, и я смоюсь с этого суденышка при первой же опасности.

— Ну вот и славно, — затараторил Дэв. — Ты тут покарауль, а я пойду на берег, малость поторгую.

Я поднялся за ним на палубу и, пока капитан окликал мальчишку-перевозчика, отыскал удобное место под мачтой.

— Когда тебя ждать? — крикнул я, как только парень заработал веслом, поворачивая свою скорлупку.

Дэв посмотрел на звезды, уже загоравшиеся в темнеющем небе.

— Ближе к полуночи.

Помахав ему, я сел на палубу. Я не собирался расслабляться, но мое настроение заметно улучшилось, и не только от спиртного. Я сидел, обхватив руками колени, и наблюдал за жизнью якорной стоянки. Лампы раскидывали длинные желтые пальцы по темной воде, с кораблей доносились голоса: слышались споры, перебранки, а с наступлением ночи все чаще — песни. Звезды медленно вращались над моей головой, луны величаво плыли друг за другом, прибывающая Большая настигала Малую, которой оставались считанные дни до полнолуния. Постепенно огни на галерах погасли, песни стихли, костры на берегу догорели до тускло-красных углей, и большинство перевозчиков наконец повытаскивали свои лодки выше уровня прилива.

Я затаил дыхание, уловив под ногами тихий шум. Прислушался — вот он раздался снова, скрип и стук, но не из трюма, а из каюты. На любом другом корабле я бы решил, что это крысы, но я был свидетелем тех чрезвычайных мер, которые принимают алдабрешцы, чтобы не пускать разных тварей на свои острова, и не думаю, что Дэв все еще торговал бы, будь это

спиртное или не спиртное, если бы крыса высунула хотя бы усы над его планширом. Следующий звук решил дело. Возможно, крысы невероятно умны для хвостатых грызунов, но бьюсь об заклад, еще ни одна не разгадала, как открыть ящик. Я сбросил сандалии и бесшумно, как кошка, двинулся к люку. Достав из-за пояса тонкий алдабрешский кинжал, я взялся за веревочную ручку люка, одним быстрым движением распахнул его и прыгнул в каюту.

Я, несомненно, схватился бы с незванным гостем в темноте, но жалкий свечной огарок высветил девушку. Она была тощая, кожа да кости, глаза — как огромные синяки на бледном лице, невымытые темные волосы крысиными хвостами разбросаны по узким плечам. Я все же схватил замарашку за горло. Эта гадина открыла мой мешок и разбросала по полу мои пожитки. Я поднял кинжал, чтобы девица могла видеть его, и грубо встряхнул ее.

— Даст тебя побери, чем это ты занимаешься?

Ее глаза с трудом сфокусировались на блестящем клинке, но лицо оставалось совершенно пустым, рот безвольно приоткрылся, дыхание было горькое от тассина. Я насупил брови и помахал туда-сюда ножом. Ее мутные, налитые кровью глаза завращались, пытаясь уследить за этим мельтешением, и я отпустил девицу. Что сотворил из всего этого ее путаный ум, какие иллюзии рождало ее воображение? Надеюсь, она не решит внезапно, что я двухголовый пес, и не начнет кричать...

— Не бойся Репи, она безобидна. Она ищет тассин, тахн или жевательный лист, что-нибудь.

Голос Дэва испугал меня, и я сердито посмотрел в люк на его беззаботную физиономию.

— Ей не хватит мозгов, чтобы украсть у тебя что-то еще.

— Проклятие, Дэв, ты должен был меня предупредить: ведь я мог ее убить!

— Я не думал, что она так быстро проснется.

Съехав по трапу, Дэв щелкнул пальцами перед бессмысленным лицом девицы.

— В постель! — рывкнул он, распахнув дверь в главный трюм.

Примерно так же я когда-то обращался с непослушными псами.

Со второй попытки девица вошла в проем, неуклюже потирая руку, ушибленную о косяк. Дэв презрительно смотрел, как она брела по трюму и споткнулась о клубок одеял у дальней переборки.

— Кто она? Реклама для других твоих товаров?

— Что-то вроде того. — Дэв стащил с себя тунуку и проворно забрался в гамак. — На спине она тоже неплоха, пока даешь ей живицу, чтобы малость разбудить. Пользуйся, если хо-

чешь, она делает все что угодно, если подумает, будто после этого ее ждет путешествие к теньям.

Не находя слов от возмущения, я затолкал свои пожитки обратно в мешок, завязал его надежным узлом и повесил на высокий крюк моего гамака. Укладываясь спать, я заставил себя думать о том, что сие сомнительное судно по-прежнему моя единственная надежда как можно скорее покинуть эти чумные острова.

Мы подняли якорь, едва рассвело, и Дэв искусно провел нас через битком набитый пролив в более открытые воды. Что бы я ни думал о нём, моряк он был, вне всякого сомнения, опытный. Я работал со снастями, но когда понял, что любовь Дэва к острым приправам распространяется даже на самую простую еду, а Репи редко бывает в том состоянии, когда ей можно доверить открытый огонь, сам взялся за стряпню. Я скатал кольчугу и, надежно привязав внутри нее мои драгоценности, уложил на дно мешка. Одетый в простой хлопок, я держал голову опущенной и старался не бросаться в глаза, а медальон Шек Кула спрятал под тунику, чтобы не привлекать внимания: как бы Дэв не прибрал его к рукам раньше времени. Я был уверен, что и без напоминаний о соблазне он решил бы однажды ночью перерезать мне горло. Поэтому я всегда ждал, когда Дэв заснет, прежде чем заснуть самому, и просыпался рано по давней солдатской привычке.

Пробираясь на север по длинной цепи Архипелага, мы останавливались на различных якорных стоянках — в оживленных торговых проливах, вроде того, где я встретился с Дэвом, или в укромных бухточках среди скал, где какие-то люди в мелких гребных лодках подходили к нашему борту торговаться с Дэвом. Я ни во что не вмешивался, сходил на берег только поесть и в тех нередких случаях, когда Дэв приводил на борт одного или более мужчин, жаждущих отвести Репи под палубу и поразвлечься с ней.

В общем, я видел совсем иную картину жизни в Архипелаге по сравнению с той, что рисовала для меня Ляо. Впрочем, ее совет тоже оказался не слишком надежным. Время от времени я возвращался мыслями к покинутому владению Шек Кула: как там поживают Ляо и Гар, Мали и малыш. Прослужив мессиру больше десяти лет, я должен был привыкнуть к частым поездкам и новым друзьям, с которыми приходилось расставаться через сезон-другой, чтобы никогда больше их не увидеть. Однако я знал, что всегда буду вспоминать Ляо с нежностью, и не только за дары ее плоти и драгоценности. Я лениво подумал, имеет ли Ляо хоть какое-то представление о реальной стоимости подаренных мне безделушек. И хотя она придерживалась дру-
гих убеждений, я решил, что сожгу благовоние в усыпаль-

нице Дрианон для Ляо, чтобы она благополучно родила, и для Гривала с Сезарром тоже, хотя я еще не определил, Тримон или Талагрин будет самым подходящим божеством, дабы их охранять.

Я пускался в такие раздумья всякий раз, когда жизнь на суденышке Дэва становилась слишком противной, и твердо захлопывал дверь на любом побуждении защитить Репи. В иные дни это бывало гораздо труднее, особенно когда какой-то островитянин, заплативший за нее, демонстрировал склонность к насилию.

— Почему ты не дашь бедняжке выздороветь? — не выдержал я однажды.

Дэв стоял на коленях возле Репи, поднимая ее безвольную голову с лиловым синяком во всю щеку, чтобы вдуть дым ей в ноздри. Запах тлеющих листьев меня также раздражал и беспокоил: случайное его вдыхание могло снова высвободить голоса внутри моей головы. Мне и без того хватало неприятностей со все более живыми и яркими снами о молодом Д'Алсеннене. Будь я проклят, если снова введу его в мой бодрствующий ум, как тогда во время сражения с эльетимским жрецом. Будь у меня хоть какой-то шанс достать приличный клинок, я бы, наверное, бросил этот меч в море как-нибудь ночью, даже если бы пришлось отвечать перед сьером за такое оскорбление его дара. К несчастью, здравый смысл напомнил мне, что Архипелаг — не то место, где можно путешествовать без оружия.

Дэв рассердился и с тошнотворно-глухим стуком бросил голову Репи на палубу.

— Глупая курица, опять она смешивала тахн со спиртным. Тот Фул вышел из себя, это ж все равно что забавляться с тряпичной куклой.

Я решительно прикусил слова, которые стучались в мои зубы, и стал вглядываться в берег. Мы стояли на якоре в спокойной бухточке, где не было других кораблей, и я заметил, что деревья здесь растут не так густо и больше похожи на те, что я видел в Южной Каладрии. Если повезет и если мои грубые расчеты сколько-нибудь верны, то я покину этот корабль через несколько дней.

— Дымку? Я не могу разбудить Репи, и мне не нравится насаживать на вертел мертвое мясо, так почему бы нам тоже не отключиться? — Дэв подул на угли курильницы, добавил еще листьев и глубоко вдохнул, прежде чем протянуть мне металлическую чашечку в роговом держателе.

Я энергично замотал головой и отпрянул от доносившего ветром запаха.

— Но ты хочешь его, верно? — засмеялся Дэв; под действием наркотика глаза его становились широкими и темными.

Я не потрудился ответить, хотя Дэв был прав. В последнее время я так часто вдыхал этот запах, что во мне вновь пробудились желания, которые, как мне казалось, я оставил далеко позади. Я то и дело ловил себя на том, что ищу оправдания, дабы подышать немножко дымом, пожевать немножко тассина или какого-нибудь листа, благо предложений в избытке. Было так соблазнительно потерять себя хоть ненадолго, украсть вечеров, свободный от воспоминаний об ужасной смерти Каески, от опасений по поводу оценки мессиром моих злоключений, от мучившего меня выбора между тем, чтобы признаться в снах о Д'Алсеннене и его погибшей колонии и еще глубже увязнуть в чародейских интригах, и тем, чтобы бесстыдно соврать и отрицать все, нарушая клятву, хотя никому, кроме меня, не будет об этом известно. В отдельные ночи единственным, что меня сдерживало, был страх, что наркотик освободит какую бы то ни было тень Д'Алсеннена, которая осталась привязанной к его мечу, а ныне была прочно заперта в моей голове, по крайней мере пока.

На следующее утро Дэв выглядел свежим как огурчик и очень довольным.

— Сегодня мы выходим в открытые воды, — объявил он за завтраком. — Волнение там гораздо сильнее, и надо будет следить за ветром.

— Тогда запри Репи в трюме, — посоветовал я, — или привяжи к ней лить.

Дэв засмеялся, словно услышал остроумную шутку, поэтому я повернулся к нему спиной и взялся за снасти, чтобы направлять суденышко, вовсе не созданное для морей, которые открылись перед нами, как только мы вышли из укрытия Архипелага, одни на бескрайних просторах вод.

— Возьми румпель и приведи судно к ветру! — крикнул мне Дэв, покидая корму.

Корабль тревожно закачался. Я бросился к румпелю, хотел схватить его, но промахнулся, заметив красный свет, крутящийся вокруг пальцев Дэва, рубиновое свечение, высекающее колдовской отблеск в его темных глазах.

— Ах ты, гнусный чародей! — задохнулся я и схватил наконец рукоятку, возвращая кораблю равновесие.

— Докладывающий Верховному магу и с местом в Совете в любое время, как только захочу, — подтвердил Дэв и, разведя руки, послал столб огня высоко в небо. — Но я пока не хочу. Плавать среди этих островов и торговать — отличная жизнь. Если я смогу заслужить уважение в Хадрумале своими находками,

тем лучше. Однако в этом году я буду зимовать там. Ты для меня — отличный приз. — Его развеселил мой потрясенный вид. — Я охочусь за тобой с тех пор, как Шек Кул отплыл из Релшаза. А ты что думал? Что Верховный маг отпустит тебя в Архипелаг и забудет о твоём существовании? Не с тем, что находится в твоей голове, и не тогда, когда эльетиммы лезут вон из кожи, чтобы заграбастать тебя и тот меч.

Теперь он откровенно злорадствовал. Если б мы были в пределах видимости суши, я бы уже плыл к берегу, что бы там ни скрывалось под водой. Я шагнул к этому ухмыляющемуся человеку, но крен корабля привел меня в чувство.

— Я — тормалинский присягнувший, я отвечаю перед моим патроном и ни перед кем другим, ты, ублюдок. Если я нужен Планиру, пусть сначала объяснится с мессиром Д'Олбриотом!

— Уже подписано и скреплено печатями, — засмеялся Дэв. — Тебя передали так же несомненно, как в ту минуту, когда продали в Релшазе!

Возможно, я бы его ударил, не покажись на горизонте парус. Это был тормалинский корабль, трехмачтовый, с прямыми парусами. Всю свою жизнь я видел такие корабли в океанской гавани Зьютесселы. Прищурившись на солнце, я старался разглядеть флаг на мачте, разумеется, надеясь увидеть эмблему Д'Олбриотов. Пусть маги попробуют снять меня с одного из кораблей мессира против моей воли. Я не поверил словам Дэва, что патрон без моего согласия передал меня в распоряжение другого, особенно Верховного мага.

Трехмачтовый стремительно приближался, подгоняемый ветром в корму. Не слушая протесты Дэва, я оставил ему румпель и пошел собирать вещи. Я был готов поймать линь, брошенный с более высокого корабля, как только он встал борт о борт с нами. Надежно привязав свой мешок, я махнул рукой матросу, и он втащил его на борт. Вёревоочная лестница зазмеилась ко мне, и я схватил ее, улучив момент.

— А ты не должен мне за проезд? — крикнул Дэв наполовину сердито, наполовину с издевкой.

Я поставил ноги на лестницу, прежде чем повернуться и свирепо посмотреть на него.

— Ты действительно так думаешь?

— С этим медальоном я многое смогу сделать для Верховного мага, — посерьезнев, заявил он. — Кроме того, ты поклялся отдать его мне.

И я не собирался нарушить клятву только ради того, чтобы насолить этому гаду. Я плюнул на его палубу, сорвал с шеи медальон и бросил, с презрением глядя, как Дэв кинулся за

блестящим диском. Ярость толкала меня к неожиданной жестокости, и решив, что лучше уйти, пока его не убил, я быстро взобрался на борт трехмачтового. Радушный моряк помог мне перелезть на палубу — капитан корабля, судя по его одежде и манерам.

— Стало быть, вы с Дэвом не лучшие друзья? — Ему явно было смешно.

— Это не человек, а дерьмо поганое!

— Ты знаешь легенду об участнике маскарада, у которого маска приклеилась к лицу, когда он, сам того не ведая, злоупотребил гостеприимством Острина? — Моряк кивнул на удаляющийся кораблик коротышки. — То же и с Дэвом. Он слишком вжился в эту роль, чтобы его не освежали заживо за магическое ремесло.

Я оглянулся на суденышко, быстро уходившее наперекор волне и ветру. Никакая нужда в маскировке не оправдывает состояние Репи. Однако ей уже ничем не помочь, а я по крайней мере освободился наконец от Дэва.

— Куда мы направляемся? — повернулся я к капитану. — В Релшаз или Кол? Я не совсем представляю, по какую сторону мы от Каладрийского Мыса.

Моряк засмеялся.

— Прости, друг, нам велено на всех парусах идти в Хадрумал.

— Хадрумал подождет. Я — присягнувший мессииру Д'Олбриоту, мой долг — вернуться к нему. — Я подумал о богатстве, спрятанном в моем мешке. — Я хорошо заплачу, если высадишь меня на материке, поверь мне.

— Я не стану перечить Верховному магу за все драгоценные камни в Алдабреши, — твердо покачал головой моряк. — Ты едешь в Хадрумал, друг, нравится тебе или нет.

ГЛАВА 9

Письмо из архива Гильдии капитанов торговых судов Пеорла, написанное мастером Обримом Эскейлом своему сыну в 10-й год правления императора Иншола Резкого.

Дастеннин да пошли свои благословения тебе, Пеннел, и всем, кто ходит с тобой под одним парусом.

До меня дошли тревожные слухи, будто по весне ты задумал отправиться на поиски Хадрумала. Я велел бы тебе держаться подальше от того проклятого острова, если б не был уверен, что тебе никогда не подойти к его берегам. Глупец, неужто ты не понимаешь, что маги, обжившие это место, пропускают только те суда, какие им нужны? Тебе никогда не удастся даже увидеть этот скрытый остров, не говоря уж о том, чтобы провести корабль сквозь магические защиты, сотворенные вокруг гавани. Все, что ты можешь сделать, это сгинуть в пучине вместе с командой и судном в бесплодных поисках отражения луны.

Я говорил с моряками, которые брали деньги Верховного мага, дабы перевозить несчастных юношей к их так называемому учению на службе у тех древних чародеев, и рассказы их ни в чем не совпадают. Одни день за днем уходили в открытое море, как вдруг их стеной окружал туман, непроницаемый для самых сильных ветров. Затем туман по волшебству рассеивался, и взорам представал искомый остров. Другие рассказывают о заколдованных течениях, которые хватали их корабли и носили туда-сюда вопреки любому ветру, наполняющему их паруса, а затем внезапно подносили к желанному берегу. Нет двух кораблей, которые провели бы одинаковое время в этом плавании, нет двух капитанов, рассказывающих о нем одно и то же, и есть лишь один бесспорный факт: когда капитан берет деньги Верховного мага и ведет корабль в Хадрумал, через три дня их

плавания солнце исчезает. Не пойми меня неправильно, свет есть, но солнце пропадает за подвижной дымкой магии, и рассчитать положение судна уже невозможно.

Сын мой, эти чародеи не хотят, чтобы их нашли. Уважай их желания, не то рискуешь пробудить их гнев. Ты ведь слышал рассказы о том, как жестоко мстят эти маги тем, кто бросает им вызов? Ты хочешь, чтобы твои глаза были вырваны из твоих глазниц? Чтобы негасимый огонь испепелил твой корабль? Ради чего, как ты думаешь, этих людей погнали в море, если не ради спасения всех нас от их нечеловеческих сил и необузданной страсти к господству? Не будь ослеплен ярким блеском золота Верховного мага, мой мальчик, не забудь об опасностях, что кольцом окружают Хадрумал, более коварных, чем любой риф или мель.

Да и в чем смысл такого плаванья? Этих магов не интересует жизнь простых людей. Они ни с кем не торгуют, к ним нечего возить, кроме немногих безрассудных, готовых рисковать жизнью в поисках нечестивых сил. Я бы назвал более умным вслепую идти в Архипелаг и надеяться, что вас не разорвут на части медные клыки варварских военных кораблей. Неужто я зря потратил все эти годы, уча тебя уму-разуму, если ты так ничему и не научился? Что скажет твоя мать?

Скрытый город-остров Хадрумал, 29-е предлета

Хадрумал оказался больше, чем я ожидал. Хотя я и сам точно не знал, что предполагал увидеть. Возможно, какой-нибудь голый скалистый островок, окруженный неприступными утесами, иссеченный штормами и теряющийся в облаках нависающих брызг... Да, наверное, но только не этот длинный остров с отлогими пляжами, лесистыми низинами и протянувшейся вдоль него грядой зеленых холмов, на которых пасся какой-то домашний скот. Когда наш корабль вошел в сужающееся устье небольшой реки, я увидел доки и причалы, склады и затоны — точно такие, как в любом месте побережья от Кола до Тормейла, где какой-то приморский лорд превратил свою скромную якорную стоянку в удобную гавань для проходящих кораблей. В полуденный зной на причале царила тишина, и лишь несколько человек стояли в ожидании, чтобы принять швартовы и помочь спустить трап, когда капитан ловко подвел судно к деревянным сваям причала.

Полный мрачных мыслей, я стоял, облокотясь на перила, как вдруг услышал знакомый голос.

— Райшелд, я здесь!

В прошлый раз, когда Шив окликнул меня так, я был рад увидеть мага. Но теперь я без улыбки искал его глаза-

ми и ответил на его восторженное махание единственным отрывистым жестом.

— Спасибо, что подвезли, мастер, — поклонился я с горькой иронией капитану корабля, проходя мимо него, чтобы собрать свой багаж. — Куда идете теперь?

— В Кол. — Капитан равнодушно пожал плечами.

— Тогда передайте это, пожалуйста, Императорской Курьерской почте. — Я сунул ему в руку дважды запечатанный пергамент. — Это письмо моей матери.

— С удовольствием, — кивнул капитан.

Ну вот, одна тяжесть с моей души спала. Я подумывал о том, чтобы написать мессигу или, еще лучше, Камарлу, который, вероятно, с большим сочувствием отнесся бы к моей грустной истории, но решил подождать. Если захочу послать сообщение, сделаю это через магов — пусть поработают, но сначала разберусь, что тут к чему.

— Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть! — Шив хлопнул меня по плечу. — Пошли, я должен отвести тебя прямо к Планиру.

— Зачем?

Я с самого начала хотел дать понять, что дни моего рабства кончились. Ни к чему было срывать досаду на капитане корабля, он просто выполнял приказ, и мне следовало это уважать. Но теперь во мне закипал гнев. Если Планир думает, что купил меня, мое тело или ум, то его ждет жестокое разочарование.

— Он хочет встретиться с тобой, поздравить и услышать о твоих приключениях. Они могут многое рассказать нам, дать сведения, которые мы сможем использовать против эльетиммов. Вот потому Верховный и торопится.

Что ж, я не против прямо сейчас изложить Планиру свою позицию, и мне плевать, захочет он спорить или нет. Чем скорее все разъяснится, тем скорее я распрощаюсь с этим проклятым местом и вернусь к своей привычной жизни. Тут я вспомнил Ливак и, повернувшись к Шиву, хотел спросить о ней, но что-то в его лице остановило меня.

Меня поразило в нем отсутствие сомнений и робости, которые были так заметны, когда я видел мага в последний раз. Он выглядел гораздо увереннее и казался каким-то далеким. Его темные волосы были пострижены вровень с подбородком, а вместо привычной для меня куртки он носил мантию, подпоясанную кожаным ремнем. Совсем не уверенный, что теперь твердо стоящий на хадрумальской почве Шив останется моим союзником, я решил с расспросами о Ливак пока повременить. Взяв мешок на плечо, я пошел вслед за ним по причалу к болотистой реч-

ной заводи. Оттуда мы перешли на другую сторону по крепкому каменному мосту и зашагали по дороге, которой гордился бы сам Мизаен. Хорошо подогнанные камни были положены на твердое основание, а по обеим сторонам тянулись желоба, чтобы уносить избытки дождевой воды, стекавшие с выпуклой поверхности. Я старался не выказывать своего изумления, когда в первый раз увидел город магов. В конце концов, по сравнению с Тормейлом или даже Зьютесселой это был не более чем средний рыночный городок.

Дорога уходила, извиваясь, по широкой мелкой долине. Тут и там вдоль нее стояли огромные квадратные крепости из мягкого серого камня. За окружающими их стенами горделиво тянулись ввысь крыши внутренних зданий, больших и поменьше, а башни по углам глядели вокруг как зоркие часовые. Прежде всего Хадрумал производил впечатление ожидающего чего-то наблюдателя. Когда мы подошли ближе, из-за тучи выглянуло солнце, и город словно по волшебству преобразился, серый камень стал казаться манящим золотом, а застекленные окна засверкали как драгоценные камни. Но эта минута прошла, и я увидел скромные дома, мастерские и лавки, заполнявшие промежутки между неприступными твердынями колдовского знания. Я отметил про себя, что город не окружен крепостной стеной, и подумал: что же защищает этих простых людей во время опасности? Видимо, искусство магов, но сколь надежна эта защита?

Я непроизвольно замедлил шаг, и Шив, ушедший далеко вперед, был вынужден остановиться и подождать меня. Вытерев пот со лба, я переложил мешок на другое плечо и стал догонять удивленного мага. Улица кишела людьми. Мужчины и женщины вокруг были самых разных возрастов и по-разному одеты, единственное, что их объединяло, — это атмосфера самолюбования и безотчетное высокомерие во всем облике и осанке.

— Сюда.

Шив провел меня через арку древней каменной кладки в вымощенный плитами двор; мои сандалии неприятно зашаркали по истертым камням. Толкнув дверь в башню, маг легко взбежал по темной дубовой лестнице, нетерпение сквозило в каждом его движении. Я медленно последовал за ним, намеренно топая по полированным доскам, а сам думал о том, что я скажу этому Верховному магу.

Планир сидел за столом с книгой в кожаном переплете, но когда Шив без стука распахнул тяжелую дверь, он вскочил и протянул мне руку.

Я лишь кивнул. С последней нашей встречи Планир совсем не изменился. Высокий, темноволосый, с тонкими чертами лица, он и теперь казался намного моложе своих лет. Его глаза были так же непроницаемы, как всегда, а мотивы и замыслы так же сокрыты, как обратная сторона Малой луны. Одет он был просто, ни в тормалинском, ни в солурском стиле, без всякой откровенной роскоши, но и без неуместно притворной бедности. На меня это, впрочем, не произвело впечатления. Я не раз видел, как дворяне пробуют заигрывать с солдатами, одеваясь, как они. Большинство терпели неудачу.

— Я страшно беспокоился, когда узнал, что с тобой случилось, но все уверяли меня, что если кто-то и может выстоять в таких неслыханных обстоятельствах, так это ты. — Планир широко улыбнулся и указал на шеренгу хрустальных бокалов и графинов. — Могу я тебе что-нибудь предложить?

Меня так и подмывало спросить эля, просто чтобы увидеть его реакцию.

— Нет, спасибо.

Свою лезть он тоже мог бы оставить при себе.

— Прошу, садись. — Планир снова опустился в кресло и с дружеской улыбкой наклонился вперед, одной рукой облокотясь на стол. — Ты провернул солидную работу, так-то, Райшед. Мы даже не были уверены, существует ли эльетимская угроза в Алдабреша, хотя подозрения у нас были, учитывая сведения, которые ты помог нам раздобыть в прошлом году. А теперь мы вновь должны благодарить тебя, не так ли? Мы только-только успели понять, что эльетиммы проникают на острова, и даже еще не начали разрабатывать план противодействия, а ты уже дискредитируешь этих мерзавцев в скандале, который непременно ураганом пронесется от одного конца Архипелага до другого еще до Солнцестояния. Скорее Сэдрин потеряет свои ключи, чем они обзаведутся теперь любой базой или союзом среди алдабрешцев!

— Все это было совершенно случайно. — Я сел, но только потому, что надоело держать тяжелый мешок. — Так, побочный эпизод, чтобы остаться в живых, поскольку я не строил никаких иллюзий, что мне кто-нибудь поможет оттуда выбраться.

Планир откинулся на спинку кресла и погасил улыбку.

— Я понимаю, ты чувствовал себя покинутым, но это далеко не так. Дэв — не единственный мой агент на островах.

Я не ответил. Мне было все равно, отнесет он презрение на моем лице на счет лично Дэва или нет.

— Что ж, давай послушаем твой рассказ. — Планир направился к столу под высокими окнами, глядящими на башни Хадрумала.

— Меня продали в Релшазе, сделали рабом жены воеводы, и я обнаружил, что должен обвинить другого, дабы спасти свою шкуру.

Я скрестил руки, ожидая реакции Верховного мага, и не обращал внимания на мрачного Шива, облокотившегося на полку над незажженным камином.

— Это далеко не все, и ты это знаешь, человек! — Планир тоже скрестил руки и отбросил свою лесь, от чего я почувствовал облегчение. — Мы подозреваем, что эльетиммы виновны и в твоём рабстве, и в покупке тебя женщинами Шек Кула. Это меч, Райшед. Мы предполагали, что он будет важен, и степень общности, которую ты установил с ним, превосходит все, виденное нами раньше. Но даже и без наших предположений эльетиммы выдали его значимость. Они так отчаянно хотели заполучить этот меч, что сбросили маску и полностью разоблачили себя.

Я совсем не был в этом уверен. Скорее я подозревал, что молодой Д'Алсеннен как-то пробудился в Релшазе, а эльетиммы только воспользовались ситуацией. Но эти маги делают почти то же самое, не так ли?

— Значит, я был козленком, привязанным к колышку, чтобы выманить волков из леса?

— Не нарочно, но я допускаю, что результат был бы тем же самым, — невозмутимо кивнул Планир. — Теперь нам нужно узнать, почему они были готовы так рисковать, чтобы добраться до клинка.

— Ты хочешь этот меч? Он твой. — Я пожал плечами. Мессир не обидится, когда услышит мой вариант этой прискорбной истории. — Можешь найти кого-нибудь еще, чтобы смотрел для тебя сны Д'Алсеннена.

Планир с легкой улыбкой покачал головой.

— Боюсь, ничего не получится, Райшед. Когда связь установлена, пути назад нет. Ее нельзя никому передать. Никто, кроме тебя, не сможет услышать отзвуки жизни Д'Алсеннена, даже если мы пустим этот меч по кругу в когортах.

Я слушал его с каменным лицом.

— И отделавшись от меча, ты не освободишься от присутствия Д'Алсеннена в твоём спящем уме, — продолжал Верховный маг. — Это как разбитое яйцо, которого уже не склеишь.

Я бросил на Шива пасмурный взгляд, сулящий расплату. Маг покраснел и уткнулся в свои записи.

— Итак, мы все пойдем дальше и выясним все что можно. — Планир нарушил неловкое молчание. — Что ты узнал о человеке, который владел этим клинком, что можешь рассказать нам о колонии и ее судьбе?

— Очень мало. — Я снова безмятежно пожал плечами.

Перевернувши горсть документов, Планир отыскал запечатанное письмо и без лишних слов вручил его мне. Я сжал зубы, когда узнал печать и почерк писца мессира Д'Олбриота на внешней стороне. Сломав сургуч, я с удивлением обнаружил лишь несколько корявых строк, начертанных собственной, неумелой рукой мессира:

Я молю Дастеннина, чтобы ты получил это письмо, Райшед, чтобы благополучно вышел из перипетий в Архипелаге. Я не стану притворяться, будто понимаю все из переданных мне сообщений об утраченной магии и тайнах, сокрытых в снах, но одно знаю наверняка: Леда-ные Люди — враги моего Дома и нашей Империи. Это опасность, с которой не справиться ни мечами, ни доблестью. Верховный маг — наша лучшая надежда на защиту в данный момент, и я поручаю тебе во имя связующей нас клятвы рассказать ему все, что ты знаешь, и отдать все свои силы на службе ему, даже с риском для жизни. Ты — присягнувший мне, и таков мой приказ.

Итак, Дэв был не прав, когда насмеялся надо мной, утверждая, что меня продали магам. Все было гораздо хуже: мою честь держали передо мной как вызов. Я подавил мимовольную злость на мессира, за то что он взвалил на меня такую ношу, не имея никакого понятия о ее тяжести или длине пути, на который он меня посылает. Потом вспомнил видение — эльетимм, размахивающий головой императора на пике — и тяжело вздохнул.

— Надеюсь, Райшед, ты не собираешься доказывать, что мессир лгал, лично заверяя меня в твоём сотрудничестве и твоей честности, — решительно заявил Планир, расстилая на отполированном до блеска столе желтоватую карту. Затем прижал ее углы книгами, пустым кубком и случайной, ржавого цвета глыбой. — Расскажи мне о своих снах до того, как ты отделился от Шива, обо всех, особенно в ту ночь, когда на вас напали.

Я смял в кулаке письмо Д'Олбриота и, устремив взгляд на далекий флюгер, начал свой отчет, такой же подробный и беспристрастный, как любой из тех, что я когда-либо давал мессире. Шив жестом велел мне говорить помедленнее. Глядя, как он быстро записывает, я вспомнил тот случай, когда меня послали выяснить правду о резне на лескарской границе, там, где Лескар граничит с землями Д'Олбриотов. Работа не была приятной, но ее необходимо было сделать, и я вытащил перевернутую руну. Присягнувший выполняет приказы, клятва его защищает — так и должно быть.

Я говорил и говорил. Планир задавал много вопросов, одни — настолько очевидные, что даже вызывали раздраже-

ние, другие — в высшей степени туманные. Я не заметил, чтобы он или Шив позвонил, требуя вино и хлеб, но с радостью подкрепился, когда они прибыли, успевая жевать между ответами на еще большее число вопросов: мы по второму разу говорили о том, что случилось.

— Это еще не все, не так ли? — Планир склонился над картой, что-то измеряя. Потом бросил линейку и повернулся ко мне. У него блестели глаза.

— Что ты имеешь в виду? — Я вовсе не собирался рассказывать ему в подробностях о моей ночи с Ляо.

— Сны, Райшед, сны, — мягко напомнил Планир. — Расскажи о тех снах, что приходили наяву.

Я глубоко вдохнул, но так и не смог выдавить из себя ответ, ибо не желал обсуждать отголоски ощущений, которые последнее время пытались вырваться наружу, стоило лишь мне ослабить бдительность.

— Видишь ли, я могу помочь тебе с ними. — Планир взял книгу с аккуратной стопки на подоконнике. — Мы получили один древний архив из усыпальницы, посвященной Аримелин, и узнали очень много из того, что было известно о снах древним. У нас есть способ закрыть твой бодрствующий ум, чтобы добраться до тех снов и сразу узнать все необходимое. Когда мы выведем тебя из транса, сны уйдут, и твои услуги нам больше не потребуются. Ты будешь волен уехать, и тебя перестанут тревожить сны или видения.

Предложение было столь заманчивым, что где-то там просто обязан был находиться крючок, особенно если на другом конце лесы сидел Верховный маг.

— Что ты надеешься узнать? — спросил я недоумевая. — Я выложил все что помню, и, откровенно говоря, ничто из этого не кажется особенно важным. Во всяком случае, эта затея провалилась, не так ли?

— Колония погибла, это верно, но мы хотим отыскать ее, а не только услышать о ней. Наша цель — не просто заполнение пробелов в архивах ради удовольствия ученых. — Планир налил себе вина и предложил бокал Шиву; маг закрыл чернильницу и сложил свои записи. — Чтобы противостоять эльетиммской угрозе, нам нужно больше узнать об эфирной магии, о той силе, которую древние называли Высшим Искусством. Из того, что ты уже рассказывал нам, ясно: люди обучались ему в этой колонии. Там могли остаться документы, архивы, возможно, даже учебники и инструкции.

— Держи карман шире! — фыркнул я. — Когда это было? Двадцать шесть поколений назад? Что бы они ни оставили, все уже стнило или рассыпалось в пыль!

— Возможно, да, возможно, и нет. — Планира не задела моя откровенная насмешка. — Мы многое можем делать с воздухом и огнем, землей и водой, чтобы восстанавливать даже самые поврежденные и испачканные пергаменты. Не забывай о ресурсах, к которым я могу обратиться, Райшед: здесь, в Хадрумале, сосредоточены самые блестящие умы магии. Во всяком случае, не найти ничего — это риск, который я готов принять. Зато ты можешь оказаться главной фигурой в отыскании той потерянной земли с ее несметными богатствами. Я прекрасно знаю, что твой патрон уже потратил кучу денег и усилий, отслеживая каждое упоминание и каждый документ, касающиеся экспедиции Ден Феллэмиона, и дорого бы дал, чтобы возродить ту колонию под именем Д'Олбриотов. Оказав ему такую услугу, ты бы сделал огромный шаг к званию избранного, не так ли?

Ну и ну, выходит, на той лесе висит целая вереница крючков с соблазнительной наживкой... Нет, для человека, с которым лучше не играть в Ворона на пари, Верховный маг был таким же хитроумным, как фермер, привязывающий кобылу в сезон, чтобы привлечь в конюшню дикого жеребца. Он что, считает меня дураком?

— Вы это уже делали? С другими, кому ты всучил эти древности?

— Тут есть свой риск, — угрюмо произнес Шив из своего угла. — Мы так и не смогли разбудить одну девушку.

— Никто не отрицает, что это может быть опасно, — согласился Планир. — Я виню в этом себя. Мы предприняли эксперимент с ней, прежде чем получили тот архив и все необходимые сведения. Разумеется, тебе нужно как следует подумать, прежде чем соглашаться, но если Д'Алсеннен, как ты говоришь, прошел начальное обучение эфирной магии, то, вполне возможно, мы нашли бы какой-то ключ к возвращению бедной девочки.

Итак, раз я не клонул на соблазны, Верховный маг решил загарпунить меня угрозысениями совести. Осушив свой бокал, я покачал головой. Седьмые куранты дня разнеслись над городом, вспугнув стаю пестрых птиц с освинцованной крыши напротив башни Планира. После Архипелага это был нелепо знакомый звук, особенно в столь нервнующем окружении.

— Тебе нужно время подумать.

Планир снял мантию с крючка на двери и надел ее поверх простой рубахи и бриджей. Должен признать, его преображение застало меня врасплох. Эта мантия была не кричащая, а аккуратно сшитая из матового черного шелка; высокий воротник поднимал подбородок Верховного мага, от чего взгляд его казался повелительным. Прямой покрой мантии подчеркивал ширину его плеч, и, когда он стремительно вышел из комнаты, ткань взмет-

нулась вокруг него нетопыриными крыльями, а в его сосредоточенном лице появилось что-то ястребиное.

Я посмотрел на Шива.

— В Собрании Принцев твой Верховный недалеко бы продвинулся с его сладкоречием.

— Сколько ни воткни роз в кучу лошадиного навоза, она все равно будет вонять, — пожал плечами Шив. — Планир знает, что ты не глуп, Раш. Поверь, тебе следует расценивать этот откровенный разговор с Верховным магом как комплимент. Пошли.

Шив поднял мой мешок; в его интонации звучало нечто, больше похожее на прежнюю дружбу, и это ослабило мою защиту более эффективно, чем любая попытка Верховного мага. Мы спустились во двор. Высокие каменные здания, обступившие его со всех сторон, угрожающе нависли надо мной своими темными холодными тенями. Какая-то женщина шла по двору, следя за мной глазами; двое юношей, выходящих из дверей, прервали разговор и уставились на меня, а затем заспешили прочь. Для города, построенного так близко к воде, в Хадрумале почти не пахло морем, и от пыли древнего камня першило в горле.

— Я подумал, ты не захочешь оставаться в Зале, поэтому сказал Периду, что ты погостишь у нас, — радостно сообщил Шив, выходя на главную улицу.

Следуя за ним в глубь острова, я с облегчением увидел, что величественные крепости уступают место обычным домам из ноздреватого серого камня под черепичными крышами. Я начал замечать и прочие службы, освобождающие магов для их колдовских занятий: писцы, книготорговцы и аптекари держали тут свои лавки, и немало попадалось чайных домов, где молодые маги откладывали свои пергаменты и мантии, чтобы посплетничать с друзьями за чашкой настоянных трав. Как оказалось, маги еще и едят — на прилавках, устроенных из опущенных ставен, горой лежали летние фрукты и мясистые овощи, а востроглазые торговки делились слухами со своими покупательницами. Дети висли на их юбках, ватага озорников носилась по мостовой с тряпичным мячом. Щепки плыли вокруг бочки, упавшей в водосточный желоб, и двое мужиков зычно выясняли, кто из них упустил ее с ручной тележки. Хадрумал начинал казаться менее диковинным, но не следовало позволить сей обманчивой видимости усыпить мою бдительность.

— Мы предпочитаем жить отдельно. Большинству магов все равно, спит ли кто с мужчиной, женщиной или ослом, но всегда отыщутся рационалисты, которым это не по вкусу. Ты ведь помнишь Казуела? В общем, мы решили, что так будет лучше — торчащие гвозди в конце концов забивают.

Маг шагнул в узкий промежуток между двумя тележками, и я, глядя ему в спину, состроил гримасу. Меня смущало знакомство с партнером Шива, однако я не хотел возвращаться в одну из тех мрачных крепостей, где орава магов будет глазеть на меня со всех сторон подобно воронам, собравшимся вокруг издыхающего животного. С Шивом я все-таки неплохо ладил. Тут мои мысли опять вернулись к животрепещущему вопросу, который не давал мне покоя с тех пор, как я сошел на берег.

— Где Ливак? — Я по бордюру догнал Шива, пока он проталкивался сквозь толпу, запрудившую тротуар.

— Пошла навестить Хэлис. Здесь есть несколько солурских ученых, они пытаются выправить ей ногу. В их целительских традициях еще сохранилась эфирная магия. Но ты это знал, не так ли?

Должен признаться, что я не вспоминал о Хэлис и ее беде с той самой минуты, как мы разделились. Мысленно встряхнувшись, я твердо решил больше не заикливаться на своих злоключениях. Могут ли солурские заклинания исцелить столь тяжелую и уже зажившую за несколько сезонов рану? Мне необходимо это выяснить и довести до сведения мессира. Я встречал не так уж много людей с культями вместо ног или рук, ампутированных, чтобы спасти их от зеленой гнили, но когда мы с Айтеном работали на лескарской границе по поручению мессира, мне довелось услышать, как один кричал и рыдал, напрасно умоляя хирургов не отрезать ему ногу, и мне этого вполне хватило. Напоминание о том, что я здесь — не единственный страдалец, тоже было благотворным.

— А как Вилтред? .

— Вернулся в свой старый Зал и отлавливает тех, с кем прежде учился и кто еще не умер, — с незлобливой насмешкой ответил Шив. — Ну вот мы и пришли.

Отворив крепкую дверь, он провел меня в скромное жилище, затерявшееся в ряду таких же скромных домиков с выветренными каменными стенами. Я заморгал после яркого света, но, когда глаза привыкли к полумраку, увидел переднюю из нижних комнат, отведенную под кабинет. У окна для лучшего освещения стоял наклонный стол; на нем были аккуратно разложены пергамент, пигменты и клей, готовые к использованию. Кажется, Шив когда-то говорил мне, будто его партнер то ли переписчик, то ли художник, но точно не маг, что для меня было наиболее важно.

— Перид! — Шив просунул голову в дальнюю комнату, затем позвал еще раз, немного поднявшись по крутому изгибу самшитовой лестницы. — Нет, должно быть, пошел за едой. Слушай, будь как дома, на кухне есть вино, а хочешь — приготовь настой.

Мне надо кое-что сделать, но я скоро вернусь.

Не успел я возразить, как он уже вышел за дверь, решительно захлопнув ее за собой. Не желая ничего нарушить в кабинете, я прошел на кухню. В очаге недавно горел огонь, поэтому было жарко и душно. Я немного удивился при виде современной угольной печи возле очага, но больше там любоваться было нечем, если не считать коллекции разнообразных декоративных банок с травами, размещенных на особой полке на противоположной стене. Я открыл пару, понюхал, подбросил дров в огонь и поставил на него чайник, но вскоре понял, что не хочу настоя, снял чайник и вышел на узкий задний двор. Соседи Шива держали кур и поросенка, но в этом дворе и свинарник, и курятник стояли пустые и чисто выметенные. Я нашел на земле горсть камешков и начал кидать их, выбрав в качестве мишени большой светлый камень в стене свинарника. Каждый раз, попадая в цель, я собирался поискать больше снарядов, но тут дверь за моей спиной открылась.

— Тебе надо ходить за плугом и зарабатывать деньги, побивая камнями ворон. Это — стоящее искусство, — похвалил меня веселый голос.

— Стоящее, да не мое, — ответил я не думая.

— Похоже на строчку из плохой баллады! Ты, должно быть, Райшед, а я — Перид.

Я обернулся, чтобы увидеть наконец избранника Шива. Как и в случае с Хадрумалом, я не мог бы сказать, чего ожидал. Я, разумеется, не представлял его в виде маскарадной матроны в ярких перьях, но все-таки ждал чего-нибудь более очевидного, нежели этот коренастый человек с грубоватыми чертами лица, курчавыми русыми волосами и светло-кариими глазами. Его тормалинский был великолепен, но акцент выдавал уроженца Кола, и я вспомнил, что этот город славится либерализмом, позволяет своим людям жить, как им хочется.

— Ну давай, продолжай свою балладу. — Перид опустил на скамью, непринужденно вытянул мускулистые ноги и скрестил руки.

Я с силой швырнул последний камешек, выбив осколок из своей мишени.

— У меня неплохой глаз, но этот талант принадлежит человеку, умершему много поколений назад, и его воспоминания загромаждают мои сны.

В таком изложении это прозвучало довольно невероятно, но Перид не удивился.

— Выходит, наш уважаемый Верховный маг завлек тебя в один из своих проектов?

Мне понравилось отсутствие почтения в его голосе, и я подумал, что мы с Перидом могли бы стать друзьями.

— Как муху в паутину, — усмехнулся я.

— Все это как-то связано с пропавшей колонией и той загадочной магией, из-за которой все чародеи трепещут, словно голуби с кошкой в голубятне, да? — Перид покачал головой. — И поделим им, скажу я тебе. Кое-кому из этих магов давно пора научиться скромности.

Нет, решил я, мы определенно станем друзьями.

— Шив рассказал тебе об этом?

— Так, немного, — пожал плечами Перид. — Ну, и что же он собой представляет?

— Прости?

— Малый, который губит твои ночи, тот, с метательным талантом, что он собой представляет?

В немом изумлении я воззрился на Перида. Верховный маг задал столько вопросов, выпросил столько подробностей о колонии и обнаружил гораздо больше сведений, чем я мог вообразить, но ни разу не спросил меня о самом молодом Д'Алсеннене.

— Он неплохой парень. Совсем не разбирается в женщинах, но он быстро взрослеет и вполне справляется со своими обязанностями. У него есть характер, но его еще нужно закалять и полировать. — Странно было говорить так о Темаре.

— Как он выглядит? Ты можешь его описать? — Перид достал из нагрудного кармана обрывок папируса и нашарил в кармане штанов обломок угля.

Я закрыл глаза, чтобы лучше представить себе Темара, и, по мере того как я говорил, Перид быстро рисовал, уголь так и мелькал в его толстых, но ловких пальцах.

— Он худошавый, — вспоминал я, — через несколько лет немного раздастся, но пока что он перерос себя. Лицо... ты бы назвал его волчьим: длинная челюсть, тонкие губы, угловатые черты, если ты понимаешь, что я имею в виду. Взгляд точно волчий, очень напряженный, а глаза бледно-голубые — странно, если учесть, что у него черные волосы.

— Какие они?

— Длинные, прямые, чаще всего застегнутые сзади.

— Что-нибудь в этом роде?

Перид повернул ко мне свой набросок, и я невольно улыбнулся.

— А ты уверен, что не являешься магом? Вообще-то нос у него не так торчит и брови тоньше, но это лучшее сходство, чем у многих портретов, которые я видел. Ты зря распыляешь свой талант в копировальне.

Чудно было видеть этот портрет, пусть и несовершенный, это лицо юноши, столь живого в моих снах и видениях, но так давно погибшего на другой стороне безжалостного океана.

Я почувствовал необычный прилив симпатии к нему. Я ведь должен этому парню, не так ли? Он спас мои потроха от колдуна Каески.

— Как сказал отец, отдавая меня в учение, это честная торговля, и она не оставит тебя без куска хлеба, — ухмыльнулся Перид. — Я займусь портретами, когда Шиву надоест получать приказы от Планира и мы рванем на ближайший корабль, не важно, куда он идет. До тех пор я буду ждать да смешивать свои чернила.

— И ты не против, чтобы Шив убежал всякий раз, как только Планир дернет его за поводок? — полюбопытствовал я.

— Против, — незатейливо ответил Перид, — но это выбор Шива, и я должен уважать его, если мы хотим быть вместе. Главное тут — проследить, чтобы Шив сам остался в выигрыше, когда все руны будут вытянуты, в какую бы игру ни играл Верховный маг. И тебе, поверь, надо делать то же самое.

Мне вдруг пришло в голову, что это невероятно откровенный разговор для людей, которые только что познакомились.

— Ты, похоже, изрядно осведомлен. Должно быть, Шив рассказал тебе больше, чем ты говоришь.

Перид покачал головой.

— Не Шив, Ливак. Во всяком случае, первым делом тебе нужно решить, чего ты хочешь. Затем убедись, что то, к чему там склоняет тебя Планир, отвечает и твоим интересам тоже. И остерегайся, если он вдруг станет чересчур откровенничать с тобой; — значит, будет шип в медовом кексе, попомни мои слова.

Я тяжело вздохнул.

— Я просто хочу освободиться от всего этого, хочу видеть обычные, глупые сны о говорящих рыбах или о чем угодно. Хочу просто жить своей собственной жизнью.

— Тогда держи глаз на этой цели и не позволяй Планиру или кому бы то ни было толкать тебя под локоть. — Перид поднял руку и встал. — Кажется, кто-то пришел.

Когда мы вернулись на кухню, из другой двери появился Шив. Отойдя в сторону, он пропустил вперед Ливак, и она шагнула прямо в мои объятия, спрятав взъерошенную рыжую голову под мой подбородок. Я вдохнул ее запах, поцеловал ее волосы и почувствовал, как ее руки крепко обвили меня. Восхитительное ощущение ее близости было дороже сезона в объятиях Ляо Шек. Я мог бы простоять так целую вечность, если бы Шиву не нужно было подойти к плите — поставить чайник на огонь.

— Что на ужин, Шив? — Ливак заглянула в корзину с овощами, водруженную на выскобленный стол.

Выяснилось, что это будет крепкая похлебка; она сейчас медленно кипела в чутунке, стоявшем в очаге на тагане,

и только ждала, когда ее заправят. Шив снял пену и положил в бульон мозг из костей, а мы втроем чистили и резали овощи.

Поймав задумчивый взгляд Ливак, я вопросительно поднял брови.

— Ты собираешься оставить бороду? — Она чуть улыбнулась.

— А тебе она нравится?

Я надеялся, что она скажет «нет».

Ливак склонила голову набок.

— Ты определенно выглядишь иначе, но...

Для меня этого было довольно.

— Шив, у тебя не найдется лишней бритвы?

Маг засмеялся.

— Конечно, найдется, но я бы на твоем месте немного обождal. Если сбреешь бороду в разгар лета, да еще после того, как пробыл столько времени в Архипелаге, то будешь ходить с пегим лицом. И подбородок может обгореть на солнце. Уж поверь моему опыту!

Перид вскинул голову. Его воображение художника мгновенно воссоздало эту картину.

— Когда ты носил бороду? — спросил он.

— Вскоре после приезда в Хадрумал. Надеялся, что она придаст мне солидности и заставит старших магов относиться ко мне серьезнее.

— Не сработало? — Ливак озорно улыбнулась.

— Нет. — Шив скорбно покачал головой. — Единственное, что впечатляет главных магов, — это то, как ты управляешь своей стихией.

Вскоре мы принялись за ужин. Чем бы ни занимались тут маги, кто-то более практичный выращивал на Хадрумале прекрасную говядину, а незнакомое мне вино было столь отменным, что ассоциировалось у меня с пирами и праздниками. Но лучше всего было то, что мы весь ужин болтали о разных пустяках, но ни слова о Планире, колдовских снах или погибших колониях. Мне даже показалось, будто моя жизнь снова стала обычной.

Когда Шив наконец поднялся, чтобы отнести тарелки в раковину, Перид выглянул в темное окно.

— Уже поздно, Ливак, может, останешься здесь? Какой тебе смысл возвращаться в Зал? Хэлис давно спит, если она опять такая же уставшая, как после того последнего сеанса с этими солуранами, долбящими ее ногу. Ну так что — я стелю тебе в мансарде или вам хватит одной постели в задней спальне?

Я впервые услышал в его тоне лукавую нотку и посмотрел на Ливак. Она прятала улыбку, уткнувшись в кубок с вином.

— Хватит одной, я бы не хотела доставлять вам слишком много хлопот.

— Тогда вымойте посуду.

Шив бросил мне посудную тряпку и вместе с Перидом скрылся наверху.

Ливак тут же завладела полотенцем.

— Ты моешь, я буду вытирать.

— Ну, спасибо, — сухо ответил я, прежде чем снять с огня чайник. Залив кипятком глиняные сосуды, я заморгал над паром. — Кажется, вы с Перидом хорошо ладите.

— Ладим. Хэлис он тоже нравится.

— Как она? — запоздало поинтересовался я.

— Лучше, — выразительно кивнула Ливак. — Намного лучше.

— Значит, Шив сдержал слово.

Я порадовался за Хэлис — хоть кому-то будет польза от всего этого дела, — но в глубине души из чисто эгоистических соображений возликовал, что Ливак освободится от обузы.

— У него не было другого выбора, — засмеялась она, чем-то очень довольная.

— Как это? — Заинтригованный, я прервал работу и посмотрел на нее.

— Видишь ли, был один архив, который Планир безумно хотел заполучить, — весело сказала Ливак.

— Из усыпальницы Аримелин?

— Точно. А лорд Финвар, седой старикан, владелец архива, ни за что не хотел его отдавать. Он вбил в свою пустую башку, что маги с их естественными науками — всего в одном шаге от рационализма, и не собирался передавать священные тексты этим нечестивцам, дабы не навлечь на себя гнев оскорбленной богини. — У Ливак озорно заблестели глаза.

— И что заставило его передумать? — Теперь я и сам улыбался.

— Ты не поверишь, но в его доме начали происходить чудеса. — Ливак в притворном недоумении покачала головой. — Старик просыпался и обнаруживал, что, пока он спал, вещи в его спальне передвинулись. Каждый день он находил древний комплект рун, разложенный на конторке в его кабинете, с тайным, по его убеждению, посланием. Все слуги были допрошены, и, конечно, первыми, на кого пало подозрение, были Шив и Вилтред, но капитан Стражи не спускал с них глаз, поэтому они не могли быть виновны.

— Ну конечно! — торжественно вскрикнул я. — Так что, в конце концов, убедило его?

— Однажды он проснулся и увидел свои руны рождения, разложенные посреди пола. А спал он в верхней спальне с единственным, к тому же неприступным окном.

— Неприступным? — не сдержал я смехок.

— Ага. — Ливак задрала рукав, чтобы осмотреть длинную царапину, уже заживающую. — Непрístupным да еще страшно узким.

Мы оба расхохотались, но тотчас неловко умолкли; гнетущую тишину нарушали только стук глиняной посуды да звуки передвижаемой мебели над нашими головами.

— Знаешь, я думала, что потеряла тебя, — внезапно произнесла Ливак, невидящим взглядом уставясь в темноту за окном; под ее летними веснушками выступил легкий румянец.

— Ну, это не так-то просто сделать, — как можно беспечнее ответил я. — Но я рад, что нашел тебя здесь. Мне бы не хотелось снова проделывать весь этот путь до Релшаза, чтобы тебя искать.

Наши глаза встретились. Спустя долгую минуту Ливак отвернулась — поставила тарелку на стол.

— Я тут подумала... если твое предложение еще в силе, я могла бы съездить с тобой ненадолго в Зьютесселу. Что бы там солуране ни делали с ногой Хэлис, им потребуется уйма времени, по крайней мере до постосени. Так они, во всяком случае, говорят.

— Мне бы этого хотелось, — сказал я, не помня себя от радости, но тщательно скрывая свое чувство.

— Я ничего не обещаю и не буду пока отрачивать волосы, — торопливо продолжала Ливак, — но мы могли бы посмотреть, как пойдут дела, хотя, конечно, ты все еще присягнувший...

— Пока, — перебил я ее, сам удивляясь резкости в своем голосе. — Я думаю об этом. Возможно, пора забрать мою клятву и самому распоряжаться своей жизнью.

Наконец-то я это сказал, облек в слова то смутное желание, которое медленно и неумолимо росло внутри меня.

Ливак разинула рот.

— А что ты будешь делать?

— Отправляюсь в Ванам, погляжу, на что он похож. — Я никогда не бывал в родном городе Ливак.

— Но как ты будешь зарабатывать на жизнь? Только не говори, что хочешь сделаться наемником в Лескаре! — засмеялась она, но в глазах ее я увидел нешуточное беспокойство.

— Деньги — это чепуха, — ухмыльнулся я и пошел за своим мешком.

Когда я высыпал на стол щедрый дар Ляо Шек, глаза ее стали такими же круглыми и блестящими, как изумруды на браслете, который Ливак первым взяла в руки.

— Какие такие услуги ты оказывал, чтобы заслужить подобную плату? — хихикнула она.

Я подмигнул.

— Покажу в постели.

Ливак захохотала и удивленно провела рукой по некоторым изделиям, видимо, сочтя их самыми красивыми. Затем подняла голову и живо посмотрела на меня.

— С тем, что тут имеется, мы могли бы завтра же сесть на корабль и исчезнуть. Я знаю людей, которые дадут за это хорошую цену, и думаю, мы могли бы рискнуть. У меня есть друзья, они спрячут нас так, что магам нас не найти. Тебе не нужно делать ничего, что бы там Планир ни просил. Ты мог бы просто уйти от всего этого.

— Знаю, я и сам об этом думал. Но тогда бы это все не кончилось, верно? Всегда оставались бы вопросы и сомнения. Нет, я хочу уйти на собственных условиях, дабы не быть никому должным.

А это значит, что надо позволить Верховному магу и его ученым сотворить их ритуал над моими снами о Темаре Д'Алсеннене. Мысль об эфирной магии, свободно гуляющей в моей голове и разрушающей все мои защиты, леденила кровь, но если такова цена за избавление от этих отголосков прошлого, мне придется ее заплатить. Я посмотрел на богатство, рассыпанное по столу, и насмешливо покачал головой.

Затем поднял глаза и поймал пронизательный взгляд Ливак.

— Ты против? — спросил я. — Мне нужно покончить с этим раз и навсегда.

Она кивнула.

— Я знала, что ты это скажешь. По-другому и быть не могло, такой уж ты человек.

Я привлек ее к себе.

— У Верховного мага есть план. Он хочет погрузить меня в дрему и с помощью какого-то ритуала добраться непосредственно до тех проклятых снов. — Я невольно вздрогнул. — Когда это будет сделано, мы сможем уехать.

Ливак сжала руки на моей груди.

— Я останусь. Я буду там с тобой, если кто-то захочет корежить твой ум. К тому же, — молвила она повеселевшим голосом, — здесь, в Хадрумале, есть чем поживиться. Тут обретаются маги, которые могут говорить друг с другом за тысячу лиг, но ничего не смыслят в рунах. Дай мне полсезона, и я обгоню тебя с твоим кладом.

— Тогда Планир уж точно захочет от нас избавиться.

Вверх по реке, к югу от поселения Кель Ар'Айен, 12-е поствесны, Третий год колонии

— Вот так-то! Нет никакой надежды на прорыв, он будет просто самоубийством. — Тон Ден Феллэмиона был так же холоден и бесстрастен, как зимнее заснеженное поле. — Все корабли потоплены?

— Да, все порублены на куски, — содрогнувшись, ответила Авила. Она потерла виски трясущимися пальцами и зажмурила глаза, чтобы прийти в себя от дальновидения. — Захватчики полностью перекрыли устье.

Темар больше не мог это вынести. Оттолкнув табурет, он начал расхаживать по узкой нише во влажной стене пещеры.

— Почему они ждут? Почему не покончат с нами? Мы же пойманы, как кролики в норе, и просто ждем хорьков.

Стены пещеры давили на него, и юноша до боли стиснул руки. Мизаен свидетель, он ненавидит подземелья.

— А куда им спешить? — Мессир Ден Феллэмион потер костлявой рукой свое бескровное лицо. — Они вполне могут дать отдохнуть своим людям, накормить их. Мы ведь никуда не уйдем, не так ли? — сухо добавил он, почти признавая свое поражение.

— Возможно, мы могли бы уйти. Я знаю, это наша единственная руна, но мы должны дальше исследовать эти пещеры, — убеждал Темар, подавляя свой собственный страх при мысли о более глубоком спуске под землю. — И начать нужно немедленно, расширить часть трещин и посмотреть, куда они ведут. Мы знаем, что по крайней мере одна река бежит здесь, под скалой. Если вода проделала эти пещеры, то, возможно, есть сквозной проход под хребтом, и мы выйдем с другой стороны, где мерзавцы нас не увидят. Оттуда мы могли бы в темпе двинуться к новому порту, где пастухи строились в эти последние сезоны. Они не видели никакого признака захватчиков, ведь так, Авила? Ты же сама это сказала.

Темар в досаде закусил губу и снова сел, видя, что его никто не слушает. Внимание Ден Феллэмиона было приковано к направлявшемуся к ним Вахилу, который безнадежно сжимал в руке пачку мятых пергаментов.

— Наши припасы крайне ограничены, мессир, даже при самом скудном пайке их хватит на горсть дней, не больше. У нас есть хлеб для нескольких трапез, сыр и тому подобное — то, что люди ухитрились схватить, когда убегали, но многие пришли с пустыми руками. Удалось унести несколько мешков муки с кораблей и небольшой запас овощей, но никакого мяса или вина, о коих стоило бы говорить, и очень мало посуды, готовить почти не на чем. Кроме того, слишком опасно посылать людей наружу за топливом или дичью. — Обычно громкий голос Вахила был таким же бесцветным, как его лицо. — Они напали на рассвете, поэтому немногие могли взять с собой что-то еще, кроме самих себя и своей семьи, если вообще могли бежать. Большинство все еще в ночных рубашках или в одном белье. У нас есть одеяла, но их совершенно недостаточно, особенно для раненых. Есть еще двенадцать

детей, не нашедших своих родителей, — мрачно докладывал Вахил, и теперь его голос был сиплым от горя. — Думаю, их можно считать погибшими. Я имею в виду родителей.

Темар зажмурил глаза от мучительного воспоминания: мессир Ден Реннион лежит в луже крови, кишки вывалились на грязную землю, в отрубленной кисти еще зажат меч — он бесстрашно сражался, чтобы защитить свой народ. Драгоценные камни его перстней блестели в утреннем свете; эта деталь воспоминания смуглила Темара, пока он не сообразил, что захватчики были слишком поглощены кровопролитием, чтобы думать о грабеже. Но еще страшнее другая рука, слепо тянущаяся к павшему Ден Ренниону, — рука госпожи Ден Реннион; ее окровавленные белые волосы втоптаны в землю, умное и доброе лицо безжалостно разбито в кровь шишкой щита; на ночной сорочке видны отпечатки сапог, топтавших уже упавшую женщину.

Темар открыл глаза, пытаясь прогнать ужасный образ.

— Авила, почему бы тебе не пойти с Вахилом? Нашла бы ему выпить чего-нибудь теплого, — мягко предложила Гуиналь.

— Нет, есть другие, кому это нужно больше, чем мне... — неуверенно запротестовал Вахил, но кротко последовал за Авиллой, взявшей его за руку; на ее усталом и заплаканном лице замерла вымученная улыбка.

Ден Феллэмион, сидевший на низком каменном выступе, посмотрел на Гуиналь. В тусклом свете, проникавшем сквозь бахрому зелени вокруг входа в пещеру, он выглядел таким же серым, как эти камни.

— Что ты хочешь сообщить мне, дорогая?

Любовь и горе в глазах девушки, устремленных на дядю, ранили сердце Темара, а он-то думал, что уже исчерпал все свои эмоции.

— Мы позаботились о раненых как могли — с Высшим Искусством и лекарствами, что удалось спасти. — Гуиналь машинально подпернула испачканный кровью рукав. — Почти все устроены и, слава Острину, раны у большинства незначительны. Однако есть тяжелораненые, которых нельзя тревожить в течение нескольких дней, если мы не хотим отправить их прямо к Сэдрину.

— Ты выяснила, сколько твоих адептов спаслось?

Настойчивость в интонации Ден Феллэмиона удивила Темара.

— Почти все, — с горькой иронией ответила девушка. — Мы лучше других могли защитить себя от Высшего Искусства захватчиков.

Темар хотел потребовать помощи от Гуиналь и ее учеников в исследовании пещер, но слова застыли на губах от внезапно нахлынувших воспоминаний о кошмаре предыдущего

восхода. Когда эти люди в черных мундирах хлынули с выброшенных на отмель кораблей, чтобы напасть на незащищенных колонистов, воздух вибрировал от криков ужаса, невыносимых, пронзительных криков, оборванных безжалостными клинками захватчиков. Темар сжал кулаки, вспомнив, как был прерван его сладкий сон в усадьбе Ден Ренниона и он, схватив меч, выбежал за ворота и увидел огонь, рвущийся со всех сторон, женщин и детей, в панике убегających от языков пламени, чтобы вскоре погибнуть от алчных языков наточенных мечей под заревом пожара, обогрившего сердитые тучи.

Его сердце забилося быстрее, боль корчилась внутри него беспощадными вопросами. Что он сделал не так? Как еще он мог объединить тех, кто с такой одержимостью защищал непрочные деревянные ворота, превращая в оружие все, что попадало под руку? Ледяные шупальца сжали сердце, холодный пот выступил на шее, когда юноша снова услышал эхо их криков, содрогаясь от воспоминания о зловещем Высшем Искусстве, которое отняло у них разум и волю, предоставив им тупо стоять, подобно животным на бойне, чтобы никогда не выбраться из черных тенет захватчиков. Слеза скатилась по щеке эсквайра, и он усталился на свои побелевшие пальцы, смертельной хваткой стиснувшие меч.

— Ты должен был бежать, Темар. — Ден Феллэмион положил свою высохшую кисть на руку молодого человека. — Спасибо Сэдрину, что ты немного владеешь Высшим Искусством, иначе мы потеряли бы и тебя тоже.

Спазмы в горле не давали юноше сказать хоть слово, но он не смог удержаться от виноватого взгляда на Гуиналь. В ее глазах было лишь сочувствие и понимание, и от этого Темару стало еще хуже.

— Кто эти проклятые люди? — прохрипел он. — Почему они это делают?

— Трудно сказать, поскольку всех наших парламентаров встречал только град метательных снарядов. — Невеселая улыбка Ден Феллэмиона была бы вполне уместна на посмертной маске. — Боюсь, переговорами нам это дело не решить.

— Кажется, я знаю, откуда они пришли, — робко заметила Гуиналь.

— Что? — в один голос воскликнули Темар и Ден Феллэмион. — Откуда?

— Когда я отражала их атаки, я установила неожиданный контакт с кем-то, не очень опытным в их Высшем Искусстве. — Девушка словно пыталась оправдаться, что было не в ее характере. — Прошлой ночью, уверенная, что юноша спит, я использовала тот контакт, чтобы заглянуть в его воспоминания.

— Риск...

Темар глубоко вдохнул, намереваясь урезонить ее, но умолк под упредительным взглядом мессира.

— Что ты можешь рассказать нам, моя дорогая?

→ Они родом с далеких северных островов, маленьких, бесплодных островов, сгрудившихся в сердце океана.

Девушка словно отстранилась от всего сущего, взирая на воссозданные ею образы.

— Это холодное, безжалостное место, с горстками деревьев и голыми серыми скалами окрест. Они владеют ничтожной малостью, а то, что имеют, крадут друг у друга, считая кровь разумной платой за несколько мер земли. В должное время рождаются новые люди, но земля кончается у кромки воды. — Ее голос стал более низким и суровым. — С помощью Высшего Искусства жрецы правят этим народом. Они могут вынюхивать превратность в спящем уме и убивать мыслью. Единство, по их разумению, это когда и природа, и культура окружают вас опасностями, врагами, всегда вооруженными против вас.

Она внезапно вздрогнула и, переведя дух, тихо заключила:

— Они обнаружили то, что представляется им бескрайней землей невообразимых богатств, и они не разделят ее ни с кем, чего бы им это ни стоило.

Темар не успел открыть рот, как Ден Феллэмион встал и ласково обнял Гуиналь.

— Милое дитя мое, такие проникновения, возможно, ценны, но ты дороже. — В его жестких словах слышалась нотка упрека. — Твои знания — наша единственная защита против зла их Высшего Искусства, и мы не можем тобою так рисковать. Ты больше не должна испытывать подобный контакт.

— Он только подумал, что ему снится дом, — возразила Гуиналь, но тут же виновато потупилась.

Темара вдруг осенила новая, неотложная мысль.

— Ты сумела бы связаться с домом, — вмешался он, — Зьютес-селей, Тормейлом, любым местом, которое могло бы послать нам помощь?

Гуиналь удрученно покачала головой.

— Я пыталась, но что-то мешает мне, что-то ограничивает досягаемость моего Высшего Искусства.

— А ты не пробовала работать вместе с другими? — Ден Феллэмион, изучавший каменистое дно пещеры, поднял голову.

— Пробовала, и это было еще хуже. Нас со всех сторон обложили вражеские адепты. — Гуиналь содрогнулась при этом воспоминании. — Мы еле вырвались из осады, погуби Ларазион их семья!

— Значит, мы должны рассчитывать только на себя, — мрачно заключил мессир.

— Мореходный сезон в самом разгаре, — нерешительно произнес Темар. — Новые корабли уже в пути. Возможно, они сумеют прорвать блокаду, если мы продержимся полсезона... На какое расстояние они должны подойти, чтобы ты могла связаться с ними, Гуиналь, сама не становясь мишенью? — торопливо добавил он.

Ден Феллэмион вздохнул.

— Не будет никаких кораблей, Темар, ни в этом сезоне, ни в каком другом.

Д'Алсеннен уставился на мессира вытаращенными глазами, затем перевел взгляд на Гуиналь; она покраснела и понурила голову.

— Что вы имеете в виду?

— Не будет новых колонистов в этом году, Темар, — с нескрываемой горечью пояснил Ден Феллэмион. — Их и в прошлом году было мало, не так ли? Последние корабли привезли мне несколько писем — из моего Дома и из других, и в каждом говорилось об одном и том же. Империя терпит поражение на всех фронтах. Немит подрезает поджилки своим войскам отсутствием ресурсов и в то же время гонит их дальше как безумный. Ни у кого нет ни людей, ни денег, чтобы отважиться поехать за море; все провинции восстают в пламени. Мы здесь предоставлены самим себе.

— И вы всю зиму это знали? — поразился Темар.

Ден Феллэмион был очень бледен, но его запавшие глаза оставались твердыми и строгими.

— А зачем было распространять такие новости? — в свою очередь, спросил он. — Раздувать тревогу и сомнения, в то время как мы преуспевали, собрали обильный урожай, да будет благословенна Дрианон? Мы намеревались деятельно провести зиму, готовились расправить крылья в должный сезон. Из того, что я видел вокруг, можно было заключить, что нам не нужны новые мужчины и женщины из Тормалина, если они не решаются ехать.

Темар вознамерился было не согласиться, но вдруг понял, что Ден Феллэмион абсолютно прав.

— И во мне к тому же сидела уверенность, что мы отбили все вылазки захватчиков, — с горечью вспомнил эсквайр, — что «Лосось» был последней нашей потерей.

— Мы все были уверены, — угрюмо покачала головой Гуиналь. — Это столь же моя ошибка, как и твоя, Темар.

— Но мы не можем просто сидеть здесь, как крысы в ловушке, и ждать, когда нам проломают дубинкой череп!

Юноша снова вскочил и, сорвав горсть папоротников с каменной стены, жадно стал всматриваться в далекий кло-

чок беззаботно голубого неба. Невидимое солнце золотило край облака, предупреждая о скором наступлении вечера.

— Есть альтернатива, Темар, — нерешительно произнесла Гуиналь, покосившись на дядю; тот ободряюще кивнул ей. — С помощью Высшего Искусства можно спрятать нас всех в этих пещерах, пока не удастся призвать подмогу из самого Тормалина. Спрятать так, что захватчики нас не найдут.

Темар изумленно моргнул.

— О-о! Но даже если ты спрячешь нас, как мы выживем? Ты слышала, что сказал Вахил о наших припасах? Проклятие, Гуиналь, здесь, должно быть, уже около тысячи человек, и еще кто-то может добраться сюда до темноты, если будет на то воля Талагри-на. Меня не слишком радуют запасы воды, и я думаю о том, как холодно было прошлой ночью. Чтобы послать судно в Тормейл и ждать спасения, потребуется целый сезон, а то и больше, если дома дела так плохи, как думает мессир. — В глазах эсквайра появилась новая решимость, игнорирующая страх заточения в пещерах, который сосал под ложечкой. — Нет, каков бы ни был риск, мы должны найти выход отсюда и пробраться по суше к новому поселению. Используй свое Высшее Искусство, чтобы спрятать нас, пока мы это делаем, и не дать убийцам выследить нас и порубить на куски.

— Даже если мы сможем выйти отсюда незамеченными, половина этих людей будет мертва прежде, чем ты пересечешь первый горный хребет, Темар.

Ден Феллэмион скользнул взглядом по грубым ступеням, вырубленным в скале для доступа к главной пещере. Вслед за мессиром юноша тоже посмотрел на кучки семей, съжившихся над скудными пожитками, которые удалось спасти из этого кошмара, на отдельных людей, погрузившихся в ужас своих воспоминаний, на тихие ряды раненых, лежавших на постелях, устроенных из плащей, одеял, а во многих случаях из свежих веток, накрытых мешковиной. Гнетущая тишина царила во всей пещере, изредка ее нарушало лишь детское хныканье или тихое рыдание боли, душевной либо физической.

— Мы не можем просто слаться! — воскликнул Темар, изо всех сил пытаясь сохранять твердость духа.

— Мы можем спрятаться в сон, сотканный Высшим Искусством, — заметила Гуиналь, с беспредельной печалью глядя вниз, на жалкие остатки когда-то жизнерадостных колонистов. — Мы можем дать передышку этим людям, приостановив их жизнь и мысли, да будет воля Аримелин, пока не придет помощь, чтобы прогнать захватчиков.

— Как? — недоверчиво спросил юноша.

— Есть способ разделить тело и разум. — Гуиналь отбросила с лица прядь распущенных волос и пошарила в кармане — чем бы их завязать. — Это редко используемый прием... — Ее голос дрогнул. — Как правило, к нему обращаются только во время тяжелой болезни. Ум, сознание, сущность человека переносятся в нечто такое, что он ценит, к чему чувствует привязанность. Когда разум удален и находится *static* внутри артефакта, заклятие сохраняет тело от разложения до тех пор, пока они не воссоединятся.

— Но чем это нам поможет, даже если ты сумеешь проделать такое с множеством людей? — Темар рассеянно передал девушке обрывок кожаного ремешка, выдернутый из отделки его камзола.

— А вот тут-то на первое место и выходит план с отправкой небольшого отряда по суше к новому поселению. Ты прав, Темар, есть путь через пещеры. Горняки нашли его некоторое время назад. Он трудный и узкий, местами идет под водой, но он проходим, с благословения Мизаена. — Ден Феллэмион несколько оживился, слабый румянец выступил на его впалых щеках. — Мы пошлем отборный отряд лучших воинов, способных незамеченными пробраться по лесу мимо захватчиков с помощью Высшего Искусства. Они заберут с собой ценности, в коих останется живой разум этих людей.

— И велят пастухам нанести ответный удар, чтобы нас спасти? — Сомнения в голосе Темара боролись со все возрастающей надеждой.

— Нет. — Ден Феллэмион решительно замотал головой. — Велят им сесть на корабль и спастись, помощи им Дастеннин. Проклятие, Темар, ты же служил в когортах! Как могут фермеры и пастухи сражаться с превосходящим числом обученных отрядов, закрепившихся на защищенной позиции, даже без осложнений Высшего Искусства? Нет, мои приказы будут абсолютно ясными: они должны на всех парусах идти обратно в Зьютесселу, пока погода благоприятна. Затем они должны заручиться поддержкой каждого Дома, который имеет здесь своих членов или арендаторов, и собрать флотилию, чтобы прийти и прогнать этих беловолосых демонов обратно на их бесплодные острова.

— Думаете, помощь придет вовремя? — Темар всей душой старался постичь этот изумительный план. — Думаете, они смогут набрать достаточный отряд и пересечь океан до наступления осени?

— А как сможет съер любого Дома отказать в содействии, если держит в своих руках саму жизненную сущность его людей? Как он сможет посмотреть в глаза своим братьям и сыновьям, зная, что обрекает те умы навечно оставаться замороженными, ничего не сознающими, вдали от их тел, спящих в

далекой пещере? — Голос Ден Феллэмиона был мягок, но глаза остры как сталь.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — прошептал Темар. — Как они смогут отказать?

— Так ты сможешь нам? — Гуиналь смотрела на юношу с мольбой. — Нам нужно убедить людей, что это их единственная надежда. Мы должны воззвать к их сыновней верности Дому и рассказать ровно столько, чтобы они на это согласились. Без их веры в этот план ничего не получится.

Темар кивнул, его ум уже анализировал все недостатки и достоинства этой идеи.

— А кого вы посылаете по суше? — спросил он мессира. — Те, у кого есть семьи в новом поселении, подошли бы лучше всего...

— Они первыми примут помощь Гуиналь, — отрезал Ден Феллэмион. — Пошевели мозгами, Темар, эти люди пережили настоящий кошмар, и я не собираюсь требовать от них больше того, что они могут сделать.

— Я не понимаю, — растерялся эсквайр.

— Ну подумай сам, парень. — Мессир устало провел рукой по бескровным губам. — Если мы отошлем людей от ужаса и смерти к безопасности, к их любимым, кто среди них будет сражаться в случае опасности, чтобы защитить ношу, как бы драгоценна она ни была? Я не говорю, что наши люди трусы, но смотри на вещи реально, Темар: нам нужно послать тех, кто скорее расстанется с жизнью, чем с этими ценностями. Больше того, нам следует убедить поселенцев нового порта в необходимости добраться до дома, поднять бунт, если нужно, призвать помощь и привезти ее сюда, чтобы вернуть к жизни своих любимых.

И Гуиналь, и Темар были потрясены столь бескомпромиссным доводом.

— Это лишь вопрос времени, когда захватчики направятся вдоль побережья на юг и найдут новое поселение. И дело не только в защите нашей собственной жизни, знаете ли, — продолжал Ден Феллэмион, устремив вдаль свои бледные глаза. — Я не понимаю, как убийцы добрались до этих краев, но я не оставлю им наши большие корабли, чтобы они украли их, пересекли на них океан и напали на ничего не подозревающую Империю, особенно если хаос, о котором мы слышали, усугубляется. Я благословляю Дастенни-на, что мы отправили все корабли на юг для ремонта в тех более закрытых водах. Если нам суждено умереть здесь, пусть будет так, но я отдам жизнь, защищая мой Дом, даже если наш император — транжира и дурак.

Молодые люди неуверенно переглянулись. Темар подавил приступ дурноты, грызущей его пустой живот, и расправил плечи.

— Я не подведу вас, мессир, — торжественно заявил он, изгоняя собственный ужас при мысли о путешествии по тесным и опасным пещерам. — Вы можете возложить эту ношу на меня.

— Гуиналь, ты не могла бы помочь Авиле? Нужно накормить людей. Теплая еда, сколько бы ее ни было, придаст им мужества.

Девушка удивленно заморгала: ее хоть и ласково, но прогоняют — однако послушно встала с влажного камня и осторожно спустилась по скользкой лестнице в пещеру.

— Ты не поведешь этот отряд, Темар, — твердо сказал Ден Феллэмион.

— Но вы же не собираетесь сами идти, мессир... — вспыхнул Темар.

— Нет, я не пойду, так как знаю, что у меня не осталось сил, — молвил Ден Феллэмион. — Эта руна выпадает Вахилу.

— Но...

— Выслушай меня, эсквайр, — строго посмотрел на Темара Ден Феллэмион, скрестив руки на узкой груди. — У Вахила в новом поселении осталась Эльсир; да, я знаю, что сказал о выборе тех, кто пойдет, но это особый случай. Мысль о спасении Эльсир — это все, что держит сейчас Вахила на ногах, что не дает ему вконец отчаяться, после того как его родителей убили у него на глазах. Я не собираюсь вышибать эту опору, и, что важнее, мне нужен Вахил, а особенно — Эльсир, чтобы потребовать помощь от Империи. Они племянники сьера едва ли не самого могущественного Имени на юге, и требования их не останутся без ответа, я в этом уверен. Их дядя заставит всех шевелиться, ему придется это сделать или он будет навек обесчещен.

— А Д'Алсеннены — разорившийся Дом, не имеющий никакого влияния, так? — В голосе Темара невольно проскользнула обида.

— Едва ли. Если нужно, твой дед возьмет за уши самого Неми-та, чтобы вправить мозги сему горькому пьянице. — Ден Феллэмион слабо улыбнулся. — Нет, просто я хочу, чтобы ты был здесь, рядом с Гуиналь, на случай непредвиденного.

— Что вы имеете в виду? — приободрился Темар и поднял голову.

Мессир глубоко вдохнул.

— Гуиналь уверена, что этот необычный план сработает и она сумеет замаскировать пещеру, где вы будете спрятаны. Но мы не знаем, на какое Высшее Искусство способны эти чужаки, и меня беспокоит, как бы они вас всех не нашли и не оживили. Гуиналь призналась, что теоретически можно использовать тело, чтобы призвать издалека разум. В любом случае, что бы она ни выбрала для хранения своего разума, он останется с ее телом, так

как она должна заснуть последней, чтобы запечатать вас всех здесь. — Он посмотрел вслед Гуиналь, маленькой в необозримости пещеры, когда она стояла на коленях возле плачущего ребенка.

— Конечно, она поклялась, что если проснется в руках захватчиков, то использует все свое искусство, дабы предупредить Империю, а затем остановит свое сердце, но я все равно беспокоюсь. Если эти дикари сумеют ее разбудить, то, возможно, им удастся лишить ее воли и использовать для своих замыслов. На этот случай, Темар, я бы хотел, чтоб ты был здесь: встал на защиту Гуиналь и спас что-то из обломков нашей колонии, даже если ради этого тебе придется умереть в сражении с тем, кто владеет Высшим Искусством, способным разрушить заклинания Гуиналь. Я знаю, что могу положиться на тебя, Д'Алсеннен. Кроме тебя, мне некого просить.

Темар не мог найти слов в смятении чувств, пока один вопрос прежде других не потребовал ответа.

— Но вы же будете здесь, мессир?

— Нет, Темар, не буду. — Ден Феллэмион подвинулся к краю ниши и посмотрел вниз, на темно-зеленые тайны ущелья, где уже стужались тени. — Давай-ка прогуляемся, эсквайр. Заодно проверим дозорных.

Выйдя из каменной темницы, Темар глубоко вдохнул ароматный воздух и вслед за мессиром стал пробираться по уступу перед пещерой, скользкому от уже выпавшей росы в тех местах, где солнце никогда не касалось камня. Юноша выступил из тени и повернул лицо к скудному теплу; холод скал, казалось, впитался в кости. Ден Феллэмион потерял руки с посиневшими крючковатыми ногтями.

— Я умираю, Темар, — просто сказал он. — Гуиналь и начала изучать сей заумный ритуал в отчаянной надежде, что я соглашусь отправиться обратно в Бремилейн в таком сне, в усыпальницу Острина, где адепты, возможно, знают способ уничтожить болезнь, которая пожирает меня изнутри. — Мессир улыбнулся, на этот раз с нежностью. — Дорогая девочка так ненавидит быть побежденной! Во всяком случае, с этого все началось, — торопливо продолжал он. — Но уже нет никакой вероятности, что меня исцелят, даже если это колдовство и не убьет меня сразу. И зная, что Сэдрин ждет меня сразу за дверью, я не вижу никакого достоинства в том, чтобы заснуть на время и, проснувшись, умереть. Я намерен с пользой употребить свою жизнь. Я возьму корабль, поставлю вдоль бортов павших и попытаюсь сам прорваться сквозь блокаду.

112 — Это самоубийство, — прошептал Темар.

— Это диверсия, — возразил Ден Феллэмийон с блеском во взоре. — Я отчалию на следующий день после того, как Вахил отправится через пещеры. Когда он доберется до выхода, я как раз уже буду в устье и отвлеку захватчиков, чтоб они не сунули свой нос в дальнюю долину. Я встречу Сэдрину с мечом в руке и клятвой Дастеннину на устах, Темар; не думаю, что он упрекнет меня за растраченную жизнь.

— Скорей уж Полдрион перевезет вас бесплатно в Иной мир. — Темар сморгнул горячие слезы и сердито уставился на безобидный куст.

Сзади зашелестели листья, и, обернувшись, мужчины увидели Гуиналь, тихонько пробирающуюся через подлесок.

— Если мы намерены это сделать, то должны поспешить, — убедительно сказала девушка, подходя к ним. — Сейчас люди еще так потрясены случившимся, что вряд ли будут спорить, даже с таким диковинным предложением. — Гуиналь лукаво улыбнулась. — Но если мы будем тянуть, они начнут осознавать свое положение. Или начнется паника, или вам придется иметь дело с горстью разнообразных планов нашего спасения. Я также беспокоюсь по поводу самых слабых и раненых. Они могут не пережить ночного холода здесь.

Ден Феллэмийон кивнул.

— Промедление ничего нам не даст. Мы накормим их как можно лучше, затем я произнесу речь. Темар, иди помоги Вахилу. Гуиналь, собери своих адептов, решите, как лучше всего объединить ваши усилия в таком деле. Да, и, будь так добра, убедись, что никто не использует Высшее Искусство, дабы нас подслушать. Я не хочу рассказывать этим захватчикам, где нас найти, будто рыбу, оглушенную для котелка.

Но Темару в голову пришла беспокойная мысль.

— А как нас разбудят, когда придет помощь?

— Адепты из усыпальницы Острина, где я обучалась, будут знать, что делать, — уверенно заявила Гуиналь. — Мы велим уходящим обязательно с ними связаться.

— Такое уже когда-нибудь делалось раньше? — Любопытство Темара пересилило инстинктивный страх.

Гуиналь пожала плечами.

— Я не слышала, но не вижу причин отказываться от попытки.

— Это тот боевой дух, что возвел Дом Приминалей на Императорский трон!

Ден Феллэмийон засмеялся и обнял девушку. Но когда они направились обратно в пещеру, Темар увидел, как тяжело мессир опирается на хрупкие плечи Гуиналь.

Юноша оставил их говорить с Авилой, а сам пошел помочь Вахилу. Тот вялым монотонным голосом отдавал приказы женщинам и детям; их движения были не менее вялыми и бездумными. Однако горячая еда, хоть и скудная, ободрила беженцев. В пещере стало шумно, со всех сторон слышались вопросы, даже споры, и Темар понял, что Гуиналь была совершенно права, советуя поспешить с колдовством.

— Друзья мои! — прогремел в полумраке пещеры голос Ден Феллэмиона.

Шум стих, повисла напряженная тишина.

— Все вы знаете, сколь серьезно наше положение, но у меня есть для вас еще более горестные известия. Те отважные моряки, что остались с судами, которые привезли нас сюда, попытались этим утром пройти вниз по реке в надежде прорваться к открытому морю и призвать помощь. Не могу лгать вам, друзья мои, они потерпели неудачу. — Мессир возвысил голос над внезапным плачем и стенаниями в разных уголках огромной пещеры. — Они отдали жизнь, защищая нас, и Сэдрин проведет их в Иной мир со всеми должными почестями, не сомневайтесь в этом. Однако мы теперь оказались в ловушке с очень малым запасом еды и топлива. Вернее, это наши враги хотят, чтоб мы так думали и потеряли надежду.

Темар обвел глазами колонистов. Открыв рот, они смотрели на мессира, удивляясь этому непонятному заявлению и новому вызову, звучавшему в его голосе.

— Все мы видели это грязное колдовство, в которое захватчики превратили Высшее Искусство. — Резкие слова Ден Феллэмиона источали презрение. — Но они не знают, что у нас тоже есть Высшее Искусство, чтобы расстроить их гнусные замыслы. Возможно, сейчас мы в ловушке, но у нас есть средства вызвать помощь, и, будьте уверены, она придет. А пока мы ждем, я решил, что Высшее Искусство защитит нас от всяких напастей. Барышня Гуиналь и ее адепты дадут нам заколдованный сон, передышку милостью Аримелин, где наше горе и раны исцелятся, где все мы будем в безопасности, не обнаруженные врагами, пока гнев всей Империи не обрушится на этих дикарей и не заставит их проклинать тот день, когда они ступили на наши новые земли!

Испуганный шепот закружил по пещере. Выждав минуту, Ден Феллэмион поднял руку, вновь призывая тишину.

— Когда мы уснем, эсквайр Ден Реннион поведет отборный отряд через пещеры в дальнюю долину, а оттуда — к новому поселению на юге. Он успокоит ваших друзей и семьи, посадит всех на океанские корабли и увезет обратно в Тормалин,

подальше от этой беды. Затем созовет помощь и, вернувшись с ней, изгонит этих помойных шавок с земель, которые мы с таким трудом приручили.

Рукоплескания тут и там приветствовали речь мессира. Темар увидел, как слабая искра жизни загорелась в глазах друга, новая решимость подняла голову Вахила и расправила его плечи.

— Пусть воронье копошится на пустых костях своей победы, но я клянусь вам, скоро они обратятся в бегство. Наслаждайтесь вашей трапезой, друзья мои, и простите, что она так скромна; затем мы ляжем пережидать осаду в покое и довольстве. А когда проснемся, я обещаю устроить вам настоящий пир, прежде чем мы начнем восстанавливать нашу колонию.

Абсолютная уверенность, звучавшая в словах Ден Феллэмiona, возымела действие на потрясенных и деморализованных людей. Со всех сторон сыпались вопросы о том, на что может быть похож этот сон и что они обнаружат, когда проснутся, но никто не оспаривал само это предложение.

— Ты пойдешь с эсквайром Ден Реннионом? — Полная женщина, в которой Темар едва узнал бывшую арендаторшу, схватила его за руку.

— Нет, — ответил он с уверенностью в голосе. — Нет необходимости. Я подожду здесь, с вами, чтобы дать полный отчет нашим спасителям. Если вы уже поели, то советую приготовиться. Закутайте теплее, если можете.

Женщина кивнула. Привычное подчинение власти — вот та опора, за которую можно держаться среди постигшего их бедствия, понял Д'Алсеннен. Он пробрался через толпу, окружившую адепта Высшего Искусства, требуя от него большей информации, к Гуиналь; она стояла в центре такой же беспокойной группы людей.

— Все, о чем вам нужно позаботиться, — это выбрать что-то дорогое для вас и сосредоточить на нем ваши мысли, пока я читаю заклинание, — успокаивала Гуиналь молодую мать; женщина со слезами на глазах прижимала к себе троих детей.

— Если нам всем что-то нужно, то у меня ничего нет, мой муж... — зарыдала она, заражая своим горем и детей, и тех, кто стоял рядом.

— Ну, с этим мы легко управимся, — ласково заверила ее Гуиналь. — Ты оставишь себе кольцо, и почему бы не дать твою цепочку твоей старшей дочери?

Женщина поднесла дрожащую руку к шее.

— Мама подарила мне на свадьбу. Я никогда ее не снимаю. Я собиралась...

— Стало быть, она возьмет цепочку, а подвеску давай наденем вот на эту ленту, — перебила ее Гуиналь, аккуратно

растегнула цепочку и выдернула шелковый шнурок из кошелька у себя на талии, — и дадим малышке. Это очень хороший выбор. Если девочки привыкли видеть тебя в ней, она намного лучше удержит их внимание, что прекрасно для действия Высшего Искусства.

Она чуть повысила голос, чтобы обратиться к толпившимся вокруг.

— Вот такие вещи вы и должны искать, маленькие безделушки, которые имеют для вас особое значение.

Уверенный голос Гуиналь чуть дрогнул, когда ее взгляд упал на старшего ребенка. Девушка обернулась, и Темар увидел немую мольбу в ее глазах. Он шагнул вперед и встал на колени рядом с гибким рыжеволосым парнишкой с огромными глазами, голубыми, как весеннее небо, и россыпью веснушек на курносом носу.

— Ты бы хотел такой ремень, чтоб госпожа Гуиналь могла сотворить над тобой заклинание?

Темар снял свой кожаный пояс и, когда паренек молча кивнул, дважды обернул его вокруг тощей мальчишечьей талии.

— Теперь думай об этой пряжке, — приказал он. — Это фамильная пряжка Дома Д'Алсенненов. Береги ее, а когда проснешься, я сделаю тебя моим пажом, и ты сможешь оставить ее себе. Согласен?

Мальчик снова кивнул, робко улыбнувшись, и Темар посмотрел на его мать.

— Вот видите, мы легко сможем что-то найти, если станем помогать друг другу. В конце концов, это только вещь для концентрации Высшего Искусства.

— Дети так устали. Я думаю, надо как можно скорее дать им уснуть. — Гуиналь повела слабо протестующую женщину к Авиле. — Мы поможем тебе уложить их.

Темар поймал руку Гуиналь и ободряюще сжал ее. Легкая ответная улыбка девушки согрела его сердце.

— Если мы хотим преуспеть, надо все делать быстро, — решительно сказала она.

— Тогда начнем.

Д'Алсеннен уложил мальчика между младшими сестрами и укрыл всех троих теплым шерстяным плащом.

— Теперь лежите, — мягко приказал он, подоткнув плащ.

— Все, что вы должны делать, это закрыть глаза и думать о вашей особенной вещи, — ласково сказала Гуиналь и встала на колени рядом с детьми. — У всех у вас есть за что держаться?

Глядя на нее широко открытыми глазами, дети кивнули, а самая младшая девочка выпростала руку и с гордостью показала серебряный эмалевый цветок на шелковом шнуре.

— Очень красивый. — Одной рукой Гуиналь погладила, закрывая, глаза малышки, другой сделала то же самое с ее

сестрой. Затем кивнула Темару, и он взъерошил волосы мальчугана, прежде чем таким же образом закрыть его умоляющий взгляд.

Гуиналь тихо проскандировала сложные слова Высшего Искусства. Ее мягкие интонации отозвались эхом в разных местах огромной пещеры, когда адепты приступили к длительному процессу укладывания колонистов на замороженный отдых. Эсквайр снова посмотрел на детей, лежавших теперь неподвижно, но не в расслаблении сна, а одеревенелых в тисках заклинания. Они совсем не дышали, румянец исчез с их лиц, и они стали восковыми.

Темар задрожал, неожиданно вспомнив свой детский ужас. Это было в то утро, когда он наконец собрался с духом и вернулся в игровую комнату. В течение нескольких страшных дней он бродил по дому, растерянный и одинокий, неспособный понять, как это его отца, братьев и сестер — всех забрали от него. Открыв дверь, он увидел перед собой пустые, раскрашенные лица кукол, молчаливых, неподвижных, которых никогда больше не оживят счастливые руки и яркое воображение.

— Я не могу...

Темар поперхнулся на словах, но, подняв голову, поймал колющий взгляд Авилы, бережно укладывавшей неподвижную мать троих детей. Предупреждение и презрение, соединенные в этом взгляде, задели его за живое. Темар протянул руку и помог Гуиналь встать.

— Кто следующий?

Теперь дело пошло быстрее, чем он мог себе представить. Д'Алсеннен стоял, обводя взглядом огромную пещеру, и в последнем сумеречном свете дня видел ряды неподвижных тел, теряющихся в тенях. Они лежали прямые, сжав руки на груди, — нет, не как трупы, — они спали, взяв передышку от ужаса, что обрушился на них; они временно пребывали в Ином мире милостью Аримелин, дабы потом очнуться и снова жить.

— Мне будут сниться сны? — обернулся он к Гуиналь.

Девушка убрала руки со лба Авилы, застывшей в тисках Высшего Искусства. Пожилая женщина сжимала в пальцах богато украшенную булавку для плаща. Она последней из адептов ушла в сон, но они все под конец были изнурены своими усилиями.

— Что? — Гуиналь подняла на Темара затуманенные глаза.

— Ничего. — Эсквайр привлек к себе девушку и почувствовал, что она дрожит от усталости. — Ты уверена, что справишься? Можешь, отдохнешь, прежде чем продолжить?

Ему самому безумно хотелось отсрочить это сонное погребение под толщей земли.

Гуиналь дышала с трудом, и голубая жилка трепетала у нее на шее.

— Думаю, нам лучше поспешить, — с запинкой ответила девушка. — Что-то мешает Высшему Искусству, все идет

вкривь и вкось. Я не знаю, сколько еще смогу удерживать закливание, прежде чем должна буду ему подчиниться, иначе все оно расплетется.

— Она знает, что делает, Темар. Ты последний, так что не противься.

Д'Алсеннен оглянулся на подошедшего сзади Вахила. Он был мрачный, усталый, в старой кожаной куртке для изматывающего путешествия через пещеры. Идущие с ним люди, образовавшие маленький отряд, укладывали в кожаные котомки различные вещицы, которые хранили теперь в себе спящие умы колонистов.

— На чем будешь фокусироваться? — уже более твердо спросила Гуиналь.

Темар отстегнул меч.

— На нем. — Он посмотрел на клинок, на гравировку, до отказа вогнал меч в ножны и сжал рукоять, чтобы подавить дрожь в руках.

— Тогда ложись.

Гуиналь встала на колени рядом с приготовленной для него кучей плащей. Стиснув зубы, эскавайр подчинился, но все же вздрогнул от прикосновения ледяных рук девушки к своему лбу.

— Скоро увидимся, Темар. — Голос Вахила приплыл, казалось, откуда-то издалека в ту минуту, когда коварные усики сна начали обвиваться вокруг бодрствующего ума Темара.

— Не противься этому, дорогой мой, — услышал он шепот Гуиналь.

Звучание ее слов было искаженным, и в тот же миг всякое ощущение камней, на которых он лежал, исчезло в вихре головокружительного падения, стремительного вращения. Дыхание его участилось, паника обжигала горло, онемение захватывало ноги, грудь, руки, голову, удушая и сковывая.

Скрытый город-остров Хадрумал, 30-е предлета

Я умирал. Я задыхался. Тяжелая железная рука сдавливала мою грудь. Ослепший, я тщетно боролся за последний вдох, но мой слух еще как-то цеплялся за жизнь, и я попытался разобрать слова, эхом звенящие над моей головой.

— Да втолкни же в него воздух, Отрик, Сэдрин тебя побери! Зар, согрей ему кровь, пока мы его совсем не потеряли.

Давление немного ослабло, голова перестала кружиться, и я ощутил на лбу чью-то потную дрожащую руку. Я хотел сбросить ее, но не смог пошевелиться. Ни голова, ни руки, ни ноги не слушались, и любое усилие растворялось в путанице ощущений. Я попробовал выругаться, но даже не смог застонать. Однако я

718 мог по крайней мере слышать — стало быть, еще не умер.

— Планир, думаю, мы нашли, позволь мне...

Набор бессмысленных слов, произнесенных другим голосом, который я смутно отметил как незнакомый, зазвучал в моей голове, разгоняя неясные кошмары, что пытались кромсать мой рассудок. Стоило мне только осознать это — и я ухитрился шевельнуть рукой, непослушной, как у новорожденного младенца. Изнеможение охватило меня, и я без противодействия уплыл в радушные объятия ступора.

— Нет! Не отпускайте его, не отпускайте!

Какой-то мерзавец воткнул что-то острое мне в руку. В знак протеста я едва слышно застонал, желая только одного: пусть они все уйдут, чтобы я мог спать, спать и спать...

— Дыши, Райшед, дыши, демон тебя раздери!

Теперь эта свинья хлопала меня по лицу, и я с усилием приоткрыл глаза, чтобы посмотреть в расплывчатое лицо, состоящее из каких-то странных движущихся углов. Но постепенно углы соединились в полное лицо человека средних лет, с короткими каштановыми волосами и темными глазами, слишком близко посаженными над острым носом. Блеск серебра на его руке возбудил на какой-то миг мое любопытство, однако опознавание его требовало большой натуги, и я снова закрыл глаза.

— Райшед!

Этот голос мне знаком. Я узнал его, и это отвлекло меня от соблазнительной дремоты. Кто она такая, сонно подумал я. Она явно расстроена. Это меня немного расшевелило. Кем бы она ни была, она расстроилась из-за меня. Что я сделал не так?

— Очнись, Райшед, вернись к нам.

Первый голос становился заметно раздраженным, поэтому я снова открыл глаза, и еще одно лицо медленно обретало резкость: волосы — цвета осени, глаза — цвета летних листьев. Это владелица знакомого голоса, решил я почему-то. Я закашлялся и сразу задышал легче, и мои мозги стали медленно собираться воедино.

— Ливак?

Теперь я вспомнил ее имя и попытался заговорить, но мой ум казался отделенным от моего голоса. Вторая попытка увенчалась слабым писком, но я был вознагражден: пожатие моей оцепенелой руки вызвало приятное ощущение, хоть мне при этом чудилось, будто я в трех парах зимних перчаток.

— Райшед, ты с нами?

Опять первый голос. После небольшого усилия я определил его — Планир, Верховный маг, тот самый ублюдок, который втравил меня в эти неприятности. Волна горячего гнева, хлынувшая за этой мыслью, должно быть, вновь пробудила мой разум, и через мгновение я вспомнил, кто я и где нахожусь.

Я снова закашлялся и почуял специфический запах тассина.

— Я сказал, никаких наркотиков, маг. — Я повернул голову и бросил на него обвиняющий взгляд. К моей немалой досаде, я все еще не мог поднять голову.

— Мы пришли к выводу, что нуждаемся в них. — Планир несколько не извинялся, но это даже не удивило меня. — Тонин обнаружил, что твои защиты против его ритуала слишком сильны и их не сломить без тассина.

— Прости, я знаю, что я говорил, но ты должен помнить: все это — неизведанная земля.

В интонации говорившего слышалось искреннее огорчение, и, уловив его солурский выговор, я вспомнил, что слышал его несколькими минутами раньше. Тонин, так его зовут. Ученый и ментор из Ванамского Университета, он приехал в Хадрумал вместе со своими студентами с целью изучить те немногие заклинания эфирной магии, что были пока обнаружены.

— Ты получил, что хотел, маг? — хрипло спросил я, не осмеливаясь сам вспоминать, чтобы не погрузиться снова в тот удушающий хаос колдовства.

— О да, Райшед, несомненно.

Мои мозги все еще затуманены, понял я; торжество в голосе Верховного мага не наполнило меня ожидаемым страхом.

— Спасибо, спасибо тебе огромное, — продолжал маг, надевая поверх рубахи черную мантию. — Ты даже не представляешь, как ты нам помог. А теперь извини, у меня масса дел, да и тебе нужно время, чтобы оправиться. Отрик, Узара — пожалуйста, со мной.

Без дальнейших извинений маги вытряхнулись из комнаты, а я остался с Тонином и Ливак. Я с трудом повернулся на бок и оперся на локоть, дрожа от изнурения, природы которого, хоть убей, не мог понять. Ливак сидела на табурете возле моей постели, потирая руки, побелевшие от неистового пожатия. На ее пальце краснела вмятина — отпечаток широкого кольца, внезапно ошелобивший меня.

— Это я сделал?

— Ты или Д'Алсеннен, трудно сказать. — Слабая улыбка ничуть не смягчила ужас в ее зеленых омутах.

— Это было так плохо? — Я ухитрился совладать со своим голосом, что при данных обстоятельствах было настоящим подвигом.

Ливак содрогнулась.

— Это было очень странно, — медленно вымолвила она после долгого молчания. — Ты просто куда-то исчез. Не было ничего от тебя, Райшеда, в том, что ты говорил, как вел себя, даже как двигался. Был только этот парень, Д'Алсеннен, носив-

ший твою кожу и смотревший из твоих глаз. — Она прижала руки к лицу. — Твои глаза, Райшед... они стали совершенно голубыми, бледными как лед и словно неживыми. Аримелин, прости меня, но это было отвратительно!

Я потянулся к ее руке, и, немного поколебавшись, Ливак дала ее мне. Я схватился за нее, как тонущий; глядя друг другу в глаза, мы вместе вспомнили смерть Айтена.

— Мне так жаль, что пришлось подвергнуть тебя этому, — не решительно произнес Тонин, теребя разрезные рукава своей фиолетовой куртки, — нового шедевра северозе́нсейминской моды, — которую он носил без всякой бравады. — Признаться, я действительно рассчитывал на более показательный контакт, чем мы получали с другими людьми, принимая во внимание ту исключительную общность, что установилась у тебя с мечом Д'Алсеннена, но такого эффекта не ожидал. Я понятия не имел, что это будет так опасно. У меня нет сему объяснений, но я сейчас же займусь этим делом.

Потрясение в его голосе вынудило меня осознать, что я прошел через что-то более драматичное, чем думал. Все еще немного оступелый, я снова повернулся к Ливак.

— Ладно, зато теперь все кончено. Больше никаких снов и никаких голосов в моей голове.

Она посмотрела на Тонина, и я проследил за ее взглядом: лицо ментора стало испуганным, а затем виноватым.

— Все кончено, не так ли? — угрожающе спросила Ливак.

— Ну...

Тонин нервно прижал к груди свои записки, и я вспомнил мелькнувшую еще раньше мысль, что он чересчур робок для человека такой комплекции и такого положения в ученом обществе. Его руки тоже были мягкими, никогда не знавшими ничего более грубого, чем перо и бумага.

— Планир соврал мне?

Я ухитрился сесть и инстинктивно поискал глазами меч. Все еще рассуждая слишком заторможенно, я подумал, что мог бы расправиться им с Верховным магом, и только потом вспомнил, что именно этот проклятый клинок и загнал меня в сети Планира.

— Никто не лгал тебе, во всяком случае, не нарочно. — Ментор подошел ближе и сказал гораздо увереннее: — Просто мы не понимали, с чем имеем дело. Мы все были введены в заблуждение недостаточной информацией. Мы думали, будто эти сны — отзвуки прошлого, заключенные в артефактах. Теперь мы знаем, что в каждом таком предмете присутствует само сознание его первоначального владельца, которое сообщается с бессознатель-

ным умом владельца нынешнего. Но этого никак нельзя было предвидеть.

— Темар не просто сообщался с моим бессознательным умом. — Я едва сдержал себя, чтобы не зарычать. — Так ты говоришь, что он по-прежнему присутствует в моей голове?

— Боюсь, пока это так, — с искренним сожалением вздохнул Тонин. — Я немедленно засяду за работу, просмотрю все ссылки и тот архив Аримелин, поищу, чем можно тебе помочь.

Меня так и подмывало сорвать на нем свою безграничную ярость, но простая справедливость удержала меня. Это была не вина Тонина, и, если ему можно верить, даже не вина Планира. Кроме того, я начал склоняться к мысли, что эти нехарактерные приступы гнева вовсе не мои, а Темара. Когда я свесил ноги на пол, волна безнадёжности и уныния окатила меня — во всем теле ощущалась такая слабость, словно я четыре дня провалялся в постели с лихорадкой.

— Выходит, я зря рисковал своей жизнью и рассудком?

— Вовсе нет! — замотал головой Тонин. — Теперь мы знаем, что случилось с колонистами в Кель Ар'Айене...

Едва он это сказал, как огромная пещера, полная неподвижных фигур, встала перед моими глазами. Я задохнулся и уцепился за кровать, чувствуя, как рвется под моими пальцами льняная простыня. Сердце бешено забилося, кровь пульсировала в голове, пока я не изловчился и захлопнул дверь в то видение.

— Райшед? — сказала Ливак с ненавистной мне неуверенностью.

— Да.

Я открыл глаза и прищурился, пытаясь изобразить утешающую улыбку, но, видимо, не получилось.

— Сэдрин спаси нас, я это ненавижу! — взорвалась Ливак с яростью, которая показалась мне тусклым эхом моего собственного гнева.

В этот миг приоткрылась дверь.

— Как он?

— Входи, Шив, — устало буркнул я. — Я уже на ногах и в сознании. Чего мне еще желать?

Не знаю, что увидел маг на моем лице, но его это явно потрясло, а я, наоборот, немного развеселился. Шив виновато посмотрел на Ливак, испепелявшую его взглядом.

— Я зашел узнать, не хочешь ли пойти ко мне, если чувствуешь, что готов. — Шив покосился на Тонина. — Но если тебе нужно остаться здесь...

— Я пойду.

Опираясь на плечо Ливак, я осторожно поднялся на ноги.

— Может, лучше подождать... — робко запротестовал Тонин, когда мы направились к двери.

— Нет, спасибо. — Я глубоко вдохнул и, чтобы не упасть, схватился за дверную ручку. — Лучше найди способ выгнать Темара Д'Алсеннена из моей головы раз и навсегда.

Выйдя на улицу, я с изумлением обнаружил, что солнце сияет высоко в голубом небе, усеянном белыми барашками облаков. Неужели уже полдень? Но разве мы не начали эту чушь сразу после завтрака? Рано утром я отправил Шива с посланием к Планиру и в положенное время уже сидел, покорно вслушиваясь в непонятные, архаические скандирования Тонина. Я подозревал, что это испытание окажется не из приятных, однако никак не ожидал, что совершенно потеряю себя. Но, очевидно, именно это и случилось, и если молодой Д'Алсеннен столько времени управлял моей головой, неудивительно, что я чувствую себя так паршиво.

— Пойдем. — Шив взял меня под другую руку.

Тяжело опираясь на обоих, я побрел к сомнительному убежищу — домику Шива. После драматических событий, еще свежих в моей памяти, было чудно созерцать вокруг нормальную жизнь: женщин с рыночными корзинами, мужчин, доставляющих вязанки дров, детей, прыгающих через веревку у коновязи. Люди бросали на нас любопытные взгляды и, вероятно, думали, что я пьяница, нагружившийся с утра пораньше, но меня это меньше всего беспокоило. Все мои силы уходили на борьбу с назойливыми воспоминаниями Темара. Я продолжал видеть Авилу, подхватившую Гуиналь, когда та упала в обморок на корабле; Ден Феллэмиона, опиравшегося на плечо Гуиналь на собрании в поселении; Вахила, который поддерживал раненого, когда они в панике бежали от вторгнувшихся эльетиммов. Летнее солнце пригревало спину, но холод той далекой и давно забытой пещеры, казалось, вьелся глубоко в кости и глодал меня, несмотря на хадрумальский зной. К тому времени как Перид открыл нам дверь, я снова дрожал, и не только от усталости.

Увидев, в каком я состоянии, Перид бросил укоризненный взгляд на Шива.

— Надеюсь, теперь твой Планир доволен, — процедил он. — Ведите его в кухню.

Полулежа на скамье, весь закутанный в одеяла, я начал понемногу согреваться, чему весьма способствовала большая стопка белого бренди. Тепло разлилось по всему телу, и я на миг усомнился, благоразумно ли пить спиртное, но, если честно, я чувствовал себя так скверно, что хуже уже просто не могло быть. Дыша медленно и глубоко, я напомнил себе, каким трудным бывает выздоровление от любой лихорадки или раны. Все дело в правильном подходе, не так ли? Это тоже рана, только иного рода, и я с ней справлюсь. Бессмысленно выходить из себя, если этим ничего не

выгадаешь. Разве я не усвоил эту истину много лет назад? Хватит, я уже поклялся себе, что впредь буду сам держать румпель своей жизни, так почему бы не начать прямо с сегодняшнего дня? Да, все это — храбрые слова, пока никто, кроме меня, их не слышит. Я закрыл глаза и стиснул зубы, восставая против всяческих воспоминаний.

Шив скрылся наверху, но через какое-то время появился снова, уже в парадной мантии из зеленого сукна поверх обтягивающих штанов и чистой льняной рубахи. Период поправил ему воротник, но в его глазах не было прощения, даже когда они с Шивом обнялись.

— Так что происходит теперь, Шив? — сердито поинтересовалась Ливак.

— Планир созывает полное заседание Совета сегодня после полудня. Он хочет, чтобы ты пришел, Райшед.

— Он не в состоянии говорить! — разгневался Период.

— Не говорить, только слушать и высказать свои замечания, если захочет, — успокоил его Шив. — А заодно узнать о намерениях Планира. Ты так глубоко вовлечен во все это, Раш, что, по мнению Верховного, будет только справедливо, если ты будешь участвовать в принятии решения.

— А ты что думаешь? — Я посмотрел на Ливак.

— Я это ненавижу, — бесхитростно ответила она. — Я не доверяю магам. Прости, Шив, но я никогда вам не доверяла.

— Я обязан довести дело до конца, — напомнил я ей, — если хочу взять назад свою клятву и сохранить честь.

Ливак в сердцах заскрежетала зубами.

— Знаю, но у меня все равно от этого мурашки по коже бегут.

— Поверь, я понимаю. — Я устало закрыл глаза.

— Кто-нибудь хочет есть? — спросил Период больше для того, чтобы что-то сказать.

В полном молчании мы сели за стол. Неуклюжий в своем облачении, Шив помог расставить блюда с какой-то случайной едой. Я поковырял хлеб, но меня по-прежнему тошнило, и я с облегчением оттолкнул его, как только над городом медленно зазвонил большой колокол и маг вскочил на ноги.

— Это вызов Совета. Идемте.

Мы с Ливак переглянулись и последовали за Шивом.

— До скорой встречи, — помахал нам Период, озабоченность на его лице боролась с раздражением, когда он смотрел на своего партнера, уже шагнувшего по улице впереди нас.

Я страшно обрадовался, обнаружив, что силы вернулись к ногам; я не собирался предстать перед этим Советом, опираясь на Ливак, как бы сильно Планир ни хотел там меня

увидеть. Мы медленно дошли до Зала, где под аркой нас с нетерпением ждал Шив.

— Сюда. — Он устремился к неприступной двери, столь основательно обитой железом, что выдержала бы любой таран.

За ней оказалась короткая лестница, а наверху — еще одна мрачная дверь с глубоко вырезанными в дереве символами и металлическими скрепами на железных болтах. Но меня это не утрастило, мне не раз доводилось стоять пред Императорским тронном во дворце Тормейла. Вспомнив о дворце, я невольно споткнулся: перед глазами снова возник разрушенный эльетиммами Зал, каким я его видел в предсказании Вилтреда.

Сама палата Совета действительно производила впечатление, это я признаю. Я даже не сразу понял, что там нет окон, настолько светло было внутри. Но этот свет не имел ничего общего с солнечным — он исходил от шара чистого сияния, висевшего в центре сводчатого потолка, — видимое проявление магии, имеющей здесь свое средоточие. Палата представляла собой круглое помещение; вдоль стены, выложенной из желтого камня, были расставлены темные дубовые кресла разных веков и стилей, за каждым находилась ниша. В середине, прямо под шаром света, возвышался пустой круглый помост. Кто взойдет туда, притягивая к себе все взгляды? Это буду точно не я.

Маги самых разных возрастов и наружности гуськом входили в огромную палату: старые и молодые, степенные и бесцеремонные, самоуверенные и настороженные. Одни шагали быстро, и лица у них были озабоченные, другие шли медленно, а у двоих вид был откровенно рассеянный — и эти двое были самыми молодыми. Одни щеголяли в нарядах, достойных Императорского двора, другие выглядели так, словно только что вышли из чайной. Не все спешили занять место, тут и там кучковались мужчины и женщины, дабы обменяться мнениями.

— Сюда.

Шив подвел нас к трем простым стульям возле самой двери. Прижавшись к спинке, я разглядывал присутствующих магов и пытался угадать, как будут проходить дебаты. При появлении Верховного все разговоры прекратились, но только на один миг. Планир энергично устремился к своему месту, следом за ним шагали Отрик и Узара. Все трое были в парадных мантиях из блестящего шелка. Я вспомнил Отрика: во время нашего плаванья с Ледяных островов он сплетал ветры в своих руках, чтобы уничтожить эльетиммские корабли погони. Тогда старый чародей больше напоминал пирата, но сейчас, чеканя шаг по желтым плитам пола, он выглядел как настоящий маг, его лазурное платье сверкало вышивкой, изображавшей облака, среди которых пряталась едва заметная фигура извивающегося дракона.

Узара был в янтарной мантии вместо своей любимой коричневой. Сложный узор из зигзагов, вышитый серебряной нитью по переду платья, горел драгоценными камнями. Для человека, всегда казавшегося чересчур скромным, даже застенчивым, Узара держался на редкость уверенно, высоко нес голову, а в руке его был зажат тонкий стержень из белого золота.

Когда Планир дошел до своего места, он повернулся к собравшимся, властно притягивая к себе взгляды. Он был весь в черном, безупречного покроя мантию украшала скромная, черная же вышивка, и только соболя опушка на воротнике намекала на роскошь. Волосы мага были коротко подстрижены, лицо гладко выбрито, а глаза яркие и опасные. Он напомнил мне ворона, наблюдающего, ждущего, в любой момент готового лететь сквозь радугу с вестями Элдричскому Народцу, чьи заботы недоступны пониманию смертных. Пока Верховный маг стоял в молчаливом ожидании, остальные немедленно нашли свои места. Последним опустился в отполированное до блеска кресло под бадхаином толстяк в сверхзатейливой мантии из красных бархатных языков пламени.

Планир поднял руку. Я полагал, что он заговорит, но вместо этого услышал сбоку металлический шорох и повернул голову к двери. Прямо на моих глазах огромные железные полосы, в которые было оковано дерево, замерцали и начали расширяться, сливаясь друг с другом и расстилаясь поверх дверных косяков, чтобы запечатать вход сплошным листом металла. Мы с Ливак обменялись изумленными взглядами и снова воззрились на Верховного мага.

— Итак, вы все получили доклад о том, что открыли для нас ритуалы ментора Тонина благодаря мечу Д'Алсеннена и мужеству Райшеда Тателя.

Я сохранил бесстрастную мину, когда Планир вскользя кивнул в мою сторону.

— Я не буду повторять эти сведения, — продолжал Верховный маг. — Время поджимает, поэтому я открываю дебаты.

Маги в недоумении посмотрели друг на друга; это явно было отступлением от установленного порядка. Я не удивился, что первым встал толстяк в красном, его лицо давно горело нетерпением.

— Я думаю, Верховный, эти исследования нужно считать законченными. В течение последних сезонов ты говорил нам, что твоя цель — установить судьбу колонии, и теперь ты получил ответ. Хотя всегда интересно вносить ясность в вопросы Исторических Хроник, а нынешнее открытие ученых может по праву считаться небывалым достижением, больше на эту тему сказать нечего. Колония потерпела неудачу, люди погибли, и мы должны обратить наши умы к более насущным вопросам.

Толстяк принял барственную позу, положив пухлую, унизанную перстнями руку на грудь.

— Магам пора играть активную роль в делах материка, и я не представляю себе для этого более благоприятного времени, чем нынешнее, когда мы имеем явное доказательство угрозы, вызывающей такое беспокойство у принцев Тормалина. По твоему настоянию мы придерживали языки, пока ментор Тонин со своими учеными пытался завершить эти исследования, но теперь пора действовать. Я знаю, скромность не позволит тебе принять всю похвалу, Планир, но Совет должен знать, что ты на своем посту Верховного мага приложил значительные усилия, чтобы обнаружить и проследить передвижения лазутчиков с этих Ледяных островов, которые прямо сейчас пытаются подорвать безопасность Тормалина и океанского побережья. Нынешний Совет должен решить, как нам избавить материк от этих коварных паразитов, ибо делая это, мы не только разом покончим со всеми их захватническими планами, но и докажем наше несомненное право участвовать в решениях правящих классов, где бы они ни находились.

— Ты слишком уверен в своей способности прогнать эльетиммов, Калион. — Полная женщина в малиновой мантии встала с кресла по другую сторону запечатанной двери. — Могу я спросить: как ты предполагаешь бороться с магией, которую мы до сих пор не в силах понять?

— Я убежден, что это эфирное искусство — не такая уж страшная угроза. — Покровительственный ответ Калиона вызвал у меня зубовой скрежет. Его обширная задница еще не успела смять подушку, как толстяк снова встал. — Ученые, трудившиеся над ее постижением в течение многих сезонов, могут показать вам намного больше, чем праздничные фокусы и диковинные трюки.

Ливак рядом со мной заерзала, вероятно, вспомнив жестокое эльетиммское колдовство, с которым мы столкнулись в прошлом году. А мне вдруг привиделся «Лосось» с мертвой командой на борту — воспоминание Темара. Я заморгал, стараясь скрыть дрожь.

— Думаю, ты упускаешь суть, Калион. — Самодовольная поза толстяка не действовала на женщину. — Вопрос не в том, чего мы можем достичь этим колдовством, а в том, что могут сделать эльетиммы.

— Разве информация Верховного мага не подтверждает неуместность таких вопросов? — Калион пренебрежительно махнул рукой. — Если его предположения верны — а я уверен, что они верны, — основа этой магии была уничтожена вместе с Империей.

— А как насчет всей этой чуши в Архипелаге, этого культа Темной Королевы или как он там называется? — возразил маг с лескарским акцентом, оторвавшись от горсти записей. — Разве это не очевидная попытка эльетиммов создать фокус веры, чтобы обеспечить себе источник силы?

— Знаешь, я тоже об этом думал, — с жаром подхватил его сосед. — По-твоему, это значит, что есть предел расстоянию, на котором они могут черпать свой эфирный потенциал? Они в каком-нибудь смысле отрезаны от силы, накопленной на родных островах, когда находятся на материке?

Еще несколько магов присоединились к дискуссии, и Калион неохотно сел, но по-прежнему наклонялся вперед, готовый снова вскочить. Если бы Собрание проводило свои дебаты в Тормейле подобным образом, Великие Дома никогда бы не возродились из Хаоса. Разве Верховный маг не должен руководить Советом? Я посмотрел на Планира, но, заметив его острый взгляд, решил, что все идет так, как ему нужно.

— У меня более существенный вопрос по поводу краха эфирной магии, — встал со своего места на другой стороне палаты коренастый маг в голубом. — Это последнее исследование объяснило гибель колонии, но я по-прежнему не понимаю, как Высшее Искусство, или эфирная магия, называйте как хотите, оказалось фактически уничтожена. Я думал, вся цель таких рискованных экспериментов — выяснить это самое обстоятельство? Каков прогресс в данном вопросе?

— Мы уделили этой проблеме самое пристальное внимание, Рафрид, — откликнулся Узара и быстро пошел к центру палаты, неся в руке стержень. — Мы утверждаем: это — исключительно вопрос равновесия. Я бы хотел напомнить всем, что понятия гармонии и симметрии были центральными в религиозной практике древних тормалинцев, хотя впоследствии эти идеи оказались в значительной мере преданы забвению.

Узара поднял стержень до уровня глаз, а затем убрал руку, и блестящий металл повис в воздухе.

— Ученый Джерис Армигер установил, что эфирная магия черпает свою силу из бессознательного потенциала разума. Потенциала, который значительно увеличивается, когда несколько разумов сфокусированы на общей верности или вере. Простите, я знаю, все вы, вероятно, читали его трактат.

По выражению лиц мне сразу стало ясно, кто читал, а кто — нет, а также кто был магом, с которым не стоило встречаться за игрой в руны или в Ворона. Я увидел слабую улыбку в глазах Узары — он оглядел присутствующих и, слегка поклонившись Верховному магу, продолжал:

— Исследования ментора Тонина говорят о том, что этот потенциал — коллективный феномен, резервуар силы без определенных границ. Я уверен, он с удовольствием разберет это доказательство пункт за пунктом, если кто-либо из вас пожелает проконсультироваться с ним позже. А пока достаточно будет

сказать, что две группы, владеющие эфирной магией, могут придерживаться абсолютно разных философий, следовать диаметрально противоположным убеждениям, иметь совершенно разные устремления, но при этом оставаться связанными основным принципом.

По взмаху его руки стержень превратился в коромысло весов. В чашках на обоих его концах горкой лежали кристаллы: в одной — черные, в другой — белые.

— Госпожа Гуиналь, несомненно, обучалась практическим применениям Высшего Искусства, но у меня не возникло ощущения, что она или ее наставники в полной мере понимали основные принципы силы, которую они использовали. Уже сама молодость этой девушки говорит о не таком уж длительном периоде обучения. Поэтому мы утверждаем: в удалении столь большого числа людей из уравнения, включая несоразмерную долю обученных в фокусировании эфира, Гуиналь нечаянно вывела из равновесия всю поддерживающую структуру той силы.

Узара щелкнул пальцами. Весы бешено закачались вверх-вниз — белые кристаллы посыпались на пол, следом за ними черные. Маг поклонился на жидкие рукоплескания и смешки, пробежавшие по комнате, и забрал стержень из воздуха. Кристаллы вместе с чашками, вспыхнув, исчезли.

— Все это очень интересно, но мы должны вернуться к проблеме тормалинцев... — Маг Калион уже стоял, недовольно хмурясь из-за того, что представление Узары отвлекло Собрание от намеченной им цели.

— Будь так добр, позволь и другим поучаствовать в дискуссии, мастер Очага.

Крошечная сморщенная женщина в помятой мантии цвета зеленой листвы с усилием выбралась из кресла, тяжело опираясь на резную клюку. Тем не менее голос ее пронизал всю палату, как горячий клинок — воск. Она вперила в Узару сверкающий взор, острый как кинжал.

— Молодой человек, мне очень трудно поверить, что эти люди со всеми их научными традициями, о которых нам рассказывали, до такой степени не понимали основные принципы своего искусства, что совершили подобную ошибку. Ни один из присутствующих здесь магов не допустил бы такой оплошности. Даже ученики второго сезона не совершили бы ее!

Тут же встал с задумчивым видом один из молодых магов в серой тунике со скромной алой отделкой. Несмотря на то что уступал годами большинству в этой компании, держался он очень уверенно.

— Я думаю, Шаннет, правильное было бы сказать, что ни один ученик просто не имел бы возможности совершить

такую ошибку в наше время. Здесь, в Хадрумале, за нашими плечами двадцать поколений исследовательской деятельности и доскональное понимание законов магии, относящихся к стихиям. Но все мы читали дневники тех, кто первым приехал на этот остров с Верховным магом Трайдеком, не так ли? Те ранние маги владели чисто эмпирическим знанием, не более чем фрагментами того понимания, которым мы обладаем теперь. Ограниченные познания тех магов были во многом противоречивы, поскольку добывались совершенно случайно. Ранняя история Хадрумала — это история экспериментов, история проб и ошибок, не так ли? В течение многих поколений магия широко использовалась с весьма несовершенным пониманием ее природы. Я не вижу причины, почему эти древние не могли использовать свое Высшее Искусство с такой же малой основой истинной мудрости.

— Зачем им было объяснять ее происхождение, если они верили, что сила дана им богами? — не утруждая себя вставанием, присовокупил второй молодой маг, похожий на первого как родной брат.

— А кто сказал, что это была ошибка? — Высокий сухощавый маг в мантии цвета охры приподнялся со своего места. — Возможно, эта девушка точно знала, что делает, убивая, так сказать, двух птиц одним камнем: она спасала своих людей и ударяла по врагу в одном заклинании.

Немедленное сомнение, возникшее в моем уме при этой гипотезе, явно принадлежало Темару.

— А как же ее воздействие на Тормалинскую Империю? — возразила почтенного вида женщина. — Пусть бездарное правление Немита Последнего серьезно подорвало тормалинскую власть к тому моменту, но именно крах этой магии привел к окончательному падению!

— Я думаю, вы согласитесь, что все труды по гармонии и равновесию относятся к поколениям сразу после Хаоса! — вскочил нервный юноша рядом с Узарой. Он хотел еще что-то добавить, но смутился и опять сел.

Я стиснул зубы и, отгоняя случайные мысли, пытавшиеся завладеть моим вниманием, целиком сосредоточился на прениях, которые становились все более широкими, по мере того как все новые чародеи подключались к обсуждению природы магических знаний. Так ничего и не поняв в их теориях, я стал наблюдать за Планиром и Калионом. Первый сидел молча, словно выжидающий добычи ястреб, а последний заметно досадовал на свою неспособность направить обсуждение в нужное ему русло. Не

стану утверждать, но мне показалось, будто Планир и маг

Рафрид обменялись мгновенным взглядом, прежде чем последний снова встал.

— Думаю, мы можем принять утверждение Узары в качестве рабочей гипотезы, пока не появятся более убедительные данные, опровергающие ее, не так ли? — мягко сказал Рафрид. — И как ни интересна тема, затронутая этими дебатами, меня интересует другое: каким, по мнению ученых, работающих с ментором Тонином, должен быть их следующий шаг?

Все взоры обратились к Тонину. Ученый медленно встал, пачка пергаментов в его руке подрагивала, выдавая взволнованность.

— Теперь, когда у нас есть архив Аримелин из Клейта для дополнения записей обрядов Димэрион в Восточной Солуре, я думаю, мы могли бы попытаться возродить этих древних тормалинцев, если сможем свести вместе артефакты и тела. За последние сезоны мы разобрались в применении эфирных принципов для множества меньших целей, и я надеюсь, мы установили ритуалы, которые воссоединят то, что Высшее Искусство держит сейчас разделенным.

Тихие слова Тонина всколыхнули во мне надежду, ей вторило ответное желание, идущее из глубины моего сознания. Я почувствовал внезапную уверенность, что Темар так же жаждет освободиться от меня, как я — от него.

Рафрид стоял, терпеливо ожидая, когда волна предположений, прокатившаяся по палате, в конце концов уляжется. Наконец собравшиеся маги замолчали и, посмотрев друг на друга, снова повернулись к нему. Рафрид оглядел комнату.

— Следует ли нам обсудить это?

— А как же! — отозвалась женщина, первой ответившая Калиону. — Подумайте о тех сведениях, что они могли бы сообщить нам, об этой эфирной магии и всех древних тайнах, сгинувших в Хаосе. — Она строго взглянула на толстого мага. — Тогда мы будем точно знать, с чем можем столкнуться в лице этих эльетиммов и их своеобразной магии.

— Эти люди считались погибшими в течение двадцати пяти поколений — или больше! — засмеялся лысеющий маг в коричневом. — И вы предлагаете вернуть их к жизни? Их семьи давно умерли, их земли и имущество рассеялись по ветру. Во всех смыслах, какие имеют значение, эти люди все равно что мертвые. Я понимаю, многих ученых интересует падение Тормалинской Империи, но, на мой взгляд, едва ли разумно тащить этих горемык в наш мир — где произошло столько перемен, где не осталось почти ничего от их собственной эпохи — только ради того, чтобы удовлетворить наше интеллектуальное любопытство. Что сделано, то сделано. Мы должны оставить этих людей в покое.

Нет никакой пользы в такого рода попытке спасения через столько времени после события.

— Ну, не знаю, — возразил молодой маг, снова не вставая. — Почитай первоисточники, Гален. Вникни в язык и понятия. Прими во внимание то огромное количество знания, что погибло в Хаосе. Я бы сказал, мы, нынешние, имеем больше общего с людьми последних дней Империи, чем с любым из более поздних поколений.

— Я не совсем согласен с тобой, Риз, но разве сны, вызываемые этими артефактами, не означают, что эти люди далеки от покоя? — Строгий маг средних лет посмотрел на Тонина. — Это не так?

— Я бы определенно утверждал, что интенсивность и подробность снов отражают желание субъекта освободиться от заклинания, — уверенно кивнул Тонин.

Могу это подтвердить, мрачно подумал я.

— Но если мы это знаем, разве мы не обязаны спасти этих людей от их полусмерти? — краснея от собственной смелости, спросила вдруг невзрачная девушка в скромном розовом платье. — Мы не можем обрекать их на вечность в тенях — ни в этом мире, ни в том, во власти демонов Полдриона. Такой судьбы достойны только худшие из людей, а не такие невинные, как эти.

По выражениям лиц окружающих я заключил, что традиционные верования у магов не в чести. Девушка снова села и, потупившись, стала кутаться в шаль. Я вспомнил ее по краткой встрече в прошлом году — Аллин, так, кажется, ее зовут.

— Ты говоришь, что вы могли бы попытаться их воскресить? — встала миниатюрная женщина в дорогом бирюзовом платье; она сжала тонкие руки и, по-птичьи наклонив голову, посмотрела на Тонина. — Насколько я понимаю, вы не уверены в своих ритуалах, ибо соединяли их по кусочкам из различных обрядов и источников знания.

— Я уверен, у нас достаточно причин предпринять эту попытку, — осторожно ответил Тонин. — Я бы утверждал, что нашим приоритетом должна стать Гуиналь. Тогда ее искусство дополнило бы наши собственные знания и помогло бы нам в воскрешении остальных колонистов.

— Но что, если в вашем ритуале есть какой-то изъян, отсутствует какая-то жизненно важная информация? — упорствовала элегантная дама. — Что случится тогда? Не грозит ли неудача непоправимой утратой этого подвешенного разума? Вы готовы к таким последствиям?

— Эли права. Все ли возможные источники исчерпаны? — задумчиво спросил ее сосед. — Возможно, стоит подождать сезон-другой и убедиться, что собраны все доступные сведения?

— Мы уже послали сообщение в Бремилейн, — торопливо вставил ученый. — Возможно, удастся что-нибудь уз-

нать в усыпальнице Острина, поскольку именно она фигурирует в рассказе Д'Алсеннена.

— А как насчет той девушки, которую вы до сих пор не привели в сознание, ментор Тонин? Какова ее судьба? — раздался чей-то требовательный голос, и ученый густо покраснел.

— Могу я задать главный вопрос? — Маг в повседневной куртке ничего не значащего цвета и буйволовых штанах поднял руку. — Если этого ритуала требует и тело, и артефакт, то любая дискуссия о том, должны мы это делать или нет, останется всецело академической, пока мы не отыщем пещеру, о которой идет речь. Эта дискуссия неуместна, пока мы не имеем даже понятия о том, где смотреть. Ты предлагаешь нам пересечь океан в поисках этой неизвестной земли, Верховный?

Планир не вставая посмотрел на мага, задавшего вопрос.

— Естественно, это было бы необходимо, Герион, в случае если Совет решит заниматься этим. Однако это не такое пугающее предложение, как может показаться. При содействии Дома Д'Олбриотов мы нашли копии древних карт, составленных ранними экспедициями Ден Феллэмюна. И поскольку в прошлом году мы ходили далеко в океан, чтобы спасти с Ледяных островов присягнувшего мессира Д'Олбриота, то мастер Туч Отрик успел хорошо ознакомиться с течениями и ветрами, господствующими в восточных водах. Кроме того, как только судьба колонии частично выяснилась, и мессир Д'Олбриот, и сам император Тадриол проявили интерес к нахождению земель, о которых идет речь, и предложили любую помощь, все, что имеется в их распоряжении.

В глазах дородного мага Калиона вспыхнул расчетливый огонек. Он замахал рукой на другой стороне палаты, настойчиво требуя внимания.

— В таком случае надо подождать, пока эти тормалинцы не сплавают туда, и посмотреть, что они найдут. Какой смысл нам самим рисковать? Эти тела, возможно, давно уже сгнили, или раздавлены обвалом, или съедены дикими зверями...

Неопрятно одетая чародейка неопределенного возраста вскочила с места, окатив толстяка презрением.

— Ментор Тонин ясно сказал, что способность артефакта вызывать сны связана с продолжающимся существованием самого тела! И ты б это знал, если бы внимательно прочел его доклад, Эдлоу.

Их выступления породили горячие дебаты на более широком фронте. Шум усилился, потому что в нескольких местах забушевали споры. Страсти разгорались из-за самой концепции: одни поддерживали спасение колонистов, другие отвергали идею в целом.

— Что происходит теперь? — Я наклонился к Шиву, чтобы он услышал меня в этом гвалте.

— Следи за Планиром, — посоветовал маг; лицо его оставалось подчеркнуто нейтральным, но глаза улыбались.

А Верховный маг обменялся парой слов с Отриком и Узарой и поспешил к помосту в центре комнаты. Воцарилась тишина. Стоя ко мне спиной, Планир низко поклонился Собранию.

— Маг Вилтред Серн желает говорить. Я бы просил вас серьезно подумать над его словами, — властительно объявил Верховный маг.

Вилтред, так тихо сидевший в противоположной стороне палаты, что я его не замечал до сего момента, проковылял к центральному помосту. Старый маг опирался на тонкую трость, но выглядел лучше, чем весной, и его старую потрепанную одежду заменила новая, сшитая из добротного сукна цвета горечавки. Казалось, Вилтред даже прибавил в росте, а когда заговорил, обводя взглядом собравшихся, его голос звучал спокойно и уверенно.

— Вы спорите, должно или не должно пытаться снова оживить спящих поселенцев Кель Ар'Айена, словно это какое-то ученое упражнение, словно у вас впереди целая вечность, чтобы прийти к решению или провести еще исследования, дабы гарантировать успех.

Его выцветший взгляд пронесся по сидящим магам, а голос стал более резким.

— Вытащите свои головы из своих густо исписанных свитков и отвлеченных исследований. Подумайте о том, что происходит в реальном мире как раз в эту самую минуту. Верховный маг сообщил вам, что докладывали его агенты, не так ли? Эти Ледяные Люди, эти эльетиммы появляются среди алдабрешцев с позапрошлого года, и теперь мы знаем, зачем. Они распространяют этот новый культ, это почитание Королевы Новолуний. Какова их цель? Теперь мы знаем: эльетиммы создают резерв эфирной силы, чтобы питать свое колдовство, которое становится сильнее с каждым новообращенным. Не надейтесь, что обращения прекратятся. Поклонение могущественному женскому божеству найдет много сторонниц среди жен алдабрешских воевод, каковы бы ни были их нынешние философии.

Вилтред умолк, качая головой.

— Отложите на минуту в сторону вопросы магии, — продолжал он. — Что еще делают эти так называемые жрецы? Испытания, выпавшие на долю присягнувшего Д'Олбриоту, ясно говорят о том, что эльетиммы активно работают над распространением своего влияния в Архипелаге и не считаются ни с чем в своей решимости добиться этого; вообразите человека, нападающего на жену воеводы с полным пренебрежением к последствиям, не меньше!

Неужели я — единственный, кого беспокоит перспектива

обретения враждебным племенем власти над теми, от кого во многом зависят решения, принимаемые воеводами? Загляните в будущее: что, если в результате распространения культа произойдет объединение владений? Куда обратятся взоры алдабрешцев, если они перестанут неусыпно следить друг за другом?

Вилтред пошел вокруг края помоста, его слова хлестали собравшихся магов.

— Другой вопрос: какой силой обладал этот жрец, если она дала ему уверенность игнорировать могущество воеводы в самом его стане? Очевидно, ему хватило способностей ускользнуть от опасности, когда его колдовство не смогло побороть волю Райшеда. Давайте задумаемся об этом на минуту. Мы все можем перемещаться, если нужно, но как насчет господства над разумом? Эфирная магия имеет аспекты, коим мы не можем противостоять, как бы ни была сильна наша собственная магия в других областях. Мы знаем, что эльетиммы сохраняют знание старого колдовства, несмотря на утрату первоначального источника силы. Вдумайтесь в значение того, что вам говорят! Эльетиммы снова пересекли океан — подвиг, который, как мы знаем, требует магической помощи, эфирной или стихийной, все равно. Совершенно ясно, что эльетиммы как-то восстановились. Теперь они способны применить то самое знание и выйти в открытый океан впервые за двадцать или более поколений! Они действуют с позиции силы, не сомневайтесь в этом.

Старик отступил к центру помоста, где магическое сияние над его головой окрасилось от его страстности в бледно-голубой цвет.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать добро и зло некой ученой моральной дилеммы! Мы стоим перед совершенно реальной опасностью. Эти люди, даже сейчас распространяющие свою ложь среди алдабрешцев, принадлежат к тому же племени, что напало на поселение Кель Ар'Айен и уничтожило его с жестокостью и безумием, порожденными колдовством. Прочтите рассказ, полученный благодаря человеку Д'Олбриота, о последних днях Д'Алсеннена и его попытках защитить осажденных колонистов. Спросите себя, как бы вы противостояли заклятиям, которые использовались там, если бы их обрушили против Хадрумала? Вспомните, что, как бы много мы с вами ни знали об этой магии ума, мы не можем использовать ее. Ни один из самых слабых урожденных магов не сумел овладеть и простейшими фокусами безграмотного лескарского отшельника. Наша магия сильна, но я предпочитаю бороться с огнем моим собственным огнем. Лучший меч в мире будет мало полезен, если враг использует пику или арбалет!

Вилтред повернулся и взмахнул руками.

— Нет, конечно, эльетиммы не будут интересоваться Хадрумалом, когда где-то ласется куда более тучная и беспомощная добыча, ничего не подозревающая об их стрелах. Если эльетиммы начнут сейчас войну против Тормалина, что у нас есть, дабы сопротивляться им? При всем моем уважении к ментору Тонину и его ученым должен заметить, что эфирная магия в наше время сведена до бессмысленной мешанины суеверий и полузабытых заклинаний, так что куда нашим практикующим до эльетиммов! Способны ли мы, маги, победить их нашей собственной магией? Возможно, но я не разделяю уверенности мастера Очага Калиона. А главное, позволят ли нам это сделать? Способен ли кто-нибудь здесь всерьез представить себе императора, позволяющего магам Хадрумала свободно распоряжаться бурями, огнем и наводнением, пусть даже для защиты его страны? Это невозможно до тех пор, пока положение не станет совершенно безнадежным. А сколько времени, по-вашему, потребуется этим колдунам, чтобы завладеть материком, если они действительно захотят это сделать?

Зажав трость в одной руке, Вилтред погрозил собравшимся костлявым кулаком.

— Несмотря на риск, несмотря на опасение утонуть в далеком океане или обречь этих несчастных, запертых в заколдованном сне, на безумие или темноту, мы не должны спорить о том, можем ли попытаться их воскресить! Вопрос скорее в том, можем ли мы позволить себе не воскрешать их, можем ли мы позволить себе столкнуться с угрозой этого эльетиммского колдовства без подлинного знания эфирной магии, без одного по крайней мере человека, который знает этих людей, знает, на что они способны. Бесспорно, эта угроза реальна и уходить не собирается. Мы знаем, эльетиммы уже скрытно подрывают нашу способность противостоять им: все вы слышали об их нападениях на тормалинские усыпальницы в течение зимы. Зачем еще эльетиммам делать это, если не для того, чтобы уничтожить последние крохи эфирного знания, что у нас остались? Я сам был вынужден бежать, дабы спастись от истязаний и смерти от рук эльетиммов, позволив им украсть несколько вещей из той погибшей колонии, которые я привез из плавания с Азазиром.

Вилтред номолчал, борясь с понятным желанием напомнить Совету о насмешке, которой тот неизменно встречал их рассказы о давнем путешествии. К чести старого мага, он сумел подняться над обидой и вернулся к своей речи.

— Есть еще один вопрос. История Райшеда показывает степень эльетиммского интереса к артефактам из Кель Ар' Айена еще отчетливее, чем мои собственные испытания. Этому

так называемому жрецу было столь важно завладеть мечом Д'Алсеннена, что он был готов рисковать чем угодно — не только совершать убийства, но и творить свое колдовство в самом сердце Архипелага, несмотря на связанную с этим опасность. Насколько важным должен был бы являться искомый предмет, прежде чем кто-то из вас рискнул сделать то же самое, памятуя о муках, приуроченных воеводами за практику магии? Спросите себя: зачем эльетиммам сии артефакты? Я не знаю, но бьюсь об заклад, это грозит бедой колонистам, если мы их не спасем! Повинуясь своей совести и логике, можем ли мы поступить как-то иначе?

Палата словно взорвалась. Все маги повскакали с мест и заговорили одновременно, перекрикивая друг друга вопреки правилам дебатов. Вилтред вернулся на свое место и сел, скрестив на груди руки. Старик тяжело дышал, глаза его горели от возбуждения. Планир восседал в своем незатейливом резном кресле, лицо его было спокойно, но в глубине глаз пряталась хитрая искорка. В его расслабленной позе чувствовалась настороженность, которая напомнила мне охотящуюся цаплю, готовую ударить клювом в нужный момент.

Я так и не понял, что послужило ему сигналом, но он внезапно вскочил, и резной эбеновый посох появился в его руке прямо из воздуха. Нижний конец посоха со звонким ударом опустился на плиты. Прерванные на полуслове, маги в молчании застыли, а Планир зашагал к помосту.

— Сядьте. Мы достаточно поговорили. Выбор ясен. Действуем мы или нет? Пытаемся спасти поселенцев Кель Ар'Айена с тем знанием, что у нас есть, или ничего не делаем, а только продолжаем наши исследования, несмотря на эльетиммскую угрозу?

Он ударил посохом о помост, и гулкое эхо прокатилось по огромному помещению. Маги тотчас бросились к своим местам.

— Кто за действие?

Дружно поднялись руки, одни — с зажатыми в них бумагами, другие — с посохами или стержнями. Сияющие лучи заструились от них и собрались в центре комнаты, сплетаясь в узор искристого света, чуть отливающего зеленовато-голубым, шафрановым и розовым цветами.

— Кто против?

Оставшиеся маги призвали свои силы и послали усики теней в подвижное свечение; пряди темноты вплетались в свет и притушали его, смягчали блеск оттенками нефрита, киновари и индиго. Узор висел в воздухе, цвета плясали, извивались, в головокружительном хороводе оплетая друг друга. Я заморгал и

осторожно наклонился к Шиву, стараясь не коснуться потока изумрудного света, встающего из его вытянутых ладоней.

— Зачем все это нужно?

Шив не отрывал глаз от радуги, развевавшейся над нашими головами.

— Совет принимает решения не по числу голосов, но по силе воли, проявленной теми, кто созван решать, — тихо сказал он. — Смотри.

Цвета корчились, сражались, бросая странные отблески на обращенные вверх лица. Тени выросли, сгустились и приглушили сияние, но не сумели загасить его и внезапно побледнели, когда цвет, такой же яркий, как солнце, играющее в драгоценных камнях, прожег темноту.

— Довольно.

Планир в третий раз ударил посохом, и цвета исчезли, оставив ослепительное сияние.

— Решение Совета — за действие. Быть посему!

ГЛАВА 10

Письмо из переписки Леорна Ден Лайреля, последнего губернатора Каладрии, написанное в 7-й год правления императора Немита Безрассудного и хранящееся в архиве Храма в Коле.

Поздравления с Солнцестоянием от Леорна его брату Джахону.

Не знаю, как долго будет добираться до тебя это письмо, но я уверен, что Императорская Курьерская почта по-прежнему будет прокладывать себе дорогу, какие бы бедствия ни обрушились на нас. Не знаю, какие донесения ты получил о здешней ситуации, но можешь взять худшее и удвоить все цифры. Это кровавый хаос, и без поддержки из Дома я ничего не могу с этим сделать, а потому даже оставил попытки. Не беспокойся, я держу наготове корабль и снимусь с якоря, едва сражения перейдут южнее реки Ферл. Эмилл настаивает на том, чтобы отпраздновать Солнцестояние здесь, но после праздников я немедленно отправляю ее и детей домой. Возможно, гниль проникла в мою библиотеку, но не в мои мозги! Пожалуйста, скажи маме, чтобы ждала их в любое время в конце постлета. Нам придется пожить у нее, пока наши арендаторы не съедут, а потому, как только получишь это письмо, постарайся предупредить их, чтобы искали новое жилье.

Да, не таким я представлял себе мое назначение, но после того как император отозвал когорты для своего безумного плана покорения Гидесты, я просто не понимаю, как должен поддерживать здесь императорское правление. Никто из местных с Равноденствия не платит налоги, и я даже не могу получить отчеты, чтобы сделать новое обложение. Мои чиновники проявляют удивительную изворотливость, находя причины оставаться на территории губернаторской резиденции, а не рисковать собой, выполняя свои обязанности в сельской местности. Не могу сказать, что я виню их, и, уж

конечно, не собираюсь посылать их, вооруженных только футляром для перьев и чернилами, сражаться с разбойниками. Большинство из них занимаются тем, что составляют весьма сомнительные претензии на якобы родовые земли и строят планы, как ими завладеть, когда тормалинское правление официально закончится.

Я советую тебе ликвидировать свои предприятия здесь, осторожно, но быстро. В Каладрии больше нет прибыли. Возможно, стоит последить за благоприятными возможностями в Лескаре. Убийство губернатора Девуара будет означать паническую распродажу, а стало быть, и выгодные сделки. Судя по тому, что я слышал, управляющие намерены обосноваться в своих прежних налоговых округах и работают сообща, чтобы навязать собственное правление. Не думаю, что они будут клясться в верности тому пьянчуге, который нынче зовется императором, но, откровенно говоря, я не понимаю, почему это должно беспокоить нас, если ты видишь подходящий шанс заработать сколько-то денег. Идиотские амбиции Немита, должно быть, уже стоили нашему Дому его императорского веса в белом золоте, и чем скорее Полдрион перевезет его в мир Иной, тем лучше. Я обязательно сброшу статую Его Императорского Величества в выгребную яму, когда буду уезжать.

Чуть не забыл. Нет, я понятия не имею, что задумал Ден Феллзмион, когда последний раз пустился в плавание. Во всей этой неразберихе, что окружает нас нынче, я даже не могу сказать тебе, сколько лет назад это было. И я даже не помню никого, кто мог бы тебя просветить. По-моему, Ден Реннионы как-то в этом участвовали, но, похоже, нынешний сьер предпочитает об этом молчать, поэтому я могу лишь предположить, что вся затея кончилась ничем.

Погибшее поселение Кель Ар'Айен, 42-е постлета

— Да, это не то что наша прошлогодняя поездка, — заметил я Шиву, в то время как корабль магов мягко покачивался на якоре в широком устье реки.

Наконец-то мы избавились от бесконечных штормов, что мордовали открытый океан, и я повернулся к солнцу позднего лета, которое было здесь заметно горячее, чем в это время года у нас дома. Я улыбнулся от удовольствия чувствовать его тепло на гладко выбритом лице.

— Если мне потребуется снова пересечь океан, то, должен признать, я предпочту сделать это на крепком трехмачтовом судне с самыми могущественными магами Совета, умиротворяющими ветер и волну, — ухмыльнулся в ответ Шив. — Оно куда лучше того рыбацкого корыта, верно? Даже Ливак почти не тошнило.

Я не хотел обсуждать Ливак.

— А когда мы все сойдем на берег? — Я указал на корабельную гребную шлюпку, которая выгружала отряд наемников на близкий пляж.

Шив нахмурился.

— Кажется, насчет этого есть разногласия. Большинство магов хотят остаться на борту и позволить Хэлис с ее... э... «коллегами» сперва разведать местность.

— Но разве с помощью магии дело пойдет не быстрее и эффективнее? — удивился я.

Маг грустно покачал головой.

— Боюсь, потребуется время, чтобы мои уважаемые коллеги привыкли работать вместе с солдатами, что бы там Планир ни требовал от них.

Я поглядел вдоль борта туда, где стояла Хэлис с командиром наемников. Это был могучий человек по имени Эйрест, с бескомпромиссными взглядами и сильным далазорским акцентом. Однако явный пробел в образовании не означал нехватки ума: его узкие настороженные глаза свидетельствовали о практичной хитрости, и, судя по рассказам Ливак, он добрый десяток лет оставался главным игроком на полях бесконечных лескарских войн. Но важнее было то, что Эйрест относился к Хэлис как к равной. Вот и сейчас он наклонился к ней, чтобы обсудить их дальнейшие шаги. Мне даже показалось, что они когда-то были любовниками, но я отбросил эту мысль как не относящуюся к делу. Я посмотрел на ногу Хэлис: теперь она была куда прямее и могла выдержать некоторый вес, но все еще не доведена до полного исцеления. Однако же интересно, какая роль будет у Хэлис в этой конкретной игре?

Как только Планир получил решение Совета, он немедленно принялся за организацию похода, но был изрядно обескуражен открытием, что все его самые ценные агенты, самые опытные воины, коих он удерживал у себя на службе щедрыми вознаграждениями, отсутствуют по другим поручениям. Это именно Хэлис предложила искать наемников, проводящих Летнее Солнцестояние в Карифе. Как оказалось, сражения поствесны и предлета между Парнилессом и Триоллом были кровавыми, жестокими и безрезультатными — что само по себе едва ли удивительно, — и самопровозглашенный нейтральный округ Кариф был полон недовольных остатков разбитых корпусов, ищущих найма, который предложит им больше, чем равные шансы окончить лето с монетами в руках или пеплом в урне.

Хэлис оказалась весьма полезной Верховному магу. Употребив свои многочисленные знакомства, она сколотила корпус закаленных бойцов, достаточно поднаторевших, чтобы знать, куда дует ветер, и избегать бесполезной резни, затопившей кровью

центральные герцогства. Качание весов Рэпонина в очередной раз вернуло кровавый хаос в Лескар после нескольких лет относительного мира. Я вспомнил о семье Айтена. Надеюсь, золото мессира дало ей либо меру безопасности, либо возможность бежать.

Второй отряд наемников, мужчин и женщин, собирал снаряжение, затягивал ремни, поправлял пояса с мечами. Должен признаться, выглядели бойцы довольно неприглядно, и, вероятно, именно это смущало магов. Почти у всех на лице и руках были шрамы: одни — старые и белые; другие — свежие и лиловые, а иные — уродливые и сморщенные из-за отсутствия должного лечения, на которое присягнувший может по праву рассчитывать. Их одежда была в основном кожаная, черная и коричневая, с редкими оттенками цвета, а плащи — из меха и грубо выдубленных шкур вместо хорошего сукна, что предоставляет настоящий патрон. Боль приглушенного горя кольнула меня: я вдруг вспомнил, как Айтен прибыл поступать на службу к мессису в подобном же грубом наряде.

— Хэлис сказала, эти воины — лучшие из тех, что только можно было найти. — Шив машинально разгладил свою безупречную тунуку и поправил вычурную серебряную пряжку на поясе — подарок Перида при расставании. — Не похоже, что они тратят много из своих трофеев на одежду, верно?

— Кому нужно выглядеть шикарным в бою? Думаю, их деньги уходят на мечи. — Качество оружия, которое имел каждый воин, было первым, на что я обращал внимание. — Такая работа не бывает дешевой.

Рваная грязная одежда наемников составляла резкий контраст с их доспехами и оружием, готовым ко всему, с чем они могли бы столкнуться в этой неизведанной земле. Большинство имели два меча и кинжалы на поясах и за голенищами сапог, а иные носили луки, булаву или пику и много чего другого. Хорошо наточенный металл разбрасывал яркие солнечные блики, тускло блестели нагрудники и кольчуги, заново отчищенные от ржавчины, которая разъедала металл в этом долгом плавании от избытка влажного соленого воздуха. Мне почти ежедневно приходилось полировать свое стальное зеркало, дабы не порезаться во время бритья, но по крайней мере мои доспехи не требовали тщательного ухода.

Эйрест начал спускаться в шлюпку, и мы с Шивом невольно затаили дыхание, когда веревка и дерево шторм-трапа протестующе заскрипели под его тяжестью: этот человек носил кольчугу, стальной наголовник, поножи и наручи, при нем были также мечи, щит и ранец. Он благополучно добрался до шлюпки, сел на прогнувшуюся под ним банку, и мы с облегчением выдохнули.

— Не хотелось бы мне вытаскивать этого малого с речного дна, если б он нырнул! — пошутила Ливак, облокотясь на борт.

Я с улыбкой повернулся к ней. Я очень мало видел Ливак в этом плавании, так как она быстро сошлась с наемниками, оставив меня Планиру.

— Ну, что ты думаешь, от них будет прок в бою? — усмехнулась она.

— Я бы сказал, да.

Во время плавания я украдкой наблюдал за воинами, желая убедиться в действенности помощи за своей спиной, если дойдет до боя. От многих разило высокомерие петуха на навозной куче — его, как правило, наемник приобретает вместе с новым мечом за пару сезонов, но интенсивность их регулярных тренировок и упражнений — совершенно добровольных — в течение всего перехода завоевала мое уважение. С ними мне определенно было спокойнее, чем было бы с агентами Верховного мага, если все они такие же, как Дарни, с которым мы встречались в прошлом году. Я нисколько не огорчился, узнав, что этот тип применяет свою раздражающую надменность в Солуре ради дальнейших целей Планира.

— Думаю, в бою им не будет равных. Итак, каков план?

— Давай спросим Хэлис.

Ливак пронзительно свистнула. Хэлис оглянулась и подняла руку, давая знать, что слышит, но тут две женщины-наемницы остановили ее с каким-то вопросом. Обе были ниже ее ростом, одна хрупкая, с массой каштановых кудрей и нежным лицом, на удивление не гармонирующим с ее кольчугой и шлемом, увенчанным гребнем; другая принадлежала к числу тех немногих наемников, что не носили никаких доспехов. Ее кожаная одежда была грязна и залатанна, зато вся увешана впечатляющим количеством кинжалов. Черноволосая, с открытым приветливым лицом, она больше походила на хозяйку лавки или мамашу большой шумной семьи, чем на наемницу, предлагающую свои услуги тому, кто больше заплатит.

Быстро разделавшись с их вопросом, Хэлис направилась к нам. Ее походка стала ровнее, но все еще была неуверенной, и я вновь подумал о том, до какой степени излечена ее травма. Может, это уже предел? Если так, то ее будущее представлялось скорее в организации корпуса, нежели в сражениях. Возможно, это было началом ее работы в подобного рода деятельности.

— Каков план? — сразу спросил Шив.

— Розарн берет своих разведчиков и начинает прочесывать развалины, чтобы определить главные ориентиры — какие-нибудь здания или еще что — и дать нам указания на

этот счет. — Хэлис махнула рукой на женщину в кожах; она теперь сосредоточенно изучала свежий пергамент вместе с неким малым, в котором я узнал одного из учеников ментора Тонина по имени Паррайл или что-то в этом роде. — Минейр и его парни должны расчистить причал и якорную стоянку, тогда мы сможем подвести корабль к берегу и нам не придется все время перевозить людей туда-сюда на шлюпках. — Хэлис с прищуром посмотрела на Шива. — Им было бы гораздо быстрее и легче это сделать, если б вы, маги, малость помогли, знаешь ли.

Я выругался и схватился за перила: перед глазами вдруг все поплыло и изменилось — заросли исчезли и показались солидные причалы из шлифованного камня там, где теперь обвалившийся берег съехал косо в воду, крепкие дома вокруг вымощенной плитамы рыночной площади, люди, занятые своими повседневными делами и ведать не ведающие о приближении эльетиммской угрозы.

— В чем дело? — насторожилась Ливак.

— Д'Алсеннен, — отрывисто сказал я, с усилием разжимая побелевшие пальцы. — Я вспоминаю то, что он здесь видел.

В ее глазах мелькнуло неудовольствие.

— Тебе это не нравится, да? — с вызовом спросил я, зная, что не стоило этого делать, но мне уже надоело, что она все время меня избегает.

— А ты как думаешь? — вспыхнула Ливак. — Я знаю, это не твоя вина, и мне тебя очень жаль, но та эфирная магия убила Джериса, и она же убила Айтена. Один из тех эльетиммских ублюдков пролез в мою голову и едва не свел меня с ума. Одна мысль о чьем-то чужом разуме, таящемся внутри твоего, вызывает у меня мурашки.

— Я держу его в руках, — ответил я, не повышая голоса, хотя весь кипел от досады и злости.

— Я так не думаю. — Ливак покачала головой, ее лицо под веснушками, разбуженными солнцем и ветром, побледнело. — Последний раз, когда мы были в постели и ты растворился в страсти, твои глаза изменились, и ты опять назвал меня Гуиналь. Я постоянно вижу кого-то другого, глядящего на меня из твоих глаз, особенно когда ты устаешь.

Я прикусил язык, не давая воли тому возмущенному отрицанию, которое, очевидно, принадлежало Темару, но само понимание этого убедило меня в правдивости ее слов. Я увидел слезы в ее изумрудных глазах и как бы наперекор им решительно выпяченную челюсть. Я глубоко вдохнул, зная, что любой спор будет пагубным для нас обоих и мы подобно тем двум орлам, что сцепились когтями в схватке, вместе рухнем на скалы. Но мое хладнокровие поколебалось, когда я понял вдруг, что не могу

определить, было это воспоминание о виденных в детстве орлах Темаровым или моим собственным.

Еще раз глубоко вдохнув, я посмотрел на Шива — тот смущенно переминался с ноги на ногу. Лицо Хэлис, как всегда, было непроницаемо.

— Эйрест пойдет с Лессаем и его отрядом, — продолжала она как ни в чем не бывало. — Мы хотим найти какую-нибудь удобную для обороны позицию, желательно с хорошим обзором береговой линии.

— Вам нужна усадьба Ден Ренниона. — Слова слетели с моих губ прежде, чем я успел удержать их, и я заскрежетал зубами.

Хэлис уставилась на меня, напряженно размышляя.

— Где она? Как она выглядит?

Я посмотрел на сушу, но незнакомые очертания реки и берега не позволяли мне соотнести их с воспоминаниями Темара.

— Все так изменилось.

— В течение поколений земной рельеф меняется, — задумчиво сказал Шив. — На океанском побережье, откуда ты родом, это не так заметно, Раш, но большие реки вроде этой постоянно подтачивают берег, а море с каждым сезоном наносит песок.

Я игнорировал его.

— Под конец это был большой добротный каменный дом, обнесенный прочной стеной, со сторожкой у ворот. Даже если крыша обвалилась, стены еще должны стоять. — Я моргнул; суждения, приобретенные, когда я еще был у локтя моего отца, странно смешались с воспоминаниями Темара о крепком доме Ден Ренниона. — Эта усадьба была на другой стороне небольшого залива от главной пристани, с отдельным подходом к реке.

— Попробуем ее найти. — Хэлис повернулась и махнула Лессаю, третьему из отрядных командиров Эйреста.

Лессай без лишних слов направился к нам, его подбитые гвоздями сапоги звенели на палубном настиле. Почти на целую пядь выше меня, он был тощ как палка, а его длинные белокурые волосы болтались сзади крысиной косичкой. Еще у него были смешливые голубые глаза и неясный акцент, задавленный лескарским за годы службы в этой стране. Я по-прежнему не мог взять в толк, как они с Эйрестом ухитряются так хорошо работать вместе, учитывая, что командир добивается выполнения своих приказов железной властью, а Лессай — добродушными шутками и поощрением.

— Райшед думает, что ему известно безопасное место для лагеря, — объяснила Хэлис.

— Да? И где? — жадно повернулся ко мне Лессай.

Я был благодарен, что он готов принять слова Хэлис за чистую монету; Эйрест был из тех людей, которые и слова,

и монеты проверяют всеми возможными способами, разве что не плавят их. Глубоко вдохнув, я попытался посмотреть на речной берег глазами Темара или, наоборот, — он должен смотреть моими? Я рассеянно покачал головой, отыскивая в памяти какие-нибудь сны об этом поселении, навязанные мне Д'Алсенненом. Пейзаж передо мной внезапно растаял, и дневной свет угас, сменившись зимними сумерками. Яркое сияние разгоняло темноту, теплые оранжевые огни отвергали холод конца зимы. Суровеющий ветер принес ароматы благовоний и душистых поленьев, горящих на жаровнях, а от костров аппетитно запахло жареным мясом. Смех и обрывки музыки отражались от каменных высот, донося праздник к кораблям. Порыв ветра бросил мне в глаза пригоршню мокрого снега, и я вздрогнул, но когда поднял руку, обнаружил, что мое лицо сухое.

— Райшелд? — мягко промолвила Ливак.

Я поглядел на свои пальцы: ногти, посиневшие от холода, быстро розовели в горячем неподвижном воздухе утра. Ливак молча накрыла мою руку своей.

— Она вон там.

Я посмотрел на этот вид новыми глазами, воспоминания Темара накладывались на едва различимые бугры и заросли, показывая мне дома и улочки тем ошеломляющим способом, который я не хотел слишком пристально изучать.

— Видите тот утес на фоне неба? Ведите от него вниз — там голые камни у самой кромки воды. Раньше этот залив тянулся от того одинокого дерева до того куста с желтыми цветами. Усадьба должна быть где-то в середине тех высоких зарослей.

— Попробуем до нее добраться.

Лессай пронзительно свистнул — все наемники общались между собой такими свистами — и взмахами руки призвал с берега шлюпку.

— Марайд, Джервис, принесите топоры!

Когда мы оттолкнулись от борта, баркас был так перегружен, что вода едва не заливалась внутрь, однако к берегу мы причалили без происшествий и сразу направились к зарослям. Отряд Минейра, который до нашего приезда боролся с упавшими глыбами каменной кладки, стоя по колено в иле, с радостью откликнулся на просьбу о помощи. Я уверенно пошел впереди по скрытым под зеленью остаткам поселения к усадьбе Ден Ренниона, мои ноги чувствовали странно знакомую землю. Каблуки сапог зазвенели на камнях, и я остановился, глядя вниз. Это были плиты рыночной площади, разбитые и наклонившиеся под разными углами.

— Глядите под ноги, — крикнул я через плечо и осторожно стал продвигаться дальше, пробуя ногой каждую плиту, прежде чем на нее ступить.

Сзади кто-то исторг проклятие. Я обернулся. Один наемник по голень провалился в яму с грязной водой. Эйрест поравнялся со мной. С мечом в руке он осматривал окружавшие нас плотные заросли. Большая птица с забавно изогнутым клювом вырвалась из соседнего куста, переполошив всех резкими криками.

— Это она. — Я обвел рукой контур заросших плющом стен, почти невидимых за густой листвой теснящихся деревьев и травой с человеческий рост, густо растущей там, где под ногами не было плит.

Эйрест медленно кивнул.

— Где главные ворота?

— Дальше, за тем кустом с фиолетовыми ягодами.

Когда мы подошли ближе, очертания усадьбы стали более четкими, и мне пришлось бороться с воспоминаниями Темара, чтобы они сокрушили меня. Я сделал глубокий вдох и сосредоточился: мне надо видеть эту усадьбу прежней, какой она была, не позволяя волнам горя и сожаления, бьющимся в двери моего разума, захлестнуть меня.

— Здесь сторожка! — Наемник Минеир, коренастый человек с неиссякаемым оптимизмом и рыжеватыми волосами, видимо, доставшимися ему вместе с древней Лесной кровью, замахал секачом, призывая подмогу.

Я отступил, дабы люди могли рубить лианы и кусты, и увидел все еще целую арку ворот, теперь столь низкую, что ее можно было коснуться. Поколение за поколением ветер наносил почву и засыпал вход, поднимая уровень земли. Крепкие деревянные ворота еще стояли, теперь темные и неподвижные, заваленные обломками и оплетенные плющом.

— Будем выламывать? — Минеир стал взвешивать на руке свой секач, и на обычно веселом его лице появилось сомнение.

— Пока нет. — Эйрест задумчиво оглядел стены, все еще довольно высокие, подернутые зеленью. — Они еще нам могут пригодиться. Есть другой вход? Ни к чему без надобности делать брешь в нашей собственной защите.

Я хотел спросить, от чего он собирается защищаться, но тут же возникло воспоминание Темара об эльетиммской атаке. Я поморгал, чтобы избавиться от него, и хорошенько подумал.

— Была калитка с правой стороны.

Отступив на шаг, Эйрест осмотрел длинный изгиб стены.

— Хотел бы я знать, что внутри, — пробормотал он себе под нос.

— Пропусти-ка.

Ливак протолкалась мимо наемника, который с гримасой отворачивания изучал свою поцарапанную кисть. Ливак подергала стебли лианы толщиной в палец и ухмыльнулась.

— Если начну кричать, просто взорви ту дверь, ладно, Шив?

— Будь осторожна. — Я превозмог свой порыв удержать ее, очевидно, принадлежавший Темару. Я-то знал, что Ливак может постоять за себя.

— Конечно, — флегматично отмахнулась она и проворно вскарабкалась по заслоненной листвою каменной кладке.

Руки в перчатках находили опору с легкостью, дающей долгой практикой, — так она и проникала незваной в чужие дома. Забравшись наверх, Ливак осмотрелась, затем осторожно свесила ноги со стены, чтобы прыгнуть на остатки дорожки.

— Нет, лучше я слезу.

На обращенных вверх лицах наемников застыла смесь досады и нетерпения. Мы молча ждали, а минуты текли незаметно, как медленные воды этой привольной реки.

— Пошли парни, попробуем найти ту калитку.

Минеир взвалил секач на широкое плечо и вопросительно взглянул на Эйреста. По кивку здоровяка он с горстью наемников своего отряда начал срубать подлесок, прокладывая дорогу вокруг стены.

— Если мы хотим расчистить якорную стоянку, нам понадобится ваша помощь, чародеи. — Эйрест повернулся к тощему Шиву и грозно пошел на него. — Это просто глупо заставлять моих парней надрываться, в то время как вы могли бы сделать то же самое в два раза лучше и быстрее. Мы не против тяжелой работы — за это нам платят, — но всему есть предел.

— Я тебя понимаю, — торопливо ответил Шив. — Я поговорю с Планиром.

— Эй, вы еще тут? — В голосе Ливак, приглушенном толстым деревом, явственно ощущалось раздражение. — Не слышали, как я кричала?

— Что ты нашла? — тотчас прокричал я.

— Для начала ту калитку, — пришел ответ. — Минеир со своими парнями уже расчищает ее.

— Двинудись! — Эйрест решительно хлопнул в ладоши, и все устремились по вырубленной тропинке вокруг стены.

Чтобы войти в калитку, мне пришлось наклонить голову, и я с сомнением поглядел на крошащийся камень перемычки. Двор был свободен от подлеска; бледные очертания галечных дорожек смутно виднелись под невысокими кустами трав.

Когда я раздавил их ногами, меня обступили запахи

тимьяна и мяты, вызывая головокружение, а вместе с ним — вечную угрозу воспоминаний Д'Алсеннена. Крыша дома провалилась, но стены по-прежнему стояли, бросая вызов времени, и сквозь пятна старости и гнили все еще был виден отшлифованный камень. Я глубоко вдохнул, чтобы освободить мой ум от призрачного образа этого места.

Высокие, разделенные пополам вертикальной каменной полосой, окна дома светились от ламп, когда Темар видел их в последний раз, мелодии арфы госпожи Ден Реннион плыли над шумом двора, лошади гостей стояли в конюшне — колония имела уже достаточно лошадей, чтобы позволить людям ездить на молодых животных. В кухнях, расположенных с одной стороны дома, стоял дым коромыслом, две новые служанки бегали с подносами через двор, а мужчины во дворе свистели и дразнили их, стараясь украсть кусочек или, еще лучше, вкус меда с их губ. Мастерские по обе стороны от сторожки пустовали, инструменты были аккуратно сложены после дневной работы. Высокие, недавно осмоленные ворота были гостеприимно распахнуты, стража отдыхала на скамье, приветствуя всех по имени.

Теперь же здесь царила тишина, если не считать тяжелой поступи наемников, которые начали расчищать двор. Отдельные их слова превратились в тихие разговоры, когда прибыли еще люди.

— Как там стена? — Зычный голос Эйреста вывел меня из задумчивости. — Проломы или трещины есть?

— Пока нет! — не оглядываясь, крикнул Минейр, продолжая вместе со своими парнями прорубаться через цепкие лианы; под их яркими алыми цветами прятались длинные шипы.

— Думаю, я смогу выяснить это для тебя, — раздался голос Планира, и все повернули головы.

Наклонившись в арку калитки, Верховный маг положил руку на темный камень косяка. Янтарный свет заплескал, потрескивая, вокруг его длинных пальцев и исчез в каменной кладке.

— Там. — Планир указал на часть стены, заслоненную массой листвы, свешивающейся через верх. — Дерево разрушило фундамент, и стена треснула. Если на нее взгромоздиться, стена наверняка развалится.

Я тут же огляделся в поисках Ливак, и увидел ее рыжие волосы, золотившиеся на солнце: она карабкалась через завал из упавших балок и брусьев внутри дома. Она замахала мне с довольной улыбкой, поглядывая вниз на наемников, слишком неуклюжих в своих тяжелых доспехах, чтобы следовать за ней.

— И как мы будем это расчищать, а, маг? — крикнула она Планиру.

— Сейчас покажу.

Откуда-то появился Отрик, и вихрь голубого сияния подхватил Ливак, перенес ее по воздуху и аккуратно опустил рядом со мной. Ее щеки стали белыми под загаром, она схватилась за меня, чтобы не упасть, и я обрадовался поводу ее обнять.

— Ах ты, старый хрыч, — пробормотала Ливак дрожащим голосом, с отвращением глядя на Отрика, хотя обычно старик вызывал у нее оглядчивое веселье.

Тот же лазурный свет исходил теперь от пары других магов — народу в обветшавшем убежище все прибывало. Я вдруг понял, что стою с открытым ртом: массивные гниющие балки начали подниматься из пустого дома, проплывать по воздуху и аккуратно складываться в штабель возле слабого места в стене, обнаруженного Планиром. Я был не единственный, кто замер в изумлении. Все наемники остановились и, разинув рты, глазели на это представление, изредка обмениваясь ошеломленными взглядами.

— Думаешь, кто-нибудь из этой компании нанялся бы в приличный корпус? — в шутку спросил Эйрест, пытаюсь сохранить хладнокровие. — С такой-то помощью мы бы любого, кого захотим, могли посадить на лескарский трон!

Надо бы держать командира наемников подальше от Калиона, подумал я, хотя у меня создалось впечатление, что мастер Очага предпочтет иметь дело с герцогами и принцами, а не с этими людьми, которые держат их у власти. Одетый на сей раз в широленные бриджи, более практичные, чем его обычные кричащие мантии, толстяк приказывал одному из учеников Тонина разложить его постельный сверток под тентом, который двое других безуспешно пытались соорудить. На моих глазах двое наемников отобрали у ученых парусину и веревки, и через горсть минут укрытие, натянутое и закрепленное, было готово.

— Первое, что нам нужно, это составить план городка, — тоном, не терпящим возражений, сказал Эйрест Верховному магу. — Мы могли бы потратить более двух сезонов, вырубая заросли и растаскивая груды упавших камней, и едва царапнуть по поверхности.

Планир посмотрел на меня серыми бездонными, как ночное море, глазами.

— Ты мог бы сберечь нам уйму времени, Райшед. Шив говорит, ты видишь это место таким, каким знал его Темар.

Я бросил раздраженный взгляд на Шива, и маг слегка покраснел.

— Прости, но Верховный маг должен знать, — смущенно промолвил он.

— Я допускаю, что в какой-то мере это могло бы помочь...

В других обстоятельствах скептицизм Эйреста вывел бы меня из себя, но сейчас было не то время, чтобы мериться силой или волей.

— Я не готов впустить Д'Алсеннена в свою голову, чтобы он там хозяйничал, если ты на это надеешься, Верховный, — отрезал я.

Мне и без того нелегко было держать навязчивые воспоминания Темара надежно запертыми на засов.

Эйрест невозмутимо продолжал:

— ...но я бы предпочел положиться на проверенную магию. Нам нужно, чтобы вы, чародеи, сообщили нам, как тут все выглядело, когда это место было построено, и определили ключевые здания и места — рынок, например. Это места, где мы могли бы найти металлические изделия, даже драгоценные камни — ценности, которые устояли против зубов Мэвелин. Ты сказал, все, что мы найдем, будет наше! — с вызовом добавил командир.

— Я говорил моим коллегам то же самое, — мирно согласился Планир. — Очевидно, приоритет — это гадание в подтверждение информации, которую ментор Тонин почерпнул из своих исследований. Мы должны разыскать ту пещеру как можно скорее, но мы постараемся предоставить вам всяческую помощь от магов, непосредственно не требующихся сейчас.

— Я мог бы помочь, Верховный, я не нужен для гадания.

Оглянувшись, я увидел одного из молодых магов, парня на год или два моложе меня. Я узнал его по серой куртке с красным воротником, в которой он был на заседании Совета.

— Спасибо, Налдет, это было бы очень кстати. — Планир слегка поклонился. — Прошу меня извинить.

Молодой маг разглядывал Марайду, ту девушку с каштановыми кудрями.

— Ты не знаешь, она приехала сюда с кем-то? — спросил он меня, пожирая наемницу алчным взглядом.

Должен признаться, реакция магов на наемников меня здорово сместила. Когда мы отправились в Кариф, корабль был полон жутких предположений, и именно Налдет был источником самых диких рассказов о бурных приключениях и огромных богатствах далеких от реальной жизни наемных мечей, как сказал мне Айтен. Его бы все это весьма позабавило, в чем можно было не сомневаться.

— В этом корпусе нет куртизанок, — твердо заявил я магу. — Все эти женщины здесь благодаря своему боевому искусству, а если тебя интересует нечто большее, то советую подождать, когда дама сама проявит интерес. Возьмись за дело не так, и тебе подадут твои яйца зажаренными на вертеле.

— О-о!

К моему облегчению, лицо у Налдета вытянулось. Его поползновения не привели бы к согласию в этой экспедиции, а кроме того, за столь долгое плавание я не раз видел, как Марайда, довольная, выходила из каюты Планира, когда сам я маялся без сна под угрозой воспоминаний Темара. Даже эта мимолетная мысль вызвала новые видения усадьбы Ден Ренниона, погибшее прошлое окружало меня со всех сторон. Я заморгал и потер напряженную шею, с невероятными усилиями прогоняя вторгшиеся воспоминания.

Послышались свистки, и я увидел, что отряд Розарн собирается у калитки с топорами и длинными ножами наготове.

— Если желаешь помочь, то вот твой шанс, — решительно сказал я магу. — Пошли, я хочу осмотреться.

Чего я на самом деле хотел, так это покинуть данное место, пока я совсем не утратил связь с нынешней реальностью. Я быстро зашагал через двор; подбежала Ливак и взяла меня за руку, озабоченно глянув мне в лицо. Я сжал ее руку с уверенностью, которой на самом деле не чувствовал, и мы стали слушать категоричные инструкции Розарн. Я ощутил мимолетную тоску по тем милым временам, когда мы с Айтеном принимали приказы, точно так же не испытывая никаких сомнений.

— Я хочу точно знать, где начинается и где кончается этот город и в каком состоянии находятся здания. Берегитесь змей и жалящих насекомых. Если кого увидите, кричите, нам всем нужно будет запомнить цвет и размер. Я думаю, все крупное будет реагировать на производимый нами шум резкими движениями, но соблюдайте осторожность, если оно изволит залечь в какой-нибудь яме. Здоровяк Торфи, ты берешь участок слева от дороги. Умник Торфи, ты идешь направо.

— Ничего, если мы пойдем с вами? — вежливо спросил я, стараясь не заржать над этими прозвищами, явно хорошо знакомыми всем наемникам. — Это Налдет, маг, он хотел бы помочь.

Розарн кивнула.

— Тебе лучше оставаться со мной, чародей. Ты — присягнувший, не так ли, Райшед? Тогда действуй самостоятельно, только смотри под ноги.

Вслед за наемниками мы вышли из осыпающегося круга стен и посмотрели на непроходимую массу растительной жизни, душащей остатки колонии, — тут было больше оттенков зелени, чем я мог себе вообразить. К счастью, зрение мне не изменяло, оно прочно укоренилось в настоящем.

752 — Вы двое, туда!

Розарн махнула на заросший ползучими лианами пригорок. Остальной ее отряд рассыпался, чтобы исследовать такие же безымянные формы, окутанные в саван растительности. Ливак вытащила меч, просунула его под завязанные узлом стебли и срезала большую полосу глянцевиной зелени — открылся тусклый серый цвет выветрившегося камня. Дома я бы назвал эту зелень плющом, но здесь листья были длинные, гладкие и темные. Я потянулся за своим мечом, но передумал: к чему мне лишний контакт с заточенным разумом Темара?

— Мы занимаемся этим не в то время года, — заметила Ливак. — Было бы намного легче, если б мы подождали, пока это все не засохнет.

— Сезон роста продолжается здесь далеко в постосень, — рассеянно ответил я, подобрал палку и ткнул ею в сплетение кустов с оранжевыми цветками.

— О-о! — Ливак взглянула на меня с прежней неуверенностью, прежде чем срубить еще один спутанный клубок стеблей и листьев.

Я попытался успокоить ее улыбкой и молча поклялся себе поговорить с ментором Тонином, как только мы вернемся в лагерь. Зубы Даста, я просто обязан посадить Темара на цепь ради собственного рассудка и отношений с Ливак, и плевать мне на заумные планы Верховного мага.

Незнакомая синевато-серая птаха с необычным посвистом выпорхнула из куста, испугав нас обоих. Тревожные крики вспугнули ее собратьев, и в воздухе захлопали синеватые крылья.

— Думаешь, это дом? — спросила Ливак, когда улеглась вся эта суматоха. Ее голос звучал деловито, и так же деловито она смотрела на довольно гладкие камни, поразительно бледные среди темной зелени.

Я ткнул палкой в листья, и она твердо ударилась о камень. Двигаясь вдоль стены, я продолжал ударять, пока не был вознагражден глухим, сырým стуком.

— Похоже, дверь или ставни, — сказал я.

Ливак начала срезать плющ, а я огляделся по сторонам — как там продвигается дело у остальных. Несколько групп пытались обнаружить кладку тем же способом, что и мы, — и вот обнажилась прилично отшлифованная каменная кладка, хоть и сильно пострадавшая от непогоды; теперь это место стало напоминать городок даже без воспоминаний Темара.

— Это дверь, будьте уверены, — с удовлетворением объявила Ливак.

Я стукнул по древнему, источенному червями дереву палкой и почувствовал, как дверь слегка подалась. От петель и ручки остались лишь темные пятна ржавчины, а нанесенная вет-

ром почва засыпала нижний край двери. Пока Дастеннин правит океанами, эта дверь никогда больше не откроется. Отступив на шаг, я уперся руками в стену и пнул ее ногой, не желая войти прежде, чем кто-нибудь другой захочет выйти.

— Проклятие! — Ливак отпрыгнула в сторону.

Полчища черных тараканов брызнули во все стороны, а я основательно наступил на некое существо, у которого было слишком много ног для моего душевного спокойствия.

— Что там у вас? — крикнула Розарн откуда-то из-за соседних зарослей.

— Твари ползучие, — откликнулся я. — Ничего страшного.

Мы с Ливак печально усмехнулись друг другу и опасливо стали всматриваться внутрь, моргая после яркого света.

— Вон там ставни, — заметила Ливак.

Я обошел дом снаружи и выбил крошащееся дерево своей работающей палкой. После этого немного посветлело, стали видны угрожающе провисший потолок и массивная трещина, бегущая по задней стене.

Ливак осторожно двинулась внутрь.

— Оставайся у двери, — предостерег я ее. — Потолок может рухнуть в любой момент.

— Он уже давно так висит, с чего бы ему падать именно сейчас? — презрительно отмахнулась она, с любопытством ковыряя мечом обломки, толстым слоем покрывающие пол.

— Что там?

— Похоже на бочарные клепки, обручи, гвозди и что-то, напоминающее дверные петли, какие могли быть горсть поколений назад. По-моему, здесь находился склад.

Я сдвинул брови и посмотрел в направлении берега. Вероятно, все склады размещались ближе к морю и причалам.

— Что-нибудь интересное? — Розарн появилась у моего плеча, и я отступил, чтобы она могла заглянуть в окно.

— Ничего.

Ливак закашлялась — случайный ветерок принес сырые запахи гнили и тления.

— А что у тебя? — спросил я.

Розарн показала пятнистого зверька, кровь запеклась на его застывшем оскале.

— Если я найду еще таких, то заработаю себе пару новых перчаток, а в остальном... нет, все, что мы находим, — это голые стены и такой же хлам. Я вот что пришла сказать: тот маг считает, что под скалой есть пещеры. — Розарн глянула на меня с едва заметной улыбкой. — Они не настолько большие, чтобы быть

той пещерой, которую ты ищешь, но я подумала, нелишне

бы проверить, не скрывается ли в этих зарослях что-то опасное. Почему бы вам двоим не пойти со мной? Проведем небольшую разведку. Может, я найду еще несколько этих, — добавила она, вешая на ветку свой тощий трофей.

Ливак ухмыльнулась и, быстро взглянув на осыпающееся окно, выбрала более длинный путь через дверь и вокруг дома, чтобы присоединиться к нам.

Мне ничего не оставалось, как вытащить меч и срезать распускающиеся растения, когда мы прокладывали дорогу в прохладной тени утеса, но, к радости моей, Темар остался сидеть за своими засовами.

— Тут что-то есть.

Налдет нырнул под низкую ветку и исчез в темной дыре, а Розарн с проклятиями бросилась за ним.

— Это точно пещера, — вернулся к нам эхом приглушенный голос мага.

Я нетерпеливо оттянул ветку и выругался: она хлестнула меня своими колючками.

— Как далеко она уходит?

Опередив меня, Ливак проскользнула за дерево, достав из сумки на поясе огниво и помятую свечу. Желтый свет вспыхнул в черноте и выставил напоказ мелкую пещеру в передней стороне утеса. Отвержение Темара к подобным местам я прихлопнул раздраженной мыслью.

— Что это? — Налдет сплел вокруг кисти шар красноватого света и пошел к дальней стене пещеры, где во мраке что-то белело. — Кости?

Сердце заколотилось у меня в груди, несмотря на все мои попытки убедить себя, что это ничего не значит. Я закрыл глаза и вдруг снова увидел последний рассвет колонии, людей, бегущих, кричащих, спасающихся от безжалостных клинков эльетиммов, явившихся из ниоткуда, блестя своими соломенными головами; они рубили несчастных колонистов как пшеницу серпом. Неужели мы оставили кого-то позади, в отчаянии забившегося в щель в стене утеса, умирать от ран и жажды?

— Это животное, вот только не знаю какое, — озадаченно произнесла Розарн.

Я мигом открыл глаза, и образ резни исчез в темноте пещеры.

— Взгляните-ка сюда.

В голосе Ливак звучало удивление. Она обеими руками подняла широкий, выпуклый череп, такой же большой, как у быка, но более округлый. Я подошел ближе и провел пальцем вокруг огромной глазницы посреди лба.

— Никогда не видел ничего подобного, — покачал я головой. — Розарн?

Наемница стояла на коленях, роясь в грудe сломанных костей.

— Нет, никогда. Но я скажу вам кое-что. Это чье-то логово. Смотрите, эти кости жевались, видны следы зубов — там, где их раскалывали ради мозга.

Ливак задумчиво повертела в руках огромный череп.

— Какого размера должен быть этот кто-то, чтобы затащить сюда такое крупное животное?

— Достаточно большим, чтобы мне не хотелось с ним встречаться, — выпалила Розарн. — Пошли отсюда.

— Нет ничего, кроме костей? — Налдет шевелил ногой грудy осколков. — Если мы найдем горшок или еще что-нибудь, я сумею заставить огонь отразить происхождение этого горшка. Я давно над этим работаю, и Планир сказал...

— Ты светишь на горшок магическим светом? — с вежливым скептицизмом уточнила Розарн.

Маг нетерпеливо махнул рукой.

— Нет, я поджигаю его, и магический свет иногда отражает интересные вещи, прежде чем испепелит объект.

Мне стало нехорошо.

— Скажи, а ты не проделывал это с какими-нибудь колонийскими древностями?

— Что? Нет-нет, мы об этом думали, но Планир запретил, пока я не добьюсь более надежных результатов. — Налдет радостно улыбнулся. — Это он хорошо сделал, не так ли?

— Здесь нет никаких свежих следов, — сказала Ливак. — Кто бы ни жил здесь, его давно уже нет.

Она ткнула ногой маленький череп с центральным гребнем. Дома я назвал бы его барсучьим, но у этого зубы были совсем другие.

— Здесь есть еще пещеры, которые мы могли бы осмотреть! — загорелся Налдет.

— Может, и осмотрим, когда сговоримся с учеными. Иначе все, что мы сделаем, породит еще больше бессмысленных вопросов, — заявила Розарн.

— Но мы должны искать эту пещеру — ради колонистов, — возразил Налдет.

— Она не здесь, — вмешался я, переставая удивляться собственной уверенности.

— А где? — тут же поинтересовалась Розарн.

Но я лишь беспомощно пожал плечами.

— Не знаю, пока еще не знаю.

Выйдя из пещеры на яркий свет, мы заморгали.

— Ну хорошо, вы двое продолжайте там. — Розарн махнула рукой и немедленно пошла разбираться с двумя наемниками, которые издевались над каким-то существом, забившимся в угол между рухнувшими стенами.

Мы переглянулись с Ливак и продолжали срубать всепроникающие лианы, не находя ничего более интересного, чем еще несколько пустых разрушенных зданий. Я начал уставать, хотел пить и все больше злился, но Ливак вдруг резко выпрямилась.

— Смотри, дым!

Я оглянулся — голубой дымок бивачного костра уходил в неподвижный воздух, а полуденное солнце стояло высоко в небе. Как же я не заметил его раньше?

— Обед! Все в лагерь! — прокричала Розарн.

Мы пробрались через вырубленный тут и там подлесок и, войдя в стены усадьбы Ден Ренниона, увидели хорошо организованный лагерь.

— Ну, у кого есть что рассказать? Кто что нашел? — полюбопытствовала Хэлис, начиная делить своим ножом ряд насаженных на вертел маленьких зверьков, аппетитно подрумяненных над сланным костром. Мы с Ливак встали в очередь за своей долей.

— Уйма всего — и ничего особенного, — заворчал кто-то из старых наемников, сдирая кусок мяса с ножки. — Все пусто.

— Это немного странно, если вы спросите меня. — Мужчина с худым лицом, который излечился от наступающей лысины, наголо обрив голову, доставал грубые лепешки из полотняного мешка. — Здесь было настоящее побоище, верно? Нападение на рассвете, масса народа, застигнутого прямо в ночных рубахах, да?

Он вопросительно посмотрел на меня, и я кивнул, но говорить боялся, только держал двери к воспоминаниям Темара накрепко закрытыми.

— Но где же тогда кости? — Бритоголовый обвел взглядом круг наемников. — Ладно, здесь есть падальники, и случилось это, я знаю, много-много лет назад. Но, Сэдриновы потроха, внутри-то зданий мы должны были найти какие-то кости, особенно тех, что были сожжены.

— Падальники разбросали бы кости, они так и валялись бы вокруг. Падальники едят там, где находят добычу, — согласилась более зрелая женщина, равнодушно обгладывая мясо.

— Жаль, — мрачно сказал средних лет мужчина в мантии ученого. — Если б вы нашли нам череп, то мы могли бы опробовать некоторые некромантические ритуалы. Хотелось бы мне посмотреть, что они воскресят.

Какую-то минуту все ошеломленно молчали.

— Ну ладно, кости, а как насчет другого? — оглянулся через плечо рослый наемник, сидевший спиной к круту, а лицом ко входу на случай неожиданной угрозы. — Я был в Терскейте, когда Драксимал отбил его четыре года назад. Тот город пал за поколение до этого и с тех пор его не трогали, там повсюду валялся всевозможный хлам. Уйма вещей сгниет, допустим, но не горшки, монеты и прочее. Думаю, это место было разграблено, а не просто брошено.

— Кто бы мог это сделать?

Мне было любопытно узнать, что обо всем этом думают воины. В нынешнем плавании через океан они явно держали ухо остро.

Розарн передала мне бедрышко прямо от костра, и я поделился им с Ливак.

— Мы с Лессаем недавно говорили о том, что могло случиться с эльетиммами, которые были здесь, когда старая магия потеряла силу, — сообщила наемница. — Без магии они не могли вернуться домой, и не похоже, чтобы они обосновались здесь, так куда же они делись?

— Да какая разница? — прошамкала Ливак, слизывая с пальцев горячий жир. — Там были одни мужики, так? Вероятно, через пару поколений все они уже были мертвы, сколько бы их там ни согласилось танцевать на другой стороне зала.

Ее слова вызвали у всех улыбку, и разговор повернулся к более общим вопросам, когда другие группы наемников сбежались на соблазнительный запах жаркого. Ливак задумчиво уставилась в непроходимый лес, и я похлопал ее по плечу, предложил пресную лепешку.

— А, спасибо. — Она оторвала кусок и жевала все с тем же задумчивым видом.

— Мизаен заимствует твои мозги? — пошутил я.

— Что? О, я просто подумала: как далеко простирается эта земля? Ты не знаешь?

— Нет, ни у кого не было времени это выяснить до гибели колонии.

— Хотя я и горожанка, но люблю бывать в сельской местности, пока это фермы или лес. Но я никогда не была в таких местах, где нет никаких дорог, как бы далеко ты ни заехал, где нет ни деревень, ни городов, чтобы найти постель или ванну, когда они тебе действительно нужны, нет ничего, кроме диких дебрей со всех сторон. Это хуже, чем Далазор.

Ливак говорила так интригующе, что я проследил ее взгляд, устремленный в таинственный лес. Далекие вершины вставали за ним, ведя Мизаен знает куда. Где кузнечный бог и

владыка моря поделили эту землю? Как далеко она простирается? Где царство Дастеннина снова вступает в свои права и некий пока невидимый океан плещет о нехоженный берег?

— Поэтому они и приехали сюда, колонисты, чтобы найти пустую землю, которой хватило бы для всех, кто лишился дома после сокращения Империи. — Я устроился возле поваленного дерева и глотнул сильно разбавленного вина из своей фляжки. — Думаю, потому и эльетиммы так ее хотели. Вспомни, как бедны и тесны их острова.

Я предложил Ливак фляжку. Казалось, она хочет что-то сказать, но резкий голос Эйреста помешал ей.

— Так, народ, пора за работу! Слушайте мой рог на закате!

Все встали, однако тут и там слышалось недовольное ворчание, которое любой офицер усмирил бы взглядом или — в милиции мессира — дубинкой. Присягнувшим и в голову бы не пришло порочить свою клятву выражением несогласия. Я вздохнул. Все это начинало казаться неуместным рядом с моими собственными проблемами. Эйрест просто игнорировал ворчание, и никакого открытого протеста не возникло, все вернулись к утомительной и в конечном счете бесплодной работе. День тянулся медленно, и мне все труднее было сохранять и концентрацию, и терпение. Я изливал свою досаду в длинных и сложных ругательствах в адрес Темара, Планира и даже мессира, за то что затянули меня в эту трясины. Несмотря на все мои усилия, я, казалось, увязал все глубже и глубже. Конечно, первое, что вам предложат, если угодите в болото, это не барахтаться, а ждать помощи. Но как быть мне? Кто вытащит меня из этой трясины, кроме меня самого? Планир скорее использует мою погруженную голову как опору для мостков, если это отвечает его целям, а мессир полностью передал меня в распоряжение Верховного мага, не так ли? Какова теперь цена наших клятв?

— Хорошо!

Звучный рог Эйреста и рев, следовавший за ним, были самыми желанными звуками за этот долгий сезон. Отбросив тяжелую ветку, которой я выбивал еще одну засыпанную и гниющую дверь, чтобы обнаружить все тот же гниющий мусор, я быстро спустился к береговой полосе ниже усадьбы, где наемники открыли бочонок слабого пива. Они жадно пили, доедали остатки мяса и хлеба, досадуя, что день прошел впустую. Многие раздевались, смывали дневной пот и грязь в извивающихся водах устья. Мне это показалось отличной идеей, и я аккуратно свернул одежду, затянув сверток поясом для меча.

— Отнесешь его, ладно? — крикнул я Ливак, и она махнула в знак согласия.

Я бросился в темную воду и быстро поплыл саженками. Это было совсем не похоже на плавание в чистом, прозрачном море там, дома, но в этой воде было достаточно соли, чтобы мои губы могли ощутить желанный привкус. Мечтая освободиться от всех ограничений, я сделал рывок, сосредоточился только на скорости и дыхании; в чистых, несложных требованиях к своему телу я находил избавление от длительной умственной борьбы. Когда я повернул голову, чтобы вдохнуть, мне показалось, будто кто-то пытается обогнать меня — я заметил краем глаза чьи-то гладкие темные волосы. Я удвоил усилия, но вскоре вынужден был отдохнуть, чтобы не изнурить себя, и оказался один в воде. Я вступил в поединок с какой-то тенью из множества тайн, запертых в моем разуме. Свежие воспоминания закружились в моей голове. Я сжал кулаки от бессильной злости и медленно поплыл назад. Когда я нехотя вошел в объятие стен, мои усталые конечности слегка дрожали.

— Вот это плавание!

Шив дал мне полотенце; я небрежно вытерся и набросил рубашку, которую он же вручил мне, потом едва натянул бриджи на еще влажные бедра.

— Где Планир?

— Там, говорит с Эйрестом. — От моей бесцеремонности у мага округлились глаза.

Я невидяще уставился на него. Что-то было явно не так. Неуловимое воспоминание дразнило меня, невесомое как тень. Я зажмурился, пытаюсь ухватить его. Запахи лета пришли ко мне с порывом ветра, и я почувствовал сочность леса, едкость влажного от росы камня, слабейшее благоухание соли и водорослей от раскрытых илистых отмелей ниже по течению.

Я выдавил улыбку, чтобы успокоить Шива, и глубоко вдохнул. Затем провел рукой по мокрым волосам, уже отросшим настолько, чтобы завиваться и спутываться, и без всяких церемоний прервал разговор Верховного мага.

— Райшед?

Планир поздоровался со мной довольно вежливо, но я видел вопросы в его глазах. А Эйрест воззрился на меня с откровенным раздражением.

— Это не здесь и нигде поблизости, — дерзко заявил я. — Возле пещеры не было запаха моря. Лес тоже был другой, более смолистый, более ароматный. Мы не там ищем!

Я почти кричал, не свойственный мне гнев захлестнул меня — гнев на себя за то, что я не понял этого раньше, гнев на Темара за то, что так далеко увел потрепанные остатки колонии, прежде чем найти убежище, гнев на всех этих проклятых ученых и магов за то, что не разгадали этого сразу. Ведь это так

очевидно, не правда ли? Головы повернулись ко мне со всех сторон, и чей-то голос воззвал со стены, но Эйрест быстро успокоил часового.

— Тогда где они? — безапелляционно спросил Планир, скрестив руки. Ни бриджи, ни простая рубаша не убавили его властности.

— Рудники — вот куда они бежали, вверх по реке до тех пещер. — Я страхнул цепляющиеся воспоминания Темара и обернулся к Шиву. — Ты можешь гадать на таком расстоянии?

— Могу попробовать. — Он выпятил челюсть.

Планир поднял руку.

— Нет, Шив, не сегодня.

Мы оба устали, на него с открытыми ртами.

— Уже поздно, все устали, — твердо произнес Планир. — Если колонисты спали столько поколений, то задержка на один день вряд ли будет иметь значение.

Я вознамерился было возразить, но тут возникла Ливак.

— Пошли, — строго сказала женщина. — Он прав. Сегодня мы уже достаточно сделали. Помоги нам в доме, а потом выберем хорошее место для сна.

— Пожалуй, так будет лучше, — нехотя признался Шив. — Я здорово истощен после расчистки якорной стоянки.

Скрепя сердце, я уступил и чуть-чуть воспрянул духом, лишь когда Ливак взяла меня за руку и мы пересекли оживленный теперь двор. Я немного сорвал злость на несчетных поколениях разных тварей, изгоняя их из углов разрушенного дома, но внутри у меня по-прежнему все кипело.

— Думаю, мы застолбим себе место здесь. — Ливак положила свою легкую котомку и тяжелый сверток моих доспехов по обе стороны небольшого остатка внутренней стены, способного дать нам подобие укрытия и уединения. — Это нам отлично подойдет.

— Ладно.

Сражаясь за спокойствие, я подумал о еде. Стоило мне оглядеться, как я увидел Хэлис, деловито раздающую хлеб и тушеное мясо.

— И кто же сделал тебя кашеваром? — с ухмылкой спросила Ливак, когда мы заняли очередь.

Хэлис встретила нас лукавой улыбкой.

— Должна же эта проклятая нога на что-то сгодиться!

Я жадно набросился на мясо и кивнул Хэлис.

— У тебя настоящий талант к стряпне.

— Я с этого начинала, — заметила она, изрядно меня удивив. — Сперва нанялась кухаркой в торговый караван, а после в корпус. Там я и научилась сражаться. — Хэлис

излучала добродушие и спокойствие, чего я раньше в ней не замечал, и все это в ней было не только из-за двух вновь здоровых ног. — А ты что думал? Что я взяла меч и отправилась на поиски приключений? Тогда бы я давно валялась мертвой в канаве или сидела на цепи в публичном доме.

Ее речь вызвала смешки одобрения со всех сторон.

— По крайней мере это освобождает меня от настоящей работы, — продолжала Хэлис, широко улыбаясь. — Неплохо отдохнуть для разнообразия.

— А как дела у наших ученых?

Чтобы не слишком ей завидовать, я оглядел толпу совещающихся вокруг костра Тонина.

— Они кажутся очень довольными собой, — хмыкнула наемница. — Тонин натаскивал Паррайла по заклинаниям, которыми они надеются разбудить спящих колонистов.

Обжигаясь горячим мясом, Ливак задышала открытым ртом и, морщась, проглотила кусок.

— Значит, теперь мы должны ждать до утра? — покорно спросила она. — Прежде чем сможем наконец разобраться со всем этим?

— Именно так, мы ждем, — подтвердила Хэлис, но морщины, избородившие лоб, выдавали ее собственное нетерпение.

Я подавил угрюмое желание спросить, о чем, во имя Дастеннина, им беспокоиться с полной миской тушеного мяса и овощей. Ведь это в моей голове прячется древний тормалинец, причем вовсе не спящий. И это я не могу думать ни о чем другом, борясь с неукротимо накапливающимся изнурением вместе с навязчивой личностью Темара.

Темнота, прерываемая лишь обрывками снов

Сначала не было ничего, никаких ощущений, никакого света, никакого звука. Казалось, он никогда не знал иного существования, кроме этого заколдованного сна. Но вот сознание вернулось, болезненно, мучительно, как теплая кровь, пульсирующая в онемевшей конечности, — оно вернулось застарелым страхом и новой тревогой. Когда знакомое чувство медленно потекло по старому руслу, Темар проснулся в небытии, в давящей на него сверху черноте. Ужас заскребся в уголках разума, подтачивая решимость юноши выдержать это испытание. Неуверенность росла, подхлестнутая внезапным пониманием, что он ничего не чувствует, вообще ничего. Сердце билось все быстрее, посылая огонь в бегущую по жилам кровь, дабы воспламенить ярость, столь необходимую для отражения угрозы, но она не приносила облегчения. Никакой пот не выступил на лбу Темара, чтобы охладить его, никакой

древний инстинкт не топорщил волосы на затылке, чтобы предупредить о нависшей опасности. Темар парил, бестелесный, в безликой пустоте, а когда желание закричать стало невыносимым, юноша захлебнулся в тошнотворной панике, поняв, что кричать нечем, что нет у него ни рта, ни голоса. Беспросветный ужас затопил его, беззвучно вопящего, и бросил в удушающие тиски заклипания.

Вина мучила его, но была сметена в сторону злобными морскими волнами, которые швыряли и заливали судно, попавшее в зубы свирепого шторма. Молния вспыхнула над головой, порождая жуткое свечение от временной оснастки ялика, не имеющего никакого права находиться в открытом океане. Человек, привязанный к банке канатом, боролся с румпелем, и Темар отчетливо слышал отчаянные мысли моряка. Он выберется из шторма или утонет вместе с кораблем. Если он не спасет свой драгоценный груз — и живой, и тот, что пребывает в заколдованном сне, — Дастенник бросит его навечно в реку теней тонуть вместе с демонами Полдриона. Это Вахил, успел понять Темар перед тем, как сознание вновь выскользнуло из слабой хватки ума.

Гулкое эхо шагов в высоком зале было следующим, что он постиг, твердых, целеустремленных шагов.

— Вы рассматривали нашу петицию? — раздался откуда-то женский голос, но Темар, как ни старался, не мог ничего разглядеть за тусклой серостью, клубящейся со всех сторон.

— Вы хоть понимаете, о чем просите? — Это был ответ съера, достаточно уверенного в себе, чтобы сопроводить отказ утешающим красноречием. — Даже если б удалось организовать такую экспедицию, мы не смогли бы отплыть раньше второй половины весны, и один Сэдрин знает, что мы тогда найдем. Вся Империя разваливается на куски, а вы просите меня riskовать людьми и средствами в поисках нового, коварного врага, чтобы в итоге лишь поощрить этих мародеров в их стремлении отправиться сюда и покончить со всеми нами, пользуясь этой неразберихой!

— Но нельзя же оставить их там!

Эльсир теперь плачет, смутно осознал Темар, и внутри закипело желание утешить ее.

— Мы можем получить ваше разрешение связаться с усыпальницей Острина в Бремилиейне? — прохрипел Вахил, его боль ярким стрекалом пронзала свинцовый туман, который клубился вокруг Темара.

— Да, конечно, — устало ответил сьер. — Целитель допускает, что они, возможно, сумеют помочь вам, но должен предупредить: у них и собственных забот сейчас хватает.

Сознание Темара отпрянуло от тяжелого отчаяния сьера и растворилось во мгле.

Аромат тимьяна, раздавленного копытами скачущей галопом лошади, смешался с щекочущим запахом дорожной пыли и едкой вонью конского пота. Раздался крик, и Темар услышал грязные ругательства, несущиеся со всех сторон, — лязг мечей высек искры из его спящего разума. Сбруя дребезжала и скрипела, свистел и шелкал хлыст, подгоняя и без того обезумевшее животное. Темар чувствовал необходимость спешить, чувствовал отчаяние, смешанное с высокомерием, мгновенно превращавшееся в страх, неуверенность и боль. Удар меча вонзился в разум так же глубоко, как в тело, и Темар тщетно боролся с паникой; она захватила его своими щупальцами и тащила вниз так же неумолимо, как водоросли, топящие пловца. Внезапная боль скрутила его, чтобы смениться еще более ужасной пустотой, пока тьма еще раз не заявила на него свои права.

— Что же ты такое, и как мне открыть твои секреты?

Резко пробудившись, Темар увидел склоненного над ним человека с ястребиным лицом и соломенными волосами. Ужас затопил его, но в это самое мгновение юноша сообразил, что человек с колючими голубыми глазами смотрит не на него, а на что-то рядом. Сам же он, понял Темар, все еще свободен от телесной оболочки — не более чем тень, взывающая к Полдриону о переправе в Иной мир. Но кто этот человек? Память старалась изо всех сил связать клубки воспоминаний, и далекое эхо боли и ужаса неясно прозвучало в сознании Д'Алсеннена. Соломенные головы в рассветном сумраке мелькнули перед его мысленным взором, и возникло ощущение страшной опасности, когда этот человек с холодными глазами начал бормотать заклинание, а ядовитые миазмы стали затягивать видимый образ. На этот раз юноша добровольно потянулся к укрывающим его туманам колдовства, ныряя в безопасные глубины, чтобы ускользнуть от ядовитого прикосновения колдуна.

Свет опалил его как горящая головня.

— Давай, Вилтред, шевелись! Они вот-вот догонят!

Говорящий остановился в воротах, его глаза пылали на бледном лице, рыжеватые с проседью волосы развевались

на порывистом ветру. Его спутник, нагруженный пестрой коллекцией драгоценностей, оружия и пивных кружек, уже спешил к нему. Первый снова побежал, презрительно топая своими длинными ногами короткую траву, и его спутник, пониже ростом и более крепкий, с темными волосами и бородой, помчался следом, длинные полы его лазурной мантии грозили опрокинуть его на каждом шагу. Какие-то мелочи выскользнули из рук бородача, чтобы затеряться в неровностях земли.

Темар молчал в мучительной беспомощности. Со всех сторон шипели стрелы, глухо ударяясь в дерн, но когда юноша уже потерял надежду, что эти двое спасутся, невидимые руки выхватили стрелы из воздуха, а из ладоней бородастого струился голубой свет, поразительно яркий на фоне сплошных облаков.

— Сюда, Азазир, она здесь!

Внезапно они оказались на краю утеса, где черные базальтовые колонны образовали опасную лестницу к крошечной рыбацьей лодке из обтянутого кожей дерева; она качалась, ничем не привязанная, в буйной пене прибоя.

— Смотри под ноги, — с безумным ликованием в голосе крикнул рыжеволосый и легко, словно кошка, запрыгал по шатким камням.

Молодой спускался осторожнее, всякий раз проверяя, куда ставит ногу. Ледяные брызги хлестали его, жгучий холод пробирал до костей, пока он совершал этот длинный и опасный спуск.

Крики наверно сообщили о прибытии погони, но, когда облаченные в черное воины собрались на вершине утеса и несколько смельчаков начали сползать по скользким, ненадежным камням, рыжеволосый уже добрался до кожаной лодки. Непридуманно стоя в этом хрупком суденышке, он воздел руки, и зеленое свечение собралось вокруг них, бросая таинственный отсвет на его худое лицо. Морские брызги, попавшие на камни, начали срастаться, капли, стягиваясь, превращались в ручейки, а те, соединяясь, текли по черным камням, толкали руки и ноги. Когда его молодой спутник подбежал к лодчонке и вывалил на дно свою ношу, он сплел собственный клубок голубого света, и резкие порывы ветра принялись хватать воинов за плечи и дергать за ноги. Один пронзительно закричал, падая в ледяную пену навстречу своей судьбе, второй лихорадочно схватился за соседа, но, как только утащил его с собой, оба разбились на беспощадных скалах, прежде чем море забрало себе и эту добычу. Бурное ликование охватило Темара, но не успел юноша насладиться им, как вокруг опять закружился туман и поглотил его, как ледяные моря его видения.

Страсть переполняла Темара, горячая, неистовая страсть — такой он никогда еще не знал. Гуиналь. Она ушла, но не погибла, а только спрятана — драгоценность, столь же надежно сокрытая в глубине земли, как самый прекрасный драгоценный камень, когда-либо созданный Мизаеном, не грубый и шершавый, но спящий в своей несравненной красоте, дабы открыться тем, кто его ищет. Темар потряхнул внезапный образ зеленых глаз, потемневших от страсти, и темно-рыжих волос, разметавшихся по небеленому льну, и решимость наполнила его. Во что бы то ни стало он должен вырваться из этого плена и придумать, как спасти Гуиналь. Ничто другое ее не спасет.

Развалины усадьбы Ден Ренниона, Кель Ар'Айен, 43-е постлета

— Ты не спишь? — Ливак приподнялась на локте, с любопытством глядя на меня. В лунном свете глаза ее казались огромными.

Я посмотрел на небо. От Большой осталось меньше половины, зато Малая все прибывала. Через несколько дней наступит полнолуние, а вместе с ним и осень. Я тяжело вздохнул.

— Уже не сплю.

— Тебе что-то снилось? — Ее неуверенность, как всегда, вызвала у меня зубовный скрежет.

— Опять чужие сны.

Я сел и потянулся, разминая затекшие плечи. Возможно, Темар испытал еще более кошмарные ужасы из-за своей бестелесности, но быюсь об заклад, что достаточно страдаю за нас обоих, если учесть, какими прочными узлами его воспоминания завязывают мои спящие мышцы.

— Думаю, я видел что-то, исходящее из ощущений Темара в течение поколений: может быть, чьи-то сильные эмоции устанавливали с ним связь — если в этом есть какой-то смысл.

Даже в жидком лунном свете были видны сомнения и замешательство на лице Ливак. Ночь стояла теплая, а я вдруг похолодел от страха, подумав: а что будет, если сны Темара включают и меня? Я увижу себя его глазами? Странная мысль! Я сел на постели и взглянул на темный двор, где слабо светился зеленый магический огонь Шива, а потом ласково взерошил распущенные волосы Ливак.

— Вряд ли я сейчас засну, — прошептал я. — Лучше пойду прогуляюсь.

— Давай, — глухо пробормотала она из-под одеяла.

Когда я подошел к Шиву, он тихо разговаривал с Тонином. Между вытянутыми ногами ментора стоял сундучок, а в нем, залитое магическим светом, таинственно блестело золото.

— Что, Раш, — с доброй улыбкой произнес маг, — не спится?

— Как тут уснешь, когда незванный гость опять норовит ворваться в мои сны! — отшутился я.

— Мы обсуждали, каким образом нам утром приняться за гадание, — объяснил Шив.

— Тебе опять снилась колония? — Тонин пытливо смотрел на меня, и я полез в его ларец, дабы предупредить следующие вопросы.

— Что это? — Я вытащил брошку, но тотчас выронил ее: боль, подобная искре от кошачьей шерсти, обожгла мои пальцы.

— Часть колонийских артефактов. — Тонин взял кольцо и бережно завернул его в шелковый лоскуток.

— Осталось лишь найти людей, которым они принадлежат. — От досады Шив повысил голос, и несколько голов поднялись с соседних одеял.

— Нельзя ли потише? — ядовито прошипел темный сверток, и я удивился, поняв, что это Вилтред. Я-то думал, старик предпочтет остаться на корабле.

— Что-нибудь задевает твои струнки?

Тонин протянул мне ларец, и я неохотно полез за простым золотым кольцом, вроде тех, что тормалинские мужчины до сих пор дарят своим женам на память о первых шагах их ребенка. Положив кольцо на ладонь, я попробовал ослабить засовы, которые удерживали Темара за закрытыми дверями. Ничего не произошло; чувствуя нелепое разочарование, я покачал головой.

Ментор убрал кольцо и положил мне на ладонь цепь. Висевшие на ней ключи, нож и кошелек тихо позвякивали, раскачиваясь туда-сюда. По-прежнему ничего не чувствуя, я вернул ее ментору и забрал у него весь ларец. В основном там были кольца: одни — простые, другие — украшенные эмалью или гравировкой, третьи — с тяжелыми кабошонами, но больше всего оказалось с печатями; бывшие владельцы везли их с собой за океан в надежде вновь подтвердить свои владетельные права. Граненые камни перстней и разных драгоценностей загадочно мерцали в неверном лунном свете. Покопавшись на дне ларца, я отыскал тонкий кинжал в костяных ножнах. Пятно медно-цинкового припоя немного портило рукоятку, починенную после той драки с Вахилом, но в остальном эта вещица, которая выдавала благородное происхождение Ден Домезина, выглядела по-прежнему изящно. Я улыбнулся, вспомнив, как досадовал Олбарн, когда его легенда о том, что он —

фермерский сын, осиротевший при отступлении из Далазора, была так легко разоблачена.

Резкий кашель Вилтрета спугнул мимолетные воспоминания. Тонин бросился к старику и помог ему сесть.

— Как ты, Вилтред?

Ментор озабоченно приложил ладонь к его лбу. Даже в этом тусклом свете меня поразил нездоровый цвет стариковского лица.

— А ты как думаешь? — Вилтред сердито оттолкнул руку Тони-на, но снова закашлялся и, задыхаясь, прижал руки к груди.

— На-ка, выпей это. — Пропустив мимо ушей сварливый ответ престарелого мага, Тонин поднес к его бледным губам небольшой флакончик. — Доверься мне, я ведь раньше изучал целительство и только потом занялся эфирной магией. Я собирался принять постриг и уйти в монастырь Димэрион, пока мой отец не решил, что я должен повидать мир, прежде чем принять такое важное решение. И знаешь, мне понравился Ванам. Так я и не нашел подходящего времени уехать. Получил свое серебряное кольцо, а затем возник следующий проект...

Пустая болтовня ментора лишала Вилтрета возможности перебить его. Что бы ни содержалось в том снадобье, оно враз облегчило дыхание старого мага, и складки боли меж его бровей постепенно разошлись.

— Думаю, нам всем лучше поспать, — извиняющимся тоном сказал ментор, проворно укладывая драгоценности обратно в ларец.

Шив зевнул.

— Спокойной ночи, Раш.

Я кивнул и оставил их, но не вернулся в наш с Ливак уголок в разрушенном доме. Я боялся снова сомкнуть глаза, ибо все воспоминания Темара об этом месте проснулись и требовали моего внимания. Балансируя между спящими, я забрался на стену; сел и поставил ноги на выветренный выступ. Только я мог видеть его таким, каким он был раньше, — нахальный портрет управляющего Ден Реннионов. Теперь от крючкового носа остался лишь один обрубок, а глаза с нависающими веками казались просто впадинами в выщербленном камне. Я глубоко вдохнул и устроился в ожидании утра. Оно принесет мне избавление, твердо решил я, или Планир столкнется с вопросами на конце моего меча. Нет, не твоего, осадил я себя. Это меч того парня, Темара, и требовать ответы с угрозами — это его стиль, не твой. Мне оставалось надеяться, что это правда, ибо все труднее было отличать, где — я, а где — он.

Ночь тянулась медленно, но я черпал утешение в регулярных проходах часовых и их тихих разговорах при смене караула.

Наконец, спасибо Мизаену, взошло солнце над этой стран-

ной землей, и со своей удобной позиции я увидел наш маленький отряд, собранный под защитой стен, окруженных со всех сторон молочно-белым туманом. Свернувшиеся калачиком фигуры зашевелились и стали выползать из одеял. Некоторые уже встали и тихо беседовали, закусывая лепешками. Последний ночной дозор завернулся в плащи и, надвинув капюшоны на глаза, добродушно поругивал тех, кто слишком громко болтал рядом с ними.

Потом я заметил, что Верховный маг вышел из своего шатра, и, спрыгнув с насеста, направился к нему; по пути я отмахивался от Хэлис, предлагающей мне еду.

— Когда ты начнешь гадание, Планир? — спросил я без предисловий.

— Как только все нужные маги проснутся и перекусят, — ответил Верховный, слегка удивившись моему раннему появлению.

— Кто тебе нужен? — Я решил как можно скорее вытащить этот маскарад на подмостки.

— Кто-нибудь, разбудите Вилтреда, — приказал Планир через плечо, не сводя с меня глаз.

— Я уже не сплю, Верховный, — сварливо ответил старик. В одной руке он держал настой, от которого шел пар, другой потирал скрюченные пальцы, как будто хотел унять боль. — Что я должен делать?

— Гадание, — бросил Планир. — Зар, ты где?

— Здесь. — Узара так зевнул, что затрещала челюсть, и, состроив гримасу, дрожащей рукой потер глаза. — Извините, похоже, я вчера слегка перестарался, расчищая фарватер. — Он небрежно кивнул мне, но, присмотревшись к моему лицу, заметно вздрогнул.

— На что это ты уставился? — рассердился я.

— Думаю, большинству из нас немного жутко видеть, как мерцают твои глаза, — ответил за Узару Верховный маг.

От его спокойных слов я оторопел.

— Мне никогда не встречалось описание такого эффекта, — раздался сбоку голос Тонина. — Впрочем, в тех документах не было никакого намека и на все эти чудеса со снами.

Деловито зашнуровав испачканную чернилами куртку, ментор принял охапку пергаментов от услужливого ученика, в котором я узнал его протеже, Паррайла, энсейминского парня с копной жестких волос, которому, на мой взгляд, еще полагалось ходить в учениках. Слишком молодо он выглядел, чтобы носить серебряное кольцо-печать, которым Ванам награждает своих ученых.

— Спасибо, что согласились так рано взяться за гадание, Верховный, — добавил ментор. — Я очень ценю эту любезность.

— Где Налдет? — Вилтред сердито огляделся по стононам.

Молодой маг живо протолкался сквозь отряд наемников.

— Зачем я вам нужен?

— Надо создать связь. — Планир закатал рукава.

Тем временем Шив водрузил на грубо сколоченный стол широкую, не меньше длины руки в поперечнике, серебряную чашу. Налил из мехов обычной речной воды, щелкнул пальцами, и чаша наполнилась изумрудным светом, который озарил благоговейные лица молчаливо столпившихся вокруг наемников. Я подавил злое желание послать сих воинов куда подальше с их любопытством.

Вилтред положил ладонь на край чаши, и теперь она замерцала смешанным голубым и зеленым светом. Узара кивнул Планиру и тоже положил руки на стенки. Зелено-голубой круг приобрел желтоватый оттенок. Налдет вытянул руки над водой ладонями вниз, и красноватый отсвет согрел крутящийся цветовой узор. Вода вращалась все быстрее и быстрее, водоворот затягивал прозрачный свет в головокружительную спираль, пока Планир не погрузил обе руки в центр этого колодца. Чаша зазвенела, как большой храмовый колокол. Наемники вокруг зашевелились и зашептались, но серые стальные глаза Планира твердо удерживали мой взгляд.

— Смотри внимательно и скажи мне, что ты узнаешь.

Верховный маг простер руки, из них восстал образ — круг в пустом воздухе, окаймленный беспрестанно меняющимся узором магических цветов. Среди ранних утренних туманов видение в круге поражало своей четкостью. Оно менялось и словно кружило над землей, пока не возникли спокойная гладь дельты и корабль магов, стоящий на якоре. Я лихорадочно заморгал. Глаза клялись, что я перемещаюсь, но уши утверждали обратное, а бедный желудок корчился, болтаясь где-то посередине. Я никогда не страдал морской болезнью, но теперь дал себе зарок с большим пониманием относиться к тем, кто подобно Ливак испытывал муки при первых же признаках.

Река в магическом зеркале понеслась прочь, ее русло сужалось, берега становились круче, белые буруны разбивали зеленые воды течения. Пологие луга вдоль берегов сжимались, а лес все ближе спускался к самой кромке воды. Я поймал себя на том, что качаюсь и клонюсь, в то время как мои глаза убеждали меня, что я лечу над этим пейзажем, лечу высоко, будто птица, но без всяких усилий. Тщетно пытаюсь заглянуть за край образа в том волшебном полете, я был так поражен абсолютной невозможностью этого, что едва не прозевал нужное место.

— Вернись назад, там, на ближней стороне, вход в ущелье! — Я сражался со словами в тот миг, когда воспоминания Темара вырвались из плена и необъяснимая потребность спешить наполнила меня страхом.

Планир на мгновение закрыл глаза, и образ в колдовском видении повернулся кругом. Шепот со всех сторон подтвердил, что не меня одного замутило от этого зрелища. По велению магии солнце осветило узкую теснину, полускрытую папоротниками и гибкими побегами кустов. По каменистому дну бежал говорливый ручей, он спешил затеряться в главном потоке.

— Где находится это ущелье? — сурово спросил Планир, внимательно глядя на видение.

— Чуть выше по течению от рудного поселка, — ответил я, прежде чем понял, что знаю ответ. — Темар и Ден Феллэмийон привезли уцелевших на лодках, а затем увели к рудникам, подальше от причалов.

Снова хлынул поток воспоминаний: крики, плач, вспышки гнева раздосадованных людей, которым больше нечего было терять и они ополчались на тех, кто так безжалостно гнал их ради их же спасения.

— Мы знаем, где это, Зар? — вновь раздался требовательный голос Планира.

Молодой маг с мрачным от натуги лицом вливал свою силу в заклинание.

— Да! — выпалил Узара.

Планир хлопнул в ладоши, и неземное видение исчезло, оставив только яркий след в глазах. Наемники начали расходиться, кое-кто, задумавшись, спотыкался о незамеченные препятствия; в их тихих разговорах проскальзывали любопытство и опасение.

— Верховный! — Калион протолкался к нам, его толстые щеки тряслись от досады.

— Мастер Очага! — вежливо приветствовал его Планир.

— Почему меня не разбудили? Разве я — не лучший выбор для скрепления связи и...

— Верховный! — настойчиво окликнул Планира Шив, и все повернули к нему головы. Маг все еще склонялся над серебряной чашей, колдуя теперь в одиночку. — Я решил спуститься по реке и пройти в обе стороны вдоль побережья. И только поглядите, что я нашел!

Стопившись вокруг, мы уставились в чашу. Сияющая вода показывала три корабля. Они легко покачивались на спокойных прибрежных водах, стоя на якоре чуть в стороне от узкого залива, который я узнал из столкновения Темара с украденным «Лососем». Я поднял голову: лица вокруг были мрачны.

— Именно там эльетиммы напали на корабли колонии, — сообщил я.

Тонин задумчиво кивнул, сверяясь со сложенным в несколько раз пергаментом.

В чаше каждый кораблик казался игрушечным. Вот только на игрушках не бывает крошечных фигур, движущихся по палубам и снастям, во всяком случае, за пределами Хадрумала.

— А это не может быть обманом? — Я внезапно припомнил иллюзии, творимые Ледяными Людьми год назад, и их ужасные последствия.

— А почему это должен быть обман? — призадумался Планир. — В конце концов, им неоткуда знать, что мы здесь.

— Ты в этом уверен? — Расталкивая всех локтями, Отрик пробился к Верховному магу. — А они не последовали сюда за нами?

— Не думаю, — покачал головой Планир. — Ты не мог бы увеличить радиус, Шив, и показать мне побережье? Да, смотрите, тот лагерь выглядит хорошо обжитым. По-моему, это база для разведки внутренних территорий. Будь добр, Шив, вернись к кораблям. Спасибо. Обратите внимание на те паруса, они явно временные, а теперь посмотрите на днище того корабля, с низкой осадкой. Видите, как оно обросло?

Верховный маг обвел глазами собравшихся вокруг чаши.

— Я бы сказал, эта экспедиция провела здесь все лето, составляя карту и проводя изыскания. А это значит, что интерес эльетиммов здесь не менее насущный, чем наш. — Он посмотрел на меня. — Если мессир Д'Олбриот захочет восстановить здесь колонию, ему придется кое-кого выселять.

— Думаю, мы были бы не прочь оказать сыеру такую услугу, — вставил Калион.

— Это враг, да? — Отпихнув мастера Очага в сторону, Эйрест навис над чашей и скорчил гримасу, когда толстяк попытался вернуть себе место, но вскоре передумал.

— Спасибо, что присоединился к нам, — с легкой иронией приветствовал воина Планир.

— Что вы намерены с ними делать? — не отступал наемник. — Судя по величине кораблей, людей там раз в пять больше, чем нас. Если они нас найдут, мы все отправимся торговаться с Полдрионом.

— Далеко они от нас? — обернулся Планир к Шиву.

— Не больше чем в горсти дней плавания.

— Слишком близко. — Верховный маг поморщился. — Думаю, ты прав, командир. Нельзя оставлять их у себя за спиной. Они могут узнать, что мы делаем.

— Вы собираетесь просто убить их? — ужаснулся Тонин.

— А ты, никак, против? Может, назовешь хоть одну убедительную причину, чтобы их щадить? — с вызовом спросил Эйрест. — Они прикончат нас, не моргнув глазом, если найдут!

Ученый смутился и умолк; но вид у него был недовольный.

— Принятие таких решений — только часть цены за получение мест за самыми высокими столами. — Калиона

эта перспектива ничуть не огорчила. — В этом и заключается искусство государственного управления, ментор.

— Сейчас я выведу ублюдков из игры. — Отрик простер руки над чашей, и глаза его полыхнули голубым огнем.

— Я не хочу всполошить их раньше времени, — предостерег Планир, дотронувшись до его руки. — Используй ветер и волну, работай с Шивом и просто выброси те корабли на скалы. Этого пока хватит.

— И никаких драконов? — Мастер Туч посмотрел на высокого Планира, как драчливый терьер на мастифа.

— И никаких драконов, — непререкаемым тоном подтвердил Верховный маг.

Ливак незаметно пробралась ко мне, когда все с беззастенчивым любопытством наблюдали, как два мага склонили головы над водой — седую взъерошенную и черную, с аккуратной косичкой. Шив явно перенял эту моду у наемников, я видел у них подобные косички.

Небо над кораблями потемнело. Тучи примчались с океана в завихрениях белого, потом серого, потом угрожающего черного цвета. Громоздясь друг над другом, молнии начали вспыхивать внутри темных башен пара без звука грома — странное зрелище. Зеленые водовороты течения закружились среди мирных голубых вод, дергая за якорные канаты, и корабли стали качаться и вставать на дыбы, а белые зубы пены кусали их со всех сторон. По палубам забегали крошечные фигурки, беря рифы на парусах. Они воевали с рвущимися из рук тросами, как вдруг на них обрушился град, и фигурки вздрогнули от его ледяных ударов. Вода подернулась рябью; волны отрывали суда, закрепленные на морском дне, и неумолимо гнали их в свирепые объятия береговых скал.

Ливак, стоявшая рядом со мной, вдруг пошатнулась.

— Прочь с дороги, потаскуха!

Пораженный грубостью Вилтреда, я поднял голову, и три события случились в одно мгновение.

Ливак выхватила кинжал и ринулась на старого мага, но тут же упала навзничь, сбита вспышкой красного огня Калиона. Вилтред, игнорируя их обоих, сжал свои костлявые руки вокруг тощей шеи Отрика; его стремительный бросок опрокинул и чашу, и стол. Релшазский маг не отличался внушительными габаритами, но для Отрика он был достаточно крупным, ибо дерзкая личность мастера Туч обитала в маленьком, хоть и жилистом теле. Вилтред мгновенно повалил Отрика на землю и подмял его под себя, стараясь раздавить поверженному горло.

Я оглянулся на Ливак. Она махала обожженными руками и выглядела ошеломленной.

— Ты цела?

— Его глаза, Раш, его глаза!

Едва разобрав ее сбивчивые слова, я шагнул к Вилтреду, схватил за волосы и запрокинул ему голову. Глаза старика были заполнены безликой чернотой.

— Эльетиммская магия! — закричал я.

Только я это вымолвил, как дикая боль сковала мои руки, затем голову и бросила меня на колени. С треском пронзив воздух, вспыхнул янтарный свет, его удар швырнул меня в сторону, и я увидел сквозь слезы Вилтреда, бьющегося в силках заклинания, сотканного Планиром.

— Тонин, сделай что-нибудь! — яростно закричал Верховный маг.

Тут же по золотистым лучам побежали голубые огни, и у него загорелись рукава. Планир скривился от боли, ругаясь шепотом, но Вилтреда не отпустил.

Ментор рассыпал по росистой траве свои пергаменты и стал отбрасывать их в разные стороны, пока Паррайл не выхватил один листок из этой беспорядочной кучи. Слегка запинаясь, ученые вдвоем начали читать заклинание. Ливак протянула мне руки, и я помог ей встать, сам едва держась на ногах. Краем глаза я заметил, что Шив и Налдет бегут к упавшему Отрику, а Калион плетет круг волшебного алого пламени вокруг Верховного мага и Вилтреда, из последних сил бьющегося с магическими узами. Крик разорвал утренние туманы, вспугнув птиц с окрестных деревьев, и старик внезапно рухнул — вся магия исчезла, остался лишь запах гари, да град вопросов сыпался со всех сторон.

Планир бросился к упавшему Вилтреду, поднял его на руки. Убийственный гнев на лице Верховного мага противоречил тому, как он нежно щупал пульс старика и слушал его дыхание. Ментор Тонин лихорадочно шарил в кармане, но, когда отыскал свой пузырек, в снадобьях уже не было нужды.

— У нас получилось? Мы успели его вернуть, прежде чем сердце не выдержало? — Понимая тщету своего вопроса, ученый обращался больше к себе, чем к окружающим.

Планир только покачал головой.

«Берегитесь захватчиков!»

Голос Темара так громко прозвучал в моей голове, что я не мог поверить, будто никто его не слышал. Испуганный, я вскочил на ноги, предав забвению свое беспокойство о судьбе Вилтреда.

— Берегитесь эльетиммов! — проревел я.

Всего одно мгновение — и фигуры в черных мундирах выскочили прямо из воздуха с обнаженными мечами, алчущими поживы. Их бледная сталь враз обогрилась кровью изум-

ленных жертв. Наемники, захваченные врасплох, бросились отражать эту неожиданную атаку, но не сразу поняли, что эльетиммы устремлялись мимо их клинков, дабы рубить всех подряд ученых и магов.

Я помчался к Планиру, Ливак держалась рядом. Наемники, возглавляемые Минейром, рванули к нам, чтобы защитить чародеев, окруживших своего Верховного мага. Тонин метнулся было к одной из своих учениц — ее васильковые глаза, остекленевшие и безжизненные, слепо уставились в голубеющее небо, а юное лицо уже окутала смертельная бледность, — но два наемника свирело перехватили его и потащили с собой.

— Держись позади меня, глупец! — Минейр толкал плачущего ментора в руки испуганного Паррайла. — Она мертва, теперь вам нужно спасти себя!

Парни Минейра стальным кольцом окружили магов и, выставив клинки наружу, рубили захватчиков, а те снова и снова бросались вперед, не обращая внимания на удары сзади, и легко расставались с жизнью, побуждаемые одной целью — убить магов.

Я парировал размашистый удар, метивший в мои колени, и ударом снизу отсек эльетимму кисть. В это мгновение наши взгляды встретились, и я увидел лишь безумие и ненависть в тех выпученных, льдисто-голубых глазах. Жизнь с кровью вытекала из его раны, но Ледяной островитянин все равно вырвал из-за пояса кинжал и ринулся мимо меня, пытаясь заколоть Шива. Когда мы боролись, поскальзываясь в крови, Ливак неслышно просунула руку в это гнусное объятие и пырнула мерзавца в живот. Эльетимм одеревенел в моих руках, голова его дернулась назад, на бескровных губах запузырилась пена. Я отбросил его от себя, мертвого, прежде чем он ударился о землю.

Огромный пламенный столб поднялся в небо. Это Калион поджег землю вокруг себя, и кучка запаниковавших ученых вцепилась в его фалды, когда огонь жаднолизнул их сапоги. Горсть эльетиммов, не испепеленных заживо пламенем, окружили его, ища любую брешь. Но Лессай и его воины внезапно выросли сзади, чтобы выместить свою досаду и бешенство на тех, кто столь коварно застал их врасплох.

А через несколько минут голос Эйреста прогремел на весь лагерь, каменные стены которого послужили столь же ненадежной защитой для нас, какой были и для Ден Ренниона.

— Кто-нибудь из врагов еще жив? Нет? Убедитесь!

— А ну, парни, поднимите ваши задницы на стены! — громогласно потребовал Минейр.

Следом раздался суровый крик Лессая:

— Найдите своих напарников, проверьте, кто ранен, и сосчитайте убитых!

Резкий лескарский говор зазвучал со всех сторон — наемники спешили принести раненым воды, перевязочный материал и мазь. Я крепко обнял Ливак, когда она убрала в ножны свои кинжалы, и мы огляделись вокруг, ища Хэлис и Шива. Они были вместе. Хэлис одним быстрым движением оторвала его окровавленный рукав, и маг ужасно побледнел.

— На мне и то меньше швов, чем на тебе, чародей, — заметила она с грубоватым сочувствием, смывая кровь с рваной раны над его запястьем. — Не знаю, кто учил тебя держать клинок, но он оставил серьезную дыру в твоей защите. Придется дать тебе несколько уроков!

— Оставь это! Шив, иди сюда! — Торопясь к нам, Планир на ходу подхватил с земли помятую серебряную чашу; ее край теперь представлял собой неправильный овал. Верховный маг провел над ней рукой, и остатки утреннего тумана всосались внутрь, образуя лужицу на грязном дне.

— Твою руку. — Планир сжал пальцы Шива, все еще скользкие от крови. Обожженные запястья Верховного мага воспалились и кровоточили под обгорелым полотном рубахи.

Многоцветная вспышка высекала образ из поверхности воды: залив, где эльетиммы стояли на якоре, скалистый мыс в брызгах прибоя, деревья, мягко покачивающиеся на ветерке, и никакого признака ни лагеря, ни судов.

— Чтоб их чума взяла! — выругался Верховный маг. — Тонин, иди сюда!

Дрожащий ментор всмотрелся в чашу и развел руками.

— Они еще там и как-то прячутся или ушли в другое место? — попытался Планир.

Тонин снова безнадежно развел руками.

— Не могу сказать, Верховный.

— У нас в отрядах трое мертвых и горсть раненых, двое тяжело, — подошел к ним Эйрест. — Что с учеными?

Несчастный Паррайл выглянул из-за плеча Тонина, слезы оставили бледные потеки в саже на его лице.

— Они убили Кейра и Левию, ментор...

— Сколько у вас раненых? — жестко перебил его Эйрест.

— Шестеро. — Паррайл прерывисто вздохнул. — И еще двое мертвы, Алери и Мера.

Я вздрогнул. По моим подсчетам выходило, что двое из каждого трех ученых пали или ранены. А ведь я полагался на

них, на их знания, чтобы освободиться от тирании Темара.

— Что с магами? — Эйрест посмотрел вокруг и выругался.

Оглянувшись, я увидел Калиона — он стоял на коленях у неподвижного тела младшего из двух магов, что так прилежно сопровождали его на корабле; имя юноши я так и не запомнил. Когда толстяк встал, лицо его было опухшим и багровым от ярости, которая сулила эльетиммам страшное возмездие.

— Снимите Шаннет и ее девицу с корабля! — приказал Планир, опуская и руку Шива, и гадальную чашу. — Эйрест, разверни свои отряды, чтобы обезопасить лагерь, пока мы работаем. Калион, будь так добр, иди сюда. Вы с Шаннет создадите барьер и маскировку над этим местом. Можете привлечь всех, кроме меня, Узары и Шива.

Калион кивнул, его глаза запылали решимостью.

— Ничто не проскользнет мимо меня, кроме пепла, развеянного по ветру!

— И я тебе в этом помогу, — прохрипел Отрик, потирая трясущейся рукой темно-лиловые синяки на шее.

Верховный маг круто повернулся и устремил повелительный взгляд на Тонина.

— Ментор, кто твой самый сведущий ученик из тех, что еще живы и невредимы?

— Думаю, Паррайл, — нетвердым голосом произнес Тонин.

— Тогда собери остальных, ранены они или нет, и сплетите любое заклинание, которое могло бы скрыть или защитить нас от эфирной магии, — решительно приказал ему Верховный маг. — Принимайтесь за дело немедленно!

— А зачем тебе парень? — спросил ментор, вороша тем не менее свои пергаменты.

— Ты идешь вверх по реке, ученый.

Паррайл разинул рот, но Планир уже повернулся ко мне.

— Райшед, нам нужно найти ту пещеру, и быстро. Вы с Шивом возьмите корабль, возьмите Зара и столько наемников, сколько вам сможет выделить Эйрест. Эльетиммы скоро будут здесь. Раз они пересекли океан, значит, у них есть магия, чтобы справиться с непогодой, поэтому ждать их следует в любой момент. Мы с Отриком и Калионом довольно долго сможем удерживать устье, но чем скорее вы найдете колонистов, тем лучше для всех!

Я почувствовал ликование Темара, рвущегося из своего заточения.

— Конечно, Верховный, — через силу ответил я.

— Я помогу тебе ее разведать, и мы попросим у Минейра кого-нибудь из его парней, — предложила Ливак. Она держала руку Шива, пока Хэлис штопала его рану. — Иди, Раш, найди его, пока мы заканчиваем здесь.

Как мне сказали, так я и сделал. Солнце только поднималось над верхушками деревьев, а корабль уже был готов к плаванию. Я стоял на палубе, глядя на усадьбу Ден Ренниона, — ни одной головы не виднелось среди зелени, хотя я точно знал, что лучники терпеливо ждут на каждом надежном участке стены, чтобы послать смертоносный ливень стрел с зубчатых парапетов. Равно невидимая, магия Калиона окружала всю усадьбу щитом стихийного огня, как заверил меня Шив, сила Планира раскинулась под нашими ногами, а искусства Отрика парили высоко в небе на свежем ветру. Паррайл несколько раз проверил эфирный заслон, пытаясь связаться со своими коллегами, и каждая неудача только ободряла его.

— А ты уверен, что все делаешь правильно? — строго спросила Ливак, пока я старался придумать, как бы тактичнее задать этот же вопрос.

Но Паррайл не обиделся.

— Совершенно уверен, сударыня, — ответил он культурным языком Селеримы, крупнейшего торгового города Западного Энсеймина. — Я один из самых опытных практикующих этого искусства, как мы пока понимаем его, — добавил он с простодушной гордостью.

— Ты знаешь, что нужно делать, чтобы оживить этих колонистов? — поинтересовался я, стараясь не выказывать своего отчаяния.

По крайней мере Паррайл оказался старше, чем я думал сначала, увидев его младенческое лицо, выщипанные каштановые волосы и вздернутый веснушчатый нос. Печальные карие глаза ученого сказали мне, что он уже привык к такого рода реакции.

— Я продолжу изучать наши теории, пока мы плывем, — важно заверил он меня, прижав к груди богато инкрустированный сундук Тонина.

Слово «теории» содержало некий беспокойный привкус, но тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, разве этот малый не заслужил серебряное кольцо за свою ученость? Я махнул Хэлис, а та кивнула наемникам, ждущим с ней на причале. Как только они сбросили в воду канаты, удерживающие судно, я поднял руку, сигнализируя Шиву, который стоял рядом с капитаном у румпеля. С убранными парусами и выстроившимися вдоль бортов наемниками с луками наготове, корабль, бросая вызов течению и отливу, заскользил вверх по реке, сначала медленно, затем быстрее; пенный гребень у его носа мерцал зеленым светом.

— Теперь мы должны покончить с этим, да будет воля Аримелин, — пробормотала Ливак и протянула мне чашку настоя.

Я глотнул обжигающей жидкости, смакуя бодрящую терпкость трав.

— Ты уверена, что хочешь в этом участвовать? Я бы понял, если б ты решила держаться в стороне от всякой эфирной магии...

— И остаться с Планиром? Чтобы меня зарезал какой-нибудь эльетимм, возомнивший себя элдрическим человечком, или поджарил чересчур увлекшийся Калион? — Ливак покачала головой. — Лучше сыграть в руны с одним из демонов Полдриона на бесплатный проезд в Иной мир!

— А что, идея занятная, — фыркнул я и сделал еще глоток. — Но я рад, что ты со мной. Ведь пока мы плыли сюда, ты меня избегала.

— Мне было над чем подумать. — Ливак устремила взгляд на сужающуюся речную излучину. — Нужно было решить, настолько ли сильно я тебя хочу, дабы мириться с тем, что с тобой сейчас происходит.

— И ты хочешь?

— В данный момент — да. — Ее глаза оставались жесткими. — И я уж прослежу, чтоб эти проклятые чародеи сделали все возможное, окончательно и бесповоротно вышвырнули Д'Алсеннена из твоей головы.

Несмотря на всю серьезность нашего положения, я почувствовал себя абсурдно счастливым. Глядя, как речные берега скользят мимо, одновременно незнакомые мне и знакомые Темару, я мог только радоваться ее решимости, ибо мне становилось все труднее и труднее затыкать пробойны в моей защите от Д'Алсеннена.

Мы достигли ущелья, когда солнце садилось за мрачные шишастые утесы на высоком берегу. Капитан осмотрительно провел корабль в прозрачную заводь — гравий шумно заскреб по днищу.

— Куда теперь, Шив? — спросил я, как только оба мага и Паррайл подошли к нам.

— Понятия не имею. Место, без сомнения, то самое, но я не обнаружил никаких пещер. — Он пожал плечами. — Я гадал: нет ничего, совершенно ничего.

— Что-то мешает мне проникнуть под поверхность на дальней стороне ущелья, — задумчиво молвил Узара. — Что бы это значило?

— Паррайл? — Я обернулся к молодому ученому, который испуганно прижал к груди какой-то пергамент.

— Прости, — запинаясь, выговорил он, — прости, но я не нахожу ничего необычного.

— Как и следовало ожидать, раз это место укрыто от эфирной магии. — Большую часть презрения Ливак удалось сдержать. — Будем следовать руководству Узары. Берил, Тави, вы с нами!

В общем, одного слова Хэлис хватило, чтобы дать Ливак некоторую власть над наемниками, и эти двое, коих она

назвала, охотно спустились в шлюпку. Остальным надлежало охранять корабль. Я спускался не так быстро, разрываясь между страхом перед этой древней магией, чудовищным желанием избавиться от Темара и постоянной борьбой за то, чтобы не дать ему наложить свое призрачное присутствие на мои глаза и руки. У меня уже кружилась голова, когда мы подплыли к каменистому уступу, где можно было привязать шлюпку к низкорослому деревцу. Но вот мои ноги ступили на землю, и мне стало еще хуже, с каждым шагом по узкому ущелью головокружение усиливалось. Казалось, на меня давят зубчатые стены теснины, вовремя застывшие, но готовые в любой момент опрокинуться.

— Ничего хорошего, я не могу найти хоть какой-нибудь вход в пещеру, — с заметным раздражением произнес Узара.

— Тут дальше ничего такого не видно, — крикнул наемник, мужик с бычьей шеей и грубыми чертами лица, основательно подпорченного сломанным носом.

— Здесь тоже, — подтвердил его напарник, кажется, Тави, могучий борец с животом как у беременной бабы.

Ливак глянула вниз с узкого уступа и подобно горной козочке запрыгала по камням.

— Здесь все выглядит нетронутым со времен создания Мизаеном, — заметила она. — Шив?

— Что? — Маг поднял глаза от лужицы в углублении скалы, над которой колдовал. — Нет, я не вижу ничего полезного. — Шив повернулся ко мне, лицо его было до жути серьезным. — Единственный, кто найдет пещеру, — это Темар Д'Алсеннен.

Моим первым желанием было схватиться за меч, но я пересилил себя и сунул руку за пояс.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты должен разрешить Темару показать нам дорогу. — Узара скрестил руки. — У нас нет другого выхода, Райшед.

Я медленно помотал головой, не найдя слов, чтобы выкрикнуть отказ. Легко спустившись по ближайшему дереву, Ливак подошла ко мне и взяла в руки мою голову.

— Посмотри на меня, Раш, — мягко потребовала она. — Ари-мелин, спаси нас, я не хочу больше это видеть, но только отыскав пещеру, ты от него избавишься, Раш. Сэдриновы потроха, я знаю, о чем прошу тебя, знаю лучше, чем кто-либо другой, но ты должен это сделать, чтобы спасти себя.

Она права, права, будь все проклято, будь проклят тот день, когда мессир подарил мне этот злосчастный меч. Какой у меня выбор? Смерть? Если б я мог оставить Темара Д'Алсеннена заключать его собственную сделку с Сэдрином, так ли уж было бы плохо переправиться в Иной мир и посмотреть, что пред-

ложит мне новая жизнь? Я так устал, я так смертельно устал, я так измучился от беспрестанной борьбы за собственную целость, за поддержание моих разваливающихся защит против Темара. Я даже не знал теперь, кто я такой — столько всего изменилось во мне за эти сезоны. Мог ли я доверять себе? Нет. Но одно я знал наверняка: я могу доверять Ливак. Дрожащей рукой я поднес ее тонкие пальцы к своим пересохшим губам. Закрыв глаза, положил другую руку на меч и потерялся в бездонной черноте.

Рудники Кель Ар'Айена, 43-е постлета

Темар заморгал, не понимая, почему находится в вертикальном положении, и, пошатнувшись, схватился за ветку дерева, чтобы не упасть. Как случилось, что он проснулся здесь? Или это еще один из тех мучительных снов, которыми окутало его колдовство, дабы еще раз сорвать иллюзию реальности и вновь оставить его одного в темноте? Нет, это был не сон, это был настоящий дневной свет. Темар ощущал под ногами неровные камни и мокрые листья, зажатые в руке. Он чувствовал запах свежей зелени окрест и глубоко втянул в легкие теплый влажный воздух. Все это было настоящее, а вовсе не видение запретной реальности, толкающее его к безумию. Но первое ликование чувств прошло — на смену ему подкралась головная боль и предательская слабость в ногах. «Наверное, я болен», — подумал Темар, смутно вспоминая детскую лихорадку. Нет, лучше не думать о том, как он очнулся от бреда и оказалось, что его отец и братья с сестрами ушли от него навсегда и больше никогда не будут знать друг друга, даже если им доведется встретиться случайно в Ином мире.

Незнакомый голос робко заговорил рядом с ним, и Темар поморщился, не в силах понять эту быструю странную речь. Кто этот человек? Очевидно, он из какой-то далекой страны... Он выглядел лет на десять старше Темара, несколько выше его ростом, с длинными черными волосами и желтоватым лицом. На нем была любопытного покроя одежда, а под рваными остатками когда-то хорошей льняной рубахи зеленого цвета виднелась грязная окровавленная повязка.

— Темар Д'Алсеннен? — снова промолвил мужчина, теперь уже медленно.

Его акцент по-прежнему резал слух, но Темар узнал свое собственное имя. Он слегка кивнул и задал встречный вопрос:

— Кто ты?

Мужчина нахмурился, затем хлопнул себя по груди.

— Я Шив.

Темару это ни о чем не говорило, и было непонятно, почему этот чужеземец выглядит таким смущенным. На ми-

нута юноша закрыл глаза и быстро просмотрел свои воспоминания, безжалостно отпихивая в сторону хаос снов в лихорадочных поисках своих последних минут, перед тем как колдовство забрало у него разум. Ну конечно, его отправили в небытие, сотканное Высшим Искусством, чтобы он оставался в безопасности, пока не придет помощь. Резко открыв глаза, Темар угрожающе шагнул к мужчине в зеленом.

— Как я очутился здесь?

Тот беспомощно пожал плечами и посмотрел на кого-то за спиной Темара. Досадуя, что позволил захватить себя врасплох, юноша вмиг обернулся и, обнаружив, что его превосходят числом, отступил к скале.

— Мы здесь, чтобы помочь тебе, — объяснил парень на несколько лет моложе Темара; его курносое лицо под шапкой жестких каштановых волос было бледным от напряжения, в руке он сжимал книгу, из которой торчали разрозненные листки пергаментов. — Меня зовут Паррайл, я немного владею колдовством. — Парень старательно выговаривал слова, и искренность его не вызвала сомнений. — Тем, что ты знаешь как Высшее Искусство, — торопливо добавил он.

Все это было хорошо, но Темара больше беспокоили другие люди. Двое мужчин, с виду солдаты, находились дальше по ущелью, разглядывая его с откровенным любопытством, тогда как соблазнительная красotka с взъерошенными рыжими волосами стояла гораздо ближе, скрестив руки, и выражение, близкое к ненависти, горело в ее зеленых как трава глазах. Юноша невольно отпрянул от этой ненависти, не в силах припомнить, чем он оскорбил эту даму, хотя ее притязания на подобную обходительность выглядели довольно сомнительно, учитывая ее нескромные бриджи и мужскую куртку. Последним членом этой шайки разбойников был спокойный мужчина среднего роста, с редкими, песочного цвета волосами и пронизательными глазами, в длинной мантии и без оружия, насколько мог видеть Темар. Жрец? Эсквайр снова посмотрел вокруг и с некоторым облегчением понял, что только у слуг и у девицы есть оружие. Если дойдет до боя, его шансы не так уж плохи.

Темар положил руку на бедро и, ободренный знакомым ощущением меча, инстинктивно глянул вниз. От того, что он увидел, кровь заледенела в жилах. Это была не его рука. Эта была старше, шире, загорелая, с маслом, въевшимся под ногти, и сеткой белых шрамов вокруг костяшек — усердно работавшая рука, и другая такая же. Испуганно разинув рот, эсквайр вытянул перед собой обе руки, не в силах остановить дрожь. Это были

руки ремесленника, никакая дворянская кровь не породит такие крепкие, искусные пальцы. Отцовского перстня с огромным сапфиром тоже не было, но на среднем пальце виднелась глубокая вмятина, очень похожая на след от кольца.

Он сошел с ума? Поддался-таки безумию, что стерегло его в удушливой темноте заклинания? Шатаясь от ужаса, Темар упал на колени, даже не чувствуя боли от острых камней. Вид ущелья перед ним сместился, изменяясь, все искажилось, словно он смотрел сквозь дешевое треснувшее стекло.

— Ну же! — Человек по имени Шив подхватил его под руки и помог встать.

В глазах Темара прояснилось, но смятение лишь возросло, когда юноша понял вдруг, что стал выше этого человека, а не ниже. Он посмотрел вниз и увидел длинные мускулистые ноги в грязных кожаных бриджах и сапогах, гораздо более широких и длинных, чем должны были быть. Эсквайр не сомневался, что у него никогда не было такой одежды и обуви. Что же с ним случилось?

Писец, или кем он там являлся, поспешил к другому боку Темара.

— Ты под колдовством, заклинанием, наложенным на тебя госпожой Гуиналь. Мы здесь, чтобы вернуть тебя и твоих товарищей, если только найдем пещеру, где вы спрятаны.

Гуиналь! Он выхватил бесценное имя из медленных слов писца, и вся его тревога за себя отступила. Эсквайр уцепился за эту мысль. Гуиналь! Она поможет ему, она будет знать, почему он так ужасно изменился, она ответит на все вопросы, что толпятся у него в голове, угрожая и насмехаясь над ним.

— Где Гуиналь? — Мужчина с повязкой как будто услышал его мысли.

Темар стряхнул его руки и нахмурился, ощущения возвращались к его слабым конечностям.

— Что вам от нее нужно?

— Мы хотим ее вернуть, хотим разбудить, — нерешительно объяснил парень с пергаментами.

— Нам нужна ее помощь, чтобы защититься от захватчиков с моря, — добавил задумчивый мужчина в коричневом, тщательно выбирая слова, его акцент тоже казался Темару необычным. Рыжеволосая девица выпалила что-то яростное, но эсквайр не уловил ни слова из ее речи.

Писец порывлся в кармане и протянул Темару кольцо — потускневший бронзовый круг с выгравированным гербом, уже почти стершимся. Это был герб дома Ден Реннионов, кольцо, которое носит слуга, чтобы продемонстрировать свою верность и положение.

— Вахил! — Память вернулась к Темару, и хрупкая надежда протянулась мимо насмешек иллюзии. — Вахил вернулся домой? Он послал вас?

Писец по имени Паррайл заколебался, но двое невооруженных ответили хором:

— Да.

— Просить вашей помощи против людей с моря.

Внезапное воспоминание об атаке захватчиков потрясло Темара.

— Они здесь?

— Еще нет, но они на подходе, — ответил мужчина в зеленом.

— Нам нужно найти пещеру, пока они не прибыли, — добавил жрец в коричневом, шикнув на парня, который все больше и больше смущался.

Темар закрыл глаза, потер рукой по гудящей голове и в ужасе застыл, нащупав массу коротких кудрей. Они должны ему что-то говорить, понял эсквайр, — но что?

— Что со мной случилось? — страдальчески произнес он, даже не надеясь на ответ.

Рыжеволосая что-то рывкнула. Мужчина в зеленом огрызнулся на нее, но он говорил слишком быстро, чтобы Темар мог что-нибудь понять.

— Гуиналь все исправит. — Мужчина в коричневой мантии шагнул вперед и протянул белокожую руку. — Мы никому из вас не желаем зла. Мы только хотим помочь.

Дрожащей незнакомой рукой юноша сжал его тонкие пальцы. Соприкосновение с другим живым существом успокоило его. Это, несомненно, был не сон, не иллюзия, сотканная из страха и путаных воспоминаний.

— Где Гуиналь? — спросил мужчина, пристально глядя на Темара, хотя лицо его оставалось дружелюбным.

У нее найдутся ответы, немедленно сообразил эсквайр. Гуиналь будет знать, что делать. Возможно, она даже знакома с этими людьми, посланными Вахилом, из какой бы далекой страны они ни были. Он должен найти Гуиналь!

Юноша осмотрел ущелье, обескураженный тем, что оно оказалось уже и глубже, с заваленным камнями дном; среди цепких папоротников журчала и пенилась вода, устремляясь к реке. Может, это не то место? Низкие дубы мрачно цеплялись за трещины в скалах, их искривленные ветви тянулись вверх, к свету. Более тонкие ветки ясеня и лещины бросали на землю юркие пятна тени. Должно быть, зимние шторма вызвали обвалы или паводки или что-то еще, что так сильно здесь все изменило, недоумевал

Темар. С трудом пробираясь по коварному дну ручья, он

лихорадочно осматривал склоны в поисках входа в пещеру. Его грудь уже вздымалась от нарастающей паники — Темар остановился и, круто обернувшись, увидел, что его странные спутники наблюдают за ним в ожидании и лица у всех настороженные.

— Ищите, чума вас побери! — крикнул он, внезапно придя в ярость. — Помогите мне!

— Что мы ищем? — нарушил Паррайл неловкую тишину.

— Узкий уступ, ведущий к вырубленным в скале ступеням. Оттуда есть спуск в маленькую пещеру, которая тянется к большой. — Эсквайр беспомощно огляделся. — Мне трудно сказать, где это может быть.

— Думай о Гуиналь, — посоветовал раненый, пробираясь через груды камней. — Позволь своим инстинктам привести тебя к ней.

Едва он это сказал, как у Темара возникла твердая убежденность, что Гуиналь где-то рядом. Он повернулся в одну сторону, в другую, вертя головой как гончая, вынюхивающая след на ветру. Ничего не видя перед собой, он позволил этому незнакомому телу, спотыкаясь, пройти журчащий поток, пока не уперся в длинную каменистую осыпь. Эсквайр заморгал затуманенными глазами, поднял голову и увидел вдали знакомую цепь холмов, их острые очертания на фоне ясного голубого неба — задник для разбитых камней, загораживающих вход в пещеру.

— Гуиналь здесь, — беспомощно сказал Темар.

Рыжеволосая быстро вскарабкалась по узким, ненадежным уступам, потом ловко перебралась на подвижную осыпь. Кто-то из воинов полез было за ней, но сорвался и получил в награду за свои усилия лишь царапины да синяки. Девушка гаркнула на него, явно бранными словами, и солдат, покраснев, отвернулся к ручью, чтобы остудить раны в прохладных водах. Рыжеволосая медленно поднималась по длинному склону, остальные наблюдали в напряженной тишине, которую изредка вспугивал шорох гравия, скатывающийся от осторожных движений девушки. Но вот она остановилась на нескольких крупных, более надежных камнях и, посмотрев вниз, крикнула первое, что Темар понял:

— Берегите головы!

Она принялась сбрасывать камни в воду, звонкие всплески разносились эхом по каменным уголкам теснины. Вскоре на сером склоне показалась черная заплата — дыра в скале.

— Осторожней, Ливак! — крикнул человек по имени Шив, когда рыжеволосая медленно поползла в узкую щель.

Темар молча стоял вместе со всеми, глядя вверх, не слыша ни журчания ручья, ни щебета лесных птиц.

— Да, это здесь!

Лицо Ливак вновь появилось в отверстии, бледное, но торжествующее. Эсквайр уже легче воспринимал ее речь.

— Уйди с дороги, я расчищу вход! — закричал мужчина в коричневой мантии, деловито закатывая рукава.

Девушка кивнула и проворно вскарабкалась на уступ выше отверстия.

Жрец положил руку на валуны у своих ног, и неземное золотое свечение устремилось вверх по осыпи, яркое под тускло-серым гравием. Поначалу с шорохом, постепенно переходившим в грохот, камни потекли, как гонимые ветром волны. Сползая вниз, они открывали свету черную пустоту, ведущую к пещере. Заключительная рябь пробежала по осыпи, мягко подкатив несколько камней к ногам Темара. Янтарный свет поблек и совсем исчез.

Эсквайр уставился на мужчину с разинутым ртом.

— Кто ты?

— Меня зовут Узара. — Мужчина улыбнулся и отвесил энергичный поклон. — Я маг.

Темар озадаченно покачал головой.

— Я творю магию, но не как госпожа Гуиналь. Мы с моим коллегой Шивом следуем иным путем.

— Пошли. — Ливак смотрела на Темара все с той же неоправданной неприязнью. — Пора кончать с этим!

Разбитые шаткие камни превратились в твердую дорогу, и юноша поймал себя на том, что идет все быстрее и быстрее. У входа в пещеру он остановился и, прищурившись, взгляделся в темноту, но теперь привычные страхи, порожденные такими местами, казались неуместными перед лицом настоящей потребности отыскать Гуиналь. Заметив отсвет у плеча, эсквайр обернулся и протянул руку за факелом, но испуганно попятился. Бледно-желтое пламя беззаботно горело прямо на ладони мага.

— Не бойся. — Второй маг, Шив, поднял руку, и появился зеленоватый свет, как будто отражавшийся от самих камней. — Просто помоги нам найти Гуиналь.

Темар не нуждался в дальнейших понуканиях, чтобы уйти от этих странных людей с их необычными талантами. Он суматошно сбежал по грубо вытесанным ступеням, колдовской свет преследовал его, когда остальные тоже начали спускаться. У подножия лестницы эсквайр остановился и обвел взглядом огромную пещеру; сердце колотилось в груди, но силы и мужество возвращались к нему с каждым толчком крови.

Эта пещера была значительно расширена горняками, вспомнил Темар, вырублена из живой скалы, углы и грани

на ее стенах — следы от ударов кирки и топора. Неровный потолок, заросший сталактитами, напоминал застывшие волны. неподвижный воздух был не слишком холодным, но абсолютная тишина — гнетущей, и юноша поежился. Он с усилием сделал еще шаг, поскольку нежеланные спутники столпились за его спиной. Когда все разом прошли в пещеру, их шаги резко прогремели в мертвой тишине.

Заметно нервничая, парень остановился возле Темара и нерешительно огляделся. Воины недоумевающе покосились на круг света над лестницей, а двое мужчин с их колдовским огнем, который все разгорался и освещал самые дальние уголки пещеры, разошлись в стороны от входа. Никто не пошел в глубь пещеры, с удивлением отметил эсквайр, предоставив это девице, Ливак. Она сделала один осторожный шаг, потом другой и бесшумной воровской походкой прокралась по песку между тюфяками, матрасами и грубыми постелями из плащей да одеял, уложенными почти вплотную друг к другу; бледный колдовской свет парил над ее головой, освещая неподвижные тела — мужчин и женщин, еще не сформировавшихся юношей и бородатых ремесленников, цветущих дев и степенных матрон, детей, свернувшихся калачиком в бессознательном воспоминании о том первом, коротком, наполненном грезами сне в животе матери. Темар смотрел, как зеленоглазая медленно идет меж застывших фигур, и у него в затылке стало покалывать от опасения.

Большинство застывших выглядели спокойными, как во сне, у иных же лица были хмурые, перекошенные от страха и горя, хрустальная слеза блестела в уголке глаза, а рот приоткрыт в последнем протесте. На некоторых белели повязки в черных и коричневых пятнах засохшей крови. Однако эти люди не спали — на их щеках не было теплого румянца, сопровождающего здоровый отдых. Его заменяла холодная бледность, неестественная окоченелость.

Ливак легонько притронулась к щеке молодого человека и вздрогнула.

— Словно касаешься мраморной статуи, — еле слышно молвила она, и эхо разнесло ее шепот по всей пещере, взметнув его выше, в темноту потолка.

— Где может быть Гуиналь? — Паррайл робко подергал Темара за рукав, в тусклом свете его глаза казались огромными и черными.

Юноша хмуро сдвинул брови.

— Не знаю. Она оставалась последней, чтобы запечатать пещеру...

Еще не договорив, эсквайр огляделся, и его взгляд замер на одном тюфяке. Он лежал немного в стороне от сомк-

нутых рядов, уходящих в пещеру, и Темар бросился к нему; отчаянная надежда смеялась над ним, от внезапной боли на глазах выступили слезы.

— Она прекрасна! — выдохнул парень, не отстававший от Темара ни на шаг.

Не в силах вымолвить ни слова, эсквайр смотрел на неподвижную фигуру Гуиналь. Простое кремовое белье, платье из некрашенной шерсти, единственное пятно цвета — роскошные каштановые волосы, застывшие мягкими прядями на лице, таком же далеком и бесцветном, как еще более далекая луна. Хрустальный пузырек с серебряной крышкой блестел меж грудей девушки, под сжатыми руками виднелся туго свернутый пергамент. Темар погладил ее волосы — безжизненные, они не реагировали на его прикосновение, а когда-то струились, чувственные как шелк.

— Если это она, то нечего время терять! — испугала их обоих Ливак.

Она бесшумно подошла и наклонилась, чтобы вытащить пергамент из беспомощных рук Гуиналь.

— Давай, Паррайл, это твоя работа. — Девушка бросила на Темара злобный взгляд, и внезапная боль снова толкнулась в его висках.

Паррайл торопливо пролистал свою книгу и стал водить по чему-то пальцем, безмолвно шевеля губами.

— Правильно, — выдохнул он. — Думаю, я могу это сделать.

Он взял хрустальный пузырек и крепко сжал вокруг него белые пальцы Гуиналь. Развернув пергамент, неуверенно сощурился на плавный почерк, откашлялся и начал читать.

— Эйс марган арстели сестринет...

Его запинаящиеся слова эхом прокатились по огромной пещере, и ужасная слабость охватила Темара. Он беспомощно упал на четвереньки лицом к лицу с Гуиналь и увидел, что ее белая кожа посерела и под ней проступил блестящий оскаленный череп. Что-то в глубине ума юноши закричало от боли и ярости, но в следующее мгновение тот одинокий, измученный голос потерялся в вое освобожденной от телесной оболочки боли, навалившейся на Темара со всех сторон. Отвратительный дух склепа схватил его за горло, мешая дыханию.

— Нет, — просипел он, — нет, прекрати, ты убиваешь нас!

— У тебя что, нет чувства ритма? Да чтоб тебя Тримон побрал, глухня! — Ругаясь, Ливак выхватила у Паррайла пергамент.

— Эйс марган, ар стели, сесс тринет торр... — Высокий и ясный, зазвучал в пустоте ее мелодичный голос, когда она

скандировала слова древнего языка, и, сморгнув бессиль-

ные слезы, Темар услышал еще один звук. Первый вздох, слабый, нерешительный, вырвался у спящей Гуиналь, и первый поцелуй жизни вернул ее губам живой розовый цвет. Румянец согрел бледные щеки, неестественная жесткость оставила тело и одежду девушки, мягко упали складки платья, и пряди длинных волос зашевелились от ее дыхания.

Внезапно она задрожала и открыла глаза — вопрошающие и любопытные при виде склоненных над ней лиц. Никто не заговорил. Озадаченная, Гуиналь слегка нахмурилась. Затем протянула руку и коснулась лица Темара, который стоял на коленях, онемев от избытка чувств.

— Ты настоящий? Я видела тебя во сне, в далекой стране, вдали от семьи и друзей. Это еще один сон?

Темар сжал ее тонкую руку в своих ладонях, чтобы согреть озябшие пальцы девушки.

— Это не сон. Теперь ты не спишь, Гуиналь. Вахил прислал помощь, чтобы спасти нас всех!

Гуиналь рывком села, в ее глазах промелькнуло смятение. Хрустальный пузырек скатился по юбкам и разлетелся вдребезги на каменном полу. От сильного запаха духов у девушки перехватило дыхание.

— Я помню, помню! Этот сон, пещера... — Она потрясенно огляделась и вырвала руку, лицо ее искажилось страданием.

— Гуиналь! — Темар потянулся к ней, задыхаясь от слез, но ужас, с которым взглянула на него девушка, резанул его как нож.

— Кто ты? — спросила она, внезапно насторожившись, и бессознательно отодвинулась. — Чего ты хочешь от меня?

— Это я, Темар. — Юноша не понимал, почему Гуиналь его не узнает.

— Д'Алсеннен как-то воскрес в теле одного из наших спутников, — вмешалась Ливак, мельком взглянув на Темара со своей откровенной ненавистью; ей с трудом удавалось говорить медленно и внятно. — Тот меч как-то связан со всем этим, но я не очень понимаю, как. Ты должна отправить Темара обратно в его тело и молиться Аримелин, чтобы наш друг остался цел!

Гуиналь потеряла глаза, словно пыталась удалить остатки своего долгого колдовства. Подняв голову, она внимательно изучила Темара и задумалась.

— Да, теперь я вижу: глаза, жесты — все это мне знакомо, но лицо и тело чужие, неудивительно, что я не узнала тебя, Темар.

— Что ты такое говоришь? — Теперь настал его черед обороняться. — Я знаю, что немного изменился, но это все за-
кливание...

— Погляди на меня. — Гуиналь всмотрелась в его глаза, и юноша увидел удивление на ее лице. — Погляди на свои руки, — потребовала она, — пощупай свои волосы. — Она провела пальцами по жестким кудрям.

— Что ты делаешь? — огрызнулся Темар. — Разве ты не знаешь меня?

— Я знаю тебя, Темар Д'Алсеннен, знаю, как никто другой, но не в этом обличье, — ответила Гуиналь в своей прежней манере. — Ты должен позволить этому человеку вернуться, ты должен уйти обратно в свой сон, пока мы не оживим тебя, как положено. Ты сражался с заклинанием и исказил его, прорвался сквозь него, чтобы захватить разум невинного человека и украсть его тело! Этого никогда не должно было случиться.

Эсквайр боялся встретиться с ней взглядом. Он посмотрел на свои руки и увидел загорелые исцарапанные пальцы ремесленника вместо тонких аристократических рук дворянина. И сапфирового перстня-печати его Дома на них не было. Страх охватил Темара, и собственная трусость его ужаснула.

— Я не могу, не могу пройти через это снова, — прошептал он, вспоминая тошнотворное чувство падения, ощущение, будто он тонет, задыхается, а мягкие лапы колдовства похищают его разум. — Не просите меня об этом!

— Значит, ты останешься как вор в теле этого человека? — В жутком зеленом свете карие глаза Гуиналь сурово блестели. — Куда ты пойдешь? Ни на той, ни на этой стороне океана не будет места для мерзости, которой ты стал!

Темар задохнулся под плетью ее слов, слезы выступили у него на глазах.

— Как ты можешь так говорить?

Гуиналь спокойно встала, протянула руку.

— Пойдем со мной, кто бы ты ни был.

Нетвердо держась на ногах, девушка пошла сквозь ряды застывших тел. Незнакомцы, сопровождавшие Темара до пещеры, следовали чуть поодаль, рыжеволосая с устрашающим видом одной рукой шарила в своей сумке, держа другую руку на кинжале, который висел у нее поясе. Гуиналь подошла к одинокой фигуре в углублении. Этот мужчина лежал на спине, его руки встречались на груди, пальцы были загнуты вокруг пустоты. Темар посмотрел на себя, на свое худое угловатое лицо, бескровные губы, тонкие брови, поразительно черные на бледной коже, и рельефные морщины над закрытыми, слепыми глазами.

— Сотворив заклинание, мы перенесли тебя сюда, — пробормотала Гуиналь, взгляд ее стал отстраненным. — Вахил взял

твой меч, они с Ден Феллэмием попрощались со мной, а

затем я сама легла, чтобы замереть вместе с вами. — Она обвела глазами пещеру и вздохнула. — Я чувствовала себя такой одинокой, такой бесконечно одинокой.

— Теперь я здесь. — Темар смахнул злые слезы.

— Нет, тебя нет, ты не более чем дурной сон, мучающий этого человека. Ты не должен жить в его теле, не то вы оба сойдете с ума, — с абсолютной убежденностью сказала Гуиналь. — Темар, послушай меня, доверься мне. Ты должен вернуться под оковы Высшего Искусства, пока я тебя не разбуду.

— Я не хочу! Я не могу! — закричал юноша. — Как ты можешь просить меня об этом? — Переполненный яростью, он схватил девушку, борясь с неистовым желанием трясти ее, пока она не поймет.

— Ради любви, которую мы однажды разделили, — мягко ответила Гуиналь, когда затихло эхо его криков. — Это не ты, Темар, не так ли?

Эсквайр в ужасе уставился на нее, потом на странные руки, которые лежали на плечах Гуиналь; его собственные, знакомые руки оставались пустыми и неподвижными рядом с ним. Внезапно неистовое требование свободы застучало изнутри по черепу, ослепляя и оглушая его. Это ощущение быстро прошло, но Темар пошатнулся под его ударом.

— Я не могу снова встретиться с этой темнотой, — уже сдаваясь, взмолился он.

— Доверься мне.

Гуиналь положила свои прохладные пальцы на его виски, и боль, терзающая голову, немного унялась.

— Положи меч обратно в свои руки, — спокойно велела девушка. — Все будет хорошо, мой дорогой. — Она на мгновение перевела взгляд на молчаливую кучку незнакомцев, внимательно наблюдавших за ними, чтобы вселить в этих людей уверенность.

Непослушными пальцами эсквайр отстегнул меч и вложил его в бесчувственные руки тела, которое когда-то было его собственным. Слабость снова охватила его, ноги подкосились, и он опустился на колени, а Гуиналь сдавленным от слез голосом начала читать заклинание.

Крик ужаса и опустошения, который вырвался из горла юноши, погнал кровь по его жилам, но, как только слепо попытался встать, он тотчас упал ничком — и все исчезло.

Кель Ар'Айен, 43-е постлета

Я очнулся, лежа поперек тела — холодного и неподвижного как камень. В ужасе отстранившись от него, я ощутил такую слабость, словно был полуутопленным котенком. Я попробовал заговорить, но и это не удалось. Мне трудно было ды-

шать, я обхватил себя за плечи. К горлу подкатывала тошнота, меня бросало в пот, голова кружилась и звенела будто колокол. Я слотнул пересохшим горлом, ободранным криками другого человека, и сморщился от боли.

— Тише-тише, я помогу тебе. — Ливак оттащила меня к неровной стене пещеры, усадила, а сама встала на колени и, сжав мои плечи, заглянула глубоко в глаза. — Райшед?

Я кивнул, и она крепко обхватила меня, уткнувшись лицом мне в шею, и я ощутил на своей коже горячие слезы радости. Я обнял ее, сначала слабо, затем все сильнее. Дурнота прошла, и пот медленно остывал на теле в прохладном сумраке пещеры.

— Как ты себя чувствуешь?

Я сразу узнал Гуиналь, но если раньше ее голос всегда звучал ясно и понятно в моих снах, то теперь я с трудом разбирал ее медленные, переливчатые слова.

— Ничего, спасибо. — Я едва не задохнулся в рыжих волосах Ливак.

— Ты помнишь... — нерешительно молвила Гуиналь.

Я остановил ее, подняв руку.

— Да, — отрывисто подтвердил я. — Но это не важно, я не хочу об этом говорить.

Девушка виновато улыбнулась и посмотрела на Темара. Выпущавшись из объятий Ливак, я кое-как поднялся и стал изучать тело человека, с которым так долго боролся в своей голове. Ливак тоже встала и обхватила меня за талию. Темар выглядел очень юным, и я вдруг с радостью осознал, что наконец свободен от его неуверенности, его плохо управляемых эмоций и всех злоключений юности, которые, как мне казалось, я давным-давно оставил позади. Правда, этот отвратительный опыт вызвал у меня кое-какие личные вопросы, но ими я займусь потом, когда будет время. Пока достаточно знать, что я вновь — единоличный хозяин моей собственной головы.

Гуиналь ласково положила руку на восковой лоб Темара, и я вздрогнул, когда невидимые пальцы таинственно коснулись моего лба.

— Все хорошо? — спросила Ливак и случайно задела ногой кинжал на полу.

Узнав ее оружие, я нагнулся, чтобы поднять его.

— Осторожней. — Женщина торопливо забрала у меня кинжал и несколько раз вонзила клинок во влажную землю, пока сталь не заблестела, очищенная от жирной смазки.

— Что ты собиралась с ним делать? — удивился я.

— Его светлость вовсе не жаждал оставлять твоё теплое тело, дабы вернуться в своё холодное. — Ливак сердито по-

смотрела на бессознательного Темара. — Я уже была готова принять за него решение, но он сам уступил. А то пусть бы воспротивился раскладу рун с тахном в крови.

Я прижал ее к себе.

— Спасибо за заботу, но не суди парня слишком строго. — Я закрыл глаза, представив себя человеком, запертым в бесконечной темноте, отрезанным от всех ощущений. — Вкусив того, что он испытал, я уже не стану утверждать, будто на его месте поступил бы иначе.

Созерцание мира глазами Темара напомнило о силе юношеских эмоций, о том безотчетном смешении страха и импульсивности, которое в молодости довело меня сначала до переизбытка тас-сина, потом до службы у Д'Олбриота.

Ливак только фыркнула. Тем временем к нам несмело подошел Шив, а за ним и остальные. Наемники больше всех казались выбитыми из колеи.

— И что теперь? — Тави скрестил мускулистые руки над круглым животом и хмуро ощерил зубы, напоминающие ряд выгоревших домов. — Пещеру мы нашли, что дальше?

Я глянул на магов, а Узара повернулся к Паррайлу.

— Те вещицы у меня с собой. Ну, не все, конечно. Лишь те, что мы сочли перспективными, — пояснил ученый. — Попробуем кого-нибудь оживить?

Он обращался прежде всего к Гуиналь, и она ответила:

— Дай мне поглядеть.

Паррайл с готовностью отдал ей ларец и сам встал на колени, чтобы его открыть. Перебрав кольца и безделушки, девушка широко раскрыла глаза.

— Как долго мы спали?

Мы с магами неуверенно пожали плечами, но Паррайл ответил не раздумывая:

— Почти двадцать четыре поколения, насколько мы можем судить.

У Гуиналь отвисла челюсть.

— Что? Как? Я же... — Она съежилась под бременем вопросов и спрятала лицо в ладонях.

Паррайл обнял девушку за плечи, тщетно пытаясь утешить.

— Мы пришли, чтобы отыскать тебя и просить твоей помощи в борьбе с тем же врагом, что уничтожил вашу колонию. — Узара встал на колени и взял руки девушки в свои, глядя в ее полные слез глаза. — Со временем ты получишь ответы на все вопросы, но сейчас нам нужна твоя помощь. На нашей родине твое Высшее Искусство давно утрачено, и эльетиммы используют его против нас. Ты сможешь нам?

— Я... — всхлипнула Гуиналь.

— Отложи все прочее до лучших времен и подумай только об одном. — Маг говорил мягко, но в его словах слышалась настойчивость. — Нам нужна твоя помощь, чтобы не гибли больше люди от рук захватчиков.

Гуиналь дрожащей рукой вытерла слезы.

— Я сделаю все что смогу, — тихо произнесла она.

— Не знаю, стоит ли нам это затевать? — задумчиво оглядел пещеру Паррайл. — В теории-то все выглядит как нельзя лучше, но...

— А зачем мы ехали в такую даль? — Шив вытащил пергамент из книги Паррайла. — Не можем же мы оставить Гуиналь в полном одиночестве. Это список владельцев артефактов?

Паррайл торопливо встал.

— Это то, что мы собрали из снов, обобщенные образы, которые в них появлялись. Ну вот, например, та цепь: все данные свидетельствуют о том, что она принадлежала зрелой женщине с довольно заметными оспинами и...

Шив сунул ученому список.

— Читай вслух. Тави, Берил, пошли со мной, попробуем найти кого-нибудь, подходящего под его описания.

Неуверенно переглянувшись, наемники присоединились к магу. Вскоре и Узара стал вместе с ними медленно обходить пещеру, пока Паррайл зачитывал вслух краткие, часто нелестные описания людей, которых они искали.

— О дорогой, — едва заметно улыбнулась Гуиналь, — госпожа Куллам всегда предпочитала, чтобы ее называли цветущей или до родной, но не жирной.

— Ты готова это сделать? — Ливак разглядывала Гуиналь с откровенным скептицизмом.

Девушка вздернула подбородок, и искра решимости вспыхнула в ее глазах.

— Готова, но сначала мы должны разбудить как можно больше адептов Высшего Искусства. Они помогут мне вернуть остальных.

— Ты можешь показать, где они? — Я сделал шаг к застывшим телам.

— Через минуту. — Гуиналь обернулась к неподвижной фигуре Темара. — Я больше не хочу оставлять его в темноте.

Она опустилась на колени и положила свои руки на руки юноши, держащие рукоять меча. Я так сильно сжал пальцы Ливак, что она вздрогнула. Я снова ощутил призрачное прикосновение, подобное дуновению холодного ветра, но оно прошло, и возникло странное, прекрасное чувство освобождения, как только

794 Темар сделал первый, долгий, прерывистый вдох. И вот он

открыл глаза, Гуиналь привлекла его к себе, а мы с Ливак отошли в молчаливом согласии, чтобы они остались вдвоем.

— Как успехи?

Шив стоял над крошечной девочкой, держа в руке браслет с эмалевым серебряным цветком.

— Неплохо, но у нас наберется артефактов в общей сложности меньше чем для трети этих колонистов, даже учитывая те, что остались в Хадрумале. — Он покачал головой. — Нам следует быть осторожными при решении, кого оживлять. Я надеюсь, Гуиналь знает этих людей. Мне бы не хотелось разбудить ребенка, чья мать останется все равно что мертвой.

Я оглянулся на Гуиналь и Темара, еще цепляющихся за то утешение, что они могли дать друг другу.

— Она говорит, нужно начать с адептов Высшего Искусства, — сказал я.

— А ты не можешь... — Шив заколебался. — Тебе не кажется, что...

— Я помню свои сны, если ты пытаешься об этом спросить.

Я слегка усмехнулся, но, просмотрев свои воспоминания, и в самом деле понял, что того страха, который окрашивал эти образы в течение столь долгого времени, больше не существует. Я по-прежнему все помнил, но теперь это было подобно воспоминанию о некой сказке, истории, когда-то услышанной, которая случилась с кем-то другим, если вообще когда-нибудь случилась. Я прошел вдоль рядов и указал на узкокоственную женщину с темным пятном застывшей крови на белых застывших руках.

— Это Авила. Уверен, она выбрала брошь, усыпанную рубинами и розоватыми алмазиками.

— Это булавка для плаща, и на обратной стороне есть надпись, — сообщила, подходя к нам, Гуиналь. Она обнимала себя за плечи и слегка дрожала. — Это был подарок ее жениха, эсквайра Тор Силарра.

— Ты помнишь такие детали? — Паррайл набросил ей на плечи свой плащ, и девушка рассеянно поблагодарила его.

— Конечно, — улыбнулась Гуиналь. — В конце концов, это было только вчера.

Почувствовав, что рядом кто-то стоит, я оглянулся и увидел Темара. Ливак шевельнулась под моей рукой, но я прижал ее к себе, чтобы молчала.

— Я должен извиниться за свое поведение, — смущенно промолвил юноша.

Я сочувствовал его борьбе между гордыней и неловкостью.

— Нет, ты не мог ничего знать. Я не держу на тебя зла.

Я говорил совершенно искренне, хоть сам себе немного удивлялся. Испытав ужас заключения внутри моей собственной головы, я просто больше не мог винить этого мальчишку.

— Мне хочется как-то вознаградить тебя. — Темар упрямо выпятил челюсть. — Ты должен оставить себе этот меч. Это единственная ценность, которая у меня есть.

Он цеплялся за свое предвзятое понимание чести, а взгляд его был потерянный.

Я категорически покачал головой.

— Нет, прости, я не могу его принять, — сказал я дрогнувшим голосом. Выходит, я все еще не так спокоен, как думал.

— Я настаиваю...

Темар пытался всучить мне ножны, но я спрятал руки за спину.

— Он никогда не был моим, — твердо заявил я на этот раз. — Я не хочу его!

Должно быть, что-то в моем тоне убедило его. Юноша покраснел и, не сказав больше ни слова, пристегнул меч к поясу. Потом огляделся в поисках Гуиналь, которая была теперь на другой стороне пещеры в обществе все того же заботливого Паррайла, и поспешил к ней.

— Твой мессир дал тебе тот меч, — заметила Ливак, провожая Темара жестким взглядом.

— Дал, и вот к чему это привело, — мрачно ответил я.

Придушенный крик эхом прокатился по огромной пещере, и мы увидели Гуиналь, обнимающую Авилу. Пожилая женщина дрожащей рукой вытирала глаза, в другой она сжимала брошь, словно это была единственная незыблемая вещь в ее мире.

К ним присоединился обеспокоенный Шив, а Паррайл, наткнувшись на грубость Темара, сиротливо ждал в сторонке. Авилла с трудом встала на ноги и, оттолкнув руку мага, устремилась к женщине, лежавшей рядом с тремя детьми под шерстяным плащом. Слов на таком расстоянии не было слышно, но я почувствовал страх, заметив, как Шив указал сначала на одного ребенка, потом на другого и покачал головой, что-то яркое блестело в его пальцах. Паррайл подошел ближе и порывлся в своем сундучке, но и он беспомощно развел руками над средней фигуркой и женщиной.

Я вспомнил пряжку, с помощью которой Крамизак плел свои сети вокруг Каески, и кровь застучала в моих ушах. Тогда я ничего не ведал о ее значении — откуда мне было знать! — но теперь вина опалила меня. Если б я только забрал ее! Когда

теперь эта маленькая семья вновь будет радоваться сол-

нечным лучам, а не лежать в неподвижности в этом холодном каменном склепе? Внезапные рыдания Ави́лы разорвали тишину. Она спрятала лицо в ладонях, а Гуиналь, тщетно пытаясь утешить женщину, тоже плакала.

— С меня хватит! — Я круто развернулся, чтобы сбежать из мрака пещеры.

— Да, пошли отсюда, — немедленно согласилась Ливак. — Надо сообщить на корабль, что происходит, и организовать питание к тому времени, когда они начнут будить людей.

— Я не подумал об этом.

— Хэлис подумала, — усмехнулась Ливак, страх и напряжение ушли наконец из ее глаз, и они стали мягкими, как молодая листва под солнцем.

Я бодро последовал за ней наверх, к свежему воздуху и живительным лучам. Я выполнил свой долг перед патроном, магами и затерянными колонистами Кель Ар'Айена. Пусть теперь другие отвечают на вопросы, принимают решения и справляются с проблемами, по крайней мере какое-то время. Мы с Ливак поручили наемникам, которые оставались на корабле, набрать дров, настрелять дичи в окрестном лесу и приготовить еду для тех, кто выйдет из пещеры. А сами нашли укромную полянку, где я доказал Ливак, что теперь я весь к ее услугам и выполню любое ее желание.

Утром я почувствовал себя здорово отдохнувшим, чего не случилось ни разу за все последние сезоны. Ливак осталась в нашем гнездышке из одеял, а я спустился к реке, чтобы смыть остатки сна, и обнаружил Шива, склоненного над чашкой воды.

— Поймал пиявку? — спросил я с усмешкой.

— Доброе утро, Раш. — Маг поднял голову. — И как ты себя чувствуешь в собственной шкуре?

Он поморщился от собственных слов, а я засмеялся.

— Самим собой. Приятно не иметь жильцов в своей черепушке. А ты что делаешь?

— Пытаюсь увидеть поселение, но Калион воздвиг такой сильный барьер, что я не могу удержать фокус. Ну ладно, я уверен, они бы нас быстро вызвали, случись там беда.

Я согласился с ним.

— Много народу вы оживили?

— Около пяти сотен, и тебе об этом было бы известно, если б ты не ухитрился основательно потеряться прошлым вечером, — ответил Шив с вымученной улыбкой. — Это, скажу тебе, была не праздничная ярмарка. Представь, каково это — объяснять каждому, что случилось!

Корабль, стоявший на якорях, боролся с течением.

— Вам придется сделать несколько рейсов, и все равно будете набивать их, как селедок в бочку, — заметил я.

— Большинство останутся здесь — пока они слишком растеряны, чтобы что-то делать. — Шив выплеснул воду из чашки в реку. — И часть наемников остается защищать пещеру, если будет нужно, поскольку мы заберем с собой кое-кого из адептов и вместе с Планиром станем решать, что делать дальше.

— Шиввалан!

Мы оглянулись — к нам мчалась Гуиналь.

— Что случилось?

— Ты что сейчас делал, только что? — Девушка раскраснелась от быстрого бега, вид у нее был испуганный.

Маг посмотрел на чашку.

— Это называется гаданием. Похоже на ваше дальновидение, но я думаю, мы дотягиваемся несколько дальше...

— Вы также открываете свои умы для любой атаки адепта! — Гуиналь покачала головой. — Я плела свое собственное заклинание, хотела убедиться, что нигде поблизости нет захватчиков, и сразу нашла тебя, незащищенного как новорожденный младенец.

Шив скорчил гримасу.

— Значит, так они и добрались до Вилтреда.

— Кого? Не важно. — Гуиналь не скрывала раздражения. — Понимаешь, я чувствую сильное влияние Высшего Искусства вдоль побережья. Я пока не могу определить его цель, но, судя по тому, что рассказал мне ночью Паррайл, это должны быть захватчики.

— Надо как можно скорее вернуться к поселению. — Я встал, моя передышка подошла к концу. — Убедитесь, что здесь останется достаточно людей для защиты пещеры, но если Планир в беде, то нам понадобятся все отряды и вся магия, какая у нас есть.

Шив кивнул.

— Мы с Заром говорили об этом вчера вечером — думали, как эльетиммы смогут добраться сюда, если вдруг пронюхают, что мы сделали. Та, другая река — единственный короткий путь к этому хребту, поэтому мы встали с утра пораньше и перегородили ее значительно ниже по течению.

— Как вы это сделали? — удивилась Гуиналь.

— Зар двигал камни, я — воду, — ухмыльнулся Шив. — Видишь ли...

— Расскажешь ей, когда будем на корабле. — Я остановился в растерянности, ибо понял, что у меня на бедре нет меча. —

798 Нам нужно действовать... и мне нужен новый меч.

— Возьми мой запасной. — Тави протянул мне практичный меч, на мой вкус, немного тяжеловатый, к тому же испорченный парой глубоких зарубок. — Хотя куда ему до того имперского клинка, — добавил он с сомнением.

— Поверь мне, это ерунда, — заверил я наемника.

Этот меч стоил, вероятно, горсть медяков, и я принял его с удовольствием. Теперь, когда течение работало на Шива, наш спуск по реке был необычайно быстрым — у воскресших колонистов аж дух захватывало. Я заметил, что Гуиналь всю поездку говорила с Узарой — наверняка они обменивались магическими теориями; Паррайл предупредительно болтался у ее локтя, а Темар наблюдал за ними с изрядной долей раздражения. Влекомый непонятной симпатией, я направился к борту, у которого он стоял.

— Если она тебя не хочет, парень, все это не имеет значения, как бы сильно ты ни хотел ее.

— Спасибо, но я не понимаю, как это касается тебя, — огрызнулся Темар.

— Весь прошлый сезон меня это очень даже касалось благодаря твоим же стараниям. — Я упреждающе поднял руку. — Нет, я тебя не виню. Мы закрыли эту тему, не так ли? Просто я подумал, что ты мог бы извлечь пользу из ошибок, которые я совершил, будучи в твоем возрасте.

Легкая улыбка тронула губы юноши.

— Я потерял всех своих старших братьев, ты знаешь об этом?

— Знаю, а я потерял младшую сестру, поэтому мне больше нечем командовать.

Корабль бесшумно несясь по быстрой реке, а мы с Темаром стояли, опершись на борт, и разговаривали, обменивались рассказами о семье и друзьях, попутно обнаруживая, как много у нас с ним общего. Видимо, поэтому Высшее Искусство и не смогло предотвратить нашу связь. Заодно я, кажется, понял, почему мои старшие братья, Хенси и Риднер, иногда считали нас с Мисталем просто невыносимыми. Спустя некоторое время к нам присоединился Паррайл и предложил несколько теорий об эфирных симпатиях, но, должен признаться, я мало что в них уразумел. Миновал полдень, и, пройдя последнюю излучину реки, мы увидели в устье три корабля с высокими мачтами, стоящие на якоре.

— Зубы Даста! — выругался я. — Эльетиммы!

— Их должны были заметить из лагеря. — Ливак подбежала к борту, чтобы лучше видеть. — Почему никто не поднял тревогу? Во что они играют?

Дым бивачных костров лениво тянулся в небо из-за стен усадьбы. Я видел часовых, патрулирующих стены, — они небрежно держали луки на плечах, словно вообще не видели ничего неладного.

— Это охранное заклятие, очень мощное. Кто-то на тех кораблях использует Высшее Искусство, оно способно заставить любого, кто выглянет из вашего лагеря, видеть только то, что он видел раньше. — Гуиналь уже стояла возле меня, лицо ее было бледным и решительным. — Глядите, должно быть, заклинание скрывает тех солдат, вон там. Они высадили людей для внезапной атаки.

Теперь и я увидел небольшие отряды в черных мундирах, тишком пробирающиеся через подлесок, дабы окружить ничего не подозревающих магов.

— Сэдрин их всех побери! — выругался позади нас Шив.

Он смотрел на далекий холм, а вокруг его рук слабо светились зеленые ореолы. Остальной магический свет Шив подавлял, чтобы не выдать нас эльетиммам, засевшим ниже по реке. — Плохо дело, я не могу ни с кем связаться.

— Мы дуем против ветра, пытаюсь пройти защиты Калиона, — с досадой произнес Узара. — Недаром он — мастер Очага.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — повернулся я к Гуиналь. — Можешь снять это охранное заклятие? Или заставить наших людей видеть то, что есть на самом деле?

Она оглядела берега дальше по течению и далекие суда.

— Пока я не найду того, кто это делает, я не смогу бороться с заклятием. И даже тогда их Высшее Искусство может оказаться слишком сильным, если несколько их адептов работают одновременно, — нахмурилась девушка. — Нам нужно сделать нечто такое, к чему они не готовы. Единственный способ вынудить их сбросить заклятие и выдать себя — это захватить их врасплох, а они ждут Высшего Искусства и защищены от него. Я вижу это по тому, как они обманывают охранные заклятия, которые друзья Паррайла пытаются сохранять. Кто бы ни делал это, он — мастер иллюзий.

— Тогда попробуем что-то менее изощренное.

Узара перевел дух и послал в реку копье охровой магии. Вода взбаламутилась, закипела, ил и водоросли закружились в водовороте, поднимаясь с речного дна.

— Преподнесем им кое-что, чего они не ждут.

— Дай помощи.

Шив протянул руки, и тусклый, желтовато-зеленый свет загорелся в глубине. Внезапно этот грязно-зеленый клубок

понесся вниз по течению прямо к эльетимским кораблям. А когда приблизился, массивная фигура изверглась из воды в шуме брызг и ключьях пены. Если я думал, что морской змей в Архипелаге огромен, то он был червяком-наживкой по сравнению с чудищем, которого эти двое сотворили из ила и магии. Поднявшись из воды выше самой высокой мачты, оно грохнулось на палубу, разбив судно пополам. Когда чудовище снова высунуло тупую голову, чтобы выхватывать из воды барахтающиеся фигуры, рваная обшивка торчала из его боков. Оставшиеся корабли срочно рубили якоря, канаты змеились в воде, паруса конвульсивно хлопали, а чудище нырнуло обратно в воду и снова встало во весь рост между судами и их спасением в открытом море. Скользнув по поверхности реки, огромное животное со всей силой ударило в борт одного корабля и чуть не опрокинуло его. Во все люки хлынула вода, а хвост чудовища тем временем безжалостно хлестал по последнему судну — разбитый рангоут оказался в воде.

— Маги не оставят корабелов без работы, верно? — крикнула откуда-то из-за спины Ливак. Я услышал одобрительные возгласы наемников, готовящихся к бою. — Это должно было привлечь всеобщее внимание!

— Дай мне что-нибудь блестящее, быстро! — закричал ей Узара. — И свечу, и то, что будет гореть.

Маг, щелкнув пальцами, зажег лучину и поднес магическое пламя к оловянному нагруднику какого-то наемника, затем установился в отраженный свет.

— Отрик, ответь мне, демоны тебя раздери!

— В чем дело? Зар, это ты? — Недоумение старого мага ясно слышалось даже в этом колеблющемся заклинании.

— Вы не видите корабли? — закричал Узара. — Заставь Калиона сбросить его проклятый барьер, чтобы я мог нормально поговорить с тобой!

— Эльетимские корабли! Сэдриновы потроха, откуда они взялись...

— Они высаживают отряды, чтобы напасть на вас! Готовьтесь к защите стен! — крикнул Узара, когда отражение замерцало и потускнело.

— Цельтесь в любого, у кого на шее металлическая цепь! — проревел я в ту минуту, как свет угас. — Думаешь, они услышали?

У мага лицо было искажено ужасом.

— Что-то случилось с Отриком!

При виде хаоса вокруг кораблей эльетиммы перестали красться и ринулись на штурм усадьбы Ден Ренниона, зычные боевые кличи звучали над водой.

— Высади нас на берег! — закричала Ливак капитану.

— Мы можем контратаковать, — сказал Берил, посоветовавшись со своими товарищами наемниками.

— Пустите нас туда, эсквайр, — уговаривал Темара один из колонистов, остальные кивали в знак согласия. — У нас с этими гадами свои счеты!

Мелькнул зигзаг молнии, и все замолчали. Черные тучи закрубились из ниоткуда — копыа магии ударили вниз, раскидывая тела в черных мундирах. Опаленная растительность весело горела. Когда одно отделение попыталось затоптать пламя, волна малинового огня выскочила из-под земли, жадно схватив ближайшего эльетимма за руку. Несмотря на огромные усилия сбить пламя, огонь не только сжег несчастного до костей, но и перенесся на тех, кто бросился ему на помощь; от смельчаков остались лишь обугленные кости. Крики страха и боли раздавались со всех сторон, заглушая воинственные кличи.

— Думаешь, им нужна наша помощь? — поделился своим сомнением с дружкой один из наемников.

— Там! Он там! — Гуиналь бешено замахала рукой, указывая на другой берег реки, где высились развалины сторожевой башни. — Их знаток Высшего Искусства — он там!

— Мастер, вы можете доставить нас к тому причалу? — крикнул я капитану. — Мы должны высадиться быстро, чтобы нас не порубили на куски!

— Предоставь это нам.

Шив кивнул Узаре, и огромный змей исчез, оставив горстку пловцов бороться с отливом среди плавающих обломков. А наш корабль заскользил по воде да прямо по раскрытым илистым отмелям, пока не врезался в подмытый рекой берег. Наемники прыгали через борт на сухую траву; она вскоре заалела от крови эльетиммов, бегущих вниз отражать нападение.

После первого успеха наша атака внезапно захлебнулась. Горсть воинов упали на колени. Воздух вокруг стал тяжелым, как перед грозой, и я подумал: уж не наши ли это маги что-то творят? Затем одна женщина, Джервис, подруга Хэлис, с трудом поднялась на ноги, и я увидел, что ее глаза черны как деготь.

— Дрианон, прости меня!

Шепча свою молитву, Ливак метнула дротик сильно и точно, и Джервис пала наземь прежде, чем успела опустить свой меч на голову стоящего рядом мужчины. Другим не так повезло, и несколько колонистов, столько времени проводивших в ожидании, были отправлены прямо к двери Сэдрины неожиданным ударом сзади. Задыхаясь от ненависти, я обрушил

свой тяжелый кулак на виновника этих смертей и оставил его на земле истекать кровью.

— Трор мир'ал, эс нар'ан. — Где-то рядом Гуиналь начала лихорадочное скандирование. — Паррайл, повторяй за мной, и без остановки, если дорожишь своим рассудком!

Когда два голоса объединились в этом своеобразном ритме, чувство давления исчезло, и мы с новой силой и горькой яростью ринулись в атаку.

— Ищите командиров, людей с золотом или серебром на шее! — услышал я крик Темара.

Дротики засвистели у меня над ухом. Любой с цепью, кого смогла узреть Ливак, падал на месте. Услышав ее быстрый шепот, я оглянулся.

— Что ты говоришь?

— То же, что она, — ответила Ливак между повторами. — Хуже ведь не будет, верно?

— Он там! — Таща за собой Паррайла, Гуиналь дернула меня за рукав и показала на заросшее ползучей зеленью основание сторожевой башни. — Он там, внутри.

— Темар! — Я указал на башню и огляделся. — Тави, Берил, со мной!

— Поддерживай защитное заклятие, что бы ты ни делал. — Гуиналь отпустила руку Паррайла, и я заметил синяки от ее пальцев. — Теперь все в твоих руках. А я должна перекрыть источник этого Высшего Искусства.

Не обращая внимания на опасность, она побежала к башне. Мы с Ливак держались по бокам от нее и с боем пробивались через схватку. Когда мы уже добрались до входа, откуда-то сзади Узара послал вспышку магии — дверной проем превратился в грудь щепок и рваного камня. Я и Темар на мгновение отшатнулись, потом с удвоенной энергией атаковали башню. Те, кто вышел нам навстречу, пали быстро, и я поймал себя на том, что знаю каждый шаг, который Темар намеревался сделать. Мне показалось, что и он так же легко предвидит мои движения. Когда я бросился в сторону, а какой-то эльетимм ринулся за мной, меч Темара уже вываливал его кишки на пыльный пол. Когда второй мерзавец подумал, что может обрушить свой клинок на вытянутую руку Темара, я уже был готов вогнать свой грубый меч ему в голову, а выдернув его, двинуть рукоятью в лицо колдуна с цепью на шее, который надеялся встретить отступление Д'Алсеннена. Остальная охрана лежала в крови, настигнутая мечами тех, кто был рядом с нами.

— Наверх!

Прижавшись спиной к стене, Гуиналь не спускала глаз с балок над головой. Ливак ждала рядом, готовая защищать ее, но никто из противников не мог пройти мимо Берила и Тави, вставших на пороге. Залитые кровью, своей и чужой, эти здоровяки с мрачной целеустремленностью срубали каждого эльетимма, пытающегося искать убежища внутри башни.

— Пошли. — Темар поставил ногу на нижнюю ступеньку винтовой лестницы, проходящей внутри стены.

Я бросился к нему, и, подняв мечи, мы взбежали по узким ступеням, готовые убить каждого, кого обнаружим, но внезапно врезались в невидимый барьер; от удара мой череп пронзило болью. Хватая ртом воздух, я устоял в пустую комнату, не веря собственным глазам.

Это был он, жрец из владения Шек Кула — Крамизак, сбежавший подонок, который оставил меня наблюдать за мучительной смертью Каески. Он сидел, спокойный, в круге жуткого сияния, издевательская усмешка играла на его тонких губах. Раздетый по пояс, колдун снова был покрыт символами, поразительно черными на белой коже.

— Тобоя я займусь позднее, тормалинец, сейчас у меня на крючке более крупная рыба.

Я с ненавистью посмотрел на него и жестом велел Темару проверить круг с другой стороны. Как оказалось, мы свободно могли двигаться вокруг колдуна, но достать его было невозможно: даже прикосновение меча к зловещему свету вызывало стреляющую боль в руке. Медленно идя по кругу, я посмотрел за реку — как там идет бой. Стены лагеря были обвиты алым пламенем. Должно быть, Налдет или Калион подожгли все ползучие растения — значит, наши дела не слишком хороши. Где же Отриковы молнии, разбившие в пух и прах все амбиции эльетиммов в прошлом году?

— Это защитное заклятие. Очень сильное.

Гуиналь стояла наверху лестницы, выглядывая из-за плеча Ливак. Сейчас как никогда остро я почувствовал, чего стоит Ливак вновь очутиться лицом к лицу с эльетиммской магией, от которой она столько претерпела. Внимание Крамизака на миг ослабло, и круг посветлел, но Гуиналь подняла руку в сопровождении плавного потока слов, и все усилия колдуна, направленные против нее, оказались бесполезны.

— Ливак, ты мне доверяешь? — Гуиналь шагнула в сторону, не отрывая глаз от эльетимма. — Поверь, я могу справиться с любым его приемом. Держи меня за руки, повторяй за мною слова

804 и знай, что он не в силах коснуться нас.

Выпучив от страха глаза, Ливак взяла бледные тонкие кисти девушки в свои загорелые крепкие руки и стала повторять ее магическое скандирование. Древняя речь Гуиналь, не звучавшая в течение многих и многих поколений, слилась с голосом Лесной крови Ливак, ритмом песен, услышанных ею в детстве от давно пропавшего отца и давших ей нить к утраченной волшбе.

— Нет, ты не можешь! — с возмущенным криком вскочил на ноги Крамизак, а его круг замерцал и погас.

Схватив с пола булаву, колдун бросился на Гуиналь. Я рванул наперерез и отбил своим зазубренным клинком занесенное над девушкой оружие. Эльетимм плюнул мне в лицо, но промахнулся и, выругавшись на своем языке, зашипел уже знакомое мне скандирование. Я напряжился, однако ничего не произошло — голова не кружилась, и никакие когти колдовства не раздирали мозг.

— Дочь шлюхи и мать паразитов! — Крамизак снова попытался напасть на Гуиналь, но я отбросил его к стене мощным ударом в живот.

— Пришло время для честного боя, поганый ублюдок, — услышал я собственный голос. — Мы не закончили наше дело, дерьмо вонючее!

— Я их прикрою.

Темар кружил теперь позади меня, дабы Крамизак не смог добраться до Гуиналь и Ливак, даже если он ускользнет от меня.

— Я захватил тебя однажды, слуга принца. И сделаю это снова, — зарычал колдун и обеими руками поднял булаву.

Не сегодня, подумал я, жестко отбивая его быстрые удары. В какой-то момент, отбросив окованную железом булаву, я оставил длинную рану на его руке. От вида собственной крови Крамизак еще пуще взбесился и пошел на меня с намерением нанести шквал яростных ударов. Но, несмотря на всю его свирепость, я с легкостью ускользал от колдуна. Казалось, он совершенно не способен предугадать мои движения и, вместо того чтобы защищаться, сам подставлялся под меч. Я снова ранил его, глубоко, выше локтя, что значительно ослабило его удары. Крамизак все же изловчился и огрел меня булавой по ноге, но при этом открыл для удара свой бок, и я проткнул его до самых ребер. Я продолжал наносить удары, вкладывая в них всю свою силу.

Он сражается с Темаром, вдруг догадался я. Крамизак не понял, что за моим мечом в нашей битве перед Шек Кулом был разум другого человека. Он сражается с Темаром, а проигрывает мне. Чем бы ответил Темар на тот выпад, подумал я. Он бы парировал, только так. Я шагнул в другую сторону и, обедев

свой дешевый меч вокруг булавы Крамизака, вонзил его в горло колдуну. Рукоять заскользила в моих ладонях от сгустков его крови; неверие в его глазах угасло, и он упал лицом вниз. Как только прекратились последние судороги, от его тела стал исходить слишком хорошо знакомый мне отвратительный запах смерти. Я наклонился и срезал с трупа пояс со старинной пряжкой.

Снаружи громко закричали наемники. Я шагнул к разбитому окну — узнать, что происходит. К моему безмерному удивлению, те эльетиммы, что все еще держались, побросали свое оружие и с поднятыми руками падали на колени, явно моля о пощаде, которую наемники давали намного охотнее, чем колонисты, убивавшие всех подряд, кого могли достать, пока наемники их не остановили. На другом берегу костры вокруг усадьбы внезапно потухли, и Шив исчез в лазурной вспышке света, а сбившиеся в кучку колонисты, коих он защищал стрелами молний, в недоумении таращились друг на друга. Минутой позже маг появился рядом со мной, его грудь вздымалась.

— Все кончено? — спросил я.

Темар подскочил к нам, а Ливак все еще сжимала руки Гуиналь, стоя наверху лестницы.

— Пока да!

Исторгнув торжествующий вопль, Шив обнял меня, и я без колебаний ответил ему тем же, прежде чем побежать к лестнице, чтобы обнять и крепко поцеловать Ливак.

ГЛАВА 11

Письмо из семейного архива Дома Ден Реннионов, Бремилейн

От Лайала, сьера Ден Ренниона, Ингарету, мессиру Ден Периналю, посланное с Милралем Арманом, человеком среднего роста, с рыжими волосами и голубыми глазами, шрамом на правой руке и клеймом конокрада на левой.

Дорогой мой кузен!

Я пишу тебе, дабы сообщить печальное известие: мой уважаемый отец Вахил, прежний сьер этого Дома, был принят милостью Сэдрина в 44-й день предлета. Прошу, передай эту новость твоей матери, моей любимой тетушке госпоже Эльсир, как ты сочтешь нужным, учитывая ее возраст и немоощь. Предоставляю тебе самому решить, сказать ли ей, что последние слова отца были об их родителях, друзьях его юности и скорби из-за невыполненной клятвы. С сожалением должен отметить, что последняя доставила ему немало горя и страданий, а потому я заверил его: когда позволят обстоятельства, постараюсь отыскать их погибшую колонию, о которой твоя мать тоже до сих пор вспоминает.

Между нами говоря, я могу лишь молиться, чтобы Сэдрин сумел успокоить отца, иначе его безутешная тень будет бродить по нашим залам в течение будущих поколений. Наше положение не столь отчаянное, как у некоторых, но скорей Мизаен остановит луны, чем у меня появятся средства для того, чтобы гоняться за несбывшимися мечтами старика, руководствуясь лишь полузабытыми рассказами да отрывочными записями. Сражения пока минуют нас, и я веду переговоры с различными Домами в поддержку сьера Д'Алеона. Я бы оценил твои мысли по этому поводу и, конечно, любые заверения в военной помощи, которую ты мог бы нам предоставить, если ситуация в ваших краях станет более спокойной. Возможно,

тебе будет интересно также узнать, что сьер Д'Истрак обратился ко мне с предложением о помолвке моей дочери Киндры с его старшим племянником. А как твои переговоры с Девуаром?

Кель Ар'Айен, 22-е предосени

— Все готовы ехать? — Шив неторопливо спускался по причалу, небрежно забросив на плечо вещевой мешок.

— Думаю, да.

Я оглянулся на ворота усадьбы Ден Ренниона, теперь расчищенные и наскоро починенные. Хэлис и Ливак стояли у стены и о чем-то говорили. Наемница была в своих повседневных бриджах и куртке, и я провел рукой по карману, дабы проверить, на месте ли пергамент с отзывом Хэлис о лечении ее ноги. Если я хочу вернуть свою клятву, то должен представить сьеру полный отчет.

— Я немного удивился, когда Хэлис сказала, что остается, — заметил Шив. — А как Ливак к этому отнеслась? Ведь они долгое время были близкими друзьями?

— Для Ливак главное, чтобы Хэлис была счастлива, — пожал я плечами. — Конечно, ей грустно, и она, как могла, старалась отговорить ее, но когда все руны брошены, решение все равно останется за Хэлис. Ливак не может отказать ей в этом.

— А ты знаешь, почему она остается? — полюбопытствовал Шив. — Мне не хотелось допытываться.

— Хэлис говорит, ей надоело сражения в Лескаре, надоело каждый сезон терять друзей только ради того, чтобы сгрести все руны обратно в мешочек и вытаскивать снова на следующий год. Я ее не виню. По этой же причине и мой друг Айтен предпочел убраться из междоусобных войн. Хэлис думает, будто нашла место, где ее навыки могут пригодиться, и уверена, что сражается за стоящее дело.

Я состроил гримасу. Где бы мне найти теперь такое дело? И имя Айтена вновь отозвалось во мне тупой болью.

— Надеюсь, в этом году ей уже не придется воевать, — вздохнул Шив. — Пока мы не доставим сюда больше людей, они будут страшно уязвимы.

Я показал на стены усадьбы, где мастера восстанавливали зубчатый парапет.

— Почти все наемники остаются и должны успешно пережить зиму вместе с колонистами, которых мы смогли оживить. Они заставили пленных работать, строить дома и укрепления, а также запастись съестным, так что они неплохо подготовились.

— А все-таки странно, что их столько сдалось. — Шив покачал головой. — Откуда нам знать, что среди них нет кол-

дунов?

Я пожал плечами.

— Гуиналь в этом уверена. Она распарывала их мозги на части, стоило лишь эльетиммам бросить хотя бы косой взгляд на кого-нибудь. Паррайл говорил, что все это связано с иерархией власти в эльетиммской культуре. — Я спародировал серьезные интонации молодого ученого. — Когда их вождь умер, им ничего не оставалось, как покориться вождю-победителю.

— Что-то мне с трудом верится, — хмуро пробормотал Шив.

— Ну почему же? Вспомни их острова. Это тебе не Лескар, который год за годом можно рвать на части, а многие на этом наживаются и делают все, чтобы война продолжалась. Если б эльетиммы сражались как лескарцы, через пару сезонов им бы пришлось жевать голый камень и запивать его холодным морем.

— Возможно. — Маг не выглядел убежденным.

— Пленники не представляют угрозы, Шив. Если завтра они все умрут от лихорадки, колония справится и без них.

Я бы не огорчился, если б они умерли, мысленно добавил я, в какой-то мере разделяя опасения Шива.

— Нет, зимой тут будет безопасно. В этом году эльетиммы уже не смогут пересечь океан. А после потери экспедиции они должны сто раз подумать, прежде чем весной пускаться в плавание, даже если знают, что здесь случилось, в чем я лично сомневаюсь.

— Кто-нибудь нашел объяснение, откуда у тех ублюдков копии древних тормалинских карт этого места, составленных Ден Феллэмионом или как там его звали?

— Нет, я не слышал. — Я прикинулся беззаботным, не желая думать о просьбе Планира использовать мой возможный новый статус, чтобы провести расследование от имени мессира. — Не думаю, что это важно.

— Надеюсь, ты прав, — вздохнул Шив. — Но одно преимущество над ними у нас все же есть. Мы можем пересечь океан в холодное время года, хотя, Тримон свидетель, я совсем не жажду делать это без помощи Отрика или Вилтреда.

— Дастеннин, даруй нам безопасный переход! — Я тоже был не в восторге от предстоящего плавания в пасти осенних штормов.

— И что ты будешь делать? — Шив порылся в кармане и вручил мне маленький кубок-рог. Маг наполнил его водой, от которой вскоре пошел пар. — Ну давай Расскажи мне, — уговаривал он, опуская в кубок муслиновый узелок, благоухающий травами. — Я видел, как ты говорил с Планиром, что он тебе сказал?

Я отдал Шиву его настой.

— Кажется, Верховный маг дал твоему старому другу Казуелу письма для передачи мессиму, прежде чем мы пус-

тились в плавание. Во всяком случае, Каза попросили остаться, чтобы Планир мог сообщить мессире об успехе или неудаче наших поисков.

— И?

— И мессир считает, что меня следует повесить в звании от присягнувшего до избранного, — сухо промолвил я.

— Но это честь, не так ли? — с сомнением спросил Шив, видя выражение моего лица.

— Так, если я решу принять его, — кивнул я, все еще глядя на Ливак, обнимающую Хэлис. — У меня будет время подумать, пока мы плывем домой. А у тебя не найдется еще такой чашки? — Я не собирался обсуждать этот вопрос ни с кем, пока не обговорю все с Ливак. — Сам-то ты что будешь делать?

— Ты имеешь в виду после того, как свожу Перида в Кол на Равноденствие? — усмехнулся Шив, отдавая мне свой настой, но, когда он стал делать себе другой, внезапно посерьезнел. — Планир засадит всех магов, способных думать, за проверку наших знаний об эфирной магии, прости, Высшем Искусстве — полагаю, теперь нам следует называть это так. И будет грозить огнем и потопом всем ученым, университетам и храмам, если они не передадут нам все, что знают даже о малейших незначительных обрядах. Сэдрин свидетель, эта победа нам дорого обошлась.

— Предсказания Вилтреда не очень-то ему помогли, верно? — заметил я. — Вот тебе и его видения нашего славного будущего.

— Предсказания сбываются тем точнее, чем они ближе по времени, — пожал плечами Шив. — Предупреждение об эльетиммах было абсолютно ясным. Он бы наверняка погиб, если б остался.

Может, и так. Я колебался, но все же решил спросить Шива кое о чем, что давно меня беспокоило.

— Те видения — дворец, отданный на разграбление, а потом все мы, разодетые в шелка и бархат, — были настоящие? Не просто какой-то трюк, чтобы заставить меня исполнить клятву, или что-то для искушения Ливак, если б вам удалось заставить ее смотреть?

Шив резко оглянулся.

— Ты так подумал? Нет, Райшед, то были подлинные видения, даже если им не суждено было сбыться. Ладно, я, конечно, надеялся, что перспектива азартной игры за столом ссера привлечет Ливак, но я бы никогда не стал подделывать такие вещи. Я знаю, что ты — человек чести, а что я за маг, по-твоему?

Суэта у ворот усадьбы избавила меня от ответа. Мы смотрели, как медленная процессия спускается к причалу, пять носилок покачивались на руках мрачных наемников, шестые несли Планир, Калион, Узара и Налдет.

— Отрик хоть раз пошевелился? — тихо спросил я Шива.

Маг скрипнул зубами.

— Нет, ни разу с тех пор, как тот эльетиммский мерзавец пытался отнять у него разум. — Вода в моем кубке внезапно забурлила.

— А как рука Калиона?

Толстяк явно испытывал боль в туго забинтованных костяшках, в ту минуту как маги с помощью матросов поднимали свою хрупкую ношу на борт. Вся ученость Калиона не предупредила его о том вреде, что может нанести себе человек, лишая сознания даже коротышку вроде Отрика одним ударом кулака.

— Гуиналь почти все ему залечила. — Шив выдавил улыбку. — Похоже, наш уважаемый мастер Очага по-прежнему будет доминать своих учеников бесконечными концертами на флейте. Но это небольшая цена за спасение Отрика. Надеюсь только, что мы найдем способ оживить старого пирата, вернуть его в чувство.

За носилками семенила тщедушная старуха, древняя чародейка Шаннет, сжимая в своих тонких как палки руках простую урну с неброским серым украшением.

Новая мысль осенила меня.

— А кто расскажет Меллите о Вилтреде? — Я надеялся, что Верховный маг лично посочувствует ей.

— Калион предложил доставить ей урну, так как у Вилтреда нет другой семьи.

Голос Шива был неуместно едким, но я хорошо его понимал, только удивился, зачем Планир предоставляет Калиону возможность посетить известную горожанку столь крупного города, где он, без сомнения, выклянчит приглашения, чтобы встретиться с самыми влиятельными лицами Релшаза.

— А по-моему, Меллита и Калион — два сапога — пара, Шив.

— Может быть. — Маг слегка улыбнулся.

— А как остальные раненые? — Я смотрел на наемников, бережно передающих на борт судна носилки с недвижимой Джервис. — Что думает Гуиналь?

Стройная девушка, закутанная в теплый плащ Узары, как раз давала Паррайлу пачку инструкций.

— Она говорит, надежда есть. Надо лишь найти правильный подход.

— Помогите вам Дастеннин найти его! — с жаром воскликнул я.

— У какого-то божества явно скверное чувство юмора, — удрученно сказал Шив, — коль он позволил случиться подобному после того, как мы прибыли сюда крайне своевременно, чтобы сорвать атаку.

— Гуиналь считает, все было наоборот. — Узара, грустный и усталый, присоединился к нам. — Она думает, эльетиммы пошли на штурм, как только поняли, что мы подходим.

Шив пожал плечами.

— Какая разница. Так ты остаешься или едешь с нами, Зар?

— Планир хочет, чтобы я вернулся в Хадрумал, и я обязан выполнить его волю, — сухо ответил Узара, неотрывно следя глазами за Гуиналь, которая шла по причалу обратно к воротам. — А это не тот человек, с коим можно спорить.

— Я слышал, Налдет пытался возражать, чтобы не оставаться здесь, — засмеялся я.

— Не думаю, что реакция Планира показалась Налдету очень забавной, — строго посмотрел на меня Узара.

— А Чемри выглядит довольной, — заметил Шив. — Я думаю, она по горло сыта честью быть последней ученицей Шаннет.

— Насколько я понимаю, ментор Тонин не смог убедить Гуиналь поехать с ним в Ванам. А как твои успехи с ней, Зар? — спросил я с бесстрастной миной.

Узару выдал густой румянец.

— Не твое дело, Раш. Нет, я согласен с Гуиналь. Конечно, она должна остаться здесь, хотя бы ради безопасности тех, кого мы еще должны оживить.

— Стало быть, ты вернешься сюда, как только найдешь для нее решение, так? — поинтересовался Шив.

— Я, или Паррайл, или кто-нибудь другой, кто найдет заклинание, которое нам нужно, — отрезал Узара.

— Не думаю, что у тебя будет много соперников. — Шив ободряюще похлопал его по плечу.

Я промолчал. Гуиналь тактично не замечала явного обожания со стороны Паррайла — и ради этого парня, и ради Темара, мужественно пытающегося скрыть свою ревность. Теперь я увидел его: эсквайр сидел на пустой бочке, с лицом, напоминающим отшлепанную задницу, и смотрел, как его любовь уходит от него. Я вспомнил страдания собственной юности.

— Извини меня, — хлопнул я Темара по плечу. — Ты уже принял решение?

Он поднял глаза.

— Что я буду делать, если поеду с вами? Давать эту твою клятву сыеру Д'Олбриоту? У меня нет ни Дома, ни Имени, куда возвращаться.

— Как раз для таких людей, оставленных на произвол судьбы в Хаосе после падения Империи, и была придумана эта клятва, — объяснил я, несколько удивившись сему факту. Некоторые из современников Темара были, вероятно, первыми, кто ее давал.

Слабая искра интереса разогнала мрак в глазах Темара.

— В самом деле?

Я кивнул.

— Сьер предлагает безопасность, человек в ответ клянется в верности.

Эхо зазвучало в моей голове, эхо слов мессира, высокого и далекого, глядящего на меня с помоста. А я стоял тогда на коленях, и мои ответы отскакивали от каменного пола. Я предлагал ему мою честь, и по обычаю мы были одни в огромном зале.

— Как стены мои укроют тебя...

— Так меч мой защитит тебя...

— Как пища моя укрепит тебя...

— Так сила моя послужит тебе.

— Как очаг мой согреет тебя...

— Так кровь моего сердца — твоя.

В этом суть дела, не так ли? Эти слова мне придется взвесить, когда я буду оценивать верность мессира его клятве против моих собственных действий.

Оклик, донесшийся с воды, прервал мои раздумья.

— Тебе пора решать, — мягко сказал я.

— Что? Да, я знаю. — Темар тяжело вздохнул.

— Что решать? — Ливак подошла к нам и подлезла под мою руку.

— Остаться мне или поехать?.. — Темар посмотрел на нее.

— Брось руну, — пожала плечами Ливак. — И потом, какое решение не будет последним, не так ли? Поехали с нами в Зьютесселу. Мессир Д'Олбриот пригласил тебя, верно? Не понравится, вернешься сюда с первым же кораблем.

— Который будет не раньше весны будущего года.

Я подумал, что нужно добавить нотку практицизма к веселой беззаботности Ливак. Я посмотрел на нее, на ее нелепую шерстяную шаль поверх куртки и бриджей.

— Я знаю, что много прошу, моя дорогая, и я не жду ответа сразу, но не могла бы ты все же надеть юбку, когда в первый раз встретишься с моей матерью?

СОДЕРЖАНИЕ

Игра воровки	5
Клятва воина	363

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Маккенна Джульет Э.

Игра воровки

Клятва воина

Фантастические романы

Редактор В.Н. Науменко

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Т.В. Сафаришвили

Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва,
г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Эйнаринн.

Мир, которым правит магия — магия, подвластная лишь избранным великим мастерам, живущим на загадочном острове Хадрамал.

Мир, где прошлое и настоящее сплелись в опасной игре, которую, сама того не зная, начала смелая воровка, укравшая один из величайших магических артефактов древности...

Мир, который в силах спасти от зловещей Силы эльетимов — магов Ледяных Островов — лишь бесстрашный воин-одиночка, поклявшийся некогда отомстить эльетимам за смерть друга...

«Чудесно! Умная речь, точная мысль».

Джулия Джонс

Игра воровки
Клятва воина
Удача игрока

Долг воина
Лезвие убийцы

ISBN 5-17-019629-6

9 785170 196296